

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМ II. Книга 1
(Киевская и Московская Русь)

Составители *А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2002

ББК 63.3(2)46–7
И 32

Федеральная программа книгоиздания России

ц 32

Из истории русской культуры. Т. II; Кн. 1: Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 944 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-7859-0142-0

В настоящем издании собраны работы, посвященные различным аспектам истории Киевской и Московской Руси. Труды, вошедшие в сборник, создавались на протяжении последних полутора столетий. Некоторые из них успели стать библиографической редкостью, но не утратили своей актуальности. В большинстве работ обсуждаются вопросы, споры вокруг которых не утихают и по сей день.

Контакты Руси с Востоком и Западом, становление институтов власти и права, формирование государственной символики — эти и многие другие исторические сюжеты объединяют представленные в сборнике публикации. Читатель найдет здесь и ряд работ, анализирующих религиозно-культурную ситуацию Киевской и Московской Руси, особенности литературного языка и искусства этой эпохи.

ццц 63.3(2)46–7

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

© А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский.
Составление, 2002

© Авторы, 2002

© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995

ISBN 5-7859-0142-0

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	7
<i>В. Л. Комарович.</i> Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв.	8
<i>А. А. Архипов.</i> Об одном древнем названии Киева	30
<i>В. В. Мошин.</i> Русь и Хазария при Святославе	47
<i>П. Мутафчиев.</i> Русско-болгарские отношения при Святославе	67
<i>Д. Расовский.</i> Печенег, торки и берендеи на Руси и в Угрии	82
<i>В. Томсен.</i> Начало русского государства	143
<i>В. А. Брим.</i> Путь из варяг в греки	227
<i>А. В. Назаренко.</i> Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX — се- редина XIII в.): состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований	261
<i>В. В. Мошин.</i> Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI— XII вв.	309
<i>Дж. Маджеска.</i> Русско-византийские отношения в 1240—1453 гг.: палом- ники, дипломаты, купцы	358
<i>И. П. Медведев.</i> Ревизия византийских документов на Руси в конце XIV века	374
<i>Б. Н. Флоря.</i> О путях политической централизации русского государства (на примере Тверской земли)	381
<i>Х. Ловмянский.</i> Русско-литовские отношения в XIV—XV вв.	391
<i>И. Ф. Мейендорф.</i> Флорентийский собор: причины исторической неудачи	397
<i>Н. А. Казакова.</i> Известия летописей и хронографов о начале автокефалии русской церкви	415
<i>Дм. Стремоухов.</i> Москва — Третий Рим: источники доктрины	425
<i>М. Чернявский.</i> Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории	442
<i>А. М. Панченко, Б. А. Успенский.</i> Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха	457
<i>А. Соловьев.</i> Великая, Малая и Белая Русь	479

<i>Ф. Успенский.</i> Брак царя Ивана Васильевича III с Софьей Палеолог.....	496
<i>В. Водов.</i> Замечания о значении титула 'царь' применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века	506
<i>В. Водов.</i> Титул 'царь' в северо-восточной Руси в 1440—1460 гг. и древнерусская литературная традиция	543
<i>А. Золтан.</i> К предыстории русск. «государь»	554
<i>Г. Алеф.</i> Политическое значение надписей на московских монетах эпохи Василия II.....	591
<i>А. С. Мельникова.</i> Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти	610
<i>Г. Алеф.</i> Заимствование Москвой двуглавого орла: точка зрения несогласного	621
<i>Н. В. Синицына.</i> О происхождении понятия «шапка Мономаха» (к вопросу о концепциях римско-византийского преемства в русской общественно-политической мысли XV—XVI вв.).....	642
<i>И. Забелин.</i> Археологическая находка (решение вопроса о Царском месте, или так называемом Мономаховом троне, в Успенском соборе)	649
<i>В. М. Живов.</i> История русского права как лингвосемиотическая проблема.....	652
<i>А. Д. Седельников.</i> Песня о Щелкане и близкие к ней по происхождению.....	739
<i>С. М. Кашианов.</i> Церковная юрисдикция в конце XIV — начале XVI в.....	754
<i>А. Золтан.</i> Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в.....	766
<i>В. В. Мошин.</i> О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв.	805
<i>А. И. Соболевский.</i> Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв.	888
<i>Г. И. Вздорнов.</i> Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв.	919
<i>М. Ф. Мурьянов.</i> «Звонят колоколы вечныя в Великом Новгороде» (славянские параллели)	953

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В нашем сборнике представлены работы, посвященные истории Киевской и Московской Руси, создававшиеся на протяжении последних полутора столетий. Хотя многие из этих работ написаны достаточно давно и с тех пор в науке накоплено немало новых сведений, острота проблем, поставленных когда-то их авторами, на наш взгляд, не утратилась. Более того, эти тексты, как кажется, многое могут подсказать и напомнить современному исследователю, а между тем некоторые из них стали библиографической редкостью или рассеяны в журнальных публикациях. Ряд из опубликованных здесь статей впервые переведены на русский язык.

Мы не ставили перед собой задачу добиться полноты отражения шестисотлетней истории Руси, это было бы и невозможно в рамках одного сборника. Собранные здесь работы представляют интерес как с исторической, так и с филологической точки зрения и характеризуют некоторые культурные механизмы эпохи в целом. Поэтому за пределами данного тома могли остаться многие интересные исследования, посвященные более частной проблематике — лингвистической, археологической, генеалогической, источниковедческой и т. д.

Мы стремились представить Киевскую Русь не как строго очерченную замкнутую историческую эпоху, а, скорее, как колыбель многих культурно-исторических процессов, получивших дальнейшее развитие в Руси Московской. Вопрос о киевском наследии был, как кажется, чрезвычайно актуален при собирании русских земель вокруг Великого княжества Московского. В свою очередь, история Московской Руси важна не в последнюю очередь как начальный этап формирования имперской идеологии и символики.

Предлагаемые читателю статьи образуют несколько условных тематических рубрик. Так, в частности, одной из особенностей нашего сборника является внимание к внешним контактам Руси с Востоком и Западом, здесь приоритет отдавался работам, помещающим русскую историю в общий контекст истории Средневековья. Другим тематическим ядром, вокруг которого сгруппирован ряд работ, является проблема зарождения и развития институтов власти и права. Особое внимание было уделено государственной символике, регалиям, титулатуре и другим наглядным выражениям становления государственной идеологии. При отборе текстов мы не могли не включить и ряд работ, посвященных религиозно-культурной ситуации Киевской и Московской Руси и особенностям литературного языка и искусства в этот период.

Как кажется, материалы сборника позволяют увидеть то общее, что связывало историю Киевской Руси и историю Руси Московской. Надеемся, что предлагаемая «хрестоматия» будет интересна не только специалистам разных научных школ, направлений и поколений, но и просто читателю, равнодушному к исторической проблематике.

*А. Ф. Литвина,
Ф. Б. Успенский*

В. А. Комафрович

КУЛЬТ РОДА И ЗЕМЛИ В КНЯЖЕСКОЙ СРЕДЕ XI—XIII вв.*

Язычество на Руси, никогда не располагавшее собственной письменностью, всегда держалось не догмой, а обычаем; обычай же для таких отдаленных эпох, как XII—XIII вв., легче всего уловим благодаря состоянию источников в области права, и в частности права княжеского.

Полон выразительности в этом смысле один летописный эпизод из числа посвященных Андрею Боголюбскому.

В период окончательного назревания того культурно-исторического кризиса, жертвой которого стал этот князь, у него произошло столкновение на юге с группой князей смоленских, Ростиславичей, о чем рассказывает Ипатьевская: «Того же лета Андрей, князь Суждальский, разгневался на Ростиславичи... исполнившись высокоумья, разгордევсья вельми, надеясь плотной силе и множеством вой огородився, ражегся гневом и посла Михна мечьника, рек ему: едь к Ростиславичемь, рци ти им: не ходите в моей воли, ты же, Рюриче, пойдй в Смоленск, к брату во свою отчину; а Давыдови рци: а ты пойдй в Берладь, а в Русьской земли не велю ти быти; а Мьстиславу молви: в тебе стоять все, а не велю ти в Русьской земле быти». Но Мстислав, по отзыву летописца, «от уности навькл бяше не уполошится никого», и вот как поэтому реагировал он на высокомерный этот приказ: «повеле Андреева посла емше постричи голову перед собою и бороду, рек ему: “иди же ко князю своему и рци ему: мы тя до сих мест акы отца имели по любви; аже еси с сякими речьми прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку, а что умыслил еси, а тое дей, а бог за всем”». «Андрей же то слышав от Михна, — продолжает летописец, — и бысть образ лица его попуснел; и возостриися на рать». Вся выразительность этого эпизода для истории междукняжеских отношений не ускользнула уже от первого их исследователя, положившего его в основу той части своего очерка, которая говорит о периоде междукняжеской борьбы «не за волости отцовские и не за старшинство, но за старый порядок вещей, за старую Русь, за родовой быт, который хотят упразднить Юрьевичи»¹. Не упускали из виду выделенный нами эпизод и историки, весьма уж далекие от научных фикций «родовой теории» Соловьева. Никто, однако, не обратил до сих пор внимания на примененную в этом споре весьма примечательную обрядность: нанесение одним князем другому, в лице посла, особого оскорбления, коренившего, несомненно, в обычае, потому что, не-

* Печатается по изд.: ТОДРА. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 84—104.

¹ См.: С. М. Соловьев. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847, с. 223.

смотря на всю мелочность казуса (с волосами и бородой), он проник все-таки в древнерусское законодательство: «А кто порветь бороду, — читаем в Правде Ярославичей, — а воньмет знамение, а вылезуть людие, то 12 гривен продаже»; тут же рядом стоящая оговорка: «Аже без людии, а в поклепе, то нету продаже», — поясняет ту подробность нашего рассказа, согласно которой остричь мечника Михна Мстислав велит «перед собою», в своем присутствии, и, значит, сам выступает не только обидчиком, но и «видоком» нанесенной Андрею обиды, нарочито придав ей, таким образом, не только заведомость, но и гласность. И что эффект, на который все это было рассчитано, был достигнут, летописец тоже указать не забыл: при виде возвратившегося посла у Андрея «образ лица его попустился», т. е. осунулся. Оскорбление, судя по всему, было тягчайшим. Оно и любопытно в этом смысле, как мерило того, чем было вызвано, — обиды, нанесенной Мстиславу словами Андрея: «не велю ти в Руской земли быти».

Такого рода приговоры междукняжеской юрисдикции известны из летописей и раньше: изгнан был Всеволодом Ярославичем племянник Олег (в 1078 г.); изгнаны были Мстиславом Владимировичем полоцкие князья (в 1140 г.); наконец, своих родных братьев, мачеху и племянников изгнал за несколько лет до распри с Ростиславичами и Андрей Боголюбский (1162 г.). Все эти однородные кары имеют, сверх того, ту общую черту, что все если и не были продиктованы прямо собственными интересами Византии (как это было, например, в отношении Олега), то по крайней мере осуществлялись всегда представителями как раз той княжеской ветви (Всеволода Ярославича), которая с Византией была связана родством и подражанием непосредственно. Замешательство указанной карательной меры (в отношении младших князей со стороны старших) из аналогичной практики императорской юрисдикции доказывается уже тем, что как в 1078 г., так равно и в 1140 и 1162 гг. место княжеской ссылки избиралось в пределах империи, а в одном случае — с Олегом — к тому же еще и на острове Родосе, точь-в-точь как в самой империи для опасных царствующему дому претендентов на власть: в такую, например, ссылку «во острова», согласно хронике Манассии (глава 175 русского хронографа), отосланы были Константином Багрянородным дети узурпатора Романа; при Михаиле Диогене — его предшественник на троне Роман (глава 187), при Михаиле Пафлагоняnine — его преемник Константин Мономах (глава 182), тот самый дед по матери нашего Владимира Мономаха, родство с которым этого князя как раз особенно и способствовало византинизации междукняжеских отношений. Кара эта в Византии в те века применялась настолько часто, что был выработан специальный термин «сотворить островены», согласно русскому переводу Манассии. Переданный Мстиславу Михном приказ Андрея: «не велю ти в Руской земли быти» — имел, таким образом, за собой столетнюю уж традицию и непосредственно вытекал все из того же стремления Андрея византизировать междукняжеские отношения, по образцу императорской супрематии. Этой-то традиции, а вовсе не личному только самодурству Андрея Мстислав и противопоставил со всей решительностью свой посильный ответ, тоже облекши его не в форму личного непослушания, а опять-таки в традиционные формы народно-правового обряда. Как можно догадываться, в нормах народного, или обычного, права коренилось и негодование Мстислава на самый приказ Андрея — на его византийские претензии неограниченного властвования — негодование, вполне разделяемое на этот раз и летописцем...

Чтобы выяснить, каковы же эти попоранные Андреем нормы княжеского обычного права, взглянемся в ответ Мстислава: «мы тя до сих мест акы отца имели по любви; аже еси с сякими речьми прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку» и т. д. «Сякие речи» и есть приказ «в русской земле не быти»; он, как оказывается, несовместим, во-первых, с отцовством великого князя, а во-вторых, с княжеским достоинством вообще. Этому последнему со всей резкостью противопоставляется то, что С. М. Соловьев называл подручничеством, понимая его как позднейшее подданство², а Н. М. Карамзин, с гораздо большим пониманием сути дела, — вассалитетом³. Андрей, вводя византийские порядки, вместе с тем держал себя с остальными князьями как феодальный сюзерен. Необычность такого рода отношений, несмотря на столетнюю уже давность, со всей яркостью и проступает в гневной реплике Мстислава Ростиславича. Принадлежность к одному и тому же роду русских князей, хочет он сказать, уже сама по себе предполагает как нечто никому индивидуально неподсудное и в обычных условиях непререкаемое участие каждого родича в общем властвовании Русской землей; посягнуть на это право можно, с точки зрения Мстислава, лишь ценой полного разрыва родственных связей — значит, или предварительно извергнуть из рода того, кто потом только и мог быть изгнан (как, вероятно, предполагалось поступить с ослепителем Василька), или обречь на такое извержение самого себя, если изгнание сильным слабого совершено по личному произволу. И, применив, очевидно, второй из возможных случаев к Андрею, Мстислав это-то, конечно, и постарался выразить отсылкой к нему обратно его остриженного посла: так обесчестить можно было, должно быть, только того, чье бесчестие не задевало уже общей родовой чести и кого, следовательно, наносящий бесчестие своим родичем больше не считал. По крайней мере как раз в знак отказа в требуемой волхвами княжеской юрисдикции, — «нама предстати пред Святославом», — заявляли они, — Ян Вышатич, за сто лет до Мстислава, применил к ним то же, что этот последний к мечнику Михну: «Ян же повеле бити я и поторгати браде ею... проскепом». Русская земля и княжеский род, согласно обычно-правовому воззрению Мстислава, оказываются связанными неразрывно. Наблюдение не новое: из него и выросла в свое время «родовая теория», вся ошибочность которой начинается, однако, не здесь, а дальше, при попытке объяснить эту правовую основу междукняжеских отношений не из архаического обычая, а из современных им социальных фактов: господством на Руси якобы до XII в. включительно родоплеменных союзов как преобладающей формы хозяйственного объединения.

Несостоятельность этой гипотезы теперь вне сомнений. Объяснения междукняжеским отношениям XI—XIII вв. надо, конечно, искать не в ней; обратить с этой целью внимание на обычное право, например на славянское семейное право, предлагал, вслед за Ф. И. Леонтовичем, А. Е. Пресняков (см. его «Княжое право в древней Руси». СПб., 1909). На невозможности же прямых приравнений «союза князей XI—XIII вв.» к тем или иным социальным формам тогдашней «действительной жизни» еще категоричней настаивал М. Дьяконов. «Но что же

² См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I. Изд. «Общественная польза», СПб., б. г., с. 506.

³ «Слово подручник в древнем русском языке знаменовало то же, что латинское *vassus*» [см.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III (любое издание), прим. 18].

такое союз князей и его орган — княжеские съезды? — спрашивал он. — Действительные это факты или акты идеального сознания? Если союз признавался лишь в принципе и весьма часто нарушался практикой, если съезды предполагают лишь участие всех князей, а действительность не знает ни одного такого съезда, то не следует ли отсюда заключить, что все это существовало не в действительной жизни, а в сознании современников? Это факты из истории общественного сознания, а не из истории учреждений⁴. Как раз к фактам общественного сознания — к двум противоборствовавшим в умах XII в. концепциям княжеской власти — привел и наш анализ типического бытового эпизода из летописи. Остается только типизировать его до конца.

Единство княжащего на Русской земле рода, в которое упирается скрепленный обрядом ответ Мстислава, для XII в. не в меньшей мере, так сказать, умо-зрительно, чем противоположная идея великокняжеской супрематии: в жизни той переходной эпохи ни тому, ни другому прямых соответствий нет. Есть зато большая историко-культурная перспективность, по крайней мере для идеи супрематии, этой квинтэссенции византизма, наркотическому воздействию которой подлежало еще впереди не одно столетие русской жизни. Но какова обратная перспективность вспять, в прошлое, у идеи земли и рода? Обычное право, к которому эта идея нас привела, в конце XII в. имело уже, несомненно, все признаки историко-культурного пережитка; даже в сводах XI—начала XII в. сходные отголоски обычного права, с типичным формализмом словесных формул, вроде, например: «а мне уже его (их) не кресити» при мнимом отказе от кровной мести Ольги (под 945 г.) и одинаково Ярослава (под 1015 г.) или «ввергlesi ножь в ны» при обвинении родича в пролитии родной крови (под 1097 г. дважды и под 1100 г.) — носят на себе бесспорную печать древности. Тем больше оснований искать источник соответствующих правовых норм в язычестве.

Среди занесенных в летопись упоминаний князьями своего рода, отчины и дедины есть, действительно, несколько таких случаев, когда прямо видно, что в основе соответствующих (обычно — правовых) представлений лежат представления религиозные — языческий культ Рода.

Еще Соловьеву бросилось в глаза то место в Лаврентьевской (под 1169 г.), где рассказывается, как сын Юрия Долгорукого, Михалко, в схватке с половцами чуть было не погиб, «но, — добавляет летописец, — бог отца его молитвою избави его от смерти». «Князь Юрий Долгорукий никогда, — замечает по этому поводу Соловьев, — не был причтен церковью к лику святых»⁵, и, значит, его посмертная помощь сыну предполагает не церковный культ святых, а нечто иное. Ссылаясь тут же на древний обычай «считать всех умерших праведниками», да и самый рассказ приводя лишь как иллюстрацию из прошлого к радуничным поминальным обрядам, Соловьев не оставляет сомнений в том, как он понимает обращение Михалки за помощью к умершему отцу: как ту самую языческую «окличку» умерших предков, которая уцелела, с одной стороны, в фольклоре и отреченной письменности, а с другой — в церковно-дисциплинарных запретах и обличениях.

Древнерусская обличительная литература против язычества в лице двух старших памятников: «Слово некоего христолюбца» и «Слово о том, како погани

⁴ См.: М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Л., 1926, с. 121—122.

⁵ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, с. 78, прим. 5.

сущи языци кланялися идолом» — одинаково начинается, в оригинальной части своих приписок, с настойчиво повторенных несколько раз упоминаний о «Роде и Рожанице»: «Кое же суть идолослужители?» — спрашивает автор. И отвечает: «То суть идолослужители, иже ставят трапезу рожаницам... иже молятся огневи под овином, вилам, Мокошьи, Симу, Рылу, Перуну, Волосу скотью богу, Хорсу, Роду, Рожаницам и всем проклятым богом их... иже ставят лишь кутья, ины трапезы законного обеда, иже нарецаются беззаконная трапеза, менимая Роду и Рожаницам в прогневание богу» («Слово некоего христолюбца»); «Но и ноне по украинам сего не могут ся лишити, проклятого ставленья 2-ые трапезы, нареченные роду рожаницам» («Слово о том, како погани сущи языши»). Речь идет о внецерковных, «вторых» поминках по умершим предкам сверх канонического поминовения в храме с положенной при этом раздачей кутьи, «законного обеда». Где именно совершалась «беззаконная» вторая трапеза — уясняется из целого ряда обличительных и дисциплинарных памятников: местом для нее мог служить просто пир, или нарочно для покойников вытопленная баня (с которой, кстати, связана в нашей летописи не только шутка над новгородцами апостола Андрея, но и космогония волхвов), или, наконец, самое место погребения. О таких трапезах знал уже Кирик, автор древнейшего памятника русской церковно-дисциплинарной литературы. А их приурочение к местам погребения: к курганам, жальникам и позже к городским кладбищам — засвидетельствовано уже для глубокой древности драгоценным рассказом летописи о поминках Ольги по Игорю. «Пристройте (т. е. приготовьте), — говорит она через посла древлянам, — меды многи... да поплачюся над гробом его» (т. е. на месте погребения), и «створю тризну мужю моему». «Ольга же приде к гробу его и плакася по мужи своему», т. е. совершила обряд оплакивания: «и повеле людям съсуги могилу велику», т. е. насыпать над погребением холм; «и яко соспоша, повеле тризну творити», т. е., когда насыпали холм, стали совершать тризну — обрядовый бой; «по сем», т. е. по окончании тризны, «седоша пити» (Ипатьевская). Об обычае «мертвых кликать» на жальниках по погостам и ставить там трапезы упоминает Стоглав, говорят и наблюдавшие этот обычай иностранцы (Петрей, Олеарий). Словом, свидетельства о почитании Рода не оставляют сомнений в том, что этому культу принадлежало исключительное место в русском язычестве: ни той или иной областью, ни социальным слоем, как, скажем, культ Владимировых кумиров, этот культ, очевидно, не ограничивался, будучи повсеместным, исконным, общенародным⁶. И в обрядовом своем выражении он поминками, конечно, не ограничивался; кроме смерти родоначальника, немалым событием в жизни архаического рода — а затем и в пережившем его культе — были брак и родины. То и другое тоже несомненно весьма долго сохраняло отпечаток языческого обряда, на что немало есть указаний в тех же обличительных и дисциплинарных памятниках.

И при всем том культу Рода в древнерусском быту приписывался до сих пор сугубо частный, семейный только характер. Ограничиваясь по большей части догадками о возможной древности соответствующих фольклорных данных (радуничных окличек, причетей и т. п.) да перечнем соответствующих церковных обличений, исследователи об общественном значении этого культа даже не ста-

⁶ Свод данных о нем см.: Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I. Харьков, 1916, гл. VI.

вили и вопроса. Указание Соловьева на летопись до сих пор ничье внимание не привлекло. А между тем оно стоит того, чтобы на нем остановиться. Дело в том, что отмеченный Соловьевым признак: полуязыческая молитва к неканонизованному церковью предку — указанным местом летописи не ограничивается: вслед за приведенным эпизодом под 1169 г. помощь «дедней и отней молитвы» тому же Михалке оговорена также под 1171 г.; затем «отца и деда его молитва и прадеда его» под 1176 г. помогает Михалке же в борьбе с Ростиславичами; под 1193 г. «деда и отца молитвою святою» избавляется от пожара князь двор Всеволода; под 1217 г. «молитва отца и дедня» водворяет мир между Всеволодовичами Константином и Юрием; под 1223 г. «молитвою отца своего Константина» (умершего в 1218 г.) спасается от гибели на Калке Василько Константинович; наконец, под 1294 г. «молитвою деднею и отнею» спасается от татар Михаил Тверской. Ни один из этих посмертных доброхотов своего потомства: ни Владимир Мономах, ни отец его Всеволод, ни Всеволод Большое Гнездо, ни сыновья его Константин и Ярослав — опять, как и Юрий Долгорукий, никогда канонизированы не были. И замечательно, что этот красноречивый след языческого культа Рода тянется на пространстве, ограниченном от конца XII до конца XIII в. через древнейший лишь текст Лаврентьевской летописи; в параллельном тексте более поздних сводов (Радзивиловского и Московского академического) имеем ряд не менее красноречивых поправок: в одном случае «отца его молитвою» исправлено на «святого отца», т. е. родителя заменил духовник (под 1169 г.); в другом случае (под 1193 г.) все упоминание родичей вообще выпущено. Дала, как видно, знать себя рука духовной цензуры. Проникновение в летопись полуязыческого культа княжеских родоначальников совпадает как раз с тем периодом, когда так обострены были разногласия относительно правовых основ княжеской власти, начиная с реформаторской деятельности Андрея.

Внецерковную молитву к умершему родичу, в последний раз засвидетельствованную летописью под 1294 г., нельзя не сопоставить с другими пережитками языческой старины в той же среде удельных князей XII—XIII вв.: во-первых, с обычаем давать новорожденному князю два имени и, во-вторых, с отличным от крещения обрядом постригов.

Двойные имена наших князей различаются летописью как «княжие» («русские», «мирские») и крестильные, например: «родися у него сын и нарекоша и в святем крещеньи дедне имя Михайло, а княже Ростислав, дедне же имя» (Ипатьевская под 1173 г.), это о сыне Рюрика Смоленского. Под 1177 г. аналогичное известие читается о сыне Игоря Святославича Новгород-Северского: «родился у Игоря сын, и нарекоша имя ему в крещении Андреян, а княжее Святослав» (Ипатьевская), т. е. «княжее» опять дедово; под 1192 г. «княжее имя» нарекает своему сыну Всеволод Суздальский и опять «деда своего имя» (Воладимир). Присущий, как видно, всем ветвям русского княжеского рода одинаково, явно не соблюдавшийся, однако, уже Андреем обычай этот мог корениться опять только в языческих представлениях о нерасторжимом единстве живых и умерших родичей: недаром «княжее» имя так часто оказывается одновременно «дедним»; недаром, с другой стороны, и исчезают эти имена одновременно с внецерковной молитвой предку, в поколении сыновей Александра Невского, в конце XIII столетия⁷.

⁷ Позже единичные обладатели «княжих» имен встречаются лишь на юге да в Рязанской земле, чему были свои причины (см. ниже).

Было ли связано наречение «княжего» имени с постригами — неизвестно. Но та подробность, что «постриги» (упоминаемые в Лаврентьевской и Ипатьевской под 1192 г., только в Лаврентьевской под 1194, 1212 и 1302 гг.) сопровождалась посадением трехгодовалого князя из рук отца «на конь», говорит во всяком случае о внецерковном характере и этой обрядности. А в таком случае посвященный характер самых постригов — острижения первых волос — не мог не предполагать нецерковного же, языческого, адресата для приношения (как догадывался уже П. А. Лавровской); косвенно это подтверждается следующим обличительным текстом XVI в.: «Волови и еретицы и богомерские бабы — кудесницы и иная множайшая волшебствуют и с робят первые волосы стригут»⁸. Трудно не отождествить этот позднейший, уцелевший по «украинам»⁹ двоеверный обряд с княжескими постригами XII—XIII вв. Но что в приведенном тексте «первые волосы» предназначались Роду, видно из стоящего рядом упоминания всегда неразлучных с ним Рожаниц («а бабы каши варят на собрание рожаницам»). Замечательно, что в «Хоэфорах» Эсхила Орест на могилу отца приносит как раз то же самое:

В день первый юности волос своих
Я срезал прядь, в дар Инаху — вскормившему.
Вторая прядь — тебе, отец, поминный дар¹⁰.

Наши княжеские постриги тоже восходят, следовательно, к языческому культу Родоначалника. Да и исчезают они из летописей почти одновременно со вторыми «княжими» именами и с внецерковной молитвой предку — в первое десятилетие XIV в.

На что мог опираться в своих принципиальных возражениях Андрею его непримиримый противник, Мстислав Ростиславич Храбрый, теперь должно быть ясно само собой: на эти самые унаследованные от старины пережитки языческого культа Рода. Двумя-тремя столетиями позже русский книжник будет знать, что подобные пережитки отыскиваются только «по украинам». Напротив, в XII в. на них основываются еще пока собственные традиции княжого властвования.

Как в владетельном праве князей, так и в «княжих» именах и молитвах сакральная связь родства редко простирается дальше деда: отстаивал ли князь вотчинные свои права, он говорил сопернику-родичу: «одиного деда есмы внуцы, а колико тебе до него, толико и мне»; нужна ли была в трудных обстоятельствах особая помощь, опять-таки и ее подавала «дедня молитва»; связывало князя с дедом и носимое им «дедне имя». И до каких пределов конкретности эта связь простиралась — увидим ниже. На такой стадии застают княжеский культ Рода наши источники XII—XIII вв. Нельзя, однако, не поставить вопрос о более древней стадии княжеского родопочитания: указания на какие бы то ни было культурные пережитки до тех пор не могут быть вполне убедительны, пока пережиткам — «переживаниям» — не предпослан породивший их культурный феномен более ранней эпохи. Родопочитание, обезличенное в современном фольк-

⁸ См.: А. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, с. 551—552; см. также: Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I, с. 176.

⁹ Например, у донских казаков (см.: М. А. Максимович. Собр. соч., т. III. Киев, 1880).

¹⁰ См.: Древнегреческая драма / Пер., вступ. статья и примеч. А. И. Пиотровского. Госиздат, 1937, с. 70.

лоре до безыменного «доможила», домового — «пастена», было, конечно, в доисторическом прошлом и у менее видных родов, чем княжеский, необезличенным; и если и исторических князей — Рюриковичей, — в самом деле, объединял сравнительно так долго родовой культ, то он не мог первоначально тоже не быть культом родоначальника. Только в поисках такого родоначальника для князей Рюриковичей надо сразу же, конечно, отказаться от самого Рюрика: установленная А. А. Шахматовым искусственность, книжная нарочитость сравнительно поздно внесенной в летопись варяжско-новгородской генеалогии киевского княжеского дома, подтверждаемая как нельзя лучше совершенным отсутствием имени Рюрик среди «княжих» имен XI и первой половины XII в., безоговорочно исключает этого легендарного родоначальника из числа действительно возможных. Зато весь интерес подобных поисков сразу же переносится на грандиозную фигуру Олега, без имени которого, в противоположность Рюрику, не обходилось почти ни одно поколение Рюриковичей XI—XIII вв., и даже в XV в. не обошелся последний вообще носитель «княжих» имен, Олег Иванович Рязанский. Его историчность, при наличии договора 911 г., тоже вне сомнений. Исторична, с другой стороны, и княгиня Ольга: ее пребывание в Константинополе в 955 г. засвидетельствовано Багрянородным. И вот, если оставить пока в стороне не только Рюрика, но и возводимого к нему генеалогически Игоря, а все внимание сосредоточить на Олеге и Ольге, то не может не броситься в глаза сразу же поразительное во всех отношениях сходство этих двух княживших в Киеве первой половины X в. лиц: созданная Олегом племенная федерация с «матерью городов» в центре расширяется и внутренне организуется походами и «уставами» Ольги; одинаково независимы у обоих отношения с Византией: оба одинаково «хитры»; оба овеяны легендарным преданием со скандинавскими параллелями; оба носят, наконец, одно и то же имя: Ольга — форма женского рода от древней формы мужского, с глухим гласным: Ольг, Олег. Вспомним подобное же сходство имен — мужского и женского — в другом, почти одновременно возникшем княжеском центре — в Полоцке: имя Рогнежь — однокоренное с отцовским именем Рогволод. На «теснейшую родственную связь» Ольги с Олегом уже указывалось, например, В. А. Пархоменко¹¹. Признать, действительно, Ольгу за дочь Олега не мешает хронология — крестившаяся в преклонном возрасте в 955 г. Ольга вполне годится в дочери заключившему в 911 г. с греками договор Олегу. Но если надо, в самом деле, признать Ольгу дочерью Олега, а его самого — подлинным родоначальником пошедших от нее киевских князей, то как, спрашивается, объяснить умолчание о столь простых и незабываемых, казалось бы, фактах, в нашей Начальной летописи? И зачем вместо них понадобилась ей хитросплетенная путаница с родством Олега и Рюрика, Игоря и Олега? Одним «норманнизмом» летописца вопрос этот, как сразу видно, не разъясняется: в династы варяжского происхождения годился ведь и Олег, с гораздо меньшим притом насилием над фактами, чем полувывмышленный Рюрик. Но в том-то и дело, что руководящей тенденцией нашей летописи на всем протяжении XI в. было стремление если не обойти совсем, то по возможности снизить историческую роль Олега. В этом бесспорно убеждает сопоставление реконструированных А. А. Шахматовым летописных сводов: Древнейшего (1039 г.) и Начального (1095 г.) — с возникшей из них «Повестью временных лет».

¹¹ См.: В. А. Пархоменко. Начало христианства Руси. Полтава, 1913, с. 104.

Те три эпизода, из которых складывается общеизвестный рассказ летописи об Олеге: захват хитростью Киева, поход на Царьград и смерть от укрывшейся в конской голове змеи — были внесены в летопись, как выяснил А. А. Шахматов, далеко не сразу. Древнейший и Начальный своды из трех эпизодов знали только два первых. В Древнейшем свode Олег выступал в качестве самостоятельного князя, без всяких указаний на родство с Рюриком и Игорем, как завоеватель Киева, сам и севший там княжить; наконец, как покоритель Византии, возвратившийся после победы над нею в Киев, «несы злато и паволоки и вино и овощ и всяко узорочие». «И прозваша и (его) Олег веший, — говорит летописец, — бяху бо людие погани и неведгласи». Укорительной этой сентенцией по адресу давших Олегу прозвище «неведгласов» весь рассказ об Олеге в Древнейшем свode, как надо думать, и заканчивался¹². Следовавший далее рассказ про Игоря уже не упоминал Олега вовсе.

Укор «неведгласам» вообще входил в одну из двух главных целей автора Древнейшего свода. Как установлено в другом месте, смысловой центр этого первого на Руси летописного памятника сосредоточивался на «речи философа» и ответном после крещения «исповедании веры» Владимира, причем самое крещение интересовало составителя Древнейшего свода во всяком случае не с фактической стороны, а исключительно лишь со стороны идейной. Не только в рассказе о крещении Владимира, но и на всем остальном протяжении этому памятнику, несомненно, присуща была одна и та же вероисповедная идея: превосходство крещеной Руси над Русью языческой, «новых людей христианских» над старыми «неведгласами»; по принципу такого контраста и группировались в Древнейшем свode отдельные его эпизоды. Уже первый рассказ о Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбеди, т. е. о киевских эпонимах, живых носителях топонимии племенного центра полян, в XI в. был, несомненно, в силу одной своей древности культовым преданием о почитавшихся полянами пращурах... Рассказ о племенных родоначальниках полян и заканчивался поэтому в Древнейшем свode полемическим выпадом против язычества: «бяху же погани, жруще озером и кладезем и рощением, яко же прочии погани». Далее сходное осудительное указание на язычество заканчивало или сопровождало собой: 1) предание об Олеге: «И прозваша и Олег веший; бяху бо людие погани и неведгласи»; 2) рассказ о крещении Ольги: «и рече (Ольга) ему (патриарху): людие мои погани и сын мой»; 3) рассказ о варягах мучениках: «Бяху бо тогда человеци неведгласи и погани», и, наконец, 4) риторический плач дьявола над только что принявшим крещение Владимиром: «и се уже избужен есмь от неведгласа».

Итак, целый ряд эпизодов объединялся, вероятно, по отрицательному для летописца признаку отразившегося в них язычества. Тематически связаны были между собой и эпизоды противоположного рода. Рассказ об Олеге стоял, таким образом, в теснейшей связи с другими языческими эпизодами памятника, в частности с первым из них, о родопочитании у полян. Нравоучительная концовка

¹² См.: В. Г. Ляскович. Киевский Вышгород в удельно-вечевое время. Киев, 1913. — Еще одна фраза, читающаяся (с позднейшим добавлением) в Комиссионном списке Новгородской летописи и относимая на этом основании А. А. Шахматовым тоже к составу Древнейшего Киевского свода: «Иде Олег Новгороду и оттуда за море, и уклону и змия в ногу и с того умре», включающая, как видим, местное киевское предание о смерти и похоронах Олега в Киеве (см. о нем ниже), впервые могла появиться, конечно, только вне Киева, вероятно в Новгороде, и, следовательно, в Древнейшем Киевском свode, во всяком случае, не читалась.

в обоих эпизодах одинаковая: «бяху же погани» — о жертвах озерам, кладезям и рощениям, «и бяху людие погани и неведгласи» — о присвоении Олегу прозвища «вещий». То и другое, и жертвы, и прозвище, на взгляд составителя Древнейшего свода, было явлением одного порядка, одинаковым порождением ненавистного ему язычества. Этот бесспорный вывод из анализа текста сразу же лишает, между прочим, всякого вероятия гипотезу А. И. Лященко о дружинном происхождении Олегова прозвища, означавшего будто бы то же самое в переводе на русский, что и собственное его имя: Ольг — Helgi — «светлый»¹³. При таком значении прозвища незачем было бы летописцу ссылаться на мрак язычества. Но что ссылка на язычество была тут, действительно, необходима, видно из документарного материала прямых обличений язычества; в позднейшей практике древнерусского исповедника слово «вещий» имело почти столь же широкое распространение, как и «волхв» или «кудесник»; это были синонимы лишь с незначительными, неуловимыми теперь оттенками значений. «Есть ли за тобою вещество, рекше ведание некоторое, иль чары?» — спрашивал духовник¹⁴. А покаянный номоканон, т. е. сборник правил о церковно-дисциплинарных взысканиях, говорил о «вещицах»: «Вещица аше покается, лет 9, поклон 500». Та же самая 9-летняя эпитимия, с пятьюстами поклонов на день, положена в том же сборнике «жене обавающей туждих своих», т. е. уличенной в наговорах чародейке. «Вещица», очевидно, и есть название такой чародейки. И подобно тому как женская форма «волховь» или «волхва» (из тех же памятников) предполагает однозначную, более распространенную в древности мужскую форму «волхв», так, конечно, и «вещица» в памятниках XV—XVII вв. предполагает однозначную древнюю форму «вещий». Прозвище Олега, данное ему «неведгласами», говорило о сверхъестественной силе и знаниях этого князя-кудесника, им приписывая все то, что он сумел совершить: из летописного прозвища воссоздается, таким образом, в точности тот же облик, что из былин про Волха Всеславича. Если еще учесть, что этот признанный в народе кудесником князь был и на самом деле весьма крупной фигурой: победителем Византии и фактическим родоначальником княжеской династии, то в лаконизме рассказа о нем первого летописца нельзя будет не признать чисто вероисповедного антагонизма.

От древнейшей версии летописных рассказов об Олеге обращаясь к следующей, в Начальном своде 1095 г. (по Комиссионному списку Новгородской), не менее поражаемся и ее трактовкой этого, несомненно, крупного образа. Древнейший свод, при всем его лаконизме, по крайней мере не искажал фактов: князь Олег там и был выставлен князем, правда, без дальнейших уточнений, кем приходился ему преемник его Игорь, что, впрочем, и не входило в задачи нашего первого летописца вовсе: предки Ярослава, при котором Древнейший свод был составлен, автора свода интересовали не сами по себе, а лишь в отношении к прославляемой им новой вере. Составителю Начального свода, работавшему через пятьдесят с лишком лет после составления Древнейшего, интересы княжеского дома были несравненно ближе. Однако в отношении Олега это проявилось лишь отрицательно, в явном искажении уже внесенных в летопись фактов: введя впервые в литературный оборот династическую легенду о Рюрике, составитель

¹³ См.: А. И. Лященко. Летописные сказания о смерти Олега Вещего // ИОРЯС, т. XXIX, 1925, с. 254—288.

¹⁴ См.: А. Алмазов. Тайная исповедь в православной церкви, т. III. Одесса, 1894, с. 166.

Начального свода с выдуманным родоначальником связал не Олега, а только Игоря: «По двою же лету умре Синеус и брат его Трувор, и приа власть един Рюрик, и нача владети един. И роди сын, и нарече имя ему Игорь. И возростшу же ему Игорю, и бысть храбр и мудр. И бысть у него воевода, именем Олег».

Превратив князя Олега в безродного воеводу первого Рюриковича, перенеся даже на последнего христианизированную замену Ольгова прозвища, составитель Начального свода подверг с этой стороны переработке и весь дальнейший древнейший текст: речь к Аскольду произносит теперь не Олег, а Игорь; «уставляет дани» опять-таки Игорь же (а не Олег)... Первым отметив «совершенную искусственность» этого построения, Шахматов не обошел вниманием и руководившие летописцем соображения: «Взаимные отношения Олега и Игоря, — говорит он, — не были, очевидно, определены источниками... Но отчего умолчанию источников он (летописец) не противопоставляет гипотезу: Рюрик родил Олега, Олег родил Игоря?»¹⁵ Ответ, даваемый Шахматовым, не подымаясь над уровнем сомнительных источниковедческих соображений летописца¹⁶, ничего, к сожалению, не разъясняет. Вопрос, отчего из генеалогического ряда, вопреки заведомому факту княжения, устранен был в своде 1095 г. Олег, решается, конечно, только в свете общих тенденций этого свода. Написанный в самый разгар первой усобицы в потомстве Ярослава, этот памятник ни к чему так не был внимателен, как к обострившимся тогда донельзя противоречиям княжого права; обычно правовым нормам власти уже тогда противостояли первые попытки подражания императорской власти Византии: союз трех старших Ярославичей исключил из общего властвования младших; права этих последних коренились в известных уж нам представлениях родового единства. Летописец 1095 г. был во всяком случае не на их стороне. И что другое могло нанести этим представлениям более сильный удар, чем полное отрицание у их сторонников всякого родства с тем, кто был, как приходится предполагать, не только фактическим родоначальником русских князей, но и лицом, придавшим их родовому праву сакральный характер. Исключение Олега из княжеского родства было смело задуманной фикцией, рассчитанной на идеологический подрыв самой основы междоусобий — княжеского культа Рода.

За такое понимание произведенного в Начальном своде переосмысления исторической роли Олега говорит и третья из известных нам версий летописного рассказа о нем — версия Нестора. Она вопрос о родстве Олега с княжеским домом Киева решает заново, путем компромисса: династическую легенду о Рюрике, отце Игоря, сохраняет, но возвращает и Олегу отнятое у него предшествующим сводом княжество. «Умершу Рюрикови, предасть княжение свое Ольгови, от рода ему сущю, вдав ему сын свои на руце Игоря; бе бо детеск вельми». Так поступить Нестор вынужден был, согласно разъяснению Шахматова, под давлением впервые им введенных в летопись договоров Руси с греками, первый из которых в княжеском полновластии Олега сомневаться не позволяет. Но что вопрос одним фактом княжения не ограничивался, а с неизбежностью касался и фактов княжеского родства, видно из первых же пояснительных слов Нестора: «от рода ему сущю», повторенных им и еще раз при описании захвата Киева («аз есмь роду княже»). Это была, конечно, уступка княжескому родовому преданию.

¹⁵ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 316.

¹⁶ Там же, с. 316—317.

Самое главное, однако, отличие Несторовой редакции в другом. Только из нее узнаем мы, наконец, о существовании в XI—XII вв. близ Киева места погребения Олега, с приуроченной к нему легендой о смерти героя: «И плакашася по немь людие вси плачемь великимь, и несше и, погребоша и на горе, яже глаголется Щекавица; есть же могила его и до сего дне, словеть могила Ольгова». Что Нестор тут, в самом деле, сообщает о хорошо всем тогдашним киевлянам известном факте, подтверждается теми местами позднейшей Киевской летописи, где Ольгова могила упоминается как всем известный топографический признак; так, под 1146 г., при описании борьбы Изяслава с черниговскими князьями, указывается, что «кияне особна сташа в (у) Олгови могилы» (Ипатьевская); под 1150 г. у Ольговой же могилы съезжаются Владимир Галицкий с Юрием Долгоруким (там же); упоминается она и под 1151 г. при указании, как расположились вокруг Киева осадившие его князья; под 1161 г. Ростислав Киевский, вызвав к себе Олега Черниговского, на его вопрос: «брате! кде ми велиши стати?» — приказывает ему «у Олгови стати могилы» (там же); наконец, под 1169 г. мимо Ольговой могилы, «Васильевским путем», вступает в Киев Мстислав Ростиславич (там же). Находилась ли эта могила действительно на нынешней Щекавице, или под Щекавицей летопись понимает что-то другое (как полагал Н. Петров), или, наконец, приурочение к Щекавице Ольговой могилы под Киевом — результат позднейшей ошибки (как полагал автор другой специальной об этом работы, П. Г. Лебединцев)¹⁷ — все равно Ольгова могила близ Киева для киевлян XI—XII вв. была хорошо и точно известным местом. И тем не менее о существовании близ Киева этой могилы ни один из летописцев XI в. не проронил ни слова; а поводы для этого у них несомненно были. В своей историографической полемике с «невегласами» составитель Древнейшего свода вообще не раз касается их мест погребения, этих особенно, конечно, останавливавших на себе его внимание вещественных остатков язычества. Он не забыл, например, свой рассказ об Игоре скрепить упоминанием его могилы «у Искоростеня града в Деревех», сохранившейся, по его словам, «до сего дне»; такой же ссылкой на могилу Олега Святославича, «у града Вручая, иже есть и до сего дне», скреплен был в своде 1039 г. рассказ о сыновьях Святослава; были указаны, наконец, могилы Аскольда и Дира, соперников самого Олега. И только его собственная могила, просуществовавшая и после 1039 г. не одно, как видно, столетие, обойдена молчанием: прозвище «вещий» да глухая обмолвка о «невегласах» заслоняет от нас в Древнейшем своде все остальное из посмертной памяти Олега в народном предании, богатство которого до сих пор, однако, распознается сквозь позднейшие слои былин о Волхе, Вольге и Илье Муромце. Умолчание, явно рассчитанное на забвение, окружает смерть и могилу Олега также в своде 1095 г. Молчание нарушает только свод 1113 г., первая редакция «Повести временных лет». Создается впечатление об отмене только к этому времени какой-то нерегламентированной цензуры — церковной цензуры XI в. — на все языческое. На эту мысль наводит и контекст Несторова рассказа. Упоминанию могилы на Щекавице, которая «есть и до сего дне», Нестор предпослал свой знаменитый рассказ о волхве, предсказавшем Олегу смерть. И что бы ни лежало в его основе — скандинавская ли сага или местный киевский культовый миф — несомненно одно: в летопись рассказ включен с присущим во-

¹⁷ П. Г. Лебединцев. Какая местность в древности называлась Олеговой могилой // Чтения в историческом обществе Нестора летописца, кн. I. Киев, 1879, с. 22—27.

обще Нестору литературным умением всему придавать свой собственный отпечаток средневекового аскетического умозрения.

С этой стороны рассказ о волхве и Олеге под 912 г. нельзя не сопоставить с другими рассказами Несторовой летописи о волхвах. Таковыми надо признать: эпизод о белозерских волхвах, переданный Нестору Яном Вышатичем, и эпизод о новгородском волхве при князе Глебе; оба эпизода объединены под 1071 г. в виде распространительной вставки к более раннему рассказу (Начального свода) о волхве в Киеве. У обоих эпизодов есть одна роднящая их черта — стремление опровергнуть народную веру в присущий якобы волхвам дар высшего знания и ясновидения; этот дар они самоуверенно приписывают себе сами и при встрече с Яном и при встрече с Глебом; «ве веде, — говорят два белозерских волхва, — како есть человек сотворен»; «проведе вся», — утверждает о себе и волхв новгородский; темой обоих эпизодов служит поэтому по возможности наглядное опровержение этой языческой веры в вещую силу кудесника. На постепенном отказе самих волхвов от приписываемого им ясновидения, не без оттенка иронии со стороны автора, построен весь эпизод в Белоозере: повешенные в заключение на дубе и съеденные медведем трупы волхвов расцениваются летописцем как наглядное до смешного опровержение их «ведения»: «И тако погыбнуста наущением бесовским инем ведуща и гадающа, а своєа пагубы не ведуще», — замечает он в виде вывода, дважды употребив однокоренное с Олеговым прозвищем слово «ведать». Опровержению подвергнуто, таким образом, то самое «вещество рекше ведение некоторое», о котором позже спрашивал двоевера духовник и которое раньше приписали «невегласы» Олегу.

Столь же близок к прозвищу Олега по своим претензиям новгородский волхв, разоблаченный Глебом. «“То веси ли, — спрашивает волхва князь Глеб, — что утро хошетъ быти, что ли до вечера?” Он же рече: “проведе вся”. И рече Глеб: “то веси ли, что ти хошетъ днесь быти?”. Он же рече: “чюдеса велика сотворю”». Наглядным опять-таки опровержением этому, тоже с характерным для Нестора оттенком иронии, сейчас же затем и выставлена расправа над ошибшимся предсказателем его совопросника: «Глеб же вынем топор растя и, и паде мертв, и людие разидошася».

И вот, если сопоставить с обоими эпизодами 1071 г. рассказ о смерти Олега, он сразу же обнаружит свое идейно-композиционное с ними сходство. Правда, на этот раз предсказание волхва сбылось; но ошибся тот, кто над предсказанием прежде времени посмеялся: «Олег же посмеялся и укори кудесника»; и вторично: «и слез с коня, посмеялся, река: от сего ли лба смерть мне взяти?» Но не заставившая себя ждать смерть точь-в-точь так же иронизирует над самим Олегом, как удар топора или медведи над волхвами 1071 г. И если там Нестор иронизирует над ошибкой «всеведцев», то, конечно, еще в большей мере над неведением того, кто слыл «вещим» даже в потомстве, иронизирует Нестор здесь. Первому упоминанию в летописи Ольговой могилы предпослан, таким образом, мастерский памфлет на то самое свойство похороненного в ней героя, которое издревле приписывало ему народное прозвище.

Не менее жгучий отпечаток антиязыческой пропаганды лежит и на послесловии к рассказу. Оно, как давно установлено, извлечено Нестором из Хроники Георгия Амартола и говорит о знаменитом в древности кудеснике Аполлонии Тианине. Никто, однако, из исследователей пока не отметил, до какой степени эта выборка из чужой хроники тесно примыкает по смыслу к предшествующему

рассказу об Олеге. Уже первое из «бессовских чудес» Аполлония, прямо названного с первых же слов, вопреки источнику, «некий волхв»¹⁸, непосредственно связано с участью, постигшей Олега: явившись в Византию, Аполлоний отогнал «множество змий и скорпия из града, яко не врежатися человеком от них». Ср. выше об Ольге: «уклону и (его) в ногу. И с того разболеся». Сходно с первым и второе «чудо» — заклинание комаров; и подобно тому как после чудесной смерти Олега и описания его похорон упомянута могила, тоже и отрывок из Амартола от прижизненных чудес Аполлония переходит к посмертным. «И не только бо за живота его така и таковая сотвориша бесове его ради, но и по смерти его пребывающе у гроба его знамения творяху во имя его на прельщение окаянным человеком... крадомым на таковаа от дявола». При таком параллелизме оригинального рассказа Нестора и присоединенного к нему тем же Нестором дополнения Амартола позволительно, думается, то, что не договорено в первом, попытаться извлечь из второго. Какая-то недоговоренность в сообщении Нестора о могиле Олега бесспорна: глагол «слыть», примененный тут к ней («словеть могила Ольгова»), означал ведь не просто «именуется», «носит название», как, например, тут же рядом употребленное Нестором «глаголется» («на горе, яже глаголется Шекавица»), а нечто большее: «славится», т. е. намекает, следовательно, на что-то сверх одного названия. И вот, не решаясь на большее, чем только намек, Нестор в виде пояснения и добавляет к нему из Амартола про Аполлония, у гроба которого тоже после смерти творились знамения «на прельщение окааным человеком». Подобными же «знамениями» в Киеве во времена Нестора, как можно отсюда заключить, славилась могила Олега. Только это и хотел, видимо, сказать Нестор своим заимствованием из Амартола. Могила на Шекавице во времена Нестора продолжала оставаться средоточием культа Рода, с периодическими пирами — поминками, тризнами, — боями и «плачами». Таков тот вывод, который можно сделать из наших сопоставлений.

Древнерусское языческое родопочитание доисторическим родоначальником Кием не ограничивалось; в обновленном виде тот же культ возродился снова, в историческое уже время, над могилой Олега, основателя Киевского государства и родоначальника княжеской династии, которому, в частности, в качестве княжеского родоначальника не могла не принадлежать и какая-то роль в выработке княжеского права, чему подтверждением может служить, как увидим, та же могила.

Это немаловажное культурно-историческое явление выпадало пока что из поля зрения русских историков; оттого-то многое в русском историческом прошлом и оставалось неясным. Почему, например, древнерусский книжник всякий раз, как заходила речь о язычестве, неукоснительно излагал один и тот же вовсе, однако, не единственный и в те времена взгляд на языческих богов как на обожествленных предков? Евгемеризмом его греческие источники во всяком случае не ограничивались. Тем не менее собственный выбор русского книжника почти ограничивался только теорией Евгемера. Вопрос сразу же, однако, становится ясен, если учесть, что дело тут не в теории самой по себе, а в особой ее приложимости к наиболее живучим проявлениям собственного язычества Руси. Необъясним был и пресловутый черед «лествичного восхождения» князей на киевский стол, явно имитирующий отношения старшинства при родовом строе, не выво-

¹⁸ Ср. статью А. А. Шахматова «Повесть временных лет» и ее источники» (ГОДРА, т. IV. Л., 1940, с. 50—52).

димый, однако, из этого последнего непосредственно ввиду столь же явной его изжитости в XI—XII вв. Но в качестве сакрально-культового пережитка того же самого родового строя и эта загадка русской историографии разрешается просто.

Субъектом владетельного права русских князей был весь княжеский род, не потому что он сам сохранял до XI—XII вв. включительно архаическую структуру неделинного рода, а в силу только опиравшегося на языческий культ обычая: не обособленный от других властелин-вотчинник, а совладелец в общем владении, русский князь долго — дольше, чем феодалы на Западе, — не находил правовой и экономической опоры своим вотчинным притязаниям именно в силу тяготевших над ним пережитков язычества.

И тяготели они в сознании той эпохи не только над субъектом, но и над объектом княжого права: подобно роду неделима была, по крайней мере в идее, земля.

Культ земли, как и Рода, в русском язычестве был одним из основоположных. Он, впрочем, признается основоположным вообще в любой народной религии (Volksreligion), как красноречиво свидетельствует обширный сравнительно-исторический материал, собранный в книге Альбрехта Дитриха (Mutter Erde. Ein Versuch über Volksreligion von Albrecht Dietrich. dritte erweiterte Auflage besorgt von Eugen Fehrle. Verlag B. G. Teubner. Leipzig—Berlin, 1925). Появившаяся первым изданием в 1905 г., книга эта осталась, к сожалению, не известной ни Е. В. Аничкову, ни Н. М. Гальковскому, авторам двух наиболее солидных обзоров древнерусских языческих верований¹⁹. Ее знал, правда, и руководствовался ею проф. С. Смирнов, давший в приложении к своему исследованию «Древнерусский духовник» [ЧОИДР, 1913, кн. 2 (249), разд. III, с. I—VIII, 1—290] особый очерк — «Исповедь земле», где с большой тщательностью и полнотой впервые собрал недостающий книге Дитриха русский материал. Однако этот материал оставлен Смирновым без всякой интерпретации, что, впрочем, в его задачи не входило. Удивительно невнимание к труду Смирнова со стороны В. Мансикки, автора последнего из наличных сейчас в науке источниковедческих обзоров русского язычества в целом²⁰. Собранные Смирновым данные по своему разнообразию и богатству оставляют далеко позади все то из пережитков хронического культа, что мог отыскать Дитрих на Западе. Но выдвигая, с другой стороны, этот культ как архаическую первооснову не только отдельных олимпийских культов, а чуть ли не эллинизма вообще, Дитрих, сам не зная того, перед лицом не известного ему русского материала, поставил на очередь ответственнейшую проблему доисторических культурных связей русского средневековья с античностью в ее архаических первоисточках.

Культ земли-матери явственно проступает уже в летописном «Исповедании веры» Владимира, читавшемся не только в «Повести временных лет», но и в Начальном своде (1095 г.). Уже здесь, как надо думать, к более древнему обличению против латинян летописец добавил: «Паки же и землю глаголють матерью... Да аще им есть земля мати, то отец им есть небо»²¹. В прямом соответствии этому, на

¹⁹ См.: Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914; Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I.

²⁰ V. J. Mansikka. Die Religion der Ostslaven, I. Quellen // C. F. F. Communications, № 43, Helsinki, 1922.

²¹ О русском происхождении этой приписки к переводному тексту «Исповедания» см.: А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против лати-

заре русской письменности занесенному в летопись верованию стоит издавна глубоко освоенное русским фольклором — былинами, сказкой, заговорами, обрядом, песней — наименование земли «матерью-сырой землей»: по верному разъяснению еще А. Н. Афанасьева, эпитет «мать-сыра» предусматривает как раз тот брак земли с небом, про который знал уже летописец и который в античном культе опознавался по одинаковому признаку увлаженности — оплодотворенности. Мифологема о небе, вступающем в соитие с всеобщей матерью-землей Παμμήτωρ γῆ и оплодотворяющем ее через дождь или метеориты, лежит в основе, как показал Дитрих, «Теогонии» Гесиода и «Орестей» Эсхила, гимнов Пиндара и отдельных фрагментов Эврипида, множества уцелевших надписей, схолий и позднейших косвенных свидетельств историков, ораторов и поэтов. Но та же мифологема, несомненно, присутствовала в русском народном сознании эпохи язычества.

Наши источники вторят прежде всего, с поразительной иногда близостью, античному воззрению на брак, деторождение и смерть как на явления не только схожие, но в полном смысле тождественные соответствующим проявлениям земной стихии. «Тому, что сев и жатва с зачатием и рождением человека были рассматриваемы, если можно так выразиться, совместно (inlins), аттическая религия дает разительнейшие (markantesten) свидетельства», — говорит Дитрих. «До какой степени непосредственно живы были, на почве древнейшего народного мышления, параллелизм и даже тождество (Identität) сева и зачатия, убедительнейшим образом свидетельствует язык: σπεῖρειν означает то и другое, в смысле «зачинать», особенно часто у древнеаттических авторов; ἄρῳ — «пахать» означает то и другое в аттической трагедии; ἄροτος «стало постоянным выражением в аттическом праве, при заключении брачных договоров...»²². «Ты, небо-отец, ты, земля-мать», — говорится и в русском народном заговоре²³; и говорится не случайно, потому что вот какой в отношении земли существовал, например, запрет «для мужей и отроков» даже в церковной практике: «Грех есть легче на чреви на земли, опитемии 12 дней, поклон 60 на день»; это — грех потому, что земля и мать одно и то же: «Аще отцу или матери лаял, — читаем в другом запрете, — или бил или, на земле лежа ниц, как на жене играл, 15 дни (епитимия)»²⁴. Ни о каком, как видно, «олицетворении», измышленном абстрактном уподоблении, и речи тут быть не может: земля для древнерусского народно-языческого сознания, как и для древнеэллинского, была доподлинной матерью, без всяких аллегорических натяжек, а с той, напротив, прямолинейностью наивно-реалистического мировосприятия, в которой, как это ни трудно нам, людям XX в., мы должны, однако, отдать себе ясный отчет; иначе понять быт и нравы, в самом деле ведь регулировавшиеся такого рода запретами, невозможно; воззрение, отлившееся в процитированный «запрет», обладало в древнерусской жизни устойчивостью и диапазоном, не идущими в сравнение ни с чем другим. Об этом уж говорит одно его проникновение в нормы церковной дисциплины; от него не убереглась, значит, сама церковь, так строго осудившая эту «веру земле» на первых же страницах летописи.

нян. М., 1875, с. 17; А. Павлов. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, с. 17.

²² Al. Dietrich. Mutter Erde. Ein Versuch..., S. 47. (Перевод наш. — В. К.).

²³ См.: А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. III. М., 1869, с. 788.

²⁴ См.: С. Смирнов. Древнерусский духовник, с. 273.

Что касается хронологии самого культа, то есть ряд указаний на возникновение древнерусского почитания земли еще на доземледельческой стадии развития. Сообщенный С. Смирновым покаянный стих, произносимый при «обряде прощанья с землею», в числе провинностей упоминает и то, что кающаяся «рвала твою (земли) грудушку

Сохой острою, расплывчатой,
Что не катом тея я укатывала,
Не урядливым гребнем чесывала, —
Рвала грудушку боронушкой тяжелою
Со железным зубьем да рживьем.
Прости, матушка, питомая!»

Это явный пережиток сакрального запрета на земледелие вообще. Отсутствие, с другой стороны, сколько-нибудь выразительных аналогий древнерусскому почитанию земли у славян западных — поляков и чехов — не оставляет уже сомнения в том, что культ этот надо возводить не к просто славянской общности, а к пережиткам местной, издавна гибридизированной причерноморской культуры и связывать с тем длительным взаимопроникновением малоазийских культов богини-матери и собственно эллинского почитания земли, на которое указал Дитрих: существование того и другого в северочерноморских греческих городах — Ольвии, Херсонесе и Боспоре, а равно и у соседивших с ними тавров и скифов, не подлежит сомнению²⁵. Социальный рефлекс доземледельческого уклада в древнерусском культе земли ведет, таким образом, скорее всего к пережиткам местной скифской и доскифской культуры. С этой стороны особый интерес представляют опять-таки наши волхвы.

То, что рассказывает о них летопись Несторовой и до-Несторовой редакции (под 1024, 1044, 1071 и 1091 гг.), справедливо оценивается (Аничковым и др.) как ряд однородных известий, идущих через весь XI в., о спорадических вспышках по местам языческой реакции, чему благоприятной почвой всякий раз служил недород и голод. Неясным остался, однако, вопрос о самом язычестве волхвов и их национальности: ни Е. Аничков, ни Гальковский не пошли дальше простого указания на отсутствие упоминаний в связи с волхвами имен Владимирских богов, откуда заключили о сугубо народном, отличном от дружинно-княжеского, характере их язычества; а, с другой стороны, сходство космогонической сказки, изложенной от лица волхвов летописью (под 1071 г.), с аналогичным мордовским сказанием подсказывало простой, как казалось, ответ о финском происхождении самих волхвов; за него высказался А. Веселовский (Разыскания в области русских духовных стихов, вып. 1—6. СПб., 1879—1891), позже — Е. Аничков, Гальковский и др. Сразу же, однако, для такого решения вопроса обнаружились непреодолимые трудности: космогоническая сказка о

²⁵ Ср., например: 1) таврские погребения в каменных ящиках в скорченном положении [В. Н. Дьяков. Древняя Таврика до римской оккупации // Вестник древней истории. М., 1939, № 3 (8), с. 72—86 и разъяснения «daß es die Stellung des Embryo sei» у Дитриха (Al. Dietrich. Mutter Erde, S. 27—28); 2) скифский культ Гистии — Табити и Земли — Апи у Геродота (кн. II, § 50; кн. IV, §§ 59, 127); 3) праздничество триакад и рошу Кибелы близ Ольвии [Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // Вестник древней истории. М., 1939, № 3 (8), с. 265]; см. также статью «Таврическая богиня» в книге И. И. Толстого (Остров Белый и Таврика. Л., 1918).

Сатанаиле, кроме мордовской версии, имеет и южнославянскую (богомильскую), сходство с которой летописного рассказа никак не меньше, чем с мордовской, не говоря уж о гораздо большей вероятности южнославянского влияния на летопись, чем мордовского. Не в пользу финского происхождения волхвов говорят и те летописные о них известия, где под их влияние подпадают не северные или северо-восточные области с издавна прочным финским населением (Новгород, Ростов и Суздаль), а западный Полоцк или даже сам Киев, где уж никаких следов финского населения ни теперь, ни в XI в. указать нельзя. На степной юг скорее, чем на север, указывает и характерное вообще для наших волхвов гадание половецкого хана Боняка, как рассказано в летописи под 1097 г.: из искусной переклички с волхвами он узнал о предстоящей победе. Нуждается в оговорках и протонародность волхвов, поскольку летопись знает не только столкновения их с князьями, но и прямую их близость к княжескому семейному быту, что видно, например, из обстоятельств рождения Всеслава Полоцкого (см. ниже).

Неясность всех этих вопросов требует, как видно, прежде всего уяснения самого главного: отстаивавшихся волхвами их собственных верований. Под 1024 г. и вторично, подробнее, под 1071 г. изложен один и тот же жестокий и странный обряд ростовско-суздальских волхвов во время неурожая. В 1024 г., когда «во всей той стране» был «мятеж велик и голод», выступившие волхвы «избиваху старую чадь... глаголюще, яко си держать гобино (урожай)». Точь-в-точь то же повторилось в 1071 г., только рассказ под этим годом добавляет несколько весьма ценных подробностей; то же говоря: мы знаем, «кто обилие держит», эти вторично восставшие теперь там волхвы, придя в погост, «туже нарицаста лучшие жены, глаголюща, яко си жито держить, а си мед, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя; она же в мечте прорезавша за плечима, вынимаста любо жито, либо рыбу или веверицу, и убивашета многы жены». Убийства коснулись, как видно, одних женщин, потому что держать «гобино», или «обилие», т. е. препятствовать урожаю (и добычливой ловле) могли, согласно воззрению волхвов, только женщины: «сестры, матери и жены». Урожайность земли, согласно руководившему волхвами воззрению, может быть отнята у нее женщинами; но посредством женщин не может быть возвращена ей. Перед нами, очевидно, один из тех обрядов магического оплодотворения земли, вроде поливания плуга — *ђротон* — или укладывания новобрачных на поле (*Berfruchtungszauber*), которые, как показал Дитрих, непосредственно связаны с культом земли, что в данном частном случае вполне подтверждается и соответствующим переживанием: вынимание «обилия» из женской спины сохранилось в мордовском фольклоре, но лишь с заменой надреза по телу перерезыванием тесьмы, перекинутой через плечи и поддерживающей мешок с «обилием»; самое же принятие этого «обилия» от женщин приурочено к общественному жертвоприношению как раз матери-земле, Анге-Патий²⁶.

Ближайшая причастность волхвов к культу земли дает себя знать и в остальных летописных о них известиях. При отмеченном уже выше отождествлении в основе этого культа породительных процессов и актов из жизни земли и из жизни человека естественно ожидать, что волхвам, наряду с «родовспомогательной» магией в отношении земли, знакома была и родовспомогательная магия в собст-

²⁶ См.: Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского), т. VII. СПб., 1909, с. 451—454.

венном смысле. Действительно, как раз о такой магии узнаем из известия под 1044 г. о рождении князя Всеслава: «В се же лето умре Брячислав, и Всеслав, сын его, седе на столе его, его же роди мати от волхвованья, матери бо родивши его, бысть ему язва на главе его, рекоша бо волсви матери его: “се язвено навязи на нь, да носить е до живота своего”, еже носить Всеслав, — добавляет летописец-современник, — и до сего дне на собе; сего ради немилостив есть на кровопролитие» (Лаврентьевско-Ипатьевская). Волхвам приписывается, как видим, не только надетый на Всеслава при рождении науз, но и самое зачатие его матерью, что отразилось, с другой стороны, в былине о Волхе Всеславиче, где упомянутому летописью волшебному зачатию явно придан оттенок хтонический, как зачатию через прикосновение змея, одного из фаллических символов как раз в хтонических культах древности²⁷.

По саду по зеленому ходила-гуляла
Молода княжна Марфа Всеславьевна,
Она с камню скочила на лютова на змея.
Обвивается лютой змеей около чобота-зелен сафьян.
Около чюлочика шелкова
Хоботом бьет по белу стегну.
А в та поры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила...
Подрожала сыра-земля²⁸.

Прямо о «змее» и о земле говорит еще одно летописное известие о волхве — под 1091 г.: «В се же лето Всеволоду ловы деюще звериные за Вышгородом, заматавшим тенета и кличаном кликнувшим, спаде превелик змий от небесе и ужасошася вси людье. В се же время земля стукну, яко мнози слышаша. В се же лето волхв явился Ростове, иже вскоре погыбе» (Лаврентьевско-Ипатьевская). Неуловимая на первый взгляд мысль, руководившая летописцем при подборе этих ничем, казалось бы, не связанных между собой известий — они не раз затрудняли и исследователей — улавливается, однако, если весь их комплекс спроецировать на пережитки хтонических верований, где метеорам — «змеям» часто приписывалась роль небесного phallus'a²⁹, а в самом их падении на землю видели, если можно так выразиться, космический половой акт. Вот что, например, приходилось оспаривать древнерусскому книжнику XV—XVI вв. при изложении библейского рассказа о сотворении человека богом: «то ти не Род, сидя на воздусе мечеть на землю груди и в том рожаются дети»³⁰. «Груды» здесь следует понимать как камни, т. е. как те же метеоры. Охотники князя Всеволода оказались, по мысли летописца, невольными свидетелями брачных тайн земли и неба. И в связь с этой случайно обнаруженной тайной явление волхва в Ростове поставлено летописцем, как видно, потому, что, подобно установителю культа в Африках, царю Ереклею, сыном земли признавался у нас не один Всеслав, но всякий волхв вообще. Их корпорацию, может быть, следует возводить к прямым пережиткам сходных жреческих корпораций при хтонических культах древности: к скифским енареям, к ольвиополитским корибантам. С последними волхвов

²⁷ См.: Вячеслав Иванов. Дионис и Прадионисийство. Баку, 1923.

²⁸ См.: Сборник Кирши Данилова. СПб., 1901, с. 16.

²⁹ См.: Al. Dietrich. Mutter Erde, S. 106.

³⁰ Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I, с. 179.

сближает «вертимое плясание», упоминаемое не раз в старших обличительных памятниках; с первыми — гадание, в котором нельзя не признать широко распространенную в древности мантику земли, чему подтверждением может служить еще одно не рассмотренное пока известие летописи о волхвах, самое, может быть, любопытное. Появившийся в Киеве волхв «глаголаше, сице поведая людем: яко на пятое лето Днепру потещи вспять и землям преступати на ина места, яко стати греческы земли на Руской, а Русьской на Греческой и прочим землям изменитися»; «его же», добавляет летописец многозначительно, «невегласи послушаху». Касаясь непосредственно самой земли, этот оракул, при несомненном наличии тогда на Руси культа земли, только и мог, конечно, исходить от особо посвященного в этот культ лица, каковым оказывается — на этот раз с особой наглядностью — опять-таки волхв.

Но особенно интересно это известие своей общественно-политической стороной. Что могло означать на темном языке оракула испугавшее киевлян перемещение земель русской и греческой? Конечно, только ту самую феодализацию Руси по византийскому образцу, которой, как мы видим, упорно сопротивлялось в XI—XII вв. наше народное язычество. В таком понимании оракула убеждает сопровождавшая его внешнеполитическая ситуация. Читающийся теперь под 1071 г., оракул волхва о землях читался первоначально, как доказано А. А. Шахматовым, под 1064 г.; т. е. предсказание предвещало один из самых острых конфликтов междукняжеских отношений, когда союз трех старших Ярославичей — первый опыт византинизации княжеской власти — распался под первыми же ударами половцев, и в противовес отреченным Ярославичам киевское вече «высекло из поруба» заключенного туда ими Всеслава, а затем торжественно поставило его «среде двора княжа», т. е. совершило переворот в пользу языческой старины: Всеслав этот тот самый, который родился от волхвования, не расставался с языческим наузом и сверх того, как повествует «Слово о полку Игореве», был оборотнем, т. е. был князь и волхв вместе, — поздний двойник Олега, недаром и слитый с ним в одно эпическое лицо былинной. Княжить ему, однако, в Киеве не пришлось: при приближении Изяслава с поляками он сам покидает киевлян, и они в полной уже растерянности взывают о помощи к Святославу и Всеволоду, угрожая в случае их отказа как раз тем самым, что предсказал им за 5 лет перед тем волхв: «аще ли не хочета, то нам неволя», говорят киевляне: «зажегше град свой, ступим в греческу землю». Оракул волхва и рожденный от волхвования князь явно противостоят в этом конфликте киевлян со старшими Ярославичами греческим замашкам этих последних; угроза «неволей» «ступить» в греческую землю, т. е. пойти туда в рабство, означала, конечно, предел грекофильской политики Ярославичей.

За бурными событиями 1068—1069 гг. явственно проступают все те же две борющиеся в умах и нравах эпохи культурные силы: полунасильственное огречивание, т. е. бытовая сторона феодализации, и языческая самобытность. Только последняя на этот раз обнаруживается как культ Земли. И он, следовательно, как и культ Рода, вопреки большинству наших мифологов, был в ту эпоху не только уделом бытового или личного суеверия отдельных «невегласов», но и довольно грозной еще общественной силой. Причастность его, как и культа Рода, междукняжеским отношениям тоже, как видно, не подлежит сомнению. Оба культа тесно соприкасались в воззрении и переживании своих адептов. Обличение против верящих в рождение детей землей касается одновременно и их веры

в Род. Другие обличения, менее определенно говорящие о Роде, неизменно называют, однако, с ним рядом рожаниц или, как читается в наиболее древних списках памятников, Рожаницу (в единственном числе). Так, «Слово о том, како погани суще языци кланялися идолом», говоря о Роде и Рожанице, последнюю, в ед. числе, прямо приравнивает Артемиде. В этой предшественнице позднейших «рожаниц», Артемиде — Рожанице позволительно поэтому, как кажется, признать все ту же мать-землю. «Род» и «Рожаница» наших обличительных памятников будут тогда в точности соответствовать столь же прочно сближенным в самой древнерусской жизни языческим культам Рода и Земли. А если посмотреть затем все те места летописи, где в уста отдельным князьям вложены более или менее устойчивые формулы их обычного права, то и здесь везде мы встретимся с теми же двумя понятиями и даже терминами: род и земля. В частности, культ земли с княжеским владетельным правом связан уже был через древнерусское обычное право на землевладение вообще. Обратившая на себя в этом последнем внимание Павлова-Сильванского клятва землей обличается в качестве запретного пережитка язычества уже в том же «Слове како погани суще языци кланялися идолом» (XI в.): «Ов же, дерн воскрушь (выкроенный) на главе покладая, присягу творить». О долгом господстве этого обычая говорят и многочисленные его позднейшие пережитки, собранные Смирновым³¹. Языческий культ земли явственно проступает и в некоторых уцелевших чертах собственно княжеского быта и властвования. У Рюрика Смоленского родился, например, сын — на пути из Новгорода, в городе Лучине; в крещении ему дали «ддне имя Михайло, а княже Ростислав, ддне же имя»; что означало присвоение дедного имени — мы уж отчасти знаем; но мало этого: там, где княгиню застали роды, «поставиша на том месте церковь святого Михаила, кде ся родил». Почему непременно «на том месте», а не где-нибудь рядом — что было бы, разумеется, легче и проще, — выясняется опять-таки из международных данных о почитании матери-земли: как умирающих клали непременно на землю «ut extremum spiritum redderent terrae» в убеждении, что душа как раз там, где положен умирающий, возвратится в материнское земляное лоно, так ровно обратный переход к новорожденному души умершего предка — чаще всего как раз деда — из-под земли представляли себе возможным опять-таки только там, где состоялись роды³².

В случайной обмолвке летописца драгоценной бытовою подробностью обнаруживается, как видим, и родопочитание и почитание земли одновременно, одно с другим в нерасторжимой связи. Земля чтится вдвойне: и за то, что принимает умерших дедов, и за то, что обратно отдает души их новорожденным внукам; чтится вдвойне и род этот, как теперь только выяснилось, переходящий из поколения в поколение предков, то возвращающийся в землю, то из нее же, с первым криком младенца, возникающий вновь для дальнейшей надземной жизни, как 'επιχτόνιος в точном смысле этого слова, или, если угодно, как трава, дерево или злак. Видно, наконец, и то, до какой степени унаследованные от языческой стари-

³¹ См.: С. Смирнов. Древнерусский духовник, с. 275.

³² Приведя ряд разительных такому воззрению примеров, Дитрих замечает: «Такая взаимосвязь (ребенка с душою предка) должна была иметь весьма глубокую почву в некогда очень конкретных воззрениях относительно посмертной жизни (Weiterleben) предков, если внуки, согласно древним обычаям столь многих народов, последовательно наделялись именем деда... В нашем языке даже слово внук (Enkel) в действительности означает не что иное, как "маленький дед"» (см.: Al. Dietrich. Mutter Erde, S. 25).

ны воззрения близко соприкасались со сферой княжеского обычного права: нарекли сыну оба дедные имени, ознаменовав место рождения церковной постройкой, отец новорожденного, князь Рюрик, в заключение «дает ему Лучин город, в нем же родися»; т. е. перед нами один из бесчисленных примеров княжеского «ряда», счастливо отличающийся от остальных лишь наглядной очевидностью породивших его обстоятельств; но они, как видим, не мирятся ни с презумпцией вотчинной теории, ни с презумпцией теории «лествичного восхождения»: ни из той, ни из другой нельзя вывести право князя владеть городом в качестве «дедины» только потому, что он в нем родился; вывести такое право из языческого культа помогла счастливая случайность: минутная словоохотливость летописца. Но сколько подобных других обычно-правовых норм остаются не распознанными из-за досадного его лаконизма?.. А в них-то и таится, как видно, разгадка той ужасающей беспорядочности владетельного права Рюриковичей, которую отметил, как известно, К. Маркс и которая достигла своего апогея только в XII в.

Сакрально-языческий «ряд» Рюрика Ростиславича занесен в летопись (Ипатьевскую) под 1173 г. Из далекого экскурса в область языческих древностей мы возвратились почти к исходной дате: эпизод с остриженным мечником рассказан в той же Ипатьевской под следующим, 1174 годом: да и действующие там и тут лица — ближайшие родичи: остригший Михна Мстислав Ростиславич Храбрый — родной брат Рюрика, сын того самого Ростислава — Михаила, именем которого был назван родившийся в Лучине «дедич». Рядом стоят, под следующими 1175—1177 гг. и ростовско-суздальские события, глухо расцененные летописцем тоже как конфликт «давних» невегласов с «новыми» христианами. В них теперь, действительно, нетрудно уже признать очередное, лишь более напряженное, чем прежде, столкновение тех же сил, что и в киевских событиях столетием раньше, при первых Ярославичах и Всеславе.

А. А. Архипов

ОБ ОДНОМ ДРЕВНЕМ НАЗВАНИИ КИЕВА*

В 949 г. византийский император Константин VII Порфирогенет написал свое сочинение «Об управлении империей» («De administrando imperio»), в котором, описывая многочисленные провинции, между прочим упомянул и о тогдашней Руси. За истекшее затем тысячелетие сочинение венценосного этнографа и землеописателя утратило свою прямую ценность, зато, уже помимо воли автора, сделалось важнейшим источником для историков и филологов, в частности для филологов-русистов. И ценность его увеличивается тем более, что оно содержит целый ряд загадочных мест, уже давно интригующих исследователей.

Отрывок из девятой главы, упоминающий о Киеве, — как раз такое место. Русские, пишет Константин, из разных мест (дается перечень населенных пунктов) спускаются по Днепру (διὰ... Δαναπρέως) и собираются у «крепости Киоава, называемой, кроме того, Самбатас (ἐπὶ τὸ κάστρον τὸ Κιοάβα τὸ ποιομαζόμενον Σαμβατάς)»¹. Что означало это второе название города — Самбатас, каково его происхождение?

Было сделано более двадцати попыток найти решение. Уже в 1928 г. предлагаемые решения были систематизированы, тщательно рассортированы, беспощадно раскритикованы и затем отвергнуты проф. Г. А. Ильинским в его замечательной статье «Σαμβατάς Константина Багрянородного»². Изложенная таким образом «история вопроса» показывала, что к анализу загадочного слова каждый занимавшийся им ученый подходил с позиции своей научной специальности: славист стремился дать славянскую этимологию, германист связывал его с «норманской» теорией, «антинорманнисты» выводили Самбатас из Хазарии, востоковеды объясняли его из арабского, еврейского или армянского языка. И так далее.

Несостоятельность большей части этих этимологий Г. А. Ильинский доказал сам, в отношении же остальных сослался на их убедительное опровержение, данное другими учеными (на одном таком опровержении нам придется остановиться ниже). Сам Г. А. Ильинский предложил такое объяснение: Самбатас есть слав. *sq-vodъ, т. е. место слияния рек (в данном случае Днепра и Десны), причем -ας — типичное окончание заимствованных слов в греческом³.

Через два года эта этимология разделила судьбу своих предшественниц. Проф. А. И. Лященко обратил внимание на то, что объяснение Г. А. Ильинского

* Печатается по изд.: Архипов А. По ту сторону Самбатона: Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X—XVI веках. Berkeley Slavic Specialities, 1995 [Monuments of Early Russian Literature. Vol. 9]. Гл. III.

¹ Constantinus VII Porphyrogenitus. De thematibus et de administrando imperio / Recognovit J. Bekkerus. Bonnæ, 1840. P. 74—75.

² Юбілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського. Т. II. Частина історично-літературна. У Києві, 1928. С. 166—177.

³ Там же. С. 176.

предполагает изображение славянского носового *ρ* сочетанием *-ας* в греческом: но именно данный текст дает хрестоматийные примеры *Βερουτςι* и *Νεασιτ* перехода слав. *ρ* и *ε* в *и* и *'а*. Это обстоятельство заставило Г. А. Ильинского сделать гадательное предположение, что император Константин познакомился с этим словом еще в начале X в., во время греко-русских переговоров 907 г., а это значительно понижало ценность его толкования. Кроме того, А. И. Лященко заметил, что Киев лежит значительно ниже впадения Десны в Днепр и на берегу, противоположном месту их слияния⁴.

Со своей стороны заметим, что этимология Г. А. Ильинского не удовлетворяла требованию, которое он сам выдвинул: давать такое объяснение, которое не игнорировало бы греческое написание, т. е. помнить о соответствии греческого и негреческого написаний. Дело в том, что **vody* должно было принадлежать к числу слов с подвижной акцентной парадигмой, т. е. передавать ударение на самую далекую от корня проклитику (в нашем случае на приставку *sq-*), если нет энклитики, и на энклитику, если она есть. Иначе говоря, слово **sqvody* должно было иметь во всей парадигме ударение на первом слоге. Это противоречит тому, что *Σαμβατάς*, наоборот, имеет во всей парадигме ударение на последнем слоге. Кроме того, и морфологическое оформление *Σαμβατάς* вызывает сомнение в правильности толкования Г. А. Ильинского (разумеется, при следовании выдвинутому им принципу): окончание *-ας* действительно типично для греческих заимствований, но, конечно, не для всех; более естественно было бы в нашем случае использовать окончание *-ις*, тогда предлагаемое **sqvody* приняло бы в греческом вид *Σάμβατις*. Для слов такого типа в греческом и ударение более соответствовало бы славянскому.

В упомянутой статье А. И. Лященко приведены еще два объяснения слова *Σαμβατάς*, оставшиеся незамеченными Г. А. Ильинским: эти толкования⁵, как показывает автор, тоже неудовлетворительны. Наконец, еще одно толкование, ускользнувшее от внимания и Г. А. Ильинского, и А. И. Лященко, принадлежит Г. М. Барацу⁶. По классификации Г. А. Ильинского это объяснение следовало бы отнести к разряду «еврейских». Г. М. Барац, по существу, повторяет гипотезу Фр. Вестберга (см. ниже), однако в его аргументации содержится масса грубых натяжек, которые препятствуют серьезному отношению к идеям автора.

Среди этимологий, отброшенных Г. А. Ильинским, есть одна, заслуживающая повторного рассмотрения. Она принадлежит Ф. Вестбергу, который сблизил *Σαμβατάς* с названием реки *Σαμβάτιον*, упоминаемой еврейским путешественником IX в. Эльдадом га-Дани.

Точнее, дело обстоит так: в работе «*Ibrâhîm's ibn Jakûb's Reisebericht über die Slavenlände*»⁷ Фр. Вестберг ссылается на приведенное у А. Я. Гаркави сообщение Эльдада Даниита о реке Самбатиион, за которой живут пропавшие без вести десять колен Израилевых. Фр. Вестберг истолковал это упоминание о десяти коленах

⁴ См.: Лященко А. И. Киев и *Σαμβατάς* у Константина Багрянородного // Докл. АН СССР. 1930. № 4. С. 66—72.

⁵ Финская теория В. А. Егорова и «готско-скандинавская» К. Тиандера (см.: Лященко А. И. Указ. соч. С. 66).

⁶ См.: Барац Г. М. Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Т. 1. Отд. 2. Париж, 1927. С. 680—682.

⁷ Westberg Fr. *Ibrâhîm's ibn Jakûb's Reisebericht über die Slavenlände aus dem Jahre 965* // Mémoires de l'Académie des sciences de St. Pétersbourg. 1898. V. III. N 4.

как навешанное действительным фактом существования большой еврейской колонии в Хазарии, которая, кстати, и сама официально придерживалась Моисеева вероисповедания (mosaischer Confession). Отсюда исследователь заключил, что Самбатсион — это, конечно, Дон, потому что, во-первых, он ограничивает Хазарию с запада (а Эльдад должен был двигаться именно с запада), а во-вторых, приводится следующее рассуждение. Гаркави дает два разных названия (по разным рукописям) реки Дон у Идриси, арабского путешественника XII в. Первое — nahr dnist⁸, которое Гаркави читает как Dnjestr, но в котором предлагает видеть арабскую транслитерацию греч. Ταναΐς, и второе — nahr 'as-sabt, т. е. река Сабт, по поводу которой Гаркави только недоумевает (то, что оба названия означают реку Дон, выводится из того, что на обеих реках локализуется хазарский город Саркел, действительно стоявший на Дону). По этому поводу Фр. Вестберг пишет, что правильным чтением является именно 'as-sabt, так как dnist — не что иное, как «испорченное» 'as-sabt⁹, а с другой стороны, 'as-sabt есть арабское слово, соответствующее еврейскому שַׁבָּת. «Sabbath und Sambation, — поясняет Фр. Вестберг, — wohl identisch mit Sabt und Sabbath». Далее он предлагает сравнить данное арабское слово с вульг. лат. sambatum, др.-в.-нем. Sambaztag, церк.-сл. *сѣбота*. И вот тут Вестберг добавляет: «Von Interesse ist die Bezeichnung für Kiew bei Konstantin Porph. Σαμβατάς. Es ist zu verlockend diese Benennungen des Flusses Don und der Stadt Kiew auf jüdisch-chazarische Einflüsse zurückzuführen»¹⁰.

Вот слово в слово все, что сказано у Вестберга собственно о Σαμβατάς. Здесь, как и во многих других работах, содержащих рассуждения о Σαμβατάς, это название находится во второстепенном примечании, поэтому естественно, что и в сочинении И. Маркварта¹¹, содержащем критику вывода Вестберга, вопрос о Σαμβατάς решается совершенно запросто. Маркварт обращает внимание на то, что река Самбатсион должна находиться в Африке и что Киев стоит на Днепре, а не на Дону.

Дон — не Днепр, и Африка — не Хазария, это очевидно, и Г. А. Ильинский совершенно согласился с соображениями Маркварта.

Казалось, гипотеза Фр. Вестберга была опровергнута¹². Однако по существу несостоятельной оказалась лишь его аргументация, а не гипотеза в целом. Действительно, по Эльдаду, река Самбатсион протекала в земле Куш, и, стало быть, в Африке. Но не один Эльдад писал о реке с таким названием. Мало того, он писал о ней не первый. И наконец, что важнее всего, река Самбатсион была рекой мифической, легендарной, так же как легендой были и десять колен Израилевых, земли которых она окружала. Прежде чем га-Дани написал об этой реке в IX в., о ней уже имелись упоминания на латинском, греческом, сирийском, а может быть, и на других языках. Были такие известия и на еврейском языке. Именно

⁸ Здесь и далее арабские слова даются в транскрипции, еврейские, в случае, если в источнике они не огласованы, — в транслитерации.

⁹ Арабская графика действительно дает в этом случае некоторые основания для смешения этих написаний.

¹⁰ Westberg Fr. Op. cit. S. 134.

¹¹ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 197.

¹² Сам он, во всяком случае, к ней уже не возвращался. Ср. его статью «К анализу восточных источников о Восточной Европе» (Журнал Министерства Народного Просвещения, 1908, вып. XIV), где — опять-таки среди второстепенного материала! — приводится другая этимология Σαμβατάς, о полной несостоятельности которой см.: Ильинский Г. А. Указ. соч. С. 174.

на почве еврейского языка и еврейской словесности сообщение о реке Самбатиион превратилось в легенду и связалось с легендой об исчезнувших коленах Израилевых.

Но, чтобы пойти дальше, нужно поподробнее разобрать легенду о реке Самбатиион. Самое раннее сохранившееся сообщение о ней находится в знаменитой *Historia naturalis* Плиния Старшего (XXXI, 2 (18)). Говоря о реках, которые периодически пересыхают, Плиний говорит между прочим, что «in India rivus Sabbatis omnibus siccatur»¹³. Следующее по времени известие о реке Самбатиион принадлежит не менее известному автору — Иосифу Флавию, еврею и историку еврейского народа. Иосиф упоминает о реке Самбатиион в седьмой книге своей «Иудейской войны» (5, § 1). «По дороге он (кесарь Тит. — А. А.) видел реку, чья природа заслуживает описания. Она протекает между Аркеей в царстве Агриппы и Рафанеей и имеет удивительную особенность. Когда она течет, то, будучи полноводна, в течении она не медленна, потом же вдруг пропадает от самых истоков на шесть дней и являет собой вид сухого места. Затем, на седьмой день, словно ничего не произошло, становится сама собою, и всегда наблюдалось что она сохраняет все точно в таком же порядке. Потому-то и называли ее Савватикон (Σαββατικόν) по священному у иудеев седьмому дню (недели), который называется так же»¹⁴.

Из этого сообщения следует сделать по крайней мере два вывода. Во-первых, по Иосифу, Самбатиион протекает не в Африке, а в восточной Сирии, и, стало быть, закреплённость этой реки за Африкой не столь уж тверда. Правда, на не столь далекий от Сирии Аравийский полуостров распространялось иногда название Африки и даже Эфиопии¹⁵ (что особенно важно, так как, по Эльдаду, наша река находилась не просто в Африке, а в земле Куш, т. е. в Эфиопии), но Сирия все-таки никогда Африкой не называлась. Во-вторых, здесь течение и покой реки выступают в фазе, обратной той, в которой мы видим их в сообщении Плиния: у Плиния река по субботам покоится, «пересыхает», а по Иосифу, наоборот, река течет по субботам, а по будням покоится. Это обстоятельство позволит в дальнейшем сделать некоторые выводы о происхождении нашей легенды.

В еврейской письменности в историческом промежутке между Иосифом и Эльдадом речь о Самбатиионе заходила не раз, причем в таких ее образцах, которые, несомненно, были известны каждому мало-мальски образованному еврею, и часто они знали эти тексты наизусть. Так, известие о Самбатиионе находим в трактате Берешита Раббы¹⁶. Здесь это известие исходит из уст легендарного мудреца (впрочем, и исторического лица II в.) рабби Акибы, который на вопрос Турна Руфа о том, чем отличается суббота от других дней седмицы, ответил, что и бесчувственные вещи ее прославляют. «Не свидетельствует ли об этом река Самбатиион, — добавил мудрец, — ведь она во все дни седмицы ворочает камни, а в субботу почивает?»¹⁷ В другом месте, может быть даже еще более читаемом, в

¹³ C. Plini Secundi Naturalis Historiae libri XXXVII / Ed. C. Mayhoff. Vol. V, XXXI—XXXVII. Lipsiae, 1789. P. 9—10.

¹⁴ Flavii Josephi Opera / Recognovit Guilelmus Dindorfius. Vol. II. Parisiis, 1847. P. 311.

¹⁵ См.: Хеннинг Р. Неведомые земли. Т. II. М., 1961. С. 453.

¹⁶ Мидраш (иносказательное толкование) на книгу Бытия. Его автором, по преданию, считается палестинский аморай Гошайя, живший в III в. В современном виде Берешит Рабба сложился немногим позже Иерусалимского Талмуда (см. об этом мидраше: Theodor J. Bereschith Rabba // Jewish Encyclopedia. Т. III. London, 1925. P. 62).

¹⁷ Bartoloccius J. Bibliotheca Magna Rabbinica. Pars. I. Romae, 1675. P. 100.

талмудическом трактате «Сангедрин», находим следующую притчу: «Если кто спросит: суббота ли сегодня? — ему говорят: это показывает река Самбатсион»¹⁸. К этому месту трактата традиционно прилагается глосса Раши (рабби Соломон Ицхаки), знаменитого библейского экзегета и комментатора Талмуда, в которой сообщается, что Самбатсион — каменистая река, которая течет и клокочет во все дни недели, а в субботу утихает и покоится (*šwqt wnh*)¹⁹. Этот текст в почти неизменном виде повторяется и в других произведениях древнееврейской литературы талмудического периода. Для этих сообщений характерны две черты: неясность локализации и явный мифологический колорит. Поскольку реку Самбатсион стали связывать с исчезнувшими десятью коленами, которые якобы проживают на территории, окруженной этой рекой²⁰, то ее приурочивали к тому месту, где предполагали найти пропавших израильтян. Всякий географический регион, подозреваемый на предмет присутствия в нем десяти колен, должен был иметь свою реку Самбатсион.

Поскольку Хазария не меньше других стран заслуживала того, чтобы именно ее считали прибежищем десяти колен, то, вполне естественно, река Самбатсион имела и в Хазарии. Самым красноречивым образом это подтверждается словами Исаака Акриша, испанского еврейского писателя и компилятора XVI в., сказанными в его предисловии к константинопольской *editio princeps* (1577) знаменитой еврейско-хазарской переписки X в. (в скобках даны примечания переводчика П. К. Коковцова): «...места проживания их (10 колен) находятся: по одним — близ реки Саббатсион, по другим — дальше реки Саббатсион, потому что так написано в Раббот (то есть в Берешит Рабба), по другим — за царством Темана (южная Аравия), внутри (Аравии), по другим — позади реки Гозана, как это указывает р. Вениамин в своих «Странствиях» (еврейский путешественник XII в.), и точно так же написано в Книге Царей, что их увел Сеннахирим (I Цар. 17 : 6, 18 : 11²¹), по другим — они живут у подошвы Гор Мрака (Кавказа), как сообщает Бен-Горион в своей книге, рассказывая истории Александра Македонского (речь идет о книге «Иосипон»). Некоторые же говорят, что они находятся за царством Хабеша (Абиссиния), поблизости от Преште-Гуване (то есть государства «пресвитера Иоанна»)»²². Не менее красноречива в интересующем нас смысле и концовка этого предисловия: «И вот что сказал пророк Исайя в 49 главе (8—9): Так говорит Господь, в день благоволения Я отвечу тебе... говоря заключенным “выходите” — здесь разумеются заключенные узами реки Саббатсион: — “тем которые во мраке: покажитесь” — здесь разумеются заключенные в Горах Мрака»²³.

Из сказанного Исааком Акришем следует, что пропавшие колена, несомненно, находятся за рекой Самбатсион и что река эта протекает где-то вблизи Кавказа (Горы Мрака): связь этих двух географических объектов окончательно утверждается авторитетом Исайиного пророчества. Историческая Хазария, как известно, действительно была связана с Кавказом, так как ее южная территория приходилась на Северный Кавказ.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Об этом см.: *Neubauer A.* Where are the ten Tribes // *Jewish Quarterly Review*. 1899. Vol. 1. P. 20.

²¹ По греко-славянскому библейскому канону — III Книга Царств.

²² *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 39—40.

²³ Там же. С. 50.

Итак, в сознании еврейского писателя, кстати, хорошо знавшего сочинение Эльдада Данита и ссылавшегося на него, не возникает проблемы, как река, локализованная авторитетным писателем в Африке, может протекать где-то в северо-восточном Причерноморье.

Арабским и персидским источникам известен один любопытный географический объект — Испанское море, *bahr 'andalūs, mare Andalusiae*. Сообщается, в частности, что в нем (цитирую по словарю Вуллерса) «*navis provehi non posse dicitur nisi die sabbati (snbt) sole occidente, quo tempore tranquillum est*»²⁴. Едва ли можно сомневаться, что речь здесь идет о нашей реке, а «море» (*bahr*) получилось из «реки» (*nahr*) путем ошибочного переноса диакритической точки, ибо только ею одной различаются арабские буквы «ба» и «нун». Но интереснее то, что Самбатин-он опять обнаруживается на новом месте, на этот раз в Испании.

Такое же непроходимое море, но теперь «песчаное» (*harenosum mare*) имеется и в земле «Пресвитера Иоанна»²⁵, который, впрочем, в своем послании смело и широко пользовался «хождением» Эльдада²⁶. Здесь же имеется и «каменная река», которая течет три дня в неделю, а на четыре остальных дня останавливается²⁷. Это, разумеется, очень простая трансформация «субботней» реки. И конечно же, за этой рекой живут десять колен израильтян²⁸. Эта «каменная река» называется у пресвитера Иоанна *Ydonus*, что, как полагает, впрочем без достаточных оснований, Д. Г. Мюллер, означает просто имя одного из колен — Дан («*nach jüdischer Aussprache Don*»)²⁹, причем И. Маркварт это предположение повторяет в своем сочинении дословно как несомненное³⁰.

Послание пресвитера Иоанна опять-таки не дает оснований для точной локализации как «каменной реки», так и «песчаного моря», но и его информации доста-

²⁴ Joannis Augusti Vulleris Lexicon persico-latinum etymologicum. T. I. Bonnae, 1855. P. 192; *snbt* читается *šambe*.

²⁵ Иоанн пишет: *Inter cetera, quae mirabiliter in terra nostra contingunt, est harenosum mare sine aqua. Harena enim movetur et timescit in undas ad similitudinem omnis maris, et nunquam est tranquillum. Hoc mare neque navigato neque alio modo transiri potest, et ideo cuiusmodi terra ultra sit sciri non potest.* — (*Oppert G. Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte*. Berlin, 1864. S. 29).

²⁶ Müller D. H. Die Recensionen und Versionen des Eldad had-Dâni, nach den alten Drücken von Constantinopel, Mantua und Venedig und den Handschriften von London, Oxford, Parma, Rom, St. Petersburg und Wien veröffentlicht und kritisch untersucht // *Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Classe*. Bd. 41. Wien, 1892. S. 7.

²⁷ *Tribus diebus longe ab hoc mari sunt montes quidam, ex quibus descendit fluvius lapidum eodem modo sine aqua, et fluit per terram nostram usque ad mare harenosum.*

Tribus diebus in septimana fluit et labuntur parvi et magni lapides et trahunt secum ligna usque ad mare harenosum... Aliis quatuor diebus patet transitus (*Oppert G. Op. cit.* S. 29).

²⁸ *Ultra fluvium vero lapidum sunt X tribus Judaeorum, qui quamvis fingant sibi reges servi tamen nostri sunt et tribularii excellentiae nostrae* (*Ibid.* S. 31).

Полагают, что в своей земле легендарный пресвитер действительно мог видеть и песчаное море, и каменную реку, и пр. (см.: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства: (Легенда о «Государстве пресвитера Иоанна».) М., 1970. С. 135). Песчаное море, по мнению автора, это песчаная пустыня с барханами, не ясно только, какая — Такла-Макан или Центральная Джунгария, а каменная река — это «описание южных склонов Тянь-Шаня, откуда постоянно низвергаются каменные обвалы и осыпи». К сожалению, Л. Н. Гумилев нигде не указал на то, что Иоанн часто просто переписывал Эльдада, хотя едва ли связь этих двух авторов осталась ему неизвестной.

²⁹ Müller D. H. *Op. cit.*

³⁰ Marquart J. *Op. cit.* S. 198.

точно, чтобы заключить, что, по Иоанну, река Идон-Самбатион протекает не в земле Куш.

Естественно спросить, действительно ли легендарная река может локализоваться совершенно произвольно или между землей Куш в Африке, Северным Кавказом и Испанией есть что-нибудь общее? По-видимому, вернее последнее. Дело в том, что в лексиконе средневековых евреев слово «Африка» (אפריקא, есть также и несколько отличающиеся написания) означало не только собственно африканский континент или по крайней мере ту его часть, которая была известна тогдашней географии, но и «страны» под названием Таршиш (תרשיש, он же библейский Фарсис; не путать с Тарсом Киликийским) и Гомер³¹. Таршиш, или Фарсис, земля Таршиша, одного из потомков библейского Иафета, наиболее устойчиво ассоциировался с Испанией³², а земля Гомер, названная также по имени одного из потомков Иафета, есть земля Киммерийцев³³, т. е. северное Причерноморье. В этой связи особенно важным оказывается то, что хазарский каган Иосиф в своем письме к вельможе испанского халифа Хасдаю бен Шафруту возводит свой род именно к библейскому Фогарме, сыну Гомера: «Знай, что мы [происходим] от сынов Иафета, от сынов его сына Тогармы. Мы нашли в родословных книгах наших предков, что у Тогармы было 10 сыновей... Мы приходим от сыновей Хазара: это седьмой [из сыновей]»³⁴. Таким образом, становится понятно, что помещение реки Самбатион в Причерноморье — Киммерии, в Испании и в земле Куш — т. е. в трех совершенно различных регионах, не является абсурдом: все эти три области покрываются одним топонимом — Африка.

Из сказанного следует, что аргументация И. Маркварта, направленная против гипотезы Фр. Вестберга, по существу не опровергает эту гипотезу. Иначе говоря, одна из гипотез, отвергнутых Г. А. Ильинским, оказывается реабилитированной. В своей приемлемой части она после приведенных рассуждений может быть сформулирована следующим образом: 1) на территории расселения иудействующих хазар могла находиться река, которую отождествляли с легендарной рекой Самбатион; 2) именно эта река или легенда, связанная с ней, могла вызвать появление в тексте Идриси гидронима 'as-sabt, Ас-Сабт, вместо, по-видимому, более правильного *dnîst, Δαναΐς, Дон; 3) именно с этим гидронимом — Самбатион — могло быть связано и название Киева — Σαμβατάς.

Все приведенные факты аргументируют связь названия Киева по Константину с рекой из талмудической легенды только в аспекте возможности, и, по-видимому, это единственная сторона вопроса, которая может быть рассмотрена достаточно убедительно. Со стороны необходимости мы, к сожалению, не можем пока привести ни одного аргумента, и очень вероятно, что до наших дней просто не сохранилось ни одного свидетельства, документирующего эту связь, поэтому можно только попытаться сгустить доказательства ее возможности.

В статье Г. А. Ильинского в разряд «еврейских» этимологий Σαμβατάς отнесено предположение А. Н. Веселовского о том, что с этим названием Киева связано название былинной Сафат-реки. А. Н. Веселовский сам проделал разбор некото-

³¹ Krauss S. Griechische und lateinische Lehnwörter in Talmud, Midrasch und Targum. Bd. II. Berlin, 1899. S. 115

³² Еврейская энциклопедия. Т. 14. СПб., 1913. С. 766—767.

³³ Там же. Т. 6. СПб., 1910. С. 666.

³⁴ Коковцов П. К. Указ. соч. С. 74. Ср. Бытие, 10 : 3: Сыны Гомера: Ашкеназ, Рифат и Фогарма.

рых гипотез происхождения Константинова названия Киева и отметил неизбежную гадательность и даже фантастичность связанных с этой проблемой предположений. «И так как одна фантазия вызывает другую, — пишет А. Н. Веселовский, — я почти вправе спросить: не связана ли с Самватом наша былинная Сафат — или Салфа-река, на которой Илья бьется с сыном, Алеша Попович поражает Тугарина и погибают русские богатыри? В Сафате иные видели искажение Евфрата, другие — созвучие с Иосафатовой долиной Св. Писания. Созвучие или осмысление, в основе могло лежать какое-нибудь местное название, давшее повод к приновлению»³⁵.

Помимо того что русские богатыри бьются на берегу Сафат-реки, с ней связаны еще некоторые интересные подробности. Об Илье Муромце, например, сообщается, что

Он пошёл гулять по Салфе реке,
По салфецкому крутому бережку;
Выезжал Илья на высок бугор,
На высок бугор, на раскатистый,
Расставлял шатер — полы белыя;
Расставлял шатер, стал огонь сечи
.....
Расхлебав кашу, стал почив держать,
Богатырский сон на двенадцать ден,
На двенадцать ден, на двое сутокки.

(Киреевский, 1, 3)³⁶.

На спящего Илью нападает «татарчонок», которому Илья затем сносит голову. Интересно, что мотив сна в композиции цитированной былины оказывается, по существу, центральным. При этом продолжительность сна Ильи оказывается равной двум неделям: «двенадцать дён и двое сутокки», т. е. река Сафат — Салфа связывается в былинной с недельным циклом, в котором особо отмечены одни «сутокки», что позволяет сравнить ее с Самбатионом. Неважно, какой день выделен, суббота или какой-нибудь другой. Если «Самват» действительно связан с Самбатионом, то в исходном варианте таким днем, несомненно, были субботы, и мотив сна богатыря может быть связан с тем, что река останавливается по субботам и покоится, а также с тем, что и этимологически Самбатион восходит к еврейскому глаголу *נָחַם* «покоиться, останавливаться». В других вариантах былины мотив сна также подчеркнут.

В былинной об Алеше Поповиче Сафат-река также упоминается в связи со сном героя перед боем с Тугарином, причем река Сафат связана здесь с Киевом:

И поехали оне к городу ко Киеву,
Не доехавши оне до Сафат-реки,
Становились на лугах на зеленых,
.....
Расставили тут два бела шатра,

³⁵ Веселовский А. Н. Киев — град Днепра // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1887. CCLII. С. 300.

³⁶ Здесь и далее цитируются по изданию: Собрание народных песен П. В. Киреевского. Т. 1. Л., 1977.

Что изволил Алёша опочив держать,
 .....
 Сам ложился в свой шатер опочив держать³⁷.

В Сафат-реке Добрыня Никитич борется со Змеем-Горынчищем. В начале былины Добрыня просит благословения у своей матери:

Пусти меня, матушка, купатися,
 Купатися на Сафат-реку.

Добрынина мать, «многоразумная вдова», предупреждает богатыря:

Пойдешь ты, Добрыня, на Израй на реку,
 В Израе-реке станешь купатися —
 Израй-река быстрая,
 А быстрая он, сердитая:
 Не плавай, Добрыня, за перву струю,
 Не плавай ты, Никитич, за другу струю³⁸.

Богатырь, конечно, заплывает за вторую «струю», «а третья струя подхватила молодца, унесла в пещеры белокаменны». Здесь Добрыня побеждает Горынчища и после этого спокойно плывет по реке, тогда как поначалу входит в нее довольно опасно. Река Сафат—Израй по этой былине—также расположена вблизи Киева. В вариантах былины она выступает под именем Пучай³⁹, что может быть связано с киевской Почайной. В былине «Илья ездил с Добрынею» имеется другое синонимическое название реки—Черега⁴⁰: на Череге (= «матушке Сафат-реке») Добрыня убивает бабу Горынину, что как будто лишний раз указывает на родство Череге и Израй-реки. С другой стороны, Череха-река находится опять-таки неподалеку от Киева, на «государевом займище» князя Владимира (былина «Чурила Пленкович», в других вариантах былины реки называются Почай-река или Сарога⁴¹); «сорок калик со каликою» встречаются с князем Владимиром на берегу Череге на пути в Иерусалим:

Подходят уже они под Киев-град,
 Сверх тое реки Череге⁴².

Можно указать еще на одну реку—тоже эпическую, которая могла быть связана с рекой Самбатон. Это река Смородина (Сомородин). Как и Сафат-река, Смородина—место богатырского поединка, на ней царь Саул Леванидович бьется со своим сыном⁴³, а Илья Муромец пленяет Соловья-Разбойника⁴⁴. В других текстах⁴⁵ Смородина—коварная и непроходимая река, она челове-

³⁷ Древнейшие российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым. М., 1977. С. 99.

³⁸ Там же. С. 182—183.

³⁹ Там же. С. 453 (комментарий Б. Н. Путилова).

⁴⁰ Там же. С. 189.

⁴¹ Там же. С. 87, 440.

⁴² Там же. С. 121.

⁴³ Там же. С. 137.

⁴⁴ Собрание народных песен П. В. Киреевского. С. 43.

⁴⁵ Там же. С. 183—185.

ским голосом предупреждает богатыря, что через нее нет ни мостов, ни бродов. Когда богатырь (Добрыня или просто «добрый молодец») просит реку переправить его, она соглашается сделать это за его «поклоны низкие». Богатырь переходит через реку и, пораженный легкостью переправы, начинает насмехаться над рекой:

Сказали про речушку,
Сказали про быструю,
Что эта речушка
Широким широкая,
А глубоким глубокая —
Ан эта речушка
Хуже озера стоячего,
Как дождева калужнина!
(или: Хуже озера стоячего,
Поганой калужнины!)

Обиженная река обманом заставляет доброго молодца вернуться обратно и топтит его в своих водах⁴⁶. Иначе говоря, Смородина — это быстрая, непроходимая река, которая при определенных обстоятельствах останавливает свое течение, делается как дождевая лужа. Смородина также локализуется рядом с Киевом, хотя в одной и той же былине она может быть связана и с Киевом, и с Черниговым, причем эпическая первостепенность этой реки подчеркивается тем рядом, в котором она стоит:

И поехал добрый молодец на Чернигин град,
На леса на Брынские,
Через горы Сионские,
Через те грязи черные
На тоё реку Смородину⁴⁷.

Аргументы в пользу сближения реки Самбатин с какой-нибудь реальной или эпической рекой (реками) дает и гидронимика Днепровского бассейна. Здесь имеется несколько рек, протекающих в пределах нынешней Киевской области, носящих названия: Субот, Субодь, Субодь, Собошь, Собошь, Субодь, Собіт. Любопытно, что эти реки имеют вариативное название Нетеча⁴⁸. Слово *нетеча* в качестве географического термина зафиксировано в украинских, польских и сербохорватских диалектах (ср. укр. нетеч, нетеча, польск. *pieściesza*, серб.-хорв. нетека) и имеет значение «стоячая вода, болото»⁴⁹. Возможно, что и гидроним Почайна надо сближать с диалектным *поча* со значением «стоячая вода, топь, болото»⁵⁰. Точно так же эпический гидроним Смородина связан со значением смрадного, зловонного болота. Таким образом, перед нами реки, которые (так же как и в описании Плиния) по временам перестают течь.

⁴⁶ Там же (ср. Древнейшие русские стихотворения. С. 158—159).

⁴⁷ Там же. С. 42.

⁴⁸ Словник гідронімів України / Ред. колегія А. М. Неподкупний, О. С. Стрижак, К. К. Цилуйко (голова). Київ, 1979. С. 538.

⁴⁹ Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969. С. 181.

⁵⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—4. М., 1964—1973. Т. 3. С. 347.

Названия рек типа Суббота объясняют обычно тем, что рядом с этими реками располагались субботние торги⁵¹. Такое истолкование можно было бы предположить и для Σαββατάς. В этом случае император Константин (или его информатор) должен был легко понять внутреннюю форму слова Σαββατάς (т. е. суббота). Однако странно, почему если он ее понял, то воздержался даже от самого краткого комментария на этот счет, равно как и от указания на предполагаемые субботние торги. Да и сама форма Σαββατάς, с типичным для заимствования окончанием, нарочито расподобленная по отношению к греч. σαββατον «суббота», показывает, что Константин не видел здесь ясной связи с субботой. Характерно, что и в еврейской традиции связь реки Самбатсион с субботой отразилась только в легенде; что касается написания гидронима סַמְבַּטִּיּוֹן, то он на первый взгляд не давал основания для сближения его с שַׁבָּת, суббота. Это побудило, между прочим, Эльдада Данита объяснять סַמְבַּטִּיּוֹן из שַׁבַּת יְגוֹס, т. е. колена-беглец⁵². Объяснять, как из שַׁבָּת произошло סַמְבַּטִּיּוֹן (при том, что их связь несомненна), представляется скорее проблемой гебраистики, однако в качестве предварительного решения можно выдвинуть такое предположение: легенда о реке Самбатсион несомненно еврейского происхождения, и в названии реки ее связь с субботой сказывалась первоначально с большей ясностью, однако письменное закрепление эта легенда и название реки получили на греческом языке, возможно в сочинении Иосифа Флавия. Позднее, в эпоху письменной фиксации Талмуда, название реки было перенесено в еврейские письменные памятники, причем соблюдались правила транслитерации греческих слов, согласно которым σ передавалась через букву «самех», а τ через букву «тет». Что касается перехода греческого -ββ- в Σαββατικόν, Σαββατιόν в евр. -mb-, -nb- вместо ожидаемого -b- (хотя и такой вариант существует), то это явление как довольно типичное отмечено С. Краусом⁵³.

То, что название Σαββατάς относилось не к субботним торгам (и не мотивировалось наличием таких торгов), следует еще и из того, что объект, к которому относится этот топоним, назван у Константина τὸ κάστρον, т. е. военная крепость.

Суммируя все сказанное, можно утверждать, что Киев получил название Σαββατάς по имени реки, на которой он был расположен или которая протекала поблизости от города. Такой рекой могла быть, например, Почайна или даже Днепр. Наименование города по имени реки, на которой он стоит, широко распространено, ср. одно из древнегерманских названий Киева Danparstad⁵⁴, явно происходящее от имени Днепра. В свою очередь, река получила такое название по связи с легендарной рекой Самбатсион. Эта связь состояла как в том, что Киев находился на границе расселения иудействующих хазар (соответственно и евреев), так и в том, что предполагаемая река по временам останавливала свое течение.

К хорошо известным летописным свидетельствам о пребывании хазар в древнейшем Киеве (топоним «Козар», «козарские ворота», «жидовские ворота»⁵⁵) можно добавить, что Почайна вытекает из озера Иорданского⁵⁶, и если название последнего было мотивировано крещением в Почайне киевлян при Владимире

⁵¹ См., например: Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 396.

⁵² Marquart J. Op. cit. S. 197.

⁵³ Krauss S. Op. cit. Bd. II. S. 141.

⁵⁴ См.: Дашкевич Н. П. Приднепровье и Киев по некоторым памятникам древнесеверной литературы // Киевские университетские известия. 1886. № 11. С. 288 и сл.

⁵⁵ См.: Лященко А. И. Указ. соч. С. 72.

⁵⁶ См.: Сементовский Н. М. Киев, его святыни и древности. Киев, 1881. С. 14.

Святом, то сам выбор этой реки для крещения был не случаен: у Владимира, очевидно, были основания усматривать связь Почайны с Иорданом.

«История географии, — писал некогда А. Шлёцер, — наука, неизвестная древним, — дала бесчисленное множество примеров того, как складываются и изменяются легенды вокруг географических понятий»⁵⁷. Случай со второстепенным и забытым названием Киева как раз из числа этих примеров.

Гипотетичность предложенного объяснения заставляет исследовать более широкий контекст функционирования слов типа Σαμβατάς / Σαμβαθίων. Предварительная работа в этом направлении проделана А. Чериковером в связи с изучением распространения в египетских папирусах I—II вв. еврейского имени Σαμβαθίων (м. р.) / Σαμβαθιον (ж. р.)⁵⁸, восходящего к евр. שַׁבָּתַי (Шабтай, Шаббатай, Саббатай), в эллинизированной форме — Σαββαθαῖος⁵⁹. В определенный момент (приблизительно с эпохи Августа) это имя становится популярным в «коренной» египетской среде, причем настолько, что автор рассматривает это как важный демографический феномен и посвящает Самбатинам целый раздел своей книги⁶⁰. Интересно, что при традиционно отрицательном отношении неевреев к заимствованию еврейских имен — тезис, неоднократно повторяемый Чериковером, — и при том, что египтяне в указанный период явно следовали этому правилу, как раз имена типа Σαμβαθίων оказывались исключением, и, как можно заключить из материалов, собранных Чериковером, они служили знаком квазипрозелитизма, сочувствия иудаизму, а их владельцы могли бы быть причислены к разряду «боящихся (чтущих) Бога» — φοβούμενοι (σεβόμενοι) τὸν θεόν, metuentes, פֿורֿווען יִיֿהוָה. Чериковер попытался осмыслить данные папирусов на фоне функционирования имен этого типа в Средиземноморье I—IV вв. Свои наблюдения он свел в следующие восемь групп.

1. В рассматриваемое время в Танаисе существовала община поклонников «синкретического» культа «Бога Высочайшего» Θεὸς Ὑψιστος, среди которых были носители имен типа Σαμβαθίων, и в то же время в общине были люди с достоверно еврейскими именами, например Ἀζαρίων (евр. אֶזְרִיאֵל).

2. Имена типа Σαμβαθίων встречаются в европейской, в частности в римской, пиграфике, причем иногда в контекстах, исключающих принадлежность их владельцев к иудаизму.

3. В египетских папирусах упоминается *фригийская* рабыня по имени Σαμβατίς.

4. В лидийской Фиатире отмечен топоним Σαμβαθειον, который в действительности обозначает синагогу, ср. σαμβαθειον у Иосифа Флавия (antt. 16, 164).

5. В надписях из Киликии упоминается культ бога Σαμβατίστης'a с некоторыми чертами иудаизма.

6. В надписи из Лидии встречается имя божества Σαβαθικός.

7. На Мичиганском остраконе имя ΣΑΜΒΑΘΙΣ открывает список божеств.

⁵⁷ Schlözer A. L. Allgemeine Weltgeschichte. Bd. 31. Riga, 1785—1789. S. 5.

⁵⁸ Варианты многочисленны: Σαβαθίς, Σαβαθῶς, Σαβαταίς, Σαμβαθαῖος, Σαμβαθειός, Σαμβαθιον, Σαμβαθίων, Σαμβαθός, Σαμβαταῖ, Σαμβαταῖος, Σαμβαταίς, Σαμβατάτιον, Σαμβατίων, Σαβδαῖος, Σαμβαθαῖος, Σαμβαθιον, Σάβμαθος, Σαμβαῖος, Σαμβαταῖος, Σαμβαθαῖος, Σανβάτιος.

⁵⁹ Corpus papyrorum Judaicarum / Ed. By A. Tcherikover in collaboration with A. Fuks. V. 1—3. Cambridge. Published for the Magnes Press, Hebrew University [by] Harvard University Press, 1957—1964.

⁶⁰ Ibid., v. 3, p. 43—87

8. В Навкратии времен Августа упоминается *σύνοδος Σαμβαθική*, при том что египетские *σύνοδοι* назывались обычно именами божеств.

Все эти факты осторожно истолковываются Чериковером как свидетельства распространения культа субботы в языческой среде (ср. свидетельства Иосифа Флавия, с. Ар. 2.282, Филона, *vita Mosis* 2.17, Ювенала, *Sat.* 14.96 слл., Горация, *Sat.* 1.9.68 слл., Тертуллиана, *ad. nat.* 1.13) как культа особенного дня, дня отдыха. Особая роль в сложении этого культа отводится сивилле Самбате (*Σαμβάθη* / *Σαμβήθη*, конечно, из *Σαββάθη*) «еврейской» (или «халдейской», называемой, впрочем, также персидской, египетской, вавилонской и эритрейской), сивилле, соединившей в себе черты своих предшественниц, более древних, более «классически» почитаемых сивилл, и специфически еврейскому пониманию субботы⁶¹.

Большая часть изложенных фактов допускает иную интерпретацию.

1. Эпитеты Бога Высочайшего в неясном «синтетическом» культе Северного Причерноморья находят убедительное объяснение именно как кальки традиционно иудейских терминов. Так, собственно «Высочайший» *ὑψιστος* явно калькирует евр. *עליון* (*pluralis majestatis* — *עליונים*⁶²), «Вышний» *παντοκράτωρ* — евр. *יְשׁוּבָה*⁶³, *εὐλογητός* — евр. *בָּרוּךְ*⁶⁴. В боспорских манумиссиях неоднократно упоминается *συναγωγή τῶν Ἰουδαίων*, а также молитвенное собрание — *προσευχή*, что, как и в Новом Завете, безусловно, обозначает здесь синагогу. Кроме имен типа *Σαμβάθιον*, встречающегося часто и в разных орфографических вариантах, и *Ἀζαρίων*, в боспорских надписях обнаруживаются еще *Ἰσαάκιος*, *Μαρία*, *Σαμουήλ*, т. е. имена отчетливо еврейского происхождения. Весьма возможно, что к этому же кругу имен относятся также *Βάρδανος* (если оно от евр. *בָּר* *בר*), *Ἠλίας*, *Ἰώδας*, *Σίμων*, *Σαφάτας*⁶⁵. В III—IV вв. здесь начинают появляться надписи, в ча-

⁶¹ Ibid., p. 47—52.

⁶² По модели *אֱלֹהִים* — *אֱלֹהִים*, что только подтверждает идею калькирования в данном случае еврейской сакральной терминологии.

⁶³ Любопытно, что в Септуагинте (Числ. 24:4) *יְשׁוּבָה* переводится как *ἰσχυρός* «крепкий» (ср. *Ἁγίος Ἰσχυρός* «Святой Крепкий» из «Трисвятого»), тогда как в Вульгате, чей перевод — равно как и текст, ибо в данном случае она текстуально расходится с Септуагинтой, — отражает более позднее и более синхронное с северопричерноморским культом истолкование культового понятия, соответствие более точное — *Omnipotens*. Известно, что создатель Вульгаты, Иероним Стридонский, в процессе перевода консультировался с еврейскими учеными, и вполне допустимо, что и в данном случае консультации повлияли на перевод. Иначе говоря, смысловая разница между северопричерноморским *παντοκράτωρ* и словарно правильным *ἰσχυρός* отражает эволюцию экзетерического сознания в религии евреев от времени возникновения греческого «таргума» до времени создания латинского.

⁶⁴ В этом смысле показательно соседство надписей *ὁ θεὸς ὁ ὑψιστος* и *κύριε ὁ πάντα ἐφερῶν καὶ οἱ ἄγγελοι θεοῦ* (Господи, всяческая смотрая, и ангели Божии) в синагоге в Делосе (*Kraabel A. T. The Diaspora Synagogue: Archeological and Epigraphic Evidence since Sukenik // ANRW*, 19.1 (1979), 493). Вторая надпись своим отчетливо «септуагинтским» языком и стилем, а главное, смыслом проясняет контекст первой.

⁶⁵ Все примеры см. в: *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* / Ed. B. Latyshev. Vol. 1—3. Hildesheim, Georg Olms, 1965; Корпус боспорских надписей: Полное собрание всех до сих пор известных эпиграфических текстов, найденных за последние полтора-два лет / Отв. ред. В. В. Струве. Л., 1965. Некоторые из них заслуживают особого замечания. Так, скажем, *Ἰσαάκιος* появляется на греко-еврейской билингве (*Inscriptiones...*, v. 1, № 404), *Σαμουήλ* — на надписи с фрагментом изображения меноры (*Ibid.*, v. 2), небесосомненные по отдельности *Ἰώδας* и *Βάρδανος* встречаются только вместе как *Ἰώδας Βαρδάνου*, и в этом сочетании едва ли можно сомневаться, что второе имя — это патроним, и, значит, Вар — есть *בָּר* «сын» (*Ibid.*, № 29b). Некоторые этимологически безусловно нееврейские имена настойчиво выступа-

стности греко-еврейские билингвы, с именем שַׁבָּתַי (Шаббатай — Саббатай). И если «субботные» имена могут свидетельствовать о почитании субботы, то в сочетании с Богом Высочайшим это почитание становится похожим на культовый элемент иудаизма, хотя бы и синкретического. Иудаизм в Боспорском царстве, судя по надписям, несомненно, имел черты «синкретизма»: так, в надписях, наряду с синагогой, могут упоминаться и греческие боги (если, конечно, такие упоминания не суть «ложные друзья» интерпретатора). Впрочем, чистый, «нормативный» иудаизм для I—II вв. является, конечно, анахронизмом⁶⁶.

2. В силу этого последнего замечания и «нееврейский» контекст в римских надписях, в частности там, где они отражают нееврейский с «нормативной» точки зрения характер погребения, не может, вопреки Чериковеру, рассматриваться в качестве критерия этнической и религиозной принадлежности римских Σαββαθίων. Ни кремация (Iunia Sabatis⁶⁷), ни начертание D. M., то есть Dis Manibus, вопиюще противоречащие иудейскому монотеизму (Aurelia Sabbatia, Claudia Sabbathis⁶⁸), не могут однозначно отрицать какую-либо связь усопшего с иудаизмом. Достаточно вспомнить, без преувеличения сказать, знаменитый саркофаг «четырёх времен года с менорой» из римского Museo delle Terme — «the best known of the remnants of Jewish sarcophagi from Ancient Rome»⁶⁹. Саркофаг декорирован типичнейшим (по крайней мере для I—II вв.⁷⁰) трафаретом римской погребальной утвари — сюжетом четырёх времен года, то есть символами круга Прозерпины. Из четырёх фигур сезонов хорошо сохранилась только одна, Осень, однако сюжетный тип абсолютно узнаваем. В центре композиции *clipeus*, на котором по обычаю высекался портрет усопшего, но здесь вместо портрета вырезан семисвечник (менора) из Моисеевой скинии завета — наиболее адекватный и узнаваемый символ иудаизма. Изображение меноры настолько символически значимо и настолько типично для еврейских погребений, что принадлежность саркофага еврею, несмотря на чисто языческий *entourage*⁷¹, просто вне сомнений.

ют в «еврейском» контексте: так, на камне с изображением меноры фигурирует некая γυνή Χρηστίωνος (Ibid., № 304), а в двух манумиссиях с упоминанием προσευχή — женщины с именами Χρήστη и Χρῖσα (Ibid., № 52, 400). Наконец, имя Χρήστη встречается в сочетании с именем типа Σαββαθίων (Ibid., № 108). Не значит ли это, что имена с корнями χρηστ- / χρυσ- могли быть греческими именами, которые получили особое предпочтение у евреев — возможно, как кальки с евр. — זָהָב 'золото', греч. χρυσός (ср. евр. זָהָב, תְּהִי, восточноевропейские еврейские женские имена *Голда*, *Злата*) или с евр. слов со значением 'хороший' (греч. χρηστός), напр. טוב (ср. евр. טובה, טובה, טבאל, восточноевропейские еврейские женские имена *Гута*, *Тойбл*)? Если это наблюдение верно, небесомненный Σαφάτας сильно подкрепляется своим патронимом — Σαφάτας Χρηστίωνος (Корпус боспорских надписей..., № 1179).

⁶⁶ См., например, Neusner J. Early Rabbinic Judaism: Historical Studies in Religion, Literature and Art. Leiden, Brill, 1975.

⁶⁷ Frey J.-B. Corpus Inscriptionum Judaicarum: Recueil des inscriptions juives qui vont du IIIe siècle avant Jesus-Christ au VIIe siècle de notre ère <...>. Vol. I: Europe. Città del Vaticano, Roma, Pontificio istituto di archeologia cristiana, 1936, № 68.

⁶⁸ Ibid., № 82, 71.

⁶⁹ Konikoff A. Sarcophagi from the Jewish Catacombs of Ancient Rome: A Catalogue Raisonné. Stuttgart. Fr. Steiner Verlag, 1986, p. 41.

⁷⁰ Hanfmann G. M. A. The Season sarcophagus in Dumbarton Oaks. Vol. 2. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1951, p. 179.

⁷¹ Кроме Осени и полуразрушенной Зимы на саркофаге еще присутствуют две фигуры Викторий, несущих *clipeus*, и пять фигурок *amorini*: три из них топчут виноград в точиле со львиными мордами на стенках, а две оседлали животных: одна — зайца, другая — собаку. В свою оче-

3. Фригийское происхождение (γένει φρυγία) рабыни Σαμβατίς ничего не говорит о ее религиозной принадлежности. Скорее, наоборот, ее имя, если оно действительно связано с евр. **שבת**, может рассматриваться как знак связи с иудаизмом⁷².

редь, заяц и собака вводят в композицию мотив охоты или выступают как его реликт. Этот глубоко типичный для символики римских саркофагов мотив метафорически представлял похищение души смертью. С другой стороны, нельзя не отметить, что символика четырех времен года, так же как и символика зодиака, довольно активно проникала в декор древних синагог, ср. их изображения в синагогах в Бет Альфа, Хаммат Тверии, На'ране, Хусейфе (*Hachlili R. Ancient Jewish Art and Archaeology in the Land of Israel*. Leiden, Brill, 1988, p. 301—309, tab. 71—82 [зодиака с «солнечным богом»], 83—84 [времена года], ср. еще *Strange J. F. Archaeology and the Religion of Judaism in Palestine* // *ANRW*, 19.1 (1979), p. 670—671, где мотив зодиака сопоставляется с широким распространением отнюдь не вполне ортодоксальных астрологических представлений: так, астрологические тексты обнаружены в «фанатически консервативном» Кумране, а одобрителные замечания по поводу астрологии встречаются в Мишне, Тосефте и Талмуде). Попытки представить такую символику как дружественную иудаизму (эсхатологическая — значит, сближающая с иудаизмом — ее трактовка — *Cumont F. V. M. Recherches sur le symbolisme funéraires des Romains*. P., Paul Geuthner, 1942, p. 484—492, ср. еще *Cumont F. V. M. Catacombes juives de Rome* // *Syria*, 1921, v. 2; *Goodenough E. R. Jewish Symbols in the Greco-Roman Period*. Pantheon Books. Bollingen series, 37 [Vol. I—XIII]. N. Y., 1953—1968, во множестве мест) или как неконтрастную ему (*Leon H. J. The Jews of ancient Rome*. Philadelphia, Jewish Publication Society of America, 1960, p. 212) не вызывают удовлетворения уже тем, что исходят из дистиллированных представлений об иудаизме, паганизме и христианстве.

Остается только недоумевать, каким образом этот замечательный памятник, описанный уже во второй трети XIX века (*Garrucci R. Cimitero degli antichi ebrei scoperto recentemente in vigni Randanini*. Roma, Civiltà Cattolica, 1862, p. 17; *Idem. Storia della arte cristiana nei primi otto secoli della chiesa*. V. 1—6. Prato, G. Guasti, 1872—1881, v. 1, p. 12, v. 6, p. 166), остался вне поля зрения Черикова.

⁷² Продажа этой двенадцатилетней фригианки содержит любопытную подробность: девочку переименовывают в Атенаис (Σαμβατίδα τὴν μετονομασθεῖσαν Ἀθηναίδα, *Corpus papyrologum Judaicarum*, № 491). Юти обратил внимание на то, что и новое, и старое имена девочки — это имена сивилл (*Julie H. S. Sambathis* // *Harvard Theological Review*. Vol. XXXVII (1944), p. 209—218, ср. Ἀθηναίς, у Страбона 14, 667), на что Чериковер заметил: «It is, indeed, a curious coincidence, since we cannot find any plausible reason why the maid should be named only after sybils. It is more likely that the maid, called by her parents (or her previous masters) Sambatis because they were observers of Sabbath, got a new name from her new masters because they had nothing to do with the Sabbath and Sabbath-observance» (*Corpus papyrologum Judaicarum*, v. 3, p. 73, № 491). В этом замечании содержится по крайней мере три подробности, работающие против аргументации Черикова. 1. Девочка могла получить новое имя в честь сивиллы именно потому, что и прежде называлась по сивилле — только по другой, так что это могла быть просто «смена сивилл». Как уже упоминалось, сивилла Σαμβατήη называлась, между прочим, Эритрейской, но про Эритреи Ионийские Страбон (14.645) сообщает, что «есть Сивилла из Эритрей, жена из древних, боговдохновенная и пророческая (ἐνθους καὶ μαντική); при Александре же была другая, такого же рода пророчица, называемая Атенаис, из того же города». Так что Σαμβατίς и Ἀθηναίς выступают как своего рода синонимы. 2. Девочка, которая γένει действительно была фригианка, могла получить свое «субботнее» имя от своих иудейских или иудействующих прежних хозяев, так что ее имя могло свидетельствовать об их связи с иудаизмом. 3. Если, действительно, новый хозяин дал девочке новое имя потому именно, что «не имел ничего общего ни с субботой, ни с соблюдением суббот», то на самом деле это означает, что он не хотел, чтобы имя рабыни ассоциировало его с соблюдением суббот. Если бы речь шла о чем-то обычном для египетского («языческого») религиозного спектра, едва ли «субботнее» имя вызвало ту реакцию, которую предполагает Чериковер. Итак, глухо и неоднозначно, но документ о продаже и переименовании Самбатис скорее указывает на то, что ее имя есть знак связи, пусть отдаленной и не непосредственной, с иудаизмом.

4. Σαμβαθεῖον в Фиатире, то есть то же, что σαμβαθεῖον у Иосифа, — это чистый случай синагоги в малоазийской диаспоре⁷³.

5. Культ неведомого килкийского бога Σαββατίστης а использовал отчетливо иудейскую и, стало быть, калькированную с еврейского терминологию. Так, ἑταῖρος ‘член конгрегации’ в точности соответствует евр. בִּרְיָן, араб. بَرِيَان, συναγωγεύς ‘служитель в синагоге’, ‘распорядитель по синагоге’ значит ровно то же, что евр. שֵׁרֵט, а ἱερεὺς ‘священник’ — то же, что כֹּהֵן. В связи с последним нелишне отметить, что в синагоге рассматриваемого времени существовал обычай, по которому мужчина из рода первосвященника, то есть как бы שֵׁרֵט по праву рождения, преподавал народу благословение⁷⁴. Другие подобные случаи — ναός ‘храм’ = евр. מִקְדָּשׁ ‘чертог’, ‘храм’, особенно внутренняя часть храма, и ἀνάθημα ‘жертвоприношение’ = евр. עֹלָה, араб. عِلَال. Само имя Σαββατίστης мотивировано, вероятно, тем, что его точный еврейский коррелят שַׁבָּתַי (Шаббатай) мог служить субституту произношения имени שַׁבָּת (ср. אֲדֹנָי, Адонай, в этой же функции). Интересно, что как раз в надписях, которые, несомненно, принадлежали синагогам, встречаются культовые термины, гораздо менее прозрачные, чем только что перечисленные ср. σοφοδιδάσκαλος из синагоги в Сардисе⁷⁵.

6. Аналогичное решение приемлемо и для лидийского Σαβαθικός.

7. Нет достаточных оснований толковать надпись на мичиганском остраконе как список имен божеств, и, значит, имя ΣΑΜΒΑΘΙΣ могло принадлежать человеку⁷⁶.

8. Навкратийский σύνοδος Σαμβαθική допускает трактовку, изложенную в пунктах 5 и 6.

Из приведенных соображений следует, что появление имен типа Σαμβαθείων в средиземноморских (в широком смысле) текстах I—IV вв. в качестве топонимов, антропонимов, культовых терминов и т. д. можно понимать не только как знак сочувствия иудаизму. В этих случаях, по-видимому, вполне можно говорить и о прозелитизме и, далее, собственно об иудаизме, главным образом, в аспекте распространения еврейской диаспоры на нетрадиционных территориях. «Догмат

⁷³ Сам Чериковер убедительно показал, что этот Самбатейон, вероятнее всего, был синагогой. Фиатирская надпись гласит, что некий Фабий Зосим воздвиг «гроб» (σόνον) перед Самбатейоном в халдейском квартале (ἐν τῷ Χαλδαίου περιβόλῳ — Krauss S. Griechische und lateinische Lehnwörter im Talmud, Midrasch und Targum. Mit Bemerkungen von J. Löw. Berlin. S. Calvary, 1898—1899, S. 26). Обычно возражения против того, что этот Самбатейон есть синагога, опирались на то, что синагога не может стоять вблизи места погребения. Чериковер обратил внимание на то, что не синагога была построена вблизи могилы, а могила вблизи синагоги, евреи же не могли препятствовать строительству чего-либо за пределами участка синагоги. Кроме того, он напомнил, что нечистота не распространяется далее четырех футов (Cota 44a, Берахот 18a вавилонск. Талмуда — Corpus papyrorum Judaicarum, v. 3, p. 46).

⁷⁴ Moore G. F. Judaism in the First Centuries of the Christian Era. The Age of the Tannaim. Cambridge, Harvard University Press, 1927—1930.

⁷⁵ Kraabel A. T. Op. cit., p. 486.

⁷⁶ Текст остракона собственно таков: ΣΑΜΒΑΘΙΣ // ΑΡΤΕΜΙ[Ο?], // ΚΟΓΡΑ, // ΔΙΟΝΓΣΟΙ, // ΔΗΜ. [//. Йути (Op. cit., p. 209—211) предложил читать его как список божеств, из которых два имени принадлежат сивиллам: Самбатис и Демо (имя Кумской сивиллы). Чериковер добавил, что Артемис — это имя сивиллы Фригийской (Corpus papyrorum Judaicarum, v. 3, p. 82). Однако эта изящная идея едва ли работает: форма Ἀρτέμιος, а таково наиболее вероятное чтение второй строчки, не является какой-либо формой от Ἀρτεμῖς. Имя Демо читается только гипотетически, причем все тем же сивилооодержимым Йути. С вескими возражениями против догадок Йути выступил К. Латте (Latte K. Zwei Götternamen // Festschrift für Friedrich Zucker zum 70. Geburtstag. Hrsg. von W. Müller. Berlin, Akademie-Verlag, 1954, S. 245—250).

субботы» (соблюдение субботы — это единственная ритуальная обязанность, упомянутая в Декалоге) и то новое значение, которое синагога-σάββαθεῖον получила после разрушения иерусалимского Храма в 70 г., объясняют актуализацию этих имен в рассматриваемый период и далее. С другой стороны, согласно исключительно интересным наблюдениям С. Хенига, в период до падения Храма синагога (*bet-haknesset*) как культовое учреждение, как дом молитвы зафиксирована только в Галилее и городах диаспоры. Это связано с тем, что в Иудее нормальным местом молитвы был либо иерусалимский Храм, где совершался **משמר**, мишмар, «блюдение», священническая служба, культивируемая священническо-саддукейскими кругами, либо **מעמדות**, мамадот, «стояния», совершавшиеся собранием «мужей стояния», то есть лаически-демократическим населением городов Иудеи. «Стояния» были богослужебной формой, практиковавшейся фарисеями, и происходили на «городской площади» **עיר רחב**, традиционном месте сбора горожан, приобретшем священный характер задолго до того, как иерусалимский Храм в результате борьбы локалистских и централистских тенденций в религии Израиля стал единственным официальным святилищем (собственно, сочетание мишмара и мамадота было формой компромисса между централизмом и локализмом). Таких мест, естественно, не могло быть в новооснованных городах Иудеи и в городах за ее пределами, то есть именно в Галилее и в диаспоре, и функции места для молитвенного собрания взял на себя *bet-haknesset*, получавший в языках малоазийских, египетских, итальянских, балканских и прочих «средиземноморских» евреев названия типа συναγωγή, προσευχή, σάββαθεῖον и, возможно, другие⁷⁷.

Σαμβατάς — Киев ко времени Константина Багрянородного находился в сфере политического и культурного влияния иудаизированной Хазарии. В нем имелось еврейское поселение и еврейская религиозная община — **קהל של קייוב**, как называет ее «Киевское письмо» (до 920 г.⁷⁸). В общину среди прочих входили люди с нееврейскими именами (MNS, MNR), с именами еврейского происхождения, но не из нормального еврейского именослова (Hanukkah, Sinai), с нееврейскими именами, но в сочетании с титулами, предполагающими еврейское происхождение (KYBR Kohen), с нееврейскими именами, но с еврейскими «отчествами» (QWFYN bar Yosef), с еврейскими именами, но нееврейскими прозвищами («Yehuda, называемый SWRTH»⁷⁹). В хазарско-еврейском именослове встречаются имена Песах (**פסח**) и Ханукка (**חנכה**), то есть именованья по названиям праздников Пасхи и Ханукки соответственно. Будучи образованы от названия праздничного дня, эти имена типологически тождественны Самбатюну / Шаббатаю, ср. еще имена Хаггай от **חג** «праздник» (греч. калька *Εορταῖος*), Jomtof (от **יום טוב** «добрый день»), Пурим (женское татское имя от праздника Пурима⁸⁰). Неестественно поэтому было бы рассматривать Σαμβατάς в кругу средиземноморских Σαμβαθίων'ов и видеть в этом топониме знак распространения иудаизма в западных пределах Хазарии, какое бы из двух объяснений Σαμβατάς'а ни подтвердилось в дальнейшем — связь с Самбатюном-рекой или связь с Самбатюном-синагогой.

⁷⁷ Hoenig S. B. The Ancient City-Square: The Forerunner of the Synagogue // ANRW, 19.1 (1979), p. 448—455.

⁷⁸ Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Cornell Univ. Press. Ithaca and London, 1982, p. 12.

⁷⁹ Ibid., p. 13, 21—29, 35—40.

⁸⁰ Wexler P. The Ashkenazic Jews: A Slavo-Turkic People in Search of a Jewish Identity. Columbus, Ohio-Slavica Publishers, 1993, p. 138.

В. В. Мошин

РУСЬ И ХАЗАРИЯ ПРИ СВЯТОСЛАВЕ*

I

Вопрос об отношениях Руси на заре ее исторического существования с Востоком в последнее время все сильнее привлекает внимание историков русской культуры. В этом вопросе приходится прежде всего считаться с той ролью, которую играла в жизни древней Руси ее юго-восточная соседка, Хазария, носительница еще очень слабо изученной, но, несомненно, весьма любопытной цивилизации, возникшей из соединения элементов кочевнической — тюркской — культуры с традициями византийскими, иранскими, арабскими и, особенно, еврейскими. Нужно признаться, что в области изучения русско-хазарских отношений мы ходим еще в потемках: внешнеполитической стороной этих отношений ученые интересовались мало, а для исследования культурного взаимодействия Руси и хазар почти совсем ничего не сделано, если не считать лишь нескольких догадок¹.

Однако нельзя спорить против того, что именно Хазария положила первые основы государственности среди восточных славян в южной России. Вспомним, что уже первые страницы начальной летописи относят начало хазарской власти над Киевом к легендарной древности (по смерти основателей города — Кия, Щека и Хорива); что исторический рассказ летописи о начале русской земли под первым своим, 859 годом начинается с упоминания о разделении Восточной Европы на две политические области: северную, платящую дань варягам, и южную, подчиненную хазарам; что одно из древнейших произведений русской письмен-

---

* Печатается по изд.: Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études byzantines. VI. Praha, 1933. С. 187—208.

¹ Как пример такой, ничем не аргументированной, гипотезы позволю себе привести утверждение В. Пархоменко, якобы ролью хазарского капитала «в значительной мере обуславливался весь строй Киевского государства с его ростовщицеством, рабовладением, беспощадным отношением власти и верхов социальной лестницы к народным массам — смердам и эксплуатацией их, с отчужденностью власти от населения и т. п. Этот капитал, интернациональный по существу и испытывавший время от времени национальную модификацию, не мог создать национального государства, и неудивительно, что Киевская держава была так плохо спаяна, так непрочно стояла и так легко пала под ударами татар, литовцев и поляков» (В. Пархоменко, Киевская Русь и Хазария. *Slavia* VI, 1927—28, с. 387). С одинаковым правом, т. е. столь же бездоказательно, можно было бы высказать это утверждение о роли, скажем, печенежского, а, во всяком случае, с большим правом о значении греческого или варяжского капитала. При отсутствии достаточных предварительных знаний об экономической конструкции хазарского быта, во-первых, и о внешней стороне русско-хазарских связей, во-вторых, высказывание утверждений вроде приведенного нужно считать еще преждевременным.

ности наделяет киевского князя Владимира титулом кагана; что в середине X века Киев еще был известен в Византии под своим хазарским именем «Самбат» (т. е. город-крепость, Вышгород); что в самом Киеве существовала часть города, называвшаяся «Козаре», где, по-видимому, находилась усадьба хазарского наместника «пашенга» (Пасынге)²; что свидетельствуют о хазарском культурном влиянии на Русь (хотя бы только об одной стороне этого влияния) и древняя религиозно-полемическая литература, и проникновение в среду киевского монашества ветхозаветно-исторической идеи, и, наконец, следы влияний агадических и талмудических легенд на нашу письменность.

Однако сведения наши в этой области до сих пор остаются чрезвычайно туманными. Прежде всего потому, что и сама Хазария, а в особенности ее культура, представляет еще почти нерешенную загадку: археология еще только-только набрела на некоторые хазарские древности; литературных произведений, возникших в Хазарии, кроме известной так называемой «хазарской переписки», до сих пор не найдено, хотя нет ничего невероятного в предположении, что среди еврейских рукописей каирской генизы или персидских библиотек может находиться немало таких, которые могли возникнуть в Итиле. Во-вторых, источники не дают нам почти никаких данных для восстановления картины внешних отношений Хазарии с Русью. Кое-что сообщают об этом восточные писатели, но эти сообщения очень трудно использовать, так как совершенно неизвестно, к какой Руси относится каждое данное свидетельство: ведь русью называли себя и те северные витязи-торговцы, которые в IX веке шли на Волгу прямо из Скандинавии, а также и дружинники тех немалочисленных «русских» — варяжских центров, которые образовывались на территории Восточной Европы в широком процессе норманской колонизации IX—X веков³.

Наша же летопись, как это ни странно, очень мало говорит о киево-хазарских отношениях.

Упомянув о том, что вскоре после смерти Кия, Щека и Хорива Киев попал под власть Хазарии и что в 859 году «Козари имаху (дань) на Полянех, и на Северех и на Вятичех, имаху по белей веверице от дыма», летописец говорит, что Аскольд и Дир, придя к Киеву и узнав, что поляне платят дань хазарам, «остаа в граде семь». О каком бы то ни было столкновении с хазарами не упоминается. Еще любопытнее отношения при Олеге. После завоевания Киева и наложения дани на древлян «иде Олег на северяне, и победи Северяны и взложи на нь дань легку, и не даст им Козаром дани платити, рек: “азь им противен, а вамь нечему”». В следующем году то же повторяется с радимичами. «Посла к Радимичем, рька: “кому дань даете?” Они же реша: “Козаромь”. И рече им Олег: “не дайте Козаром, но мне дайте”, и вьдаша Ольгови по шлягу, якоже и Козаром даяху. И бе обладая Олег Поляны и Древляны и Суверены и Радимичи, а с Уличи и Тверцы имаше рать». Далее рассказывается о походе угров, о войнах с греками, о бунтах славянских племен при Игоре, приходе печенегов, черноморских походах Игоря; потом о мести Ольги древлянам, о ее путешествии в Царьград. До принятия власти Святославом, в течение всей первой половины X века хазары совсем

² Упомянуто в Ипат. летоп. под 6553 (945) годом. См. Бруцкус, Письмо хазарского еврея от X века. Берлин, 1924, с. 20. Ср. соображения Младенова о слове «пашенога» (*Vestiges de la langue des Protobulgares touraniens...* в *Revue des études slaves* I, 1921, f. 1—2, p. 50).

³ См. мою статью «Норманны в Восточной Европе» в *Byzantinoslavica*, III, 1931.

не упоминаются: ни Олег, ни Игорь, ни Ольга с ними не воюют⁴. Правда, можно догадываться, что после несчастий, постигших Игоря, восточные племена отложились из-под власти киевского князя и снова подпали под власть хазар, так как Святослав в начале своего правления должен был отвоевывать их от хазар. Однако до него летопись не упоминает о каких бы то ни было столкновениях с хазарами, как будто хазары, до середины IX века владевшие южной Россией, начиная со второй половины этого столетия не имели возможности бороться с Киевом за господство над восточными племенами славян. Предположение это покажется совсем естественным, если вспомнить, что как раз в IX веке для южной России начинается бурный период угорских и печенежских передвижений, которые широкой и труднопроходимой полосой отделили Киевское княжество от Приазовья. И в связи с этим в высшей степени любопытно, что политические отношения Киева с Хазарией возобновляются лишь при Святославе, который сам, перейдя южные степи, вошел в хазарские пределы: до него, по-видимому, Киевская Русь в течение всей первой половины X века, действительно, была отделена от Хазарии.

Но в таком случае к какой же «Руси» относятся показания восточных источников, рассказывающих о больших военных экспедициях руссов в Каспийское море? Откуда были родом те руссы, которые подолгу жили в Итиле, имея там свою постоянную колонию и даже особого хазарского судью?

В настоящей статье я хотел обратить внимание на то, что и вопрос об отношениях Руси к Хазарии при Святославе заключает в себе очень много темного и загадочного и нуждается в основательном пересмотре всего материала. Позволю себе начать исследование разбором тех данных, которые сохранила летопись о войне этого князя с хазарами.

II

Летопись следующим образом описывает эти события:

«В лето 6472 (964)... И иде (Святослав) на Оку реку и на Волгу, и налезе Вятичи и рече Вятичем: “кому дань даете?” Они же реша: “Козаром по шлягу от рала даем”».

«В лето 6473 (96). Иде Святослав на Козары; слышавше же Козари, изидоша противу с князем своим каганом, и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав Козаром и град их Белу Вежу взя. И Ясы победи и Касоги».

«В лето 6474 (966). Вятичи победи Святослав и дань на них възложи»⁵.

В настоящее время можно считать доказанным, что в связи с этими походами Святослава стоят события, описанные в так называемой «Записке готского топарха». В ней какой-то неизвестный сановник, управлявший крымской областью Готией, рассказывает, что какие-то *варвары*, отличавшиеся ранее мягкостью и справедливостью, в его время стали уничтожать подвластные города, так что в областях, соседних с Готией, опустело более десяти городов и не менее 500 селений. Когда варвары приблизились к области топарха, крымские готы сами ре-

⁴ Если не видеть указания на войну с хазарами в словах Олега: «аз им противен» и не считать похода быллинного Вольги на Индийское царство хазарской войной Олега, как думает Л. Лаферовский, «Олег и Хельгу Хазарского документу...» (Київський Збірник історії і архології I, Київ, 1931).

⁵ Повесть временных лет по Лавр. списку. СПб., 1910, с. 63—64.

шили начать войну, дабы предупредить неприятелей. Варварская конница и пехота опустошили область топарха и разрушили стены главного города, но топарху удалось отбить неприятелей и до некоторой степени восстановить укрепления. Пользуясь наступившим перерывом, он стал деятельно готовиться к войне и, отправив вестников к своим «сторонникам», собрал их «лучших людей» на совет, чтобы решить, у каких государей искать помощи против варваров. Собравшиеся лучшие люди «либо потому, что никогда не были причастны к царскому благорасположению и пренебрегали более греческими порядками, а более всего домогались автономии; либо потому, что они были соседями с государем, царствующим на севере от Истра, могучим многочисленным войском и гордым боевою силою, а от тамошних нравов они не были отличны в своем образе жизни, — они постановили заключить с ними договор и передаться, причем все сообща подали голос, чтобы и я совершил таковое». Топарх отправился к северному государю и легко убедил его оказать готам помощь. Владыка севера, сочтя этот вопрос очень важным, вернул топарху власть над «климатами», подарил еще целую сатрапию и определил ему большие доходы в своей земле. С большими опасностями, *через неприятельскую землю* пустился топарх в обратный путь. На этом документ обрывается. При описании бури, застигшей посольство на возвратном пути, записка упоминает, что в то время «Сатурн как раз находился в начале своего прохождения через Водолея, в то время, как солнце пробегало зимние знаки». Благодаря этому астрономическому указанию удалось точно установить, что описанный случай имел место около начала января 962 года⁶.

Во всем источнике ни разу не упоминаются имена тех племен, которые участвуют в описанных событиях. Кроме крымских готов, здесь выступают еще четыре народа. В «варварах», нападавших на крымские «климаты», почти все исследователи соглашались видеть хазар. Государь, «царствующий на север от Истра (Дуная), могучий многочисленным войском и гордый боевою силою», для посещения которого нужно переправляться через Днепр, — Святослав. Третьи участники событий — не симпатизирующие грекам, независимые соседи крымских готов, родственные обычаями и образом жизни с подданными Святослава, — могут быть только какими-то русскими, не входившими в состав Киевской Руси. Наконец, последних «неприятелей», через землю которых топарх должен был возвращаться из Киева в Крым, по-видимому, нужно считать печенегами.

Таким образом, по наиболее правдоподобному толкованию А. А. Васильева, описанные события представляются в следующем виде. В 962 году хазары, желая восстановить свое преобладание в Крыму, стали опустошать крымские области и лишь с большим трудом были выгнаны из крымской Готии. Не надеясь более на помощь прежней покровительницы готов, Византии, занятой в то время делами на востоке, правитель Готии обратился к соседним дружественным русским, также терпевшим от хазар. Эти руссы советовали искать помощи у могущественного киевского князя, к которому топарх и отправился в начале зимы 962 года. Заручившись обещанием русского князя помочь готам, топарх в начале января 963 года отправился в обратный путь, терпя лишения от стужи и бурь и с трудом уклоняясь от столкновений с враждебными печенегами⁷. Какова была

⁶ См. *Вестберг* в *Визант. Временнике*, XV (1908), 73 — 84.

⁷ См. А. Васильев, *Готы в Крыму* (Изв. Рос. Акад. Матер. Культуры, V, 1927, с. 235—249). О записке готского топарха существует большая литература, разобранный Вестбергом в *Mém. de*

причина такого благоволения Святослава к готскому топарху? Приведенное выше известие летописи о восточных походах Святослава дает на это ясный ответ.

По-видимому, в момент прибытия к нему крымского посольства Святослав уже думал о борьбе с хазарами за господство над вятичами; предлагаемая помощь непосредственных соседей Хазарии — крымских готов и их таинственных союзников (вероятно, черноморской руси) была ему очень полезна. И, действительно, вскоре после этого Святослав идет на вятичей, а затем на хазар и побеждает их. При этом А. А. Васильев, учитывая неточность летописной хронологии и исходя из даты возвращения топарха из Киева в Крым в январе 963 года, считает возможным отнести хазарский поход Святослава к тому же 963 году (вместо летописного 965-го). Мне это исправление хронологии не представляется необходимым. Вспомним, что Святослав только что перед этим принял власть в свои руки; что хазарское государство должно было представляться ему сильным и опасным противником; что в указанное время Хазария далеко отстояла от Киевской Руси, отделенной от нее бесконечною, населенной печенегами степью; что перед началом войны следовало заранее убедиться в отношениях к Хазарии подвластных ей славянских племен, из-за обладания которыми Святослав и готовился к борьбе, — и нам не покажутся странными его долгие приготовления к походу на восток.

III

Обычно с летописным известием о хазарской войне Святослава ставится в связь рассказ арабского писателя второй половины X века Абуль-Касима-Мухаммеда, прозванного Ибн-Хаукалем. В сочинении, написанном около 976—977 годов, он сообщает:

«Река Итиль выходит восточною стороною из окрестностей Хирхиза, течет между Каймакией и Гуззией, затем идет к западу по верхней части Булгара, возвращается вспять к востоку и проходит по Русу, затем по Булгару, потом по Бургасу, пока не впадает в Хазарское море⁸.

Бургас есть имя страны, так же точно как Рус и Хазар...»

---

l'Acad. de S. Pb. VIII série, V и в Визант. Временнике XV (1908). О новых трудах см. *Пархоменко*, Новые толкования записки готского топарха (Извест. Таврич. общ. истории, археологии и этнографии, II, 1928).

⁸ Как видно из этого описания, Ибн-Хаукаль считает рекой Итилем нижнюю Волгу от устья до впадения Камы, Каму и Белую. Любопытно упоминание здесь «Руси» на Каме (между верхней и нижней частями Булгара). Очень важно, что и Ибн-Фадлан (в начале X века) также говорит, что река Итиль течет к Хазарам «из Руса и Булгара». Очевидно, что под этой «Русью» на Каме следует разуметь какую-то особую «Русь», не находившуюся в связи с Новгородско-Киевским княжеством, вероятнее всего, какую-нибудь норманскую колонию в области между Волгой и Уралом. Тот же Ибн-Фадлан в другом месте ясно различает эту «Русь» и Киевскую, говоря, что пища хазар привозится к ним из Руса, Булгара и Куяби (Киева). Обычно при толковании данного места не принимается во внимание вопрос: что разумел автор под рекой Итилем? (См. *Соболевский*, Записка Ибн-Фадлана. Доклады Ак. Наук СССР. 1929, № 12; ср. *А. Погодин*, Варяги и Русь. Зап. Русск. Научн. Инст. в Белграде, вып. VII, 1932, с. 119). М. б. упомянутая здесь Камская Русь и есть та привлекавшая скандинавов Биармия, которую обычно отождествляют с Пермской областью. (Впрочем, недавно *А. Талльерен* очень убедительно доказывала, что якобы под Биармией следует разуметь Приладожье. См. *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, VI, Helsinki, 1931).

«Между внутренними булгарами находятся христиане и мусульмане. В настоящее же время не осталось и следа ни из болгар, ни из бургасов, ни из хазар, ибо русы истребили всех их, отняли у них все эти области и присвоили их себе. Те же, которые спаслись от их рук, рассеяны по ближайшим местам из желания остаться вблизи своих стран и надеясь заключить с ними мир и подчиниться им.

Булгар есть небольшой город, не имеющий многих владений; известен же был он потому, что был гаванью этих государств. Но руссы ограбили его, Хазран, Итиль и Самандар в 358 (969) году и отправились тотчас в Рум и Андалус...

Что касается Хазара, то это имя этих людей, столица же есть город, называемый Итиль, по имени реки, протекающей через него в Хазарское море. Город этот не имеет ни многих селений, ни просторного владения. Страна эта находится между Хазарским морем, Сериром, Русом и Гуззией.

Хазары имеют также город, называемый Самандаром, который находится между ним (Итилем) и Баб-аль-Аббабом (Дербендом). В этом городе было много садов, говорят, что он содержал около 40 000 виноградников. Я расспрашивал о нем в Джурджане по свежести памяти о нем. Его населяли мусульмане и другие; они (мусульмане) имели в нем мечети, христиане — церкви и евреи — синагоги. Но руссы напали на все это, разрушили все, что было по реке Итиль, принадлежавшее хазарам, булгарам и бургасам, и овладели им. Жители же Итиля убежали на остров Баб-аль-Аббаб, а часть их живет на острове Сиа-Ку в страхе»⁹.

Кроме того, Ибн-Хаукаль сообщает и некоторые данные о русских: о разделении Руси на три племени — Киевскую область, Славия и Артанию; о том, что русские торгуют с Хазарией и с Византией и что из их страны вывозятся лучшие меха, которые до 969 года продавались в Булгаре и Хазеране; о «русской реке», известной под именем Итиль, единственной, которая соединяет Хазарское море (Каспийское) с другими морями (вероятно, имея в данном случае в виду речной путь по нижней Волге, волжско-донскому волоку и нижнему Дону в Азовское море); об одежде и некоторых обычаях руссов.

На первый же взгляд бросаются в глаза серьезные расхождения в рассказах Ибн-Хаукаля и русского летописца.

Во-первых — в содержании известия. Ибн-Хаукаль рассказывает о появлении руссов на Волге, где они опустошили все нижнее Поволжье (земли болгар, бургасов и хазар), и о походе их в Каспийское море, где они разрушили Самандар — второй по величине город и прежнюю столицу Хазарии, находившуюся на северо-западном берегу Каспия. Это, следовательно, был морской грабительский поход на кораблях: во внутренние области Хазарии руссы не заходили и от воды не удалялись, ибо Ибн-Хаукаль прямо указывает, что жители скрылись в соседних краях, где руссы не могли их преследовать.

Летопись свидетельствует о совершенно ином факте. Как известно, первые русские князья, начав объединение славянских племен, ранее всего подчинили племена, жившие в бассейне волховско-днепровского пути. Обеспечив этот центральный район, Рюриковичи обращают внимание на юго-западные племена тиверцев и уличей, живших в придунайских и подкарпатских землях — важной транзитной зоне для русской торговли с Царьградом и Придунайской Болгарией. Долее всего сохраняли свою независимость восточные племена. Колонизуя необозримые финские леса центральной России и будучи достаточно удалены от

⁹ Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 218—220.

главных водных торговых артерий Восточной Европы, эти славяне в то время еще не играли в ее экономической жизни столь важной роли, как их западные (приднепровские) и восточные (приволжские) соседи. Закончить объединение Руси присоединением этих, наиболее отдаленных, восточных славян составляло задачу, оставленную Святославу его предками. Действительно, он, приняв власть от матери, прежде всего обращается на восток. В 964 году, вероятно зимою (когда вообще князья путешествовали по Руси, собирая дань с подчиненных племен), Святослав идет в приокские леса и, «найдя там» вятичей, требует от них дани. Там узнает, что вятичи признают власть хазар и что ему придется освободить вятичей от хазарской зависимости. В следующем году Святослав предпринимает экспедицию в Хазарию, по всей вероятности, отправившись туда тем прямым путем, который вел из Киева к Дону и по нему к Азовскому морю, где при впадении в него Дона стояла хазарская крепость Саркел — по-славянски Белая Вежа¹⁰. Разбив хазарское войско и взяв Саркел, Святослав поворачивает на юг в области осетин и черкесов, а не идет во внутренние хазарские области, может быть, отправив туда только вспомогательный отряд печенегов или торков, которых он мог встретить по пути в верховьях Дона, где они обитали¹¹. Почему Святослав не пошел на восток по направлению к хазарской столице — трудно угадывать, но во всяком случае поход в степи Северного Кавказа с несомненностью доказывает, что русское войско состояло главным образом из пехоты и конницы и не было привязано к кораблям.

Таким образом, хазарская война Святослава и поход руси в Каспийское море совершенно различны и по своим целям, и по выполнению, и по результатам. Святослав предпринимает войну против хазар с целью освободить вятичей от их зависимости. Поэтому он разрушает Саркел — главную стратегическую базу хазар на западной границе, обходит с восточной стороны Азовское море и, отгнав таким образом хазар от Дона и Азовского побережья, возвращается домой в Киев. В следующем году он снова идет в область вятичей и подчиняет их. Он, следовательно, ведет борьбу за объединение восточнославянских племен, за приобретение новых богатых меховым товаром районов и за открытие новых торговых центров¹². Ибн-Хаукаль же рассказывает о появлении на Волге и на Каспии разбойничьей русской флотилии, опустошавшей прибрежные области, грабив-

¹⁰ Крепость Саркел — ἄστρον ὀσπίτιον («белая гостиница») построили греческие инженеры, посланные императором Феофилом по просьбе хазарского государя. Хотя однажды было высказано мнение, якобы Саркел находился на среднем Дону, однако сейчас господствует убеждение о его местонахождении или при самом устье Дона или вблизи устья, м. б. вблизи станицы Цимлянской, где раскопки открыли следы кирпичных стен. Константин Багрянородный говорит, что в его время (середина X века) Саркел защищал хазарскую границу от печенегов и что там сидели хазарские наместники, меняясь с года на год. В 913 — 914 годах саркельский гарнизон не пропустил торков переправиться через Дон «в область хазар». В том же году флотилия русов, шедшая из Азовского моря Доном и Волгой в Каспийское море, должна была ожидать перед Саркелом пропуск от хазарского царя. Из новой литературы о Саркеле см. *Manojlović*, *Studije o spisu De admin. imperio*, IV. Rad Jugoslav. Akademije 187, Zagreb, 1917, с. 25 и сл.; *Васильев*, Изв. Рос. Акад. Мат. Культ. V, 1927, с. 220—225.

¹¹ Это предположение *Вестберга* основывается на известии Ибн-эль-Атира о походе в Хазарию в 965 году какого-то тюркского племени, отбитого с большим трудом хазарскими мусульманскими войсками — ларсией или, м. б., союзным ховарезмийским отрядом. (См. «К анализу восточных источников о Восточной Европе». Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, III, 6).

¹² См. *Знойко*, О походах Святослава на Восток. Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, XII.

шей села и торговые города и наконец отплывшей в Средиземное море с намерением продать там награбленное добро. Нельзя не подчеркнуть в данном известии того факта, что русские совершенно разорили как главный город волжских болгар, так и хазарскую столицу Итиль, большой торговый центр и важнейший транзитный пункт в торговле Восточной Европы с арабами. Считая эти сообщения современника достоверными, совсем нельзя понять, как бы могла русская летопись, не забыв рассказать о разрушении Саркела и о походе в область кавказских племен, умолчать о столь важном событии, как завоевание хазарской столицы.

Второе расхождение между арабским и летописным известием — в хронологии. По словам Ибн-Хаукаля, русский поход в Волжскую Болгарию и в Хазарию имел место в 358 году мусульманской эры (968—969), то есть после 25 ноября 968 года. Так как путешествие Волгой в декабре немыслимо, то описанные события могут быть датированы только 969 годом. Летопись же датирует хазарскую войну Святослава 965 годом — двумя годами раньше похода в Дунайскую Болгарию, относимого летописью к 967 году. Если исправить дату болгарской войны на 968 год (как указывают византийские источники), все же хазарскую войну Святослава нельзя передвинуть позднее 966 года, так как в промежутке между хазарской и болгарской войной (т. е. в таком случае в 967 году) Святослав вел вторую войну с вятичами. Таким образом, хазарская война Святослава на 3—4 года была раньше русского похода, описываемого Ибн-Хаукалем. Его же дата стоит вне всякого сомнения, т. к. Ибн-Хаукаль был современником этих событий и узнал о них как раз в том же самом 969 году во время своего путешествия по Закавказью, где ему приходилось разговаривать с очевидцами. Таким образом, обе эти даты исключают возможность отождествления русских походов, описанных летописью и Ибн-Хаукалем. Единственное возражение против этого вывода заключается в указании, что и летописец и Ибн-Хаукаль рассказывают только об одном походе руси в Хазарию, а расхождения в хронологии и в описании подробностей похода объясняются слабой осведомленностью обоих авторов¹³. Это объяснение чересчур натянуто. Как бы слабо ни был летописец осведомлен о походе Святослава, но перепутать пограничную крепость с хазарской столицей и Хвалынское море с

¹³ См. Знойко, 264. Недавно Бартольд доказывал, что хронологическое противоречие между арабскими, греческими и русскими источниками — «только кажущееся и возникло под влиянием неясности выражений Ибн-Хаукаля: указанная им дата 969 г. относится к тому времени, когда он в Джурджане узнал о погроме, и только по небрежности в других местах отнесена им к самому погрому». Достаточно прочесть текст, чтобы убедиться, насколько это утверждение Бартольда неосновательно. Не убедительно и утверждение, якобы «из слов самого Ибн-Хаукаля видно, что между погромом и тем временем, когда он о нем узнал, прошло несколько лет», т. к. «бежавшие из Приволжья думали туда вернуться и жить там под властью русских, которую они, по-видимому, считали прочно установленной» (История изучения Востока в Европе и России, 2-е изд. Ленингр., 1925, с. 166). Из слов Ибн-Хаукаля совсем нельзя заключить, что между походом и сообщением о нем прошло несколько лет: наоборот, текст свидетельствует о небольшом промежутке времени, упоминая о растерянности разбежавшегося населения, не знавшего, когда вернуться их завоеватели «из Рима и Андалуза», куда они повезли на продажу награбленное добро. Да и сам Бартольд сейчас же вслед за этим указывает на фактические противоречия в рассказе русских источников и Ибн-Хаукаля. Как упоминалось, примирить эти противоречия можно лишь с очень большими натяжками и только в том случае, если считать доказанным, что уже в X веке Восточная Европа была *Россией*, т. е. единым великим государством, а не совокупностью варяжских княжеств, частью совсем независимых, а частью соподчиненных Киеву, но, вероятно, связанных с ним в меньшей мере, чем в удельный период (об этом см. ниже).

северокавказской степью все-таки не мог. Приводить в качестве довода то соображение, что летопись говорит только об одном походе, можно лишь при том условии, если бы в X веке никакой другой Руси, кроме Киевской, не существовало, что не соответствует истине. Что же касается Ибн-Хаукаля, то его молчание о походе Святослава вполне естественно, т. к. слухи об этой войне на западной границе Хазарии и о разорении русским князем далекой пограничной крепости могли и не дойти до него.

Было, впрочем, высказано и другое предположение, что в 969 году Святослав мог предпринять против Хазарии второй поход, не упомянутый летописью (*Грец, Гаркави*). *Вестберг* доказывает невозможность этого. В 968 году Святослав, оставив войско в Болгарии, спешит с конным отрядом в Киев — освободить свою столицу от печенегов, осадивших город в его отсутствие. В 969 году он торопится вернуться в Болгарию и остается в Киеве только по усиленным просьбам матери, ожидавшей скорой кончины, что и случилось в том же 969 году. По словам летописи, Святослав остался в Киеве до конца 970 года, занимаясь государственными делами и готовясь к войне с Цимисхием. Трудно предполагать поэтому, чтобы великий князь, в то время когда его мать лежала на смертном одре, а войско на юге завоевывало Болгарию, смог отправить новое значительное войско в далекую экспедицию на Волгу и в Каспийское море против волжских болгар и хазар. Наконец, совершенно невероятно предположить, чтобы летописец, рассказав о разрушении Святославом в 965 году пограничной хазарской крепости, совсем не упомянул о другом, значительно более важном походе 969 года, закончившемся разгромом Хазарии.

Приведенные соображения привели *Вестберга* (а за ним *Маркварта* и *Манойловича*) к убеждению, что война Святослава с хазарами не имеет никакого отношения к русскому походу на Волгу и в Каспийское море 969-го года и что последний был предпринят «русью» из Скандинавии — норманнами, которые вернулись домой окружным путем через Рум и Андалуз, т. е. Средиземным морем и Атлантическим океаном¹⁴.

Вполне соглашаясь с тем, что поход «руси» 969 года в Хазарию не был предпринят из Киева, не могу поверить, чтобы в нем участвовали скандинавские норманны. Против этого говорит прежде всего тот факт, что ни один источник не называет *скандинавских* норманнов X века — русью. Признаем ли мы, что в Скандинавии вообще никогда не существовало никакой «руси» и что это имя было создано только в Восточной Европе или, поверив летописной традиции, согласимся, что Рюрик с братьями, переселяясь из Швеции к славянам, «попаша всю русь» (м. б., свой род)¹⁵, все-таки останется несомненным факт, что в течение X века никаких следов «руси» на Скандинавском полуострове найти невозможно. И для византийцев, и для славян, и для востока там живут *Βάραγγοι*, варяги, варанги. Если же встречается имя «руси» в значении *poimannigena*, то оно всегда означает норманна по происхождению, живущего в Восточной Европе¹⁶.

¹⁴ *Westberg*, Beiträge zur Klärung der Orient. Quellen. 1901, 230 и сл. то же по-русски в Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, III, 5. — *Marquart*, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, 1903, 474. — *Manojlović*, Studije o «De adm. imperio» (Rad. Jugosl. Akad. 1917, kn. 187, 25).

¹⁵ См. новую работу *А. Погодина* «Варяги и Русь» в Зап. Русск. Научн. Института в Белграде, VII, (1932), 116—117.

¹⁶ Правда, *Вестберг* пытался доказать, что якобы в середине X века *Масуди* называет Балтийское море «Русским морем», ибо «по нему плавают только корабли руссов», т. е. скандинавских

Во-вторых: Ибн-Хаукаль ясно говорит, что после разгрома Хазарии русскими беглецы живут в соседнем краю, надеясь на возвращение на родину в качестве подданных руссов. Эти слова никак нельзя отнести к скандинавским норманнам, в особенности раз уже они отплыли в Рим и Испанию. Если местное население все-таки рассчитывает вернуться на старые места в качестве русских подданных, значит, оно знало, что эти руссы после продажи добычи в средиземноморских портах вернутся в их края и там и останутся. Следовательно, необходимо предполагать, что «*русь*», опустошившая Хазарию в 969 году, жила где-то в Восточной Европе, и притом, вероятно, неподалеку от Хазар.

IV

Мне думается, что для определения местожительства этой руси, разгромившей Хазарию, по словам Ибн-Хаукаля, в 969 году, нужно прежде всего обратить внимание на те данные, которые заключены у самого Ибн-Хаукаля. Сам он о русских слышал мало. По-видимому, только то, что они «торгуют с Хазарией и с Румом»; что разделяющаяся на два рукава и соединяющая Черное море с Каспийским река носит имя «Русской реки»; что где-то на Каме, в верхней части Волжской Болгарии находится какой-то «русский» центр. Впрочем, и относительно этих данных нужно оговориться, что они почти буквально повторяются в сочинении современника Ибн-Хаукаля, арабского географа Истахри, который давал Ибн-Хаукалю для исправления свой труд. Нельзя угадать, кто из них заимствовал от другого приведенные данные. Возможно, что они оба взяли материал из какого-нибудь общего источника, например — Джейхани (не сохранившегося), сочинение которого Ибн-Хаукаль, по собственному признанию, постоянно держал в руках во время своих путешествий. Что же касается известия о разделении руси на три племени (также буквально повторяющегося у Истахри),

норманнов (К анализу вост. источников. Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, II, 381). Однако это утверждение основано на явном недоразумении. Целый ряд других источников, да и сам Масуди, прямо указывают, что под «морем руссов» нужно разуметь Понт — Черное море (напр., *Ибн-эль Варди*: «Море Нейтеш — Черное, — которое есть море руссов», см. *Frähn*, Ibn-Fosclan, SPb. 1827, 188; *Масуди*: «Море Майотас и Найтас — Азовское и Черное, — которое есть море болгар и руссов», см. *Гаркави*, Сказания мус. пис. 134, ср. 127; *Димашки*: «Описание моря Трапезунтского и моря руссов, которое также называется Нейтес и Черное море», см. *Frähn*, 28; и *Русская летопись* говорит: «Понетское море, еже море словеть Русское»). Поэтому *Вестбергу* приходится допускать, что Масуди предполагал существование *двух* «русских» морей: Балтийского, «по которому плавают только корабли руссов», и Черного, получившего это прозвание только в начале X века, после завоевания Олегом и Игорем уличей и тиверцев. Однако сам Масуди нигде не делает ни одного намека на различие этих «русских морей». Наоборот, рассказывая о набеге на Испанию разбойничьего флота язычников, которых Масуди считает русью, он предполагает, что эти руссы проникли туда из Черного моря, «ибо никто кроме них не путешествует по этому морю, которое соединяется с морем Укиянус» (см. *Вестберг*, Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, II, 308), предполагая в данном случае связь по Средиземному морю, т. е. тот же путь, по которому руссы с Черноморья путешествовали в Константинополь и Испанию. При этом он прибавляет, что об этом народе руссов он много рассказывает в своем труде, т. е., таким образом, позволяет ориентировать его местожительство на основании других мест в его сочинении, относящихся к руссам. Больше же всего он рассказывает о русском племени Лудзана (Кудкана?), корабли которого плавают по Черному морю и «путешествуют с товаром в землю Андалуз, Румию, Кунстантинию и Хазар» (см. *Гаркави*, Сказания мус. пис., 130; Дополнения к сказаниям мус. пис., 31). Никакого основания для провозглашения этих руссов *скандинавскими* норманнами нельзя найти.

то оно несомненно заимствовано из более раннего письменного источника, вероятнее всего от аль-Балхи (умершего в середине X века), хотя не исключена возможность, что и он почерпнул свои сведения из сочинения какого-нибудь из своих предшественников. Но во всяком случае очевидно, что, поместив это свидетельство о руси рядом с рассказом о русском набеge на Хазарию 969 года, Ибн-Хаукаль отождествил нападавших с одним из упомянутых русских племен. При этом совершенно ясно, что, по его мнению, эта русь жила где-то в Восточной Европе: или на «Русской реке», или в одной из упомянутых племенных областей.

Ввиду того, что толкование интересующего нас отрывка Ибн-Хаукаля теснейшим образом связано с известием о разделении руси на три племени, а также принимая во внимание большой интерес к этому источнику, проявившийся в ряде новых исследований¹⁷, я не считаю возможным в данном случае просто сослаться на мою статью об этом вопросе¹⁸, а позволю себе вкратце повторить из нее несколько моих наблюдений.

Известие это сохранилось в нескольких вариантах у ряда восточных писателей: аль-Балхи, Ибн-Хаукаль, Истахри, Ибн-эль-Варди, Димашки, Идриси и других. Первый по времени писатель, аль-Балхи, рассказывает, что «Русь состоит из трех племен. Одно — ближайшее к Болгарии и его царь живет в столице по имени Куяба; город этот больше Булгара. Второе племя, которое от них удалено, называется Салавия. Третье племя называется Артания и его государь живет в Абарке. Приходят люди (к ним ради торговли) до Кербая. Что же касается Абарки, то не рассказывают, чтобы когда-нибудь пришел туда иностранец, ибо они убивают каждого иностранца, который приходит в их землю. Сами же они приходят водою для торговли; и они не рассказывают ничего о своих делах и своей торговле; также и не пускают никого сопровождать их и приходить в их землю. Из Арфы вывозят они черных соболей и свинец». Затем описываются обычаи вообще всех русских, причем упоминается, что «руссы торгуют с Хазарией, Византией и Великой Болгарией, что живут они к северу от Византии и что они столь многочисленны и храбры, что налагают дань на соседние области»¹⁹. Почти дословно повторяется этот рассказ у Ибн-Хаукаля²⁰ и Истахри²¹, а у позднейших авторов осложняется примесью из разных легенд, ходивших на востоке о руси²². Необходимо при этом обратить внимание на путаницу местных и племенных имен, встречающихся в этом рассказе.

Первое племя названо по имени только в позднейших источниках: Кркбан, Керкиан, Керакертия — странные имена, не дающие никакого материала для определения географического положения этого племени. Но зато в древнейших источниках точно обозначается столица этого племени — Куяба = Куява = Киев. Таким образом, под первой русской областью необходимо разумеать Приднепровскую Русь, в чем единогласно сходятся все исследователи этого вопроса.

¹⁷ А. И. Соболевский, Третье русское племя (Доклады Академии наук СССР, 1929, № 4), С. Н. Быховский, К вопросу о трех древнейших центрах Руси (Труды Вятского Педагогического Института, 1928), Погодин, Варяги и Русь, Зап. Русск. Научн. Ист., VII. Белгр. 1932.

¹⁸ Tréce ruské plemě, Slavia, V (1927), с. 763—781.

¹⁹ Хвольсон, Известия... Ибн-Даста... СПб., 1869, 170 — 171; Гаркави, Сказания мус. писателей, 276.

²⁰ Гаркави, 220.

²¹ Гаркави, 193.

²² Frähn, Ibn Foslan... 266, 143; Гаркави, 198—202.

Второе русское племя названо Селавия, Салавия, в персидском переводе Истахри — Дж-лаба, у Ибн-эль Варди и Ибн-Аяса — Атлавия со столицей Тлуя (или Глава, Талва, Талу), у Димашки К-лабия. Относительно этого племени ученые (за небольшим исключением) также соглашаются, что под именем Славия следует разумеать Ильменско-Волховскую область славян в северной России. Непонятным остается только имя Тлуя, которое должно было бы означать Новгород. Впрочем, более вероятно, что оно сделалось обозначением столицы лишь у позднейших авторов, в основном же источнике относилось к государю второго племени, так как у Ибн-Хаукаля эта фраза гласит: «Другое племя выше первого, оно называется Славия, а царь ее...» Последнее слово здесь пропущено, так как, по-видимому, Ибн-Хаукаль не понял, что оно обозначает в основном источнике.

Больше всего вариантов имеет третье имя: Артания с городом Абаркой или Артой, Арзания с Арзой, Аусани с Эрзой, Арсания, Арти. Можем допустить и другие чтения, например, Арани, Эрни, Эрени, Эрти.

Как я упомянул, при всей путанице в именах двух первых племен ученые сходятся в определении их местонахождения. Но зато имя третьего племени вызвало многочисленные толкования. Видели в этой области и финскую мордву (Эрзяне), и Пермскую область (Биармия), и славянскую область «Антанию» (имя образовано от древнего названия одной ветви славян — антов), и область вятичей по Оке (Рязания), и город Оршу, и древнее название реки Кубани — Вардан, Вартан, и область уличей вблизи днепровского устья (— аль Аутсани = аль Лудзана у Масуди = Λευζενίνοι Константина Багрянородного = уличи летописи). Некоторые историки уклонялись от лингвистического анализа имен Арты и Артажи и старались определить местоположение третьего племени на основании других данных, заключающихся в арабском известии. Кроме приведенных гипотез нужно отметить три главные теории. Первая (*Щеглова*) — связывает третье племя с упомянутой Ибн-Хаукалем русью в верхней части Булгара и потому помещает Артанию в среднем Поволжье. Вторая (в последний раз аргументированная *Вестбергом*) — помещает Артанию в Скандинавии на том основании, что только оттуда могли идти те товары, которые, по словам источника, продавали русские купцы. Третья — указывает на местонахождение Артании между Византией, Хазарией и Болгарией и отождествляет ее с Азовско-Черноморской Русью. Однако эти аргументы весьма не сильны. Камская Русь Ибн-Хаукаля и Ибн-Фадлана не упоминается другими источниками и, следовательно, вряд ли была настолько значительной областью, чтобы ее можно было принимать в расчет при сравнении с Киевской и Новгородской Русью. Товар, который развозят руссы, также не дает данных для заключений об их местожительстве, т. к. источник не говорит, что руссы якобы вывозят олово и собольи меха из *своей земли*, а наоборот — называя главный город Артании *Абаркой* (или Артой в позднейших источниках), говорит, что русь привозит названный товар из *Арфы*, т. е. из другого места. Да и другие источники (Ибн-Хордадбех и др.) свидетельствуют, что руссы были торговцами-транзитерами, ездившими за своим товаром в отдаленнейшие края. Упоминание же о том, что руссы торгуют с Византией, Болгарией и Хазарией, во-первых, не доказывает, что они должны были жить на Черноморье или, в частности, на Таманском полуострове, а, во-вторых — оно относится не к Артании, а вообще ко всем руссам, т. е. ко всем трем племенам. Мне думается поэтому, что единственным способом для определения местонахождения «третьего» племени остается разбор приведенных имен.

Приняв во внимание чрезвычайную сбивчивость географической номенклатуры в параллельных текстах, я высказал предположение²³, что существовал какой-то плохо понятный первоначальный источник, которым пользовались арабы X века. Для одного названия третьего племени имеем варианты: Артания, Арсания, Арзания, Аусани, Арани, Эрени, Арза. Как образовались все эти изменения? Откуда взялась Кербая, куда приезжают русские купцы? Это во всяком случае не Киев, ибо Куяба упомянута особо. Что это за удивительное имя Тлуя для обозначения Новгорода или его государя? При допущении возможности существования мало понятного арабам источника можно было бы объяснить эти загадки. Учитывая, что арабы IX—X веков получали все сведения о Восточной Европе через хазар и что в течение этого времени наиболее образованным слоем в Хазарии были евреи, находившиеся в непрерывных сношениях с соплеменниками, проживавшими в калифате, я предположил, что основной источник известия о трех племенах руси был написан по-еврейски. При транскрипции некоторых еврейских слов арабами легко могли произойти ошибки, объясняемые как большим сходством нескольких еврейских букв, так и отсутствием диакритических знаков для обозначения гласных.

Таким образом получилось имя Тлуя. Это слово по-еврейски означает понятие «зависимый», «зависит» (см., например, V кн. Моисея, гл. 28, ст. 66). В источнике, очевидно, стояло: «Другое племя выше первого, оно называется Славия, а царь ее зависит» (от первого, т. е. киевского, князя), что действительно отражает политическое положение Новгорода в конце IX и в X веке.

Имя третьего племени было написано в источнике «арцейну», что значит «наша земля». Это, следовательно, означает только то, что третья русская область была основана на хазарской территории или находилась в вассальных отношениях к Хазарии. Есть много оснований предполагать, что такая область существовала и находилась на Таманском полуострове, там, где в конце X и в XI веке было Тмутороканское русское княжество.

Имя города, куда приезжают русские купцы, было в источнике написано К-рк и вследствие большого сходства букв *каф* и *бет* (постоянные ошибки в еврейских источниках) прочитано как К-рба. Означает же оно большой хазарский город Керчь, лежащий на западном берегу Керченского пролива против Таманского полуострова, куда, по свидетельству других источников, приходили соседние племена для торговли с греками и хазарскими евреями.

Арфа, откуда купцы привозят соборей и свинец, — неверная транскрипция еврейского слова, которое, будучи написано без диакритических знаков, могло быть прочитано как Арфа, Рафа или Рефа. Несомненно, что в данном случае следует принять последнее чтение, т. к. Рефа или Рефаа — обычное обозначение в восточных источниках далекой северной страны, вероятнее всего Норвегии²⁴.

²³ См. Тгесе gusko pleme, Slavia V, 1927, где приведена предшествовавшая литература. С. Н. Быховский, «К вопросу о трех древнейших центрах Руси» и А. И. Соболевский, «Третье русское племя» помещают «третье племя» на Тьмутараканском острове (Таманском полуострове), отождествляемом с «Русским островом» арабских писателей, но в отличие от моей гипотезы имя Артании ставят в связь с древним названием Кубани — Вардан, Вартан, а имя ее столицы Абарка А. И. Соболевский читает как Аркаба и сопоставляет с Птоломеевским Ёркаѡν на р. Каркините. В. Новицкий «Давне Лукомор'я» (Зап. істор.-філол. відділу Всеукр. Акад. Наук, кн. XXIV. У Києві, 1929) помещает Артанию на «Русском острове», но последний находит вблизи днепровского устья, и Артанию отождествляет с уличами.

²⁴ О Рефаа см. *Вестберг*, Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, II, 401, 402.

Оттуда, со Скандинавского полуострова, должны были русские купцы везти пушной товар и свинец на каспийские и черноморские рынки.

Что же касается столицы третьего племени — «Абарка», я не смог подыскать для этого имени удовлетворительного толкования. Думаю сейчас, что оно получилось вместо неясно написанного имени М-т-р-к-а, т. е. Матраха — Тмutoro-кань, главный центр Таманской Руси. Таким образом я предлагаю следующую реконструкцию первоначального еврейского известия о «трех русских племенах», послужившего основанием для рассказов арабских писателей X века.

«Русь состоит из трех племен. Одно — ближайшее к Болгарии и его царь живет в столице по имени Куяба; город этот больше Болгара. Второе племя, удаленное от них, — «Славия», и его царь зависит (от первого). Третье племя — наша земля, и его государь живет в Матрахе. Приходят люди (к ним ради торговли) до Керчи. Что же касается Матрахи, то не рассказывают, чтобы когда-нибудь пришел туда иностранец, ибо они убивают каждого иностранца, который приходит в их землю. Сами же они приходят водою для торговли; и они не рассказывают ничего о своих делах и своей торговле; также и не пускают никого сопровождать их и приходить в их землю. Из Рефаа (Скандинава) вывозят они черных соболей и свинец...»

Третья русская область является, по этой гипотезе, Тмutoroканским, Азовско-Черноморским русским княжеством, что, как упомянуто, предполагалось и ранее целым рядом исследователей на основании других соображений.

Не имея возможности в данной статье подробно остановиться на доказательствах существования Азовско-Черноморской Руси в X веке, позволю себе вкратце напомнить главные аргументы в пользу этой гипотезы. Прежде всего нужно констатировать, что «руссы» на Черном море появляются уже в самом начале IX века. Житие Св. Стефана Сурожского описывает опустошительный поход руссов по Крымскому побережью «от Корсуня до Керчи» в конце VIII или в начале IX века. Житие Св. Георгия Амастридского, составленное до 842 года, рассказывая о нападении руси на Амастриду (город на южном берегу Черного моря), называет руссов народом «хорошо всем известным». Бертинские анналы под 839 годом рассказывают о прибытии в Ингельхейм из Константинополя руссов, которые из Черного моря окружным путем хотели пробраться в Скандинавию. Ибн-Хордадбех рассказывает о путешествиях руссов к Черному морю в первой редакции своего труда, датируемой временем до 846 года. Эти руссы — норманны: они — «шведского рода»; их скандинавские обычаи арабские современные источники сравнивают с обычаями славян, подвергающихся непрерывным нападениям руссов и служащих им в качестве рабов. Естественно предположить, что, проникая и на Черноморское побережье, норманны основывали здесь свои гарды — укрепленные фактории, подобные тем, которые в это самое время основывались в землях балтийских славян, литовцев, финнов (на Ладожском озере, Белом озере, на средней Волге и др.) и восточных славян (в Новгороде, Изборске, Полоцке, Киеве, на Припяти и т. д.)²⁵.

²⁵ Подробнее я старался развить эту мысль в статье «Норманны в Восточной Европе» (*Byzantinoslavica* III, 1931). Одновременно с ней вышло блестящее исследование проф. *Фасмефа* «*Wikingerspuren in Russland*» (*Sitzungsb. der Preussisch. Akad. der Wissensch. Phil. Hist. Klasse* 1931, XXIV), в котором автор с присущей ему эрудицией систематически пересматривает вопрос о норманнской колонизации в России. Особый интерес представляет анализ географиче-

Следы варяжской колонизации на Черноморье сохранились в топографических именах, приводимых итальянскими периплами XIII—XVII вв. на северном берегу Черного моря и Азовского побережья; Rossa (остров Тендра), Varaegia, Varangolimena, Varangico, Rossofar, Rossoca, Rossi, Rosso, Русия. Целый ряд данных заставляет предполагать, что те же варяги образовали и русскую (норманнскую) колонию на Таманском полуострове (в то время бывшем островом) и что к ней относятся показания восточного источника первой половины IX века (Муслима аль Джарми?), дошедшего в компиляции Ибн-Ростеха о «Русском острове». Этот источник рассказывает, что «русь» живет на низком влажном острове, окружностью в три дня пути. Во главе этой разбойнической колонии стоит государь, которого источник титулует хазарским титулом «кагана»; он — военный вождь. Отряды руссов-островитян производят нападения на соседние славянские области, полонят людей и возят их на продажу в прикаспийские торговые города. Внутреннее устройство княжества примитивно: в юридическом быту господствует право мести; народное хозяйство не развито — пашен и лугов русь не имеет. Эти данные восполняются показаниями нескольких позднейших источников. Мукаддеси определяет численность русской колонии в 100000 человек. Аль-Бекри, называя руссов «островитянами», помещает их на Черном море. Димашки говорит о семи русских островах на Черном море, причем на островах находятся уже села и города с развитым хозяйственным бытом. Мирхонд рассказывает, что до появления «руси» эти острова принадлежали Хазарии и были подарены русским разбойникам каганом. Аль-Ауфи и Шабангарей свидетельствуют, что около 900 года на Русском острове началось распространяться христианство, но что там было и много мусульман²⁶.

Вопрос о «Русском острове» имеет обширную литературу. Искали его и в Дании, и в Скандинавии, и на Днепре, и на Волге, и на Ладожском озере, и на Волхове, и в озерной области на юг от Ильменя, и на Джарылгачской косе у днепровского устья. Большинство же исследователей (*Гедеонов, Куник, Иловайский, Голубинский, Пархоменко* и др.), ставя известие Ибн-Ростеха в связь с показаниями других источников, отождествили «Русский остров» с Таманским полуостровом, вблизи которого находится «русская река» — Дон и город Русия при устье Дона. Указывалось, что в изучаемую эпоху Таманский полуостров представлял собою группу островов, о чем говорят Константин Багрянородный и Киево-Печерский Патерик. Обращалось внимание на соответствие географических условий этого места арабским описаниям Русского острова, а также на то, что политическая обстановка в северо-восточном углу Черного моря в течение VIII—XI вв. не противоречит этой гипотезе. В VIII веке город Матраха на Таманском полуострове принадлежит Хазарии; в IX—X веках нет известий о его политической жизни; в самом же начале XI века он выступает в роли политического центра восточной окраины Руси. По словам *Голубинского*, существование княжества Тматороканского представляет нерешенную загадку, так как нельзя понять, с какой целью русские утвердили свою власть на столь удаленном от них куске земли. Если пред-

ских имен варяжского происхождения на территории Восточной Европы. Новые данные открывает и проф. *Погодин* в своей последней статье в «Slavia», 1932, где приведены варяжские поселения по Великому водному пути.

²⁶ Обо всех этих источниках см. *Вестберг*, К анализу... (Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, III) и *Mošin*, Ruski otok (Jugoslovenska Njiva, 1925, II, № 2—4, Zagreb).

положить, что на Таманском полуострове руссы нашли колонию своих сородичей, — ответ становится ясным²⁷.

Вместе с тем получают естественное объяснение многие неясные свидетельства источников о черноморской руси в IX и X веках.

Если поверить рассказу Мирхонда о том, что хазарский каган подарил руссам остров, на котором они устроили свое княжество, становится понятным, как мог под влиянием соседей-хазар явиться у русского князя тюркский титул кагана; почему хазарский источник конца IX века называет область «третьего» русского племени *наша земля*. Естественнее всего заключить, что отсюда был произведен набег на Амастриду в первой половине IX века, а в 860 году предпринята осада Константинополя (как доказывал Голубинский), закончившаяся распространением христианства среди руссов²⁸. Отсюда легко было этой руси нападать на славянские села на севере и отвозить свой товар Доном и Волгой на каспийские рынки. Отсюда, вероятнее всего, исходила в 913 году та большая экспедиция руси в Азербейджан, которую подробно описывает Масуди: русский флот с разрешения кагана Доном и Волгой прошел в Каспийское море и, опустошив его юго-западное побережье, пытался вернуться тем же путем на Черноморье, но был по пути уничтожен мусульманами. Масуди приписывает этот поход тому мощному племени эль-Лудзана, корабли которого путешествуют в Константинополь, Рим и Испанию и по местонахождению которого на Черноморье это море получило название «Русского моря». Нельзя не отождествить это имя «Лудзана» с областью Лузанией (Лузний), которую еврейско-хазарский аноним X века называет непосредственной соседкой Хазарии²⁹. Здесь у Тматороканского князя, по словам Льва Диакона, мог в 941 году искать помощи Игорь, бежавший после поражения у Константинополя к Киммерийскому Босфору. Этого русского (таманского) князя мог иметь в виду договор Игоря с греками 945 года, обязывавший его оборонять крымские владения греков от нападений черных болгар, живших на восточном берегу Азовского моря. Только к этой Таманской Руси может относиться рассказ хазарского анонима о русско-византийско-хазарской войне 943—944 гг., закончившейся поражением русских и неудачным походом русского князя в Азербейджан, после чего «русские снова подпали под

²⁷ Голубинский, История русской церкви. Первая половина I-го тома, гл. I.

²⁸ Ист. русск. церкви, I-я полов. I-го тома; см. также мою статью «Питанье о првом покрштењу Руса» в журнале «Богословье» 1930, I—II, Београд.

²⁹ См. *Mošin*, *Tréce ruskó plemě* (Slavia, V). Недавно А. Я. Лавровский возражал против этого отождествления на том основании, что, якобы, встречающаяся в «Золотых Лугах» форма Лудзана ошибочно создана переписчиками вместо имени Кудкана, приведенного в «Китаб-ат-Тенбих», которое должно обозначать киевлян (Олег і Хельгу хазарського документу. Київський Збірник Історії і археології... I, Київ 1931). Позволю себе обратить внимание уважаемого оппонента, что из всех форм этого имени именно форма *Kûdkâna* встречается реже всего, и притом она стоит далеко от предполагаемого имени Куябана. Вследствие этого даже *Vestberg*, не веривший в существование другой руси кроме киевской и скандинавской, не решился присоединиться к этому толкованию и скорее был склонен видеть в данном имени норвежцев (*N-gvêgia*). Содержание же рассказа Масуди о походе этой Лудзана в Табаристан совершенно исключает возможность видеть в ней киевскую русь. Как могла летопись забыть об этом походе 15—2000-го войска на восток? Да и события, относимые летописью к данному времени (914 г.), не могли позволить Игорю послать большое войско в далекую экспедицию. Наконец, как объяснить прибытие этого войска в Хазарию из Черного моря, а не Донцом и Доном, если этот поход предпринят киевской русью? (См. *Slavia* V, 776—779).

власть хазар»³⁰. Наконец, само собою напрашивается предположение, что упомянутые готским топархом его союзники, родственные с подданными Святослава, жившие вблизи Крыма и не зависевшие от соседних государей, были черноморскими руссами.

В одной из моих последних работ — «Норманны в Восточной Европе», — рассматривая процесс норманнской колонизации на востоке, я обратил внимание на вероятность существования целого ряда независимых варяжских колоний, основывавшихся вблизи всех больших рек Сарматской низменности, ее торговых путей. Наметив длинный ряд таких предполагаемых скандинавских центров, я высказал и несколько предположений относительно процесса постепенного объединения этих независимых варяжских центров, вместе с окружающими их данническими областями, в большие области — варяжские княжества. Этот происходивший на заре русской истории процесс хотя и очень туманно, но все-таки заметен в южной, Приднепровской, Руси. Труднее угадываем он на севере, в Новгородской области. Но, во всяком случае, даже в середине X века эти области еще не потеряли характер более или менее самостоятельных государственных образований: Багрянородный противопоставляет Новгородскую, «внешнюю Русь» Святослава — Киевской. А как происходил этот процесс расширения Киевского княжества, путем включения самостоятельных областей, на востоке — совсем не известно. Все же некоторые намеки источников (Лев Диакон, договор Игоря с греками 945 года, Кембриджский Аноним, Записка Готского топарха) позволяют предполагать, что в середине X века влияние Киевской Руси уже ощущалось в Приазовье, хотя Таманская Русь в это время была еще самостоятельна. Константин Багрянородный, описывая северное Черноморье, не упоминает о протяжении власти Киевской Руси до Азовского моря, а, наоборот, описывает Таманские острова как *особую область* — Матраху с главным городом Таматархой-Тматороканью, наряду с Зихией и другими самостоятельными кавказскими княжествами³¹.

VI

Таким образом, смею думать, что восточные писатели, рассказывающие о разделении руссов на три племени, подразумевают под третьим русским племенем, Артанией, русское княжество, основавшееся в начале IX века на Таманском полуострове и постепенно подчинившее своему влиянию или власти соседние норманнские колонии на Черноморье, подобно тому, как Новгородская Русь объединила варяжские центры в области Ильменских славян, кривичей, чуди и веси, а Киевская — приднепровские племена. Говоря о разделении Руси на три области, источник конца IX или начала X века отразил реальную политическую обстановку современной ему Восточной Европы. При этом, конечно, нельзя упускать из виду, что не только в конце IX, но и в течение всего X, а м. б. даже и в XI веке существовали и другие, независимые или полунезависимые варяжские центры,

³⁰ См. мои статьи: «Еще о новооткрытом хазарском документе», Сборник Русск. Археол. Общ. в Корол. С. Х. С., Белград, 1927, «Les Khazares et les Byzantins d'après l'Anonyme de Cambridge», Byzantion, VI, 1931, а также рецензию на книгу *Бруцкуса* в «Seminarium Kondakovianum» III, 1929.

³¹ De adm. imp. cap. 42.

разбросанные в разных углах Восточной Европы (вроде известных нам княжеств Рогволода и Тура и неизвестного центра на Каме, о котором упоминает Ибн-Хаукаль). Однако очевидно, что во второй половине X столетия в сравнении с тремя главными областями — Киевской, Новгородской и Черноморской Русью — эти центры были малозначительными образованиями и в политической жизни Восточной Европы сколько-нибудь видной роли играть не могли.

Откуда же исходил разбойничий поход Руси в Хазарию 969 года? Вполне очевидно, что разрушить несколько больших городов и опустошить наиболее богатые области государства, обладающего войском в несколько десятков тысяч человек³², могла лишь очень сильная разбойничья флотилия. Следовательно, поход 969 года мог быть предпринят только из какого-нибудь большого варяжского центра. Выше приводились аргументы, доказывающие, что эти руссы не могли быть ни норманнами из Скандинавии, ни войском киевского князя Святослава. Еще невероятнее было бы предположение, что поход в Хазарию предпринят из Новгорода. Во-первых, Новгород в это время был тесно связан с Киевской Русью, и его отряды должны были в то время быть вместе со Святославом в Болгарии. Во-вторых, если бы оставшиеся на севере дружины и рискнули пойти в 969 году на Волгу, вряд ли они могли быть достаточно многочисленными для разгрома Волжской Болгарии и Хазарии. В-третьих, если бы им и удалось разгромить эти государства, они, конечно, вернулись бы домой прямой дорогой по Волге и вряд ли бы решились идти обходным путем через Рим и Испанию, почти наверняка рассчитывая на то, что византийский флот не пропустит через Босфор и Дарданеллы подданных Святослава, с которым греки в это самое время вели войну. Наконец, было бы совершенно непонятно, как могла русская летопись забыть о таком важном факте, как полный разгром русскими войсками соседнего сильного государства, с которым киевский князь вел войну за четыре года перед этим.

Таким образом, остается предположить, что в 969 году поход в Хазарию был предпринят Азовско-Черноморской Русью.

VII

Попытаемся восстановить гипотетическую картину взаимоотношений Хазарии, Киева и Тмуторокани в интересующий нас период.

В 945 году Игорь, старавшийся усиленной данью с подвластных племен возместить расходы, вызванные двумя походами против Византии, пал в земле древлян, оставив престол ребенку Святославу и вдове Ольге. Отомстив за смерть мужа взбунтовавшемуся племени рядом жестокостей, Ольга обращает все внимание на правовое и экономическое благоустройство Руси и на возобновление прежних оживленных торговых связей с Византией. В это время Таманская Русь, предоставленная своей судьбе и ослабленная тремя неудачными войнами 943—944 годов с хазарами, греками и с калифатом, должна была попасть в сильнейшую зависимость от Хазарии, о чем, как упоминалось выше, свидетельствует Хазарский Аноним.

³² Хазарское войско составляли: 1) мусульманская гвардия — «ларсия» в 12000 воинов, 2) феодальные дружины, приводимые «богатыми людьми» пропорционально количеству доходов, 3) вспомогательные отряды, выставляемые подчиненными племенами (например, 10000 буртасов).

Новые условия создались в Восточной Европе с восшествием на киевский престол храброго Святослава. В течение двадцатилетнего правления Ольги, которое летописец называет мудрым, волнения успокоились, взбунтовавшиеся племена тяжело заплатили за свое восстание, точно определенные «уставы и уроки» вернули, вероятно, государству экономическое благосостояние, и пришло время для решения вопроса о присоединении последних, оставшихся независимыми, славянских племен, а м. б. и о поисках новых рынков, которые освободили бы Киев от экономической зависимости от Византии. Выше упоминалось, как Святослав пытался завершить начатое в IX веке объединение славянских племен присоединением вятичей, живших по Оке и верхнему Дону. В 965 году Святослав идет на Дон, рассчитывая уничтожить хазарскую власть в Подонье и Приазовье. Отодвинутая к самой Волге и Каспию, Хазария не могла представлять собою опасного соперника, и это было причиной, почему Святослав не пошел в Поволжье, а напал на Саркел, самую сильную базу хазарской власти в Подонье. Разрушив его и разбив хазарское войско, он пошел на юг по восточному берегу Азовского моря, имея, по-видимому, единственную цель — отодвинуть хазар к Волге и Каспию. Таким образом, Святослав дошел до кавказской степной полосы, где победил аланские племена, и затем вернулся на север, а в следующем году окончательно упрочил свою власть над вятичами.

Завладел ли Святослав в течение этой войны Тмутороканью? Летопись об этом ничего не говорит, но нужно думать, что, идя по азовскому берегу, он не мог не обратить внимания на это княжество, которое, находясь при выходе из Мэотиды, держало в своих руках торговлю Подонья с Черным морем и которое, по всей вероятности в союзе с готами, помогало ему в хазарской войне. Поэтому приходится спросить: почему Святослав, имея в руках черноморский порт на Таманском полуострове, не задержал его, а, вернувшись в Киев, обратил все свое внимание на запад, к Дунаю?

Пройдя огромное пространство от Киева до Тмуторокани, Святослав понял, что земли по этому пути богаты тем же сырьем, которое имело и его Приднепровье; что продавать это сырье на восток при существующих отношениях с Хазарией он не мог и, следовательно, должен был слать его своему старому клиенту — Византии. Благодаря этому вся область по Дону и Донцу должна была бы слать свои товары кратчайшим путем в Матраху, а Киев потерял бы большую область, которая до того тянула к Днепровскому пути. Расширение торговых операций Тмуторокани могло ослабить доходы Киева, и потому Святослав, как киевский князь, мог пожертвовать Матрахой в пользу своей столицы. С другой стороны, Тмуторокань в данное время не могла представлять для Киева большого интереса с точки зрения транспортирования восточных товаров: арабская торговля с Поволжьем в это время чрезвычайно ослабела, да и отношения Руси с Хазарией были прерваны³³. Наконец, новый торговый путь нуждался для защиты от кочевников в значительной военной силе, а оттягивание отрядов с Днепра уменьшило бы безопасность путешествий по днепровскому торговому пути. Эти, а может быть, и другие соображения заставили Святослава оставить Тмуторокань, но, судя по всему, после 965 года он ею не владел. Уходя в Болгарию, он разместил своих детей по областям на волховско-днепровском пути (Ярополка в Киеве, Олега в Древлянской земле, Владимира в Новгороде), что указывает на его заботы только о пути «из Варяг в Греки».

³³ См. *Знойко*, Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, XII.

Однако война Святослава с хазарами должна была иметь важные последствия для Тмутороканской Руси. Можно предполагать, что в течение двадцати лет, протекших от неудачного азербейджанского похода до войны Святослава, Азовское княжество восстановило свои силы. Именно к этому промежутку времени (957 г.) относится свидетельство Масуди о могуществе черноморских руссов и об их путешествиях в Средиземное море. С другой стороны, и условия политической жизни Хазарии в это время были тяжелыми. Экономический кризис в связи с замиранием арабской торговли, давление мощных соседей и внутренняя борьба между евреями, с одной стороны, и мусульманами и христианами, с другой, ослабили ее мощь. Может быть, и руссы вмешивались при случае в эти внутренние раздоры Хазарии и помогали ее противникам (например, крымским готам в 962 г.), ожидая подходящего момента для окончательного освобождения от хазарского суверенитета. Такой повод дала война Святослава. После взятия Саркела, уничтожения хазарского войска и отхода хазар от Азовского побережья Таманское княжество должно было сделаться независимым. Весьма вероятно, что после ухода Святослава оно быстро распространилось по восточному берегу Азовского моря и, восстановив из развалин разоренный Саркел, претворило его в знаменитую впоследствии «Русию». Может быть, попытки Хазар вернуть эту крепость, а может быть, и простое желание руссов обогатиться на счет ослабленного соседа вызвали поход руси на Волгу в 969 году. Старой известной дорогой, вверх по Дону пошли они к Волге, поднялись по ней до Булгара, разгромили его; затем пошли вниз по реке, опустошая прибрежные села буртасов и хазар; дошли до Итиля, разрушили его и, пройдя в Каспийское море, ограбили северо-западное побережье, разгромив и второй по величине хазарский город — Самандар. Тем же путем вернулись они на Черноморье и отправились продавать награбленное добро на европейские рынки.

От 969 года до последнего десятилетия X века снова нет никаких известий о русско-хазарских отношениях. Святослав после 965 года не интересовался делами на Востоке, так же как и его сыновья, междоусобная распря которых помешала им задержать даже власть над радимичами и вятичами. Лишь Владимиру удалось снова подчинить эти племена, и к его же времени относится первое известие о подчинении Киеву Тмуторокани. Смею думать, что только при этом князе Тмуторокань присоединилась к Киеву (по всей вероятности, во время корсунского похода Владимира), но, к сожалению, разросшийся объем статьи не позволяет мне подробно остановиться на этом вопросе.

П. Мутафчиев

РУССКО-БОЛГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ СВЯТОСЛАВЕ¹

I

О войнах русского князя Святослава в Болгарии писано уже немало. И все же основной вопрос относительно событий за период 967—972 гг. остается неразъясненным: каковы были и как развивались отношения между Святославом и болгарами?

Все сказанное до сих пор по этому вопросу сводится к одному: русский князь силою оружия преодолел сопротивление, которое болгары пытались оказать ему; затем насилием и кровавым террором не только навязал им свою власть, но и заставил их помогать ему в войне с Византией².

Этот взгляд основан, главным образом, на некоторых сообщениях двух византийских авторов, Льва Диякона и Скилицы. «Святослав», — повествует в одном месте первый, — «со свойственной ему жестокостью, запугал болгар. По занятии Пловдива (Филиппополя) он повелел посадить на кол 20 тыс. чел. из захваченных в этой крепости в плен и таким способом положил конец всякому сопротивлению³». Когда же позже император Иоанн Цимисхий перешел в наступление против русских, взял Преслав и двинулся к Доростолу и когда болгары начали отлагаться от Святослава, то последний, рассказывает тот же автор⁴, повелел зверски перебить в Доростоле около 300 видных болгар, а прочих свергнуть в оковы. Согласно Скилице, число этих последних было 20 тысяч⁵.

Взятые сами по себе, эти сообщения действительно представляются достаточным аргументом в пользу взгляда, что в Болгарии Святослав держался только необузданным насилием.

¹ Настоящая статья, явившаяся докладом автора на V съезде русских ученых в Софии, представляет собою главу из недоконченного еще исследования о болгарской истории в X веке.

² См. *Гильфердинг*, История сербов и болгар. Сочинения, I, с. 144 сл.; *Иречек*, История болгар, русс. перев. Бруна и Палаузова, с. 242 сл.; *Дринов*, Началото на Самуиловата държава, также Южные Славяне и Византия в X веке. (Съчинения, I, с. 338 сл., 468 ср.); *Schlumberger*, Un empereur byzantin au Xe siècle, Niceph. Phocas, p. 570, 573, 470, l'Épopée byzantine à la fin du Xe siècle. I, p. 37, 41; *Златарски*, История на бълг. държава през средните векове, I, 2, с. 600, 604; *Балаев*, България през последните десетгодишнини на X в. София, 1929, с. 7 сл., 12 сл.; *Runciman*, A history of the first Bulgarian empire, London, 1930, p. 210. В том же смысле — *Соловьев*, История России, изд. VI, т. I, с. 140.

³ *L. Diac.* ed. Bonn. 105. 3

⁴ *Id.* 138. 10

⁵ *G. Cedr.*, ed. Bonn. II, 400. 12

Но тут возникает одно затруднение. Наряду с этими данными, те же самые авторы сообщают и другие, свидетельствующие о том, что отношения между болгарскими и русскими далеко не походили на отношения между кровожадными завоевателями и дрожащими перед ними рабами. Прежде всего заслуживают внимания условия, в какие во время русского завоевания был поставлен последний преславский царь, Борис II. Считается обыкновенно, что русские содержали его как настоящего пленника «под стражею» в его дворце⁶ и что в таком состоянии, «истомленный пленом у Русов», он был найден Цимисхием, когда два с половиной года спустя византийские войска захватили Преслав⁷. В сущности же Скилица, из повествования которого извлечен этот вывод, говорит совсем другое. Когда, рассказывая он, византийцы хлынули в город, защитники его стянулись в кремль, где находились царские палаты, и стали готовиться к последнему сопротивлению. Бориса, однако, тогда там не было. Воины Цимисхия еще раньше захватили его во внешнем городе. Это значит, что болгарский царь не содержался под стражей в преславском кремле, а мог свободно передвигаться в своей столице. В противном случае, особенно в такой момент, когда неприятель штурмовал ее стены, — русские бы усилили свой надзор над царем и не позволили бы ему выходить из его «темницы».

Это еще не все. Когда Бориса привели пред Цимисхия, он — и это после двухлетнего «пребывания в плену»! — еще носил знаки царского достоинства⁸. Сверх того, среди русских воинов, составлявших преславский гарнизон, которым, следовательно, якобы был поручен надзор над этим «пленником», было, как дальше увидим, очень много болгар. В то время как Борис продолжал пребывать в своем стольном городе, Святослав с другой частью войск находился в Доростоле, где, как кажется, была его постоянная резиденция⁹. Могут ли все эти, не подлежащие сомнению, данные быть согласованы с представлением о свергнутом с престола владетеле страны, изнемогавшей под невыносимым игом сурового варвара? Можно ли привести в истории другой пример завоевателя, который допустил бы, чтобы владетель залитой кровью его народа земли жил в условиях, в каких мы находим Бориса II?

Военная добыча была главной приманкой, благодаря которой вокруг русских князей собирались многочисленные дружины для походов в дальние края. Князья делили награбленные богатства и контрибуции со своими соратниками. Святослав — в прочих своих походах — не составлял исключения среди своих предшественников. Однако здесь, в Болгарии, было, кажется, нечто иное.

⁶ Гильфердинг, 146; Иречек, 242; Schlumberger, l'Epopée I, 45; cf. Nic. Phocas 740 sq; Златарски, 600; Runciman, 205, 207, 209.

⁷ Дринов, Съчинения, I, 474.

⁸ Cedr. II. 396. 10: ἐάλω δὲ καὶ Βορίσης ὁ βασιλεὺς τῶν Βουλγάρων... ἔτι τὰ παράσημα φέρων τῆς βασιλείας.

⁹ Schlumberger, l'Epopée I, 98, полагает, что когда в 972 г. Цимисхий выступил в Болгарию, Святослав находился в Доростоле «вероятно для того, чтобы отразить императорский флот,» посланный из Константинополя по Дунаю. Это объяснение недопустимо по той простой причине, что князь вообще ничего не знал о военных приготовлениях Цимисхия и о его походе на Болгарию. Еще менее мог он предполагать, что император атакует его и со стороны Дуная. Сам Лев Диакон подчеркивает, что надежды Цимисхия на то, что ему удастся перейти Балканы и попасть в Северную Болгарию, основывались на том, что русские не ожидали войны и не были к ней готовы (см. L. Diac. 131. 23 сл.).

Правда, если положиться на некоторые известия преимущественно позднейших авторов, повествующих о русском нашествии в болгарские земли, то пришлось бы заключить, что и эти земли не были пощажены. У Скилицы, например, читаем следующее: в пятый год царствования Никифора Фоки русские напали на Болгарию, «сравнили с землей много городов и сел и, обремененные множеством награбленного добра, возвратились в свое отечество; в шестой год его царствования они снова двинулись против Болгарии и совершили то же самое и даже еще худшее»¹⁰. Это сообщение Скилицы, переданное почти теми же словами, находим и у Зонары¹¹, откуда оно перешло и в продолжение хроники Симеона Логофета¹². Одна из миниатюр Ватиканской рукописи хроники Константина Манассия к тексту, где рассказывается о русском нашествии в Болгарию, изображает русских, гонящих стадо скота, отнятого у болгар. Над миниатюрой надпись: *плѣнь рускы*¹³. Однако все эти известия, не говоря уже об их позднейшем происхождении, чересчур общи и лишены сколько-нибудь конкретного содержания; но еще важнее то, что, наряду с ними, находим по этому вопросу и другие — прямо противоположного свойства. У того же Скилицы, например, читаем, что от времени захвата русскими Преслава до момента, когда он был отнят у них Цимисхием, сокровища болгарских царей оставались нетронутыми в их дворцах. Они были захвачены Цимисхием, отправившим их в Константинополь¹⁴. Это сообщение подтверждает и Лев Диакон, который был современником, а отчасти и свидетелем этих событий¹⁵.

Но русские пощадили не только царские сокровища. Известно, как вообще они, тогда еще язычники, поступали с христианскими святынями в землях, имевших несчастье подвергнуться их нашествию. В 941 году, при Игоре, они совершили налет на Вифинию, где особенным неистовствам подверглись церкви и их служители. Современный летописец рассказывает, что они связывали у пленных священнослужителей сзади руки и вбивали им в головы гвозди; храмы же предавали огню¹⁶. И в этом отношении их поведение в Болгарии было совершенно иное. В одной из битв при Доростоле пал византийский магистр Иоанн Куркуас. Лев Диакон, который отметил этот эпизод, считает смерть императорского полководца карой божией за то, что он со своими войсками грабил болгар, забирал себе их священные сосуды и церковное облачение¹⁷. Язычники-русские не только пощадили болгарские храмы, но не посягнули и на их богатства: нужно было прийти православным византийцам, чтобы эти богатства подверглись разграблению.

Не только подобного рода данные должны остановить наше внимание. Известно, что болгары появляются в войске Святослава сейчас же по его водворении в их земле и остаются его сподвижниками до последних месяцев его пребывания в Болгарии. Было бы слишком большой натяжкой объяснять это терро-

¹⁰ Id. II. 372. 12.

¹¹ Zonaras, ed. Bonn. III, 513. 11.

¹² Слав. перевод, изд. Срезневского, СПб., 1905, с. 149.

¹³ Филов, Миниатюры на Манасиевата хроника в Ватиканската библиотека, София, 1927, табл. 35.

¹⁴ Cedr. II, 413. 10.

¹⁵ L. Diac. 136. 10, 158. 10.

¹⁶ Theoph. Contin., ed. Bonn. 425. 8; ср. Cedr. II, 317. 4.

¹⁷ L. Diac. 148. 18.

ром, который применялся по отношению к ним. При помощи террора Святослав мог бы сделать их послушными подданными, но никак не воинами, на которых он мог бы положиться в войне, поведенной им против Византии. Известно, чего стоят войска, набранные насильственно и принужденные биться ради интересов своих угнетателей. В этом отношении история болгарских земель до и после Святослава содержит весьма поучительные примеры¹⁸. Но что касается интересующих нас событий, то здесь мы находим как раз обратное.

Мы уже упомянули выше о падении Преслава. Мы сказали, что защитники города стянулись в царские дворцы, окруженные высокими стенами, вокруг которых завязался последний бой. Все попытки византийцев проникнуть в цитадель были отбиты с тяжкими потерями; не помогло и присутствие самого императора, который лично явился руководить приступом. Тогда Цимисхий распорядился пустить в ход огонь. Когда начали бросать в дворцы горящие головни и когда они были охвачены пламенем, то последние защитники Преслава решили выйти из своего укрытия и биться до конца. Окруженные неприятелем, они все пали под его копьями и стрелами, и никто не попросил пощады.

В этом подвиге самопожертвования русские были не одни. Лев Диакон прямо говорит, что тут пало и «очень много болгар»¹⁹. Очевидно, они образовали часть гарнизона осажденной столицы. Что заставило этих болгар жертвовать собою ради Святослава, если он точно был не более как поработоритель их отечества? Уж не террор ли и боязнь мести со стороны русского князя? Но когда между ними и им стоял Цимисхий со своим победоносным войском, какую власть мог иметь над ними Святослав?²⁰

Мне кажется, что уже одного этого факта было бы достаточно, чтобы показать, что обычное понимание отношений между Святославом и болгарам основано на недоразумении и не может быть поддерживаемо. Если и в последний момент господства его над их землею болгары были способны с такой отчаянной отвагой сражаться на стороне русского князя, то явно ошибочно считать, как некогда Гильфердинг, что «своею политикою Святослав лишил себя возможности успеха в Болгарии» и что еще задолго до похода Цимисхия он вооружил против себя не только легионы Империи, но и «всю силу разъяренного народа болгарского»²¹.

Однако данные, на которых основано это убеждение, все же существуют, и игнорировать их нельзя. Можно спросить себя, нет ли в них преувеличений, действительно ли, например, кровопролитие, учиненное по приказу Святослава в

¹⁸ Ср., напр., случай со славянами, переселенными Юстинианом II в Опсикий и поведенными им в качестве воинов против арабов (*Theoph.* ed. de Boor, 364. 11, 365. 30 сл.) *Niceph. Patr.* ed. de Boor, 36, 17 сл. Равным образом случай с манихеями в Филиппопольской области во время войны Алексея I Комнина с норманнами, *An. Comn.* ed. Reifferscheid, I, 138. 7, 160. 22, 187. 20.

¹⁹ *L. Diac.* 137. 21 : καὶ πλείστον ὅτι καὶ Μυσῶν κατὰ ταύτην πεσόντων τὴν μάχην.

²⁰ В упомянутом Ватиканском списке Манассиевой хроники одна из миниатюр изображает граждан Преслава, выходящих из городских ворот и приветствующих поклонами Цимисхия. На основании этого *Дринов* (Съчинения, I, стр. 473) допустил предположение, что византийцы захватили Преслав при содействии, оказанном им болгарам, «тяжело переносившими русское иго». В свое время Schlumberger, l'Ерорée I. 106, вполне основательно отметил, что миниатюры этой летописи относятся к XIV веку и что, следовательно, не могут считаться историческим документом решающего значения. Еще менее, добавили бы мы, их содержание может быть использовано для опровержения свидетельства современника, каким был Л. Диакон.

²¹ Сочинения, I. 145, 147.

Пловдиве, было столь велико²², действительно ли было так много жертв его жестокости в Доростоле; но самые сообщения об этих двух случаях остаются, и опровергнуть их мы не в состоянии. При всем том они восходят к тем же самым авторам, которые дают нам материал для прямо противоположных заключений.

В чем же выход из противоречия?

Мы думаем, что такого противоречия просто — не существует. Приведенные *отдельные* факты из истории русского завоевания Болгарии, кажущиеся нам сейчас столь несовместимыми одни с другими, свидетельствуют единственно о сложности отношений, вызванных этим завоеванием, и отмечают лишь *отдельные* моменты в развитии этих отношений. И взгляд, что Святослав, еще при своем появлении в Болгарии, нашел объединившимися против себя болгар и византийцев и что, в продолжение целого ряда лет, он лишь при помощи беспощадного террора мог держаться в здешней стране, — этот взгляд коренится в том обстоятельстве, что внимание ученых доселе привлекали преимущественно события действительно драматические, но изолированные и несущественные, а потому и далеко неподходящие к тому, чтобы на их основе возводить широкие обобщения. К этому присоединяется еще и то, что были оставлены без должного внимания факты противоположного свойства, а вместе с ними, в некоторых случаях, и соответствующие разъяснения, содержащиеся в самых исторических источниках.

II

К походу в Болгарию Святослав был побуждаем императором Никифором Фокой. На Русь с этой целью был послан сын херсонесского наместника, Калокир; ему была дана с собой значительная сумма денег — часть вознаграждения, обещанного Святославу за ожидавшуюся от него услугу. Известно, что Калокир задумал воспользоваться случаем для осуществления собственных планов. Ему удалось убедить Святослава двинуться с большим войском против болгар, но после победы князь должен был взять их землю за себя, а затем помочь ему, Калокиру, добыть императорский престол. За все это он обещал Святославу великие награды из царской казны²³. В Константинополе, где интриги императорского посланца стали известны, встревожились: события получали неожиданный оборот, и империи уже угрожала опасность, сама столица была под угрозой. Всех больше был встревожен сам Никифор Фока, так как дело шло уже о его троне. Он, рассказывает об этом Лев Диакон, распорядился тогда укрепить оборонительные сооружения Константинополя и стянул войска, на которые возлагалась

²² Гильфердинг, напр., считает (ib. 146), что числу 20 тысяч, какое Л. Диакон дает для жертв в Филиппополе, «нельзя верить» и что оно преувеличено. Во всяком случае, то, что несчастье, постигшее тогда этот город, было необыкновенное, показывает факт, что воспоминание о нем не угасло и век спустя. О нем вспоминает и *An. Conn.* II. 257. 1.

²³ *L. Diac.* 77. 9 сл. Незачем опровергать здесь мнение Знойко (см. его статьи О посольстве Калокира в Киев, Журнал Министерства Народного Просвещения. Март, 1907, и О походах Святослава на Восток, там же, ноябрь, 1908), считающего, что вышеприведенное сообщение Л. Диакона можно отбросить, и, путем довольно субъективных и произвольных предположений и комбинаций, приходящего к заключению, что намерением Калокира было не захват царьградского престола, но обеспечение независимости обладания Крымом, Черноморской Русью и Саркелом.

его защита. Но меры этого свойства были недостаточны. И тот же автор, восхваляя предприимчивость императора и его глубокий ум, сообщает и кое-что иное: Никифор, говорит он, учел, что польза от всех этих приготовлений будет не особенно велика, если бы ему «пришлось воевать с обоими народами» (εἰ πρὸς ἀμφοτέρω τὰ ἔθνη τὴν διαμάχην ἄροιτο. Ib. 79. 5). Напротив, «ему казалось, что было бы полезнее, если бы удалось привлечь на свою сторону *один из них*. Таким образом, рассчитывал он, он легче получит перевес над другим и скорее победит его»²⁴. И так как Калокир, которому приписывали в Константинополе главную вину за неприятный оборот дел, пользовался, как там думали, большим влиянием на Святослава, то Никифор, говорит дальше Лев Диякон, счел бесполезным вести переговоры с русскими и попытался сговориться с единоверными болгарскими (πρὸς τοὺς ὁμοθρήσκους Μυσοῦς ἐβουλεύσατο μᾶλλον πρεβεῖαν οτείλασθαι, 79, 14).

Как ни толковать это сообщение византийского автора, на которое, непонятно почему, ученые исследователи до сих пор не обратили должного внимания, одно несомненно: *при самом начале* деятельности русских в Болгарии в Константинополе узнали, что между Святославом и болгарскими подготовлялось, или даже уже было достигнуто, известное соглашение, а затем и союз против Византии. Именно эту опасность Никифор Фока и стремился предотвратить. Он предложил болгарам вместо союза с русскими дружбу Империи, а следовательно и — союз и поддержку против тех же русских.

Возникает вопрос, каковы могли быть причины, которые содействовали перемене в отношениях, созданных самим фактом русского нашествия в Болгарию, и какими путями могло сложиться у Святослава и у болгар сознание, что для них выгоднее примириться и соединить свои силы против Империи. На этот вопрос приведенное выше место у Льва Диякона не дает никакого ответа. Мы находимся в полном неведении и относительно событий, коих развитие довело до такого результата. Точно так же неизвестно, у которой из двух сторон родилась идея и возникла инициатива этого сближения. То, о чем можно догадываться с некоторой уверенностью, это — лишь общие причины, при наличии которых примирение между русскими и болгарскими в той или иной степени явилось для обеих сторон самым разумным исходом из создавшегося положения.

Что касается, в частности, болгар, то для них, может быть, только в этом открывалась возможность уберечь свою землю от порабощения или разорения. Чтобы это понять, необходимы некоторые пояснения.

Царствование болгарского царя Петра (927—969) было временем неукротимого проникновения византизма во все области болгарской жизни. Этому процессу благоприятствовала политика петровского правительства, а также и личность самого царя, находившегося всецело под византийским влиянием. Результаты этого сказались скоро. В здоровом социальном организме Болгарии появляются трещины, моральное единство народа нарушается, и само государство, сбившее с пути, переставшее опираться на массы, лишенное своих необходимых устоев, обращается в тень своего недавнего величия. Реакция против всего этого уже давно обнаружилась среди болгар. Есть много указаний, что она оформилась в некоторую оппозиционную идеологию, отчасти искавшую исхода в за-

²⁴ Id. 79. 6: ξυνοῖσιν οὖν ἐδόκει εἶναι αὐτῷ, εἰ τὸ ἐν ὑποποιήσῃ τῶν. οὕτω γὰρ ἐδόκει ῥᾶστα περισθαι τοῦ ἐνός, καὶ αὐτὸ θᾶπτον καταγωνίσασθαι.

говорах и восстаниях против правительства, отчасти выражавшую себя длительно в богомилском отрицании. Основой того и другого было антивизантийское настроение, находившее себе все более и более широкую почву в болгарском обществе. Кажется, что правящие силы в Преславской Болгарии пребывали слепы ко всему этому, равно как и к зловещему будущему, которое уже вырисовывалось для страны, чья оборонительная сила пришла к тому же в полный упадок. Так дождались они времени, когда Империи, достаточно окрепшей, не было больше нужды скрывать свои подлинные чувства и планы относительно болгар. После оскорбления, нанесенного болгарским послам в Царьграде в 966 году, последовало нападение, которое всего менее могло быть оправдано. Если этих неожиданных событий было недостаточно, чтобы показать руководящим кругам в Болгарии пропасть, к которой они подвели державу, то в среде самого болгарского народа они, эти события, должны были превратить существующее антивизантийское настроение в стихийную ненависть. Вдобавок, болгарам довелось узнать, что киевский князь, идущий против них со своими дружинами, был послан той же Византией...

Нашествие было ударом, от которого с трудом могла устоять немощная, разъединенная и внутренне расстроенная Болгария. Уже первые стычки с русскими свидетельствуют о страшном упадке, до которого была доведена созданная Симеоном государственная мощь Болгарии. И несомненно, в те тревожные дни, когда крепости в северо-восточном углу дунайской области сотрясались под ударами русских дружин и когда неоткуда было ждать помощи, в лучших умах Преславской Болгарии, должно быть, зародилась идея или созрела склонность к решению, которое одно только могло дать ходу вещей другое направление. Если уж отразить вторжение и, значит, спасти независимость и целостность государства было задачей явно безнадежной, то не оставалась ли еще открытой возможность сговориться с завоевателем — теперь уже против тех, которые были виновниками его нашествия?

Но если самый инстинкт самосохранения должен был подсказать болгарам, что необходимо столкнуться и примириться со Святославом, то какие интересы и соображения могли быть у этого последнего, чтобы дойти до такого же решения?

Истинные намерения Никифора Фоки, когда он призвал русских против болгар, неизвестны: мы не знаем, надеялся ли он только на то, чтобы ослабить и обезвредить болгар, или же на Святослава была возложена задача завоевать их земли для Империи. Во всяком случае Святослав явился сюда в качестве орудия византийской политики. За услуги, которых ждали от него в Константинополе, он мог, помимо обещанного вознаграждения, рассчитывать и на добычу от ограбления Болгарии. При таких условиях мы не можем сомневаться, что русские повели войну в Болгарии с эксцессами, свойственными всем тогдашним варварам. В сообщениях некоторых источников, что они подвергли опустошению и грабежу болгарские земли, нет, следовательно, ничего удивительного. Но раз уже в этих последних вспыхнул пожар, локализовать его не зависело от воли тех, которые зажгли его. И нельзя было из Константинополя помешать тому, чтобы у Святослава назрели желания и намерения, которые далеко не совпадали с целями, ради которых он был вызван. Мы не можем определить, каковы были они и когда, собственно, они были выдвинуты, для нас не имеет значения, был ли он обязан внушениям Калокира или же участие этого последнего было делом со-

вершенно второстепенным. Факт, устанавливаемый приведенным выше сообщением Льва Диакона, тот, что тут, в Болгарии, Святослав почувствовал, что он не может быть константинопольским наемником. Страна, открывавшаяся перед ним с правого берега Дуная, отличалась сильно от всего того, что он до сих пор видел. Не было ли благоразумнее, вместо того чтобы обращать ее в пепелище и развалины или же завоевывать для византийцев, забрать ее себе? И если было возможно сделать ее своею, то не было ли благоразумно сберечь богатства, которыми она располагала или могла произвести, и следовательно, не было ли расчета в том, чтобы осуществить ее подчинение иными средствами и способами, чем те, какими было начато нашествие? Или, наконец: если то, что всего более могло соблазнить киевского князя, были богатства южных византийских земель, то, чтобы добиться их, не было ли выгоднее и разумнее всего — вместо того, чтобы воевать с болгарами, — добиться их содействия против Византии, направившей его в их землю?

Логика самих событий, стало быть, вела к принятию одного и того же решения обе стороны, которые третья сторона столкнула друг с другом.

Эту-то именно опасность Никифор теперь попытался предотвратить. В Преслав, рассказывает далее Лев Диакон, было отправлено посольство во главе с патрицием Никифором Эротиком и Евхаитским епископом Филофеем. Оно должно было напомнить болгарам об общей у них с ромеями вере и от имени императора предложить им «дружбу и мир», скрепленные родственными узами между обоими дворами. Другими словами, вместо союза с русскими, Византия предлагала теперь болгарам союз против тех же русских²⁵.

²⁵ Мы не можем согласиться с мнением *Златарского* (История, 1, 2, с. 595, принятое затем и *Runciman*'ом, цит. соч., 203), который относит посольство Ник. Эротика и Филофея к концу 969 г., т. е. ко времени, когда Святослав вторично явился в Болгарию. Согласно *Златарскому*, посольство было послано в Преслав для того, чтобы упрочить уже существовавший мир между Болгарией и Византией и предложить для сего брачный союз между обоими дворами. Что касается самого мира, то *Златарский* считает, что он был заключен в конце июня 968 г., и притом по инициативе не Никифора Фоки, а болгарского царя Петра, принужденного искать помощи против русских. Ошибка *Златарского* происходит оттого, что от его внимания ускользнуло рассмотренное выше сообщение Льва Диакона. В нем категорически засвидетельствовано, что шаги к восстановлению близких отношений между Царьградом и Преславом были сделаны Фокой. Мы видели, что побудило его к этому. О болгарском посольстве, которое в конце июня 968 г. явилось в Константинополь, мы знаем только из Лиутпранда (*Legatio*, см. *Opera*, ed. ad. us. scholarum, 144 сл.). Торжественный прием, почести и особенное внимание, оказанные болгарским послам при самом их появлении в Константинополе (именно этим почувствовал себя обиженным Лиутпранд в качестве посла Оттона), показывают, что Византия тогда уже относилась к болгарам как к друзьям и союзникам. Это значит, что в июне 968 г., когда посольство, о котором идет речь, прибыло в Царьград, дружественные отношения между Болгарией и Византией уже были восстановлены. Цель этого посольства, о котором мы не имеем никаких сведений, кроме сообщения Лиутпранда, неизвестна; но можно с уверенностью предположить, что оно явилось для улажения вопросов или засвидетельствования связей между двумя уже вполне дружественными сторонами. Свое мнение, что посольство Филофея и Эротика следует отнести «к концу лета 969 г.», *Златарский*, по-видимому, основывает на своем собственном толковании другого места у Л. Диакона. Болгарские княжны, которых Никифор Фока просил в жены, вероятно, для юных императоров Василия и Константина, прибыли сюда незадолго до 10 дек. 969 г. — дата убийства Никифора (L. Diac. 86. 13). Но это еще не значит, что отправка их в Византию состоялась именно в то время, к которому относится миссия Эротика и Филофея. Вообще, что касается хронологии событий времени русско-болгарской войны, мы не можем согласиться со мно-

Этот действительно хорошо задуманный маневр императора удался: поворот, ожидавшийся от него, наступил быстро, потому что были правильно учтены условия, которые он был предназначен изменить. Готовность или, может быть, уже принятое болгарами решение помириться со Святославом было результатом безвыходности их положения. Только так они могли спасти себя от сугубых бедствий и свою землю от дальнейшего разгрома. Но Святослав все же был для них чужеземцем, захватившим оружием часть их земель. Сила к тому же была в его руках — и никто не мог сказать, какие опасности могли еще угрожать им от вынужденного союза с необузданным варваром. Возможно, впрочем, и то, что дело шло не просто об обыкновенном союзе. Если у Святослава тогда уже сложилось намерение остаться в Болгарии, то для болгар это было равносильно концу их собственной государственности или, в самом благоприятном случае, ограничению их национальной независимости.

Сближение с Империей обещало болгарам поддержку, без которой они не были в состоянии отделаться от нежеланного гостя. В данных обстоятельствах это не только не угрожало их политической самостоятельности, но открывало единственную возможность сохранить ее. Вероятно, в тогдашней Болгарии было немало скептиков, глядевших с недоверием на столь неожиданную предупредительность Византии. Но как могли они дать волю своим опасениям, раз дело шло далеко не о свободном выборе и о самоопределении?

Болгаро-византийский мир, заключенный при такой обстановке, являлся вызовом Святославу. У самих болгар не было сомнений насчет того, что за этим последует. И, несомненно, ответ не замедлил. Именно потому то самое посольство, которое доставило в Царьград весть об успехе своей миссии, передало отчаянные призывы о скорой помощи, раздававшиеся из Преслава. Болгары заклинали императора, говорит Лев Диакон, «помочь им сколь можно скорее, дабы отклонить топор, занесенный русскими над их головами» (80. 2). Это сообщение византийского автора раскрывает и условия, на которых было достигнуто теперь сближение между Царьградом и Преславом: чтобы оторвать болгар от Святослава, Никифор Фока обещал им военную помощь Империи против руссов в том случае, если те возобновят враждебные действия в Болгарии.

Счастливым случай отдал на сей раз испытания, которые суждено было перенести болгарам. Известно, что как раз тогда, в нач. 968 г., Святослав был принужден спешно покинуть Болгарию, чтобы спасти от печенегов собственное отечество. В Болгарии он появляется вторично лишь год спустя, на этот раз уже — как видно из слов, сказанных им, согласно летописцу, матери — с окончательно сложившимся и определенным решением создать себе здесь новое княжество и престол. Прерванная война возобновилась с новой силой.

Теперь в Болгарии царствовал уже Борис II, сын Петра. Судя по рассказу русского летописца об этом втором походе Святослава, сопротивление, оказанное болгарами, было на этот раз сильнее, чем при первом. Но в положении, в каком тогда находилось Преславское царство — надо помнить, что западноболгарские области, образовавшие ядро Охридского царства, уже отпали от него, — сопротивление не могло быть длительным. Без содействия Империи катастрофа была неминуема. Поэтому, как свидетельствует другое сообщение Льва Диакона (81.

гими высказанными в последнее время мнениями. Этим вопросом мы надеемся заняться в другом месте.

13), из Преслава были отправлены в Константинополь вторично мольбы о немедленной помощи. Там, однако, не спешили, а может быть, и не имели серьезного намерения подать ее. После того как Византии удалось расстроить соглашение между русскими и болгарами и наново стравить их друг с другом, торопиться не было в ее интересах. Наверное, этим надо объяснять факт, упоминаемый у Льва Диака. (81. 14), что Никифор Фока едва лишь поздней осенью (конец октября) собрался было двинуться с войском на помощь болгарам, но что весть о захвате Антиохии его восточной армией заставила его отложить свое предприятие, которого он никогда больше и не возобновлял.

Нетрудно представить себе, как себя почувствовали тогда болгары. Все надежды, возбужденные было Византией, рухнули. Заставив их поверить в ее поддержку и таким образом столкнув их наново с русскими, она теперь предоставляла болгар собственной участи. Вероломство было очевидным и самым страшным из всех, испытанных доселе. Не было ли этого достаточно, чтобы разбудить у болгар — и теперь много сильнее, чем двумя годами раньше, — чувство ненависти и жажду заслуженного Византией возмездия? И, если *тогда* на русских смотрели как на орудие мести, было ли поздно *теперь* возложить на них ту же задачу?

III

События, разыгравшиеся в этот момент в восточной Болгарии, скрыты от нас непроницаемой тьмой. Известия о положении здесь имеем лишь начиная с первых месяцев 970 г. Эти известия представляют Святослава уже как государя всех восточноболгарских земель. Лев Диакон (105. 1) сообщает, что Святослав в то время уже «гордился победами над болгарами»; то же самое находим и у Скилицы (384. 2). Но от обоих авторов мы узнаем еще, что отряды тех же самых болгар действуют вместе с русскими войсками против византийцев в южной Фракии. Что они не были завербованы насильственно, видно из слов Льва Диакона, говорящего об этом: наряду с мадьярами, болгары действовали теперь как сподвижники русских (автор употребляет слово *πρόσεταιρίσαντες* 108. 20). Еще определеннее выражается здесь И. Скилица: русские, пишет он, готовясь к предстоящей войне, «объединились для общего дела» (*κοινωπραΐσαντες*, 384. 13) с подчиненными им болгарами и двинулись к югу против византийцев.

Каковы были степень и формы этого подчинения, на это сейчас никто не в состоянии ответить. Можно утверждать лишь одно: чтобы добиться привязанности новых подданных, русский князь должен был оказать им внимание и сделать им уступки, бывшие для него незначительными и обычными. Мы уже дали понять, какого характера они могли быть. И если Борис II продолжал жить в своей столице, сохранил внешние знаки своего достоинства и, очевидно, пользовался связанными с этим почестями, не значит ли это, что Святослав считал себя обязанным проявить, в лице Бориса, уважение к болгарской государственной традиции? Или дать удовлетворение национальному самолюбию болгар, которые, утративши уже сущность, должны были довольствоваться хотя бы внешней формой?

Если так, то, быть может, не будет чересчур смелым заключение, что в данное время в Преславской Болгарии было два государя. Один — беспомощный фигурант, реликвия великого прошлого, боговенчаный государь своего христиан-

ского народа, воплощение фикции, которой было предоставлено утешение умереть своей смертью вместо того, чтобы быть уничтоженной силою. Другой — в мире и в войне одинаково суровый повелитель и воин, предпочитавший шлем и меч диадеме и царскому скипетру, смелый вождь дружин, приведенных им с мрачного севера, и мститель для новых своих подданных за все их унижения и беды, источник которых был там, в великом городе на берегах Босфора. Так некогда, совершенно иные условия и отношения в далекой стране европейского Запада выдвинули против ленивых потомков некогда могущественных королей их заместителей, которые, ставши подлинными носителями власти, лишь позже посягнули на корону и свалили ее с недостойной ее головы.

В русской историографии сложился уже давно крайне неблагоприятный взгляд на Святослава. Этот князь изображается как вождь дружины, ради которой он забывает о своих обязанностях государя и о своем отечестве; который воюет ради самой войны и готов на любое безрассудство; который знал одно лишь удовольствие — бродить по широкому свету, огнем и мечом покоряя земли, но который не умел удержать приобретенное²⁶. Точно так же, как вождь дружины, который не был «государственный строитель», представлен он в своих походах за Дунаем. «Пришедши в Болгарию, — говорит Гильфердинг, — для того, чтобы поживиться там с дружиною, с первого шага пустивши дружину грабить и разорять, он уже не в силах был остановиться на этом пути»²⁷. После всего сказанного выше нам кажется, что этот взгляд, по крайней мере поскольку это касается деятельности князя в Болгарии, нуждается в поправке. Здесь, особенно во втором походе, он появляется не для того, чтобы разорять, а чтобы создать новую державу, русско-болгарскую империю, и именно этой цели у него подчинены и мысль и дело. В «Истории» Льва Диакона находим еще другое известие, которое подтверждает наше заключение.

Когда весной 970 г. Иоанн Цимисхий дважды предлагал Святославу через послов очистить болгарские земли, Святослав дал такой вызывающий ответ: «Он не покинет этой богатой страны, если ему не будет заплачено огромное количество денег и не будет дано выкупа за взятые войною города и пленных. Если Ромеи не желают заплатить ему столько денег, то пусть уж лучше убираются скорее из Европы, которая не для них, и выселяются в Азию. Только при этом возможно будет заключить мир между русскими и ромеями»²⁸.

Еще перед вторичным походом в Болгарию Святослав решил, что там «середина его земли». Громадный выкуп, за который он, по его словам, был бы готов удалиться, представлял собою условие, поставленное, очевидно, с сознанием, что оно невыполнимо. Но не в высшей ли степени характерно и то, что, утвердившись в Болгарии, Святослав уже стал мечтать об изгнании византийцев с Балканского полуострова и об овладении Царьградом? Калокир сопровождал князя и при втором его походе. Тем не менее теперь уже нет и упоминания о договоре, по которому Святослав должен был осуществить притязания Калокира на царе-

²⁶ Карамзин, Ист. госуд. российск. СПб., 1842, I, с. 118. Соловьев, Ист. России, 6-е изд. (1883), I, с. 142—143. Ср. Знойко, ц. ст. Журнал Министерства Народного Просвещения, Март, 1907, с. 230 сл.

²⁷ Гильфердинг, id., с. 144.

²⁸ *L. Diac.* 105. 11: εἰ δ' οὐ βούλεσθαι Ῥωμαίους ταῦτα καταβαλεῖν ἀλλὰ τῆς Εὐρώπης θάπτον ἀφίστασθαι, ὥς μὴ προσηκούσης αὐτοῖς, καὶ πρὸς τὴν Ἀσίαν μετασκευάζεσθαι. ἄλλως γὰρ οἴεσθαι, Ταυροσκύθας εἰς σπονδὰς Ῥωμαίων ξυμβήσεσθαι.

градский престол. Очевидно, мысль его была занята другими планами и другие влияния заменили влияние херсонесского патриция. И если нужно поставить вопрос об их источнике, то не приводит ли это нас к тому моменту, когда один болгарский царь точно так же поставил себе задачей вытеснить Империю из Европы? Не напоминает ли нам дерзкий ответ Святослава, по тону и по содержанию, речи, которые Симеон говорил некогда византийским представителям? В таком случае, не означает ли все это того, что Святослав чувствовал себя преемником политических заветов этого болгарского царя? Если же так, то неужели ему были нужны насилие и террор в качестве единственных средств, чтобы закрепить свою власть над болгарами и заставить их биться под его знаменами?

Впрочем, в каких-либо исключительных средствах для того, чтобы можно было всецело положиться на болгар в борьбе с Византией, Святославу не было никакой нужды: болгары подчинялись импульсу посильнее страха — ненависти. Лев Диакон заканчивает уже известный нам рассказ о взятии Преслава Цимисхием и о большом числе болгар, павших в этом бою, словами: «Они помогали русским из ненависти к ромеям, считая последних виновниками нашествия русских на их землю»²⁹.

Но если террор и беспредельное насилие не были главным элементом в отношении Святослава к болгарам, как объяснить события в Филиппополе и Доростоле?

Филиппополь находится далеко в западной части северной Фракии. К его стенам Святослав мог подступить лишь по овладении всеми остальными городами и крепостями в восточной Болгарии. Если они открывали перед завоевателем свои ворота только из опасения беспощадной расправы, ожидавшей их в случае захвата силою, то это значит, что Святослав уже рано дал достаточно примеров тех способов, какие он применял к непокорным. Но тогда — почему защитники Филиппополя — подчеркиваем, одного из последних городов на пути Святослава, — почему они не содрогнулись при мысли о том, что их ожидает, и предпочли оборонять город до конца? Или же — они не имели представления об эксцессах, на которые князь был способен? Но если так, не значит ли это, что до этого момента Святославу не было нужды прибегать к таким крайностям и что, следовательно, случай с Филиппополем был, может быть, единственным? Но тогда этот случай доказывал бы как раз обратное тому, что до сих пор им хотели доказать: случай этот свидетельствует не о репрессиях вообще, которыми было сломлено болгарское сопротивление, но о каре, которую навлек на себя город, который и после того, как болгары уже передались князю, продолжал упорствовать — столько же против Святослава, сколько и против перемены в умах в восточной Болгарии.

Здесь, может быть, требуется одно пояснение. Мы уже сказали, что замирение наступило у болгар лишь тогда, когда все надежды на Византию исчезли. Пловдив был одним из тех городов, где византийская традиция была особенно сильна и византийское влияние было особенно глубоким. Его близость к границе, вероятно, поддерживала здесь всего дольше надежды на византийскую помощь. Не достаточно ли этого обстоятельства для объяснения отпора, на который здесь натолкнулись русские, а вместе — и кары, которой Пловдив поплатился за это?

²⁹ *L. Diac.* 137. 21: πλείστον ὅτι καὶ Μυσῶν κατὰ ταύτην πεισόντων τὴν μάχην· οἷγε συνεπήμουν Σκυθαῖς, Ῥωμαίους δυσμεναίνοντες, ὡς γεγονόσιν αἰτίοις τῆς ὡς αὐτοὺς γεγενημένης τῶν Σκυθῶν.

Что касается злодеяния в Доростоле, нам кажется, что его смысл и значение — совсем особенные. От него нельзя делать заключения об отношениях Святослава к болгарам, прежде всего потому, что это — эпилог этих отношений, а также потому, что оно было совершено при исключительных условиях.

События, имевшие место весной 972 г., а в особенности падение Преслава, убили у болгар веру в Святослава: оказалось, что он был не таков, каким они себе его представляли, надежды, которые они возлагали на него, не осуществились. Этим уничтожалась моральная связь между им и ними. Вождя и мстителя не было больше; оставался только завоеватель. И против этого завоевателя выступил теперь другой чужеземец — сильнее его. Последнего они ненавидели как никого другого, но на ненависть он ответил призывом к забвению и к миру. К тому же его предприятие сопровождалось успехом. С расчетом поистине удивительным Цимисхий отвратил подозрение, что его приход имеет целью заменить одно иго другим. После падения Преслава он возвестил Борису и преславским болгарам, что несет им не рабство, а освобождение³⁰. Если византийцы являли себя готовыми искупить таким образом все свои прежние грехи, что еще могло связывать болгар со Святославом?

Мы не имеем никакого намерения оправдывать злодеяние, учиненное русским князем над болгарами в Доростоле. Но историческое беспристрастие требует установить обстоятельства и выяснить обстановку, при которой оно было совершено. Повальное отпадение болгар от русских, начавшееся после взятия Преслава, означало провал всего, что было достигнуто князем. Когда Цимисхий явился с войском под Доростол, этот город оставался уже почти единственным местом в болгарской земле, которым Святослав еще владел. Но мог ли он чувствовать себя в полной безопасности здесь, раз и в этом городе большая часть гарнизона состояла из болгар? И если бы он их отослал за стены города, мог ли он быть уверен, что эти вчерашние верные его воины не перейдут в ряды неприятеля? Вполне естественно, что суровая душа варвара должна была быть охвачена яростью против болгар. Но страшное злодеяние было совершено не только под ее слепым и неудержимым натиском. Сам Лев Диякон (139. 8) говорит о мучительных колебаниях, переживавшихся тогда Святославом. «Когда он видел, — говорит этот автор, — что болгары отказывались от своего союза с ним и переходили к императору, он, после долгой внутренней борьбы (πολλὰ γνώσημαχήσας), понявши, что, если они объединятся с Ромеями, то дело его погибло», повелел перебить и ввергнуть в оковы болгарских военачальников и воинов в Доростоле³¹.

³⁰ L. Diac. 136. 15: τότε καὶ Βορίην συλληφθῆναι τῶν Μουσῶν βασιλέα καὶ προσαχθῆναι τῷ βασιλεῖ· ὁ δὲ τοῦτον δεξάμενος, διὰ τιμῆς ἤγε, κοίρανον Βουλγάρων, φάσκων ἀποκαλῶν, φάσκων τε, ἤκειν Μουσῶν τιμωρήσων, δεινὰ πεπονθῶσι πρὸς τῶν Σκυθῶν. Cedr. II. 396. 12: τοῦτφ (Βορίση) ὁ βασιλεὺς φιανθρώπως ἐχρήσατο, αὐτὸν τε βασιλέα Βουλγάρων ἀποκαλῶν, καὶ πάντας τοὺς ἀλικομένους Βουλγάρους ἀνέτους καὶ ἐλεψθέρους ὅππῃ καὶ ἐπὶ δουλείᾳ φάσκων Βουλγάρων ἄλλ' ἐπ' ἐλευθερίᾳ μάλλον ἀφίξεσθαι. Ὡς δὲ μόνους γίνισκειν ἐχθροὺς καὶ ταῦτοίς χρήσθαι ὡς πολεμίους.

³¹ Дринов. Сочинения, I, 342 сл., 474 сл. считает, что это были болгары «из окрестностей Силистрии» (Доростола), которые «ожидали прибытия Цимисхия, чтобы добровольно подчиниться ему и сложить с себя иго русских». Если автор имел в виду просто обывателей из окрестности Доростола, то с его толкованием нельзя согласиться по ряду соображений. Согласно вполне определенному замечанию Л. Диякона, 300 болгар, которые были преданы смерти, «выделялись происхождением и могуществом» (τοὺς γένει καὶ δυνάστεϊα διαφέροντας, 139.11). Это были, следовательно, болгарские бояре, которых «могущество» в данное время могло иметь только военный

Страх пред будущей изменой, о котором здесь идет речь, проистекал из положения в самом Доростоле. Только это положение и хотел спасти теперь Святослав, а вовсе не положить конец отпадению от него болгар в других областях. Ибо в то время они все и безоговорочно уже передались на сторону Цимисхия.

Увлекаемая вихрем событий, развившихся в ее землях, Преславская Болгария была вынуждена, ради своего спасения, искать опоры в силах, которые сами состязались в борьбе за ее политическое наследие. Трагическая судьба склонила ее в конце концов к тому, чтобы содействовать той именно из них, чье торжество означало ее истинную гибель.

* * *

Позволю себе заключить изложение одной параллелью, которая, кажется, поможет уяснить до конца сущность рассмотренных событий.

Некогда среди славянских племен между Дунаем и Балканами насильственно и с оружием водворилась малая орда туранских праболгар. Эти славяне, привыкшие к свободе и относительно безвластию, наверно, тяготились властью Империи, владевшей раньше их землею. Теперь они были освобождены от Империи, и между ними и праболгарами было заключено некоторое соглашение, или договор (πάκτων)³², очевидно, относительно совместного жительства и взаимной защиты. В сущности, хозяевами здесь были праболгары. Чтобы дать им место, славяне должны были даже потесниться и занять горные области страны³³. Но прочная политическая организация туранцев и суровая власть их ханов оказались тоже в конце концов не слишком приятными славянским подданным. Конфликты учащаются и расшатывают внутреннюю жизнь страны в течение нескольких десятилетий. Тем не менее именно в этот период славяне с неменьшей готовностью и самопожертвованием, чем и праболгары, отстаивают свою землю от домогательств Византии³⁴. Ибо, если господство праболгар и было для них тягостно, византийское означало настоящее рабство. Значит, не внутренняя спайка сама по себе, но сознание общей внешней опасности поддерживало единение между господами и покоренными. И все же антагонизм между ними подчас вспыхивал с такою силою, что владычество Византии начинало казаться славянам едва ли не сноснее, нежели власть болгарских ханов. Таков был,

характер. Число же заточенных болгар было, по Cedr. II, 400. 14, двадцать тысяч. Святослав повелел расправиться с ними тогда, когда Цимисхий уже находился под Доростолом и когда, следовательно, Святослав уже не распоряжался в окрестностях города. Кедрин замечает при этом, что причиной принятых против болгар мер было опасение их *восстания* (ἐπανάστασιν φοβηθεῖς). Значит, это были вооруженные люди, а не мирное население города. Наиболее естественное объяснение — что они составляли часть войска, которым располагал Святослав. По Кедрину, Святослав приказал перебить болгарских военачальников, когда, после падения Преслава, болгары начали отлагаться от него. Этой мерою он, наверно, надеялся удержать в подчинении болгар-воинов. Когда же Цимисхий появился под Доростолом, боязнь измены со стороны болгарских воинов, вероятно, усилилась у него, и он решил обезопасить себя и от последних.

³² *Theoph.*, ed. de Boor. 359. 17.

³³ Id. 359. 14; ср. *Niceph. patr.*, ed. de Boor. 35. 20.

³⁴ Так, например, Телец, в войну, веденную им против Копронима в 761 г., имел в своем войске много славян (см. *Theoph.* 433. 2; *Niceph. patr.*, 69. 14). Славун, князь славянского племени северцев, был одним из самых надежных защитников болгарской державы, и именно поэтому несколько лет спустя Копроним прибегнул к коварству, чтобы устранить его (*Theoph.* 436. 14).

например, случай, когда к 761 году многотысячная славянская масса оставила пределы державы и кинулась искать новое отечество в азиатских областях Византии³⁵. Это было как раз в то время, когда энергичный император Константин Копроним употреблял все свои усилия, чтобы добиться уничтожения неокрепшей болгарской державы.

Еще до сих пор верят, что причиной, отвратившей болгар от Святослава, была суровость его правления и что именно потому рухнула его попытка создания на Дунае русско-болгарской империи. Но что бы случилось, если бы, как в X в. Цимисхий, Копроним еще в VIII в. успел убедить мизийских славян, что он борется не с ними, а с их господами и что он несет им освобождение?

Не случилось ли бы тогда с неокрепшим созданием Аспаруха того же самого, чем кончилось дело Святослава?

---

³⁵ Theoph. 432. 27; *Niceph. patr.* 68. 27.

Д. Расовский

ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ И БЕРЕНДЕИ НА РУСИ И В УГРИИ*

Судьбами Печенегов и Узов-Торков после вытеснения их Половцами из степей и расселения по соседним оседлым государствам, а в особенности — по границе этих государств, интересовались до сих пор обыкновенно лишь в пределах истории какого-нибудь одного оседлого государства и не рассматривали этого явления в целом.

Так, в русской историографии интересовались судьбою Печенегов и Торков в пределах истории русских княжеств, главным образом Киевского¹, в Венгрии — преимущественно в рамках мадьярской истории²; В. Г. Васильевский проследил судьбу Печенегов в первое время их проникновения в Византию³, К. Иречек — отыскивал следы Печенегов и Узов на Балканах и у Дуная⁴. Однако полной, общей истории судеб Печенегов, Торков и Берендеев (последними занимались менее всего; их следы в Угрии, например, совсем не были собраны) на всем обширном пространстве их рассеяния от границ Суздальского и Рязанского кня-

* Печатается по изд.: *Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études byzantines*. VI. Praha, 1933. С. 1—66.

¹ И. Самчевский, Торки, Берендеи и Черные Клобуки. Архив Ист.-Юридич. сведений под ред. Калачева, т. 2, ч. 1, 1855. С. 83—106; М. Погодин, Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. V, М. 1857. С. 181—208, отчасти П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы до нашествия Татар, Киевск. Университ. Изв. 1883 и 1884 гг. и отд.

² *Jerney János*, Keleti utazása a' magyarok' őshelyeinek kinyomozása végett 1844 és 1845 (*Янош Ерней*, Путешествие на Восток в 1844 и 1845 гг. для отыскания древних поселений Мадьяр), т. I, Pesten, 1851; *Szokolay Margit*, A magyarországi bessenyőtelepekről (*Маргит Соколай*, О печенежских поселениях в Венгрии) в журнале *Föld és Ember* (Земля и Человек), 1929, № 2. С. 65—90; *Gombocz Z. és Melich J.*, *Lexicon crítico-etymologicum linguae hungaricae*, Budapest, 1914. С. 379—380, s. v. *bessenyő*. Кроме того, множество мелких статей и заметок о собственных именах и географической номенклатуре Венгрии печенежского происхождения рассеяно в мадьярских журналах, как упомянутом *Föld és Ember*, *Magyar Nyelv* (Мадьярский язык) и др. Статья *Куника* О тюркских Печенегах и Половцах по мадьярским источникам, Уч. Зап. Акад. Наук по I и 3 отд. т. III, вып. 5, 1855, по поводу работы Ернея, мне осталась недоступной. Не выходит из рамок мадьярской истории и небольшая статья словацкого ученого *Fr. V. Sasinek*, *Pečenci* (Dějepisné záhadý, X) в *Slovenské Pohľady* roč. XXIII, Turčiansky Sv. Martin, 1903. С. 541—547. Пользуюсь здесь случаем принести свою искреннюю благодарность профессору будапештского университета *Dr. Gyula Moravcsik* и библиотекарю Мадьярской Академии Наук *Dr. László Rásonyi Nagy* за многие указания и за любезную присылку мне ряда мадьярских книг, а также *Д. О. Семанюку* за помощь мне в переводах с мадьярского языка.

³ Византия и Печенеги, Труды, т. I, СПб. 1908. С. 1—175. Византия и Печенеги, Труды, т. I, СПб., 1908. С. 1—175.

⁴ *C. Jireček*. Einige Bemerkungen über die Überreste der Petschenegen und Kumanen, sowie über die Völkerschaften der sogenannten Gagauzi und Surguč im heutigen Bulgarien, Sitzungsber. d. K. Böhmischen Gesellschaft d. Wissenschaften, Classe f. Philos., Gesch. u. Philol., 1889. S. 3—30.

жеств на верховьях Волги и Оки до западной границы Угрии по рекам Лайте, Рабе и Вагу и до балканского пограничья Византийской империи — мы все еще не имеем. Единственной мне известной попыткой более широкого обозрения судеб этих тюркских народов является труд мадьярского ученого *Иштвана Дьярфаши* «История Яс-Кунов»⁵; но вторая глава II тома этого труда «Печенеги-Куны»⁶, несамостоятельная и некритическая и рассматривающая главным образом время независимости Печенегов и Торков, лишь очень поверхностно касается Печенегов в Византии, немного подробнее останавливается на судьбах их в Угрии и совершенно перестает следить за ними на Руси⁷.

В действительности же история расселения тюркских народов на территории соседних с ними оседлых государств и особенно вопрос о поселениях их на пограничьях этих государств имеют полное право быть выделенными в специальную тему и изучаться на всем огромном пространстве от Дальнего Востока до Центральной Европы — на всем пути прохождения и соприкосновения Тюрков с оседлыми культурами⁸. Станет тогда особенно наглядна общность явлений, связанных с этими поселениями. Ибо такие «черноклобуцкие» — по терминологии русской летописи — поселения существовали и на границе Китая по р. Хуан-хо в VII веке⁹, и в Средней Азии на пограничье саманидской Персии в X в.¹⁰ и, наконец, в Руси, Византии и Угрии X—XIII вв. Сравнения помогут нам уяснить организацию этих поселений, далекую от ясности, если брать каждое государство в отдельности. Наконец, для истории оседлых государств очень интересно рассмотреть и сравнить, как каждое из них справлялось с внедрением в него таких чужеродных и отличных по всему быту и культуре народностей и насколько это отражалось в собственной жизни этих государств. Особенно же интересно сравнить результаты тюркских расселений — Печенегов и Торков у двух соседних, только что начавших укреплять свою государственность, стран — Руси и Угрии. В настоящем очерке мы и ограничимся этой задачей, не рассматривая судеб Печенегов и Торков в Византии.

I

В конце IX столетия Печенеги, как известно, господствовали на всем пространстве причерноморских степей от Дона до области Этелькёзу, т. е. прибли-

⁵ *Gyárfás István, A Jász-Kúnok Története, I—IV, Kecskemét—Szolnok—Budapest, 1870—1885.*

⁶ С. 41—102. II том охватывает период 884—1301 гг. Издан в 1873 г.

⁷ Статья *C. A. Macartney*, *The Petchenegs* в *The Slavonic Review*, vol. VIII, 1929. P. 342—355 слишком поверхностна, да и касается гл. обр. также времени независимости Печенегов.

⁸ Насколько мне известно, единственным подобным опытом является статья *В. В. Григорьева* Об отношении между кочевыми народами и оседлыми государствами, Журн. Мин. Нар. Просв. 1875, март. С. 1—27, теперь уже сильно устаревшая и выводы которой было бы теперь невозможно принимать.

⁹ См., например, о поселении около 640 г. на китайском пограничье по р. Хуан-Хо Тюрков в количестве 100000 чел. для защиты Китая от нападений со стороны других кочевников в *Documents historiques sur les Tou-kioe (Turcs), extraits du Pien-i-tien, tr. par Stanislas Julien, Journal Asiatique, 6e série, t. IV (1864). P. 234—240.*

¹⁰ Таково поселение на Сыр-Дарье Гузов саманидской династией с обязательством защищать это пограничье против остальных Тюрков. См. *В. В. Бартольд*, История культурной жизни Туркестана, 1927. С. 71, и *Он же*, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900. С. 179, 269.

зительно до Днестра. Восточнее, в низовьях Дона, был Хазарский каганат, а севернее и восточнее него кочевали Узы — Торки русских летописей¹¹; на западе же Печенеги в это время соприкасались с Мадырами, расположившимися в Этелькёзу. Втянутые Византией и Болгарией в их войны при Дунае, Печенеги стали проникать еще дальше на запад и в самом начале X в. они уже совершенно вытеснили Мадыр из Этелькёзу, ушедших после того в Паннонию, а сами заняли места их кочевий, продолжая в то же время неуклонно продвигаться через Карпаты и подунайским степям на запад, к Паннонии¹². В 917 г. они впервые изведывают соблазн перехода на правый берег Дуная, призванные для этого самой Византией против Болгарии¹³. X век — время наибольшей силы Печенегов. Византийский император в середине X в. сугубо наставлял своего сына о том, как надо учитывать значение Печенегов в его время¹⁴. У первых киевских князей Игоря, Святослава, Владимира «бѣ (съ Печенѣгами)... рать велика бесперестани»¹⁵. При Владимире Печенеги были уже на расстоянии двух дней пути от Киева¹⁶, и киевскому князю приходится «ставити города по Деснѣ и по Востри и по Трубешеву и по Сулѣ и по Стугнѣ... бѣ бо рать от Печенѣгъ»¹⁷. То же приходилось делать соседу и современнику Владимира — Стефану Угорскому, которому также пришлось укреплять южные и восточные границы своего молодого государства целой системой засек — от тех же Печенегов¹⁸.

Обратимся теперь к рассмотрению постепенного просачивания сперва Печенегов, а затем и Торков сквозь эти границы Угрии и Руси и начнем обзор с Угрии, где процесс проникновения этих тюркских народов начался, по-видимому, раньше, чем на Руси.

Проникновение Печенегов в Угriu шло тремя путями: с севера или, точнее, с северо-востока, с востока и юга. С юга Печенеги прорывались в Паннонию, главным образом через Железные ворота на Дунае, с востока они проникали южными карпатскими проходами на верховья Ольты, Мароша и Самоша, откуда

¹¹ О тождестве Узов византийских писателей с летописными Торками предполагал еще *Карамзин*, Ист. Гос. Российск., т. I, пр. 90, признавал уже *Ф. Брун*, Черноморье, Записки Импер. Новороссийск. Универс. 1879, т. 28. С. 97 и окончательно показал *П. Голубовский*, Печенеги, Торки, Половцы до нашествия Татар, (Киевск.) Универ. Известия, 1883, № 3. С. 131—154 и отдельно в статье Об Узах и Торках в Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, № 7. Это признали теперь и мадыарские историки — см. *Kossányi Béla*, Az úzok és Kománok történetéhez a XI—XII. században (*Бела Кошани*, К истории Узов и Куманов в XI—XII веках) в журнале Századok («Век»), 1924. О кочевании Торков в перв. четверти X в. севернее Хазарии, по средн. течению Дона, вопреки мнению *J. Marquart*, Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge, 1903. S. 33 и повторенному в *его же*, Über das Volkstum der Komanen, Abhandl. d. K. Gesellsch. d. Wiss. zu Göttingen, Phil.-hist. Kl., N. F. t. XIII, n° 1, Berlin, 1914. S. 25, — см. *Фр. Вестберг*, К анализу восточных источников о Восточной Европе, Журн. Мин. Народ. Просв., ч. XIII, 1908, февраль. С. 383—384.

¹² *Constantinus Porphyrogenetus*, De Administrando Imperio, cap. 38, 40; ср. *В. Н. Златарски*, История на Българската държава, т. I, ч. 2, София, 1927. С. 312 и сл.

¹³ *В. Златарски*, ц. с. С. 385.

¹⁴ *Constantinus Porphyrogenetus*, De Administrando Imperio, cap. I.

¹⁵ Полное Собрание Русских Летописей, т. I, вып. I, изд. 2, 1926, столбец 127, 997 г.

¹⁶ Послание Бруно к импер. Генриху II (русс. пер. А. Гильфердинга в Русской Беседе 1856, I, М., 1856. С. 12).

¹⁷ П. С. Р. А. I, 1, ст. 121, 988 г.

¹⁸ О мадыарских засеках и новейшую библиографию о них см. у *А. Петрова*, Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии, Прага, 1930. С. 15.

шли на запад или, спускаясь вниз по Марошу или Мезёшегскими воротами, выходили из Трансильвании в долины Шебеш-Кёрёша и Самоша; наконец, переходя Карпаты с верховьев Серета и Прута на верховья Тиссы, Печенеги заходили в Угрию с северо-востока. Как увидим ниже, все эти пути следования Печенегов (а отчасти и Берендеев) запечатлевались отдельными или групповыми поселениями этих тюркских народов по долинам перечисленных рек. Эти поселения и помогают нам уяснить процесс расселения Печенегов и Берендеев, в особенности последних, так как о переселении Берендеев в Угрию прямых исторических известий не сохранилось.

Первое, еще полулегендарное, внедрение Печенегов в южное Притисье мадьярские источники относят ко времени князя Арпада, то есть ко времени распространения Мадьяр по Паннонии, — в самом начале X века. Тогда еще Мадьяры не овладели «Затисьем» — областью между Тиссой, Карпатами и Трансильванскими горами, где еще сохраняли самостоятельность Болгары под управлением своих князей. Один из таких правителей, по имени Глад, владения которого простирались по Марошу, начал войну с Мадьярами, имея в качестве вспомогательного войска — Печенегов¹⁹. Однако на р. Темеше войско Глада было разбито, сам он бежал, а два печенежских хана были убиты в сражении с Мадьярами²⁰. По всей вероятности мы здесь имеем дело с Печенегами, проникшими в Угрию с юга, по Дунаю. Но главная масса Печенегов проникала северо-восточным путем, и именно на севере и северо-востоке тогдашней Угрии мы будем находить древнейшие следы печенежских поселений, о которых сохранилась память в туземных мадьярских источниках.

Насколько к середине X века было значительно просачивание Печенегов в северную и северо-восточную Паннонию, можно заключить из слов Константина Багрянородного, который в своем сочинении «De administrando Imperio», написанном им ок. 945 года, сообщает, что в его время Угрия на севере граничит с Печенегами²¹.

К этому же приблизительно времени относятся и первые мадьярские известия о поселении Печенегов в Угрии.

При мадьярском князе Золтане, жившем в первой половине X ст., по тому же полулегендарному источнику, приведенному у Анонима, впервые уже слышим, что этим князем было поселено «не мало» Печенегов в северо-западном погра-

¹⁹ По-мадьярски Печенег — Бешеньё (Besenyő); по поводу этого имени *Zollan Gombocz*, Über den Volksnamen «Besenyő», Turan, III, 1918. С. 211 высказывает предположение, что Мадьяры узнали его через посредство Болгар; вместе с Болгарами, как видим, Печенеги впервые и встречаются в Паннонии.

²⁰ *Anonymi Belae Regis Notarii de Gestis Hungarorum*, cap. 44, ed. *Endlicher*, Rer. Hung. Monum. Arpad., Sang. 1849. P. 38—41. Печенеги здесь названы Куманами («adiutorio Cumanorum et Bulgarorum atque Blacorum...; et in eodem bello mortui sunt duo duces Cumanorum») — обычное для мадьярских источников смешение их с Половцами (Куманами). Валахи — здесь такой же анахронизм, как и Половцы. До 60-х гг. XI в. Половцы еще не проникали к Дунаю, в данное время это могли быть только Печенеги. Ср. *Gyárfás I.* ц. с. II. С. 53. Об этой путанице терминологии мадьярских источников см., например, у *Kossányi Béla*, ц. с. С. 532. О Болгарах в Паннонии в это время — см. *V. Chaloupecký*, Dvě studie k dějinám Podkarpatska. II. Kdy bylo Horní Potisí připojeno k Uhrám, Sborník Filos. Fak. University Komenského v Bratislavě roč. III. č. 30, V Bratislavě, 1925. С. 12—52.

²¹ De Administrando Imperio, гл. 40. Ср. *V. Chaloupecký*, Staré Slovensko, V Bratislavě, 1923. С. 31—32 и пр. 94.

ниче Угрии у озера Фертё (Fertő), для защиты от немецких вторжений²². Про того же Золтана рассказывается далее, что он «привелъ своему сыну Токсону жену изъ Куманской (читай — Печенежской) земли»²³.

При этом Токсоне, преемнике Золтана (ок. 943—972 гг.), совершилось, по-видимому, уже массовое переселение Печенегов в Угriu. Аноним короля Бела передает известие о том, как из Печенежской земли пришел к Токсону целый род во главе с Тонузоба, и о том, как мадьярский князь расселил пришельцев в северной Угрии, в Кемейской области у Тиссы²⁴. При том же Токсоне, по тому же источнику, пришли еще в Угriu некие Била и Баксу, которым был дан в держание Пешт²⁵. По их именам в них также видят Печенегов²⁶. Наконец, и Аноним и Симон Кезаи приводят рассказ (относя его ко времени несколько более раннему — еще к правлению Арпада) о приходе выходца из Скидии Эдемeна, сына Чабы, предка Паты, а через него и будущего угорского короля Самуила-

²² *Anonymus*, гл. 57 (Endlicher, C. 53): «ultra lutum Musun, collocavit (dux Zulta) etiam Bissenos non paucos habitare pro defensione regni sui, ut ne aliquando in posterum furibundi Teothonici, propter iniuriam sibi illatam fines Hungarorum inuadere possent». Достоверность этого сообщения Анонима обычно отвергалась в новейшей мадьярской историографии, считавшей, что оно является анахронизмом, т. к. действительное же поселение Печенегов произошло здесь позже, в 1072 году (или в 1068 г., как относили раньше), когда, как это увидим ниже, шопронский жупан Ян разбил и взял в плен огромное количество Печенегов (об этих событиях 1072 г. см. у Туроца — *M. J. de Thwroc, Chronica Hungarorum*, II, cap. 50, ed. I. G. Schwandtneri in *Scriptores Rerum Hungaricarum*, t. I, Vindebon. 1746. P. 117—120); см. *Szokolay M.*, ц. с. 66, со ссылкой на *Erdélyi László, A tízenkét legkritikusabb kérdés, Kolozsvár*, 1917. C. 114; ср. еще *P. Hunfalvy, Ethnographic von Ungarn*, B. 1877. S. 231. Но во-первых, в этом рассказе Туроца нет никаких указаний на то, чтобы взятые в плен Печенеги были поселены на шопроно-мошонском пограничье; это выводили лишь позднейшие комментаторы этого места Туроца: *Jerney J.*, ц. с. I. C. 229 и *Gyárfás J.*, ц. с. 11. C. 74—75; во-вторых, еще до 1068 (или 1072 г.) Печенеги уже упоминаются в мадьярском войске, и именно в области шопроно-мошонского пограничья, — в 1052 г. (*Thwroc*, II, cap. 43. P. 109—110); в-третьих, трудно было бы допустить, чтобы кор. Стефан, организовавший засеки на всех границах Угрии и селивший на них в качестве стражи, среди других инородцев, также и Печенегов, в наиболее важном шопроно-мошонском пограничье не поселил также и Печенегов, подобно тому, как они были поселены им в других местах, например в северо-западной Словакии, на моравском пограничье (об этих поселениях см. *V. Chaloupecký, Staré Slovensko*. C. 34, 102, 301, 398). Ко времени св. Стефана некоторые поселения Печенегов в шопроно-мошонском пограничье (например Катайские) относил и *Karácsonyi J.* Halavány vonások hazánk Szent István korabeli határhoiról (*Карачони*, О неясных очертаниях границ Угрии при св. Стефане), *Századok*, 1901, XXXV. C. 1046. Еще определеннее о Печенегах при Золтане см. у *Géza Fehér, Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen*, в журнале *Kőrösi Csoma-Archivum*, I köt. 2. szám. 1921. C. 131. Не вхожу здесь в оценку мнения *B. Kossányi* ц. с. о том, что взятые в 1072 (1068) г. пленные были не Печенеги, а Торки; об этом ниже. C. 17—18.

²³ *Anonymus*, гл. 57: «tunc dux Zulta duxit filio Tocsun uxorem de terra Cumanorum...» (*Endlicher*. C. 53). Ср. *G. Fehér*, ц. с. C. 129.

²⁴ *Anonymus*, гл. 57: «et in eodem tempore de terra Bissenorum (от мадьярск. besenyő — Печенег) venit quidam miles de ducali progenie, cuius nomen fuit Thonuzoba pater Urcund, a quo descendit genus Thomoy, cui dux Tocsun dedit terram habitandi in partibus Kemey, usque ad Thisciam, ubi nunc est portus Obad» (*Endlicher*. C. 54).

²⁵ *Anonymus*, гл. 57: «multi hospites confluebant ad eum (Токсону) ex diversis nationibus, nam de terra Bular (см. выше, с. 4 и пр. 19 о связи Печенегов с Болгарами) venerunt quidam nobilissimi domini, cum magna multitudine Hismahelitarum, quorum nomina fuerunt: Bila et Bocsu, quibus dux per diuersa loca Hungarorum condonavit terras et insuper castrum, quod dicitur Pest in perpetuum concessit» (*Endlicher*. C. 53).

²⁶ *G. Fehér*, ц. с. C. 131 и 136.

Абы, затем о приходе Кетеля с сыном Тольма и, наконец, Кульпуна, отца Ботонда. Эдемену были даны земли над Матрою, а Кетелю — по Дунаю у низовьев Вага²⁷.

Недавно мадьярский ученый *Геза Фехер* в своей работе *Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensaga* стремился показать, что все эти разрозненные известия являются отражением огромного переселения в Угрию осколков нескольких печенежских родов, до того кочевавших в Приднепровье и принужденных уйти оттуда под давлением на них с востока Торков и что это переселение совершилось в правление Токсона. Сопоставляя имена этих пришельцев с известными нам по Константину Багрянородному именами родов и родовых старшин приднепровских Печенегов, Г. Фехер пытался даже установить родовую общность этих пришельцев с тремя печенежскими родами Приднепровья: Чобан (Τζοπον), Кюльбей (Κουλλεη) и Толмач (Ταλμάτ)²⁸.

Может быть это предполагаемое Г. Фехером движение печенежских родов можно поставить в связь с происшедшим как раз в это же время — ок. 968 г. — разгромом киевским князем Святославом Хазарии²⁹, что действительно открыло кочевавшим до того в задонских степях Торкам путь к Днепру, где они и натолкнулись на Печенегов и начали теснить их к Западу.

Глухим отголоском проникновения в Угрию Печенегов в эпоху первых Арпадовичей служат упоминания об этом Симона Кезаи³⁰ и Туроца³¹ по поводу прихода различных иноземцев, в том числе и Печенегов.

Не менее глухие сведения о проникновении Печенегов в Угрию относятся и ко времени короля Стефана [Иштвана, по-мадьярски] (997—1038). Обычно мадьярские источники насчитывают три похода Стефана против Печенегов³², но

²⁷ *Anonymus*, гл. 15 (*Endlicher*. С. 17—18), гл. 32 (ib. С. 29) и гл. 57 (ib. С. 53); *Simonis de Keza*, I, 4 (*Endlicher*. С. 100—101). Ср. еще 10-ю главу *Анонима* (С. 12) «De septem ducibus Cumanorum».

²⁸ Τζοπον = Chaba (Čaban) мадьярских источников; Βουλα (глава рода Τζοπον в 890—1 гг.) = Vila; Βατα (другая глава, в 945—6 гг.) = Pota (Patha); Κουλλεη = Culpun; Ταλμάτ = Tulma. Эти сопоставления встретили резкую критику со стороны *Gyula Czebe*, *Turco-byzantinische Miszellen*, I, *Kőrosi Csoma-Archivum*, I, 3, 1922. С. 209—219, указывавшего, что родовые имена Печенегов Константина Багрянородного заключали в себе или прозвища общенарицательного значения (как, например, čaban = пастух), или названия санов, должностей, или, наконец, названия мастей лошадей племени и что поэтому имена Печенегов мадьярских источников могли возникнуть совершенно самостоятельно и вне зависимости от Печенегов приднепровских. Мне лично все же представляется большая доля вероятности в предположении Фехера, т. к. трудно ожидать таких случайных совпадений в именах вождей, родовых старшин одного и того же времени. Разбор имен родов и старшин Печенегов, приводимых Константином Багрянородным, см. у *J. Nemeth*, *Zur Kenntnis der Petschenegen*, *Kőrosi Csoma-Archivum*, I, (1922). С. 219—225, *его же*, *Die petschenegischen Stammesnamen*, *Ungarische Jahrbücher*, X, (1930). С. 27—34, *его же*, *A honfoglaló Magyarság kialakulása* (О Мадыарах после занятия ими отечества), Bud. 1930. С. 45 и след.

²⁹ П. С. Р. А. I, 1, ст. 65 под 6473—965 г. Ср. *Е. А. Загородский*, *Очерк истории северного Причерноморья*, ч. I, Одесса, 1922. С. 49.

³⁰ *Simonis de Keza*, *De nobilibus advenis*, 18 (*Endlicher*. С. 127): «Intraverunt quoque temporibus tam ducis Geiche, quam regum Boemi, Poloni, Greci, Bessi, Armeni...»

³¹ *Thwroc*, II, гл. XXII. С. 90. Ср. *J. Jerney*, ц. с. I. С. 228—229.

³² Например, *Karácsonyi*, ц. с. С. 1054, считавший Печенегами как Кеана (кроме Карачони еще см. *Ladislav v. Szalay*, *Geschichte Ungarns*, I B. Pest, 1866. S. 96—97; *Gyárfás* ц. с. II. С. 64; *Csúday*, *Geschichte d. Ungarn*. S. 112), так и Ахтума (например *L. Szalay*, ц. с. С. 97—98), тогда как в обоих этих именах надо видеть скорее местных, затисских болгарских правителей (об этом см. *V. Chaloupecký*, *Dvě studie...* С. 25).

с определенностью можно говорить лишь об одном — в Трансильванию³³; кроме того, отряд в 60 Печенегов пытался мирным путем проникнуть в Угрию, чтобы в ней искать себе поселения, однако Магьяры уничтожили этот отряд³⁴. По-видимому, в последнем случае Печенеги проникли в Угрию не с юга, из-за Дуная, а так же, как и при Токсоне, севером, верховьями Тиссы и Самоша³⁵.

В это время, когда Угория начинала уже поселять в своих пределах осколки печенежских родов, подступавших к ее границам, главная печенежская орда еще властвовала в Приднепровье, хотя ее могущество здесь доживало последние десятилетия. Уже в 985 г. Владимир Киевский в своих приволжских войнах с Болгарами пользовался помощью Торков³⁶, которые все более и более вытесняли Печенегов из причерноморских степей; все более сгоняемые к Поднепровью, Печенеги начинают свой натиск на Невскую Русь, отбрасывая ее южную границу за Рось, под самый Киев — на Стугну, Ирпень и Трубеж; в течение первой трети XI ст. Печенеги все еще были самой грозной опасностью для Киевской Руси, пока в 1036 г. их наголову не разбил под Киевом Ярослав, после чего они навсегда отхлынули от русских границ³⁷. Левое Приднепровье было для них уже потеряно³⁸, а с востока все не переставали насаждать новые — и на этот раз очень кратковременные — властители южнорусских степей — Торки. Они беспрестанно воюют с Печенегами, а у последних, как раз на почве этой борьбы с Торками, начались внутренние раздоры, окончательно погубившие орду. Старейший печенежский хан, Тирах, из-за бездействия теряет свой авторитет, а выдвигается стяжавший себе славу в борьбе с Торками новый хан — Кеген. Кеген с двумя коленами отпал от остальных 11 печенежских колен и, преследуемый Тирахом, перешел с 20 000 человек Дунай и передался на службу Византии. Его орде были отведены земли на правом берегу Дуная, и Печенеги должны были охранять это пограничье, для чего им были переданы и пограничные крепости³⁹. Но так как Кеген не переставал и из-за византийского пограничья совершать набеги на кочевья Тираховой орды, то это вызвало движение к византийской дунайской границе всего печенежского племени; в 1048 г. Тирах, как говорит византийский хронист — в количестве 800 000 человек, перешел замерзший Дунай, чтобы отомстить Кегену, в действительности же — чтобы найти гибель всему своему

³³ *Vita S. Stephani Regis*, *Legenda major*, cap. 14 (ed. *Endlicher*. C. 149—150), *Legenda minor*, cap. 7 (ib. C. 158—159), *Hartvici episcopi Vita S. Stephani regis*, cap. 15 (ib. C. 179—180); *Gyárfás* ц. с. II. C. 66.

³⁴ *Vita S. Stephani*, *Legenda minor*, cap. 8, (*Endlicher*. C. 159—160): «LX uiri Byssenorum... cum universo apparatu suo, uidelicet auri et argenti copiositate, multaue varietate ornamentorum, curribus onustis partibus Bulgarorum egressi ut terminos Pannoniorum apprehenderunt»; ср. еще *Hartvici episcopi Vita S. Stephani*, cap. 17 (*Endlicher*. C. 181—182).

³⁵ *V. Chaloupecký*, *Dvě studie*. C. 24 и пр. 41. Ср. *его же*, *Staré Slovensko*. C. 32, пр. 94.

³⁶ П. С. Р. А. I, 1, ст. 84, 985 г.

³⁷ П. С. Р. А. I, 1, ст. 150—151, 1036 г. В это же время Печенеги нападают и на Византию, переходят Дунай, глубоко вторгаясь в пределы империи (в 1026, 1032, 1035 гг. *G. Cedrenus*, ed. Bonn II. P. 483—4; 499, 512). М. б. в связи с последним нападением Печенегов на Русь в 1036 г. находятся и троекратные нападения их в том же году на Византию (*Cedrenus*, II, 514—515). Ср. *М. Грушевский*, *Історія України-Руси*, т. II (2). С. 25, пр. 1.

³⁸ *G. Cedrenus*, II, 582, рассказывая о событиях 1048—1049 гг., говорит, что Печенеги перед тем кочевали между Днепром и Паннонией, и, следовательно, еще до этого времени Заднепровье уже больше им не принадлежало.

³⁹ *В. Г. Васильевский*, *Византия и Печенеги*, Труды, т. I, СПб., 1908. С. 10—11.

народу: сперва эпидемии, а затем победы византийцев и Кегена довершили крушение его орды. Сам Тирах попал в плен, а оставшиеся в живых его Печенеги были расселены по Западной Болгарии⁴⁰.

Обратимся теперь к Торкам. Их господство в южнорусских степях (точнее — в Приднепровье) было недолгим, поэтому недолгим было и их соприкосновение с Русью, однако их значение в ее истории значительно и именно потому, что, тогда как главная масса Печенегов после вытеснения из степей была вобрана Византией и Угрией, главная масса уцелевших Торков была, по-видимому, расселена русскими князьями по Руси.

Через восемнадцать лет после того, как летопись в последний раз сообщила о нападении Печенегов на Киев и о поражении их Ярославом, встречаем первое известие о Торках в Приднепровье; но это уже была не та сильная орда, которая сокрушала Печенегов, а уже, в свою очередь, сломленная — Половцами, шедшими из Заволжья на смену Торкам. В 1054 г. «иде Всеволодъ (тогда еще князь переяславский) на Торкы зимѣ къ Воиню и побѣди Торкы»⁴¹. Это был, очевидно, небольшой торкский отряд, если переяславский князь собственными силами мог разбить его. По пятам Торков уже шли Половцы. «Въ семь же лѣтъ, — читаем далее под тем же 1054 годом, — приходи Болушъ с Половци и створи Всеволодъ миръ с ними и возвратишася Половци вспять, отнюду же пришли»⁴².

В 1060 г. по летописи (1062 г. — по Голубовскому)⁴³ русские князья предпринимают уже большой совместный поход на Торков, все в том же направлении — вниз по Днепру⁴⁴, окончательно решивший участь Торков в Приднепровье: Торки, заслышав о надвигающихся русских ратях, не вступили в битву, но «убояшася, пробѣгоше и до сего дне и помроша бѣгаючи, Божьимъ гнѣвомъ гоними, ови от зимы, друзии же голодомъ, ини же моромъ и судомъ Божьимъ. Тако Богъ избави хрестьяны от поганыхъ»⁴⁵. Степями окончательно завладели Половцы⁴⁶, Торки же, отхлынув от русского Поднепровья, принуждены были уйти

⁴⁰ Там же. С. 12—14.

⁴¹ П. С. Р. А. I, 1, ст. 162.

⁴² П. С. Р. А. I, 1, ст. 162. Ср. В. Ляскофонский, История Переяславской земли с древнейших времен до пол. XIII ст. Киев, 1897. С. 192 и *его же*, К вопросу о переяславских Торках, Журн. Мин. Нар. Просв. 1905, IV. С. 287. Вероятно, в связи с торкско-русским столкновением и объясняется этот первый приход Половцев к границам Руси. Надо помнить, что главенствующая орда всегда очень щепетильно относится к ускользающим из-под ее власти осколкам покоренных ею других племен. На русском степном пограничье мы найдем тому много примеров. Только, вероятно, отбитием упомянутого торкского отряда и непринятием его на Русь, можно объяснить последовавшую вслед за тем мирную встречу князя Всеволода с Болушем, ханом половецким. Обратные явления в событиях 1060—1061 гг. только подтвердят наше мнение.

⁴³ П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы, Киевск. Ун. Изв. 1883 г. № 3. С. 138—139. *Его же*, Об Узах и Торках, Ж. М. Н. Пр. 1884, № 7. С. 13.

⁴⁴ «поидоша на конихъ и в лодьяхъ» (П. С. Р. А. I, 1, ст. 163).

⁴⁵ П. С. Р. А. I, 1, ст. 163.

⁴⁶ И новый приход Половцев вслед за бегством Торков надо поставить во взаимную связь: вероятно, русские князья захватили в плен часть разбежавшихся Торков. Этим естественнее всего будет объяснить первый ратный приход Половцев в следующем 1061 году, недовольных Русью за принятие ею тех, кого они считали своими рабами (П. С. Р. А. I, 1, ст. 163, 1061 г.). Татищев, Ист. Российская, II. С. 116 прямо говорит, что князья в 1060 г. захватили много пленных и развели их по городам.

к Дунаю. В 1064 г. они (под именем Узов у византийских писателей) всем своим племенем, в количестве будто 600 000 человек, вторглись в Византию, предавая разорению ее балканские провинции; только начавшиеся среди Торков голод и эпидемии значительно ослабили эту орду, и тогда уже Болгары и заклятые враги Торков — Печенег, расселенные в Византии, смогли довершить гибель этого многочисленного еще племени. Уцелевшие после этой резни Торки были расселены Византией в Македонии; в византийской армии после этого появляются торкские отряды, а отдельные лица этого племени проникли на высокие придворные и государственные должности в империи⁴⁷.

Части же Торков все же удалось уйти обратно на север, за Дунай. По известию *Михаила Атталиоты*, эти «Узы» были рассеяны «князем Мирмидонов» по своим городам⁴⁸. Еще В. Васильевский справедливо решил, что никто другой, кроме русского князя, не может разумеется под этим странным названием⁴⁹, то же признал и П. Голубовский⁵⁰. Действительно, от этого «рассеяния» в 1060-х годах Торков по своим городам «князем Мирмидонов» (в котором всего естественнее видеть киевского князя Изяслава Ярославича) и надо считать начало торкских поселений на Руси. Летописные известия о них начинают встречаться лишь с 80-х и 90-х годов XI ст., но возникли эти поселения, несомненно, ранее, и не следствием ли этого массового принятия ок. 1065 г. Торков явился первый большой набег Половцев на Русь в 1068 г., принесший первое большое поражение киевскому князю Изяславу и разорение Киевской и Черниговской земель?⁵¹ Из последующих событий мы увидим, как нетерпимо относились Половцы к принятию Русью таких беженцев из степей.

Первое бесспорное свидетельство о поселении Торков на Руси относится к 1080 году: «В лѣто 6588. Заратишася Торци Переяславъстии на Русь, Всеволодъ же посла на ня сына своего Володимера, Володимеръ же шедъ, побѣди Търкы»⁵², то есть здесь говорится о восстании Торков, живущих в Переяславском княжестве, и о подавлении этого восстания сыном великого князя киевского (Владимиром Мономахом). Почти к тому же времени относится и первое известие о поселении Торков на правой стороне Днепра, в Киевском княжестве; там, на южном его пограничье, в 1084 г. впервые упоминается «Торческий городъ»⁵³, то есть срубленный Русскими острог, в который бы могли во время войны со степью укрываться кочевавшие вокруг Торки. К концу XI ст. — к 1097 г. — относится первое упоминание Торков и в Галицком княжестве⁵⁴. Так, давая у себя приют беглецам из степей, Русь начинала в то же время огораживать силами этих же беглецов свое степное пограничье.

⁴⁷ В. Г. Васильевский, ц. с. С. 26—29.

⁴⁸ *Michael Attaliota*, ed. Bonn. P. 87.

⁴⁹ В. Г. Васильевский, ц. с. С. 29 и пр. 1.

⁵⁰ П. Голубовский, Печенег, Торки, Половцы, цит. изд. № 3. С. 138, *его же*, Об Узах и Торках, ц. изд. С. 13.

⁵¹ П. С. Р. А. I, 1, ст. 167, 1067 г.

⁵² П. С. Р. А. I, 1, ст. 204.

⁵³ В Поучении Владимира Мономаха: «и потомъ на Святославъ гонихомъ по Половцих и потомъ на Торческий городъ и потомъ на Гюргевъ по Половцих...» (П. С. Р. А. I, 1, ст. 249). О годе см. Указатель к первым 8-ми томам П. С. Р. А. s. v. «Половци».

⁵⁴ П. С. Р. А. I, 1, ст. 266. Текст будет приведен ниже.

Возможно, однако, что самыми древними были торкские поселения в Ростово-Суздальской земле, хотя у нас и нет прямых данных о времени возникновения там этих поселений. Но за большую их древность говорит то обстоятельство, что, когда южная Русь еще не знала Торков, когда в Приднепровье кочевали еще Печенеги, Русь северо-восточная уже имела дело с Торками, которые на своем пути с востока впервые соприкоснулись с Русью в Поволжье и лишь семьдесят лет спустя подошли к Приднепровью. Под 985 г. читаем в летописи, как «иде Володимерь на Болгары (Волжскіе) съ Добрыною съ воемъ своимъ в лодяхъ, а Торъки берегомъ приведе на коних и побѣди Болгары»⁵⁵. Нельзя сделать каких-либо определенных выводов о том, какие это были Торки — степные или уже оселенные Русью⁵⁶, но несомненными следами торкских поселений в Ростово-Суздальском крае являются деревни Торки и Торчино⁵⁷; через Суздальскую Русь, очевидно, началось проникновение и отдельных Торков, т. к. первое сведение об этом относится к 1015 г., когда Киевская Русь еще с ними не соприкасалась⁵⁸.

Торков на Руси было больше всех остальных Тюрков. За это говорит и большее количество названий поселений в южной Руси, связанных с их именем (Торчин, Торкин, Торкское, Торчицы), и более частое упоминание их в летописях⁵⁹, и, наконец, прямые летописные известия о шестисотенном и о шеститысячном их отрядах⁶⁰.

В 1097 году вместе с Торками упоминаются и первые поселения на Руси Берендеев и Печенегов.

Берендеи, Берендичи были, несомненно, такие же Тюрки, как Торки и Печенеги⁶¹, и представляли собою не то самостоятельное племя, не то лишь род Тор-

⁵⁵ П. С. Р. Л. I, 1, ст. 84.

⁵⁶ О проникновении Торков еще во второй четверти IX века к средней Волге см. у *Фр. Вестберга*, К анализу восточных источников о Восточной Европе, Ж. М. Н. П. 1908, март. С. 17.

⁵⁷ Об этом ниже. С. 61.

⁵⁸ В 1015 г. князя Глеба Владимировича (бывшего одно время — заметим — князем муромским) зарезал его повар, «именемъ Торчинъ». П. С. Р. Л. I, 1, ст. 136.

⁵⁹ Сводку летописных сведений о Торках см. у *М. Погодина*, Исследования, замечания и лекции, т. V. С. 193.

⁶⁰ П. С. Р. Л. II (Ипатьевская летопись) изд. 1908 г., ст. 505 под 1160 г. о шестисотенном торкском отряде и там же, ст. 636 под 1185 г., где говорится о посылке киевским князем шеститысячного отряда под начальством торкского князя Кунтугдея. По всей вероятности, этот отряд состоял гл. обр. из Торков.

⁶¹ *Н. А. Аристов*, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, Живая Старина, 1896, вып. III—IV. С. 277—456, указывал на существование отдела «беш-бёрен» у Кара-Киргизов и рода «кёк-бёрён» у Кипчаков и сближал их с летописными Берендеями (С. 310—311 и пр. 3). Несомненный тюркизм Берендеев в недавнее время пытался опровергнуть покойный акад. *А. И. Соболевский* в своих Русско-скифских этюдах (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1921, XVI. С. 10), видя в Берендеях Иранцев, потомков меотийских Скифов: «Первая часть названия Берендеи, Берендичи может быть объяснена при помощи обще-иранск. *rağna* 'мир', 'счастье', что нередко в составе сложных личных имен, вроде имени скифского царя Сайта-фарн, — с русским *б* вместо *ф* и с русским же полногласием. Целое название напоминает приводимое Страбаном скифское племенное название *Παρνοί Δαῖες* («выходцы из области Даев, живущих над Меотидой»). *В. Пархоменко* же, в заметке «Чорні Клобуки» (Східній Світ, № 5, [Харьков], 1928. С. 244—245), высказал даже предположение о связи Берендеев с «кавказцами-яфетитами», но в подкрепление своего предположения выразил лишь надежду, что яфетитологи смогут установить эту связь. О тюркизме Берендеев см. еще

ков⁶²; последнее предположение основывается на одном месте летописи, где говорится: «и приступи Торчинъ, именем Беренди, овчюхъ Святополчъ, держа ножъ»⁶³ ...; но против такого объяснения как будто говорит и многочисленность Берендеев — известны их отряды в Киевском княжестве в полторы тысячи⁶⁴, в 2100 чел.⁶⁵ и в 30 000⁶⁶, — и их разбросанность на таком огромном пространстве, как от северо-восточной Руси до Угрии и Болгарии⁶⁷, так и то, что они, появляясь на Руси одновременно с Торками и Печенегами, никогда не смешиваются с ними и всегда упоминаются самостоятельно⁶⁸. Можно только подметить несколько более тесную, нежели с Печенегами, историческую связь Берендеев с Торками, но это еще не дает нам оснований для вывода о родовых взаимоотношениях этих двух народов.

Берендейские поселения, подобно торкским, находим и в Галицком и в Киевском княжествах, но кроме того также и в Ростово-Суздальской земле, где нет следов Печенегов. Последнее обстоятельство заставляет предполагать об общем пути у Берендеев и Торков при продвижении этих народов с Востока⁶⁹.

беглое замечание *J. Marquart*, Ueber das Volkstum der Komanen. С. 157 и *Ladislaus Rásonyi-Nagy*, Valacho-Turcica, Отд. оттиск из Forschungsarbeiten d. Mitglieder d. Ungarischen Instituts und d. Collegium Hungaricum in Berlin, Berlin, 1927. С. 3.

⁶² П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы, ц. изд., № 9. С. 431—2. Н. П. Барсов, Очерки русской исторической географии, 2 изд. Варш. 1885. С. 136 и Багалей, «Берендѣи», — статья в Нов. Энциклопедическом Словаре Брокгауз-Ефрона, т. 6, колебались, относя Берендеев или к Торкам или к Печенегам. С. *Jireček*, ц. с. С. 6 считал их ветвью Печенегов.

⁶³ П. С. Р. Л. I, 1, ст. 261, 1097 г.

⁶⁴ П. С. Р. Л. II, ст. 557, 1172 г.

⁶⁵ П. С. Р. Л. II, ст. 631, 1183 г.

⁶⁶ Так в Лаврентьевской (П. С. Р. Л. I, 1, ст. 290, 1138 г.), Ипатьевской (П. С. Р. Л. II, ст. 301, 1139 г.), Академич. списки Новгородской IV (П. С. Р. Л. IV. С. 5) и в пяти списках Софийской I (П. С. Р. Л. V. С. 157); но в Воскресенской (П. С. Р. Л. VII. С. 31), Хронографическом списке IV Новгородской и двух списках I Софийской (Карамзин и Оболенск.) стоит 1000. В Хронографск. списке IV Новгородской первоначальная цифра 1000 была затем переправлена на 40000; «четыредесять тысячъ» Берендеев поставлено и в Никоновской (П. С. Р. Л. IX. С. 162). Испорченность текста этого места в Ипатьевской лет. («Ярополкъ же съзвася съ братею своею и съ сыновци своими събрася и съ Соуждалци и Ростовчи, с Полочанъ и Смолняны и король Оутры посла помощь Берендичевъ 11 тысячъ и Тоуровци и собра вои многы и поиде Черниговоу» вместо «Ярополку же скопившю множество вой, Ростовцѣ, Полочанъ, Смолняне, Угры, Галичане и Берендѣевъ 30 тысячъ и Кыяне, Переяславци, Володимерци, Туровци и бѣ множество вой; и поиде Чернигову...» Лаврентьевской и др. летописей), дал повод некоторым историкам считать, что Берендеи были присланы угорским королем (*Татищев*, II, 256 почему-то с цифрой 10000 Берендеев; *Житиецкий*, Смена народностей в южной России, Киевская Старина, 1883. С. 440 и пр. 14, *Н. А. Аристов*, цит. Заметки об этнич. составе тюркских племен и народностей. С. 310—311, пр. 3. *В. Пархоменко*, в цит. заметке Чорні Клобуки. С. 243).

⁶⁷ На тождество русских Берендеев с Berend мажарских источников указал *Kossanyi B.* в цит. работе *Az úzok és kománok történetéhez a XI—XII. sz.* С. 529, пр. 2. Сводка следов Берендеев в Угрии будет дана ниже. О Берендеях в Болгарии см. у *С. Jireček*, ц. с. С. 6—7, где приводятся две болгарские деревни Berende в районе Цариброда и Брезника между Нишем и Софией. Среди властителей Молдавии встречается в 1438 и 1442 гг. стольник Бериндей (Berunděj — в транскрипции Иречека).

⁶⁸ Сводку летописных сведений о Берендеях на Руси см. у *Погодина*, ц. с. т. V. С. 193.

⁶⁹ Попад в Киевскую Русь, Берендеи и Торки и здесь как будто первоначально держатся вместе. Ср. летописное известие о приходе в 1105 г. Половцев к Зарубу на Торков и Берендеев

Печенеги далеко не все ушли к Дунаю, но еще значительная их часть оставалась в черноморских степях под властью — сперва Торков, а потом Половцев⁷⁰, откуда они или сами перебегали в Русь, или выводились Русскими во время войны с Половцами. В этом отношении особенно интересны те большие походы на Половцев, которые предпринимали русские князья в начале XII в. и которые сопровождалось освобождением тюркских неполовецких племен, покоренных Половцами. Так, после удачного похода 1103 г., Русские возвращаются не только с огромной добычей, но «и заяша Печеньгы и Торки с вежами»⁷¹, а из Поучения Мономаха узнаем, что несколькими годами раньше, в 1096 г. к нему на Сулу перешли «ис Половецъ» торкский род Читеевичей, которых Мономах выезжал встречать⁷². Удачные походы Русских 1103, 1109, 1111 годов пошатнули господство Половцев в степях и вызвали, очевидно, надежду на освобождение у тех тюркских орд, которые все еще не примирились с властью Половцев. Вслед за удачным походом 1116 года князя Ярополка Владимировича, дошедшего до самого Дона, там, в Придонье, поднялось восстание Торков и Печенегов, свидетельствующее о том, как много их еще оставалось в степях. Два дня и две ночи длилась страшная сеча; результат ее был не в пользу восставших: Торки и Печенеги оставили степи и пришли к киевскому князю Владимиру Мономаху⁷³.

Это была последняя большая, массовая эмиграция Торков и Печенегов (а вместе с ними, вероятно, и Берендеев) в русские пределы. После 1116 г. уже больше ничего не слышим о подобных выходах их из степей. Неудивительно, что такой наплыв в Русь беглецов не мог пройти без трений; вскоре же узнаем, что тот же Владимир Мономах прогнал Берендеев из Руси, а Торки и Печенеги «сами бьжаша»⁷⁴. Но по всему видно, что это был лишь эпизод: через четыре года снова слышим о Торках в Переяславском княжестве.

Половцы ни за что не могли примириться с подобными выходами из степей своих рабов. Отсюда — целый ряд набегов Половцев, хотя и в Русскую землю, но

(П. С. Р. Л. II, ст. 257). В этом отношении интересна подробность, не имеющаяся в летописях, но помещенная у *Татищева* (Ист. Рос. II, 79) под 993 г., по поводу переяславского единокорства Русского с Печенегом: «Владимиръ пришедь въ обозъ, послалъ по всему войску, такожь къ Берендичамъ и Торкамъ въ станы, спрашивая: есть ли такой человекъ, который бы могъ на поединокъ противу Печеньга вытти?» Проникновение Торков и Берендеев в Русь уже при Владимире, как мы видели, очень правдоподобно. В Угрии же, наоборот, Берендеев мы будем видеть большею частью вместе с Печенегами, а не Торками, которых вообще в Угriu проникало, по-видимому, очень немного. Но проникли в Угriu Берендеи вероятно независимо от Печенегов и позже них.

⁷⁰ *Константин Порфирородный*, De Administrando Imperio, гл. 37 говорит о том, что в его

время (сер. X в.) часть Печенегов осталась на своих прежних землях и стала жить среди Торков.

⁷¹ П. С. Р. Л. I, 1, ст. 279.

⁷² П. С. Р. Л. I, 1, ст. 249.

⁷³ П. С. Р. Л. II, ст. 284. Ср. *М. Грушевский*, Ист. Укр.-Руси, т. II. С. 535. Впрочем, некоторая часть Печенегов осталась в степях навсегда; имя Băcāna (Bečene) встречается в степях в татарский период (*J. Marquart*, Ueber das Volkstum der Komanen. С. 157; ср. *Zoltan Gombocz*, Über den Volkspnamen «Besenyő», Turan III, 1918. С. 213), а *Плано Карпини* и *Рубрук* (пер. *Малеина*, СПб., 1911. С. 50, 95, 101, 102) упоминают о Кангитах-Канглах, некогда славнейшем роде Печенегов (об этом ср. у *Marquart*, Ueber das Volkstum der Komanen. С. 163 и след. и особ. С. 172). На Руси Печенегов было несравненно менее, чем Торков и Берендеев, они и реже упоминаются в летописях, и известны гл. обр. лишь в Киевском княжестве. Сводку летописных сведений о них см. у *Погодина*, ц. с. т. V. С. 193.

⁷⁴ П. С. Р. Л. II, ст. 286, 1121.

направленных специально на Торков, Печенегов и Берендеев. Если о причинах первых половецких нападений 1061 и 1067 гг. мы можем только догадываться, то последующие уже говорят сами за себя. В 1093 г., напав на Киевское княжество и несколько раз разбив русских князей, Половцы больше всего добиваются взятия именно Торчевска, города, где заперлись Торки. После девятидневной осады это наконец удается Половцам, Торчевск сжигается, а Торки уводятся в плен, обратно в степи⁷⁵. В 1105 г. Половцы уже специально нападают на тюркских поселенцев Киевского княжества: «Того же лѣта пришедь Бонякъ зимѣ на Зарубѣ и побѣди Торкы и Беренѣдѣ»⁷⁶. В 1125 г. Половцы нападают на Переяславскую область. Летописец-современник определенно указывает цель этого набега, вкладывая, по обычаю того времени, в уста Половцев такую речь: «...возьмемъ Торкы ихъ» (т. е. Русских). Но переяславский князь Ярополк не растерялся и прежде всего «повель гнати люди и Торкы въ Баручь и в прочая грады», а уже затем удачно отразил Половцев⁷⁷.

⁷⁵ П. С. Р. Л. I, 1, ст. 218—225, 1093 г. Ср. *М. Грушевский*, ц. с. II. С. 530.

⁷⁶ П. С. Р. Л. II, ст. 257. Не разорение ли чернокобучьих вѣж имел в виду набег Половцев в 1071 г., когда они «воеваша... оу Растовьця и оу Неятина» (П. С. Р. Л. I, 1, ст. 174), где впоследствии всегда будем видеть кочевья киевских Тюрков?

⁷⁷ Летопись по Лаврентьевскому списку, изд. 3-е, СПб., 1897. С. 280—281, под 1125 годом и Ипатьевскому в П. С. Р. Л. II, ст. 289—290 под 1126 г. Придерживаюсь Ипатьевского списка летописи, представляющегося мне более обстоятельным. Ср. еще *В. Ляскоронский*, К вопросу о переяславских Торках, Журн. Мин. Нар. Просв. 1905, апрель. С. 288. При рассмотрении первых столкновений Половцев с Русью, причина чему, как нам кажется, лежит в принятии Русью бежавших из степей Торков, напрашивается аналогия с первым столкновением Руси с позднейшими своими степными врагами — Татарами. Если верить рассказу Троицкой летописи, Русь во враждебные отношения с последними встала только из-за Половцев, которых Татары стремились покорить, а русские князья, поддавшись уговорам Половцев, приняли под свою защиту. «...Увѣдавши Татарове, что идуть князи Русѣи противу имъ и прислаша послы къ княземъ Русскимъ: “се слышимъ, оже противу намъ идете, послушавше Половецъ, а мы вашей земли не заяхомъ, ни городовъ вашихъ, ни селъ, не на вась приидохомъ, но приидохомъ, Богомъ попушени, на холоты наши и на конюсы свои, на поганья Половци, а возьмите съ нами миръ, а намъ съ вами рати нѣту; оже бѣжать къ вамъ Половци, и вы бейте оттолъ, а товаръ емлите себѣ, занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла творять, того же ради мы ихъ отселъ бьемъ”. Князи же Русѣи того не послушаша, и послы Татарьскыя избиша, а сами поидоша противу имъ» (П. С. Р. Л. I. С. 217, ср. Летопись по Академич. списку в Лаврентьевск. лет. изд. 1897 г. С. 479). Впереди Русских ждала Калка. В общих трудах по русской истории не останавливались на этом эпизоде (а лишь излагали его), и критически это место Троицкой летописи не разбиралось. Сами летописцы, по-видимому, верили в искренность заверений татарских послов и осуждали поэтому князей, не послушавших Татар. В более поздних летописях, как, например, в Никоновской (П. С. Р. Л. X. С. 90), вера в слова Татар и осуждение своих князей будут еще более явными (ср. *Г. В. Вернадский*, К вопросу о вероисповедании монгольских послов 1223 г., *Seminarium Kondakovianum*, т. I, Прага, 1927. С. 145). Однако было бы неосторожным принимать целиком все слова Татар, как то делали летописцы; уверения их послов о возможности мирного соглашения с Русью могли быть, как это, по-видимому, понимал *И. Березин*, (Первое нашествие монголов на Россию, Журн. Мин. Нар. Просв. 1853, часть LXXIX, отд. II. С. 247) и еще более определенно *Д. Иловайский* (История России, ч. II, М. 1880. С. 358), лишь обычным приемом Татар, желавших воспрепятствовать соединению своих противников, как это только что было перед тем с Половцами и Аланами в тех же половецких степях. Вероятно, уже самое обращение Половцев к Руси и начавшиеся там «моления» половецких ханов («помолися Котянъ зятю своему — Мстиславу Удалому — о пособьи») послужили причиною желать Татарам отомстить за это Руси. Интересно было бы сравнить этот эпизод с обстоятельствами вторжения Татар в Угriu, куда они пошли также из-за Половцев,

Кроме Торков, Берендеев и Печенегов известны из летописей еще три имени тюркских родов, осевших на Руси: это Каепичи, Ковуи и Турпеи.

Если первые два имени не удастся связать с какой-либо из больших известных нам тюркских народностей, то последних, *Турпеев*, как нам кажется, можно определенно считать родом печенежского племени. Они упоминаются в летописи всего лишь раз, в 1150 г., и выступают как кочевой военный отряд на левой стороне Днепра в районе города Сакова, в пределах Киевского княжества⁷⁸, которое простиралось здесь и на левое Приднепровье⁷⁹. Для объяснения народности Турпеев сопоставим это известие с другим, 1142 года; летописец, рассказывая о войне черниговских князей с переяславским князем Вячеславом, говорит следующее: «бьющимъ же ся имъ оу Переяславля и посла Всеволодъ (великій кїевскій) оу Переславля Лазоря Саковскаго с Печенѣгы и с вои Вячъславо в помощь»⁸⁰. Великому князю киевскому естественнее всего было послать помощь переяславскому князю из ближайшего к Переяславскому княжеству месту, т. е. с левобережья, на что и указывает имя Лазаря Саковского; очевидно и Печенеги, которых он вел, были в районе Сакова; поэтому, когда через восемь лет на том же месте, у Сакова, мы находим таинственных Турпеев, то более чем вероятно видеть в них родовое имя или один из родов упомянутых саковских Печенегов⁸¹.

Каепичи также упоминаются только раз, в 1160 году по поводу междоусобия в Черниговском княжестве, как отряд в союзном черниговском, киевском и галицком войске⁸². *Ковуи* же известны нам и в Киевской и в Черниговской области и

принятых королем Белою. Работа *Куника* о событиях 1223—1224 гг. во II-м томе Учен. Записок Акад. Наук по I и 3 отд. (1854 г.) мне осталась недоступной.

⁷⁸ П. С. Р. Л. II, ст. 398.

⁷⁹ *М. Грушевский*, Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV стол. Киев, 1891. С. 9.

⁸⁰ П. С. Р. Л. II, ст. 311.

⁸¹ *П. Голубовский*, Печенеги, Торки, Половцы ц. изд., № 9. С. 432—433, считал Турпеев Торками и на том основании, что Торки упоминаются в 1125 г. у Баруча (Лавр. Лет. изд. 1897 г. С. 280—281 и П. С. Р. Л. II, ст. 289—290, об этом месте см. выше), который находился там же, где и Саков, т. е. к сев.-зап. от Переяславля. Но Баруч, по-видимому, находился далеко от этих мест, на верховьях Осетра и Удая. См. об этом у *В. Ляскоронского*, История Переяславской земли с древнейших времен. С. 175, *его же*, К вопросу о переяславских Торках, Журн. Мин. Нар. Прос. 1905, IV. С. 295, а также *Барсова*, Очерки русской истор. географии, 2-е изд. С. 161—162. Торками Турпеев считали также *Самчевский*, ц. с. С. 83, *Погодин*, ц. с. С. 202 и *Ляскоронский*, К вопросу о переяславских Торках С. 286. *А. И. Соболевский*, неуклонно искавший следы иранства в южной Руси, находил его и в Турпеях: «Вторая часть названия Турпеи напоминает вторые части в 'Εἰσαπλάτος, и 'Αρῦπλάτος Геродота, в Σαλατοι Страбона, в Παρασι Плиния. Последние два названия нетрудно объяснить как *Jaz-ârauā священно-водные, с отзвучным согласным вместо звучного *Anâruā безводные» (Русско-скифские этюды. С. 10—11).

⁸² П. С. Р. Л. II, ст. 507. Судя по контексту, возможно, что эти Каепичи, упоминаемые здесь вместе с Берендеями, находились в числе того вспомогательного киевского отряда, который, под начальством князей Владимира Андреевича и Ярослава Изяславича, выслал черниговскому князю Святославу великий князь киевский. Во всех предшествующих перипетиях этой войны, до прихода киевской помощи, у черниговского князя не упоминаются ни Каепичи, ни Берендеи (о последних в Черниговской области мы вообще не имеем сведений), тогда как Берендеи известны своею близостью Киеву (ср. *Д. Расовский*, О роли Черных Клобуков в истории древней Руси, *Seminarium Kondakovianum* I, 1927. С. 108 и пр. 7), а упомянутый здесь князь Владимир Андреевич в том же 1160 году встречается как один из начальников киевского берендейского

упоминаются в первом княжестве под 1151, 1162 и 1170 годами, а во втором — под 1185 г. и, кроме того, в Слове о полку Игореве⁸³. Впрочем, об этих двух тюркских родах мы не можем говорить с уверенностью, что они принадлежали к торкскому или печенежскому племени; они могли быть уже и Половцами, которые со второй половины XII в. начали оседать на Руси⁸⁴.

Все же вместе эти поселенные Русью Тюрки носили собирательное имя Черных Клобуков⁸⁵.

отряда (П. С. Р. Л. II, ст. 505), и раньше еще — в 1153 г. (П. С. Р. Л. II, ст. 465) он с Берендеями же посылается киевским великим князем к Олешью.

⁸³ П. С. Р. Л. II, ст. 427, 428 (1151), 517 (1162), 544 (1170) — в Киевском княжестве, там же. II, ст. 638, 939, 642, 644 (1185) — в Черниговском княжестве. Слово о полку Игореве (изд. Сабашникова, М., 1920. С. 26—27) хотя прямо и не называет Ковуев, но перечисляет поименно тюркских старшин в числе черниговского войска в несчастном походе князя Игоря, о котором летопись говорит, что он пошел с «Коуи Черниговскими»: «а уже не вижду (говорит вел. князь киевский Святослав) власти сильного и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговскими былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры и съ Топчаки и съ Ревуги и съ Ольберы. Ти бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ пълкы побъждають, звонячи въ прадѣдную славу». П. М. Мелиоранский, Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1902, II s. v. «Быля»), в этом перечислении видит «отдельные племена» или «сильные многочисленные роды» Ковуев; «были» же (от турецк. бѣла, бѣла) значит вельможи, бояре; «весьма вероятно, — говорит Мелиоранский, — что старшины их носили турецкий титул “быля”». Н. А. Аристов, Заметки об этнич. составе тюркск. племен. С. 310—311, прим. 3, ссылаясь на Radloff, Aus Sibirien. С. 208, 214, указал на роды «кый» и «кобий» у нын. Шорцев и Сагайцев, которых Аристов связывал с летописными Ковуями. А. И. Соболевский, Русско-скифские этюды. С. 10—11 и Ковуев считал потомками Иранцев (сравнивая это имя с др.-бактр. каоуа, которое по-скифски должно было бы быть *кауа = принадлежащий к роду Kavi), а род Ковуев — Шельбиры, упом. в Слове о полку Игореве, сближал с племенем Сабиры — Σαβίροι Приска Понтийского и др. греческих писателей. Что касается рода Ковуев «Татраны», то, по-видимому, можно не сомневаться в тюркском его происхождении: ср. печенежское имя Татран (Τατράνης), упом. у Анны Комнины (Annae Comnenae Alexias, ed. Reifferscheidt, Lipsiae, 1884 I, 257). О тюркской основе этого имени («tat-») сведения собраны у Р. Мулаџичев, Bulgares et Roumains dans l'histoire des pays Danubiens, Sofia, 1932. С. 252—254. Род же Ольберов ср. с именем парламентаря князя Мстислава Изяславича в событиях 1159 года: «посла (Мстислав к Берендеям) олюырѣ Шерошевича», по-видимому тоже Тюрка (П. С. Р. Л. II, ст. 501). Об имени Ольбер см. еще у В. Перетц, Слово о полку Игоревѣ, 1926. С. 268.

⁸⁴ Ср. М. Грушевский, Ист. Укр. Руси. II. С. 534.

⁸⁵ О том, что Черные Клобуки есть общее прозвище для Печенегов, Торков, Берендеев и др. мелких тюркских групп, предполагал еще Карамзин, II, пр. 218, а И. Самчевский, ц. с. С. 84—88 и М. Погодин, ц. с. V. С. 194—196 окончательно это показали сопоставлением летописных упоминаний о Черных Клобуках с упоминаниями Печенегов, Торков и проч. (ср. еще Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы, ц. изд., № 9. С. 433). Самое название «Черные Клобуки» могло произойти или от носимых ими черных шапок, или же было презрительным прозвищем, данным им Половцами, ибо в обычае тюркских народов называть черными (тюркск. кара) несамостоятельные, подчиненные народы. Заслуживает внимания, что название Черные Клобуки впервые упом. в летописи лишь через 70—80 лет (с 1146 г.) после появления на Руси этих беглецов, которые до того назывались Русскими по их племенным или родовым именам; м. б., только после того, как презрительная кличка была усвоена Половцами, она затем перешла от них и в Русь, уже в русском переводе (Каракалпаки = Черные Шапки, Клобуки). О турецк. «калпакъ» и русск. «клобукъ» см. еще П. Мелиоранский, Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени. Изв. Отд. Русск. яз. и слов. Ак. Н. 1905, IV, s. v. клобукъ. Новейшие же тюркологи, не учитывая собирательности названия Черных Клобуков и его нарицательного значения, искали объяснения этого названия из собственного имени к.-н. тюркского племени. Так, J. Marquart, Ueber das Volkstum der Komanen. С. 158

Обратимся теперь к Печенегам и Торкам придунайским. Постепенно откочевывая сюда, Печенеги — под натиском Торков, а последние — под натиском Половцев, и те и другие еще несколько десятилетий после страшного их разгрома в 40—60-х гг. XI ст. будут находиться в брожении, пока окончательно не осядут в ближайших оседлых государствах — Византии и Угрии, уступив нижнедунайские степи Половцам. В эти десятилетия невозможно точно определить, какие именно из кочевников совершали свои грабительские набеги далеко вглубь Угрии или теснились у византийского пограничья. Мадыарские источники смешивают их, называя то Бессами, то Кунами, а византийские объединяют в общем для всех классическом имени Скифов. Иногда же, действительно, различные племена кочевников соединялись, чтобы вместе совершить какой-нибудь набег, и тем вносили еще большую путаницу в терминологию⁸⁶.

Поэтому трудно решить, какие именно кочевники под начальством своего хана Озула совершили в 1070 г. набег в Угriu; они перешли южные Карпаты, через Мезёшгский проход ворвались в Паннонию и опустошили ее до Бигара. Однако при своем возвращении они были настигнуты королем Соломоном и его двоюродными братьями — герцогами Гезой и Ладиславом (László, Ласло — по-мадыарски) и в так называемом Чергаломском сражении почти все перебиты⁸⁷.

связывал Черных Клобуков с отдельным родом Кипчакского племени ага Böklü (Marquart исправлял на Bōrkli), с чем согласился и В. В. Бартольд в своей пространной рецензии на упом. работу Маркварта (Русский Историч. Журнал, 1921 г., кн. VII. С. 150). Это не исключает, на наш взгляд, возможности видеть в современном племени Каракалпаков, обитающих в Туркестане, потомков киевских Черных Клобуков, т. к., нося это прозвище более столетия, оно могло остаться за ними и после крушения Киевской Руси. О происхождении современных Каракалпаков от киевских Черных Клобуков см. ниже. С. 63. и прим. 422. Совсем особых взглядов держится В. Пархоменко, в цитированной уже выше заметке «Чорні Клобуки», вызванной моей статьей «О роли Черных Клобуков в истории древней Руси». На с. 243 Пархоменко отвергает мое утверждение, высказанное мною в этой статье, о собирательности имени «Черные Клобуки» и не считает возможным видеть в Черных Клобуках осколки племен Торков, Печенегов и Берендеев, присоединяясь к мнению Маркварта и Бартольда о тождестве Черных Клобуков с кипчакским родом Кара-Берклу; но на с. 244, когда автору необходимо было связать Черных Клобуков с кавказско-яфетической теорией, он, вопреки только что им высказанному, пишет: «Если же понимать это имя [Черные Клобуки] в *собирательном** (курсив мой. — Д. Р.) смысле, то, безусловно, тут выявляются не только тюркский элемент и в первую очередь — кавказско-яфетический». Яфетизм же Черных Клобуков В. Пархоменко обнаруживает следующим образом: в 1023—1024 гг. князь Мстислав привел с собою в Черниговское княжество, для войны с братом своим Ярославом Киевским, Хазар и Касогов; «из племенных названий XII ст., находящихся в летописи, думается, с ними (Касогами) скорее всего можно связать Ковуев... насколько летопись связывает последних с Черниговскою терри-ториєю». А Ковуи, как известно, входили в состав Черных Клобуков. В прим. 83 я уже говорил о тюркизме этих Ковуев.

⁸⁶ Например, в походе угорского короля Соломона на Византию в 1087 г. участвовали и Половцы и Печенеги (В. Васильевский, Византия и Печенеги. С. 48).

⁸⁷ Thwroc, II, глава 49. С. 116—117 («pagani Cuni»), Simonis de Keza, II, 4. С. 118 («Bessi»), *Legenda St. Ladislai* (ed. Endlicher. С. 239—40 «Bisseni»), *Chronicon Pasoniensis* (ed. Endlicher. С. 56 «Besseni»). *Gyárfás* I. ц. с. 11. С. 54 и 178—181 считал нападавших Половцами, также и П. Голубовский, Половцы в Венгрии, Киевск. Университ. Известия, 1889, XII; Szokolay M., ц. с. С. 66 — Печенегами. L. Szalay, ц. с. I. С. 186—187 ставит в связь этот набег в Угriu с поражением, нанесенным черниговским князем Святославом Половцам в 1067 г. Что в 1070 г. напали на Угriu Половцы — вполне допустимо, если вспомнить, что это было время, когда они начали совершать свои глубокие набеги в правое Приднепровье.

Большой интерес представляет другое столкновение с Мадырами — на этот раз скорее всего именно Печенегов, — закончившееся страшным поражением степняков и, что особенно важно, — расселением огромного количества пленных по Угрии. В 1072 г. Печенеги, как кажется, не без подстрекательства византийцев, совершили набег на Угriu. Это вызвало поход короля Соломона на византийскую крепость Белград, наместник которой считался Мадырами главным виновником нападения кочевников на Угriu. Здесь эти Тюрки, пришедшие на помощь белградскому наместнику, были наголову разбиты Яном, шопронским жупаном, хан их Хазар едва спасся бегством, остальные же были или иссечены, или отведены в плен; последних, по выражению хроники, было «много тысяч»⁸⁸.

В правление короля Ладислава (1077—1095) прекращается господство Печенегов и Торков в придунайских степях, и их сменяют Половцы. В 1078 г. Половцы впервые появляются у Дуная, а в 1091 г. они уже с помощью византийцев окончательно сокрушают все еще не желавших замириться, хотя уже и расселенных на византийском пограничье Печенегов⁸⁹. В последний, однако, раз Угрии пришлось принять печенежских беглецов еще позже, в 1123 году.

Под 1122 годом византийские источники сохранили нам известие о большом поражении, нанесенном Печенегам императором Иоанном Комнином.

Печенеги в огромном количестве перешли Дунай и стали опустошать Фракию и Македонию, но у г. Верои они были совершенно разбиты императором, который в память этой победы, давшей ему с большим трудом, установил специальный «печенежский праздник» (ἡ τῶν Πατζινάχων τελετή) в память избавления от Печенегов⁹⁰. Вероятно в связи с этим поражением и находится из-

⁸⁸ *Thwroc*, II, гл. 50: «plurimis eorum (Bissenorum) in ore gladii prostratis, residuis autem eorum, in captivitate abactis»; ниже: «eo, quod ipse, multa millia Bissenorum, tamquam lapis limpidissimus, vasa fictilia, contrivisset, priusquam rex et dux, cum exercitu suo, de ientaculis capita levassent. Regi autem, et ducibus Oeyza et Ladislao, super rupem, quae eidem civitati proxima est, residentibus; coeperunt Hungari praesentare captos Bissenos et capita interfectorum, ac equos, et supellectilia; quae in quarta feria, a mane, usque ad inclinationem meridiei, plene perficere non potuerunt» (C. 117—18). *L. Szolay*, ц. с. I. C. 188—191, *Jerney J. C.* ц. II. C. 220, *Gyárfás*, ц. с. II. C. 74—75, *Szokolay M.*, ц. с. C. 66, со ссылкой на *Erdélyi László*, *A tizenkét legkritikusabb kérdés* (Kolozsvar, 1917. C. 114) считали этих степняков Печенегами. Но недавно *Kossányi B.* в своей работе «Az úzok és nománok történetéhez a XI—XII. sz.» попытался доказать, что это были Торки, а не Печенеги. Кошаньи исходил из предположения, что Печенеги к 1068 году уже расселились в Византийской империи, а Половцы лишь с 1078 г. будут впервые упоминаться у Дуная. Но эти Печенеги могли находиться и на правом, византийском, берегу Дуная, откуда и производили нападения на Угriu, а *В. Васильевский* (ц. с. С. 44) допускал возможность пребывания Печенегов в это время и на левой стороне Дуная. Как я уже упомянул выше (С. 5, пр. 22), в мадырской историографии распространено мнение, что многочисленные пленные, взятые под Белградом, были поселены на шопроно-мошонском пограничье, т. к. победителем их был шопронский жупан. Но не надо забывать, что при этой победе присутствовал и король, который мог расселить Печенегов по любым местам. Не были ли поселены эти пленные по р. Шарвицу, под королевскою столицею Секель-Фейерваром, где из более поздних источников мы узнаем о существовании большого ядра Печенегов?

⁸⁹ *В. Г. Васильевский*, ц. с. С. 96—107.

⁹⁰ *Nicetae Choniatae Historia*, ed. Bonn. P. 22—23, у которого только и находим упоминания о «печенежском празднике», тогда как в изложении самой войны он и *Ioannes Cinnamos* (ed. Bonn. I, 3. C. 7—8) называют кочевников Скифами. Может быть, это нападение Печенегов на Византию 1122 г. можно поставить в связь с событиями этого времени на Руси. Как мы видели

вестие в хронике Туроца о том, как «кунский» хан Татар в числе немногих спасшихся от «убийствъ» императора прибежал с этими немногими к угорскому королю Стефану II⁹¹. Беженцы сразу заняли привилегированное положение при дворе, широко пользовались этим и даже притесняли Магьяр. Все это было возможно только благодаря особенному печенегофильству короля Стефана⁹².

Этим эпизодом заканчивается период печенежских вторжений в Угriu, начавшихся со времени первых Арпадовичей в X в. и длившихся затем около двух столетий. Вместе с Печенегами проникали в Угriu Торки и Берендеи, но в несравненно меньшем количестве, чем первые; исторических сведений об этом нет; сохранились лишь следы, и то только начиная с середины XII в., о единичных поселениях этих двух тюркских племен. Проникали они, особенно Берендеи, по-видимому, главным образом с севера и востока, через Карпаты: их поселения мы видим преимущественно в северной и восточной Угрии.

II

Рассмотрим теперь, как были расселены Печенеги, Торки и Берендеи по Руси и Угрии, начав обзор с последней, где тюркские поселения были древнее.

Так как в Угрии старше и многочисленнее остальных были поселения печенежские, то и обратимся прежде всего к ним, перейдя затем к расселению Торков и Берендеев.

Печенежские поселения Угрии были двойки: пограничные и внутренние. Рассмотрим сперва пограничные поселения.

Систематическое устройство угорских пограничных линий в виде засек (гуерй — дьепу) с поселением на них стражи (speculatores, confinorum custodes или ewgii, eug, от мадьярск. őg — стража, страж), в значительной степени из тюркских инородцев, в особенности Печенегов, относится ко времени короля Стефана I (997—1038). Лишь в некоторых местах, как на лайтенском пограничье, в районе Шопрона и Мошона, эти засеки с поселенными на них Печенегами были более раннего происхождения — от времени первых Арпадовичей. Засеки окружали Угriu — это классическое государство подобного рода укреплений — со всех сторон, и всюду здесь мы будем находить следы поселенных Угрией Печенегов⁹³.

выше, Владимир Мономах в 1121 г. выгнал Берендеев из Руси, и вместе с ними бежали Торки и Печенеги. Не эти ли изгнанники вторглись затем в Византию? Иначе трудно себе представить, чтобы осколки Печенегов все еще могли свободно кочевать на левой стороне Дуная, где в это время уже владычествовали Половцы. Не от этого ли времени ведут свое начало и приводимые уже мною выше (прим. 67) две деревни Берендеев Болгарии и не являются ли они, таким образом, отражением поселения здесь части Берендеев, бежавших в 1121 году от Владимира Мономаха?

⁹¹ *Thwroc* II, гл. 63. С. 141: «Rex autem Stephanus, diligebat Cunos tunc temporis plus quam decebat: quorum dux, nomine Tatar, qui a caede imperatoris, cum paucis, ad regem fugerat, cum rege morabatur».

⁹² *Thwroc* II, гл. 63. С. 141. Ср. *L. Szalay* ц. с. I. С. 286.

⁹³ Для правильного чтения названий, которые оставлены нами в мадьярской транскрипции, напомним, что cs и ch читаются как русское ч, с и cz как ц, g — как г, но gy — как дь, ó как долгое о, ő и ô — как французск. eu, s и ss как ш, sz как с, ű и ű как франц. u, zs как ж, y соответствует русскому ь после согласных и и после гласных.

Начнем обзор с западной, германской границы Угрии. Огороженная дьепуми, эта граница во времена короля Стефана тянулась от слияния Муры и Дравы на с.-з. по Муре до впадения в нее Керки, затем вверх по этой реке к местности Nova, а от Nova на север к Zalalóvő и Csakány на Рабе⁹⁴. Здесь, за этой пограничной линией мы находим поселения Печенегов ок. Nagy-Kanizsa (Заласского комитата), где известна местность Bessenew, Beseneu, уп. в 1335 г.⁹⁵, а севернее, ок. г. Zalaegerszeg известна с 1381 дер. Bessenyeu⁹⁶. Кроме того, печенежского происхождения в том же Заласском комитате считаются те местности, которые носят название Орман (орман — по-тюркски значит 'лес')⁹⁷. Они как раз находятся там, где были и местности с именем Бешеньё: в 1260 г. уп. terra de Vtmand, около Zalaegerszeg (на юго-зап. от него)⁹⁸, а к с.-в. от Nagy-Kanizsa, близ Komárom város уп. в 1412 г. possessio Ormandhyda⁹⁹; наконец, речка Ormányi-vízér, уп. еще в 1251 г. («Vtuhman aqua»), служила пограничьем между Заласским и Шомодским комитатами¹⁰⁰. Севернее, в районе Csakány, в ю.-в. части Вашского комитата, в Прирабье, существовало два печенежских поселения: одно — Hodász (упоминается «Bisse de Hodoutz»), другое возле него — Besenew, известное с 1497 г.¹⁰¹

Классическою же и старейшею местностью печенежских поселений Угрии были, к северу от Вашского, комитаты Шопронский и Мошонский. Здесь уже в до-стефановское время существовали печенежские поселения, как на одном из самых важных стратегических мест Угрии — германском пограничье. Здесь линии дьепув тянулись не одной, а, по всей вероятности, двумя параллельными линиями¹⁰²; это требовало и большего количества защитников. Как раз о Печенегах шопронско-мошонского участка говорит Аноним, что их здесь было поселено «не малое количество».

Первоначально германо-угорское пограничье шло вдоль реки Лайты (Лейты, славянск. Литавы), но затем, под напором Немцев, стало оттягиваться на восток, к Репче и Рабе, выдвигаясь снова на запад у Братиславы (мадьярск. Пожонь)¹⁰³. Временем окончательной германизации лайтского района считают XIII век¹⁰⁴; Печенеги, жившие здесь, частью погибли в войнах, оставшиеся же были герма-

⁹⁴ Karácsony J. Halavány vonások hazánk Szent István korabeli határaitól. С. 1043—1046.

⁹⁵ Csánki Dezső, Magyarország történelmi földrajza a Hunyadiak korában (Деже Чанки, Историческая география Угрии во время Гунядовцев [XV в.], том III. С. 36). Szokolay M. A magyarországi bessenyőtelepekről. С. 77.

⁹⁶ В 1381 г. уп. nobiles de Besenew. Ныне — Zalabesenye. Csánki, III. С. 36, Szokolay. С. 77.

⁹⁷ За печенежское происхождение такого общетюркского названия говорит его древность: как увидим ниже, поселения Orman (в Бараньском комитате) встречаются уже в XII в., еще до расселения по Угрии Половцев. Ср. Rásonyi Nagy László, Orman, отд. отт. из Magyar Nyelv, 1928, XXIV. С. 14.

⁹⁸ Теперь дер. Ormándlak, Csánki, III. С. 88, Rásonyi Nagy. С. 13, Szokolay. С. 77. На прилагаемой карте значки, обозначающие поселения Печенегов, Торков и Берендеев, указывают лишь на присутствие в данной местности тех или иных тюркских народностей, не отвечая в точности количеству расположенных здесь отдельных тюркских поселений.

⁹⁹ Теперь Ormándpuszta, Csánki III. С. 88, Rásonyi Nagy. С. 13, Szokolay. С. 77.

¹⁰⁰ Rásonyi Nagy. С. 13.

¹⁰¹ Hodász — теперь Hegyháthodász, а Besenew — теперь дер. к востоку от Rohouc, около Seregélyesháza, Csánki, II, 737, Szokolay. С. 77.

¹⁰² Karácsony J., ц. с. С. 1054.

¹⁰³ Karácsony J., ц. с. С. 1042, 1046, Gyárfás I, ц. с. II. С. 58; Szokolay, ц. с. С. 79.

¹⁰⁴ Gyárfás I. ц. с. II. С. 58.

низированы, а может быть, частично и выведены Мадырями на новое, прирабское пограничье.

Древнейшим свидетельством о Печенегах в шопронско-мошонском районе является сообщение Анонима, что князь Золтан (ок. 907—943) «собралъ по ту (юго-западную) сторону Мошонскаго озера (Фертё) не малое количество Печеньговъ» для того, чтобы они защищали государство со стороны Немцев¹⁰⁵; в 1052 г. Печенеги упоминаются здесь, наряду с Мадырями, в войне Угрии с германским императором Генрихом III¹⁰⁶; еще выразительнее роль Печенегов, как защитников шопронско-мошонского пограничья, выявляется в 1074 г.¹⁰⁷

По свидетельству грамоты короля Эмериха 1203 года, к северу от озера Фертё, у реки Лайты, Печенеги жили еще в древнейшую эпоху, и жили на земле, полученной ими «по праву мошонской военной службы»¹⁰⁸. Центром этой *terrae Bissenogum* была местность *Legentó*, к северо-востоку от озера, про которое тот же король Эмерих уже в 1203 г. говорил, что ею «Печеньги нъкогда владѣли»¹⁰⁹; понимать это выражение надо в том смысле, что некогда Печенеги имели все права и привилегии над этой королевской землей, которую теперь король передал монастырю св. Креста и на который вместе с тем переходила теперь обязанность защищать Печенегов. Очевидно, к этому времени эти печенежские поселения уже не имели прежнего важного значения для государства¹¹⁰. Памятью о печенежских поселениях по Лайте и у озера Фертё является местность Бешеньё,

¹⁰⁵ *Anonymus*, гл. 57 (*Endlicher*. С. 53). Текст приведен выше. С. 5, пр. 22.

¹⁰⁶ *Thwrocъ*, II, гл. 43. С. 109—110. Как я уже упоминал выше (С. 5, пр. 22. С. 18, пр. 88), нельзя, по-моему, придавать, как это обычно делалось, большого значения сообщению 1072 г. о поражении Печенегов Яном Шопронским и о расселении их им по шопронскому пограничью. Возможно, конечно, что некоторая часть пленных и была уведена этим жупаном в свой комитат, но по всему видно, что это не было главное, основное поселение здесь Печенегов, которые были поселены здесь еще раньше 1072 (1068) года.

¹⁰⁷ *Thwrocъ*, II, гл. 53. С. 126.

¹⁰⁸ «*de iure Musuniensis castri excerptum*». Грамоту см. у *Jerney J.* ц. с. I. С. 232, § 6; ср. *Szokolay*, ц. с. С. 80.

¹⁰⁹ О *Legentó*, как центре печенежских поселений, см. грамоту короля Бель IV 1230 г. аббатству св. Креста, где говорится: «*terram, quae vocatur curia regis iuxta aquam Saar et medietatem terrae Byssenorum quae dicitur Leguentou*» (*Jerney*, I. С. 233); грамота же короля Эмериха говорит о *Легенто*: «*Praedium, quod Bysseni quondam possidebant*» (там же. С. 232); о местоположении земли *Легенто* говорит грамота 1217 г. кор. Андрея: «*cuius terrae metae sic incipiunt: Prima meta incipit a metis villae Balus (Galus) iuxta Fertew locum sitae, et protenditur contra orientem iuxta possessionem Petlen vocatam, et transit ultra terram Bissenorum vsque ad colliculum, Geshelehalm vocatum*».

¹¹⁰ Грамота короля Андрея 1217 г. и булла папы Иннокентия III 1210 г. подтверждают принадлежность этой земли некогда Печенегам: «*terrain quamdam, nomine Legingthov, quam Bisseni prius incolebant*» (*Jerney*, I. С. 232), «*quod Bisseni quondam possederant*» (*Szokolay*. С. 80); о том, какой оказалась для Печенегов защита их братией монастыря св. Креста, показывает грамота кор. Андрея II этому монастырю: «*ut dicitur, res eorum indebite accipientes, praedium Byssenorum maiori ex parte ab eis tulistis fratribus, quibus praesidio esse debuistis. Vnde vobis — praecipimus, quatenus omnes terminos Byssenorum ipsis fratribus defendatis*» (*Jerney* I. С. 233). *Szokolay* замечает, что после передачи этой земли в 1203 г. монастырю св. Креста Печенеги получили другое владение «как вознаграждение» (С. 80 и пр. 78, со ссылкой на *Tagány K. Történelmi helynévgyűjtemény, Föld és Ember*, 1922. С. 230, без дальнейших подробностей). Смысл приведенной грамоты кор. Андрея II как будто опровергает возможность такого заключения. О *Legentó* см. еще у *Csánki*, III. С. 682.

уп. с 1265 г., на юго-западе от Kismarton (в нынешней Австрии)¹¹¹ и целый ряд других деревень, по названиям своим признаваемые мадьярскими учеными за печенежские¹¹².

Несколько восточнее, у нижнего течения Рабы, в самой восточной части Шопронского комитата, на границе его с Дьерским, существовала местность Аграс, жители которой были Печенеги¹¹³.

Кроме перечисленных прямых сведений о существовании печенежских поселений на западном пограничье Угрии, есть целый ряд и косвенных указаний. Подобно тому, как в русских летописях нельзя иногда различить, кого именно имеет в виду летописец под общим собирательным именем «лучников», «молоди», так и в мадьяро-латинских хрониках и грамотах часто встречаются упоминания о «*confinorum custodes*», «*speculatores*», «*sagittarii*», охранявших угорские границы. Под этими названиями скрывались и собственно мадьярская пограничная стража, и таинственные Сикулы, и, наконец, Печенеги. Показательно сравнение описаний Оттона Фризингенского и Туроца мадьяро-немецкой войны 1146 г., ведшейся на шопронском пограничье. Когда первый говорит об участии в мадьярском войске сагитареев и о поражении их Немцами¹¹⁴, второй рассказы-

¹¹¹ «Besenev» (1265), «Bechenev» и «Beseneu» (1325), «Pechynd» (1437), теперь Pötsching. *Csánki*, III. С. 623, *Szokolay*. С. 79; это, как будто, та же деревня, на которую указывает и *Jerney J.*, I. С. 235, приводящий упоминания о ней еще в 1223 и 1232 годах.

¹¹² Poffi (Pöteltsdorf), Heron (Him), Móroc (Márc), Szerdahely (Stettera), Szemere (Cemendorf), Dorog (Trausdorf), Szántó (Antau), Mayad (Margaréta), Siklós (Szieglos), Suslan (Schattendorf), Dág (Agendorf), Zván (Wandorf), Oyula (Loipersbach), Meggyes (Mörbisch), Szaka (Okkan), Sárfelek (Scharfeneck), Cseken (Wienpassing), два Ikka, Abraham-Kethida, Kóvesd (Millendorf), Kétső Pereszen (Siegesdorf), Ravazd-pusztá, Viz-pusztá, Pagya-pusztá, Ejcse (Balf), Pomogy, Márton-szalló (Kismarton), Tard, Örkény, Gyima, Szil (Ruszt), Csákan (Tundolskirchen). И реки этой области: Лайта, Вулка и Шпиттельбах носили первоначально печенежские названия: Шар (Sár), Сельег (Selyeg) и Меренье (Merenye). См. *Gyárfás*, II. С. 58, *Szokolay*. С. 79 со ссылкой на *Nagy I. A Lajta mint határfolyam, Századok*, 1871. С. 372. Все перечисленные местности находились в прежнем Шопронском комитате; в Мошонском же к печенежским поселениям относят дер. Kata (ныне Gottendorf) — см. *J. Németh*, Die Petschenegischen Stammesnamen, Ungarische Jahrbücher, 1930 X, 1/2. С. 33, пр. 3, *Csánki*, III. С. 680, *Szokolay*. С. 80, и дер. Tétény (нем. Tadtén) — см. *Csánki*, III. С. 687 и *Melich J.*, Két állótóltagos honfoglaláselőtti német helynévről [*Янош Мелух*, Два немецких названия в нашей родине, *Magyar Nyelv*, 1931, XXVII. С. 221—226. *Gyárfás* (II. С. 58) и *Szokolay* (С. 79) приводят в Шопронском комитате вместе с упомянутыми деревнями еще дер. *Kovácsi-pusztá* как печенежскую. Не является ли она славянской? «Ковач», «ков» — общеславянские слова (ср. *L. Niederle*, Život starých Slovanů, díl III, svazek I, v Praze, 1921. С. 232), тогда как в тюркских языках слова «ковач» нет совершенно, а «кова», в смысле ведра, посуды, известно лишь одному османскому языку (*В. В. Радлов*, Опыт словаря тюркских наречий, СПб., 1899, т. II, ст. 664, s. v. «кова»).

¹¹³ «Bisseni de Arpas». О древности их поселений здесь свидетельствует грамота шопронского палатина Дьюлы от 1222 г., из которой узнаем, что арпашские Печенеги пользовались в это время еще «отъ древности установленными» свободами («*quod eorum [Bissenorum] libertas ab antiqua instituta... fuisset in plurimis diminuta*»). Из того же, что эти Печенеги, лично явившись в 1222 г. к палатину с жалобами, «утрудили его такимъ количествомъ народа», можно заключить, что их в это время еще немало было в этой местности. Грамота 1222 года издана полностью у *Jerney I.* С. 233, § 7 и частично у *Endlicher*, *Reg. Hung. Monum. Arpad.* С. 419—420 («*Iulac palatini libertas firmata Bissenis in Arpas*»). Теперь это Kis-Árpás (*Szokolay*. С. 79).

¹¹⁴ *Ottónis Frisingensis. De Gesta Friderici I Imperatoris*, L. I, cap. 33, ed. *G. Waitz*, Hannov. 1884. P. 41 «*Positis in capite duabus alis, in quibus sagittarii, quatenus vim hostium eminus repellerent, erant...*»

вает о бегстве перед Немцами — Печенегов и Сикулов¹¹⁵. Другим примером может служить упомянутая выше (С. 22, пр. 112) деревня Мошонского комитата Ката (Kata), признаваемая печенежской по своему имени; как раз жителей этой деревни грамота кор. Карла 1339 г., называет «спикуляторами»: «quod nos Laurentio, Ioanni et Nicolao, spiculatoribus nostri de Katha de comitatu Mosoniensi»; из этой грамоты узнаем, что катаяские «спикуляторы» жили в этой деревне целым своим родом («ipsorum et totius generationis eorundem de eodem») и охраняли мадьярское пограничье еще со времени первых угорских королей¹¹⁶; по этим признакам катаяцев скорее всего можно отнести к какому-нибудь печенежскому роду, издавна здесь сидящему, чем к *сословию* разноплеменной стражи. Дальнейшие слова грамоты еще более убеждают нас, что в ней подразумевался кочевой народ: она определяет, чтобы и на будущие времена эти спикуляторы служили конно и оружно, как служили угорским королям и их предки в древности¹¹⁷.

Очень возможно поэтому, что еще в упоминаемых в 1044 г. на лайто-рабском пограничье сагитариях (sagittarii) надо видеть тех же Печенегов¹¹⁸; в 1047 г. те же сагитарии этого пограничья отличаются своей жестокостью, чем только побуждают к отождествлению их с Печенегами¹¹⁹.

На восточном, правом берегу Рабы, уже в Дьёрском комитате, находилась местность Besenyőtarló, уп. в 1234 г.¹²⁰; здесь же, в юго-западной части Дьёрского комитата была некогда большая группа печенежских поселений, еще существовавших в XIII ст., но затем исчезнувших¹²¹; уже в 1269 г. писалось в одной грамоте об этой местности как о некогда называемой печенежской¹²². Вся эта область в старину находилась во владении печенежского рода Тэт, т. к. с этим именем затем и будут (в 1251, 1269 и 1270 гг.) упоминаться жившие здесь Печенеги «Bissenen de Thet» и деревни: Óreg-Téth, Bessenye-Téth и современная Tétszentkut¹²³.

¹¹⁵ Thwroc II, гл. 65. С. 145 «Bissenen vero pessimi et Siculi vilissimi, omnes pariter fugerunt sicut oves a lupis, qui more solito, praebant agmina Hungarorum». Ср. Jerney I. С. 260.

¹¹⁶ «... quam in exercito servitii speculationis in finibus Teutoniae continue residentes temporibus priorum regum, piorum progenitorum nostrorum» (Jerney I. С. 254).

¹¹⁷ «ut quemadmodum eorum pragenitores antiquitus exercebant» (там же). О катаяцах как о Печенегах прямо говорит Karácsonyi, ц. с. С. 1046. О сагитариях в районе Шопрона упоминают еще грамоты: кор. Андрея II 1225 г. (Jerney I. С. 257—8), кор. Стефана V 1270 г. (там же. С. 258); грамота кор. Владислава Кумана 1277 г. передавала Луэрсских стрелков (Sagittarii de villa Luer) в самый замок Шопрон ввиду оскудения его гарнизона; сагитарии там получили все права горожан. (См. Jerney I. С. 258; самое имя деревни Luer происходит от двух мадьярских слов lő и őg, т. е. стрелковая стража; Luer находился около Шопрона (Gyárfás II. С. 57); далее о них см. в грамотах 1282 г. и 1339 г. (Jerney I. С. 254—5). О сагитариях в Вашском комитате см. грамоты 1269 и 1317 гг. (там же. С. 253—254), в Заласском — грамоту 1392 г. (там же. С. 253). Jerney I. С. 252—261 отождествлял Сикулов с Печенегами, а потому все упоминания о сагитариях и спикуляторах относил исключительно к Печенегам.

¹¹⁸ Thwroc II, гл. 37. С. 103.

¹¹⁹ Thwroc II, гл. 41. С. 107 «Tandem milites eius (бывшего короля Петра) omnes a sagittariis sunt interfecti; ipse vero vivus captus est, et obcoecatus». Ср. с дикостью и жестокостью русских Черных Клобуков — Д. Расовский, О роли Черных Клобуков. С. 107—108.

¹²⁰ «Itur ad rus Bissenorum, quod vulgo dicitur Beseneuthorlou» (Szokolay. С. 78).

¹²¹ Szokolay. С. 78.

¹²² Грамота кор. Белы IV 1269 г. (Jerney I. С. 235: «ut quamdam terram, quae olim fuit Bissenorum Theth vocatam...»).

¹²³ Melich, J. Két állítólagos honfoglaláselőtti német helynévről, Magyar Nyelv, 1931, XXVII. С. 221—226; Szokolay. С. 78; Csánki III. С. 561.

Еще севернее в Токезе (Tóköz), около Дьёра, существует деревня Bezí, ранее носившая более полное имя Bissení¹²⁴; тут же, между Réti и Lébény есть деревня Thelukbarath, которую по ее названию считают печенежской¹²⁵.

В тылу прирабских поселений Печенегов, у самого Дуная, в комитате Комарнском было также некогда большое количество печенежских поселений; может быть, они служили здесь защитой границы, когда последняя (до времени св. Стефана) не перешла еще на левую сторону Дуная, в Словакию. Здесь находим печенежскую местность Vas («Wes»), уп. в 1229 и 1297 гг.¹²⁶, а также ряд современных деревень, названия которых считают печенежскими¹²⁷. Вблизи же прирабского пограничья, в тылу его, ок. Nagy-Szöllőshöz, в западной части Веспремского комитата, находится до сих пор поселок Bessenyb-major¹²⁸.

Перейдем теперь к обозрению печенежских поселений на северном, словацком пограничье Угрии, начав свой обзор с северо-запада. До времени св. Стефана угорская граница не переходила здесь Дуная¹²⁹, и лишь в правление этого короля было положено начало проникновению Мадьяр на левый берег Дуная, в Словакию¹³⁰. Проникая, вероятно, через Остригом (мадьярск. Эстергом)¹³¹, эта мадьярская колонизация в течение XI века стала заселять течения рек: Ипола, Грона, Житавы, нижней и средней Нитры и Вага, создавая здесь укрепления против Чешского государства, а на верховьях Грона, Нитры и Вага устраивать заслоны и сторожевые посты против Польши. На этих-то пограничных линиях и будем находить поселения Печенегов.

К северу от Остригома, в верховьях р. Секеницы, притока Грона, в районе Bátorvce (в прежнем Хонтском комитате, ныне в Батовецком округе Хонтианской жупы, в Чехословакии) еще в XIII в. упоминается селение Hontbesenyőd (словацкая Pečenice)¹³².

На Гроне, по среднему его течению, у св. Креста (Svätý Kríž), находится деревня Felsőbesenyő (словацкая Dubrava)¹³³.

Много тюркских поселений было по реке Житаве, особенно по ее низовью. Здесь находим следы и Печенегов, и Берендеев, а грамоты XII—XIII вв. упоминают о конных сторожевых отрядах, с тюркскими именами отдельных конников¹³⁴. Определенно печенежские поселения известны здесь с древнейших вре-

¹²⁴ Szokolay. С. 78—79.

¹²⁵ Там же. С. 79.

¹²⁶ Теперь местечко Vas-pusztá деревни Ács на юго-западе от Комарно (мадьярск. Комаром), там же. С. 78.

¹²⁷ Haláp, Ölbő, Baj, Tarján, Usztancs, Őrs, Kajánd, Tárkány, Kocs, Tömözd, Igmánd, Csanak, Barancsháza, Tekevára, Gerebucs, Lodomér, Ete, Bolár (там же. С. 78).

¹²⁸ Там же. С. 77.

¹²⁹ Hóman B., A honfoglaló törzsek megtelepedése (Поселение занимающих родину племен), Turul, 1912. С. 103, цит. по А. Петрову, Древнейшие грамоты... С. 15, пр. 2.

¹³⁰ V. Chaloupecký, Staré Slovensko. С. 34. Халупецкий относит подчинение южной Словакии Стефаном к 1025—1039 гг., когда он отвоевал эту страну от Поляков (там же. С. 301).

¹³¹ Там же. С. 34.

¹³² Szokolay. С. 88; Soznam miest na Slovensku dla popisu ludu z roku 1919. V Bratislave, 1920. С. 29.

¹³³ Szokolay. С. 87—88, Soznam. С. 103 (округ Svätý Kríž, жупа Тековская).

¹³⁴ «Servientes in equo proprio, qui wlgó Luosicsag (lovasság — конница по-мадьярски) dicuntur»; они жили в Малых Слепчанах на Житаве. Monumenta Ecclesiae Strigoniensis, ed. Ferd. Knauz, t. I, Strigoni, 1874. С. 118—119 (1165 г.). С. 364—365 (1247 г.); ср. Chaloupecký, ц. с. С. 286, пр. 1129. Халупецкий считает эти поселения печенежскими.

мен в районе Удварда, т. е. у слияния Житава с Нитрой; впервые они упоминаются в 1075 г.¹³⁵; с 1209 г. уп. villa Beschene, ныне Zsitvabesenyő (словацкая Bešenov), Врблевского округа, Тековской жупы¹³⁶; несколько выше по Житаве находилась печенежская местность Тасар (Tazzar), уп. с 1075 г.¹³⁷, ныне дер. Tesáre (мадьяр. Bartaszár)¹³⁸, и Bessne, известная с 1298 г., ныне Barsbese (словацкая Beša)¹³⁹.

На реке Нитре была также «villa Beseneu», уп. в 1217 и 1272 г.¹⁴⁰, а несколько на запад от этой реки печенежского происхождения является дер. Récsény, уп. с 1316 г.¹⁴¹, ныне словацк. Rišňovce Dolné (мадьярск. Alsórécsény), включающая в себя отдельное поселение, до сих пор называемое Besenyő¹⁴².

О поселении Печенегов на р. Ваге есть легендарное известие, относимое ко времени князя Арпада, будто бы давшего язычнику Кетелю много земель на Дунае, при устье Вага; это известие ценно главным образом в том отношении, что указывает, что еще в начале XIII в., когда писал Аноним, сохранялась память о язычниках-инородцах, издавна здесь поселенных. Всего естественнее видеть в них Печенегов¹⁴³. Следы Печенегов на Ваге является селение Besné, на верх-

¹³⁵ Упом. в грамоте короля Гезы I: «Insuper uero dedi aliam uillam hudwordiensium bissonorum, ad arandum super eandem aquam Sitoua (Житава) cum terra septuaginta duorum aratrorum» (*Monumenta Ecclesiae Strigoniensis*, т. I, № 25. С. 54; ср. *Jerney* I. С. 247, § 20, *Chaloupecký*, *Staré Slovensko*. С. 89, пр. 356, и с. 115 и пр. 452 b, и с. 263 и пр. 1036). Об этих Печенегах упоминает затем грамота кор. Стефана II от 1124 г. Они просуществовали здесь до татарского нашествия, когда жители Удварда погибли и король Бела IV подарил эту землю немецкому рыцарю Ресселю (*Szokolay*. С. 77—78).

¹³⁶ Она уп. еще и позже, в 1264, 1272 и 1395 гг. Находилась при стыке прежних Нитранского, Комарнского и Баршевского комитатов (*Szokolay*. С. 87, *V. Chaloupecký*, ц. с. 15, где он правильно называет деревню — Bešenov, но на с. 263, пр. 1036 называет ее Ре́сене́, равно как и по карте № 3; см. еще *Soznam*. С. 105).

¹³⁷ В грамоте кор. Гезы I: «Dedi etiam uillam bissonorum ad arandum, nomine Tazzar, super Sitoua, cum terra XX aratrorum et magnam siluam uersus orientalem et meridiionalem plagam cum pratis et pascuis» (*Monum. Eccl. Strigon.* I. С. 54). Позже упом. еще в 1209, 1352 и 1565 гг. *Szokolay*. С. 87; ср. *Jerney* I. С. 246, § 16.

¹³⁸ *Szokolay* из этой деревни Тасар сделала две, из-за двух существующих сейчас одноименных деревень в Словакии: Tesáre (мадьярск. Barstaszár), рядом с дер. Млы́наны (мадьярск. Malonyá) на Житаве, о которой идет речь в предыдущем примечании, и Tesáry (Nyitra-teszér) на Нитре, в Велико-Топольчанском округе (ц. с. С. 86—87). Но в приводимой самой же Соколай свидетельстве о второй дер. Тесары определенно говорится «Tazzar, super Sitoua», т. е. на Житаве, и поэтому она не может быть отождествлена с соврем. дер. Nyitra-teszér на р. Нитре. См. еще *Chaloupecký*, ц. с. 89, пр. 356 и *Soznam*. С. 108.

¹³⁹ Уп. до 1359 г. *Szokolay*. С. 88, *Jerney* I. С. 246, § 16, *Soznam*. С. 105. *Szokolay*, с. 87, ссылаясь на *Borovszky*, *Bács vármegye monografiája* (Монография о Бачском комитате), с. 48, считает печенежского происхождения и дер. Kovácsi, уп. в 1075 году. Об этом названии см. выше, пр. 112; о славянском происхождении его — см. у *V. Chaloupecký*, ц. с. С. 270 и пр. 1065.

¹⁴⁰ «Item in Turmaskuz incipit meta a fluvio Nytra... et vadit versus Besseneu inter pratum et terram arabilem, et exit ad viam, quae ducit ad Besseneu» (*Jerney* I. С. 247, § 22; ср. *Szokolay*. С. 87).

¹⁴¹ В 1565 г. эта деревня под именем Камоса была владением некоего Реченья (*Jerney* I. С. 248, § 22; *Szokolay*. С. 87).

¹⁴² *Soznam*. С. 46, *Chaloupecký*, ц. с. С. 91 (Ре́сене́ны); на карте 3-й эта местность у Халупецкого названа Ре́сене́ды. Где-то в Нитранской области была дер. Neuerici (Neverice), уп. в 1156 г. *V. Chaloupecký*, ц. с. С. 231 пр. 901 и С. 385, предполагал в этом названии след языческого печенежского поселения.

¹⁴³ *Anonymus*, гл. 15, ed. Endlicher. С. 17—18. Ср. *Chaloupecký*, ц. с. С. 115. С. 262—3 и пр. 1034, и С. 452. *G. Fehér*, *Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen*. С. 139—140. Если признать

нем течении Вага, у дер. Mariková¹⁴⁴, а южнее — villa Byssenorum на Дудваге, уп. в 1216 г.¹⁴⁵, ныне дер. Pečeňady (или Pečňanu), мадьярск. Pecsényéd или Besenyő-rettőfalva¹⁴⁶. По языковым данным печенежского происхождения считается и местность Kosztolány, теперь Вел. Костоланы на Дудваге, по соседству с дер. Печеняды¹⁴⁷. Косвенным указанием на поселение язычников-Печенегов в повагской сторожевой линии служит упоминание о «serulcra paganorum», которое исследователи справедливо относят к поселенным здесь тюркским язычникам, в том числе и Печенегам¹⁴⁸. Эти же Тюрки скрываются и за своим профессиональным названием — военных стрелков «sagittarii», «sagittarii nostri de Wagh», о которых не раз упоминают мадьярские источники¹⁴⁹.

Выше по Дунаю, на Житном острове (по мадьярск. Csallóköz, Чаллокёз) в самом южном углу прежнего Пожоньского (Пожонь — мадьярское название Братиславы) комитата, ныне Братиславской жупы, находится ряд селений, в которых некогда жили Печенеги; такова местность Padan, о которой знаем, что в 1265 г. в ней жили «Saul et Saulum, filius Salomonis... de villa Padan, qui filii Bissenorum dicuntur», деревни Töbörete, Karcsa, Bős, Kis-Bodak, Nagy-Bodak, Várkony, Kotliba puszta и Barsunos, все — в районе нынешнего округа Дунайская Среда Братиславской жупы¹⁵⁰.

Отдельно было расположено поселение Печенегов в верховьях Вага, у г. Ружомберок — ныне деревня Vešnova (мадьярск. Besenyőfalva), некогда, вероятно, служившее сторожевым заслоном против Польши, на пути из Кракова¹⁵¹.

На этом северо-западном пограничье Угрии, на территории нынешней юго-западной Словакии, печенежские поселения были не одни: как увидим ниже, здесь, вперемежку с печенежскими, мы найдем также торкские и берендейские поселения и несколько более позднего происхождения — поселения Половцев. Все эти Тюрки одинаково несли здесь сторожевую пограничную службу.

Не встречаем, однако, следов поселений Печенегов и Берендеев на реке Мораве. Отсутствие этих Тюрков на самой западной границе Угрии, на пограничье с Чешским государством легко находит себе объяснение в недавно высказанном мнении В. Халупецкого^{151a}, что угро-чешская граница до начала XIII в. проходила по лесистым горным хребтам Малых и Белых Карпат, служивших водоразделом Моравы и Вага, и что лишь начиная с XIII века угро-чешская граница установилась по Мораве. Расселение Угрией печенежских (и берендейских) отрядов

догадку Фехера о поселении здесь Печенегов еще при князе Токсоне, то эти низовые повагские поселения их были бы самыми древними в Словакии, еще дестефановского времени.

¹⁴⁴ *Soznam.* С. 117; у дер. Марикова находится поселение, до сих пор носящее название Paganovce.

¹⁴⁵ «Dicta terra incipit ab aqua Dwdwae, ibi tenet metam cum terra ville Byssenorum». В 1379 г. уп. как «Besseneu». *Szokolay.* С. 87.

¹⁴⁶ *Soznam.* С. 55, *Szokolay.* С. 87, *Chaloupecký,* и. с. С. 88, пр. 353 (Pečeňady) и карта 3, где эта же дер. названа Pečenice.

¹⁴⁷ *Szokolay.* С. 87.

¹⁴⁸ *Chaloupecký,* ц. с. С. 85, пр. 340. С. 88, пр. 352. Известие относится к 1208 году.

¹⁴⁹ См., например, грамоты кор. Стефана V от 1272 и 1279 гг. — *Jerney* I. С. 258—259. О том, что в этих стрелках надо видеть Печенегов, см. *Chaloupecký,* ц. с. С. 83 и особ. С. 88.

¹⁵⁰ *Szokolay.* С. 88; *Soznam.* С. 6—8. Ср. *Jerney* I. С. 248, § 24.

¹⁵¹ *Szokolay.* С. 88, *Soznam.* С. 43, *Jerney* I. С. 247, § 21.

^{151a} *Staré Slovensko.* С. 76—78.

в Словакии относится к древнейшему периоду колонизации Мадырами этой страны, т. е. к первой половине XI ст., когда укреплялись течения Гроны, Нитры, Вага; в XII—XIII веках же Мадыры начали пользоваться для своих колонизаторских целей уже новым тюркским элементом — Половцами, и как раз только Половцев мы и находим на новом угорском пограничье по р. Мораве^{151б}. Таким образом, река Ваг, или, точнее, система этой реки, была тем крайним западным пределом, до которого дошло печенежско-берендейское расселение в Словакии. За пределами Угрии, в Моравии, т. е. на восточном пограничье Чешского королевства, мы уже не найдем этих Тюрков^{151в}. Туда не докатилась волна тюркского рассеяния, и чешские короли, как увидим ниже, когда являлась у них потребность в этой легкой тюркской коннице, просили о временном предоставлении им ее — у угорских королей.

Вторая большая группа печенежских поселений на северном угорском пограничье находилась по течению р. Сланы (мадьярск. Шайо) и в районе предгорий Матры и Буковых гор.

В этой группе самым северным печенежским поселением надо считать существующую до сих пор в долине р. Бадовы (мадьярск. Бадва), приток Сланы, деревню Besenyőlád (или Lád-Bessenyo) в Эделенском округе Баршодского комитата нынешней Венгрии¹⁵². Здесь же к сев. от Мишкольца, близ устья Сланы, до сих пор существуют деревни Sajó-Besenyő и Szirma-Besenyő; о давности этих печенежских поселений можем судить из того, что еще в 1336 г. здесь уп. местность Besseney¹⁵³. Между реками Сланою и Ягером (мадьярск. Эгер) уже в 1067 г. упоминаются печенежские конники, печенежский колодезь, печенежские могилы¹⁵⁴. Южнее устья Сланы, близ Тиссы, в Мезечатском округе Баршского комитата было поселение Oszlár или Eszlár, ныне Tisza-Oszlár, которое, по его названию, считают печенежского происхождения¹⁵⁵.

Восточнее, в Эгерском округе Хевешского комитата была дер. Бешеньё, в 1278 г. находившаяся во владении Печенега по имени Текме, а после его смерти перешедшая к «великопеченежской» (nagybesenyői Bessenyei) семье Тепель (Tepély)¹⁵⁶. От конца XIII в. есть сведения о дер. Burger (Buger)-Beseneu в том же Эгерском округе, у потока Laskó¹⁵⁷; около Эгера есть местность Becsenek-földe

^{151б} Там же. С. 83—84, пр. 330 и карта № 3 при той же книге.

^{151в} Ср., например, Fr. Černý, Příspěvky k historickému zeměpisu Moravy, Časopis Matice Moravské, v Brně, 1917—1918, т. 41—42. С. 1—68 и особенно С. 18—19, где идет речь о восточном пограничье Моравии.

¹⁵² Szokolay. С. 81; ср. Jerney I. С. 246, § 18.

¹⁵³ Csánki I. С. 169, Szokolay. С. 80. В дер. Szirma-Besenyő, еще в XIII в. жили Печенеги. Ср. Chaloupecký. С. 102, пр. 398.

¹⁵⁴ «Inde ad puteum Bissenorum ut tendit ad viam positam in transuersum, per quam venit ad sepulturas Bissenorum», «Summa totius numeri concluditur calculo, videlicet С. III. mansus seruorum; XXX equitus, XX Ungari et (X) Bisseni». Szokolay (С. 80—81) упомянутые здесь колодезь и могилы ищет в районе сел Sajó-Besenyő и Szirma-Besenyő, т. е. к сев. от Мишкольца, тогда как Chaloupecký (С. 102, пр. 398) относит их южнее Мишкольца, ок. Szihalom.

¹⁵⁵ J. Karácsonyi, Nehány besenyő és kún helyneveinkről (О некоторых печенежских и половецких местных именах), Magyar Nyelv, 1921. С. 211 (цит. по Szokolay. С. 80).

¹⁵⁶ Деревня опустела в пер. пол. XVII в. и снова уп. с 1675 г. (Csánki I. С. 73, Szokolay. С. 81.)

¹⁵⁷ С XV в. она уп. уже под именем Dorman или Dormánháza и ныне наз. Dormánd. Csánki I. С. 58; G. Fehér, Die Petschenegen und die ungarischen Hunnensagen. С. 140, Szokolay. С. 81.

(т. е. печенежская земля)¹⁵⁸; м. б. печенежского происхождения и названия местностей Tass¹⁵⁹ и Szározkő¹⁶⁰. В Хевешском же комитате находится еще местность Besenyszög (теперь Tiszaszög)¹⁶¹.

Еще западнее, под Матрою, печенежские поселения группировались у реки Задьвы и Тарны, в области Хатвана. Аноним рассказывает, как еще князь Арпад (а по Фехеру — Токсон) отдал земли у Матры легендарным Эду и Эдумену, от которых происходил печенежской крови угорский король Самуил-Аба¹⁶². В 1386 г. уп. у Хатвана печенежский житель Стефан из местности Норт¹⁶³. По правым притокам Тарны, в ю.-з. углу Хевешского комитата, находится целый ряд местностей, которые мадьярские ученые считают, судя по их названиям, печенежского происхождения¹⁶⁴.

Еще юго-западнее, между Дунаем и Галгой, притоком Задьвы, у южных отрогов Новоградских гор, также находим печенежские поселения, которыми как бы связывались западнословацкие, придунайские печенежские поселения с матробуковскими, образуя сплошную линию древнейшего угорского северного пограничья. Здесь, в районе Gödöllő, к с.-в. востоку от него, существовала местность Bessenew, позже наз. Besnyő-pusztai или Márga-Besnyő¹⁶⁵. Недалеко отсюда, но уже на правой стороне Дуная, около Буды, издревле существовала местность Beseneu nomine, уп. в 1214 г.¹⁶⁶ Если принять утверждение Г. Фехера, что легендарные Била и Баксу (Bocsu) были Печенегами, то в печенежских руках в таком случае в древнейшее время находилось и самое укрепление Пешт¹⁶⁷.

Третья группа печенежских поселений на северном угорском пограничье находилась в треугольнике, образуемом течением Тиссы, в Сабольчском комитате нынешней Венгрии. Граница *Uzfiu* при св. Стефане уже перешла здесь за Тиссу, простираясь к низовьям Лаборца и Латорицы, но далее на восток шла по Тиссе,

¹⁵⁸ Szokolay. С. 81.

¹⁵⁹ Z. Gombocz, Árpádkori török személynveink (Личные турецкие имена времени Арпадовичей), Magyar Nyelv, X. С. 338 (цит. по Szokolay. С. 81).

¹⁶⁰ Уп. в 1446 и 1466 гг. Находится ок. Терёлы. Szokolay. С. 81.

¹⁶¹ Там же. С. 81.

¹⁶² Anonymus, гл. 32. С. 29 ed. Endlicher «Tunc dux Arpad in silva Matra dedit terram magnam Edunec et Edumenec, ubi postea Pota nepos eorum castrum construxit, et quorum etiam progenie longo post tempore rex Samuel descendit». Ср. G. Fehér, Die Petschenegen und die ungarischen Hunsengagen, особенно с. 125.

¹⁶³ «Ad supplicationem Stephani Bissenii de Hord» — Jerney I. С. 246, § 19; Szokolay. С. 81

¹⁶⁴ Это местности: Ábony, Hanyi, Adács, Alatká, Atkár, Átány, Csány, Ecsed, Erk, Füged, Heves, Györk (или Vámosgyörk), Hatvan, Deménd, Karácsond, Kerecsend, Kömlőd, Nána, Maklar, Réde, Samd, Ugra, Vezekény и Visonta (Szokolay. С. 81—82 со ссылкой Karácsonyi J. цит. раб. Néhány besenyő és kún helynevükről, с. 211 и Magyarország vármegyéi és városai, с. 455. Об имени Маклар см. заметку J. Nemeth «Maklér» в Magyar Nyelv, 1931, XXVII. С. 145—147.) Южнее, по Задьве, в сев.-восточн. части Пешт-Пилиш-Шольт-Кишкунского комитата находится целая группа поселений с именем Káta: Szent-Lőrinc-Káta, Pusztai-Boldog-Káta, Pusztai-Egres-Káta, Pusztai-Támas-Káta, Nagy-Káta, которые относят, на основании языковых данных, к печенежским. Szokolay. С. 82, J. Nemeth, Die petschenegischen Stammesnamen, Ungarische Jahrbücher, 1930, X, 1/2. С. 33, пр. 3.

¹⁶⁵ В Пешт-Пилиш-Шольт-Кишкунском комитате. Упом. в 1387 и 1492 гг., после XV в. — пустырь. Szokolay. С. 82.

¹⁶⁶ «Praedium etiam contulit quod est circa Budam, Beseneu nomine», Jerney I. С. 248, § 23 и Szokolay. С. 82.

¹⁶⁷ Anonymus, гл. 57. С. 53 (цитату см. выше. С. 6). См. еще G. Fehér, ц. с. С. 131 и 136.

а затем по Самошу¹⁶⁸, и т. о. эти потисские печенежские поселения были почти у границы. Здесь уп. *possessio Besenywd*, известное с 1455 г., и еще другая деревня с тем же именем уп. в 1326 г., если только последняя не тождественна с первой¹⁶⁹. Кроме того, печенежского происхождения считаются, судя по их названиям, целый ряд современных деревень, расположенных преимущественно в восточной части этого комитата, у Тиссы¹⁷⁰.

Переходя к восточному угорскому пограничью, мы и здесь будем встречать печенежские поселения вблизи границы, часто — в долинах горных рек, что как будто указывает на их сторожевое значение. Восточная граница Угрии в эпоху св. Стефана шла по Самошу, захватывала западную часть Трансильвании, спускалась далее на юг к Тарду и под ним, пересекая долины Аржаньоша и Мароша, упираясь в Трансильванские Альпы у Ольты¹⁷¹.

Самым северным пунктом печенежских поселений является здесь местность Бешеньё (*Besenyő*), принадлежавшая Сент-Иобскому аббатству и расположенная по среднему течению р. Беретьё, приток Кёрёша¹⁷²; в том же бывш. Бигарском комитате (теперь Румыния), около Варада, во владении Лелесского аббатства уп. в 1211 и 1214 гг. «*Mich in Beseneu portus*»¹⁷³; по течению Шебеш-Кёрёша уп. в 1235 г. *villa Besenend*¹⁷⁴, а на Фекете-Кёрёш другая дер. *Besenyő*¹⁷⁵. Южнее, в быв. Арадском комитате (теперь Румыния) уп. в 1235 г. «*terra castri nomine Beseneu*», находившаяся на правом берегу Мароша, у предгорий Карпат¹⁷⁶; далее на восток, вверх по течению Мароша, в пределах бывш. Гуньядского комитата (нын. Румыния) существует до сих пор дер. *Bessau* (*Bessendorf*)¹⁷⁷; южнее, в прежнем Красо-Сёренском комитате у р. Караш было некогда селение *Kővespataka*, владельцем которого был Печенег Иоанн, начальник Эршомльской крепости, что как будто говорит за то, что Печенеги имели здесь свои владения¹⁷⁸; наконец, в самых Трансильванских Альпах, у прежней румыно-венгерской границы, на р. Черной, существовало поселение Печенечка (*Pecsenecska*), теперь *Csernabesenyő*¹⁷⁹.

В Трансильвании, присоединенной к Угрии лишь в течение XI века, также встречаем следы печенежских поселений. Однако возможно, что эти поселения возникли здесь не как результат колонизационной деятельности угорского государства, а еще до нее, по мере постепенного проникновения Печенегов в Трансильванию в X—XI вв.

¹⁶⁸ Karácsonyi J. Halavány vonások hazánk Szent István korabeli határaitól. С. 1049—1053.

¹⁶⁹ Szokolay. С. 83 приводит лишь известие 1455 г. о «*possessionis Besenywd vocate in Comitatu de Zaboch*», упоминаемую еще под 1591 и 1776 г. и находящуюся ныне ок. Levelex (ср. Csánki I. С. 511); а Jerney I. С. 249, § 26 относит к печенежскому поселению в Соболячском ком. современную дер. *Besenyőd*, уп. в грамоте кор. Карла I 1326 г., которую Ерней не приводит. У Szokolay нет упоминания об этой второй деревне.

¹⁷⁰ Laskod, Iklód, Őrmező, Ór-Ladány, Lővő, Tura, Varsány, Téth, Balsa, Eköcs (*Szokolay*. С. 83).

¹⁷¹ Karácsonyi J., ц. с. С. 1055—1056.

¹⁷² Csánki I. С. 604. Szokolay. С. 84. Теперь в Румынии.

¹⁷³ Szokolay. С. 84.

¹⁷⁴ Теперь это дер. Beznye, между Barátka и Nagybarod (там же. С. 83—84).

¹⁷⁵ Около Tenke, уп. в 1552 г. (там же. С. 84).

¹⁷⁶ Там же. С. 86 и карту к статье Соколай.

¹⁷⁷ Там же. С. 89.

¹⁷⁸ «*Ioannes bisseus*», там же. С. 86.

¹⁷⁹ К югу от курорта Herkules (там же. С. 86).

Древнейшее упоминание здесь Печенегов относится к 1224 г., когда они уравнивались в привилегиях с Саксонцами грамотой кор. Андрея II¹⁸⁰. По прежнему мадьярскому административному делению Печенеги встречаются в следующих комитатах: в Харомсекском (потоке Bessenу и дер. Besenczed и Besendzd, с 1332 г.), в Бестерце-Насодском (дер. Besenуѡ, Немцами звалась villa Ragano, Heidendorf), в Киш-Кюкюллёском (современ. дер. Buzás-Besenуѡ), Альшо-Фехерском (дер. Bessenуѡ), Фогарашском (дер. Besse, Bessinbach), Чикском (Lászfalva)¹⁸¹, Удвархельском (дер. Felső- и Alsó-Rákoson, где уп. в 1421 г. живущие здесь Печенеги)¹⁸².

На южном, византийском пограничье Угрии есть следы печенежских поселений между реками Савой и Дравой. В бывшем Сремском комитате (теперь Югославия), на с.-в. от Манделоса находилась местность Beseneu, где теперь Bešenevo Selo и Bešenovо monastir¹⁸³; о сремской villa Beseneu уп. грамота кор. Белы IV от 1253 года¹⁸⁴; у р. Вука, притока Дуная, уп. в 1396 г. местность Beseno, Bessenew¹⁸⁵; есть следы Печенегов и в районе Осека, в бывшем Веречёском комитате, где они упоминаются в 1196 г. платящими пошлыны местному цикадарскому аббатуству¹⁸⁶. Если же в титул Иоанна Марота, бана Мачвы: «Banus Machoviensis et Comes Bissenorum» 1406 г. можно видеть отражение действительного поселения здесь Печенегов, то это свидетельствовало бы, что еще в нач. XV в. были печенежские поселения и на правом, южном берегу Савы¹⁸⁷.

Вероятно, что поселения Печенегов, расположенные на левом берегу Дравы в Бараньском и Шомодьском комитатах и по Дунаю: в западной части бывшего Бач-Бодрогского (нын. Югославия) и в южной части Тольнского комитата до присоединения королем Андреем I (1047—1061) Сирмии, а королем Владиславом (1077—1095) Хорватии между Дравой и Савой¹⁸⁸, находились в приграничной области и служили защитой Угрии от вторжений с юга, пока ее граница еще не перешла за Драву. На это указывает как будто и древность свидетельств об этих печенежских поселениях, восходящих, вероятно, к началу XI в. Так, villa Beseneu у Дуная в б. Бач-Бодрогском комитате, уп. уже в грамоте 1093 г.¹⁸⁹; по другую сторону Дуная, около Печа (Печварада), в Бараньском комитате уп. дер. Besen в 1181 г.¹⁹⁰; к ю.-з. от Печа в 1168—1290 гг. уп. villa Vrmand(y), очевидно, также печенежского происхождения¹⁹¹; грамота кор. Белы IV говорит о владениях, некогда принадле-

¹⁸⁰ «Silvam Blacorum et Bissenorum cum aquis, usus communes exercendo cum praedictis scilicet Blacis (Половцы) et Bissenis, eisdem contulimus ut prefata gaudentes libertate, nulli inde servire teneantur» ed. Endlicher. С. 422; ср. Jerney I. С. 250, § 33, Szokolay. С. 88—89.

¹⁸¹ «Lazarfalva in Comitatu Albensi partium Transsylvanorum alias a Byssenis impopolata, multum tamen desolata», 1365 г. Кроме того, в этом комитате упоминается «vetaginta quinque mansiones liberorum Bicenorum» (Jerney I. С. 251, Szokolay. С. 89).

¹⁸² Csánki V. С. 869—870; Szokolay. С. 89.

¹⁸³ Csánki II. С. 241; Szokolay. С. 90.

¹⁸⁴ Jerney I. С. 250, § 28.

¹⁸⁵ Szokolay. С. 90.

¹⁸⁶ Грамота лишь подтверждает другую, более раннюю, кор. Гезы II (1140—1160), Jerney I. С. 267; Szokolay. С. 90.

¹⁸⁷ Jerney I. С. 263.

¹⁸⁸ Karácsonyi J., ц. с. С. 1057.

¹⁸⁹ Szokolay. С. 82.

¹⁹⁰ В 1266 г. она же уп. как Bezen. Szokolay. С. 76.

¹⁹¹ Csánki II. С. 513, L. Rásonyi Nagy, Orman, Magyar Nyelv, XXIV, 1928, отд. отт. С. 13.

жавших Печенегам около Могача на Дунае, которые в 1238 г. передавались фейерварским крестоносцам; оставаясь жить на прежних местах, Печенеги должны были подчиняться новым владельцам их земли¹⁹²; вероятно, от этих Печенегов сохранилось также упоминаемое еще в 1335—1467 гг. poss. или *terre Orman(d)* или *Wtmand* к ю.-з. от Могача¹⁹³; здесь же, в юго-западном углу Бараньского комитата, близ реки Дравы, находилась целая область, носившая название Орман (или Урман), вероятно от некогда бывшего здесь леса, т. к. *орман* по-турецки значит 'лес'¹⁹⁴. Выше по Дунаю, в с.-в. углу Бараньского комитата, на границе с Тольнским существовала дер. *Beseneu*, упоминаемая в 1346 г.¹⁹⁵. Здесь же, в ю.-в. углу Тольнского комитата, у Дуная, находится местность *Báta* (и *Bátaszek*), печенежское население которой восходит, как кажется, ко времени св. Владислава (1077—1095), если не раньше¹⁹⁶. На бараньско-тольнском пограничье находилась и *terra Bissenorum de Nadasth*, уп. в 1233 г.¹⁹⁷; в с.-з. углу б. Бач-Бодрогского комитата (той его части, которая осталась за современной Венгрией), к сев. от Байя (Баја), существовала местность *Besene*, *Besenew*, уп. в 1391 г.¹⁹⁸

Возле самой Дравы, у речки Фекете (*Fekete viz*), в Шиклошском округе Бараньского комитата находятся до сих пор две деревни *Besene* и *Bisse* (*Bese*)¹⁹⁹. На основании же названий считаются печенежского происхождения местности: *Kis Budmér*, *Nagy Budmér*, *Béllye*, *Kátoly*, *Vosian*, как и прежнее название реки Фекете — Окор²⁰⁰. Западнее, в Шомодьском комитате к таким приграничным печенежским поселениям следует отнести уп. в 1091 г. *Pincinaticorum villa*, которую ищут на притоке Дравы — Риньи (*Rinya*), к ю.-в. от *Nagy-Atád*, где теперь находится дер. *Rinyabessenyo*²⁰¹.

В тылу дравского пограничья существовала небольшая группа печенежских поселений у Балатонского озера, к югу от него, в пределах того же Шомодьского комитата. Здесь уп. в 1298 г. *terra Besenew*²⁰², теперь *Fehér* (Бело-) и *Fekete* (Черно-) *Bezseny puszta* (Печенежский пустырь) у *Lengyeltóti*²⁰³; *Beseny Zent Gyerg* (*Beseny-Szent-György*), упоминаемая с 1303 г. и находящаяся на с.-з. от *Marczali*, ныне *Balaton-Szent-György*²⁰⁴; *Beseneumal* (*Besenyőmál*), уп. в 1229 г. и *Beseneuvta*

¹⁹² «Item concessimus eidem Domini terram, quam habebant Bisseni in terra de Narad, ipsosque Bissenos, de beneplacito, et voluntate sua, eidem domui dimisimus, iuxta libertatem ipsorum seruituros». *Jerney* I. C. 245—246; ср. *Szokolay*. C. 76.

¹⁹³ *Csánki* II. C. 513, *L. Rásonyi Nagy*, ц. с. C. 13.

¹⁹⁴ В 1257 г. уп.: «possessionem Samud nominatam, existentem inter Drawam et Vrman in Comitatu de Borona cum tredecim villis, que sub una meta includuntur». *L. Rásonyi Nagy*, ц. с. C. 13.

¹⁹⁵ Poss. *Besseneu*, quae est in *Bata* in comitatu de *Barana*. *Csánki* II. C. 473, *Szokolay*. C. 76.

¹⁹⁶ *Szokolay*. C. 74.

¹⁹⁷ *Csánki*. C. 410, *Szokolay*. C. 75.

¹⁹⁸ Теперь *Kis-Besenyő puszta* и *Nagy-Besenyő puszta*. В 1425 г. уп. об одной печенежской семье, здесь жившей. Но в 1628 г. — уже пустырь. *Csánki* II. C. 194, *Szokolay*. C. 82—83.

¹⁹⁹ *Jerney* I. C. 245, *Szokolay*. C. 76.

²⁰⁰ *Jerney* I. C. 246, *Szokolay*. C. 76.

²⁰¹ Наличие неупотребительного в средневековой Угрии наименования Печенегов Пацинаками объясняется здесь франкским элементом в Шомодьском аббатстве, откуда вышла грамота 1091 г. Позже, в 1193 г. эта местность будет упоминаться уже в мадьярской терминологии «*villa Bessenorum*» *Jerney* I. C. 249, *Szokolay*. C. 76—77, *Csánki* II. C. 593.

²⁰² В 1335 г. уп. как «*Possessio Beseneu iuxta Balatinum*».

²⁰³ *Csánki* II. C. 593, *Szokolay*. C. 77.

²⁰⁴ *Csánki* II. C. 643—644, *Szokolay*. C. 77.

(Besenyő-uta), уп. в 1279 г. у р. Капош²⁰⁵; по своему названию печенежского происхождения считают дер. Értemlak²⁰⁶.

Значительно меньше находим в Угрии следов *торкского* рассеяния. С большей или меньшей уверенностью можно указать лишь на следующее.

На западном пограничье, среди печенежских поселений Шопронского района встречаем местность Torkosfertes (нын. Wörthenstein)²⁰⁷; на Житном острове в 1309 г. уп. possessione de Torch uocata²⁰⁸ — ныне дер. Torcs Шамаринского округа Братиславской жупы²⁰⁹; в северной Словакии, на верховьях Тарца, на пути из Угрии в Польшу и Галицкую Русь уп. в 1248 г. дер. Torkow²¹⁰; а восточнее, в нын. Сечевском округе Землинской жупы у Требишова до сих пор существует дер. Torkoš²¹¹. Таким образом, все известные нам следы Торков находятся на северном угорском пограничье (за исключением одного — у р. Лайты); никаких исторических свидетельств о проникновении Торков в Угriu у нас нет; остается только на основании имеющегося в нашем распоряжении материала по топографической номенклатуре предположить, что Торки, в очень небольшом количестве в эпоху разгрома племени, т. е. в сер. XI ст., через Карпаты и долиной Тиссы проникли в Угriu и затем были здесь расселены Мадырами в виде сторожевых постов на путях из Руси, Польши и Чехии²¹².

²⁰⁵ Szokolay. С. 77.

²⁰⁶ Szokolay. С. 77.

²⁰⁷ Gyárfás II, С. 58; Szokolay. С. 79.

²⁰⁸ Monum. Eccl. Strigoniensis II. С. 598—599; Marcellus de Torcha уп. уже в 1299 г. (Там же. С. 475).

²⁰⁹ Soznam. С. 14.

²¹⁰ По-мадярски наз. Tarkó, теперь — Kamenica, Липианского округа, Шаришской жупы. V. Chaloupecký, Staré Slovensko. С. 105, прим. 410; Perfecký, Sociálně-hospodářské poměry Podkarpatiské Rusi ve století XIII—XV, v Bratislavě, 1924. С. 104; Soznam. С. 92.

²¹¹ Soznam. С. 141.

²¹² Интересно отметить, что как в Словакии, так и в собственно мадярской земле встречаем поселения с именем Uz, т. е. византийским названием Торков: Úszfalva (словацк. Usovce, Сабиновского округа, Шаришской жупы, в 7 км от г. Velký Šarš и г. Sabinov, см. Soznam. С. 97 и ср. J. M. Korabinsky, Geographisch-Historisches und Produkten Lexikon von Ungarn, Pressburg, 1786. С. 800 s. v. Ussfalwa; за неимением под руками Codex Diplomat. Hung. G. Fejér'a, не могу сказать, эта ли деревня уп. в 1383 г., судя по Index M. Czinár'a. С. 470); Uzlar, земля около г. Буды, уп. в 1259 г. и Uzlar местность в Шомодьском комитате, уп. в 1279 г., Uzahazhegye, местность ок. Буды, уп. в 1212 г. (о всех трех по M. Czinár, Index Alphabeticus. С. 470; ср. Geza Kuun, Codex Cumanicus, Prolegomena, p. LXXXIII); болото Uzh, уп. в 1289 г. в Пешт-Пилиш-Шольт-Кишкунском комитате (Ortvay, Magyarország régi vízrajza [Гидрография древней Угрии] т. II. С. 304), portus Uz, уп. в 1261 г. в Сольнок-Добокском комитате (Ortvay, ц. с. II. С. 304); деревня Ozlar (Huzlar), на ю.-в. от Темешвара, уп. в 1400 г. (Csánki II. С. 55), поток Uzar и деревня Uzman в Темешском комитате (A. Pesty, Magyarország várispánságok története [История градских жупаний Угрии]. С. 501) ряд местностей с тем же названием (Úzpatak, Uzon, Uzonka) находим и в Трансильвании (Orbán, Székelyföld, I. С. 214. О последних восьми названиях мне любезно сообщил Dr. László Rásonyi Nagy). Кроме того, в угорских грамотах встречается и ряд лиц, носивших имя Uz: Uz, villanus de Doragh 1223 г., Uz, pater de Uza 1299 г., familiae de Uz compositionales 1371 г. и многочисленные nobiles de Uz, Uza (по M. Czinár, цит. указатель с. 469—470). Не берусь судить, происходят ли приведенные поселения от личного тюркского имени Уз или же от имени того племени, которое на Руси было известно под названием Торков, а в Византии — Узов.

Более сохранилось следов о пребывании в Угрии Берендеев²¹³. Больше всего их в Словакии, затем на восточном пограничье Угрии. Судя по следам их расселения, можно думать, что они проникали в Угрию через южные Карпаты и поселялись гл. об. на северном и восточном ее пограничье²¹⁴.

В Словакии берендейские поселения находим между Вагом и Моравою (но входившая, вероятно, в вагскую, а не моравскую сторожевую систему), в районе Мыйявы, где до сих пор существуют дер. Berencsbukócz (словацкий Bukovec) и Berencsváralja (словацкий Podbranč), обе ближе к Brezová, Мыйявского округа, Нитранской жупы; возле них, в Сеницком округе той же жупы находится дер. Berencsrópa (словацкая Rovensko)²¹⁵. Здесь некогда был замок — castrum Berench (возле упомянутой дер. Berencsváralja — Podbranč), известный уже в 1297 году; в 1401 году он стал королевским замком — castrum regalis и существовал до XIX столетия²¹⁶.

²¹³ На прилагаемой к настоящей работе карте некоторые из приводимых ниже берендейских поселений не могли быть помечены, т. к. были найдены мною уже после отпечатания карты.

²¹⁴ Z. Gombocz, J. Melich. Lexicon crítico-etymologicum linguae Hungaricae. С. 368—369 s. v. Bērený дают сводку (неполную) упоминаний этого таинственного для мадьярской топонимики слова в пределах Венгрии, различая два варианта: Berencs и Berend. Оба эти названия авторы словаря ставят в связь с несколько более распространенным местным названием Berény; происхождение же последнего слова считают неизвестным. Первым же, как я упомянул выше (пр. 67), кто указал на тождество мадьярского имени Berend с русскими летописными Берендеями был Béla Kossányi (в своей статье Az úzok és kománok történetéhez a XI—XII sz., Századok, 1924). Но Б. Кошаньи, указав лишь на Berend, не коснулся слова Berény; мадьярским филологам предстоит выяснить, можно ли и слово Berény поставить в связь с русскими Берендеями. Не безынтересно отметить, что в Угрии, как и на Руси, было два варианта для названия того же племени: Берендеи и Берендичи, Berend и Berencs. Ниже мною будут привлекаться из мадьярских источников собственные имена только в этих двух последних формах, покуда самая связь формы Berény с Berencs и Berend не является прочно установленной.

²¹⁵ Все три в Soznam. С. 47 и 59.

²¹⁶ На прямой линии между словацкими Nové Mesto nad Váhom и Skalica на реке Мыйяве. О нем см., например, у G. Fejér, Codex Diplomaticus Hungariae, t. X, vol. VIII. С. 142—149; V. Chaloupecký, Staré Slovensko. С. 81 и пр. 322; С. 237 и пр. 926; J. Korabinsky, Geographisch-Historisches und Produkten Lexikon. С. 50; F. V. Sasínek, Bránecký hrad v Slovenský letepis pre históriu, topografiu, archaeológiu a ethnografiu, III. С. 286—290, v Skalici, 1879; Ladislav Pauliny, Dáta k dejepisu hradu bráneckého, Slovenské Pohľady, 1888. С. 63—70, 76—79; Revai Nagy Lexikona, т. 3 (1911 г.) С. 143, s. v. Berencsváralja. Теперь этот замок в развалинах. Словацкие ученые L. Pauliny и F. V. Sasínek, а за ними V. Chaloupecký, объясняли происхождение как упомянутого замка, так и остальных словацких местностей того же имени от славянского слова «brana», ворота; V. Chaloupecký утверждал, что как замок Бранч, так и сходные с ним по имени местности указывают на присутствие там ворот у сторожевых засек и что т. обр. мадьярское Berend, Berenč является лишь искажением славянского Berenč, а не наоборот. Не имея возможности по некомпетентности обсуждать этот вопрос со стороны филологической, укажу лишь, что было бы в таком случае крайне затруднительно объяснить такую скудность поселений в районе Нитры с именем Berenč, если производить это слово от brana — ворота, когда сам Халупецкий указывал на существовавшую тенденцию, в силу причин стратегических и пошленных, сводить количество таких ворот до минимума (Staré Slovensko. С. 72), так же как необъяснимо было бы наличие местностей с этим же именем в комитатах Шомодьском или Тольнском, далеких от словацкой засечной системы. Наконец, есть прямые указания (о них ниже) на связь имени Беренд с тюркским родовым именем Каранч (Karancs). Две заметки на эту же тему мадьярских ученых — Tagányi в Magyar Nyelv IX. С. 259 и Nagy Géza в Turul IX. С. 115, мне остались недоступными, а János Melich в своей работе A honfoglalás kori Magyarország (Угрия во время занятия ее

На р. Нитре известно «possessione Berench», упоминаемое в 1283 г.²¹⁷, очевидно — нынешняя дер. Berenč под гор. Нитрой, на реке Нитре²¹⁸. Здесь же наряду с Беренч существовали еще три деревни того же имени — Большой и Малый Беренч (Nagy-Berench и Kis-Berench), уп. в 1435 г.²¹⁹, и Нижний Беренч (Also-Berencs), уп. в 1287 г.²²⁰. О древности поселения нитранских Берендеев можно судить по грамоте 1156 г., которая уже упоминает «in pagotchia nitriensi» местность Brensi²²¹. Выше города Нитры, в районе устьев Бебравы и Нитрицы, недалеко от Топольчан, была также местность Berench, уп. в 1244 г.²²²

Мадьярами), A Magyar Nyelvtudományi Kézikönyve, I, 6 (1926). С. 82—83 и 202—203 считает, что старославянское *brānā в мадыарском языке переходит в borona, тогда как словацкое Branč восходит к мадыарскому Barancs (тюркизм этого слова Melich не исключает), а словацкое Berenč — к мадыарскому Berencs. Уже после того, как настоящая работа была набрана, я ознакомился со статьей L. Rásonyi Nagy, Török eredetű helynevek (Тюркские местные названия), напечатанной в Nyelvtudományi Közlemények, т. XLVI (1923—1927); в ней автор, среди других названий, разбирает также и Börgönd, Bergengye (С. 3—4 отд. оттиска) — названия двух мадыарских деревень в Фейерварском и Бараньском комитатах, производя эти названия от личного тюркского имени Bergen, которое, в свою очередь, сближается с распространенным в Венгрии собственным именем Beren. От Beren же Rásonyi Nagy производит и Berény, и Berencs, и Berend. Интересуясь лишь словом Bergen, Rásonyi Nagy в этой статье и не ставил вопроса о связях русских Берендеев с Berény. Беглое замечание о несомненном тюркизме собственного имени Berény см. еще у Gy. Németh, Maklar, Magyar Nyelv, т. XXVII (1931). С. 147, сопоставляющего его с каракиргизским именем Беш-Берен, то есть с тем самым, на которое указывал и Аристов (см. выше, пр. 61), сближавший его с именем летописных Берендеев.

²¹⁷ «Ad vniuersorum noticiam tenore presencium volumus peruenire, quod Nicolaus, filius Johannis, de genere Lupolnuk, ad presenciam nostram accendens, terram trium aratrorum de possessione sua, Berench uocata, in comitatu Nitriensi existente, pro decem marcis argenti sibi ad plenum salutis se confessus est uendidisse Bathur, filio Mathou de Zeieus, coram nobis personaliter constituto, et eius posteritatibus, perpetualiter et pacifice possidendam, in vicinitate et commetaneitate terrarum Cethen et Taran dictarum...» (Monum. Eccl. Strigoniensis. II. С. 171, № 150, 1283 г. Уп. дер. Cethen и Taran — нын. Cítűň (мадыарск. Csétény) и Taráň также находятся ниже г. Нитры (Soznam. С. 49, 51). Интересно, что владение Беренч продается некоему Батуру, безусловно Тюрку, судя по имени (о тюркском происхождении этого имени см. у Gombocz Zoltán, Árpádkori török személyneveink, Magyar Nyelv, 1915. С. 435).

²¹⁸ Soznam. С. 49; ср. Korabinsky. С. 50, s. v. Berensch, Révai Nagy Lexikona, т. 3. С. 143, s. v. Berencs.

²¹⁹ Codex Diplomaticus Hungarie, ed. G. Fejér, т. X, vol. 7. С. 687, 1435 г.: «ac primo et principaliter metas dictae possessionis Cheten, alias tres possessiones Nobilium Archiepiscopatum in fine eiusdem possessionis Cheten, adiocentes includendo a partibus possessionum dicti Magistri Stephani Syluestri et Viti, filiorum eiusdem Stephani, Livveky Arkos, Berench, alio nomine Nagyfalú, nec nos Nagy-Berench et Kis-Berench, alio nomine Kisfalú vocatarum...» Упоминаемый здесь магистр Стефан, м. б., был Берендеем («Magistro Stephano filio Gregory de Berench» ib.. С. 687). Этот Стефан сын Григория из Беренч уп. еще перед тем в 1393 и 1409 гг. Там же, т. X, vol. 2. Р. 121 и т. X, vol. 4. Р. 721.

²²⁰ «Gerolth [de Kurus] quosdam possessiones suas, vnam scilicet inferiorem Berench vocatam ab utraque parte fluvij Nitrie sita...» Monumenta Eccl. Strigoniensis, II. С. 226, 1287. Ср. Cod. Dipl. Hung. ed. G. Fejér, т. VII. vol. 2. Р. 116—117; об этой же местности еще см. Monum. Eccl. Strig. II. С. 454 (1298 г.) и С. 465 (1299 г.).

²²¹ Monumenta Eccl. Strigoniensis, I. С. 108, «brencu ultra aquam», V. Chaloupecký, Staré Slovensko. С. 231, пр. 901. Неизвестно, к какой именно из вышеперечисленных местностей относится это самое раннее упоминание о Беренче. Во всяком случае перечисление ее в одной группе с Molenta (нын. дер. Dolná и Horna Malanta), находящейся в 4 км от г. Нитры, указывает, что Беренч была расположена где-то поблизости г. Нитры.

²²² V. Chaloupecký, ц. с. С. 91 и пр. 363 со ссылкой на Codex Diplomat. Fejér, т. IV, vol. 1. Р. 348, Этот том Кодекса мне не был доступен.

Далее на восток, под Рудными горами, у истока одного из правых притоков Ипола, около гор. Kúpina находится дер. Preňčov, мадьярское название которой — Berencsfalu (falu = деревня), Крупинского округа Хонтианской жупы, в Чехословакии²²³, а на одном из левых притоков Ипола, в районе Нограда (Nógrád) Хонтского округа, Ноградского комитата, в Венгрии, есть местность Berenta или Birincsof (она же Borsos-Berenke, Borsos-Berente или просто Bereny, Berin), известная уже с 1282 г.²²⁴ Несколько восточнее, у Ипола, в районе Szécsény в том же Ноградском комитате уп. в 1335 г. местность Berendefelde или Berendfeulde²²⁵.

Среди другой группы печенежских поселений — в районе Буковых гор, по р. Слане (Шайо), в Баршодском комитате, находится дер. Berente, уп. в 1454 г.²²⁶, а поблизости от нее, между р. Сланой и островом Borsokyos, около Мишкольца, но в Абай-Торнском комитате — другая деревня Berencs²²⁷.

Еще восточнее, в углу, образуемом течением Тиссы, где находится третья группа печенежских поселений на северном угорском пограничье, в северной части Собољчского комитата, именно — в Кишвардаском (Kisvárdai) округе, находится также дер. Berencs²²⁸.

На восточной границе Угрии, по течению Самоша, около города Сатмар-Немети (Szatmár-Németi) существует до сих пор дер. Berencze (она же Babosesty)²²⁹; кажется, к ней относится упоминание в грамоте 1430 г.²³⁰ В бывш. округе Nagy-Bánya того же Сатмарского комитата на зап. от г. Szinyér-Váralja (ныне Румыния) находим дер. Berend, уп. в 1463 г.²³¹; поблизости от последней находилось Berendmező (mező — по-мадьярски поле), уп. в 1490 г., где ныне дер. Berencze (Berenczét), на юг от Nagy-Bánya, в округе Kővárkölcse, того же бывш. Сатмарского комитата (теперь Румыния)²³²; еще восточнее, в бывш. комитате Бестерце-Насод есть дер. Berendest или Berenfalva²³³. На ю.-з. отсюда, около Коложвара в 1423—1501 гг. уп. дер. Berend²³⁴. В бывш. Арадском комитате, в округе Borosjenő у Фехер-Кёрёша до сих пор существует валашская деревня Berendia²³⁵. Еще южнее, у замка Hodos, где-то на границе бывших Темешского и Красовского комитатов, упоминается в 1471 г. дер. Berendefalva²³⁶.

²²³ *Soznam*. С. 31, *Révai Nagy Lexikona*, т. 3. С. 143, s. v. Berencsfalu.

²²⁴ *V. Chaloupecký*, *Staré Slovensko*. С. 96 и пр. 382; в 1291 г. она уп. под названием Berenche, *Monum. Eccl. Strigon.* II. С. 301; *Csánki*, I. С. 95 считает первые упоминания об этой местности относящимися лишь к 1393 г., тогда как более древние свидетельства относит к другой одноименной деревне, современной Karancs-Berény.

²²⁵ *Csánki* I. С. 95.

²²⁶ *Csánki* I. С. 169, *Korabinsky*. С. 50.

²²⁷ *Korabinsky*. С. 49; у *Csánki* I. С. 204 эта местность определяется как лежащая на юго-зап. от Forró; упом. в 1427—1490 гг.

²²⁸ Упоминается в 1430 г. *Csánki* I. С. 511; ср. *Korabinsky*. С. 50.

²²⁹ *Korabinsky*. С. 49, *Révai Nagy Lexikona*, т. 3. С. 143, s. v. Berend.

²³⁰ *Codex Diplomaticus Hungariae*, ed. *Fejér*, т. X, vol. 7. С. 307.

²³¹ *Csánki* I. С. 471, *Korabinsky*. С. 49. Там существовала семья Berendi, уп. в этом году, *Csánki* I. С. 491.

²³² *Csánki* I. С. 471, *Korabinsky*. С. 49: «in Köwarer Distrinkt an den Marmaruscher Gränzen 2 M. von Nagybánien O. So 1 M. von Rapnik-Bánya, W. an Gebirge Rapnik».

²³³ *Jerney J.*, *Keleti utazása*, I. С. 164.

²³⁴ *Csánki* V. С. 334.

²³⁵ *Korabinsky*. С. 49.

²³⁶ *Csánki* II. С. 27.

На южном пограничье Угрии, вблизи придравских печенежских поселений находим также следы поселения Берендеев: в 1347—1493 гг. уп. poss. Berench, принадлежавшая в это время роду Домбаев. Теперь это пустырь на с.-з. от Szigetvár²³⁷.

На западном пограничье, близ Zalalövő (на сев.-вост. от него), т. е. близ самой границы, было поселение Berend, уп. между 1332—1513 годами. Об этой местности есть прямое свидетельство, что она в 1513 году принадлежала благородным землевладельцам (дворянам) Балажу и Петеру Берендеям²³⁸; теперь это селение называется Bögönd. Несколько восточнее, к северу от Балатонского озера, около гор. Devecser (на ю.-зап. от него), близ существовавшего здесь печенежского поселения Bessenű-majog, была и местность Beren(d) «ad Balatinum» (в западной части Веспремского комитата), уп. в 1256 г.²³⁹

Наконец, в Дьёрском комитате существовало поселение Berenth, уп. в 1500 г.²⁴⁰

Для полноты картины этнографической пестроты угорских приграничных областей уже до татарского нашествия добавим, что мы находим здесь не только Печенегов, Торков и Берендеев, но еще и Половцев, Русских, Сикулов, Немцев.

Половцы как поселенцы впервые упоминаются в Угрии в 1232 г., под Матрою²⁴¹. То обстоятельство, что древнейшие половецкие поселения находим в северной Угрии, и притом название Половцев встречается там не в обычной для Мадьяр со втор. пол. XIII века форме Куны или Куманы, а в форме Палоц (Palóc), приводит к заключению, что первые половецкие поселенцы Угрии пришли через Русь и стали известны Мадьярам в русском их названии²⁴². Проникновение Половцев в Угрию совершилось в первой пол. XII в., а м. б., и еще раньше, на рубеже XI—XII вв.²⁴³. Больше всего их было под Матранскими горами²⁴⁴, но также сидели они и в других местах словацкого пограничья Угрии²⁴⁵. В 1132 году половецкий отряд уже встречается в чешском войске²⁴⁶, как справедливо считают чешские историки — предоставленный Чехам Мадьярами²⁴⁷.

²³⁷ Csánki, II. C. 591.

²³⁸ Berendi Balázs и Berendi Péter. Csánki, III. C. 35.

²³⁹ Fejér, Cod. Diplom. Hung. IV, 2. C. 403 (цит. по указателю M. Czinár. C. 42, s. v. Beren); Csánki III. C. 222, Korabinsky. C. 49.

²⁴⁰ Принадлежало Хедерскому замку (Héder-vár), Csánki III. C. 546.

²⁴¹ «Abbatia de Beel Trium fontium B. Mariae Virginis Assumptae (alios Trium fontium de Beet Cumanorum) Agriensis Diocesis, fundata 1232», — «Abbatia B. M. V. in coelos Assumptae trium fontium de Beel seu Apatfalva» (Jerney J. A' palócz nemzet és Palócz-krónika, Magyar Történelmi Társ. I, Pesten, 1856. C. 26—27).

²⁴² J. Melich считает, что переход слова «Половец» в «Palócz» мог совершиться лишь через промежуточное звено — словацкое «Plavec». Об этом см. у Josef Škultéty, Plavecký zámek (Slovenské Pohľady, 1914, roč. XXXIV. C. 253) со ссылкой на J. Melich, Szlav jövevényszavaink, 1903, I, 1. C. 156—162.

²⁴³ Ср. P. Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn, Bud. 1877. C. 236—237, V. Chaloupecký, Staré Slovensko. C. 103, 252.

²⁴⁴ Перечень половецких поселений в районе Матры у Jerney, A' palócz nemzet és Palócz-krónika. C. 67—68.

²⁴⁵ V. Chaloupecký, ц. с. C. 83—85, 106, 252; J. M. Korabinsky, Geographisch-historisches Lexikon. C. 510; Soznam. C. 92. Ср. П. Голубовский, Половцы в Венгрии, Киевск. Университетские Изв. 1889 г. декабрь. C. 50—52.

²⁴⁶ «homines inhumanos et paganos, Boemos videlicet ac Flavos, qui vulgari nomine Valwen (немецк. назв. Половцев) dicuntur», Bibliotheca Rerum Germanicarum, ed. Ph. Jaffé, t. V, 1869. C. 446—7.

²⁴⁷ V. Novotný, České Dějiny, d. I. sv. II, 1913. C. 621.

Следы поселения Русских находим на всех пограничьях Угрии²⁴⁸: и на северном, вблизи Матры, где сидели и «Палоци»²⁴⁹, и на западном, в Мошонском комитате, по соседству с Печенегами²⁵⁰, и на восточном, недалеко от живших там Берендеев²⁵¹ и, наконец, на южном, у Дравы²⁵². Как убедительно показал в своей последней, предсмертной работе покойный А. Л. Петров²⁵³, эти Русские были именно поселенцами, военными колонистами — из пленных или переселенцев из Руси, а не аборигенами или выходцами из Подкарпатья, которое в это время — XI—XII вв. — еще было «ничьей» и почти безлюдной землей.

Кроме уже перечисленных тюркских поселений, которые можно скорее считать по- или приграничными, существовал в Угрии и целый ряд печенежских и несколько берендейских поселений (о торкских сведений нет) внутри страны, которые, в отличие от первых, можно назвать внутренними. Их было несколько групп: фейерварско-тольнская, или шарвизская, кемейская, западнокёрёшская и чанадская (или, точнее, аранкская).

Самой большой из этих внутренних групп, да, пожалуй, и самой большой из всех угорских печенежских групп вообще, является фейерварско-тольнская, рас-

²⁴⁸ О поселениях Русских вообще в Угрии см. у *Анонима*, гл. 10; сводку толкования этого места см. у *Петрова*, ц. с. С. 24—26; о несении Русскими пограничной военной службы наравне с Половцами и Ясами см. декрет кор. Владислава II, 1428 г., там же. С. 66 и пр. 5.

²⁴⁹ Здесь до сих пор существует деревня Nagy Oroszi (Velký Oros по-словацки) в восточной части Ноградского комитата. Магьярский историк Н. Иштванфи (1538—1615) по поводу происхождения этого «oppidum Ruthenorum, quod Orasfálvam (falu по-магьярски — деревня) vocant» пишет: «ante quadringentos annos Colomanus rex Pannoniae deductis e Ladomeria et Galicia, Russorum provincia, colonis, condiderat, lege lata» (*N. Istvánffy*, *Historiarum Regni Hungarie*, цит. по *V. Chaloupecký*, *Dvě Studie*. С. 35, пр. 86. Ср. *А. Петров*, *Древнейшие грамоты*. С. 62—63). Не были ли подматранские Палоци поселены вместе с этими Русскими, откуда было бы вполне ясно и русское наименование этих Половцев? Русские не раз в конце XI—нач. XII ст. совершали походы на Польшу и Угрию вместе с Половцами, хотя о каком-либо поражении при кор. Коломане (1095—1116) Русских и расселении пленных по Угрии, как то сообщает Иштванфи, ни в магьярских, ни в русских современных источниках ничего не упоминается.

²⁵⁰ Dux vero Zulta... in eisdem partibus dedit castrum construere Ruthenis, qui cum Almo duce auo suo in Pannoniam uenerant, et in eodem confinio ultra lutum Musun collocavit eciam Bissenos...» *Anonymus*, гл. 57, ed. *Endlicher*. С. 53. В грамотах Oroszvár или Orosfalva (orosz по-магьярски — русский, vár — замок, falu — деревня) уп. с 1208 г. Он находился на правом берегу Дуная, ниже Братиславы, в Мошонском комитате, см. *А. Петров*, ц. с. С. 64, *V. Chaloupecký*, *Dvě Studie*. С. 35 и пр. 86. Петров высказывал предположение, не относится ли поселение здесь Русских к половине XI в. в связи с браком кор. Андрея (1046—1061) на дочери Ярослава Мудрого. Для правильности надо только заметить, что нам неизвестно, на ком был женат Андрей, кроме как только то, что жена его была русской. Более точная персонификация его жены — плод позднейших комментариев.

²⁵¹ В 1217 г. в район Сатмара уп. замок Kraszna (Красный) с русскими свободными военными поселенцами: «Castrenses de Carasna... dixerunt se esse liberos et genere Ruthenos»; в 1220 г. уп. villa Uruz в Бихарском комитате (теперь дер. Oroszi), см. *А. Петров*, ц. с. С. 65—67, *V. Chaloupecký*, *Dvě Studie*. С. 38 и пр. 96; *его же*, *Staré Slovensko*. С. 223, пр. 874 и 875. С. 274—275. Оба автора подчеркивают военно-сторожевую службу этих русских поселенцев.

²⁵² В 1267 г. уп. в одной грамоте, у р. Дравы «meta separat Ruthenis existentibus iuxta aquam Ozna», *А. Петров*, ц. с. С. 67, пр. 2. Не берусь судить, связано ли возникновение этого поселения с приходом в 40—50-х гг. XIII ст. из Руси князя Ростислава, сына Михаила Черниговского, ставшего баном Славонии, или же это поселение более раннего происхождения.

²⁵³ *А. Петров*, ц. с., особ. С. 6 и след. С. 60 и след.

положенная между Дунаем и Балатонским озером, по течению реки Шарвиз, в южной половине Фейерварского и северной — Тольнского комитатов. Эти поселения служили здесь защитой столицы *Угрии* Арпадовского времени — «Стольного Белгорода» — Секеш-Фейервара (Székes-Fejérvár), к югу от которого они были расположены, подобно тому как главная масса русских Черных Клобуков защищала с юга подступы к стоальному Киеву со стороны степей. О большом количестве шарвизских Печенегов свидетельствуют как грамоты, прямо упоминающие здесь Печенегов, так и многочисленные поселения, названия которых говорят об их печенежском происхождении.

Таковы: Alap (уп. с 1352 г.), Bacs (1258), Bessenew, Czece (1339), Fanes (1269), Gerény (1343), Nagyhalom (1218), Örs, Rekesztő (1352), Besenyő-Sag (1345), Szent Ágata (1342), Besenyő-Szent-Miklós (1342), Szent Márton (1399), Töbörzsök (1269), Zedereg (1337), Egres (1338), Tas, Sárbogárd (1323), Tinód, Hörcsök (1383) — Фейерварского комитата; Dorog (1399), Hodos (1320), Kajdacs (1399), Kaptár (1399), Középfalu (1329), Tökösszeg (1399), Varsánd (1305), Végfalu (1399), Besenyőrév и Besenyőtő (1211) и др. — Тольнского комитата. Обо всех этих деревнях есть прямые указания на их печенежское происхождение («bissenus nobilis de Boch»; «nobiles bissen de Kwzefolu» и т. п.). Печенежского происхождения считают и название города Tolna (уп. с 1055 г.) и ряда местностей: Aba Vajta, Kanacsputsta и др.²⁵⁴, а также название речки Урман (или Орман), притока Капоша в Тольнском комитате («fluvius Vрман», уп. с 1230 г.)²⁵⁵.

Целый ряд грамот на протяжении XIII—XV вв. говорит о предоставлении угорскими королями этим шарвизским Печенегам различных льгот по самоуправлению, об освобождении их от пошлин, даровании им дворянства; со своих земель Печенеги служили государству. *Ерней* называет этих Печенегов «большой военной группой»²⁵⁶.

Кроме того, вокруг этого основного ядра шарвизских поселений находился на более или менее близком расстоянии от него (от 20 до 60 км) ряд спорадических печенежских поселений, как Értény у Тамási в западной части Тольнского комитата (уп. с 1513 г.), Besenyő-pusztas около Lepsény, к с.-в. от Балатонского озера в Веспремском ком. на границе с Фейерварским; Igar (уп. с 1348 г.) к ю.-в. от Budajk, в западной части Фейерварского ком.; Besenyő, в сев. части того же комитата; на с.-в. от главной группы, на правом берегу Дуная, против острова Чепель находилась дер. Bessenew (в районе Adony и Ercsi, где теперь Alsó-, Felső- и Kis-Besenyő); севернее, на границе Пештского комитата с Фейерварским, до сих пор существуют деревни Kis-Tétény и Nagy-Tétény, судя по названиям — печенежского происхождения (дер. Teten уп. с 1405 года); на острове Чепель печенежское поселение уп. в 1306 г.: «possessiones in magna insula existens, videlicet Besseneó et Eorsziget vocatas» — с прямым указанием на близкую связь Печенегов со стражей (ог по мадьярски — стража), быть может и здесь исполнявших какие-нибудь сторожевые обязанности. Восточнее Чепеля, уже в пределах Пешт-Пилиш-Шольт-Кишкунского комитата, с 1374 года известна Beseneyő-pusztas, ныне Kis- и Nagy-Besenyő pusztas

²⁵⁴ Сводка печенежских поселений — у Szokolay. С. 71—76; Csánki III. С. 316, 317, 319, 324, 327, 329, 344, 349, 350, 354, 358, 374-5, 423, 429, 432, 433, 438, 455, 457 и Jerney, Keleti utazása, I. С. 236—237. § 10.

²⁵⁵ Rásonyi Nagy László, Orman, Magyar Nyelv, XXIV (1928), отд. отт. С. 12.

²⁵⁶ Jerney I. С. 236.

между дер. Sárgy и Ócsa; печенежское происхождение видят и в названии современной дер. Örkény на ю.-в. от упомянутых двух деревень²⁵⁷.

Второй большой внутренней печенежской группой в Угрии является кемейская, по левому берегу Тиссы, в с.-в. части нынешнего Яс-Надькун-Сольнокского комитата, в прежней Кемейской области. Здесь, по-видимому, еще в X в. расселен был, как мы видели выше (с. 87), целый печенежский род Чабан, пришедший сюда со своим ханом Тонуз-Аба, (Thonuzoba)²⁵⁸. Печенеги заняли огромное пространство в Притисье; память об их хане сохранилась и в родовом имени Чабан (уп. в 1255 г.), Чабанка (уп. в 1267 г.)²⁵⁹, в перевозе через Тиссу — «portus Obad», упоминаемый Анонимом²⁶⁰, и в местностях Tisza-Abád, Abád-Szalók²⁶¹; Csaba, Csabamező, Csobánka, Csobád, Csobaj, Csoboló²⁶²; печенежского происхождения и местность Томај (род Томаев происходит от Тонуз-Абы), Besenyetelek (уп. с 1347 г.), может быть, и Besemihálszállása²⁶³. Большое количество грамот в течение всего средневековья будет свидетельствовать о владениях здесь потомков этих Печенегов²⁶⁴.

Лишь очень немногочисленные свидетельства находим теперь о другой, некогда большой группе внутренних Печенегов — по нижнему течению реки Кёрёша, на границах Яс-Надькун-Сольнокского и Бекешского комитатов. По утверждению автора монографии «О Печенегах комитата Бекеш-Бешеньё» П. Vadač²⁶⁵, Печенеги некогда жили на пространстве всего Бекешского комитата. Теперь следы их видим лишь в дер. Besetanya, ок. Комádi по Шебеш-Кёрёшу, западнее Варада, дер. Bessenszőг ок. Дьома, у устья Фехер- и Фекете-Кёрёш (в Бекешском комитате), Besenyőhalom (у Ködmönös) и Besenyő у Atyaszeg²⁶⁶. По другую сторону Тиссы у Nagykőrös существовала некогда Besenyőpuszta, теперь слившаяся с этим городом²⁶⁷.

Наконец, последней внутренней группой является чанадская, по р. Аранке, левому притоку Тиссы, в бывш. Торонтальском комитате, ныне частью отошедшем к Румынии, частью — к Югославии. Самое древнее упоминание относится здесь к дер. Bessenta, Besseneu (или Kis-Besenyő), известной от 1230 г.; с 1232 г. уп. Nagy-Besenyu, где теперь Ó-Besenyő (в нын. Румынии, на границе с Югославией); рядом с этими деревнями известна дер. Sár («Saar», уп. с 1369 г.) у Harangod; по Аранке же, ниже Ó-Besenyő, лежали Dömevár и Kocsa, уп. с 1345 г., а еще ниже — Valkány (в Югославии); около последней была дер. Veresdob, впервые уп. в 1256 г. и исчезнувшая в XVI в.²⁶⁸. Несколько северо-восточнее от ядра аранкских поселений, на

²⁵⁷ Szokolay. C. 72, 75, 77, 82, Csánki I. C. 25, 36, III. C. 319, 332, Jerney. C. 248, § 23, Melich J., Két állítólagos honfoglaláselőtti német helynévről, Magyar Nyelv, 1931, XXVII. C. 221—226.

²⁵⁸ Anonymus, гл. 57 (ed. Endlicher. C. 54), G. Fehér, Die Petschenegen und die ungarischen Hunsagen, особ. C. 129.

²⁵⁹ G. Fehér, ц. с. C. 134.

²⁶⁰ Anonymus, гл. 57 (ed. Endlicher. C. 54).

²⁶¹ Szokolay. C. 83.

²⁶² G. Fehér, ц. с. C. 134.

²⁶³ Szokolay. C. 83.

²⁶⁴ Gyárfás, ц. с. II. C. 51.

²⁶⁵ Vadász Pál, Békis-besenyő megye, Turkeve, 1925.

²⁶⁶ Szokolay. C. 84.

²⁶⁷ Там же. C. 82.

²⁶⁸ Szokolay. C. 85—86, Csánki, I. C. 694, 706.

правом берегу Мароша, ок. Pécska и Szemlak, в ю.-з. углу быв. Арадского комитата (ныне — в Румынии) с 1232 г. уп. «terra Beu», «meta Bissenorum»²⁶⁹, а южнее, в быв. Темешском ком. (на старой границе его с Торонтальским, теперь — Румыния) с 1332 г. уп. дер. Bessenew, теперь Új-Besenyő²⁷⁰. Грамота кор. Людовика 1369 г., перечисляющая большинство аранкских поселений Печенегов, сохранила нам указание и на несение государственной (очевидно, военной) службы этими «fideles... Bissenii nobiles»: «et conservarunt (они), servitia que debita»²⁷¹.

Южнее от аранкской группы, по Тиссе, на правом ее берегу, в бывш. Бач-Бодрогском комитате (теперь в Югославии) находятся поселения Ó-Becse и Vescseháza, в которых также видят следы Печенегов²⁷².

Возникновение кёрёшской и чанадской групп надо, вероятно, относить к тому времени, когда Печенеги еще в X в. начали проникать через Карпаты в Паннонию и оседать по течению рек Кёрёша и Мароша.

Внутри Угрии, в районе шарвизских поселений Печенегов, находим также следы поселений и *Берендеев*. В Тольнском комитате, около Hőgyész, уп. terra Berencz (в 1305 г.; в 1344 г. она же possessio Berench)²⁷³ и местность Berend, уп. в 1439 г., вместе с таким же именем одного придворного²⁷⁴; а в Фейерварском комитате, в его северной части, в области Al- и Fel-Csut, известно было в 1325—1487 гг. poss. Berenthe²⁷⁵. В этих комитатах известны и семьи, носившие имена Berencze, Berentei²⁷⁶.

Добавим здесь, что из отдельных лиц, носивших это имя, известны: Berend, сын Мартона, спасший в 1330 г. короля Карла I²⁷⁷, Thorna de Berench (1287), Demetrius niger de Berench и Erdeus de Berench (1298 г.), Laurentius de Berench (1244), Bened. Berenche (1337), Cyriae, filia Moyus de Berench, (1331), Stefanus, filius Gregory de Berench, de Berencze (1393, 1409, 1435, 1436), Magister Paulus filius Joannis nobiles de Berend (1414), Gallus de Berend (1429) и др.²⁷⁸

Таковы приблизительные данные о расселении по Угрии Печенегов, Торков и Берендеев. Приблизительные, потому что поселений этих было, вероятно, значительно больше, в особенности в древнейшее время X—XII веков, от которых как раз сохранилось гораздо менее известий, чем от последующих. Кроме того, как мы уже видели, поселения этих трех тюркских народностей не всегда обозначались именами самих народностей (как Бешеньё, Беренч, Торч),

²⁶⁹ Там же. С. 86.

²⁷⁰ Там же. С. 86.

²⁷¹ Jerney I. С. 237; ср. позднейшие подтверждения этой грамоты в 1390, 1392, 1405 и 1495 гг. (там же; с. 238—243).

²⁷² Szokolay. С. 83.

²⁷³ Csánki III. С. 417.

²⁷⁴ Csánki III. С. 417, 461.

²⁷⁵ Csánki III. С. 319.

²⁷⁶ Csánki III. С. 362. Первая уп. в 1502 г., вторая — в 1487 г.

²⁷⁷ Révai Nagy Lexikona, т. 3. С. 143, s. v. Berend.

²⁷⁸ Index Alphabeticus Codicis Diplomatici Hungariae per G. Fejér ed., concinnavit Maurus Czinár, P., 1866. С. 42—43. Большинство томов Кодекса Фейера, где уп. перечисленные лица, мне остались недоступными. Paulus Berend м. б. то же лицо, что приводится у Csánki III. С. 134: Beréndi Pál как поджупан в Заласском комитате в 1437 г. Csánki еще приводит фамилии Berencsi в Бигарском (I. С. 630, 1440 г.), Berentei в Боршодском (I. С. 184, 1440—1489 гг.), Berencsi (I. С. 244, 1409—1436 гг.) и Berentei (I. С. 222) в Абай-Торнском комитатах. Интересно упоминание в грамоте 1409 г. совместно и Берендея и Печенега как местных землевладельцев (Csánki I. С. 244).

но часто и именами отдельных родов, семей и даже отдельных лиц; отсюда — остаются невыясненными большое количество подобных несомненно тюркских поселений, сведения о которых начинают встречаться лишь с XIV и след. столетий: принадлежали ли они Печенегам, Торкам и Берендеям или же позже явившимся и оседавшим иногда на тех же самых местах Половцам, чей язык, по-видимому, был почти схож с языком предшествовавших им тюркских братьев.

Что касается возникновения этих тюркских поселений на территории Угрии, то оно, по-видимому, было двояким. Одни Тюрки, особенно такие группы их, как кемейская, кёрёшская, может быть, и аранкская, явились просто следствием прихода в эти места большого количества Печенегов, просочившихся сюда через южные и северные Карпаты, разместившихся здесь, включенных в черту угорской государственности и оставленных ею здесь на вечные времена. Лишь постепенно эти поселенцы были превращены Угрией в послушную служилую массу.

Другая же часть тюркских поселений в Угрии возникла инициативой самой угорской государственности, формировалась, вероятно, гл. обр. из пленных и расселялась Маđьярами согласно стратегическим интересам своего государства. Таково, вероятно, возникновение северных (словацких), западных (лайторабских и дравских) и южных (придунайских) пограничных тюркских поселений, а также и внутренней, шарвизской (секеш-фейерварской) группы.

Особенно наглядна принудительность расселения этих кочевников в Словакии, в стране, которая по своим географическим условиям не могла бы быть местом добровольного пристанища для кочевника: гористость и лесистость западной Словакии, с одной стороны, и болотистость по течению рек — с другой, были совершенно неподходящими условиями для кочевого хозяйства. И как раз здесь, у словацких рек, и в глухих лесных областях мы находим одинокие поселения-посты Печенегов и Берендеев.

III

Рассмотрим теперь немногочисленные свидетельства маđярских источников о роли, какую играли в Угрии эти тюркские поселенцы. В отличие от русских летописей, угорские хроники сохранили память лишь об одних Печенегах, ничего не упоминая о Берендеях и Торках, которых было в Угрии, по-видимому, совсем немного, в особенности последних.

Огромный наплыв вооруженных Тюрков, поселение их большими группами в разных местах Угрии, близость печенежской родовой аристократии к Арпадовичам и даже занятие одним из представителей этой аристократии угорского престола, предоставление Печенегам укрепленных местностей и постройка ими новых — все это должно было придать в условиях только что создававшейся маđярской государственности — во втор. пол. X — втор. пол. XI столетия — немаловажное значение, быть может даже большее, чем печенежско-тюркский наплыв на Русь в эпоху Святополка II и Владимира Мономаха (первая четверть XI в.).

В XII—XIII же веках, с укреплением угорской государственности и с включением в ее непосредственное управление расселенных по Угрии Тюрков, управлявшихся до того еще своими ханами, с одной стороны, и с постепенным умень-

шением количества этих тюркских поселенцев и денационализацией, омадьяриванием ханских родов, с другой, значение Тюрков все более будет уменьшаться и ограничиваться лишь вспомогательной военной силой.

Некоторой реминисценцией значения Печенегов является царствование Стефана II (1115—1131), ярого, если верить Туроцу, печенегофила, заходившего в своих симпатиях к этому народу так далеко, что он был готов за одного убитого Печенег казнить десять Магьяр. При этом короле Печенеги — народ, который «привык к преступлениям», по выражению летописца, — во главе со своим ханом Татаром, только что спасшимся от меча византийского императора и нашедшего приют в Угрии, особенно неистовствовали и угнетали Магьяр²⁷⁹. По-видимому значение Печенегов при угорском дворе кончилось со смертью же Стефана, по крайней мере позже мы больше о них не слышим.

С конца XIII ст. все более редуют упоминания о печенежской народности в Угрии, ограничиваясь известиями лишь о нескольких наиболее плотных группах их поселений внутри государства. Немаловажное значение в уменьшении этих поселений сыграло, вероятно, татарское нашествие. В XV в. прекращаются последние упоминания и об этих Печенегах.

Как пограничные, так и внутри государства поселенные Печенеги обязаны были нести конную военную службу, составляя легкую конницу угорского государства, в большинстве случаев употребляемую в виде передовых разведывательных или стрелковых отрядов²⁸⁰. Не сохранилось никаких сведений о роли Печенегов в достефановское время, как и от времени самого Стефана. Первое свидетельство о Печенегах среди мадьярского войска относится к 1052 г. Магьяры в этом году вели на лайтенском пограничье войну с германским императором Генрихом III. Во время этой войны впервые и выступают Печенеги как военная сила, и выступают, заметим, со всеми своими характерными приемами азиатской ловкости и лихости. Вместе с Магьярами они по ночам подкрадывались к лагерю германского императора и арканами похищали часовых, а днем донимали Генриха своими отравленными стрелами²⁸¹.

²⁷⁹ «Cuni vero (о том, что под «Куны» здесь надо видеть Печенегов, см. выше. С. 19) qui permissionibus regis, fuerant assueti sceleribus, nec tunc minus saeviebant in Hungaros. Hungari vero, cum audissent, quod rex in mortis esset articulo, interfecerunt Cunos, qui eorum bona diripiebant. Tatar autem, dux Cunorum, conquestus est regi, de nece suorum. Rex autem putabat, se aliquantulum alleviatum esse ab aegritudine. Cumque vidisset Tatar lachrymantem, caeterosque Cunos circumfusus lamentantes, quia supra modum diligebat eos, infremuit et dixit: «Si sanitati restitutus fuero, pro unoquoque, quem ex vobis interfecerunt, decem interficiam...» (*Thwroc* II, гл. 63. С. 141—2).

²⁸⁰ Об их быстрых лошадях см. у Бонфиния (+1503): «equorum pernitate admodum delectari» (*Ant. Bonfinius, Rerum Hungaricarum Decadis*, II, L. IV. P. 220, Hanoviae, 1606; ср. *Jerney* ц. с. I. С. 265) и в грамоте о катаяских спикюляторах 1339 г.: «equis bonis velocibus», *Jerney* ц. с. I. С. 254—255; об «equitus Bisseni» у Буковых гор упомянут еще в грамоте 1067 года. Не идущие в поход Печенеги должны были платить налог соответственно количеству своих лошадей (грамота палатина Дьюлы арпашским Печенегам 1222 г.): «quod reuoluto semper tercio anno comiti eorum (Печенегов) debent dare pro nouitate sex pensas denariorum de montua, de duobus equis. Qui vero in expeditionem ire non potuerint, de quolibet equo sex pensas persoluent», — *Endlicher*. С. 419—420, *Jerney* I. С. 234 и 262. Ср. *Szokolay*. С. 70.

²⁸¹ Insuper etiam Hungari et Bisseni, singulis noctibus, acriter eos infestabant, toxicatis sagittis eos interficiendo et funes extendentes tiner papiliones eorum, quamplures, aliqua seruitia facientes, rapiabant. *Thwroc*, II, гл. 43. С. 109—110. Ср. *Jerney* I. С. 230—231; I, II. С. 96.

Еще более типично поведение Печенегов в 1074 г., на том же лайтенском пограничье. Когда изгнанный из Угрии Гезой прежний король Соломон с немецкой помощью подступил к угорской границе, Печенеги спешат использовать в своих интересах ту роль, какая выпала им в этой междоусобной войне, и заявляют Гезе, что они готовы защищать шопронское пограничье и не пропустят Соломона, но при условии, если король даст им «свободу», т. е. привилегии. Геза обещал им это, и Печенеги во главе с ханом своим Солтаном стали воевать; однако, несмотря на то, что Немцы, «испугавшись страшного вида» их, не помогли Соломону, он один с собственными силами разбил Печенегов; большая часть их погибла в озере Фертё, и лишь немногие, с ханом Солтаном, спаслись бегством²⁸². Такое оппортунистическое поведение Печенегов очень напоминает их собратьев — киевских Черных Клобуков, не раз заявлявших какому-либо князю в междоусобиях за Киев: «аже ны хочещи любити... и по городу (въ держаше) ны дасти по лепшему, то мы на том отступимъ (отъ твоего противника)»²⁸³.

В 1116 г. мы находим Печенегов вместе с таинственными Сикулами в войске, сопровождавшем Стефана II при его свидании с чешским королем Владиславом. Встреча происходила на границе обоих королевств у р. Ольшавы^{283a}, и целью ее было закрепление мира между обоими государями; однако случай превратил эту встречу в кровопролитное сражение. Король Владислав, видя боевой порядок войск Стефана, решил предупредить Магьяр и сам напал на них, но был отбит, а Печенеги и Сикулы были пущены по убегающим. Однако новый напор Чехов смял Печенегов и Сикулов, и те, бросившись бежать, увлекли с собою и остальных. Свидание королей неожиданно превратилось в страшное поражение угорского войска²⁸⁴. Упомянутые здесь Печенеги составляли, вероятно, ту пограничную печенежскую стражу, которой, как мы видели, было так много в этих местах.

В 1146 г. встречаются Печенеги в войске кор. Гезы II во время войны его с австрийским герцогом Генрихом Язомирготом. В области р. Лайты и крепости Мошон, где велась война, они вместе с Сикулами составляли конный передовой отряд лучников. Здесь прямо говорится, что это были лайтенские пограничники. В удачном для Магьяр сражении, Печенеги, однако, в самом начале битвы были разбиты Немцами и, по одним источникам, почти все погибли вместе со своими двумя начальниками «графами», по другим — спаслись бегством²⁸⁵.

²⁸² «eo tempore, Bisseni, vnanimiter rogauerunt regem Geysam, ut, si eos libertate donaret, ipsi insultus regis Salomonis, omnino coacerent; ita, quod, nec auderet exire Moson et Poson, ad tentandam Hungariam. Rex autem Geysa, se petitioni eorum condescensurum promisit, si ipsi hoc, quod promiserant, adimplerent» (*Thwroc* II, гл. 53. С. 126).

²⁸³ П. С. Р. А. II, ст. 501, 1159 г.

^{283a} Обычно эту реку чешские историки отождествляли с Ольшавою, притоком Моравы. Но недавно V. Chaloupecký, Staré Slovensko. С. 79—82, высказал предположение, что под этою рекою надо видеть р. Голешку (Holeška), приток Вага (ср. выше с. 27).

²⁸⁴ *Thwroc* II, гл. 63. С. 139. Туроц презрительно называет здесь Печенегов и Сикулов «Besseni atque Siculi vilissimi»; см. еще *Cosmae Chronicon Bohemorum*, гл. 48, *Fontes Rerum Bohemicarum*, II. С. 178—179. Ср. L. v. Szalay, Oeschichte Ungarns, B I. С. 278—279; Fr. Palacký, Dějiny národu českého I⁶, v Praze, 1906. С. 209—210; V. Novotný, České Dějiny, d. I, č. II, v Praze, 1913. С. 521—523; см. еще Jerney I. С. 231 и 259 и Gyárfás II. С. 97.

²⁸⁵ *Thwroc*, II, гл. 65. С. 145: «Bisseni vero pessimi et Siculi villissimi omnes pariter fugerent, sicut oves a lupis», тогда как *Otonis Frisingensis Oesta* Frid. I, Lib. I. С. 33: «ac illas cum duobus comitibus, qui eisdem praerant, ferme funditus delevit (ed. Waitz. С. 42). Ср. *Гром*, Угрия и Славянство. С. 87, Gyárfás, II. С. 99—100.

В 1150 г. Печенеги вместе с Халезами²⁸⁶ составляли вспомогательное войско Мадьяр у Сербов в их войне с Византией²⁸⁷.

Больше мы не встречаем прямых упоминаний о печенежских отрядах в Угрии²⁸⁸. Можно только предполагать, что они подразумеваются в описании событий 1162 г., когда кор. Стефан IV после неудачной борьбы с племянником Стефаном принужден был бежать в Грецию: по Мюглену, он бежал лишь после того, как ему изменили бывшие с ним «язычники»²⁸⁹.

К сожалению, наши сведения об участии Печенегов в угорском войске столь немногочисленны и сами по себе столь кратки и отрывочны, что по ним крайне трудно составить представление о значении Печенегов в угорском военном деле.

На большинстве угорских границ печенежские поселения были лишь вкраплены в систему пограничной обороны; за этими приграничными поселениями во многих местах находились небольшие тыловые группы в виде ряда поселений, расположенных уже несколько более вглубь страны. Такое впечатление получается при рассматривании южного и западного пограничья с их тыловыми печенежско-берендейскими поселениями в Бараньском и Тольнском комитатах, у озера Балатон, и в Дьёрском комитате, а также и северного, словацкого пограничья с его тюркской скученностью у низовья реки Житавы. На границах Тюрки могли нести лишь сторожевую службу, опираясь на засеки и крепости, может быть, подобно тому, как несли такую же сторожевую службу их собратья у галицких, волинских или переяславских князей на Руси; но на мошоношопронском пограничье или по Шарвизу, под Секеш-Фейерваром, количество этих Тюрков было уже столь значительно, что здесь они представляли собою серьезную силу наподобие киевских Черных Клобуков, способных самостоятельно оборонять пограничье или подступы к столице. Наконец, остальные внутренние печенежские группы, как аранкская или кемейская, вероятно, лишь поставляли в угорское войско известное количество своей легкой конницы. О количественном соотношении собственно мадьярского и печенежского элемента в угорском войске у нас нет данных; можно только с уверенностью сказать, что в XII—XIII веках этих Тюрков в Угрии было сравнительно много меньше, чем в

²⁸⁶ У угорских королей с конца XI в. был отряд мусульман-Хорезмийцев из г. Кализии; эти Тюрки сперва бежали с арабской военной службы в Византию, а уже из Византии попали в Угriu. О них см. *Karácsonyi*, *Kik voltak s mikor jöttek hazánkba a böszörmények vagy ismaeliták* (цит. по *K. Kadlec*, *Průdy*, 1925. С. 80—81).

²⁸⁷ *Joannis Cinnami*, III, 8 (ed. Bonn. P. 107): «Τούτους τε οὖν Δαλμάταις συστρατεύειν ἔλεγον καὶ δὴ καὶ Πετζινάκου». Ср. *Грот*, Угрия и Славянство. С. 163; *В. Васильевский*, Из истории Византии в XII в., Славянский Сборник, т. II, СПб, 1877. С. 247.

²⁸⁸ *Jerney* I. С. 231 относил последнее упоминание о печенежских отрядах Угрии к 1260 г., когда в Крессенбрунской битве Бела IV с Отокаром II Чешским в войсках Бела упоминаются «innumeram multitudinem inhumanorum hominum Comonorum et Ungarorum et diversorum Sclavorum, Siculorum quoque et Walachorum, Bezzerminorum et Hysmahelitarum, Scismaticorum etiam, ut pote Graecorum, Bulgarorum, Rusciensium et Bosnensium haereticorum» (письмо кор. Отокара папе, *Font. Reg. Bohem.* II. С. 315). *Ерней* из *Bezzerminorum* сделал *Bezzenninorum*, т. е. Печенегов, тогда как это было название мусульман «бусурман», вероятно Хорезмийцев. Не надо смущаться двумя приводимыми названиями для мусульман и обязательно видеть здесь два различных народа: перечисления эти явно стилизованы под библейский параллелизм. Аналогичную стилизацию *А. Петров* заметил у Анонима (см. его *Древн. грамоты*. С. 76, пр. 3).

²⁸⁹ *Грот*, Угрия и Славянство. С. 282—283 и пр. 5. Заметим, что несчастная для Стефана IV битва произошла вблизи Секеш-Фейервара, где как раз более всего было поселено Печенегов.

современной ей Руси, где черноклобуцкий элемент бывал даже численно преобладающим в сравнении с русскими княжескими дружинами.

Чрезвычайно подвижное, с собственной общекочевнической военной тактикой, это своеобразное войско угорских королей, вместе с другими подобными тюркскими отрядами Половцев, Хорезмийцев, пользовалось известностью в средневековой Европе, и угорские короли посылали этих Тюрков далеко за пределы своего королевства в помощь своим союзникам или обращавшимся за военной поддержкой соседям. К сожалению, хронисты обозначают эти отряды не по народностям, а общим термином «стрельцов», и нет возможности поэтому различать, кто именно из угорских Тюрков посылался в том или другом случае²⁹⁰.

Печенеги приходили в Угriu со своими ханами — «*duci*» в латинской терминологии, — и в древнейший период своего пребывания в Угрии — втор. пол. X — втор. пол. XI в. — эти печенежские ханы получали очень большое значение²⁹¹; им отдавались в управление укрепленные городки — так, напр., полулегендарным братьям Биле и Баксе князь Токсон отдал Пешт²⁹², а Пота сам строит крепость под Матрою²⁹³; они роднились с Арпадовичами — с князем Токсоном²⁹⁴ и с королем Стефаном²⁹⁵, и в силу такого родства один из печенежских ханов в лице Самуил-Абы занимал угорский престол в 1041—1047 гг.²⁹⁶ Память об этих ханах, пришедших в Угriu еще язычниками, будет долго сохраняться и еще была жива во времена Анонима, писавшего на рубеже XII—XIII вв.²⁹⁷

С ростом и укреплением угорской государственности эти тюркские ханские роды, управлявшие Печенегами, заменялись представителями угорской королевской власти — графами — *comes*, под верховное ведение которых Печенеги теперь передавались. Таковы: Ochus, *curialis comes et comes Bissenorum* (1216 г.), магистр Mikch, бан Славонии «*et comes Bissenorum*» (1329 г.), Maróthi János, бан Мачвы, носивший звание: «*Banus Machoviensis et comes Bissenorum* (1406 г.)²⁹⁸»; таким был и палатин Дьюла, правитель Шопрона, *comes Suproniensis*, которому были подчинены арпашские Печенеги²⁹⁹, жившие в восточной части Шопрон-

²⁹⁰ Таков, напр., пятисотенный или шестисотенный отряд, посланный в 1158 г. Гезой II в Италию с импер. Фридрихом («600 sagittarii electi» у Rahewini, Gegta Frid. I Imper. Libr. III, cap. 26, ed. Waitz. С. 158 и «quingentis Sarracenis» у Vincencius Pragensis, Font. Rer. Bohem. II, 425. Ср. Грот, Угрия и Славянство. С. 234). Об отряде, посланном в 1132 г. в Италию с германск. императором, и в 1203 г. в Тюрингию с кор. Отокаром I Чешским, известно, что они состояли из Половцев (Jaffé, Bibliotheca Rerum Germanicarum, t. V. С. 446—447; Arnoldi, Chronica Slavorum, VI, 5, M.G.SS.XXI. С. 216; см. V. Novotný, ц. с. I, 2. С. 621).

²⁹¹ Таковы были Аба, Пота, Томай, Кемей, Ботонд, Кульпун и др. упоминаемые Анонимом, на печенежское происхождение которых указал G. Fehér, ц. с. особен. С. 129, 140. Таков был и уп. выше «Zultan, princeps Bissenorum», приводимый Туроцом (II, гл. 53), и «dux nomine Tatag» 1123 г. у того же Туроца (II, гл. 63).

²⁹² Anonymus, гл. 57. С. 53. Ср. G. Fehér. С. 131 и 136. Текст приведен выше в примеч. 25.

²⁹³ Anonymus, гл. 32. С. 29. Ср. G. Fehér. С. 125. Текст см. выше, на с. 28 пр. 162.

²⁹⁴ Anonymus, гл. 57. С. 53. Ср. G. Fehér. С. 129.

²⁹⁵ Szalay I. С. 156.

²⁹⁶ О происхождении Самуил-Абы — у Anonymus, гл. 32. С. 29; о печенежском происхождении его рода — у Fehér. С. 125—129, 134, 137.

²⁹⁷ Напр., о Кемее, Кетеле, Опультульне и др.

²⁹⁸ Jerney I. С. 263, § 43.

²⁹⁹ «Bissenii de Arpas, ad nos uidelicet Palatinum pertinentes» (Jerney I. С. 233; ср. Endlicher. С. 419).

ского комитата, и который дал им в 1222 г. грамоту, определявшую их военные обязанности. Из этой грамоты мы видим, что, кроме палатина, Печенеги в некоторых отношениях подчинялись еще и иобадиянам, а непосредственно управлялись особыми «comes» и «iudices». Эти графы и судьи были, по-видимому, большей частью Печенегами³⁰⁰, вероятно, их родовыми старшинами. Они не только управляли и судили, но и вели Печенегов в поход³⁰¹; впрочем, по грамоте 1222 г., у арпашских Печенегов их comes обязан был идти лишь в первый поход после своего вступления в эту должность; в последующие — идти уже не был обязан³⁰².

Выступать в поход Печенеги должны были в собственном вооружении, так, по крайней мере, требует от катаяских спикюляторов королевская грамота 1339 г.³⁰³

Очевидно, эта степень самостоятельности, выражавшаяся в праве иметь своих судей и родовых старшин, разбиравших их внутренние дела, выступление на войну своими отдельными отрядами, а также освобождение от каких бы то ни было пошлин с тех земель, кои им принадлежали как государевым людям, и составляли те свободы и привилегии, о которых так часто упоминают мажарские грамоты³⁰⁴. За все это Печенеги несли военную службу, одинаково — как расположенные на границах³⁰⁵, так и размещенные внутри страны³⁰⁶.

Однако и эта некоторая самостоятельность не спасла Печенегов от сравнительно быстрой денационализации. Там, где Печенеги жили более рассеянно, небольшими пограничными отрядами, а главное, где они не могли по условиям местности продолжать свой полукочевой образ жизни, не могли заниматься скотоводством и коневодством, а принуждены были оседать на земле или по городам, — там эта денационализация должна была осуществляться быстрее.

В Словакии, стране по преимуществу лесной и гористой, где не было много простора для кочевого хозяйства, эта денационализация Печенегов должна была начаться рано. Уже в 1075 г. встречаем здесь «(h)ortum besenendi»³⁰⁷, что показывает на то, что Печенеги уже оседали на земле; из грамот же 1218—1229 гг. узнаем, что у Печенегов в Шомодьском комитате были виноградники³⁰⁸. Приме-

³⁰⁰ Примером такого comes Byssenorum, бесспорно, печенежского происхождения, может служить Печенег Григорий, имевший кроме того еще звание магистра: Magister Gregorius Byssenus, comes Byssenorum, уп. в 1351 г. в Тольском комитате. В 1346 г. он уже уп. как «Rector Bissenorum», Jerney I. C. 236, 263.

³⁰¹ Грамота арпашских Печенегов 1222 г., кроме того — у Оттона Фризингенского; текст см. выше. С. 45, пр. 285.

³⁰² «Comes eorum non debet ire inter eos, nisi semel, quando fit de nouo», Jerney I. C. 234, Endlicher. С. 420.

³⁰³ «armati decenter incendent», Jerney I. C. 255.

³⁰⁴ «Quod eorum libertas ab antiquo instituta» (1222 г., Jerney I. C. 233); «in libertate Bissenorum possidendam» (1269, там же, I. C. 236). Емней главный признак печенежской свободы видел в наличии у них собственных судей (там же, I. C. 267). О бараньских Печенегах грамота Бела IV 1230 г. говорит: «iuxta libertatem ipsorum servituros» (там же, I. C. 245).

³⁰⁵ В мошонской пограничной линии «predium, quod Bysseni quondam possidebant, de iure Musuniensis castri excerptum» (1203 г., Jerney I. C. 232).

³⁰⁶ Аранские Печенеги «servita que debita» (1369 г., Jerney I. C. 237).

³⁰⁷ Monumenta Ecclesiae Strigoniensis, ed. Knauz, I. C. 56.

³⁰⁸ «Item confirmamus (кор. Андрей II) etiam sententiam definitivam nostri Palatini Nicolai, filii Borz, quam fecit contra Byssenos de Nagyhalom et Albenses Latinos; ita quidem, ut cum dicti Bysseni de patrimoniis suis decimam dare non repudient, imo inuiti compellantur, multo magis de vineis

ром ославянивания Тюрков в Словакии может служить сравнение личных имен этих «servientes in equo proprio, qui wlgo luosicsag (lovasság, что по-мадьярски значит конница) dicuntur», поселенных на р. Житаве, по двум грамотам ок. 1165 г. и 1247 г., из которых видно, что ок. 1165 г. эти «jobagiones equites» еще носили свои тюркские имена, тогда как в 1247 г. эти имена уже в большинстве словацкие³⁰⁹.

Христианизация Печенегов также означала для них утрату ими их тюркской самобытности. Пришли Печенеги в Угriu еще язычниками; язычниками они известны и в первое время своего пребывания в Угрии³¹⁰; но с середины XIII ст. в Варадском регестре, относящемся к перв. пол. XIII в., мы уже встречаем в районе Бигара «ecclesia de Beseneu» и «abbatia de Beseneu»³¹¹.

Устойчивее печенежский элемент держался в местах наибольшей скученности Печенегов — в трех больших группах их поселений в Угрии: шопроно-мошонского пограничья, шарвизской и чанадской (аранкской); здесь Печенегов было особенно много, а равнинная местность по рекам (Лайте, Рабе, Шарвизу, Аранке) особенно способствовала ведению здесь полукочевого хозяйства³¹²; еще в XIV в. в шарвизской группе поселений будут встречаться «comiti bisseuorum» из Печенегов³¹³, управлявшие своими же собратьями³¹⁴; права чанадских Печенегов, живших по реке Аранке еще в 1369—1405 годах, будут подтверждаться грамотами угорских королей³¹⁵. На лайтенском пограничье грамота 1339 г. рисует

suis in Comitatu Simeghiensis emittie acquisitis, vel vinis emittie congregatis dare teneantur» (*Jerney* I. C. 249: ср. *Szokolay*. C. 72).

³⁰⁹ *Monum. Eccl. Strigon.* I. C. 118—119 и 364—365; *V. Chaloupecký*, *Staré Slovensko*. C. 286, пр. 1129.

³¹⁰ Таков, напр., полубогородный хан Кетель, о котором Аноним пишет, что «ipse Ketel et Hlius suus Tulma more paganismo sepulti sunt» (гл. 15. C. 18), а хан Тонузоба «in fide uanus noluit esse Christianus, sed cum uxore uiuus ad portum Obad est sepultus, ut ne baptizando ipse et uxor sua uiuerent cum Christo in eternum. Sed Urcund filius suus Christianus factus, uiuit cum Christo in perpetuum» (гл. 57. C. 54). В 1067 г. уп. между р.р. Сланою и Ягером «sepulturae Bissenorum», очевидно, курганы, поразившие христиан (*V. Chaloupecký*, ц. с. C. 85 и пр. 340; *Szokolay*. C. 80—81). Немцы печенежские поселения в Трансильвании называли Heidendorf (*P. Hunfaivy*, *Ethnographie von Ungarn*, Pest, 1877. C. 231—232; см. еще *V. Chaloupecký*, ц. с. C. 85, пр. 340).

³¹¹ *Jerney*. C. 246; *Szokolay*. C. 84.

³¹² О полях лайтенского пограничья говорит Оттон Фризингенский, I, гл. 33 (под 1146 г., ed. *Waitz*. C. 41); косвенным указанием на занятия скотоводством и коневодством Печенегов этого пограничья является декрет кор. Владислава (1077—1095) ed. *Endlicher*, *Lib. II*, cap. 15. C. 338 о запрещении пограничной страже и ее «графам» продавать лошадей и быков за границу, что, очевидно, практиковалось: comites confiniozum, si eques vel boues ultra fines huius patriae, sine licentia regis, uendi permiserint, comitatus honore priuentur. Custodes ergo continiorum, qui uulgo Ewri uocantur (об этом слове см. выше. C. 19—20), si absque sciencia comitum tale quid consenserint, libertatem amittant, si pauperes fuerint. Illis uero custodibus, qui presunt, si in culpa eadem rei inuenti fuerint, cum omnibus quae habuerint, pereant, soli filii et filie in libertate, permaneant» (*S. Ladislai Regis Decretum II*, 15, ed. *Endlicher*. C. 338—9. Ср. *Jerney* I. C. 252).

³¹³ Напр., упомянутый уже выше *Magister Gregorius Byssenus*, comes Byssenorum, 1351 г. (см. C. 47, пр. 300).

³¹⁴ В 1383 г. уп. дер. Kőrosök, которая находилась «inter bisseuos»; в 1399 г. уп. «nobiles Bissen»: «de Belch», «de Parthas-Dorag», «de Kőzefalu», «de Thukusszeyh» (*Szokolay*. C. 74—75).

³¹⁵ Грамоты приведены у *Jerney* I. C. 237—243. *Jerney* I. C. 237 считал, что эти печенежские поселения были уничтожены турецким разорением. Еще в 1435 году слышим о благородных Печенегах, которые исключались из-под ведения судей, их судил сам король (*Szokolay*. C. 85); однако, по-видимому, денационализироваться аранские Печенеги начали еще до турецких разорений: Печенеги местности Nagy-Besenyő в 1405 г. уп. в королевской грамоте еще как «fi-

спикуляторов крепости Каты характерными чертами кочевников: кавалеристами, разъезжающими на быстрых своих лошадях и держащимися своим родом^{315a}. Еще ярче обрисовал Печенегов этой поздней поры Бонфиний, писавший в конце XV в. «Их обычаем, — говорит он, — является: пользоваться копьями, носить длинные бороды, длинные усы, носить шапки со шлыком и одеваться по персидскому образцу в развевающиеся шелковые одежды»³¹⁶. К концу XV в. таких Печенегов сохранилось, вероятно, уже немного: это последнее подобное известие о них³¹⁷.

Потомки ханов и более мелкая родовая печенежская аристократия, известная в угорских грамотах под именами *comes* и *nobiles bisseuorum* (являющихся полной аналогией «лѣпшимъ мужамъ въ Черныхъ Клобукахъ» Киевской Руси)³¹⁸, проникали на различные государственные и придворные должности Угрии, достигая иногда очень высокого положения. Так, в 1342 г. *Beke Bissenus* был судьей острова Чепель (*comes Insulae maioris*); Печенег Бенедикт в 1329 г. уп. верховным жупаном Бараньского комитата; в 1404—6 гг. уп. *Magnificus Paulus Byssenus de Eorghede*, занимавший должность бана Далмации, Кроации и Славонии; наконец, Печенег *Mag (Magh, Moch)* занимал одну из самых высоких должностей в Угрии — палатина и бачского верховного жупана³¹⁹.

Отдельные Печенеги проникали и к угорскому двору. Около 1225 г. уп. *Aba Bissenus* (очевидно, из рода кемейских Абаяев), который был «*homo regius*» короля Андрея II; в 1381 г. уп. Матфей, а в 1386 г. Стефан — Печенеги, придворные королевы Марии³²⁰. Но, кроме этих лиц с прямым указанием на их печенежское происхождение, существовало огромное количество родов (Абы, Чабаи и мн. др.), ведших свое происхождение от Печенегов³²¹.

IV

Переходя к обзору расселения Печенегов, Торков и Берендеев на Руси, надо прежде всего отметить различие источников наших сведений об этих народах

deles nostri Besseni nobiles de Nagy Bessenew», тогда как в грамоте 1495 г. те же надъбешенцы названы просто «*nobiles de Nagy-Bessenew*», уже без упоминания их печенежской народности. Грамоты — у *Jerney* I. C. 240 и 242; на это обратила внимание и *Szokolay*. C. 86 со ссылкой на *Borovskiy*, *A honfoglalás története*. C. 144.

^{315a} «*Nos Laurentio, Ioanni et Nicolao, Spiculatōribus nostri de Katha de comitatu Mosoniensi ipsorum et totius generationis eorundem de eodem*... и далее об этих мошонских спикуляторах: «*ita tamen, quod iidem nostri Spiculatores eorum seruitia et officia spiculationis, vt quemadmodum eorum progenitores antiquitus exercebant, facere et exercere teneantur, more consueto absque cuiusvis temporis intervallo, equis bonis, velocibus, sepe conservatis, armati decenter incedentes*», *Jerney* I. C. 254—255.

³¹⁶ *Illis mos est vexillationibus uti, demissas ferre barbas et labri vel maxime superioris nutrire pilos caudata cristatave secum ferre pilea, fluitantibus quoque vestibis indui, iisdemque sericeis, in Persarum morem et equorum pernecitate admodum delectari* (*Bonfinus*, *Rerum Hungaricarum* Dec. II, Lib. IV. P. 220, Hanoviae, 1606).

³¹⁷ В 1406 г. уп. *Ioannes de Maroth, Banus Macho viensis et comes Bissenorum* (*Jerney* I. C. 263), что как будто говорит за то, что Печенеги еще в нач. XV ст. существовали в Мачве.

³¹⁸ «Лѣпшии моужи в Черныхъ Клобоуцехъ», П. С. Р. Л., II, ст. 676. О них см. ниже. С. 58.

³¹⁹ *Jerney* I. C. 263—264.

³²⁰ *Jerney* I. C. 264.

³²¹ *G. Fehér*, ц. с., особ. С. 134—140; об Абаях — у *Z. Gombocz*, *Árpádkori török személyneveink*, *Magyar Nyelv*, XI (1915). С. 342 и след.

для Угрии и Руси. О поселенных в Угрии Тюрках узнаем главным образом из грамот, особенно многочисленных со времени короля Андрея II (1205—1235). По этим грамотам мы восстанавливаем картину расселения тюркских племен по Угрии; несравненно меньше сведений черпаем из хроники. Наоборот, для Руси, где частно-правовая жизнь еще не достигла в XI—XIII вв. той фиксации, какую знала Угрия, у нас нет грамот, позволяющих проследить расселение Тюрков; зато полны упоминаний о Черных Клобуках, как звали здесь этих поселенцев, русские летописи и, гл. обр., Невская, которая раскрывает нам не столько географическое расселение, сколько политическое значение Печенегов, Торков и Берендеев в жизни Киевской Руси³²².

Если начать обзор черноклобуцких поселений на Руси с запада, то первым пограничным с Угрией русским княжеством будет Галицкое. Подобно тому, как в Угрии, в северо-восточных ее пределах, на путях из Галиции, встречаем печенежские, торкские и берендейские поселения, так и на Руси — в Галиции, на западном ее пограничье, для защиты со стороны Угрии сидели, расселенные Русью те же Печенеги, Торки и Берендеи. В летописи есть только одно указание на существование в Галицком княжестве Черных Клобуков — от 1097 г. Слепленный теребовльский князь Василько³²³ признается в своих военных планах: «яко приде ми вѣсть яко идут [къ мѣнѣ] Берендичи и Печенѣзи и Торци и се рекох вѣ оумѣ своемъ: оже ми будут Берендичи и Печенѣзи и Торци, реку брату своему Володареви и Давыдови: данта ми дружину свою молотышюу а сама пиита и веселитася и помыслих на землю Лядскую наступлю на зиму ꙗ на лѣто и возму землю Лядскую и мыщю Русьскую землю»³²⁴. Из этих слов Василька видно, что Черные Клобуки находились где-то далеко от него, очевидно, у южных окраин Галиции. Что это были поселенцы на русском пограничье, а не степные Тюрки, явствует из дальнейших слов Василька, собиравшегося затем идти, по-видимому, с теми же Берендеями, Печенегами и Торками на Половцев³²⁵. На верховьях Прута, у Коломыи, в прежнем галицком Понизии, до сих пор существует дер. Печенежин³²⁶. Может быть, в ней можно видеть следы тех черноклобуцких поселений, о которых говорил теребовльский князь.

В районе Перемышля до сих пор находятся деревни Берендевичи и Торки³²⁷; такое расположение некогда тюркских поселений указывает на стремление галицких князей иметь наготове военные отряды против Угрии в случае вторжения Мадьяр через ближайшие Лупковский или Ужокский перевалы.

Юго-восточнее, на верховье Днестра, в 10 км на запад от г. Самбора есть деревня Торчиновичи³²⁸, расположенная у выхода в днестровскую долину из Карпат, если переходить их Верецким перевалом; м. б., это торкское поселение и было рассчитано для защиты этого пути из Угрии.

³²² В настоящем очерке мы не будем останавливаться на оценке значения этих Тюрков для Руси, так как это рассмотрено нами в специальной статье: «О роли Черных Клобуков в истории древней Руси», *Seminarium Kondakovianum*, I, 1927. С. 93—109.

³²³ Теребовльское княжество находилось на юго-восточной окраине Галицкой Руси.

³²⁴ П. С. Р. Л. т. I, I, ст. 266.

³²⁵ «И посем хотях проситися оу Святополка и оу Володимера ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу а любо голову свою сложю за Русскую землю», *там же*. С. 266.

³²⁶ М. Грушевский, *Історія України-Руси*, II. С. 585.

³²⁷ Там же. С. 585.

³²⁸ Там же. С. 585.

Наконец, упомянутый нами Печенежин у Коломыи мог быть как заслоном против степей, так и против Яблоницкого (Татарского) карпатского перевала.

На пограничье с Волинью, около Звенигорода находится «могила Печенѣги» (Бобрецкого округа)³²⁹, м. б., память о бывшем тюркском поселении, которое имело здесь полный смысл, т. к. Звенигород был расположен на большом пути из Киева в Угрию и служил заслоном со стороны Волини к внутренним областям Галиции. Недалеко отсюда, в соседнем Перемышлянском округе существует поселение Печенея³³⁰.

Переходя затем к *Волинскому княжеству*, мы прежде всего находим след черноклобуцкого поселения на пути из Галиции к столице княжества Владимиру Волинскому, на южных подступах к нему, у Буга, где до сих пор есть дер. Торки Сокальского округа Галиции³³¹. Далее известные нам следы Черных Клобуков будут находиться почти по прямой линии от Владимира Волинского на восток, указывая на последовательные заслоны, устроенные из этих поселенцев друг против друга Волинью и Киевом³³².

Так, приблизительно на полпути между Владимиром и Луцком, в самом центре Волинского княжества находился город Торчев, известный в летописи с 1231 года³³³; далее на восток, уже на пограничье с Киевским княжеством, в 6 км на ю.-з. от Дорогобужа также существовало торкское поселение, о чем свидетельствует современное местечко Торчин³³⁴.

В соседнем, *Киевском княжестве*, все на том же пути с запада на восток, прежде всего встречаем деревню Торчицы, где-то в районе древнего Корческа (совр. Корец), в бывш. Новоградволинском уезде³³⁵, а еще западнее — дер. Торчин Радомышльского уезда Киевской губернии³³⁶; здесь же есть и речка Торчанка (= Турчанка), приток Уши³³⁷.

³²⁹ М. Грушевский, *Історія України-Руси*, II. С. 585.

³³⁰ Там же. С. 585.

³³¹ Там же. С. 585; Молчановский, *Очерк известий о Подольской земле до 1434 года*, Киевск. Университ. Известия, 1883. С. 68.

³³² Очень возможно, что эти тюркские поселения Волини, приграничные с Киевским княжеством, были основаны в эпоху княжения в Погорине (восточной части Волини) в 80-х годах XI ст. Давида Игоревича. Ни перед тем, в 60—70-х гг., в эпоху первого расселения Торков на Руси, ни после 80-х гг. XI ст., вряд ли была необходимость в подобных заслонах, так как тогда в Погорине сидели князья, находившиеся в прямой зависимости от Киева (об этом см. у М. Грушевского, *Історія України-Руси*, II. С. 73—74, 363—4), что как раз нельзя сказать про энергичную личность князя Давида Игоревича. Среди его приближенных были Тюрки, об этом см. ниже.

³³³ П. С. Р. Л. II, ст. 767; ныне село бывш. Луцкого уезда, Волинской губ.

³³⁴ На границе бывших Острожского и Ровенского уездов Волинской губ. — *Специальная (10-верстная) карта Европейской России*, изд. Воен.-Топографич. Отдела Главного Штаба. Это, как и ряд последующих тюркских поселений, не указано на прилагаемой карте, т. к. было найдено мною уже после того, как эта карта была отпечатана.

³³⁵ М. Грушевский, ц. с. II. С. 585.

³³⁶ Молчановский, ц. с. С. 67, М. Грушевский, ц. с. II. С. 585.

³³⁷ М. Грушевский, ц. с. II. С. 585. П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы, ошибочно считал, что черноклобуцкие поселения Киевского княжества не простирались так далеко на запад и не переходили р. Гуйвы (ц. изд. № 9. С. 430 и пр. 6, и С. 434). Впрочем, и М. Грушевский в *Истории Киевской земли*. С. 32—38, описывая черноклобуцкие поселения Киевского княжества, ограничивается лишь Поросьем, ничего не говоря о таких же поселениях на киево-волинском пограничье.

Но, кроме этих северных черноклобуцких поселений на пути из Волыни в Киев, существовали и южные отдельные поселения, которые, впрочем, могли иметь значение и как пограничных с Волынью, так и заслонов от степных кочевников — Половцев. Таково, вероятно, было значение поселения Торков на р. Сниводи, левом притоке Буга, в 15 вер. к северу от города Хмельника Литинского уезда Подольской губ., где теперь находится селение Торчин³³⁸.

Еще южнее, на речке Шпаковке, правом притоке Буга, в 18 вер. на запад от Брацлава (Подольской губ.), там, где *М. Грушевский* проводит приблизительную границу между Галицким Понизьем и Киевскими владениями³³⁹, существует до сих пор дер. Торков³⁴⁰, свидетельствующая о бывшем здесь поселении Торков на крайнем юго-западе Киевского княжества. Впрочем, в виду полной неясности здесь границы это торкское поселение могло находиться и во владении галицких князей.

Но центр черноклобуцких поселений Киевского княжества был еще западнее и составлял степное пространство, ограниченное с запада — речкою Гуйвою, притоком Тетерева и верховьем Десны при впадении ее в Буг, с востока — течением Днестра. Северная же и южная границы черноклобуцких поселений менялись здесь в зависимости от борьбы со степью.

После Владимира Св., которому приходилось огораживать от Печенегов еще под самым Киевом — на Стугне, Ирпени и Трубеже, Русь начинает снова продвигаться на юг и ко времени первых печенежско-торкских поселений в Киевском княжестве (60—80-е гг. XI стол.) успела снова выдвинуться в степь до Роси, закрепляя за собою вновь отвоеванную область постройкой городов, валов и засек и заселяя ее пленными³⁴¹. Здесь были поселены и Торки с Печенегами: в 1084 г. впервые здесь упоминается «Торчский городъ»³⁴². Но в страшные 90-е годы XI ст., когда напор Половцев достиг своей наивысшей силы, эта граница вновь сметается: сжигается в 1093 г. Торчевск, жители которого уводятся в плен, в 1095 г. оставляют свой город юрьевцы; Половцы хозяйничают под самым Киевом. Граница Руси отходит снова к Стугне³⁴³.

И только с началом XII в., когда вновь начинается наступление Руси на степи и снова отстраивается Юрьев, а поредевшие черноклобуцкие поселения пополняются притоком новых поселенцев, выводимых из степей, — лишь с этого времени Русь уже не отступает от Роси; в конце же XII столетия русская граница, а с нею и пограничные черноклобуцкие поселения продвинулись еще южнее, за Рось, к устью Тясмина (притока Днестра), к водоразделу Висьи и Тясмина с одной стороны и Роси — с другой и к среднему течению Буга³⁴⁴. Здесь, за Росью, следы Торков сохранились в названии реки Торча, приток Тикича, Торческих возгорях (между с. Богатыркою и Литвинкою)³⁴⁵; где-то здесь находились черноклобуцкие городки

³³⁸ Специальная карта Европ. России, изд. В.-Т. отд. Главного Штаба; *Молчановский*, ц. с. С. 67; *М. Грушевский*, *Ист. Укр.-Руси*, II. С. 585.

³³⁹ См. карту Волынского и Галицкого княжеств во II т. *Истории Укр.-Руси*.

³⁴⁰ Цит. изд. специальной карты Европейской России; *Молчановский*, ц. с. С. 68; *М. Грушевский*, ц. с. С. 585.

³⁴¹ П. С. Р. Л. I, 1, ст. 150, 1031 г. Ср. *Грушевский*, *Ист. Киевск. земли*. С. 13 и 30.

³⁴² П. С. Р. Л. I, 1, ст. 249 (в Поучении Мономаха).

³⁴³ П. С. Р. Л. I, 1, ст. 225, 229. Ср. *Грушевский*, *Ист. Киевск. земли*. С. 31.

³⁴⁴ П. С. Р. Л. I, 1, ст. 280. Ср. *Грушевский*, *Ист. Киевск. земли*. С. 13—14, 38.

³⁴⁵ *Грушевский*, *Ист. Укр. Руси*, II. С. 385.

Чурнаев, Кульдерев и Куниль (Такуниль)³⁴⁶. Впрочем, черноклобуцкие поселения южнее Роси все же оставались редкими, так как даже и в конце XII в., когда как раз начинают встречаться указания на них, — и тогда Половцы продолжают при своих набегах грабить главным образом северное Поросье³⁴⁷.

Соответственно борьбе со степью изменялась и северная граница черноклобуцких поселений; самым северным их пунктом здесь является урочище Торч на Стугне, недалеко от Триполья у Ст. Безрадиц³⁴⁸; с начала XII века, с установлением южной границы по Роси северную границу надо полагать по р. Красной (приток Днепра) и по верховьям Унови (приток Ирпеня) и Каменки (приток Роси)³⁴⁹.

Центром же черноклобуцких поселений в Киевском княжестве на всем протяжении с пол. XII ст. по середину XIII ст. оставалось течение реки Роси с ее левыми притоками. Здесь, на Роси был упомянутый город Торчевск, центр и оплот Черных Клобуков Поросья³⁵⁰. Память о живших здесь Тюрках сохранилась в названии р. Торч, притоке Роси, с современной деревней Торчицы на ней³⁵¹, Торчевский степок³⁵², речка Кагарлык, лев. приток Росавы, впадающей в Рось, с селением Кагарлык на упомянутой речке того же имени, дер. Карапыши, село Тептиевка на Роси и ряд др. тюркских названий. Из летописей мы знаем о шести берендейских городках («6 городов Береньдиц») ³⁵³, расположенных где-то в центре Поросья, и знаем также, что вежи тех же Берендеев находились на р. Руте, левом притоке Роси³⁵⁴.

³⁴⁶ П. С. Р. Л. II, ст. 669, 1190 г. (Чурнаев), ст. 672, 1190 г. (Кульдерев), ст. 396, 1150 г. (Куниль). Об их положении см. *Грушевский*, Ист. Киевск. земли. С. 13, 36, 38; *Барсов*, Очерки русской историч. географии. С. 139.

³⁴⁷ В 1193 г., напр., Половцы воюют «на Оубережи», где они «поимаша Торкы», П. С. Р. Л. II, ст. 679.

³⁴⁸ *Грушевский*, Ист. Киевск. земли. С. 27, пр. 4 и *его же* Ист. Укр. Руси, II. С. 585.

³⁴⁹ В 1172 году Мстислав соединяется с Черными Клобуками южнее Триполья, у устья Красной (П. С. Р. Л. II, ст. 548), а в 1150 г., когда Черные Клобуки пришли к Тунашу, севернее Стугны, они, очевидно, были в некотором отдалении от своих веж, если сочли необходимым для безопасности «затворить» своих жен и детей в городах Поросья (П. С. Р. Л. II, ст. 400); наконец, если считать, как это делает *Грушевский* (Ист. Киевск. земли. С. 33), упоминаемое в летописи в описании событий 1146 г. «поля» за Перепетово поле, то расположенный где-то вблизи него гор. Дерновый (П. С. Р. Л. II, ст. 323) представлял собою тот крайний северный пункт кочевий Черных Клобуков, где они соединились с войсками Изяслава Мстиславича. Нельзя поэтому согласиться с Голубовским (Печенеги, Торки, Половцы, ц. изд., № 9. С. 434), считавшим, что на севере черноклобуцкие поселения во второй пол. XII — второй пол. XIII в. простирались до Стугны.

³⁵⁰ Местонахождение его спорно, как спорно и то, на том ли самом месте, где был Торчевск, сожженный Половцами в 1093 г., находился тот Торчевск, который после этого начинает снова упоминаться с 1161 г. Одни этот город ищут на месте нын. урочища Торч, что у с. Старых Безрадиц, на Стугне, другие — в нын. с. Торчицы на р. Торч, третьи полагают, что Торчевских было несколько, и, наконец, четвертые — что он был где-то в центре Поросья, близ Роси, на левом ее берегу. Последнее мнение наиболее вероятное. Об этом см. у *Грушевского*, Ист. Киевск. земли. С. 27—29, и карту ко II тому Ист. Укр. Руси.

³⁵¹ Тарашинского уезда Киевск. губ. *Грушевский*, Ист. Киевск. земли. С. 28 и *его же* Ист. Укр. Руси, II. С. 585.

³⁵² Тоже в Тарашинском у., *Грушевский*, Ист. Укр. Руси, II. С. 585.

³⁵³ П. С. Р. Л. II, ст. 603, 1177 г. Об этих городках см. еще у *В. Б. Антоновича*, в Чтениях в Ист. Общ. Нестора лет., 1889, кн. III. С. 10 и след.

³⁵⁴ П. С. Р. Л. II, ст. 521, 1162 г.

Археологические раскопки, ведшиеся здесь, обнаружили типичные кочевнические погребения (с конем)³⁵⁵, причем А. А. Спицын в статье, подводившей итог этим раскопкам³⁵⁶, наметил здесь три вида погребений³⁵⁷, что как раз соответствовало бы тем трем главным тюркским группам, которые были поселены Русью в Поросье: Печенегам, Торкам и Берендеям³⁵⁸.

Что представляли собою черноклобуцкие городки? Это были, по-видимому, небольшие остроги, построенные Русскими для защиты Черных Клобуков от степных Половцев; в эти же городки Черные Клобуки «затворяли» свои семьи, когда уходили из Поросья внутрь Руси на помощь какому-нибудь князю, большею частью для достижения им Киевского стола. Некоторые такие городки принадлежали отдельным черноклобуцким ханам и назывались их именами³⁵⁹. Про один из таких ханских городков (Чурнаев) прямо сказано, что он имел острог³⁶⁰.

Но кроме черноклобуцких городков в Поросье был целый ряд русских городов: Заруб, Иван, Канев, Родня, Товаров, Корсунь, Богуславль, Михайлов, Юрьев, Володарев, Растовец, Неятин, Мунарев, Дернов, Святославль³⁶¹. Порошане-Русские противопоставляются Черным Клобукам, и, когда летописец хочет сказать обо всем населении этого края, он выражается так: «все Клобуци и Порошане»³⁶². В Юрьеве находился епископ Поросья, носивший звание епископа Юрьевского и Каневского. Наконец, самый Торчевск хотя и был главным оплотом Черных Клобуков Поросья, но, по-видимому, лишь в военное время, в мирное же представлял собою обычный русский город, где Черные Клобуки не жили постоянно и где сидели русские князья или их наместники³⁶³.

³⁵⁵ Э. К. Витковский, Раскопки курганов и археологические находки в Васильковском уезде, Труды III Арх. Съезда, т. II, 1878, Приложение. С. 23—30; Н. Е. Бранденбург, Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил Киевской губ., в которых вместе с покойниками погребены остовы убитых лошадей? Труды X Арх. Съезда, т. I, 1899. С. 1—13, его же Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908; А. Спицын, Курганы киевских Торков и Берендеев, Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. т. XI, СПб., 1899; А. [Спицын], Кочевнический курган близ с. Драчей, Каневского у., Зап. отд. русск. и славянск. арх. Имп. Русск. Арх. Общ., 1905, т. VII, вып. I. С. 151—153. Д. Самоковасов, Могилы Русской земли, М. 1908. С. 222—225, 237—238; Отчеты Имп. Археол. Комиссии за 1898 г. С. 71, за 1904 г. С. 119; В. Данилевич, Археологична минувшина Київщини, 1925. С. 111, 127—129 и карта IX; А. А. Спицын, Татарские курганы, Изв. Таврич. Общ. Ист., Археол. и Этнограф., т. I (58), Симферополь, 1927. С. 149; Ср. еще Дм. Анучин, Сани, лодья и кони, как принадлежность похоронного обряда, Древности, Труды Имп. Моск. Арх. Общ. т. XIV, М. 1890, считавший, впрочем, эти погребения славянскими.

³⁵⁶ Цитирована в предыдущем примечании: Курганы киевских Торков и Берендеев.

³⁵⁷ Один вид погребений — без срубов, второй — в срубках, третий же характеризуется тем, что в отличие от двух предыдущих курганные насыпи в основании обкладывались камнями.

³⁵⁸ По летописным известиям невозможно определить, где жило каждое из этих племен, тем более что чаще всего они объединялись у летописцев под общим именем Черных Клобуков.

³⁵⁹ Таковы, напр., городки «Коульдеревъ», «Чюрнаевъ», П. С. Р. Л. II, ст. 669, 672, 1190 г.

³⁶⁰ «Половци...» всѣдоша на коня и ѣхавше изѣхаша городъ Чюрнаевъ и острогъ взяша и дворъ зажгоша и статокъ его всѣ поимаша и двѣ жены его яша и челяди много яша». (П. С. Р. Л. II, ст. 669, 1190 г.).

³⁶¹ Грушевский, Ист. Киевск. земли. С. 33—38.

³⁶² П. С. Р. Л. II, ст. 323, 1146 г.

³⁶³ В 1174 г. в Торчевске видим кн. Михаила Юрьевича (П. С. Р. Л. II, ст. 570—571), в 1188 г. — Романа Мстиславича (II, ст. 662), в 1190-х гг. — Ростислава Рюриковича (II, ст. 669, 670, 672, 1190 г., ст. 677—678, 1193 г., ст. 685, 1195 г.), в нач. XIII ст. — Мстислава Удалого (Лаврентьевск. лет. С. 408, 1207 г., П. С. Р. Л. II, ст. 750, 1227 г.); в 1231 г. Торчевск нахо-

Но если Торчевск находился, по-видимому, постоянно в управлении князей или их наместников, то это не всегда можно сказать про другие, более мелкие города Поросья, которые иногда отдавались в держание черноклобуцким ханам или черноклобуцкой родовой аристократии. О городе Дернове есть прямое свидетельство, что он был отдан в 1192 г. в управление торкского хана Кунтувдея³⁶⁴, а в 1159 г. Берендеи говорят князю Мстиславу: «аже ны хоцещи любити яко же ны есть любилъ отецъ твой и по городу ны даси по лепшему, то мы на том отступимъ отъ Изяслава» (противника Мстислава). И Мстислав нашел их предложение вполне для себя приемлемым: он «радъ бывъ рѣчи той и посла к нимъ с тѣмъ же отрокомъ той же ночи Олбѣря Шерошевича и яса имъ по всю волю ихъ и ротъ к нимъ ходи»³⁶⁵. Исследователями считалась маловероятной возможность держания черноклобуцким языческим ханом русского города³⁶⁶. Однако если помнить значение Черных Клобуков, их «лѣпшихъ людей» и их ханов в Киевской Руси, вспомнить, насколько с ними считались даже самые сильные князья, то такое явление не должно показаться невероятным. И позже, в XVI ст. мы видим, как русские города отдавались московскими государями в держание некре-

дился в держании детей Удалого (II, ст. 766); о наместниках княжеских есть упоминание под 1162 г. (II, 519). Но мы ни разу не слышим об управлении этим городом каким-либо черноклобуцким ханом. *Голубовский* (Печенеги, Торки, Половцы ц. изд. № 9. С. 434 и 438) и *Грушевский* (Ист. Киевск. земли. С. 340) таковым считали Кунтувдея, которого летопись называет «Торцькимъ княземъ» (II, ст. 668, 1190 г.), но это лишь указание на его принадлежность к торкскому племени; как раз в тот год, когда Кунтувдей так именуется в летописи, в Торчевске сидел князь Ростислав Рюрикович; наконец, когда тому же Кунтувдею «роускоѣ землѣ дѣля» дали в держание город, то это был Дернов. Торчевск был, очевидно, слишком важным пунктом, чтобы давать его в управление Черному Клобуку. Что ни Черные Клобуки, ни их родовые старейшины не жили в Торчевске, можно видеть из слов летописи: «Тое же зимы (1190 г.) сдоумаша лѣпшии мужии в Черныхъ Клобучехъ и *приѣхаша* в Торцькыи к Ростиславоу Рюриковичи» (П. С. Р. Л. II, ст. 670). Выражение же летописца «Поиде Мьстиславъ из Володимири полкомъ своимъ с Галичьскою помощю а Рюрикъ поиде ис Торцького с Володимеромъ съ Андрѣевичемъ и съ Василкомъ съ Гюргевичемъ и с Берендѣи и с Куи и с Торки и с Печенѣгы и сняшас оу Котелници со Мьстиславомъ» (П. С. Р. Л. II, ст. 517, 1162 г.) только указывает на место выступления Черных Клобуков, а не на их проживание в Торчевске. Другое известие летописи определенно противопоставляет Торчевск местопребыванию Черных Клобуков; «а Андрѣевич ѣха къ Торческому и къ Берендѣемъ и къ Торкомъ» (П. С. Р. Л. II. С. 516, 1161 г.)

³⁶⁴ «А Коунтоувдѣя остави (князь Рюрикъ Киевскій) оу себе и да емоу городъ на Рси Дверень Роускоѣ землѣ дѣля» (П. С. Р. Л. II, ст. 674).

³⁶⁵ П. С. Р. Л. II, ст. 501.

³⁶⁶ *Голубовский*, Печенеги Торки, Половцы, ц. изд. № 9. С. 435, 438 предполагал поэтому существование городов со смешанным населением из Русских и Тюрков, где тюркский элемент преобладал над русским, и суд в таких городах творили княжеские тиуны, а хану шли лишь доходы. Но *Грушевский*, История Киевской земли. С. 341, сомневался вообще в возможности такого явления: «Довольно трудно уяснить себе, в чем заключалось это держание; с одной стороны, кажется маловероятным, чтобы хану поручались города с населением или чисто русским или смешанным (мне кажется даже мало вероятным самый факт существования городов со смешанным населением). С другой стороны, если предположить, что ханы получали в держание городки, к которым тянуло исключительно черноклобуцкое население, то как согласить эту административную власть, получаемую от русского князя, с прирожденным достоинством хана и связанною с ним властью?» Нам кажется, что и нет необходимости предполагать существование городов со смешанным населением. Это могли быть и чисто русские города.

щенным татарским царевичам³⁶⁷. В Угрии (но здесь имеем сведения лишь о поре язычества самих Мадьяр) печенежским ханам, по-видимому, также давались города в управление³⁶⁸.

Порошане, видимо, мирно уживались с Черными Клобуками, по крайней мере летопись не упоминает о каких-либо столкновениях между ними³⁶⁹.

Несмотря на то, что поселения Черных Клобуков были защищены и русскими городами, и черноклобуцкими острогами, Клобуки не переставали терпеть нападения от Половцев в течение всего XII столетия³⁷⁰. Правда, это уже были не опустошительные приходы Половцев конца XI—нач. XII в. Половцы норовят теперь прокрасться больше «изгоном», но порою им все же удается основательно пограбить Поросье, проникая к самому Торчевску и опустошая его окрестности³⁷¹; не раз Половцы предпринимали специальные нападения на черноклобуцкие вежи и городки, уводя с собою пленных и все их добро³⁷².

Такие явления надо объяснять не столько силою Половцев, а примитивностью организации сторожевой службы; по-видимому, не существовало никаких постоянных «сторожей» на киевском степном пограничье; по всему видно, что вся охрана пограничья заключалась лишь в факте кочевания Черных Клобуков в Поросье. Поэтому, когда они уходили отсюда принимать участие в междоусобицах Руси, Поросье оставалось совершенно не защищенным и Клобуки принуждены были, на случай нападения Половцев, просто запирали свои семьи по острогам. В этом не было бы необходимости, если бы существовала регулярная сторожевая служба.

Но и при такой примитивной защите, страдая сама, черноклобуцкая колонизация все же предохраняла от половецких разорений окрестности Киева, задерживая Половцев на своей территории, и этим достигался для Русских смысл тюркских поселений Поросья³⁷³.

О количестве черноклобуцких отрядов в Киевском княжестве говорилось уже выше; в общем, в Поросье Черных Клобуков надо считать несколько десятков тысяч, а со всеми своими вежами, в которых у них были не только их семьи, но и рабы³⁷⁴, их было, вероятно, около сотни тысяч.

³⁶⁷ «И того же мѣсяца Сентяря пожаловалъ князь велики Василей Ивановичъ, государь самодержецъ всеа Руси, бывшаго царя Казанскаго Шигалѣя, далъ ему Коширу да Серпоховъ со всѣми пошлинами, да и отпустилъ его съ Москвы того же мѣсяца 21» (П. С. Р. Л., т. XIII, вып. I. С. 66, 1533 г.). См. еще пожалование казанскому царю Абдыл-Летифу города Юрьева «со всѣмъ» (Там же. С. 11, 1509 г.).

³⁶⁸ См. *Anonymus*, гл. 57, (с. 53 ed. Endlicher), о Биле и Баксе, получивших Пешт от князя Токсона (текст приведен выше. С. 6). Об их печенежском происхождении см. у *G. Fehér*, ц. с. С. 131, 135—136.

³⁶⁹ Ср. *Грушевский*, История Киевской земли. С. 32.

³⁷⁰ П. С. Р. Л. II, ст. 479, 1155 г., ст. 520—521, 1162 г., ст. 525, 1165 г., ст. 568, 1174 г., ст. 603, 1177 г., ст. 653, 1187 г., ст. 668—669, 672—673, 1190 г.

³⁷¹ П. С. Р. Л. II, ст. 605, 1177 г.

³⁷² П. С. Р. Л. II, ст. 679, 1193 г. и упомянутые уже нападения 1155 г. (ст. 479) и 1162 г. (ст. 520—521).

³⁷³ *Грушевский*, История Киевской земли. С. 301.

³⁷⁴ Это были гл. обр. пленные Половцы; напр., в 1162 г. Черный Клобук захватил в плен 500 Половцев (П. С. Р. Л. II, ст. 521); в 1193 г. пленных Половцев «не бѣ числа» (II, ст. 678); в 1155 г. Половцы пришли в Канев и просили у великого князя киевского, чтобы он вернул им их пленных, захваченных Берендеями. Но последние отказались выдать пленных Половцев,

Управлялись Черные Клобуки Поросья своими ханами — «князьями», по терминологии русской летописи³⁷⁵; таковы уже упоминавшиеся нами Кунтувдей, Кульдер, Чюрнай³⁷⁶; иногда знаем об этих ханах лишь по упоминанию его рода, таковы: «Ичитевичи», «Чагровичи», «Бастева чадь»³⁷⁷; кроме того, часто слышим о черноклобуцкой родовой аристократии — «лѣпшии моужи в Черных Клобоучехъ»³⁷⁸; они управляли Черными Клобуками и решали свои дела: «сдумаша лѣпшии моужии в Черныхъ Клобоучехъ и приѣхаша в Торцькыи к Ростиславоу Юриковичю и рекоша емоу» об их желании организовать поход на Половцев³⁷⁹.

Во все время существования Киевской Руси, т. е. на протяжении XI—XIII ст., Черные Клобуки Поросья остаются кочевниками, со своим своеобразным кочевым бытом и культурой; их вежи, стада, табуны — «стады и скоты многое множество» — на луговых степях Поросья упоминаются не раз в летописи³⁸⁰, также остаются Черные Клобуки и язычниками — «поганые», «свои поганые» нередкий их эпитет в устах летописца³⁸¹. Об язычестве свидетельствуют и их могилы в Поросье, в которых мы не находим следов христианства, но зато неизменно встречаем погребения с конем.

Отдельно надо сказать о пребывании Черных Клобуков в самом Киеве. В нем жили черноклобуцкие «лѣпшии мужи», там были расквартированы и целые отряды Тюрков; они состояли гл. обр. из Берендеев³⁸². Эта черноклобуцкая, в частности берендейская, аристократия играет немаловажное значение в сложной политической жизни Киева. Более часто соприкасаясь с Русскими, живя среди них, эти Тюрки более других подпадали под русское влияние и только среди берендейских «лѣпшихъ мужей» встречаем одного — с именем Кузьмы, свидетельствующим о его христианстве³⁸³.

Переходя к обзору тюркских поселений на левой стороне Днепра, прежде всего встречаем их на той узкой, принадлежавшей Киевскому княжеству прибрежной полосе между Днепром и верховьями Корани и Альты, где в районе

и великому князю пришлось уступить: «Дюрги же не створи имъ насилья, но Половци (степныхъ) одаривъ дары, отпусти я» (П. С. Р. Л. II, ст. 479—480). В 1190 г., когда Половцы захватили город черноклобуцкого хана Чюрная, то в нем они «и челяди много яша» (П. С. Р. Л. II, ст. 669).

³⁷⁵ Так летописцы называли и половецких ханов: «бысть же князь ихъ Искаль» (П. С. Р. Л. I, ст. 163, 1061 г.); «Осень оумре Половечьскый князь» (*там же*, ст. 205, 1082 г.).

³⁷⁶ П. С. Р. Л. II, ст. 629, 1183, ст. 636, 1185, ст. 668—673, 1190, ст. 674, 1192 (Кунтувдей); ст. 629, 1183, ст. 672, 1190 (Кульдер); ст. 669, 1190 (Чюрнай).

³⁷⁷ П. С. Р. Л. I, ст. 249, 1096 г. (Ичитеевичи), II, ст. 536, 1169 г. (Чагровичи), ст. 540, 544, 1170—1171 гг. (Бастеева чадь).

³⁷⁸ П. С. Р. Л. II, ст. 670, 1190, ст. 673, 1192, ст. 676, 1193. У Берендеев, *там же* II, ст. 534, 1169.

³⁷⁹ П. С. Р. Л. II, ст. 670, 1190.

³⁸⁰ П. С. Р. Л. II, ст. 401, 1150 г., ст. 427—428, 1151 г., ст. 521, 1162 г.

³⁸¹ П. С. Р. Л. II, ст. 323, 1146 г., ст. 373, 1149 г.

³⁸² Сведения о Черных Клобуках в Киеве собраны мною в цитированой уже статье «О роли Черных Клобуков в истории древней Руси». С. 108, пр. 6 и 7. См. еще на соединение имени Берендичей с Киевлянами у летописца под 1149 г. в наветах вел. кн. киевскому Изяславу на кн. Ростислава Юрьевича: «много зла баше замыслыль (Ростиславъ), подымолвилъ на тя люди Берендичъ и Кианы» (П. С. Р. Л. II, ст. 372).

³⁸³ П. С. Р. Л. II, ст. 501, 1159 г.

Сакова в 1142 г. упоминаются Печенеги, а в 1150 г. — Турпеи, в которых, по всей вероятности, надо видеть род Печенегов³⁸⁴.

В *Переяславском княжестве* есть целый ряд свидетельств о поселении здесь Торков. В самом Переяславле они упоминаются в 1095 г., когда здесь княжил Владимир Мономах³⁸⁵; впрочем, в данном случае эти Торки могли быть в числе дружины Владимира, а не переяславскими поселенцами. Несколько южнее Переяславля, у внутреннего вала, опоясывающего пространство на юг от столицы княжества, до сих пор существуют две деревни: Малая и Великая Каратуль (кара — черный, туль — шапка = Черный Клобук?), вероятно, память черноклобуцких поселений³⁸⁶. То обстоятельство, что в 1055 г. Торки, впервые появившиеся на горизонте Руси, встречаются у Воиня, прижатые сюда шедшими за ними Половцами, дает основание историку Переяславского княжества В. Ляскофонскому считать, что первые торкские поселения именно здесь и возникли, когда Торки начали из степей проникать в пределы княжества. Их поселили, по предположению Ляскофонского, между Воинем и Зарубом, по низовьям Сулы, Супоя и Трубежа, т. е. на том участке, который был наиболее опасным из-за того, что Половцы сюда сосредоточили свои нападения во второй пол. XI в.³⁸⁷ При Владимире Мономахе, кроме уже приведенного свидетельства, Торки в Переяславском княжестве упоминаются еще два раза: в 1080 г. они восстали против Руси и Владимир «шедь, побѣди Търкы», в другой раз, в 1096 г. новая группа Торков, род Ичитеевичей, пришли к Мономаху из степей, и последний вышел их встречать на Сулу³⁸⁸. Ляскофонский предполагает, что эти Торки были поселены на другом уязвимом месте переяславского пограничья — у верховьев рек Ромны, Осетра и Удая, откуда по водоразделу шел путь и к Переяславлю, и к Киеву³⁸⁹. Здесь же, по-видимому, надо искать и город Баруч, в который князь Ярополк в 1125 г. укрыл Торков при приближении Половцев³⁹⁰.

О Черных Клобуках в *Черниговском княжестве* у нас есть только одно летописное упоминание о «Ковуяхъ Черниговскихъ» 1185 г., о которых говорится и в *Слове о полку Игореве*³⁹¹.

В *княжестве Новгород-Северском* существуют до сих пор местность Торкин в Стародубском уезде да дер. Печенюги около самого Новгорода-Северского³⁹², но летописных известий о Черных Клобуках здесь нет.

Еще скуднее наши сведения о Рязанском княжестве. Здесь известен лишь один город Торческ, перечисляемый в списке русских городов в приложении к *Воскресенской летописи*³⁹³.

³⁸⁴ Об этом см. выше. С. 14—15.

³⁸⁵ П. С. Р. Л. I, 1, ст. 227.

³⁸⁶ А. Стороженко, Где жили Переяславские Торки, Киевская Старина, 1899, 11.

³⁸⁷ В. Ляскофонский, История Переяславской земли. С. 192—193, *его же*, К вопросу о переяславских Торках. С. 286—8.

³⁸⁸ П. С. Р. Л. I, 1, ст. 204 (1080 г.) и ст. 249 (1096 г.). Ср. выше. С. 13.

³⁸⁹ В. Ляскофонский, История Переяславской земли. С. 193—194, 299.

³⁹⁰ Летопись по Лаврентьевск. списку. С. 280—281 и Ипат. лет. в П. С. Р. Л., т. II, ст. 289—290. В. Ляскофонский, ц. с. С. 193; Барсов, Очерки. С. 161—162. Ср. выше. С. 14.

³⁹¹ П. С. Р. Л. II, ст. 638, 639, 642, 644. Ср. выше. С. 16, пр. 83.

³⁹² Грушевский, Ист. Укр. Руси, II. С. 584.

³⁹³ П. С. Р. Л., т. VII. С. 241. В Никоновской летописи (П. С. Р. Л., т. IX. С. 160) под 1136 г. есть такая запись: «Того же лѣта въ Рязани убиша въ загонѣ богатыря Печенѣжскаго».

Но в отдаленной *Суздальско-Ростовской* земле находим снова более многочисленные свидетельства о некогда живших здесь Черных Клобуках, именно — Торках и Берендеях. В летописи есть одно испорченное место, где говорится, что князь Юрий Суздальский прислал в 1146 г. князю Святославу Новгород-Северскому в Колтеск «в помочь тысячу Бренидьець³⁹⁴ дружины Бѣлозерьское. Святославъ же перебравъ дружину и хотѣхати съ Бѣлозерьци на Двдовичю к Дѣдославию...»³⁹⁵; испорченное слово «Бренидьець» понималось исследователями как «Берендич»³⁹⁶. Но было бы все же несколько рискованным на основании этого единственного и столь испорченного летописного указания признавать существование тысячного берендейского отряда у суздальского князя³⁹⁷, если бы ряд топографических данных не убеждал окончательно о действительно живших некогда в Суздальской Руси Берендеях и Торках.

Можно наметить три группы поселений этих Тюрков. Первая — у верховьев Клязьмы и Истры, на середине пути между Москвою и Дмитровом, несколько западнее от этого пути; здесь издавна известна слобода Берендеева, центр Берендеевской волости или стана³⁹⁸; Берендеева слобода уп. с 80-х гг. XIV ст.³⁹⁹ Вторая группа — на северо-восток от первой, в районе озера Плещеева, где в 15 км на ю.-в. от Переяславля Залесского находится жел. дор. станция Берендеево, к северу от которой простирается Берендеево болото (10 км длины и 4—5 км ширины); близ болота есть возвышенность; с этой возвышенностью связано предание, что именно здесь был некогда город Берендеев, в котором жил знаменитый сказочный царь Берендей⁴⁰⁰. Вблизи этого болота современные поселения носят явно тюркские названия, как Абашево, Бакшеево, Балакирево, Итларь. Наконец, третья группа — еще восточнее, в районе Юрьева Польского и Суздаля. Близ р. Нерли (приток Клязьмы), километрах в 15 на с.-в. от Суздаля находится до сих пор дер. Торчино, а километрах в 15 от Суздаля на

Темирхозю». П. Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы, ц. изд. № 9. С. 435 делал отсюда вывод, что «если верить Никоновской летописи, то Печенеги служили князьям рязанским». Но из того, что в Рязани убили Печенега, еще нельзя делать вывода о печенежских поселениях в Рязанском княжестве, тем более что здесь очень возможно смешение этой поздней летописью Печенегов с Половцами. Ср. аналогичное известие под 1148 г.: «Того же лѣта въ Рязани тысяцкій Константинъ многихъ Половецъ поби въ загонѣ» (П. С. Р. Л., т. IX. С. 178).

³⁹⁴ Буквы *дѣ* написаны по подскобленным буквам *ст*, следующее *е* переделано также из другой буквы, а над ним надписано, кажется, *о* (прим. к тексту Ипатьевской летописи, изд. второе, 1908 г. столб. 337—8).

³⁹⁵ П. С. Р. Л. II, ст. 338.

³⁹⁶ Голубовский, Печенеги, Торки, Половцы, ц. изд. № 9. С. 435. Иначе объяснял Карамзин, Ист. Гос. Росс. т. I (изд. 1842 г.), ст. 129 и пр. 299, а за ним И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, СПб., 1893, ст. 177 и 182—183, сближая это слово с «бронистець», бронник, латник.

³⁹⁷ В 1927 г. в своей статье «О роли Черных Клобуков в истории древней Руси» (С. 100) я не располагал еще топографическим материалом и не решался признать наличие Черных Клобуков в Суздальской Руси лишь по упомянутому месту летописи.

³⁹⁸ М. К. Любавский, Образование основной государственной территории великорусской народности, 1929. С. 15, 63—65. В XIV в. эта слобода входила в Дмитровское княжество.

³⁹⁹ В завещании в. кн. Дмитрия Ивановича Донского, составленном между 1377—1389 гг. Собрание Государственных грамот и договоров, ч. I. М., 1813. С. 59 (№ 34).

⁴⁰⁰ «Россия» под ред. Семенова-Тянь-Шанского, т. I, СПб., 1899. С. 271.

с.-з. на р. Ирмизе известно село Торки, уп. ок. 1462 г.⁴⁰¹ Очень интересно с приведенными топографическими данными сопоставить данные археологические. На Юрьевой горе у г. Юрьева Польского было обнаружено кочевническое погребение с конем, которое по манере погребения и инвентарю представляло, по определению *А. А. Спицына*, ближайшую аналогию с курганами киевских Черных Клобуков или с абхазскими северокавказскими погребениями и датировалось XII—XIII веками⁴⁰². *А. А. Спицын* сперва склонялся отнести эту могилу «мирному обывателю северного Кавказа, явившегося в Суздаль хотя бы по торговым делам»⁴⁰³, но позже переменял свое мнение и считал ее «несомненно половецким характерным курганом»⁴⁰⁴. Покойному археологу не были известны следы черноклобуцких поселений в Ростово-Суздальской Руси; нам кажется естественнее считать это юрьевское погребение берендейским или торкским.

Вспомним, что уже Владимир Св. ходил с Торками в 985 г. в поход на Волжских Болгар⁴⁰⁵ и что у самих Болгар был город Торчский⁴⁰⁶. Очевидно, Торки вместе с Берендеями уже в X в. втягивались в орбиту болгарской и русской политической жизни на средней Волге⁴⁰⁷, результатом чего явились их поселения в Ростово-Суздальской Руси.

В заключение надо еще упомянуть об отдельных Торках, проникавших на службу к князьям и занимавших у них различные должности. Так, знаем из летописей, что у вел. кн. Святополка II был конюх Сновид Изчевич⁴⁰⁸, а «овчюхъ» (овчар) — «Торчинъ, именемъ Беренди»⁴⁰⁹; у современников Святополка — князя Давида Игоревича Волынского был муж Туряк⁴¹⁰ и среди отроков — Улан и Колчко⁴¹¹, а у Василька Ростиславича Тербовольского — муж Кульмей⁴¹²; у князей Давида и Олега Святославичей Черниговских некий Торчин стал даже близким их дружинником, участвовавшим со своими князьями в Уветичевском съезде⁴¹³. Хронологически все эти известия относятся к концу XI — началу XII в., т. е. к тому времени, когда Русь была особенно наводнена Печенегами, Торками и Берендеями. Поэтому в тех случаях, когда перечисленные Тюрки не обозначаются по своему племенному имени, их все же надо считать, скорее всего, именно Торками, Печенегами или Берендеями.

⁴⁰¹ Акты Исторические, т. I, СПб., 1841. С. 122, № 71. Ср. *М. К. Любавский*, ц. с. С. 107 (в ссылке на Акты Исторические у Любавского опечатка: вместо т. I. С. 122 напечатан т. I. С. 171).

⁴⁰² *А. А. Спицын*, Кочевнический курган близ гор. Юрьева Польского, Известия Имп. Археологич. Комиссии, вып. 15, 1905. С. 78—83.

⁴⁰³ *А. А. Спицын*, ц. с. С. 83.

⁴⁰⁴ *А. А. Спицын*, Татарские курганы. Известия Таврического Общ. Истории, Археологии и Этнографии, т. I, Симферополь, 1927. С. 149.

⁴⁰⁵ П. С. Р. Л. I, 1, ст. 84. См. выше. С. 7 и 10.

⁴⁰⁶ Лаврентьевск. лет. С. 370, 1184 г. Ср. П. С. Р. Л. II, ст. 626, 1182 г.

⁴⁰⁷ О том, что кочевья Торков еще во второй четверти IX в. доходили до средней Волги и соприкасались с поселениями русских славян см. у *Фр. Вестберга*, К анализу восточных источников о восточной Европе, Ж. М. Н. Пр. 1908, март. С. 16—20 и 28.

⁴⁰⁸ П. С. Р. Л. I, 1, ст. 260, 1007 г.

⁴⁰⁹ Там же, ст. 260.

⁴¹⁰ Там же, ст. 268.

⁴¹¹ Там же, ст. 262.

⁴¹² Там же, ст. 265.

⁴¹³ Там же, ст. 274. 1100 г.

Летописные сведения о Черных Клобуках на Руси прекращаются на грани XII—XIII вв.: в 1202 г. в последний раз они упоминаются под этим общим для них именем⁴¹⁴, в 1235 г. последний раз упоминаются Торки⁴¹⁵, а в 1206 г. — Берендей⁴¹⁶. О Печенегах знаем лишь до 1169 г.⁴¹⁷ Все эти сведения относятся к Киевской Руси, о других местах их поселений у нас есть лишь единичные упоминания XI—XII вв., и о дальнейшей судьбе там Черных Клобуков мы ничего не знаем.

В последний раз в истории киевские Черные Клобуки упоминаются при нашествии Татар, и не в русском источнике, а тюркском — у Рашид-Эддина. Описывая разрушение Татарами южной Руси в 1240 г., Рашид-Эддин сообщает: «осенью года Кулькия, который есть год мыши... принцы Бату с братьями Кодан, Буру и Бюджик, напали на страну Русских и племя *Черных Шапок* и взяли в девять дней большой русский город, имя которого Минкер-Фаан (Киев), а потом все города Уладмура (Владимира)»⁴¹⁸.

Вероятнее всего, что Татары, как полагает Грушевский⁴¹⁹, вытянули пограничных Черных Клобуков в степи, обратив их в своих рабов⁴²⁰.

Проезжавший через Поросье шесть лет спустя по взятии Татарами Киева францисканский монах Плано Карпини уже не встретил здесь каких-либо обитателей⁴²¹. В современных туркестанских Каракалпаках некоторые видят потомков киевских Черных Клобуков⁴²².

⁴¹⁴ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 396.

⁴¹⁵ П. С. Р. А. II, ст. 775.

⁴¹⁶ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 405.

⁴¹⁷ П. С. Р. А. II, ст. 533.

⁴¹⁸ И. Березин, Нашествие Батые на Россию, Ж. М. Н. П. 1855, апрель (ч. 86), отд. II. С. 105—106.

⁴¹⁹ Ист. Укр. Руси, II. С. 551.

⁴²⁰ Недавно О. Андрияшев, Нарис історії колонізації Київської землі до кінця XV віку (в Сборнике «Київ та його околиця в історії і пам'ятках», Київ, 1926. С. 48), высказал предположение, что Черные Клобуки «бежали (от Татар) следом за половецкими ордами далее на запад» (в Угрю?). Что это не могло быть так, видно из Рашид-Эддина, приводящего известие о нападении Батые в 1240 г. на «племя Черных Шапок».

⁴²¹ Плано Карпини, пер. А. Малеина. С. 25 и 45.

⁴²² Кафарзин, Ист. Гос. Российск. т. II, пр. 218, И. Березин, ц. с. С. 101, Брун, Черноморье, Зап. И. Новороссийск. Университ. т. 28, 1879. С. 190—191, кн. В. И. Масальский, Туркестанский край, в серии «Россія», под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского, т. 19, СПб, 1913. С. 390—391, Б. А. Загоровский, Очерк истории северного Причерноморья, ч. I. Одесса, 1922. С. 53. Известно, как при Монголах далеко могли оказываться от мест своего первоначального поселения отдельные покоренные ими народности. Другого воззрения о судьбе Черных Клобуков держались Н. Костомаров, Исторические монографии и исследования, т. I², СПб, 1872. С. 189, A. Jablonowski, Etniczna postać Ukrainy w erose zjednoczenia jej z Koroną, Kwartalnik Historyczny, 1893. С. 408—435, и ряд др. ученых, считавших, что Черные Клобуки и после татарского нашествия остались на своих прежних местах, ассимилировались с местным русским населением и положили начало казачеству. Но еще сам Яблоновский должен был признать (ц. с. С. 412), что после татарского нашествия о Черных Клобуках нет никаких прямых известий, а М. Грушевский в Ист. Укр. Руси II. С. 584—585 особенно подчеркивал всю эфемерность этой точки зрения. Известно лишь несколько лиц на Украине, по-видимому, потомков Черных Клобуков, носивших в XVI—XVII ст. имя Берендей. Таковы: Берендей Пименович, землянин Киевский, уп. в 1500 г., Мишко Берендеевич, черкасский мещанин, уп. в 1552 г., Ждан Берендеевич, уп. в 1582 г. (см. Н. М. Тупиков, Словарь древнерусских личных собственных имен, СПб, 1903. С. 47, 477) и Берендей, сотник немировский, XVII века (Акты, относящиеся к истории Южной и

Подводя итоги и сравнивая историю проникновения Торков и Печенегов в Угriu и Русь, видим, как эти степняки были той главной силой, которая врывалась в пределы обоих государств на протяжении X—XI ст. и против которой и Русь и Угрия одинаково огораживались системой валов и засек со стражею по линии этих засек. Но так как эти Тюрки все же не переставали просачиваться внутрь оседлых государств и так как за ними двигались другие кочевники, оба государства стали селить этих степных беглецов на своих пограничьях или в наиболее важных стратегических местах. Так возникли обе главнейшие группы Торков, Печенегов и Берендеев в Угрии и Руси — на путях с юга к их столицам: стольному Фейервару и стольному Киеву.

До середины XIII ст., до самого конца Киевской Руси, эти Тюрки не ассимилировались с Русскими (да это, вероятно, и не входило в расчеты киевских князей, которым Черные Клобуки тем и были ценны, что представляли своеобразное конно-стрелковое войско, со своей степной военной тактикой); до самого конца Киевской Руси мы видим их кочующими по Поросью, в вежах с «жены и дѣти и съ стады и скоты многое множество». Нечто подобное было и в Угрии, где Печенеги как раз до конца XIII ст. менее всего ассимилировались, занимались скотоводством и коневодством, несли конно-стрелковую службу и еще в конце XV ст. можно было видеть Печенегов в халатах, в оригинальных своих шапках и на быстрых своих лошадях, разъезжавшими по Угрии. К сожалению, у нас нет сведений о том, что представляли собою те многочисленные *villae Bissenorum*, которыми пестрят угорские грамоты, и многим ли отличались они от поросских черноклобуцких станов.

Что же касается значения Печенегов, Торков и Берендеев в политической жизни обоих государств, то и в этом будет у Руси и Угрии немало сходных черт. Оба государства первоначально были наводнены этими Тюрками. Огромный наплыв Печенегов в Угriu в X—XI вв. был еще многочисленнее, чем печенежско-торкское проникновение в Русь в первой четверти XI в. Но в Угрии Печенеги попали в более крепкие тиски государственности, чем в Киевской Руси, и их роль поэтому во внутренних делах Угрии была несравненно скромнее, чем на Руси. На Руси Клобуки, поселенные у самого нерва тогдашней политической жизни — Киева, благодаря начавшимся с 30-х годов XII в. беспрестанным междоусобиям князей за столицу, были втянуты последними как военная сила в эту княжескую борьбу. Отсюда и та исключительная роль Черного Клобука в политической жизни южной Руси. В Угрии же мы ничего не слышим о подобной роли шарвизских Печенегов, расположенных под Секеш-Фейерваром, или каких-либо иных печенежских поселений, хотя и Угрия знавала междоусобия и борьбу различных претендентов за угорский престол. Как мы видели, есть лишь один смутный намек на подобное участие угорских Печенегов: это сообщение Мюглена о том, как в борьбе короля Стефана IV со своим племянником Стефаном решающую роль в неудаче первого сыграли «язычники», от него отступившие, — намек, очевидно, на печенежские отряды.

Западной России, том XIII, СПб., 1885. С. 751 и 754). В Московской Руси памятью о Берендеях была особая шапка, носимая в XVII веке и называвшаяся берендейкой (*В. Даль*, Словарь живого великорусского языка, s. v. берендейка). Даль еще приводит слово «берендейка», бытовавшее в живом великорусском языке его времени и обозначавшее ремень с сумочкой для держания в ней фитиля, пороха или пуль при ношении огнестрельного оружия.

Но, несмотря на то, что политическая роль печенежских беглецов в Угрии была менее значительна, чем она была на Руси, Печенеги до расселения в середине XIII в. по Угрии новой волны тюркских беженцев — Половцев будут самым существенным азиатским элементом и без того им насыщенной Угрии, и в этом отношении будет опять аналогия с Киевскою Русью, в которой до татарского нашествия элемент печенежско-торкский (вместе с берендейским) по сравнению с другими восточными, коих не менее, чем Угрия, всегда знала Русь, также будет наиболее значительным.

Прага

В. Томсен

НАЧАЛО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА*

Предисловие

Немецкий издатель предлагаемой монографии предпосылает своему изданию краткое изложение обстоятельств, вызвавших появление на свет книжки д-ра Томсена, и несколько слов, выражающих личный взгляд издателя на значение и характер исторической работы датского профессора. Мы считаем нелишним сообщить это предисловие также и русским читателям.

«Приглашение, последовавшее со стороны основанной лордом Ильчестером при Оксфордском университете коллегии, имеющей целью поощрять изучение языков, литературы и истории славянских народов, побудило профессора Вильгельма Томсена прочитать в мае 1876 г. в Оксфорде курс лекций под заглавием: «The relations between ancient Russia and Scandinavia and the origin of the Russian state», который был затем отпечатан на счет названного учреждения (Oxford and London: James Parker and Co. 1877, 8°). В самом ясном и привлекательном изложении автор сообщает факты, рассеянные до настоящего времени в обширной литературе предмета, главным образом в трудах русского академика Куника, настолько же объемистых и обремененных деталями, насколько и ученых; при этом во всем сочинении проглядывают следы самостоятельных исследований автора, существенно способствующих решению вопроса. Ввиду указанных достоинств книга д-ра Томсена встретила заслуженное признание в Англии и Франции, равно как и в скандинавских странах: в Германии она до настоящего времени не обратила на себя должного внимания, вопреки почетному отзыву о ней профессора Маурера (*Ienaer Literatur-Zeitung* 1878, с. 256 и след.).

Предлагаемая немецкая обработка сочинения д-ра Томсена появляется вследствие дружеского побуждения со стороны д-ра К. Гёльбаума (*Höhlbaum*), доцента истории в Геттингенском университете, и включает почти во всех частях существенные дополнения и изменения, которыми я обязан любезному участию самого автора. Некоторые отделы (напр., повествование Ибн-Фадлана в первом чтении) я изложил подробнее, чем они были прочитаны перед английской аудиторией; во всяком случае, однако, я считаю себя вправе (вместе с проф. Ширном в *Historisk Tidskrift*, 1878, с. 169 и след.) рекомендовать эту образцовую монографию моим немецким читателям словами Цицерона: *nihil est in historia pura et illustri brevitae dulcius*.

Тем из читателей, которым менее доступна литература предмета, я могу указать, по крайней мере, на упоминаемое в примеч. 69 ко второму чтению исследо-

---

* Печатается по изд.: *Томсен В. Начало русского государства* / Пер. с нем. Н. Аммона. М., 1891.

вание Бюдингера Ueber die Normannen und ihre Staatengründungen и на первый том «Русской Истории» Бестужева-Рюмина (немецкий перевод Шиманна, Митава 1877); работы по этнографии России, помещенные в Mittheilungen Нетерманна (1877, с. 1 и след., 141 и след., 1878, с. 325 и след. и дополнительный выпуск № 54, с приложением нескольких карт), для которых предлагаемая книга дает историческое обоснование до XI века, достаточно известны и распространены».

*Д-р Л. Борнеманн
Гамбург, 1 мая 1879 г.*

Предлагая всем интересующимся вопросами древнейшей отечественной истории русский перевод сочинения д-ра Томсена, без сомнения уже известного специалистам-исследователям в его английском подлиннике или немецкой переработке, переводчик воздерживается от всяких субъективных указаний на достоинства и недостатки этого во всяком случае замечательного труда и считает свою задачу выполненною, если ему удалось точно и ясно, без всяких искажений передать мысли и выводы автора и преодолеть, таким образом, естественные трудности перевода всякого научного сочинения, особенно отличающегося, подобно исследованию д-ра Томсена, сжатостью изложения. Как положительные результаты, так и слабые стороны монографии датского ученого, без сомнения, уже находят и еще найдут достойную оценку со стороны наших ученых историков; отношение самого переводчика к избранному им труду *вообще* явствует уже из того, что он счел его достойным перевода на русский язык и, след., более близкого ознакомления с ним русского общества. Наш перевод исполнен с немецкого издания 1879 г. (Gotha, Friedrich Andreas Perthes).

*Н. Аммон
Москва 1890 г., сентябрь*

Чтение первое

Обитатели древней России
и основание русского государства

При первом выяснении наших исторических сведений мы находим обширное пространство нынешней Европейской России или, по крайней мере, обширное пространство ее внутренних областей населенным, в сущности, теми же народностями, которые и поныне составляют главную основу ее населения, именно — отчасти Славянами, отчасти финскими и татарскими племенами. Но взаимное отношение по количеству этих различных народностей было в те отдаленные времена совершенно иное, чем теперь: подавляющее численное и политическое преобладание славянского элемента над всеми другими является фактом сравнительно новейшим по времени, тогда как честь основания русского государства не принадлежит ни одному из названных племен.

Остановимся на краткое время на начальных судьбах славянства в России и на взаимных отношениях разнородных частей населения этого громадного пространства в ту эпоху, когда впервые появляется имя Руси.

Славяне¹ составляют одну из групп обширной семьи народов, известной под именем Арийцев или Индо-Германцев, населяющих с незапамятных времен большую часть Европы. Конечно, Славяне прожили в нашей части света столь же долго, как и прочие родственные им народы; но свет истории не падает ни на одно арийское племя так поздно, как на Славян, — исключая только их ближайших родичей и соседей, племена литовско-латышские. Жилища Славян были настолько отдалены от центров античной культуры, что Греки и Римляне едва могли приходить с ними в непосредственное соприкосновение; и, так как Славяне сами по себе, как и в настоящее время, были народом миролюбивым, они никогда особенно и не интересовались делами соседних стран. Вследствие этого они так поздно появляются на сцене всемирной истории. Только когда Римляне твердо основались в Германии, они узнали через Германцев о существовании Славян; только тогда мы находим первые упоминания о них у классических авторов. Первый латинский писатель, явственно указывающий на Славян, есть Плиний старший (умер в 79 г. по Р. Х.); но и он выражается очень осторожно, следующими словами: «Некоторые говорят, что земли по ту сторону Вислы населены Сарматами, Венедями и пр.»². Несколько позднее мы снова находим упоминание о Венетах у Тацита в его описании Германии (глава 46-я), причем римский историк колеблется относительно того, должно ли причислять этот народ к Германцам или нет, склоняясь, однако, к первому мнению на том основании, что Венеты по своему образу жизни очень близко подходят к Германцам. С этого времени имя Славян начинает встречаться несколько чаще в исторических и географических трудах древнего мира.

В греко-римской литературе Славяне являются, как мы видели, под общим именем Венедов или Венетов (Venadi, Vinidae, Οὐενέδαι). Этим именем, неиз-

¹ Ср. Шафарика Славянские Древности (по немецкому переводу Мозига и Эренфельда, Лейпциг 1843, ч. I, с. 22 и след., 119 и др.); Крека, Введение в историю славянской письменности (Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, Graz 1874), ч. I, с. 33 и след., 61 и след.

² Плиний, Historia natur. IV, 14, 97: quidam haec habitari ad Vistulam usque fluvium a Sarmatis, Venedis, Sciris, Hirris tradunt.

вестным у самих Славян, германские племена с самого начала называли своих восточных соседей, *Вендов*, и употребление этого наименования римскими писателями доказывает, что сведения о Славянах получались ими через посредство Германцев. Древнегерманская форма этого имени гласит *Wineda*, и теперь еще, как известно, называют *Вендами* остатки некогда широко распространенного славянского населения в Лужицах, тогда как Словенцы в Хорутании, Крайне и Истрии называются *Виндами*; англосаксонские варианты этого имени *Winedus*, *Weonodas*, мы находим в *Орозии* короля Альфреда как обозначение Вендов, или Славян, живущих к югу от Балтийского моря, и этот же самый дикий, языческий народ был известен под именем *Vender* (древненорманнское *Vindr*) в Скандинавии, особенно в Дании, в течение Средних веков (XI и XII столетий). Также и финские племена на берегах Балтийского моря и Ботнического залива заимствовали в древние времена это имя от Скандинавов или Готов и употребляют его еще и теперь в применении к России (у обитателей Финляндии *Venäjä*, *Venäa* или *Venät*, у Эстов *Wene*³). Если сами Славяне когда-либо обозначали свою племенную совокупность общим именем, по всей вероятности, таким именем было то же, какое мы употребляем и теперь, — *Славяне*, первоначально *Словѣне*. Но в действительности каждое из многочисленных племен, на которые славянство распадалось уже в древние времена, называлось особым именем, и самое имя *Словѣне* никогда не является в истории в качестве общего, родового прозвища, но лишь для обозначения отдельных весьма удаленных друг от друга славянских племен.

Древнейшие источники, из которых мы черпаем наши известия о Вендах или Славянах, единогласно помещают их в бассейне Вислы. От этой реки, бывшей, вероятно, их западной границей, они распространялись на восток до Днепра и далее. На юге их границу образовали Карпаты; на севере они, может быть, простирались через бассейн Западной Двины до области, занимаемой впоследствии Новгородом, хотя более вероятно, что их поселения в этой области возникли несколько позднее, одновременно с их дальнейшим распространением на запад.

Среди обширных лесов и болот, покрывавших эти отдаленные области, Славяне, вероятно, прожили первые столетия по Р. Х. в мире и спокойствии, разделенные на мелкие племена или роды, заботясь лишь об удовлетворении собственных потребностей, не беспокоя своих соседей и не затронутые событиями, потрясавшими большую часть тогдашней Европы. Во всяком случае, история не сообщает ничего, что оправдывало бы предположение, будто Славяне принимали участие в важных событиях той эпохи.

В III или IV столетии Готы проследовали с южного берега Балтийского моря через западные части теперешней России. Один из готских вождей, известный завоеватель Эрманирих, основавший здесь на короткое время могущественное королевство, принудил также и Славян покориться его игу. Но Готы вскоре двинулись к югу, и их отношения к Славянам России тем окончились.

Здесь я не могу упустить случая, чтобы не указать на небольшую, по любопытную находку, которая сделана еще в 1858 г., но лишь недавно стала известна и, по моему мнению, наверное, ведет свое происхождение от эпохи готского переселения. Это — острое копье с краткой рунической надписью, найденное вбли-

³ Ср. В. Томсена: *Den gotiske sprogklassens indflydelse på den finske* (Kjöbenhavn 1869), с. 109, 159. Немецкий перевод Э. Сиверса *Ueber den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen* (Halle 1870), с. 126, 183.

зи г. Ковеля Волынской губ.⁴ Письмена этой надписи суть так называемые старейшие руны, чем явственно указано и время, к которому должна принадлежать самая надпись, — именно III или IV столетие нашей эры. Надпись содержит имя человека, без сомнения, владельца копья, имя, которое, вероятно, следует читать *E(?)larids*. Судя по определению времени и этимологической форме имени, невозможно видеть в этой находке что иное, как памятник готского вторжения в западную Россию.

Однако в непродолжительном времени первоначальные жилища стали тесны для Славян: масса их не находила себе места в пределах прежнего расселения; может быть также, внешний толчок привел их в движение; как бы то ни было, они стали распространяться на запад, туда, где великие переселения IV и V столетий предоставляли большой простор для новых поселенцев.

Двумя различными путями Славяне с этого момента идут вперед крупными массами. С одной стороны они переходят через Вислу и занимают земли между Карпатами, Балтийским морем и Эльбой — земли, прежнее германское население которых отчасти откочевало далее, отчасти поредело, благодаря внутренним распрям и погибельной борьбе против Римской империи. Именно по этому пути пришли Поляки и, вероятно, также богемские и моравские Чехи в те области, которые они заняли с тех пор. В других местах этих западных стран Славяне большей частью были истреблены в кровавых войнах с Германцами, так что от них уцелели лишь незначительные остатки.

Другой путь, по которому Славяне продвигались вперед, вел к юго-западу, по течению Дуная. По этому пути шли так называемые южные Славяне: Дунайские Болгары, Сербы, Хорваты и западнее всех — Словенцы. Но тысячу лет тому назад Славяне занимали на этой их новой родине гораздо более обширные земельные пространства, чем теперь: на юге славянские поселения глубоко врезались в Балканский полуостров, а на севере их территории захватывали значительную часть древней Дакии и Паннонии, местность, в которой несколько позднее основались Венгры.

Эти южные Славяне играли видную роль в истории развития целого племени, составляя посредствующее звено между христианской цивилизацией и своими языческими собратьями. Придунайским, главным образом паннонским Славянам во второй половине IX в. солунские братья, свв. Кирилл и Мефодий, национальные апостолы славянства, проповедовали Евангелие на их родном (древнеболгарском?) языке и положили начало цветущей письменности. С распространением христианства между южными и восточными Славянами эта письменность нашла себе новую родину, и еще немного столетий тому назад этот так называемый старославянский язык был единственным литературным языком славянских народов и поныне служит богослужебным языком у Славян православного исповедания.

О Славянах, оставшихся на их старой родине, в нынешней западной России, в течение нескольких столетий мы знаем мало или не знаем ничего. Первый пись-

⁴ См. статью *А. Шумовского* в польском журнале *Wiadomości Archeologiczne*, III, 49—61 (Варшава, 1876) с письмом датского рунолога доктора *А. Виммера* о рунической надписи. Самое острие копья по работе и украшениям имеет необычайное сходство с таким же острием, найденным вблизи г. Мюнхеберга (провинция Бранденбург) и изображенным у профессора г. *Стеффенса* в его *Old Northern Runic Monuments*, t. II (1868), с. 880.

менный памятник, подробно повествующий о них, есть древняя (начальная) русская летопись, носящая имя инок Нестора (умер около 1115 г.?), но в древнейших своих частях, без сомнения, основывающаяся на известиях из более отдаленного времени. Очерк древнейшей истории России, до 1110 г., составленный отцом русской историографии, для нас в высшей степени драгоценен. Автор начинает с перечисления (и описания образа жизни) славянских племен, населявших Россию в начале русской истории, т. е. в IX столетии, и из этого летописного рассказа мы узнаем, что Славяне в то время представляли так же мало национального единства, как — мы видели это выше — при первом появлении на исторической арене: они распадалась особенным порядком своего общественного строя. По Нестору, эти племена были следующие: *Словѣне* (или Славяне кат' ἑξοχήν) по озеру Ильмену, с Новгородом в качестве главного города; к югу от них *Кривичи* по верховьям Волги, Западной Двины и Днепра, с городом Смоленском; к западу от последних родственное им племя *Полочан* по речке Полоте и Западной Двине, с городом Полоцком. По направлению к югу от перечисленных племен мы находим в области к западу от Днепра сперва *Дреговичей*, затем *Древлян*, еще далее *Полян*, важнейшее племя, городской центр которого, Киев, впоследствии стал столь знаменит; кроме того, некоторые менее важные племена. К востоку от Днепра мы находим лишь немногие славянские племена, именно *Радимичей* к юго-востоку от Смоленска (по р. Сожи), *Вятичей* в бассейне (верхней) Оки — самое восточное из всех славянских племен, и, наконец, *Северян* на левом берегу Днепра, отделявшего их область от области Полян.

Как видим, в те времена только одно из этих племен, Вятичи, простиралось до центра нынешней России; Славяне еще жили едва ли много далее к востоку, чем за четыреста лет перед тем, когда указанные места были общей родиной целого племени. Далее, я обращаю внимание на тот факт, что имя Русь было еще совершенно неизвестно и не применялось пока ни к одному из упоминаемых Нестором славянских племен.

Бросив взгляд за пределы тогдашнего славянского мира, мы находим большую часть теперешней России населенной племенами финскими и татарскими. Широкий пояс степей, окаймляющий южную часть страны и населенный в древности преимущественно Скифами, находился в обладании орд турко-татарского происхождения, ведших более или менее кочевой образ жизни. Важнейшим из этих племен в начальную эпоху русской истории были Хазары, основавшие во второй половине VII века государство со столицей Итилем на Волге, близ нынешней Астрахани. Упоминается также одна из их крепостей, Саркел (в русской летописи Белая Вежа), построенная около 835 г. с помощью греческих зодчих, вероятно, на нижнем течении Дона. Постепенно большая часть теперешней южной России с ее пестрым населением сделалась добычей Хазар, и смежные с их владениями славянские племена Поляне, Северяне и Вятичи платили им дань. Под охраной хазарской державы процветала оживленная и обширная торговля, и внимание самих Греков было привлечено к государству хазарского кагана, как называл себя верховный вождь этого народа. Дочь хазарского кагана была матерью византийского императора Льва IV (умершего в 780 г.) по прозванию Хазара, и в IX в. Хазары в большом числе служили в императорской гвардии. Русским князьям предстояло постепенно оттеснять Хазар, пока в 969 г. завоеванием и разрушением их столицы Итиля могущество последних было окончательно

сломлено, после того как крепость Саркел еще четырьмя годами ранее была взята русским (Киевским) князем Святославом.

К северу от Хазар, вверх по Волге, в особенности на левом берегу этой реки, обитали некоторые другие татарские племена. Важнейшим из них являются Волжско-Камские Болгары. Этот народ очень часто упоминается у современных историков, и мы знаем, что Болгары не были, подобно многим племенам одного с ними корня, кочевниками, но имели постоянные пункты оседлости. Они занимались земледелием и также, подобно Хазарам, торговлей, которая и была фактически их главным занятием, и их столица Булгар, в области нынешней Казанской губ., посещалась многочисленными купцами, прибывавшими туда по волжскому водному пути. Между областями Славян и Волгой, равно как на пространстве всего севера обширного русского государства, обитало множество финских племен, из которых некоторые существуют еще и ныне, хотя более или менее перемешавшись с русским народом и, во всяком случае, в гораздо меньшем количестве, нежели прежде. Так, Нестор упоминает Мордву, самое южное из этих племен, живущее и теперь между (нижней) Окой и Волгой. Далее, к северу, в теперешних губерниях Казанской и Вятской, находится упоминаемое Нестором племя Черемиса. Направляясь к северо-западу, мы находим к северу от Славян Новгородских, вокруг Финского залива и Ладожского озера, различные финские, близкородственные обитателям Финляндии племена, известные русским летописцам под общим наименованием Чуди. Эти чудские народцы, а к югу от них племена литовско-латышские (к западу от Кривичей и Полочан) совершенно запирали Славянам выход в Балтийское море и его заливы.

Напротив, финские племена, жившие, по Нестору, в ближайшем соседстве со Славянами на востоке, исчезли вполне, мало-помалу поглощенные славянской народностью. Так, летописец называет племя Мурому, жившее по нижней Оке, к северо-западу от Мордвы и, вероятно, близкородственное с последней. Это племя давно вымерло, но его имя живет еще в названии древнего города Мурома на Оке. К северу (северо-западу) отсюда жило племя Меря, еще далее к северу Весь, два племени, без сомнения, бывшие некогда обширными и значительными. Иорнанд в своей истории Готов называет Vasinobroncas (?), Merens, Mordens (?), т. е. Весь, Мерю и Мордву, в числе народов, некогда поработанных готским завоевателем Эрманирихом. Имя Веси встречается, кроме того, и у арабских писателей в форме *Вису*. По Нестору, озера Ростовское и Клешино⁵ (Переяславское) составляли центр области Мери⁶, тогда как Весь жила по Белоозеру. Нет надобности останавливаться дольше на перечне прочих племен: немногих приведенных указаний достаточно, чтобы дать общее представление об этнографических данных, существовавших в IX в. в странах, известных в настоящее время под именем России. Мы видим это обширное пространство населенным множеством племен различного происхождения — Славянами, Финнами, Турко-Татарами, между которыми не было никакой общей связи и которые все вообще стояли на довольно низкой ступени гражданственности. Лишь в середине IX века положе-

⁵ Старинное имя вместо *Плещеево* (так по *Петерманну*): см. *Штукенберга*, Hydrographie Russlands, V, 333.

⁶ Богатые результаты целого ряда археологических исследований в этих местах собраны у графа *А. Уварова* в его труде о быте Мериан (во французском переводе: Etude sur les peuples primitifs de la Russie. Les Mériens. Trad. du Russe par M. F. Malaque. St.-Petersbourg, 1875).

но основание *русскому* государству, появляется первый зародыш той могущественной монархии, которая впоследствии слила все перечисленные разнородные племена в один государственный организм.

«В 859 г.», говорит Нестор⁷: «пришли Варяги из-за моря и брали дань с Чуди и со Славян, с Мери, Веси и Кривичей; а Хазары брали дань с Полян, Северян и Вятичей».

Далее он продолжает: «В 862 г. они (покоренные племена) прогнали Варягов за море и перестали платить им дань и стали управляться сами собою; но не было у них правды: род восстал на род, и были у них усобицы, и они воевали друг с другом. И сказали они друг другу: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по правде”. И пошли за море к Варягам — *Руса* — так назывались *эти* Варяги, как иные (называются) *Свей* (Свие — Шведы), иные *Урмане* (Норманны, Норвежцы), иные *Англяне* (Англичане или Англы в Шлезвиге?), еще иные *Готе* (вероятно, жители Готии, т. е. острова Готланда). И сказали Чудь, Славяне, Кривичи и Весь Руси: “Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет; приходите княжить и владеть нами”. И были выбраны три брата с родом своим, взяли всю Русь с собою и пришли. И старший брат, Рюрик, сел княжить в Новгороде⁸, второй, Синеус, на Белоозере, третий, Трувор, в Изборске. И от этих Варягов прозвалась русская земля, Новгородцы; это и есть Новгородцы, от крови варяжской; прежде Новгородцы были Славяне. Через два года умер Синеус и брат его Трувор, и Рюрик взял их земли и стал княжить один и разделил города между своими мужами: одному (дал) Полоцк, другому Ростов, третьему Белоозеро».

Таково младенчески простодушное повествование Нестора о начале русского государства. Для того, кто читает его без предвзятого мнения и ухищренных толкований, не может быть сомнения в том, что имя *Варяги* употреблено в смысле общего обозначения обитателей Скандинавии и что Русь есть имя одного отдельного скандинавского племени, пришедшего под предводительством Рюрика и его братьев из-за моря и положившего основание государству, столица которого некоторое время находилась в Новгороде; это государство и есть зерно, из которого выросла современная нам Российская Империя.

Далее Нестор рассказывает, как в том же (862?) году двое из дружинников Рюрика, «не из его рода», Аскольд и Дир, отделились от него с целью проникнуть в Константинополь. Они отправились вниз по Днепру; но прибывши в Киев, главный город Полян, плативших в то время дань Хазарам, они предпочли остаться здесь и основали в Киеве независимое (от Новгорода) княжество. Спустя двадцать лет, в 882 г., это княжество было захвачено Олегом, преемником Рюрика: при помощи военной хитрости он овладел Киевом и умертвил Аскольда и Дира; с тех пор Киев, «мать городов русских», как назвал его Олег, является столицей русского государства и центром народности, носящей имя Руси.

Некоторые второстепенные частности в рассказе Нестора могут вызывать сомнение или подлежать критическому пересмотру; к этому вопросу я еще намерен

⁷ *Chronica Nestoris*, edidit *Fr. Miklosich* (Vindobonae, 1860), с. 9—10. Летопись по Лаврентьевскому списку, издание Археографической Комиссии, Спб., 1872, с. 18 и след.

⁸ По некоторым спискам (напр., Ипатьевскому и Радзивилловскому), Рюрик сперва уселся на Ладоге (на Волхове, близ впадения этой реки в Ладожское озеро) и только по смерти своих братьев переселился в Новгород. См. Летопись по Ипатьевскому списку, издание Археографической Комиссии, Спб., 1871. *Белёвский*, *Monumenta Poloniae historica* (Львов, 1864), I, 564. *А. А. Шлёцер*, *Nestor, Russische Annalen* (Göttingen, 1802), I, 188 и след.

возвратиться в третьем чтении. Но это обстоятельство не изменяет ничего в сущности дела: остается налицо прямое утверждение летописца, что племя, основавшее русское государство и давшее ему свое имя, было скандинавского происхождения.

Бесспорно, во многих случаях для критики представляется трудной задачей восстановление первоначального подлинника так называемого Несторова текста ввиду того, что русские летописи дошли до нас далеко не в первоначальном виде: каждый позднейший переписчик считал себя вправе делать в тексте изменения и вставки по своему произволу; притом старейшие редакции летописных сводов, находящиеся в ваших руках, восходят не ранее как к XIV веку. Но рассказ о начале русского государства принадлежит по летописям к числу твердо установленных фактов: он не только является общим для всех редакций, но проходит, подобно красной нити, через всю древнейшую русскую историю, почему должно признать, что этот рассказ ведет свое происхождение из подлинного летописного оригинала, относящегося — самое позднее — к началу XII в. Предположение, будто в течение каких-нибудь двухсот лет предание могло быть до такой степени искажено, что даже древнейшие летописцы находились в полном заблуждении, противоречит здравому смыслу. С того времени, как историческая критика впервые занялась разбором повествования Нестора, т. е. с начала прошлого столетия, громадное большинство исследователей признавали в общем верность этого рассказа, тем более что с течением времени из других источников открывалось множество доводов, самым неоспоримым образом подтверждающих предание русской летописи. Из длинного ряда имен ученых-исследователей я упоминаю лишь в виде примера имена Готлиба-Зигфрида Байера, Гергарда-Фридриха Миллера, Тунманна, Шлецера, Иос. Миллера, Цейсса, Круга, Карамзина, Соловьева, Шафарика, Миклошича, Смита⁹, далее Погодина, горячо защищающего в различных книгах, написанных на русском языке¹⁰, скандинавское происхождение древней Руси, в особенности же А. Куника, представившего в высшей степени важные материалы для всестороннего освещения всех частных вопросов как в своем главном труде «Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen, 2 Bde, Petersburg, 1844—45» — сочинение, появление которого составляет эпоху в истории решения вопроса, — так и в целом ряде изданных затем менее крупных монографий¹¹. Само собой разумеется, что и в среде

⁹ Важнейшие из их сочинений суть следующие: *Байер*: De Varagis, в *Commentarii Acad. Petropolitanae*, IV; *его же* Origines Russicae, там же, VIII. г. *Ф. Миллер*: Origines gentis et nominis Rusorum, 1749. *Тунманн*: Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. Leipzig, 1774. *Шлецер*, Nestor, Russische Annalen in ihren slavonischen Grundsprache, verglichen, übersetzt und erklärt. 5 Teile. Göttingen, 1802—1809. *Иос. Миллер*: Altrussische Geschichte nach Nestor. Berlin, 1812. *Цейсс*: Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837. *Круг*: Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. Bde. Petersburg, 1842. *Карамзин*: История Государства Российского, т. I, 1816. Немецкие переводы вышли в Риге (1820—1827) и в Дрездене и Лейпциге (1828—1831). *Соловьев*: История России с древнейших времен. 29 томов. М., 1851—1879. *Шафарик*: Славянские Древности, немецкий перевод *Мазига и Эренфельда*, 2 т., Лейпциг 1843 и след. *Миклошич*: Издание Chronica Nestoris. Vindobonae 1860. *Смит*: Nestors russiske Krönike, oversat og forklaret. Kjöbenhavn, 1869.

¹⁰ Напр.: О происхождении Руси. М., 1825. Собрание статей и лекций *Погодина* под заглавием: «Исследования, замечания и лекции о древней русской истории», 7 томов, М., 1846—1859; сюда относятся т. I (Нестор), II (Варяги) и III (Норманнский период).

¹¹ Напр.: у *Круга*, во многих местах; в «Москвитянине» (указатель в «Современнике», XXI); в *Mélanges Russes*; в ученых сообщениях I и III отделений (Bulletin и «Записки») Императорской

этой «школы норманнистов», как ее называют в России, проявляются известные различия во взглядах, и, конечно, наиболее самобытным является защищаемое в особенности норвежскими историками Кейзером и Мунхом¹², но совершенно несостоятельное воззрение, по которому Русь представляется не переселившимся из Скандинавии, но с древних пор основавшимся в России норманнским племенем.

До последнего времени раздавались лишь немногие голоса против господствующего воззрения. Так, немецкий ученый Эверс¹³ выставил теорию хазарско-го происхождения Варягов, основавших русское государство, тогда как некоторые из славянских ученых, и прежде всех уже в прошлом веке известный русский писатель Ломоносов¹⁴, видели в Варягах Славян из Пруссии или Голштинии. Но все эти и подобные гипотезы легко опровергались и находили мало последователей. Происхождение древней Руси от Скандинавов казалось неопровержимо установленным фактом, одинаково удовлетворяющим всех трезво смотрящих на дело русских и иностранных исследователей. Но в среде русских ученых была и есть известная партия, никак не желающая согласиться с таким воззрением на вопрос и тем самым признать иноземное происхождение имени русского народа, — и вот, начиная с 1859 г., открывается целый поход против последователей норманнской теории. С той поры в России появилась целая литература, состоящая из множества книг, брошюр и статей, написанных с целью подорвать авторитет летописного рассказа и опрокинуть положения скандинавской школы¹⁵. Это единственный пункт, в котором сходятся противники последней; во всем остальном их взгляды существенно разнятся друг от друга. Между тем как, например, Костомаров в своем сочинении «О начале Руси»¹⁶ пытается доказать, что появляющиеся в 862 г. Варяги были родом из Литвы, а другие считают их за Готов (воззрение, от которого следует остерегаться всеми мерами, так как оно влечет за собою неразрешимую путаницу!), большинство антинорманнистов настаивают на славянском происхождении древней Руси и принимают, в прямом противоречии к единодушному показанию всех источников, предположение, будто племя Русь с незапамятно-давних пор было туземным в южной России.

Было бы утомительно останавливаться дольше на подробностях этой полемической литературы. Из всей массы сочинений этого рода лишь ничтожная доля имеет научную ценность. Я называю здесь лишь одного писателя из лагеря антинорманнистов, сочинение которого, по крайней мере, производит впечатление

Академии Наук; наконец, у *Дорна*, в его *Caspia* (Mémoires de l'Académie, VII-e série, t. XXIII. 1877) во многих местах.

¹² Кейзер; Om Normændenes Herkomst og Folkeslægtskab, в Samlinger til det norske Folks Sprog og Historie VI, Christiania 1839, и потом *его же*: Samlede Afhandlinger (Christiania 1868), с. 177 и след. Мунх: Om Nordboernes Forbindelser med Russland og tilgrændsende Lande (1849); *его же*: Samlede Afhandlinger, II, Christiania 1874. *Его же*: Det norske Folks Historie I, Christiania 1852 (немецкий перевод Клауссена под заглавием: Die nordisch germanischen Völker, Lübeck, 1853. Das heroische Zeitalter der nordisch-germanischen Völker und die Wikingerzüge, Lübeck, 1854).

¹³ Vom Ursprunge des russischen Staates, Riga und Leipzig, 1808.

¹⁴ Древняя русская история (до 1054 г.). Немецкий перевод вышел в Риге и Лейпциге в 1768 г.

¹⁵ Литературу так назыв. «Варангомахии» см. у Куника в *Caspie Дорна*, с. 279—284, 409—418.

¹⁶ О начале Руси в «Современнике» 1860 г.

чатление серьезной обдуманности и больших познаний, — С. Геденова¹⁷. Громадное же большинство сочинений других антинорманнистов не может даже иметь притязаний на признание их научными: истинно научный метод то и дело уступает место самым шатким и произвольным фантазиям, внушенным, очевидно, более нерассуждающим национальным фанатизмом, чем серьезным стремлением найти истину. Всякий беспристрастный читатель выносит из чтения подобных трактатов такое впечатление, что в данном случае дело сводится к одному — какой бы то ни было ценой устранить неприятный факт основания русского государства при помощи чужеземного княжеского рода, как будто подобное обстоятельство может заключать в себе что-нибудь оскорбительное для великой нации.

Эти новые теории, которых я коснулся вкратце, и в самой России встретили противоречие. Старые бойцы, Погодин и в особенности Куник, неоднократно ополчались на защиту своего любимого дела и в целом ряде статей оспаривали шаткие фантазии своих противников; другие не менее солидные ученые без колебания последовали их примеру. Следует признать, что критицизм антинорманнистов пролил новый свет на некоторые частности вопроса; но главная сущность дела осталась совершенно нетронутой, и в своих основаниях теория скандинавского происхождения Руси не поколеблена ни на волос.

Однако нечего удивляться, если люди, которые не в состоянии сами основательно и беспристрастно обсудить вопрос, вынесли иное впечатление из этого литературного спора. Таким образом, антинорманнизм успел сделаться чуть не догматом веры у известной части русских патриотов и проник даже в некоторые учебники русской истории как неоспоримая истина. С другой стороны, множество совершенно различных мнений, высказанных по занимающему нас вопросу, настолько затемнило и запутало самый вопрос в глазах многих людей, что они даже отчаялись в самой возможности когда-либо выяснить дело. При таких обстоятельствах вполне своевременно подвергнуть вопрос о происхождении Руси новому исследованию по принципам современной науки и в особенности привлечь скандинавскую филологию к содействию в решении вопроса. Эту задачу я и намерен преследовать в моих чтениях. Я надеюсь, что буду в состоянии разобрать вопрос без пристрастия и национальных предубеждений и доказать ко всеобщему умиротворению, что племенем, которое основало в IX в. русское государство и к которому первоначально применялось имя Руси, были, действительно, Норманны или Скандинавы, родом из Швеции.

Так гласит не только предание, твердо сохранившееся в самой России и в самой ясной и неоспоримой форме выраженное в летописях: истина этого предания подтверждается непосредственно или посредственно целой массой доказательств из других источников — лингвистических, исторических и археологических.

В особенности две литературы содержат весьма важные известия о Руси и потому составляют вместе с русскою летописью важнейший источник сведений, касающихся нашего предмета: это — литература Византийской Империи и литература арабская.

---

¹⁷ Варяги и Русь. Историческое исследование. СПб., 1876, 2 тома. Отчасти печаталось и прежде под заглавием: «Отрывки из исследований о варяжском вопросе» в виде приложения к Запискам Императорской Академии Наук, СПб., 1862, I—II.

С первого своего появления в России Русь, как известно, вела оживленную торговлю с Греками¹⁸. Греческая форма имени Руси гласит *Ρος* (‘Ρῶς); рядом с этой формой с середины X в. начинает иногда появляться форма ‘Ρούσιοι, тогда как до того употреблялась исключительно первая форма. Впервые это имя встречается в 839 г. в тексте, к которому я возвращусь во втором чтении. В истории мы не находим указаний, которые могли бы привести нас к предположению, будто Греки имели сношения с народом, известным им под именем ‘Ρῶς, еще до этого времени; более тесные сношения между обоими народами начинаются даже значительно позднее — факт, удостоверяющий, по крайней мере, приблизительно верность Несторовой хронологии.

Антинорманнисты пытались доказать, что памятники греческой письменности знают о существовании Руси с гораздо более раннего времени, и, считая, таким образом, хронологическую недостоверность начальной летописи делом доказанным, приходят к тому выводу, что и весь рассказ о призвании князей есть чистый вымысел. Но, не говоря уже о неправильности такого вывода, и приведенные в пользу его доводы оказываются вполне несостоятельными. Я обращаюсь к словам греческого писателя Ософана Исаакия (умер в 817 г.), на которые неоднократно указывалось и прежде. Названный автор повествует, что император Константин Копроним в 773 г. предпринял войну против Дунайских Болгар. Сперва он отправил большое войско на 2000 галер, а затем отправился и сам в сопровождении нескольких других галер, называемых *τά ρούσια χελάνδια*¹⁹, что и пробовали переводить: «русские галеры». Но мы уже заметили, что слово *ρούσια* в значении «русский» встречается, во всяком случае, не раньше середины X столетия: до этого времени народ постоянно называется ‘Ρῶς, откуда прилагательное *ῥωσικός*. Далее, мы прямо узнаем, что у Руси не было хеландий (особый вид кораблей, очень больших; в русской летописи «олядь»), а были лишь мелкие суда или ладьи²⁰. Дело объясняется просто: *ρούσιος* обыкновенное греческое слово, означающее «красный». В другом месте мы узнаем, что в ту эпоху корабли греческих императоров окрашивались в красный цвет²¹, и выражение *τά ρούσια χελάνδια* не имеет никакого отношения к Руси, а означает лишь «красные (т. е. императорские) галеры» в противоположность к простым военным (или транспортным) судам, на которых перевозилась армия²². Следовательно, приведенный аргумент ничего не доказывает²³. Неоспоримо, что, насколько мы знаем, Греки в

¹⁸ Ср. *Рамбо*: *L'Empire Grec au dixième siècle* (Paris 1870), с. 364 и след. *Гиббон*: *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*, ch. LV, 3.

¹⁹ «Τὸν τῷ ἔτει Μαΐῳ ἰνδικτιῶνος ιβ' ἐκίνησε Κωνσταντῖνος στόλον χελανδίων κατὰ Βουλγαρίαν καὶ εἰσελθὼν καὶ αὐτὸς εἰς τὰ ρούσια χελάνδια ἀπεκίνησε πρὸς τὸ ἐλθεῖν εἰς τὸν Δανούβιον ποταμόν» *Theophanis Chronographia ex recensione. Io. Classeni* (Bonnae 1839), I, 691.

²⁰ «Rusorum etenim naves ob parvitatem sui, ubi aquae minimum est, transeunt, quod Graecorum chelandia ob profunditatem sui facere nequeunt». *Liudprand*, *Antapodosis* V, 15 (Mon. Germ. hist. Script. III, 331).

²¹ «Εἰς ρούσιον ἀγάρριον εἰσήρχετο». *Constantinus Porphyrogenitus*, *De administrando Imperio*, с. 51.

²² Также римлянин *Анастасий*, переводивший во второй половине IX в. хронографию *Феофана* на латинский язык (*Historia ecclesiastica ex Theophane*) и сам бывший в Константинополе, таким образом переводит спорный текст: «et ingressus ipse in *rubea* chelandia motus est ad intrandum Danubium amnem» (*Theoph. Chronogr.* [Bonnae 1841] II, 243).

²³ Ср. *Куника* в *Caspia Дорна*, с. 222 и след. Некоторые другие мнимые доказательства подобного рода, но еще менее состоятельные вполне, как мне кажется, опровергнуты *Куником*, особенно в его статье «О записке готского топарха», в *Записках Имп. Акад. Наук*, т. XXIV, 1874.

первый раз пришли в соприкосновение с Русью в 838 или 839 г., и это вместе с тем единственный случай, что имя Руси упоминается в письменном памятнике до времен Рюрика²⁴. Но прошло почти тридцать лет, прежде чем Греки, на горе себе, ближе познакомились с этим смелым и кровожадным воинственным племенем. Лишь только Русь основалась на берегах озера Ильмень и Днепра, как соседние туземные племена уже почувствовали силу этих пришельцев-завоевателей, и тотчас же блеск и богатства Константинополя, роскошной столицы Востока, наследницы римского могущества и римской образованности, привлекли на себя их жадные взоры и сделали на время императорскую столицу желанной целью их походов. Мне кажется, не может подлежать сомнению, что эта цель была уже с самого начала у Аскольда и Дира, когда они (в 862 г.?) отделились от Рюрика и отправились далее на юг. Но, лишь несколько лет спустя, когда они овладели Киевом и через это приобрели удобный операционный базис, план был приведен в исполнение. В 865 г. они выступили из Киева, поплыли вниз по Днепру, через Черное море, жестоко опустошили берега и острова Черного и Мраморного морей и появились внезапно с флотом из 200 парусных лодок под стенами мирной, не ожидавшей нападения столицы, жители которой до тех пор поддерживали, надо полагать, с Русью дружеские сношения и только по слухам знали о ее разбойничьих нападениях на соседние племена. Паника в городе была всеобщая: никто, кажется, и не думал о защите, напротив, все население столицы, с императором и патриархом Фотием во главе, прибегло к религиозным обрядам и обратилось с мольбами к Пресвятой Деве. И действительно, город был спасен как бы чудом. Внезапно разразившаяся буря разметала и потопила ладьи языческой Руси, так что лишь немногие ушли от общей гибели. Для нас интересно то обстоятельство, что, кроме рассказа русской летописи об этом походе, сохранились два подлинных современных событию документа, дающие нам возможность ближе ознакомиться с отношениями того времени. Несколько лет тому назад в России были найдены две проповеди патриарха Фотия, сказанные по случаю нападения Руси (εἰς τὸν ἔφοδον τῶν Ρῶς); также дошло до нас окружное послание того же автора к подвластным епископам, написанное в конце 866 г., в значительной степени по поводу того же события. В этом послании Фотий называет народ Ρῶς, о котором (продолжаем его собственными словами) «многие часто рассказывали, народ, превосходящий все остальные дикостью и кровожадностью. По покорении окрестных народов они теперь, побуждаемые своею гордостью, подняли руки даже на Римскую Империю»²⁵. К этому Фотий прибавляет: «Эти самые люди в настоящее время оставили свои языческие и безбожные обычаи, обратились к христианству и приняли епископат. Но трудно сказать, насколько это обращение было значительно (в количественном отношении) и продолжительно»²⁶.

Следующий поход Руссов, предпринятый Олегом в 907 г. во главе флота, состоявшего из 2000 ладей, увенчался лучшим успехом. И на этот раз берега моря

²⁴ Ср. *Рамбо*: L'Empire Grec, с. 371—372.

²⁵ «Τὸ παρὰ πολλοῖς πολλὰκις θρυλλούμενον (ἔθνος) καὶ εἰς ὁμότητα καὶ μαιφονίαν πάντας δευτέρους ταττόμενον, τοῦτο δὴ τὸ καλούμενον τὸ 'Ρῶς, οἱ δὲ καὶ κατὰ τῆς 'Ρωμαϊκῆς ἀρχῆς, τοὺς περὶ αὐτὸν δουλωσάμενοι, κακέϊθεν ὑπέρογκα φρονηματισθέντες, χεῖρας ἀντήραν». Photii Epistolae, ed. Richard Montacutius (Londini, 1651), с. 58.

²⁶ Ср. *Рамбо*: L'Empire Grec, с. 382 и след.

и предместья Константинополя подверглись жестокому опустошению, но, так как Греки заперли со стороны моря доступ к городу, Русь не могла проникнуть туда, пока Олег, по рассказу Нестора — единственный источник наших сведений об этом походе, — не распорядился вытащить свои суда на землю и поставить их на колеса. Ветер надул паруса, и таким образом ладьи покатались по суше к городу. Это странное зрелище ужаснуло Греков: они послали к Олегу просить о мире, предлагая ему взять с них дани, сколько он захочет. Дело кончилось тем, что они должны были выплатить крупную контрибуцию и заключить весьма выгодный для Руси мир. Спустя четыре года условия этого мира были точнее определены особым договором, подлинный текст которого сообщен нам летописцем.

Игорь, преемник Олега, с своей стороны предпринимал против Греков два похода, известия о которых идут одновременно из нескольких источников. Первый поход состоялся в 941 г. и был направлен главным образом на малоазиатское побережье Черного моря, но окончился очень несчастливым. Императорский флот напал на Игоря, и в особенности знаменитый греческий огонь причинил страшную потерю судов и внушил панический страх воинам Игоря, из которых лишь немногие вернулись на родину, чтобы поведать своим землякам об исходе предприятия. Желая отомстить за поражение, Игорь собрал многочисленное войско из подвластных племен и наемных кочевых орд и в 944 г. снова появился у греческих берегов во главе сильного флота — на этот раз победа досталась ему легко. Лишь только Греки получили известие о приближении русских войск, они вторично смирились и купили за громадные деньги мир, подтвержденный затем новым договором. В течение следующего столетия Русь предпринимала еще несколько походов против Византийской Империи, но без большого успеха; после 1043 г. нападения Руси окончательно прекращаются. Но Руссы приходили в соприкосновение с Греками не только в качестве морских грабителей и воинов. Гораздо более чем неверная надежда на добычу и дань, привлекала их в Константинополь торговля²⁷. В начале каждого лета регулярно прибывали в греческую столицу целые флотилии русских купцов, привозивших на продажу главным образом различные меха, полученные в виде дани с покоренных племен, а также мед, рабов и пр.; взамен этих товаров Греки снабжали Русь предметами роскоши, золотыми и серебряными украшениями, шелком и прочими дорогими тканями, в особенности теми, которые у Славян назывались наволоками (у Норманнов *pell*, вероятно, род парчи), также винами и южными плодами и т. д. О распространении и важности этой торговли мы находим множество свидетельств в различных источниках; ниже я займусь разбором весьма интересного отрывка, касающегося данного предмета, из сочинения царственного греческого автора, императора Константина Багрянородного. Оба упомянутые договора между Русью и Греками точно так же свидетельствуют о важном значении греко-русской торговли, так как главная цель обоих договоров заключается в утверждении за Русью торговых привилегий в Византии; возможно даже, что позднейшие походы Руси имели целью именно обеспечение этих привилегий²⁸.

Если к сказанному прибавить, что с начала X в. Руссы часто служили в императорской армии или флоте²⁹, то станет ясно, что Греки имели много случаев озна-

²⁷ Там же, с. 386—387.

²⁸ Там же, с. 374 и след.

²⁹ *Куник* в *Caspia Dorra*, с. 36. *Рамбо*: *L'Empire Grec*, с. 387—390.

комиться с этим народом, и потому неудивительно, что у византийских писателей мы особенно часто находим упоминания о народе *Рос* и что этим греко-русским сношениям мы обязаны некоторыми наиболее вескими доказательствами в пользу скандинавского происхождения Руси, доказательствами, к которым я обращаюсь во втором чтении.

Наряду с Греками стоит другая группа писателей, дающих нам немало разъяснений относительно древней Руси. Я разумею арабских или, точнее, вообще магометанских авторов; имя, которым они обозначают русский народ, гласит Русь (روس)³⁰.

Картина этого племени в сочинениях восточных писателей вполне соответствует тому изображению, какое дают нам греческие авторы. Мы видим перед собою народ в высшей степени деятельный, неутомимый и до безумия отважный, стремящийся, вопреки всем опасностям и препятствиям, вперед, в отдаленные, неизвестные страны Востока. То эти люди являются мирными купцами, то кровожадными воинами, нападающими с быстротою молнии и совершенно неожиданно, грабящими, убивающими и увозящими пленников. В отличие от других воинственных племен, бывших в те времена ужасом своих соседей, Руссы никогда не передвигались по суше, но всегда по воде, и для перевозки им служили единственно ладьи. Из области волжских истоков они спускались вниз по реке и торговали с Болгарами; по Днепру они проникали в Черное море, которое даже в период времени приблизительно от 900 до 1223 г. носило имя «Русского моря», «потому что», говорит Араб Засуди (около 940 г.) «по нем не ездит никто, кроме Руси». Но этим не ограничивались плаванья Руссов: по течению Волги, в которую они иногда попадали из Черного и Азовского морей, поднимаясь вверх по Дону и отсюда переправляясь на Волгу, они проложили себе дорогу к Каспийскому морю. Эти области Русь посетила впервые в 880 г. В течение следующих ста лет неоднократно предпринимались походы в прикаспийские страны, часто большими полчищами; так, мы читаем у Засуди, что в 913 г. Русь появилась на Каспии целым флотом из 500 судов, по 100 человек на каждом корабле.

Не излишне обратить внимание на то, как рано начинаются походы Руси на Восток и как скоро их имя становится известным и страшным в тамошних странах. Но это станет понятно, если мы вспомним, что уже в 865 г. Русь предприняла нападение на Константинополь. Почти двадцать лет прошло с года основания русского государства, указанного Нестором, до той поры, когда народы Востока познакомились с Русью. С другой стороны, мы не должны упускать из вида, что до этого времени Русь ни разу не упоминается у восточных писателей. Правда, в предыдущую эпоху у Арабов мы находим очень мало исторических и географических сочинений; тем не менее пять или шесть писателей по меньшей мере упоминают о Славянах³¹. Если даже в данных случаях речь идет только о южных Славянах, все-таки замечательно, что мы не находим ни слова о Руси, имя которой, если антинорманнисты правы в своих утверждениях, в то время уже долж-

³⁰ Сведения о Руссах и Славянах, сообщаемые магометанскими авторами, собраны и переведены на русский язык А. Гаркави в его книге: «Сказания мусульманских писателей о Славянах и русских». Собрал, перевел и объяснил А. И. Гаркави. Спб., 1870.

³¹ Употребляемое Арабами название Славян гласит *Саклаб*, множеств. число *Сакалибах*, форма, очевидно, производная от греческого Σκλάβοι.

но было быть известно далеко за пределами русской земли. Древнейшие мусульманские авторы, упоминающие о Руси, писали около 900 г.³²

Некоторые из этих писателей оставили нам в высшей степени интересные описания нравов и обычаев древней Руси. К числу старейших между этими писателями принадлежит Ибн-Даста (около 912 г.)³³. Вот его рассказ: «Руссы живут на болотистом острове, лежащем посреди озера, имеющем три дневных пути (около 15 немецких миль) в окружности, покрытом трясиной и лесами, климат этого острова весьма нездоров, а почва так болотиста, что земля колеблется, если ступить на нее ногою. Они имеют князя, называемого *Хакан-Рус*. Они нападают на Славян, приходя к ним на ладьях, проникают в их земли, берут их в плен, отвозят к Хазарам и Болгарам и там продают. Они не засевают полей, но живут тем, что награбят у Славян. Когда у кого-нибудь из них родился сын, отец берет обнаженный меч, кладет его перед новорожденным и говорит: “Я не оставляю тебе никакой собственности, лишь то твое, что ты добудешь твоим мечом”. У них нет ни прочной собственности, ни городов, ни полей; их единственное занятие есть торговля всевозможными мехами, выручку они прячут в свои пояса. Мужчины носят золотые браслеты. С рабами они обращаются хорошо. Города они имеют в большом числе(!) и живут просторно. Гостям они оказывают уважение, ищущих помощи пришельцев и всех, кто имеет с ними частые сношения, они защищают против оскорблений и притеснений со стороны своих земляков. Если один из них оскорбляет или притесняет чужеземца, другие помогают последнему и защищают его. Если одно из их племен нуждается в помощи, то все выступают на бой, они не разделяются, но борются единодушно против неприятеля, пока не победят его. Если один имеет с другим ссору, они тягаться перед князем, и, когда князь произнесет приговор, его приказание исполняется. Если же ни одна из сторон не довольна решением, князь приказывает противникам решить дело оружием: тот, чей меч острее, оказывается правым. К этому бою являются родственники обоих бойцов и присутствуют при нем. Противники приступают к поединку, и тот, кто одержит победу, выигрывает дело. У них есть гадатели, и некоторые из них властвуют над князьями, как будто они начальники Руси. Иногда они требуют у людей вещи, какие вздумается, жен, мужей, коней, в жертву Творцу, и такому повелению гадателей должно повиноваться безусловно. Гадатель берет человека или животное, накладывает ему петлю на шею, вешает жертву на дерево, ждет, пока она испустит дух, и говорит потом, что это жертва Богу. Они (Русь) мужественны и храбры. Напавши на другой народ, они не оставляют его прежде, чем уничтожат совершенно; побежденных они грабят и об-

³² По мнению антинорманнистов, имеются на лицо гораздо более ранние упоминания о Руси. В персидском переводе исторического сочинения арабского писателя Табари под 643 г. рассказывается о народе, называемом *Русь*, «врагах всего света, в особенности Арабов», по выражению автора. Это место приводилось в доказательство того, что Русь еще задолго до времени, указанного Нестором, жила где-нибудь на севере от Черного или Каспийского моря. Но приведенный текст ничего не доказывает, так как установлено, что в арабском подлиннике это упоминание о Руси не находится. Это — вставка позднейшего персидского переводчика, писавшего около 963 г., в то время, когда народы Востока имели много случаев ознакомиться с Русью. См. *Dornia Caspica*, с. 28 и след.; *Куника*, там же, с. 233 и след.

³³ Издано Хвольсоном под заглавием: «Известия о Хазарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах». *Ибн Даста*. Спб., 1869. Ср. *Гафкави*, с. 260 и след. и *Catalogus codicum manuscr. Orientalium qui in museo Britannico asservantur* (Londin, 1871. fol.), part. II, p. 604—607.

рашают в рабов. Они большого роста, имеют красивую наружность и выказывают большую смелость при своих нападениях; но эту смелость они проявляют не на коне, а предпринимают все свои походы и нападения на лодках. Они носят широкие штаны: на каждую пару употребляют сто локтей материи. Надевши эти штаны, они собирают складки у колен и крепко подвязывают их там. Они всегда носят при себе мечи, потому что мало верят друг другу и потому что коварство между ними весьма обыкновенно: если один приобретает собственность, то, как бы ни была мала ее ценность, родной брат или товарищ тотчас же завидует и выжидает случая убить и ограбить его. Когда умирает выдающийся человек, ему устраивают гробницу в виде большого дома, кладут туда мертвеца и вместе с ним в ту же гробницу кладут его платья, а также золотые браслеты, которые он носил, затем съестные припасы и сосуды с напитками и деньгами. Наконец, в могилу же кладут живьем любимую жену умершего, запирают вход, и жена таким образом умирает там».

Покамест я желал бы только обратить внимание на выступающую в рассказе Ибн-Даста противоположность между Руссами и Славянами, с которыми первые ведут войны. Далее следует заметить, что изображение Руси у Ибн-Даста не вполне соответствует ее тогдашнему образу жизни: ибо в то время Русь жила в Киеве, а не на каком-то нездоровом острове, и ее государственный строй получил уже законченную организацию: Руссы уже не были разбойниками, как изображает их Ибн-Даста. Мне кажется, мы имеем в данном случае описание, вышедшее из вторых, если не из третьих рук, источник³⁴ которого относится ко времени до окончательного утверждения Руси в Киеве, когда и жилища, и образ жизни ее могли быть таковы, какими их описывает Ибн-Даста. В словах автора, что князья Руси называются *Хакан-Рус*, я вижу указание на то, что свои сведения он получал прямо или посредственно через Хазар, так как *хакан* (каган) есть турецкий или татарский титул, который употреблялся именно Хазарами для обозначения их собственных князей³⁵.

Другой арабский писатель дает нам весьма замечательные, хотя в некоторых частностях, наверное, преувеличенные и не проверенные критически сведения о Руси: это Ибн-Фадлан. В 921 и 922 годах он был отправлен к Волжским Булгарам в качестве посла от калифа Муктадира и во время своего пребывания в болгарской столице часто имел случаи видеть Руссов, приезжавших вниз по Волге для торговли с Булгарами. Ибн-Фадлан оставил описание этого своего путешествия, и отрывки из этого описания содержатся в словаре географических омонимов Якута под заголовком *Русь*³⁶.

«Я видел Руссов, — рассказывает Ибн-Фадлан, — как они прибыли со своими товарами и расположились на реке Итиле (Волге). Никогда я не видел людей более развитых по телосложению: они высоки, как пальмы, цвета сырого мяса и красны. Они не носят ни камзолов, ни кафтанов. Мужчины у них носят грубую одежду, ко-

³⁴ Или источники: ибо вполне ясно, что Ибн-Даста имел перед собой по крайней мере два источника: ср., напр., его замечание о том, что Руссы не имеют ни земельной собственности, ни городов, ни полей, и другое, следующее почти тотчас же, что они «имеют города в большом числе».

³⁵ Ср. Гатицука в «Трудах первого археологического съезда в Москве». 1869. I, с. 145 и след.

³⁶ Френ: *Ibn-Foszlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit*. St.-Petersburg., 1823. И. А. Расмуссен: *De Orientis commercio cum Russia et Scandinavia medio aevo* (Hauniae, 1825) с. 32 и след.

торую они накидывают на один бок, оставляя одну руку свободною. Каждый имеет при себе топор, нож и меч; без этого оружия их никогда нельзя видеть. Их мечи широки, с волнообразным клинком и франкской работы; на одной стороне их, от острия до рукояти, изображены деревья и различные другие фигуры. Женщины носят привязанным на груди маленький ящичек из железа, меди, серебра или золота, смотря по состоянию мужа и сообразно с его обстановкою. На ящичке находится кольцо, а на нем нож, так же точно прикрепленные на груди. На шее они носят золотые и серебряные цепи. Именно, если муж имеет десять тысяч диргем (серебряных монет), он делает своей жене цепь, если он имеет двадцать тысяч, она получает две цепи на шею, и, таким образом, каждый раз, как муж становится богаче на десять тысяч диргем, жена его получает одной цепью больше. Поэтому на шее русской женщины часто находится очень много цепей. Величайшее их украшение заключается в зеленых стеклянных бусах, вроде тех, какие находятся на кораблях. Руссы очень дорожат ими, платят по диргеме за одну такую бусинку и соединяют их в шейные цепи для своих жен. Они неопрятнейшие из людей, созданных Богом... Они приходят из своей земли, ставят корабли на якорь в Итиле (это большая река) и строят себе на его берегах большие дома из дерева. В одном таком доме они живут по десяти или двадцати, также в большем или меньшем числе, вместе. Каждый из них имеет скамью, на которой сидит он сам и с ним его служанки и красавицы, предназначенные для продажи. Каждый день они моют себе лицо и голову самой грязной, нечистой водой, какая только может быть. Именно каждое утро приходит служанка и приносит большую лохань с водою, которую ставит перед своим господином. Тот моет в ней лицо и руки, моет также волосы и вычесывает их гребнем в таз. Затем он сморкается и плюет в ту же посуду и вообще не оставляет на себе никакой нечистоты, но все спускает в поданную ему воду. Когда он сделает все, что нужно, служанка подносит таз к тому, кто сидит всех ближе к первому, и тот проделывает то же самое. Она же продолжает переносить таз от одного к другому, пока обнесет всех находящихся в доме, из которых каждый сморкается и плюет в таз и моет себе в нем лицо и волосы. Как только их корабли придут на место якорной стоянки, каждый из них выходит на берег, имея при себе хлеб, мясо, лук, молоко и опьяняющий напиток, и направляется к высокому деревянному идолу, имеющему подобие человеческого лица и окруженному небольшими истуканами, за которыми возвышаются еще другие деревянные изображения. Он подходит к большому деревянному идолу, бросается перед ним на землю и говорит: "О мой господин! Я пришел из далекой страны и привез с собой столько-то рабынь, столько-то соболей и столько-то (других) мехов". Затем, пересчитавши все привезенные им товары, он продолжает: "Тебе я принес эти дары", кладет принесенные им предметы перед деревянным истуканом и говорит далее: "Я желаю, чтобы ты послал мне покупателя, который имел бы много золота и серебра, который купил бы у меня все, что я желаю продать, и не противился бы ни одному из моих требований". Сказавши все это, он уходит прочь. Если торговля идет плохо и его пребывание (на чужбине) слишком затягивается, он приходит опять и приносит второй и потом также третий дар. И если все-таки он встречает затруднения к достижению желаемого, тогда он приносит дар одному из тех (о которых сказано выше) меньших истуканов и просит его о ходатайстве, говоря: "Ведь это жены и дочери нашего господина". И так он продолжает обращаться к каждому истукану поочередно, в отдельности, прося и умоляя их о заступничестве и смиренно преклоняясь перед ними. Часто после этого его торговля идет легко и удач-

но, и он распродает все привезенные товары. Тогда он говорит: “Мой господин исполнил мое желание, теперь моя обязанность отблагодарить его”. Взяв и зарезав несколько быков и овец, он раздает часть мяса бедным, а остальное приносит к большому истукану и к окружающим его малым и развешивает головы быков и овец на утвержденные в земле деревянные фигуры. Ночью приходят собаки и пожирают все. Тогда принесший жертву восклицает: “Мой господин благоволит ко мне: он съел мои дары”. Если один из них заболевает, они устраивают ему в отдалении от себя шатер, кладут туда больного и ставят рядом с ним несколько хлеба и воды. Близко к больному они никогда не подходят и не говорят с ним, даже более того: они не посещают его за все время болезни, особенно если он бедняк или раб. Когда больной выздоровет и встанет с постели, он возвращается к своим. Если же он умрет, его сжигают, но, если это раб, его оставляют на месте, пока он не сделается добычей собак и хищных птиц. Если они поймают вора или разбойника, то ведут его к высокому, толстому дереву, накидывают ему крепкую веревку на шею, прикрепляют его этой же веревкой на дерево и оставляют висеть, пока он, истлевши от ветров и дождей, не распадется на куски. Мне говорили, что они по отношению к своим вождям проделывают вещи, из которых сожжение самое меньшее. Я желал разузнать про это поближе, и вот мне наконец объявили о смерти одного из их вельмож. Они положили мертвеца в могилу и закрыли ее сверху крышкой на десять дней, в течение которых кроили и шили покойнику платье. Если умерший бедный человек, для него строят маленькую лодку, кладут его туда и сжигают. При смерти же богатого собирают его имущество и делят на три части. Одна треть предоставляется его семейству, другая идет на изготовление платья для мертвеца, на третью покупают опьяняющий напиток, который пьется в тот день, когда рабыня предает себя смерти и подвергается сожжению вместе со своим господином. Они предаются употреблению вина бессмысленным образом и пьют днем и ночью. Часто кто-нибудь из них умирает с кубком в руках. Когда у них умирает вождь, семейство покойного спрашивает у его рабынь и рабов: “Кто из вас хочет умереть с ним?” Тогда один из них отвечает: “Я”. Едва он произнес это слово, его связывают, и ему уже не дозволяется взять слово назад, если бы он и хотел, его не отпускают. Но большею частью на это изъявляют согласие рабыни. Поэтому, когда умер тот человек, о котором я выше упомянул, его рабынь спросили: “Кто хочет умереть с ним?” Одна из них ответила: “Я”. Тогда ее поручили двум рабыням, которые должны ее стеречь и сопровождать повсюду, куда бы она ни пошла; иногда они даже мыли ей ноги. Затем люди начали заниматься нужным для покойного, кроить для него платье и готовить вообще все потребное. Рабыня между тем пила все эти дни, пела и была весела и довольна. Когда наступил день, в который покойник и рабыня должны были быть сожжены, я пошел к реке, где стоял корабль умершего. Он был уже вытасчен на берег; для него были расставлены четыре угловые колоды из дерева *халендж* и другого дерева, а вокруг корабля большие человекоподобные деревянные истуканы. Потом приволокли корабль и поставили его на названные деревянные колоды. Люди между тем стали ходить взад и вперед и говорили слова, которых я не понимал. Мертвец же лежал еще в отдалении в своей могиле, из которой его еще не вынули. Потом принесли ложе, поставили его на корабль и покрыли подбитыми ватой стегаными тканями, греческой золотой материей и подушками из той же материи. Затем пришла старая женщина, которую они называют ангелом смерти, и разложила названные вещи на ложе. Она заботится о шитье платья и о всей обстановке, она же убивает рабы-

ню. Я видел ее: это дьявол с мрачным, свирепым взглядом. Когда люди пришли к могиле, они очистили землю от наваленного дерева, прибрали его в сторону и вынули мертвеца в саване, в котором он умер. Тут я увидел, как он совершенно почернел от холода. В могилу с ним были положены опьяняющий напиток, плоды и музыкальный инструмент, все это теперь было также вынуто. Покойник, кроме цвета кожи, ни в чем не изменился. На него надели онучи, штаны, сапоги, куртку и кафтан из золотой ткани с золотыми пуговицами, на голову же златотканую шапку с собольей опушкой. Потом понесли его в находившуюся на корабле палатку, посадили на подбитое ватой покрывало, подперли голову подушками, принесли хмельной напиток, плоды и благовонную траву и положили все это рядом с ним. Также поставили перед ним хлеб, мясо и лук. Потом привели собаку, разрубили ее на две части и бросили их в корабль, затем положили рядом с мертвецом все его оружие, привели двух лошадей и гоняли так долго, что с них полил пот, после чего их разрубили мечами и бросили мясо их в корабль. Потом были приведены два быка и также разрублены и брошены на корабль. Наконец, принесли петуха и курицу, зарезали и бросили туда же. Между тем рабыня, обрекая себя смерти, ходила взад и вперед и вошла в один из бывших тут шатров. Обитатель шатра лег с ней и сказал: «Скажи твоему господину, что только из любви к тебе я это сделал». В пятницу пополудни рабыню повели к нарочно сделанному предмету, похожему на дверь. Она стала ногами на ладони мужчин, посмотрела через эту дверь вниз и сказала при этом что-то на их языке, после чего ее пустили наземь. Потом ее снова заставили подняться, и она сделала то же, что в первый раз. Опять ее спустили и поднимали в третий раз, и опять она вела себя, как и в два первые раза. Тогда ей дали курицу; она отрезала у нее голову и бросила прочь. Курицу взяли и бросили в корабль. Я справился у переводчика о том, что эта женщина делала. «В первый раз, — ответил он мне, — она сказала: «Вот я вижу здесь моих отца и мать»; во второй раз: «Вот теперь я вижу сидящими здесь всех моих умерших родных»; в третий же раз: «Вот здесь мой господин: он сидит в раю. Рай так прекрасен, так зелен. С ним я вижу мужей и мальчиков. Он зовет меня, отведите меня к нему»». Тогда ее повели к кораблю. Она сняла браслеты с обеих рук и отдала женщине, называемой ангелом смерти, которая должна ее убить. Также сняла она кольца с обеих ног и передала их двум прислуживавшим ей девушкам, которые называются дочерьми ангела смерти. Затем ее поднимали на корабль, но не впустили пока еще в палатку. Тут подошли мужчины со щитами и посохами и вручили ей кубок с одуряющим питьем. Она взяла его, запела что-то и осушила кубок. «Это, — пояснил мне переводчик, — она прощается со своими близкими». Затем ей был подан второй кубок. Она взяла его и запела длинную песню. Тогда старуха приказала ей скорее осушить кубок и войти в палатку, где лежал ее господин. Тут рабыня обнаружила страх и нерешительность: она уже хотела войти в палатку, но (только) просунула голову между палаткою и кораблем. Тотчас старуха схватила ее за голову, ввела в палатку и сама вошла с нею. Мужчины застучали посохами в свои щиты, чтобы заглушить крики, которые могли бы испугать других рабынь и отбить у них охоту когда-нибудь также потребовать смерти вместе со своим господином. Потом шесть мужчин вошли в палатку, и все поочередно ложились с рабынею. Затем они положили ее рядом с господином. Двое схватили ее за ноги, двое за руки, а старуха, называемая ангелом смерти, надела ей на шею петлю и поручила двум мужчинам затянуть ее, сама же подошла с большим, широким ножом и воткнула его рабыне между ребрами, потом вытащила его обратно. Мужчины же в то время душили ра-

быню петлею, пока она не умерла. Тогда подошел ближайший родственник покойника, голый, взял кусок дерева, зажег его и пошел, птясь назад, к кораблю, в одной руке держа дерево, а другою держась за зад, пока таким образом дерево, сложенное под кораблем, было зажжено. Затем подошли и остальные с горящими лучинами и другими кусками дерева; каждый нес кусок, зажженный сверху, и бросал его на костер. Пламя скоро охватило последний, а затем скоро и корабль, и накатку, и палатку с его рабынею, и все, что было на корабле. Тогда подул страшная буря, еще более усилившая огонь. Рядом со мною стоял один Русин, который разговаривал со стоявшим около него переводчиком. Я спросил у переводчика о том, что ему говорил Русин, и получил такой ответ. «Вы, Арабы,— сказал он,— глупый народ: вы берете самого любимого и уважаемого у вас человека и бросаете в землю, где его пожирают гады и черви. Мы же, напротив, мгновенно сжигаем его, так что он немедленно и без задержки попадает в рай». Затем он разразился необузданным смехом и прибавил: «Любовь к нему Господа (Бога) сотворила то, что ветер уже дует и унесет его в одно мгновение». И действительно, не прошло часа, как и корабль, и костер, и рабыня с мертвецом обратились в пепел. Тогда над местом, где стоял вытасненный из реки корабль, насыпали нечто вроде круглого холма, поставили посреди его большой памятник из букового дерева и написали на нем имя умершего вместе с именем царя Руси. После этого они разошлись».

Однако, как бы ни были интересны эти различные повествования о Руси, свидетельствующие о нравах и обычаях древней России, они проливают мало света на вопрос о национальности Руси. Причиной того является неопределенность значения, которое восточные народы мало-помалу стали соединять с именем *Русь*. Очевидно, что они очень скоро начали применять это имя не только к Руси в тесном смысле слова, но и ко всем принадлежавшим к русскому княжению народам, будь то Скандинавы, Славяне или Финны, вообще ко всем народам, которые жили за Болгарией и Хазарией и приходили на Восток из тамошних стран.

Ясно свидетельствует о таком словоупотреблении одно указание, находимое у некоторых арабских писателей X века (прежде всех, вероятно, или у Абу-Исхака аль-Истахри или у Абу-Саида аль-Балхи — оба около 950 г.)³⁷. Они пишут: «Русь распадается на три племени. Одно живет вблизи от Болгар, и царь этого племени имеет столицей город по имени *Куябах* (Киев), который больше Булгара. Второе и самое далекое племя называется *Селавиях*; третье называется *Артаниях* (другое чтение *Барманиях*²), и его царь живет в *Артъ* (?)». Первое из этих племен есть, очевидно, настоящая Киевская Русь; второе племя — Славяне, преимущественно Новгородские; под третьим, вероятно, подразумевается какое-нибудь финское племя, но, какое именно, сомнительно: или Мордва — *Эрзя* (?), или *Пермь*, у Норманнов *Vjartar* (?), у Англосаксов *Beormas*.

При нетвердости, господствующей в терминологии восточных авторов, без сомнения, некоторые замечания, сообщаемые ими о нравах и обычаях Руси, относятся не к самой Руси, но либо к одному, либо к другому из племен, всех вместе называвшихся Русью на Востоке. Поэтому любая теория происхождения Руси может находить себе кажущуюся опору в сочинениях восточных писателей. При таких условиях следует пользоваться этими сочинениями с большой осторожностью, тем более что они содержат, несомненно, много преувеличений и недора-

³⁷ *Френ*: Ibn-Foszlān, с. 141 и след. *Гаркави*: сказания и т. д., с. 193, 197 и след., 276 и др. *Хвольсон* в «Трудах первого археологического съезда в Москве». 1869, I, с. 133 и след.

зумений. Однако неоспоримо, что некоторые отдельные указания в них подходят только к Скандинавской народности и потому могут по справедливости приводиться в подтверждение повествования Нестора. К этому я впоследствии еще возвращусь.

Чтение второе

Скандинавское происхождение древних Руссов

В первом чтении я попытался представить очерк быта населения древней Руси, сообщил рассказ Нестора об основании русского государства с приложением характеристики его основателей по греческим и мусульманским источникам.

Теперь задача заключается в том, чтобы свидетельствами из других источников подтвердить показание Нестора о скандинавском происхождении Руси. Открыто признаюсь, что большая часть тех поводов, которые я имею сообщить, отнюдь не представляется новостью; но ввиду возражений, выставляемых против означенного мнения, даже частое повторение одних и тех же доводов не может считаться излишним; относительно же некоторых частных нашего предмета я надеюсь установить и новые, более правильные воззрения.

Я уже упомянул, что греческая форма имени Руси гласит Ῥως (или Ῥούσιοι) и что с конца IX в. имя *Рос* часто встречается в византийской письменности. Без сомнения, Греки были хорошо знакомы с этим народом и наверное умели отличать его от других соседних народов, в частности от Славян. Но, если мы пожелаем узнать подлинную национальность народа *Рос*, то в этом случае византийская литература, взятая сама по себе, не даст нам ясного и определенного ответа. Иногда в качестве обозначения Руси мы находим наименование *Скифов* (Σκυθαί) или *Тавроскифов* (Ταυροσκυθαί); но это имя не народное, а книжное, без всякого отношения к действительной национальности, основывающееся лишь на том соображении, что данный народ живет в стране древних Скифов, к северу от Черного моря. Один или два византийских писателя дают нам несколько более определенное указание, когда они при упоминании описанного выше похода 941 г. обозначают *Рос* как народ *франкского*, т. е. германского, племени; ибо имя Франков нередко употребляется у византийцев в этом общем значении¹.

Но, по счастью, этот недостаток сведений восполняется с другой стороны. Я приступаю теперь к рассмотрению целого ряда цитат из произведений средневековых писателей Западной Европы, дающих нам точные сведения об этнографическом значении имени *Рос*. Единогласное свидетельство этих памятников пись-

¹ Леонтий (продолжатель *Феофана*) упоминает о Руссах при описании похода 941 г.: «οἱ Ῥῶς — οἱ καὶ Δροῦῖται λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων καθίστανται». Те же самые выражения находим у *Герония Амартола* в неизданной рукописи Ватиканской библиотеки (*Гедеонов*, Варяги и Русь, II, 471) и у так назыв. *Симеона Логооста*, который, наверное, делал выписки из хроники Леонтия. Ср. *Куника*, *Berufung der schwedischen Rodsen* II, 394 и след., 409 и след. Об употреблении имени Франков у византийских писателей ср. *Куника* в разных местах, напр. 388, и у *Дорна* (*Caspia*, с. 29). Имя Δροῦῖται (от урочища Δρόμος Ἀχιλλέως на устье Днепра) объясняет *Куник*, *Berufung* II, 405 также «О записке готского топарха» в *Записках Академии Наук*, XXIV, 114 и след., и в *Caspia Дорна*, с. 400.

менности таково, что Греки называли Русью тот самый народ, который так хорошо был известен в остальной Европе под именем *Норманнов*.

Ранее всего мы находим упоминание о народе *Рос* в так назыв. Бертинских анналах под 839 г.² Относящиеся к нашему вопросу части этой летописи составлены Пруденцием, епископом города Труа, человеком ученым и добросовестным, труд которого принадлежит к числу лучших и достовернейших памятников того времени. У него мы читаем рассказ о том, как в 839 г. к императору Людовику Благочестивому прибыли послы от византийского императора Феофила с письмом и драгоценными подарками. Император принял послов с большими почестями в Ингельгейме 18 мая. Вместе с ними, — продолжает свой рассказ Пруденций, — Феофил прислал нескольких людей, «которые говорили, что они, т. е. их народ, называются *Рос*, и которых, по их словам, их царь по имени Хакан (*Chasanus*) прислал к нему (Феофилу) с дружественными намерениями»; в названном письме Феофил просил императора Людовика дозволить этим людям под его охраной проехать через все его владения, так как сам он не может допустить, чтобы они возвращались на родину по тому же пути, по которому прибыли (в Византию), ввиду того, что им пришлось бы идти через земли диких и страшно жестоких варварских племен. Когда же Людовик точнее осведомился о причине прибытия этих людей, он узнал, что они были шведской народности (*eos gentis esse Sueonum*); и, так как он заподозрил, что они явились не с дружественной целью, а скорее в качестве соглядатаев, он решил задержать их у себя, пока не выяснятся истинные мотивы их прибытия, о чем и дал знать греческому императору через его же послов³.

Смысл этого рассказа совершенно ясен. Народ, царь (или князь) которого отправил послов к византийскому императору и о существовании которого Греки, может быть, впервые узнали при этом случае, назывался в Константинополе *Рос*. Употреблялось ли это имя в собственном языке народа или же его так называли только другие народы — это вопрос, к которому я возвращусь ниже; пока он не имеет для нас значения. Под тем же именем *Рос* император Феофил отрекомендовал со своей стороны этих людей Людовику Благочестивому в письме (написанном, разумеется, на греческом языке), которое его послы передали по принадлежности. Что Пруденций основывает свой рассказ на этом письме, доказы-

² На это место впервые указал Байер в своих *Origines Russicae* (*Commentationes Academiae Scientiarum Petropolitanae* VIII [1736], с. 388); после того оно подвергалось разбору бесчисленное количество раз. См. в особенности у Куника, *Die Berufung der schwedischen Rotsen* II, 195 и след.

³ «Venerunt legati Graecorum a Theophile imperatore directi... ferentes cum donis imperatore dignis epistolam; quos imperator quinto decimo Kal. Iunii in Ingulenheim honorifice suscepit... Misit etiam cum eis quosdam qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum, Chasanus vocabulo, ad se amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat, petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per imperium suum totum habere possent, quoniam itinera, per quae ad illum Constantinopolim venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent, redire noluit. Quorum adventus causam imperator diligentius investigans, comperit eos gentis esse Sueonum, exploratores potius regni illius nostrique quam amicitiae petitores ratus, penes se eo usque retinendos iudicavit, quod veraciter invenire posset, utrum fideliter eo necne pervenerint; idque Theophilo per memorato legatos suos atque epistolam intimare non distulit, et quod eos illius amore libenter suscepit; ac si fideles invenirentur, et facultas absque illorum periculo in patriam remeandi daretur, cum auxilio remittendos; sin alias, una cum missis ad ejus praesentiam dirigendos, ut, quid de talibus fieri deberet, ipse decernendo efficeret» (*Monum. Germ. Hist. Scr. I, 434*).

вается самым правописанием слова *Rhos*, вполне соответствующим греческой форме 'ρῥς⁴. Но, так как в те времена это имя на Западе было еще совершенно неизвестно, являлось необходимым точнее выспросить этих послов, и, по результатам расспроса эти люди, названные в письме греческого императора Рос, оказались Шведами, т. е. ветвью тех самых Норманнов, которые тогда слишком хорошо были известны Франкам и не без основания могли им казаться подозрительными⁵. В этом и заключается вполне естественное объяснение мер предосторожности, принятых по отношению к ним императором Людовиком. Вывод же из всего этого повествования таков, что имя *Rhôs*, 'ρῥς употреблялось у Греков как обозначение Шведов.

Где находилась родина этих Рос, в приведенном рассказе не сказано. Может быть, ее следует искать где-нибудь в самой Швеции; но может быть также, что мы здесь имеем дело с одним из выселившихся племен, уже тогда обитавшим по ту сторону Балтийского моря или Ботнического залива. Во всяком случае, послы от этого народа пришли в Грецию, очевидно, через нынешнюю Россию, вероятно, по Днепру, и по этому-то пути, действительно небезопасному по причине присутствия в тех местах многих варварских орд, византийский император не хотел отпускать их домой.

Замечательно в этом рассказе одно, а именно что князь народа Рос будто бы назывался *Chasanus*. Много спорили о том, есть ли это слово имя собственное или титул. Я, однако, не сомневаюсь, что по крайней мере в греческом подлиннике письма это слово гласило *chagan* или *chasan* — титул, неоднократно упоминавшийся мною в первом чтении. Если мы спросим, каким образом византийский двор мог прийти к мысли дать русскому князю этот чуждый титул, то в этом случай для догадок представляется обширное поприще. По моему мнению, вероятнейшее объяснение заключается в том, что в глазах Греков Руссы перемешивались в одну массу с Хазарами, Аварами и другими варварскими народностями Севера⁶, почему в применении к князю Руси и мог употребляться титул, принадлежавший, собственно, царю Хазар⁷. Это было бы тем менее удивительно, что прибывшие в Константинополь Шведы могли пробраться к Черному морю не иначе как через владения Хазар и даже, может быть, явились в император-

⁴ Ср. также выражение «quos rex ad se direxerat», где слово *se* показывает, что это повествование принадлежит не самому Пруденцию, но приводит подлинники слова из письма императора (это заметил уже Гедеонов, *Варяги и Русь*, II, 495 и след.).

⁵ Ср. *Иог. Стеенструпа*, *Normannerne II: Vikingetogene mod Vest i det 9-de Aarhundrede* (Kjöbenhavn, 1878), с. 27 и след., 44 и след.

⁶ Ср. места вроде следующего: «εἶτε Χάζαροι εἶτε Τοῦρκοι καὶ 'Ρῥς ἢ ἕτερόν τι ἔθνος τῶν βορείων καὶ Ἰκθυοῦν» (*Константин Багрянородный*, *De administrando Imperio* ed. Bonn., с. 82)

⁷ Ср. письмо Людовика II к греческому императору Василию (871 г.), в котором пишущий опровергает протест последнего против того, что франкские короли присваивают себе императорский титул, и со своей стороны возражает против притязаний греческих императоров на исключительное обладание титулом βασιλεύς («βασιλεύς vocabulum»); здесь Людовик упрекает их в том, что они не хотят давать этот титул иноплеменным царям Авар, Хазар и Норманнов («praelatum Avarum, Gazanorum aut Normannorum», причем последнее имя, очевидно, соответствует греческому τῶν 'Ρῥς). *Monumenta Germ. Hist.* III, с. 523. Ср. приведенное выше упоминание о *Хакан-Русь* у Ибн-Даста, вероятно, также пришедшее через греческие руки. Лишь гораздо позднее, по совершенном уничтожении Хазарского царства, мы находим единичные случаи применения титула *кагана* к русским великим князьям в памятниках славянской письменности, именно к Владимиру († 1015) и Ярославу († 1054).

скую столицу в сопровождении Хазар и были ими представлены при византийском дворе. Во всяком случае, из этого наименования нельзя вывести заключения о национальности народа Рос.

Я должен упомянуть вкратце о попытках антинорманистов поколебать этот довод в пользу известного значения имени Рос. Они, конечно, не могут отрицать, что люди, о которых говорит Пруденций, были действительно Шведы; следовательно, их цель должна заключаться в том, чтобы доказать, будто этим спорным текстом не подтверждается тождество имен Руси (Рос) и Шведов, но, напротив, указывается различие между обоими именами. Объяснения, которые приводились с этой целью, достаточно натянуты. С одной стороны, пытались утверждать, что те люди могли быть Шведами, случайно попавшими в Константинополь и вздумавшими назваться послами от князя Рос, и что франкский император впервые открыл, кто они были на самом деле. Но это предположение не опирается ни на какое указание в рассказе Пруденция: напротив, оно в высшей степени неправдоподобно. С какой стати этим людям могло прийти в голову разыграть из себя послов от князя именно племени Рос? На это возражают: цель их обмана, конечно, заключалась в получении подарков, какие обыкновенно давались послам. Но, если это и так, для чего бы им понадобилось назваться послами не от своего, а именно от другого народа? Извлечь предполагаемую выгоду из своего обмана они могли бы так же хорошо или даже еще лучше без подобной двойной маски, которая не могла им принести никакой пользы, а только могла сделать вдвойне трудной их роль и удвоить опасность быть разоблаченными. Такое предположение, повторяю еще раз, в высшей степени натянуто и невероятно. По другому мнению, которое было высказано впервые еще в прошлом веке и недавно подновлено Геденовым, эти люди были Шведы, служившие при дворе «русского кагана» и посланные им в качестве послов в Константинополь, где они поэтому с полным основанием могли назвать себя Русью, хотя лично они и принадлежали к другой народности. Но и это объяснение настолько же несостоятельно, насколько и натянуто. Во-первых, оно противоречит ясным словам Пруденция, у которого выражения «*qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant*» и «*eos gentis esse Sueonum*» стоят вполне параллельно одно с другим, и, кроме того, сказано, что их (послов) послал «их собственный князь» (*rex illorum*). Далее, это предположение вполне противоречит обычаям и воззрениям тех веков и оставляет без ответа вопрос, который в данном случае прежде всего должен бы был быть выяснен, именно: каким образом в IX в., когда было неслыханным делом, чтобы Скандинавы поступали на службу к какому-либо чуждому, нескандинавскому вождю, «русский» (т. е. славянский) «каган» в Киеве вздумал бы облечь Шведов посольскими полномочиями? Подобное обстоятельство необходимо указывало бы на наличность весьма близких сношений между Русью и Шведами, и, следовательно, если бы изложенная гипотеза не была несостоятельна сама по себе, вывод из нее во всяком случае должен бы был быть совершенно иной, нежели тот, какого желали бы ее защитники.

Я убежден, что всякий беспристрастный читатель тотчас увидит, как натянуты и изысканы приведенные объяснения, и признает единственно простым и естественным то толкование слов Пруденция, по которому Рос есть греческое обозначение Скандинавов или Норманнов, в данном случае именно Шведов.

Разобранный текст есть старейший из всех, в которых упоминается имя Руси, и это единственный раз, что мы его встречаем в дорюриковскую эпоху. Вы-

вод, сделанный нами из этого текста, вполне определенно подтверждается свидетельствами позднейшего времени. Именно некоторые латинские писатели при упоминании о нападениях на Константинополь явно отождествляют Русь с народом, известным в те времена во всем романо-германском мире под именем *Normanni*.

О походе 865 г. содержат несколько кратких упоминаний венецианские хроники⁸. Правда, самая древнейшая из них написана более чем столетие спустя после самого события: она составлена Иоанном Диаконом, жившим в конце X и в начале XI в. Но как его показание перешло в позднейшие хроники, так само оно восходит, без сомнения, к подлинному современному повествованию. Следует вспомнить, как замечает Куник, что Венециане с давних пор вели обширную торговлю на Средиземном море и более всего поддерживали оживленные торговые и дипломатические сношения со столицей Византийской Империи, которая как раз в те времена еще сохраняла хотя бы только номинальный суверенитет над гордой республикой. При таких обстоятельствах казавшееся почти невероятным событие 865 г. — нападение русских пиратов на самую Византию — должно было очень рано стать известным Венеции через посредство собственных граждан — очевидцев события, на рассказах которых должно основываться позднейшее показание хрониста Иоанна Диакона. Последний сообщает, правда без указания года, но в связи с событиями, имевшими место около 865 г., что «в это время Норманны осмелились напасть на Константинополь на 360 кораблях; но, не будучи в состоянии нанести вред самому непобедимому городу, они храбро повоевали его предместья, перебили народа, сколько могли, и затем с торжеством вернулись домой»⁹. Несмотря на некоторые частичные уклонения этого рассказа от повествования Нестора и византийских авторов, ясно, что Норманны Иоанна Диакона тождественны с Русью (Рос) Греков, так как ни к какому другому народу того времени этот рассказ применен быть не может.

Но если бы тем не менее кто-либо назвал такой вывод поспешным, то всякое сомнение должно исчезнуть при сопоставлении с приведенными словами Иоанна Диакона одной или двух цитат из другого итальянского, именно ломбардского автора, Лиудприанда, бывшего с 963 г. епископом кремонским. Он два раза был в Константинополе, в первый раз между 948 и 950 гг., будучи послом от короля Беренгара II, затем в 968 г., в течение четырех месяцев, в качестве посла от императора Оттона I. Таким образом, он имел полную возможность близко ознакомиться с внутренними и внешними делами Византийской Империи, и оставленные им рассказы о его поездках содержат важные разъяснения по различным существенным вопросам.

В одном месте своего рассказа Лиудприанд перечисляет народы, живущие к северу от Греческой Империи, и упоминает между ними Руссов (*Rusii*), которых

⁸ Куник в *Caspia Dorna*, с. 230—232.

⁹ «Eo tempore Normannorum gentes cum trecentis sexaginta navibus Constantinopolitanam urbem adire ausi sunt. Verum quia nulla ratione inexpugnabilem laedere valebant urbem, suburbanum fortiter patrantibus bellum quam plurimos ibi occidere non pepercerunt, et sic praedicta gens cum triumpho ad propriam regressa est». Mon. Germ. Hist. Scr., VII, 18. Почти теми же словами, очевидно на основании рассказа *Иоанна Диакона*, отмечает то же самое событие дожд *Андрей Дандуло* († 1354) в своем *Chronicum Venetum* lib. VIII c. 4, pars 41 (Muratori, *Rerum Ital. Scr.* [Mediolani 1728] XII, p. 181): «Per haec tempora Normannorum gentes CCCLX navibus aggressi sunt Constantinopolim et suburbana impugnant multosque occidunt et cum gloria redeunt».

«мы называем другим именем — Норманнами»¹⁰. В другом месте он дает нам описание неудачного похода Игоря в 941 г., ссылаясь при этом на своего вотчима, бывшего в то время послом в Константинополе от итальянского короля Гуго и выдавшего своими глазами, как были обезглавлены русские пленные по приказанию византийского императора Ромаца Лакапина. При этом, говоря о Руссах, Лиудпранд употребляет почти те же выражения, что и в первом случае, именно: «На Севере живет народ, который Греки по причине его наружности зовут *Русью* (*Rusii*)¹¹, мы же по положению его родины Норманнами (*Nordmanni*). Царем этого народа был Ингер, который пришел к Константинополю более чем с тысячею кораблей» и т. д.¹²

Эти слова совершенно ясны и не оставляют никакого сомнения насчет значения имени *Русь* у Греков во время Лиудпранда. Попытки, делавшиеся с целью ослабить силу этого доказательства, таковы, что мне нет надобности опровергать их во всех подробностях. С одной стороны, утверждают, будто имя *Норманны* (жители Севера) могло также прилагаться и к Славянам, так как и они также жили на Севере¹³. Но это именно неверно: ибо имя *Норманны*, *Nordmanni* служило в средние века специально для обозначения Скандинавов, в особенности когда

¹⁰ «Habet quippe (Constantinopolis) ab aquilone Hungarios, Pizenacos, Chazaros, Rusios, quos alio nos nomine Normannos appellamus, atque Bulgaros nimium sibi vicinos». Mon. Germ. Hist. Scr. III, c. 277.

¹¹ Это замечание основывается на несостоятельном словопроизводстве, по которому имя *Русь* смешивается с греческим прилагательным ῥοβός, красный, рыжеволосый (ср. третье чтение).

¹² «Quoniam meus vitricus, vir gravitate ornatus, plenus sapientia, regis Hugonis fuerat nuntius, pigrum mihi non hic sit inserere, quid eum de imperatoris sapientia et humanitate, et qualiter Rusios vicerit, audivi saepius dicere. Gens quaedam est sub aquilonis parte constituta, quam a qualitate corporis Graeci vocant *Rusios*, nos vero a positione loci nominamus *Nordmannos*. Lingua quippe Teutonum *Nord* aquilo, *man* autem dicitur homo, unde et Normannos aquilonares homines dicere possumus. Hujus denique gentis rex vocabulo *Inger* erat, qui collectis mille et eo amplius navibus Constantinopolim venit... *Inger* ingenti cum confusione postmodum ad propria est reversus. Graeci vero victoria potiti, vivos secum multos ducentes, Constantinopolim regressi sunt laeti, quos omnes Romanos in praesentia Hugonis nuntii, vitrici scilicet mei, decollari praecepit» (Mon. Germ. Hist. Scr. III, p. 331).

¹³ По мнению Геденова (Варяги и Русь, II, 524), могут быть приведены два текста в пользу этого защищаемого им мнения. В Фульдских анналах под 880 г. (*Annales Fuldenses*, M. G. H. I, 406) мы читаем: «Advenientibus etiam ibidem undique nationum legatis Nortmannorum, scilicet ab aquilone Sclavonorum, pacifica optantes, quos rex audivit et sine mora absolvit». Здесь под именем Норманнов должны подразумеваться Славяне. Но я не понимаю, как можно толковать эту цитату подобным образом. Она просто говорит о «Норманнах, то есть живущих к северу от (прибалтийских или полабских) Славян». Не лучше этого обстоит дело и со вторым текстом. В тех же Фульдских анналах, под тем же 880 г. (и во многих других местах) повествуется о том, что Марквард, епископ Гильдесгеймский, пал в битве против Норманнов, тогда как Гильдесгеймская хроника (M. G. H. IX, 851) гласит: «Marquardus dehinc quintus episcopus successit,... qui 4 ordinationis suae anno occisus est a Sclavis». Следовательно, — заключает Геденов, — под именем Норманнов в Фульдских анналах (и во всех прочих местах) следует разуметь славян». Дело, конечно, очень простое и заключается в том, что позднейший Гильдесгеймский хронист, живший в конце XII столетия, был в данном случае ложно осведомлен и, надо полагать, смешал битву, в которой пал Марквард, с одним из позднейших чешских или сербских вторжений, так как по многим источникам вполне установлен факт, что епископ Марквард пал 20 февраля 880 г. на берегах Эльбы в битве против Норманнов, т. е. Датчан. См. Дюммлера, *Das ostfränkische Reich*, II, 196. С одинаковым правом мы могли бы вынести заключение, что под именем «Норманнов» следует разуметь Угров, так как в Hroswithae Primord. Gandershem. то же самое сражение приводится в связи с вторжением Угров. Я спокойно оставляю каждому беспристрастному читателю судить о подобных приемах доказательства.

они являлись в качестве викингов¹⁴, точно так же, как, например, в наше время название *Nordsee* применяется к одному определенному морю, а не к любому морю, находящемуся на севере. С другой стороны, высказывалось предположение, что Руссы, казненные на глазах у вотчима Лиудпранда, могли быть лишь скандинавскими вспомогательными полками, служившими в русском войске, откуда автор рассказа и мог заключить о тождестве всей Руси с Норманнами. Но ведь Лиудпранд ссылается на сообщения своего вотчима лишь в рассказе о победе Греков над Русью и о кровавом мщении победителей; о национальности же Руси он и сам имел полную возможность составить собственное мнение. Умозаключения антинорманнистов внушены таким легкомысленным скептицизмом, при котором все на свете с помощью ненаучных умствований может быть объявлено сомнительным.

Из только что приведенных свидетельств мы видим, что имя Рос (Ῥῶς) [или *Rusii* (Ῥοῦσίοι)] употреблялось Греками в IX и X столетиях для обозначения того самого народа, который в Западной Европе повсеместно назывался *Nordmanni*, т. е. Норманнами (или Скандинавами), и что это последнее имя также мало было известно у Греков, как первое в Западной Европе. Но имя Рос (*Rusii*), славянское *Русь* принадлежит в географическом отношении преимущественно племени, господствовавшему в Киеве; следовательно, это племя могло быть только восточной ветвью Норманнов, и оно было единственным представителем этой народности, с которым Греки в те времена имели случай познакомиться.

Прежде чем перейти к рассмотрению в высшей степени важного повествования одного греческого писателя, дающего нам в руки решительное доказательство в пользу высказанного нами мнения, бросим еще взгляд на упоминания о Руси у восточных писателей, хотя те данные, которые они нам сообщают, в сравнении с тем, что мы почерпаем у Греков, имеют относительно меньшую цену.

Я упоминал ранее, что восточные авторы употребляют имя Русь в таком обширном и неопределенном смысле, что мы едва можем составить себе сколько-нибудь связное заключение о том, какой национальности, собственно, принадлежит это имя. Очевидно, сами мусульманские писатели имели об этом предмете лишь весьма неясное представление.

Тем не менее неоспоримо, что в некоторых местах их сочинений Русь не только отличается от Славян, но и характеризуется такими чертами, которые подходят только к Скандинавам. Я ограничусь одним напоминанием о том, что рассказывает Ибн-Даста об образе жизни и нравах Руссов, о том, как они, занимаясь морским (или речным) разбоем, нападают на Славян, как они живут торговлей и войной, как они совершают свои походы на кораблях, а не на конях; припомним также, что сообщает Ибн-Даста об их внутренних раздорах и междоусобицах, тогда как, по его же словам, перед лицом врагов повиновение и единодушие понимаются у них сами собою; припомним их поединки, их мужество, их жестокость по отношению к побежденным, их стройный рост, их красоту и т. д. — все это черты, которые и у западных писателей особенно прилагаются к Норманнам¹⁵. Такие характеристики гадателей, описание жертвоприношений, погребальных обрядов и т. п. у Руссов по большей части подходят только к Скандина-

¹⁴ Ср. *Иог. Стеенструпа*, *Normannerne*, I, 50 и след.; II, 320 и др.

¹⁵ Ср. в особенности там же, I, 143, 263 и след., 289 и след., 325 и след., 351 и след., 361, 367 и след. и др.

вам¹⁶. То же самое можно сказать и о некоторых подробностях из описания Руссов у Ибн-Фадлана, который описывает их «прямыми, как пальмы, цвета сырого мяса и красными, вооруженными топорами, мечами и ножами европейской работы», и, хотя некоторые другие характерные черты образа жизни Руссов, приводимые у него, несомненно являются несколько преувеличенными и приукрашенными, все-таки неоднократно проглядывают нравы и обычаи, бесспорно свойственные в особенности Скандинавам. Описание погребения вождя в корабле — правда, в последнее время со многих сторон оспариваемое и во всяком случае несколько фантастическое — все-таки определенно указывает на народность, привычную к мореплаванию, чего нельзя сказать про русских Славян¹⁷. С другой стороны, однако, нельзя отрицать, что именно у Ибн-Фадлана мы находим некоторые совершенно не норманнские черты нравов, каково, например, убийство (при погребении мужа) рабыни (ср. выше соответствующий рассказ Ибн-Даста): по всей вероятности, мы здесь имеем дело со смешением (сознательным или неумышленным) обычаев норманнских и славянских. Во всяком случае ясно, что, как бы ни было неопределенно употребление имени Руси у магометанских писателей, оно, без сомнения, применяется главным образом к Скандинавам. Следовательно, имя «Русь», как только оно дошло до народов Востока, получило, без сомнения, то же значение, какое имело соответствующее название у Славян и Греков, т. е. обозначало Норманнов, и в особенности живших в теперешней России.

Только один раз и у одного арабского автора Русь явственно отождествляется с Норманнами. Этот автор — Ахмед аль-Якуби ал-Катиб, писавший вскоре после 890 г.¹⁸ По его словам, в 844 г. «язычники (Madschûs), называемые Русью, напали

¹⁶ Относительно жертв ср. описание большого Упсальского жертвоприношения, совершавшегося через каждые девять лет, у Адама Бременского (с. 27), где мы между прочим читаем: «Ex omni animante, quod masculinum est, novem capita offeruntur, quorum sanguine deos placari mos est. Corpora autem suspendunt in lucum, qui proximus est templo... Ibi enim canes et equi pendent cum hominibus, quorum corpora mixtim suspensa narravit mihi aliquis christianorum 72 vidisse». Славянам эти жертвенные обычаи чужды; ср. *Крек*, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte I, 112. Также не находим у славян ничего аналогичного изображению гадалей (*Крек*, напр., 113 и след.); наоборот, находим на норманнском Севере (др.-норм. gopî). Ср. также слова Адама Бременского (там же): «Omnibus diis suis attributos habent sacerdotes, qui sacrificia populi offerant». Изображение погребальных обычаев вполне соответствует подробностям норманнского быта в тот же период культурного развития; особенного внимания заслуживает, пожалуй, то обстоятельство, что слова Ибн-Даста необходимо заставляют нас предположить, что устройство гробниц в холмах — нечто специально свойственное Норманнам. Уклонение от норманнских обычаев сказывается, кажется, лишь в том, что любимая жена умершего должна следовать за ним в могилу — черта, хорошо известная у Славян (*Крек*, с. 123), но не подтверждающаяся у Норманнов ни одним примером из исторической эпохи. Арабский писатель перемешал здесь черты норманнского и славянского быта; однако ср. интересное сопоставление у *Гена*, Culturpflanzen und Haustihere, 2 Aufl. (1874), с. 464 и след.

¹⁷ На Севере в ту эпоху сожжение мертвецов и погребение были одинаково в употреблении, и рядом с трупом покойника мы часто находим остатки тел животных (коней, быков, собак, кур и др.). Ср. относительно Швеции *Hj. Stolpe*, Grafundersökningar paa Björkö (Tidskrift för antropologi och kulturhistoria I, Nr 10, 1876), с. 3 и след., 8 и след. Касательно погребения в корабле (с сожжением или без сожжения) археологические исследования, в особенности в Норвегии, доставили множество подтверждений: *O. Rygh* в Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie, 1877, с. 152 и след.

¹⁸ См. у *Френа* в Bulletin scientifique publ. P. l'Acad. Imp. de St.-Petersbourg IV, Nr. 9, 10, 1838; *Куника*, Berufung der schwedischen Rodsen II, 265 и след.

на Севилью, “разграбили, опустошили, сожгли ее и избили ее жителей”». Из другого источника мы знаем, что в этом самом году берега Испании действительно подвергались нападению шайки Норманнов, опустошившей перед тем различные части Франции¹⁹; их, очевидно, и подразумевает арабский автор под именем людей, «называемых Русью». Однако является вопрос: каким образом ему пришло на мысль назвать этих Норманнов именем Руси? Сами себя они так, разумеется, не называли. Заимствовано ли это место из греческого источника? Или, может быть, автор (может быть также, позднейший переписчик) перенес имя Руси, ставшее общеизвестным на Востоке приблизительно с 880 г., на Норманнов, появление которых в Испании вполне напоминало походы Руссов в области Каспийского и Черноморского побережий? Так именно сделал другой Араб, Масуди (около 920—950 гг.): упомянув об этом самом нападении язычников на Испанию, он прибавляет к этому рассказу свое личное мнение: «Я полагаю, что эти люди были Русь»; ибо они «одни ездят по этому (Черному) морю, которое соединяется с Океаном (*Ukianus*)». Принимая в соображение эту неуверенность, мы не можем приводить ни слов Ахмеда ал-Катиба, ни мнения Масуди в положительное доказательство того, что Руссы арабских писателей суть именно Норманны. Однако обе приведенные цитаты по крайней мере ясно выражают, что, по впечатлению самих арабских писателей Норманны, опустошавшие Западную Европу, были не кто иной, как знакомая им Русь.

Но я возвращаюсь к греческим писателям, с тем чтобы заняться рассмотрением одного из замечательнейших и поучительнейших рассказов автора-современника о Руссах, единственного рассказа, содержащего в себе памятники языка древней Руси. Мы его находим в девятой главе сочинения императора Константина Багрянородного об управлении Византийской Империи (*De administrando Imperio*), написанного около 950 г. Глава озаглавлена: «О Руссах (Рос), приходящих из Руси на своих ладьях в Константинополь» (περὶ τῶν ἀπὸ τῆς Ῥωσίας ἐρχομένων Ῥῶς μετὰ τῶν μονοξύλων ἐν Κωνσταντινουπόλει), и для нас представляет особый интерес та часть этой главы, которая описывает ежегодное плавание вниз по Днепру русских торговых судов.

Несколько к югу от нынешнего Екатеринослава Днепр принужден прокладывать себе путь сквозь широкий пояс гранитных скал, принадлежащих к отрогам Карпатского хребта. На протяжении приблизительно 90 километров мощная река течет в более или менее высоких скалистых берегах и через бесчисленное множество утесов и подводных камней. Повсюду, где последние сгущаются значительными массами и где вместе с тем увеличивается сила падения реки, образуются более или менее стремительные быстрыны, называемые по-русски *порогами* — название, употребительное, впрочем, лишь в тех случаях, когда каменные заграды тянутся поперек всего речного русла; те же из них, которые занимают лишь часть последнего, называются *заборами*. Всего имеются налицо 11 порогов и 6 заборов²⁰. Природа этих быстрын такова, что они не

¹⁹ См. *Иог. Стеенструпа*, *Normannerne*, II, с. 289 и след.

²⁰ Ср. *Description d'Ukraine qui sont plusieurs Provinces du Royaume de Pologne etc.*, par le Sieur de *Beauplan* (Rouen, 1660), с. 19—21. Немецкий перевод: *Wilh. Le Vasseur*, *Sieur de Beauplan*, *Beschreibung der Ukraine, der Krim und deren Einwohner*. Aus dem Französischen von *I. W. Möller* (Breslau, 1780), с. 25—29. *Лерберга*, *Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands* (St.-Petersburg, 1816), с. 319 и след.; *И. Х. Штукенберга*, *Hydrographie des Russischen Reiches* [Гидрография Российской Империи] (St.-Petersburg, 1847), III, с. 252 и след.

одинаково стремительны в течение круглого года. Весною, когда тает снег в верховьях реки, она настолько наполняется водой, что скалы, обуславливающие образование быстрин, более или менее вполне исчезают под водой, и это единственное время года, когда можно проехать по крайней мере через большую часть порогов. Начиная с марта и до конца июня уровень воды в реке поднимается, так что средним числом около 9 мая она достигает наибольшей высоты²¹. Несмотря на это, езда по реке в это время очень трудна и опасна, и в особенности было так, конечно, в те времена, когда искусство ничего еще не сделало для уменьшения природных опасностей. В старину сюда присоединялся еще один источник опасности — от окрестных разбойничьих племен (в X в. Печенегов), постоянно готовых напасть на каждого проходившего вблизи от них; в особенности они имели обыкновение подстергать добычу у порогов, через которые необходимо должны были проследовать все отправлявшиеся вниз по реке или обратно, и где успешное сопротивление было крайне трудно для подвергшихся нападению²². Вследствие всего этого плавание через пороги должно было, конечно, предприниматься с величайшими предосторожностями, и было бы неблагоприятно пускаться в такое путешествие немногочисленными компаниями. Из этого же мы узнаем, какую важную роль играли эти пороги в сношениях Руси с Византией, и нам нечего удивляться, что человек, сообщавший Константину нужные сведения для его сочинения, останавливается с таким вниманием на отдельных частностях этого предмета.

Вся относящаяся к делу выдержка из сочинения Константина гласит следующее²³: «Лады (μονόξυλα), прибывающие в Константинополь из внешней Руси» (ἀπὸ τῆς ἔξω Ῥωσίας, т. е. из стран, лежащих за Киевом), идут частью из Новгорода (ἀπὸ τοῦ Νεμογάρδας), где пребывает Святослав (Σφενδοσθλάβος), сын Игоря (Ιγγωρ), князь Руси, частью из города Смоленска (Μιλνίσκα) и из Любеча (Τελιούτζα), Чернигова (Τζερνιγώγα) и Вышегорода (Βουσεγυράδε). Все они плывут вниз по Днепру и сходятся у города Киева (Κιοάβα), называемого также Самватас (Σαμβατάς). Славяне же, платящие дань Руси, так называемые Кривичи (Κριβητανοί), Лучане (Λευζανῆτοι) и другие, рубят у себя на горах древесные стволы (μονόξυλα) в зимнее время, обтесывают их (строят лодки) и весною, как только лед растает, свозят в ближайшие озера (болота). Спустивши их (суда) в Днепр, они отправляются вниз по реке и плывут к Киеву. Здесь они вытаскивают лады на берег и продают их Руссам. Последние покупают только сами суда, которые снабжаются веслами, скамьями для гребцов и прочими снастями от старых ладей. В июне месяце они (Руссы) пускаются в плавание по Днепру и едут до Витичева (Βιτετζέβη), города, находящегося под властью Руссов²⁴. Здесь они

²¹ Штуkenберг, с. 282

²² Так, напр., мы узнаем из начальной летописи, что в 973 году Святослав, великий князь Киевский, был убит Печенегами, поджидавшими его у порогов.

²³ В голландском издании *Mnemosyne, Bibliotheca philologica batava*, Nova series IV, p. 378—382, профессор К. Г. Кобет сообщил новый и в некоторых случаях весьма важный вариант этого текста по главной рукописи, пергаментному кодексу XII в., находящемуся в Парижской Национальной библиотеке (№ 2009, 4^о). Находящаяся там же рукопись (на бумаге) XV столетия (№ 2967, fol.) есть, по мнению Кобета, — простой список с первой; некоторые разночтения последнего были сообщены мне частным образом.

²⁴ В настоящее время деревня в 50 верстах ниже Киева, на правом берегу Днепра. Штуkenберг, с. 229.

собираются в течение двух или трех дней; когда же соберутся все ладьи, они отправляются далее и плывут вниз по Днепру. И сперва они приплывают к первому порогу, называемому *Εσυτι*, что значит по-русски и по-славянски «не спи» (εἰς τὸν πρῶτον φραγμὸν τὸν ἐπονομαζόμενον Ἑσσοῦπῃ, ὃ ἐμηνεύεται ῥωσιστὶ καὶ σκλαβινιστὶ μὴ κοιμᾶσαι [sic]). Хотя этот порог настолько узок, что имеет только ширину циканистерииона²⁵, но посреди его возвышаются крутые, высокие скалы, имеющие вид островов. Когда волны приливают к ним, они высоко поднимаются и низвергаются (со скал) вглубь с сильным и страшным ревом. Поэтому Руссы не решаются плыть прямо между скалами, но, остановившись вблизи их, высаживают людей, оставляя все остальное на ладьях. Раздавшись, они идут в воду, ощупывая ногами дно, чтобы не наткнуться на какой-нибудь камень, причем одни двигают вперед шестами нос, другие — среднюю часть, третьи — корму судов. Так они минуют со всевозможной осторожностью этот первый порог, обходя его угол и держась около берега реки. Прощедши этот порог, они снова забирают остальных (высаженных) с берега и плывут далее ко второму порогу, называемому по-русски *Ульворси*, по-славянски *Острфовунипрах*, что значит «остров порога» (κατέρχονται εἰς τὸν ἕτερον φραγμὸν τὸν ἐπιλεγόμενον ῥωσιστὶ μὲν Οὐλβωρσί, σκλαβινιστὶ δὲ Ὀστροβουνίπραχ, ὅπερ ἐρμηνεύεται τὸ νησίον τοῦ φραγμοῦ). Он также опасен и труден для проезда, как и первый; и они опять высаживают людей и тащат ладьи, как и в первый раз. Таким образом приходят они к третьему порогу, но имени *Геландри*, что значит по-славянски «шум порога» (τὸν τρίτον φραγμὸν τὸν λεγόμενον Γελανδρί, ὃ ἐρμηνεύεται σκλαβινιστὶ ἤχος φραγμοῦ). Затем они подходят к четвертому, большому порогу, называемому по-русски *Айфор*, по-славянски *Неасит*, потому что пеликаны гнездятся на камнях этого порога (τὸν τέταρτον φραγμὸν, τὸν μέγαν, τὸν ἐπιλεγόμενον ῥωσιστὶ μὲν Ἀεφόρ²⁶, σκλαβινιστὶ δὲ Νεασήτ, διότι φωλεύουσιν οἱ πελεκᾶνοι εἰς τὰ λιθάρια τοῦ φραγμοῦ). У этого порога все суда останавливаются. Люди, выбранные для того, чтобы стоять на страже, выходят и отправляются на свои места; эту стражу они отбывают очень внимательно по причине (близости) Печенегов. Остальные вытаскивают груз, имеющийся в ладьях, выводят оттуда также скованных невольников и ведут их по суши на протяжении 6000 шагов, пока не минуют порога. Таким же образом они или тащат за собою, или несут на плечах свои ладьи, пока не придут по ту сторону порога. Там они спускают их опять на воду, нагружают снова свои меха и сами садятся в ладьи. Достигнув пятого порога, называемого по-русски *Варуфорос*, по-славянски *Вулнипрах*, потому что он образует большой водоворот (ῥωσιστὶ μὲν Βαρουφόρος, σκλαβινιστὶ δὲ Βουλνηπράχ, διότι μεγάλην δίνην²⁷ ἀποτελεῖ), они опять проводят суда, держась берега реки, как у первого и второго порогов. Затем они приходят к шестому, который называется по-русски *Леанти*, а по-славянски *Верутци*, т. е. «бурление воды» (λεγόμενον ῥωσιστὶ Λεάντι, σκλαβινιστὶ δὲ Βερούτζη, ὃ ἐστὶ βράσμα νεοῦ). Подобным же образом они минуют и его и плывут отсюда к седьмому порогу, называемому по-русски *Струкун*, по-славянски *Напфези*, что оз-

²⁵ Τζυκανιστήριον — здание в Константинополе, в котором императорская фамилия забавлялась игрою в мяч на конях (τζυκανίζειν от персидского čugan); размеры здания неизвестны. Ср. *Лерберга*, с. 345 и след.

²⁶ Так в рукописях; печатные издания одно за другим воспроизводят, несомненно, неправильную форму *Аефóρ* — Айфар.

²⁷ δίνην есть предположение (конъектура) вместо λίμνην.

начает «малый порог» (ῥωσιστὶ μὲν Στρούκου²⁸, σκλαβινιστὶ δὲ Ναπρεζή, δὲ ἑρμηνεύεται μικρὸς φραγμός). И они прибывают к так называемому *Крафийскому перевозу*, у которого Херсониты переправляются из Руси, а Печенеги — в Херсон. Этот перевоз имеет ширину ипподрома²⁹, и высота (берега), которую видит глаз снизу, такова, что пущенная оттуда стрела как раз попадает в них (плывущих). Поэтому Печенеги приходят сюда и нападают на Руссов³⁰. Прошедши это место, они пристаю к острову, называемому именем *Св. Григория*³¹; на этом острове они совершают свое жертвоприношение, так как на нем стоит очень высокий дуб. Они приносят в жертву живых петухов. Они также втыкают в землю кругом стрелы, другие (кладут) хлеб и мясо и что каждый из них вообще имеет при себе, сообразно с их обычаем. О петухах они бросают жребий, резать ли и есть их или оставить живыми. Прошедши этот остров, Руссы не боятся более Печенегов, пока наконец они приплывают в реку Селину³².

Что нас всего более интересует в этом отрывке — это имена семи порогов, сообщаемые Константином на двух языках, славянском (σκλαβινιστὶ) и русском (ῥωσιστὶ). Разъяснение этих имен занимало филологов и историков в течение более чем целого столетия³³. Славянские имена порогов суть действительно чисто славянские, и некоторые из них вполне совпадают с теперешними их русскими названиями, хотя форма, в которой они нам сообщены Константином, иногда обнаруживает влияние болгарского или так называемого старославянского наречия, которое должно было быть наиболее известным из всех славянских диалектов при византийском дворе. Напротив, имена другого ряда, которые Константин выдает за русские, совершенно отличны от параллельных им названий и представляют собою в высшей степени интересную и важную для нашей цели группу: ибо всякий, кто обладает хотя малейшим знанием языков и не связан предубеждением, должен признать, что эти имена суть чисто скандинавского корня и не могут быть объяснены при помощи какого бы то ни было другого языка.

²⁸ Так в подлинной рукописи; позднейшая рукопись (№ 2967, см. прим. 23) и печатные издания содержат форму Στρούβου.

²⁹ Ф. В. Унгер, Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte, с. 286—326. По изысканиям Т. Г. Мартена (Mémoires présentés par divers savants à l'académie des inscriptions et belles lettres, I-e série, t. IV [Paris 854], с. 290 и след.), ипподром имел ширину в 45 ὀρῶναι = 270 футам. См. Также у Лерберга, с. 379.

³⁰ Описание подходит к нынешнему Кичкасскому перевозу, о котором Боплан (с. 21) говорит: «Ces lieux sont fort esleuez, la riuere y est entiere et n'est point embarrassée et est fort étroite particulièrement au Midy... c'est là le plus grand et commode passage qu'ayent les Tartares, tant qu'en ce lieu le canal ne peut pas auoir plus de 150 pas, que les riues y sont fort accessibles, et les pais découuert, où ils ne redoutent point les embuscades». Ср. Лерберга, с. 333 и след., 378 и след.

³¹ Теперь Хортица; Боплан, с. 22: «Cette isle est fort considerable... elle a force chesnes et seroit un fort beau lieu pour y faire habitation... Au dessous de cette isle la riuere s'en va fort en eslargissant». Ср. Лерберга, с. 334 и след., 379 и след. Хортицкий остров у Нестора (изд. Миклошича, гл. 86, под 6611 (= 1103) г.).

³² Теперь — Сулинское устье (гирло) Дуная.

³³ Байер в Commentarii Academiae Scient. Imper. Petropolitanae, t. IX ad annum 1737 (1744), с. 392 и след. Струбе: Dissertation sur les anciens Russes, St.-Petb., 1785. И. Тунмани: Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker (Leipzig, 1774), I, с. 386 и след. Лерберг, указ. сочинение, с. 359 и след. К. Цейсс: Die Deutschen und die Nachbarstämme (München 1837), с. 556 и след. Куник: Berufung и т. д., II, 425 и след. П. А. Мунх: Amlede Afhadlinger udgivne af G. Strom (Christiania, 1874 [1849]), II, 189 и след. К. Рафн: Antiquité de l'Orient (Copenhagen, 1856), с. VII—VIII. Куник в Caspia Дорна (1875), с. 414 и след.

Я хочу сделать попытку этимологического анализа этих имен.

Сперва, говорит автор, идущие по Днепру приплывают к порогу *Есупи*, что значит по-русски и по-славянски «не спи»; имя, не лишенное смысла для первого порога, который начинает собою длинный ряд опасностей. Одно только странно, если мы сравним это имя с последующими, — именно, что автор дает нам *одно* имя как русское и *вместе* славянское. Если мы сообразим, что все прочие пороги имеют двойные имена, звучащие совершенно различно, то не может быть сомнения в том, что здесь есть ошибка, именно что одно имя здесь пропущено. Давно уже все согласны в том, что приводимое Константином имя принадлежит славянскому языку, в переводе на который греческое выражение $\mu\eta\ \kappa\omicron\mu\iota\alpha\sigma\alpha\iota$ гласит «не спи (не съпи)», и эти слова мы получаем из греческого текста, предположив в нем — что было уже давно предположено — одно небольшое искажение, именно описку *Есупи* вместо *Несупи*; пропуск буквы *н* в начале слова является тем более вероятным и извинительным, что предыдущее слово в тексте ($\epsilon\pi\omicron\nu\omicron\mu\alpha\zeta\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\nu$) оканчивается на ту же самую букву. Как гласило русское имя этого порога, мы не знаем; но, так как все следующие имена дают нам право предполагать его скандинавское происхождение, то оно должно было гласить — если только оно по форме и значению было тождественно со славянским — или *sof eigi* или *sofattu* (древненорманнский перевод выражения «не спи»), или, может быть, с употреблением старинного отрицания *ne* — *ne sofí*; в таком случае пропуск русского имени можно было бы объяснить сходством обоих имен.

Второй порог называется по-русски *Ульворси*, по-славянски *Островунипрах*, «остров порога». Это двойное имя совершенно ясно. Славянское название гласит по-старославянски *островъньи прагъ*, т. е. *островной порог*. Перевод этого имени у Константина «остров порога» не совсем правилен: следовало бы перевести наоборот — «порог острова» (островной порог). Русское имя вполне совпадает с таким толкованием: это очевидно скандинавская форма *Holf-fors*, составленная из вполне обыкновенного скандинавского слова *holm* (древненорманнское *hólmr*)³⁴ — остров и скандинавского же *fors* — водопад, быстрина, порог. Между первым порогом и тем, который Константин помещает на третьем месте, находятся в действительности два порога: один из них, называемый в настоящее время *Сурским*, незначителен; напротив, другой, так называемый *Лоханский*, принадлежит к числу наиболее опасных. Так как эти два порога недалеко отстоят друг от друга, они оба могли подразумеваться в древности под общим именем «островного порога». Что касается до происхождения этого имени, то для его объяснения можно указать или на три скалистые острова, как раз повыше Лоханского порога³⁵, или, еще лучше, на остров, имеющий около 1/4 мили в длину, поросший дубами и другими деревьями, являющийся отличительным признаком Сурского порога³⁶.

³⁴ Греческое описание $\omicron\upsilon\lambda$ — может быть сопоставлено с формой *hulm*, попадающейся в некоторых древнешведских памятниках письменности и встречающейся еще и теперь в некоторых шведских наречиях (ср. *Ридквиста*, Svenska sprekets lagar IV, 60 и след., 71 и след.). Носовое *т*, по-видимому, выговаривалось менее ясно перед *f*: таким мы находим в некоторых рунических надписях (в Швеции) вместо имени *Holm-fastr* написание HUL FASTR, например, у *Дибекса* (*Dybeck*), Sverkes Runurkunder (1860 и след.), провинция Упланд, № 18, 114, 140 и др. (там же под № 146 HULMNFASTR; там же [Стокгольмский округ, Stockholmslän, № 173] HULFASTR).

³⁵ Таково мнение *Лерберга*, с. 325, 356.

³⁶ *Штукенберг*, с. 254. Ср. *Лерберга*, с. 324.

Третий порог называется, по Константину, *Геландри*, что будто бы значит по-славянски «шум порога». Это место текста, очевидно, испорчено, так как оно не только сообщает нам лишь одно имя, но еще и относит его не к тому языку, к какому бы следовало, потому что *Геландри* может быть только древненорманнским причастием *gellandi* (или *gjallandi*) — «звучащий», «звнящий»³⁷. Следовательно, автор делает здесь при своем переводе, как и в предыдущем случае, маленькую ошибку, именно переводить «шум порога» вместо «порог шума» (т. е. «шумящий, звнящий порог»). Тогда как при описании первого порога отсутствует русское имя, здесь переписчиком пропущено славянское название порога³⁸. Конечно, мы не можем с точностью установить, каково оно было; но, по всей вероятности, оно должно было походить на теперешнее имя этого самого порога — *Звонец* (*Звонский*, *Звонецкий*), которое имеет как раз то же значение, как и переданное нам русское имя (шумящий, звнящий). В этом месте вода действительно, по описаниям, течет с шумом и ревом, слышимым на очень далеком расстоянии³⁹.

Переходим теперь к четвертому порогу, «большому», называемому по-русски *Айфор*, по-славянски *Неасит* на том основании, что, по словам Константина, пеликаны гнездятся на его камнях. Так как, по моему мнению, имена этого порога до настоящего времени понимались совершенно ложно, я должен остановиться на этом вопросе несколько долее. Самый порог, очевидно, тот, который теперь называется *Ненасытецким* — судя по описаниям, величайший и опаснейший из всех⁴⁰.

Славянское название *Неасит* достаточно ясно, если только оно точно изображает собою старославянское слово *неёсѣть*, русское *неясѣть*, которое на самом деле может значить «пеликан»; на этом и успокаивались почти все прежние тол-

³⁷ Это имя напоминает подобные же названия в скандинавских землях, напр., *Rjúkandi*, «дымный», — водопад в Норвегии, — *Drifandi*, «бьющий вверх», «пылящий», — водопад в Исландии, — *Skjálfanda-fljót*, «дрожащая река», в Исландии, — *Rennandi*, «бегущая река», — мифическая река в Эдде (*Grímnismál* 27), и мног. друг. *Gjallandi* (и *Gellir*) встречается в древненорманнском языке в качестве прозвища различных людей, названных так по причине их сильного, пронзительного голоса. Ср. *K. Ryga* (*Rygh*), *Norske og islandske Tilnavne fra Oldtiden og Middelalderen* (Trondhjem, 1871), с. 19.

³⁸ По мнению *Куника* (II, 430), подлинный текст мог гласить: τὸν λεγόμενον [ῥωσιστὶ μὲν] Γελανδρί, σκλαβινιστί [δὲ...], ὃ ἐρμηνεύεται и т. д.

³⁹ «На сто сажений ниже этого порога русло реки суживается до ширины 300 сажений, и шумящие, разбивающиеся о скалы волны производят такой гул, который раздается на далекое расстояние. Надобно полагать, что отсюда происходит имя *Звонец*, т. е. звнящий». *Штукенберг*, с. 254. Ср. *Лерберга*, с. 327, и *В. Зуева* (*Szujew*), в описании его путешествия из С.-Петербурга в Херсон (Дрезден и Лейпциг, 1789), I, 181, где мы читаем: «Мы приехали к Звонецкому порогу, который уже издали возвестил нам о себе своим шумом... Как бы для сокращения медленню тянувшегося времени Звонецкий порог непрерывным, далеко вокруг раздающимся шумом своих волн, пробивающихся между скалами, доставлял развлечение нашему слуху и давал нам возможность различать весьма разнообразные тоны, производимые более или менее стесненным течением воды».

⁴⁰ *Штукенберг* (с. 254) описывает его вкратце такими словами: «Благодаря оригинальному соединению противодействий и препятствий, которые, будучи обусловлены в этом месте присутствием (двух) островов, направлениями и изгибами фарватера и другими местными особенностями, мешают правильному течению реки, — образуется порог Ненасытец, который плавающие по Днепру справедливо называют печью и адом». Более подробностей у *Зуева*, I, 183 и след., где также помещено довольно неудачное изображение этого порога, и у *Лерберга*, с. 327 и след.

кователи, переводя вслед за Константином имя этого порога «пеликановый порог». Но странно, что никто, насколько мне известно, не заместил одной трудности, которая делает в моих глазах такое объяснение в высшей степени сомнительным. Эта трудность заключается в том, что имя порога гласит будто бы прямо *Неясыть*, т. е. «Пеликан», а не «Пеликановый порог». Если бы происхождение этого имени действительно было то, какое сообщает Константин, мы должны были бы ожидать славянского производного от слова *неясыть*, подобно тому, как имя второго порога есть производное от слова *остров* (островной). С другой стороны, всякий признает нелепым предположение, чтобы самый порог мог быть назван «пеликаном» по указанной причине, другими словами, чтобы он мог быть назван именем особи птичьей породы, являющейся его отличительным признаком. Разве только какая-нибудь бросающаяся в глаза черта природы самого порога или его окрестностей, которая имела бы сходство с какой-либо характерной особенностью этой птицы, например с ее клювом или ее прожорливостью, могла бы подать повод к подобному названию. Следовательно, сообщение Константина об имени четвертого порога должно заключать в себе ошибку. Мы необходимо должны признать одно из двух: или переданная им форма имени не вполне исправна, или же приведенное им объяснение неверно. Если мы примем в соображение, как неточны и шатки у Константина некоторые объяснения имен, тогда как самые имена у него более или менее верны, последнее предположение приобретает, несомненно, наибольшую вероятность, тем более что по крайней мере в настоящее время в тех местностях, которые описывает рассказ Константина, пеликаны совсем не водятся (предположив, что в данном случае разумеется та самая птица, которую мы вообще называем этим именем) и что они, как уверяет меня один естествоиспытатель, вообще не устраивают гнезд так, как следовало бы о том заключить из слов Константина (εἰς τὰ λιθάρια τοῦ φραγμοῦ). К этому всему присоединяется еще то обстоятельство, что при имени этого порога мы имеем в греческом подлиннике не прямой перевод его, как при прочих именах (за исключением пятого порога), а лишь неопределенное этимологическое объяснение применительно к славянскому имени *неясыть*. По всей своей форме это толкование производит на меня впечатление чисто личного, субъективного предположения — все равно, принадлежит ли оно самому Константину, который, очевидно, несколько понимал по-славянски, или человеку, от которого он заимствовал свои сведения. Если так, то это объяснение теряет всякую цену: ибо, где дело касается, как в настоящем случае, не простого перевода, а этимологии слова, там человек, живший в X веке, не может представлять собою авторитета высшего относительно нас, и его слова не могут считаться достоверным выражением мысли, возникшей в уме первоначальных *impositores nominum*.

Но славянское слово *неясыть* означает не только «пеликан». Оно есть производное от прилагательного «сыт»⁴¹, и первоначальное значение его есть «ненасытный»; только уже в дальнейшем смысле оно употребляется для обозначения животных, в особенности птиц, отличающихся прожорливостью, каковы, например, коршун или пеликан (*неясыть*)⁴². Согласно с этим первоначальным зна-

⁴¹ Ср. Фр. Миклошича, *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen* (Wien, 1875), II, 374.

⁴² Старославянское *неясыть* — *vultur, pelecenus* (Миклошич, *Lexicon Palaeoslovenico-graecolatinae*, Vindobonae, 1862—1865); по-русски *неясыть* (пеликан?), род совы, баснословно про-

чением слова порог мог называться «Ненасытным», и, что это действительно было так, подтверждается современным именем этого порога — «Ненасытец» или «Ненасытецкий», и значение этого имени, очевидно почти тождественного с древнеславянским, вполне ясно⁴³. В самом деле, это вполне подходящее имя для такой сильной и стремительной быстрины, во всяком случае более выразительное, чем мягкое название «Пеликанового порога»⁴⁴. Далее я полагаю, однако, что свое название эта быстрина получила не только по причине своей стремительности и «прожорливости»: имеется налицо характерная особенность именно этого порога в сравнении с остальными, благодаря которой он по преимуществу заслуживает имя «ненасытного». Дело в том, что во время весеннего половодья он один не исчезает под водой, и, как бы ни был высок уровень реки вследствие напирания сверху вод, он и только один он остается постоянным препятствием для плавания по Днепру⁴⁵. По описанию Константина, этот порог был единственным, через который Руссы не могли перетаскать своих лодок порожняком, но который они принуждены были обходить по суше. Он, следовательно, может быть уподоблен бездонной, никогда не наполняющейся яме, и с этой точки зрения для него не могло быть более подходящего имени, как «Неасит», т. е. *неясить*, *ненасытец*.

Лишь установив, как мне кажется, истинное значение славянского имени, мы будем в состоянии объяснить происхождение и смысл русского имени *Айфор*, которое до сих пор еще не получало удовлетворительного толкования. В соответствии с переводом славянского имени («пеликан») объяснявшие сопоставляли слово *Айфор* (или, как читали до последнего времени, *Айфар*) большей частью с голландским *oievaar*, древненижнемецким *ôdebaro*, фризским *adebar* (аист) и высказывали предположение, что Скандинавы, не знавшие пеликанов у себя на родине, перемешали их с аистами⁴⁶. Но голландский ученый, профессор де-Фриз⁴⁷ (de Vries), ясно доказал, что такое объяснение недопустимо по естественнонаучным соображениям, так как в тех местностях Скандинавии, откуда должно было совершиться переселение в Россию, аист точно так же неизвестен, как и пеликан;

жорливая, ненасытная птица, также ненасытно жадный (в отношении еды, богатства и т. д.) человек (Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, ч. II, Москва, 1865); по-чешски *pejesyl* — пеликан. Ср. старославянское *несыть*, — *pelesanus*, русское *несыть*, — ненасыть, ненасытный человек или зверь, сербское — *несить*, ненасытный, *insatiabilis* (Вука Степанов, Караджича, Lexicon serbico-germanico-latinum, Vindobonae, 1852); чешское — *nesyl*, ненасыть, пеликан.

⁴³ Старославянское *ненасыть*, — голод; русское — *ненасыть*; сербское — *ненбсить*, *insatiabilis*; польское *nienasyć*, то же самое; чешское *nenasyt*, — то же. К сказанному я должен прибавить, что из прежних толкователей только один Лерберг (с. 364) отстаивает именно это значение этого древнего имени порога. Впрочем, я не могу удержаться от предположения, что порог и в старину, как ныне, действительно назывался *Ненасыть* и что форма *Неасыть* у Константина явилась результатом описки вместо *Ненасыть* (Νενασύτ) и потом послужила основанием для приведенного неудачного объяснения.

⁴⁴ Ср., напр., древнорманнское *svelgr*: 1) пучина, водоворот, течение, также имя собственное; 2) глотатель, расточитель, от глагола *svelgja* — глотать; или *sarpr* — зоб птицы, затем знаменитый водопад в Норвегии.

⁴⁵ «Au printemps lors que les neiges fondent, tous les Porouys sont couuerts d'eau excepté le septième qui s'appelle Nienastites et qui seul empesche la nauigation en cette saison». Боплан, с. 20 (ср. Лерберга, с. 321 А).

⁴⁶ Ср. Куника, Der Berufung der schwedischen Rodsen II, 431 и след. и в Caspia Дорна, с. 415. Грот, Филологические разыскания, 2-е изд. (1876), с. 422 и след.

⁴⁷ Verslagen en Medelingen der koninklijke Akademie van Wetenschappen, Afdeling Letterkunde, 2-nde Reeks, Deel V (Amsterdam, 1875).

кроме того, изложенное толкование точно так же недопустимо и с филологической точки зрения, ибо спорный термин принадлежит только нижненемецкому языку, не встречается ни в одном скандинавском наречии и, будучи возведен к формам языка X столетия, теряет всякое сходство со словом *Айфор*; наконец, это объяснение недопустимо и с логической стороны, потому что остается нелепой сама мысль назвать порог «аистом» или чем-нибудь в этом роде по той причине, что пеликаны живут в его соседстве⁴⁸. Если предложенное мною толкование славянского имени «Неясыть» верно, то и русское имя *Айфор* должно быть объяснено в соответствии с ним, и это достигается самыми простым и естественным образом. По моему мнению, *Айфор* соответствует древненорманнской форме *Eiforr* (*Euforr* или *Efor*), что значит «вечно стремящийся», «вечно рвущийся» (*perpetuo rгаесers*) — ложное из *ei-* (или *eu-*, *oe-*) — всегда, постоянно и *forr* — спешащий, бурный⁴⁹; на шведском языке X столетия соответствующая форма, вероятно, гласила бы *Aiforr*⁵⁰. Такое толкование, полагаю, является удовлетворительным во всех отношениях. Русское имя *Айфор* выражает утвердительно («вечно стремящийся») то же самое⁵¹, что славянские «Неясыть» (ненасыть) отрицательно, и оба предложенные объяснения взаимно опираются одно на другое; далее, истолкованное таким образом имя вполне точно подходит к природе самой местности и выводится естественно и непринужденно из того языка, к которому неоспоримо принадлежат все прочие «русские» имена порогов.

Имя пятого порога звучит по-русски *Варуфорс*, по-славянски *Вулнѣрах*, и эти названия объясняются тем, что он образует большой водоворот. Эти имена опять принадлежат к числу наиболее ясных: на двух языках они означают одно и то же — «порог волны» или «порог пучины». Славянское имя *Вулнѣрах* есть старославянское *вльньиѣ прагъ* (порог), причем первое слово есть прилагательное, производное от *вльна* (волна), точно так же как мы видели в имени второго имени прилагательное *островньиѣ* (островной) от слова *остров*. Этот порог и поныне еще называется *Вольным* или (правильнее) *Волнинским*⁵². Русское же имя *Варуфорс* есть древненорманское *Báru-fors*, сложное из *báru* (род. пад. *báru*) — волна и *fors*, водопад, стремнина, из чего греческий писатель сделал часто употребительное в греческом языке слово — φόρος.

⁴⁸ Попытка объяснения этого имени, сделанная профессором де-Фризом, несколько не более удачна, чем предыдущие. Он предполагает описку AEIFAR вместо ΔΕΙΦΑΡ, *Difar* (т. е. *Dýfari) и приводит для сравнения английское *diver*, гагара, нырок (род птицы). Но *dýfari* есть только предполагаемое слово, столь же мало скандинавское, как и *ooievaar*; вообще всякое искание по этому пути, как видно из приведенных выше доказательств, является безуспешным.

⁴⁹ Это прилагательное, употребляемое поныне в норвежском языке в форме *for* (см. *Аазена*, *Norsk Odborg* [Christiania, 1873], с. 177), вероятно, лежит в основании слова *fors*, водопад, или по крайней мере происходит от того же корня.

⁵⁰ Древний дифтонг *ai* в древненорманском языке *ei*, как кажется, долго удерживал в Швеции свою первоначальную форму и попадает в высшей степени часто в рунических надписях (*Ридквист*, *Svenska Spretets Lagar* [Stockholm, 1868] IV, 138 и след.) Спорную приставку (префикс) *ai* мы находим, например, в именах AILIFR (*Лильефрен*, *Run-Urkunder* [Stockholm, 1833], № 186, 187, 704), AIFIKR (там же, № 489), AIRIKR (там же, №№ 458, 601, 605 и др.).

⁵¹ Раньше, следуя чтению *Айфарь*, я пытался объяснить это имя из древненорманнской формы *Eifari*, вечно катящийся (*perpetuo ruens*), по аналогии с древненорманскими формами *dynfari* или *gnyfari* (*cum strepitu ruens*, поэтические названия ветра); но вышеприведенное объяснение во всех отношениях заслуживает предпочтения.

⁵² *Лерберг*, с. 329.

Следующий, шестой порог зовется по-русски *Леанти*, по-славянски *Верутци*, т. е. «бурление воды». Буквальный перевод гласил бы «бурлящий» или «кипящий» («бьющий ключом»). Имя *Верутци* есть старославянское *вържити* (*вържити*)⁵³ — причастие от глагола *врѣти* — кипеть, бурлить, также — бить ключом. Русское имя, *Леанти*, очевидно есть скандинавское причастие, как и *Геланд-ри* (*Gellandi*): для сравнения с этой формой само собою напрашивается древненорманнское *hlæjandi* (древнешведское *leande* или *leande*), смеющийся. Название порога «смеющимся» само по себе не является лишенным смысла: стоит вспомнить только имя «Смеющейся Воды», Minnehaha, в «Гайавате» Лонгфелло. Согласно со значением древненорманнского глагола *hlæju* — смеяться, — порог мог быть так назван частью по причине журчания воды, частью по причине сверкающих переливов пены. В обоих случаях это имя вполне удовлетворительно соответствует славянскому⁵⁴. К сказанному я прибавлю, что, по моему мнению, этот порог есть нынешний Таволжанский⁵⁵. Днепр на этом месте имеет ширину, требующую более десяти минут переезда, и русло его переполнено камнями — обстоятельство, благодаря которому, конечно, река у этого порога особенно бурлит и пенится, хотя самый порог и не очень опасен.

Наконец, седьмой и последний порог называется по-русски *Струкун* (см. примеч. 28), по-славянски *Напфеци*, т. е. «малый порог», — имена, объяснение которых представляет большие трудности. Что касается славянского имени *Напфеци*, то ни одна из предложенных гипотез не может быть принята. По моему мнению, оно скорее всего объясняется из старославянского прилагательного *бръзь* (борзый) — скорый, быстрый или какого-либо производного от него, каковые попадают в различных славянских наречиях со значением «малой быстроты»: так, например, старославянские *бръзина* или *бръжай* — река, поток, fluentum — *бръзѣя*, *syrtis*, болгарское *бръзии* — быстрина, сербское *брзица* или *брзакъ* — место в ручье, где вода быстро бежит по камням⁵⁶. Вопрос заключается лишь в том, как объяснить приставку *на* (очевидно, славянский предлог *на*)⁵⁷. Если *-пфеци* есть не что иное, как славянское прилагательное *бръзь*, *бръзии* в его первоначальной форме, то можно было бы предположить в данном случае сложную форму *на-бръзии*, т. е. превосходную степень прилагательного (очень быстрый), хотя в качестве собственного имени такая форма являлась бы натянутой. Однако я еще более колеблюсь признать уместность такого словообразования с помощью приставки *на*, если бы мы предположили в *-пфеци* славянское существительное со значением «порога» — предположение очень заманчивое; впрочем, не могу отрицать возможности и такого толкования. Как бы мы ни объясняли приставку *на* (можно представить еще множество различных предположений), во всяком случае придется признать, что, именно идя по указанному пути, мы очень близко

⁵³ Ср. сербское *врѣц*, fervidus; новейшая русская форма гласила бы *врѣцѣй.

⁵⁴ Или, может быть, *Леанти* ошибка вместо *Веланти* = др.-норм. *vellandi*, бурлящий, клочущий (wallend)?

⁵⁵ Того же мнения держится *Лерберг*, с. 370 и след., но исходя из совершенно иной точки зрения, которую я не могу признать верной.

⁵⁶ Подобные имена см. у *Миклошича*, Slavische Ortsnamen aus Appellativen (Denkschriften der Kais. Akademie zu Wien XXIII, 149, № 40).

⁵⁷ Ср. *Миклошича*, Vgl. Gr. d. slaw. Spr. II, 358 и след., 405 и след.; III, 213 и след. *Его же*: Die nominale Zusammensetzung im Serbischen (Denkschr. d. fil. — hist. Classe d. Akad. zu Wien, XIII), с. 21.

подойдем к переводу имени этого порога у Константина («малый порог»). Теперь мы должны предположить, что русское имя *Стружун* имеет подобное же значение, и ключ к решению вопроса мы без труда найдем в норманнском языке. В норвежском народном языке имеются слова *strok* (средн. рода) и *stryk* (муж. р.), означающая «течение в проточной воде (реке)», «сужение русла с усилием течения»⁵⁸, в шведских диалектах⁵⁹ находим соответствующее слово с тем же значением в различных формах, каковы *strek* и *struk* (ср. р.), рядом с ними также форму женского рода *strukk*, «небольшой водопад, по которому можно проплыть вверх». Я не сомневаюсь, что в слове *Strukun* заключается именно этот шведский корень, хотя и не могу дать никакого твердого и удовлетворительного объяснения для суффикса *un*⁶⁰. Таким образом и это имя почти вполне согласуется с переводом Константина («малый водопад, порог»), равно как и с природными особенностями самого порога. Очевидно, это так называемый теперь Лишний порог: здесь река, посреди которой лежит большой остров, делается уже, но именно поэтому течение становится быстрее, и, так как эта быстрина не представляет особых опасностей или препятствий для плавания, порог мог не без основания называться «малым».

Таковы столь важные в лингвистическом и историческом отношениях имена днепровских порогов, сообщаемые нам Константином Багрянородным; к этим же именам, вероятно, примыкает еще второе имя Киева — *Самватас* (Σαμβατάς). Хотя Константин и не говорит этого прямо, однако не может быть сомнения в том, что это очевидно неславянское имя есть «русское» название города. Следует признаться, что доньше не предложено ни одного удовлетворительного объяснения этого имени, и я также не могу объяснить его с достоверностью. Все-таки я осмеливаюсь выступить с предположением, не есть ли слово Самватас древненорманнское *Sandbakki*, песчаная отмель, или *Sandbakka-áss*, песчаная возвышенность? Мне кажется, такое толкование подходило бы к характеру местности; но решение этого вопроса я должен предоставить другим⁶¹.

⁵⁸ И. Азен, Norsk Ordborg (Christiania, 1873), с. 761—762.

⁵⁹ Рунтц (Rietz), ordbok öfver Svenska Allmogespreket (Lund, 1867), с. 685.

⁶⁰ Не соответствует ли Строубоун форме *Strukund*, с нередко встречающимся в местных названиях суффиксом *-und* (ср., напр., О. Буге, Tolkning af Runeindskriften på Rökstenen [Antiquar. Tidskr. för Sverige V], с. 58 и след.; Рудкевиста, Svenska sprekets lagar V, 30; II, 625)? Впрочем, я не знаю ни одного примера, где бы это окончание попадалось в именах вод. Или не есть ли *-un* в данном случае древненорманнское окончание дат. пад. мн. числа *-um*? В последнем случае следовало бы предположить, что дат. *Стружун* первоначально находился в зависимости от какого-либо предлога, напр. *at* (при, к), и затем превратился в собственное имя порога. Употребительного на Севере последующего (postpositiv) члена здесь нельзя предположить, так как он редко или даже никогда не попадает в древнейших именах собственных.

⁶¹ Гедеонов объясняет имя Σαμβατάς венгерским *szombat*, словом, которое он переводит «крепость», и пользуется этим толкованием в качестве подтверждения своей фантастической гипотезы, будто Аскольд и Дир были Угры! Но венгерское *szombat* есть не что иное, как «суббота» (из славянского *сѣбота*, Sabbath). Как кажется, Гедеонов введен в заблуждение частым появлением этого слова в именах венгерских городов и местечек; но точно так же употребляются имена других дней недели (может быть, ярмарочные дни той или иной местности?). Таким образом слово *szombat*, как говорят, встречается в именах четырнадцати венгерских и пяти семиградских местностей, *szerda* (среда) — в девятнадцати венгерских и шести семиградских, *péntek* (пятник) — в семи венгерских и четырех семиградских именах и т. д. Но имена дней недели у Венгров принадлежат уже к христианской эпохе; след., они новейшего происхождения сравнительно с име-

Итак, мы видим, что так называемые русские имена порогов суть в действительности древненорманнские или древнешведские и представляют собою, без сомнения, один из сильнейших доводов в пользу скандинавского происхождения Руси. Сами приверженцы различных теорий антинорманизма едва имели мужество оспаривать это доказательство: они или оставляли эти имена без внимания, или довольствовались шаткими намеками и несвязными утверждениями самого ненаучного характера⁶².

Но до нас дошла еще другая группа памятников языка древней Руси, по которым мы, может быть, еще явственнее, чем по именам днепровских порогов, можем распознать скандинавский язык: я говорю про собственные имена, которые мы встречаем на первых страницах русской летописи⁶³. Эти имена не только дают нам весьма убедительное доказательство скандинавского происхождения Руси, но ближайшее рассмотрение их может сверх того дать нам в высшей степени достопримечательные указания на частности занимающего нас вопроса.

Всего насчитывается около девяноста имен, выдающих более или менее свое скандинавское происхождение. Между ними на первом плане стоят имена членов русского княжеского рода первых двух или трех поколений: *Рюрик* — древненорманнское Hrærek, *Синеус* — Signitur; *Трувор* — Þorvardr; *Олег (Ольг)* — Helgi; *Ольга* — Helga; *Игорь (Ингорь, Ингер)* — Ingvarr; *Малфредь* — Malmfrídr (*Аскольд, Оскольд* — Höskuldr; *Дир* — Dýri). Около середины X в. эти норманнские имена вытесняются славянскими, и с этого времени в княжеском роде остаются в употреблении лишь немногие скандинавские имена по наследству от предков (например, Рюрик, Игорь, Олег, Ольга).

Но кроме лиц княжеского рода почти все Руссы высокого или низкого звания, упоминаемые в летописях в течение первого столетия русской истории, носят чисто скандинавские имена, из которых лишь очень немногие встречаются после 1000 г. Богатейшими хранилищами этих имен являются договоры Руси с Греками 911 и 944 годов⁶⁴. Оба начинаются словами: «Мы от рода русска», и затем следует перечень русских уполномоченных. В первом договоре перечисляются имена пятнадцати послов, во втором, вероятно, двадцати пяти послов (представителей членов княжеского рода и других высокопоставленных лиц) и двадцати пяти купцов. В договоре 911 г. мы не находим ни одного славянского имени, в до-

нем Σαββατάς. Ср. К. И. Смирнов; Nestors Russiske Krönike (Kjöbenhavn, 1869), с. 352; Гунфальви, в Nyelvtudományi Közlemények VI (Pesth, 1867), с. 216 и след.; Рёзлера (Roesler), Romanische Studien (Leipzig, 1871), с. 134.

⁶² Ср. Кунтика в Caspia Дорна, с. 414 и след.

⁶³ Полный алфавитный список см. в приложении. Прежняя литература вопроса: Байер, Commentarii Acad. Scient. Imp. Petrop. IV (ad a. 1729) [С.-Петербург, 1735], с. 281—291 (ср. Шлёцера, Nestor IV [Göttingen, 1805] с. 51—55). Кунтик, Berufung и т. д. II (St.-Petersburg, 1845), с. 107—194). П. А. Мунх, Samlede Afhandlinger udgivne af G. Storm II (Christiania, 1874) [1849], с. 191, 254—256, и Chronica Nestoris, изд. Фр. Миклошича (Vindobonae, 1860), с. 188—198. К. Гузласон в Nestors Russiske Krönike oversat af C. W. Smith (Kjöbenhavn, 1869), с. 321—326.

⁶⁴ Если бы кто-нибудь вздумал заподозрить подлинность этих договоров, я отвечу тому словами превосходного слависта, Фр. Миклошича, в его издании Chronica Nestoris (Vindobonae, 1860), с. IX и след.: «De foederibus factis cum Graecis confitemur, nos non intelligere, quomodo haec foedera, paucissimis exceptis continentia nonnisi nomina Scandica, fingi potuerint post Nestoris aetatem, Russis tam brevi tempore oblitis haec nomina. Affirmanti vero, ticta esse aut a Nestore, aut saltem aetate Nestoris, respondebimus, fictionum aetatem in Russia longe esse recentiore saeculo duodecimo. Addemus, foedera haec, si quidem ficta sint, ficta esse lingua graeca».

говоре 944 г. только три, которые все принадлежат к группе членов княжеской фамилии или знати (дружинников, бояр): это — *Святослав*, сын Игоря, *Владислав* и *Предслава* (женское имя)⁶⁵. Напротив, около шестидесяти имен, находящихся в тексте договоров, и (кроме княжеских имен) до десяти известных нам из других источников суть неоспоримо чисто скандинавские; таковы же, но всей вероятности, еще некоторые другие (например, *Актеву*, *Вуэлѣбе*, *Истр*, *Клек*, *Куци*, *Мутур*, *Сфанда*); остальные переданы, очевидно, в настолько искаженном виде, что их происхождение едва можно определить с точностью (таковы *Апубксарь*, *Войст* *Войков*, *Канцинаръ*, *Либи*, *Синко* *Боричъ*, *Тилен*, *Ятвяг*, *Явгяг*)).

Было бы непостижимо, каким образом люди нескандинавского происхождения, особенно в те времена, могли бы называться чисто скандинавскими именами; и, так как носители этих имен прямо заявляют в обоих договорах о своем «русском» происхождении («от рода русска»), этот факт неоспоримо является весьма веским доказательством того, что Руссы точно были Скандинавами. Противники вашего воззрения не могли поколебать этого свидетельства и должны будут до конца дней оставить всякую надежду на достижение желаемого ими результата.

Но мы можем сделать еще шаг дальше. Следует принять в соображение, что наряду с массой имен, распространенных в старину почти равномерно по всем скандинавским землям, находятся другие, которые употреблялись лишь в тесных пределах, и по таким именам мы часто бываем в состоянии с большей или меньшей уверенностью вывести заключение о стране, иногда даже об отдельной области страны, из которой происходило данное лицо. При прежних попытках объяснения скандинаво-русских имен принимались в соображение большей частью лишь те имена, которые сообщает древненорманнская письменность, относящаяся главными образом к Исландии и Норвегии. Однако некоторые из русских имен ни в каком случае не могут быть разъяснены при помощи только этого приема и тем не менее по своей форме представляются явно скандинавскими. Из всех стран Севера Швеция является единственной, на которую указывают все сведения как на главный центр сношений между Скандинавией и Россией; и мы можем, по моему мнению, во всяком случае пролить новый свет на древнерусские имена, если, не ограничиваясь литературой саг, положим в основу наших сопоставлений имена, встречающиеся в многочисленных шведских рунических надписях и документах из эпохи Средних веков.

Идя по этому пути, мы найдем между русскими именами множество таких, которые являются для Швеции общими наравне с прочими скандинавскими странами. Таковы суть имена: *Адулб* (Audulfr), *Адун* (Audunn), *Акун* (Hákon, Hákon), *Алвард* (Hallvarðr), *Алдан* (Halfdanr), *Амунд* (Ámundi или Hámundr или Eymundr), *Асмунд* (Ásmundr), *Берн* (Björn), *Буды* (Bóndi), *Грим* (Grímr), *Гунаръ* (Gunnarr), *Диф* (Dýfi), *Емиг* (Hemingr), *Ивор* (Jvarr), *Ингелд* (Ingaldr), *Карл* (Karl), *Карли* (Karli), *Кары* (Kári), *Кол* (Kollr), *Ольга* (Helga), *Ольг*, *Олег* (Helgi), *Олѣб*, *Улѣб* (Óleifr, Ólafr), *Рогволод* (Ragnvaldr, Rögnvaldr), *Руалд* (Hróaldr), *Руар* (Hróarr), *Рулав* (Hródleifr), *Рюрик*, *Рурик* (Hrœkr), *Свѣн* (Sveinn), *Стур* (Styrr), *Сфифк* (Sverkir), *Труан* (Þróndr, Þrándr), *Турд* (Þórdr), *Турберн* (Þorbjörn), *Турь* (Þórir), *Ульб* (?) (Ulfr), *Устин* (?)

⁶⁵ Из имен, попадающихся вне упомянутых договоров и считавшихся скандинавскими, *Блуд* есть чисто славянское, *Глеб* первоначально болгарское имя (*Куник* в *Caspria Dorna*, с. 402); имя *Лют* может быть одинаково скандинавским и славянским.

(Eysteinn), *Фрелаф* (Fridleifr, Frilleifr), *Фруд* (Fróði), *Фурстѣн* (Forsteinn). Но рядом с этими именами стоят некоторые другие, принадлежащие, очевидно, исключительно одной Швеции (немногие также Дании) или во всяком случае особенно употребительные в Швеции. К этой группе принадлежат имена: *Арфаст* (Arnfastr), *Бруны* (Brúni), *Вефаст* (*Бвефаст*) (Véfastr [или Bófastr?]), *Гомол* (Gamall), *Гуды* (Góði или Gúði), *Гунастр* (Gunnfastr), *Игорь* (Ingvarr), *Ингивалд* (Ingivaldr), *Карн* (Karni), *Монн* (Manni), *Ольма* (Holmi?), *Свѣналд* (Sveinaldr), *Синеус* (Signiutr), *Слуды* (Slóði), *Студьк*, *Студек* (Stœpingr), *Тукы* (Tóki, Túki), *Тулб* (Tolfr), *Фарлоф* (Farulfr), *Фост* (Fasti), *Фрастѣн* (Freysteinn), *Шихберн* (Sigbjörn); сравним еще имена: *Турбрид* — древнешведск. Þorfrígr. *Шибрид* — др.-шведск. Sigdrídr, (*Сфирк* — др.-шведск. Sverkir), тогда как соответствующие норвежско-исландские формы гласят Þorgrödr, Sigrödr, (Sörkvir). С другой стороны, между древнерусскими именами крайне мало таких, для которых нельзя было бы подыскать никакой параллели в шведских памятниках, тогда как они были бы известны в других скандинавских странах: таковы имена: *Осколд* (Асколд) — Höskuldr, *Вермуд* — Vermundr и женские имена *Малфрѣд* (Malmdrídr) и *Рогнрѣдъ* (Ragnheidr). Но если мы сообразим, как скудно число исторических памятников Швеции в сравнении с Норвегией и Исландией, то, конечно, мы имеем право предположить простой случай в том, что для этих имен мы не находим соответствующих шведских форм.

Затем мы можем сделать еще один шаг далее. Приведенные имена выказывают не только свою близкую связь со Швецией вообще, но еще и приводят нас в совершенно определенные части Швеции, именно в местности *Упланд* (Upland), к северу от озера Мелара, *Зёдерманиланд* (Södermannland), к югу от него и *Остергётланд* (Östergötland), к югу от Зёдерманиланда. Не только все перечисленные имена встречаются именно в этих трех областях, особенно в Упланде, но некоторые из них являются даже очевидно характерными именно для этой полосы: таковы имена: *Karni* (Остергётланд), *Signiutr* (Упланд), *Slóði* (Упланд и Зёдерманиланд), *Stædingr* (Упланд и Остергётланд), может быть, также *Farulfr* и *Sveinaldr* (все три области). Конечно, не следует забывать, что значительное большинство (около трех четвертей) шведских рунических надписей относятся именно к трем названным областям; однако это обстоятельство не объясняет еще в достаточной степени такого замечательного совпадения. Во всяком случае заслуживает внимания, что между русскими именами не находится ни одного, на которое можно было бы указать, как на принадлежащее специально другим областям, кроме названных трех, например, ни одного из многочисленных имен, употребляющихся только на острове Готланд, хотя и можно было бы предполагать, что именно этот остров с давних пор служил мостом между Швецией и Россией. Прибавим еще к сказанному, что три упомянутые области лежат на шведском берегу как раз напротив Финского залива и что многочисленные рунические надписи, явственно указывающие на сношения между Швецией и странами Востока, почти исключительно принадлежат этим трем областям. В силу всего изложенного мы, конечно, имеем право утверждать, что русские имена, встречаемые нами в течение первого века русской истории, не только, за весьма немногими исключениями, выказывают чисто скандинавское происхождение, но что они сверх того решительно указывают на Швецию, и в особенности на области Упланд, Зёдерманиланд и Остергётланд как на первоначальную родину так называемого русского племени.

Однако нам уже пора обратиться в самую Скандинавию, чтобы посмотреть, не найдутся ли и там точки опоры для нашего мнения. И в самом деле, хотя мы там и не находим прямого рассказа об основании русского государства, мы тем не менее получаем в наше распоряжение такое множество данных, свидетельствующих о тесных связях, существовавших с незапамятных времен между Скандинавией и землями по ту сторону Балтийского моря и Ботнического залива, что уже ввиду этих данных рассказ Нестора представляется вполне заслуживающим доверия.

Древнейшими свидетельствами означенного характера мы обязаны археологическим исследованиям. Каменный и бронзовый века настолько отдалены от нас, что не могут иметь существенного значения для решения нашего вопроса; однако мы можем мимоходом заметить, что разрозненные остатки бронзового века, находимые на восточных берегах Балтийского моря, обязаны своим происхождением несомненно и единственно сношениям этих стран со Скандинавией. Настоящий интерес пробуждается в нас с началом эпохи употребления железа на Севере: к этому периоду относятся находимые нами следы древнейших памятников языка Скандинавии, рунические надписи, доказывающие, что тогдашнее население страны принадлежало к той же расе, которая с тех пор постоянно ее населяла. Именно культура древнейшего железного века, охватывающего, по мнению датских археологов, время от Р. Х. до 450 г., проложила себе в больших размерах путь в страны к востоку от Балтийского моря. Здесь найдены некоторые предметы, настолько точно соответствующие открытиям, сделанным в Скандинавии, что мы должны признать принадлежность их одной и той же или по крайней мере близкородственным народностям. С другой стороны то обстоятельство, что эти археологические находки попадают только в прибрежной полосе и не обнаруживают никакого сходства с остатками древности, находимыми внутри страны (т. е. России), доказывает, что культура древнейшего железного века занесена сюда с запада, именно переселенцами из Скандинавии⁶⁶.

Следы скандинавской культуры железного века находятся в особенности в области вокруг Финского залива и на значительном протяжении западного берега Финляндии, обитателями которой в те отдаленные времена были, как можно предполагать, Лопари (или какое-нибудь другое арктическое племя). Открытые в названных местностях остатки древностей настолько многочисленны, что, судя по ним, наверное должны были существовать уже в ту раннюю эпоху многие скандинавские поселения на побережье Финского залива до самого крайнего угла его включительно.

Эти результаты археологических изысканий замечательным образом согласуются с одним явлением в области языка, которому я посвятил особое исследование⁶⁷. Я указал на то, что финские наречия по берегам Балтийского моря и его

⁶⁶ Ср. *Worsaae*, La colonisation de la Russie et du Nord Scandinave et leur plus ancien état de civilisation, в *Mémoires de la Société Royale des Antiquaires du Nord*, nouv. série (Copenhague, 1873—1874), с. 154 и след. (= *Aarbøger for nordisk Oldkyndighed* 1872, с. 388 и след.). *Монтелиус*, Sur le premier âge de fer dans les provinces baltiques de la Russie et la Pologne, в *Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques. Compte-rendu de la 8-me session a Budapest 1876*, I, 481 и след.

⁶⁷ *Вильгельм Томсен*, Den gotiske sprogklasses indflydelse på den finske (Kjöbenhavn, 1869); немецкий перевод *Сиверса* под заглавием: «Ueber den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen» (Halle, 1870).

заливов именно в это время, т. е. в течение первых столетий нашего летосчисления, подверглись сильному влиянию германских языков, отчасти скандинавского диалекта, очень близко подходящего к языку надписей древнейшего железного века, отчасти готского наречия, которое должно быть несколько старше того готского языка, на какой была переведена Библия Ульфилою в IV в., когда Готы жили уже на Дунае. Из количества и самой формы подлежащих рассмотрению слов я вывел заключение, что сказанное влияние относится к тому времени, когда Финны еще не были, как теперь, рассеяны на большом пространстве, но жили более тесными союзами к востоку или юго-востоку от теперешних мест их расселения и что германские племена, остатки языков которых дошли до нас путем указанного влияния, должны были обитать в тех же местностях. В то время как скандинавское влияние проникало к Финнам с северо-запада, из областей, расположенных вокруг Финского залива, готское влияние шло с юго-запада, из стран между Вислой и Западной Двиной, где Готы, как известно, жили некогда и где найдены остатки древностей, могущие принадлежать только им одним, но не заходящие далее 400 г. по Р. Х. — доказательство того, что к этому времени последние Готы исчезли из указанных областей⁶⁸. Также и влияние скандинавской культуры, сказывающееся как в памятниках быта, так и в языке, исчезает к концу V в., чтобы затем проявиться снова, спустя несколько столетий, в новых формах. Это обстоятельство, наверное, находится в связи с великими переселениями народов, которые не только гнали Славян далее на запад, но побудили также и финское племя, населяющее ныне Финляндию и Балтийское побережье, продвинуться сюда с востока или юго-востока.

Около 700 г. или несколько позднее начинается новая эпоха в истории скандинавской гражданственности, эпоха, называемая с археологической точки зрения новейшим железным веком. Но, начиная с этого времени, археология перестает быть главным источником наших сведений; и, хотя я охотно признаю, что и по отношению к дальнейшим векам она еще продолжает проливать ценный свет на бесчисленное множество частных в жизни Севера, тем не менее ее значение ограничивается массой других источников, облегчающих нам с этого времени возможность проникнуть в историю скандинавских народов. В эту эпоху Скандинавы впервые появляются на поприще всемирной истории и начинают играть роль, какая никогда — ни прежде, ни после не выпадала на их долю: это время является эпохой тех знаменитых походов викингов, благодаря которым имя *Норманнов* стало известным и страшным на отдаленнейших берегах Европы.

В течение предшествовавшего периода обитатели скандинавских земель принимали лишь малое участие в событиях, потрясавших большую часть Европейского материка. Они, таким образом, имели достаточно времени для создания и развития своей собственной цивилизации, которая, конечно, должна была воспринять несколько плодотворных зародышей с юга. Эта цивилизация, перед напором которой еще не исчезла первобытная грубость нравов и обычаев, должна была особенно развить в Норманнах их непреклонную энергию и живость, столь характеризующую предприятия викингов, страсть к приключениям; вместе с тем культурное развитие достигло постепенно замечательной степени совершен-

⁶⁸ См. выше прим. 4 к перв. чтению; Worsaae, с. 167 и след. (=с. 399 и след.) *Монтелуис*, с. 483, 490.

ства, как это доказывают красивые, богато изукрашенные образцы оружия и другие найденные в Скандинавии остатки древности.

Однако между тем, как Скандинавы таким образом были заключены в продолжение столетий в тесные границы своей родины, должен был мало-помалу произойти столь значительный прирост населения, что для них в конце концов не оставалось другого исхода, как выступить с оружием в руках для завоевания себе нового круга деятельности и нового отечества. Вожди для таких военных предприятий легко находились в среде мелких конунгов, положение которых становилось крайне невыносимым вследствие усиливавшейся централизации политической власти в скандинавских землях.

Указанные обстоятельства, начиная с первых годов IX в., послужили толчком для предприятий викингов⁶⁹.

Нам нет надобности подробно распространяться о том, как Норманны совершали свои выселения; иногда, если это оказывалось для них удобным, в качестве купцов, большей же частью в виде морских разбойников и грабителей, и как они основывали колонии и целые королевства в странах Запада. Для нашей цели важен тот факт, что то же самое движение, которое впервые устремляло Норманнов в Западную Европу, привело их так же точно в страны к востоку от Балтийского моря и Финского залива, известные у древних Скандинавов под именем *Austrvegr* (т. е. восточный путь, *Ostweg*). В то время, как волна переселений, направленная к западу, исходила главным образом из Дании и Норвегии, течение на восток шло преимущественно из Швеции.

Это движение на восток началось, очевидно, несколько ранее, чем все остальные, и это не может нас удивлять, если мы припомним, что Скандинавы с давних пор знали и посещали эти восточные страны, были даже одно время их жителями. Их переселения в описываемый период представляют собою возобновление их старых традиций, и самое имя пути *Austrvegr* выражает собою ощущение Норманнов, сознававших себя в этих странах у себя дома, так как это название вполне соответствует другому имени — *Norvegr* (пишется обыкновенно *Noregr*, Норвегия, буквально *Nordweg*, *Norþweg* в «Орозии» короля Альфреда), тогда как для пути в противоположном направлении (*Vestvíking*) никогда не употреблялось соответствующего обозначения.

В древненорманнских сагах и других памятниках мы находим многочисленные указания, свидетельствующие о сношениях между Скандинавией и странами по ту сторону Балтийского моря⁷⁰. Правда, мы здесь не находим прямого упоминания об основании русского государства: это событие прошло на Севере сравнительно незамеченным, тем более что центр литературы саг, Исландия, был слишком удален от самой сцены события и что даже из норманнских поселений, расположенных в ближайших странах, лишь ничтожная часть упоминается

⁶⁹ Те же мнения о поводах к военным предприятиям викингов высказаны с замечательной ученостью и основательностью И. Стеенструпом в его интересном труде: *Normannerne* (Копенгаген, 1876 и 1878), I—II. Ввиду того, что этот автор ограничивается исследованием предприятий Норманнов на Западе, мы указываем с тем большим правом на интересную и до сих пор весьма полезную монографию более общего содержания, именно М. Бюдингера: *Ueber die Normannen und ihre Staatengründungen*, в *Hist. Zeitschr.*, изд. Зибелем, IV (1860), с. 331 и след.

⁷⁰ Все известия саг, касающиеся этого вопроса, мы находим собранными в *Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves*, éditées par la Société Royale des Antiquaires du Nord (Copenhague, 1850—1852), 2 vol. in folio.

в памятниках письменности Севера⁷¹. Зато встречаются бесчисленные указания на торговлю и мореплавание, походы викингов и массовые выселения⁷², исходившие из Скандинавии, преимущественно из Швеции, по направлению к восточному берегу Балтийского моря и к Финскому заливу; бесчисленное множество подробностей в названных источниках относится к посещениям России Норманами и указывает на тесную связь между скандинавским и русским владетельным родом, связь, которая объясняется исключительно обоюдными национальными интересами. Некоторые из таких рассказов легендарны и относятся почти к мифическим временам; некоторые, напротив, касаются хорошо известных исторических личностей.

Скандинавы обозначали русские земли, в особенности северную часть их, именем *Gardar* — множ. число от *gardr*, двор, крепость⁷³ или *Gardariki*. Из отдельных мест России или Гардарики упоминаются в сагах главным образом те, которые расположены вблизи Финского залива и которые, очевидно, постоянно посещались Скандинавами. Так, часто упоминается древний торговый город *Aldegjuborg*, нынешняя (Старая) Ладога, на р. Волхов, несколько повыше ее впадения в Ладожское озеро (у Скандинавов *Aldegja*⁷⁴, процветавший еще до основания русского государства). Далее, весьма часто упоминается Новгород, называвшийся по скандинавски *Hólmardr*, вероятно, потому, что расположен на острове (*holm*), образуемом Волховом при выходе из озера Ильменя⁷⁵. Древненорманнское имя для Киева гласило *Kænugardr*⁷⁶; Полоцк назывался *Palteskja* и т. д.

Но саги являются не единственными письменными памятниками, свидетельствующими о частых посещениях России Скандинавами. О том же говорят неод-

⁷¹ Ср. *Стеенструпа*, I, с. 3 и след.

⁷² Ср. в особенности *Стеенструпа*, с. 194 и след. И теперь еще некоторые прибрежные полосы Финляндии и Эстляндии имеют чисто шведское население, появившееся здесь, наверное, некогда из Скандинавии, хотя предание и не дает нам указаний на время этого переселения.

⁷³ Это слово сродни русскому *город*, старославянскому *градъ*, встречаемому во всех славянских языках, почему этого слова нельзя производить от древненорманнского *gardr*. Я желал бы скорее обратить внимание на тот факт, что древненорманнские имена некоторых городов на Востоке имеют окончание — *gardr*, напр., *Hólmgardr*, *Kænugardr*, хотя *gardr* на языке древних Норманнов не означает города: для последнего понятия общеупотребительным выражением является слово *borg*, между прочим и для чужих городов южной и западной Европы, напр., *Rómaborg* (Рим), *Lundúnaborg* (Лондон) и др. Это обстоятельство является в моих глазах указанием на то, что лишь в скандинавско-русском наречии слово *gardr* стало означать город, вероятно, ввиду того, что русские города вообще имели деревянные укрепления, с другой стороны также по сходству со славянским словом *город*, *град*, происхождение которого объясняется той же особенностью (ср. *Крека*, Einl. In die slaw. Lit-Gesch. с. 44). Если Константинополь на древненорманнском языке называется *Mikligardr*, то окончание указывает на то, что, впрочем, является несомненным и по другим соображениям, именно что это имя проникло в Скандинавию через Россию; может быть, сверх того, что здесь играла аналогия славянского имени Константинополя — Царьград.

⁷⁴ *Ладога*, вероятно, вместо **Aldaga*, со свойственной славянскому языку перестановкой звука л. Это имя происходит, может быть, от финского *aallocas*, волнообильный (собственно **äldogas*), от *aalto*, волна, — слова, в свою очередь переделанного из древненорманнского *alda*, имеющего то же значение. Если происхождение имени *Ладога* и другое, то во всяком случае Скандинавы привели его в связь со словом *alda*.

⁷⁵ Или, может быть, *Hólm* = Ильмену, в переделке соответствующей древнорвежскому *hólmr*? Ср. *Мюлленгоффа* в *Haupt's Zeitschrift für deutsches Alterthum* XII, 346. Подобные переделки чужих имен часты в древненорманнском языке.

⁷⁶ Переделано в соответствии с древненорманнским *kæna*, особый вид лодки?

нократно рунические надписи на памятниках, воздвигнутых в Швеции в воспоминание о мужах, павших на востоке⁷⁷. Почти все памятники этого рода находятся в упомянутых выше шведских областях Упланде, Зёдерманнланде и Остергётланде и принадлежат к X и XI столетиям. Некоторые из надписей сообщают о покойном лишь кратко, что «он пал в битве на Востоке» или «в стране Гардар», или «в Голмгарде» и т. д.; другие дают более обстоятельные сведения. Так мы имеем целый ряд камней — около двадцати — из различных частей трех названных областей, с надписями, которые относятся все к *одному* событию — к походу под предводительством князя именем *Ingvar*. Некоторые надписи сообщают об умерших: «он пошел на Восток с Ингваром», или «он пал на Востоке с Ингваром», или «он предводительствовал кораблем во флоте Ингвара»; одна надпись на камне гласит: «он долгое время пробыл на Востоке и пал на Востоке под предводительством Ингвара» и т. д. Очевидно, все эти надписи относятся к одному и тому же походу, который, по-видимому, оставил по себе громкую славу и в котором, очевидно, многие Шведы принимали участие. Предполагали⁷⁸, что упоминаемый здесь Ингвар есть не кто иной, как русский князь, которого Нестор называет Игорем, а Лиудпранд — Ингером, и что в данном случае нужно разуместь один из его походов. Однако некоторые обстоятельства указывают на то, что эти надписи составлены спустя приблизительно столетие после Игоря, почему много вероятнее, что в Ингваре следует видеть шведского князя этого имени, который носил прозвище *hinn víðförli* («далеко путешествовавший») и, по свидетельству исландских *Annales Regii*, умер в 1041 г.⁷⁹

Свидетельства исторических памятников о связях между Скандинавией и восточными странами подтверждаются самым определенным образом археологическими открытиями. Из многочисленных найденных в России и на Севере монетных кладов мы усматриваем, что именно в эпоху великих походов викингов шла в высшей степени оживленная торговля между Скандинавией, странами Востока и Византийской Империей. Эта торговля производилась через внутренние области России⁸⁰. Так, в Швеции найдены целые массы арабских монет (около 20 000 штук), относящихся ко времени между 698 и 1002 гг., в большинстве же случаев к периоду от 880 до 955 г., т. е. как раз к тому времени, когда, по всем свидетельствам, скандинавскому элементу принадлежала такая важная роль в истории России. С X в. центром торговых сношений между Скандинавией и Востоком служил, по-видимому, в особенности остров Готланд, на котором найдены самые крупные монетные клады (около 13 000 штук). Между этими арабскими

⁷⁷ В России не найдено рунических надписей скандинавского происхождения. Однако этот факт не может удивлять нас или служить доводом против скандинавского происхождения Руси. Дело в том, что рунические письмена в форме, свойственной новейшему железному веку, до X в. не были общепринятыми в Швеции, а в это время выселение в Россию давно уже совершилось. В честь скандинавов, павших впоследствии в России, на русской службе, воздвигались (пустые) могильные холмы с надписями на самой их родине.

⁷⁸ См. А. Мунха, *Det norske Folks Historie* (Christiania 1853), I, 2, с. 80. *Antiquités de l'Orient, Monuments Runographiques*, interprétés par C. C. Rafn (Copenhagen, 1856), с. IX.

⁷⁹ См. Лангебека, *Scriptores rerum Danicarum* III, 42. *Sturlunga Saga* edited by G. Vigfússin (Oxford, 1876), II, 356. Этот Ингвар является главным действующим лицом в одной весьма баснословной саге: *Sagan om Ingvar Vidfärne och hans son Swen, utgifven af N. K. Brodman* (Stockholm, 1762); то же в *Antiquités Russes* II, 141—169.

⁸⁰ Ср. свидетельство Нестора о существовании уже до времени Рюрика пути сообщения из «Варяг» (т. е. Скандинавии) в «Греки», вниз по течению главных русских рек (собственно Днепра).

монетами встречаются также другие иноземные денежные знаки, по всей вероятности, также занесенные торговцами с Востока, между прочими византийские монеты, носящие даты X и XI столетий⁸¹.

В России находились и находятся не только точно такие же монеты, но также и западноевропейские, главным образом англосаксонские, наверное, занесенные сюда Скандинавами и, вероятно, составлявшие часть той датской дани (Danegeld), которую так часто приходилось уплачивать Англии, равно как предметы вооружения и украшения несомненно северного (норманнского) типа. Притом сказанное относится не только к областям прибалтийским, но также и к внутренним местностям России, особенно в применении к одиночным могильным курганам, насыпанным, очевидно, на местах погребения вождей⁸². Замечательнейшими из этих предметов представляются мечи и особые, свойственный специально Северу вид пряжек овально выпуклой формы, тип которых принадлежит к периоду между IX и XI столетиями⁸³; эти предметы вполне точно соответствуют предметам вооружения и украшения (северного происхождения), найденным в Великобритании, Ирландии и Франции и относящимся к той эпохе, когда датские и норвежские викинги хозяйничали в этих странах, т. е. к IX, X и XI вв. Следует надеяться, что с течением времени прольется еще более света на этот предмет, если подобные археологические изыскания в России будут производиться более систематично и в больших размерах, чем до настоящих дней.

Обозревши все свидетельства памятников скандинавской письменности и археологических находок, мы, полагаю, должны признать, что они в высшей степени замечательно подтверждают и иллюстрируют традиционное мнение о скандинавском происхождении Руси. Прямых указаний на этот факт мы, правда, не находим: большая часть находок и документов принадлежит ко времени после основания русского государства и показывает лишь, что в те века Скандинавы поддерживали очень оживленные сношения с Россией и что множество их уходило туда частью ради торговых целей, частью для того, чтобы служить в дружине русских князей. Но ясно, что эти сношения, это стремление Скандинавов в Россию были бы невероятны, если бы в основе их не лежало национальное родство. Если бы до нас не дошло никаких других указаний, мы все-таки, думаю, были бы принуждены признать наличность весьма значительного скандинавского элемента в России.

Но еще другое обстоятельство подтверждает еще в сильнейшей степени, хотя и косвенно, наше мнение. Я разумею поразительное сходство между культурой и образом жизни Скандинавов в эпоху викингов и всем, что мы узнаем о древних Руссах по изображению славянских летописей, равно как греческих и арабских писателей. По единодушному свидетельству этих различных авторитетов, Руссы являются народом, привычным к мореплаванию, народом, странствующим далеко по всем направлениям — в Грецию и страны Востока, народом, корабли которого плавали не только по рекам России, но и по Черному, даже по Каспийскому морю. Повсюду они являются то викингами, то купцами, смотря по обстоятель-

⁸¹ Ср. *Worsaae*, с. 190 и след (=422 и след.).

⁸² Ср. у него же, с. 186 и след. (= 418 и след.) Также у *г-р. Уварова* (во французском переводе: *Les Mériens, traduit par Malaqué* [St.-Petersbourg, 1875], с. 44 и след., 84 и след., 115 и след. и в других местах).

⁸³ Ср. *О. Монтелиуса*, *Om de ovala spännbucklorna*, в *Kgl. Vitt. Hist. och Antiquitets Akademiens Menadsblad*, 1873 и 1877.

ствам, но всегда с оружием в руках и каждую минуту готовыми променять мирную прибыль купца на кровавые подвиги морского разбойника. Такое изображение древней Руси вполне совпадает с картиной обычаев и исполненного превратностей образа жизни Норманнов, как их описывают северные писатели и латинские средневековые авторы. С другой стороны, недопустима мысль о том, чтобы образ жизни тогдашних восточных Славян мог подходить к этим описаниям. Мы не должны забывать, что они в те времена обитали еще в середине страны и были вполне отрезаны другими племенами как от Черного, так и от Балтийского моря. Каким же образом они могли бы в такой степени освоиться с мореплаванием, в какой, очевидно, древние Руссы обладали этим искусством⁸⁴? С первого момента своего появления на поприще истории этот народ является нацией мореплавателей; такой народ должен был с давних пор проживать на морских берегах и привыкнуть к управлению кораблями на открытом море.

Сравнив сказанное в последних строках с другими доказательствами, рассмотренными выше, каждый беспристрастный судья наверное придет к заключению, что Нестор, изображая первоначальных Руссов Скандинавами, во всех отношениях прав. Ясно, что утверждение скандинавского элемента в России и основание скандинавского государства между финскими и славянскими племенами, населявшими эту обширную страну, представляет собою лишь единичный момент в истории того самого сильного и широко распространенного движения, которое в Средние века устремляло Норманнов в Западную Европу.

Чтение третье

Имя и история скандинавского элемента в России

В предыдущем чтении я подверг разбору свидетельства, могущие быть приведенными в подтверждение рассказа Нестора о начале русского государства, и полагаю, что в результате этого рассмотрения летописное повествование о скандинавском происхождении древней Руси оказывается вполне достоверным. В ответ на некоторые возражения, при помощи которых антинорманнисты пытались подорвать силу различных противных доводов, надеюсь, мы достаточно ясно показали, что эти попытки ни в каком случае не могут назваться удачными. Особенное внимание я посвятил свидетельствам лингвистическим, именам собственным, встречающимся в начале русской истории, и немногим дошедшим до нас остаткам древнерусского языка (имена днепровских порогов) — свидетельствам, которые представляются настолько решающими, что противники норманнистической теории едва могли решиться на серьезные попытки их оспаривания.

С целью доказать неправдоподобие летописного рассказа антинорманнисты действовали по иному плану, прилагая особые усилия к тому, чтобы констатиро-

---

⁸⁴ Ср. Куник в *Caspia Dorna*, с. 283.

вать присутствие Руси как особого племени в России задолго до указанного Нестором года. Я упомянул выше важнейшие из этих мнимых доказательств и, надеюсь, выяснил, насколько они несостоятельны; к сказанному я могу только еще прибавить, что, если бы даже они выдерживали критику, этим доказывалась бы лишь неверность летосчисления у Нестора, но самый вопрос о народности Руси не был бы даже затронут, так как этот вопрос, по крайней мере до известной степени, является независимым от хронологии.

Но сильнейший довод антинорманнистов опирается на этимологию самого имени *Русь*, и мы должны признать, что защитники теории, к которой примыкаем и мы, до настоящего времени были не в состоянии разъяснить трудности, связанные с этим именем. «Если Русь — Скандинавы, — так рассуждают сторонники противоположного мнения, — то должна же быть возможность доказать существование где-нибудь в другом месте скандинавского племени, называвшего себя этим именем; но такого племени указать нельзя». Охотно признавая этот последний факт, я, однако, замечу кстати, что точно так же мало возможно доказать существование славянского племени, которому это имя принадлежало бы с самого начала; ибо попытки доказать что-либо подобное суть не более как висящие в воздухе предположения, не находящие почвы перед судом строгой науки.

Но знаем ли мы точно, что древние Руссы действительно называли себя Русью или как-нибудь в этом роде на своем родном языке? Если бы это было несомненно, утверждение наших противников действительно имело бы вес; но оказывается возможным доказать, что древние Руссы, весьма вероятно, вовсе не называли себя сами этим именем. Поэтому я считаю большим промахом со стороны защитников норманнизма, что они тратят столько зарядов, усиливаясь найти следы скандинавского или вообще германского племени, из национального наименования которого возможно было бы прямо вывести имя *Русь*.

Единственным доводом, который можно привести в пользу мнения, будто это имя было туземным, является приведенная мною во втором чтении цитата из Пруденция, в которой мы вообще впервые встречаем это имя. Как припомнят читатели, Пруденций рассказывает, что греческий император прислал к Людовику Благочестивому послов, побывавших перед тем в Константинополе, которые, как прибавляет писатель, придерживаясь текста греческого рекомендательного письма, «говорили, что они, т. е. их народ, называются Рос»¹, тогда как в Германии открылось, что эти люди были Шведы. Рассмотрев, однако, этот вопрос поближе, мы увидим, что приведенная цитата ничего не доказывает. Эти люди, конечно, не могли вести переговоров в Константинополе на своем родном языке, которого там никто не понимал, и, вероятно также, никто из них не умел говорить по-гречески. Следовательно, переговоры должны были вестись на каком-нибудь третьем языке, который понимали обе стороны или для которого по меньшей мере были на лицо переводчики (отношение, которому до сих пор, очевидно, придавалось слишком мало значения, но которое, несомненно, следует принимать в соображение при обсуждении и других пунктов дела). Таким язы-

¹ К сожалению, мы не знаем точных слов греческого подлинника, но, я полагаю, последний должен был, без сомнения, гласить *τινὰς λεγομένων* 'Ρῶς или *τινὰς τῶν λεγομένων* 'Ρῶς, способ выражения, весьма обычный в византийской литературе и вполне соответствующий переводу Пруденция; если наша догадка верна, то утверждение, будто люди, прибывшие в 839 г. в Константинополь, сами называли себя *Русью*, оказывается еще более расшатанным.

ком был, вероятно, или славянский, или хазарский. Во всяком случае имя этого неизвестного народа, пущенное в ход при греческом дворе, было то самое, под которым этот народ был известен именно в этом посредствующем языке. Предположим для большей наглядности, что послан, например, германский посол к какому-нибудь индийскому радже, который до тех пор ничего не слыхал о Германии; переговоры в таком случае должны были бы вестись по-английски, прямо или через переводчиков; следовательно, народ, снарядивший посольство, стал бы известен в Индии под именем «Germans», и никому из туземцев не пришло бы в голову, что на своем языке он называет себя «Deutsche». Если бы далее этот индийский раджа вздумал препроводить этих послов к какому-нибудь другому владетелю, его рекомендательная грамота, конечно, гласила бы следующее: «Предъявители этого письма суть люди, которые говорят, что их народ называется “Germans”», но это еще не доказывало бы, что они так называют себя на своем собственном языке. Если бы второй владетельный князь никогда не слыхивал имени «Germans», но знал бы «Deutsche», или «Allemands», или «Немцев», он, вероятно, изумился бы, если бы выяснилось, что эти люди принадлежат к народу, столь хорошо ему известному под другим именем, и, если бы он вообще имел причины подозревать их намерения, он, вероятно, поступил бы точно так же, как Людовик Благочестивый. Одним словом, я не думаю, чтобы из слов Пруденция мы могли вывести заключение, будто люди, которых греки звали *Ρος*, действительно так себя называли на своем собственном языке.

Противоположное заключение может быть выведено из приведенных уже выше слов Лиудипранда, которыми он высказывает, что люди, называемые в Западной Европе Норманнами, слынут у Греков под именем Руссов (Rusii).

Ввиду сказанного я смело решаюсь утверждать, что древние Руссы как народ не называли себя так на своем родном языке. *Русью* они звались только на Востоке. Если же это так, то возражение против их скандинавского происхождения, основывающееся на имени *Русь*, теряет всякую силу. Это было бы то же самое, как если бы мы стали отрицать тождество между *Germani* и немцами (Deutsche), так как наиболее выдающиеся историки, а также и языковеды держатся мнения, что ни одно германское племя не называло себя Германцами, но что это имя возникло среди кельтских народов и от них перешло к Римлянам. Точно так же нам пришлось бы отрицать романское происхождение *Валахов* или кельтское происхождение *Валлийцев* (швейцарский кантон Валлис) на том основании, что ни один из народов соответствующих рас не знает таких имен²: они появились у немцев, которые называли *Wälsche* всех, чьего языка они не понимали, будь это Кельты или романские народности. Можно привести бесчисленное множество примеров подобной разности в именах народов. Также и имя *Норманны* едва ли было туземным названием скандинавских викингов, посещавших берега Западной Европы³.

Но, тогда как ни сами древние Руссы, ни какое-либо другое скандинавское племя не называли себя Русью, было уже в прошлом столетии обращено внимание на одно имя, которое очевидно представляет собой то же самое слово и является для нас мостом, ведущим в Скандинавию. Это имя, которое все финские племена, живущие у Ботнического залива и Балтийского моря, дают *Швеции*. По-фински эта страна называется *Ruotsi* (Швед — *Ruotsalainen*), по-эстонски *Rõts* (и

² Ср. *Гастона Пари*, *Romania I*, с. 1 и след.

³ Ср. *И. Стеенструпа*, *Normannerne I*, с. 51 и след.

Rôtslane), на языке Води (остатки финского племени в С.-Петербургской губернии, близ Нарвы) *Rôtsi* (и *Rôtsalainê*), по-ливски *Rúotsi* (и *Rúotsli*). Это имя не только тождественно со славянским *Русь*, но это последнее, без сомнения, происходит от финской формы того же имени. Следует вспомнить, что финские племена, как мы упоминали ранее, отделяли Славян от моря, и Скандинавы, переправившись через Балтийское море, должны были сперва прийти в соприкосновение с Финнами; с другой стороны, Славяне могли познакомиться с ними, лишь прошедши через земли своих финских соседей. Таким образом, Финны должны были иметь на своем языке имя для Скандинавов ранее Славян, и было вполне естественно, что Славяне дали Скандинавам то же самое имя, которое узнали от Финнов.

Иные выставляемые антинорманнистами гипотезы, конечно, не допускающие никакой связи между именем *Русь* и финским *Ruotsi*, все при научной проверке не выдерживают критики. Так, например, указывали на библейское имя *Рош* (греч. перевод семидесяти: Ῥῶς), находящееся у пророка Иезекииля (гл. 38, 2 и след. и 39, 1). «Царь народов Рош, Мешех и Тубал» — таков титул Гога, который придет с севера на Израиль, «но Бог будет судить его и доставит Израилю победу»⁴. Давно уже против этого было высказано, что подобное сопоставление не имеет никакой цены ввиду того, что имя Рош у Иезекииля является чересчур неопределенным и одиночным, а также ввиду того, что между временем написания книги этого пророка и Русью IX века лежит промежуток более чем в 1400 лет⁵. Тем не менее еще и поныне есть фантазеры, совершенно серьезно приводящие этот текст затем, чтобы доказать историческую древность русского народа.

Затем приводилось также имя *Роксолан*, «сарматского» племени, обитавшего в древние времена в одной части нынешней южной России. Одни считали их за Славян или полуславян⁶, другие предполагали в них готское происхождение⁷ или даже видели в них Скандинавов, оставшихся в России в ту эпоху, когда их собратья в силу одной несостоятельной теории переселились с Востока в скандинавские земли⁸. Но Роксоланы были, без сомнения, народ восточного происхож-

⁴ В переводе Библии Лютера имя *Рош* отсутствует. Здесь мы читаем «верховный князь над Мешехом и Тубалом» («der oberste Fürst in Mesech und Thubal»), так же как в Вульгате «princēp mosoch et thubal», согласно с обыкновенным значением еврейского слова *sar* (שָׂרָא) (*рош*) — голова, глава, вожь. Однако не невероятно, что в приведенном случае *Рош* означает какой-нибудь народ или племя, но уже, конечно, не Русь. Ср. «Сказания еврейских писателей о Хазарах. Собрал А. Гаркави (Сиб., 1874)», с. 60 и след., 158 и след. *Ленорман* (Lettres Assyriologiques, Paris, 1871, I, с. 27) с ассирийским названием местности *Rasi* (*Rasi*), «pays situé sur la rive gauche du Tigre, au nord de la Susiane». Ср. *Г. Мацнепо*, Histoire ancienne des peuples de l'Orient, 2-е éd. (Paris, 1876) с. 402: «*Rasi*, canton de la Susiane, la Mésobatie des géographes classiques».

⁵ В таком смысле высказывается уже *Epitome commentariorum Moysis Armeni, cum notis et observationibus H. Brenneri* (Stockholmiae, 1723), с. 85, и *Миллер*, Sammlung russischer Geschichte (St.-Ptb., 1760) V, с. 390 и след. (= *Offenbach am Main*, 1777, II, с. 343 и след.).

⁶ Делались попытки произвести имя Роксолан от корня *rus ros ras ra*, будто бы обозначающего «реку», — корень, на который сверх того указывалось с целью объяснения имени *Русь* и независимо от Роксолан. Но такого корня не существует: см. *Миклошича*, Die Rusalien, с. 19 (Sitzungsberichte der phil. — hist. Classe der Kaiserl Academie, Bd. 46 [Wien 1864]).

⁷ Так, напр., *Миллер*, Sammlung russischer Geschichte (1760) V, 385 и след. (= [1777], II, 339 и след.).

⁸ *П. А. Мунх*, Samlede Afhanflinger udgivne af G. Storm (Christiania, 1874, писано в 1849 г.), II, с. 196 и след. Позднее, однако, автор изменил свое мнение о Роксоланах; см. Его сочинение: Det Norske Folks Historie (Christiania, 1852) I, 1, с. 41.

дения, по всей вероятности, иранское племя: наравне со столь многими другими народностями они были поглощены волнами великого переселения народов и не имеют никакого отношения к Руси, какое бы происхождение мы ни приписывали последней.

Мне кажется неоспоримым, что единственным именем, с которым имя *Русь* непосредственно связано, является финское обозначение Швеции — *Ruotsi*, и этот факт сам по себе в высшей степени поучителен при решении вопроса о национальности Руси. Откуда, в свою очередь, взялось имя *Ruotsi*, это, опять-таки, составляет предмет спора между филологами. Со стороны норманнистов до настоящего времени почти всеобщим признаком пользовалось производство этого имени (следовательно, прямо или косвенно также имени *Русь*) от *Рослагена*, названия прибрежья шведской области Упланда, лежащей (как было говорено выше) как раз напротив Финского залива. Однако против такого отождествления обоих имен были высказаны некоторые возражения. Во-первых, первый слог имени *Roslagen*, который по названному предположению только один и перешел в финский (и славянский) язык, есть не именительный, но родительный падеж древнего шведского существительного *rod-er* (*rod*, древненорм. *rod-r*), собственно: гребля (ср. нем. *Ruder* — весло), судоходство, плавание. Во-вторых, самое имя *Рослаген* появляется слишком поздно для того, чтобы быть принятым в соображение: в более древние времена употреблялись названия *RoPer*, *RoPin* для обозначения тех полос Упланда и Остергётланда, которые прилегали к морю и обзывались в Средние века в случае войны поставлять корабли. Жители этих округов назывались *Rodskarlar* или *Rods-mæn* (теперь *Rospiggar*⁹). Ввиду этих затруднений указанное словопроизводство с некоторого времени оставлено, и сам Куник, отстаивавший его со всей энергией в своей книге «*Berufung der schwedischen Rodsen*», в настоящее время отказался от него¹⁰.

Я сознаюсь, что нельзя предположить никакой прямой генетической связи между *Рослагеном* как географическим именем и *Ruotsi* или *Русью*. Тем не менее, мне думается, не слишком ли поспешно перерезана эта путеводная нить. Имя *Ruotsi* так же мало может быть объяснено из финского языка, как *Русь* — из славянского¹¹. Оно должно быть, следовательно, иноземного, по всей вероятности, скандинавского происхождения¹². Если же это так, я вовсе не считаю неоснова-

⁹ Ср. *Ридквиста*, Svenska Sprehets Lagar (Stockholm, 1857) II, 273, 628.

¹⁰ В последнее время Куник предложил другое объяснение (*Caspia Дорна*, с. 381 и след.); он сближает имена *Ruotsi* и *Русь* с древненорманнским полумифическим именем *Hreiþgotar* и *Reiþgotar* (англосаксонское *Hrédgotan* или *Ræpgota*); первоначальная форма этого имени, по его мнению, гласила *Hrâþigutans*. Но, не говоря уже об исторических соображениях, такое толкование является несостоятельным и с фонетической стороны. Ср. *Мюлленгоффа* в *Ztschr. f. d. Alt.* XII, 261; *С. Бунье*, *Tolkning af Rökstenen* (*Antiqvar. Tidskr. för Sverige* V), с. 35 и след.

¹¹ Объяснение финского имени *Ruotsi* при помощи эстонского слова *rūd*, что будто бы означает «шхеры» (след. «страна шхер»), — объяснение, которым довольствуется *Геденов* («Варяги и Русь» II, 414), следуя *Паппоту* (*Versuch einer Entwicklung der Sprache, Abstammung d. Liv. Lett. Est.*), основано на таком произволе и таком незнании финского языка, что уже по этой одной причине не имеет цены. Эстонское *rūd* обозначает «всякий твердый предмет, который, сам находясь внутри (или в середине), сдерживает внешние части вещества, более слабые и мягкие», напр., спинной хребет у рыб, конек на кровле, жилка на древесном листе и др. (*Видеманн*, *Estn.-Deutsches Wörterbuch* [St.-Petb., 1869], с. 1076 и след.); то же значение имеет и финское слово *ruoto*.

¹² Подобным образом Лопари произвели свои слова *Ladde*; 1) (шведская) деревня; 2) Швеция, и *Laddalau*: 1) (шведский) крестьянин; 2) Швед — от шведского *land*, земля.

тельным остановиться именно на древнешведском слове *roBer*, особенно ввиду того замечательного совпадения, по которому в старину *RoBer*, *RoPin* было именем как раз тех самых областей Швеции, на которые, как мы это видели выше, указывают древнерусские собственные имена, заставляя угадывать в них родину Руси. Весьма вероятным является предположение, что Шведы, жившие на морском берегу и ездившие на противоположный его берег, очень рано могли называть себя — не в смысле определения народности, а по своим занятиям и образу жизни — *roPs-menn*, или *roPs-karlar*, или как-нибудь в этом роде, т. е. гребцами, мореплавателями¹³. В самой Швеции это слово, равно как и отвлеченное понятие *roBer*, мало-помалу обратились в имена собственные. Тем менее удивительно, что Финны приняли это имя за название народа и переняли его в свой язык с таким значением, удержавши при этом лишь первую половину сложного существительного¹⁴. Можно было бы и здесь, как против словопроизводства от *Roslagena*, возразить, что первый слог шведского имени, *RoPs* есть родительный падеж и что употребление такового в качестве имени собственного представляется странным. Но если мы примем предположение, что не сами Скандинавы называли себя *RoPs* или *Ruotsi*, или *Русью*, но что это сокращенное имя было впервые дано им Финнами, то указанное затруднение исчезнет. В финском языке при усвоении сложных имен из других языков представляется вполне обычным явление заимствование одной лишь первой составной части имени¹⁵, и, если эта первая часть является родительным падежом, слово может быть бессознательно принято в форме этого падежа. Таково, например, происхождение финского слова *riksi*

¹³ В северной Норвегии до сих пор еще именем *Ryssfolk* (*Ryrs* — или *Ryds-folk*) называются «рыбаки, собирающиеся у берегов во время рыболовного сезона». Единственное число *Ryss-kar* или *man*. См. *I. Aasen*, *Norsk Ordbog* (Christiania, 1873), с. 612.

¹⁴ Не излишне будет заметить, что чисто финские имена земель представляют собою первоначально собирательные названия того или иного племени или народа, означающие потом с течением времени: 1) страну, заселенную народом, 2) его язык; отдельные особи, принадлежащие к народу, обозначаются производными словами, образованными при помощи суффиксов — *lainen* в единств., *laiset* во множ. числе; такие формы служат в то же время прилагательными. Так, напр., *Suomi* означает: 1) Финляндию, 2) финский язык, собственно же всех финнов в собирательном смысле; точнее можно выразиться, употребляя сложные слова *Suomen-maa*, собственно: финская земля, *Suomen Kieli*, финский язык; напротив, *Suomalainen* финн, финский. Однако описанное явление наблюдается также в формах чужих народных имен, укоренившихся в финском языке, почему неудивительно, что такие имена регулярно представляют собой переделку чужих имен народов, а не стран. Так, Россия называется по-фински *Venäjä* (см. примеч. к перв. Чтению); Дания прежде называлась *Iuuti*, от шведск. *Iute*, Ютландец, теперь обыкновенно *Tanska* (от *dansk*, датский, датчанин); Германия — *Saksa* (от древненорм. *Saxar*, Саксы, Немцы) и т. д. Приведенные примеры сильно говорят в пользу предположения, что и слово *Ruotsi* образовалось не из имени определенной местности, но из имени населения последней. Прибавлю еще, что по форме слова мы должны относить имя *Ruotsi* всего вернее к началу так называемого новейшего железного века или к несколько более раннему моменту; во всяком случае это имя появилось после древнейшего железного века (см. чтение второе, примеч. 66 и 67). Ср. *B. Томсена*, *Ueber den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen*. (Halle, 1870), с. 81 и след., 116 и след.

¹⁵ Например, финское *Pietari* — С.-Петербург (русская простонародная форма *Пумеп*); *huovi* = шведск. *Hofman*; *portto*, *scortum*, эст. *port* = др.-норм. *porikona* и мн. др. Иногда то же самое случается и туземными словами; см. *А. Альквиста*, *Auszüge aus einer neuen Grammatik der finnischen Sprache*. Zweites Stück: *Zusamensetzen des Notmens*, § 14 (*Acta Societatis Scientiarum Fennicae*, tom. X., Гельсингфорс, 1872).

(шведская монета), переделанного из шведского *riks-daler* (Reichsthaler), причем отброшена вторая составная половина слова *daler*, и удержана только первая *riks* (собственно шведский родительный падеж [вместо *rikes*] от *rike*, Reich, государство). Такое объяснение финского слова *Ruotsi*, полагаю, не лишено основания. Конечно, это только гипотеза, но гипотеза, во всех отношениях вносящая связность и гармонию в решение рассматриваемого вопроса.

Как уже сказано, то же имя от Финнов перешло к Славянам в форме *Русь*: звук *uo* или *û*, которого нет в славянском языке, заменился звуком *u* (*y*), точно так же как финское имя *Suomi* — собственно, название лишь одного финского племени, в настоящее время туземное имя Финляндии — в русских летописях передается формой *Сумь*¹⁶.

Относительно грамматической формы имени *Русь* в славянском языке характерно, что это слово всегда употребляется как собирательное, в единственном числе. Вообще мы встречаем эту особенность словоупотребления в памятниках древнерусской письменности почти исключительно в применении к именам иностранным, особенно при обозначениях финских племен или в именах, заимствованных из финского языка, где находится образец для такого словоупотребления. Так, кроме уже упомянутого имени *Сум*, мы еще находим в русских летописях племенные названия *Ямь* — финск. *Häme* (Тавасты), *Мордва*, *Меря*, *Мурома*, *Весь*, *Чудь*, *Пермь* и мн. др. Этот факт также подтверждает наше предположение о том, что имя *Русь* перешло к Славянам через посредство Финнов.

От славянского имени *Русь* производится греческая форма того же слова, *Ῥῶς*, встречаемая нами в памятниках IX и X вв. Возможно сомнение насчет того, переняли ли Греки эту форму непосредственно от Славян (или, что будет то же самое, от самих Руссов, поскольку они говорили на славянском языке) или же это слово проникло в Грецию через какой-нибудь иной язык, в который оно еще раньше попало, из первоначального источника. В этой греческой форме *Ῥῶς* замечательны две частности: во-первых, гласный звук *ō* (ω), вместо которого мы ожидали бы звука *u* (ου), если бы это слово было заимствовано непосредственно из славянского языка; во-вторых, та особенность, что это имя постоянно употребляется как несклоняемое и во множеств. числе (οἱ Ῥῶς, τῶν Ῥῶς и т. д.; лишь в позднейших памятниках иногда Ῥῶσοι). Это последнее обстоятельство, несмотря на постоянное употребление имени *Русь* в единственном числе (в смысле собирательном) в славянском языке, едва ли может быть в достаточной степени объяснено из последнего. Скорее, я склонен видеть в этой особенности указание на то, что первые сведения об этом имени Греки получили через посредство одного из турко-татарских племен, вероятно Хазар (см. чтен. второе, примеч. 6 и

¹⁶ Может показаться странным, что Славяне при переделке имени *Русь* из финского *Ruotsi* передали сочетание согласных *ts* звуком *c*, а не *ц*. Но для объяснения этой кажущейся странности нет надобности даже прибегать к указанию на то, что в известных финских наречиях, по крайней мере в настоящее время, звук *ts* заменяется звуком *ss*; также мало я придаю значения тому соображению, что мы вовсе не знаем, как выговаривалось *ts* в финском языке в древнюю эпоху и насколько этот звук был близок к славянскому *ц* или далек от него. Достаточно вспомнить, что в славянском языке форма *Руць* (основа на *i*) была бы немыслима; в подтверждение ее возможности мы не в состоянии были бы привести ни одной аналогии. Такая форма должна была бы видоизмениться или в *Ручь*, или в *Русь*, и предпочтение, оказанное именно последней форме, объясняется, может быть, народным словопроизводством, сблизившим имя *Русь* с созвучным ему прилагательным *русый*.

7), и что они первоначально смешивали Русь с этими племенами. В византийской литературе мы находим племена турко-татарских народов, — и только их одних, — точно так же несклоняемыми, напр. οἱ Οὐάρ, Χουβνὶ, Ὀγώρ, Οὐζ, Ταρνιάχ, и т. д.¹⁷ То же самое обстоятельство объясняет, быть может, и присутствие звука *ω* в греческом имени Ρῶς (сравним венгерскую форму того же имени *Orosz* — русский, которая, судя по приставке звука *o* в начале, бесспорно прошла через какое-нибудь тюркское наречие¹⁸). С середины X в. появляется по временам, хотя и редко, вместо формы 'Ρῶς позднейшая форма Ρούσιοι (*Rusii*), ближе подходящая к славянскому имени *Русь*, но эта форма может быть также объясняема влиянием греческого слова ρόβιος, красный, рыжеволосый (см. чтен. втор., примеч. 11).

Тем же точно путем, как и Греки, усвоили имя *Русь* (*Rûs*) Арабы (или, может быть, они его переделали из греческого 'Ρῶς? ср. арабское *Rûm*, 'Ρώμη, *Roma*, Рим).

Народы Западной Европы, в особенности же народы германского племени, узнали это имя уже позднее, в том политико-географическом значении, в каком мы еще и поныне употребляем имя «Русь» (*Russland*). В XI в. мы находим древненемецкую форму *Rûzâ*, а в средневековых латинских памятниках письменности встречаются в качестве имени народа первоначально формы *Russi*, *Ruzzi*, *Ruci* и пр. (для названия страны соответствующие формы *Russia*, *Ruzzia*, *Rucia* и т. д.), несколько позднее также *Ruteni*, *Rutheni*¹⁹. В средневековом верхненемецком наречии форма имени гласит *Riuze*. Из Германии это имя перешло обратно в Скандинавию: так, в позднейших исландских памятниках находятся формы *Rússar* (Руссы) и *Rúszaland* или *Rúciland* вместо древнего имени *Gardariki*, и в древне-шведском языке *Ryza*, Русь, *Ryzaland*, Россия, где присутствие гласной *y* (из первоначальной *u*), а также согласной *z*, чуждой шведскому языку, явно обнаруживает немецкое происхождение имен²⁰.

Такова в общих чертах история возникновения имени «Русь» с точки зрения языка. Что же касается его этнографического значения, то мы уже видели, что в особенности Славяне употребляли его для обозначения скандинавского племени, основавшего государство посреди их; напротив, Греки и Арабы в IX и X столетиях пользовались этим именем также в более обширном смысле, подобно то-

¹⁷ Куник (в *Caspiâ Dorna*, с. 404) объясняет такое словоупотребление отождествлением имени *Русь* с библейским названием *Рош* (см. примеч. 4). Но для столь раннего времени (839 г.!) подобная ассоциация идей кажется мне в высшей степени невероятной.

¹⁸ По-татарски форма имени *Русь* гласит *Урус*, по-киргизски *Орус*, по-чувашски *Вырѳыс*, по-монгольски *Орос*. Ср. *Шотта*, Versuch über die tatarischen Sprachen (Berlin, 1836), с. 28; *Золотницкого*, Корневой чувашско-русский словарь (Казань, 1875), с. 245.

¹⁹ Замечателен параллелизм в образовании форм различных имен для Руссов (*Russen*, *Reussen*) и Пруссков, *Preussen* (в средневековых рукописях иногда *Pruzi*, *Pruzzi*, *Pruci* и т. п., иногда же *Pruteni*, *Prutheni*). По мнению Ломейер, высказанному в кенигсбергском издании *Wissenschaftliche Monatsblätter* (1879) VII, с. 7—12, варинаты имени *Pruzi* проникли в средневековую латынь через посредство польского языка, тогда как *Pruteni* есть та самая форма, которую иностранцы нашли в употреблении у самого народа (Пруссков). Если это так, то, пожалуй, вероятнее будет предположить для объяснения латино-немецкой формы *Ruteni* искусственное уподобление этого имени форме *Pruteni*, а не наоборот, как полагают обыкновенно. Однако, без сомнения, на происхождение формы имени *Ruteni* повлияло также упоминание некоторых древних писателей (Цезаря и других) о галльском народе того же имени.

²⁰ Ср. *Ридквиста*, Svenska Sprehets Lagar IV, с. 306.

му, как имя «Норманны» употреблялось на Западе (см. во втором чтении свидетельства Лиудприанда и Ахмеда аль-Якуби ал-Катиба); в таком значении у Славян это имя не укоренилось, хотя несомненно обнаруживалась тенденция в этом направлении. Теперь возникает вопрос: какое именно из скандинавских племен Славяне называли именем *Русь*? И каким образом это имя могло с течением времени настолько изменить свое значение, что в конце концов им стала обозначаться уже не скандинавская, но славянская народность? Выше я указал на то, что археологические изыскания, соображения лингвистического свойства и выразительные свидетельства истории все в равной степени доказывают факт существования с незапамятных времен в высшей степени оживленных сношений между Швецией и землями по ту сторону Балтийского моря. После перерыва или по крайней мере значительного ослабления в продолжение нескольких веков это движение на восток обнаружилось снова с удвоенной энергией в IX в., причем оно наверное не ограничивалось лишь случайными посещениями восточных стран Норманнами, но должно было повести в прочному утверждению скандинавских поселенцев на различных пунктах Балтийского побережья. По всей вероятности, именно этим пришельцам Финны, обитатели прибрежной полосы, дали имя *Ruotsi*, *Ruotsalaiset*, а по их примеру и Славяне стали называть этих людей *Русью*; таково должно было быть первоначальное происхождение и коренное значение этого имени. В те времена ни Финны, ни Славяне не были мореплавателями, почему и могли знакомиться со Скандинавами только в том случае, если последние сами приходили в их земли. Но вполне естественно, что впоследствии Финны перенесли название тех Шведов, с которыми они соприкасались у себя, на финской почве, на Шведов вообще²¹, тем более что собственно «Руссы» в скором времени настолько далеко ушли от них, что Финны на время потеряли их из вида. Иначе сложились условия для Славян: как бы далеко они ни зашли по пути расширения, по примеру Финнов, смысла имени *Русь* в том же направлении, для них в скором времени такое словоупотребление должно было стать невозможным; и мы тотчас увидим, как они создали для себя новое имя с целью обозначения жителей Швеции и вообще стран скандинавского Севера.

Если только дело обстояло так, как изложено — что вполне гармонирует с историческими предпосылками, — то мы, кажется мне, будем в состоянии лучше уразуметь ход событий, о которых повествует Нестор под 862 г., событий, которые привели к основанию русского государства. В рассказ Нестора, источник которого в конце концов следует искать в устном киевском предании (ибо, если и вероятно, что Нестор мог пользоваться более древними письменными источниками, все же, мне кажется, мы можем относить начало исторической письменности в России — самое раннее — к первой половине X в., когда христианство до известной степени приобрело почву в стране, — в этом рассказе один пункт во всяком случае неисправен, именно хронологические данные. Но устное предание не заботится о точном определении времени, и цифра года 862, установленная летописями, могла быть найдена лишь путем какого-нибудь вычисления. Под этот год Нестор подводит целый ряд событий, которые не могли все совер-

²¹ На языке финского племени Венсов (живущих между Ладожским и Онежским озерами) слово *Ruottis* означает будто бы «житель Финляндии, финляндец» (см. Kieletär, toimittanut A. Ahlqvist [Helsingfors 1873] I, с. 5, 23), но возможно, что такое словоупотребление относится впервые лишь к тому времени, когда Финляндия уже принадлежала Швеции.

шиться в столь краткий промежуток времени. В течение *одного* года варяжские викинги прогнаны обратно за море; туземные племена ведут некоторое время междоусобные войны; Русь призывается из-за моря; оба брата Рюрика умирают «по дву лету» (!), и два его боярина, Аскольд и Дир, овладевают Киевом. Здесь сведены воедино различные события, между которыми в действительности должен лежать значительный промежуток; 862 г. есть, вероятно, год последнего из этих событий, т. е. утверждения двух князей в Киеве²². И каким образом могли бы туземные финские и славянские племена в том же самом году, когда они только что освободились от варяжского ига, добровольно и сообщая снова призвать к себе из-за моря варяжское племя? Само по себе невероятно, чтобы враждующие племена прямо призвали к себе иноземный княжеский род. В этом отношении замечательно поразительное сходство между рассказом Нестора и повествованием о прибытии Саксов в Британию. Видукин в своей саксонской хронике передает нам обращение посла Бриттов к жившим на материке Саксам приглашение помочь им и властвовать над ними — почти теми же словами, которые Нестор влагает в уста послам Славян и Чуди, именно: «Нашу землю, которая велика и обширна и всем обильна, мы подчиняем вашей власти»²³. Но рассказ о призвании, может быть, представляет собою лишь наивное, так сказать, драматизированное изображение того исторического факта, что Славяне добровольно подчинились господству Руси. Но, если даже и так, предание все-таки дает решительно заметить различие между только что прогнанными за море варяжскими викингами и «Русью», которая, вероятно, была племенем, уже прежде знакомым Славянам и находившимся с ними в дружественных отношениях.

Таким образом мы вновь приходим к прежнему результату. Скандинавское племя, которое Славяне специально называли заимствованным от Финнов именем *Русь* («как другие называются *Свие*, другие (*Н*)у*рмане*» и т. д., прибавляет летописец) и которое около середины IX столетия подчинило Славян своей власти, ни в каком случае не могло по указанной причине быть призвано Финнами и Славянами непосредственно из Швеции. Оно должно было состоять из шведских переселенцев, первоначальную родину которых следует искать на побережье, лежащем прямо против Финского залива, но которые уже прожили известное время где-нибудь по соседству с Финнами и Славянами, вероятно при Ладожском озере. Может быть, люди из племени *Рос*, появившиеся в 838 или 839 г. в Константинополе принадлежали именно к этому поселению, а не пришли из самой Швеции; также известие мусульманских авторов о том, будто *Русь* живет на каком-то нездоровом острове посреди озера, могло первоначально относиться к такой колонии. Возможно, что и рассказ некоторых русских летописей о том, что Рюрик и его братья построили город Ладогу и там сперва поселились (см. чтен. первое, примеч. 8), является отголоском предания о подобном промежуточном поселении Руси, так как Ладога действительно лежит вне древней территории Славян.

Господство Руси над Славянами начинается с ее утверждения в Новгороде. Однако здесь неограниченная власть пришельцев не получила надлежащей кре-

²² Cp. Nestors russiske Krönike oversat og forklaret af C. W. Smith, c. 217.

²³ «Ferram altam et spatiosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant ditioni parere». Видукин, *Res gestae Saxonicae* I, 8 (Mon. G. H. Scr. III, 419). Cp. *Куника* в *Саспия Дорна*, c. 242 и след.

пости, и вскоре Новгород перестал быть их столицей. Настоящее основание русского государства следует считать с овладения Киевом. Мы видели, что вскоре по утверждении Рюрика в Новгороде двое из его дружинников, Аскольд и Дир, покинули его и основались в Киеве (862 г.?) и что в 882 г. Олег, преемник Рюрика, захватил Киев и сделал его стольным городом. С этого времени имя Руси исчезло из Новгорода и приурочилось исключительно к Киеву. Из этого средоточия оно затем распространялось все большими и большими кругами на все земли, мало-помалу присоединявшиеся к русской державе.

Но по мере того, как имя *Русь* таким образом распространялось территориально, его коренное значение совершенно видоизменилось. Сперва оно было древним славянским названием Норманнов, а под конец сделалось обозначением чисто славянской народности.

Подобное же превращение постигло племенные имена *Франков* и *Франции*²⁴. Как известно, Франки были первоначально германское племя, покорившее Галлию. От имени Франков образовалось имя *Франции* (*Francia, Frankreich*) как политическое наименование страны и народа, составлявшего население некогда основанного Франками государства или, точнее, его основного зерна, так называемого *Isle de France*. Когда позднее франкская национальность вымерла или была поглощена преобладающим романским элементом и когда эти различные расы перемешались в национальном и политическом отношениях, названия *Франция, Французы* естественно стали применяться к народу уже объединившемуся, но совершенно иному, чем был тот, которому эти племена принадлежали первоначально. Подобное же явление представляет собою история имен *Норманнов* (в *Нормандии*), *Лангобардов* (*Ломбардия*), *Болгар*²⁵ и мн. др.

Так же точно и имя *Русь* или *Руссы* было сперва названием чуждого, скандинавского племени, присвоившего себе власть над туземными славянскими племенами, несмотря на то, что по числу пришельцы, конечно, далеко уступали покоренным. Затем имя этого племени, *Русь*, естественным образом было перенесено в качестве политико-географического термина на все земли, состоявшие под властью Руси, жившей в Киеве (*русская земля*; ср. названия «Североамериканские Соединенные Штаты», «Австрия» [*Oestreich*] и др.), далее также и на всех их обитателей, Славян или Норманнов, без различия; и в этом последнем значении имя *Русь* мало-помалу вытеснило из обращения древние имена разьединенных славянских племен. В конце же концов, когда из государственного единства выработалось единство национальное, имя *Русь, русский* вполне естественно стало применяться к обозначению целой нации.

Это постепенное развитие смысла народного имени мы можем явственно проследить по рассказу Нестора. Когда, с одной стороны, летописец прямо говорит, что имя *Русь*, собственно, принадлежало лишь одному из скандинавских племен, и сам часто употребляет его в этом именно значении, вместе с тем является очевидным, что в эпоху самого летописца это имя уже потеряло свой первоначальный смысл: Нестор пользуется им главным образом для политико-географического обозначения Киева и сферы влияния этого княжеского центра, страны и жителей одинаково. В таком смысле он говорит о «Полянах, которые ныне назы-

²⁴ Ср. *Гастона Пафи*, *Grammaire historique de la langue française, Leçon d'ouverture* (1868), с. 8 и след.

²⁵ Ср. *Иречка*, *Geschichte der Bulgaren* (Prag, 1876), с. 136—138.

ваются Русью» («яже ныне зовомая Русь»), и ставит себя самого в ряды Руси («мы Русь»); в противоположность приведенным примерам он обыкновенно называет свою собственную народность и свой родной язык славянскими, а не русскими (как, например, Североамериканец называет свой язык английским, австрийский немец — немецким). С другой стороны, зародыш теперешнего значения имени *Русь* мы видим в выражениях, подобных следующему: «Язык славянский и русский одно; потому что от Варягов они прозвались Русью, прежде же были Славяне».

На этом мы, наконец, оставляем вопрос о происхождении и истории имени Руси. Но еще одно имя является в русских летописях так тесно с ним связанным, что мы должны остановиться на рассмотрении этого другого имени. Я разумею имя *Варяги*.

Мы уже видели, что в некоторых местах своей летописи, например в только что приведенном, или там, где он рассказывает об основании русского государства, Нестор отождествляет Русь с Варягами или, правильнее, представляет ее одной из разновидностей последних. При такой комбинации имя «Варяги» не может иметь иного значения, кроме равносильного слову «Скандинавы». Однако в других местах русских летописей, как на это основательно указывают антинорманнисты, проводится различие между именами Варягов и Руси. Например, в рассказе о походе Игоря между принимавшими в нем участие племенами поименованы и те, и другие, т. е. и Русь, и Варяги, наравне с Полянами, Славянами (Новгородскими) и пр.; следовательно, в данном случае под двумя названными именами должно подразумевать два различных племени. Такое употребление имени «Варяги» приводилось в виде довода против теории о скандинавском происхождении Руси, и в этом обстоятельстве точно заключается кажущаяся трудность, до сих пор, по моему мнению, недостаточно разъясненная. Поэтому мы должны подвергнуть ближайшему рассмотрению значение и историю имени Варягов и постараться определить взаимное отношение между ним и именем Руси.

Давно уже было замечено, что употребление имени «Варяги» не ограничивается пределами России: в Константинополе мы встречаем то же самое имя *Варягов* или *Варангов* (*Βάρανγοι*) в качестве названия стражи телохранителей, состоявшей специально из Скандинавов и часто упоминаемой в древненорманнских сагах под именем *Væringjar*, *Væringjalid*²⁶. У византийских писателей этот отряд Варангов в первый раз упоминается в 1034 г.²⁷; но он должен был существовать еще за некоторое время до этой даты, как мы можем о том заключить по намекам других, именно латинских и скандинавских памятников письменности. Говоря о событиях 980 г., Нестор сообщает, что Владимир, победив своего брата Ярополка и захватив Киев в свои руки, отпустил в Константинополь большую часть наемных варяжских войск, постепенно ставших ему в тягость. Какой бы большой или малый вес мы ни придавали подробностям этого рассказа, тем не менее представляется в высокой степени вероятным, что именно в это время

²⁶ *Lid* = свита, дружина, толпа воинов, часто употребляется в др.-норм., также в др.-шведском языке. Вождь такой дружины называется (по руническим надписям на камнях Швеции) *lipsforungi*; так, напр., у Лильегрена, *Runurkunder*, № 397 (=Дубека, *Sverikes Runurkunder*, Stockholm, 46) читаем: *Rahnualtr huar a Griklandi uas lisforunku*, и там же, № 803: *han fial i urustu austr i Karþum lisforunki lanmana bestr.*

²⁷ *Георгий Кедрен*, с. 735.

Норманны впервые стали поступать на службу к византийским императорам, что неоднократно делали уже и ранее их единоплеменники, усевшиеся в России (см. чтен. первое, примеч. 29), равно как и то, что это накопление «Варангов» в Византии вообще с самого начала можно рассматривать как признак чрезмерного обилия Норманнов в России; даже пока «Русь» удерживала свою норманнскую народность, едва ли ее отличали от пришельцев, шедших прямо с норманнского Севера²⁸. Уже ранее указанного времени мы узнаем из скандинавских саг о людях, отправлявшихся в Византию: таковы были (до 950 г.) Торкель Тьостарссон и Эйвинд Бьярнасон (оба упоминаются в *Hrafnkels-Saga Freysgodar*), из которых первый был на службе у греческого императора (*handgenguin gardskonunginum*), а второй вел торговлю; затем Грис Семингссон (ок. 970—980 гг.), которому «греческий император оказывал большую честь». Первым упоминаемым в связи с именем Варангов (Варягов) является Колскегг Гамундссон (ок. 992 г., в *Njáls-Saga*), «предводитель Верингов» (*höfðingi fyrir Væringjalíði*), тогда как *Laxdœla-Saga* с меньшим основанием называет Болли Болласона (около 1026—1040) первым принявшим на себя службу у византийского императора²⁹. Однако приведенные примеры являются единственными для столь ранней поры, по крайней мере насколько наши сведения касаются Норвегии и Исландии. Напротив, Шведы (во всяком случае из числа «Варангов», приходивших прямо с Севера), вероятно, именно в то время составляли главный контингент эмигрантов, хотя саги, разумеется, не упоминают об этом³⁰. В течение XI столетия, начиная с 1030 г. и особенно после того, как норвежский принц Гаральд Гаардрааде (павший впоследствии в битве против Гарольда Англосаксонского) служил под знаменами Византийской Империи (около 1032—1044), у знатных Норманнов вошло в моду поступать на службу к греческим императорам; но и после этого времени главная масса выходцев должна была еще, без сомнения, состоять из Шведов, что подтверждается множеством шведских рунических надписей, говорящих о людях, отправлявшихся в Византию³¹. С указанного времени отряд Варангов образовал

²⁸ Ср. *Кронгольма*, *Wäringarna* (Lund, 1832), с. 20 и след., 252 и след. Русский ученый-исследователь, профессор В. Васильевский в целом ряд иностранных статей, помещенных в «Журнале Министерства Народного Просвещения» за 1874 и 1875 гг., сделал попытку доказать, что Варанги первоначально и даже еще в XI веке были, в сущности, Руссы, хотя между ними могли находиться на греческой службе также отдельные выходцы прямо из Скандинавии. Такое заключение названный автор выводит прежде всего из того обстоятельства, что в византийских памятниках письменности XI в. имена Руси и Варангов употребляются с одним и тем же значением; зародыш корпуса Варангов проф. Васильевский видит в том (6000-м) отряде наемников, который, по словам греческих и армянских историков, Владимир отправил в 988 г. в Византию. Результат исследований автора и его критику скандинавских источников я нахожу чрезвычайно односторонними; однако полагаю, что мы должны быть благодарны автору за собранные им новые данные и охотно признать — к чему я еще возвращусь ниже — тесную связь, существовавшую в глазах Греков между «Варангами» и «Русью», именно в первоначальном значении этого слова; относительно этого последнего пункта воззрение г. Васильевского не вполне ясно выступает наружу, хотя, впрочем, он с достойным признанием беспристрастием присоединяется к мнению о скандинавском происхождении русского государства.

²⁹ См. у г. *Вигфуссона*, *Um tímatal i J'slendiga sögum*, в *Safn til sögu J'slands ok J'slenkra bókmenta* (*Kaupmannhöfn*, 1856) I, 407. Ср. также *Куника* в *Caspia Dorna*, с. 35, и *Мунха*, *Det Norske Folks Historie* II, 53 и след.

³⁰ Ср. *Куника*, там же, с. 378.

³¹ Ср. *Кронгольма*, *Wäringarna* (Lund, 1832), с. 26, 29.

в греческой армии особый *corps d'élite*, на обязанности которого лежала в особенности забота об охране особы императора. В качестве таких телохранителей Варанги весьма часто упоминаются как у греческих, так и у скандинавских авторов, причем первые часто намекают на отличительный признак их вооружения, — длинные обоюдоострые топоры³². Однако мы их находим не только в ближайшей свите императоров, в качестве лейб-гвардии, но также расквартированными и по другим местам³³.

Еще поныне существует замечательный памятник, дающий нам, так сказать, осязательное напоминание об этих Варангах. Я разумею исполинское изображение мраморного льва в сидячем положении, в настоящее время украшающее собою вход в венецианский арсенал. Этот истукан был перевезен в Венецию из Пирея в 1687 г., по взятии Афин венецианским полководцем Франческо Морозини. С незапамятных времен это изваяние стояло в Пирее, получившем отсюда свое итальянское имя «Порто Леоне», и представляет собою несомненно памятник из лучшей эпохи древнегреческого искусства; но для нас всего интереснее то обстоятельство, что по обеим сторонам туловища льва находится высеченная в виде извилистых линий длинная руническая надпись, к сожалению настолько стертая временем и непогодами, что теперь ее почти невозможно прочесть³⁴. Несмотря на это, превосходный рунолог С. Бугге (профессор в Христиании) доказал на основании формы извилины и отдельных рун³⁵, что эта надпись была вырезана около середины XI в. каким-нибудь выходцем из Швеции в тесном смысле этого слова («Svealand»), вероятно, из области Упланда, без сомнения, служившим в числе Варангов и стоявшим на квартирах в афинском Пирее.

Приблизительно с конца XI в. этот варяжский корпус, по-видимому, начал постепенно видоизменяться в самом своем существе: именно с этого времени он стал пополняться не только Скандинавами, но также Англичанами, которые после норманнского завоевания, изгнанные из отечества или недовольные тамошним положением вещей, отправлялись в Константинополь и, состоя на греческой службе, искали лавров особенно в борьбе против Норманнов южной Италии, родичей того племени, которое поработило их отечество³⁶; весьма вероятно также, что между этими Англичанами находилось немало Датчан. В конце XII столетия мы читаем у некоторых писателей, что Варанги суть Бритты (Βρετάννοι) или Англы (Ἰγγλῖνοι) и говорят по-английски (ἰγγλῖνιστί). С начала

³² По этому оружию (обоюдоострым топорам) византийские писатели, особенно те из них, которые, заботясь о красоте слога, не желают употреблять простонародного и варварского имени Варангов, часто называют их, выражаясь описательно: οἱ πελεκυφόροι Βάρβαροι, οἱ πελεκυφόροι Βασίλειον φύλακες, οἱ πέλεκυν τινα ἐπ' ὄμων φέροντες, οἱ πελέκεις ἔχοντες Βάρανγοι и т. п.

³³ Иоанн Скилица (с. 864), напр., упоминает внешних Варангов (οἱ ἐκτός Βάρανγοι) в противоположность дворцовым (οἱ ἐν τῇ παλατίᾳ Βάρανγοι), называя, однако, обоих единоплеменными (ἐμμεθνεῖς).

³⁴ Покойный датский исследователь древности, К. Х. Раффн, сделал попытку прочесть и объяснить в целом объеме содержание этой руны (Inscription runique de Pirét = Antiquités de l'Orient [Copenhague, 1856]); но эту попытку следует считать неудавшейся.

³⁵ См. Kongl. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademiens Månadsblad, № 43 (Stockholm, 1875), с. 97 и след.

³⁶ Гауфред Малаффе в своей Hist. Sicula III, 27 (Муратори, Reg. Ital. Scr. [1724] V, 584) упоминает под 1081 г. «Англоу, называемых Варягами» («Angli quos Varingos apellant»), в греческой армии. Ср. Ордерика Вуталиса, Hist. Eccl IV, 3; VII, 5 (ed. Aug. Le Prevost II, 173; III, 169). Фримана, The Norman conquest of England IV, 627 и след.

XIII в. появления Скандинавов в Константинополе становятся все реже³⁷, и под конец варяжский корпус состоял уже исключительно из Англичан. В таком составе он, по-видимому, продолжал существовать до падения Византийской Империи.

Ввиду описанного положения Варангов в Византии, а также частого появления Варягов в древней России как наемников в княжеской дружине это имя до настоящего времени единогласно объяснялось как первоначальное обозначение военного отряда, и происхождения его вообще искали в Константинополе; лишь в позднейшее время, полагали, оно сделалось именем того народа, из которого формировалась императорская лейб-гвардия.

Самая форма слова *Веринг* или *Варанг* выдает его скандинавское происхождение: окончание *-ing* (*-eng*), *-ang* не принадлежит ни славянскому, ни греческому, но скандинавскому языку³⁸, и все толкования, исходившие не из этой предпосылки, оказывались неудачными. Из многих словопроизводств, предлагавшихся для объяснения этого имени, требованиям языковедения удовлетворяет исключительно одно производство от древнорманнского *vár* (обыкновенно во множ. числе *várar*), верность, обет; то же слово мы находим в англосаксонском *wær*, почти с тем же значением: залог, обет, союз. Отсюда объясняли имя Верингов или Варангов, переводя его «союзниками» или «присяжниками». Вначале, когда это объяснение было предложено, думали видеть подтверждение ему в еще более древнем имени *Fæderati* (Φοιδερᾶτοι)³⁹, служившем названием для корпуса наемников в византийской армии (в III и IV вв. Готов), историческим продолжением которого будто был именно отряд Варягов, причем имя *Варанги*, *Веринги* является национальным, германским названием этого военного корпуса. Однако нет сомнения в том, что между двумя названными отрядами не было никакой связи или соотношения, так как уже в V в. *Foederati* состояли из разнороднейших элементов, главным образом из уроженцев Востока, и в таком виде продолжали существовать одновременно с Варангами и отдельно от них. Но в таком случае мы имеем все причины для того, чтобы исследовать, не было ли происхождение спорного имени совершенно иное, чем предполагавшееся до сих пор, тем более что ни древнорманнское *vár-ar*, послужившее основой для толкования, ни другие соответствующие слова в родственных наречиях никогда не употреблялись для обозначения клятвы, даваемой воином или дружинником.

Действительно ли верно, что спорное имя первоначально означало военный отряд или вообще какое-либо военное учреждение? Я этого не думаю и смотрю

³⁷ Саксон Грамматик (около 1200 г.) еще говорит: «Inter caeteros, qui Constantinopolitanae urbis stipendia merentur, Danicae vocis homines primum militiae gradum obtinent, eorumque custodia rex salutem suam vallare consuevit» (Saxonis Grammatici Hist. Dan. recc. P. E. Müller et I. M. Velschow [Havniae, 1839] I, 2, с. 610). Также при обороне Константинополя против Латинян в 1203 и 1204 гг. упоминаются как Англичане, так и Датчане; Ср. у Роберта де-Клари, *La prise de Constantinople*, гл. 80 (*Chroniques gréco-romanes inédites ou peu connues*, publ. p. Ch. Hopf [Berlin, 1873] с. 63): «Engles, Danois estoient et gens d'autres nations», и у Вильгельм-Гардуэна, *La Conquête de Constantinople* 171 (Texte original etc. par Natalis de Wailly [Paris, 1872], с. 96): «li murs fu mult garniz d'Englois et de Danois», и 185 (с. 106): «li Grifon orent mis d'Englois et de Danois à totes les haches à la porte, tres ci que al palais de Blaquerne».

³⁸ Ср. Миклошича, *Die Fremdwörter in den slawischen Sprachen* (Denkschr. d. phil.-hist. Classe d. kais. Acad. d. W. XV [Wien, 1867]), с. 14. *Его же*: *Vergl. Gramm. d. slaw. Sprachen* II, 317 и след.

³⁹ И. Ипе (*Ihre*), *Glossarium Suiogothicum* (Upsaliae, 1769) II, 1069, 1070.

на подобное мнение как на простую гипотезу. Напротив, я твердо держусь того взгляда, что настоящее значение слова *Варяг*, *Варанг* на протяжении всего Востока было решительно этнографическое, именно что это слово означало Скандинавов и в особенности Шведов.

В русских летописях мы находим слово *Варяг* (собственно *Варяг*, множ. *Варяги*, *Варязи*), употребляемым всегда в таком смысле, например, хотя бы там, где речь идет об основании русского государства, и, как мы видели, ясно говорится, что некоторые Варяги называются Русью, как другие Свееми (Свие), еще другие (Н)урманами и т. д.; так же точно ясны другие выражения летописи, число которых очень велико. Одним словом, не может быть сомнения в том, что Варяги у древних русских писателей, упоминаются ли они в качестве наемников в русском войске, как это было в более ранние времена, или в качестве мирных купцов, как это было почти всегда в XII и XIII столетиях, являются не кем иным, как только Скандинавами, в тесном смысле Шведами. Такое географическое понимание термина одно только и представляется удовлетворительным во всех отдельных случаях. Этому названию (Варяги) следует приписать сравнительно глубокую древность ввиду того обстоятельства, что Балтийское море в летописях называется «Варяжским». Что указанное нами словоупотребление не забылось даже по истечении столетий, ясно доказывается, например, письмом, адресованным шведскому королю Иоанну III Иоанном Грозным в 1573 г., когда русский царь заявлял притязание на шведский престол. «Ваши люди, — читаем мы в этом письме, — с древнейших времен служили моим предкам: в старых летописях упоминаются *Варяги*, находившиеся в войске самодержца Ярослава-Георгия; а Варяги были Шведы, значит, (последние были) его подданные»⁴⁰. Также в рассказе об осаде Тихвинского монастыря Шведами (в 1613 г.) мы находим название *Варяги*⁴¹.

Обратившись к арабским писателям, мы найдем у них точно также слово *Варанк*, но исключительно в географическом значении. Первый мусульманский автор, упоминающий о *Варанк*, аль-Бируни (родился в Ховарезме в 973, умер около 1038 г.) — весьма ученый и важный для нас писатель, из сочинений которого, поскольку они уцелели, обнаружена пока лишь малая часть. Но от некоторых позднейших авторов, ссылающихся на него как на свой источник, мы узнаем, что аль-Бируни упоминал «залив великого Океана, расстилающийся к северу от Славян и называемый Варяжским морем (*Бахр Варанк*); *Варанк* есть имя народа, живущего на его берегах»⁴². Здесь имя *Варанк*, очевидно, обозначает Скандинавов, в особенности Шведов, и под «Варанкским» (Варяжским) морем ясно разумеется Балтийское, которое, как мы видим, и в русских летописях носит то же самое имя. Недавно открыта персидская рукопись сочинения Бируни, озаглавленного «Обучение астрономии» (писано в 1029 г.); в трех местах этого сочинения автор говорит о *Варанк* и на приложенной к своему труду карте явственно помещает их на восточном берегу Швеции⁴³. То же имя упоминает другой мусульманский пи-

⁴⁰ Карамзин, История Государства Российского (по немецкому переводу, изданному в Риге в 1820—1827 гг.), VII, 178.

⁴¹ Полное Собрание Русских Летописей, изданное Археографической Комиссией (С.-Пб., 1841), III, 283.

⁴² Френа Ibn-Fozlan, с. 177—204.

⁴³ См. Куника в *Caspia Dorna*, с. 368.

сатель, на которого часто ссылаются, черпая у него свои сведения, позднейшие авторы, именно Ширази, живший в конце XIII и начале XIV в. В сравнительно новейшем турецком сочинении по географии (XVII в.), «Джихан нума», написанном Хаджи-Хальфа, мы читаем: «Немецкое море (*Бахр-Аламан*) называется в наших географических и астрономических книгах Варангским морем (*Бахр-Варанк*). Ученый Ширази говорит в своей книге «Тохфэ»: «На его берегу обитает народ, состоящий из стройных, воинственных мужей», и разумеет под этими Варанк шведский народ... «В настоящее время это море на языках окрестных народов называется Балтийским»⁴⁴. Эти примеры достаточно показывают, что и по терминологии восточных народов имя *Варанк* с начала XI в. имело значение географическое, служа к определению Скандинавов, в особенности Шведов, и не употреблялось в ином смысле.

На языке Византийской Империи имя *Варанги* (Βάρανγοι) действительно означает определенный род войска. Однако я не считаю это значение слова первоначальным: у Греков оно также было сперва общенародным⁴⁵ обозначением Скандинавов (специально Шведов) как нации, а не исключительно именем особого военного отряда. На этот факт указывает то обстоятельство, что в сочинениях византийских писателей имя *Варангов* постоянно ставится рядом с именами других народов. Так, часто упоминаются вместе «Франки и Варанги»⁴⁶. У Георгия Кедрена⁴⁷ в одном случае Варанги противопоставляются *Ромейцам* (Ῥωμαῖοι), т. е. природным Грекам, именно когда он говорит: «Воины, стоявшие на страже во дворце, и те, и другие, — Ромейцы и Варанги», прибавляя к последнему имени пояснение: «кельтский (1) народ». Ученая и начитанная принцесса Анна Комнен говорит о «Варангах из Фулы» (Thule), которых она же далее называет «секироносными варварами»⁴⁸, противопоставляя их, во-первых, отряду туземной армии, во-вторых, Немцам (Νέμιτσοι), также, по ее словам, «варварскому народу»⁴⁹.

⁴⁴ См. *Френа*, там же, с. 196.

⁴⁵ Ср. у *Иоанна Скилицы*, с. 808 (=644 по Боннскому изданию): «Βαράγγους αὐτοὺς ἡ κοινὴ ὀνομάζει διάλεκτος».

⁴⁶ Напр., у *Георгия Кедрена*, с. 787 (под 1050 г.): «τὰ συμμαχικὰ πάντα, Φράγγους φημὶ καὶ Βαράγγους». Там же, с. 789 (под 1052 г.): «Φράγγους καὶ Βαράγγους». *Иоанн Скилица*, с. 823 (под 1068 г.): «ὁ δὲ βασιλεὺς στρατὸν ἐπαγόμενος ἐκ τε Μακεδόνων καὶ Βουλγάρων καὶ Καππαδοκῶν καὶ Οὐζῶν καὶ τῶν ἄλλων παρατυχόντων ἐθνικῶν, πρὸς δὲ καὶ Φράγγων καὶ Βαράγγων». Там же с. 858 (1078 г.): «μετὰ Βαράγγων καὶ Φράγγων πλήθους πολλοῦ».

⁴⁷ *Георгий Кедрен*, с. 792 (1056 г.): «οἱ φυλάσσοντες ἐν τῇ παλατίῳ στρατιῶται Ῥωμαῖοί τε καὶ Βάρανγοι (γένος δὲ Κελτικὸν οἱ Βάρανγοι μισθοφοροῦντες Ῥωμαῖοις)».

⁴⁸ *Анна Комнен*, с. 62 (под 1081 г.): «τοὺς ἐκ τῆς Θούλης Βαράγγους (τούτους δὲ λέγω τοὺς πελεκυφόρους βαρβάρους)». Под именем Фулы у Прокопия (который называет в числе ее жителей народы Таυτοί и Σκριθιφίνοι) и по его примеру также у других средневековых греческих авторов, в особенности у желавших блеснуть своей ученостью, разумеется Скандинавский полуостров, Швеция и Норвегия. См. *Кронгольма*, *Wäringarna* (Lund, 1832), с. 35 и след., и *Верлауфа* в *Det Kgl. Danske Videnkabernes Selskabs hist. og philos. Afhandlinger* (1845) VII, 90 и след., 4°. Я не вижу, почему бы в приведенных словах Анны Комнен Фула должна была обозначать Англию; впрочем, для понимания смысла всего контекста это безразлично.

⁴⁹ Там же: «τοὺς Νέμιτσοὺς (ἔθνος δὲ καὶ τοῦτο βαρβαρικὸν καὶ τῇ βασιλείᾳ Ῥωμαίων δουλεῖον ἀνέκαθεν)» Немцы суть очевидно Немцы, — имя, заимствованное у Славян. Ср. *Константина Багрянородного*, *De ceremoniis aulae Byz.* II, 398: «...εἰς τὸν ῥῆγα Σαξωνίας [Саксония] εἰς τὸν ῥῆγα Βαϊούρη [Бавария] (ἔστιν δὲ αὕτη ἡ χώρα οἱ λεγόμενοι Νέμιτσιοι)».

В хронике южноитальянского монастыря Монте-Кассино, написанной Львом Остийским, находится то же имя (Варанги) в переделанных на итальянский лад формах *Guarani* или *Gualani* и употребляется, очевидно, как имя народа (Шведов): так под 1009 г. упоминаются «Даны, Руссы и Гваланы» в качестве греческих вспомогательных войск, отправленных в Апулию и Калабрию⁵⁰. Наконец, в том же смысле высказывается и одна из исландских саг, именно сага о Гаральде Гаардрааде (гл. 3), в которой говорится, что в Константинополе находится «множество Норманнов, называемых там Варангами»⁵¹.

Приведенные свидетельства, полагаю, ясно доказывают, что Греки не только вообще и особенно в XI столетии употребляли слово *Варанг* в качестве имени народа (Скандинавов, Шведов), но что таковое именно было первоначальное и древнейшее значение этого слова в греческом языке. В названном значении имя *Варанги* (Βάρανγοι) постепенно заменяет более древнее наименование жителей Севера (Норманнов) — Ρως (Ῥῶς), являющееся, как мы видели выше, преобладающим в IX и X вв. и выходящее из употребления в течение XI в., по мере того как норманнский элемент в России более или менее должен был уступить славянскому. Для выяснения взаимного отношения обоих имен представляют интерес некоторые особенности в наименованиях, извлеченные русским профессором В. Васильевским из византийских источников XI века⁵². Так, в некоторых случаях (напр., у Агталиоты, с. 253 и след.) одно и то же войско (συνταχικόν) называется то Ῥῶς, то Βάρανγοι, у несколько позднейших авторов (каковы Скилица, Кедрен) мы иногда находим последнее имя там, где их источники (Пселл, Агталиота) употребляют первое (или равное ему по значению название Ταυροσκυθαί), тогда как, наоборот, в означенное время оба имени никогда не являются отличными друг от друга. Любопытно далее то обстоятельство, что по греческим памятникам письменности, относящимся ко второй половине XI в., нам известны четыре примера соединения обоих спорных имен в одно сложное: или Βάρανγοι-Ῥῶς (1060 г.), или Ῥῶς-Βάρανγοι (1075, 1079), или же, наконец, Ῥῶσοι-Βάρανγοι (1088). Как, с одной стороны, все указанные явления становятся понятными лишь под условием предположения, что со словом Βάρανγοι связывалось понятие об имени известного народа, так, с другой стороны, мы можем в приведенных примерах явственно проследить борьбу между древнейшим именем жителей Севера — Ῥῶς, и позднейшим — Βάρανγοι. Что касается специально упомянутого соединения обоих имен, мы усматриваем в нем очевидную попытку точнее определить значение имени Ῥῶς в более общем смысле (=Скандинавы) в противоположность обитателям России. До некоторой степени это сложное имя можно сопоставить с придуманным в последнее время русскими историками, впрочем, не особенно удачным названием — «Варяго-Руссы».

⁵⁰ «Cum superbiam insolentiamque Graecorum, qui non multo ante a tempore scilicet, primi Ottonis Apuliam sibi Calabriamque, sociatis in auxilium suum Danis, Russis et *Guðlanis*, vendicaverant, Apuli ferre non possent... eum Melo et Datto rebellant». Mon. Germ. Hist. Scr. VII, 656; Ср. *Куника* в *Caspia Дорна*, с. 376 и след. Также и в других южноитальянских хрониках около середины XI столетия упоминаются Варяги под именами *Guaragni*, *Guarangi*, *Guaranci* и пр.

⁵¹ «Far var mikill fjöldi Nordmanna, er þeir kalla Væringja». Fornmanna Sögur [Kjöbenhavn, 1831] VI, 135.

⁵² Журнал Министерства Народного просвещения, т. CLXXVIII, 2, с. 76 и след., особенно 123 и след. Ср. Т. LXXXIV, 2, с. 178 и след. (См. выше примеч. 28).

Однако, если я утверждаю, что имя *Várangr* было для Греков первоначально именем народным, я в то же время охотно допускаю, что в качестве такового названия с определенной географической подкладкой это имя просуществовало недолго. Мы должны помнить, что Греки (после того, как Руссы ославянились) приходили в соприкосновение с Норманнами большей частью лишь в тех случаях, когда последние появлялись в Константинополе в виде наемников, и что вскоре после того, как имя *Варанги* сделалось преобладающим в смысле обозначения Норманнов, состав образуемых ими войск стал все более и более пополняться выходцами из Англии. Ввиду этого неудивительно, что это имя мало-помалу обезличилось, обратилось в общее название всех народов Северной Европы, представители которых служили в императорской греческой армии, образуя особый иностранный легион, были так же вооружены и вообще занимали то же положение, какое в свое время было уделом Скандинавов. В подтверждение такой истории перемены в значении имени легко можно подыскать параллельные примеры, тогда как, наоборот, применение слова, служившего первоначально обозначением лейб-гвардии, к названию народа, из представителей которого эта гвардия главным образом состояла, конечно, не имеет для себя подтверждения. Мне стоит лишь указать на «швейцарскую гвардию» прежних французских королей и папы (в настоящее время), продолжающую носить прежнее имя, хотя она давно уже не состоит исключительно из Швейцарцев. Точно так же слово *зуавы* было сперва именем отдельного арабского племени, из среды которого стало впервые набираться известное войско; теперь же это имя сделалось названием для всех родов войск, носящих одинаковый с первоначальными зуавами мундир.

В скандинавских памятниках наше внимание обращает на себя та особенность, что чисто норманнское слово *Væringjar* (единств. *Væringr* или *Væringi*) по своему смыслу является наполовину иностранным, так как оно обозначает только скандинавскую лейб-гвардию, состоящую на службе у греческого императора, и так же мало применяется к наименованию Скандинавов вообще, как и к каким-либо другим иностранным войскам, находящимся в Византии. Так, например, в саге о Гаконе Гердибрейде (гл. 21)⁵³ *Væringjar* явно противопоставляются Франкам и Фламандцам, положение которых в греческой армии было, однако, то же самое. Такого значения это слово не могло получить в скандинавских землях: скорее это значение могло быть обратно занесено на родину Скандинавами, бывавшими в Константинополе. Вполне единичными являются случаи, когда мы находим в той или другой саге слово *Væringjar* употребленным в смысле имени Скандинавов или Норманнов вообще: такое словопотребление мы встречаем в сравнительно позднейшей Тидрековой саге (*Thidrek's Saga*, около 1250 р.; по ее примеру также в *Völsunga-Saga*), и, так как некоторые частности в этой саге указывают на то, что ее автор имел связи с Россией и что различные места этой страны были ему, очевидно, хорошо знакомы, ввиду этого представляется вероятным, что особенность употребления слова *Væringjar* в этой саге является подражанием значению слова *Варяг* в русском языке, независимо от того, желал ли автор этим показать свою ученость, или действитель-

⁵³ Heimskringla eller Norges Kongesagaer udg. Ved C. R. Unger (Christiania, 1868), с. 776 (= Fornmanna Sögur [Kjöbenhavn, 1831] V, 137.

но считал такое словоупотребление целесообразным⁵⁴. Вообще же такое значение слова на Севере неизвестно.

По обозрении всех приведенных аргументов для меня является вне вопроса, что слово *Варяги* у народов Востока всегда имело значение географическое или этнографическое и что под этим именем разумелись жители Скандинавии, в особенности Шведы. Если это верно, то Греки, без сомнения, узнали это племя через Россию⁵⁵. Скандинавы были известны в России гораздо раньше, чем с ними познакомились Греки; именно Руссы и проложили для них впервые путь в Константинополь, и Скандинавы, впоследствии ходившие в Грецию, отправлялись туда большей частью через Россию. Именно по этой причине мне кажется нелепым предположение, будто имя Варягов возникло в Константинополе и позднее было оттуда заимствовано в России. Нерешенным остается вопрос о том, узнали ли Арабы это имя от Греков или прямо от Руссов; однако форма имени в арабском языке располагает скорее в пользу первого предположения.

Если мы, с другой стороны, сообразим, что это имя по своему корню является неоспоримо скандинавским, по значению же представляется в древненорманнской литературе полуиностранным, мы придем, как я думаю, к выводу, что в данном случае возможно только одно объяснение, одновременно разрешающее все филологические и исторические сомнения. Это объяснение основывается на предположении, что слово *Варяг* возникло у Скандинавов, с давних пор поселившихся в России, т. е. у того самого племени, которое Славяне звали *Русью*, и возникло именно с целью обозначения родичей этого племени к западу от Балтийского моря или по крайней мере тех из них, которые вследствие оживленных сношений между древней Русью и Скандинавией мало-помалу переселялись из последней страны в Россию. Если это предположение верно, то в чисто скандинавском имени Варягов мы приобретаем новый довод в подтверждение теории о скандинавской народности древней Руси.

Скандинавская форма, лежащая в основании русского слова *Варяг* (*Вар.ѡг*), также (посредственно) греческого *Βάραγγοι* и арабского *Варанк* должна была, как кажется с первого взгляда, гласить скорее *Vāring*, чем *Vāringi*, как звучит обычная древненорманнская форма со смягчением более древнего гласного звука *á* в *æ*⁵⁶. Вполне несомненным, однако, такое заключение не может представляться ввиду того, что в занимающем нас имени мы имеем случайно единственный бесспорный пример заимствования славянским языком из норманнского слова, заключающего в себе гласный звук *æ*; да и вообще мы не имеем точки опоры для достоверного суждения о том, на какой ступени изменения звука *a* в *æ* находилось то наречие норманнского языка, из которого наше слово было заимствовано, в эпоху этого заимствования. Весьма возможно, что смягчение *a* сначала состояло лишь в столь незначительном искажении звука, что для Славян являлось более естественным передать этот неясный звук через *a*, чем через *e* или *ǣ*. Но, как бы

⁵⁴ Ср. г. *Строма*, Sagnkredsene om Karl den Store og Didrik af Bern hos de nordiske Folk (Christiania, 1874), с. 91 и след. В подобном же смысле, кажется, употреблено имя варягов в малой саге об Олафе (Christiania, 1849), с. 88: «Væringr einn í Garpum austr» и т. д.

⁵⁵ Форма суффикса — *αγγ* в греческом имени *Βάραγγος* указывает на переход этого слова в греческий язык через посредство южнославянской формы *Вар.ѡгъ*, быть может, при одновременном уподоблении слова другому, во многих отношениях параллельному имени *Φράγγος*.

⁵⁶ *Куник* в *Caspiria Дорна*, с. 250 и след.

то ни было, норманнское слово во всяком случае является производным от корня *vār* — древненорманнский язык обладает несколькими словами соответствующей формы (*vār*), из них только одно по смыслу является подходящим для решения нашего вопроса⁵⁷, именно то слово, на которое было уже указано выше (*vār*, множ. *vārar* — верность, обет). Одно лишь объяснение этого слова, обыкновенно предлагаемое на основании этой верной исходной точки, кажется мне произвольным и несостоятельным, хотя я, конечно, не осмеливаюсь выдавать мое объяснение которое я намерен предложить на место прежнего, за вполне несомненное и непреложное.

В различных германских языках имеется слово, древнейшая форма которого гласит *vārā* (древненорманнское *vār-ar*, англосаксонское *wær*, древневерхненемецкое *wāra* и т. д.). Это слово означает: 1) (правда), обещание, уверение, верность (поскольку обещающий остается *верен* своему *обещанию*); 2) (=средневековому латинскому термину *treuga*) договор, мир; 3) (по отношению к тому, кто имеет за собою или получает *vārā* другого) мир в качестве безопасности, защиты или покровительства⁵⁸.

В древненорманнском языке слово *vār* в единств. числе является именем божества верности⁵⁹; во множ. числе *vārar* означает обет, обеспеченную каким-нибудь залогом верность, в особенности в отношениях между мужем и женой, иногда между личными врагами⁶⁰. Следовательно, специальная окраска в значении этого слова здесь совершенно та же самая, что и в других родственных языках: именно слово значит *обет в смысле обеспечения*; понятие клятвы на верность, приносимой воином или дружинником, вообще чуждо приведенному корню. К числу слов того же происхождения в древненорманнском языке принадлежат прилагательное *værr*, мирный, безопасный; приятный, удобный; тихий, спокойный, — и существительные *væri*, пребывание, защита, равно как *væra*, приятность, теплота; спокойствие, защита⁶¹. Производным от того же корня является древненорманнское слово *væringr* или *væringi*, образованное, очевидно, так же как, например, *leysingi*, *leysingr*, вольноотпущенник (от *leysa*, освобождать, отпускать на волю), *frelsingi*, свободный человек (от *frelsi*, свобода, *frelsa*, освобождать), *bandingi*, пойманный, пленник (от *band*, узы, оковы), *ræningi*, ограбленный, редко: грабитель (от *ræna*, грабить), *aumingi*, жалкий человек (от *aumr*, жалкий), и мн. др. В словах этой формы наблюдается смягчение коренного гласного звука лишь в тех

⁵⁷ В другом месте я высказал предположение, что слово *væringi* могло быть производным от др.-сканд. *vār*, весна, и первоначально обозначало особенно тех Норманнов, которые весною с открытием навигации приходили в Россию, в противоположность тем, которые уже там жили (ср. англосаксонское *sumerlida*, летнее войско, название норманнского войска в англосаксонской хронике под 871 г.). Однако против такого предположения могут быть приведены слишком веские возражения.

⁵⁸ См. Мюллергоффа в Zeitschrift für deutsches Alterthum Bd. XVI, N. F. Bd. IV (1873), с. 149.

⁵⁹ Ср. *Bygge*, Sæmundar Edda (Christiania, 1876), с. 128.

⁶⁰ Sigrdrífumál 23 и 25, в Sæmundar Edda.

⁶¹ Все приводимые здесь слова не имеют ничего общего, по крайней мере по существу, с др.-сканд. *vera*, *vesa*, быть, — готск. *visan*; ср. др.-сканд. *úværr*, беспокойный, злой, неудобный (в нынешнем норвежском языке *uvær*, *ovær*, беспокойный, злой, негодующий), *úværi*, беспокойство, — очевидно соответствует готскому *unverjan*, быть злым, злиться, и *unverei*, злость, досада; но эти готские слова (вместе с *tuzverjan*, сомневаться) суть несомненно производная от *vera, готской формы слова *vārā*. Но я не спорю против того, что в приведенных др.-сканд. словах после превращения *z* в *r* могло произойти смешение обеих корней, *var* и *vas*.

случаях, когда последний смягчен уже в коренном слове⁶², а также — чего не должно упускать из вида — все подобные слова, насколько это является возможным, имеют страдательное значение. Ввиду приведенных соображений представляется наиболее близким поставить слово *væringi* в связь со словами *værr*, *væri*, *væta* и определить его основное значение таким описательным выражением: «человек, положение которого обеспечено по договору» или «пользующийся безопасностью и защитой» (представления о беглеце, ищущем защиты, нет надобности связывать с этим понятием даже в отдаленнейшем смысле)⁶³. На языке государственного права, следовательно, имя Варягов означало бы по этому толкованию нечто вроде «граждан, состоящих под (особым) покровительством» (*Schutzbürger*), и такой термин был бы, несомненно, наиболее подходящим выражением того привилегированного положения, какое должны были занимать Норманны, приходившие из-за моря в качестве купцов или воинов, по праву своей национальности по отношению к другим чуждым народностям, а может быть, также и к подчиненным туземным племенам, в то время когда родственное им племя властвовало в России⁶⁴. С этой точки зрения имя *Варяг* может быть сопоставлено с англосаксонским *wærgenga*, которое в одном старинном глоссарии переводится «advena», пришелец, но основное значение которого, без сомнения, есть также «состоящий под защитой, покровительством»; в лангобардских законах мы находим соответствующее слово в форме *waregang* с совершенно таким же значением⁶⁵.

Если такое объяснение слова *væring* верно, то оно является первоначально «русским» названием приходивших в Россию Скандинавов, указывающим на их политико-социальное положение в этой стране; что же касается до его древности, то оно могло возникнуть приблизительно в одно время с утверждением господства «Руси» к востоку от Балтийского моря. Но мало-помалу это имя сделалось у Славян обозначением национальности западных пришельцев и с расши-

⁶² Ср. А. Ф. Лёффлекера, в Nord. Tidskrift for Filologi og Pædagogik, N. R. II (1875), с. 15.

⁶³ В одном стихе Egils-Saga встречается сложное слово *fold-væringi* в земле живущий (поэтическое обозначение змеи). См. *Bugfussona*, Icelandic Dictionary. Но это объяснение этого выражения представляется спорным.

⁶⁴ Также исландский сборник законов Grágás считает датчан, норвежцев и шведов на основании их национальности стоящими ближе к туземцам, чем остальных иностранцев, как это видно из различных постановлений названного сборника, например, касательно дел об убийстве и на следовании (*Vígslóði* 97, *Arfapáttir* 120).

⁶⁵ «Omnes waregang qui de exteris fines in regni nostri finibus advenerint seque sub scuto potestatis nostrae subdederint, legibus nostris Langobardorum vivere debeant etc». Эдикт Ротара, гл. 367. В *Caspia Дорна*, с. 249 и след., 421, *Куник* уже сопоставил приведенные в нашем тексте слова с др.-норм. *væringi*, придавая им всем значение связанного присягой дружинника; но при всем моем уважении к этому выдающемуся ученому-исследователю я все-таки не могу не считать такое объяснение вполне превратным. Если, например, на англосакс. языке *Gúldác* называется *dryhtes Þegn*, — слугою (дружинником) господина, — и в то же время восхваляется как *wærgenga* (своего господина), у которого нельзя тронуть волоска на голове, то из этого еще не следует, что оба слова *Þegn* и *wærgenga* прямо суть синонимы: последнее выражение именно указывает только на то, что человек «состоит под защитой, охраной» господина (ср. немецкие термины *Schützung*, *Schutzbürger*). В таком смысле следует понимать это слово, когда *Gúldác* говорит про себя, что господин не позволит низвести его, своего *wærgenga*, в ад, или когда Навуходоносор называется *vildra wærgenga*, «состоящим под защитой диких зверей» (в том смысле, что последние не причиняют ему зла), рядом с другим названием *deóra gesid*, — «товарищ зверей».

рением его смысла стало названием всех обитателей скандинавской метрополии по ту сторону моря, в особенности же Швеции. В таком смысле это имя перешло к другим народам Востока, у которых мы его находим в употреблении, и постепенно вытеснило собою более древнее, известное на Востоке название Скандинавов, *Рус*, в то самое время, когда это имя утратило свое первоначальное значение. Оба эти имени, Русь и Варяги, надо думать, никогда не только не были синонимами, но противопоставлялись одно другому. Взаимное их отношение должно было быть приблизительно то же самое, какое мы видим между «янки» и англичанином или у американцев испанской расы между креолом (*criollo*) и «чапетоном» или «гачупином», как называются в Америке испанцы, прибывшие из Европы. Однако это различие мало-помалу забывалось, особенно ввиду того, что древние Руссы постепенно теряли черты своей первоначальной народности и обращались в Славян. Поэтому русские летописи могли с одинаковым правом в одних случаях называть древнюю Русь одним из варяжских племен согласно с тогдашним употреблением последнего имени, в других же, напротив, проводить различие между обоими племенами. В Скандинавии, конечно, слово *Варяги* не употреблялось в том значении, какое ему было придано на Востоке; позднее оно было принято Скандинавами, находившимися в Византии, где «Русь» и «Варяги» сталкивались и соединялись друг с другом, и, таким образом, имя Варягов приобрело в самой Скандинавии то ограниченное значение, в каком оно употребляется в сагах.

Нам остаются еще несколько вопросов, относящихся к истории скандинавского элемента в России. Во-первых: как долго удерживали Руссы в собственном смысле, господствовавшее в Киеве племя, свою скандинавскую народность? Когда это племя достигло владычества над Славянами, оно не могло быть особенно многолюдно: кроме самих князей, оно состояло главным образом из воинов-дружинников; однако, хотя мы и не узнаем на этот счет ничего определенного, Руссы, подобно прочим норманнским полчищам⁶⁶, без сомнения, имели при себе и женщин. Мы знаем, например, что Игорь Рюрикович имел женой свою землячку Ольгу (*Helga*), родом из Пскова (Плескова). Но, конечно, многие из пришельцев уже с самого начала стали брать в жены славянских женщин. При таких условиях представляется вполне понятным, что потомки этих чужеземцев скоро слились по языку и обычаям с гораздо более многочисленным славянским населением, среди которого они жили⁶⁷, и едва ли возможно предполагать, чтобы они со-

⁶⁶ Ср. *И. Стеенсфрута*, *Normannerne I*, 270 и след.

⁶⁷ В связи со сказанным находится один пункт, которому антинорманнисты придавали большую важность, именно отношение древней Руси к славянским богам. В договоре Игоря с греками (944 г.) Руссы называют «Бога и Перуна (славянского бога громовника)», в договоре Святослава (972 г.) «Бога, в его же веруем, (в) Перуна и (в) Волоса, скотья бога». Также по поводу заключения Олегом мира с греками в 907 г. летопись упоминает, что Руссы клялись «оружием своим и Перуном, богом своим, и Волосом, скотским богом»; но так как в последнем случае эти слова не стоят в самом тексте договора, то едва ли могут иметь силу доказательства, восходящего к самому началу X в. Но, если даже мы допустим последнее, все-таки неосновательно видеть в указанном факте довод против скандинавской народности Руси. Весьма легко предположить, например, что приведенные славянские имена божеств представляют собою в данном случае переводы соответствующих имен (*Перун* = Тор, *Волос* = Фрей и Бог [если с некоторыми исследователями видеть в этом имени особое языческое божество] = Один); именно эти три бога (*Tor*, *Fricko* и *Vodan*, как называет их Адам Бременский [гл. 26] в своем описании богослужения

храняли свою скандинавскую народность долее, чем в течение трех или четырех поколений. Что касается самой княжеской фамилии, то уже сын Игоря, родившийся (по летописи) в 942 г., носил чисто славянское имя — Святослав, и с этого времени члены русского княжеского рода начинают носить, за немногими исключениями, только славянские имена. Когда Владимир († 1015), сын Святослава от славянской матери, рабыни Малуши, ввел в России христианство и сделал его государственной религией (988), славянский язык был сделан богослужебным, и сам князь в то время, без сомнения, смотрел на себя во всех отношениях как на Славянина, хотя, вероятно, язык его отцов был еще ему известен. Эпоху нового подъема пережила «русская» национальность в княжение Ярослава Владимировича († 1054): впрочем, это явление объясняется не столько традициями русского княжеского рода, сколько, так сказать, новой прививкой варяжского элемента. Именно матерью Ярослава была варяжская княжна *Рогнеда* (собственно *Rognhildr* = *Ragnheidr*), дочь Рогволода (= *Ragnvaldr*), князя Полоцкого, пришедшего «из-за моря»; Владимир, еще будучи язычником, насильно взял ее в жены, истребив весь ее род, и, может быть, от своей матери Ярослав унаследовал расположение к норманнской народности, принимавшее иногда, особенно в дни его юности, почти характер оппозиции против славянского элемента. Связи с норманнским Севером отличались при Ярославе таким оживлением, какое вряд ли когда замечалось прежде: сам князь был женат на Ингигерде, дочери шведского короля Олафа; в числе многих известных Норманнов, проживавших временно при дворе Ярослава, находились, например, его свояк (муж сестры Ингигерды), Олаф Святой, король норвежский, и Гаральд Гаардрааде, впоследствии супруг Елизаветы, дочери Ярослава. Однако и этот князь должен был все теснее и теснее примыкать к славянской народности, и, хотя еще его сыновья в юности научились скандинавскому языку при дворе своего отца⁶⁸, не подлежит сомнению, что со смертью Ярослава последняя связь, соединявшая еще русский княжеский род с норманнской национальностью, должна считаться во всяком случае порванной.

Однако из того, что к 1000 г. киевский княжеский род можно считать, в сущности, ославянившимся, еще не следует непременно выводить такое заключение, что скандинавская народность к этому времени совершенно исчезла в России. Многие признаки указывают, что «русское» племя постоянно пополнялось новы-

---

язычников Шведов) были главными божествами Норманнов. Вообще перевод имен языческих богов наравне с другими словами чужого языка является делом вполне обыкновенным: так, например, на одной обетной дощечке (*tabula votiva*), найденной на Кипре, с надписью на двух языках, один и тот же бог называется по-финикийски *Решеф*, а по-гречески *Аполлон*; или, напр., у Тацита мы читаем, что Германцы почитали Меркурия, Марса и т. д. Но, может быть, даже нет нужды и в таком предположении. Для язычника, находящегося на чужой земле, представляется естественным обращаться с мольбой к местным богам, в особенности к таким, которые ближе других соответствуют его отечественным божествам; ср. *Смита*, *Nestors Rusiske Krönike*, с. 245. В особенности о норманнах мы именно знаем, что они были в высшей степени шатки в своих верованиях и всегда готовы признавать богов всех стран; см. *Стеенструпа*, *Normannerne I*, 368 и след.

⁶⁸ Внук Ярослава, Владимир Всеволодович Мономах († 1125), говорит сыновьям в своем «Починении»: «Отец мой, дома сидя, изуменяше пять язык: в том бо честь есть от иных земель». Что один из этих языков был скандинавский, по мнению *Карамзина* (История Государства Российского [немецкий перевод, Рига, 1820—1827] II, 134), едва ли может подлежать сомнению.

ми выходцами из скандинавских земель, не только временно служившими при русском дворе или в русском войске, но и остававшимися в России на постоянное жительство. По Дитмару, население Киева еще в 1018 г. состояло «преимущественно из Данов» (Датчан)⁶⁹, выражение, которое едва ли следует понимать буквально, независимо от того, понимает ли здесь Дитмар под именем Датчан Норманнов вообще или же он был неверно осведомлен о национальности того норманнского племени, о котором идет речь в данном случае⁷⁰. Но и другие соображения дают нам право заключить, что в начале XI в. скандинавский элемент был еще сильно представлен в Киеве. Напротив, начиная с этого времени, поток подкреплений с норманнского Севера прекращается, т. к. ненормальные условия жизни, дававшие повод к походам и выселениям Норманнов, давно перестали существовать. Окончательное утверждение христианства придало совершенно новый вид и общественной жизни Севера, и внутреннее состояние скандинавских земель требовало всей энергии обитателей для своего улаживания. Вследствие этого 1030 г. можно считать приблизительным концом эпохи викингов, а в 1043 г. — что согласуется с первой цифрой — Варяги в последний раз упоминаются в качестве вспомогательных полков в русском войске⁷¹. Немногие Скандинавы, находившиеся еще в тогдашней русской (в специальном смысле) земле, т. е. в Киеве, были предоставлены своей участи, которую можно легко себе представить.

Иное было положение дела в Новгороде и его области. Оставленный «русским» племенем, этот город в течение некоторого времени занимал вполне независимое положение, будучи соперником Киева, и достиг значительной важности благодаря процветанию своей торговли, развившейся вследствие его благоприятного положения, именно легкости сообщения с морем через Ладожское озеро (и Неву). Здесь скандинавская народность была представлена еще сильнее, чем в Киеве, так как многие Варяги — Скандинавы из Швеции, особенно с острова Готланда, — отправлялись сюда ради торговых сношений. Насколько силен был количественно этот скандинавский элемент, можно усмотреть из слов Нестора, что Новгород был «варяжским городом»; из других источников мы узнаем, что в XII в. жители Готланда имели в Новгороде большой гостиный двор (готский двор), что там же находилась варяжская церковь (божница) и т. д. Но с XIII и XIV столетий Скандинавы должны были уступить свое место немецким купцам, и выгодная новгородская торговля перешла в руки северогерманских ганзейских городов.

В заключение еще один вопрос: какое влияние в конце концов оказала скандинавская стихия на туземную народность России и какие она оставила следы своего здесь присутствия в древние времена? Верно одно: если бы мы могли подвергнуть анализу кровь, текущую в жилах ныне господствующего народа в России, мы открыли бы в ней лишь немногие капли из скандинавского источника. В

⁶⁹ «In magna hac civitate (*Kiara*, т. е. Киев), quae istius regni caput est, plus quam quadringentae (quadraginta?) habentur ecclesiae et mercatus octo, populi autem ignota manus, quae sicut omnis haec provincia ex fugitivorum robore servorum huc undique confluentium et maxime ex velocibus Danis, multum se nocentibus Pecinegis hactenus resistebat et alios vincebat». Mon. Germ. Hist. Scr. III, 871.

⁷⁰ Ср. И. Стеенсфрута, *Normannerne* II, 324.

⁷¹ Георгий Кедрен, с. 551: «τὸν ὑπ' αὐτὸν ἀγείρας ὅσον μάχιμον, προσεταιρισάμενος δὲ καὶ συναρχικὸν οὐκ ὀλίγον ἀπὸ τῶν κατοικοῦντων ἐν ταῖς προσαρκτίοις τοῦ Ὠκεανοῦ νήσοις ἔθνων». Ср. Муралята, *Chronographie Byzantine*, с. 627, и Куника в *Caspia Dorra*, с. 30 и след.

то время как финские племена, некогда занимавшие столь большую часть теперешнего русского государства, вероятно, оказали значительную долю влияния в этом отношении, число Скандинавов в России было сравнительно так мало, что они едва ли могли оставить по себе сколько-нибудь заметные племенные следы.

Несомненно, что в нравах и обычаях, общественной жизни и государственных учреждениях России долго оставались признаки скандинавского влияния. Но насколько эти следы были значительны или незначительны — это вопрос в высшей степени трудный. Попытка ответа на него вызвала бы необходимость многих предварительных изысканий, которые по праву должны бы были быть приняты согласно с началами современной науки, но к которым до настоящего времени едва было приступлено.

Явственнее обозначаются следы влияния скандинавского языка на русский. Но даже и здесь ближайшее рассмотрение вопроса представляет значительные трудности. С одной стороны, нас легко могут ввести в заблуждение черты сходства, обязанные своим происхождением первоначальному родству славянских и германских языков (например, славянское *град*, русское *город* есть слово чисто славянское, хотя и родственное древнорманнскому *gardr*, — и таких примеров много). С другой стороны, мы заметим, что не только русский, но также и другие славянские языки содержат в себе множество слов несомненно германского происхождения⁷²; но мы усмотрим также, что эти слова далеко не однородны, и что они принадлежат различным эпохам в истории развития (славянского) языка. Так, имеется немало слов, более или менее общих всем славянским языкам, которые должны быть заимствованы из языка Готов в ту эпоху, когда еще Славяне жили все вместе к востоку от Вислы; таковы, например, слова *стъкло* (стекло), от готского *stikls*, кубок; *оусер.аз*, *оусер.азг* (серьга), от готского *ausahrings* и мн. др. Кроме того, большое количество слов является заимствованным из немецкого языка отчасти в новейшее, отчасти в прежние времена.

Если мы тщательно выделим эти различные наслоения германских слов, останутся некоторые попадающиеся из всех славянских языков только в одном русском. В этих словах мы вправе видеть следы скандинавской народности, некогда игравшей столь важную роль в истории России. Большинство этих слов встречается лишь в древнерусских памятниках письменности, тем более что они обозначают понятия и предметы, ныне вышедшие из употребления. Некоторые другие слова сохранились только в известных наречиях; но, к сожалению, русские областные наречия еще не исследованы вполне основательно, почему я и не могу представить полного списка таких слов⁷³. Я приведу лишь те из них, которые с большей или меньшей вероятностью могут быть причислены к указанному разряду:

1. Древнерусское *аскъ*, *яскъ*, современное русское слово *ящик* — древнорманнскому *ask-r*, древнешведскому *ask-er*, новшведскому *ask*.

2. Др.-русс. *гридь* (*грид-инь*), младший дружинник (при древнерусском князе), = др.-норм. *grid*, жилище, родина (с понятием служебного отношения), *gridmadr*, слуга, наемник, др.-шведск. *gridkuna*, женщина, живущая в чужом доме для исполнения работ.

⁷² Ср. Миклошича, Die Fremdwörter in den slawischen Sprachen (Denkschriften der phil.-hist. Classe der kais. Academie, Band XV [Wien, 1867]).

⁷³ Слова скандинавского корня, удерживавшиеся в русских областных говорах, собраны акад. Я. К. Гротом в его «Филологических разысканиях» (С.-Пб., 1876) I, 456—469.

3. Русск. (областное) *кербъ*, связка льна = др.-норм. *kerf*, *kjarf*, шведск. *kärfve*, сноп, связка.
4. Русск. *кнут* = др.-норм. *knút-r*, др.-шведск. *knut-er* (нем. *Knoten*, узел).
5. (Русск. *лава*, уменьш. *лавка*, — скамья, = шведск. *lafve*?).
6. Русск. *ларь* = др.-шведск. *lar* (теперь *lår*).
7. Древнерусское *луда*, род одежды, плащ = др.-норм. *lodi*, меховой плащ; *lod*, мохнатая материя.
8. Русск. (областное [Архангельской губ.]) *рюжа*, *рюза*, верша для рыбной ловли, — шведск. *rysja*, откуда также финское *rysä*; нем. *Reuse*).
9. Русск. областное *скиба*, ломоть хлеба, = шведск. *skifva*; ср. нем. *Scheibe*.
10. Др.-русс. *скоть*, подать, деньги вообще = др.-норм. *skattr* (общеславянское значение слова то же, что и теперь).
11. Русск. *стул*, может быть = др.-норм. *stóll*, шведск. *stol* (менее вероятно = нем. *Stuhl*, что скорее приняло бы в русском языке форму *штул*).
12. Др.-русс. *стягъ* (*стлг*), знамя, теперь в областных наречиях (Новгород, Псков) означает шест = др.-шведск. *slang*, др.-норм. *stōng*, нем. *Stange*.
13. Др.-русс. *Судъ* (*Сждъ*), имя Босфора или Золотого Рога = др.-норм. и шведск. *sund*, морской пролив (ср. *Sund*, Зунд).
14. Др.-русс. *тивунъ* или *тиунъ*, домоправитель, дворецкий (всегда холоп) = др.-норм. *Þjonn*, слуга (*Diener*), раб; др.-шведск. форма должна была бы гласить *Þiun*, Русское *тиун* соответствует по смыслу др.-норм. *bryti*; однако, кажется, и слово *Þjonn* иногда употреблялось подобным же образом, в более тесном смысле; ср. древний норвежский законник (All-Gulathing-Gesetz), гл. 198, где *Þjonn* и *bryti* поставлены рядом как главные, старшие слуги.
15. Др.-русс. *шнека*, род корабля = др.-норм. *snekkja*; древнефранцузское слово *esneque* и средневековое латинское *isnechia* также должны считаться заимствованными от Норманнов.
16. Др.-русс. *ябетникъ*, *ябедникъ* (*ябетникъ*), должностное лицо в древнем Новгороде; ср. др.-норм. *embætti*, др.-шведск. *æmbiti*, немецк. *Amt* (*Ambt*), должность, служба (?).
17. Русск. *якорь* (*якорь*) = шведск. *ankare* (др.-норм. *akkeri*). Хотя этот перечень не имеет притязания на исчерпывающую полноту, мы, однако, можем сказать с уверенностью, что количество таких слов не особенно велико; но их наличность, во всяком случае, содействует дополнению той картины, какую я пытался нарисовать в изложенных чтениях.

Мы видели, что, по древнему русскому преданию, единодушно подтверждаемому также множеством других разнородных свидетельств, заложение первых основ русского государственного строя является делом Скандинавов; что под именем *Руси* у народов Востока разумелись в древние времена Норманны; серьезная и добросовестная критика никогда не будет в состоянии опровергнуть этого факта. Норманны заложили основание, на котором природные Славяне возвели исполинское здание, и из незаметно малого зерна, посеянного пришельцами с Севера, развилось одно из величайших государств, когда-либо существовавших в мире.

Приложение

Древнерусские имена

(см. чтение второе)

Объяснение сокращений

- Dipl. S. = Diplomatarium Suecanum (Holmiae 1829 sqq.).
 Dyb. Fol. = Sverikes Runurkunder, granskade och utgifne af Rich. Dybeck (Stockholm 1860—1876), fol. Vol. I: Upland (U). Vol. II: Stockholmsan (St).
 Dyb. 8° = Svenska Runurkunder, utgifne af Rich. Dybeck (Stockholm 1855—1857), 8°.
 F. = E. Forstemann, Altdeutsches Namenbuch. Band I: Persennamen (Nordhausen 1855 ff.).
 G. L. = Runurkunder, utgifne af Ioh. G. Liljegren (Stockholm 1833).
 R. M. = Древненорманнские имена, содержащиеся в Reichenauer Necrologium (собственно в Liber fratrum conscriptorum; ср. Ф. Келлера в Mittheilungen der antiquar. Ges. in Zürich VI [Zürich 1848], 2) у Моне, Anzeiger für Kunde der deutschen Vorzeit, 4 Jahrg. (Karlsruhe 1835), стр. 97 и след.
 Rygh = K. Rygh, Norske og islandske Tilnavne (Throndhjem 1871).
 Steph. = The Old Northern Runic Monuments of Scandinavia and England, collected and deciphered by George Stephens, voll. I—II (London and Köbenhavn 1866—1868).
 агс. = англосаксонский
 дн. = древненемецкий
 дс. = древнескандинавский
 ссл. = старославянский
 Цифры, означающие года, поставлены в скобках.
- А д у л б (944) = дс. *Audulfr*: AUPULFR L. 70 (=Dub. Fol U. 129); *Ödolphus* Dipl. S. III, 99, *Ödolphus* ib. 271, *Ödhulfus* ib. 352. Ср. arc. *Eáðwulf*, дн. *Audulf* F. 180.
 А д у н ъ (ъ) (944) = дс. *Audunn*: AUP. N L. 588 (= Dyb. Fol. St. 171); UPUN L. 879 (Södermannland); AUPIN L. 1355 (Westergötland); *Ödinnus* Dipl. S. III, 91. Ср. агс. *Eáðwine*, дн. *Andowin* F. 179.
 А к т е в у (912) = дс. *Angantyr* (агс. *Ongenþców*)?
 А к у н ъ (944), Я к у н ъ (1024 и неоднократно) = дс. *Hákun(n)*; HAKUN очень часто в шведских рунических надписях; напр., L. 312 (= Dyn. Fol. ZU. 1), 83 (= ib. 134), 601 (= ib. St. 247) и в других местах. AKUN L. 752 (Upland). *Hacun* (датский ярл) Sax. Chron.
 А л в а р д ъ (944) = дс. *Hallvardr*: ALVARP L. 1480 (= Steph. 812). *Hallwardus* Dipl. S. III, 86, 91, 93, 95 и др. (Собственно рукописи содержат форму *Алвад*, быть может, переделанную из Авлад = дс. *Hávald* [HAVALT, Dyb. 8° 20 = L. 927] или *Eivaldr*, *Eyraldr* [*Övaldus*, Dipl. S. III, 96, Upl.]; но поправка *Алвард* представляется более вероятной).
 А л д а н ъ (944) = дс. *Halfdanr*, в шведских рунических надписях обыкновенно: дс. HALFTAN, напр. L. 20 (= Dyb. Fol St. 227), 347 (= ib. 64), 453 (= ib. 102), 669 (= ib. U. 58), 745 (= ib. 110), 761 (= ib. 121, Steph. 707), Dyb. fol. U. 155, Dyb. 8° 46 и др.; HALTAN L. 824 (Södermannland), 1160 (Östergötland), 1337

- (Westergötland), 1566 (Småland; ALFTAN L. 1014. *Haldanus* Dipl. S III, 90, 261, *Haldan*, *Halden*, *Haltan*, *Halbtene*, R.M. Арс. *Healdene* («Беовульф»; Sex. Chron., под 871, 875, 876 годами).
- А м у н ь д ь (944; поправка вместо содержащейся в рукописях формы *Аминьд*) = дс. *Amundi*: AMUTI L. 820, 825, 835, 840 (Södermannland); *Amundus* Dipl. S. III, 100, 101 (Upland); *Amundi*, *Amunde*, *Amende* R. M. Или = дс. *Hámundr*: HAMUNTI L. 750 (= Dyb. Fol. U. 115); *Hamundus* Dipl. S. III, 98 (Upland); ср. агс. *Heahmund*. Или же = дс. *Eymundr*: AIMUNT L. 959, 1053, EUMUNT L. 1220; ÜMUT L. 1186.
- А п у б к а р ь, Апуьксарь, Пуьксарь, Пупсарь (944), испорченное имя, может быть = дс. *Uspakr*: USBAKA L. 943; OSBAKR L. 1223.
- А р ь ф а с т ь (944) = дс. *Arnfastr*, в особенности употребительно в Швеции и Дании: ARNFASTR L. 33, 1050; ARFASTR L. 86 (Upland). *Aruastus* Dipl. S. III, 89 (Upl.); *Arnfastus* Saxo, стр. 378, *Ornivest* R. M.
- А с к о л д ь см. Оскольдъ.
- А с м у д ь (воспитатель малолетнего Святослава Игоревича, около 945 г.) = дс. *A'smundr*, в шведских рунических надписях и во всех скандинавских странах весьма часто; агс. *Osmund*, дн. *Ansemund* F. 109. Или = дс. *Asmodr*; *Asmuod*, *Asmuot*, *Asmot* R.M.
- Б е р н ь (944) = дс. *Björn*, одно из употребительнейших имен повсюду в Скандинавии; в рунах BIARN, BIORN, BIURN, BIRN и др., в латинской письменности *Bero*. Агс. *Beorn*, дн. *Bero* F. 224.
- Б р у н ы (944) = дс. *Brüni*, распространено в Швеции, в остальной Скандинавии употребительно лишь в качестве прозвища (Rygh, стр. 8). BRUNI из Упланда L. 685, 709, Dyb. Fol. U. 85, 86 (= Steph., стр. 733; из Зёдерманнланда L. 934 (= Steph., стр. 716); Dyb. 8⁰ 41; из Нерике (Nerike) L. 1029, 1038; из Остергётланда L. 1187. *Bruno* Dipl. S. I. 188. Дн. *Bruni* F. 283.
- Б у д ы (1018) = дс. *Byndi*: BUANTI у Дибекы, руна 3, 11; BUTNA (вместо BUNTA L. 348 (= Dyb. Fol. St. 65, Steph., стр. 792); *Bondo* (*Bonno*) Dipl. S. III, 95, 101, 584, 656 (Упланд) и неоднократно; *Bondi*, *Bonde*, *Bondo*, *Bonta* R. M.
- Б у е ф а с т см. Вуефаст.
- В е р ь м у д ь (907 и 911) = дс. *Vermundr*. (Вариант Вельмудъ в некоторых рукописных редакциях, особенно под 907 г., в основе которого можно было бы предполагать дс. *Vilmundr*, возник, вероятно, по аналогии с частыми в славянском языке сложными именами, имеющими в первой части *вель* (прилаг. *велий*, *великий*)).
- В о и с т ь В о и к о в ь (944), два сомнительных имени. (В рукописях разночтения *Воиковъ*, *Войстов Иковъ*, *Воиствоиковъ*, *вѣисков Иков* и др.)
- В у е ф а с т ь (944), может быть, = дс. *Véfastr*. VIFAST(R) L. 41 (Dyb. Fol. U. 42), 318 (= ib. 6), 681, 815, 1069, Dyb. Fol. St. 29, *Vyfaster* Dipl. S. II, 231. *Vinastir* ib. III, 89. По *Миклошичу* *Буефастъ*, может быть, = *Bófastr*, ср. *Bofester* Dipl. S. I, 188; *Bowastus* ib. III, 657.
- В у з л ь б ь или Вузлѣвь (944)?
- Г о м о л ь (944) = дс. *Gamall*; часто в Швеции, особенно в Упланде (напр. KAMAL L. 166 [= Dyb. Fol. U. 206], 210, 371 [= ib. St. 20], 475 [= ib. 114—115], 558 [= ib. 204], 651, 781, Dyb. Fol. St. 27); редко в Норвегии, неизвестно в такой форме в Исландии (где находим форму *Gamli*).

- Г р и м ъ (944) = дс. *Grímr*, очень употребительно во всей Скандинавии: напр. (из Швеции): KRIM L. 608, 1337; KRIMBR L. 658; KIRIMR. L. 215 (= Dyb. Fol. U. 190).
- Г у д ы (911 и 944) = KUÞI L. 362 (Upl.), 1235, что или = *Godi*, от *godr*, добрый (*gut*) (ср. *Goth* Dipl. S. III, 88; *Guoda*, *Guota* R. M. И arg. *Goda* Sax. Chron., под 988 г., дн. *Godo* F. 529), или = *Gudi*, по-исландски *Godi*, жрец, священник (ср. *Gude*, *Guda*, *Cuda* R. M.). В Исландии ни одно из этих слов не употребляется в качестве имени собственного; последнее также и в Норвегии. Относительно KUÞI на трех рунических камнях в Дании = дс. *Godi*, ср. *Виммера*, *Runeskriftens oprindelse* (= *Aarboger for nordisk Oldkyndighed og Hist.* 1874), 231 и след., 240, 248.
- Г у н а р ъ (944) = дс. *Gunnarr*, в высшей степени часто, также в Швеции, Arg. *Gudhere*, дн. *Gundachar* F. 562.
- Г у н а с т р ъ (944) = дс. *Gunnfastr*, свойственно Швеции, чаще в форме *Gudfastr* KUÞFASTR: напр., L. 170 (= Dyb. Fol. U. 205), 171 (= ib. 204), 221, 263, 685 (= ib. 74), 748 (= ib. 114) и неоднократно; *Gudvastus* в памятниках письменности. *Gunnfastr* встречается в «Sögubrot» в качестве имени одного Шведа = *Guthfast* у Саксона (ср. на шведских рунических надписях KUNVAR и KUÞVAR, KUNBIRN и KUÞBIRN, KUNLAIFR и KUÞLAIFR и др.). Конечный звук *p* в русском имени Гунастр представляет собой сохранившийся в виде исключения признак древненорманнского именит. падежа.
- Д и р ъ (862) = дс. *Dýri* (в Швеции несомненно в двух формах, *Dýri* и *Diuri*; от дс. *Dýr*, др.-шведск. *Diur*, нем. *Thier*, зверь): TIURI L. 265; TIURI Steph. 633 (Upland); TIURA (вин. пад.) L. 1154 (Östergötland); TURI L. 65 (Upl.), 1179 (Östergötland); TIORI L. 1003; Dyre Dipl. S. III, 100; *Tiwe* R. M. Ср. дн. *Dioro* F. 337.
- Е в л и с к ъ, Ерлискъ (944), может быть, описка вместо *Ерликъ* = дс. *Erlingr*? Ср. Студькъ = *Stædingr*.
- Е г р и (944) = дс. *Hegri* (собственно «цапля»; ср. Рига (*Rygh*, стр. 25): *Hegherus* Dipl. S. III, 336. В рунических надписях я не нашел аналогичного имени; однако встречаются другие названия птиц в качестве личных имен: напр., TRANI (нем. *Kranich*, «журавль») L. 595 (Upl.); SKARFR (нем. *Scharbe*, «баклан») L. 973 (Södermannland); HANI (нем. *Hahn*, «петух») Dyb. 8° 9 (ib.).
- Е м и г ъ (944) = дс. *Hemingr*, употребительно на протяжении всех скандинавских земель; в рунических надписях HIMINKR, HIMIKR, HENMIKR, HEMIK и др. Ср. arg. *Heming*.
- Е т о н ъ (944) ?
- И в о р ъ (944, 1109 и неоднократно) = дс. *Ivarr*, обыкновенное скандинавское имя: напр., IVAR L. 562 (= Dyb. Fol. St. 236, Steph. 795), 1135, 1237.
- И г е л ъ д ъ, Ингельдъ, Инъгельдъ (911 и 914) = дс. *Ingjaldr*, известно на всем Севере: в шведских памятниках, напр., INKIALTR L. 136 (= Dyb. Fol. U. 199), 154 (= ib. 191), 202 (= ib. 176), 408, 478 (= ib. St. 120), 1311, 1312; IKIALT L. 707 (= Dyb. Fol. U. 72), Dyb. Fol. St. 240; IGIALTR L. 848. *Ingeldus* Dipl. S. III, 87, 94, 98, 99, 265 и пр. Arg. *Ingeld* (в «Беовульфе»), дн. *Ingild* F. 784.
- И г о р ъ (913—945), по-гречески Ἰγγωρ, Ἰγγор, у Лиудпранда *Inger*, = дс. *Ingvarr*, имя, распространенное в Швеции, особенно в Упланде и Зёдерманнланде. См. выше, чтение второе, стр. 75, примеч. 78 и 79; далее INKVAR L. 436

- (= zyb. Fol. St. 128), 484 (= ib. 135), 601 (= ib. 247), 605, 606 (= ib. 23), 927 (Södermannland) и др. IKVAR L. 437 (= Dyb. Fol. St. 127), 562 (= ib. 236), 1106 (Östergötland); INGVAR Dyb. Fol. St. 81 (= L. 423); *Inguarus* очень часто в Dipl. S.; *Inger* R. M. Ср. дн. *Inguheri* F. 785.
- И к м о р, у Льва Диякона (ed. Bonn. 149) и Кедрена (ed. Bonn. II, 405), соответствует, кажется, славянской форме *Игъморъ = дс. *Ingimar* (*Ingmar*), специально шведское имя; INKIMAR L. 923 (Södermannland); IKIMAR L. 484 (Upl.), 853 (Södermannland), Dyb. Fol. St. 131; INKMAR L. 435 (Upl.), 1117 (Östergötland); IKMAR L. 266 (Upl.); *Ingemar* Dipl. S. III, 87 и неоднократно. Ср. дн. *Ingimar* F. 785.
- И н г и в л а д ъ (944) = дс. *Ingivaldr*, специально шведское имя; INKIVALTR, напр., L. 83, 481 (= Steph., стр. 788); в памятниках письменности *Ingiualdus*, *Ingeualdus*.
- И н ъ г е л ь д ъ смотри Игельдъ.
- И с и н о Кобиричь, Исинько Биричь см. Синко Боричь.
- И с к у с е в и, Искусев (944) ?
- И с т р ь (944) = ISTRUR L. 753 (= Dyb. Fol. U. 120)? Или = дс. *Eistr*, AIST(R), IST(R)? В последнем случае возник бы еще вопрос, есть ли конечное *p* признак древнего именит. пад. (см. Гунастръ) или же оно принадлежит к самому имени (ср. *Буге* в *Aarböger f. Nord. Oldk. Og. Hist.* 1873, стр. 47).
- К а н и ц а р ь (*Канимаръ*? 944)?
- К а р л ь (907) = дс. *Karl*, одно из употребительнейших имен в Швеции. Ср. дн. *Carl* F. 303.
- К а р л ы (911) = дс. *Karli*: KARLI L. 1557 (Östergötland). Как дс. имена *Karl* и *Karli* прилагаются безразлично к одному и тому же лицу, так и *Карль* 907 г. и *Карлы* 911 г., по-видимому, тождественны.
- К а р н ь (911) = *Karni*, вин. пад. KARNA L. 1188 (Östergötland)? Вообще же неизвестно. Ср. название птицы *Karn* в качестве прозвища у Рига (*Regh*), 34.
- К а р ш е в ъ (944), где, по-видимому, -ев не есть (славянский) суффикс прилаг. притяжательный, но принадлежит к самому имени = дс. *Karlsefni* (ср. AUR-SIFNI L. 315 Upl.) или *Karlshöfud* (ср. Рига 34; *Karels houb*¹ R. M.)?
- К а р ы (944) = дс. *Káir*, часто встречается во всех скандинавских землях: напр., L. 74 (Dyb. Fol. U. 132), 211 (= ib. 186), 262, 404, 626, 836, 1053.
- К л е к ъ (944) = *Klakki*, KLAKE L. 936, 1278, 1400 (ср. *Klakki* Rygh 36; Andrea dicto Klak Dipl. S. II, 215)? Или = *Kialki* (см. Ридквиста, Svenska sprekets lagar II, 261)? Некоторые редакции содержат формы *Влеков* или *Слеков* вместо *Клеков*.
- К о л ь (944) = дс. *Kollr*, часто в Швеции; напр., Collo Dipl. S. III, 101 (Upl.), *Coll* Saxo, p. 381.
- К у ц и (944), может быть, = дс. *Kussi* (теленки); часто в качестве прозвища (Rygh. 40: KUTZI, *Kudzi*, *Kuszi*, *Kuzssi*; ср. *Erick Kuse* Dipl. Dalekarl. N. 236 и др.), без сомнения, употреблялось и как личное имя, так же как его синоним *Kalfv* (*Kalb*), напр., L. 61, 76, 187, 499 (= Dyb. Fol. St. 148), 504 (= ib. 147), 507 (= ib. 150) и неоднократно. Может быть, имя KUSI следует действительно предположить находившимся на Сигтунской надписи (Dyb. Fol. St. 196 = Dyb. 8⁰ № 69): по крайней мере, издатель вместо AUK. USI (так как имени Usi не существует) читает AUK. [K]USI.

- Л и б и (944), неполное или искаженное имя; может быть, часть предшествующего в тексте имени (Турдуви вместо Турдовъ) принадлежит к нему. Можно указать на имена *Leikvidr*, *Leifr*, *Eileifr*, *Véleifr* и др.
- Л и д у л ь (911), может быть, = дс. *Leidulfr*, *Ljodulfr*, *Lidulfr* или *Lindulfr (LITULF L. 4. Upl.). Ср. дн. *Laidulf* F. 828, *Lindolf* ib. 846.
- Л ю т ь (975), может быть, = дс. *Ljótr*, LIUTR L. 274, Dyb. Fol. U. 214; может быть также славянским именем (*лют*, *лютый*).
- М а л ф р и д ь, Малфрѣдъ (женское имя, †1000) = дс. *Malmfridr*, *Malfridr* (вин. пад. *-fridi*).
- М о н ы (944) = *Manni* (от *mafr*, *mapp*, муж), неизвестно в литературе норвежско-исландских саг, но распространено в Швеции и Дании. *Manne* Dipl. S. I, 53 (Шония), III, 92 (Upl.); *Manno* ib. I, 708 (Smaland), Ср. агс. *Manna* Sax. Chron., 921 г., дн. *Mannus*, *Manni* F. 903. Не следует смешивать с дс. *Mani* (собственно «месяц», *Mond*), что по-славянски гласило бы *Маны*. Часто попадающиеся в рунических надписях MANI (напр., из Упланда L. 491, 616, 617, из Зёдерманнланда L. 860, 901), бесспорно, большей частью = *Manni*: руническое письмо не употребляет двойных согласных.
- М у т о р ь или Мутуръ (944) = *Móðpérr? или *Munþérr?
- О л е г ь, Ольгъ (879—913) — дс. *Helgi* (ср. агс. *Hálga*); распространено в Скандинавии. Первоначальная славянская форма этого имени гласила, вероятно, *Ельгъ*, в женском роде *Ельга* (ср. греч. Ἑλγα); согласно закону русской фонетики звук *е*, *ю* перешел в *о*; ср. русск. олень = ссл. юлень; русск. один = ссл. юдинъ; др.-русс. олядь (галера) из греч. ἡλιάνδιον. Ср. *Муклошича*, Die Sprache der ältesten russ. Chronisten (Sitzgsb. D. Ak. D. Wiss. Zu Wien, XIV), § 56.
- О л ь м а (882) = дс. *Holmi*? В Швеции часто (HULMI L. 388, 502, 513, 522, 628, 657, 1236; *Holmo* Dipl. S. III, 662, IV, 644).
- О л ь г а (княгиня, жена Игоря, † 969), по-гречески Ἑλγα (Константин Багрянородный), = дс. *Helga*. См. Олегъ. Также распространено в Скандинавии.
- О л ь б ь или Ульбъ (944) = дс. *Óleifr*, позднее *Ólafr*, повсеместно на Севере и весьма часто. Славянский звук *ѣ* заставляет предполагать дс. дифтонг *ei* (*ai*), и на шведских надписях мы точно находим всегда OLAIFR или ULAIFR. Агс. *Anláf*.
- О с к о л ь д ь или Аскольдъ (см. выше) (862—882) = дс. *Höskuldr*.
- П р а с т ь н ь см. Фрастѣнь.
- Р о а л ь д ь см. Руалдъ.
- Р о г ь в о л о д ь («пришел из-за моря»; князь Полоцкий, 980) = дс. *Ragnvaldr*, *Rögnvaldr*. RANVALTR L. 397 (= Dyb. Fol. St. 46); RAKNVALT L. 436, 437 (= ib. 127, 128); *Ragualdus* Dipl. S. III, 87, 260 (Upl.) и неоднократно; *Rangualdus* ib. III, 90, 94 (Upl.) и др.
- Р о г ь н ь д ь (дочь предыдущего, жена Владимира, † 1000) = дс. *Ragnheidr*, *Ragneidr* (вин. пад. *-eidi*). Ср. дн. *Reckinheid* F. 1018.
- Р у а л ь д ь (911 и 944), Роалдъ (944) = дс. *Hróaldr*. HRUALTR Dyb. 8° 2. *Hróald* (датский ярл) Sax. Chron., 918 г. Ср. дн. *Hrodowald* F. 741.
- Р у а р ь (912) = дс. *Hróarr*. HRUAR L. 1329 (Westergötland); RUAR L. 1104 (Östergötland); RUARI (дат. пад.) Dyb. 8° 46 (Södermannland; сказано про одного человека, который «for austr hédan með Róari»). *Roarus* Dipl. S. III, 163. Быть может, = агс. *Hródgáar*, дн. *Hrodgar* F. 727.

- Р у л а в ъ (907 и 911) = дс. *Hróðleifr*, *Hrolleifr*. RULAIFR L. 1550 (= Dyb. fol. U. 34); RULEFR L. 174 (Upl.); RULIF(R) L. 143, 165 (= Dyb. Fol. Upl. 208), 973 (Södermannland); *Rodlevus* Dipl. S. III, 101 (Upl.) Ср. дн. *Hrodleif* F. 735.
- Р у р и к ъ, Рюрикъ (862—879; ср. 'Ποῦρικος у Никиты Хониата, стр. 337 [около 1200 г.]) = дс. *Hrærek*: HRURIKR L. 1096 (Östergötland); *Rörik* Dipl. S. III, 97 (Upl.); *Röricus* ib. II, 8, 37, 88, 102, 105; III, 89, 94, 256 и неоднократно. Агс. *Hrédríc*, дн. *Hrodric*, *Ruodrich* F. 740.
- С в ѣ н а л д ъ (944 и позднее; также Свѣнелдъ, Свѣнтелдъ, Свенгелдъ и иначе) = *Sveinaldr*, часто в Швеции, в остальной Скандинавии, по-видимому, неизвестно; SVINALTR L. 469 (= Dyb. Fol. St. 113); SVAINALTI L. 917 (Södermanland); SVAINALTR L. 1123 (Östergötland). *Suanaldus* Dipl. S. III, 95 (Upl.); *Swenaldus* ib. IV, 646.
- С в ѣ н ъ (944) = дс. *Sveinn*, часто встречается в Швеции и во всех скандинавских землях.
- С и н е у с ъ (862) = дс. *Signiutr* (*Signjótr*), часто встречается в Упланде, вообще же на Севере, по-видимому, неупотребительно, в сагах не попадает. SIKNIUTR L. 204, 360 (= Dyb. Fol. St. 70), 669 (= ib. Upl. 58). SIKNIOT L. 500 (= ib. St. 144). SIHNIUTR Steph. 620 (= L. 269, Dyb. Fol. St. 271). SIHNUITA L. 214 (= Dyb. Fol. U. 189). *Signiatus* Dipl. S. I, 530.
- С и н к о Боричъ, Исино Кобиричъ, Исинько Биричъ (944), искаженное имя.
- С л у д ы (944) = *Slódi*, часто в Зёдерманнланде и Упланде, в других местах неизвестно. Из Зёдерманнланда: SLODI L. 916, 953 (= Steph. 741). Dyb. 8° 41; SLODA (вин. и род. пад.) ib. 83, L. 966 (= *Säve* в Kgl. Vitterhets, Hist. Och Antiquitets Akademiens Handlingar, vol XXVI [Stockholm 1869], стр. 356). Из Упланда: SLUPI L. 280; SLUPA (вин. пад.) Dyb. Fol. U. 142 (= L. 93). Ср. Rygh 59.
- С т е м и д ъ (907 и 912), может быть, = дс. *Steinvidr; имена с окончанием на -*vidr* очень часты в Швеции (напр., *Arnvidr*, *Bjorkvidr*, *Finnvidr*, *Folrvidr*, *Holmvidr*, *Hunvidr*, *Sigridr* и др.).
- С т е н г и (написано Стегги; 944), может быть, = дс. *Steingeirr* (SNAINKIR Dyb. 8° 40)?
- С т и р ъ (944) = дс. *Styrr*. STUR L. 162 (Upl.). *Styr* Dipl. S. III, 98 (ib.).
- С т у д е к ъ Студькъ, (944) = *Stædingr*, известно только в Упланде и Остергётланде. Из последней области: STUPIKR L. 1113 (= Steph. 614); из Упланда: STÜPIK L. 128 (= Dyb. Fol. U. 154); STÖPIKR L. 206 (= ib. 182). (Ср. STORI L. 199; STORBIARN L. 131, 210; STORPIL L. 210; STUORPIL L. 143; STURKINE L. 633, — все формы из Упланда.
- С ф а н ъ д а? (944: встречается только в род. пад. [*Сфанъды*]: лучшие рукописи содержат недопустимую форму *Сфандръ*, другие *Сфаиндръ* или *Сфанъдри*), женское имя, первая часть которого, вероятно, представляет собою дс. *Svan*- (ср. *Scanhildr*, *Svanlaug* и др.).
- Σ φ έ γ κ ε λ ο ς (Скилица, Кедрен, стр. 710, 1016 г.) = дс. *Sveinki* (SAINHI L. 947)? Или *Sveinungr* (SVAINUNKR L. 917)? или, может быть, славянское имя (ср. *Куника* в *Caspra Дорна*, стр. 366)?
- Σ φ έ γ κ ε λ ο ς (Лев Диакон, стр. 144), Σ φ έ γ γ ε λ λ ο ς, Σ φ ά γ ε λ ο ς (Скилица, Кедрен, стр. 672, 972 г.) = *Sveinkell?
- С ф и р ъ к а, Сфирькъ (944) = *Sverkir*, распространенное в Швеции имя, между прочим, нескольких королей (ср. SIKIR L. 1188); в Норвегии и Исландии чаще в форме *Sörkvir*.

- Т е л и н а, Тилей, Тилена, Тилень, Тирей (944), испорченное имя (PILINIFR L. 492?).
- Т р у а н ъ (911) = дс. (*Próandr), *Próndr*, *Práendr*, PÖRONTR L. 170 (Dyb. Fol. Upl. 205); PÖRUNT L. 1176 (Östergötland). *Thronder* Dipl. S. III, 65. Ср. дн. *Throand* F. 1198.
- Т р у в о р ъ (862) = дс. *Porvardr*. В Швеции и Дании *Por* иногда переходит в *Dru-*, *Tru-*: напр., PÖRUNIUTR вместо PÖURNIUTR L. 806; *Thrugotus* у Саксона, стр. 596; *Thrugatus* Scr. Reg. Dan. VIII, 221, *Trugud* R. M. = *Porgautr*; *Thragillus* у Саксона, стр. 513, Dipl. S. II, 257, Scr. Reg. Dan. VIII, 233 и часто, *Drukel*, *Drukil*, *Truls* R. M., шведск. *Truls*, датск. *Truels* = дс. *Porgils*; *Truger* R. M. = *Porgeirr*; шведск. *Truve* (*Rääf*, *Ydre Målet eller Folkdialekten i Ydre Härad af Östergötland* [Örebro 1859], стр. 124), вероятно, = дс. *Porvidr*. (Байер и Куник [Beufung II, 131, и в *Caspia Дорна*, стр. 402] сближают имя *Трувор* с прозвищем *Thruwar* у Саксона, стр. 383; но последнее представляет собою бесспорно лишь искажение соответствующего имени *Prjúgr* в *Sögubrot*: окончание -*ag* воспроизводит дс. признак имен. пад. -*r*, как, напр., в *Throndar* (ib., стр. 381) = дс. *Próndr*.)
- Т у к ы (1068) = дс. *Tyki*, попадаетея часто, особенно в Швеции и Дании; напр. TUKI L. 285, 469 (= Dyb. Fol. St. 113), 667 (= ib. U. 61), 882, 891 и неоднократно; *Toki*, *Tuke*, *Thuoca*, *Duochi* и др. R. M.
- Т у л б ъ (944) = *Polfr*, употребительно только в Швеции и Дании: PULFR L. 1120 (Östergötland), 1416 (Schonen). *Thoolf* Dipl. S. III, 459; *Tolfo* ib. 96; *Tolffuer* ib. 671. *Thoolf*, *Tholf* (епископ Дронтеймский) у Адама Бременского IV, гл. 33 (M. G. H. VII, 366, 383). *Zolf*, *Zoolf*, *Zuolf*, *Dhulp* R. M. (Миклошич, следуя редакции некоторых рукописей содержащих форму *Туадъ*, предлагает в своем издании Нестора чтение *Труад*: поправка излишняя и едва ли верная).
- Т у р д ъ (944, дважды) = дс. *Pyrdr*, одно из наиболее часто встречающихся имен во всей Скандинавии; PÖRÖR, PÖRÖR, напр., L. 96, 101, 151, 170, 468, 891, 934, 1078 и т. д.
- Т у р ъ б е р н ъ (944) = дс. *Porbjörn*, встречается часто повсюду в Скандинавии. В рунических надписях PÖRBIÖRN, PÖRBIURN, PÖRBIARN, PÖRBIÖRN и др.; латинские формы *Thorbernus*, *Thurvernus*.
- Т у р ъ б р и д ъ (944; Миклошич читает по некоторым спискам *Туръбидъ*) = дс. *Porfridr*. PÖRFRIÖ L. 367 (= Dyb. Fol. St. 2). PÖRFRIÖ L. 1098 (Östergötland). *Zorbrid* R. M. В дс. книжной письменности *Porrödr* (ср. *Шубрид*).
- Т у р ы (980) = дс. *Pyrir* (вин. *Puri*), также распространено, как *Турдъ*. PÖRIR, PÖRIR, напр., L. 112, 259, 260, 310, 396, 430, 444, 456, 531, 696 и т. д. В памятниках письменности *Thorirus*, *Thurirus*, *Thuro*.
- У л ъ б ъ (944), = дс. *Ulfir*? Рукописи, по-видимому, содержат форму *Улѣбъ* = дс. *Óleifr* (см. *Олѣбъ*)?
- У с т и н ъ (944), может быть, = дс. *Eysteinn* (в рунах AUSTAIN, AUSTAIN, AÜSTIN, USTIN [L. 103, 509, 1169, 1410], ÜSTAIN, и др.)? Но самая редакция этого имени сомнительна. (*Утинъ* = дс. *Örveginu*, *Örpaginn*, PÖVANIN L. 176, 299, PÖVAKAN L. 143, 1531?)
- Ф а р л о ф ъ (907 и 911; собственно *Фарлѣфъ) = *Farulfr*, употребительно лишь в некоторых частях Швеции, в остальной Скандинавии неизвестно; FARULFR из Упланда Dyb. Fol. St. 20, 248, L. 434, 439 (= Steph. 618), 602, 827;

- из Зёдерманнланда Dyb. 8° 39; из Остергётланда L. 1176. *Farulphus* Dipl. S. III, 90 (Upl.), 771. *Farvlf* Diplomatarium Dalekarlicum, № 9. Ср. дн. *Faraulf*, *Farulf* F. 400.
- Ф о с т ь (911) = *Fasti*, *Fastr*; вне Швеции едва употребительно, в Швеции же очень часто. Из Упланда: L. 151 (= Dyb. Fol. U. 202), 158, 224, 261, 277, 452, 462 (= ib. St. 104), 463, 464, (ib. 187), 589 (= ib. 172), 641; из Зёдерманнланда: L. 818, 837, 949; из Остергётланда: L. 1133, 1657. *Fastæ* Dipl. S. III, 99, 258 (Upl.); *Fastæ* ib. II, 391 (Södermannland).
- Ф р а с т ь н ь (944), Прас(ь)тѣнь(ь) (944 трижды) = дс. *Freysteinn*, одно из употребительнейших имен в памятниках шведской письменности: в рунических надписях, напр., FRAUSTAIN L. 835, 842; FRAISTAIN L. 467 (= Dyb. Fol. St. 107), 492; FRUSTAIN L. 444 (= Dyb. Fol. St. 83), 1111; FRUSTIN L. 479, 589 (= Dyb. Fol. U. 172); FRYSTEN L. 728 (= Dyb. Fol. U. 97).
- Ф р е л а в ь, Ф р е л а ф ь (собственно *Фрълавъ, 911) = дс. *Fridleifr*, *Frilleifr*: особенно часто в Дании, в шведских памятниках случайным образом мы не находим примеров употребления этого имени; однако так назыв. Landnámabók III, 11 упоминает некоего *Fridleifr gauzkr* (т. е. из Гётланда) at *födunæt*. Ср. дн. *Friduleib* F. 427.
- Ф р у д и (944) = дс. *Froði*: FROÐA (вин. пад.) L. 1096 (Остергётланд); *Frodho* Dipl. S. IV, 16. Ср. арс. *Fróða* («Беовульф»), дн. *Frodo* F. 432.
- Ф р у т а н ь (944) ?
- Ф у р с т ь н ь (944) = дс. *Porsteinn*, имя, необыкновенно часто попадающееся во всех частях Скандинавии: в рунических надписях ÞURSTAIN, ÞORSTAIN, ÞURSTIN, ÞORSTIN и др.; *Turstein*, *Durstein*, *Durestein* R. M. Скандинавскому Þ соответствует в данном случае славянское Ф, точно так же как этот звук постоянно соответствует греческому ϑ (напр., русское *Феодоръ* = греч. Θεόδωρος); обыкновенно же Þ в русских именах передается звуком т.
- Ш и б р и д ь (944) = дс. *Sigfridr* (в сагах всегда *Sigfrödr*, *Sigrödr*: ср. *Гизласона* в Aarbøger f. Nord. Oldk. Og. Hist. 1870, стр. 126 и след.). SIKFIRUÐR L. 126 (= Dyb. Fol. Upl. 156); SIKRITR L. 80 (= ib. 148, Steph. 723); SIHFRIÐR L. 17, 31. *Sigfridus* Dipl. S. III, 99, 389. Ср. дн. *Sigifrid* F. 1091.
- Ш и г о б е р н ь или Шихбернь = *Sigbjörn*, чуждо дс. книжной литературе, но часто встречается в шведских рунах: SIKBIARN L. 294 (= Dyb. Fol. Upl. 256), 545 (= ib. St. 214); SIHBIARN L. 523, 780 (Upl.); SIKBIURN L. 1061, 1133 и др.; SIBIUN L. 316 (= Dyb. Fol. U. 4), 1309. SIKBIERN у Save, Gutniska Urkunder, стр. 4, № 84 (= L. 1571); *Sigbermus* Dipl. S. III, 98, 112, 541. Ср. дн. *Sigipero* F. 1088.
- Я в т я г ь, Ястягъ, Ятвягъ (944) ?
- Я к у н ь см. Акунь

В. А. Брим

ПУТЬ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ*

(представлено академиком С. А. Жебелевым)

І. Введение

Великий путь «из варяг в греки» — одно из наиболее замечательных явлений в исторической жизни Восточной и Северной Европы в эпоху от IX по XI в. Его огромное значение отмечено с большой определенностью во многих источниках того времени, из отдельных замечаний которых можно составить довольно полную картину о характере и размерах этих военно-торговых движений, идущих от Балтийского моря к Каспийскому и Черному.

Следует обратить прежде всего внимание на тот факт, что весь путь из варяг в греки нигде в литературе того времени не описан. Отдельные участки его, замечательные по тем или иным причинам, правда, отмечены: например, путешествие через Днепровские пороги (у Константина Порфирородного). Таким образом, приходится для изучения всего пути пользоваться различными источниками, идущими с разных сторон и из различных времен, иногда даже довольно поздних.

Главной заинтересованной стороной в этом деле были скандинавы. Однако как раз скандинавские известия отличаются необычайной скудостью и часто неточностью. В первую очередь это относится к исландским сагам. Если принять во внимание, какое сравнительно большое количество сведений о скандинавско-русских связях дошло в исландских сагах (они собраны в двух томах «*Antiquités Russes*»), то представляется удивительным, что по вопросу о пути из варяг в греки мы находим в них только несколько беглых замечаний, брошенных мимоходом. Точно так же не особенно богата руническая литература, хотя данные, почерпаемые из нее, отличаются неоспоримой достоверностью, конечно, при условии, что рунические надписи правильно прочитаны и объяснены. В кругу этого вообще скудного материала является приятным исключением готландская «Гутасага», содержащая ряд определенных географических данных.

Кроме этого скандинавского материала мы укажем еще на описание пути по Финскому заливу через Неву в Новгород, взятое из договора Новгорода с Любеком в 1268 г.

Далее идет материал из летописи, материал, конечно, вполне самостоятельный, составленный, так сказать, на месте, по личному почти опыту составителя летописи.

Для днепровского пути мы располагаем прекрасным описанием Константина Порфирородного, которое, однако, все еще включает загадки относительно своего происхождения и состава.

---

* Печатается по изд.: Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1931. № 2.

Последний участок пути по Черному морю до Царьграда описан Константином Порфирородным и скандинавскими источниками.

Сравнительная бедность материала объясняется отчасти односторонней ориентацией скандинавской — точнее, исландской — письменности в сторону литературного оформления сюжета. В своем стремлении к художественной отделке и к занимательности составитель саги обычно оставлял в тени фактическую сторону происшествий. Бытовой, исторический и географический характер далекой чужбины интересовал его мало. В исландских сагах мы находим очень редко точное и определенное описание географической местности или исторического события на Руси или в Греции.

Но именно эта скудость скандинавских известий обращает на себя внимание, особенно ввиду одного замечательного факта. Дело в том, что из многих других источников, говорящих о пути в Грецию через Русь, ясно видно, что они пользуются для своего описания нередко как раз скандинавскими материалами. Это ясно, например, в описании Константином Порфирородным днепровских порогов, в договоре Любека и Новгорода 1268 г. Надо думать, что в заинтересованных скандинавских кругах — в торговых конторах Готланда, Сигтуны, Бирки и т. д. — существовала определенная традиция, точное описание всего пути, со всеми его этапами, опорными пунктами и трудными, опасными местами. Тут была живая, устная традиция, черпавшая данные из собственного богатого опыта. И как-то странно и удивительно, что эта, несомненно, существовавшая традиция нигде в исландской литературе полностью не была зафиксирована, хотя бы у ученого Снорри Стурлусона или в поздних географических трудах. Существование же и влияние этой устной традиции о пути из варяг в греки доказывается прежде всего той чисто скандинавской географической номенклатурой, которая сквозит часто даже в иноземных описаниях отдельных участков пути. В дальнейшем мы постараемся восстановить, хотя бы частично, этот утерянный древнескандинавский итинерарий из варяг в греки.

Расцвет торговых движений по варяжскому пути охватывает время от 800 по 1150 г. в круглых числах. В это время варяжские купцы появлялись в бассейнах Каспийского и Черного морей и доходили до Византии, Багдада и дальше. После середины XI в. прекращается, как известно, норманнский период в русской истории, и вместе с тем прерываются также указанные торговые сношения.

Появление скандинавов в странах Восточной Европы было результатом длительного процесса, медленного продвижения с севера на восток и юг. Отсутствие источников не позволяет проследить отдельные этапы в развитии этого процесса. Но его основные факты можно наметить в настоящее время с достаточной полнотой. Это те факты, которые привели к установлению пути из варяг в греки.

Началом этого великого движения послужило, вероятно, то обстоятельство, что Скандинавия с самых древних времен была связана теснейшим образом с восточными берегами Балтийского моря. Об этом говорят определенно и ясно как греческие, так и латинские писатели¹, и их показания подтверждаются в полной мере данными археологии и сравнительного языкознания.

Финский ученый А. Гакман² пришел на основании богатого и хорошо разработанного археологического материала к заключению, что какие-то германцы

¹ *K. Zeuss*. Die Deutschen und die Nachbarstämme, 156 ff. 267.

² *A. Hackmann*. Die ältere Eisenzeit in Finnland (1905), I, 6—9.

жили уже в эпоху бронзового века, т. е. около середины первого тысячелетия до н. э., в нынешних финских провинциях: Нюляндии, собственно Финляндии, южной Сатакунта и южной Эстер-Ботнии.

Далее, не подлежит сомнению, что в областях к югу от Финского залива находилось какое-то очень древнее германское население. Весьма древние германские элементы в финских языках, открытые В. Томсеном и его последователями, приурочиваются к эпохе, когда германцы встретили финнов на юге от Ладожского озера. Г. Саблер³ и Т. Э. Карстен⁴ высказали предположение, что в топонимике прибалтийских провинций можно найти старинный германский слой, причем Карстен склонен отнести эти явления к началу первого тысячелетия до н. э. Он полагает, что тогда восточное побережье Балтийского моря было заселено германскими племенами. Под давлением литво-латышских и финских народностей они стали затем медленно отступать на запад. Возможно, что последние остатки этого «прагерманского» населения прибалтийских провинций сохранились в «шведах», обитающих еще по сегодня на островах Runö, Kunö, Dagö, Wormsö и др. По авторитетному указанию А. Норена, говоры в этих местах отличаются очень сильно от собственно шведских и, по-видимому, выделились в самостоятельную ветвь еще в доисторическую эпоху.

Надо думать, что финно-балтийская колонизация Прибалтики осуществлялась ценою долгой и упорной борьбы против германских элементов, то отступающих на запад, то вновь продвигающихся вперед на восток, когда они получали поддержку и подкрепление от своих заморских родичей. В начале IX в. исход этой многовековой борьбы уже был решен: на восточном побережье Балтийского моря прочно укрепились финские и литво-латышские племена. Отголоски этой многовековой борьбы финнов с германцами сохранились, по мнению К. Крона и Т. Э. Карстена, в некоторых песнях Калевалы⁵. Песни эти сложились либо на западном побережье Эстляндии, либо на юго-западной окраине Финляндии и отражают какие-то реальные исторические факты. Имена одной группы героев, скорее всего, германского происхождения, например, Kauko, Veerik, Osmo, Vedrik, Riiko, Ahti, Ioukamöinen, Väinämöinen и др. Возможно, что эти герои участвовали в вышеуказанных столкновениях между финнами и германцами.

С началом варяжского периода эти столкновения участились. Римберт в жизнеописании св. Ангария, Адам Бременский в истории церкви, а также многочисленные исландские саги и другие источники повествуют о походах шведских и датских королей в прибалтийские страны. Существовавшие издавна взаимоотношения не были прерваны, но характер их изменился. Походы и поездки через Балтийское море предпринимались уже с чисто торговыми целями. Надо было завоевать важные торговые места и укрепиться на торговых путях, захватив на них главные опорные пункты. И вот эти военно-торговые экспедиции скандинавов представляются дальнейшим продолжением и развитием вышеописанных древних, почти доисторических, связей Скандинавии с восточным побережьем Балтийского моря.

³ Gr. V. Sabler. Der Ursprung der Namen Pskow, Gdow etc. BASR, 1914, 815—840. *Ezo же*. Der Ursprung des Namens Pernau. Sitz.-Ber. der Altertumsforschenden Gesellschaft zu Pernau, VII, 1910—1912.

⁴ T. E. Karsten. Germanisch-finnische Lehnwortstudien, 1915, S. 235.

⁵ K. Krohn. Kalevala und seine Sippe. JSFOu, XXX, 1—43, cp. Karsten, op. cit., 243 ff.

В результате этого многовекового процесса скандинавы достигли, уже в полном свете истории, города Miklagardr, Царьграда, богатой и блестящей столицы могущественной Византийской империи. Это произошло около середины IX в., и с этого времени Константинополь стал в представлении норманнов как бы конечным пунктом всего большого варяжского пути.

Этой манящей целью определялось особое значение пути в представлении скандинавов, ибо установление прочных связей с главным городом страны греков означало осуществление давнишней политической мечты скандинавских народностей, мечты, может быть, не всегда и не вполне ясно осознанной, но тем не менее упорно преследуемой в истории их политического развития. Еще переселение готов из Скандинавии на южное побережье Балтийского моря и их дальнейшее движение вдоль Вислы и Днестра к Черноморью во II в. н. э. были продиктованы этой идеей. Ею же определялись существование и политический смысл государства Эрманарика в середине IV в., доходившего от Черного моря до Балтийского, если верить не совсем ясным указаниям Иордана. Шведский археолог Б. Салин⁶ несколько раз указывал на культурные течения, шедшие до середины IV в. от Черноморья в северную Европу, и к нему присоединились С. Бугге и О. Ф. Фризен⁷. В общем связи Скандинавии с Черноморьем и с Византией налаживались уже сравнительно рано, но к середине IV в. они были прерваны.

И вот, на более поздние поездки варягов можно смотреть как на возобновление этих старых предприятий. Р. Экблом⁸ указал, что в X и XI вв. существовали какие-то попытки варягов пробиться снова к Черному морю старой дорогой — через Вислу и Днестр. Но попытки эти не имели успеха. И вся энергия варягов направилась, в конце концов, по линии Днепра, где им около 850 г. действительно удалось достигнуть заветной цели. В 860 г. они впервые появляются в значительном количестве перед воротами Константинополя, и с тех пор можно всю политику первых русских князей рассматривать как политику, направленную на укрепление и развитие торгового пути из варяг в греки.

Поездки варягов по Восточной Европе шли по двум главным направлениям: по линии Волги и по линии Днепра.

Завоевание и укрепление днепровского пути совершается почти целиком на глазах истории и освещено рядом достоверных и богатых содержанием источников. Первые известия о нем доходят из середины IX в. С этого времени мы видим, что основная масса варягов и вся их общественно-политическая энергия устремляются по Днепру с целью прочно овладеть этим важным путем. Волжский путь был открыт немного ранее, в начале IX в. Сведений о нем, к сожалению, сравнительно немного; о нем будет сказано ниже.

В общем образовалась, таким образом, большая система дорог, связывавших Скандинавию с Восточной Европой. В скандинавской литературе они носят название «austurvegr» (восточная дорога) или «væringjavegr» (варяжская дорога). Имя «austurvegr» мы находим, например, у знаменитого исландского историка

⁶ B. Salin. Die altgermanische Tierornamentik, Stockholm, 1904.

⁷ Sophns Bugge. Norges Indskrifter med de ældre Runer. II. Indledning, 1905. O. v. Friesen. Om runskriftens härkomst. Uppsala Universitets Årsskrift, 1906.

⁸ R. Ekblom. Die Waräger im Weichselgebiet. Archiv f. slav. Philologie, 1925, XXXIX, 185—212.

Снорри Стурлусона и во многих других исландских источниках. Оно же встречается три раза в рунической шведской литературе. В фрагментарной надписи из Iäderstad'a⁹ (XI в.) сказано про одного варяга, имени которого мы не знаем: «...он умер на восточном пути (i austrvegi)». В другой надписи из Fagerlöt¹⁰, составленной в память витязя, погибшего, вероятно, на службе у русского князя, читаем: «Гольмфрид, Гидинфрир, они велели вырубить камень по Аскеле, отце своем. Он был в бою на восточном пути (i austrvegi), пока он, гроза народа, не должен был пасть». Наконец, в третьей надписи, из Tjufstigen¹¹, сказано: «Стирлауг и Гольмб воздвигли камни по братьям своим недалеко от дороги. Они умерли на восточном пути (i austrvegi), Торкель и Стирбнарн, добрые воины». Все три надписи конца XI в. Поэтому в них слово «austrvegr» получило уже более широкое значение: «восток — восточное государство», подобно тому, как «погvegr», в конце концов, получило значение государственного термина «Норвегия», вышедшее из основного значения «северная дорога».

Во всяком случае, термин austrvegr означал первоначально путь на восток, причем конечной его целью считается Miklagarðr — Царьград. В таком смысле и в таком оформлении этот термин является постоянным элементом в географической номенклатуре скандинавов — викингов и варягов норманнской эпохи Западной Европы.

Этот восточный путь — austrvegr — представляется как бы одним из звеньев огромной системы норманнских путей, охватывавших всю Европу. Кроме него, в эту систему входили еще западный путь — vestrvegr — и путь через Рим — Roma-vegr.

О существовании всех этих варяжских путей на юг было известно летописцу. В географическом введении к своему труду он перечисляет пути днепровский, волжский и также римский (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, изд. Археографической комиссии, 1910, 6). Это как раз те дороги, которыми ходили скандинавские викинги-варяги по Западной и Восточной Европе. И, по мнению И. Д. Беляева¹², не исключена возможность, что сведения об этой системе путевых сообщений были получены летописцем через посредство варягов, с которыми ведь он имел возможность общаться на Руси.

Дорога из варяг в греки была исключительно важным элементом в составе торговых взаимоотношений того времени, ибо на ней лежали наиболее важные торговые эмпории Северной и Восточной Европы. На юге она оканчивалась в Царьграде, который мог считаться едва ли не самым значительным центром торговли для всех прилегающих к нему стран. Туда купцы вывозили лен, дерево, рабов, меха, мед и воск в обмен на вино, хлеб, соль, ткани и золото. В этой торговле участвовали все города, стоявшие на этом пути. Тут мы находим древнейшие русские города: Киев, Чернигов, Любеч, Смоленск, Новгород и ряд более мелких пристаней: Смядин, Вышгород, Триполье, Витичев, Канев и др.

Наиболее крупным городом, через который проходила эта дорога, на юге был Киев, транзитный пункт для торговли, идущей с юга на север и также из Запад-

⁹ Fornvännen, 1914, 90.

¹⁰ E. Brate. Runverser, № 64. Ant. T. f. Sver., X.

¹¹ Ibid., № 61.

¹² О географических сведениях в древней России. Записки Русского географического общества, 1852, IV, 24.

ной Европы на Восток, как показано недавно в работе М. Э. Шайтана «Германия и Киев в XI в.»¹³.

На севере дорога разветвлялась: одна линия вела по Западной Двине в Рижский залив, другая — на Новгород, опять собирательный пункт, куда стекались торговые караваны из Биармаланда, Поволжья и Приднепровья. Новгород был отправным пунктом к большим торговым центрам Балтийского района: в Готланд, Бирку и Сигтуну в Швеции и в Гедебу в Дании.

Указанными путями ходили, однако, не только викинги-варяги, военные торговцы, искавшие на юге, в Византии, в Италии и Испании, богатств и приключений. Ими пользовались тоже паломники в Иерусалим и Палестину, выбиравшие довольно часто как раз восточный маршрут, о чем свидетельствует, например, Гута-сага¹⁴: «До того, как Гутланд принял постоянного епископа, в Гутланд приезжали епископы-пилигримы, ходившие в Иерусалим в святой земле, и оттуда они возвращались домой. В это время дорога, чтобы поехать в Иерусалим, шла на восток по Руси и Греции». Подобные известия о пилигримах в Иерусалим — *Iðrsalafarir*, — ходивших туда через Русь, можно привести в большом количестве из исландских саг. Об этом говорят тоже две шведские рунические надписи¹⁵.

Итак, по восточному пути из варяг в греки — *austrvegr* — скандинавы ходили по причинам торгового, политического и религиозного характера, а часто тоже просто из любви к приключениям и к свободе на далекой чужбине. Они назывались: «*austrgöngu*» (путешественники на восток), или же, точнее, по стране, в которую они направлялись: «*Grikklandsfarir*» (путешественники в Грецию), «*Asiafarir*» (путешественники в Азию), «*Iðrsalafarir*» (путешественники в Иерусалим).

Эти варяжские отряды пополнялись выходцами из всех областей Скандинавии. Мы встречаем среди них довольно много исландцев и норвежцев, а также выходцев с острова Эланд (*Öland*) и из крупного датского торгового города Гедебу (*Hedeby*). Но главная их масса идет с острова Готланда и из Швеции.

Среди шведских провинций особенное тяготение к восточным поездкам заметно в Упланде и Сёдерманланде. Из общего числа 105 рунических надписей о Восточной Европе на долю этих провинций приходится 79, а на все другие области — всего 16. Только 10 надписей идут из остальных частей Скандинавии. Поэтому вероятно, что главная масса варягов выходила из Сёдерманланда и Упланда.

Особую роль Упланда в комплексе скандинаво-русских сношений отметил уже В. Томсен¹⁶ на основании того факта, что скандинавские личные имена в древнерусских исторических памятниках повторяются чаще всего именно в Упланде. Это наводит на весьма вероятное предположение, что эти русские варяги скорее всего вели свое происхождение из этих мест.

Ближайшей к Руси частью Упланда была прибрежная полоса, лежащая против Финского залива и называемая «Рослаген». Отсюда вышли, по их собствен-

¹³ Летопись занятий Историко-археологической комиссии за 1926 г., I 3 сл.; ср.: В. Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, 1888, VII.

¹⁴ Guta Lag och Guta Saga, ed. H. Pipping, 66; ср.: С. Н. Сыромятников. Балтийские готы и Гута-сага. Живая старина, 1892, II, 41—48.

¹⁵ Runverser, №№ 20 и 152.

¹⁶ Томсен. Начало Русского государства, 68 (с. 157—158 наст. изд.).

ному свидетельству, шведы, приказавшие высечь руническую надпись на Пирейском льве, на котором написано: «Они жили в Рослагене»¹⁷. Известно, что А. А. Куник и В. Томсен хотели объяснить имя «Русь» как отражение термина «Рослаген»¹⁸.

Предположение об особой роли провинции Упланд в военно-торговых связях с Востоком подтверждается также рядом достоверных исторических известий. Здесь в Упланде, на острове Бьёркё, на озере Мелар, стоял город Бирка¹⁹, крупнейший торговый центр в Швеции того времени.

Основание Бирки относится, вероятно, к началу VIII в. В середине IX в. город достиг большого расцвета и богатства. Сюда приезжал во второй половине IX в. епископ Ансгарий, и в его биографии, составленной Римбертом, сохранились ценные сведения об этом городе. В это время тут правили короли Эрик, Берн (Анунд) и Олоф. Город был прекрасно укреплен и представлял надежную защиту от морских разбойников. Он лежал на важном пути внутрь страны, в древнюю столицу свеев, в город Упсалу, и в другие места. Выгодное географическое положение на острове, близ выхода из оз. Медар в Балтийское море, давало ему большие преимущества. Сюда приезжали купцы из важнейших торговых пунктов Западной Европы: фризы из Дорстада, датчане из Гедебу, венды и сембы из разных портов Балтийского моря. С другой стороны, отсюда было очень удобное сообщение с восточным побережьем Балтийского моря в Эстляндию и Курляндию, куда было всего около 5 дней пути. Правители города пытались всячески укрепить и расширить эти торговые связи. Из жизнеописания Ансгария (гл. XXX) мы знаем, что они овладели в середине IX в. областью около устья Западной Двины. Король Олоф отправил туда в 852 г. экспедицию. Это указывает на обширный характер торговых сношений Бирки с Прибалтикой и Востоком, и такое предположение оправдывается в полной мере раскопками. Клады восточных монет и предметов показывают, что шведы из Бирки ездили в IX в. в Поволжье. Было даже высказано мнение, что в Бирке бывали тоже хазарские и болгарские купцы²⁰. Какое-то воспоминание об этой торговле с Биркою сохранилось, может быть, в русском термине «берковец», если правильно, что это слово лингвистически связано с именем «Бирка»²¹.

Времени падения Бирки мы не знаем в точности. В 936 г. город еще стоял, а в 1060 г. он был совершенно разрушен. Как показали раскопки, он погиб во время большого пожара; вероятно, его падение относится к концу X в.

После этого шведская торговля с востоком перешла в расположенный по близости город Сигтуна, где, кстати сказать, найдена медная коробочка для весовых чашек с рунической надписью начала XI в., в которой прямо сказано, что эти чаши получены из Семгалии (или Самланда) на восточном берегу Балтийского моря. Чашек и весов этого типа в Швеции найдено довольно много, и Т. Арне

¹⁷ E. Brate. Op. cit., 1914, XX, 1—48.

¹⁸ В. Томсен. Op. cit., 84 (с. 195 наст. изд.).

¹⁹ К. Ф. Tuander. Город Бирка. ЖМНП, 1910, VI, 225—280. Из громадной новой литературы укажу только на некоторые более важные работы: G. Hallström. Birka, I. Stockholm, 1913; H. Schlick. Birka. Uppsala, 1910, S. Lindquist. Статьи в Fornvännen, 1926; E. Wessén. Namn och Bygd., 1925; E. Wadstein. Namn och Bygd., 1923, 1924 и сл. годы.

²⁰ H. Frank. Die baltisch-arabischen Fundmünzen (Riga, 1908), 414; T. I. Arne. La Suède et l'Orient, 89.

²¹ Archiv f. slav. Phil., VII, 138.

указал²², что весовые гири к ним сделаны по особой восточноперсидской весовой системе. В этом у нас новое доказательство торговых связей Швеции с отдаленным Востоком.

Во второй половине IX в. наши сведения ведут нас тоже в центр провинции Упланд, в ее столицу, древний город Упсалу. Здесь сидели с давних времен короли из знаменитой династии Инглингов; приблизительно от 850 по 880 г. там правил Эрик Эмундссон. В его время Швеция вела колонизационную политику на востоке, ибо, по саге об Олафе Святом (гл. 81), лагман Торгни припомнил на народном собрании 1018 г., что Эрик Эмундссон имел большие владения в Финляндии, Карелии, Эстляндии и Курляндии.

Но едва ли не самым важным пунктом для торговли с востоком был остров Готланд, *Eystrasalts auga*, «око восточного моря». Географическое положение в центре Балтийского моря сделало его естественным собирательным и отправным пунктом для поездок на восток.

А. Бугге²³ отметил, что жители Готланда вели большую торговлю уже в эпоху великого переселения народов. Во время викингов и позднее Готланд становится центром балтийской торговли. Из числа около 40 000 открытых в Скандинавии серебряных арабских монет на нем было найдено 22 902. По мнению Т. Арне, большая часть скандинавских предметов, найденных в прибалтийских провинциях и на берегах Западной Двины, сделана на Готланде²⁴. Но Готланд поддерживал тоже сношения и с далекой Византией, о чем свидетельствуют открытые там кресты с греческими надписями²⁵.

Все эти данные раскопок получают дополнение и подтверждение в литературных источниках. Шесть рунических надписей и один чрезвычайно интересный отрывок из Гута-саги говорят о поездках готландцев на восток и на юг в Грецию²⁶. О них будет речь впереди.

Помимо этой самостоятельной торговли Готланда с Востоком, он имел еще важное значение как удобный опорный пункт для остальных скандинавов, ездивших из своей родины в Россию. Надо думать, что шведские и датские путешественники, собиравшиеся в Россию, делали по дороге через Балтийское море здесь остановку, так как трудно предполагать, чтобы купцы, при состоянии судоходства того времени, могли пройти все расстояние из Дании или Швеции к восточному берегу Прибалтики безостановочно. Готланд был чрезвычайно удобным пунктом для подобных остановок. Мы знаем, например, что норвежский король Олаф Святой (*Antiquités Russes*, I, 352; II, 456) во время поездки из России домой остановился на Готланде. Наиболее удобными и важными торговыми пунктами на острове были Висби (*Visby*) и Эстергарн (*Östergarn*). Сюда собирались с разных сторон скандинавские купцы, и здесь могли составляться большие вооруженные торговые караваны.

Нельзя, конечно, представлять себе эти экспедиции как случайные поездки отдельных частных лиц, хотя, безусловно, таковые тоже могли иметь место. Во-

²² T. I. Arne. Ein persisches Gewichtssystem in Schweden. *Orientalisches Archiv*, 1912, II; *его же* *Fornvännen*, 1912, 64.

²³ A. Bugge. *Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte*, IV, 227 сл.

²⁴ T. Arne. *La Suède et l'Orient*, 113.

²⁵ T. Arne. *Rysk-byzantinska malningar i en gottlandskyrka*, *Fornvännen*, 1912, 57—64.

²⁶ C. Save. *Gutniska urkunder*, 1858, № 11; 82; 89; 90; Noreen. *Altschw. Gramm*, № 2; Ф. А. Браун. Днепровский порог в рунической надписи (1911). О Гута-саге ср. прим. 14.

общее же, надо думать, это были большие, хорошо подготовленные предприятия, поддерживаемые шведскими конунгами и богатыми ярлами. Снорри Стурлусон сообщает, что в то время было много морских королей, не имевших владений на родине, но выезжавших в чужие страны. На широкий размах этих движений указывают тоже и весьма многочисленные находки. Наконец, движение по таким далеким и опасным путям внутри России было возможно только при наличии какой-нибудь сильной и надежной организации. Таковую описывает, например, Константин Порфирородный в своем рассказе о русских торговых караванах из Киева в Византию.

О внутренней организации этих экспедиций известно сравнительно мало. Поездки предпринимались, по-видимому, два раза в год. Одна часть купцов приезжала из Скандинавии в Новгород осенью и оставалась там на зиму; они назывались «winterfarari». Другие приезжали весной и оставались на лето, «summerfarari».

Отметим, что по-скандинавски «весна» значит «vār». От этого слова «vār» когда-то пытались производить название «væringr — варяг», как человека, приезжавшего на восток весной (Р. в. в., 24, 411.)

Флотилии этих вооруженных торговцев составлялись, конечно, на родине из обычных больших судов общескандинавского типа, которыми викинги пользовались тоже и в Западной Европе. Такие корабли назывались «snekkja — snekkjur»; отсюда происходит русское слово «шнека»²⁷. Эти суда строились заостренными с обоих концов, и им давали вид драконов, змей, буйволов и других животных. Передняя часть судна была головой и шеей животного, задняя — хвостом его. А. А. Котляревский²⁸ указал по этому поводу, что в былинке о Соловье Будимировиче корабль героя описан с приведением таких особенностей, которые наводят на предположение, что певец имел в виду скандинавский корабль.

На дальнейшем пути по более мелким рекам и озерам внутренней России варягам приходилось перегружать свои товары на более мелкие суда, на «лодии», как они назывались на Волхове, или на «однодеревки» (μονόξυλα) на Днепре.

Рулевой на корабле назывался styrimaŕr, а другие лица — farmaŕr, farmenn. Возможно, что последнее скандинавское слово сохранилось в названии новгородского «Парамонный двор» (А. ф. н. ф., 1907, 281.)

Первым участком предстоявшей варягам дороги было Балтийское море, точнее, часть его от Готланда до восточных берегов балтийских провинций. Переход этот считался весьма трудным. Адам Бременский жалуется, что плавание по Балтийскому морю опасно, «так как в нем много островов, населенных жестокими варварами» (sunt et aliae in hoc ponto insulae plures, ferocibus barbaris omnes plenae, ideoque fugiuntur a navigantibus. IV, 19).

Можно считать, что, в общем, торговые пути по Балтийскому морю находились в прочном владении скандинавов. Многочисленные военные походы в восточные области шведских и датских правителей с IX по XI в. показывают, какое большое внимание они обращали именно в эту сторону. Недаром море называется в летописи просто «Варяжским», очевидно, в силу того, что оно было совершенно в руках варягов.

²⁷ В. Томсен, *op. cit.*, 117 (с. 218 наст. изд.).

²⁸ А. А. Котляревский. Скандинавский корабль на Руси. Сочинения, II, 555—569; ср. *St. Rożniecki*. Varægiske minder i den russiske helteedigtning, 1914, 48—66.

Обыкновенно норманны направляли свои поездки к устьям больших судоходных рек, следуя течению которых они затем проникали внутрь страны. В Восточной Европе перед ними открывались две такие дороги: одна — через Рижский залив и Западную Двину, другая — через Финский залив и Неву. Как известно, они ходили и по тому, и по другому направлению. Затем они могли двигаться дальше либо по Волге, либо по Днепру.

Мы проследим обе дороги и остановимся сначала на Двинском пути, так как он, возможно, был открыт несколько ранее Невского.

II. Путь по Западной Двине

Предположение о более раннем открытии Двинского пути опирается прежде всего на факты археологические. Т. И. Арне пришел, после изучения большого количества находок, к выводу, что наиболее древние связи между Швецией и Востоком установились в пределах современной Курляндии, так как в ней наиболее богато представлены следы военных экспедиций шведских викингов. Исторические известия о раннем шведском господстве над Курляндией (*Vita St. Ansgarii*, гл. 30) в начале IX в. и рунические камни подтверждают эти указания. Начало этих взаимоотношений Арне относит к концу VIII в. На Неве и у Ладоги скандинавы появились лишь в начале IX в.²⁹

На большое значение Двинского пути для русской истории обращалось уже неоднократно внимание. О нем писали в своих трудах по исторической географии Н. П. Барсов и С. М. Середонин. Особенно подчеркнул его роль в варяжском движении А. А. Шахматов в работе «Древнейшие судьбы русского племени» (стр. 45 сл.).

Об этом пути говорят довольно подробно многие источники. Его знает тоже наша летопись. В упомянутом уже географическом обзоре, поставленном в начале летописи, говорится, что Днепр, ведущий к грекам, выходит из Оковского леса и течет на юг, а Двина выходит из того же леса, идет на север и впадает в море Варяжское.

Этот же путь, идущий из Готланда в Византию, описан сравнительно подробно в Гута-саге, памятнике, дошедшем до нас в рукописи 1350 г. Там мы читаем следующий рассказ³⁰: «Потом от этих трех (братьев: Грайпр, Гунфиян, Гута) умножился народ в Гутландии так сильно в долгое время, что земля не могла всех их прокормить. Тогда стали они тянуть жребий: идти вон из земли каждому третьему человеку, с тем чтобы сохранить и увести с собою все, что имели на поверхности земли. Но они не хотели ехать на чужбину, а пошли на Торову гору и там поселились. Но земляки не захотели терпеть их там и вытеснили их оттуда. Тогда отправились они из страны на Овечий остров и поселились там. Но и там они не могли прокормиться, а поехали на один остров у Айтляндии, что зовется Дагайти, и там поселились и поставили город, который еще виден. Но и там не могли они прокормиться, а поехали вверх по воде, что зовется Дюна, и вверх через Рюсalandию; так далеко ехали они, что прибыли в Грикландию. Здесь присились они у греческого конунга поселиться от полнолуния до ущерба луны.

²⁹ Т. Арне. *La Suède et l'Orient*, 61, 222.

³⁰ Перевод С. Н. Сыромятникова; ср. прим. 14 к гл. I.

Конунг позволил им это, думая, что этот срок не более месяца. А когда прошел месяц, он хотел выгнать их. Но они отвечали, что от полной луны до ее ущерба — значит вечно, и сказали, что так и было им дозволено. Этот их спор дошел до государыни. Тогда сказала она: «Государь мой, конунг! Ты позволил им поселиться на срок от полной луны до ее ущерба, а так как это значит навсегда, то и не можешь ты взять от них это (право) назад». Так поселились они там и еще живут и еще сохранили нечто от нашей речи».

Существует мнение, что описанный здесь выход из Готланда является только поэтическим оформлением нескольких таких — исторически происшедших — выселений. На одно из таких переселений указал Б. Нерман³¹. Он констатировал на основании археологического материала, что около 500 г. на Готланде заметны значительное уменьшение населения и одновременно большое усиление влияния готландской культуры в балтийских провинциях. Эти факты, думает он, указывают на то переселение части готландцев на восток, о котором говорит Гута-сага.

Возможно тоже, что в основе этого рассказа лежат другие исторические факты, например, предание материковых готов об их переселении из Скандинавии на юг. Но скорее всего этот «рассказ относится к позднейшим колонизационным выселениям, на что указывает точное обозначение маршрута переселенцев³²: через Торсборг на Faroу, отсюда на Dagaifr и, наконец, к устью Двины»; в таком случае наш отрывок можно приблизить к IX в., началу варяжских поездок³³.

Описанный в Гута-саге путь на Двину указан тоже в других текстах, между прочим и в рунических надписях. Они, согласно с другими источниками, свидетельствуют об очень оживленных сношениях Скандинавии с прибалтийскими провинциями в XI в. Две надписи называют Эстляндию; в третьей некий Гейр-фаст назван Эйстфари — путешественник по Эстляндии — очевидно, вследствие его частых поездок туда³⁴. В других надписях указаны отдельные провинции этого края: два раза Лифляндия³⁵; два раза Вирланд³⁶, восточная часть Эстляндии; два, может быть и три раза, Сеймгалия³⁷, область у устья Западной Двины. Все эти известия служат прекрасным подтверждением для указаний средневековых историков, что скандинавы проявляли с IX по XI в. большой интерес к этим краям. Римберт (*Vita St. Ansgarii*, гл. 30) рассказывает о важном для нас эпизоде из того времени.

В середине IX в. случилось, что курляндцы (*Cori*), находившиеся под властью шведов, восстали и прогнали шведов, чтобы завоевать свою независимость. Об этом узнали даны и попытались захватить их страну в свои руки. Но это им не удалось, и они были разбиты. Тогда сидевший в городе Бирка шведский король Олоф собрал войско и отправился туда. Он захватил крепость *Sæborg* у устья Двины, подчинил куров вновь шведской власти и наложил на них большую дань.

³¹ B. Nerman. *Det svenska rikets uppkomst*, 174 сл.

³² Ф. А. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений (1899), 307—308.

³³ К. Ф. Туандер. Датско-русские исследования (1915), III, 97—114.

³⁴ Steninge: Runverser № 41; Alfared: E. Brate, *Sv. runristare*, 131; St. Släbro: Södersmanlands Runinskrifter, ed. E. Brate, № 45.

³⁵ Vekholm: Runverser № 17; Åda: Södermanl. Runinskr. № 39.

³⁶ Ångeby: Frösunda: E. Brate. *O. c.*, 31; 32.

³⁷ Sigtuna: Fornvännern, 1912, 6 u. Gök: Runverser № 96. Nedervalla: Runverser № 88.

Из других источников мы знаем, что скандинавская экспансия доходила до самого юга Балтийского моря, до Виндавы и Самланда, упомянутых также в рунических надписях³⁸.

При таких условиях неудивительно, что эта могучая и широкая волна, наконец, стала захватывать также течение самой большой реки в этом крае, Западной Двины, и что установился определенный маршрут через Балтийское море к устью этой реки. Об этом маршруте говорилось уже в приведенной только что Гута-саге; некоторые подробности о нем содержатся и в рунических надписях.

Путь этот берет свое начало на о. Готланд из торгового города Висби или из порта Östergarn. Оттуда он шел прямо к островам в Рижском заливе, Даго (на котором было готландское укрепление) или Рунэ. На о. Рунэ погиб, согласно рунической надписи³⁹, некий Рунфаст, может быть, состоявший в дружине Ингвара, путешественника, отправившегося около 1037 г. в Киев к Ярославу. При этом они выбрали, как можно думать, именно дорогу через Двину, ибо в одной из Ингваровых надписей сказано определенно про Себиорна, начальника одного из кораблей во Флоте Ингвара, что они были в Эстляндии⁴⁰.

Впрочем, по указанию Ингвар-саги, Ингвар был еще до этого в Сеймгалии вместе со шведским королевичем Анундом Яковом, где они воевали по поручению Олафа Скотконунга⁴¹.

Маршрут к Западной Двине проходил иногда в более южном направлении, не затрагивая островов, а опираясь на полуостров Домеснес в Рижском заливе. Об этом мы имеем определенное известие в надписи из Nedervalla⁴²: «Сигрид велела воздвигнуть камень этот по Свейне, домохозяине своем. Он часто ездил в Семгалию, и с богатыми кораблями мимо Домиснеса».

Конечным этапом этого плаванья по Рижскому заливу является устье Западной Двины, Дуна-тунни или Дуна-öss. К югу от него лежала важная для скандинаво-балтийской торговли провинция Семгалия, в летописи Зимигола, Зимъгола, упомянутая в двух или даже трех надписях; сама река называлась поэтому нередко Seimgala-Дуна.

Ввиду больших интересов, связанных с этой провинцией, скандинавы обратили особое внимание на прочное овладение Западной Двиной и, по своему обычаю, попытались прежде всего прочно захватить ее устье, так сказать, ворота, ведущие внутрь страны и из нее обратно в море. Здесь стояла, как мы уже знаем, скандинавская крепость Sæborg, опираясь на которую шведы управляли прилегающими областями (Vita St. Ansgarii, гл. 30).

Об этих военно-торговых экспедициях к устью Зап. Двины свидетельствует также надпись XI в. из Bönestad⁴³, начало которой, правда, утеряно: («N. N. велел по) Сумаре вырубить камень. Сумар умер на востоке у устья (Западной) Двины».

Не забудем, что Двина имела большое значение не только как ключ к соседним балтийским провинциям; она в то же время была одним из самых важных путей, идущих внутрь России. На эту роль Двины в истории скандинаво-русских

³⁸ Sjonhem: *A. Noreen. Altschw. Gramm.*, 495, № 27; Gronsta. *Runverser* № 97.

³⁹ Ulvstad: *E. Brate. Sv. runristare*, 127.

⁴⁰ Steninge: *Runverser* № 41.

⁴¹ *Yngvarssaga Viðforla*, ed. E. Olson, 1912, 10.

⁴² Nedervalla: *Runverser* № 88.

⁴³ Bönestad: *Södermanlands Runinskrifter*, № 121.

сношений указывали неоднократно. Приведу слова А. А. Шахматова: «Скандинавы проникали в Россию из южной Швеции и Готланда, преимущественно через Двину. Истоки Двины сближаются как с истоками Волги, так и с истоками Днепра»⁴⁴.

И действительно, даже по тем немногочисленным и отрывочным сведениям, которыми мы располагаем, можно догадаться о громадном значении этой водной артерии для общения Скандинавии со всем востоком Европы.

Уже выше было отмечено, что известный варяг Ингвар проехал к Ярославу в Киев, вероятно, Двиною. Сюда же относится один эпизод из цикла преданий о знаменитом викинге Рагнаре Лодброке, совершившем, как известно, в середине IX в. несколько походов в Западную Европу и разграбившем в 845 г. Париж. В *Krākumōl* (или *Lōðbrōkarkvīsa*), песне, возникшей во второй половине XII в. в Норвегии, старый Рагнар воспевает перед смертью свои подвиги и говорит: «Мы победили восемь ярлов на востоке от устья Двины». Вероятно, исторический Рагнар сам и не был героем упомянутых в этой фразе событий, но для нас здесь важно только указание на какие-то скандинавские экспедиции по Западной Двине.

Далее мы располагаем некоторыми летописными сведениями об укрепленных пунктах на этой линии.

Таковым является прежде всего Полоцк. Здесь Рюрик посадил во второй половине IX в. своего мужа, оценив, вероятно, важное значение этого города, от которого легко можно было попасть как в Изборск и Псков, так и на Ловать. И в более позднее время Полоцк продолжал тоже играть весьма важную роль. В 980 г. здесь сидел варяг Рогволод (*Ragnvaldr*), пришедший сюда из заморья и укрепивший тут свою власть.

Имя Полоцка встречается в скандинавской традиции несколько раз, правда, в своеобразной переделке — «*Pallteskja*». Так мы читаем в *Kristnisaga*⁴⁵ о св. Торвальде, что он, окончив в Исландии свою миссию в 985—986 гг., отправился в Россию и умер там недалеко от Полоцка, где и похоронен на горе *Dröfn* в церкви Иоанна Крестителя⁴⁶. Семенов упоминает, действительно, о монастыре Иоанна Крестителя на Двинском острове, против города. Но гора, имя которой было бы похоже на «*Dröfn*», до сих пор не найдена. R. Heinzel⁴⁷ думал поэтому, что в этом слове содержится русский элемент «деревня». Скандинавская форма имени Полоцка — «*Pallteskja*» отражает, по мнению И. Микколы⁴⁸, древнерусскую форму «Полтескъ», которая встречается в Ипатьевской и Псковской летописях.

Из Зап. Двины скандинавы могли перейти в любую из больших речных систем, по которым происходило передвижение в древней Руси и которые сходились в этом районе: по Ловати через Ильмень и Волхов в Новгород; по Волге на далекий восток и, наконец, по Днепру к Киеву. Здесь начиналась область великого волока, сложнейшего узла путей сообщения того времени. Вопросы, связанные с его изучением, мы рассмотрим после описания второго маршрута внутри России, идущего через Финский залив и Неву.

⁴⁴ Древнейшие судьбы русского племени, 45.

⁴⁵ *Antiquités Russes*, II, 236.

⁴⁶ Географическо-статистический словарь, IV, 165.

⁴⁷ R. Heinzel. Über die Hervararsaga. Sitz.-Ber., Wien, 1887, 478.

⁴⁸ I. Mikkola. Om några ortnamn i Garderike. Arkiv f. nord. filologi, 1907, XXIII, 281.

III. Путь через Неву в Волхов

Продвижение шведов по Неве к Ладоге произошло несколько позднее открытия двинского пути, именно только в начале IX в. На это указывают, кроме данных археологии (ср. Agne. *La Suède et l'Orient*, 61, 222), еще прямые известия нашей летописи, которая относит начало столкновений варягов с чудью и славянами к первой половине IX в., а на Западной Двине скандинавы появились полстолетием раньше.

Этот участок пути, проходящий через Финский залив к Неве и через Волхов к великому волоку, ни в одном скандинавском источнике не описан, хотя он имел первостепенное значение в эпоху варяжских движений. Однако мы можем определить точное направление этих поездок и можем даже восстановить частично древние скандинавские названия отдельных его этапов. Известно, что такие важные торговые дороги, как путь из варяг в греки, в общем и целом сохраняются долгое время без изменений, если не наступают какие-либо важные перемены в общей политической жизни.

Такую постоянную традицию можно предположить тоже и для торгового пути, ведшего с запада к Новгороду. Как только прекратились оживленные варяго-русские сношения, на их месте начинаются торговые связи Новгорода с Ганзой. Конец варяжского периода в русской истории приурочивается приблизительно к середине XII в. И уже через сто с небольшим лет мы имеем очень подробное описание дороги через Финский залив к Новгороду, идущее из ганзейских источников. Необыкновенная точность и определенность этих сведений показывают, что поездки в этом направлении совершались немцами уже давно и часто. Нет никакого сомнения, что они следовали при этом торным путем, проложенным до них их предшественниками, варягами. Воспользовавшись открытой ими дорогой, ганзейцы восприняли, вероятно, также и скандинавскую номенклатуру для обозначения отдельных этапов пути, причем они передавали скандинавские термины соответственными близкими и родственными нижненемецкими словами.

Описание этого пути мы находим в одном латинском документе — договоре Новгорода с готландскими и ганзейскими купцами от 1269 г. Некоторые дополнения к нему содержатся в другом нижненемецком документе от 1270 г.⁴⁹

Начало латинского договора содержит обычное по тому времени вступление; затем идет описание пути, которое начинается следующими словами: *Cum mercatores Theutonici vel Gotenses veniunt in Berko in regno regis Nogardiensium...* Здесь указан первый пункт, на котором купцы делали остановку на своем пути в Новгород, а именно остров Berko. Этот остров упомянут тоже в «Древней Русской Идрографии», изданной Николаем Новиковым (СПб., 1773, 186): «Выборгъ градъ стоитъ на Котлине озере; на озере островъ Котлинъ, да островъ Березовый».

Нет сомнения, что Berko есть именно «Березовый остров» на оз. Котлин. Этот остров «Березовый» — Berko — расположен у северного берега Финского залива. У шведов он назывался Björkö; мы находим тут одно довольно распространенное географическое название, которое встречается как в Ботническом заливе, так и в Швеции на оз. Мелар, где на о. Бьёрке стоял торговый город Бирка. Этим же именем Björkö шведы, может быть, и называли «Березань» у истоков Днепра.

⁴⁹ А. С. *Lehrberg*. Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands (1816), 237; Ph. *Krug*. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands (1848), II, 619.

Vjörkö в Финском заливе служил первым местом, где приставали ганзейские купцы в Новгородской области к берегу. Отсюда их путь должны были охранять новгородцы до самого города.

Надо думать, что этим же путем вдоль северного берега Финского залива ходили до ганзейских купцов варяги, которые первые и дали Березовому острову имя Vjörkö, впоследствии Berko. Отметим здесь, что в самом Финском заливе нет никаких других следов варяжских поселений. Провинция Ньюланд, занимающая весь северный берег его, была в это время необитаема⁵⁰. Очевидно, скандинавы здесь не делали остановок, а плыли от Бьёркё непосредственно дальше на восток.

Следующим важным пунктом был остров Котлин, по-фински Retusaari (insula inculta), ныне Кронштадт, в немецком ганзейском документе Ketlingen. «На Котлине, либо в устье Невы, Новгород в XIII в. держал морскую стражу, вероятно, против нечаянных нападений шведов или морских разбойников, а, быть может, также для доставления помощи и охраны едущим с Готланда своим и немецким купцам; к сожалению, в точности неизвестно ни место сторожевой станции, ни организация самой стражи, о которой впервые и единственно упоминается в сказаниях о победе над шведами Александра Невского»⁵¹.

Здесь, на Котлине, у устья Невы, была, вероятно, вторая большая стоянка варягов.

Вся эта восточная часть Финского залива, в которой находились острова Березовый и Котлин, называлась в «Древней Российской Идрографии» «Котлинъ озеро». На основании данных этой книги Круг (Forschungen, II, 628) показал, что западная граница оз. Котлин проходила от Выборга на севере к Ругодиве (Нарве) на южном берегу Финского залива. На востоке оз. Котлин переходило в устье Невы.

Далее мы и читаем в латинском договоре: *mercatores veniunt in aquam, que dicitur Ny...* К сожалению, этот участок дороги по Неве мало освещен в памятниках того времени. Все-таки можно составить себе некоторое представление о нем.

Специалисты отметили, что Нева была «в свое время много шире, чем теперь, и имела даже вид пролива в Финский залив, пролива, быть может, не исчезнувшего даже около времени Нестора, который прямо говорит, что “того озера (Нево или Ладожского) впадет устье в море Варяжское”, т. е. не называет р. Невы, хотя знает Ловать, Волхов и другие» (Бранденбург, Старая Ладога, 10—11). Таким образом, путь из Финского залива в Ладожское озеро едущим мог представляться скорее каким-то заливом или проливом, чем рекою.

Этим своеобразным характером русла Невы объясняются некоторые особенности ее имени, на которых надо остановиться. В латинском документе Нева называется: *Ny*. В исландской литературе ее именем было *Nuja*, которое, правда, встречается очень редко. Русское название Нева означало первоначально как Ладожское озеро, Нево, так и реку, Нева. Разница в грамматическом роде возникла, вероятно, оттого, что первое слово означало «озеро», среднего рода, а второе — «реку», женского рода. В связи с этим А. А. Куник обратил уже давно внимание, что слово «нева» по-фински означает «болотистая местность»⁵². Под этим именем понимали,

⁵⁰ *A. Hackmann. Die ältere Eisenzeit in Finnland, I, 303, 312.*

⁵¹ *М. Бефезков. О торговле Руси с Ганзой, 1879, 151—152.*

⁵² *B. Dorn. Caspia, 242, 388.*

по мнению И. Микколы⁵³, первоначально не реку и не все Ладожское озеро, а только южную часть его, окруженную болотами, *Newa jägwi*. Когда в IX в. скандинавы слышали название *Newa*, они истолковали его как «новый», и соответственно с этим река получила у них в конце концов имя *Nyja*.

Из этой реки они переходили в Ладожское озеро, которое, однако, нигде в скандинавской литературе не упомянуто. В летописи оно называлось озером «Нево». Здесь было несколько пунктов, которые имели большое значение для варягов. Прежде всего, тут стояла Старая Ладога, через которую путь шел в Новгород. Затем, на востоке, лежало устье Свири, откуда они могли проехать на Волгу. Наконец, надо иметь в виду, что сильные скандинавские укрепления находились также в северной части Ладожского озера, между Кроноборгом и Сердоболью (*Sortavala*). Следы их сохранились до настоящего времени. И. Р. Аспелин высказал мнение, что они были сооружены Упсальским конунгом Эриком Эмундссоном (850—880). При этом он напоминает, что в 81-й главе саги об Олафе Святом имеется известие о больших владениях Эрика на востоке. На народном собрании 1018 г. лагман Торгаи произнес большую речь, в которой он сказал: «Мой дед, помнивший Упсальского конунга Эрика Эмундссона, рассказывал о нем, что он в молодые годы каждое лето выезжал в поход, посещал многие края и подчинял себе Финляндию, Карелию, Эстляндию, Курляндию и большие области на востоке. Еще до сих пор видны земляные валы и другие укрепления, им воздвигнутые». Эти укрепления Эрика Эмундссона, думает И. Р. Аспелин⁵⁴, находились как раз на северных берегах Ладожского озера.

Таким образом, возможно, что Эрик Эмундссон владел во второй половине IX в. некоторыми областями в северной части Приладожья. А. Гакман⁵⁵ допускает возможность, что шведы могли здесь найти поддержку среди каких-то родственных им германских племен, сидевших здесь среди финнов с древних времен.

Самым важным пунктом на Ладожском озере была, конечно, Старая Ладога, *Aldagen* в ганзейских документах, *Aldeigjuborg*⁵⁶ и *Aldægjuborg*⁵⁷ в исландской саге.

Вопрос о происхождении имени «Ладога» вызвал уже целую литературу. Обзор ее можно найти в работе Бранденбурга и Микколы. Последнему⁵⁸ принадлежит тоже и новейший разбор этой проблемы. Он полагает, что древним именем Ладожского озера было Нево, а Ладожским оно было прозвано по городу. Самый же город получил название по речке Ладога, на которой он стоит, как Москва названа по реке Москве. Скандинавская форма имени *aldeigja* с начальным *al* древнее русской. Эту скандинавскую форму Миккола выводит из финского (вепсский диалект) *alode-jogi* (*joki*), что означает «самая низшая, т. е. последняя река». А речка Ладога действительно есть последний приток до впадения Волхова в озеро. Имя *alodejogi* засвидетельствовано и в других финских областях в диалектическом варианте *Aloenjoki*. Из *alodejogi* вышло затем скандинавское *Aldeigju* и впоследствии русское Ладога.

⁵³ I. Mikkola. *Ladoga, Laatokka*. JSFOu, 1906, XXIII.

⁵⁴ I. R. Aspelin. Erik Emundsson i Österled och ryska rikets grundläggning. *Opuscula Archaeologica* O. Montelio septuagenario dicata, 1913, 359—364.

⁵⁵ A. Hackmann. *Die ältere Eisenzeit in Finnland* (1905), I, 304, 306, 316, ср. К. Тиандер. Датско-русские исследования, III, 136.

⁵⁶ Fornum. *sögur*, V, 118.

⁵⁷ Fornum. *sögur*, V, 298.

⁵⁸ См. указанную статью в прим. 2 на стр. 221.

Этот древний и весьма значительный город расположен в 12—13 км от истока Волхова. Устье Волхова называется в ганзейском договоре Wolchowe-minne, и это слово отражает древнесеверное Wolchowe-mynni. Сам Волхов известен в исландской саге как Olkoga (ср. финское Olhava).

Здесь, в Старой Ладоге, был отправной пункт для дальнейшего продвижения варягов внутрь России. Археологические и литературные материалы подтверждают ту мысль, что Старая Ладога была важным опорным пунктом для варяжских экспедиций.

Т. И. Арне говорит в своем обзоре археологических фактов следующее: «В первой половине IX в. появляются изолированные предметы шведского происхождения в области к югу от Ладоги — без сомнения, первые следы шведского поселения в этой стране. Возможно, что эта колонизация послужила опорным и отправным пунктом для продвижения к Новгороду; но в более раннюю эпоху она, кажется, имела небольшое значение в торговле с востоком и юго-востоком России, ибо в Ладужской области не найдено восточных предметов одинакового характера с теми, что происходят из наиболее древних могил в Бьёркё. И только к концу IX в. и к началу X в. предметы из областей восточной Волги доходят до запада России и вывозятся оттуда в большом числе в Швецию»⁵⁹.

С этими археологическими данными согласуются исторические материалы. Летопись приурочивает, как известно, укрепление варягов в этих краях к середине IX в. и даже немного позднее. Существует предание, что Рюрик поселился первоначально в 862 г. не в Новгороде, а в Старой Ладоге: «... и срубиша городъ Ладогу и сѣде старѣйшій въ Ладозѣ Рюрикъ».

Как самый близкий к Скандинавии город, Старая Ладога упоминается довольно часто в исландских сагах (ср. Fornum. sögur, V, 118, 298 и др.).

В Olafssaga Tryggvasonar содержится полуисторическое известие, что Эйрик ярл предпринял поход из Гардарики против Владимира, убил много людей и разрушил крепость Альдейгьюборг. Составитель саги продолжает, что по этому поводу сказано в Bandadråpa: Aldeigju brauzt fū — «ты сломил Альдейгью»⁶⁰. Правда, историческая достоверность этого известия трудно поддается проверке.

В сагах содержится тоже ряд несомненно исторических сведений о Старой Ладоге. Они сохранили, например, известие, что Ярослав, женившись в 1019 г. на Ингигерде, дочери шведского короля Олафа Скотконунга, подарил ей Альдейгьюборг. И она назначила туда посадником ярла Рагнвальда Ульфссона⁶¹.

Вероятно, там существовала довольно долго многочисленная варяжская колония, которая имела еще в XIII в. сообщая с немецким населением церковь св. Николая⁶².

Наибольшее значение Старая Ладога имела как этапный пункт, где путешественники готовились как к плаванию по морю на родину, так и к переходу через опасные волховские пороги.

В саге о Гаральде Смелом говорится, что он начал свое путешествие весной 1045 г. из Гольмгарда и пошел в Альдейгьюборг, где он нашел свои корабли, и оттуда отправился в Сигтуну.

⁵⁹ La Suède et l'Orient, 222—223, 22.

⁶⁰ Antiquités Russes, I, 286; Fornum. sögur, II, 289.

⁶¹ Antiquités Russes, I, 331—333.

⁶² М. Бержесков. О торговле Руси с Ганзой (1879), 58.

Подобное же известие мы находим в саге о Магнусе Олафссоне. После Рождества 1035 г. он выехал с востока из Гольмгарда в Альдейгьюборг. И весной, когда лед растаял, он снарядил здесь свои корабли для поездки домой.

Здесь же путешественники готовились к трудному переходу через волховские пороги, ибо тут был важный сборный пункт для товаров, шедших как с запада и севера, так и с востока и южного Поволжья. Так как по волховским порогам суда больших размеров ходить не могли, то тут производилась перегрузка товаров на плоскодонные ладьи (*lodia* в латинском договоре), если это не было сделано уже раньше в другом месте. Кроме того, отсюда суда сопровождались особыми лоцманами, которые были обязаны доставить суда и товары без ущерба и повреждений до Новгорода.

Условия и обстоятельства такого перехода через волховские пороги подробно описаны в вышеупомянутых ганзейских договорах. При этом получается впечатление, что вся организация этого перехода идет еще от времен варягов и была унаследована ганзейскими купцами почти без всяких изменений.

Особое внимание, которое уделялось этому участку, объясняется тем, что он считался очень опасным ввиду преграждавших Волхов порогов. Они начинаются на 10-м километре от Старой Ладogi (или на 24-м от озера), около деревни Михаила Архангела (Михайловское), и тянутся на расстоянии 19 км вдоль течения реки. В латинском и немецком тексте ганзейских договоров они называются *vorsch: ad torrentem qui dicitur vorsch — vore dhen. vorsch*. Лоцманы, которые сопровождали суда, назывались *vorschkerle*. Нет сомнения, что эти термины представляют переделку на немецкий лад старинных скандинавских слов: *fors — forskarlar*. Этот же термин «*fors*» мы встречаем тоже в названиях Днепровских порогов у Константина Порфирородного, например: Βαρουφόρος, т. е. *Bārufors*. Очевидно, это та же терминология, которая была в ходу на Днепре.

Лоцманы получали за провоз через пороги определенную, точно установленную плату, которая выплачивалась в конце этого трудного участка у так называемой рыбацкой избы — *taberna piscatorum*. Отсюда уже путь по Волхову был свободен и не представлял затруднений. На нем лежали три крупные пристани, куда проезжающие купцы обыкновенно заходили.

Первой была Гостинопольская пристань на правом берегу реки. Само название этой пристани показывает, что она была местом, где останавливались «гости», т. е. иностранные, приезжие купцы. Тут в середине реки находится остров «Гостинополье» — *qui dicitur Gestevelt*, по ганзейскому документу. Немецкое название *Gestevelt* является, конечно, переводом русского «Гостинополье» и отражает, может быть, какое-нибудь сходное, более древнее скандинавское имя. Остров этот имеет в длину около 2 км, а в ширину от 300 до 420 м. Вероятно, на нем находилось какое-то торговое поселение иностранцев и была таможенная станция для осмотра товаров, где надо было платить мыт или проезжую плату. Отсюда до Новгорода оставался 181 км.

Название и местоположение следующей упоминаемой в ганзейском договоре пристани не совсем ясно. Она называлась *Veritin*, или *Ritsagen*, или *Vitlagen*. Конечно, пока правильное чтение этого слова не установлено достоверно, нельзя и думать о лингвистическом истолковании его, и все высказанные до сего времени предположения⁶³ не могут иметь серьезного значения. Круг допускал, что это

⁶³ *Ph. Krug. Forschungen*, II, 632 сл.; *М. Березков. О торговле Руси с Ганзой*, 153.

была современная Соснинская пристань на 132-м километре от Ладожского озера, на 74-м от Ильменя.

Далее идет в ганзейском договоре пристань *Dhrelleborch*. Круг правильно отождествил это имя с русским «Холопий городок», что представляет буквальный перевод термина *Dhrelleborch*. Этот же термин представляется по всем лингвистическим признакам чисто скандинавским (*græþlla-borg*) и, безусловно, унаследован ганзейскими и готландскими купцами от их предшественников — варягов. Пристань «Холопий городок» находится на 19-м километре по Волхову, считая от Ильменя. Тут была последняя остановка до Новгорода, откуда путешественники плыли безостановочно до самого Новгорода, конечной цели первого этапа их пути.

Надо сказать, что все это путешествие из Скандинавии в Новгород представляло большие затруднения и было далеко не безопасным. На Балтийском море плаванию мешали ходившие по нему с древних времен пираты. Точно таким же нападениям могли подвергнуться путешественники и в Финском заливе со стороны обитавших кругом карелов и других финских племен. Недаром безопасное плавание по этому участку было оговорено разными грамотами.

Что касается продолжительности пути, то мы имеем ценное известие Адама Бременского, который сообщил, что датчане проходили в его время эту дорогу в Новгород иногда в 4 недели, а от устья Одера до Новгорода требовалось обыкновенно 43 дня⁶⁴.

Кроме описанного маршрута варяги могли попасть в Новгород еще другим путем, через Лугу. От верхнего течения ее, где находятся селения Большой и Малый Волочек, шел волок на Мшагу, впадающую в Шелонь, откуда была дорога через Ильмень в Новгород. Возможно тоже, что варяги ездили иногда Наровой до Нарвы и дальше сухим путем до Новгорода. Или же они продолжали путь по Нарове и шли дальше через Чудское озеро до Пскова. Отсюда можно было подняться вверх по р. Великой и легко перейти на Ловать или на Западную Двину.

Самый удобный и самый важный путь в Новгород вел все-таки через Неву и Волхов. Здесь, на Волхове, образовался к середине IX в. большой и значительный центр торгово-политической жизни, к которому тянулись все окрестные племена. Это был Новгород, в скандинавской литературе *Holmgardr*.

Крупная роль Новгорода в торговой и политической жизни северо-восточной Европы стоит в прямой связи с движением по дороге из варяг в греки. «Варяжские князья избрали Новгород с самого начала опорным пунктом, потому что он стоял на великом водном пути, в весьма важном месте, где связывались воедино широкие водные системы притоков Ильменя: перед варягами за Новгородом открывались пути на юг и на юго-восток (т. е. на Волгу) и к западу»⁶⁵.

Это важное значение Новгорода для русско-скандинавского общения отмечено и в исландских сагах. Имя Новгорода *Holmgardr* встречается в них очень часто. В сознании составителей исландских саг Новгород совершенно затемнил Киев, несмотря на явное политическое превосходство последнего и не меньшее торговое значение его. Но более близкий торговый пункт привлекал к себе и удерживал на себе главный интерес любителей саг. Поэтому Новгород остался навсегда в представлении исландской литературы главным городом Русской

⁶⁴ Hist. eccles., II, 19; IV, 11.

⁶⁵ С. М. Середонин. Историческая география, 223.

земли. Большинство событий русской истории, о которых говорят саги, приурочено ими как раз к Новгороду, а не к Киеву.

Безусловно, варяги, и среди них особенно шведы, были прекрасно осведомлены как о политических, так и о торговых взаимоотношениях между Новгородом и Киевом и хорошо различали эти оба города. Но, к сожалению, до нас не дошло почти никаких сведений из шведских источников. Только в двух шведских рунических надписях конца XI в. упомянуто имя Новгорода. В одной, из Эста (Esta)⁶⁶ в Сёдерманланде, сказано: «Ингифаст велел вырубить камень по Сигвиде, отце своем. Он пал в Гольмгарде, начальник корабля вместе с моряками». Вероятно, этот Сигвид был богатым купцом, погибшим в Новгороде вместе с экипажем своего корабля. Точных обстоятельств его смерти мы не знаем.

Другая надпись интереснее по своему содержанию. Она найдена в Sjustad⁶⁷, в провинции Упланд, и гласит следующее: «Руна велела соорудить памятник по Спильбоди, и (по) Свейне, и по Андивите, и по Рагнаре, сыновьям своим; и Энгла и Сигрид по Спильбоди, домохозяине своем. Он умер в Гольмгарде, в (церкви? — дружине? — заливе?) Олафа. Уббир писал руны». Надпись эта была сделана по поручению Руны, матери некоего Спильбоди, и его двух жен, Энглы и Сигрид. Двоеженство было в эту эпоху в Скандинавии явлением нередким⁶⁸. Нас интересует по преимуществу вторая часть текста. В ней сказано, что Спильбоди пал в Новгороде, причем надпись дает довольно точное указание места его гибели: i olafs krikí. К сожалению, нельзя определенно установить, что означает слово krikí (церковь? — дружина? — залив?). Скорее всего это «церковь». Тогда выходит, что Спильбоди пал в церкви св. Олафа. Норвежский король Олаф, впоследствии причисленный к лику святых, был в Новгороде в начале XI в. (в 1029—1030 гг.), а наша надпись показывает, что, может быть, уже в конце этого столетия в Новгороде была выстроена церковь в честь св. Олафа. Церковь св. Олафа упомянута и в вышеприведенном ганзейском документе 1269 г.: *curia Gotensium cum ecclesia et cimiterium St. Olavi*. Известно, что в Новгороде варяжская церковь и торговая контора составляли одно целое: укрепленный (готландский) двор для приезжих гостей — торговцев (Бережков. О торговле Руси с Ганзой, 59, 136). Вероятно, Спильбоди пал при защите этой варяжской торговой конторы и церкви св. Олафа при ней. На руническом камне в память Спильбоди высечен крест, следовательно, Спильбоди был христианином.

В общем, замечания скандинавских источников о Новгороде не слишком богаты конкретными и реальными данными. Странно также то обстоятельство, что в самом Новгороде до сих пор найдено очень мало скандинавских вещей. Ф. А. Браун⁶⁹ объясняет это обстоятельство тем, что культурный слой в Новгороде очень глубок и что систематических раскопок пока еще не произведено. Тем не менее, конечно, не подлежит никакому сомнению тот факт, что Новгород — Holmgård — сыграл исключительно важную роль в истории русско-скандинавских сношений. Вся историческая обстановка и прямые неоспоримые русские свидетельства говорят слишком ясно об этом.

⁶⁶ Esta: Södermanl. Runinskrifter, № 171.

⁶⁷ Sjustad: Runverser № 150; O. V. Friesen, Upplands runstenar, 70.

⁶⁸ Cp. Grundriss d. germ. Philol., 1900, III, 422—423.

⁶⁹ F. Braun. Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X—XIV Jahrhunderts. Festschrift für E. Mogk, 1924, 164, Anm. 3.

Раскопки, произведенные в прилегающих к Новгороду областях, показали присутствие варяжских вещей почти повсюду в этих краях: вдоль течения Волхова, Сяси, Воронеги, Паши и Ояти⁷⁰. Любопытно тоже, что как раз здесь, кругом Новгорода, встречается особо густое скопление местных названий, образованных от основ «Русь» и «Варяг», а также названий, производных от «Колбяг»⁷¹. Все это свидетельствует об усиленном тяготении скандинавов именно к этим областям.

Здесь происходило с VIII в. славянское колонизационное движение в области Чуди или, точнее, Води. В возникшую при этом борьбу между славянами и финнами вмешались варяги, и с этого начинается описанный в летописи захват варягами Новгорода и Новгородской области и дальнейшее продвижение их вниз по пути «из варяг в греки».

Страна, в которую они попадали этим путем, называлась у скандинавов в эпоху от IX по XI в. просто «востоком», *austr*. Это показывают прежде всего рунические надписи. В рунических памятниках, которые до нас дошли, этот термин появляется в следующих вариантах: *austr* (на восток, на востоке) 25 раз, *austarla* (на востоке) 5 раз, *i austrwegi* (на восточном пути) 3 раза. Сюда же относятся еще два сомнительных случая: *austriki?* (восточное государство) один раз, *i austrþingi?* (народное собрание на востоке) один раз. Более точное обозначение для России в собственном смысле «*austr i garðum*» засвидетельствовано всего в трех случаях. Вероятно, «*garðum*» в этом соединении следует понимать не в обычном значении «огороженное место», а в приближении к почти однозвучному русско-славянскому «город — град». Такое словоупотребление встречается и в стихотворениях скальдов. Позднее, с начала XIII в., возникает на этой основе широко распространенный в исландской литературе термин *Garðariki*. История этой терминологии была лишь недавно разъяснена Ф. А. Брауном⁷². Наконец, напомним еще, что Снорри в *Heimskringla*, I, 9, называет Россию *Svipþjóf hin mikla*, т. е. «Великой Швецией», очевидно, под влиянием античных примеров: *Scythia magna*, *Magna Graecia*, а также имея в виду многочисленные поселения шведов в России. Все-таки это имя было не народным, а искусственным и ученым.

Дальнейший путь шел от Новгорода по течению Волхова, пересекал Ильменское озеро, после которого продолжался по Ловати. Область к югу от Ильменя, направо и налево от Ловати, стала за последнее время усиленно привлекать к себе внимание исследователей. С. Ф. Платонов⁷³ показал, что она называлась в старое время «Русой». Окруженная со всех сторон озерами, болотами и реками, она напоминает собою как бы остров, и весьма вероятно, что большой остров руссов, о котором сообщают по источнику X в. арабские писатели Якут, Муккадеси, Ибн-Русте, Гардизи, Ал-Бекри и др., находился именно тут⁷⁴.

⁷⁰ Ср. обзор в работе *T. I. Arne. La Suède et l'Orient*, 23 сл., 33.

⁷¹ *R. Ekblom. Rus et Vareg dans les noms de lieux de la région de Nowgorod. Archives d'Etudes Orientales*, XI, Uppsala, 1915. (Fr. Miklosich. Über die altrussischen Kolbjäger. *Archiv f. slavische Philologie*, 1887, X, 1—7.)

⁷² *F. Braun*, *op cit.*, 192—196.

⁷³ *С. Ф. Платонов. Руса. Дела и дни*. 1920, I, 1—5.

⁷⁴ Здесь хотелось бы указать на одно любопытное обстоятельство. Фрей высказал предположение, что в арабском тексте сохранилось тоже имя этого острова: «*wabiah*». Но местности такого названия ему не удалось найти. Если же принять локализацию, данную С. Ф. Платоновым, то получается одно очень интересное сопоставление. В области, называвшейся раньше

Скандинавы должны были придавать этому месту большое значение: отсюда открывались дальнейшие дороги как на восток через Волгу, так и на Зап. Двину и, наконец, на Днепр к грекам. Здесь начинался знаменитый волок, лежащий между большими речными системами Восточной Европы.

Заметим, что этот трудный и, вероятно, небезопасный участок пути волоком из Ловати на Двину и из Двины на Днепр нигде в исландских и вообще скандинавских памятниках не упомянут. Вообще же такие переходы волоком были для скандинавов делом обычным. Так они переходили на юго-западе России с Волги на Дон и обратно. Этим же способом они воспользовались в Западной Европе во время осады Парижа Рагнармом Лодброком в первой половине IX в. Там они вытаскивали свои корабли из Сены и обошли таким образом город. Поэтому волоки, выводившие из Ловати или Двины на Днепр, не могли представлять больших затруднений. Во всяком случае, на них нет никаких указаний в скандинавской литературе. Летопись же ограничивается по этому поводу кратким замечанием: «бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днепру и вверхъ Днепра волокъ до Ловати...» Таким образом, летопись совершенно обходит эту сложную систему путей передвижения, соединявших Новгород с Поволжьем, Подвиньем и Приднепровьем.

Между системами этих рек лежит плоскогорье, называемое Оковским (Воковским, Волоковским) лесом, и через него вели эти пути, известные как Великий волок. Направление и характер этих путей сообщения мы можем в настоящее время определить довольно точно благодаря более поздним известиям и картам.

Этому вопросу уделено большое внимание исследователи русской исторической географии. «Описание волока из Ловати на Днепр, — говорит С. М. Середонин⁷⁵, — очень обще: между истоками Днепра и Ловати слишком велико пространство; истоки этих рек вовсе не отделяются одним волоком и, сколько нам известно из последующих походов, никогда так не ходили; напротив, между системами Ловати и Днепра роль посредствующего звена обыкновенно играла система Зап. Двины; позже пользовались для этой цели системой верхней Волги. Дело обстояло так, что варяги, как и впоследствии русские, тащили, волокли ладьи на сравнительно небольших пространствах, пользуясь всякой речкой, всяким озером, чтобы плыть в ладьях или, по крайней мере, тащить ладьи по воде, а не по суше. Составитель летописи, очевидно, плохо был знаком с условиями плавания по великому водному пути. Современным исследователям необходимо указать, во-первых, как перебирались с Ловати на Западную Двину, во-вторых, как с Двины на Днепр. Самым надежным источником будет тут изучение карты».

«Русой», жило первоначально племя «водъ» или, как они сами себя называли, Vadja. Следовательно, это была область Vadja. Это слово означает по-фински: кол, клин. Рядом существует диалектическая форма vavia (*W. Thomsen. Beröfingier*, 235), и эта форма как раз соответствует указанному Френем названию острова: wabiah. Как будто этим в полной мере подтверждаются предположения Френа и С. Ф. Платонова. К сожалению, однако, все это построение опирается на неправильное допущение Френа, что wabiah есть имя собственное, географическое. На самом деле это — прилагательное, означающее «нездоровый», и острова wabiah, конечно никогда не было (см. *Д. А. Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах*, 147). К тому же существуют некоторые затруднения и со стороны финно-угорского истолкования этого слова. Поэтому необходимо отказаться от этой до некоторой степени соблазнительной гипотезы.

⁷⁵ *Op. cit.*, 227—228.

На подробном описании всех этих путей, пересекавших волок, мы не будем останавливаться, так как эти маршруты известны нам только из более поздних источников, и, конечно, мы не можем определенно сказать, какими из них варяги IX—XI вв. действительно ходили. Укажем только вкратце главные линии, которые соединяли Ловать с Днепром.

Один из путей пересекал при этом Волгу: «Он шел р. Белою, из которой перебирались на большое озеро Селигер (Серегерь), из него вытекает р. Селижаровка, впадающая в Волгу; с Волги входили в Вазузу, Гжать, волоком до Обши и ею в Днепр»⁷⁶. Этот путь имел особое значение, так как он соединял Новгород с Волгой и с богатыми приволжскими и прикаспийскими странами.

Однако большинство путей из Ловати на Днепр проходило через Зап. Двину: 1) через р. Еменку на оз. Невель (Еменец); отсюда волоком на оз. Озерище, из которого вытекает р. Оболь, впадающая в Зап. Двину; 2) из Ловати волоком в оз. Усмень, отсюда в оз. Усвят и по р. Усвят или Усвяча в Зап. Двину; 3) из Ловати по ее притоку р. Куньей, затем волоком р. Усвят, оз. Жижецкое, в р. Жижцу и в Зап. Двину; 4) из Ловати по ее притоку р. Полою на Видбино озеро, оттуда к р. Торопе, впадающей в Зап. Двину.

С Западной Двины на Днепр перебраться было нетрудно. Существовало собственно два пути: один (1) выходил на Днепр ниже Смоленска; другой (2) — выше. 1. По р. Каспле в оз. Каспля, затем р. Выдра из оз. Куприна, в которое впадает р. Крапивка или Лелевка; затем волок длиной около 30 верст — и р. Катинка, впадающая в Днепр. Отметим тут, что на Каспле стоит город «Гаврики», имя которого напоминает норманнские *Hawtik* в Англии и *Havte* в Нормандии⁷⁷. 2. С Двины в р. Межу, оттуда в р. Ельшу, волок, р. Вотря, приток Вопи, впадающей в Днепр⁷⁸.

Конечно, при обилии рек, протекающих в этом районе, были возможны еще другие пути. Такие пути указал на основании нумизматических материалов П. Г. Любомиров⁷⁹. Один из них шел с Двины через город Лукомль. Другой начинался близ Витебска и проходил дальше Лучесою к мелким речкам, впадающим в Днепр. Однако подробное изучение всех этих путей, пересекающих волок, не входит в задачу настоящего очерка и должно быть предметом специального археологического исследования.

Наконец, укажем еще пути из Зап. Двины и с Днепра на Волгу. 1. Путь между Волгой и Днепром был уже указан в начале нашего перечня, а именно с Волги входили в ее приток Вазузу, Гжать, волок до Обши и ею в Днепр⁸⁰. 2. «Сношения Двинской области с Поволжьем шли, вероятно, через оз. Жаденье, на северном берегу которого находится с. Извоз и которое отделяется незначительным волоком (через с. Волок или Красное) от волжского оз. Пено»⁸¹.

Таким образом, скандинавы, приходившие с Зап. Двины или с Волхова к волоку, могли оттуда продолжать свой путь либо к востоку на Волгу, либо к югу на

⁷⁶ Середонин, 229; Барсов, Очерки русской исторической географии, 28.

⁷⁷ Барсов, 21—24.

⁷⁸ Ср. Барсов, 24 сл.; Середонин, 228.

⁷⁹ П. Г. Любомиров. Торговые связи Руси с Востоком в VIII—IX вв. Ученые записки Саратовского университета, т. I, вып. 3, 1923.

⁸⁰ Середонин, 229; Барсов, 20.

⁸¹ Барсов, 26, 28—29.

Днепр. К описанию столь важного в истории Киевской Руси пути по Днепру мы и перейдем в нижеследующем. Что же касается более древнего Волжско-Донского пути, то он должен составить предмет особого исследования, уже готового к печати, вместе с обзором известий о походах скандинавов в Византию по руническим надписям.

IV. Путь по Днепру

Южная часть пути из варяг в греки, проходящая по Днепру, была, по всей вероятности, открыта лишь около середины IX в. или, может быть, даже немного позднее. Об этом говорят как исторические известия, так и археологические материалы.

В летописи сообщается под 862 г. о походе Аскольда и Дира из Новгорода вниз по Днепру. Под 882 г. идет рассказ о походе Олега, захватившего Смоленск и Любеч и посадившего там своих мужей. Очевидно, летопись приурочивает открытие пути по Днепру ко второй половине IX в.

На это же время указывают данные раскопок. Материалы, наиболее важные для этого вопроса, были найдены в начальном пункте Днепровского пути, в древнем Смоленске. Недалеко отсюда выходили на Днепр большие торговые дороги с Волги, из Новгорода и с Западной Двины, и этим определялось большое историческое значение Смоленска.

Древний город Старо-Смоленск — *Milivitska* у Константина Порфирородного — находился в 12 км к западу от современного Смоленска, где ныне стоит деревня Гнездово. В этом месте был весьма крупный узловой пункт, развитию и процветанию которого благоприятствовал ряд важных обстоятельств. Во-первых, это был главный город большого русского племени кривичей. Во-вторых, тут сходились, как сказано, богатые торговые караваны, шедшие с запада, с севера и с востока на юг. Благодаря этому Смоленск имел большое торговое, политическое и стратегическое значение, и поэтому варяги должны были обратить на него особое внимание.

И действительно, археологические данные показывают, что здесь в IX и X вв. стояло сравнительно большое скандинавское селение⁸². В курганах, раскопанных в этом месте, начиная с 1874 г., были найдены многочисленные предметы IX и X вв., главным образом скандинавские, но также и восточные. Отсюда следует, что это поселение играло очень значительную роль в русско-скандинавских торговых движениях около 900 г.

Судя по находкам, скандинавы появились здесь лишь к концу IX в., и это подтверждает нашу мысль, что походы варягов по Днепру начались не раньше этого времени.

Несмотря на столь важное значение древнего Смоленска, имя его засвидетельствовано только в одном скандинавском сравнительно позднем тексте. В *Vilkinasaga* (*Antiquités Russes*, II, 455) оно приводится в форме *Smalizku*.

Эта форма интересна тем, что она предполагает другое русское имя — «Смолитск», которое, однако, в русских источниках нигде не встречается. Но что та-

⁸² В. Н. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Мат. по арх. России, 1902, № 28. А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. Изв. Арх. комиссии, 1905, 15.

кая форма когда-то была в употреблении в России, доказывается названием «Смолитов ручей», недалеко от Смоленска. Отсюда, вероятно, было образовано исчезнувшее после «Смолитск»⁸³.

Дальнейший путь от Смоленска шел прямо, без отклонений, вниз по течению Днепра. При громадном, прямо-таки исключительном, значении этой реки для варяжских передвижений совершенно непонятен тот факт, что имя ее не получило прочного оформления в скандинавской литературе и встречается там сравнительно редко.

Правда, очень старинная по своему составу *Herwararsaga* дает в одном месте название *Danparstadig*, истолкованное как «град Днепра» (*Danper*)⁸⁴. Но даже если это объяснение будет правильно — а это весьма сомнительно, — все-таки надо иметь в виду, что этот термин восходит не к варяжской традиции, а к более ранней готской и не встречается ни в каком другом памятнике скандинавской письменности, и поэтому слово *Danparstadig* не может служить свидетельством в пользу знакомства скандинавов с именем Днепра, *Danper*.

В собственно исландской литературе имя Днепра появляется очень редко, может быть, всего 4 раза, причем в форме *Nepg*, прямо отвечающей народной (и былинной) форме: «Непр, Непра река»⁸⁵.

В древнешведских и рунических памятниках это имя совершенно не засвидетельствовано.

На Днепре лежал ряд крупнейших торговых городов и пристаней того времени: Смоленск, Смядин, Любеч, Вышеград, Триполье, Витичев, Канев, Хортич остров, Олешки и Березань у истока Днепра. В более важных из этих городов варяжские князья имели своих посадников. Олег захватил по дороге в Киев Любеч и посадил там своего мужа. Константин Порфирородный рассказывает, что ладьи русов идут частью из Новгорода, частью из города Смоленска (*Μιλνιτска*) и из Любеча (*Τελιόστζα*), Чернигова (*Τζερνιγωα* на Десне) и Вышеграда (*Βουσεγρადε*). Все они плывут вниз по Днепру и сходятся у города Киева. Очевидно, во всех этих местах были устроены торговые конторы и места для сбора податей.

Но важнейшим пунктом на всем Днепровском пути был Киев, столица южнорусского государства. Включение его в систему великой торговой дороги «из варяг в греки» произошло, по рассказу летописи, в начале второй половины IX в. как одно из последствий походов Аскольда и Дира (862 г.), а затем Олега (882 г.). Можно думать, что поэтическая легенда передает этот важный исторический факт в основе совершенно правильно.

Большое значение Киева на великом пути из варяг в греки и вообще в системе русско-скандинавских взаимоотношений сравнительно мало отмечено в скандинавских преданиях. Политическая жизнь русского государства происходила, по представлениям исландских саг, в Новгороде (*Holmgardr*), а не в Киеве. Лишь как проходная станция на пути пилигримов из Скандинавии в Иерусалим имя Киева упомянуто вскользь в некоторых сагах. Рунические надписи его совершенно не знают.

⁸³ I. Mikkola. Om några ortnamn i Gardarike. Arkiv f. nord. filol., 1007, XXIII, 281.

⁸⁴ А. Н. Веселовский. Киев — град Днепра. Записки Неофил. о-ва, I, 61—69. Н. Дашкевич. Приднепровье и Киев по некоторым памятникам древнесеверной литературы (Киевск. унив. изв., 1886, № 11, 220—242).

⁸⁵ R. Heinzel. Über die Herwararsaga. Sitz.-Ber., Wien, 1887, 447.

Конечно, надо иметь в виду, что саги, составленные в отдаленной Исландии, не могли дать даже приблизительного представления о тех, несомненно, точных и подробных сведениях, которыми варяги действительно располагали в отношении Киева. То были поэтические произведения, далекие от историко-географических интересов, крайне важных все-таки для путешественника-варяга. И у нас есть все основания считать, что в Швеции, и вообще в соседних с Россией странах очень хорошо были осведомлены о большом значении Киева.

Адам Бременский говорил, что Киев был главным городом Руси. Титмар Мерзебургский отметил, что значительную часть населения его составляют «быстрые даны». Западные писатели могли знать о Киеве как через варягов, так и через своих соотечественников, непосредственно торговавших с ним. Ибо Киев вел оживленную торговлю не только с севером и югом, но также с Западной Европой и с далеким Востоком⁸⁶.

Все это не могло быть неизвестным для варягов. И само название Киева, как оно сохранилось в скандинавской традиции, свидетельствует о том, что оно идет из первых рук, из непосредственного общения с населением Киева.

Обычным названием Киева у скандинавов было *Koenugardr*, *Kiænugardur*, *Kiænugarda*⁸⁷. У схоластика к Адаму Бременскому и у Гельмгольда это имя передается как *Chunigard* или *Chungard*. Ясно, что оно ничего общего с именем гуннов не имеет. Но, спрашивается, как тогда его объяснить?

В. Томсен⁸⁸ полагал, что в основе *Koenugardr* лежит скандинавское *Koena* (лодка), так что *Koenugardr* означает: место для лодок. Недавно И. Миккола⁸⁹ предложил более убедительное сопоставление. При этом он исходит из формы *Kiænugarda*, которая точно отвечает русскому былинному «Кияновгород», первоначально «Киянь-городъ». «Киянь, Кыянь» есть род. падеж множ. числа от «Киянин, Кыянин»; и название «Киянгород» надо понимать как город киевлян. И вот, слово *Kiænugarda* свидетельствует о том, что скандинавы, как и надо думать, были в непосредственном общении с Киевом и с его населением. Название этого города, как оно было в ходу среди его жителей, перешло непосредственно к скандинавам и отразилось в их языке как *Kiænugardr* — *Kiænugarda*.

О другом имени Киева — *Σαββάτας* — будет сказано ниже.

От Киева начинался так называемый «греческий путь». Дорога шла вниз по течению Днепра к знаменитым Днепровским порогам. Этот участок через пороги описан с большими подробностями Константином Порфирородным в его сочинении: *Περὶ ἑθνῶν*, написанном в 945—952 гг. Обычно оно приводится под заглавием: *De administrando imperio*. Сочинение это дошло до нас в трех списках, взаимоотношения между которыми не лишены значения для нашего вопроса, и поэтому мы скажем о них несколько слов.

Древнейшим представляется рукопись на пергамене (*pulcherrime scriptus*) XI или XII в. в Национальной библиотеке в Париже. Затем имеется в той же библиотеке рукопись XV в. на бумаге, которая является копией с первой и поэтому не имеет самостоятельного значения. Существует, наконец, еще третья рукопись, тоже на бумаге, 1509 г., копия младшей Парижской рукописи. В настоящее вре-

⁸⁶ См. статьи в прим. 1 на стр. 208.

⁸⁷ *Hauksbök*, 504. *Antiquités Russes*, II, 447.

⁸⁸ В. Томсен. Начало русского государства, 74, прим. 76 (стр. 189 наст. изд.).

⁸⁹ См. цитованную выше статью Микколы.

мя она находится в Ватикане. Как видно, обе рукописи на бумаге восходят к пергаменному списку в Париже, который, следовательно, один только имеет самостоятельное значение.

Интересующее нас место содержится в IX главе этого сочинения. Это знаменитое описание путешествия руссов через Днепровские пороги явилось предметом весьма многих остроумных исследований норманистов и антинорманистов. И казалось бы, последнее слово по этому поводу было сказано датским ученым В. Томсеном в его работе «Начало русского государства». Здесь (стр. 50 сл.; с. 173 наст. изд.) он суммировал все результаты, достигнутые по этому вопросу его предшественниками. При этом он установил окончательно, что так называемые «русские» названия порогов на самом деле являются «скандинавскими», а «славянские» — действительно славянскими, точнее не славяно-русскими, а несомненно южнославянскими.

Вопрос этот считался после В. Томсена одно время окончательно решенным. Но в 1911 г. вышла новая работа гельсингфорского профессора Г. Пиппинга «De skandinaviska Dnjergnampnen»⁹⁰, в которой был высказан ряд новых мыслей.

Пиппинг пришел к убеждению, что Константин нашел «русские» имена порогов в одной рунической рукописи, которую император прочитал частично правильно, отчасти не совсем точно. Рукопись эта, предполагает Пиппинг, представляла собою скандинавский итинерарий по Днепру. Исходя из этой мысли, автор предлагает ряд новых объяснений, часто сильно отличных от указанных В. Томсеном. Прекрасная репутация, которой пользуется Пиппинг как филолог и глубокий знаток скандинавских языков, заставила всех внимательно прислушаться к его мнению. Но все-таки его выводы не были безоговорочно приняты.

Уже в том же 1911 г. появилась статья Т. Торбиорнссона⁹¹ с рядом поправок и возражений. И сам В. Томсен⁹² отнесся отрицательно к построению Пиппинга. Гипотезу о рунической рукописи он считает невероятной, недоказанной и ненужной, а отдельные объяснения Пиппинга представляются ему, во всяком случае, не прогрессом. В общем знаменитый датский ученый продолжал в 1919 г. стоять на той же точке зрения, на которой он стоял в 1877 г. Лишь в одном месте он предложил новое объяснение.

В нижеследующем я постараюсь дать обзор этого вопроса с указанием мнений В. Томсена и Г. Пиппинга.

Константин Порфирородный начинает свой рассказ следующими словами (глава IX)⁹³. Однодревки (μονόζυγα) внешней Руси, приходящие в Константинополь, идут из Новгорода, в котором сидел Святослав, сын Игоря, князя Руси. Есть и из Смоленска, и из Любеча, и из Чернигова, и из Вышегорода. Все они спускается рекою Днепром и собираются около города Киева, который получил прозвание Σαμβατάς (τὸ κάστρον τὸ Κιοῦβα τὸ ἐπινομαζόμενον Σαμβατάς).

⁹⁰ Studier i nordisk filologi, II, Helsingfors, 1911. Skrifter utg. av Svenska Litteratursällskapet i Finland, XCV.

⁹¹ T. Torbiörnsson. Den sjunde Dnjepreforsen, ibidem.

⁹² В примечаниях к последнему датскому изданию своей работы о начале русского государства: V. Thomsen. Det russiske riges grundlæggelse ved Nordboerne. Samlede Afhandlinger I. København og Kristiania, 1919.

⁹³ Константин Багрянородный. Сочинения. Перевел г. Ласкин. Чтения О-ва истории и древностей российских, I, Москва, 1899.

По поводу этого названия Киева было высказано большое число догадок, из которых я укажу только «скандинавские» (о других см. у В. Томсена, *op. cit.*, 64; стр. 182 наст. изд.).

Обычно это слово толковалось как сложное из скандинавского «sam» (вместе) и «bāt» (ладья): *locus, ubi naves conveniunt*. С другой стороны, оно напоминает тоже древнешведское «samkwæmd» (сборище, сходка, нем.: *Zusammenkunft*). В. Томсен предполагал, что это есть древненорманнское Sandbakki (песчаная отмель) или Sandbakkaæss (песчаная возвышенность мели). С. Бутге высказал мнение, что Σαμβατάς передает Sandkvað (брод по песчаному месту)⁹⁴. Наконец, Пиппинг предложил смелую гипотезу, что возникновение этого слова объясняется недоразумением. В рунической рукописи, которой Константин пользовался, читалась, думает Пиппинг, примерно такая фраза; *sā starp ær sambātasī* — «место, где собираются лодки». Константин не понял глагольной формы *sambātas* и истолковал ее как имя собственное, географическое. В. Томсен ограничивается по этому поводу замечанием, что он предоставляет филологам судить о вероятности такой догадки.

Неудовлетворительность всех этих объяснений кажется совершенно ясной и очевидной. И мне думается, что имя Σαμβατάς скорее всего надо считать не скандинавским.

В дальнейшем рассказ Константина дает описание перехода через опасные Днепровские пороги — группу скалистых гранитных гряд, пересекающих среднее течение Днепра в нескольких местах. Константин знал всего семь порогов и указывает для каждого из них «славянское» и «русское» название. Напомню еще раз, что, по словупотреблению Константина, следует понимать: «русское» (ῥωσιστί — по-русски) как «скандинавское», а «славянское» (σκληβινιστί — по-славянски) как «южнославянское».

«В июне месяце русы спускаются по р. Днепру до Витичева города, платящего дань русам. Собравшись там в течение двух или трех дней, пока съедутся все однодревки, они пускаются в путь и плывут вниз по вышеупомянутой реке Днепру. Прежде всего они приходят к первому порогу, называемому Ἐσσουπῆ, что означает по-русски и по-славянски: «не спи». Ущелье этого порога по ширине равняется циканистарию, а в середине его возышаются крупные и высокие скалы, по виду похожие на острова. Стремясь к ним и поднимаясь, вода, бегущая оттуда стремглав книзу, производит большой шум и страх. Через его середину русы не осмеливаются проходить, но, причаливши вблизи и высадивши людей на берег, а остальные вещи оставивши в однодревках, (после этого) они нагие (двигаются), пробуя дно своими ногами, чтобы не натолкнуться на какой-нибудь камень, причем толкают шестами: одни нос (лодки), другие — середину, третьи — корму. И с такой величайшей осторожностью они проходят этот первый порог по краю и берегу реки».

Давно уже отмечено, что тут в имени порога Ἐσσουπῆ несомненно отпало начальное Ν. Первоначальное чтение было: Νεσσουπῆ; и это, действительно, отвечает древнему славянскому: «не съпи». Что же касается замечания, что эта же комбинация букв-звуков означает также и на «русском», т. е. скандинавском, языке: «не спи», то В. Томсен пытался первоначально оправдать его сопоставлением с древним *ne sof* или *sof eigi*, или *sofattu* («не спи»). В таком случае получи-

⁹⁴ Arkiv f. nord. filologi, II, 170.

лось бы полное сходство форм и тождество значения в обоих языках, на что и указал Константин. Но впоследствии, в 1919 г. (Samlede Afhandlinger, I, 300), В. Томсен предложил новое объяснение, что 'Εσσουπῆ передает скандинавское *Ves urri* — «будь на стороже». Возможно, что так назывался современный Кодацкий порог.

Пиппинг предложил совершенно другое толкование. Он допускает, что в предполагаемой им рунической рукописи стояло примерно следующее сочетание букв: *aikalniasurī*. Эту группу Константин перевел и передал неверно: ἑπονομαζόμενος 'Εσσουπῆ, так как он воспринял комбинацию «ia» как руническое обозначение для короткого «е». На самом же деле надо читать эту группу: *aikallan Iasub* = «и они называют (его) Яцов», т. е.: это есть порог «Яцев», или, лучше, «Яцов», лежащий недалеко от Киева.

В. Томсен считает это объяснение неприемлемым⁹⁵.

«Пройдя этот порог, они опять, взявши с берега остальных, плывут и приходят ко второму порогу, называемому по-русски Οὐλβωρσί, а по-славянски 'Οστροβουίπραχ, что означает «остров порога». Этот тоже подобен первому, труден и неудобопроходим. И, опять высаживая людей, они проводят ладьи, как прежде».

Названия этого второго порога совершенно ясны. 'Οστροβουίπραχ есть действительно славянское: островной порог, а Οὐλβωρσί отражает слово *Holmfors*, составленное из обыкновенного скандинавского *holm* (остров) и скандинавского же *fors* (водопад, быстрина, порог). Вероятно, под этим названием подразумевались пороги Сурский и Лоханский, отстоящие недалеко друг от друга, или же острова, лежащие около них⁹⁶. В толковании этих названий В. Томсен и Г. Пиппинг согласны.

«Подобном же образом они проходят и третий порог, называемый 'Αειφόρ, что по-славянски означает «шум порога»».

Тут мы имеем дело с явной ошибкой. Указанное в тексте имя не может быть славянским. Оно должно быть (по терминологии Константина) «русским», т. е., скандинавским, и объясняется как причастие настоящего времени: *gellandi*, *gællandi* = шумящий, звенящий. Это объяснение В. Томсена принял тоже Г. Пиппинг с некоторыми несущественными изменениями.

Что же касается собственно «славянского» названия порога, то оно пропущено в греческом тексте, вероятно, по недосмотру переписчика. Но надо полагать, что оно было похоже на современное название этого порога: «Звонец, Звонецкий, Звонский», которое означает как раз то же, что и название «русское» (т. е. скандинавское).

«Затем таким же образом большой порог, называемый по-русски 'Αειφόρ, по славянски Νεασήτ, потому что пеликаны гнездятся на скалах порога. На этом пороге все суда вытаскивают на твердую землю. И назначенные люди выходят вместе стоять с ними на страже и уходят. Стражу они держат неусыпно из-за печенегов. Остальные же, выбрав вещи, бывшие в однодревках, на протяжении шести миль проходят по берегу, ведя в цепях рабов, пока пройдут порог. Затем таким же образом, одни волоком, а другие — взявши на плечи свои однодревки, перетаскивают их на ту сторону порога, спускают их в реку и входят, вложив свой груз, и тотчас плывут далее».

⁹⁵ Samlede Afhandlinger, I, 300, прим.; см. также возражения Торбиорнсона к статье Пиппинга.

⁹⁶ В. Томсен, *op. cit.*, 54—55.

Давно уже отмечено, что славянское название Νεασήτ так или иначе отвечает нынешнему названию порога «Ненасытец». «Русское» же (т. е. скандинавское) название порога В. Томсен истолковал как Eifogt (Eufogt или Æufogt), что значит: «вечно бегущий, вечно стремящийся».

Пиппинг предложил другое объяснение. Греческое написание 'Αειφόρ он передает как древнеисл.: eifogt, древнешв.: æifog; древнеготл.: aifug — со значением: порог, через который нельзя проехать. Он думает, что это название возникло от того, что варяги истолковали русское «Ненасытец» ошибочно как «Неноситель», т. е. порог, через который нельзя пронестись, проехать. В. Томсен считает это объяснение неправильным⁹⁷.

Этот порог 'Αειφόρ указан тоже в одной готландской рунической надписи конца X или начала XI в. из Пильгордса (Pilgards) следующего содержания⁹⁸: «Ярко раскрашенный поставили этот камень братья» Гегбиарн, Родвисль, Ойстаин и (Эймунд?), которые воздвигли камни в память Рафна на юге на Руфстайне. Они доехали далеко до Айфура. Вифиль приказал это».

Надпись содержит интересное известие, что четыре брата совершили по приказанию некоего Вифиля путешествие на юг до Айфура, т. е., очевидно, до современного Ненасытецкого порога, называемого у Константина 'Αειφόρ. Здесь на «Руфстайне» они воздвигли камни, вероятно, с рунической надписью в память своего земляка Рафна. Ф. А. Браун⁹⁹ сделал попытку определить точнее этот «Руфстайн». Слово это может означать либо так называемый «Рванный камень» у Ненасытецкого порога, на правом берегу Днепра, близ входа в Фалеевский канал¹⁰⁰, либо это «камень с выбитыми в нем углублениями», что стоит на скалистом мысе Монастырька у того же Фалеевского канала, где построена большая трехэтажная мельница. В этих местах где-нибудь были воздвигнуты камни, о которых говорит надпись из Пильгордса. Казалось возможным, что они сохранились там до наших дней. Однако поиски, предпринятые здесь в 1913 г. шведским археологом Т. И. Арне¹⁰¹, не дали никаких результатов.

Все-таки эта готландская надпись очень интересна, так как подтверждает по скандинавским материалам рассказ Константина о поездках варягов через Днепровские пороги.

«Подойдя к пятому порогу, называемому по-русски Варуфóроρ, а по-славянски Βουλνιτράχ, так как он образует большую заводь, опять ведя по краям реки свои однодревки, как в первом и втором пороге, достигают шестого порога, называемого по-русски Λεάντι, а по-славянски Βερούτζη, что значит “кипение воды”, и проходят его таким же образом».

Действительно, пятый порог и поныне называется «Вольным» или «Волнинским», что довольно хорошо подводит к греческому: Βουλνιτράχ. «Русское» же (т. е. скандинавское) Варуфóроρ есть сложное древненорманнское слово Bāufors, образованное из bāu (волна) и fors (водопад), т. е. «порог волны».

Что касается названий шестого порога, то «русское» Λεάντι, вероятно, передает скандинавское причастие настоящего времени hlæjandi (смеющийся). Не со-

⁹⁷ Samlede Afhandlinger, I, 308, прим.

⁹⁸ H. Pipping. Om Gilgärdsstenen Nordiska Studier tillgen. A. Noreen. 1904.

⁹⁹ Ф. А. Браун. Днепровский порог в рунической надписи. Сборник в честь гр. Бобринского, 1911.

¹⁰⁰ Афанасьев-Чужбинский. Поездка в южную Россию, СПб., 1861, I, 101.

¹⁰¹ T. I. Arne. De stora Svitjod., 1917, 39—40.

всем ясно славянское название Вєроуѣѣ. В. Томсен пытался объяснить его как старославянское причастие «вѣржштии», т. е. бурлящий, кипящий. Пиппинг также считает его причастием наст. времени, производимым от глагола «врать», но не в обычном смысле (говорить неправду), а в значении «пустословить».

В общем, все-таки остается впечатление, что удовлетворительное объяснение славянского имени шестого порога до сих пор не найдено.

По мнению В. Томсена, это Таволжанский порог, по Пиппингу — Будильский.

«Оттуда они плывут до седьмого порога, называемого по-русски Стрѡбѡуѡв (Стрѡбѡуѡв), а по-славянски Напрѣѣѣ, что значит “малый порог”, и доходят до так называемой переправы Крарийской, в которой переправляются херсониты на пути из Руси и печенеги — в Херсон. Эта переправа шириною равна ипподрому, а высота ее, видимая снизу, такова, что стрела снизу достигает как раз до нее».

В объяснении имен этого порога до настоящего времени не достигнуто полного единогласия.

В. Томсен исходит из той мысли, что разбору подлежит только форма Стрѡбѡуѡв старшей Парижской рукописи. Другую же форму — Стрѡбѡуѡв в младших рукописях надо считать опiskой, не имеющей никакого значения. Форму Стрѡбѡуѡв В. Томсен сопоставляет с диалектическим словом из Вестерботнии struk (варианты: strok, struk) — небольшой водопад, сужение русла с усилением течения. Конечно, нет сомнения, что это слово может лежать в основе Стрѡбѡуѡв, но остается неясным окончание уѡв, которое В. Томсен тоже считает непонятным. Так назывался, по мнению В. Томсена, порог «Лишний».

Пиппинг здесь сильно расходится с В. Томсеном. Он считает, что оба написания «русского» имени порога имеют самостоятельное значение и представляются различными именами одного и того же порога. Форму Стрѡбѡуѡв он рассматривает как неудачную транскрипцию слова, написанного в предполагаемой им рунической рукописи как strubun. На самом же деле надо его истолковать как strūp-unn, т. е. это есть сложное скандинавское слово, первая часть которого strūp — означает «глотка», а вторая — unn — «вода». Пиппинг ссылается тут на указание Афанасьева-Чужбинского¹⁰², что последний из Днепровских порогов «Вильный» падает вниз шестью уступами, из которых один называется «Волчьим горлом» («...eine sehr gefährliche Stelle in ihm wird von den Schiffen der Wolfsrachen genannt». Stuckenberg. Hydrographie des russischen Reiches, 1847, III, 255). Это и есть порог Стрѡбѡуѡв, правильнее: Strūp-unn, т. е. «Глотка воды», современный порог «Вильный».

Что касается формы Стрѡбѡуѡв, то тут Пиппинг согласен с В. Томсеном, что это имя относится к порогу «Лишнему» и произведено от скандинавского слова struk. Он тоже считает загадочным окончание уѡв. Возможно, что оно прибавлено к первоначальной форме Стрѡук под влиянием и по аналогии с окончанием имени соседнего порога Стрѡбѡуѡв. Во всяком случае, первоначальной формой было скорее всего односложное Стрѡук. Эту догадку Пиппинг пытается подкрепить указанием на то, что поблизости от этих порогов жил еще в прошлом веке один помещик по имени Струков. Имя его предполагает по своему образованию какое-то начало «Струк», которое мы и находим в этом старинном, ныне утерянном названии современного порога «Лишнего». В существовании фамилии Струков Пиппинг ищет подтверждения для своей гипотезы.

¹⁰² Поездка в южную Россию, I, 123.

Прибавим, что загадочное окончание слова $\Sigma\tau\rho\acute{o}\beta\kappa - \omicron\upsilon\nu$ вызвало еще одну попытку объяснить его, предложенную Торбиорнссоном. Он считает его архаическим окончанием именительного падежа множественного числа *struk-un*; или же греческий писец ошибся и написал вместо более позднего обычного «*strukun*» (именительный падеж множественного числа) неправильное «*strukun*».

В общем нельзя сказать, чтобы все эти гипотезы производили впечатление большой убедительности. Это пока лишь попытки разобраться в очень трудном вопросе. И из последних замечаний по этому поводу самого В. Томсена видно, что он отнесся именно так к предположениям, высказанным и им самим, и другими.

Не лучше обстоит дело с истолкованием «славянского» названия седьмого порога: Напрежѣ . В. Томсен предполагает, что это «набръзый», т. е. превосходная степень от прилагательного «борзой» (очень быстрый). Но он сам считал это объяснение весьма рискованным (с. 181 наст. изд.). Пиппинг же думал, что Напрежѣ есть не географическое имя, а наречие «напрежи» (со значением «прежде», по Срезневскому), неправильно понятое Константином в каком-нибудь славянском тексте. Возможно, что там стояла приблизительно такая фраза: «Этот порог напрежи назывался Струком». Константин будто бы истолковал «напрежи» как имя собственное, географическое.

Если это допустить, продолжает Пиппинг, то получается новый подход к объяснению двух вариантов «русского» названия порога. Может быть, они оба означали один только порог «Вильный». По смыслу утерянного славянского текста он назывался «напрежи» (т. е. раньше) $\Sigma\tau\rho\acute{o}\beta\kappa\omicron\upsilon\nu$, а после $\Sigma\tau\rho\acute{o}\beta\omicron\upsilon\nu$.

Конечно, нечего и говорить, что все это построение полно маловероятных натяжек и предположений, что и было уже отмечено Торбиорнссоном и Томсеном.

Возможно, что один из уступов последнего порога Вильного, а именно «Волчье горло», упомянут в одной фрагментарной рунической надписи конца XI в. из *Stainkumbla*¹⁰³ с о. Готланда. На ней читается: «Ботмунд и Ботрайф и Гунвар, они... воздвигли камень... и на юге он сидел с мехами; и он умер в *Ulfshala* (т. е. Волчий хвост), когда святой...». Пиппинг¹⁰⁴ высказал предположение, что место *Ulfshala* в этой надписи, т. е. «Волчий хвост», на юге есть собственно «Волчье горло», один из уступов в последнем Днепровском пороге. Недалеко отсюда находилась Крарийская переправа (Кичкас), через которую ходили херсониты и печенеги. Здесь же кончался трудный переход через опасные пороги. Весьма вероятно, что в этом месте мог сидеть викинг, имя которого в надписи не сохранилось. Здесь он мог выменивать идущие с юга товары на меха, получаемые с севера. Для подобных торговых сношений это место было очень подходящим. Варяги могли делать тут остановки до и после перехода через пороги.

Далее Константин дает описание плавания по нижнему течению Днепра. «Пройдя это место (Крарийскую переправу), они (русь) достигают острова, называемого Св. Григорий. На этом острове они совершают жертвоприношения, так как на нем стоит огромный дуб, и приносят в жертву живых петухов и кур. Кругом они втыкают стрелы, другие кладут хлеб, мясо и что каждый имеет, по своему обычаю. Они бросают жребий насчет кур, убить ли их и съесть или пустить живыми. От этого острова русы уже не боятся печенегов, пока не достигнут реки Седи-

¹⁰³ *A. Noreen Altschw. Gramm.*, 497, № 30.

¹⁰⁴ См. стр. 3—6 в цитованной статье Пиппинга.

ны (= Сулина, гирло Дуная). Отправившись отсюда (т. е. от острова Св. Григория), они плывут около четырех дней, пока не доедут до лимана, который служит устьем реки, (и) в котором находится остров Св. Евферия».

Итак, по рассказу Константина, на нижнем течении Днепра были две важные стоянки. Первая — остров Св. Григория, современный остров Хортица. Память о том, что здесь скандинавы высаживались, сохранилась, может быть, еще в другом имени его: «Варяжский остров», если правильно, что это имя относится действительно к острову Хортице¹⁰⁵. Местом второй и последней стоянки на Днепре был остров Св. Евферия. Этот скалистый остров площадью до 800 м длины и 400 м ширины расположен в устье Днепра в 12 километрах от Очакова по направлению к юго-западу на Черном море. У византийцев он назывался островом Св. Евферия, в память епископа херсонесского св. Евферия, который, заболев на обратном пути из Константинополя в свою епархию, преставился на этом месте. В древности же он был известен под именем Борисфен, позднее — как «Бюрюк-Юзен-Ада» (остров волчьей реки)¹⁰⁶. Но особый интерес для нас представляет другое его название: «Березань». Мы не знаем, какое имя ему давали скандинавы, однако довольно вероятно, что они прозвали его «Vjörk-ö» (Березовый остров). Это название мы встречаем всюду, где были на островах важные торговые пункты варягов: в озере Мелар, в Ботническом и Финском заливах. Остров Березань был как раз таким значительным местом. Может быть, тут находилась первоначально таможенная станция византийцев. Впоследствии тут образовался опорный пункт, стоянка для скандинавских торговцев, где они останавливались на несколько дней, прежде чем продолжать путь в Царьград, и где они запасались провиантом для дороги¹⁰⁷.

На это большое значение острова в системе варяго-византийских сношений намекает также запрещение варягам зимовать на нем в договоре 944 г. «И да не имеют власти Русь зимовати в вустыи Днѣпра, Бѣльбережи, ни у святого Ельферья».

О пребывании варягов на о. Березани говорит непосредственно одна руническая надпись конца XI — начала XII в., найденная на нем¹⁰⁸: «Грани соорудил холм этот по Карле, товарище своем». Этот варяг Карл, в память которого была высечена надпись, погиб по дороге в Византию или на обратном пути во время остановки на этом острове. Не исключена возможность, что он и его товарищ Грани были происхождением из Готланда.

От Березани варяги держали путь — по описанию Константина — на юг по берегам Черного моря. Недалеко от Березани находилось «Белобережье» летописи¹⁰⁹ и знаменитый Ахиллов бег. С его именем связано название русских дромитов (Дроми́тай), о которых говорит Симеон Логофет¹¹⁰. Само Черное море называлось в то время «Русским», а у скандинавов — Svartahaf.

Плавание по этой части дороги Константин описывает следующими словами: «Оттуда (от Березани) они далее плывут к реке Днестру и, добравшись благопо-

¹⁰⁵ Ср. *Ф. Брун*. Черноморье, II, 363—379, особенно 367.

¹⁰⁶ *Ф. Брун*. Черноморье, I, 14—32.

¹⁰⁷ *T. I. Arne*. Der stora Svitjod, 40.

¹⁰⁸ *Ф. А. Браун*. Шведская руническая надпись, найденная на о. Березани. Изв. Арх. ком., 1907, XXIII.

¹⁰⁹ *Ф. Брун*. Черноморье, I, 87, 90.

¹¹⁰ *E. Kunik*. Die Berufung..., II, 412.

лучно, опять там отдыхают. Когда же погода благоприятствует, они, выйдя на берег, идут (в путь) к так называемой Белой реке (= Цареградское гирло Днестровского лимана) и, таким образом отдохнувши и там, направляются к Седине, так называемому рукаву реки Дуная».

У устья Белой реки стоял город *Kilia*, *Θιακολά* древнесев. *Kjøvik*, основанный на северном рукаве Дуная одним скандинавским военачальником.

Наконец идет заключительная часть описания пути, данного Константином: «И пока они не минуют реки Селины, их преследуют печенеги. И если, как это часто бывает, море выбросит однодревки на берег, все они высаживаются, чтобы вместе противостоять печенегам. От Селины же они никого не боятся, но, достигнув Болгарской земли, выходят в устье Дуная. От Дуная же они направляются в Каноу (у южного гирла Дуная), от Каноу к Констанции (= Кюстенджи), к реке Варне, а от Варны плывут до реки Дицины (= Буюк-Камчик). Все это в Болгарской земле. От Дицины они достигают области Месемврии, и около этого места оканчивается их мучительный, опасный, труднопроходимый и тяжелый путь».

Отсюда уже недалеко до Константинополя, конечной цели путешественников. Они проходили сперва через Босфор, называемый у них *Sjavidarsund*, и, наконец, входили в Царьградскую гавань «Золотой рог», летописный «Судь», у скандинавов «*Stolparsund*». Здесь, в Царьграде, «*Miklagarðr*», кончается великий путь из варяг в греки.

А. В. Назафенко

**РУССКО-НЕМЕЦКИЕ СВЯЗИ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ
(IX — середина XIII в.):
СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ***

Русско-немецкие связи домонгольского времени в целом — в отличие, скажем, от связей Руси с Польшей или Византией — никогда не были предметом специального изучения. Тому есть свои причины, как коренящиеся в состоянии источников по данной теме, так и историографические.

В древнерусских памятниках сведений о сношениях с немецкими землями практически нет (некоторое исключение составляет лишь новгородско-немецкая торговля на Балтике в XII—XIII вв.). Исследователю приходится иметь дело главным образом с многочисленными разрозненными данными в западноевропейских, почти всегда немецких, источниках, использование которых весьма затруднено отрывочностью самих сведений (ни для кого из западных авторов того времени Русь не представляла самодовлеющего интереса), а также тем, что историк должен быть в полной мере знаком с результатами общего источниковедческого изучения используемых им зарубежных памятников и готов к самостоятельному их источниковедческому анализу. Это предполагает владение обширной разноязычной литературой о западноевропейском Средневековье, которая постоянно и активно пополняется не только конкретными результатами, но и новыми методическими подходами. Чрезвычайно важно и знакомство с достижениями в области смежных наук — прежде всего лингвистики и археологии. Достаточно сказать, что целый ряд успехов в изучении международных связей Древней Руси (о некоторых из них пойдет речь ниже) имел место именно на стыке собственно истории и языкознания, а также тех дисциплин, которые традиционно принято относить к так называемым «вспомогательным историческим» (нумизматики, генеалогии и т. п.). К сожалению, ставший уже давно свершившимся фактом распад некогда существовавшего в науке (по крайней мере как целевая установка) историко-филологического единства, а также главная, на наш взгляд, беда отечественной историографии о русском Средневековье — ее отрыв от европейской медиевистики в целом, делают такого рода успехи скорее исключениями, нежели правилом. Следствие — иллюстративное использование данных источников, а нередко и «канонизация» недостаточно обоснованных или

---

* Исправленный вариант работы, опубликованный под сходным названием в альманахе: Славяно-германские исследования. Т. 1—2. М., 2000. С. 19—79.

даже случайных мнений. Для преодоления этого принципиального недостатка необходимо не только создание источниковедчески фундированного корпуса зарубежных свидетельств о Древней Руси, но и кропотливая работа по изучению отдельных направлений и периодов во внешней политике и международных связях Древнерусского государства. Такая работа была начата в 70-е годы по инициативе В. Т. Пашуто и продолжается усилиями его учеников¹.

К сказанному необходимо добавить еще одно немаловажное обстоятельство, на которое нам уже приходилось обращать внимание² и которое относится к числу устойчивых стереотипов историографии. Над умами историков нового времени продолжает тяготеть идущее еще от древнерусского летописания начала XII в. представление о Руси как о государстве, ориентированном вдоль «пути из варяг в греки». Это заставляет уделять главное внимание связям Руси со скандинавским Севером и другими прибалтийскими территориями, с одной стороны, и Византией — с другой, тогда как русско-немецкие отношения

¹ С 1978 г. издается свод «Древнейшие источники по истории народов СССР» (начиная с 1991 г. — «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»), выпуски которого представляют собой публикацию (чаще всего в виде фрагментов) текста оригинала, снабженную русским переводом и обширным историко-филологическим комментарием. К настоящему времени вышло 18 выпусков. Немецким источникам о Руси посвящен пока единственный выпуск: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв.: Текст, перевод и комментарий. М., 1993. Тематически и структурно к своду относится также работа: Древнерусские города в древнескандинавской письменности: Тексты, перевод, комментарий / Сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. М., 1987. Параллельно с публикацией источников в составе свода с 1975 г. (с 1978 г. — в качестве ежегодника) выходит в свет другое серийное издание: «Древнейшие государства на территории СССР (с 1991 г. — Древнейшие государства Восточной Европы): Материалы и исследования», в котором публикуются статьи и монографии по истории Восточной Европы до середины XIII в. и по источниковедению этого периода. Издано уже 18 томов; см. также сборник: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. О предполагаемом составе свода см. планы-проспекты: Древнейшие источники по истории народов СССР: Тематика и состав выпусков по европейскому региону (Материалы для обсуждения). М., 1976 (здесь немецкие источники на с. 37—40); то же. Ч. 2. М., 1980 (немецкие источники на с. 34—36).

Существующие обзоры сведений немецких источников о Руси домонгольского времени (а это всегда, так или иначе, сведения о древнерусско-немецких связях) недостаточны; см., например: Скобельский П. Згадки о Руси в жерелах німецьких. Львів, 1881 (Справоздане дирекції гімназії академічної во Львіве на рік школьної 1880/81); Braun F. Russland und die Deutschen in alter Zeit // Germanica: Festschrift für E. Sievers. Halle/Saale. 1925. S. 678—727; Sverdllov M. Nachrichten über die Rus' in der deutschen historischen Überlieferung des 9.—13. Jahrhunderts // JbGSLE. Bd.19/1, 1975. S. 167—182; см. также работу М. Келлер, названную в примеч. 4. Не так давно увидело свет малотиражное ротапринтное издание Ленинградского отделения института истории СССР АН: Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия / Сост., перев. и коммент. М. Б. Свердлова. [Вып. 1:] IX — первая половина XII в.; [Вып. 2:] Середина XII — середина XIII в.; [Вып. 3:] Указатели. М.; Л., 1989—1990. Эта работа, целиком посвященная немецким латиноязычным памятникам, безусловно, заметно облегчает историку Руси ориентацию в обширном круге отнюдь не всегда достаточно известных источников. Однако она далеко не полна, переводы нередко неточны, а чрезвычайная краткость подачи материала и недостаточность (как по объему, так и по содержанию) комментария затрудняют ее использование в научном исследовании.

² Назаренко А. В. «Натиск на Восток» или «свет с Востока»? История русско-немецких отношений в кругу стереотипов // Славяноведение. 1992. № 2. С. 36—37; *Он же*. Русь и Германия в IX—X веках // ДГ, 1991 год. М., 1994. С. 7—11.

(а для IX—X вв. и русско-западноевропейские вообще) *eo ipso* трактуются как второстепенные, даже периферийные. Подобная ситуация в историографии, понятно, не располагает к длительной исследовательской работе с максимумом «источниковедческих затрат», между тем как только такая работа и может составить основу для правильной оценки места и роли того или иного направления в общей структуре международных связей Древней Руси.

Упомянув о структуре международных связей, мы коснулись еще одной характерной особенности науки о раннем русском средневековье. Дело в том, что идея о внешних связях Руси, в том числе и о ее внешней политике, как о системе взаимообусловленных составных частей пока только прокладывает себе путь, наталкиваясь на упорное нежелание, особенно в западной русистике, видеть в социальном строе Руси IX—X вв. определяющие признаки государственности³. Здесь не место вдаваться в несколько схоластический, как нам кажется, вопрос, в какой мере и с каких пор Древняя Русь соответствует критериям «государства» (от какой модели, спрашивается, следует абстрагировать такие критерии?), отметим лишь, что применительно к международным связям системность есть не только следствие относительной зрелости государства и, главное, осознания правящей группой государственного (т. е. в конечном итоге, все равно, так или иначе ее собственного корпоративного) интереса, а является, сверх того, еще и результатом включения во внешнюю структуру, которая существовала ведь и до образования Древнерусского государства, к какому бы времени его ни относить. Такая постановка вопроса подводит нас к осознанию важной проблемы: этнополитическая и социально-экономическая структурированность восточноевропейского ландшафта накануне возникновения Древнерусского государства была одним из стимулов для его возникновения. Тем самым, изучение международных взаимосвязей ранней поры становится важным элементом в исследовании главной темы: как и вследствие чего образуется само государство восточных славян? К некоторым аспектам этой темы мы еще вернемся.

В результате взаимодействия всех названных факторов древнерусский период, как он рисуется в общих трудах о русско-немецких связях или о внешних связях домонгольской Руси в целом, сводится, по сути дела, к каталогу изолированных затверженных фактов, призванных проиллюстрировать не вполне утешительное положение, что кое-какие отношения все-таки были и кое-что на Руси и в Германии друг о друге все-таки знали⁴. В общем же IX—XII вв. выглядят

³ См., например, итоговые для немецкой русистики труды: *Handbuch der Geschichte Russlands*. Bd. I, 1 / Hg. M. Hellmann. Stuttgart, 1981. S. 299 (раздел о Древней Руси написан Н. Рюсс'ом); *Goehrke C. Frühzeit des Ostslaventums / Unter Mitwirkung von U. Kälin*. Darmstadt, 1992 (Erträge der Forschung. Bd. 277). S. 157. Свою оценку этих работ мы изложили в других местах: *Назаренко А. В.* Докиевский период истории Восточной Европы в «*Handbuch der Geschichte Russlands*» // ДГ, 1983 год. М., 1984. С. 237—241; *Он же.* Новые тенденции изучения истории Древней Руси в историографии ФРГ (коллективный труд «Руководство по русской истории») // Культура и общество Древней Руси (X—XVII вв.): Зарубежная историография. М., 1988. С. 118—152 (перепечатано под названием «Концепция истории Древней Руси в синтезирующем труде немецких историков “Руководство по русской истории”» в сборнике «Русь между Востоком и Западом: Культура и общество, X—XVII вв.». Ч. I. М., 1991. С. 137—171); *Он же.* [Рец.:] *Goehrke C. Frühzeit...* // Средневековая Русь. М. [Вып.] 1, 1996. С. 154—185.

⁴ Примером может служить очерк: *Keller M. Die Darstellung der Ostslawen in Chroniken und Annalen des 9.—13. Jahrhunderts* // *Russen und Russland aus deutscher Sicht: 9.—17. Jahrhundert*.

затянувшимся периодом эмбрионального развития, отравленного, начиная с XIII в., агрессией Ордена, а затем насильственно прерванного (за вычетом новгородско-ганзейской «пуповины») татарским погромом, за которым следует длинная пауза — вплоть до начала сношений Москвы с Габсбургами уже при Иване III, т. е. до второй половины XV в. Венчает дело своеобразная иерархия хрестоматийных европоцентристских метафор: Иван III «постучал своим еще полуварварским кулаком в окно Европы» — то самое, которое два с половиной века спустя Петру I пришлось «прорубать». Для Древней Руси метафоры не нашлось, что как нельзя лучше характеризует отношение к ней как к плюсквам-перфекту, интересующему только узких специалистов и не занимающему даже политиканствующих идеологов.

Между тем собственные исследования автора этих строк в течение последних двадцати пяти лет убедили его в том, что внимательное и источниковедчески углубленное изучение сведений о древнейших русско-немецких взаимосвязях может повести не только к переоценке уже известных фактов, но и к обнаружению новых. Заметно расширившийся и критически выверенный круг данных позволяет, по нашему мнению, говорить о торговых, этнокультурных, политических отношениях между древнерусскими и немецкими землями ранней поры не как о периферийном явлении, а как о постоянно действовавшем факторе, не как о дробном пунктире экзотических контактов от случая к случаю, а как о системе, обладавшей традиционностью и стабильностью.

Изменившаяся оценка места и роли ранних русско-немецких контактов в кругу международных связей Руси в целом влечет за собой и переосмысление «удельного веса» отдельных направлений этих связей. Западное направление характеризуется, сверх того, преемственностью системы дальних международных коммуникаций древнерусского времени по отношению к значительно более архаическим путям этнических и культурных коммуникаций внутри природно-ландшафтных зон, которые на территории Восточной Европы проходят перпендикулярно главнейшим речным магистралям. Вместо привычной линейной схемы, ориентированной на меридиональную ось север — юг («путь из варяг в греки»), вырисовывается система из меридиональной и широтной (запад — восток) осей, которая придает кругозору обитателей Среднего Поднепровья IX—XI вв. пространственную стереоскопичность и хронологическую глубину. Надо ли говорить, что подобная картина заставляет по-новому взглянуть на многие принципиальные для древнерусской истории проблемы: проблему сложения государственной территории Киевской Руси или еще шире — проблему роли дальней торговли и этнокультурных контактов в процессе формирования самобытной древнерусской государственности, проблему проникновения христианства в Восточную Европу и значения для нее кирилло-мефодиевской миссии и т. п. Как будет видно, даже уже имеющегося материала достаточно для некоторых вполне определенных суждений на этот счет.

München, 1985. S. 57—83 (West-Östliche Spiegelungen / Unter Leitung von L. Kopelew. Reihe A. Bd. 1). Складывающееся в результате впечатление о месте русско-немецких отношений в кругу международных связей Древней Руси хорошо иллюстрирует относительный объем разделов о Германии в подытоживающем труде: Пауто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 119—127, 218—221, а также само их расположение в структуре книги — не только после глав о Скандинавии, Византии, Польше, Венгрии, Чехии, но и позади Болгарии, Востока, кочевников Северного Причерноморья.

Главное место в настоящем очерке занимает 250-летний период от середины IX до конца XI в. Именно он был основным предметом изысканий автора, именно применительно к нему получены те новые результаты, которые и служат известным оправданием для вышеприведенных суждений. Что касается последующего периода XII — первой половины XIII в., то он менее всего затронут историографией — если отвлечься опять-таки от специфической темы новгородско-ганзейской торговли (вернее, ее начатков во второй половине XII — XIII в.) и отношений между Новгородом и Орденом в первой половине XIII в., которой мы в данной работе не касаемся. В какой-то мере это объясняется недостатком данных, довольно случайных и чрезвычайно запутанных. Политическое дробление Руси и постоянное противоборство Штауфенов и Вельфов в Германии в течение всего XII столетия привели к мельчанию политических связей между двумя странами: из общегосударственных они превращаются в региональные, делаясь трудноуловимыми на материале источников⁵. Впрочем, и здесь многое зависит от неизученности даже того малого, чем располагает наука. Так, например, совсем не исследованы русско-немецкие отношения при императоре Лотаре III (1125—1137), хотя отдельные сведения о таковых имеются; мы не знаем, кем была немка, ставшая, как нередко считается, одной из жен киевского князя Изяслава Мстиславича (1146—1154, с перерывами), и каков политический контекст и хронология этого матримониального союза⁶; давно известен, но по-

⁵ Попытку общего обзора находим лишь в работах Б. Видеры: *Widera B.* Die politischen Beziehungen zwischen der Rus' und Deutschland zur Zeit der Staufer // *JbGUdSSR*. Bd. 9, 1966. S. 203—225; *Idem.* Byzanz und Beziehungen zwischen Grossfürsten der Rus', Stauern und den Päpsten, 1157—1207 // *Studia Byzantina*. Halle; Wittenberg, 1966. S. 13—26; *Idem.* Die politischen Beziehungen zwischen der Rus' und Deutschland von der Mitte des 11. Jahrhunderts bis zum Einfall der Mongolen // *Russisch-deutsche Beziehungen von der Kiever Rus' bis zur Oktoberrevolution*. Berlin, 1976. S. 20—68 (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. Bd. 19); все они восходят к неопубликованной диссертации: *Widera B.* Geschichte der Beziehungen zwischen der Rus' und Deutschland vom 10. Jahrhundert bis zum Einfall der Mongolen (Habilitationsschrift; Humboldt-Universität Berlin). Berlin, 1965; см. также: *Wörn D.* Die politischen und kulturellen Beziehungen Russlands zum Westen im ausgehenden 12. und beginnenden 13. Jahrhundert // *Slavistische Studien zum IX. Intern. Slavistenkongress in Kiev, 1983*. Köln; Wien, 1983 (Slavistische Forschungen. Bd. 40).

⁶ См., например: *Baumgarten N.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle. Roma, 1927 (OCh. Vol. 9. № 35). Table V, № 23 (со знаком вопроса); *Паушмо В. Т.* Внешняя политика... С. 219, 423, генеалогич. табл. 4, № 1; *Decker-Hauff H.* Konrad III. und die Comburg // *Jahrbuch des Historischen Vereins für Württembergisch Franken*. Bd. 62, 1978. S. 8; *Engels O.* Die Staufer. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1989, 4. Aufl., генеалогич. табл. на вклейке (в последних двух работах в качестве жены Изяслава указана дочь будущего антикороля, а затем короля Конрада III Штауфена от его реконструируемого первого брака, заключенного в 1114/15 г.). Следует, однако, помнить, что эта гипотеза покоится на косвенных данных. В Великопольской хронике (рубеж XIII—XIV вв.) вторая жена великопольского князя Мёшка III Старого (1138—1202) названа «единокровной императору Фридриху» (Барбароссе, племяннику Конрада III. — *A. H.*) («consanguinea Frederici imperatoris»: *Kronika Wielkopolska* / Wyd. B. Kürbis. Warszawa, 1970. P. 55 [MPH NS. T. 8]; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. / Перев. А. М. Поповой, вступ. статья и коммент. Н. И. Щавелевой. М., 1987. С. 115), тогда как из хроники Кадлубка (конец XII — начало XIII в.), на которой в данном случае основывается изложение Великопольской хроники, известно, что она была «дочерью русского короля» («filia regis Ruthenorum») (*Mistrza Wincentego zwanego Kadlubkiem* *Kronika Polska* IV, 2, 4 / Wyd. M. Plezia. Kraków, 1994. P. 131 [MPH NS. T. 11]; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990 [серия: ДИ]. С. 92, 105), которого, вслед за О. Бальцером (*Balzer O.* *Genealogia Piastów*. Kraków, 1895. S. 65), принято

прежнему остается загадочным богатый вклад в монастырь св. Петра в Эрфурте со стороны Романа Мстиславича Галицкого (ум. в 1205 г.), внука упомянутого только что Изяслава Мстиславича; не разработаны связи Мстиславичей — через Ингеборг Мстиславну, мать датского короля Вальдемара I (1157—1182) — и полоцко-минских князей — через Софью Володаревну, дочь Володаря Глебовича Минского⁷ — с домами герцогов Брауншвайгских и ландграфов Тюрингенских, между тем как эти связи отразились, как предполагают, даже в легенде знаменитой Эбсторфской карты мира (первая половина XIII в.)⁸; и т. п. Скажем о некоторых сюжетах особо.

О «частых» иностранных посольствах к Лотарю, среди которых названы и русские, говорится в Брауншвайгских анналах монастыря св. Эгидия (до 1164 г.): «...посольства и дары королей Венгрии, Руси, Дании, Франции и других народов и королей»⁹. Сходный текст находим и в Брауншвайгской рифмованной хронике

отождествлять с киевским князем Изяславом Мстиславичем, относя сам брак к началу 1150-х гг. (Щавелева Н. И. Польки — жены русских князей: XII — середина XIII в. // ДГ, 1987 год. М., 1989. С. 56; Jasiński K. Rodowód pierwszych Piastów. Warszawa; Wrocław, [1992]. S. 240—241). Усматривать в сообщении Великопольской хроники всего лишь плод недоразумения (Balzer O. Genealogia... S. 167; Jasiński K. Rodowód... S. 241) достаточных причин не видно — ведь русская супруга Мешка III вполне могла быть и дочерью Изяслава, и кровной родственницей Фридриха Барбароссы одновременно, хотя это вовсе не означает, что последнее являлось следствием первого. В одной из недавних работ мы попытались развить догадку Г. Деккер-Хауффа (Назаренко А. В. Первые контакты Штауфенов с Русью [К истории русско-немецких отношений в 30-е годы XII века] // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 166—179).

⁷ Источники см. в кн.: Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей: X—XIII вв. // ДГ, 1988—1989 годы. М., 1991. С. 163. Политическая направленность брака Вальдемара I и Софьи не вполне ясна. Дело в том, что в науке продолжается спор, была ли Софья дочерью Владимира Всеволодовича (сына Всеволода Мстиславича Новгородского) или минского князя Володаря Глебовича. Первой точки зрения придерживался Н. А. Баумгафтен (София Русская, королева датская, а затем ландграфиня тюрингенская // Seminarium Kondakovianum. Prague. T. 4, 1931. С. 95—104; Idem. Généalogies et mariages... Table V, № 45; см. также: Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 421, генеалогич. табл. 2, № 17), тогда как вторая, традиционная, недавно подкреплена шведским историком Я. Галленом (Gallén J. Vem var Valdemar den stores drottning Sofie? // Historisk Tidsskrift för Finland. Helsingfors. Årg. 61, 1976. S. 273—288). Эта последняя гипотеза выглядит более вероятной еще и потому, что иначе пришлось бы допустить, что Вальдемар (внук Мстислава Великого) был женат на собственной племяннице.

⁸ Wolf A. Ikonologie der Ebstorfer Weltkarte und politische Situation des Jahres 1239: Zum Weltbild des Gervasius von Tilbury am welfischen Hofe // Ein Weltbild vor Columbus: Die Ebstorfer Weltkarte. Interdisziplinäres Colloquium, 1988. S. 1., 1991. S. 54—116, особенно 68—70. Ср., однако, достаточно веские возражения против именно такой интерпретации появления на карте русских городов («Rucia regio») Киева, Новгорода и Полоцка (Kiwen, Novgardus, Plosceke) (Смоленск-Smalentike в такую трактовку не вписывается): Chekin L. S. Cities of Rus' on the Ebstorf Map // Scando-Slavica. Copenhagen. T. 38, 1992. P. 98—107, особенно 103—104. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что, происходя из полоцкой ветви древнерусских князей, Володарь Глебович (по крайней мере до 1157 г. — времени замужества Софьи) собственно в Полоцке не княжил; в 1150-е гг. он некоторое время сидел в Минске, куда перешел, вероятно, в 1151 г. после ухода брата Ростислава Глебовича в Полоцк (ПСРА. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 445; Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 58).

⁹ Annales s. Aegidii Brunsvicensis, a. 1135 // MGH SS. T. 30/1, 1896. P. 13: «...regum Ungariorum, Ruthenorum et Dacorum, Francorum et ceterarum gentium et regum muneribus et legationibus assidue frequentabatur». Здесь и далее перевод иноязычных текстов наш.

второй половины XIII в.: Лотарь почтен дарами «от итальянцев (?), Руси, венгров, греков, данов, пруссов»¹⁰. Поэтому едва ли прав издатель хроники Л. Вайланд, полагающий, что перед нами всего лишь амплификация известия Саксонской всемирной хроники о дарах Лотарю от византийского императора¹¹. Весьма вероятны связи императора Лотаря III с новгородским князем Всеволодом Мстиславичем (1117—1136), на сестре которого Ингеборг Мстиславне был женат ободритский король Кнут Лавард (убит в 1131 г.), близкий союзник Лотаря. Далее, запутанная политическая ситуация 1130-х гг., когда польский князь Болеслав III (1107/08—1138) пытался посадить на венгерский трон Бориса, внука Владимира Мономаха через дочь Евфимию (жену венгерского короля Кальмана), а венгерский король Бела II (1131—1141) нашел поддержку у Лотаря III и чешского князя Собеслава I (1125—1140), позволяет говорить об участии различных русских князей в этой борьбе как на той, так и на другой стороне¹². Ситуация осложнялась еще противостоянием Лотаря и швабского герцога Фридриха II Штауфена (отца будущего императора Фридриха I Барбароссы) внутри Германии. Характерен скандальный эпизод, о котором упоминается в послании аугсбургского епископа Херманна к бамбергскому епископу Оттону от сентября 1132 г. Речь идет о разорении Аугсбурга, принадлежавшего Фридриху, чешским войском при поддержке каких-то половцев: Лотарь «навел на церковь Христову врагов Христовых, людей бесчеловечных, язычников, а именно богемов и половцев, именующихся в просторечии Valwen, которые, как то всем прекрасно известно, являются и всегда были гонителями Христа и церкви»¹³. Несомненно, этот же инцидент описан под тем же 1132 г. в анонимном Вышеградском продолжении хроники Козьмы Пражского, где, впрочем, о половцах ничего не говорится, зато поясняется, что чешский отряд был предоставлен Собеславом королю Лотарю для сопровождения во время коронационного похода в Рим¹⁴. Учитывая известные дружеские связи в это время между Белой II и Владимирком Володаревичем, тогда князем звенигородским и белзским¹⁵, можно догадываться, что половцы, участвовавшие в разорении Аугсбурга, были присланы Владимирком.

Вероятно, что эти дружественные отношения властного Владимирка Володаревича с Вельфами дали о себе знать и несколько позже в другом до последнего времени не находившем себе объяснения происшествии, в котором оказалась замешанной и Византия¹⁶. В составе Деяний императора Фридриха Барбароссы знаменитого Оттона Фрайзингенского (ум. в 1158 г.) сохранилась часть перепис-

¹⁰ Braunschweigische Reimchronik, Kap. 26, Vers. 2452—2455 / Hg. L. Weiland // MGH Dt. Chron. T. 2, 1877. P. 490: «...von dhen Walen, von dhen Ruzen, // Ungerer, Kreken, Denen, Pruzen. // Von dher koninge gabe riche // was her geeret algeliche».

¹¹ Sächsische Weltchronik, Kap. 266 / Hg. L. Weiland // MGH Dt. Chron. T. 2. P. 217.

¹² Паушто В. Т. Внешняя политика... С. 152, 167—168, 183.

¹³ Bibliotheca rerum Germanicarum / Ed. Ph. Jaffé. T. 5. Berlin, 1871. № 260. P. 444; Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae / Ed. G. Friedrich. T. 1. Pragae, 1904. P. 127: «...induxit super ecclesiam Christi inimicos Christi, homines inhumanos et paganos, Boemos videlicet ac Flavos, qui vulgari nomine Valwen dicuntur, qui persecutores Christi et ecclesiae esse ac fuisse semper manifesto ab omnibus cognoscuntur».

¹⁴ Canonici Wissegradensis continuatio Cosmae / Ed. R. Köpke // MGH SS. T. 9, 1851. P. 138.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 450.

¹⁶ Подробнее см.: Назаренко А. В. Первые контакты Штауфенов с Русью... С. 168—176.

ки между германским королем Конрадом III Штауфеном (1138—1152), братом упомянутого выше герцога Фридриха II, и византийским императором Иоанном II Комнином (1118—1143) и его сыном и преемником Мануилом I (1143—1180). Наряду с главной темой переговоров (союз против сицилийских норманнов), в этих посланиях вскользь говорится о мерах, которые следует принять Иоанну II в связи с ограблением и убийством на Руси каких-то немцев: «...русские, которые, оскорбив нашу державу, убили наших людей и присвоили наши деньги»¹⁷. Датировка первого реконструируемого послания Конрада III в Константинополь (конец 1139—начало 1140 г.)¹⁸ позволяет полагать, что инцидент с немцами относился к 1139 г. и не был исчерпан еще к апрелю 1145 г. (дата последнего послания Конрада). Заметим, что как раз на лето 1139 г., сразу после вокняжения 5 марта в Киеве черниговского князя Всеволода Ольговича¹⁹, приходятся военные действия на Волыни, в которых Владимирко Володаревич выступил союзником Всеволода, стремившегося посадить волынского князя Изяслава, старшего из Мстиславичей²⁰. Если Изяслав Мстиславич был действительно женат на немке и даже, как иногда считают, на дочери Конрада III (см. примеч. 6), то вполне вероятно, что в ходе этой галицко-волынской войны пострадало какое-то посольство Конрада к Изяславу. Что касается реакции на эти события Византии, о которой постоянно упоминается в переписке Конрада III и Комнинов, то надо учесть, что в январе 1145 г. против Владимирка выступил его двоюродный брат Иван Ростиславич Берладник, княжество которого в междуречье Серета и Прута находилось на русско-византийском пограничье²¹. Не был ли мятеж галичан и Ивана Ростиславича против Владимирка подготовлен византийской дипломатией?

Упомянутый вклад Романа Мстиславича в монастырь св. Петра в Эрфурте отмечен в синодике этого монастыря под 19 июня: «XIII календы июля. Роман, король Руси. Он дал нам 30 марок»²² (ок. 7 кг серебра). Это крайне интересное свидетельство подтверждает сведения французского хрониста Альбрика из Труафонтен (30—40-е гг. XIII в.) о каком-то участии Романа Мстиславича в борьбе двух германских королей — Штауфена Филиппа Швабского (1198—1208) и Вельфа Оттона IV (1198—1212/15). Согласно Альбрику, заграничный поход Романа 1205 г., завершившийся гибелью князя в бою у Завихоста (на Висле близ Сандомира) (дата, под которой имя Романа внесено в синодик св. Петра — память свв. Гервасия и Протасия — это и есть день его смерти), был направлен в

¹⁷ *Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I imperatoris* I, 26 / Ed. G. Waitz, B. von Simson. Hannover, 1912. P. 37—44; *Die Urkunden Konrads III. und seines Sohnes Heinrich* / Hg. F. Hausmann. Wien; Köln; Graz, 1969 (MGH DD Germ. T. 9). № 69, 126. S. 123, 228: «...de Reutenis, qui ad contemptum imperii nostri, occisis hominibus nostris, pecuniam nostram sibi usurpaverunt...».

¹⁸ *Die Urkunden Konrads III...*, № 39. S. 63—64.

¹⁹ ПСРА. Т. 1. 2-е изд. Л., 1928. Стб. 307.

²⁰ ПСРА. Т. 2. Стб. 304, 306; датировка Ипатьевской летописи 1140 г. в данном случае ультрамартовская и соответствует 1139 г. (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 130—131, 139).

²¹ ПСРА. Т. 2. Стб. 316—317; Бережков Н. Г. Хронология... С. 141, 146.

²² К сожалению, современного критического издания этого памятника не существует. См.: *Excerpta ex Necrologio S. Petri Erfordiae* // *Schannat J. F. Vindemiae litterariae, hoc est veterum monumentorum ad Germaniam sacram praecipue spectantium collectio secunda*. Fuldae et Lipsiae, 1724. P. 19: «XIII. Kal. Julii. Romanus rex Ruthenorum. Hic dedit nobis XXX marcas».

Саксонию: «Король Руси, по имени Роман, выйдя из своих пределов и намереваясь через Польшу пройти в Саксонию, чтобы как лжехристианин разрушить церкви, поражен и убит по промыслу Божию на реке Висле двумя братьями польскими князьями Лешком и Конрадом, а все собранное им [войско] либо рассеяно, либо уничтожено»²³. Думаем поэтому, что сам факт вовлеченности Романа в немецкие дела в 1204—1205 гг. (после окончания борьбы за Киев) едва ли может быть подвергнут сомнению, как это иногда делается²⁴. Труднее определить, на чьей стороне собирался вмешаться в борьбу галицко-волинский князь. Так как Роман пал в схватке с малопольскими Казимировичами Лешком и Конрадом, которые известны как союзники Оттона IV, то обычно считается, что он двигался на помощь Филиппу Швабскому²⁵. Если так, то Роман продолжал, возможно, поддерживать фамильные связи своего деда Изяслава Мстиславича со Штауффедами. То, что он сделал вклад именно в эрфуртский монастырь св. Петра, одну из известнейших и старейших обителей Тюрингии, такой трактовке по крайней мере не противоречит. Эрфурт принадлежал майнцскому архиепископу, который, в отличие от тюрингенского ландграфа Херманна, был твердым сторонником Филиппа Швабского²⁶. Но могут ли политические симпатии служить достаточным основанием для вклада (возможно, посмертного) в столь далекий монастырь? Не предполагает ли это скорее каких-то личных связей Романа с обителью в Эрфурте²⁷?

²³ *Albrici monachi Trium Fontium chronica*, a. 1205 / Ed. P. Scheffer-Boichorst // MGH SS. T. 23, 1874. P. 885: «Rex Russie, Romanus nomine, a finibus suis egressus et per Poloniam transire volens in Saxoniam, et ecclesias destruere volens sicut falsus christianus, a duobus fratribus Poloniae ducibus Listec et Conrado (sic! — A. H.) super Wisselam fluvium Dei iudicio percutitur et occiditur, et omnes, quos secum aggregaverat, aut disperguntur aut interficiuntur».

²⁴ Головки А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой половины XIII вв. Киев, 1988. С. 87—88.

²⁵ *Włodarski B. Polska i Rus, 1196—1320*. Warszawa, 1966. S. 21—22; *Паушто В. Т.* Внешняя политика... С. 166, 221; *Щавелева Н. И.* Древнерусские известия Великопольской хроники // ЛХ, 1976 г. М., 1976. С. 62.

²⁶ См., например: *Arnoldi chronica Slavorum* VI, 5 / E rec. I. M. Lappenbergii ed. G. H. Pertz. Hannover, 1863. P. 224.

²⁷ Нам известна только одна прямая аналогия: дарение галицкими князьями — очевидно, Васильком Ростиславичем, Иваном Васильковичем и Владимирком Володаревичем — венгерскому монастырю св. Димитрия на Саве (Савасентдемете, Сремска Митровица): *Papp G. I monachi dell'ordine di S. Basilio in Ungheria nel secolo XIII* // *Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni*. Roma. Ser. II. Vol. I (7), 1949. Fasc. I. P. 41—45; *Györffy Gy. Das Güterverzeichnis des griechischen Klosters zu Szávasszentdemeter (Sremska Mitrovica) aus dem 12. Jahrhundert* // *Studia Slavica*. Budapest. T. 5, 1959. Fasc. 1/2. S. 32. Вероятно, речь идет о дарении (13 кантар воска, т. е. ок. 700 кг, в качестве ежегодного дохода), сделанном Васильком Теребовльским во время пребывания его брата Володаря в польском плену в 1122—1123 гг., затем подтвержденном их сыновьями. (Тем самым, мы считаем возможным существенно сузить широкую датировку Д. Дьёрффи 1113—1125 годами: *Györffy Gy. Das Güterverzeichnis...* S. 55—58.) Конечно, и здесь при желании можно было бы усмотреть политические причины — как общего порядка (галицко-венгерский союз был весьма тесным: *Паушто В. Т.* Внешняя политика... С. 167), так и конкретные (*Назаренко А. В.* О «Русской марке» в средневековой Венгрии // *Восточная Европа в древности и Средневековье*. М., 1978. С. 302—306; не исключена и какая-то связь с обстоятельствами освобождения Володаря Ростиславича из плена). В то же время характер вклада (ежегодный взнос) заставляет подозревать какие-то семейные мотивы. Если верна гипотеза о том, что Ростислав Владимирович был женат на венгерке Ланке (*Татищев В. Н.* История Российская. Т. 2. М., 1963. С. 254—255. При-

Эта намечающаяся преемственность во взаимоотношениях Изяслава Мстиславича и его потомства с Германией вносит необходимую поправку в ту общую схему русско-немецкого политического взаимодействия в XII в., которая была намечена В. Т. Пашуто: из двух главных противостоявших друг другу на Руси в то время княжеских группировок — волыньско-смоленской (Мстиславичи) и суздальско-галицкой — первая, «дружественная Венгрии и Польше и враждебная Византии, должна была столкнуться с политикой династии Штауфенов»; враждебность суздальских князей к Волыни представляется достаточной для постулирования их «давних связей с Гогенштауфенами»²⁸. Думается, исследователь не обратил должного внимания на то важное обстоятельство, что период правления Конрада III во внешнеполитическом отношении не был единым: расстройство немецко-венгерских отношений и вражда с младшими Болеславичами в Польше, «разведшие» Волынь и Штауфенов по противоположным союзным блокам, возникли только в первой половине 1140-х гг., да и волыньско-венгерский союз относится к 1145/46 г., тогда как еще в 1139 г., как мы видели, есть основания предполагать дружественные контакты между Конрадом и Изяславом. Едва ли союз с Конрадом был личной политической инициативой Изяслава Мстиславича; у него не было для нее ни причин, ни времени (Изяслав занял волыньский стол в 1135 г.). Скорее всего гипотетический брак Изяслава с немкой следует отодвинуть на период киевского княжения его отца Мстислава Владимировича (1125—1132), когда Конрад, тогда еще антикороль, вел упорную борьбу с Лотарем III. Возможно, этот матримониальный союз был связан с подготовкой борьбы за венгерский престол со стороны Бориса Кальмановича, родного племянника Мстислава (сына его сестры Евфимии), которая вспыхнула в 1131 г., после смерти короля Иштвана II (1116—1131); Борис был поддержан как Киевом, так и враждебным Лотарю польским князем Болеславом III. Но как расценить тот факт, что и много позднее, в 1146 г., полурусский претендент на венгерский трон был обласкан Конрадом III и даже получил от него военную поддержку²⁹? Только ли лояльность к Византии, где скрывался Борис, женатый на представительнице династии Комнинов, и враждебность к Венгрии руководили германским королем? Не забудем, что в войске Изяслава Мстиславича, двоюродного брата Бориса, оборонявшего Волынь от суздальцев Юрия Долгорукого в 1149 г.,

меч. 328; *Baumgarten N. Généalogies et mariages...* Table II, № 1), то соблазнительным выглядело бы предположение, что с этим греческим монастырем св. Димитрия была связана именно вдова Ростислава, мать Володаря и Василька. В таком случае, возможно, стоило бы поискать связей между монастырем св. Петра в Эрфурте и гипотетической немкой — женой Изяслава Мстиславича и бабкой Романа? Ср. ниже о тесных контактах жены Владимира Мономаха Гиды с монастырем св. Пантелсимона в Кёльне.

²⁸ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика... С. 218, 220.

²⁹ *Otto Bischof von Freising. Chronik oder die Geschichte der zwei Staaten VII, 34 / Hg. W. Lammers. Darmstadt, 1990. 5. Aufl. S. 558 (AQDGM. Bd. 16); Ottonis et Rahewini. Gesta... I, 32. P. 48—49.* Правда, Оттон Фрайзингенский утверждает, будто Борис, начав военные действия на немецко-венгерском пограничье, действовал по личной инициативе, наняв немецкое войско на собственные деньги. Похоже, это дипломатическая отговорка взятых в плен венграми сторонников Бориса Кальмановича. Так или иначе, для нас более важна политическая позиция Конрада III и австрийского маркграфа Генриха Язомирготта, нежели форма их практического участия в деле. В целом об авантюрной истории Бориса см.: *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Коломанович: Из европейской политики XII в. // *Изв. АН.* 1930. № 8. С. 585—599; № 9. С. 641—671.

были немцы³⁰. Немаловажно и то, что Борис был представлен Конраду III чешским князем Владиславом II, одним из самых твердых союзников и германского короля, и волынского князя³¹.

В таких взаимно не «стыкующихся» данных нет нужды видеть непременно противоречие или непоследовательность во внешней политике. Очевидно, династические связи — явление значительно более консервативное, чем система внешнеполитических союзов, и сводить первые к последним было бы неоправданным упрощением. Да, у нас есть кое-какие сведения о дружественных отношениях Фридриха I (1152—1190) с Галичем и Суздалем³², но стоит ли видеть в них непременно признаки какого-то поворота в русской политике Штауфенов? Естественно, что после Бенеventского мира 1156 г. между Фридрихом и южно-итальянскими норманнами и связанного с ним резкого обострения немецко-византийских отношений германский император был готов приветствовать любого союзника против Константинополя; было бы странно, если бы при этом из его поля зрения выпал чрезвычайно усилившийся при Владимирке Володаревиче и его сыне Ярославе Осмомысле (1153—1187) Галич, который имел прямой выход к Дунаю. Данные о взаимной политической заинтересованности Фридриха Барбароссы и Ярослава Владимировича Галицкого в самом деле есть, но они не настолько отчетливы, чтобы на их основе можно было бы реконструировать какие-то конкретные формы политического сотрудничества. Какого русского князя привел «под руку» Фридриха уже упоминавшийся Владислав II Чешский в 1165 г.³³? В. Т. Пашуто полагает, что это был кто-то из «вассалов Осмомысла»³⁴, основываясь, как можно понять, на двух соображениях: во-первых, на том, что именно галицкие полки, наряду с немцами и чехами, участвовали в венгерско-византийской войне 1163—1164 гг., а во-вторых, на самой терминологии немецкого источника, сообщающего о приеме 1165 г. (дополнительной статьи к продолжению Рахевинот Оттоновых Деяний Фридриха Барбароссы), где русский протеже чешского короля якобы несколько пренебрежительно поименован «кем-то из русских князьков» (*regulus*). Однако в термине *regulus* в данном случае нет ничего специфически уничижительного; так канцелярия Фридриха I, в соответствии с имперскими притязаниями Барбароссы, имела обыкновение именовать зарубежных государей вообще, что приводило иногда даже к междонародным осложнениям³⁵. Далее, Иоанн Киннам, на сведениях которого основаны наши знания о союзниках Венгрии в 1163—1165 гг., вовсе не уточняет, откуда именно явились русские вспомогательные отряды³⁶; да и сам В. Т. Пашуто в

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 325.

³¹ Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 183—184.

³² Там же. С. 219—220; см. также примеч. 57, 58.

³³ MGH SS. Т. 20, 1869. Р. 492: во время переговоров Фридриха I с венграми «чешский король представил ему кого-то из русских князей, которого и привел в его подчинение» («Ubi rex Boemorum quendam de regulis Ruthenorum suae praesentiae obtulit eiusque illum diuioni subdidit»); перевод этого сообщения М. Б. Свердловым (Латиноязычные источники... [вып. 2]. С. 303), согласно которому русский князь оказывается подчинен чешскому королю, неверен.

³⁴ Пашуто В. Т. Внешняя политика... С. 185.

³⁵ Jordan K. Investiturstreit und frühe Stauferzeit, 1056—1197. München, 1973. S. 127 (Gebhardt Handbuch der deutschen Geschichte, 9. Aufl. Bd. 4).

³⁶ Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum V, 15 / Ed. A. Meineke. Bonn, 1836. P. 218, 242; Бибииков М. В. Византийские исторические сочинения: Византийский

другом месте своего исследования допускает, что это были волыняцы³⁷. Наконец, непонятно, кто конкретно из «вассалов Осмомысла» мог искать защиты у германского императора в 1165 г., отдавая себя под его власть? И от кого? От Осмомысла? Ни один из обоих известных сыновей Ярослава Владимировича (ни Владимир, ни Олег) на эту роль не подходит, а других «вассалов» у галицкого князя не видно.

Другой эпизод из этого ряда — бегство в Германию из венгерского плена Владимира Ярославича, сына Ярослава Осмомысла, в 1189 г.; Фридрих I обеспечил ему польскую подмогу, с которой Владимир и вернул себе галицкий стол. Но вот что любопытно: довольно подробное сообщение об этом событии в Киевском летописном своде, восходящее, надо думать, к галицкому летописанию, объясняет расположение Фридриха Барбароссы к Владимиру Ярославичу не традициями галицко-немецких дружественных связей, а близким родством галицкого князя с владими́ро-суздальским Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо (Владимир был Всеволоду «сестричич», т. е. племянник)³⁸. Умолчание странное, если бы такие устойчивые связи действительно существовали — тем более что рассказ свой летописец завершает панегириком крестоносцам Фридриха Барбароссы: «Иде царь немецкий со всею своею землею битися за гроб Господен...; сии же немци, яко мученики святии, проляша кровь свою за Христа...»³⁹.

Цель столь пространного экскурса не в том, чтобы продемонстрировать вторичность, производность галицко-немецких отношений сравнительно с суздальско-немецкими (сведений о последних, по сути дела, вообще нет, и намеки на них можно уловить разве что в сфере культурных влияний, как о том скажем ниже); мы далеки также от желания во что бы то ни стало перетолковать скудные данные источников о русско-немецких политических связях эпохи Конрада III и Фридриха I «в ущерб» Галичу и «в пользу» Волыни. Наше намерение скромнее: показать, насколько сложна задача, с которой сталкивается историк, желающий проследить эти связи с источниками в руках. Не будет преувеличением сказать, что их изучение, строго говоря, едва началось; история политических отношений Германии и Руси XII в. в их полном объеме и контексте международной политики того времени в целом — задача будущего.

Особую малоизвестную тему представляют собой русско-австрийские связи XII — первой половины XIII в., венчавшиеся участием галицко-волынского князя Даниила Романовича в борьбе за австрийское наследство после смерти в 1246 г. последнего Бабенберга, герцога Фридриха II Воинственного⁴⁰. Эти связи имели как торгово-политический, так и церковно-политический аспекты.

историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы: Тексты, перевод, комментарий. М., 1997. С. 55—56, 66—68 (серия: ДИ).

³⁷ Паушто В. Т. Внешняя политика... С. 179.

³⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666.

³⁹ Там же. Стб. 667—668.

⁴⁰ Паушто В. Т. Древняя Русь и Австрия // Ost-West-Begegnung in Österreich: Festschrift für E. Winter zum 80. Geburtstag. Wien; Köln; Graz, 1976. S. 237—238. В борьбе императора Фридриха II с Фридрихом Бабенбергом в 1236 г. волыняне Романовичи — Даниил и Василько были склонны поддержать Австрию: «...в то время пошел быше Фридрих ц[е]с[а]рь на герцика войною, и восхотеста ити Данил со братом Василком герцикови во помощь», — но их планы разбились о сопротивление Венгрии («...королеви возбранившу има, возвратистася в землю свою») (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 776—777). В дальнейшем Бела IV, желая иметь свободу рук в австрийских де-

Торгово-таможенные установления австрийских герцогов конца XII — первой трети XIII в. (более ранних документов такого рода не сохранилось, за исключением Раффельштеттенского таможенного устава начала X в., о котором речь ниже) не только упоминают о торговле с Русью, но и выделяют купцов, занимавшихся ею, в особую таможенную категорию. Это, прежде всего, грамота штирийского герцога Оттокара IV от 1191/92 г., подтверждающая таможенные порядки на рынке в г. Энсе, как они были установлены его отцом штирийским маркграфом Оттокар III. Одним из центральных положений этой грамоты является обязанность всех торговцев, проезжающих Энс после Благовещения (т. е. после 25 марта), оставаться здесь для участия в ярмарке, которая происходила ежегодно в течение почти двух недель со вторника накануне Вознесения до кануна Троицына дня. Единственным исключением были «возы, направляющиеся на Русь или из Руси», которые по уплате обычной проездной пошлины в 16 денариев при переправе по мосту через реку Энс «не могли быть задерживаемы»⁴¹. Спустя несколько месяцев, в июле 1192 г., новым австрийским и штирийским герцогом Леопольдом V был издан другой документ — торговые и таможенные привилегии регенсбургским купцам. В них торгующие с Русью купцы — так называемые *Ruzarii*⁴² — хотя и выделены в особую рубрику (§ 33), но в отношении таможенных пошлин приравнены к прочим торгующим привозным товаром — например, из Кёльна (§ 28): «*Ruzarii*, когда бы ни шли, платят 2 таланта (т. е. 2 фунта серебра. — *А. Н.*) и по возвращении из Руси — полталанта; пусть заплатят 12 денариев, если пожелают куда-нибудь зайти (т. е. для торговли. — *А. Н.*)» (последняя норма характеризует *Ruzarii* как купцов, транзитных по преимуществу)⁴³. К этим двум свидетельствам теперь можно прибавить данные еще одного памятника, полностью опубликованного только в 1977 г., — торгового устава австрийского герцога Леопольда VI (1198—1230), в котором также упоминаются стандартные возы, идущие из Венгрии и Руси, с которых в Маутхаузене взимается пошлина по 3 фунта серебра⁴⁴. Надо отметить, что эта пошлина много выше той, которая была установлена Леопольдом V в 1192 г. для регенсбургских куп-

лах, пошел на длительный союз с Даниилом Романовичем. По некоторым сведениям, Фридрих Австрийский в ходе своей борьбы с венграми погиб в 1246 г. «в единоборстве с неким русским королем» (*Annales S. Pantaleonis Coloniensis*, а. 1246 / Ed. H. Cardanus // *MGH SS*. T. 22, 1872. P. 541: «Cum quodam rege Ruscie singulariter... dimicans»).

⁴¹ *Regensburger Urkundenbuch*. Bd. 1 / Hg. J. Wiedemann. München, 1912. № 43. S. 13 (*Monumenta Boica*. T. 53; *Nova series*. T. 7): «*Plaustrum* (надо: *Plaustra*. — *А. Н.*) in *Ruziam* vel de *Ruzia* tendentia XVI. den[arios] persolvant nec retineri debent».

⁴² Об этом термине, представляющем собой один из вариантов этнонима «русский» в средневерхненемецком языке, см.: *Назаренко А. В.* Об имени «Русь» в немецких источниках IX—XI вв. // *Вопросы языкознания*. 1980. № 5. С. 47—50; *Он же*. Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах IX—XIV вв.: Бавария — Австрия // *ДГ*, 1982 год. М., 1984. С. 104—105.

⁴³ *Urkundenbuch zur Geschichte der Babenberger in Österreich* / Hg. H. Fichtenau, E. Zöllner. Bd. 1. Wien, 1950. № 86. S. 118: «*Ruzarii* quocumque tempore vadant, duo talenta solvant et in reditu de *Ruzia* dimidium talentum; duodecim denarios dabunt ubicumque velint intrare».

⁴⁴ *Knittler H.* Eine Markt- und Zollordnung Herzog Leopolds VI. // *MIÖG*. Bd. 85, 1977. S. 350: «Item de curru qui dicitur ringwagen (судя по размеру таможенного сбора, это воз меньшего объема, нежели стандартный воз из Кёльна, именуемый в уставе Леопольда V *wagengiwan*, а в уставе Леопольда VI — *wagnerwannt*, т. е. тем же термином, только в испорченном чтении. — *А. Н.*), qui ducitur de Ungaria vel de Ruchia (ошибка копииста — очевидно, вместо *Rucia* или *Ruthia* оригинала; палеографически путаница *z* и *h* или *c* и *t* обычна. — *А. Н.*), tria talenta».

цов (3 фунта вместо полуфунта). Очевидно, высокие пошлины свидетельствуют о прибыльности торговли. В связи с перечисленными австрийскими документами напомним, что о русской торговле идет речь и в грамоте, данной венгерским королем Имре (1196—1204) монастырю в Эстергоме 1198 г.⁴⁵

Известно о существовании в Киеве в первой половине XIII в. католического монастыря св. Марии; он был, вероятно, дочерней обителью ирландской монашеской конгрегации в Баварии и Австрии, первый храм которой в этих землях — собор св. Иакова в Регенсбурге, кстати говоря, был достроен на средства, предоставленные киевским княжеским семейством⁴⁶. Наличие в крупных торговых городах Древней Руси католических храмов не было, очевидно, редкостью. Известно, например, о Готской (т. е. принадлежавшей корпорации готландских купцов) церкви св. Олафа и немецкой церкви св. Петра (основанной, вероятно, в 1192 г.) в Новгороде⁴⁷. В договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом от 1229 г. упоминается «латинская церкви» или «немецкая Богородица», «немецкая божница», остатки которой в виде типичной для североевропейской церковной архитектуры XII в. ротонды археологи датируют второй половиной (вероятно, 70-ми гг.) XII в.⁴⁸ Характер этих сведений ясно показывает, что возникно-

⁴⁵ Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Ed. G. Fejér. T. 7. Vol. 5. Budapest, 1844. № 76. P. 143; Monumenta ecclesiae Strigoniensis / Ed. F. Knauz. T. 2. Strigonii, 1882. № 215. P. 241. В качестве единственного обзора древнерусско-южнонемецких торговых связей продолжает сохранять свое значение работа В. Г. Васильевского: Древняя торговля Киева с Регенсбургом // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1888, июль. С. 121—150 (немецкий вариант: Wasiliewski W. G. Kiews Handel mit Regensburg in alter Zeit // Verhandlungen des Historischen Vereines von Oberpfalz und Regensburg. Regensburg. Bd. 57, 1905 [Neue Folge. Bd. 49], S. 184—223).

⁴⁶ Сообщение об этом содержится в Житии св. Мариана (1180-е гг.), основателя монастыря св. Иакова: «Тогда один из братии этой обители... по имени Маврикий, в сопровождении только мальчика, по бездорожью мира ведомый милосердием Святого Духа, прибыл к королю Руси, получил от этого короля и от вельмож богатейшего города Киева на сто марок драгоценных мехов и, погрузив их на повозки, благополучно добрался с купцами до Регенсбурга. На эти деньги были закончены постройки монастыря и крыша собора» (Vita S. Mariani Scoti, cap. 4 (17) / Ed. J. Gamansius // AS. Februarii T. 2, 1864. P. 369 С: «Tum quidam de fratribus loci ejusdem... nomine Mauricius, solus cum solo puero comite per devia mundi, Spiritus sancti ductante eum gratia, ad regem Russiae perveniens, ab eodem rege ac principibus urbis ditissimae Chios de ferinis pellibus pretiosis valentibus centum marcas recepit, atque easdem vehiculis ferens, cum negotiatoribus Ratisbonam pacifice pervenit; ex quarum pretio claustrum aedificia, tectum quoque monasterii factum est». Новое издание 4-й главы, посвященной построению монастыря св. Иакова, L. Bieler'ом в «The Irish Ecclesiastical Record» [Vol. 95, 1961. P. 176—177] нам недоступно). В науке поездку Маврикия на Русь относили то к 1089 г., т. е. к княжению Всеволода Ярославича (1078—1093) (Шайтан М. Э. Германия и Киев в XI в. // Летопись занятий постоянной Историко-археологической комиссии. Л., 1927. Т. 1 (34). С. 19—23), то к началу XII в., к периоду правления в Киеве Святополка Изяславича (1093—1113) (Васильевский В. Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом... С. 135—136). Однако, согласно Житию, Маврикий отправился в Киев после того, как в 1112 г. (Prinz F. Die innere Entwicklung: Staat, Gesellschaft, Kirche, Wirtschaft // Handbuch der bayerischen Geschichte. Bd. 1. München, 1967. S. 398) была издана привилегия монастырю императора Генриха V (1106—1125); это значит, что «королем Руси», с которым имел дело регенсбургский монах, был Владимир Всеволодович Мономах (1113—1125).

⁴⁷ Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986. С. 15—23.

⁴⁸ Смоленские грамоты XII—XIV веков / Подг. к печати Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин. М., 1963. С. 24.81, 29.140, 30.58, 38.115, 38.133, 43.103, 44.119, 50.235, 51.279; Воронин Н. Н., Ратнопорт П. А. Зодчество Смоленска XII—XIII вв. М., 1979. С. 140—150. Связи с храмами-ротондами Галицкой Руси, также датирующимися второй половиной XII в., исследователи в данном

вание латинских храмов связано с постоянным присутствием западноевропейского, и особенно немецкого, купечества в Новгороде и Смоленске. Не был исключением и Киев. О постоянно проживавших здесь регенсбургских купцах узнаём, в частности, из записи 1179 г. во вкладной книге регенсбургского монастыря св. Эммерама, в которой упоминается некий «Хартвик, живущий в стране Руси, в городе под названием Киев», который передает монастырю причитающиеся ему от его должников 18 фунтов серебра⁴⁹. Поэтому едва ли подлежит сомнению, что в Киеве также существовали латинские храмы, которые и имел в виду новгородский летописец, говоря, что в 1203 г. при разграблении Киева войсками Рюрика Ростиславича «гости, иноземца всякого языка, затворишася в церквах, и вдаша им живот»⁵⁰. Возможно, остатками одной из них является открытая археологами в 1975—1976 гг. киевская ротонда, датируемая, как и ее упомянутый выше смоленский аналог, второй половиной XII в.⁵¹ Вместе с тем сведения о наличии в Киеве, кроме того, еще и католического монастыря соответствий для других городов Руси не имеют. В составе сочинения английского хрониста середины XIII в. Матвея Парижского сохранилось сопроводительное послание аббата бенедиктинского монастыря св. Марии в Венгрии, данное им двум монахам «из монастыря святой Марии на Руси», которые бежали от татар и которых он отправил далее в Ирландию; документ датирован январем 1242 г.⁵² Едва ли приходится сомневаться в том, что речь идет о «монастыре Преславной Девы» в Киеве, управление которым в первой половине 20-х гг. XIII в. временно оказалось в руках доминиканцев во главе со св. Гиацинтом (Яцеком)⁵³ и который упомянут также Длугошем в связи с изгнанием доминиканцев из Киева в 1233 г. князем Владимиром Рюриковичем⁵⁴. Приведенное свидетельство Жития св. Гиацинта заставляет думать, что католическая обитель Пресв. Богородицы существовала в Киеве и до появления здесь доминиканских проповедников в первой половине 1220-х гг. Считается, что она была основана монахами-ирландцами, закрепившимися в Регенсбурге при поддержке германского короля

случае не усматривают (Иоаннисян О. М. Зодчество Юго-Западной и Северо-Восточной Руси и романская архитектура: К проблеме международных связей в древнерусском искусстве XII—XIII вв. // Древняя Русь: Новые исследования. СПб., 1995. С. 135—137 (Славяно-русские древности. Вып. 2).

⁴⁹ Die Traditionen des Hochstifts Regensburg und des Klosters S. Emmeram / Hg. J. Widemann. München, 1943. № 926. S. 459 (Quellen und Erörterungen zur bayerischen Geschichte. Neue Folge. Bd. 8): «Hartwic..., habitans in regione Ruscie, in civitate Chiebe dicta».

⁵⁰ НПЛ. С. 455.

⁵¹ Боровський Я. Е., Толочко П. П. Київська ротонда // Археологія Києва: Дослідження і матеріали. Київ, 1979. С. 90—103; Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 52. Впрочем, существуют и другие мнения относительно назначения этой постройки; см. их краткий обзор: Mühle E. Die topographisch-städtebauliche Entwicklung Kievs vom Ende des 10. bis zum Ende des 12. Jh. im Licht der archäologischen Quellen // JbbGOE. Jg. 36, 1988. H. 3. S. 369—370.

⁵² *Matthaei Parisiensis monachi S. Albani chronica maiora* / Ed. H. R. Luard. T. 6. London, 1882. P. 78; Матузова В. И. Английские средневековые источники IX—XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979 (серия: ДИ). С. 129, 155—156.

⁵³ МРН. Т. 4, 1884. P. 857: «...sanctus Jazecho... in Kijow, ubi... conventum in honorem Virginis gloriosae fratrum praedicatorum recepit».

⁵⁴ *Ioannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae*. [Т. 3] Libb. V—VI. Warszawa, 1973. P. 266; *Altaner B. Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts*. Habelschwerdt, 1924. S. 208—219.

Генриха IV в 1070—1080-х гг. и основавшими здесь монастырь св. Иакова⁵⁵. Такую точку зрения следует признать вероятной, особенно в предположении, что в хронике Матвея Парижского о не известном по другим источникам монастыре св. Марии в Венгрии говорится по ошибке вместо ирландского монастыря св. Марии в Вене, дочерней обители регенсбургского св. Иакова, основанной австрийским герцогом Генрихом II Язомирготтом ок. 1168 г.⁵⁶

Специальной проблемой, требующей участия искусствоведов, являются следы немецкой романики во владимиро-суздальской архитектуре эпохи Андрея Боголюбского (1157—1174) и Всеволода Большое Гнездо (1176—1212)⁵⁷. Такого рода контакты прослеживаются и в сфере прикладного искусства⁵⁸, хотя последняя тема, безусловно, шире, чем только немецко-суздальские связи. Не являясь специалистом в этой области, укажем здесь лишь на достаточно известный, но от этого не менее загадочный пример — древнерусский (новгородский) крестомощевик, издавна хранящийся в ризнице Хильдесхаймского кафедрального собора; он датируется, вероятно, второй половиной XII или началом XIII в. и связан, как предполагают, с именем новгородского архиепископа Илии (1165—1186)⁵⁹.

⁵⁵ Abraham W. Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. Lwów, 1904. S. 69; Шайтан М. Э. Германия и Киев... С. 24—25.

⁵⁶ Hauck A. Kirchengeschichte Deutschlands. Bd. 4. 8. Aufl. Berlin; Leipzig, 1954. S. 1020.

⁵⁷ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. 1. М., 1961. С. 330—334; Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси, XII век: Владимир, Боголюбово. М., 1969. С. 84—85, 186—187. По словам летописца об Андрее Боголюбском, «приведе ему Бог от всех земель мастера» (ПСРА. Т. 1. Стб. 351); из каких именно земель прибывали мастера во Владимир, разъясняет похвала ростовскому епископу Иоанну по поводу обновления им суздальского Успенского собора в 1194 г.: «...а иже не ища мастеров от немец, но налезе мастера от клеврет святое Богородици и своих» (Там же. Стб. 411). В этой связи в науке принято с доверием относиться к известию В. Н. Татищева (История Российская. Т. 3. М., 1964. С. 245—246, примеч. 485; С. 253, примеч. 547), будто мастера были присланы от императора Фридриха Барбароссы. Но даже если так, можно ли усматривать здесь непосредственные контакты между Фридрихом I и Андреем Юрьевичем? В манере строительной артели, работавшей над Рождественским собором Боголюбова, Успенским собором во Владимире и церковью Покрова Богоматери на Нерли, улавливается также и отчетливое галицкое влияние (Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси... С. 180), а это позволяет думать, что немецкие мастера прибыли в Суздальскую Русь из Галича, подтверждая тем самым еще раз политическую близость этих княжеств. Ср., однако, примеч. 58.

⁵⁸ См., например: Филимонов Г. Д. Древнейшие западные эмали в России, приписываемые св. Антонию Римлянину и Андрею Боголюбскому // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1874. С. 21—26; Даркевич В. П. Романская церковная утварь из Северо-Восточной Руси // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 61—69; Он же. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). М., 1966 (Свод археологических источников. [Вып.] Е1—57); Wörn D. Armillae aus dem Umkreis Friedrich Barbarossas — Naplečniki Andrej Bogoljubskijs // JbbGOE. Jg. 28, 1980. S. 391—397. В. П. Даркевич выяснил, что, например, Большой сион московского Успенского собора, в его нынешней форме созданный в 1486 г., в своей основе является кельнской работой 1160-х гг., вышедшей из мастерской при монастыре св. Пантелеимона (ср. приводимые ниже данные об особых связях семейства Мстислава Владимировича с этой немецкой обителью). Интересно, что обнаруживаемые на Суздальщине и Рязанщине лотарингские эмали (датируемые также временем Андрея Боголюбского) аналогий в других землях Руси не имеют.

⁵⁹ Первоначально этот энколпион содержал частички мощей, привезенных из Святой Земли и Царьграда, и потому иногда именуется в литературе «Иерусалимским крестом»: Шляткин И. А. Русский крест XII в. в г. Гильдесгейме // Вестник археологии и истории, изд. имп. С.-Петербург-

Главная сложность для историка русско-немецких отношений при работе с подобными памятниками состоит в том, что бывает весьма затруднительно выяснить, каким путем и при каких обстоятельствах они попадали из Германии на Русь или наоборот. Применительно именно к Хильдесхайму можно сослаться на один любопытный текст 30-х гг. XII в. — Перенесение мощей хильдесхаймского епископа Годехарда, в котором упоминаются «какие-то паломники из Руси» («quidam peregrinantes de Ruzia»), направляющиеся на поклонение этому новоявленному святому в основанный в 1133/34 г. в его честь монастырь⁶⁰ («ad patrociniū beati Godehardi»)⁶¹, хотя хильдесхаймский крест мог попасть в Германию, разумеется, и много позже (но до конца XVII в., когда мощевик упоминается в описании сокровищ местной ризницы).

Некоторое внимание в науке было уделено взаимовлиянию древнерусской и древне немецкой эпических традиций. Наиболее известна здесь судьба былинного Ильи Муромца, который под именем «короля Илии Русского» («kūnec Ilias von Riuzen») проник и в немецкий средневековый эпос⁶². Однако вследствие специфичности материала связи такого рода не поддаются сколько-нибудь точной датировке и локализации⁶³, и поэтому их роль в воссоздании общей картины древнерусско-немецких взаимоотношений ограничена.

ским Археологическим институтом. СПб. Вып. 22, 1914. С. 36—45; *Мясоедов В.* «Иерусалимский крест» в ризнице собора в Гильдесгейме // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Пг. Т. 12, 1918. С. 7—22; *Ammann A. M.* Ein wenig bekanntes byzantinisch-slavisches Enkolpion aus dem Domschatz in Hildesheim // *Ellenica*. 1954. S. 126—133 (автор не знаком с работами И. А. Шляпкина и В. Мясоедова); *Ludat H.* Das Jerusalemer Kreuz: Ein russisches Reliquar im Hildesheimer Domschatz. Köln; Graz, 1956 (*Archiv für Kulturgeschichte*. Bd. 38/1) (ср. также ценную рецензию: *Poppe A.* // *Studia Źródłoznawcze—Commentationes*. Warszawa; Poznań. Т. 5, 1960. S. 137—139); *Медвинцева А. А.* Древнерусский крест-мощевик из Хильдесгейма (так в тексте! — *А. Н.*) // Церковная археология: Материалы 1-й Всероссийской конференции (Псков, 20—24 ноября 1995 г.). Ч. 2. СПб.; Псков, 1995. С. 63—66 (попытка более поздней датировки).

⁶⁰ *Hauck A.* Kirchengeschichte Deutschlands... Bd. 4. S. 986.

⁶¹ Godehardi episcopi Hildesheimensis translatio, cap. 3 / Ed. G. H. Pertz // *MGH SS*. Т. 12, 1856. P. 647.

⁶² *Ortnit und Woldietriche II*, 76 / Hg. A. Amelung, O. Jänicke. Bd. 1. Berlin, 1871. S. 12. Илья, брат «конунга» Владимира из Хольмгарда (т. е. Новгорода), упоминается и в норвежской записи нижне немецкого цикла сказаний о Дитрихе Бернском: *Веселовский А. Н.* Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском) // *ИОРЯС*. Т. 11, 1906. Кн. 3. С. 170—190 (здесь перевод «русских» фрагментов саги). О русско-немецких связях в области эпоса в целом см.: *Киричников А.* Поэмы ломбардского цикла: Опыт сравнительного изучения западного и русского эпоса. М., 1872; *Ярхо Б. И.* Илья, Илиас, Хилтебрант // *ИОРЯС*. Т. 22, 1918. Кн. 2. С. 326—337; *Studer E.* Russisches in der Thidrekssaga // *Sprache und Dichtung*. Bern. H. 46, 1931. S. 77—98; *Bräuer R.* Die literarischen deutsch-russischen Beziehungen im Mittelalter auf dem Gebiet der Heldenepik // *ZfSl*. Bd. 18, 1973. H. 1. S. 144—153; *Berkov P. N.* Das «russische Thema» in der mittelhochdeutschen Literatur // *ZfSl*. Bd. 21, 1976. H. 2. S. 297—310; *Глазырина Г. В.* Илья Муромец в русских былинах, немецкой поэме и скандинавской саге // Методика изучения древнейших источников... С. 192—202; *Keller M.* Perspektiven: Vorstellungen von «Riuzen» in der deutschen Literatur des Mittelalters // *Russen und Russland aus deutscher Sicht*... S. 84—109; и др. См. также примеч. 63.

⁶³ Исключения редки. Так, в качестве terminus ante quem для знакомства в Новгороде с нижне немецкими сказаниями о Дитрихе Бернском может служить упоминание «поганого злого Дедрика» в Повести о взятии Царяграда фрягами, созданной вскоре после 1204 г. (НПЛ. С. 49). Автор Повести прибег к знакомому для читателя образу «Дедрика», который жил «в граде Бьерне», чтобы пояснить происхождение одного из вождей Четвертого крестового похода

Возвращаясь к более раннему периоду IX—XI вв., уместно заметить, что и здесь усилия историков концентрировались вокруг политических контактов Руси и Германии в XI в., тогда как предшествующие два столетия освещены значительно хуже и только выборочно. Это и понятно: XI в., в особенности первая его половина, время киевского княжения Ярослава Владимировича Мудрого (1016—1018, 1019—1054), являет собой эпоху чрезвычайной активизации и расширения ареала внешней политики Руси. Едва ли найдется историк, который, обращаясь ко времени Ярослава Мудрого, не украсил бы своего труда списком заграничных браков многочисленного потомства Ярослава⁶⁴. И хотя среди этих браков нет ни одного немецкого (мы, впрочем, не знаем происхождения жен старшего из Ярославичей — Владимира, а также младших Игоря и Вячеслава⁶⁵), но Германия была важным и прочным элементом во внешнеполитическом кругозоре киевского князя.

маркграфа Бонифация Монферратского (*Клейнбергер И. Э.* «Дедрик Бернский» в Новгородской первой летописи // *ЛХ*, 1973 г.: Посв. памяти А. Н. Насонова. М., 1974. С. 129—136).

⁶⁴ Из сыновей Ярослава Изяслав был женат на сестре польского князя Казимира I Гертруде, Всеволод — на родственнице (дочери?) византийского императора Константина IX Мономаха (1042—1055) Марии (?), Святослав — возможно, на венгерке (*Назаренко А. В.* О династических связях сыновей Ярослава Мудрого // *ОИ*. 1994, № 4—5. С. 192, примеч. 58); из дочерей — Елизавета вышла замуж за норвежского короля Харальда Грозного (1047—1066), Анастасия (?) — за венгерского короля Андрея I (1046—1060), Анна — за французского короля Генриха I (1031—1061) (*Hellmann M.* Die Heiratspolitik Jaroslavs des Weisen // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Berlin. Bd. 8, 1962. S. 7—25 [перепечат.: *Hellmann M.* Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa im Mittelalter. Amsterdam, 1988. S. 157—175]; *Паушто В. Т.* Внешняя политика... С. 419, генеалогич. табл. 1).

О русско-немецких связях XI в. в целом и эпохи Ярослава Мудрого в частности есть ряд обзорных работ: *Ediger Th.* Russlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und römischer Kurie. (Diss.) Halle/Saale, 1911; *Шайман М. Э.* Германия и Киев... С. 5—26; *Bloch R.* Verwandtschaftliche Beziehungen des sächsischen Adels zum russischen Fürstenhause im 11. Jahrhundert // *Festschrift für A. Brackmann*. Weimar, 1931. S. 185—206 (перепечат.: *Gorlin M., Bloch-Gorlina R.* Etudes littéraires et historiques. Paris, 1957); *Widera B.* Die wirtschaftlichen Beziehungen zwischen Deutschland und der Kiever Rus' in der ersten Hälfte des 11. Jahrhunderts // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. Beiheft 1: Beiträge zur Geschichte der Beziehungen zwischen dem deutschen Volk und den Völkern der Sowjetunion. Berlin, 1954. S. 3—39; *Idem.* Die politischen Beziehungen der Kiever Rus' zu Deutschland in der ersten Hälfte des 11. Jahrhunderts // *JbG UdSSR*. Bd. 5, 1961. S. 235—245 (одновременно в: *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin*; gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. Jg. 10, 1961. № 1); *Свердлов М. Б.* Политические отношения Руси и Германии в X — первой половине XI в. // *Проблемы истории международных отношений*. Л., 1972. С. 282—297 (немецкий вариант этой работы: *Sverdlov M. B.* Die politischen Beziehungen zwischen der Rus' und Deutschland in der zweiten Hälfte des 10. Jahrhunderts und der ersten Hälfte des 11. Jahrhunderts // *Russisch-deutsche Beziehungen von der Kiever Rus' bis zur Oktoberrevolution*... S. 1—17).

⁶⁵ Гипотеза *Н. А. Баумгартена* (Первая ветвь князей галицких: потомство Владимира Ярославича // *Летопись Историко-родословного общества*. М. Вып. 4 (16), 1908. С. 3—4; *Idem.* Généalogies et mariages... Table I, № 22, 25; *Он же.* Ода Штаденская, внучатая племянница папы Льва IX — невестка Ярослава Мудрого // *Благовест*. Париж. 1930. № 1. С. 95—102), будто Владимир Ярославич ок. 1043 г. был оженен отцом на немке Оде, ошибочна: *Назаренко А. В.* О династических связях... С. 182—183. Неверно также предположение *Н. М. Карамзина* (История государства Российского. Кн. I. Т. 2. 5-е изд. СПб., 1842. С. 20; Примеч. к Т. 2. № 48), что Игорь Ярославич был женат якобы на немке Кунигунде из рода графов Орламюнде, хотя оно время от времени до сих пор повторяется в литературе (см., например: *Handbuch der Geschichte Russlands*... Bd. 1, 1. S. 318); в действительности мужем Кунигунды был Ярополк Изяславич — см. об этом подробнее ниже.

В самом деле, русско-немецкий союз при Генрихе II (1002—1024), направленный против Польши Болеслава I (992—1025), который активно поддерживал своего зятя Святополка Туровского, соперника Ярослава, сопровождал уже само воцарение Ярослава в Киеве в 1016—1017 гг.⁶⁶ Этот союз имел свое продолжение и при Конраде II (1024—1039), когда в начале 30-х гг. как Русь, так и Германия усиленно поддерживали политические притязания братьев польского короля Мешка II (1025—1034, с перерывом), способствуя тем самым падению последнего⁶⁷. Русско-немецкое сотрудничество продолжалось и позднее, в конце 30-х гг., при возведении на польский трон Казимира I Восстановителя (1038/39—1058)⁶⁸, что привело, наконец, к стабилизации как немецко-польской, так и русско-польской границ в результате отказа Польши от притязаний на Полабские марки на западе и на Червенские города на востоке. Союзные отношения Руси и Германии 1017—1039 гг. сравнительно полно отражены в источниках на всех этапах своего существования и потому довольно хорошо изучены, особенно в контексте русско-польского противоборства того времени, хотя и здесь ресурсы источников, кажется, вовсе не исчерпаны. Так, стоило бы с большим вниманием отнестись к сведениям Саксонской всемирной хроники (XIII в.), что жена маркграфа Саксонской северной марки Бернхарда (ум. после 1044 г.) была русской.

Перечисляя предков короля Лотаря III, саксонский хронист впадает в генеалогию маркграфов Саксонской северной марки конца X — первой половины XI в. из рода хальденслебенских графов: «...Бенно родил Дитриха, герцога и маркграфа, который был отцом Бернхарда; он родил маркграфа Бернхарда; этот родил маркграфа Вильгельма, и графа Конрада, и дочь Оду, и некоего Оттона, мать которого была из Руси...»⁶⁹ Высказанная мимоходом Г. Людатом датировка этого брака

⁶⁶ Поход Ярослава под Берестье в 1017 г. был скоординирован с одновременными действиями Генриха II в Силезии (*Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung* VIII, 65 / Hg. R. Holtzmann. Berlin, 1935. S. 478 [MGH SRG NS. T. 9]; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 135, 140, 157—160, коммент. 42).

⁶⁷ К заключению о политическом сотрудничестве Германии и Руси в борьбе против Мешка II легко прийти, комбинируя известия Повести временных лет о походах Ярослава и Мстислава Владимировичей в 1030 и 1031 гг. против Польши (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 149—150; Т. 2. Стб. 137) с известиями современника событий Випона, биографа императора Конрада II: *Wiponis Gesta Chuonradi imperatoris*, cap. 9, 29 // *Die Werke Wipos* / Hg. H. Bresslau. Hannover; Leipzig, 1915. S. 31—32, 48.

⁶⁸ Казимир был поддержан как Конрадом II (*Galli Anonymi Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum* I, 19 / Ed. K. Maleczyński // MPH NS. T. 2. Kraków, 1952. P. 44), так и Ярославом, выдавшим за него сестру и воевавшим на его стороне с мазовецким князем Моиславом в 1040-е гг. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 153—155; Т. 2. Стб. 141—143; *Annalista Saxo*, a. 1039 / Ed. G. Waitz // MGH SS. T. 6, 1844. P. 683). Характерно, что брак Казимира и Владимировны был заключен, вероятнее всего, уже в 1038/39 г. (*Balzer O.* Genealogia Piastów... S. 89), а стало быть, переговоры о нем велись, когда польский князь еще не вернулся на родину, а пребывал в Германии. В науке встречаются и более поздние датировки женитьбы Казимира, но все они, так или иначе, опираются на Повесть временных лет, где сообщение о браке помещено в хронологически сводной статье 1043 г. Дело, однако, в том, что эта ошибка летописца объяснима. Хронологические данные, извлеченные им из утраченного впоследствии Жития преп. Антония Печерского, «запаздывают» именно на пять лет (*Назаренко А. В.* Житие Антония Печерского и датировка русско-польского союза при Казимире I и Ярославе Мудром // *Славяне и их соседи: Международные отношения в эпоху феодализма*. М., 1989. С. 19—21).

⁶⁹ *Sächsische Weltchronik*... Kap. 237. S. 199: «...Benne gewan Diderike, den hertogen unde marggreven, de was vader Bernardes; de wan marggreven Bernardes; dese gewan marggreven Willehelme unde greven Conrade unde ene dochter Odam unde enen Otten, des müder was van Rûzen...».

примерно 991/92 г.⁷⁰ вряд ли состоятельна; предпочтительней выглядит более поздняя дата: 20-е гг. XI в.⁷¹ Если так, то женитьба Бернхарда была бы связана не с тем, что Владимир Святославич поддерживал вдову Мёшка I саксонку Оду (как считает Г. Людат), изгнанную в 992 г. из Польши Болеславом Храбрым, а скорее с совместной борьбой Германии и Руси против Мёшка II в начале 30-х гг., как о том говорилось чуть выше. Вместе с тем следует учитывать, что источниковедческой оценки этих данных довольно позднего памятника пока нет. Кроме того, отнюдь не ясно, был ли брак Бернхарда политическим. Действительно, сын Бернхарда от этого брака — Оттон, воспитывавшийся в Чехии, стал героем скандального происшествия: в 1057 г. он выступил с притязаниями на германский трон, и Ламперт Херсфельдский (70-е гг. XI в.) скептически замечает по этому поводу, что Оттон был якобы рожден в «неравном браке» («matrimonium impar») от «какой-то славянки» («quaedam Slava»)⁷². А. Вольф, вслед за Н. А. Баумгартеном, видит в матери Оттона дочь Владимира Святого⁷³, но единственным аргументом ему служит гипотеза Н. А. Баумгартена о втором браке Владимира (после смерти гречанки Анны в 1011/12 г.) с представительницей немецкой королевской династии. Тем самым,

⁷⁰ Ludat H. An Elbe und Oder um das Jahr 1000: Skizzen zur Politik des Ottonenreiches und der slavischen Mächte in Mitteleuropa. Köln; Wien, 1971. S. 144, Anm. 335; S. 146, Anm. 353; *Lübke Ch. Regesten zur Geschichte der Slaven an Elbe und Oder (vom Jahr 900 an)*. Т. 3. Berlin, 1986. № 259. S. 75 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 134). Г. Людат и Х. Любке склонны считать, что матримониальный союз, заключенный в самом конце правления Мёшка I (женатого вторым браком на Оде, дочери упомянутого в приведенной цитате из Саксонской всемирной хроники маркграфа Дитриха), преследовал цель укрепить политическое положение Оды и ее сыновей перед лицом соперничества со стороны Болеслава, старшего сына Мёшка; в этой связи указывается на известное свидетельство Хильдесхаймских анналов, что в 992 г., т. е. сразу после изгнания Оды и ее потомков из Польши Болеславом I, последнему «угрожала большая война против Руси» (*Annales Hildesheimenses*, a. 992 / Ed. G. Waitz. Hannover, 1878. S. 25: «...imminebat quippe illi grande contra Ruscianos bellum»).

⁷¹ Ediger Th. Russlands älteste Beziehungen... S. 57 (до 1035/40 г.); Bloch R. Verwandtschaftliche Beziehungen... S. 188 (не позднее 1035/37 г.); Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. С. 134. В самом деле, Бернхард впервые упоминается источниками в декабре 1009 г., когда он становится маркграфом; им он остается до смерти после 1044 г. (*Lübke Ch. Regesten...* Т. 3. № 426. S. 277—278; Т. 4. Berlin, 1987. № 672. S. 228—229). Такую хронологию трудно согласовать с предположением о втором браке Бернхарда уже в 991/92 г., и немудрено, что Х. Любке, присоединяясь к гипотезе Г. Людата (см. примеч. 70), вынужден прибегнуть к исправлению текста Саксонской всемирной хроники: историк полагает, что хронист перепутал первый и второй браки Бернхарда. Нельзя не отметить также, что, согласно недвусмысленному тексту источника, Бернхард, сын маркграфа Дитриха и шурин Мёшка I, и Бернхард, отец Оттона, — это вовсе не одно и то же лицо, а отец и сын.

⁷² *Lamperti Hersfeldensis Annales*, a. 1057 // *Lamperti monachi Hersfeldensis opera* / Rec. O. Holder-Egger. Hannover; Leipzig, 1894. P. 71—72.

⁷³ *Baumgarten N. Généalogies et mariages...* Table I, № 16; Паушмо В. Т. Внешняя политика... С. 419, генеалогич. табл. 1, № 3 (со знаком вопроса); Wolf A. Königs-kandidatur und Königs-verwandtschaft: Hermann von Schwaben als Prüfstein für das «Prinzip der freien Wahl» // *DA. Jg. 47*, 1991. S. 100—103. При этом женитьбу Бернхарда историк относит к 1035—1040 гг., исходя из характеристики Ламперта — «блестящий юноша, хотя и едва достигший воинского возраста» («egregium adolescentem, sed vixdum militiae maturum»), которую он приписывает Оттону. Однако рассказ Ламперта не оставляет сомнений в том, что в данном случае имеется в виду не Оттон, который к этому моменту был уже сражен, а другой, более младший, сын маркграфа Бернхарда. Интерпретация А. Вольфа неубедительна еще и потому, что в начале рассказа Ламперта Оттон прямо назван «мужем острого ума и неутомимым в бою» («vir acer ingenio et manu impiger»).

королевское происхождение матери Оттона, по А. Вольфу, и объясняет его притязания на престол. Однако идея Н. А. Баумгартена скорее всего несостоятельна (о чем еще пойдет речь), а родство Оттона с правящим домом можно установить и по другим линиям⁷⁴. Вопрос о «русском» браке маркграфа Бернхарда нуждается в дополнительном специальном исследовании.

Значительно меньше ясности относительно последних пятнадцати лет княжения Ярослава Мудрого, и здесь оценки историографии далеко не однозначны. Активная дипломатия киевского князя в начале правления германского короля Генриха III (1039—1056) (известны русские посольства в Германии 1040 и 1042 гг., последнее из которых предлагало овдовевшему Генриху руку одной из дочерей Ярослава⁷⁵) говорит о том, что Русь была по-прежнему заинтересована в поддержании традиционного уже союза с Западной империей — очевидно, не в последнюю очередь перед лицом назревавшего конфликта с Византией, вылившегося в войну 1043 г.⁷⁶ Такая политическая комбинация, как мы увидим, также была не нова, имея прецеденты в 50—70-е гг. X в. Собственные политические виды в Бургундии и Италии заставили Генриха III предпочесть Ярославне Агнесу Аквитанскую (1043 г.), что повело, как можно думать, к расстройству русско-немецкого политического сотрудничества, до той поры столь устойчивого. Во всяком случае, в междоусобной борьбе 40-х гг. в Венгрии Русь активно помогала противникам пронемецкого короля Петера Орсеоло (1038—1041, 1044—1046): в 1046 г. — Андрею, занявшему при поддержке Ярослава венгерский престол (1046—1060) и женатому на дочери Ярослава (Анастасии?)⁷⁷, а еще ранее, в 1043—1044 гг., вероятно, и Шамуэлю Абе, шурина покойного венгерского короля Иштвана I (Стефана) Святого, другому сопернику Петера⁷⁸. Предположение

⁷⁴ В одной из хальберштадтских грамот 1121 г. об Оде, жене Мёшка I и, таким образом, сестры Бернхарда (отца маркграфа Бернхарда), говорится как о «происходящей из королевского рода» («regia stirpe orta») (Urkundenbuch des Hochstifts Halberstadt und seiner Bischöfe / Hg. G. Schmidt. T. 1: 780—1235. Leipzig, 1883. № 151).

⁷⁵ *Annalista Saxo*, a. 1040. P. 684: «Король совещался со знатью в Альштетте на праздник св. Андрея (30 ноября. — *A. H.*), где принял и послов Руси с дарами» («Rex in festo sancti Andree in Altstide placitum habuit, ubi et legates Ruzorum cum muneribus suscepit») (Altstide — это известная королевская резиденция в Тюрингии, а не современный Альштеттен в Швейцарии, как полагает М. Б. Свердлов: *Латиноязычные источники по истории Древней Руси...* [Вып. 2]. С. 235, примеч. 32; кроме того, вследствие неверного перевода текст приобрел отсутствующую в оригинале игривость: «Король имел удовольствие (! — *A. H.*) во время праздника святого Андрея...» [Там же. С. 227]); *Annales Altahenses maiores*, a. 1043 / Rec. E. L. B. Oefele. Hannover, 1891. P. 2: «Король провел Рождество Господне (1042 г.: Рождество считалось началом года. — *A. H.*) в Госларе... Послы Руси также принесли великие дары, получив же еще большие, удалились» («Rex natale Domini Goslare peregit... Legati quoque Ruzorum magna dona tulerunt, sed maiora recipientes abierunt»); *Lamperti Hersfeldensis Annales*, a. 1043. P. 58: «Там [были] среди послов разных стран послы Руси, [которые] удалились в печали, так как получили твердый отказ в своих надеждах сосватать дочь своего короля за короля Генриха» («Ibi inter diversarum provinciarum legates legati Ruscorum tristes redierunt, quia de filia regis sui, quam regi Heinrico nupturam speraverant, certum repudium reportabant»).

⁷⁶ ПСРА. Т. 1. Стб. 154; Т. 2. Стб. 142.

⁷⁷ *Adam von Bremen. Hamburgische Kirchengeschichte*. III, 13, schol. 62 / Hg. B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917. S. 153; *Anonymi Gesta Hungarorum* // SRA. Т. 1, 1937. P. 55—56; *Ioannis Dlugossii Annales...*, a. 1050. [Т. 2.] Libb. III—IV. Warszawa, 1970. P. 61 (здесь впервые упомянуто имя княгини — Анастасия).

⁷⁸ Такое предположение основано на известии регенсбургской Хроники императоров (создана примерно в 1140-е гг.), что после взятия немцами Пресбурга (Братиславы) в 1044 г. Шамуэль

Н. А. Баумгартена, что в первой половине 40-х гг. Ярослав женил своего старшего сына, новгородского князя Владимира, на немке, как уже говорилось, не соответствует действительности⁷⁹. За недостатком определенных данных трудно судить, сколь длительным было охлаждение русско-немецких отношений. Иногда, ввиду известных французско-немецких противоречий в Бургундии, с ним связывают также брак Анны Ярославны с французским королем Генрихом I (1031—1061) (бракосочетание на Пасху 1049 или 1051 г.)⁸⁰. Следует, однако, учитывать, что серьезные матримониальные затруднения, которые испытывали первые Капетинги по причине близкого кровного родства с большинством династий Западной Европы, могут служить достаточным объяснением брака — по крайней мере с французской стороны⁸¹. Более того, не исключено, что дело не обошлось без посредничества Генриха III⁸², а это значило бы, что столь неожиданное (и впоследствии, насколько известно, более не повторявшееся) сближение Руси и Франции сопровождало не конфликт между Германией и Русью, а его урегулирование. Что касается венгерско-немецкого противоборства, то оно завершилось сразу же после смерти Генриха III в 1056 г. браком венгерского престолонаследника Шаламона, сына Андрея I и Ярославны, с сестрой нового германского короля малолетнего Генриха IV (1056—1106).

В дальнейшем мы не встречаем сколько-нибудь определенных сведений о политических взаимоотношениях между Русью периода так называемого «триумвирата» Ярославичей и Германией вплоть до рубежа 60—70-х гг. XI в. Видимо, относительная внутривосточная стабильность на Руси при отсутствии внешних конфликтов и в совокупности с некоторым ослаблением Германии во время регентства сначала матери короля Агнесы (до 1062 г.), а затем архиепископов Аннона Кёльнского и Адальберта Гамбургского (до 1066 г.) не давали повода для взаимной заинтересованности. Более того, безуспешные попытки немцев свергнуть венгерского короля Белу I (1060—1063), поддержанного Польшей Болеслава II (1058—1079), с которым был близок киевский князь Изяслав Ярославич (1054—1078 с перерывами), владевший до 1068 г. как Новгородом, так и Волынью (с 1057 г.), позволяют предполагать, что в русско-немецких отношениях сохранялась определенная дистанция, характерная для последнего периода правления Ярослава. Неясно поэтому, стоит ли полагаться на сообщение Песни об

Аба с женой и детьми бежал на Русь (Die Kaiserchronik eines Regensburger Geistlichen, Vers. 16438—16440 / Hg. E. Schröder // MGH Dt. Chron. T. 1/1, 1892. P. 378 («Otto huob sich enzit, // er nam chint unde wip // ze den Riuzen er entran»). Подробнее см.: Назаренко А. В. Об одном эпизоде венгерской политики Ярослава Мудрого // Afmaelislók: Сб. статей в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001 (в печати).

⁷⁹ См. примеч. 65.

⁸⁰ См., например: Паушто В. Т. Внешняя политика... С. 123. О браке Анны в целом см.: de Caix de Saint-Aymour A. Anne de Russie, reine de France et comtesse de Valois au XIe siècle. Paris, 1896. 2e ed.; Recueil des actes de Philippe Ier, roi de France / Ed. M. Prou. Paris, 1908. P. XV—XXIII; Bautiers R.-H. Anne de Kiev, reine de France, et la politique royale au XIe siècle: Etude critique de la documentation // Revue des études slaves. Paris. T. 57, 1985. Fasc. 4. P. 539—564.

⁸¹ Bouchard C. B. Consanguinity and noble marriages in the tenth and eleventh centuries // Speculum. Cambridge (Mass.). Vol. 56, 1981. Fasc. 2. P. 274—277; Dhondt J. Sept femmes et un trio des rois // Contributions à l'histoire économique et sociale. Bruxelles. Vol. 3 (1964/1965), 1965. P. 57—58.

⁸² Известно, что в октябре 1048 г., т. е. накануне отправления посольства на Русь в 1049 г., Генрих I встречался с императором Генрихом III, который и мог дать ему сведения о потенциальной русской невесте.

архиепископе Анноне (ок. 1080 г.), будто знаменитый кёльнский митрополит (1056—1075) среди прочих даров от иностранных государей получал таковые и из Руси⁸³; по внутренней хронологии памятника их пришлось бы приурочить к 1062—1064 гг. Вместе с тем вряд ли обоснованны и попытки прямо опровергнуть это известие со ссылкой на параллельное место Жития Аннона (1105 г.), где поименованы дары из Англии, Дании и Греции (названные и в Песни), но о Руси речи нет⁸⁴. Доказательная сила этого аргумента покоится на двух постулатах: что, во-первых, Житие 1105 г. основано в целом на утраченном более раннем (до 1088 г.) Житии Аннона, принадлежавшем перу зигбургского аббата Регинхарда, и что, во-вторых, Регинхардово Житие активно использовалось автором Песни. Между тем изданные в 1976 г. новонайденные фрагменты древнего Жития не обнаруживают предполагавшейся тесной близости с соответствующими местами Песни⁸⁵. Источниковедчески вопрос продолжает оставаться открытым.

В этой связи уместно заметить, что и помимо Песни об архиепископе Анноне есть данные об особых связях Кёльна с Русью. Несомненно, Кёльн был в числе тех среднерейнских и вестфальских городов, которые участвовали в торговле с Северной и Северо-Западной Русью по Балтике. Мы имеем в виду, разумеется, непосредственные немецко-русские торговые контакты, начало которых здесь нельзя относить ранее эпохи Лотаря III, т. е. 10—30-х гг. XII в., когда в результате военной и церковно-политической экспансии Германия вновь обеспечила себе опорные пункты на юго-западном побережье Балтийского моря. Вероятно, к 1134 г. восходит несохранившаяся привилегия Лотаря готландским купцам на территории империи⁸⁶. Новый этап в немецкой торговле на Балтике начинается после 1158 г., когда саксонским герцогом Генрихом Львом был открыт беспослинный доступ в Любек для русских и скандинавских купцов⁸⁷. Что к ней был

⁸³ Annolied, vers. 637—640 / Hg. M. Roediger // MGH Dt. Chron. T. 1/2, 1895. P. 128: «Из Греции и Англии // короли ему слали дары; // так делали датчане, // фландры и русские» («Van Cricchen unt Engellantin // die kunnige imi gebi santin; // sô dedde man von Denemarkin, // von Vlanterin unt Riuzinlanti»).

⁸⁴ Vita Annonis archiepiscopi Coloniensis I, 30 / Ed. R. Koepke // MGH SS. T. 11, 1854. P. 475; Knab D. Das Annolied: Probleme seiner literarischen Einordnung. Tübingen, 1962. S. 21—25.

⁸⁵ Eickermann N. Zwei Soester Fragmente aus Reginhards verlorener Vita Annonis // Soester Zeitschrift. Bd. 88, 1976. S. 5—27; Schieffer R. Ein Quellenfund zu Anno von Köln // DA. Jg. 34, 1978. S. 202—213; Struve T. Reginhard von Siegburg und Lampert von Hersfeld: Hersfelder und Siegburger Überlieferungen um Erzbischof Anno im Lichte der Soester Fragmente // Rheinische Vierteljahresblätter. Bonn. Bd. 42, 1978. S. 128—160; Thomas H. Ein Quellenfund zum Annolied: Die Fragmente von Reginhards Vita Annonis // Zeitschrift für deutsche Philologie. Berlin. Bd. 97, 1978. S. 403—414; Das Annolied / Hg., übers., und komment. von E. Nellmann. Stuttgart, 1986. 3. Ausg. S. 187.

⁸⁶ Hofmeister A. Heinrich der Löwe und die Anfänge Wisbys // Zeitschrift für Lübeckische Geschichte. Bd. 23, 1926. Интересно, что примерно к этому времени, а именно 1130 г., относится и первое свидетельство о новгородской торговле на Готланде: «В се же лето идуще и-замория с Гот потоппи лодий 7, и сами истопоша и товар, а друзии вылезоша, но нази; а из Дони (Дании. — А. Н.) придоша сторови» (НПЛ. С. 22, 206—207).

⁸⁷ Helmolds Slavenchronik, Kap. 86 / Hg. B. Schmeidler. Hannover, 1937. S. 169: «И разослал герцог послов по городам и королевствам Севера — Дании, Швеции, Норвегии, Руси, предлагая им мир, дабы они имели свободный доступ в его город Любек» («Et transmisit dux nuntios ad civitates et regna aquilonis, Daniam, Suediam, Norwegiam, Ruciam, offerens eis pacem, ut haberent liberum commercium adeundi civitatem suam Lubeke»). Жалованная грамота Генриха Льва Любеку не сохранилась, но ее нормы воспроизведены в привилегии Любеку императора Фридриха I от 1188 г., в ко-

причастен и Кёльн, видно из жалованной грамоты кёльнского архиепископа Райнальда городу Медебаху от 1165 г., в которой упоминается о торговле местных жителей в Дании и на Руси⁸⁸. Еще более любопытны остававшиеся до самого последнего времени неизвестными отечественной науке сведения о тесных контактах семейства новгородского, а затем киевского князя Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха, с кёльнским монастырем св. Пантелеимона. Имя «королевы Гиды», жены Мономаха и матери Мстислава, находим в синодике этого монастыря⁸⁹, а в двух сборниках, происходящих из скриптория монастыря св. Пантелеимона, среди чудес, приписываемых этому святому-целителю, есть и рассказ о чуде со Мстиславом, в котором (рассказе) центральным мотивом служат связи Гиды с названным монастырем⁹⁰. При ближайшем

тотой также говорится, что «русские, готландцы, норвежцы и другие восточные народы пусть приходят в упомянутый город (Любек. — *A. H.*) без налога и пошлины и свободно покидают [его]» (*Codex diplomaticus Lubecensis — Lübeckisches Urkundenbuch. I. Abt. T. 1. Lübeck, 1843. № 7. P. 10*). Это установление было подтверждено и в 1220-е гг.: наряду с гражданами Шверина, в Любеке не платят таможенных пошлин также «ни русский, ни норвежец, ни швед... ни готландец, ни ливонец, и никто из восточных народов» (*Ibid. № 32. P. 38: «Nullus civis de zwerin theloneat Lubeke; sic nec rutenus, nec poremannus, nec suecius nec guto, nec livo, sic neque omnes gentes orientales»*).

⁸⁸ В числе установлений, касающихся гражданского права, и наряду с учреждением в Медебахе торгового права города Зоста, находим в § 15 порядок оформления ссуд купцам, отправляющимся за границу: «Если кто-либо дает свои деньги кому-либо из своих сограждан, чтобы тот торговал на них в Дании, или на Руси, или в другой стране к обоюдной выгоде, должны иметь веродостойных сограждан, которые бы видели [это] и были бы свидетелями этой сделки...» (*Urkundenbuch zur Landes- und Rechtsgeschichte des Herzogtums Westfalen / Hg. S. Seiberitz. Bd. 1. Arnsberg, 1839. № 55. S. 74—75: «Qui pecuniam suam dat alicui concivi suo, ut inde negocietur in Datia et Rucia vel in alia regione ad utilitatem utriusque, assumere debet concives suos fideles, ut videant et sint testes hujus rei...»*).

⁸⁹ *Rheinische Urbare: Sammlung von Urbaren und anderen Quellen zur rheinischen Wirtschaftsgeschichte. Bd. 1: Die Urbare von S. Pantaleon in Köln / Hg. B. Hilliger. Bonn, 1902. S. 18: «10 марта, [день] исповедников Палатина и Фирмиана... умерла королева Гиды» («VI. id. Marc. Palatini et Firmiani confessorum... † Gida regina»).* Запись сделана ок. 1230 г. одновременно с другими первоначальными записями и заимствована, несомненно, из более древнего списка помянника св. Пантелеимона.

⁹⁰ Св. Пантелеимон исцеляет тяжело раненного на охоте Мстислава молитвами матери последнего Гиды, которой «имя и заслуги св. Пантелеимона были уже давно известны, и она, по щедротам своим, еще раньше удостоилась стать сестрою той святой обители его имени, которая служит Христу в Кёльне» («At illa iam dudum Pantaleonis et nomen et meritum agnoverat et eius, que in honore illius Colonie Christo servit, sancte congregationis soror ut esset, liberaliter promeruerat»). Издание чуда св. Пантелеимона о Мстиславе в составе Слова о св. Пантелеимоне, принадлежащего знаменитому проповеднику и богослову первой трети XIII в. Руперту из Дойца, см.: *AS. Iulii T. 6, 1868. P. 422 A—C; Coens M. Un sermon inconnu du Rupert, abbé de Deutz, sur S. Pantaléon // Analecta Bollandiana. Bruxelles. T. 55, 1935. P. 265—266* (в этих двух изданиях представлены два разных списка); *Назаренко А. В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // ОИ. 1993. № 2. С. 78* (издание по древнейшему списку *cod. Wallraf. 320, fol. 138v—139r* из Исторического архива в Кёльне, который положен и в основу издания М. Кунса; здесь же на с. 65—66 — русский перевод с учетом обеих рукописей); о значении памятника для древнерусской истории см.: *Кучкин В. А. Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в Средние века и Новое время: Сб. статей к 70-летию чл.-корр. РАН А. В. Милова. М., 1999. С. 50—82; Назаренко А. В. Чудо св. Пантелеимона о «русском короле Харальде»: монастырь св. Пантелеимона в Кёльне и семейство Мстислава Великого (конец XI — начало XII века) // Он же. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 585—616.*

рассмотрении оказывается, что именно эти связи с кёльнской обителью стоят у истоков активного почитания св. Пантелеимона в Древней Руси⁹¹.

Возвращаясь к паузе в русско-немецких политических отношениях, приходящейся на 50—60-е гг. XI в., обнаруживаем принципиальное изменение такого положения дел лишь ок. 1070 г., когда «триумвират» Ярославичей окончательно распадается и на Руси складывается коалиция младших братьев Святослава Черниговского и Всеволода Переяславского и Ростовского против старшего Изяслава Киевского. Позиции Изяслава после его возвращения при поддержке польского князя Болеслава II на киевский стол в 1069 г. оказались существенно иными, нежели те, которые он занимал до своего бегства в Польшу в предыдущем году. Вернув Киев, Изяслав утратил, однако, контроль над Новгородом и Волынью, оставшимися за Святославом и Всеволодом соответственно, что весьма расширило возможности последних в их западноевропейской политике. И действительно, примерно к 1069—1071 гг. относятся черниговско-немецкие переговоры, а затем и женитьба Святослава Ярославича на Оде, сестре маркграфа Саксонской северной марки Удона II Штаденского, которая в то же время была двоюродной племянницей германского короля Генриха IV. Подробные сведения о генеалогии Оды (вернее сказать, ее матери Иды «из Эльсдорфа»), содержащиеся в Штаденских анналах (середина XIII в.), равно как и известия современника событий Ламперта Херсфельдского, что Святослав был женат на немке, сестре Бурхарда, настоятеля одного из трирских соборов⁹², давно попали в поле зрения историков Руси, но не всегда правильно интерпретировались. Так, по авторитетному мнению Н. А. Баумгартена, мужем Оды был не Святослав, а Владимир Ярославич (ум. в 1052 г.), что заставляло относить брак ко времени ок. 1040 г.⁹³ К счастью, открытия новых источников в наше время хотя и редки, но все же возможны. Недавно обнаруженные анналы Санкт-Галленского монастыря в Южной Швабии (вернее — санкт-галленское продолжение начала XII в. Хроники Херманна из Райхенау), считавшиеся утраченными, вносят окончательную ясность в вопрос и об идентификации второй супруги Святослава Ярославича (именно Ода), и о датировке брака (ок. 1070 г.). Под 1072 г. здесь значится: «Король Руси в ту пору при посредничестве короля Генриха (IV. — А. Н.) взял в жены дочь графа Люпальда и госпожи Иты из Отерсберга (тождественна Иде из Эльсдорфа Штаденских анналов. — А. Н.)»⁹⁴.

⁹¹ Назаренко А. В. Неизвестный эпизод... С. 68.

⁹² *Annales Stadenses auctore Alberto*, a. 1112 / Ed. I. M. Lappenberg // MGH SS. T. 16, 1859. P. 319—320; *Lamperti Hersfeldensis Annales*, a. 1075. P. 202.

⁹³ См. примеч. 65. Эта ошибочная трактовка до самого последнего времени продолжает бытовать в историографии: *Handbuch der Geschichte Russlands*. Bd. I, 1. S. 426—427, geneal. Taf. I (составитель таблицы — М. Hellmann); *Donskoï D. Généalogie des Rurikides*, IXe—XIVe s. Rennes, 1991. P. 25. № 33; P. 27. № 37.

⁹⁴ Памятник готовился к изданию в 18-м томе MGH SRG NS, но в настоящее время проект отложен на неопределенный срок; однако благодаря любезности проф. А. Шютца, работавшего над изданием, и помощи проф. Х.-М. Шаллера мы получили возможность ознакомиться с рукописью (Augsburg, Staats- und Stadtbibl., Hs. 2°, № 254): «Rex Rittulorum (очевидно, описка копии-ста вместо Rutulorum. — А. Н.) filiam Luvpaldi comitis et domine Ite de Oterisburc his temporibus rege Heinrico mediante uxorem ducit». Подробный анализ сюжета см. в работах: Назаренко А. В. О династических связях... С. 181—194; Он же. Несостоявшийся «триумвират»: западноевропейская политика Ярославичей (вторая половина XI века) // Он же. Древняя Русь на международных путях. С. 505—558.

Важно, что это открытие позволяет понять и связать воедино ряд известных, но разрозненных данных о внешней политике Руси (точнее — ее отдельных земель) в то время. Прежде всего, становится ясно, что побудило Всеволода Ярославича в первой половине 1070-х гг. женить своего сына Владимира Мономаха на изгнаннице Гиде, дочери последнего англосаксонского короля Харальда Годвинсона, павшего в битве с нормандцами Вильгельма Завоевателя в 1066 г. Гиде была родственницей (двоюродной племянницей) датского короля Свена Эстридсена (1047—1075/76), жила при датском дворе, и политические виды Свена явно сыграли роль в ее замужестве⁹⁵. Ввиду союза между Генрихом IV и Свеном против Болеслава II Польского накануне 1073 г.⁹⁶ нетрудно догадаться, что именно стремление нейтрализовать польского союзника Изяслава Киевского и привело к сближению между Германией и Данией, с одной стороны, и черниговско-перемышльской коалицией на Руси — с другой⁹⁷. Тем самым, мы получаем и достаточно убедительное объяснение тому посольству Генриха IV на Русь, о котором довольно глухо повествует писавший в 1080-х гг. Бруно в своей Книге о саксонской войне: речь, судя по всему, идет о переговорах германского короля и черниговского князя в 1069—1070 гг., предшествовавших браку Святослава и Оды, который, по свидетельству упомянутых Санкт-Галленских анналов, был заключен «при посредничестве короля Генриха»⁹⁸.

В 1075 г. во внешней политике Святослава Ярославича, уже князя киевского, происходит резкий поворот: прежний противник польского князя Болеслава II посылает войско во главе с сыном Олегом и Владимиром Всеволодовичем Мономахом в помощь полякам, ведшим войну с Чехией, союзницей Германии⁹⁹. Неясно, вызвала ли такая перемена какую-либо реакцию со стороны Генриха IV; в частности, смягчилось ли сдержанное отношение германского короля (занятого, естественно, в первую очередь саксонским восстанием) к Изяславу Ярославичу, который был изгнан братом из Киева в марте 1073 г., а с начала 1075 г. пребывал в Германии под опекой тюрингенского маркграфа Деди. Женитьба Изяслава сына Ярополка на падчерице Деди Кунигунде Орламюндской не может прояснить дела, так как состоялась еще ок. 1073 г., когда маркграф Деди был активным противником Генриха IV¹⁰⁰. Эта сложная политическая игра имела не только немецкий и польский, но и, по меньшей мере, также византийский, чешский и венгерский аспекты¹⁰¹, что лишний раз убеждает в

⁹⁵ *Saxo Grammaticus. Gesta Danorum* IX, 6, 3 / Ed. E. Orlik, H. Ræder. T. 1. Hauniae, 1931. P. 308.

⁹⁶ *Adam von Bremen...* III, 16. S. 206; *Lamperti Hersfeldensis Annales*, a. 1073. P. 147, 163—164.

⁹⁷ Назаренко А. В. О династических связях... С. 187—188. Из сказанного следует датировка брака Владимира Мономаха и Гиды: между 1072 и 1074 гг., а не 1074—1075 гг., как чаще всего предполагалось ранее.

⁹⁸ *Brunos Buch vom Sachsenkrieg*, Kap. 13 // *Quellen zur Geschichte Kaiser Heinrichs IV.* / Hg. F.-J. Schmale. Darmstadt, 1963. S. 206, 208 (AQDGM. Bd. 12); Назаренко А. В. О династических связях... С. 186.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 199, 247 (некоторые уточнения в Поучении Владимира Мономаха); Т. 2. Стб. 190. В летописи поход отнесен к 1076 г., но привлечение данных Поучения позволяет отнести его к осени и зиме 1075—1076 гг.: Курикин В. А. «Почтение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60—70-х годов XI века // Советское славяноведение. М. 1971. № 2. С. 33.

¹⁰⁰ *Annalista Saxo*, a. 1062. P. 693; Назаренко А. В. Несостоявшийся «триумвират»... С. 526—528; таким образом мы исправляем датировку брака Ярополка Изяславича 1075 г., высказанную нами в одной из предыдущих работ (Назаренко А. В. О династических связях... С. 188).

¹⁰¹ Назаренко А. В. О династических связях... С. 189; *Он же*. Несостоявшийся триумвират...

том, что изучение русско-немецких отношений возможно только на фоне общеевропейской политики.

Чрезвычайно часто в качестве иллюстрации веса Руси в международных делах того времени используется второй брак императора Генриха IV с дочерью киевского князя Всеволода Ярославича в 1089 г.¹⁰² Трагически-авантюрная судьба Евпраксии Всеволодовны (в Германии получившей имя Адельхайды) привлекала историков, так что этому матримониальному союзу посвящена значительная литература¹⁰³. Обычно его связывают с одновременной перепиской, направленной на сближение Западной и Восточной церквей, которую, якобы именно в 1088/89 г., пытался завязать с киевским митрополитом Иоанном II Продромом антипапа Климент III, креатура Генриха IV; однако послание Климента с достаточной уверенностью можно датировать 1085/86 г., и, таким образом, оно оказывается включено совсем в иной внешнеполитический контекст — русско-немецкое сближение ок. 1085 г., следствием которого стало первое замужество

¹⁰² Помолвка состоялась уже в 1088 г. (в начале осени этого года Евпраксия в качестве невесты императора находилась в Кведлинбурге под опекой сестры последнего аббатиссы Адельхайды: *Liber de unitate ecclesiae conservanda* II, 35 / Ed. I. Schmale-Ott // *Quellen zum Investiturstreit*. T. 2. Darmstadt, 1984. S. 8 [AQDGM, Bd. 12b]), коронация — 14 августа 1089 г. (стало быть, бракосочетание произошло несколько ранее): *Annales Augustani*, a. 1089 / Ed. G. H. Pertz // *MGH SS*. T. 16, 1859. P. 639; *Frutolfi Chronica*, a. 1089 / Ed. F.-J. Schmale, I. Schmale-Ott // *Frutolfs und Ekkehard's Chroniken und die anonyme Kaiserchronik*. Darmstadt, 1972. S. 104 (AQDGM. Bd. 15) (здесь Евпраксия ошибочно названа вдовой маркграфа Удона II; текст раньше приписывался Эккерхарду из Ауры); *Über die unitate ecclesiae...* II, 26. P. 486; и др.

¹⁰³ В источниках Евпраксия именуется дочерью «короля Руси» и нигде — именно Всеволода Ярославича. Однако еще Ф. Круг убедительно отождествил ее с Евпраксией Всеволодовной, принявшей постриг 6 декабря 1106 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281; Т. 2. Стб. 257—258), т. е. через четыре месяца после смерти Генриха IV (7 августа) (*Krug Ph. Eupraxia, Tochter des Grossfürsten Vsevolod, Gemahlin Kaiser Heinrich IV.* // *Krug Ph. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands*. Bd. 2. SPb., 1848. S. 581—618). Высказывавшаяся изредка точка зрения, что Евпраксия была дочерью Изяслава Ярославича, выданной за Генриха Штадена в 1075 г. (т. е. одновременно с браком Ярополка Изяславича и Кунигунды: *Ediger Th. Russlands älteste Beziehungen...* S. 57—63), покоится исключительно на умозаключениях В. Н. Татищева, который, располагая данными неизвестного источника, будто Изяслав выдал свою дочь Параскеву за какого-то моравского князя, предположил, что здесь — возможная в древнерусском путаница между топонимом «Моравия» и титулом «маркграф» (*Татищев В. Н. История Российская...* Т. 2. С. 248, примеч. 284; *Назаренко А. В. Несостоявшийся триумвират...* С. 533—534). Не говоря уже о шаткости такого предположения в чисто источниковедческом отношении, оно маловероятно и по другим причинам. Союз с Удоном II, противником Генриха IV, противоречил бы политическим целям Изяслава в Германии. Далее, укажем на сведения, содержащиеся в Хронике Розенфельдского монастыря (см. примеч. 108), что Евпраксия прибыла в Саксонию из Руси (Изяслав же пребывал в 1075 г. с семьей в Тюрингии). Этот памятник, неизвестный В. Н. Татищеву и не учитывавшийся Т. Эдигером, к сожалению, до сих пор удовлетворительно не издан; между тем он, как считают, черпает информацию о Штаденах из хорошо осведомленного источника середины XII в. (*Hucke R. G. Die Grafen von Stade, 900—1144: Genealogie, politische Stellung, Comitatus und Allodialbesitz der sächsischen Udonen*. Stade, 1956. S. 205—210). См. также: *Lorenz H. Berta und Praxedis, die beiden Gemahlinnen Heinrichs IV.* (Diss.) Halle/Saale, 1911; *Leib B. Rome, Kiev et Byzance à la fin du XIe siècle: Rapports religieux des Latins et des Gréco-Russes sous le pontificat d'Urbain II (1088—1099)*. Paris, 1924. P. 164—166; *Шайтан М. Э. Германия и Киев...* С. 15—19; *Розанов С. П. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна* // *Изв. АН*. 1929. № 8. С. 617—646; и др.

Евпраксии (см. о нем чуть ниже)¹⁰⁴. Интересно, что параллельно переписке с Климентом III киевская митрополия поддерживает какие-то особые, независимые от константинопольского священноначалия контакты с противником Климента папой Урбаном II (1088–1099); об этом свидетельствует учреждение в русской церкви особого праздника в честь перенесения мощей святителя Николая (Николая Чудотворца) из Мир Ликийских в апулийский город Бари, которое совершилось в 1087 г., — праздника, неизвестного греческой церкви (9 мая). Согласно созданному в конце XI в. древнерусскому Слову на перенесение мощей св. Николая Чудотворца в Бар-град, праздник был учрежден папой Урбаном II в 1089 г. и воспринят на Руси еще при жизни Всеволода Ярославича, т. е. не позднее 1093 г.¹⁰⁵ Видимо, такая уклончивая политика киевского князя, а затем и его скорая кончина 13 апреля 1093 г. повели к расстройству отношений между Генрихом IV и его новой супругой и к ее заключению в Вероне, откуда ей удалось бежать в конце 1093 г. На соборах 1094 и 1095 гг. с участием папы Урбана Евпраксия Всеволодовна выступила с шокирующими откровениями о нравственном падении германского императора, затем вернулась на Русь, где в 1106 г. (после смерти мужа) постриглась в монахини и скончалась в 1109 г.¹⁰⁶ Любопытно было бы поискать следы внешнеполитической реакции Владимира Мономаха на скандальный разрыв между его сестрой и Генрихом IV¹⁰⁷.

Колоритная история конфликта Генриха и Евпраксии-Адельхайды совершенно заслонила в глазах историков тот известный факт, что в Германию Всеволодовна прибыла не как невеста германского короля, а как жена маркграфа Саксонской северной марки Генриха Штадена¹⁰⁸. Вопрос о политической направ-

¹⁰⁴ Сохранилось ответное послание митрополита Иоанна к Клименту, из которого ясно содержание предложений антипапы: Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 169–186. К 1089 г. переписку относят: Leib B. *Rome, Kiev et Byzance...* P. 22–23, 32; Шайтан М. Э. Германия и Киев... С. 16; Bloch R. *Verwandschaftliche Beziehungen...* S. 205; и др. О датировке 1085/86 г. см.: Назаренко А. В. Несостоявшийся «триумф»... С. 546–546.

¹⁰⁵ Шляпки И. Русское поучение XI в. о перенесении мощей Николая Чудотворца. СПб., 1881 (Памятники древней письменности и искусства. № 19). Из текста Слова видно, что его автор (переславский митрополит Ефрем?) был свидетелем положения Урбаном II мощей св. Николая в специально для них построенном соборе в Бари.

¹⁰⁶ *Annales Corbeienses*, a. 1094 / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. T. 3, 1839. P. 7; *Annales S. Disibodi*, a. 1094 / Ed. G. Waitz // MGH SS. T. 17, 1861. P. 14; *Annales Stadenses...*, a. 1093. P. 316 (в двух последних источниках сообщается о возвращении Евпраксии на Русь и ее вступлении в монастырь); *Bernoldi Chronicon*, a. 1094, 1095 / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. T. 5, 1844. P. 457–458, 462; *Gerhohi praepositi Reichersbergensis De investigatione antichristi liber I*, 17 / Ed. E. Sackur // MGH LdL. T. 3, 1897. P. 324; *Deusdedit presbyteri cardinalis Libellus contra invasores et symoniacos et reliquos schismaticos*, cap. 12 / Ed. E. Sackur // MGH LdL. T. 2, 1892. P. 330; *Vita Mathildis, celeberrimae Italiae principis, carmine scripta a Donizone presbytero*, cap. VIII / Ed. L. Simeoni // *Muratorii L. A. Rerum Italicarum Scriptores*. Nuova Edizione. T. 5/2. Bologna, [1931–1940]. P. 79–81; ПСРА. Т. 1. Стб. 283; Т. 2. Стб. 260; и др.

¹⁰⁷ Назаренко А. В. Владимир Мономах и Вельфы в конце XI в. // Славяно-германские исследования. Т. 3. М., 2002 (в печати).

¹⁰⁸ *Frutolfi Chronica*, a. 1089. P. 104; *Annalista Saxo*, a. 1082. P. 721; *Annales Stadenses*, a. 1144. P. 326; *Sächsishe Weltchronik*, Kap. 189. S. 178; *Chronica ecclesiae Rosenfeldensis seu Hassefeldensis* // *Vogt J. Monumenta inedita rerum Germanicarum, praecipue Bremensium*. T. 1. Bremen, 1740. P. 125: «Она (Евпраксия. — А. Н.) прибыла в эту страну с большой пышностью, с верблюдами, нагруженными драгоценными одеждами и камнями, а также с бесчисленным богатством».

ленности этого союза, по сути дела, даже не ставился. Между тем он представляет немалый интерес и дает повод для типологических обобщений. Точной датировки брака Евпраксии и Генриха Штадена источники не указывают, но легко догадаться, что она должна быть заключена между 1083 и 1086 гг., поскольку Генрих стал маркграфом после смерти своего отца в мае 1082 г., а уже 27 июня 1087 г. скончался сам. Если так, то заманчиво было бы связать этот брак с открытым столкновением в 1085 г. между Всеволодом Ярославичем Киевским и его племянником, сыном уже упоминавшегося Изяслава Ярославича, Ярополком, в 1078—1086 гг. князем волынским, поддержанным Польшей Владислава-Германа (1079—1102)¹⁰⁹. Посредничать при заключении брака могла Ода, после смерти в 1076 г. мужа, князя Святослава Ярославича, вернувшаяся в Германию; Генрих Штаден был ее племянником (маркграф Удон II, отец Генриха, был усыновлен матерью Оды Идой из Эльсдорфа). Если эта наша гипотеза верна, то обнаруживается любопытная закономерность в русско-немецких политических отношениях XI в.: борьба Руси против Польши или Киева — против польских союзников Волыни сопровождается альянсом с маркграфами Саксонской северной марки — Бернхардом в 1020-е гг., Удоном II ок. 1070 г. и Генрихом ок. 1085 г. Этот характерный момент древнерусской внешней политики заслуживал бы специального изучения.

Недостаточность историографии, о которой мы упоминали в начале этого обзора, с особой отчетливостью дает о себе знать применительно к древнейшей фазе русско-немецких отношений в IX—X вв. Этому периоду до самого последнего времени не было посвящено ни одной работы, а соответствующая проблематика только вскользь затрагивалась в более общих трудах, т. е. либо оперировавших на более обширном хронологическом пространстве, либо посвященных международным связям Древней Руси ранней поры в целом. Казалось бы, от историков трудно требовать большего, поскольку фактическая основа для такого исследования чрезвычайно скудна. В сущности, приходилось иметь дело с двумя-тремя разрозненными фактами: сведениями Раффельштеттенского таможенного устава начала X в. о русских купцах в Баварской восточной марке¹¹⁰, данными о посольстве княгини Ольги к германскому королю Оттону I в 959 г.¹¹¹, да еще разве что сообщением Ламперта Херсфельдского о присутствии русских послов на имперском съезде в Кведлинбурге на Пасху 973 г.¹¹² Сколько-нибудь связной

вом» («Haec venit in istam regionem cum magna pompa, pretiosas vestes et gemmas camelis portantibus, divitiasque infinitas»).

¹⁰⁹ ПСРА. Т. 1. Стб. 185; Т. 2. Стб. 197; *Назаренко А. В.* Несостоявшийся триумvirат... С. 540—544.

¹¹⁰ MGH Carr. Т. 2 / Ed. A. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. N 253. P. 249—252; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 59—100 (полное издание латинского оригинала с некоторыми исправлениями, русский перевод, археографическая справка и комментарий).

¹¹¹ *Reginonis abbatis Prumiensis chronicon cum continuatione Treverensi*, a. 959—962 / Ed. F. Kurze. Hannover, 1890. P. 169—170, 172; *Annales Hildesheimenses*, a. 960. P. 21—22; *Annales Altahenses...*, a. 960. P. 9; *Annales Quedlinburgenses*, a. 960 / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. Т. 3, 1839. P. 60; *Lamperti Hersfeldensis Annales*, a. 960. P. 30; *Annales Ottenburani* / Ed. G. H. Pertz // MGH SS. Т. 5, 1844. P. 4; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 101—130 (издание и перевод «русских» фрагментов с археографическим и историческим комментарием).

¹¹² *Lamperti Hersfeldensis Annales*, a. 973. P. 42.

картины на основе такой отрывочной информации создать, конечно, нельзя, и неудивительно, что время от времени раздавались голоса, ставившие под сомнение даже эти немногие свидетельства: в «ругах» Раффельштеттенского устава предпочитали видеть не русь, а часть славянского населения Баварской восточной марки, усвоившую себе название древнегерманских ругов, когда-то (в V в.) обитавших в этих местах¹¹³, а русских послов в Кведлинбурге объявляли выдумкой писавшего столетием позже Ламперта, указывая на то, что в других источниках, описывающих кведлинбургские торжества, они не названы¹¹⁴. После подобного усечения фактическая база для каких бы то ни было рассуждений о русско-немецких связях IX—X вв. практически исчезала. Не могли спасти здесь ни давно известное (хотя и обсуждавшееся исключительно в контексте «норманнской проблемы») сообщение Бертинских анналов о послах «народа Рос» в Ингельхайме при дворе франкского императора Людовика Благочестивого в 839 г.¹¹⁵, ни введенный в отечественную науку еще Н. М. Карамзиным памятник IX в. — так называемый Баварский географ, который упоминает о руси (Ruzzi) в числе других племен и народов Центральной и Восточной Европы¹¹⁶. Посольство 839 г., как можно полагать, не оставило следа в истории связей между (тогда еще будущей) Германией и (тогда еще только-только возникавшей) Русью¹¹⁷, а из текста Баварского географа (если не вникать в источниковедческие проблемы) невозможно извлечь ничего, кроме тривиального заключения, что анонимному южнонемецкому составителю довольно сумбурной географической записки было кое-что известно о Восточной Европе.

Однако при более внимательном взгляде на предмет оказывается, что такое скептическое заключение было бы преждевременным. Выясняется, что круг фактов может быть существенно расширен как за счет привлечения новых источников, так и путем углубленного изучения уже известных.

Прежде всего удастся вывести из изоляции данные о политических контактах между Русью и Германией при Ольге и Оттоне I (936—973). Генеалогическое

¹¹³ Zöllner E. Rugier oder Russen in der Raffelstettener Zollurkunde? // *MIÖG*. Bd. 60, 1952. S. 108—119; Wolfram H. Überlegungen zur politischen Situation der Slaven im heutigen Oberösterreich (8.—10. Jh.) // *Baiern und Slawen in Oberösterreich*. Linz, 1980. S. 20, 23, Anm. 29; *Idem*. Ethnogenesen im frühmittelalterlichen Donau- und Ostalpenraum (6. bis 10. Jh.) // *Frühmittelalterliche Ethnogenese im Alpenraum*. Sigmaringen, 1985. S. 123—124, Anm. 135 (*Nationes: Historische und philologische Untersuchungen zur Entstehung der europäischen Nationen im Mittelalter*. Bd. 5); Herrmann J. Slawen und Baiern im Donaugebiet // *Die Slawen in Deutschland*. Berlin, 1985. 2. Aufl. S. 46; Tatzel H. Das Namengut der Raffelstettener Zollurkunde // *Baiern, Ungarn und Slawen im Donaauraum*. Linz, 1991. S. 207 (*Forschungen zur Geschichte der Städte und Märkte Oberösterreichs*. Bd. 4). Разновидностью этой гипотезы можно признать высказанное недавно В. В. Седовым предположение, что упоминаемые в Раффельштеттенском уставе «руги» селились в районе Линца и были «потомками группы антского населения, оторвавшейся от северопрichernоморских русов и продвинувшейся в потоках аварской миграции далеко на запад» (*Седов В. В. Славяне в раннем средневековье*. М., 1995. С. 125 и рис. 45 на С. 126).

¹¹⁴ Свердлов М. Б. Политические отношения... С. 286—287; *Латиноязычные источники...* [Вып. I]. С. 166—167; *Handbuch der Geschichte Russlands*. Bd. I, I. S. 304, Anm. 2 (X. Рюс со ссылкой на М. Б. Свердлова).

¹¹⁵ *Annales de Saint-Bertin*, а. 839 // Ed. F. Grat, J. Veillard, S. Clémencet. Paris, 1964. P. 30—31.

¹¹⁶ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С. 13—15 (латинский текст и русский перевод).

¹¹⁷ Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. С. 11—13.

предание Вельфов, письменно зафиксированное в первой трети XII в., по поводу брака одного из представителей рода, графа Рудольфа, с дочерью некоего «знатнейшего графа Куно из Энингена» («de Oningen... Chuono nobilissimus comes») дает родословие невесты, матерью которой названа «дочь императора Оттона Великого» («filia Ottonis Magni»), т. е. Оттона I, а мужем одной из сестер — анонимный «король Руси» («rex Rugorum») ¹¹⁸. В отечественной историографии на этот источник обратил внимание Н. А. Баумгартен, который (не вникая, впрочем, ни в источник, ни в историографию) отождествил «короля Руси» с киевским князем Владимиром Святославичем (978—1015), отнеся сам брак к концу его правления (в 1011/12 г. умерла первая христианская супруга князя гречанка Анна) ¹¹⁹. Точка зрения Н. А. Баумгартена достаточно прочно вошла в литературу ¹²⁰. Между тем такая идентификация никак не согласуется с внутренней хронологией источника, согласно которой брачный возраст дочерей графа Куно из Энингена должен был приходиться на 970—980-е гг. После того как в 1966 г. К. Шмид обратил внимание на запись в синодике швабского монастыря Райхенау, относящуюся к 70—80-м гг. X в. и содержащую почти в полном составе имена членов семейства графа Куно, как они были известны по Генеалогии Вельфов ¹²¹, туман вокруг загадочной фигуры графа Куно начал рассеиваться, и вскоре стало ясно, что перед нами хорошо известный персонаж — швабский герцог Конрад (ум. в 997 г.) ¹²². Как следствие появилась возможность уточнить датировку фрагмента о семействе графа Куно в Генеалогии Вельфов — ранее 983 г. ¹²³ В таком случае на

¹¹⁸ Genealogia Welforum, cap. 4 / Ed. G. Waitz // MGH SS. T. 13, 1881. P. 734; Genealogia Welforum / Ed. E. König // Schwäbische Chroniken der Stauferzeit. Bd. 1. Berlin; Stuttgart, 1938. S. 76; Historia Welforum Weingartensis, cap. 21 / Ed. L. Weiland // MGH SS. T. 21, 1869. P. 460; Schwäbische Chroniken... Bd. 1. S. 12.

¹¹⁹ Baumgarten N. Généalogies et mariages... Table I, № I/III; *Idem*. Le dernier mariage de St. Vladimir // OCh. Vol. 17/2, № 61. P. 165—168.

¹²⁰ См., например: Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964. С. 227; Паушто В. Т. Внешняя политика... С. 122—123 (с неточностями), 326, генеалогич. табл. 1, № I/III; Свєрдлов М. Б. Политические отношения... С. 290—291; и др.

¹²¹ MGH. Libri memoriales et Necrologia. Nova series. T. 1: Das Verbrüderungsbuch der Abtei Reichenau / Hg. J. Autenrieth, D. Geuenich, K. Schmid, Hannover, 1979. Taf. 135; Schmid K. Probleme um den Grafen Kuno von Öhningen: Ein Beitrag zur Entstehung der welfischen Hausüberlieferung und zu den Anfängen der staufischen Territorialpolitik im Bodenseegebiet // Dorf und Stift Öhningen. [Singen], 1966 (непеч.: Schmid K. Gebetsgedenken und adliges Selbstbewusstsein im Mittelalter: Ausgewählte Beiträge. Sigmaringen, 1983. S. 127—179).

¹²² Эта идентификация была выдвинута А. Вольфом и в дальнейшем, за исключением деталей, касающихся отдельных членов многочисленного семейства графа Куно, нашла всеобщее признание у специалистов: Wolf A. Wer war Kuno von Öhningen? Überlegungen zum Herzogtum Konrads von Schwaben († 997) und zur Königswahl vom Jahre 1002 // DA. Jg. 36/1, 1980. S. 25—83; Faussner H. C. Kuno von Öhningen und seine Sippe in ottonisch-salischer Zeit // DA. Jg. 37/1, 1981. S. 20—139; Hlawitschka E. Untersuchungen zu den Thronwechseln der ersten Hälfte des 11. Jh. und zur Adelsgeschichte Süddeutschlands: Zugleich klärende Forschungen um «Kuno von Öhningen». Sigmaringen, 1987, passim (Vorträge und Forschungen. Sonderband 35); и др. Нельзя одновременно и принимать теорию А. Вольфа, и продолжать настаивать на идее Н. А. Баумгартена, что «король Руси» из Генеалогии Вельфов — это Владимир Святославич, как то, вслед за самим А. Вольфом, делает М. Хелльманн: Wolf A. Wer war Kuno... S. 32; *Idem*. Königskandidatur und Königsverwandtschaft... S. 100—103; Hellmann M. Ottonen und Rjurikiden: Bemerkungen zur Wiederaufnahme einer Diskussion // JbbGOE. Bd. 29/4, 1981. S. 569—580; см. также примеч. 73.

¹²³ Исходя между прочим и из того, что в 983 г. Куно-Конрад стал швабским герцогом, тогда как в мемориальной записи из Райхенау и в родословном экскурсе Генеалогии Вельфов он еще

роль его русского зятя претендует уже не Владимир, а старший брат последнего — киевский князь Ярополк Святославич (972—978). Анализ политической ситуации в момент заключения этого матримониального союза приводит к выводу об участии Руси в войне Оттона II (973—983) против баварско-чешско-польской коалиции в 974—979 гг. на стороне германского императора — точнее: о военных действиях Руси на чешско-русском пограничье на Волыни летом 977 г.¹²⁴

Считаем важным в этой связи обратить внимание на одно обстоятельство, имеющее и методическое значение. Как известно, среди критериев вероятности той или иной гипотезы есть и такой: она (вероятность) возрастает по мере того, как с помощью этой гипотезы удастся объяснить факты, которые не были использованы при ее построении. В этом смысле обоснованное нами предположение о союзе между Оттоном II и киевским князем Ярополком Святославичем имеет целый ряд достоинств, выявляя причинно-следственные связи между многими внешне разрозненными событиями 70-х гг. X в. Так, оно проливает свет на обстоятельства, связанные с усобицей Святославичей: становится понятным, почему она возникла (Владимир Новгородский и Олег Древлянский поддерживали союз с Чехией Болеслава II — отсюда первый брак Владимира на «чехине»¹²⁵ и сведения о потомстве Олега в Чехии¹²⁶), почему в 979 г. (по Повести временных лет — в 981 г.) Владимир, едва укрепившись на киевском столе, совершает далекий поход на Польшу¹²⁷; объясняются, наконец, и давно попавшие в поле зрения историков глухие припоминания некоторых западноевропейских источников первой половины XI в. о деятельности в Киеве накануне крещения Владимира каких-то латинских миссионеров (брачные планы Ярополка предполагали, естественно, его крещение)¹²⁸; и многое другое¹²⁹.

Вовлеченность Киева в борьбу против Чехии за Южное Побужье уже в 70-е гг. X в. может, тем самым, служить достаточным объяснением для появления русских послов в Кведлинбурге в 973 г., где, как основательно считают, обсуждался

титuluется графом: Назаренко А. В. Русь и Германия в 70-е годы X века // *Russia Mediaevalis*. München. Т. VI, 1, 1987. С. 60—62; *Он же*. Русь и Германия в IX—X вв. С. 112—113.

¹²⁴ Назаренко А. В. Русь и Германия в 70-е годы X века. С. 74—89; *Он же*. Русь и Германия в IX—X вв. С. 113—119. Эта гипотеза была сочувственно встречена в историографии, см.: Müller L. Die Taufe Russlands: Die Frühgeschichte des russischen Christentums bis zum Jahre 988. München, 1987. S. 91, а также рецензию Х. Любке на нашу работу 1987 г.: Lübbe Ch. // *JbbGOE*. Bd. 38, 1990. S. 579—581 (рецензент признает вероятность нашей гипотезы о русско-немецком союзе при Оттоне II, но сомневается в достоверности данных Генеалогии Вельфов о «короле Руси» и предложенной нами идентификации этого последнего с Ярополком Святославичем; мы усматриваем в такой позиции внутреннее противоречие).

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 80, 121; Т. 2. Стб. 67, 105.

¹²⁶ Флоровский А. П. Русское летописание и Я. А. Коменский // *ЛХ*, 1973 г. С. 312—316; Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. С. 131, примеч. 159.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 81; Т. 2. Стб. 69; Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. С. 130—133; см. также примеч. 132.

¹²⁸ Petri Damiani Vita beati Romualdi, cap. 26—27 / Ed. G. Tabacco. Roma, 1957. P. 56—61 (Fonti per la storia d'Italia. № 94); Adémar de Chabannes. Chronique / Ed. J. Chavaron. Paris, 1897. P. 135; с известной степенью условности сюда можно отнести и сообщение поздней (первая половина XVI в.) Никоновской летописи о послах к Ярополку Святославичу «из Рима от папы» под 979 г. (ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. С. 39). Анализ этих известий см.: Назаренко А. В. Русь и Германия в 70-е годы X века... С. 99—102; *Он же*. Накануне Крещения: Ярополк Святославич и Оттон II (70-е годы X века) // *Он же*. Древняя Русь на международных путях... С. 339—390.

¹²⁹ Подробнее см.: Назаренко А. В. Накануне Крещения...

вопрос о границах учреждавшейся тогда Пражской епархии. Сомнения же в достоверности сообщения Ламперта, как можно показать, наталкиваются на серьезные контраргументы¹³⁰. Следовательно, упорная борьба Руси и Польши за Червенские города, продолжавшаяся еще в 1030-е гг., имела свою предысторию, и оставшийся во многих отношениях загадочным поход Владимира «к ляхом» в 979 г. оказывается вполне естественным продолжением русско-немецкого военного союза, сложившегося при Ярополке: именно на 979 г. приходится поход Оттона II на Польшу¹³¹ — последняя крупная акция упомянутой войны, начавшейся в 974 г.¹³²

В этой связи надо сказать и о чрезвычайно любопытных, но совершенно забытых вниманием историографии памятниках — двух свинцовых медальонах с изображением императора Оттона II и его супруги гречанки Феофано, найденных, очевидно, на территории Руси и только здесь¹³³. Специальному анализу эти уникальные находки (известные уже с 20-х гг. нашего столетия) не подвергались, и их происхождение и назначение остаются не совсем ясными.

Иконографический образец медальонов известен — это резьба по слоновой кости с изображением императорской четы (Оттона II с Феофано) из Музея Ключи¹³⁴, изготовленная в 980—982 гг., скорее всего — весной или летом 982 г., как то следует из идентификации заказчика рельефа Иоанна с Иоанном Филагатам, ученым калабрийским монахом, протеже императрицы Феофано, канцле-

¹³⁰ Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. С. 102—103.

¹³¹ *Gesta episcoporum Cameracensium* I, 101 / Ed. L. Bethmann // MGH SS. T. 6, 1846. P. 442—443; Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. С. 117—118.

¹³² Польскому походу Владимира Святославича, помещенному в летописи под 981 г., посвящена многочисленная и весьма противоречивая литература. Главная трудность при интерпретации летописного сообщения состоит в том, что поход, направленный «к ляхом», завершается занятием Червена, Перемышля «и иных градов», которые тогда принадлежали отнюдь не Польскому, а Чешскому государству (хотя и этот факт подвергался необоснованным сомнениям, исходя из данных Повести временных лет); см., например: *Королюк В. Д.* Западные славяне... С. 75—100; *Łowmiański H.* Początki Polski. T. 5. Warszawa, 1973, S. 583 ff. (в этих двух работах обзор предшествующей историографии); *Labuda G.* Der Zug des russischen Grossfürsten Vladimir gegen die Ljachen im Jahre 981 // *Ostmitteleuropa: Berichte und Forschungen: Festschrift G. Rhode.* Stuttgart, 1981. S. 11—19; *Wasilewski T.* Przemyśl w X—XI wieku w świetle latopisów ruskich // *Rocznik Przemyśki.* Krakow, T. 24/25, 1989, S. 307—314; и мн. др. Предложенное нами толкование обладает, как нам кажется, тем существенным преимуществом, что естественным образом устраняет указанную трудность; поход Владимира был, действительно, направлен против «ляхов» в поддержку Оттона II, тогда как Червенско-Перемышльская область перешла под контроль Руси отнюдь не в результате только этого похода киевского князя, а в итоге всей войны 977—979 гг., начавшейся еще при Ярополке; см. подробно: Назаренко А. В. Летописное предание о «выборе вер» князем Владимиром и политико-идеологическая реальность 80-х годов X века // *Он же. Древняя Русь на международных путях...* С. 391—411.

¹³³ Медальоны отлиты двумя различными парами матриц, хотя и восходящими к одному иконографическому прототипу: один из экземпляров находится в настоящее время в Финском национальном музее в Хельсинки, тогда как местонахождение другого неизвестно: *Nordman C. A.* Otto II och Theophano i Finlands Nationalmuseum // *Florilegium amicitiae till Emil Zilliacus.* Helsinki; Stockholm, 1953. S. 133—139; *Schramm P. E.* Die deutschen Kaiser und Könige in Bildern ihrer Zeit, 750—1190 / Neuaufl. unter Mitarbeit von P. Berghaus, N. Gussone und F. Mutherich hg. von F. Mutherich. München, 1983. S. 194—195, № 92; S. 343 (репродукция).

¹³⁴ Paris, Musée Cluny, № 1035; *Schramm P. E.* Die deutschen Kaiser und Könige... S. 193—194, № 91; S. 342 (репродукция).

ром итальянской канцелярии Оттона II в 980—982 г.¹³⁵ Это позволяет выдвинуть гипотезу о политических контактах между императором Оттоном II и недавно занявшим киевский стол Владимиром Святославичем, которые (контакты) продолжили сотрудничество, начавшееся совместными действиями против Польши в 979 г. По-видимому, именно с немецкими политическими посольствами и попали на Русь медальоны, функциональные аналоги которым из византийской практики известны. С начала 982 г. и до самой своей смерти в декабре 983 г. Оттон II пребывал в Италии, будучи занят войной против Византии в Апулии и арабов в Калабрии. Следовательно, предполагаемые нами немецко-русские переговоры приходится на период резкого осложнения в отношениях между империей Оттонов и Византией. Как мы увидим ниже на примере более ранних событий 960 и 968 гг., обращение к Руси в моменты конфликта с Константинополем стало к тому времени для немецкой дипломатии уже почти традиционным. Думаем, что именно это явившееся из Италии немецкое посольство начала 980-х гг. упомянуто в летописном Сказании об испытании вер князем Владимиром («немьци... от Рима... послания от папежа»)¹³⁶. Для немецкой внешней политики эта антивизантийская инициатива германского императора последствий, кажется, не имела по причине его внезапной скорой кончины, но на русскую политику она влияние оказать успела. С ней естественно было бы связать тот разрыв с Константинополем, который имеет в виду осведомленный сирийский хронист Яхъя Антиохийский, говоря, что накануне русско-византийских переговоров 987 г. Русь находилась в лагере врагов Византии¹³⁷. Неизвестно, обращался ли Оттон к другому естественному союзнику против Восточной империи — Западноболгарскому царству, которое в то время уже находилось в состоянии постоянной войны с Византией, но вот предполагать русско-болгарское сближение в середине 80-х гг. X в. основания есть¹³⁸.

Если, таким образом, о политическом взаимодействии Германии и Руси при Оттоне II и Владимире (т. е. в 978—983 гг.), которое продолжало отношения Оттона II и Ярополка Святославича, можно теперь, на наш взгляд, говорить с достаточной определенностью, то для последующей эпохи Оттона III (983—1002) и первой половины правления Генриха II (1002—1024) положение дел выглядит принципиально иным. Контакты Оттона II с Русью удастся подкрепить новыми данными, тогда как источники, обычно используемые в историографии для доказательства существования политических сношений Владимира Святославича с Германией в конце его княжения, наоборот, приходится дезавуировать. О несостоятельности распространенной гипотезы о втором христианском браке Владимира с немкой ок. 1012 г. уже говорилось. Оговорки необходимы и применительно к известному факту пребывания на Руси и в печенежской степи немецкого миссионного архиепископа Бруно Кверфуртского (1008 г.)¹³⁹. Разумеется, мис-

¹³⁵ Schramm P. E. Die deutschen Kaiser und Könige... S. 95.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 84—86, 107; Т. 2. Стб. 71—73, 93.

¹³⁷ Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечение из летописи Яхъя Антиохийского. СПб., 1883. С. 23—24 (Прилож. к т. 44 Записок имп. АН, № 1).

¹³⁸ Подробнее о политической ситуации и самих медальонах (их иконографии и надписях) см.: Назаренко А. В. Летописное предание о «выборе вер»... С. 411—434.

¹³⁹ Это пребывание описано самим миссионером в его письме к королю Генриху II: List Brunona do króla Henryka / Ed. J. Karwasińska. Warszawa, 1973 (MPH NS. T. IV. Fasc. 3); старые русские переводы этого важного источника сделаны с не вполне исправного латинского списка:

сию Бруно можно и нужно рассматривать в контексте русско-немецких связей, но вряд ли в контексте политических взаимоотношений между двумя странами. Маловероятно, чтобы Бруно был политическим агентом немецкого короля Генриха II¹⁴⁰ — тон и характер послания миссионера к королю, которое было написано сразу после возвращения Бруно из Руси (он критикует Генриха за политику союза с язычниками-лутичами против христианской Польши Болеслава I, ставя германскому королю в пример киевского князя, пекущегося об обращении печенегов), такому предположению явно противоречит. Может быть, миссия Бруно Кверфуртского на Русь и не была лишена политических целей, но тогда уж они скорее отражали интересы Болеслава Польского, а не Генриха II¹⁴¹.

Что касается молчания источников о каких-либо политических связях Германии и Руси при Оттоне III, то оно неудивительно. Это период длительного и тесного сотрудничества между Западной империей и Польшей. Приверженность правительства Оттона III союзу с Болеславом Храбрым объясняется прежде всего фанатичной преданностью молодого императора своей идее центральноевропейской *Романа* под эгидой Германии, куда в качестве неотъемлемой части должна была войти и Польша. Это вылилось в политику уступок Болеславу, которая так раздражала многих среди саксонской знати и привела к учреждению в 1000 г. польской архиепископии в Гнезне, независимой от имперской церкви. У более поздних хронистов могло возникнуть даже впечатление, будто Болеслав воевал с Русью при поддержке Оттона III¹⁴². Поэтому мы считаем неверной оценку данного периода В. Т. Пашуто, который усматривал в то время «даль-

---

Гильбердинг А. Ф. Неизданное свидетельство современника о Владимире Св. и Болеславе Храбром // Русская беседа. М., 1856. Кн. 1. Науки. С. 1—34 (здесь и *editio princeps* латинского оригинала); Оглоблин [Н.] Письмо архиепископа Брунона к германскому императору (так! — А. Н.) Генриху II // Университетские известия. Киев, 1873. № 8, II/IV. С. 1—15. О Бруно Кверфуртском и его деятельности см.: Voigt H. G. Brun von Querfurt, Mönch, Eremit, Erzbischof der Heiden und Märtyrer. Stuttgart, 1907; Kahl H.-D. Compellere intrare: Die Wendepolitik Bruns von Querfurt im Lichte hochmittelalterlichen Missions- und Völkerrechts // Zeitschrift für Ostforschung. Marburg. Bd. 4, 1955. S. 161—193, 360—401; Wenskus R. Studien zur historisch-politischen Gedankenwelt Bruns von Querfurt. Münster; Köln, 1956 (Mitteldeutsche Forschungen. Bd. 5); Meysztowicz W. Szkice o świętym Brunie-Bonifacym // Sacrum Poloniae Millennium. T. 5. Roma, 1958. S. 445—502; Widera B. Das früheste Dokument zur deutschen Russlandkunde: Zum 100-jährigen Jubiläum der ersten Edition des Briefes Bruns von Querfurt an Heinrich II. durch A. F. Hilferding // ZfSl. Bd. 2/1, 1957. S. 94—103; Idem. Brun von Querfurt und Russland: Ein Beitrag zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen um das Jahr 1000 // JbGUDSSR. Bd. 3, 1959. S. 365—381.

¹⁴⁰ Как считает, например, В. Т. Пашуто: Внешняя политика... С. 121 (по мнению историка, через Бруно искали сближения с Киевом как Германия, так и Польша).

¹⁴¹ Сомнения в какой бы то ни было причастности Бруно Кверфуртского к политике вообще (Королюк В. Д. Западные славяне... С. 213—215; Латиноязычные источники... [Вып. I]. С. 54 [М. Б. Свердлов]) выглядят, пожалуй, чересчур ригористично. Конечно, политические теории миссийного архиепископа-идеалиста могли быть далеки от задач практической политики, как они виделись тому же Болеславу I, но это значит всего лишь, что на польско-русское сближение Бруно должен был бы смотреть несколько иначе, чем польский князь; различие мотивов отнюдь не исключает сотрудничества.

¹⁴² Так, например, представляет дело одна из схолий к хронике Адама Бременского, заимствованная затем в Славянскую хронику Хельмольда: «Христианнейший король Болеслав в союзе с Оттоном Третьим покорил всю Славянию, Русь и пруссов» (*Adam von Bremen*..., schol. 24. S. 95—96; *Helmold von Bosau. Slawenchronik*, Kap. 15 / Hg. B. Schmeidler, H. Stoob. Darmstadt, 1990. 5. Aufl. S. 80 [AQDGM. Bd. 19]).

нейшее сближение двух сильных государств»¹⁴³. Главный аргумент историка — якобы тесные родственные связи между женой Владимира Анной и матерью Оттона III гречанкой Феофано — оказывается несостоятельным¹⁴⁴. Предпосылки для нового сближения Руси и Германии возникают только с началом правления Генриха II, когда активная экспансия Польши как на западе, так и на юге (присоединение Силезии и Краковской земли в 990-х гг., части немецких Полабских марок, а также Чехии и Моравии — после 1002 г.) привела к сложению совершенно других политических союзов: польско-немецкий альянс против полабских славян распадается, уступая место немецко-чешско-лютической коалиции против Польши. Участие Руси в этой коалиции было бы логично. Думаем, что поиск данных о таком участии был бы перспективен.

Если упомянутое сообщение Сказания об испытании вер отсылает нас к реальному немецкому посольству в Киев в 982—983 гг., то ответ немецким послам, который летопись по этому поводу вкладывает в уста Владимира: «Идите опять, яко отци наши сего не прияли суть», — прозрачно намекает на неудачную миссию немецкого епископа для Руси Адальберта, присланного сюда Оттоном I в 961 г. по специальной просьбе княгини Ольги¹⁴⁵. Высказывавшиеся нередко вплоть до самого последнего времени сомнения в том, что посольство Ольги в Германию в 959 г., вопреки прямым сообщениям всех источников, не имело церковно-политических целей¹⁴⁶, не выдерживают источниковедческой критики, поскольку, как удастся показать, сведения о посольстве Ольги и миссии епископа Адальберта на Русь в Продолжении хроники Регинона Прюмского и в анналистике так называемой херсфельдской традиции совершенно независимы друг от друга. Если же принять во внимание, что посольство киевской княгини к германскому королю с просьбой прислать на Русь епископа и священников было отправлено, вероятно, всего лишь полтора года спустя после возвращения Ольги

¹⁴³ Паушто В. Т. Внешняя политика... С. 121.

¹⁴⁴ Это мнение, неоднократно высказывавшееся и раньше (*Ediger Th. Russlands älteste Beziehungen...* S. 18; *Dvornik F. The Making of Central and Eastern Europe*. S. 1. 1974. 2 ed. P. 174; и мн. др.), покоится на убеждении, что Анна и Феофано были родными сестрами, дочерьми византийского императора Романа II. Однако Феофано была не дочерью Романа, а всего лишь племянницей Иоанна I Цимисхия, т. е. вообще не принадлежала к Македонской династии. Ее примерную генеалогию см.: *Wolf G. Nochmals zur Frage: Wer war Theophano? // Byzantinische Zeitschrift*. München. Bd. 81, 1988. S. 272—283 (с небольшим дополнением перепечат. в сборнике: *Kaiserin Theophanu: Prinzessin aus der Fremde — des Westreichs Grosse Kaiserin*. Köln; Weimar; Wien, 1991. S. 59—78).

¹⁴⁵ См. источники, перечисленные в примеч. 111, и наш комментарий: *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 110—130. Анализ событий на фоне международной ситуации того времени см.: *Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX—X вв. С. 61—80; *Он же.* «Моудреиши всѣхъ человекъ»: крещение княгини Ольги как факт международной политики (середина X века) // *Он же.* Древняя Русь на международных путях... С. 219—310.

¹⁴⁶ *Архиеп. Макарий (Булгаков).* История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской церкви. М., 1868. 2-е изд. С. 252, 260—267 (новое переиздание: *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История Русской церкви. Кн. 1. М., 1994. С. 215—217); *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. I/1. М., 1901. 2-е изд. С. 82—83; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 1. Київ, 1913. 3-е вид. С. 454—456; *Ариньон Ж.-П.* Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги // *ВВ.* Т. 41, 1980. С. 113—124; *Сахаров А. Н.* Дипломатия княгини Ольги // *ВИ.* 1979. № 10. С. 25—51; и др.

из Константинополя¹⁴⁷, где она приняла крещение и вела какие-то переговоры с византийским императором Константином VII, результатами которых, как можно догадываться, была отнюдь не удовлетворена, то придется констатировать принципиально важный факт: как русско-византийские, так и русско-немецкие отношения середины и третьей четверти X в. разворачиваются в силовом поле, которое порождалось сосуществованием, а зачастую и прямым противостоянием в христианском мире двух церковно-политических центров — Константинополя и другого, роль которого в это время играл не столько папский Рим, сколько германская имперская церковь. Некоторые ее иерархи (гамбургский и, с 968 г., магдебургский архиепископы) обладали правом самостоятельной организации новых епископий на миссионных территориях.

Эти наблюдения заставляют внимательнее присмотреться к кажущейся паузе в политических взаимоотношениях Руси и Германии в период киевского княжения Святослава Игоревича (ок. 961—972). Именно на это время приходится организация в Германии в 968 г. Магдебургской миссионной митрополии. Прямых указаний на какие-либо дипломатические контакты между Святославом и Оттоном I источники, действительно, не содержат, но тщательное рассмотрение документов и обстоятельств, связанных с учреждением в Магдебурге митрополии «для всех славян» (как выражается Оттон I в учредительной грамоте от октября 968 г.), позволяет выдвинуть достаточно обоснованную, на наш взгляд, гипотезу о том, что, во-первых, Русь мыслилась как составная часть новообразованной миссионной архиепископии, первым главой которой неслучайно стал экс-епископ Руси Адальберт, и что, во-вторых, русско-немецкое политическое сотрудничество, начавшееся при княгине Ольге, продолжалось и при Святославе во время одновременной войны против Византии Оттона I в Южной Италии (968—971 гг.) и Святослава — на Балканах (968—972 гг.).¹⁴⁸

Суммируя сказанное о русско-немецких политических взаимоотношениях 960—970-х гг., легко прийти к некоторым общим заключениям, характеризующим этот период в целом и место Руси в международной ситуации того времени.

В конце 50-х гг. X в. намечается перелом в политике германских королей Саксонской династии, которые твердо вступают на путь *renovatio imperii*. Это вызвало принципиальную перемену в характере немецко-византийских отношений (от лояльных при Константине VII [ум. в 959 г.] до открытой войны при Никифоре II Фоке [963—969] и Иоанне I Цимисхии [969—976], а затем, в начале 980-х гг., — и при Василии II), а также определило качественно иную миссионную политику германской имперской церкви в отношении славян, причем не только непосредственных соседей Германии. Конфликтность в немецко-византийских отношениях сделала обе стороны весьма чувствительными к международным факторам, которые в другое время воспринимались бы как второстепенные (этот

¹⁴⁷ Несмотря на попытку Г. Г. Литаврина заново обосновать бытовавшую некогда точку зрения, согласно которой поездка киевской княгини в столицу Византийской империи состоялась в 946 г., мы продолжаем считать дату 957 г. более предпочтительной: *Назаренко А. В.* Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? // ВВ. Т. 50, 1989. С. 66—83; *Он же.* Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь: Источниковедческие заметки // ДГ, 1992—1993 годы. М., 1994. С. 154—168; *Он же.* «Моудреиши всѣхъ чловѣкъ»...

¹⁴⁸ *Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX—X в. С. 80—99; *Он же.* «Metropolis totius Sclavorum gentis»: Русь и Магдебургское миссионное архиепископство (60-е годы X века) // *Он же.* Древняя Русь на международных путях... С. 311—338.

момент, к сожалению, совершенно не учитывается в основополагающих работах В. Онзорге по истории немецко-византийских отношений эпохи Оттонов, в которых автор замыкается в кругу сугубо двусторонних связей¹⁴⁹). Одним из таких факторов оказались резко активизировавшиеся именно в это время политические контакты Киева как с Константинополем, так и с Западной империей, что было обусловлено назревшей потребностью христианизации древнерусского общества и государства, подключения Руси к уже существовавшим церковно-юридическим структурам. Образуется даже нечто вроде «большого треугольника» Византия—Германия—Русь, помимо которого в Центральной и Юго-Восточной Европе данного периода не видно реальных политических сил такого масштаба. Древнепольское государство становится весомым фактором европейской политики позже, в правление Болеслава I, так же как и Венгрия—при Иштване I (мы отвлекаемся, разумеется, от локальных двусторонних отношений—польско-немецких, венгерско-византийских или т. п.). Чехия, несмотря на свои территориальные размеры во второй половине X в., была слишком инкорпорирована в политико-юридическую структуру Саксонской державы. Единственным реально действенным политическим фактором общеевропейского масштаба в то время могла бы быть Болгария, но как раз она утрачивает политическую самостоятельность в ходе болгаро-византийской войны в конце 60-х—начале 70-х гг. X в.¹⁵⁰

Ввиду сказанного симптоматично, что некоторые факты двусторонних русско-византийских или русско-немецких отношений поддаются удобной интерпретации, только если выйти за рамки этой двусторонности: например, внешне импульсивное и спонтанное посольство княгини Ольги в Германию в 959 г., как мы видели, хорошо объясняется неудачей ее визита в Царьград в 957 г. Но еще более важно, что целый ряд загадочных или недостаточно ясных обстоятельств во взаимоотношениях между двумя империями могут получить естественное объяснение на «русском фоне». Приведем лишь несколько наиболее характерных примеров. Внезапный конфликт между Венецией и Константинополем, зафиксированный грамотой дожа Петра IV Кандиана от июня 960 г., который в самом этом документе возводится к неожиданному и резкому расстройству немецко-византийских отношений¹⁵¹, оставался загадкой, пока не обратили внимания на хронологическое совпадение этого события с рукоположением на Рождество 959 г. при дворе Оттона I немецкого епископа для Руси, которое происходило, как можно думать, в присутствии византийских послов нового императора Романа II (959—963)¹⁵². Обстоятельствами начавшейся тогда русско-немецко-визан-

¹⁴⁹ Они включены в три сборника, носящих один и тот же подзаголовок «Gesammelte Aufsätze zur Geschichte der byzantinisch-abendländischen Beziehungen und des Kaisertums»: *Ohnsorge W. Abendland und Byzanz*. Darmstadt, 1958; *Idem. Konstantinopel und der Okzident*. Darmstadt, 1966; *Idem. Ost-Rom und der Westen*. Darmstadt, 1983.

¹⁵⁰ *Nazarenko A. The Grand Triangle: Byzantium — Germany — Rus' // Acts of the XVIIIth Intern. Congress of Byzantine Studies; Selected Papers: Main and Communications (Moscow, 1991)*. Shepherdstown. Vol. 2, 1996. P. 3—7.

¹⁵¹ *Urkunden zur ältesten Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante / Hg. G. L. Tafel, G. M. Thomas. T. 1. Wien, 1856. № 13. P. 21 (Fontes Rerum Austriacarum. Diplomataria et acta. T. 12).*

¹⁵² Идея о связи между поставлением немецкого миссийного епископа для Руси и немецко-византийским конфликтом летом 960 г. принадлежит английскому историку К. Лейзеру: *Ley-*

тийской дипломатической игры выгодно объясняется и таинственное посольство кремонского епископа Лиудприанда в Византию летом 960 г., и непонятная задержка больше чем на год с отправлением на Русь уже хиротонисанного епископа¹⁵³. «Русским фоном» на удивление последовательно можно объяснить не только тот довольно скандальный факт, что неудавшийся миссийный епископ Руси Адальберт стал первым магдебургским митрополитом (причем его внезапное назначение было сопряжено с отставкой уже давно имевшейся кандидатуры — аббата магдебургского монастыря св. Маврикия¹⁵⁴), не только некоторые непонятные формулировки папской и императорской грамот Адальберту¹⁵⁵, но и, совсем неожиданно, детали германо-византийских отношений в Италии, в частности, известное посольство доверенного лица Оттона I уже упоминавшегося епископа Лиудприанда на берега Босфора в 968 г.¹⁵⁶, не говоря уже о бросающейся в глаза синхронности русских и немецких военных действий против греков летом 971 г.

Интенсивное политическое взаимодействие Руси и Германии, начиная с середины X в., заставляет поставить вопрос о его возможной предыстории: дипломатические посольства, как известно, чаще всего двигались путями, которые бывали проложены купцами и миссионерами. Именно этот аспект истории русско-немецких связей более всего пострадал от гипнотического воздействия на исследователей упомянутого выше схематического представления о византийско-скандинавской ориентированности Древнерусского государства. Это априорное (ибо не сопровождавшееся изучением других потенциальных направлений междunarодных связей Руси) представление еще более укреплялось ввиду впечатляющих данных об активном движении арабского монетного серебра по волго-балтийскому пути с рубежа VIII—IX до рубежа X—XI вв. Многочисленными и порой гигантскими (достигающими нескольких тысяч монет) кладами дирхемов (дирхем — арабская серебряная монета весом ок. 3 г) изобилуют территории по Верхней Волге, Поволховье, Восточная Прибалтика, в меньшей мере — Подесенье и Верхнее Поднепровье; картографирование кладов обнаруживает огромное белое пятно, охватывающее практически все правобережье Днепра южнее Припяти¹⁵⁷. Поскольку ясно, что так или иначе поступление куфического серебра в

ser K. The Tenth Century in Byzantine-Western Relations // Relations between East and West in the Middle Ages. Edinburgh, 1973. P. 30, 50, not. 8.

¹⁵³ Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. С. 71—72; Он же. «Моудреиши всѣхъ челоуѣкъ»...

¹⁵⁴ Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg... II, 22. S. 64; Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С. 134, 138, 143—144, коммент. 1—3.

¹⁵⁵ Papsturkunden, 896—1049 / Hg. H. Zimmermann. Bd. 1. Wien, 1988. 2. Aufl. № 190. S. 375; Die Urkunden Konrads I., Heinrichs I. und Ottos I. / Hg. Th. Sickel. Hannover, 1884 (MGH DD Germ. T. I). № 366; Urkundenbuch des Erzbistums Magdeburg / Hg. F. Israel, W. Möllenberg. Bd. 1. Magdeburg, 1937. № 130.

¹⁵⁶ Liudprandi episcopi Cremonensis De legatione Constantinopolitana // Die Werke Liudprands von Cremona / Hg. J. Becker. Hannover; Leipzig, 1915. S. 175—212; Köpke R., Dümmler E. Kaiser Otto der Grosse. Leipzig, 1876. S. 437; Böhm J. F. Regesta Imperii. Abt. II. Bd. 1: Die Regesten des Kaiserreichs unter Heinrich I. und Otto I. (919—973) / Bearb. E. von Ottenthal. Innsbruck, 1893. № 468; Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. С. 85—93; Он же. «Metropolis totius Sclavorum gentis»...

¹⁵⁷ См. карты: Янин В. А. Денежно-весовые системы русского Средневековья: Домонгольский период. М., 1956. С. 86, 102, 120, 131. Карта, составленная с учетом более поздних материалов, отмечает небольшую группу кладов в Верхнем Поднепровье: Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985 (серия: Археология СССР). С. 401. Табл. 161 (автор — В. П. Даркевич).

Восточную и Северную Европу связано с международной торговлей, то вывод, который обычно делается или подразумевается в этой связи в отношении областей к западу от Среднего Поднепровья, состоит в том, что здесь в IX—X вв. не существовало торговых путей, по своему значению сколько-нибудь соизмеримых с волго-балтийским путем. Если быть последовательным, то в таком случае истоки непосредственных русско-немецких торговых связей следовало бы искать на Балтике, где данные о них обнаруживаются не ранее середины XII в.¹⁵⁸ Разумеется, есть кое-какие сведения и о более ранней торговле, но она была опосредованной, двигаясь через датский порт Шлезвиг или его предшественник — Хедебу. Неудивительно поэтому, что даже в трудах, специально посвященных истории русско-немецкой торговли в средние века, ее начало принято связывать с возникновением на Балтике древнейшей Ганзы в 50—60-х гг. XII столетия¹⁵⁹.

Между тем в распоряжении науки уже давно находится документ, по своей древности и своему значению стоящий в одном ряду со знаменитыми договорами Руси с греками первой половины X в. — Раффельштеттенский таможенный устав, который, вопреки распространенному недоразумению, вовсе не являлся торговым уставом г. Раффельштеттена (местечко на правом берегу Дуная, ныне в черте австрийского города Линца), а, будучи только издан в Раффельштеттене, регулировал таможенные порядки на территории всей Баварской восточной марки, т. е. в Среднем Подунавье от устья Энса на западе и приблизительно до Венского леса — на востоке. Изданный между 903 и 906 гг. устав в отдельной рубрике упоминает «отправляющихся для торговли» («qui... mercandi causa exiunt») в Восточную марку «ругов и богемов» («Rugi vel Boemani»), торговые пошлины с которых подробно регламентируются. Попытки оспорить традиционное мнение, что под «ругами» в Раффельштеттенском уставе, как и в ряде других раннесредневековых памятников¹⁶⁰, имеется в виду Русь¹⁶¹, неубедительны, поскольку не только не опираются на текст самого памятника, но и прямо ему противоречат¹⁶². Ключ к разгадке, при ближайшем рассмотрении, обнаруживается в самой устойчивости этнонимической пары «руги и богемы»: русские купцы прибывали в Восточную Баварию из Праги, одного из центров транзитной торговли в Центральной Европе X в., где они прямо засвидетельствованы в 960-х гг. запиской испанского еврея Ибрагима Ибн Якуба¹⁶³. Вот почему для торговли им отводился прежде всего небольшая область «in Rotalariis vel Reodariis», непосредственно примыкающая к перевалам Чешского леса в верховьях Влтавы. Среди речек, стекающих с Шумавы в этом районе, находим одну, которая еще в XII в.

¹⁵⁸ См. источники, приведенные в примеч. 87, 88.

¹⁵⁹ См., например: Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922.

¹⁶⁰ Например, в Продолжении хроники Регинона (княгиня Ольга названа здесь «королевой ругов» — «regina Rugorum») и в Генеалогии Вельфов (см. примеч. 118). О других источниках, равно как и о проблеме в целом см.: Ловмянский Г. Русы и руги // ВИ. 1971. № 9. С. 43—52; Назаренко А. В. Русь и Германия в 70-е годы X века. С. 57—58 и примеч. 60.

¹⁶¹ См. примеч. 113.

¹⁶² Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С. 83—88, коммент. 398; *Он же*. Русь и Германия в IX—X вв. С. 21—24; *Он же*. Русь на «пути из немец в хазары» (IX—X века) // *Он же*. Древняя Русь на международных путях... С. 71—112.

¹⁶³ Relacja Ibrahîma ibn Ja'kûba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekrîego / Ed. T. Kowalski. Kraków, 1946. S. 49, 146 (MPH NS. T. 1).

носила два конкурировавших названия: Rûzische или Böhmsche Muchel¹⁶⁴, что может служить прямой иллюстрацией данным Раффельштеттенского устава. Историческая топонимия Баварской восточной марки содержит и другие архаичные названия, происходящие от этнонима «русь»¹⁶⁵. Более того, лингвистический анализ древнейших упоминаний имени «русь» в немецких памятниках показывает, что его (этнонима) проникновение в южнонемецкие диалекты должно было состояться никак не позднее первой половины IX в. или даже рубежа VIII—IX вв.¹⁶⁶ Это *eo ipso* устраняет все недоумения по поводу якобы слишком раннего упоминания слишком далекой Руси в Раффельштеттенском уставе, которые и служат главным мотивом, питающим сомнения в тождестве «ругов» устава и руси. В целом надо сказать, что изучение раннесредневековой топонимической номенклатуры немецких земель в связи с проблемой древнейших русско-германских связей, которое в сущности еще не начиналось¹⁶⁷, может оказаться весьма перспективной областью исследования.

Значение Раффельштеттенского таможенного устава для обсуждаемой здесь темы не исчерпывается констатацией факта русско-немецкой торговли на юго-востоке Германии во времена князя Олега. Этот замечательный памятник содержит также данные, которые позволяют, сверх того, оценить интенсивность такой торговли. Мы имеем в виду специфическую систему денежно-весового счета, употребляемую в уставе, которая до сих пор, удивительным образом, не подвергалась специальному изучению. Результаты нашего исследования этой проблемы подробно изложены в другом месте¹⁶⁸, но важность темы заставляет еще раз сформулировать основные наблюдения и выводы.

Главная особенность денежно-весового счета Раффельштеттенского устава, резко выделяющая этот документ среди всех остальных памятников раннего немецкого и франкского Средневековья, — это отсутствие денария, который служил единственной серебряной монетой на территории франкских королевств, а после денежных реформ второй половины VIII в. — единственным официальным средством платежа. Функцию денария в Раффельштеттенском уставе выполняет другая денежно-весовая единица — скот (*scoti*). Восточнобаварская система денежно-весового счета покоилась на тяжелом солиде, соответствовавшем стоимости 51 г серебра (30 денариев по 1,7 г серебра), который подразделялся на 20 фракций, носивших специфически восточнобаварское наименование «скот». Всякая попытка выяснить происхождение этого оригинального счета наталкива-

¹⁶⁴ Schiffmann K. Historisches Ortsnamenlexikon des Landes Oberösterreich. Bd. 2. Berlin; München, 1935. S. 190; Die Passauer Urbare / Hg. A. Mähdorf. Bd. 2. Passau, 1939. S. 84; Назаренко А. В. Имя «Русь» и его производные... С. 108—110. № 5.

¹⁶⁵ Назаренко А. В. Имя «Русь» и его производные... С. 104—106. № 1—2 (863 и 979 гг.).

¹⁶⁶ Назаренко А. В. Об имени «Русь» в немецких источниках IX—XI вв... С. 46—57, особенно 53; *Он же*. Имя «русь» в древнейшей западноевропейской языковой традиции // *Он же*. Древняя Русь на международных путях... С. 11—50.

¹⁶⁷ Первая попытка собрать и классифицировать соответствующие данные на баварском и австрийском материале была предпринята нами более пятнадцати лет назад (Назаренко А. В. Имя «Русь» и его производные... С. 86—129) и пока продолжения не получила.

¹⁶⁸ Назаренко А. В. О происхождении древнерусской денежно-весовой системы // ДГ, 1994 год. М., 1996. С. 5—93; *Он же*. Между арабами и варягами, Западом и Константинополем: древнерусская денежно-весовая система как результат межэтнического культурного взаимодействия // *Он же*. Древняя Русь на международных путях... С. 113—218.

ется на ту сложность, что какие бы то ни было аналогии ей в других регионах Европы отсутствуют. Единственным исключением в этом отношении является Древняя Русь, денежно-весовой счет которой, насколько он реконструируется на основании данных Русской Правды, ряда актовых материалов и археологических данных, обнаруживает не просто сходство с восточнобаварским, а полное с ним тождество. Счет двадцатками был, как известно, характерен для Руси, и древнерусская счетная гривна (или гривна кун), так же как и баварский солид, подразделялась на 20 фракций, которые в эпоху Русской Правды, т. е. в XI в., именовались заимствованным из арабского языка термином «ногата». Стоимость же гривны кун, составлявшей четверть западноевропейской марки (т. е. полуфунта при фунте в 408 г серебра), была равна 51 г серебра, полностью совпадая, таким образом, со стоимостью баварского солида. Весьма показательно, что баварские материалы помогают понять и происхождение древнерусской гривны кун, которая пока не получила достаточного метрологического объяснения. Дело в том, что тяжелый баварский солид в источниках VIII—X вв., в противоположность франкскому легкому *серебряному* солиду, называется иногда *золотым*, или солидом по цене *золота* (*solidus aureus*, *solidus aureo adpreciatus*). Такое название понятно: при наиболее вероятной относительной цене золота и серебра как 1:12 солид в 51 г серебра соответствовал выраженной в серебре стоимости золотой монеты того времени — византийской номисмы или арабского динара (ок. 4,3 г). Следовательно, возникновение расчетной единицы в 51 г серебра было естественно в регионах, в которых сталкивались серебряная и золотая валюты. К таковым относились как Восточная Европа, так и Бавария.

Итак, наша гипотеза состоит в том, что возникновение в восточнобаварских землях своеобразной денежно-весовой единицы в $\frac{1}{20}$ часть солида объясняется влиянием древнерусской системы денежно-весового счета. Дополнительное подтверждение тому — само название этой единицы «скот», которое не поддается удовлетворительной этимологизации на германской почве¹⁶⁹, но имеет естественную и притом очевидную древнерусскую этимологию: слав. **skotъ* в специфическом значении «деньги» известно только древнерусскому языку.

Сказанное позволяет сделать вывод, что достаточно активные торговые и, возможно, также этнокультурные связи между Средним Поднепровьем и подунайскими областями на юго-востоке Германии на рубеже IX и X вв. не просто существовали, а имели за собой определенную историю. Очевидно, этот торговый путь был частью более протяженной магистрали, которая для X в. так хорошо обрисована в известном послании испанского еврея Хасдая Ибн Шафрута хазарскому кагану (Испания — Чехия — Венгрия — Русь — Волжская Булгария — Хазария)¹⁷⁰, а для IX в., менее отчетливо — в описании Ибн Хордадбеком одного

¹⁶⁹ Непосредственное включение восточнобаварского *scoti* в этимологическое гнездо, представленное родственными германскими названиями средств платежа готск. *skats*, др.-англ. *sceat*, др.-верх.-нем. *scaz*, нем. *Schatz* и др., которое иногда встречается в археологической литературе (см., например: *Бауер Н. П.* Денежный счет Русской правды // *Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. статей.* М.; Л., 1937. С. 192), лингвистически некорректно, так как без объяснения остаются «непередвинутый» *l* (ср. *z* в древневерхненемецкой форме) и *o* в огласовке корня вместо этимологического общегерманского *a*.

¹⁷⁰ *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 65—66. Здесь не место вдаваться в спор востоковедов относительно подлинности еврейско-хазарской переписки X в.; заметим лишь, что высказывавшиеся иногда сомнения (кажется, преувеличенные) адресовались

из путей еврейских купцов-раданитов, из Испании следовавших «позади Византии к областям славян, а затем к Хамлиджу, городу хазар»¹⁷¹. Это помогает понять происхождение сведений о Руси и Восточной Европе в уже упоминавшемся Баварском географе, который, в свою очередь, бросает свет на некоторые другие аспекты проблемы.

Баварский географ — название неточное. По заключению текстологов, памятник создан в скриптории швабского монастыря Райхенау на Бодензее, а его единственный сохранившийся список (возможно, оригинал) изготовлен еще в IX в.¹⁷² Другим важным достижением в изучении этого интересного источника стал кодикологический анализ сборника, включающего Баварский географ, чешским историком Р. Новым, который заметил, что рукописи, составляющие «конвой» Баварского географа, зафиксированы в том же порядке в трех датированных каталогах библиотеки Райхенау: 821/822, 835/842 и 842/850 гг. Из этого исследователь сделал вывод, что и существующий список Баварского географа изготовлен до 821 г.¹⁷³ В свое время мы были склонны принять это заключение, но после внимательной проверки аргументации Р. Нового и ознакомления с рукописью пришли к убеждению, что именуемая Баварским географом приписка к трактату Боэция о геометрии сделана после 842/850 г., но еще в течение второй половины IX в.¹⁷⁴, что весьма близко к датировке памятника 870-ми гг., уже высказывавшейся в науке. Правильная кодикологическая и палеографическая атрибуция Баварского географа, связавшая его с Райхенау, дает возможность предложить новое решение вопроса о происхождении восточноевропейской информации, которая содержится в этой записке.

Реконструкция дорожной сети каролингской эпохи, насколько она возможна на основе позднеримских итинерариев, показывает, что через Брегенц вдоль южного берега Боденского озера проходил путь, связывавший австрийское Подунавье с долиной Роны, в устье которой находился Арль — важнейший транзитный пункт европейской работорговли того времени. Это позволяет предположить, что сведения о Руси и этнической ситуации в Восточной Европе вообще могли попасть в Райхенау благодаря достаточно активному функционированию уже во второй половине IX в. трансевропейского торгового пути, который соединял Баварскую восточную марку с югом Франции, с одной стороны, и с киевским Поднепровьем и Хазарией — с другой¹⁷⁵. Более вероятным представляется, однако, несколько иное решение вопроса, которое, впрочем, можно рассматривать как модификацию только что высказанной общей гипотезы. Дело в том, что

ответу хазарского кагана, а не посланию самого Иосифа, которое нас в данном случае интересует (Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 5—6).

¹⁷¹ Калинина Т. М. Торговые пути Восточной Европы IX в. (по данным Ибн Хордадбеха и Ибн-ал-Факиха) // История СССР. М., 1986. № 4. С. 72; Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Перев., коммент. и исслед. Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 124.

¹⁷² Bischoff B. Die südostdeutschen Schreibschulen und Bibliotheken der Karolingerzeit. Bd. 1. Wiesbaden, 1960. 2. Aufl. S. 262. Anm. 3.

¹⁷³ Nový R. Die Anfänge des böhmischen Staates. Bd. 1: Mitteleuropa im 9. Jh. Praha, 1968. S. 132—140.

¹⁷⁴ Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. С. 35—36; *Он же*. Кирилло-мефодиевская миссия и Русь: новый аспект (IX в.) // *Он же*. Древняя Русь на международных путях... С. 56—60.

¹⁷⁵ Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. С. 26—28.

изучение синодика монастыря Райхенау (уже упоминавшегося в связи с графом Куно из Энигена) выявило в нем целую группу имен, связанных с кирилло-мефодиевской миссией, в том числе имена самих свв. Константина-Кирилла и Мефодия, их противника нитранского епископа Вихинга, моравского князя Святополка и др.¹⁷⁶ Это дает основания думать, что именно Райхенау был тем не названным по имени швабским монастырем, в котором, согласно Житию св. Мефодия, моравский архиепископ находился в изгнании в начале 870-х гг., или — если быть более осторожным (ввиду того, что имена Кирилла и Мефодия стоят на «почетных» местах во главе соответствующих списков) — Райхенау был одним из мест временного пребывания Мефодия на его обратном пути из Швабии в Моравию, после того как он был освобожден по приказу папы. Так или иначе, какие-то специфические связи Райхенау с Моравией прослеживаются и по другим данным¹⁷⁷. В таком случае нельзя не обратить внимания на то замечательное обстоятельство, что почти все упоминаемые во второй части Баварского географа этнонимы из числа надежно локализуемых могут быть поставлены в связь с деятельностью кирилло-мефодиевской миссии: висляне (Vuislane), бужане (Busani), лендзяне (Lendizii) и др. входили в сферу политической экспансии Великоморавского государства, а хазары (Caziri) и венгры (обитавшие тогда в северопричерноморских степях) (Ungare) упоминаются в рассказе о хазарской миссии св. Константина-Кирилла (возможно, к этой последней группе следует отнести и русь-Ruzzi). Возникает впечатление, что по крайней мере существенная часть информации Баварского географа о славянских племенах Центральной и Восточной Европы была получена в Райхенау благодаря св. Мефодию или его окружению¹⁷⁸.

Таким образом, изучение ранних русско-немецких связей дает повод на новом витке историографии вернуться к уже ставившемуся, но за недостатком материала так и не решенному вопросу о возможном месте Руси в кругозоре кирилло-мефодиевской миссии — вопросу, важному не только для историков, но и издавна волновавшему русское национальное самосознание. Непосредственно с этим вопросом сопряжена и более общая проблема путей и форм первоначального проникновения христианства на древнерусские земли. Приведенные данные еще раз ставят под сомнение хрестоматийное представление об исключительно византийско-болгарском источнике древнерусского христианства. Лингвисты уже предпринимали попытки разделить древнерусскую лексику мораво-паннонского происхождения на так или иначе восходящую к древневерхненемецкому и латинскому, но опосредованно через церковнославянский (др.-русс. *църкы* «церковь», *крѣсть* «крест», *комѣкати* «причащаться» и т. п.) и непосредственные изустные заимствования¹⁷⁹. Среди заимствований последнего рода — целый ряд слов, связанных с практикой торговли, в том числе само др.-русс. *пла-*

¹⁷⁶ Das Verbrüderungsbuch der Abtei Reichenau. S. 4 A 1, 53 D 4—5, 63 B 4—5; Mareš F. V. Die Namen des Slavenapostels Methodius von Saloniki und seiner Gefährten im Verbrüderungsbuch der Reichenauer Kirche // Cyrillomethodianum. T. 1. Thessalonique, 1971. P. 107—112; Zettler A. Cyrill und Method im Reichenauer Verbrüderungsbuch // FMASt. Bd. 17, 1983. S. 280—289; Schmid K. Zum Quellenwert der Verbrüderungsbücher von St. Gallen und Reichenau // DA. Bd. 41, 1985. S. 361—372.

¹⁷⁷ Schwarzmaier H. Ein Brief des Markgrafen Aribio an König Arnulf über die Verhältnisse in Mähren // FMASt. Bd. 6, 1972. S. 55—66.

¹⁷⁸ Назаренко А. В. Кирилло-мефодиевская миссия и Русь... С. 51—70.

¹⁷⁹ Львов А. С. Лексика Повести временных лет. М., 1975.

*тити*¹⁸⁰; к выделенным А. С. Львовым заимствованиям надо прибавить по меньшей мере еще др.-русс. *годовабль* «шелк»¹⁸¹. Языковедческая и текстологическая дискуссия относительно исторических маршрутов церковнославянской лексики латинского и древневерхненемецкого происхождения, приведших ее на страницы древнерусских памятников (через болгарское посредство? из скриптория чешского православного монастыря в Сазаве в XI в.? благодаря прямым связям Руси с зоной немецкого миссионерства среди славян в IX—X вв.?) также далека от своего завершения¹⁸². Думается, что дальнейшее изучение связей Руси с моравским и немецким Подунавьем способно принести новые открытия в древнейшей истории восточнославянской государственности.

Весьма многозначительно, что существование в IX—X вв. стратегически важного торгового пути между Средним Поднепровьем и юго-восточными немецкими землями, проходившего через Червенские города, Малую Польшу и Прагу, не только хорошо объясняет определенный круг фактов (например, настойчивую политику киевских князей, направленную на овладение волыньско-хорватско-лендзянским регионом), но и заново подводит нас к некоторым принципиальным проблемам древнерусской истории.

Одна из них — это проблема формирования территории Древнерусского государства. Кроме меридиональной оси — пути «из варяг в греки», она слишком явно обнаруживает и наличие широтной оси: Киев — Южная Погорина и далее на Перемышль или на Владимир-Волынский и Червен; возможно, эту широтную ось следует продлить в восточном направлении вдоль пути по Десне и Оке в Волжскую Булгарию и Хазарию. Характерно, что аналогичную широтную конфигурацию, вытянутую вдоль оси Прага — Краков — Южное Побужье, демонстрирует и Древнечешское государство второй половины X в. в пору его столкновения с Киевской Русью на Волыни в 970-х гг. при Ярополке Святославиче. Далее, территория Русской Земли в собственном смысле слова, как она сложилась в IX—X вв. и реконструирована в труде А. Н. Насонова, кроме компактной области по обоим берегам Днепра с городами Киев, Чернигов и Переяславль, тянется от Киева на запад узким «языком» по меньшей мере до Верхней Горыни, вероятно, исключая территорию позднейших Дорогобужской и Пересопницкой волостей и занимая водораздел между бассейнами Припяти и Западного Буга, с одной стороны, и Днестра и Южного Буга — с другой¹⁸³. Эти две оси образовывали как бы каркас, вокруг которого происходило «огосударствление» восточнославянских земель. Нельзя не обратить внимания на то, что ось Прага — Краков — Волынь — Киев образует «хребет» археологического ареала V—VII вв. —

¹⁸⁰ Там же. С. 262—264.

¹⁸¹ Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 7. М., 1980. С. 189—190; *Schramm G. Cēsarъ* «Kaiser», **guduabъ* «Seidenstoff» und andere Niederschläge einer Ersatzdehnung von «ä» im Gotischen // *Die Welt der Slaven*. München. Jg. 29/2 (Neue Folge. Jg. 8/2), 1984. S. 279—281, 289—292.

¹⁸² См., например: *de Vincent A.* West Slavic Elements in the Literary Language of Kievan Rus' // *Harvard Ukrainian Studies*. Cambridge (Mass.). Vol. 12/13 (1988/1989), 1990. P. 262—275 (Proceedings of the Intern. Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine).

¹⁸³ *Насонов А. Н.* «Русская Земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 28—50 и карта-вклейка между с. 32 и 33; *Кучкин В. А.* «Русская Земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // *ДГ*, 1992—1993 годы. М., 1995. С. 95—96.

древнейшего, который с достоверностью можно считать славянским (так называемая пражско-корчакская культура). Это наблюдение наводит на мысль, что торговые связи внутри названного ареала могли восходить к каким-то значительно более архаичным этнокультурным контактам.

Ввиду сказанного, думается, настало время снова вернуться к вопросу о роли дальней международной торговли в формировании самого социально-экономического механизма Древнерусского государства. Эта проблема в свое время активно дискутировалась в отечественной науке в связи с известной «торговой» или «городовой» теорией происхождения Древнерусского государства, которую выдвинул В. О. Ключевский. Однако в дальнейшем она выпала из поля зрения исследователей, поскольку господствующее положение в историографии советского времени заняла концепция школы Б. Д. Грекова, согласно которой главным экономическим фактором процесса государствообразования у восточных славян служила концентрация местного сельскохозяйственного и ремесленного производства. Возродить «торговую теорию» в том виде, в котором она была сформулирована самим ее создателем (Древняя Русь как конгломерат торговых городских волостей), конечно, невозможно, да и не нужно. Но снова задуматься над вопросом о дальней торговле как одном из государственно-консолидирующих факторов на раннем этапе древнерусской истории стоит. В зарубежной русистике последнего времени все громче раздаются голоса в пользу «торговой теории», предпринимаются попытки подкрепить ее новыми археологическими и прочими материалами¹⁸⁴. Последние модификации теории древнерусского феодализма, предложенные А. В. Черепниным, В. Л. Яниным¹⁸⁵ и др., вплотную приближают нас к представлению о правящем слое ранней Руси не как о политико-административной структуре, а как о корпорации собственников, достаточно устойчивой в количественном отношении и участвующей в определенной пропорции в разделе государственного дохода, значительная часть которого (рабы, меха, воск) затем служит предметом экспорта¹⁸⁶.

В заключение считаем уместным коснуться еще одной темы, непосредственно не связанной с русско-немецкими взаимоотношениями. Речь идет о сравнительной типологии социально-политических структур. Разумеется, такое сравнение не может и не должно ограничиваться Русью и Германией, но есть параметры, по которым политическое устройство Древнерусского государства и Франкской державы, предшественницы Германского королевства, обнаруживает специфи-

¹⁸⁴ Schramm G. Fernhandel und frühe Reichsbildung am Ostrand Europas: Zur historischen Einordnung der Kiever Rus' // Staat und Gesellschaft im Mittelalter und früher Neuzeit: Gedenkschrift für Joachim Leuschner. Göttingen, 1983. S. 15—39; Mühle E. Die städtischen Handelszentren der nordwestlichen Rus': Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte (bis gegen Ende des 12. Jahrhunderts). Stuttgart, 1991 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 32); ср. нашу рецензию на последнюю работу: Назаренко А. В. // ОИ. 1993. № 3. С. 202—208.

¹⁸⁵ Черепнин А. В. Русь: спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин А. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 131—187; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. Особенно с. 242—249.

¹⁸⁶ Назаренко А. В. Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства // Восточная Европа в древности и Средневековье: Политическая структура Древнерусского государства (VIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто). М., 1996. С. 58—63.

ческое сходство — например, наличие братского совладения представителями правящего рода государственной территорией¹⁸⁷. На данном примере хорошо видно, что предметом типологического сравнения может быть не только аналогия, но и характерное расхождение. Почему развитие государственной власти на Руси (как, скажем, и в Польше) пошло по пути эволюции братского совладения, а в Германии резко порвало с этой традицией в самом начале, уже при Конраде I (911—918) и Генрихе I (919—936)? Напомним, что переход от наследственных разделов к примогенитуре в Германии до сих пор не нашел в себе вполне удовлетворительного объяснения. Думаем, что и здесь будущие исследования способны не только внести вклад в копилку общеевропейской типологии, но и пролить свет на те или иные стороны как древнерусской, так и ранней немецкой государственности.

Список сокращений

- ВВ — Византийский временник. М.
 ВИ — Вопросы истории. М.
 ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования (до 1991 г. — Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования).
 ДИ — Древнейшие источники по истории Восточной Европы (до 1991 г. — Древнейшие источники по истории народов СССР).
 Изв. АН — Известия АН СССР, VII серия: Отделение гуманитарных наук. Л.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и литературы имп. Академии наук. СПб.
 ЛХ — Летописи и хроники.
 НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
 ОИ — Отечественная история (до 1991 г. — История СССР). М.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 AQDGM — *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters: Freiherr vom Stein-Gedächtnisausgabe*.
 AS — *Acta sanctorum quotquot toto urbe coluntur*. 3 ed. Paris.
 DA — *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. Köln; Wien.
 FMAS — *Frühmittelalterliche Studien*. Berlin.
 JbbGOE — *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. München u. a.
 JbGSLE — *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas*. Berlin.
 JbGUdSSR — *Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas*. Berlin.
 MGH Capp. — *Monumenta Germaniae Historica. Leges. Capitularia regum Francorum*. Hannover.
 MGH DD Germ. — *Monumenta Germaniae Historica. Diplomata. Die Urkunden der deutschen Könige und Kaiser*.

¹⁸⁷ Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.) // ДГ, 1985 год. М., 1986. С. 149—157; *Он же*. Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. С. 500—508.

MGH Dt. Chron. — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores qui vernacula lingua usi sunt (Deutsche Chroniken). Hannover.

MGH LdL — Monumenta Germaniae Historica. Libelli de lite imperatorum et pontificum. Hannover.

MGH SRG NS — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova series.

MGH SS — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores (in folio). Hannover.

MIÖG — Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Wien.

MPH — Monumenta Poloniae Historica — Pomniki dziejowe Polski / Ed. A. Bielowski. Lwów.

MPH NS — Monumenta Poloniae Historica — Pomniki dziejowe Polski. Series II / Seires nova.

OCh — Orientalia Christiana. Roma.

SRA — Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. T. 1—2. Budapest.

ZfSl — Zeitschrift für Slawistik. Berlin.

В. В. Мошин

**РУССКИЕ НА АФОНЕ
И РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В XI—XII вв.***

Часть первая

В ряду исторических проблем, принятых Академией наук СССР в программу тем, подлежащих преимущественному изучению, очень много внимания уделено проблемам международных отношений России, и в частности вопросам русско-византийских связей (см. доклад акад. *Волгина* в № 3 Исторического журнала за 1945 год). Как мы уже имели случай указывать в другом месте, история этих связей является едва ли не одной из самых темных областей русской историографии. При всем наличии огромного количества фактов, отражающих эти связи во всех областях средневековой русской культуры, мы почти лишены исторических свидетельств об отдельных конкретных моментах в истории сношений средневековой Руси с Византией. С того дня, когда Византия перестала быть для Руси «посторонней» и, часто, враждебной державой, т. е. со времени св. Владимира, летопись почти не упоминает о Царьграде. Случайные указания на приход «из Грек» митрополита, на вызов оттуда мастеров, на рождение в княжеской семье сына от «царицы Гръкини», на пребывание в Константинополе «заточенного» беспокойного князя — все это представляет чрезвычайно скудный материал для восстановления картины тех непрерывных связей, которые проявлялись в постоянных дипломатических сношениях русских князей с византийским двором, в политических браках, в общении русской митрополии с константинопольским патриархатом, в регулярном товарообмене, осуществлявшемся ежегодными путешествиями в Византию русских торговых караванов, наконец в культурных взаимоотношениях в специальном значении этого слова, свидетелями которых являются многочисленные художественные и литературные памятники эпохи Киевской Руси.

Ценные и интересные, еще неиспользованные данные для восстановления цепи русско-византийских связей в течение XI и XII веков содержатся в исторических свидетельствах о русском монастыре на Святой Горе в течение указанного периода. Интерес этих данных двоякий. С одной стороны, уже самый факт постоянного существования русского монастыря в тогдашнем духовном центре Восточной Римской империи имеет выдающееся значение для проблемы русско-византийских культурных связей. Но помимо этого заслуживает изучения и весь комплекс сохранившихся документов русского святогорского монастыря в их хронологической связи с известными нам событиями в области политических русско-

---

* Печатается по изд.: *Byzantinoslavica*. Ročn. XI. 1950. N 1. С. 32—60.

византийских отношений XI—XII веков. С этой точки зрения эти акты еще не подвергались изучению, и это дает мне право остановиться на указанном вопросе.

При этом я позволю себе не входить в полемику с ненаучной, полунаучной и даже научной, но не занимавшейся специально вопросом о Руси на Афоне литературой, относящей появление русских на Святой горе только к XII или даже к XIX веку. «Научную» основу этим теориям дала, как известно, неудачная гипотеза историка Афона, еп. *Порфирия Успенского*, о том, что якобы русские, получившие от Святогорского протата Пантелеимоновский монастырь в 1169 году, были сербы «из далматско-сербского города Роса» (разрушенного арабами в IX веке) или из Рагузы¹. Принятая одними исследователями по доверию к авторитету автора многотомных исследований об Афоне², другими — по соображениям ничего общего с наукой не имеющим (прежде всего политическим, в период греческих шовинистических настроений и борьбы с русским влиянием на Святой горе), эта теория в разных видоизменениях проникла даже в западноевропейскую литературу³ и была в Греции зафиксирована официальным документом: докладной запиской афинскому парламенту, представленной комиссией по выработке нового устава афонских монастырей в 1925 г.⁴ Мы не будем останавливаться на этом вопросе, поскольку он уже получил справедливое освещение в краткой, но ценной статье *А. В. Соловьева* «История русского монашества на Афоне»⁵, и поскольку фактическим опровержением ее явится следующее исследование о начале русского монастыря на Святой горе.

* * *

С первых дней своего существования Святая гора отличалась чрезвычайным гостеприимством в отношении каждого человека, приходившего туда для подвига, независимо от его национальности. Так, древний Ивирский монастырь, построенный на горе, где сейчас стоит Ивирский Предтеченский скит, существовал уже в первое время афонского монашества: его игумен подписался под одним святогорским актом 943 года. В эпоху наиболее живых византийско-кавказских (грузинских и армянских) связей, во второй половине X века, представитель грузинской аристократии, друг св. Афанасия Афонского, Иоанн Ивир и его сподвижник, полководец Иоанн Торникый, с помощью императора претворили древний Ивирский монастырек в лавру, переместив его в подаренный им Климентов монастырь на морском берегу. В X столетии возник и Римский монастырь (Каракал, который, по вероятному предположению Порфирия Успенского, назывался и Антониевым монастырем), игумен которого подписался на латинском языке под дарственной грамотой св. Афанасия 985 г. Другой латинский монастырь построили латинские монахи из итальянского города Амальфи, находившегося в то время под властью Византийской империи. О амальфитанских

¹ Еп. *Порф. Успенский*, История Афона, ч. III, отд. 2, Спб., 1892, 19—21.

² Г. Σμυρνάκης. Τὸ Ἅγιον Ὄρος. Athen, 1903, 658.

³ Это мнение цитирует, напр., *Hasluck*, Athos and its Monasteries. London, 1924, 122.

⁴ Προσὸχὴ εἰς τὸ Ἅγιον Ὄρος. Ἐν Ἀθήναις 1926, 28.

⁵ Записки Русского Научного Института в Белграде, вып. 7, 1932, 138—141. Эта статья вышла с дополнениями на французском языке: Histoire du Monastère Russe au Mont Athos. «Byzantion» VIII (1933), 213—238 и отдельным изданием с приложением снимков с нескольких актов в Белграде.

монахах на Афоне рассказывает житие св. Афанасия, упоминают их акты X века, амальфитанские игумены также по латыни подписываются под актами протата X—XI столетия. Существовали и греческие монастыри, основанные выходцами из Италии, как обитель сицилийцев, упоминаемая в актах 996, 1035 и 1108 годов, и Калабрийская обитель св. Василия (теперь Хиландарский монастырек св. Василия на морском берегу). В X—XI вв. был знаменит исихастирий Магула, иначе называвшийся Халдовым, т. к. его основателем был подвижник Савва из кавказской области Халдии. Вне всякого сомнения, в X веке жили на Святой горе и славяне. На судебном акте Ивирского монастыря 982 года находится подпись попа Георгия глаголическими буквами (древнейший датированный памятник, в котором встречаются глаголические буквы)⁶. Хрисовул императора Романа Коловуйскому монастырю 960 г. упоминает 40 освобожденных от податей париков, подаренных монастырю взамен отнятой земли у Ерисса (на северной границе Афона) и взятых из числа поселенных там славяно-болгар⁷. Некоторые из числа этих болгарских поселенцев могли стать монахами на Афоне, а можно предполагать, что отдельные болгары могли появиться на Афоне и раньше, в эпоху завоеваний Симеона Великого во Фракии и Македонии, т. к. традиция, записанная в так называемом «сводном» зографском хрисовуле, утверждает, что основатели болгарского монастыря на Афоне братья Моисей, Аарон и Иоанн Селима пришли на Святую гору за время императора Льва Мудрого (886—912) и основали Зографскую обитель в 919 году⁸. Но во всяком случае не подлежит никакому сомнению, что в первую эпоху славянской письменности на Афоне должны были жить славяне, и притом не только отдельные подвижники в тех или иных греческих обителях, но существовал и значительный славянский центр, где составлялись переводы греческих книг на славянский язык и переписывались славянские рукописи. Как раз на Афоне найдены древнейшие и замечательнейшие памятники славянского письма: знаменитое Зографское глаголическое евангелие, столь же знаменитое второе глаголическое Мариино евангелие, один из древнейших кирилловских памятников — Киевские фрагменты поучений св. Кирилла Иерусалимского, а, по всей вероятности, отсюда перенесены в Россию и три других древнеславянских памятника — отрывки Ундольского, Саввина книга и Супрасльская рукопись, по письму и языку несомненно югославянского происхождения⁹. Возможно, что этот первый славянский монашеский центр на Афоне с самого начала находился в монастырьке Зографе, как это утверждает болгарская зографская традиция, но вероятнее предполагать, что сначала болгарские монахи поселились в какой-нибудь другой обители, может быть именно в той Селинской башне вблизи Зографа, о которой говорит болгарская традиция и которая несомненно существовала как особая обитель в середине XI века, когда соединилась с Зографским монастырем¹⁰.

⁶ *Йорданъ Ивановъ*, Български старини изъ Македония. 1931, 22.

⁷ «...παρὰ τὸν ἐνσκηνοῦθέντων ἐκεῖσε Σκλάβων Βουλγάρων». Изв. Арх. общ. V, 17; ср. *Й. Иванов*, цит. соч. 23.

⁸ *Ивановъ*, Бълг. ст. 537—546; *Соловьев и Мошин*, Гръчке повеле српских владара. Београд 1936, 352—373.

⁹ *Г. Ильинский*, Значение Афона в истории славянской письменности. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1908, XI, 11 и сл.

¹⁰ *П. Успенский*, Ист. Афона, III, отд. 1, 1892, 3—4; *Ивановъ*, 537, 236—237; *Мошин*, Акти из светогорских архива. «Споменик Срп. крал. Акад.» 91. С. 171—174.

В эту эпоху появились на Афоне и русские монахи. Еще к святому Афанасию собрались 3000 монахов и мирян для пострига из Италии (Рима, Амальфи, Калабрии), из Греции, Фессалии, Епира, Македонии, Фракии, из придунайских областей, из Малой Азии, Грузии и Армении. Эта слава достигла и России, недавно возрожденной в купели святого крещения, и привела оттуда на Афон тех избранных, которые по слову евангельскому «желали восхитить царствие Божие»¹¹. Не невозможно, что между пришельцами из придунайских областей могли находиться и русские. Если примем во внимание, что христианство на Руси стало распространяться задолго до св. Владимира, что в середине X века существовала в Киеве христианская церковь и что в течение всего X столетия Русь находилась в постоянных связях как с Византией, так и с православной Болгарией, необходимо предположить, что и в Восточную Европу должны были доходить слухи о самом большом и знаменитом тогда монашеском центре на православном Востоке и привлекать на Афон отдельных христиан, увлеченных жаждой духовного подвига. Таким был св. Антоний, основатель Киево-Печерского монастыря. О его путешествии на Афон летопись рассказывает под 1051 г. в связи с вопросом о поставлении киевским митрополитом Иларионом, в пещере которого поселился по возвращении со Святой горы св. Антоний и где затем возникла Печерская обитель. Однако нет сомнения, что путешествие его на Афон имело место гораздо ранее. В упомянутом месте автор летописи, препод. *Нестор*, делает длинный экскурс о начальной истории Печерского монастыря, причем в этом рассказе говорится и о ряде событий из значительно позднейшего времени, после смерти Ярослава (1054). Между прочим упоминается, что когда, уже при князе Изяславе, около св. Антония собралась братия и возник монастырь, Антоний поставил в нем игуменом Варлаама, а сам «иде в гору, и ископа пещеру, яже есть подъ новымъ манастиремъ, в нейже сконча животъ свой, живъ в добродетели, не выходя ис пещеры лѣтъ 40 нигдаже, в нейже лежать мощѣ его и до сего дне». В другом месте, под 1074 годом, в связи с упоминанием о смерти св. Феодосия летописец снова говорит о Печерском монастыре и его подвижниках и здесь указывает, что св. Антоний умер в 1073 году, ранее св. Феодосия (1074), но и не ранее 1073 г., т. к. во время похода Изяслава на ляхов он еще был жив, и князь перевез его тогда в Чернигов. Если от 1073 года отнимем 40 лет его непрерывной жизни в пещере, то получится, что св. Антоний должен был поселиться в этой пещере около 1033 года. Кроме того летопись говорит, что св. Антоний умер 90 лет. Следовательно, в 1051 году ему было 68 лет: трудно предположить, чтобы в таком возрасте он отправился в первое путешествие на Афон, получил там пострижение и был оттуда послан в Россию насаждать в ней монашество. Много вероятнее, что это должно было происходить в его молодые годы, т. е. еще во время княжения св. Владимира (родился св. Антоний в 973 г.). Все это с несомненностью свидетельствует, что в летописи известия о св. Антонии перепутаны. Другой источник о его жизни — *Киево-Печерский патерик* — распределяет эти события в ином порядке, однако находящееся там теперь житие св. Антония не представляет произведение современника, а является позднейшей реконструкцией. Однако в древности существовало житие св. Антония (которое было известно составителям Патерика, Симону и Поликарпу, и которое уже в средние века исчезло), послужившее источником (может быть, не непосредственно) лето-

¹¹ П. Успенский, Ист. Аф., III/1. С. 6—7.

писцу. Реконструируя отдельные места этого древнего жития на основе данных о святом, имеющих в житиях других печерских угодников, акад. *Шахматов* устанавливает, что св. Антоний действительно поселился в пещере задолго до 1051 года: уже в 1031 году к нему пришел один из первых учеников и подвижников, преп. Моисей Угрин, а в 1032 г. — св. Феодосий. Последняя дата, имеющаяся во 2-й, Кассиановской, редакции Патерика 1462 г., не могла быть придумана в позднейшее время¹². В этой же редакции говорится о двух путешествиях св. Антония на Афон. Первый раз он ушел туда еще при св. Владимире¹³, был там пострижен неким игуменом, который позднее, когда он уже возмужал в подвиге, послал его на родину. Вернувшись в Киев в последние годы княжения св. Владимира, он поселился там в какой-то варяжской пещере на Берестове, но, когда по смерти Владимира настали волнения, св. Антоний снова ушел на Афон. Посланный вторично на родину, преподобный поселился теперь в пещере Илариона на Берестове. Возможно, что известие о втором путешествии на Афон и вторичном возвращении на Русь является позднейшим домыслом в целях примирить данные Патерика с данными летописи, однако, по существу, нет особых оснований подозревать это свидетельство¹⁴. Но, во всяком случае, можно считать несомненным фактом, что св. Антоний подвизался на Святой горе и что это имело место в молодости преподобного, т. е. еще в княжение св. Владимира¹⁵.

Где подвизался преп. Антоний на Афоне — его житие не сообщает. Поздняя афонская традиция считает, что святой подвизался в пещере в скале над морем

¹² По мнению *Шахматова* (ИОРЯС 1837, т. II), ряд добавлений, сделанных уставщиком Кассианом в обеих редакциях 1460 и 1462 гг., заимствован им из Печерской летописи.

¹³ «Нестора, мниха обители монастыря Печерскаго, сказание, чего ради прозвася Печерский монастырь», — говорит о преп. Антоние: «Въ княжеше самодръжца Русюя земля, благовѣрнаго великаго князя Владимира Святославича благоволи Богъ явити свѣтилника Роустѣй земли и наставника иночествующимъ, яже о немъ намъ сказаше...»

¹⁴ *Шахматов* считает, что из Печерской летописи Кассиан мог взять «и рассказ о двукратном путешествии Антония на Афон. Что рассказ о первом путешествии не мог быть придуман Кассианом, помимо бесцельности такой выдумки, доказывает упоминание в нем о поселении Антония в пещере, юже ископаша Варязи; о существовании же варяжской пещеры мы знаем из сказания Поликарпа о Федоре и Василии, причем, однако, то, что о нем читается в этом сказании, не могло дать основания заключить о первоначальном поселении в ней Антония» (ЖМНПр. 1898, III, 127).

¹⁵ См. *А. А. Шахматов*, Житие Антония и Печерская летопись. ЖМНПр. 1898, III, 105—149; *его же*: Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. ИОРЯС, 1897, II, кн. 3; *его же*: Разыскания о древнерусских летописных сводах, 1908, гл. 12. *М. Д. Приселков*, Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. 1913, доказывая, что в данное время Киево-Печерский монастырь являлся центром национальной борьбы против греческующей митрополичьей кафедры, высказал предположение, что житие св. Антония было составлено при кафедре ко дню канонизации преп. Антония в целях предотвращения канонизации преп. Феодосия (чего желал Печерский монастырь и киевское общество): поэтому в данном житии и подчеркнута «благословение Святой горы», т. е. греческий источник русского монашества. *В. А. Пархоменко*, В какой мере было тенденциозно несохранившееся древнейшее житие Антония Печерского, ИОРЯС 1914, кн. I, 238 и д., допуская известную тенденциозность жития, настаивает на наличии там фактической почвы, и в частности подчеркивает, что при известной западноримской ориентации кн. Изяслава показания о связях преп. Антония со страной Греческой и Афоном нельзя считать тенденциозными. Другой рецензент, *С. П. Розанов*, К вопросу о житии преп. Антония Печерского, ИОРЯС, 1914, кн. I, 36—37 и др. вообще не согласен с воззрениями *Приселкова* на степень достоверности показаний жития и относительно путешествия преподобного на Афон держится убеждения в его полной несомненности.

вблизи монастыря Есфигмена, однако большинство исследователей относятся к этому скептически: характерно, что и Григорович-Барский в своем втором путешествии описывает эти пещеры около Эсфигмена, но ничего не упоминает о подвигах там св. Антония. Летопись (под 1051 г.) говорит о нем только, что он «устремился в Святую гору, и видѣ ту монастыря сущая, и обходивъ, възлюбивъ черенечьскій образъ, приде в монастырь ту, и умоли игумена того, дабы на нь възложилъ образъ мнишьскій. Онъ же послушавъ его, постриже и нарекъ имя ему Антоний, наказавъ его и научивъ черенечскому образу...» Следует согласиться с Порф. Успенским, что, если бы св. Антоний принял пострижение в русской обители на Афоне, русские источники, вероятно, сохранили бы об этом какое-нибудь воспоминание. Но из этого не следует, что во время св. Антония не мог существовать русский монастырек на Святой горе: преподобный, как известно, тяготел к пустынножительству и, выбрав для себя уединенную пещеру, должен был принять посвящение от того игумена, во владениях которого данная пещера находилась. В Киево-Печерском патерике существует и еще одно житие, приводящее данные о вероятном существовании русской обители на Афоне при св. Владимире. Житие св. Моисея Угрина рассказывает, что после войны 1019 года в Польшу пришел один афонский иеромонах: «Въ ты же дни нѣкто по пинъ идыи отъ Святыя горы, Богу наставльшю, прииде къ блаженному и остригъ и отъиде»¹⁶. Трудно предполагать, чтобы это был болгарин или грек. Если же это был русский иеромонах («попинъ»), то данное свидетельство говорит о существовании на Афоне некоего русского монастыря, который уже начал проявлять свою историческую миссию — нести со Святой горы в Восточную Европу свет византийского духовного просвещения.

В последнее время это предположение стало доказанным фактом. Действительно, в первом томе актов лавры св. Афанасия, изданном в Париже в 1937 году, помещен один акт святогорского протата, датируемый февралем 1016 года, под которым среди других подписей разных игуменов стоит и подпись: «Герасим, монах, божией милостью пресвитер и игумен обители Русского, свидетельствуя подписал собственноручно»¹⁷. Чрезвычайно важно обратить внимание на то, что здесь слово «русский» употреблено не во множественном, а в единственном числе, тогда как в позднейших актах русский монастырь называется «обителью русских» — ἡ μονὴ τῶν Ῥουσσῶν¹⁸. Это указывает на то, что в данное время обитель еще называлась по национальности ее основателя, а не по национальности ее братства, т. е. свидетельствует, что этот основатель, по всей вероятности, был еще жив и управлял обителью или умер совсем недавно, когда память о нем еще жила на Горе¹⁹. Другими словами, это свидетельствует, что русская обитель на Афоне возникла сравнительно незадолго до 1016 года. Таким образом, подтверждается догадка Успенского, что появление русских монахов на Святой горе относится ко времени св. Афанасия, подвиги которого особенно прославили эту

¹⁶ Берсен. спис. Печерского Патерика. См. *Шахматов*, ЖМНП., 1898, III, 113.

¹⁷ Γεράσιμος μοναχὸς ἐλέφ Θεοῦ πρεσβύτερος καὶ ἡγουμένος μονῆς τοῦ Ῥῶς μαρτυρῶν ὑπέγραψα ἰδιοχείρως. «Actes de Lavra», ed. par G. Rouillard et P. Collomp, I, Paris 1937, № 18, 51—52.

¹⁸ Акты Русскаго мон-ря: 1169 г. и приписки 1177, 1182, 1188 и 1194 г. (№ 6: см. ниже), 1311 (№ 20), 1347 (№ 39), 1354 (№ 21), 1363 (№ 9 и 10), 1366 (№ 11), 1375 (№ 23), 1407 (№ 24 и 25), 1422 (№ 12), также и в подписях под актами других монастырей.

¹⁹ Аналогично с этим употребляются названия: μονὴ τοῦ Ἀμαλφινῶν и μ. τῶν Ἀμαλφινῶν; μ. τοῦ Χάλδου и μ. τῶν Χαλδῶν.

землю подвижников и, по словам его жития, привлекли сюда стремившихся к монашескому подвигу людей из разных земель. Не невозможно, что и сам св. Владимир, в заботах о насаждении в России христианского просвещения, мог думать об установлении связей с Афоном и ввиду этого поддержать, может быть и материально, дело создания русской обители на Горе. Во всяком случае, на Афоне твердо держалась традиция, что Русский монастырь построен во время Владимира Святого и с его помощью. Так, первое сохранившееся в русских летописях упоминание о приезде в Москву афонского игумена в 1496 г. говорит: «августа 7004 г. прииде посоль из Волохъ Иванъ Питары и отпустил его князь великой мѣсяца сентября 3 дня; да съ тѣмъ же посломъ Волошскимъ приидоша къ вел. князю игумень Паисій да три старца из Святой горы милости ради, и князь великой пожаловалъ, милостинию издоволилъ, и на иные монастыри Святыя Горы послалъ с ними милостыню, и отпустил ихъ съ тѣмъ же посломъ вмѣстѣ, понеже изъ старины тотъ монастырь св. Пантелеимона в Светѣй горѣ строеніе быше прежнихъ великихъ князей Рускихъ отъ великого Володимера»²⁰. Заметим, что в это время русский монастырь на Афоне находился в сербских руках и что этим особенно подчеркивается твердость приведенной монастырской традиции. Также в 1583 года святогорский прот. Пахомий и все старцы Святой горы и Хиландаря пишут послание царю Ивану Грозному и тут, говоря и о Пантелеимоновском монастыре, прибавляют: «понеже строеніе и почетіе естъ святого князя Владимира, и въ нашихъ странахъ похвала царству ти»²¹. Наконец, нельзя оставить без упоминания и догадку анонимного автора предисловия к Актам Русского монастыря и исследования о Пантелеимоновском монастыре, что в устройении «для Русских виталища на Афоне» могла принимать участие и супруга равноапостольного Владимира, Анна Грекия, которая могла испросить для русских у своих братьев, византийских императоров, один из святогорских мнидриев или убедить русских князей устроить там обители для русских²².

Нет сомнения, что эта Русская обитель была тот самый «монастырь Древодеда» (ἡ μονὴ τοῦ Δρεβοδευτοῦ), акты которого от 1030, 1048, 1070 и 1142 гг. хранятся в архиве теперешнего святогорского русского монастыря св. Пантелеимона и о котором протатский акт 1169 года свидетельствует, что он всегда принадлежал русским²³. Что обитель Ксилургова (Древодеда) действительно изначала была рус-

²⁰ Татищев, История т. V (1847). С. 127. Татищев тут дословно выписывает из летописи, к сожалению, не упоминая, из какой. Ср. Кафамзин, Ист. Гос. Росс., VI, прим. 620.

²¹ Ст. Димитријевић, Документа Хиландарске Архиве до XVIII века. «Споменик Српске кр. академије», 55 (1922). С. 23. Этот черновик протатского акта не имеет даты, но может быть датирован по упоминанию прота Пахомия, от которого послана другая грамота 5 сент. 1584 г. (см. Акты Рус. мон. С. XVII, со ссылкой на «Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ», 1858 и 1860; см. Акты С. XIII).

²² Акты Русскаго на св. Аѳоне монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона. Кіевъ, 1873. С. VI, Русский монастырь св. великомученика целителя Пантелеимона на святой горе Афонской. Изд. 7, Москва, 1888. С. 4. Редактировал издание актов в Кіеве проф. Тарновский, но приготовлено издание в монастыре.

²³ Прося протат не отнимать от русских прежней Ксилурговой обители, игумен указывает, что «невозможно отнять ее у нас и дать другому ради того, что в ней мы постриглись, и много потрудились над ее охранением и устройением, и что в ней скончались родители и сродники наши, которые содержали нас и давали нам средства жить...»; с аргументами игумена согласился протат, указав что действительно «не благовидно было бы с таким трудом устроенную ими оби-

ским монастырем, особенно ясно подтверждает известная и много раз цитированная опись имущества ее 1142 года, которая приводит в списке монастырского имущества 42 «русские книги» и разные другие «русские вещи»²⁴. Первый из упомянутых актов (1030 г.) свидетельствует, что Ксилургова обитель была посвящена Богородице («обитель пресвятой Богородицы, Древоделова» — ἡ μονὴ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τοῦ Ξυλουργοῦ); так же называет ее опись 1142 года («обитель пресвятой Богородицы, называемая Древоделова» — ἡ μονὴ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου, ἡ ἐπιλεγόμενη τοῦ Ξυλουργοῦ), а протатский акт 1169 года зовет ее «обитель Древодела, т. е. Руссов» — ἡ τοῦ Ξυλουργοῦ μονή, ἥτοι τῶν Ῥουσῶν. Такие случаи различных названий для одной и той же обители на Афоне были не редки²⁵; в частности, были и другие обители, обычно называвшиеся по ремеслу их основателей, как обитель Кузнеца (τοῦ Χαλκέως) или обитель Конопатчика (τοῦ Καλαφάτου). Ксилургова обитель сохранилась до сего времени под именем скита Богородицы: стоит на восточном склоне хребта, среди леса, который некогда должен был быть очень густым, в получасе хода от Ильинского скита и около часу хода от морского берега. Сейчас она по-прежнему подчинена Русскому Пантелеимоновскому монастырю, который уступил ее в пользование болгарским монахам²⁶.

Покуда документальные данные о существовании Ксилурговой обители не восходили ко времени ранее акта 1030 года, можно было приведенную традицию об основании Русской обители при св. Владимире считать легендарной и строить на ней догадки лишь в виде гипотез²⁷, не вызывавших серьезного отношения к себе со стороны «настоящих» ученых. Теперь, когда приведенный акт лавры из 1016 г. в связи со свидетельством пантелеимоновского акта 1169 г. о том, что Ксилургова обитель всегда принадлежала русским и была основана ими, документально доказывает, что Русский святогорский монастырь существовал во время св. Владимира, приходится со всем вниманием отнестись к традиции, приписывающей ему «строение и почетие» обители. Мог ли св. Владимир принимать в этом участие и в какой мере? Вероятнее всего, дело происходило как раз так, как его представляют издатели актов Пантелеимоновского монастыря: «Может быть, явился туда сначала один какой-нибудь русак с топором и долотом и занялся там родным своим ремеслом — плотничаньем; к нему потом пристали и другие его земляки. Это, может быть, и было побудительным для святогорцев поводом к названию обители их обителью Древоделя или Русов. А после уже и князья русские стали поддерживать это поселение русских. Вспомним о начале Киево-Печерской лавры... Не подобное же ли сему было и здесь»²⁸. Во всяком случае, приходится принимать в расчет следующие соображения. Прежде всего, нет никакого сомнения, что в тех размерах, какие имела Ксилургова обитель в

тель отнять у них и дать другому». Акты Русского на святом Алооне монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона. Киевъ, 1873, № 7. С. 74—75.

²⁴ Акты № 6. См. ниже.

²⁵ Например, «обитель св. отца нашего Василия, Калабрийцев», «монастырь Гоматов, называемый и Орфанов, основанный во имя пресвятой Богородицы», «обитель Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, кир-Захариева», «обитель пресвятой Богородицы, кир Павлова», «обитель пресвятой Богородицы, Калафатова», «обитель исихастов т. е. Халдова» и др.

²⁶ См. Акты. С. 83—84.

²⁷ Так, напр., думал В. Григорович, Очерк путешествия по европейской Турции, Казань 1848, 93; преосв. Макарий, История русской церкви. I, Спб. 1857, 173—175.

²⁸ Акты. С. 84—85.

XI—XII веках, отдельные подвижники без сильной материальной помощи со стороны не могли ее выстроить. При той консервативности, какая существовала в средневековых сооружениях, и при наличии того обстоятельства, что уже в XII веке русские монахи получили больший Пантелеимоновский монастырь, куда и переселилось управление монастыря, трудно предположить, чтобы после этого Ксилургова обитель значительно перестраивалась и расширялась. Как увидим ниже, из данных описи имущества 1142 года следует, что до того в обители могло жить человек 25 братии и приблизительно такое же число жило в ней в начале XX века. Насколько мне известно, этот древнейший центр русского монашества еще не был подвергнут серьезному археологическому обследованию, может быть потому, что первое впечатление от обычных служебных построек Ксилургова скита не способствует пробуждению археологической любознательности, в особенности при сравнении его с величественными афонскими монастырями. Однако мне кажется, что не только древний храм, но и расположение стен вокруг обители относятся к глубокой древности²⁹. Но если мы даже и предположим, что главная заслуга в построении монастырских зданий Ксилурговой обители принадлежала не Владимиру, а Ярославу Мудрому (известному своей заботой о создании храмов и причисляемому афонской традицией к первым ктиторах русского монастыря)³⁰, все же естественнее предполагать, что в это время монастырек лишь расширялся и обстраивался на основе того, что было создано при первом появлении обители. Вспомним, что все другие афонские большие обители или были созданы с помощью византийских императоров как «царские» обители³¹, или устроены князьями или вельможами, принесшими сюда свои богатства; в частности, в отношении Ивира и Хиландара участвовали оба этих фактора. Поэтому нам кажется, что основание русской обители происходило не без знания и содействия русского княжеского двора, а во всяком случае не могло происходить без знания византийского императора, которому Святая гора была подчинена непосредственно и к которому лично являлись за рукоположением святогорские проты и, конечно, докладывали ему обо всех важных событиях на Горе, в особенности о таких, как создание новой обители монахами только что обращенного Византией в христианство славянского народа, чей государь находился в родственных отношениях с императором.

²⁹ Обитель в настоящем виде, конечно, не является древней постройкой. В 1744 году Барский писал, что «скит Пантократорский, именуемый Русский, на странѣ сѣверной, в густины лысовой, при пути ведущему к монастыру Ватопеду, ... в нем же обитаху прежде Российские иноки, но нынѣ пуст и разорен» (Второе посѣщение... с. 189.) Однако позднейшая реставрация велась, вероятно, по старому плану.

³⁰ См. Акты, с. 86: Хиландарцы в грамоте Ивану Грозному, хотяяствуя за Пантелеимоновский монастырь, говорят: «сотвори милость съ нами, да примешь мзду отъ мздовоздателя Бога съ блаженпочившимъ В. К. Ярославомъ, который создалъ обитель св. Пантелеимона».

³¹ В этом отношении очень характерен рассказ Доментиана о получении св. Саввой от императора монастыря на Афоне. Император разрешает Савве просить у него что угодно на горе, затем дарит ему Хиландар, который Савва сначала передает Ватопеду, а когда позднее обосновывается в Хиландаре и снова едет в Царьград, император дарит ему свой вклад «Зиг, царский монастырь са всеми пастбищами его и метохиями» (Живот светого Симеуна и светого Саве, написал Доментиан. Београд 1865, изд. *Даничић*). Известно, что этот монастырь Зиг существовал в X веке: в нем одно время скрывался св. Афанасий; подпись его игумена находится под актом Лавры 996 г.; второй святогорский типик причисляет его к привилегированным обителям, Лавре, Ватопеду и Ивиру. Но когда он стал «царским» монастырем — неизвестно.

Упомянутый акт 1030 года сообщает нам ряд интересных данных о русской обители. Он представляет собою купчую: игумен Ксилурговой обители Феодул покупает у душеприказчиков Дмитрия Ковача оставленную им по завещанию келью за 22 золотых монеты, причем келья переходит в полную власть и господство нового владельца с правом полного распоряжения ею при жизни и по смерти. Акт скреплен подписями «игумена Горы (т. е. прота) Герасима»³² и еще 11 Святогорцев. Если для византийских вельмож, получавших царское жалование не монетами, а фунтами золота, 22 номисмы не являлись капиталом, то для скромной обители на Афоне, как и для обычного крестьянского хозяйства, они представляли довольно значительную сумму: от 5 до 10 золотых стоил тогда раб (см. договор Игоря с Греками), приближенный столько же — хороший конь, воли и коровы дешевле. В современных афонских актах встречаются упоминания об участках земли и о келлиях ценою в 3, 4, 6 номисм. Все это нам показывает, что, с одной стороны, русские монахи стремились к расширению своих владений, а с другой — располагали свободными средствами. Такие средства во всяком случае не могли образоваться у отшельников, а только в организованном монастыре с налаженной хозяйственной жизнью. Но был и другой источник, откуда могли притекать в Русскую обитель богатства — от блестящего двора Ярослава Мудрого, которого афонская традиция считала одним из ктиторов Ксилургова монастыря. Принимая во внимание ту великую славу, которую стяжал Ярослав своими заботами о насаждении христианского просвещения и о церковном строительстве, и учитывая тот нарочитый интерес, который он проявлял к связям Руси с иностранными государствами³³, можно предположить, что он не остался равнодушным и в отношении русского монастыря, находившегося в тогдашнем духовном центре Восточной империи. Значение этого русского центра на Афоне определялось не только огромной ролью, которую могли играть афонские русские монахи в той живой работе перевода на русский язык сокровищ греческой литературы, столь покровительствованной Ярославом³⁴, но и возможными соображениями о пользе, которую русскому князю могло принести наличие постоянного русского уголка в том пункте Византийской империи, который находился в непрерывных непосредственных сношениях с византийским двором и часто пользовался выдающимся влиянием. В моих исследованиях по истории сербского монашества на Афоне в XIV веке мне удалось показать, что в то время Сербский Хиландар играл роль политического представительства Сербии в Византии: хиландарские монахи в то время постоянно являются в роли послов между сербским и византийским дворами³⁵. Это вполне понятно, если вспомним

³² Издатели справедливо считают, что Герасим мог быть только протом Горы, т. к. его подпись стоит на первом месте, перед подписью игумена Лавры.

³³ См. В. С. Иконников, Опыт русской историографии, II, кн. 1, с. 142—146 и Е. Шмуффо, Курс русской истории, I (862—1462). Прага Чешская 1931, 91—94, где указана литература.

³⁴ Под 1037 г. летопись, рассказывая о просветительной деятельности Ярослава, говорит: «И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любя не по велику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа, и почитая е часто в нощи и во дне; и собра писцѣ многи, и прекладаше отъ Грекъ на Словенское письмо, и списаша книги многы, и списка, ими поучащесе върнии людие наслаждаются ученья божественаго».

³⁵ В. Мошин, Старац поп Теодосије и хиландарска братија начелна («Јужнословенски филолог», XVII, 1938—1939, 190—200); Житие старца Исаии, игумена Русского монастыря на Афоне («Сборник Русского Археологического общества в Королевстве Югославии», III, 1940, 125—167);

об участии духовенства в средние века в политической жизни государств Западной Европы: как наиболее просвещенный класс, оно выдвигает королевских исповедников, капелланов и постоянных советников государей, канцлеров, часто опекунов и регентов в периоды малолетства королей, искусных дипломатов и послов. Нет оснований предполагать, что русские князья не могли додуматься до простой вещи — пользоваться для информационных и дипломатических целей услугами русских монахов с Афона, где они должны были хорошо изучить греческий язык³⁶, привыкнуть к общению с греками, а вероятно, и завязать личные связи с влиятельными в Византии людьми, каковыми являлись представители византийской аристократии, строившие на Святой горе монастыри и кельи. Если Ярослав действительно, как свидетельствует святогорская традиция, обратил внимание на Ксилургову обитель и поддерживал ее, это должно было начаться незадолго до 1030 года, ибо только в 1026 году, после мира с Мстиславом, «уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли». Купчая игумена Феодула 1030 года, по нашему мнению, является косвенным историческим свидетельством интереса, который Ярослав Мудрый проявил к вопросу об укреплении русского монашеского центра на Афоне в первые годы по умиротворении Руси, причем это должно стоять в самой близкой связи с его просветительной деятельностью, которая особенно широко должна была развиваться именно в этом четырехлетнем (1026—1030) промежутке между заключением мира с Мстиславом и новыми военными предприятиями на Западе.

* * *

В указанной связи с историей русско-византийских политических отношений при Ярославе получает новое освещение и следующий акт Русского афонского монастыря, судебный акт протата от мая 1048 года. Акт представляет формальное дарственное (характерное) заявление игумена Дометиевой обители Григория, скрепленное подписями прота и 24 представителей святогорских монастырей. В отношении стилистическом он представляет интересный случай, имеющий место и в ряде других афонских актов, слияния в одном тексте нескольких отдельных актов: начинаясь в первом лице от имени упомянутого игумена Григория, документ переходит затем на решение протата, которое ведется от имени прота и собрания старцев; в копиях между первой и второй частями находится вставка — дословно цитируется императорская грамота (питтакий) проту, очевидно переписанная сюда из протатского архива. Дометиевский игумен Григорий подтверждает своей подписью и крестом монаху и игумену Кси-

В. Мошин и М. Пурковић, Хиландарски игумани среднега века. Скопље, 1940. Особенно ясно выясняется эта роль хиландарского монашества в личности иеромонаха Каллиника, современника сербского короля Милутина в начале XIV века. О нем приготовлена к печати особая работа «Хиландарац Калиник», которая должна была выйти перед войной; этому же посвящена и другая, еще не напечатанная статья «Дипломатия и сербские дипломаты в средние века».

³⁶ В высшей степени интересным является тот факт, что и в XVI веке Русский афонский монастырь служил школою для приготовления толмачей посольскому приказу. В январе 1551 г. к Константинопольскому патриарху Дионисию отправлен был паробок Обрюта Михайлов Греков с посланием, где царь писал патриарху: «ты бы велѣлъ его у себя учить грамотѣ греческой и языку; а если тебе у себя его научить нельзя, то отошли его на св. гору Аѳонскую, въ нашъ монастырь св. Пантелеимона». См. Русский монастырь св. ...Пантелеимона, 1886, 40; Акты. С. XVI.

лурговой обители Иоанникию, что «за несколько лет перед тем уступил из внимания к блаженной памяти дяди твоего, монаха кир-Феодула, одно запустевшее место в бухте моего имения, преподобного отца нашего Онуфрия, чтобы сделать там склады или, лучше сказать, пристань для судов, получив за это пять номисм. И вот, когда они (русские иноки) уже не малое число лет провели в этой пристани, — не знаю как сказать — кознями ли и засадами стропотного сатаны, или злорадующимися какими нибудь людьми, не боящимися Бога, подвигнутые ученики мои беззаконно напали и разрушили этот дом. Достаточно опечаленный, ты, монах Иоанникий, и даже весьма разгневанный таким беспорядком, ты сказанный монах Иоанникий довел до сведения державного и святого нашего царя о таковом беспорядке, случившемся в оном магазине, и не только о разорении одного магазина, но и двух находившихся там лодок и других вещей. Письмо же твое, монаха Иоанникия представил монах Никодим и пресвитер с монахом Иосифом державному и святому нашему царю об этом деле. Почему монах Никодим прибыл с царским предписанием к благоговейнейшему и духовному нашему отцу и проту кир-Феофилакту. Сделано было общее собрание, на котором и прочтен покланяемый и божественный питтакион, содержащий дословно следующее:

“Царству моему донесли монахи лавры Ксилурговой, что игумен лавры Дометиевой привел в уничтожение его магазин и все прочее, что было в нем: почему царство мое повелевает тебе исследовать о сем и произвести соответствующее удовлетворение, дабы монахи лавры Ксилурговой не беспокоили более царства моего по этому делу”.

Выслушав все заключающееся в нем (питтакционе), святейший наш прот, взяв с собою и всех бывших в собрании игуменов, все вместе отправились на оное место и нашли полное падение и запустение одного дома; и найдено было справедливым подвергнуть монаха Григория денежному наказанию ради такого безначалия, как говорилось и в царском приказе. Мы же, хотя соединить и примирить обе стороны, обратились с просьбою к монаху Иоанникию с его братией. И по просьбе нашей, с Божиим содействием и благодатию, примирили тех и других.

Итак, достигши теперь мирного соглашения, дал тебе я, сказанный монах Григорий, ради душевного спасения блаженной памяти моего калогира и меня смиренного, место в 8 сажень (оргий) длины и ширины, напротив магазина Филадельфова. Ты же опять, монах Иоанникий, дал нам за это место моей обители шесть номисм». Следует санкция, угрожающая монаху Григорию и его ученикам и преемникам в случае новых столкновений отчуждением от Пресвятой Троицы, проклятием св. Никейских отцев, штрафом в 72 номисмы в пользу Святогорской общины и обязательством двойного возмещения убытков. С другой стороны, Ксилурговым монахам запрещается переступать утвержденную границу имения. Заканчивается акт указанием, что это сделано по царскому приказу, прочитанному в собрании, и что это соглашение и харистикия написаны «по желанию Григория монаха и благоговейнейшего духовного отца нашего и прота, кир Феофилакта, и всех прочих игуменов, означенных их собственными подписями, рукою Афанасия монаха из обители кир-Сисоя». Последние слова объясняют стилистическую путаницу, образовавшуюся при диктовке текста Григорием и протом.

Я позволил себе столь подробно привести содержание этого акта, так как все приведенные в нем данные весьма важны для выяснения обстоятельств, при ко-

торых он был издан. Прежде всего следует обратить внимание на упоминаемого в начале акта покойного монаха кир-Феодула. В периоде, приведенном в «Актах», очевидно, допущена путаница: «Я вознамерился, в виде благодеяния блаженной памяти дяди моего монаха, господина Феодула, одно место... обратиться в складочный магазин или, лучше сказать, в пристань для судов, получив на этот предмет и пять монет». Почему постройка пристани может считаться благодеянием дяди хозяина и для кого это «благодеяние» сделано? От кого получены упомянутые 5 номисм? Если от дяди, то почему следующая фраза говорит о разрушении учениками Григория этой пристани, уже находящейся во владении Ксилургова монастыря? Между тем греческий текст не говорит о «намерении» мон. Григория строить пристань, а о передаче в обычной форме характеристики³⁷, из внимания к памяти блаженного монаха кир Теодула, — ἀπεχαρισάμην λόγου ψυχικοῦ — данного места для постройки пристани. Следующая фраза, свидетельствующая, что пристань принадлежала Ксилургову игумену, с очевидностью указывает, что упомянутая характеристика учинена Григорием в отношении Ксилурговой обители, и только от нея и могли быть получены за уступку места 5 номисм. Наконец, обращаясь в предыдущей фразе к Ксилургову игумену Иоанникию, Григорий затем называет покойного кир-Феодула не своим дядей (θεῖος μου), а дядей его, т. е. Иоанникия, — τοῦ μακαρίτου σου θείου, τοῦ μοναχοῦ... Таким образом, нам представляется несомненным, что Григорий говорит здесь о покойном игумене Ксилурговой обители, известном из акта 1030 года, монахе Феодуле, и при том свидетельствует, что он пользовался большим уважением на Афоне, в частности и у соседних игуменов. Характерно, что перед именем его стоит частица «кир» — господин, прибавлявшаяся к имени только высокопоставленных особ (в данном акте она стоит и впереди имени прота Феофилакта). Это подтверждает нашу прежнюю догадку, что игумен Русской обители Феодул стоял в близких связях с киевским двором и пользовался поддержкой Ярослава Мудрого. По смерти игумена Феодула его место занял его племянник Иоанникий³⁸, и ему, очевидно в память своего бывшего друга и соседа, уступил Дометиевский игумен место в бухте для постройки пристани, получив за эту услугу 5 золотых монет. Как видно, в этой же бухте находились склады и Филадельфовой обители, и, вероятно, самой Дометиевой. Издатели актов предполагали, что эта Дометиева обитель слилась с нынешним Пантократорским монастырем; нет сомнения, что упомянутая бухта тождественна с бухтой Пантократорова монастыря, откуда идет вверх по лощине дорога к Ильинскому скиту и Ксилурговой обители.

В высшей степени интересны следующие данные о разгроме русской пристани с ее складами послушниками Дометиевой обители. Игумен Григорий обвиняет в подстрекательстве на это дело или сатану, или неких злонамеренных людей и говорит, что нападение было произведено ἀτάκτῳ ὁμίῃ. Комиссия святогорских игуменов во главе с протом установила, что здание было совершенно разрушено и пристань запустела, причем акт указывает, что были уничтожены и

³⁷ О характеристики см. И. И. Соколов, Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии. «Известия Академии Наук СССР», 1931, № 6. О значении глагола χαρίζειν в смысле дарения см. А. Соловьев и В. Мошин, Гречке повеле српских владара. Београд, 1936, 503—504.

³⁸ Такие случаи перехода игуменской власти к родственнику были нередки: например, Иоанн и его сын Евфимий Ивирские, Евфимий и его племянник Неофит Дохиарские и др.

две лодки Ксилурговой обители, и другие вещи. Трудно представить, чтобы такое безначалие со стороны соседней обители могло произойти в обычное время, а тем более трудно предполагать, чтобы это насилие могло быть проявлено в отношении обители, пользовавшейся поддержкой русских князей, причем сам настоятель послушников-громил утверждает, что был в дружеских отношениях с покойным игуменом своих теперешних противников и именно из внимания к его памяти уступил пристань Ксилургову монастырю. Нам представляется, что ответ на вопрос заключается опять-таки в истории русско-византийских отношений данного периода. С весны 1043 до 1046 года Византия находилась в войне с Россией. Когда в начале 1043 года один знатный русский был убит в Константинополе, Ярослав послал своего сына Владимира и воеводу Вышату с большим флотом через Черное море к Царьграду. Император предлагал мир, но русские предъявили неприемлемые условия. Русский поход закончился неудачей: сначала магистру Василию Феодоракану удалось нанести русскому флоту поражение на пути от Дуная к Босфору; после этого разразилась буря, и разбитый бурей русский отряд должен был оставить наступательные планы и думать о спасении, но при возвращении, у Варны, вторая буря уничтожила остатки флота. Владимиру удалось с несколькими кораблями вернуться в Россию, а Вышата вместе с высадившимся на землю отрядом попал в плен. «И приведоша я Цесарюграду, и слѣпиша Руси много», рассказывает летописец под 1043 годом, а византийские источники свидетельствуют, что византийцы часть пленных ослепили, а другой части отрезали правую руку. Мир был заключен только через три года, после чего Вышата вернулся на родину. По-видимому, за все эти три года Византия не чувствовала себя в безопасности от нового нападения русских, что могло иметь для государства огромное значение в связи с постоянной угрозой, которую в то время представляли для Византии Печенеги за Дунаем, Сельджуки на Востоке, Норманны, с которыми шла война в Южной Италии, и претенденты на трон, как Георгий Маниак (1042—1043), Лев Лампрос и Стефан Севастофор (1043) и Лев Торник (1047). Русская летопись свидетельствует, что в течение всего этого промежутка с 1043 до 1047 года Ярослав не предпринимал никаких походов: весьма вероятно, что он думал в то время о новом походе на Византию. Поэтому, естественно, в Византии должны были с большим подозрением относиться ко всем русским: еще в самом начале войны, в 1043 году, царь распорядился задержать всех русских купцов и солдат и учредить над ними строгий надзор. Это подозрительное и недружелюбное отношение должно было остаться в течение всего трехлетнего периода. Нельзя предполагать, чтобы это недоброжелательство в отношении к Русским не отразилось на отношении афонцев к русскому монастырю, а так как у страха глаза велики, то соседям русской обители могло казаться и нарочито опасным оставлять в русских руках в такое время каменные постройки в бухте и лодки (м. б., парусники?), которые могли послужить русским монахам для связи с могущей прорваться в Эгейское море русской флотилией. В такой обстановке становится понятным и появление пересудов и разговоров между святогорцами об опасности существования на Афоне русского монастыря, что впоследствии охарактеризовано как подстрекательство со стороны злых людей, и разгром донетиевскими монахами русских построек на пристани, и очевидное нежелание святогорского управления оказать защиту русскому монастырю, который благодаря этому был вынужден обратиться с жалобой к самому императору.

Чрезвычайно значителен и эпилог дела. Произошло явное беззаконие, что в акте признается и самим игуменом Дометиевой обители, и святогорским собором, и протом. Однако Ксилургова обитель не может получить удовлетворения от законных властей на Афоне и принуждена искать защиту у самого императора. Какие основания имели русские монахи предполагать, что византийский двор станет на их сторону, вопреки нежеланию прота решать это дело? Почему император действительно вмешался в дело по вопросу о разрушенном русском сарае на Афоне, когда только за два года до того он сам подтвердил второй святогорский типик (составленный в сентябре 1045), где § 14 прямо указывает, что все маловажные дела на Горе должны судиться протом, а важные — в общих собраниях под председательством прота, а § 9 грозит лишением игуменства как раз за такой поступок, который совершен монахами Дометиевой обители, — нарушение дарственных, купчих или меновых записей на участки земли? Почему царь должен был переносить беспокойство со стороны ксилурговых монахов, от чего просит прота освободить его: требует решить дело, дабы монахи «не беспокоили более царства моего по этому делу»? Нам представляется, что должны были иметь место какие-то нарочитые обстоятельства, которые позволяли русскому монастырю быть уверенным, что император окажет ему внимание и заступится за его интересы. Этими обстоятельствами, по-моему, могло быть восстановление дружеских отношений между русским и византийским двором после заключения мира в 1046 или 1047 году и, особенно, брак Всеволода, сына Ярослава Мудрого, с дочерью императора Константина Мономаха.

Об этих событиях не сохранилось никаких других свидетельств, кроме Несторовой летописи. О мире летопись упоминает в том же известии о войне 1043 года: «по трехъ же лѣтъхъ миру бывшю, пущень бысть Вышата въ Русь къ Ярославу». О браке с византийской принцессой здесь ничего не говорится, упоминается же о ней уже как о супруге князя Всеволода под 1053 годом: «у Всеволода родился сынъ, и нарече имя ему Володимерь, отъ царицѣ Грькынѣ». Позднее, под 1096 годом в Лаврентьевской летописи приведено знаменитое поучение Владимира Всеволодовича Мономаха, и там он сам говорит о себе: «Азъ худый, дѣдомъ своимъ Ярославомъ благословленнымъ, славнымъ нареченый въ крещеніи Василий, руськимъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мъномахы», т. е. свидетельствует, что жена Всеволода была дочерью императора Константина Мономаха (1042—1055): других императоров из рода Мономахов в Византии не было. Поздние русские летописи, как заметил еще Карамзин, называют Константина Мономаха тестем Всеволода³⁹. Но уже два приведенных места из Начальной летописи, где супруга Всеволодова называется греческой царицей и Мономахой, дают полное основание верить этой традиции. Византийские источники ни слова не говорят об этой дочери Константина Мономаха. Дочерью императрицы Зои она во всяком случае не могла быть, т. к. в момент свадьбы с Константином Зое было уже 64 года. К тому же, при всей невероятности такого предположения, если бы невеста Всеволода родилась после 1042 года, ей было бы к моменту выхода замуж не больше 3 лет, а в год рождения ею сына Владимира не больше 10. Кроме того, если бы она была «порфирородной» дочерью Константина и Зои, византийские историки, конечно, не преминули бы упомянуть о ее рождении. Поэтому уже Карамзин предполагал, «что

³⁹ Карамзин, Ист. гос. Росс. II, изд. 1851. С. 38 и прим. 47.

Мономах, еще не быв императором, прижил супругу Всеволоду с первою неизвестною нам женою». Впрочем, нам представляется более вероятным считать ее дочерью не из первого брака с неизвестною нам по имени женою Константином, а из второго брака его с племянницей Романа Аргира, дочерью Василия Склира и Пульхерии⁴⁰, ибо в первом случае придется считать, что супруга Всеволода была старше своего мужа (Константин вступил во второй брак по смерти первой жены, до восшествия Романа Аргира на престол в 1028 году). Менее вероятным кажется нам предположение, что она была не дочерью, а племянницей Константина, хотя и это не невозможно: Кедрин свидетельствует, что у Константина были братья, хотя и не называет их по имени⁴¹. Наконец, еще менее вероятным было бы предположение, что жена Всеволода была сестрой Константина. У него были сестры: Пселл упоминает Елену и Евпрепию⁴². Но если Всеволод был женат на сестре Константина, то эта его супруга должна была бы быть значительно старше мужа, а кроме того, Константин не был бы ему тестем. Но, как бы то ни было, нет никаких оснований подозревать современника матери Владимира Мономаха, летописца, в неточности сведений о ее греческом и царском происхождении⁴³, а самого Владимира Мономаха в незаконном присвоении родового имени императора Константина Мономаха.

Нельзя предполагать, чтобы брак Всеволода Ярославича с византийской царевной мог быть заключен до войны 1043 года, так как Всеволоду в то время было только 13 лет (родился в 1030 году) и так как сам Константин только за три четверти года до столкновения вступил на престол (12 июня 1042 г.) и, вероятно, не имел еще времени завязать отношения с Ярославом. Поэтому следует считать, что женитьба Всеволода на дочери Константина IX состоялась в промежутке между окончанием войны (1046) и 1052 годом, а учитывая дипломатическую практику того времени утверждать прочность политических союзов браками, ученые давно предположили, что этот брак и был заключен в связи с миром 1046 года. Однако против этого предположения имеются два очень сильных возражения. Первое заключается в том, что если бы брак Всеволода с Анной был заключен в непосредственной связи с заключением мира, то летопись, обычно упоминающая о браках князей и рождениях у них детей, не преминула бы упомянуть об этом именно в данном месте, как упомянула о возвращении Вышаты. Отсутствие этого упоминания тем сильнее бросается в глаза, что как раз после слов о возвращении Вышаты приведено сообщение о другом политическом браке: «В си

⁴⁰ См. Н. Скабаланович, Византийское государство и церковь в XI веке. СПб. 1884, 53.

⁴¹ *Cedr. ed. Bonn*, II, 556.

⁴² *Psell.* IV, 149, 190—191.

⁴³ Имя этой супруги Всеволода неизвестно. По Татищеву, она умерла в 1067 году. От нее Всеволод имел сына, Владимира Мономаха, и двух дочерей. Первая, как доказал *Васильевский* (Труды II, 37—49), была помолвлена с сыном Романа Диогена (1068—1071) и впоследствии вышла за него замуж; вторая, Анна (Янка), была невестой брата имп. Михаила VII Дука, но предполагаемый брак не состоялся вследствие свержения Михаила. Жених Янки вскоре после этого был пострижен в монахи, и сама Янка также постриглась (См. *Васильевский*, цит. соч. 34—37). По смерти первой супруги Всеволод женился вторично, по Миллеру, на половецкой княжне, которая в летописи именуется Анной. От нее родились дети: Ростислав и дочери Евпраксия и Екатерина. Первая из них была замужем сначала за саксонским маркграфом Нордмарком Генрихом Штаденским, а потом за императором Генрихом IV. О ней см. интересное исследование С. П. Розанова, Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна. «Изв. АН СССР», отд. гуманитар. наук. 1929, № 8.

же времена вдать Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдать Казимиръ за вѣно людей 8 сотъ, яже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава». Видно, что второе событие у летописца ассоциируется с первым не по воспоминанию о браках, а по возвращению людей из плена. Вторым возражением является то общеизвестное соображение, что византийцы вообще неохотно выдавали своих принцев за варварских государей и если соглашались на это, то только в исключительно тяжелой международной обстановке, будучи вынуждены на это военными успехами варваров. В данном же случае произошло обратное: в 1043 году победительницей оказалась Византия, и в год заключения мира ей ничто ниоткуда не угрожало. Поэтому мне представляется, что брак Всеволода с Анной был заключен не непосредственно в связи с заключением мира 1046 года, а несколько позднее, уже по восстановлении дружественных отношений между византийским двором и Ярославом, и, вероятнее всего, в конце 1047 года, когда в Византии была обстановка, напоминавшая ту, которая вынудила Василия II обещать Владимиру Святому руку сестры Анны за помощь против восставшего Варды Фоки. В 1047 году произошло восстание племянника императора по матери, Льва Торника, едва не стоившее престола Константину. Имея за собой партию при дворе, где Торникия поддерживала сестра императора, Евпрепия, и опираясь на военную партию в западных, не симпатизировавших Константину, областях, Торник 14 сентября 1047 года бежал из Царьграда в Адрианополь, где около него быстро собрались стратиги, бывшие в пренебрежении у императора, разные влиятельные и родовитые родственники — Ватаци, Стратомиты, Враны и Глабы; пришли праздные стратиоты и целые военные отряды со своими начальниками; население Македонии встало на сторону восставших, в войсках которых вскоре оказались и какие-то «варвары». Все македонские города, кроме Редесто, передались Торнику, и уже в конце сентября он с большим войском очутился под стенами Царьграда. Только нежелание подвергнуть город грабежу удержало его от взятия штурмом неподготовленной к защите столицы, и это было причиной неуспеха всего движения. Вскоре осажденные оправались от страха и стали удачно обороняться, а недовольные нерешительностью Торника повстанцы стали переходить к царю. Уже через неделю он должен был отступить в Македонию, а прибывшее с востока войско в конце декабря принудило его сдаться. Таким образом, восстание было подавлено менее чем в 4 месяца, однако в начале оно было столь опасным, что император основательно боялся за свою жизнь. Если учтем, что в войске Торникия участвовали и «варвары», под которыми обычно подразумевают славян, и что непосредственно на севере, за Дунаем кочевали в то время орды печенегов, с вождением смотревшие на Византию и действительно в следующем, 1048 году прорвавшиеся на Балканы, то нужно предположить, что император должен был опасаться присоединения этих неприятелей к отрядам Торникия, а может быть, боялся и Ярослава, который мог использовать затруднительное положение Византии и отомстить за неудачу 1043 года. В таких обстоятельствах естественно думать, что Константин постарался обеспечить себе союз с Ярославом, который, и не вступая сам в войну с противниками императора, мог воспрепятствовать печенегам пойти в данное время на Византию, если бы они попытались присоединиться к Торнику. В этом случае для укрепления дружественных отношений с Русью и претворения их в союз можно было воспользоваться обычным средством — политическим браком между византийским и русским дворами. Таким образом, я предполагаю,

что переговоры о браке Всеволода с Анной были начаты в промежутке между сентябрем и декабрем 1047 года, а так как плавание по Черному морю в то время обычно прерывалось на зиму, то отъезд царевны в Россию мог произойти только весной 1048 года.

Поэтому нам кажется, что именно эти события и создали ту благоприятную для русских монахов обстановку, которая позволила им в первой половине 1048 года обратиться непосредственно к императору с просьбой о вознаграждении убытков, причиненных им разорением сарая в Дометиевой пристани. Возможно, что при этом было использовано присутствие в Царьграде какого-нибудь высокопоставленного русского гостя, посланного в Византию с вестями от ново-брачной дочери императора Константина.

* * *

От 1048 г. не сохранилось никаких свидетельств о русском монастыре на Афоне до 1070 года. За это время очень мало известно и о русско-византийских отношениях вообще. Византийцы, занятые борьбой партий за трон, церковными событиями, приведшими к разделению церквей, столкновением императорской власти с «папоцезаристскими» стремлениями патриарха Михаила Керулария, ликвидацией монофизитства в Армении и обороной границ от норманнов в Южной Италии, сельджуков на Востоке и печенегов, а потом половцев на Дунае, не интересуются отношениями с русскими князьями в течение этого промежутка времени. Русская летопись также не занимается этим вопросом. За время Ярослава Мудрого летопись вообще очень скудна историческими известиями. С 1048 до 1054 г. сообщается только о смерти жены Ярослава, избрании митрополита Илариона, основании Печерского монастыря, смерти Владимира Ярославича, рождении Владимира Мономаха и о разделении государства между сыновьями в связи с известием о смерти Ярослава. Из этих свидетельств лишь известие об избрании и поставлении митрополита Илариона, русина, собором русских епископов в 1051 году позволяет предполагать о каком-то охлаждении в отношениях с Византией. Высказывалось мнение, что церковный разрыв явился следствием русско-византийской войны 1043 года, но против этого совершенно справедливо возражали, что это столкновение имело место за 8 лет до разрыва, что уже в 1046 году были восстановлены дружеские отношения с византийским двором и даже был заключен политический брак Всеволода с дочерью Мономаха. Наконец, к этому времени следует, по всей вероятности, отнести и поставление митрополита Кирилла I, которого Киево-Софийский помяник помещает между Феопемптом (упом. под 1039 г.) и Иларионом (1051 г.). Если за время политического разрыва 1043—1046 гг. произошел, что вполне естественно, и разрыв церковный, то по восстановлении дружественных связей должны были восстановиться и нормальные церковные отношения Руси с Царьградским патриархатом, и, конечно, без этого условия политическая дружба не была бы восстановлена. Поэтому приходится считать, что были какие-то другие причины, вызвавшие бунт Киева против патриарха в 1051 году. За неимением никаких других данных об этих событиях позволительно предполагать, что этой причиной могли явиться какие-нибудь неумеренные претензии «византийского папы» Михаила Керулария в отношении русской церкви или русского государя. Не невозможно, что столкновение с византийским патриархом могло произойти ввиду то-

гдашних особенно живых связей Руси с папским престолом, которые должны были возникнуть в связи с браками дочерей Ярослава с западными государями, особенно дочери Анастасии, выданной в 1050 году за короля Андрея I венгерского, и Анны, вышедшей замуж за короля французского Генриха I 19 мая 1051 года. Как долго продолжался этот церковный разрыв, нам неизвестно. Возможно, что рождение первого сына женою любимого Ярославом сына Всеволода, дочерью византийского императора Константина Мономаха, в 1053 году могло дать повод для восстановления церковных связей. Во всяком случае, в 1055 году в Киеве был митрополит Ефрем I, известный своим столкновением с новгородским епископом Лукой Жидятой. В Начальной летописи он не упоминается, но известен по Новгородским летописям, позднейшим летописям Новгородской и Тверской, и по указанию Копастенского о записи его имени в Киево-Софийском помяннике⁴⁴.

Еще менее прямых свидетельств о византийско-русских отношениях находим мы в период триархии Ярославовых сыновей, Изяслава, Святослава и Всеволода. В другой, подготовленной к печати, большой статье, посвященной международным связям Руси в этот период («1083 год: Киев — Тмутаракань — Константинополь — Рим — Гослар») я высказал предположение об особенной сложности этих отношений в указанное время. Объясняется это колебаниями в политической ориентации Руси между Западной Европой и Византией, причем эти колебания обнаруживаются не только в разные моменты данного периода, но иногда и в одно и то же время связями разных княжеских центров с различными факторами тогдашней мировой политики. Правда, все три князя вместе издают законы, распределяют княжения между младшими князьями, предпринимают походы на кочевников, однако это не мешает каждому из князей-триархов иметь особую международную ориентацию, в значительной мере определявшуюся брачными связями каждого из них. Старший, Изяслав, в 1043 году женился на Гертруде, сестре Казимира Польского, дочери Мешка II. Второй, Святослав, в первый брак вступил, вероятно, в промежутке между 1043 и 1047 годами (после старшего, но раньше младшего брата), т. е. во время разрыва с Византией; учитывая политическое значение тогдашних княжеских браков, нужно думать, что первая его жена, Киликия, происходила из какого-нибудь двора, враждебного Византии, м. б., была Норманнкой из Южной Италии. Вторая же жена, Ода, была саксонка. Третий, Всеволод, был женат на дочери византийского императора. Конечно, каждая из этих княгинь имела свое окружение, которое поддерживало связи с ее родиной, и этим, естественно, должны были определяться международные симпатии и антипатии при каждом дворе. Особенно должно было это подчеркиваться в вопросах церковной жизни, которая как раз в год смерти Ярослава приняла новые формы в связи с разразившейся мировой катастрофой — разделением церквей в 1054 году. Особо острое значение получил этот вопрос со времени первого бегства Изяслава на Запад в 1068 году и его возвращения при помощи поляков (1069 г.). Любопытно, что именно в то время, когда Изяслав все больше и больше обращается на Запад, чтобы во время второго изгнания закончить обращением к императору и к папе и признанием своей вассальной зависимости от римского престола, укрепляются связи Всеволода с Византией. К этому времени относятся упомянутые

⁴⁴ См. Голубинский. Ист. рус. церкви, I, изд. 2. М., 1901, 286—287.

переговоры о брачных союзах его дочерей с семьями императоров Романа IV Диогена и Михаила VII Дуки.

Не лишено интереса, что ко времени этих дружественных связей византийского двора с Русью относится и один акт Русского афонского монастыря. Это протатский акт от ноября 1070 года (т. е. из последних месяцев царствования Романа Диогена) о разграничении спорного места между обителями Ксилурговой и Скорпиевой. Из акта видно, что Ксилургова обитель жаловалась протату на Скорпиев монастырь, занимавший ее участок, и святогорский судебный трибунал признал права Русского монастыря, а ввиду отсутствия у Скорпийцев документов на спорное место с согласия обеих сторон поделил спорный участок пополам⁴⁵. Хотя в данном случае нет никаких намеков на какую-нибудь связь этого процесса с политическими русско-византийскими отношениями, однако самый факт внимания со стороны святогорского прота и собора к Русскому монастырю позволяет догадываться, что в нем могло отразиться тогдашнее благожелательное отношение византийских правительственных кругов к русским. Если упомянутые переговоры о браке византийского принца «Диогеновича» с дочерью Всеволода происходили в это время (а это следует предполагать из того, что, по-видимому, дело в то время осталось незаконченным и брак состоялся уже после смерти Романа Диогена, вероятно, на Руси, куда, по всей вероятности, удалось спастись сыну императора), — указанная связь Пантелеимоновского акта с событиями политической жизни была весьма вероятной.

* * *

Семидесятые и восьмидесятые годы XI века были одним из наиболее интересных периодов в истории международной политики Руси. Второе бегство Изяслава на Запад, связи его с императором Генрихом IV и папой Григорием VII заставили и двух младших триархов посвятить большое внимание Западу, где вскоре разгорелась открытая борьба между папством и императором, постепенно принявшая характер широкой международной войны. Каждая из коалиций, как папа — Саксония — Норманны — Польша, так и Генрих IV — Чехия — Византия, были заинтересованы в том, чтобы привлечь на свою сторону Россию, и можно думать, что в княжение Всеволода (1077—1093 гг.) Киевская Русь склонилась на сторону римско-саксонской коалиции, что нашло внешнее отражение в браке дочери Всеволода, Евпраксии, с саксонским маркграфом и что, с другой стороны, побудило императора Алексея Комнина восстановить в Тмутаракани центр противукиевской оппозиции, послав туда находившегося в Византии в заточении князя Олега Святославича. Сохранившиеся акты Пантелеимоновского монастыря не дают никаких известий о жизни русских на Афоне в этот период, однако имеется одно известие начала XIX века, претендующее на связь с древней традицией, которое говорит об отдаче русским монахам императором Алексеем Комнином монастыря Св. Пантелеимона.

Это известие приведено у афонского историка, игумена Есфигменского монастыря, Феодорита, который в 1805 году составил большой труд — описание Святой горы, — опирающийся большей частью на архивные источники, но в значительной степени и на устную местную традицию. Он указывает: «Выше того мес-

⁴⁵ Акты № 5.

та, которым владеет Пантократор и которое называется древним именем ту-Фалакру, находится обитель Ксилургу, ныне именуемая Богородица, обитель своежительная, имеющая хорошие кельи и храм древний. Она древле отдана была протом монахам русским для жительства. Когда же число их увеличилось и стало им тесно, тогда они просили приснопамятного царя Алексея Комнина первого дать им большую обитель, и по царскому приказу Павел, прот Горы, передал им обитель, называемую Фессалоникийцев и чествуемую во имя святого Пантелеимона. Эта обитель ради поселившихся в ней монахов Россов стала называться и ныне ложно называется обителию Россов, потому что в ней нет ни одного российского монаха». Цитируя приведенный отрывок, *Порф. Успенский* относится к нему с полным доверием и утверждает, что император Алексей Комнин, «горячо любивший афонитов, внял их просьбе (вероятно, по ходатайству тогдашнего великого Киевского князя Всеволода, набожного, трезвого и целомудренного от самой юности), и по его царскому приказу прот Св. горы Павел, дал им монастырь Фессалиникийцев, чествуемый во имя св. великомученика Пантелеимона, который с той поры и стал именоваться Русским. А так как сей Павел начальствовал на Св. Горе в 1083 году и, после прота Саввы, в 1089 г., то к этому времени и наипаче к последнему году и надобно относить передачу Пантелеимонова монастыря русским инокам»⁴⁶. Ввиду того, что в архиве Русского монастыря имеется подлинный акт о передаче русским монахам Пантелеимонова монастыря в 1169 году, Успенскому приходится предполагать, что после первого приобретения этого монастыря русские не долго жили в нем и оставили его навсегда около 1100 г. по причине соблазнов и смут, вызванных так называемым влашским делом, которое, по свидетельству современников, удалило с Афона многих монахов и отшельников. После перехода русских монахов в Пантелеимоновский монастырь Ксилургова обитель была, по предположению Успенского, передана в распоряжение протата, который уступил ее в 1090 г. благочестивым монахам Сербии, а эти уже в 1069 году получили от протата оставленный русскими Пантелеимонов монастырь. Помимо упомянутых ранее филологических комбинаций о связи Русского монастыря с далматинским городом Росом, сербской Расией или Раусием-Рагузой, гипотеза о передаче Ксилурговой обители сербам подкрепляется наличием в описи имущества 1142 года слов *м а н д а л и х а р з а н*, которые Успенский считает сербскими словами.

Несостоятельность этой гипотезы уже давно была отмечена в науке, однако сравнительно недавно ею снова оперировал как историческим фактом *Сперанский*⁴⁷, и поэтому мы позволили себе подробно изложить как доводы Успенского, так и показание Феодорита. Мы не будем останавливаться на предположении об отдаче сербам Ксилурговой обители в XI веке, поскольку это находится в прямом противоречии с сербскими историческими источниками, согласно свидетельствующими о создании сербского центра на Афоне лишь в конце XII века трудами св. Саввы. Но мы должны задержаться на показании игум. Феодорита,

⁴⁶ Ист. Аф. III, отд. 2. С. 9—12 и далее до 21.

⁴⁷ М. Н. Сперанский, К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур. ИО-РЯС, 1921, т. XXVI. С. 176. Как уже упоминалось, гипотезу авторитетного историографа Святой горы, оказавшего огромные услуги науке в области изучения святогорских памятников, приняли как доказанный факт и некоторые греческие исследователи, напр. *Смирнакис* в своем большом труде об Афоне, вышедшем в 1903 г.

поскольку оно сообщает данные об истории Русского монастыря в конце XI века, которые и послужили главным основанием для выводов П. Успенского.

Прежде всего, как совершенно правильно замечает Успенский, «как так один и тот же монастырь Пантелеимонов в течение 68 лет дважды передаваем был одним и тем же монахам (будто бы) Русским, сперва царем Алексеем Комнином, а потом афонским протатом?» Все остальные вопросы автора проистекают из этого основного недоумения. Да и все гипотезы, необходимые для объяснения факта в том виде, как это решает Успенский, — поселение сербов в Ксилургу в XI веке, не сообщаемое источниками и противоречащее сербской традиции, приписывающей основание сербского центра на Афоне лишь св. Савве; оставление русскими Ксилурговой обители, противоречащее словам игумена Лаврентия в 1169 году, что в ней скончались родители и сродники его и т. д., — все это проистекает из принятия Феодоритова сообщения без проверки и критики. Между тем упомянутое сообщение очень подозрительно. Во-первых потому, что противоречит сохранившемуся документу о передаче русским Пантелеимонова монастыря в 1169 году. Во-вторых, ссылкой на указ императора Алексея, которого нет в пантелеимоновском архиве, так же как нет и постановления прота Павла, хотя сохранились акты предшествовавшего времени (1030, 1048 и 1070 годов). Правда, в описи имущества 1042 года упомянута «копия царских простагм», однако здесь идет речь прежде всего о простагме протату, цитированной в акте 1048 года, а затем, может быть, о первом указе об основании обители, который погиб вместе с остальным архивом Русского монастыря в пожаре 1309 года, а также о каких-нибудь указах, касающихся всего Афона. Во всяком случае, если бы существовала передаточная грамота прота Павла на монастырь Пантелеимоновский — она не могла быть забыта в описи документов Русского монастыря 1042 г. Наконец, и историческая обстановка не соответствует описанному событию. Утверждение Успенского, что прот Павел занимал эту должность два раза — до 1083 и после 1089 г. — ошибочно. Он действительно подписывается как прот или упоминается в этой должности в актах начиная от ноября 1070 года⁴⁸, причем в одном из них указывается, что одновременно с тем он был и игуменом монастыря Дохиара⁴⁹. Последний раз Павел подписался как прот на Ксенофском акте 1083 года⁵⁰. Следующее известие о нем говорит как о бывшем протом — в акте Филофеева монастыря от августа 1087 года, причем под данным актом стоит подпись нового прота Саввы Ксирокастрита, а между подписями игуменов находится и подпись Павла, игумена Дохиарского⁵¹. Очевидно, ранее 1087 года Павел оставил должность прота, но сохранил должность Дохиарского игумена. Возможно, что наследником прота Саввы был Неофит Дохиарский, как он назван в завещании, которое Успенский датирует 1092 годом⁵². Если же эта датировка ошибочна и Неофит был протом позже, все же уже в следующем году мы находим нового прота, Гавриила, упомянутого в известном сборнике доку-

⁴⁸ Акты Рус. мон. № 5; затем: Ватопедский акт от мая 1071 (*Смирнакис* 46 и 431 и *Успенский*, *Ист. Аф.* III/1. С. 196—197); Хиландарский акт от января 1076 г. (*Д. Анастасијевић*, *Неколики неиздати грчки текстови*. «Старинар». XII, 1937, 3—7); Ксенофский акт от июня 1083 г. («Визант. Временник», X, 1903, Приложение, № 1).

⁴⁹ Хиланд. акт 1076 г.: *Д. Анастасијевић*, *цит. соч.*

⁵⁰ «Визант. Врем.» X, Приложение, № 1.

⁵¹ «Визант. Врем.» XX, 1913, Приложение, № 1.

⁵² *Ист. Аф.* III/1. С. 200; *Епeтиpиc* VI. С. 253—257.

ментов из времени Алексея Комнина⁵³. Во всяком случае, после 1083 года Павел в качестве прота не упоминается, а указание Успенского на 1089 год основывается на неточной датировке упомянутого Ксенофского акта⁵⁴. Что же касается первых лет царствования Алексея Комнина, то нужно иметь в виду, во-первых, тяжелую внешнеполитическую обстановку, которая не давала ему возможности посвящать свое внимание Афону: за весь промежуток времени от 1081 до 1090 г. известна только одна простагма Святогорцам (именно цитируемая в упомянутом Ксенофском акте, при чем она была вызвана жалобами могущественного вельможи, ставшего монахом, великого друнгария Симеона), и кроме того одно общее распоряжение, запрещающее пребывание на Святой горе евнухам⁵⁵. Во-вторых, именно первые годы правления Алексея были периодом сильного охлаждения отношений с русским Великим князем Всеволодом, ставшим на сторону папско-саксонско-норманнской коалиции, и поэтому трудно предположить, чтобы в это время император проявил благожелательность и щедрость в отношении Русского святогорского монастыря.

Таким образом, мы считаем, что сообщение Феодорита не заслуживает доверия; что он перенес на время Алексея Комнина факт, имевший место в царствование Мануила Комнина, передачу русским Пантелеимоновского монастыря приписал проту Павлу, который ему из Ксенофского акта был известен как современник императора Алексея. Если же, действительно, Феодорит видел в протате неизвестную нам простагму о передаче Пантелеимоновского монастыря русским, обращавшимся к императору с просьбой о даровании им большей обители, — это могла быть только простагма императора Мануила, которую Феодорит приписал императору Алексею. Такая ошибка допустима, т. к. такие указы не имели подписи государя, а не имели ни указания года, собственноручно же вписанный императором индикт мог быть с одинаковым правом отнесен и к одному и к другому царствованию.

Впрочем, нужно иметь в виду, что в последние годы правления Всеволодова отношения между Русью и Византией снова наладились. В 1085 году умерли оба противника Византии, папа Григорий VII и Роберт Гвискар, в связи с чем прекратилась война с Норманнами, а в 1089 г. дочь Всеволода Евпраксия по смерти первого мужа вышла замуж за бывшего союзника Византии, императора Генриха IV. В этом же году видим в Царьграде другую дочь Всеволода, монахиню Янку, бывшую невесту царевича Константина Дуки, которая привела оттуда с собою на Русь митрополита Иоанна III. Для Византии, которая в то время, с 1087 по 1091 г., вела борьбу на жизнь и на смерть с печенегами, жизненное значение представлял вопрос об отношениях с половцами и их соседями — и в то время союзниками — русскими князьями. Не невозможно, что русский монастырь в эти годы пробовал использовать выгодную политическую обстановку и, может быть, даже и получил какие-нибудь благодеяния от византийского двора, однако архив Пантелеимоновского монастыря не сохранил об этом никаких следов. Во всяком случае, это не могла быть передача русским Пантелеимоновской обители.

⁵³ Ист. Аф. III/1. С. 226—227 и 370—371; *Phil. Meyer*, Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig 1894, 183—184; *Fr. Dölger*, Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches, II, 1925, № 1171.

⁵⁴ В акте не сходится год с индиктом. Индикт соответствует 1089 году, что является ошибкой переписчика. См. Введение Пти к Актам Ксенофа. С. 6—7.

⁵⁵ Цитированы в упомянутом акте Ксенофу. См. *Dölger*, цит. соч. № 1089.

Совершенно также не сохранилось никаких актов, относящихся к жизни русской обители за последующий период царствования Алексея Комнина и до последнего года царствования его сына, Иоанна (1018—1043). В течение этого времени Русь не теряла связи с Леоном⁵⁶, а было несколько моментов особенно дружественных отношений между Византией и Русью, которые могли дать повод святогорским русским монахам использовать их. Таковы были, например, в княжение Святополка II Изяславича (1093—1113) 1103—1106 гг., когда были заключены три византийско-русских брака: дочь Володаря Ростиславича Перемышльского вышла за сына императора Алексея, Андроника или Исаака (ок. 1103—1104 г.), дочь Всеслава Брячиславича Полоцкого — за сына имп. Алексея (1106), и сам Святополк Изяславич женился третьим браком на родственнице императора, Варваре⁵⁷. Вторым моментом имел место в княжение Владимира Мономаха (1113—1125), когда внучка великого князя, Добродея-Евпраксия Мстиславна, вышла замуж за царевича Алексея⁵⁸. Весьма дружественными были отношения и между императором Иоанном Комнином и сыном и наследником Владимира Мономаха, Мстиславом Владимировичем (1125—1132). К спокойным годам византийской истории после первых удачных походов против турок и печенегов, заключения мира с Венецианцами (1126—1127) и установления дружественных отношений с сербами и Венгрией (1128—1129), но до новых военных предприятий на Востоке, относятся известия о связях между Царьградом и Киевским князем. Наиболее интересным является свидетельство Ипатьевской летописи о том, что в 1130 г. «поточи Мьстиславъ Полотский князь съ женами и съ дѣтми въ Грѣкъ, еже приступиша хрестное цѣлование»⁵⁹. По свидетельству *Татищева*, «император же, приняв их,

⁵⁶ Игумен Даниила в 1105 г., описывая путь в Иерусалим, упоминает, что при выходе в Эгейское море от Галлиполи расходятся пути: «на шую въ Иерусалимъ, и на десно къ Святой Горѣ и къ Солуню».

⁵⁷ Для Византии это были годы сравнительного успокоения после Крестового похода, борьбы с Турками в Малой Азии и отъезда Боэмунда из Антиохии в Италию; на Руси также, после Витичевского съезда 1100 года, прекратились усобицы. Главной заботой князей в это время стали походы в степь и борьба с половцами, и возможно, что именно это обстоятельство способствовало укреплению связей с Византией, для которой южнорусские кочевники всегда представляли сильную угрозу.

⁵⁸ Х. Лопарев, Брак Мстиславн (1122). «Виз. Врем.» IX, 1902, 418—445: считает царевича Алексея старшим сыном императора Иоанна; С. Пападимитриу, Брак Мстиславн с Алексием Комнином. «Виз. Врем.» XI, 1904, 73—98 — доказывает, что этот Алексей был сыном севастократора Исаака, брата императора. Ср. Шаландон, II, 13—14. Небезынтересно сопоставить этот брак с отношениями Византии к печенегам, с которыми как раз в это время приходилось вести борьбу. Следует иметь в виду и известную грамоту императора Алексея Владимиру Мономаху 1114 г. о короновании его венцом Константина Мономаха. При всей подозрительности этого акта (П. С. Р. Л. II, 290) нужно предполагать, что существовала некоторая фактическая основа его. См. В. Регель, *Analecta Byzantino-Rossica*. 1891, XCIV—XCVIII; Делгер, Рег. II, № 1267. В промежутке между этими датами стоит движение Леона Диогеновича 1116 г. против имп-ра, по видимому поддержанное Мономахом. ПСРЛ I, 130—131.

⁵⁹ Более подробно описывается это событие под 1140 годом в связи с возвращением из Царьграда двух из этих князей: «В то же время взидоста княжича два ись Царягорода; заточени были Мьстиславомъ, великимъ княземъ Киевскимъ: зане не бяхуть его воли и слушахуть его, коли е зовашеть в Рускую землю в помощь, но паче молваху Бонякови шелудивому во здорвьє, и про се ся Мьстиславъ разгнѣвася на нѣ и хотяше на ня ити, но нѣлзе бо бяшеть ити, зане бяху бо тогда налегли Половци на Русь ... И упоросья Мьстиславъ отъ рати, и помяну первѣй, посла по Кривитьстѣи князь, по Давыда, по Ростислава и Святослава и Рогьволодовича два, и усажа у

определил им довольное на содержание и послал в войско, бывшее Против Срацын, где они с похвалою служили, в Полоцк же Мстислав определил сыны своего Изяслава»⁶⁰. Как и в ранее приведенном случае подобного «поточения», т. е. ссылки в Царьград, Олега Святославича в 1079 г., так и в данном случае ясно, что сослать неприятных князей в столицу Византии можно было только в том случае, если на это имелось согласие императора и существовала уверенность, что впоследствии эти князья не окажутся в руках Греков оружием политической борьбы против Киева. Для этого, конечно, отношения между обоими дворами должны были быть весьма дружественными. К этому же времени относится прибытие в Киев нового митрополита из Константинополя, Михаила II (1131 г.)⁶¹. Сохранилось и свидетельство о культурных связях между Русью и Византией, также из этого периода: о приходе к Мстиславу из Греции трех певцов, один из которых, «скопеец Мануйло, пѣвец гораздый», был позднее, в 1137 г., поставлен в епископы в Смоленск. Наконец, следует упомянуть роскошный оклад знаменитого Мстиславова евангелия, заказанный великим князем в Царьграде в 1135 г., также свидетельствующий о живых связях Киевского князя с царьградским двором. Вероятно, не изменились отношения между Русью и Византией и в смутные годы правления брата Мстислава и наследника его, Ярополка Владимировича (1132—1139). В 1136 году племянник великого князя, Борис Коломанович (родившийся на Руси сын венгерского короля от прогнанной им супруги Евфимии, дочери Мономаха), женился на родственнице императора Иоанна.

Как мы уже сказали, за все это время Пантелеимоновский архив не сохранил никаких актов о жизни русской обители. Вероятнее всего, что царских указов Ксилургову монастырю в течение указанного периода и не существовало. При этом следует подчеркнуть, что за все царствование Иоанна Комнина не сохранилось ни одного царского акта святогорским монастырям, кроме известия о соборе епископов, занимавшемся вопросом о «прещении» патр. Николая по поводу беспорядков на Афоне. Хотя документ о «влашском деле» и передает слова императора Иоанна Святогорцам, говорящие о его заботах о Святой горе, однако отсутствие на Афоне каких бы то ни было актов из этого царствования, по-видимому, свидетельствует, что император Иоанн не показывал в отношении к Святой горе значительного интереса.

три лодьи и поточи и Царюграду за неслушание ихъ, а мужи свои посажа по городомъ ихъ». ПСРА II, 217—218.

⁶⁰ Татищев II, 241.

⁶¹ Ипат. лет. Голубинский считает, что митр. Михаил прибыл не позже 1129 г., т. к. в этом году в Киеве должен был быть митрополит — в этом году был поставлен Новгородский епископ Нифонт. Кроме того, по житию в. кн. Мстислава (Феодора) митр. Михаил освящал построенную им церковь Св. Феодора в Киеве (*Востоков*, Описание Румянц. музея, 452, col. 1), а эта церковь заложена в 1128 г. (Лавр. л.) ЗПСРА II. 6645 г.

Часть вторая

В первой части настоящей статьи¹, где трактуется история русского святогорского монастыря от его основания в эпоху Владимира св. до начала XII века, мы указали на хронологическое совпадение дат его древних документов с важными моментами в истории русско-византийских отношений того времени и в условиях этих отношений старались найти объяснение тех перемен в экономическом положении монастыря, о которых свидетельствуют Пантелеимоновские акты. Кроме неприятностей, пережитых в сороковых годах XI века, в период русско-византийской войны, в жизни монастыря за это время не было потрясений. Лишь в середине XII века произошли важные перемены как в экономическом быту обители, так и в вопросе ее значения и престижа на Афоне. Эта перемена ясно выявляется при сравнении двух актов монастыря от 1142 и 1169 годов.

Первый из этих актов, опись имущества русского монастыря, дает возможность восстановить картину его жизни в первой половине XII века и вместе с тем возбуждает ряд интересных вопросов об отношении русских на Афоне к событиям тогдашней политической жизни на родине. Комиссия Святогорского протата из пяти членов — четырех эпитиритов во главе с экономом протата — в присутствии «немалого числа игуменов» произвела 14 декабря 1142 года опись монастырского имущества.

Опись — *ἀπογραφή* — составлена очень подробно по рубрикам: церковный алтарь, св. иконы, церковь, книги, железные вещи (землед. инструменты), медные вещи (колокола, котлы, пилы, кузница), документы, платье, оружие, кладовая, рыболовные принадлежности, суда и лодки, посуда, конюшня, монастырская касса. Заканчивается акт указанием о передаче всего этого имущества «ныне выбранному игумену монаху, кир-Христофору, игумену обители Древодеда», и датой, без подписи членов комиссии, которые перечислены поименно в начале документа. Под описью находится приписка о вещах, принесенных в обитель братом Лазарем, и другая приписка на обороте пергамента.

Прежде всего в данном случае привлекает внимание вопрос о поводе для составления настоящей описи. Конечно, это не значит, что монастырь стоял до 1142 года в запустении, ибо, во-первых, в акте прямо указано, что поводом для составления описи послужило *избрание* в монастыре нового игумена, для чего должна была существовать избиравшая братия; а во-вторых, в запущенном монастыре не могли оставаться священные сосуды, да к тому же драгоценные (серебряные с позолотой), святые мощи в серебряных мощехранильницах и иконы в дорогих окладах. Остается непонятным, почему понадобилось при выборах присутствие эконома протата и эпитиритов вместе с другими игуменами и почему этим гостям было предложено составить настоящую опись. Наконец, является вопрос, по чьему желанию составлена опись: было ли это желанием протата, пославшего для этой цели свою комиссию, или об этом хлопотала братия, желавшая передать монастырское имущество новому игумену по официальному документу, или, может быть, это вызвано просьбой самого игумена, хотевшего принять имущество обители по инвентарю, дабы на будущее время обезопасить себя от возможных обвинений в небрежении к монастырскому добру. Но, так или

¹ Byzantinoslavica IX (1947) 55—85. — Печатание второй части этой статьи было отложено ввиду болезни одного из членов редакции, у которого рукопись задержалась.

иначе, во всяком случае следует думать, что мысль о составлении такой описи не могла бы возникнуть, если бы перед этим не было какого-нибудь инцидента, показавшего, что «деньги счет любят». Возможно, что жизнь в монастыре не всегда протекала мирно, что могли существовать среди монахов свои партии, как это имеет место и в других обителях, ведшие между собою борьбу за влияние, и, следственно, «предвыборные кампании» со всеми неприятными, обычными в таких случаях, обстоятельствами. Что в русской обители такие недоразумения случались, косвенно свидетельствует упомянутый в описи архива акт *отрекшегося* игумена: редко подобное отречение случается в спокойной обстановке. При этом в русском монастыре могли находить отражения и те политические несогласия, которые происходили от времени до времени на родине². В то время игуменами обычно ставились люди высокого общественного положения. В данном акте новый игумен Христофор носит почетную прибавку «кир», что позволяет видеть и в этом игумене человека, близкого к княжескому двору. В данное время на Руси шла усобица между домами Мономаховичей и Ольговичей. В 1139 году черниговские потомки Святослава Ярославича, Ольговичи, в лице Всеволода Ольговича, после долгого промежутка времени добились Киевского великого княжения. Оставаясь черниговским князем, по принципу Любечского съезда 1097 г. («каждо да держит свою вотчину»), он старался закрепить за своей родней и Киевское княжество и в то же время не мог воспрепятствовать укреплению независимости отдельных земель — Галицкой (потомки Владимира Ярославича), Волынской (старшие Мономаховичи), Полоцкой и Ростово-Суздальской (младшие Мономаховичи). Мономаховичи — потомство Всеволода Ярославича, — в течение долгого времени располагавшие Киевским великим княжением, пользовались симпатиями населения Южной Руси (в противоположность черниговским Ольговичам) и, хотя часто враждовали между собою, все же чувствовали себя общими противниками черниговского дома. В то же время и среди потомков Святослава часто возникали междоусобия. Как раз в 1142 году в связи со смертью Андрея Владимировича Переяславского возникли перемещения на столах и смуты, в которых приняли участие и Ольговичи, и Давидовичи, и Мономаховичи. Подробности этой смуты для нас не имеют значения; самый факт дает возможность предполагать, что политические «группировки» на Руси могли получить свое отражение в Русской обители на Афоне, и, если к этому времени, может быть со смертью игумена, представилась необходимость новых выборов, вызвали борьбу настолько острую, что понадобилось приглашение святогорских блюстителей (хотя бы под видом гостей вместе с другими игуменами), которые могли бы обеспечить обеим сторонам известный порядок при выборах, а после них, по просьбе боровшихся сторон, а, может быть и самого игумена Христофора, составили опись монастырского имущества в целях предотвращения будущих голословных обвинений в бесконтрольном хозяйничаньи монастырским добром. Конечно, наше объяснение является лишь гипотезой, но она представляется нам самой вероятной, поскольку базируется на основном факте — связи монастыр-

² Ср. схожее положение в Киево-Печерском монастыре во время борьбы между Изяславом и Святославом, когда св. Антоний явился сторонником Святослава, а св. Феодосий был на стороне Изяслава. То же видим по смерти Святослава и после второго возвращения Изяслава, когда «отражением смены князей на Киевском столе явилась неизбежная смена игуменов: Стефан был изгнан братией и вместо него посажен Никон». Б. Д. Греков, Киевская Русь. Москва, АН СССР, 1944, 4, 338—339.

ской жизни с событиями политической истории, находящей аналогии в известных нам событиях из истории Киево-Печерской обители.

Переходя к содержанию описи, мы должны констатировать наше полное несогласие с заслуженным автором «Истории Афона» о скудости хозяйства Ксилурговой обители и прежде всего ее ризницы. Монастырь имел только один храм с одним престолом, но этот храм далеко не походил на церковки отшельников вроде той, которая была первоначально в Троице-Сергиевской обители, где не было «ни золота, ни серебра, ни риз украшенных» и где всех поражала «худость ризная, нищета безмерная». Здесь, напротив, много серебра и позолоты — на евангелиях и требнике, на иконах; серебряные позолоченные сосуды, серебряный крест, драгоценные мощехранильницы с позолотой и украшениями, расшитые парчовые облачения, расшитые покровы и полотенца под иконы, причем часть из них обозначена как «русские», т. е., очевидно, имели или вышитые славянские надписи, или какие-нибудь особенно типичные русские орнаменты, которые для каждого грека служили ясным свидетельством, что это произведение не-греческого прикладного искусства. Если вспомним, что на Руси в то время не было своих серебряных рудников, а не было их и на Афоне, то станет ясно, что все это богатство могло прийти только от очень богатых жертвователей, вероятнее всего — с княжеского двора³. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что от этого древнего времени таких евангелий, украшенных серебряными позолоченными крестами, драгоценными «гаммами», миндалинами, «комбофиками» и гвоздями, заслуживающими особого упоминания в описи, сохранилось чрезвычайно мало: мне известно одно — вышеупомянутое — знаменитое, заказанное в Царьграде Мстиславово евангелие, обычно же книги, представлявшие и без того драгоценность, покрывались лишь кожаными переплетами. Еще большую ценность представляли в то время св. мощи, а здесь видим четыре кивота с частями св. Древа и большим числом св. мощей, причем один кивот весь сделан из серебра с позолотой, два медных украшенных серебром и один деревянный «с данским ладаном». Влагалища для св. мощей в первом ящике покрыты золотыми крышками и украшены жемчугом; Честное Древо обложено золотом. Конечно, все это было выполнено художественно, как это видим на других сохранившихся памятниках прикладного искусства из данного времени. Совершенно также драгоценными были и расшитые ткани, в частности пурпурные платы с грифами, львами, двойными орлами, пурпурные ручники для икон и завес с изображениями, один из которых, обозначенный «русским», имел золотую кайму, крест, колесо и двух петухов.

Чрезвычайно интересно и перечисление св. икон, находящихся в алтаре, в храме и на иконостасе. Поражает очень большое их число: в алтаре обозначено 11 икон, из них одна — св. Симеон Столпник со св. Марфой и св. Кононом и двумя другими изображениями, украшенными серебряными сияниями, описывается особо. В храме особо описаны 4 большие иконы: Богородица Оранта с «историей Господа» вверху, т. е. с рядом композиций из евангельской истории, Хри-

³ «Князья и бояре древней Руси в X—XI вв. имели много золота, серебра, дорогих мехов и тканей, получаемых ими не из сельского хозяйства, а попадавших к ним либо в качестве военной добычи, либо путем торговли» (*Греков*, Киевская Рус, 81). Ср. запись Ипат. л. под 1158 г. о богатстве князей Ярополка и Глеба. Ср. Ипат. лет. под 1150, 1154, 1159, Лавр. л. под 1155 (об иконах, окованных серебром).

стос с серебряным позолоченным окладом, имеющим кругом различные иконы; «Моление» — Христос с Богородицей и Иоанном Предтечей с сиянием, икона большого стоялица — Христос с золотой резьбой и серебряным позолоченным крестом на голове, с 15 камнями и позолоченными серебряными нарукавниками. Такие же нарукавники и сияние упомянуты и на предыдущих иконах. Пять малых икон и других больших и малых икон 90. Такое обилие икон заставляет предполагать, что в Русской обители имелась своя иконописная мастерская. Особо упомянут иконостас с золотой резьбой и с Господскими праздниками. Наличие на иконостасе икон, представляющих главнейшие события евангельской истории, указывает на то, что иконостас был двуярусным, т. е. что в XII веке на Афоне существовали высокие иконостасы из дерева.

Книги русские: кроме двух упомянутых, находившихся в алтаре, украшенных евангелий и иерейского молитвослова-евхология, вероятно заключавшего служебник с требником, также украшенного серебряным крестом и другими украшениями: пять апостолов, две параклитики, пять октоихов, пять ирмологиев, четыре синаксаря, один паримийник, двенадцать миней (службы святым на каждый месяц), два патерика, пять псалтирей, св. Ефрем (житие), св. Панкратий⁴, пять часословов и один номоканон. Чрезвычайно интересно здесь упоминание о наличии в русском монастыре всех 12 книг миней, указывающем, что службы здесь, очевидно, совершались ежедневно. Чрезвычайно важно также упоминание о существовании в то время русского перевода кормчей книги. Непонятно, почему имелось такое большое число апостолов, октоихов, ирмологиев, псалтирей и часословов — по пяти экземпляров, — если не предположить, что эти книги готовились для отправки на Русь или в соседние славянские страны. Возбуждает вопрос, почему в описи не упомянуты постная и цветная триоди, которые должны были находиться в монастыре: не следует ли их подразумевать под двумя параклитиками? Необходимо подчеркнуть, что все эти книги обозначены как русские, и никаких других книг кроме этих не упомянуто. Необходимо также заключить, что обилие экземпляров ряда книг, наиболее употребительных в богослужении, свидетельствует о существовании в монастыре иноков, посвятивших себя специально переписыванию книг⁵.

Железные вещи — инструмент для обработки земли: 10 чап для окапывания огорода, 15 мотыг, 4 сошника, 1 лискарь (молот), 4 серпа, 1 топор, 5 вардук (дубин, может быть, лом?), непонятный 1 флиавин, 1 железо, 6 садовничьих ножиц. Это перечисление инструментов указывает, что монастырь имел свой огород, виноградник, может быть, сад и маслиновые деревья, где работало 1—2 человека, кроме тех случаев, когда должна была выходить на работу вся братия — для вскапывания земли и окапывания винограда и некоторых овощей.

Медные вещи: 1 большой и 1 малый колокол и колокольчик для трапезной; кухня с двумя котлами, пятью кастрюлями, пятью милярями (?), одним русским тазом, 4 пилы, 5 железных щипцов, один медный таз для мытья ног, 2 медных блюда, 2 водоцеделки.

⁴ Житие св. Панкратия Тэвроменийского, произведение пресвитера Иоанна. Рукопись этого жития из XIII—XIV вв. вывезена Порфирием Успенским из Хиландаря и находится в Публ. библиотеке. См. Ильинский, Ж. М. Н. Пр. XI (1908) 19.

⁵ Ср. В. С. Иконников, Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869, 59 и Соболевский, Переводная литература Московской Руси, 1903, 11.

Кузница со всем прибором.

Кладовая: 1 ковер, шуба, 1 русская капа (κάπα ῥοικῆ μία), предметы с непонятными обозначениями — 1 имитрисы, 15 харзан, 2 типарчи. Тележка с ярмом (ἄρματα ζυγία — вряд ли «пара оружий», как переводят издатели). Два меча и четыре щита — вероятно, для сторожей и для дальних путешествий. 9 мешков и 2 двойных новых мешка, 7 платов, 6 мехов (для вина?), 4 кади, 4 бочки, в двух из которых хранится 50 модиев пшеницы; 30 м. ячменя, 20 — проса, 10 — бобов. Здесь же хранились рыболовные снасти: одна тоня сетей для крупной рыбы, 2 невода, одна простая тоня, 10 мер чечевицы, 8 мер крупного гороха.

Пристань: судно в 250 мер с принадлежностями и второе в 150 мер, 5 лодок и 5 челноков.

Посуда: 24 тарелки и 40 связок ложек (вероятно, деревянных).

Конюшня: 1 мул, 5 седел, 1 узда, 1 потник, 2 ярма; 5 сундуков.

Архив из 14 актов, среди которых перечислены: копия царских простагм, три акта, касающиеся отношений Ксилурговой обители с ее соседями, какая-то «заметка» — вероятно, резолюция императора или какого-нибудь важного чиновника, акт о дороге от монастыря до моря, две купчих (из них одна на судно), одна «вольная» грамота, одна бумага о каком-то крестьянине, отпускная грамота, выданная Тивериадским архиепископом, и три акта, касающиеся Ксилурговых игуменов. Три из этих актов сохранились в архиве монастыря: это разобранные документы 1030, 1048 и 1070 годов.

Касса: наличности нет. Обитель должна 17 зол. номисм: игумену какой-то обители — 4, протату — 7, в Карею «задушное» (ψυχικόν) 4 и архиепископу Петру — 3. С другой стороны, обители должен монастырь Кацари 6 перперов.

Мы позволили себе столь подробно привести содержание этой замечательной описи, поскольку оно не только свидетельствует об имуществе тогдашних святогорских обителей, но косвенно и о составе братства русского афонского монастыря. В алтаре единственной церкви находились две перемены риз с тремя епитрахиями и одной парой поручей: вероятно, в обители не было больше двух иеромонахов, служивших попеременно. По-видимому, диакона вообще не было, т. к. опись не упоминает ни ораря, ни стихаря. Кроме иеромонахов при церкви должны были состоять по крайней мере еще два человека — еkkлисиарх и псаломщик. Эти люди, составлявшие наиболее образованный слой братии, в свободное от службы время, должно быть, занимались переписыванием книг и иконописанием. Монастырское управление составляли: игумен (в данное время был не иеромонах), эконо́м, дохиар. Остальная братия, распределенная по «послушаниям», работала на огороде (1—2 человека), в винограднике и в саду (1—2 чел.), 1 в кузнице, 1 повар, 1 пекарь, 1 столяр, один сапожник, 1 конюх, 5—6 моряков-рыболовов, 1 вратарь. Таким образом, следует думать, что число означенных в описи тарелок (24), вероятно, отвечало числу монахов в обители. Этому же отвечает и оборудование кухни, и наличие только одного мула в конюшне, и количество запасов провизии, имевшейся в кладовой на всю вторую половину года — от декабря до нового сбора плодов. Эти запасы показывают, что при наличии богатого храма жизнь монастыря была очень скромной. Об этом же свидетельствует и касса, где при отсутствии наличности имелось 17 золотых долгу, и со своей стороны было отдано в долг другим только 6 номисм.

От 1042 до 1169 года, к которому относится следующий акт русской обители, не сохранилось никаких свидетельств кроме вышеупомянутой приписки к описи; о ней мы будем говорить позднее. В 1169 г. в судьбе русских святогорцев произошла важная перемена: протат уступил Ксилурговой обители запущенный монастырь Солунца, посвященный св. великомученику Пантелеимону.

Протатский акт рассказывает, что 15 августа, в день праздника Богородицы, «в собрание всего духовного сословия и прочего старейшинства в судилище» вошел игумен Ксилурговой или Русской обители, монах кир-Лаврентий и просил дать ему для устройства одну из запущенных обителей. Протат дал ему обитель Фессалоникийца, которая «была в старину многолюдна и имела первенствующее положение между второстепенными обителями как по обширности, так и по блеску», чтобы она была «восстановлена, обстроена наподобие крепости, возблестала и украсилась и населилась большим числом людей»; обитель передана монаху Лаврентию со всей недвижимостью и всеми правами в полное и неотъемлемое владение. В то же время протат оставил русским и прежнюю Ксилургову обитель, «так как в ней они постриглись и много трудились над ее устройством и в ней скончались родители и сродники их». Старый монастырь передан Русским также в полное владение и распоряжение «самоправное и самовластное», с тем чтобы он оставался как особый приписной монастырь под управой особого эконома. За это Русские простили протату 30 перперов долга.

В этом акте интересна не только юридическая сторона акта: имущественные права на новую обитель и предоставление новым владельцам привилегий, принадлежавших ее прежним основателям, но и весь тон документа, отражающий отношение тогдашних афонских властей к русским монахам. Здесь рождается целый ряд вопросов, имеющих значение не только для истории самого Русского афонского монастыря, но в известной степени для истории всей Святой горы, а также и для истории византийско-русских отношений данной эпохи вообще.

Прежде всего: самый факт передачи Фессалоникийской обители Ксилурговому монастырю. Акт, правда, указывает, что Пантелеимоновский монастырь Солунца к этому времени был совершенно запущен и даже перестал считаться монастырем ввиду малочисленности монахов; но это же самое место свидетельствует, что эти, хотя бы и малочисленные, монахи в обители в то время жили. Таким образом, в данном случае передается русским не разрушенный и пустой монастырь, а еще «живая» обитель, в которой жили хозяева. Затем, этот монастырь передан новым владельцам со всеми своими движимостями и недвижимостями, правами и привилегиями; сохранившиеся древнейшие акты этого монастыря и упоминания в позднейших пантелеимоновских актах свидетельствуют, что в XII веке обитель Солунца имела келлию в Карей, поля на Афоне, имение в Салониках («метох св. Зинаиды»), метох Тумба-Ворви на Каламариин вблизи Салоник и имение на соседнем полуострове Кассандре⁶. Наличие этих имений, во всяком случае, давало возможность существовать упомянутым малочисленным монахам обители, а сохранившиеся древние документы свидетельствуют, что в момент передачи обители Солунца русским монахам в обители имелся архив, и, следовательно, ее власти еще заботились о сохранении своих прав и привилегий. Затем, нужно обратить внимание и на то, что протат не присвоил себе этих имен запущенной обители и не оставил их монахам, жившим до того времени в

⁶ Акты №№ 4, 19, 20.

ней, а вместе с монастырем передал новым хозяевам. Далее нужно особенно подчеркнуть указание акта на то, что в прежнее время обитель Солунца занимала первенствующее место в ряду обители второй *степени*, т. е. тех святогорских монастырей, которые по своему значению следовали сразу за великими лаврами, и что обитель передается русским с тем, чтобы они привели ее в прежнее цветущее состояние и сделали еще более блестящей и сильной. Другими словами, малая русская обитель, находившаяся до того в скромном Ксилурговом монастырьке, должна была превратиться в великий монастырь, подобно Ксенофу, Дохиару, Ксиропотаму, Каракаллу, Кастамониту. С одной стороны, акт нарочито подчеркивает пожелание, чтобы русские восстановили монастырь в виде крепости (*καστελλοειδὲς*), а с другой — определяет его юридическое положение в отношении протата и других монастырей терминами *αὐθεντικὸς* и *ἐξουσιαστικὸς*. Эти термины получают особое значение, если вспомним, что вся Святая гора была подчинена непосредственно византийскому императору и что поэтому вряд ли бы прот мог без знания и согласия верховной власти гарантировать русским монахам столь большую самостоятельность. Заслуживают внимание и формулы санкции, обеспечивающей русским монахам полное и невозбранное распоряжение новым монастырем и оттеняющей значение обители. Наконец, замечательно и решение, по которому протат сохранил во владении Русских монахов и их старую Ксилургову обитель, также передав ее в вечную и невозбранную власть игумена Русского монастыря, а удовлетворившись за эту огромную уступку лишь прощением долга в 30 перперов, который числился за протатом в отношении Ксилурговой обители. Все эти факты свидетельствуют, что в данное время святогорский протат был необыкновенно внимателен и уступчив в отношении русского игумена, и заставляют предполагать, что существовали какие-то особые обстоятельства, вызывавшие это внимание, выразившееся в том, что малая русская обитель поднималась на ранг великих святогорских монастырей — лавр и царских обителей.

Второй ряд вопросов возбуждается этим актом и в отношении самой русской обители. Мы видели, что это был небольшой монастырек с малочисленной братией в 20—25 монахов, с одной церковью и довольно скромными средствами для существования. Откуда у него взялись средства, чтобы принять на себя обязательство превратить запущенный, наполовину разрушенный монастырь в монастырь-замок с огромными каменными стенами и высокими башнями, каким его видим уже через 20 лет? Откуда у него рабочая сила? Откуда появятся новые монахи в таком количестве, чтобы наполнить новую обитель-крепость и сохранить старый Ксилургов монастырь со всем его хозяйством? Как мы уже указывали, ни один из великих святогорских монастырей не сделался таким только благодаря стараниям и трудам монаха-основателя, а каждый смог превратиться в «лавру» только с помощью и поддержкой или императоров, или могущественных византийских вельмож, или иностранных князей. Нет сомнения, что и в данном случае русский игумен не решился бы обратиться к протату с просьбой об уступке ему монастыря для превращения его в обитель-замок, если бы не было обеспеченных материальных средств для этого огромного дела и обеспеченного притока новых людей в обитель, а прежде всего, если бы не было уверенности, что протат пойдет ему навстречу; другими словами, если предварительно не обеспечил успех своего прошения могущественной поддержкой и ходатайством, с которым должны были считаться святогорские отцы.

Откуда пришла эта помощь, акт не говорит. Нет сомнения, что престиж русского игумена на Святой горе в данное время стоял очень высоко. Характерно постоянное употребление эпитета «кир» перед его именем, а также и тон, в котором обращается к нему как к своему «брату» святогорский прот. Нетрудно угадать, что особенный подъем влияния и значения русской обители произошел как раз в промежутке времени между описью 1142 г. и выдачей настоящего протатского акта 1169-го. Упомянутая опись констатировала в 1142 году долг обители в 17 золотых монет, из которых 6 монет следовало протату, а в 1169 г. протат оказывается должным русскому монастырю 30 монет. Весьма возможно, что улучшение материального положения Ксилурговой обители явилось следствием прихода в монастырь того брата Лазаря, о котором говорит приписка на упомянутой описи, сделанная под заключительной формулой и датой, т. е., очевидно, после 1142 года. В этой приписке перечисляются многие драгоценные предметы, принесенные в монастырь братом. Лазарем: серебряные, позолоченные церковные сосуды со звездицей и лжицей, деревянный, обложенный позолоченным серебром, крест с реликвиями, деревянный, окованный позолоченным серебром ящик с малым честным Древом и св. мощами; Крест с честным Древом в позолоченном серебре с футляром и резьбой; серебряный позолоченный кивот с дверцами, имеющий внутри три малые части честного Древа и на застежке две жемчужины; ящичек с малой частью честного Древа и с 4 камушками; серебряная ручная кадильница; украшенные жемчугом покровы, из которых один имеет изображение грифа, другой — льва; девять икон, из которых семь в серебряных позолоченных ризах или окладах, а две из них украшены жемчугом, а одна кроме того имеет 39 камней. Все это по тогдашнему времени представляло огромную ценность, которая позволяет предполагать, что брат Лазарь, вероятно, пришел в монастырь с княжеского стола, подобно князю Николе-Святоше, поступившему в Киево-Печерский монастырь. Возможно, что этот случай был не единичным: вспомним и великого князя Ростислава Мстиславича, который всю жизнь стремился уйти в монастырь. Но как бы то ни было, приход в обитель обладателя таких огромных ценностей, какие обозначены в приписке к описи, должен был не только значительно улучшить благосостояние монастыря, но, вероятно, и поставить ее в более близкую связь с княжескими дворами на Руси, а м. б., и с императорским двором в Царьграде. Мы видели, что русский двор непрерывно поддерживал связи с Константинополем как через Грека-митрополита, так и при постоянных путешествиях торговых караванов, а известны случаи, когда и члены династии подолгу жили в Византии. Так, мы упоминали о Полоцких князьях, которых вел. князь Мстислав в 1130 году сослал в Царьград, откуда некоторые из них вернулись лишь через 10 лет. Хорошо известен князь-авантюрист Иван Ростиславович Берладник, много раз приводивший на Русь варварские отряды Половцев для борьбы с другими русскими князьями, в 1158 году завладевший несколькими городами на Дунае и закончивший жизнь изгнанником в Салониках в 1161 году. Под 1162 годом Ипатьевская летопись рассказывает, что «выгна Андрей (Боголюбский) епископа Леона изъ Суждаля, и братью свою погна: Мстислава и Василка и два Ростиславича сыновца свои, мужи отца своего передний ... Идоста Гюргевици Царигороду, Мстиславъ и Василко с матерью, и Всеволода молодого пояша съ собою третьяго брата: и дасть царь Василкови въ Дунай городы, а Мьстиславу дасть волость Отьскалана» (предполагается область около города Аскалона в Сирии). Всеволод Юрьевич с племянника-

ми вскоре вернулся из Византии и, согласно Татищеву, княжил в Городце Остерском⁷; относительно Мстислава Юрьевича Карамзин говорит, что по харатейным летописям он в 1166 г. удалился в Заволочье⁸. Что же касается Василька — неизвестно, вернулся он или остался в Византии, войдя в ряды византийской служилой аристократии, как это было со многими болгарскими князьями. Могло случиться, что кто-нибудь из таких князей-эмигрантов или из их детей, может быть даже родившихся в Византии, мог стать монахом. Возможно, что и брат Лазарь был одним их таких не упоминаемых летописью членов Рюриковского дома. Бежавшие за границу князья старались увезти с собой и свои богатства (вспомним Изяслава Ярославича, имущество которого, отобранное у него Болеславом II Польским, явилось предметом забот даже при дворах германского императора и римского папы). И Лазарь имел свое имущество, а возможно, получал подарки и от императора. Во всяком случае очень любопытно столь большое число частиц Честного Древа в принесенных им в обитель святынях: вряд ли это могло в то время без согласия двора попасть в руки обыкновенного человека. Если же имя Лазаря было не монашеским именем, а тем, с которым он пришел в монастырь⁹ и жил там первое время в качестве брата-послушника, то вполне возможно, что при принятии монашеского посвящения новым именем его стало Лаврентий (обычно новое имя начинается с той же буквы, как и прежнее); в таком случае было бы вполне понятно и избрание его в 1169 году в игумены, и то исключительное уважение к нему со стороны святогорских властей, которое засвидетельствовано актом 1169 года.

Однако для получения тех нарочитых имущественных и юридических благодеяний, о которых говорит цитированный акт, нужно думать, что одного уважения к новому игумену было недостаточно, а должны были существовать особые условия политической обстановки, которые побуждали византийские власти на проявление особого внимания к Русскому святогорскому монастырю.

<...>* обители — описью 1142-го и актом 1169 г. — для Византии была первой половиной правления императора Мануила Комнина, наиболее яркого представителя византийского империализма, типичного «вселенского царя», мечтавшего о восстановлении Римской империи в границах Юстиниановой державы и простиравшего свой политический горизонт на огромное пространство от пределов Германского царства, Французского королевства и Англии до Армении и Иерусалима и от Египта до западнославянских и русских земель. В рамках этих политических интересов русские княжества должны были привлекать к себе большое внимание византийской дипломатии как в силу общекультурных и церковно-политических связей, поскольку Русь, непосредственно подчиненная в церковном отношении власти Константинопольского патриарха, входила в район мощной византийской культурной радиации, так и по соображениям реальной международной политики. С одной стороны, Русь была непосредственной соседкой

⁷ Татищев, *История* III, 165 и 175.

⁸ Карамзин, *Ист. Гос. Рос.* II, прим. 405.

⁹ Следует иметь в виду, что князья имели по два имени — народное русское и церковное, причем последнее обычно давалось по святому, праздновавшемуся в день рождения (см. Ипат. л. под 6682 о рождении у Ярослава сына Ростислава, получившего второе имя Иоанна — «бѣ бо родился на Рождество Ивана Крестителя»).

* Здесь пропущен в тексте публикации, который составителям восстановить не удалось. — А. Л., Ф. У.

византийских областей на Дунае, с другой — также непосредственной соседкой Угрии, которая в течение всего указанного периода находилась в постоянных, по большей части враждебных отношениях с Византией. С этой точки зрения особенное значение имели для Византии отношения с великим князем Киевским, в столице которого жил русский митрополит, и отношения с князьями Галиции и Волыни, соседями Угрии и в то время одними из наиболее могущественных русских государей, а затем с князьями северо-восточной Суздальской Руси, династия которых стремилась к обладанию великокняжеским столом и — непрерывно усиливаясь в течение XII века, — в 1169 году переняла от Киева первенствующую роль в политической жизни Восточной Европы.

К моменту вступления на престол императора Мануила на великокняжеском столе в Киеве сидел Всеволод Ольгович из старшей черниговской линии династии Ярослава Мудрого (внук его сына Святослава). В 1139 году ему удалось завладеть Киевом, использовав междоусобную борьбу между князьями младшей линии, сыновьями Владимира Мономаха, которые до того владели Киевом и заслужили значительные симпатии населения киевской области. Любопытно, что митрополиту Михаилу, Греку, прибывшему в Киев еще при Мономаховом сыне и наследнике, Мстиславе Владимировиче (1125—1132), удалось уговорить старшего из Мономаховичей Вячеслава уступить великое княжение Всеволоду Ольговичу. Однако Всеволоду не пришлось долго владеть Киевом: население Киева выгнало его в 1146 году и позвало Мстиславова сына Изяслава. Каковы были отношения Киева к Византии за эти три последних года правления Вячеслава, нам не известно, но следует иметь в виду, что и сама Византия в это время не имела возможности посвящать много внимания русским делам, поскольку в это время Мануил был занят борьбой с мусульманами в передней Азии и укреплением своего влияния в Антиохии. Однако важно указать, что в конце правления Вячеслава произошло какое-то расхождение с митрополитом Михаилом, который в 1145 году оставил митрополичий престол и удалился в Царьград, взяв от русских епископов письменное обязательство не служить в Киевском Софийском соборе. Это последнее обстоятельство особенно ясно показывает, что произошел какой-то крупный инцидент, неизвестно только, политического ли характера или расхождение с князем по частному вопросу. Во всяком случае, это событие должно было означать сильное охлаждение в отношениях между Киевом и царьградским двором.

Период от 1146 до 1169 г. был для Руси бурными годами постоянных междоусобных войн в княжеской династии, когда на киевском столе перебивало восемь князей и имело место двенадцать переворотов. Первый из этих государей, Мономахов внук Изяслав Мстиславич (1146—1154), в течение всего своего правления должен был вести непрерывную борьбу со своим дядей, Юрием Владимировичем Долгоруким, Суздальским князем, который несколько раз отнимал от него Киев и снова должен был оставлять его. Среди многочисленных князей-современников, принимавших участие в междоусобной войне на той или другой стороне, особенно выделялся хитрый и храбрый Галицкий князь Владимирко, постоянный союзник Юрия в борьбе с Изяславом. В этой борьбе были сильно заинтересованы и соседние государства, Угрия и Византия, а в известной степени и другие европейские державы, вовлеченные в великую борьбу союза двух империй с норманнско-венгерско-французской коалицией. Начиная с 1147 г., когда государь Норманнского королевства в Сицилии Рожер напал на Византию,

до 1158 г., когда его наследник Вильгельм заключил мир с императором Мануилом, почти вся Европа с напряженным вниманием следила за этой борьбой и за всеми переменами в группировках европейских держав в отношении к главным факторам тогдашней международной политики: Византии и Германии на одной стороне, Сицилии и Угрии с их союзниками Сербам — с другой. Очень много внимания посвящали обе стороны — Угория и Византия — и Руси, стараясь обеспечить там свое политическое влияние. Особенно часто Угория вмешивалась в русские дела, помогая войскам великого князя Изяслава, чья сестра Ефросиния была женой венгерского короля Гезы II. Напротив, Юрий Долгорукий и Владимир Галицкий были византийскими союзниками; император Мануил даже называл Владимирка своим вассальным князем (*ὀβσποῦδος*) и выступал против Гезы в его защиту. Мы не будем останавливаться на подробностях этой интересной борьбы, прекрасно описанной в трудах Грота и Васильевского¹⁰. Укажем только, что в течение всего этого времени отношения между Царьградом и Киевом должны были быть очень затруднены: союзнику Мануила Юрию удавалось лишь на короткое время захватывать Киев. Это политическое отдаление Руси от Византии отражалось на церковных отношениях. С тех пор, как митрополит Михаил в 1145 г. уехал в Царьград, прервались церковные связи с патриархатом: два года Русь была без митрополита, а в 1147 г. Изяслав решил избрать русского митрополита на соборе русских епископов, не спрашивая патриарха. Хотя большинство русских архиереев было против такого самоуправства, все же был избран киевским митрополитом Климент Смолятич, писатель и философ, которого еще не было в Русской земле, по словам летописца. По предложению епископа Онуфрия Черниговского нового митрополита рукоположили главой св. Климента, подобно тому как Греки рукополагали рукой св. Иоанна Предтечи. Царьградская церковь приняла этот поступок как незаконный и прервала связи с русской церковью. Патриарх царьградский слал епископу новгородскому Нифонту, не признавшему Климента, письма, в которых прославлял его как исповедника и причислял к святым; когда позднее, по смерти Изяслава, Климент был низложен, новый митрополит Константин сразу по прибытии из Царьграда предал проклятию память Изяслава, возведшего Климента на митрополичий престол. Когда Юрий отнимал Киев у Изяслава, Климент должен был уезжать вместе с своим покровителем и вместе с ним возвращался на престол. Во всяком случае, с 1147 г., а вероятно и с 1145-го (когда уехал митрополит Михаил), отношения с царьградской патриархией были прерваны до 1155 г. (Климент остался один год на престоле и по смерти Изяслава, при Юрии). В течение этого времени умер в Галиции князь Владимирко (1152), а его сын и наследник Ярослав приблизился к Угрии и охладел к Византии. Юрий Долгорукий завладел Киевом по смерти Изяслава в 1154 г., но борьба с отдельными князьями — Мстиславом Изяславичем Волынским, Изяславом Давидовичем Черниговским, также выдвигавшим свое право на великокняжеский престол, и другим претендентом, Ростиславом Мстиславичем Смоленским продолжалась до смерти Юрия в апреле 1157 года. Мы уже упомянули, что в 1155 г. Юрий сверг митрополита Климента и позвал из Царьграда нового митрополита и что прибывший митрополит Константин начал свое правление анафематствованием памяти покойного Изяслава

¹⁰ К. Я. Грот, Из истории Угрии и Славянства в XII веке. Варшава, 1889; В. Г. Васильевский, Из истории Византии в XII веке. Славянский Сборник II (1877), 210—290 и Труды IV.

Мстиславича. Византия в это время, в 1155 и 1156 гг., все еще вела борьбу с Угрией, и вступление на Киевский престол ее союзника, Юрия, представляло для нее большое значение; однако Юрий не имел возможности в то время оказать Грекам значительную помощь, поскольку сам был занят борьбой с претендентами. В княжение его наследника и прежнего врага Изяслава Давидовича Черниговского (1157—1159) отношения с Византией снова должны были испортиться, и действительно, в 1158 году митрополит Константин оставил престол, который снова оставался незанятым в течение трех лет.

Возможно, что на охлаждение связей между Царьградом и Киевом мог оказать некоторое влияние и князь-авантюрист Иван Ростиславич Берладник, который из страха перед враждебными князьями бежал из Киева на Дунай, где, завладев несколькими городами, грабил суда и откуда в союзе с Половцами предпринимал походы в Галицию. Кроме того, двухлетнее правление Изяслава Давидовича все было наполнено войнами с другими князьями: Туровским, Галицким, Волынским. В 1159 г. Мстислав Изяславич Волынский прогнал Изяслава Давидовича и занял Киев, но не остался на великом княжении, а позвал Ростислава Мстиславича Смоленского, которого считал наиболее законным наследником великокняжеского стола. Ростислав согласился, но должен был договариваться с Мстиславом по вопросу о выборе митрополита. Ростислав желал возвращения Константина, а Мстислав не соглашался на восстановление митрополита, проклявшего память его отца, и настаивал на поставлении Климента. (Неизвестно, прибыл ли Климент вместе с Мстиславом из Волынского княжества, где жил в правление Юрия, или был возвращен на митрополию раньше, еще Изяславом Давидовичем, после отъезда Константина.) В конце концов князья договорились отказаться от обоих нежелательных кандидатов и попросить нового из Царьграда. Неизвестно, удалось ли это сразу осуществить. Здесь в Ипатьевской летописи хронология весьма спутана. Изяслав Давидович снова прогнал Ростислава в 1161 году¹¹ и вторично стал великим князем. О приходе нового митрополита, Феодора, говорится перед известием о занятии Киева Изяславом, под тем же 1161 годом, но датируя это августом: «Тамъ же лѣтомъ приде митрополитъ Ѳеодоръ изъ Царяграда мѣсяца августа, бѣшеть бо посылал по него князь Ростиславъ». Если приезд митрополита предшествовал перевороту 12 февраля 1161 г., то, значит, Феодор прибыл в августе 1160 года¹². Но в таком случае придется считать неверным и указание на год его смерти — 1163 (6671) — после десятилетнего правления церковью. Последнее вполне допустимо, т. к. приведенные под следующим 6670 (1162) годом смерть Изяслава и «знаменіе въ солнци» (17 августа в четверг) на самом деле происходили в предыдущем году.

Изяслав Давидович погиб в бою 6 марта 1161 г.¹³, и на престол снова возшел Ростислав Мстиславич, правивший до 1167 года¹⁴. Спокойный и миролюбивый,

¹¹ Ипат. л. под 1161 г. говорит о том, что Изяслав с Половцами бился под Киевом с Ростиславом 8 февраля в среду. Этот день пришелся в среду действительно в 1161 году. После этого, 12 февраля Изяслав вошел в Киев.

¹² Митроп. Константин умер в 1159 году.

¹³ Тело положено в церкви св. Бориса и Глеба 17 августа в понедельник. Этот день пришелся в понедельник не в 1162, а в 1161 году.

¹⁴ Ипат. л. датирует смерть Ростислава 1168 г., Лаврентьевская — 1167 г. Последний год правления, т. к. наследник Ростислава — Мстислав вошел в Киев в понедельник 15 мая (Ипат. л. под 6677 г.), что имело место в 1167 году.

глубоко проникнутый чувством законности, в молодых годах всегда почитавший авторитет старших родственников, этот князь и на великокняжеском столе остался представителем и защитником принципа законности. Вначале он сумел оборониться от Мстислава Изяславича и помирился с ним в 1163 г. Вскоре после этого примирил и Черниговских князей, которые по смерти Святослава Ольговича в 1164 г. начали междоусобную войну. Беспокойный Иван Берладник уже в 1161 г. закончил жизнь изгнанником в Салониках. К концу жизни Ростислава по всей Руси наступили мир и тишина. В отношении к внешним соседям Русь в его правление была могучей: в 1164 г. Новгородцы разбили Шведов на р. Воронеже; в том же году Андрей Боголюбский успешно воевал с Камскими Болгарами. При нем значительно поправились и отношения с Византией.

Выше мы указывали, что уже во время своего первого княжения Ростислав хлопотал о примирении с патриархатом и о восстановлении на митрополичьем престоле грека Константина I. Константин умер в 1159 году, и в августе 1160 или 1161 г. приехал в Киев новый митрополит грек Феодор. Когда он после года и 10 месяцев (или всего 10 месяцев) умер (в Ипат. лет. под 6671 годом — вероятно, ошибка), Царьград прислал нового митрополита Иоанна IV (1164—1166). Чрезвычайно интересны летописные данные об осложнениях, возникших при его прибытии. Князь Ростислав сначала вернул его в Царьград ввиду того, что он был прислан без предварительного соглашения с князем. Императору пришлось прислать на Русь особое посольство с большими дарами, которое должно было уговорить Ростислава и получить согласие на поставление Иоанна. В летописи, которой пользовался Татищев, приведен ответ великого князя царскому посланнику: «Если патриарх без нашего ведома вперед поставит в Русь митрополита, то не только не приму его, но и постановим однажды навсегда — избирать и ставить митрополитов епископам русским с повеления великого князя». С. Соловьев указывает, что эти слова находятся только в своде летописей Татищева; но что ответ великого князя находился и в других списках, доказательством служит его изглажение или пропуск в них: так, Археогр. Комиссия свидетельствует, что после слов императорского посла Ростиславу — «аще примеша съ любовью благословение отъ св. Софьи» — находится пропуск во всех списках, с пробелом в одном (ПСРЛ II, 92); Карамзин говорит также, что в его экземплярах Киевской летописи в этом именно месте пропуск (II, прим. 414)¹⁵. Нужно подчеркнуть, что это показание вполне согласуется с обстоятельствами момента. После отъезда митрополита Михаила в 1145 году русская церковь в течение 20 лет уже самостоятельно решала вопрос о митрополите в согласии с желаниями великого князя. Кроме того, следует иметь в виду, что при избрании епископов в других городах Руси очень часто решающий голос принадлежал князю, а иногда и народу¹⁶. Поэтому вполне естественно, что, признавая снова власть царьградского патриарха над русской церковью, Ростислав мог желать установления предварительного соглашения между князем и патриархом по поводу личности будущего митрополита¹⁷. Самое же любопытное в данном случае (на это до сих пор не обра-

¹⁵ С. Соловьев, Ист. Рос. 2 изд., 725, прим. 2.

¹⁶ Цит. соч. 727—730.

¹⁷ Нам не кажется, что в последнем случае была «попытка обрусить церковную власть, освободив ее от практической зависимости от Византии» (Греков, 325), т. к. перед этим случаем, а после Климента, уже был принят митрополит — грек, Феодор. В данном случае летопись говорит только о желании князя быть осведомленным о кандидате.

щали внимания), что Ростислав, по-видимому, уже осуществлял это право в предшествующем случае: по поводу прибытия митр. Феодора летопись определенно указывает, что «блещеть бо посылалъ по него князь Ростиславъ». Приведенный факт очень интересен и еще в одном отношении. Если, действительно, русский великий князь настаивал на предварительном соглашении с Царьградом о личности нового митрополита, нужно полагать, что русский двор должен был быть хорошо информирован о возможных кандидатах, ибо в противном случае было бы бессмысленно самое требование Ростислава. А это бы означало, что князь имел в Византии своих людей, которые могли ему дать соответствующие сведения о кандидатах. Так как в то время международная дипломатия еще не создала институт постоянных дипломатических агентов, то нужно предполагать, что их роль могли исполнять в то время или члены княжеского рода, иногда подолгу гостившие в Царьграде, а еще вероятнее — представители русского духовенства, находившиеся в Византии или для переписывания и перевода книг, или, может быть, с целью богословской подготовки для посвящения на епископские кафедры в России, или, самое вероятное, монахи русского монастыря в Византии, т. е. русские святогорские иноки, жившие в тогдашнем духовном центре православия, в среде византийской духовной элиты, которая не только посвящала себя аскетическим подвигам и богословским занятиям, но и живо участвовала в церковной жизни двора и всего государства. Если примем во внимание, что в XIV веке сербский Хиландарь, а в известной степени и Русский святогорский монастырь играли роль постоянного политического представительства Сербии в Византийской империи¹⁸, то нет оснований сомневаться, что и в XII веке русские князья могли пользоваться услугами святогорской обители в вопросах, касавшихся византийско-русских церковных, а иногда, может быть, и политических отношений.

Было ли требование Ростислава принято в Византии и осуществлялось ли оно в последующей практике, нам не известно. Весьма вероятно, что позднее об этом и не вспоминали, особенно когда Русь подпала под татарское иго, но в изучаемый нами момент это требование отвечало условиям жизни и практике, существовавшей в течение 20 лет, и поэтому можно предполагать, что в принципе это было принято Царьградом. Говорим — вероятно, ибо об этом прямо свидетельствует летописец. Но и без этого можно было бы говорить о вероятности приведенного предположения на основании того, что нам известно из византийских источников о тогдашних византийско-русских отношениях в связи со сложившейся международной политической обстановкой.

В начале княжения Ростислава умер в Угрии постоянный, долголетний враг Византии, король Геза II¹⁹. После его смерти в Угрии начались династические

¹⁸ В. Мошин, Житие старца Исаии, игумена Русского монастыря на Афоне. Сборник Рус. Арх. общ. в корол. Югославии III (1940) 125—167 и В. Мошин и А. Пурковић, Хиландарски игумени средњег века, 1940. — В. Мошин, Хиландарац — Калинин, српски дипломата XIV века. Историско-правни зборник I (Сарајево 1949) 117—132.

¹⁹ Долгое время научная традиция датировала смерть Гезы II 31 мая 1161 г. И в связи с этим распределяла события, описанные у византийских историков Кинвама и Хониата. Однако против этой хронологии, аргументированной изысканиями Васильевского, Грота, Шаландона и принятой Иречком, Делгером и в последнее время Острогорским, новые венгерские ученые принимают годом Гезиной смерти 1162 г. и остальные события этого времени перемещают на год позднее. Так думает Моравчик (*Gyula Moravcsik, A magyar történet Bizanci forrásai. Buda-*

смуты между двенадцатилетним сыном Гезы Стефаном III и братьями покойного короля, Ладиславом и Стефаном IV. Мануил вмешался в эту борьбу и, поддерживая дядей против молодого короля Стефана III, стремился к расширению византийского влияния в Угрии. В борьбе с византийским императором Стефан III вошел в связь с другими врагами Византии, прежде всего с германским императором Фридрихом Барбароссой, боровшимся с греками в Италии, а затем и с другими соседними государствами — Чехией и русскими князьями. Особенно опасным был для Византии 1164 год, когда Стефан III пошел против Мануила с большими силами, среди которых находились вспомогательные отряды немцев (вероятно, герцога Баварского, Генриха Язомиргота), русских и чехов под предводительством самого чешского короля Владислава. (Год этого похода приведен у Винцента Пражского²⁰.) Предполагается, что русский отряд был послан князем Ярославом Осмомыслом Галицким, который — начиная с 1158 года — стал приближаться к венграм. Эта дружба должна была быть подтверждена браком Стефана III с дочерью Ярослава, которая как невеста прибыла в Угriu. Так как в это самое время Мануил должен был опасаться и Фридриха Барбароссы, против которого он поднимал итальянские города, то ему пришлось употребить все дипломатическое искусство для отвращения славянских государей от Стефана III. Обстановка еще более осложнилась, когда из царьградской дворцовой тюрьмы убежал двоюродный брат Мануила, Андроник Комнин (выдвигавший и раньше свои права на престол) и смог пробраться к Ярославу Галицкому. Предполагается, что Ярослав был родственником Андроника, мать которого, вероятно, была сестрой Ярославова отца, Владимирка. Об этом побеге Андроника на Русь говорят и византийские источники, и Ипатьевская летопись: «В лето 6673 (1164—1165 сентябрьский год) приѣже ись Царягорода братанъ царевъ киръ Андроникъ къ Ярославу у Галичъ, и прия и Ярославъ с великою любовью, и да ему Ярославъ нѣколико городовъ на утѣшение. Потомъ же присла царь два митрополита, вабя и к себѣ, Ярославъ же пусти и к нему с великою честью, приставивъ къ нему пискупа своего Кузму, и мужа своя передняя». О Мануиловом посольстве к Ярославу говорит и Киннам, только он приводит это в связи с двумя другими посольствами: к великому князю Ростиславу и еще какому то князю, которого называет Примиславом.

О первом из этих посольств Киннам рассказывает, что на Русь был послан некий вельможа Мануил²¹, чтобы «напомнить их правителю о клятвенных целованиях, которые он заключил с царем, и укорить его за дружбу с Галицким князем Ярославом, который, нарушив договор с Римлянами и в иных статьях, кроме того принял еще у себя и удостоил дружбы Андроника, тогда как этот Андроник убежал из дворцовой темницы, где находился в заключении, кажется, около девяти лет»²². Из последующего изложения видно, что этот посол Мануил имел це-

pest, 1934, 191—193), и так же датируют последние югословенские исторические труды (Ф. Шиниш, Летопис попа Дукьянина. Загреб, 1928, 100; Ф. Шиниш, Повијест Хрвата за краљева из дома Арпадовића. Загреб, 1944, 72; В. Ђоровић, Хисторија Босне, I, Београд, 1940, 161).

²⁰ Monumenta Germaniae. Scriptores, XVII, 681.

²¹ Этого Мануила некоторые считают сыном Андроника, однако Г. Вернадский справедливо указывает, что отправка на Русь сына Андроника не отвечала бы целям посольства, имевшего задачей именно парализовать там вредное влияние беглеца. G. Vernadskij, Relations byzantino-russes au XIIe siècle. Byzantion IV (1927—1928) 270—271.

²² Русский перев. Киннама, кн. V, гл. 10, 257.

лью не только отвести великого князя от помощи Галицкому князю и принятому им византийскому претенденту, царевичу Андронику, но и склонить его к союзу против угорского короля. В другом месте, где идет речь о том же после Мануиле, говорится, что он был и у Ростислава, «который управлял тогда Тавроскифией, чтобы вести с ним переговоры о союзе, и достиг своей цели. Чрезвычайно довольные тем, что царь отправил к ним столь знаменитого посла, они (Ростислав и Примислав) обещали сделать все, что будет угодно царю»²³. Кто был этот второй князь, которого Киннам называет Примиславом, — не ясно. На Руси такого князя не было ни тогда, ни вообще когда бы то ни было. Грот предполагал, что это должен был быть племянник Ростислава, Мстислав Изяславич Волынский; Вернадский думал, что речь могла идти о Ярославе Изяславиче Луцком, о котором Ипатьевская летопись говорит, что в 1168 г. он вместе с Ростиславом охранял греческий путь по Днепру. Нам кажется, что первая гипотеза более вероятна, как потому, что Мстислав Волынский, будущий великий князь, будучи непосредственным соседом Угрии и Галиции, должен был казаться византийцам неизмеримо более полезным союзником, чем Ярослав Луцкий, так и потому, что фонетически имя Мстислава более похоже на Примислава, чем Ярослав. Об этом же посольстве Киннам говорит еще раз в конце отрывка: «Есть в Тавроскифии город по имени Киев (Киам), который превосходит все прочие тамошние города, почитается метрополией этого народа, получает архиеерея из Византии и пользуется другими важными преимуществами. Так вот правитель и этой страны обещался воевать против Стефана и условия подтвердил клятвой»²⁴. Это посольство должно было быть в начале 1165 года. Как видно, здесь шла речь о создании военного союза с великим русским князем против Угрии и об отращении его от дружбы с Галицким князем, при дворе которого жил в чести Андроник и который «и в других отношениях нарушил договор с Римлянами», т. е., вероятно, послал своему предполагаемому будущему зятю помощь, которую мы встретили в угорском походе 1164 года. В этих обстоятельствах нужно предполагать, что Византии приходилось быть весьма предупредительной и уступчивой в отношении к русскому великому князю. Ввиду того, что в приведенном отрывке у Киннама упомянут и некий предшествующий договор между Византией и Ростиславом, а кроме того констатируется, что Киев получает митрополита из Византии вместе с другими нарочитыми привилегиями, можем предполагать, что в данном случае Киннам говорит именно о тех предшествующих посольствах, которые незадолго перед тем, в 1164 году, отправлялись в Россию для урегулирования инцидента по поводу назначения в Киев митрополита без предварительного соглашения с великим князем: вполне возможно, что «особые преимущества» как раз и заключаются в поставленном Царьграду условии о предварительном соглашении по указанному вопросу.

Что касается третьего князя, к которому было направлено посольство, Ярослава Галицкого, Киннам говорит: «Не был забыт и Ярослав. Только царь поссорил его со Стефаном другим способом, т. е. следующим письмом», в котором корил князя за нарушение договора, недавно утвержденного княжеской клятвой, и обращал его внимание на опасность, которой подвергает свою дочь, выдавая ее за венгерского короля, грубого, развратного и легкомысленного человека, кото-

²³ Цит. соч. 260.

²⁴ Киннам, кн. V, гл. 12; рус. перев. 261.

рый скоро станет подвергать унижениям свою жену. Согласно Киннаму, императорское письмо оказало большое впечатление на Ярослава, который, «с некоторой варварской наивностью поверил ему, почувствовал ненависть к своему будущему зятю и обещал Мануилу помощь на случай войны с Угрией». Делгер²⁵, вероятно опираясь на Шестакова²⁶, утверждает, что и у Ярослава был тот же посланник Мануил. Это не невозможно, но из Киннамова текста этого нельзя заключить. Но во всяком случае это посольство не было тождественно с упомянутым в летописи. В этот раз целью посольства не было возвращение царевича Андроника в Царьград. В приведенном ранее свидетельстве летописи ясно указано, что к Ярославу были посланы два митрополита и что он послал Андроника в Византию в сопровождении своего епископа Кузьмы, и нет ни намека на знатного посла Мануила, произведшего столь сильное впечатление на русских князей. Удивительно, что Делгер в своих Регестах не приводит особо от Мануилова посольства этого посольства митрополитов, упомянутого в прекрасном, достойном доверия источнике, показания которого сходятся со всей исторической обстановкой. Грот доказывал, что это митрополичье посольство и возвращение Андроника произошли летом 1165 года, что и должно было бы происходить после первого посольства (Мануила?). То «нарушение условий и договоров, подтвержденных клятвой», о котором говорит Киннам и которое, по всей вероятности, состояло в военной помощи Стефану III в походе 1164 года, случилось прежде бегства Андроника в Галицию. Возвращение его из Руси «с великою честью» вполне согласуется со свидетельством Киннама, указывающим, что по возвращении в Царьград Андроник получил от императора в управление Киликию и сбор податей на Кипре.

Таким образом, мы видим, что в 1164 и 1165 гг. Киевский великий князь Ростислав находился в дружеских отношениях с Византией, что в течение этого времени оба двора несколько раз обменивались посольствами и что и до того между Ростиславом и Мануилом существовали хорошие отношения, подтвержденные нарочитым договором. Интересно, что именно к этому времени относятся и упомянутое свидетельство об уходе в Царьград трех сыновей Юрия Долгорукого, Мстислава, Василька и Всеволода, выгнанных из Северной Руси их старшим братом и будущим великим князем Андреем Боголюбским, и о том, что византийский император не только их принял, но дал им в управление области — Васильку на Дунае, а Мстиславу в Сирии. О прибытии этого Василька в Грецию вскользь упоминает и Киннам в свидетельстве о позднейшем прибытии в Византию князя Владислава. В том же отрывке, где говорится о посольстве Мануила на Русь в 1165 г. и о происходивших в то же время переговорах с Фридрихом Барбароссой, герцогом Генрихом Львом, Половцами, султаном и Венецией, Киннам говорит: «В то же время по своему побуждению пришел к Римлянам один из владетелей Тавроскифии, Владислав, вместе с детьми, женой и со всем войском, и ему была подарена область около Истра (Дуная), которую до того царь дал сыну Юрия Васильку, пришедшему в Византию и занимавшему первое место между племенными князьями Тавроскифии». Из этих свидетельств, которые замечательно сходятся, видно, что, действительно, Василько

²⁵ Fr. Dölger, Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, II (1925) №1416.

²⁶ С. П. Шестаков, Византийский посол на Русь, Мануил Комнин. Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913, 375. К сожалению, этот сборник нам здесь недоступен.

Юрьевич уходил в Византию; что это было ранее 1165 года, т. е. в 1162 г., который приводит летопись; что в Византии он был принят в высшей степени радушно и получил в управление 4 города на Дунае и что до 1165 года оставил это место, может быть вернувшись на Русь. Если бы эти князья были посланы в Византию самим Андреем, подобно тому как отец Ростислава послал туда Полоцких князей, они, конечно, не получили бы в управление областей, а находились бы в почетном заключении. Но летопись и не говорит, что Андрей прогнал братьев в Византию, но что он их лишь прогнал с уделов, а они сами поехали в Царьград. Приходится, следовательно, предполагать, что они имели нарочитые рекомендации от другого князя, который помог им уйти в Грецию, а это, конечно, должен был быть киевский великий князь, бывший в то время союзником (συνισχυος — по выражению Киннама) Мануила. К сожалению, летопись не сохранила нам известий о другом упомянутом Киннамом князе-эмигранте, Владиславе, прибывшем в Византию со всей семьей и дружиной в 1165 г. и получившем в управление города на Дунае, но можно предполагать, что и он, вероятно, имел рекомендации от великого князя, позволявшие ему рассчитывать на гостеприимный прием в Византии.

Русская помощь оказалась ненужной Византии, которая своими силами в 1165 году окончательно победила Угriu, но, может быть, именно невмешательство Руси в угро-византийскую войну и было косвенной причиной столь решительной победы Мануила. Нет сомнений, что и после 1165 года отношения между Киевом и Царьградом оставались дружественными. Когда в 1166 г. умер митрополит Иоанн (Новгор. I лет.), на его место в следующем году прибыл новый митрополит из Византии, Константин II, остававшийся на престоле до смерти Ростислава и упоминаемый и позднее, в 1169 году. Что отношения Ростислава с Царьградом оставались хорошими, можно заключить и из его стараний об обеспечении торгового пути по Днепру. Как раз под 1166 г. летопись рассказывает о том, что Половцы засели около порогов и стали грабить «гречников», т. е. купцов, путешествовавших между Грецией и Киевом. Ростислав послал боярина Владислава Ляха с отрядом, который обеспечил гречникам свободный проход в Киев. В этом же году Ростислав созвал многих князей — братьев, сыновей и других — с дружинами также для охраны днепровского пути. Одиннадцать князей со своими полками долго стояли у Конева в ожидании, пока торговые ладьи поднимутся по реке, и потом разошлись домой²⁷.

Ростислав умер 14 марта 1167 г. во время похода в северные области. Перед смертью много скорбел, что не успел постричься в монахи, о чем мечтал много лет и от чего его отвратил киево-печерский игумен Поликарп указанием на обязанности, возложенные на него Богом: блюсти правду на этом свете, суд судить праведный и стоять на крестном целовании. Церковь признала его святым. По приглашению Киевлян и нескольких князей, прежде всего сыновей Ростислава, в Киев пришел Мстислав Изяславич Волынский, уже ранее два раза занимавший столицу и уступавший ее тогда старшему дяде, Ростиславу²⁸. Победив противников и утвердившись на великом княжении, Мстислав посвятил главное внимание также борьбе с Половцами, собирая князей для совместных походов против этих разбойников, мешавших торговым связям с Грецией по днепровскому пути.

²⁷ Ср. Ипат. лет. под 1167.

²⁸ Вошел в Киев в понедельник 15 мая (1167 г.); Ипат. лет. под 6677.

Летопись говорит о двух больших походах в 1168 г., когда около великого князя собралось большое число князей. Уже одно это показывает, что Мстислав жил в хороших отношениях с Царьградом, связи с которым, вероятно, были созданы еще на Волыни в 1165 году посольством Мануила. На митрополичьем престоле оставался все тот же грек Константин II, прибывший в 1167 году. Однако княжение Мстислава было недолговечным: уже в 1169 году²⁹ сильный суздальский князь Андрей Боголюбский послал на Киев дружины 11 князей под главенством сына Мстислава, который взял южную столицу приступом весной 1169 г., заставив Мстислава Изяславича бежать в свое Волынское княжество³⁰. Победитель, предав город дикому разграблению, уступил его затем дяде, Глебу Переяславскому, но великим князем сделался Андрей, не захотевший переходить из своей северо-восточной Руси на юг и тем положивший начало новому периоду в русской истории.

Отношения нового великого князя Андрея Боголюбского к Византии, по видимому, никогда не были доброжелательными. Возможно, что сама удаленность его княжества от греческого пути и Черноморья отнимала и у него и у императора взаимный интерес к поддержанию связей. Вероятно, к этому примешивалась и взаимная неприязнь, т. к. император Мануил был союзником врагов Андрея, Ростислава Мстиславича и Мстислава Изяславича; относительно последнего Ипат. лет. прямо говорит, что Андрей Юрьевич в Суздале не имел любви к Мстиславу. Мануил с честью принял выгнанных Андреем братьев, Мстислава, Василька, Всеволода, и племянников, Ростиславичей. Повод для взаимного недовольства давали и церковные отношения. Никоновская летопись приводит чрезвычайно важный факт: Андрей Боголюбский хотел иметь для Владимира Залесского особого митрополита и просил об этом Константинопольского патриарха, но ему было отказано³¹. В полном согласии с этим стоит показание Ипат. л.-си об отношении Андрея к патриархату в связи с вопросом о так называемой Леонтианской ереси. О начале ее говорят и Лавр.³² и Ипат. лет.-си под 1162 годом, описывая столкновение князя Андрея с епископом Суздальским Леоном по вопросу о разрешении употребления мяса в среду и пятницу, если в

²⁹ Ипат. лет. приводит это под 6678 г., указывая, что князья выступили из Киева 2 марта в субботу средокрестной недели. Как указал еще Карамзин, этот день приходился на 2 марта в 1168 году.

³⁰ Ипат. лет. датирует взятие Киева 6679 (1171) годом, «мѣсяца марта въ 8, въ второе недѣли поста въ среду». Лавр. и 1 Новгор. лет.-си датируют это событие 6676 (1168) г., причем первая указывает, что кн. Андрей послал войска на Киев «тое же зимы», т. е. в конце 1168 мартовского года или в начале январьского 1169 г. Однако приведенная точная дата Ипат. лет.-си не подходит ни к одному году от 1168-го до 1171-го, но зато точно совпадает с 1172-м. Между тем к последнему году невозможно отнести взятие Киева: под следующим, 6680 г. Ипат. л. помещает смерть Мстислава Изяславича (19 августа), а под 6681-м — вступление в Киев Владимира Мстиславича 15 февраля на масляной недели — последнее имело место в 1170 году. Таким образом, взятие Киева Суздальцами могло произойти только после 1168 года (когда Мстислав ходил на Половцев) и раньше февраля 1170 г. (когда в Киев вошел Владимир), т. е. весной 1169 года. Возможно, что это было именно в марте, но «8 марта в среду на второй недели поста», очевидно, перенесено на это событие с какого-нибудь другого похожего случая; возможно, с занятия Киева в 1172 году дружинами более 20 князей, посланных снова Андреем против непокорных Ростиславичей.

³¹ Никон. л. II, 179.

³² Лавр. л. под 1162 г.

эти дни случаются господские праздники. В этой первой фазе развития вопрос доходил до Царьграда; причем Лавр. лет. описывает со слов очевидца, как в присутствии императора на берегу реки Леона переспорил Адриан, епископ Болгарский, и как царские слуги ударили Леона по шее и хотели его утопить за то, что он непочтительно позволил себе прекословить императору. При этом, по словам летописи, присутствовали русские послы: «киевский посолъ и суждальский Илья, и Переяславский и черниговский». Позднее, при Мстиславе Изяславиче снова возник в Киеве спор об употреблении в пищу сыра, масла, яиц и молока в среду и пятницу на господские праздники. Это мнение, высказанное игуменом печерским Поликарпом с братией, нашло поддержку со стороны некоторых князей и епископов, но встретило противодействие митрополита. Созванный Мстиславом Изяславичем собор в Киеве не мог прийти ни к какому решению. По этому поводу Андрей Боголюбский писал Мстиславу, что следует свергнуть митрополита Константина, выбрать русским епископам нового и потом рассмотреть дело беспристрастно на соборе, причем указывал, что зависимость от Константинопольского патриарха тяжела и вредна для Руси. Любопытно, что нерасположение к митрополиту-греку проявилось и в Лаврентьевской летописи, которая считает разгром Киева войсками Боголюбского Божиим наказанием за грехи Киевлян, и в частности за неправду митрополита, запретившего Поликарпа Печерского³³. Наконец, следует принять во внимание и то обстоятельство, что за все время великого княжения Андрея Боголюбского не встречаем ни одного упоминания о русском митрополите, кроме Михаила, присутствовавшего на соборе 24 марта 1171 года³⁴. Но относительно его, во-первых, неизвестно, был ли он когда-нибудь на Руси или проживал в Византии, а во-вторых, если и был, то сведение о нем относится к тому моменту, когда Киев снова находился в руках князя, враждебного Андрею Боголюбскому.

Южная Русь нелегко отказалась от привычного права считать Киев общерусской столицей: и после разгрома 1169 года скоро возобновилась борьба за обладание им. Изгнанный Мстислав Изяславич с большими силами, с помощью брата Ярослава, галицкими, туровскими, городенскими полками и Черными Клобуками вскоре вернул себе Киев, воспользовавшись отъездом Глеба Юрьевича в Переяславль. Однако он не смог долго задержаться здесь и снова ушел на Волынь, где умер 18 августа 1170 года³⁵. Киевский князь Глеб Юрьевич Переяславский также не правил долго — умер 20 января 1171 года³⁶. По договору с Ростиславичами, сидевшими около Киева, город достался беспокойному князю Владимиру Мстиславичу (внуку Юрия Долгорукого), однако Андрей Боголюбский не признал этого и послал в Киев племянника, Романа Ростиславича. Владимир умер еще в Киеве после 4 месяцев княжения. Получивший Киев от Андрея Роман не правил спокойно: вскоре Андрей приказал Роману за непослушание уйти в Смоленск и прогнал его братьев, однако братья Романа не покорились, поса-

³³ ПСРЛ I, 149—151; II, 91; Татищев III, 160; Соловьев 729—730.

³⁴ Μιχαὴλ Ῥωσσίας в греч. рукописи Синодальной библиотеки (Архим. Владимир, *Описание рукоп. синод. библ.* № 336 Л. 89, об. С. 495 и Правосл. Обозрение II (1881) 352.

³⁵ Ипат. л. датирует 6680=1172 годом, Новгород. л. 6678= 1170 г. Если верно показание Ипат. л-си, что Мстислав умер раньше Глеба и Владимира, то можно относить смерть Мстислава к августу 1169 г.

³⁶ Ипат. лет. под 6681 г.; Новгород. лет. под 6678 г. Ипат. лет. прибавляет, что Глеб правил 2 года.

дили в Киеве Рюрика Ростиславича, получили помощь от других князей, особенно от Ярослава Изяславича Луцкого, и разбили войска Андрея. Киевом завладел Ярослав Изяславич, но снова должен был уходить, уступив его Святославу Черниговскому, от которого скоро отнял его Олег Святославич, чтобы потом снова отдать Ярославу, дождавшемуся здесь вестей о смерти Андрея, убитого 29 июня 1174 года.

Возвращаясь к истории русской обители на Афоне, мы должны признать, что отсутствие каких-нибудь важных актов о ее жизни в течение рассмотренного двадцатипятилетия находит объяснение в тогдашней исторической обстановке. В течение 20 лет, с 1145 до 1164 года Византия и Русь были почти постоянно оторваны одна от другой как в политическом отношении, так и в церковном, а вследствие этого и русская обитель должна была жить своей внутренней жизнью, не входя в связь ни с константинопольским двором, ни с византийскими церковно-политическими властями. Перемена в этих отношениях произошла только в 1164 году, после того, как Ростислав Мстиславич утвердился на великокняжеском столе, когда наладились церковные связи и возобновился политический союз Киева с Царьградом. Посольства императора к Ростиславу в Киев, к Ярославу в Галич и к Мстиславу на Волынь показывают на те части русской земли, которые находились в наиболее близких связях с греками. К этому же периоду относятся и приведенные выше данные о живших в Византии князьях-эмигрантах, ушедших из Руси в 1162 и 1165 годах, и о Андронике, нашедшем в то же время приют у Галицкого князя. Из среды этой русской княжеской эмиграции, осевшей при широко гостеприимном дворе императора Мануила, по нашему предположению происходил тот брат Лазарь, который в промежутке между 1142 и 1169 годами пришел в Ксилургов монастырь со своими сокровищами и, вероятно, принес средства, позволившие думать о расширении русского центра на Святой горе, а вместе с тем и связи, обеспечивавшие доброжелательное отношение властей к этому начинанию. В атмосфере взаимного доверия и внимания, установившейся в политических отношениях между Византией и Русью после 1164 года, русская обитель могла постепенно подготовить почву для осуществления своих планов, с одной стороны, путем разных любезностей в отношении святогорского протата, в частности в предоставлении ему займа, достигшего большой суммы в 30 золотых монет, с другой — вероятно, возобновлением постоянной связи с русскими князьями и с византийским двором. Вероятно, вопрос был уже настолько подготовлен, что катастрофа, постигшая Киев в марте 1169 года, не помешала осуществлению начатого дела, тем более что ушедший из Киева союзник Византии князь Мстислав Изяславич Волынский не отказывался от своего права на великокняжеский стол, вскоре после разгрома Киева снова занял его и, хотя и не смог надолго задержать южной столицы, стремился вернуть ее. Вероятно, нерасположение к Константинополю со стороны Суздальского князя, захватившего великое княжение, мечтавшего о создании новой митрополии во Владимире и вошедшего в связь с Римским престолом³⁷, побуждало

³⁷ Никоновская летопись под 1169 годом приводит известие: «того же лета придоша послы оть Римскаго папы». По предположению Голубинского, они приходили к Андрею Боголюбскому, и побуждением для папы (которым был тогда Александр III) прислать их были дошедшие до него слухи о неудовольствиях Боголюбского на патриарха Константинопольского, каковые князь мог иметь на патриарха за несогласие последнего учредить во Владимире новую митрополию» (Ист. рус. цер. I, 597).

Византию быть особенно внимательной к противникам Андрея Боголюбского, своим давнишним союзникам, южнорусским князьям, а это должно было отражаться и на отношениях к русской обители на Афоне, которая, сама находясь на византийской земле, должна была поддерживать наиболее тесные связи именно с теми русскими князьями, которые являлись друзьями и союзниками византийского императора.

От 1169 года до конца XII века, за всю первую половину Суздальско-Волынского периода русской истории, мы не располагаем никакими данными о связях русской обители на Афоне ни с Русью, ни с Царьградом. Не знаем мы почти ничего и о русско-византийских отношениях вообще в течение этого периода. Можно лишь предполагать, что северо-восточная Русь должна была поддерживать сношения с Византией, особенно в течение долгого правления Всеволода Большое Гнездо (1175—1212 гг.), который в молодости спасался у Греков от брата Андрея Боголюбского. Что касается южной Руси — о ее связях с Царьградом сохранилось очень мало данных из этого периода. Это прежде всего известия о приходе митрополитов в Киев. После Михаила III, присутствовавшего на Константинопольском соборе при патриархе Михаиле Антиале 24 марта 1171 года³⁸ и, может быть, не приезжавшего вообще в Россию при Андрее Боголюбском, находим в Ипатьевской летописи ряд упоминаний о митрополите Никифоре II, греке, между 1182 и 1197 годами. После него, если верить Татищеву, был в 1198 году митрополит Иоанн³⁹, а затем, по Киево-Софийскому поманику, Гавриил и Дионисий, правившие русской церковью уже в начале XIII века: второй из них упомянут и в так называемой Типографской летописи под 1210 годом⁴⁰. Если эта дата точна, то это был и последний год его правления, т. к. под тем же 1210 годом Лаврентьевская летопись помещает прибытие митрополита Матфея, остававшегося на кафедре 10 лет (умер 22 августа 1220 г. по Лавр. л.)⁴¹. Во-вторых, Южная Русь, в особенности Галич, вела непрерывно торговлю с Византией: Вениамин Тудельский находил русских купцов не только в Константинополе, но и в Александрии; и греческие гости заходили далеко на север и восток — Кузьма Киянин, плакавший над трупом Андрея Боголюбского, говорит о константинопольских гостях во Владимире Залесском, а житие Антония Римлянина находит гостя из греческой земли в Новгороде. Наконец, южно-русские князья своей постоянной борьбой со степью представляли и важный политический интерес для Византии, и, хотя ни византийские, ни русские источники — кроме одного случая — не сохранили упоминаний о русско-византийских договорах и обмене посольствами в течение указанного периода, нужно думать, что все это должно было происходить неоднократно. Упомянутый же факт относится к началу 1201 года, когда Половцы в союзе с Калояном Болгарским прорвались в южную Фракию, имея целью поход на самый Константинополь. Ники-

³⁸ *Архим. Владимир*, Описание рукоп. Синод, библ. № 336, об. ст. 495 и Правосл. Обзор. II (1881) 352; Голубинский I, 287.

³⁹ Татищев III, 329.

⁴⁰ Летописец, содержащий Российскую историю от 6714 (1206) лета до лета 7042 (1534). Москва 1784. С. 2.

⁴¹ О всех митрополитах домонгольского периода см. у Голубинского т. I, изд. 2, 1901, 285—288. После митр. Матфея известны еще: Кирилл II, прибывший в 1224 г. (Лавр. л.) и умерший в 1233 году (1-я Новг. л.), и Иосиф, прибывший в 1237 году (1-я Новг. л.).

та Хониат говорит, что варвары дошли бы до самых Херсийских ворот столицы, если бы христианнейший русский народ и стоящие во главе его князья — отчасти по собственному побуждению, отчасти склоняясь к мольбам своего архипастыря — не показали особенно большую готовность помочь Римлянам, негодуя, что христианский народ терпит беду от варваров и по несколько раз в год подвергается угону в плен и продаже в рабство нехристианским народам. Вследствие этого Роман, галичский князь, наскоро приготовившись и собрав большой и хороший военный отряд, устремился против Куманов и, так как проник беспрепятственно в их землю, разграбил их и опустошил. Ввиду того, что он повторил это несколько раз для славы и величия христианской чистой веры, он воспрепятствовал набегам Куманов и дал возможность Римлянам отдохнуть от этой беды, благодаря тому, что явилась неожиданная помощь и непредвиденный союзник и опора в единоверном народе»⁴². Как указал Васильевский, эта помощь явилась результатом формального союза, заключенного между Византией и галичским князем при посредстве Киевского митрополита: послов галицкого князя встретил в Константинополе в 1200 году путешественник, старец Антоний Новгородский. Приведенный факт чрезвычайно важен как по указанию на огромное политическое значение, которое имели в то время для Византии связи с Русью, так и по данным о тех областях Руси — Галиции и Волыни, — которые в это время поддерживали сношения с Константинополем; и, наконец, по свидетельству о политической роли, которую играло на Руси греческое высшее духовенство⁴³.

Следует предполагать, что эти области преимущественно могли поддерживать и связь Руси со Святой горой в данный период, когда Поднепровье все более отгораживалось от Черноморья кочевниками и когда население Южной Руси все сильнее и сильнее тянуло к северо-востоку. Но, как мы уже сказали, исторических свидетельств о связях русского монастыря на Афоне ни с Русью, ни с Царьградом из этого времени не сохранилось. По-видимому, в эти тридцать лет русская обитель снова была занята главным образом общеафонскими интересами и своей внутренней жизнью. Единственным свидетельством о ней являются четыре разновременных, но однородных кратких приписки на разобранном протатском акте 1169 года. Две первых записи находятся на оригинале, а две последних — на современной копии, составленной сразу после подтверждения второй записи.

Эти приписки, датированные индиктами, являются подтверждениями акта последующими протами — Дорофеем в 1177 г., Митрофаном в 1182 г., Мартином в 1188 и Герасимом в 1194 году. Последний из этих протов, монах Герасим, известен нам по актам сербского монастыря Хиландаря как современник императора Алексея III Ангела (1195—1203)⁴⁴, благодаря чему А. Соловьеву удалось точно определить вышеприведенные года записей по указанным в них ин-

⁴² Nicetas, ed. Bonn., 691—692.

⁴³ В. Г. Васильевский: рецензия на книгу Ф. Успенского, *Образование второго болгарского царства* (ЖМНП. ч. 204, отд. 2. С. 209—210) и Ф. Успенский. *Образование вт. болг. ц-ва*. Одесса, 1879, 208; В. *Златарски*, *История на Българската държава презь среднитѣ вѣкове*, III. София, 1940, 135—136.

⁴⁴ *Louis Petit*, *Actes de Chilandar*, I. Виз. Врем. XVII (1911), приложение, № 3 и *A. Soloviev*, *Un inventaire de documents byzantins de Chilandar*. *Annales de l'Institut Kondakov* X (1938) 45—46.

диктам⁴⁵. Представляя большую важность для истории Святой горы вообще, поскольку дают нам точную датировку правления четырех протов, эти записи не лишены интереса и для истории русского монастыря. Такие записи на святогорских документах необычны, и третья запись особенно подчеркивает, что монахам пришлось долго просить прота сделать указанное подтверждение. Это показывает нам, что в течение всей последней трети XII века монастырь еще не чувствовал себя вполне обеспеченным в отношении дарений 1169 года и при вступлении во власть каждого нового прота добивался подтверждения их. Любопытно, что в течение этого периода не встречается и подписей русских игуменов на актах других святогорских монастырей. Это свидетельствует, что в данное время русская обитель хотя и вошла в число обителей «второго ранга», но еще не закрепила этого состояния и, по-видимому, ее игумены еще не выбирались ни в число эпитиритов, ни в «судебные соборы». Положение изменилось в XIII веке, когда подписи русских игуменов появляются под актами протата между подписями игуменов старших монастырей⁴⁶. Тринадцатый век, открывшийся латинским завоеванием Византии, был новой эпохой как для всего Афона, так и для русского монастыря. Новыми условиями, определившими его дальнейшую историю, явилась прежде всего общая катастрофа, постигшая греческий мир в 1204 году и повлиявшая на все большее отдаление Афона от Руси; затем катастрофа, которую принесло Руси татарское иго, окончательно и надолго оторвавшее Русь и от Византии, и от запада; третьим новым моментом явилось образование на Святой горе сербской лавры, которая с первых дней своего существования стояла в самых близких связях с русским монастырем. В эпоху «всеконачного от Руси оставления» эти связи привели к тесному сближению русской обители с династией Неманьичей и определили судьбу монастыря в XIV веке. Культурно-историческое значение этих русско-сербских связей на Афоне выявляется как в фактах проникновения в сербскую письменность произведений древнерусской литературы, так и позднее в создании сербских связей с Московской Русью.

⁴⁵ A. Soloviev, *Histoire du monastère Russe. Byzantion VIII* (1933) 221.

⁴⁶ В издании актов монастыря Дохиара (Ἐκτενρὶς Ἐκταρεῖας Βυζαντινῶν Σπουδῶν VI (1929), № 23, 259) находится протатский акт о келлии Каллиграфа, датированный 1195 годом, где вместе с протом Арсением, среди других игуменов подписался и «Русской обители Феодосии иеромонах». Однако в данном случае издатели неверно датировали акт, т. к. 1 — между 1194 и 1198 гг. Афоном управлял прот. Герасим, 2 — состав подписанного святогорского собора на акте Дохиарском не имеет ничего схожего с составом собора 1198 г. (на Хиландарском акте), 3 — 1195 г. не сходится с обозначенным в акте 5 индиктом. Нет сомнения, что последняя буква в цифре года здесь в оригинале не Γ = 3, а 0 = 70 и что должен стоять 6670 г., т. е. 1262 от Р. Х. Этот год отвечает 5-му индикту, и в этом году на Афоне действительно был прот Арсений (упомянут в записи Доментиана на его житии св. Симеона). Ошибка издателей вполне понятна, т. к. в оригинале, вероятно, цифра года настолько выцвела, что нижний правый угол последнего 0 не виден.

Дж. Маджеска

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1240—1453 гг.: ПАЛОМНИКИ, ДИПЛОМАТЫ, КУПЦЫ* **

Известно, что русская наука сыграла основополагающую роль в изучении Византии. Признанием этого факта стал, в частности, созыв в Москве XVIII Международного конгресса византинистов в августе 1991 г. Внимание к Византии, проявляемое русской наукой в течение многих лет, кажется, является результатом понимания важности той роли, которую Византия играла в эволюции России. Определение сути и объема этой роли, действительно, является одной из важных проблем современного изучения истории Византии и России, что породило много исследований и публикаций, поток которых не прекращается и поныне¹.

Особый характер вопросов о русско-византийских отношениях и предлагаемые ответы на эти вопросы значительно усложнились в последние годы, что видно из очерков о русско-византийских отношениях, представленных на международных византийских конгрессах, которым данная работа очень многим обязана².

---

* Печатается по изд.: АРИ. Вып. 4.

** В основу статьи положен доклад автора на XVIII Международном конгрессе византинистов в Москве (август 1991 г.)

¹ *Иконников В. С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869; *Терновский Ф.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в древней Руси. Киев, 1875—76; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. См. также Работы: *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth (Нью-Йорк, 1971) и *Six Byzantine Portraits* (Оксфорд, 1988) и *Meyendorff J.* Byzantium and the Rise of Russia (Кембридж, 1981). См. также отчеты о советской византистике в журнале «Византийский Временник». Факт, что журнал русского византиноведения был основан в 1894 г., свидетельствует о важности интереса к Византии. Большинство работ о Византии посвящено вопросу политического влияния Византии на Русь и идее Москвы как «Третьего Рима». См. мою статью «Византийское влияние в России» в «Современной Энциклопедии России и Советской Истории». Т. 6. С. 79—80.

² Некоторые ссылки на работы, вышедшие в последней четверти текущего столетия см.: *Лутаев Г. Г., Каждан А. П., Удальцова З. В.* Отношение Древней Руси и Византии в XI—первой половине XIII в.; *Main Papers. 13th International Congress of Byzantine Studies* (Oxford, 1966); *Sevcenko I.* Russo-Byzantine Relations after the Eleventh Century. *Supplementary Papers 13th International Congress of Byzantine Studies* (Oxford, 1966). 19—24; *Lilienfeld F. von.* Russland und Byzanz in 14 und 15 Jahrhundert, *Ibid.*, 25—30; cf. also, *Velimirovic M.* The influence of the Byzantine Chant on the Music of the Slavic Countries. *Main Papers, 13th International Congress of Byzantine Studies* (Oxford, 1966); *Franklin S.* The Reception of Byzantine Culture by the Slavs. *The 17th International Byzantine Congress, Washington. Major D. C. Papers* (New York, 1986). 383—397; *Udal'tsova Z. V.*

Мало кто из людей, изучающих русско-византийские отношения, будет отрицать тот факт, что наиболее серьезное византийское влияние на Русь связано с письменными источниками: переводами византийских литургических текстов и литературы (не говоря уже о славянском алфавите), а в художественной области — с оформлением книг. И действительно, византийские идеи и обычаи передавались в Россию через письменные источники³. Однако недавно возрос интерес к проблеме экспорта византийского образа мышления не только через письменные материалы. Культурный обмен за рамками литературы является основной темой многих последних работ профессора Дмитрия Оболенского; важная роль византийского миссионерства как движущей силы византийского культурного мира является центральным тезисом его недавней работы «Шесть византийских портретов» (1988). Его плодотворная книга «Византийское содружество» (1971) также предполагает ведущую роль в передаче и распространении идей, идеалов и обычаев, характерных для этого духовно-культурного общества; эта же тема развивается в собрании биографий *filotwmatoī sanqwrōi* (1981). Подобным образом профессор Джон Мейендорф в работе «Византия и подъем России» (1988) подчеркивает роль отдельных личностей в культурном и в политическом обмене двух обществ⁴. Эти идеи вместе с моей работой о русских путешественниках в Константинополь⁵ указывают на полезность изучения биографий людей, вовлеченных в этот обмен.

Вопросы, которые можно поставить в этом исследовании, включали бы следующее: как много людей путешествовало между Византией и Русью? Кто они были? Как они путешествовали из страны в страну, каковы варианты путешествий в период между завоеванием Руси монголами и захватом Константинополя турками?

Идеальным источником для такого исследования были бы полные записи имен и профессий всех путешествующих из Руси в Византию и обратно, с датами путешествий и указанием их цели. Но таких отчетов и ничего подобного им, конечно, не существует, не говоря уже об отчетах, которые дали бы возможность сравнений за весь период. Быть может, ближе всего к полному собранию источников, охватывающих весь период, стоит впечатляющее собрание произведений хроникального типа, опубликованных русской Археографической комиссией, — «Полное собрание русских летописей». Это продолжающееся издание, начатое в 1846 г., имеет целью сделать доступными тексты всех восточнославянских лето-

---

Kiev and Constantinople: Cultural Relations before the Thirteenth Century, Ibid., 399—419. Подобные работы публиковались и в обычных исследовательских журналах.

³ *Соболевский А. И.* Особенности русских переводов домонгольского периода. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 152—77. *Он же.* Переводная литература московской Руси XIV—XVII веков, 1903; *Фонкич Б. А.* Греческие рукописи в России. М., 1977; *Hildegard Schader.* Moskau das dritte Rome. 2 ed. Darmstadt, 1957. В области искусства см. *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Т. 1—2. СПб., 1914—15; *Он же.* Русская икона. Т. 1—4. Prague, 1928—33.

⁴ Важность работы иностранных художников, а также византийских образцов в развитии искусства ранней Руси и, позже, Москвы сейчас полностью признана. См.: *Лазарев В.* Русская иконопись от истоков до нач. XVI в. М., 1983; *Феофан Грек и его школа.* М., 1961; *Андрей Рублев и его школа.* М., 1966; *Вздорнов Г.* Феофан Грек, творческое наследие. М., 1983; *Данилова И.* Dionissi. Vena, 1970.

⁵ *Majeska G. P.* Russian Travelers to Constantinople in the 14th and 15th Centuries // *Dumbarton Oaks Studies XIX.* Washington, 1984.

писей, составленных до XVIII в. Последний том издания, который оказался в моем распоряжении, был 37-й. К этой коллекции можно добавить ряд подобных же томов опубликованных исторических хроник, появившихся вне этой серии⁶.

Конечно, эти 40 с лишним томов необработанных данных не являются идеальной базой для подобных исследований⁷. Никто не может утверждать, что их информация о путешествиях является полной; у нас есть примеры путешествий, отмеченных только в других источниках, но не упомянутых летописью⁸. Кроме того, данные в хрониках собраны произвольно и, по-видимому, часто отбирались и хранились наугад. Зная характер событий, которые обычно отмечались в летописях (а это, в основном, государственные дела или церковные установления), можно ожидать, что особое внимание будет уделяться путешествиям, принадлежащим к высшему слою общества, и тем, кто путешествовал по официальным делам. Купцы, монахи, простые паломники не очень привлекали внимание летописца, и он не считал их путешествия достойными описания. Положительной стороной в оценке этого собрания как источника является отсутствие предубеждения в данном вопросе, то есть не похоже, что летописи преувеличивают или преуменьшают византийско-русские контакты.

Что же точно может быть изучено при анализе известий русских хроник о путешествиях между Византией и Россией в период двух столетий между монгольским завоеванием Руси и захватом Константинополя турками? Вот «предварительный отчет» о путешествиях между Константинополем и Русью в период 1240—1453 гг.

Изучение летописных источников за эти 213 лет дает 125 конкретных свидетельств (многие из них дублируются и повторяются несколько раз в различных

⁶ Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимины. М., 1957; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950; Троицкая летопись. Реконструкция текста / Под ред. М. Д. Приселкова. М.; Л., 1950.

⁷ В работе использовано 33 тома; кроме 5 несерийных, это 28 томов «Полного собрания Русских Летописей», которые содержат материал по годам, интересующим нас: Т. 1, 2-е изд. (Лаврентьевская летопись), 1926; Т. 2, 2-е изд. (Ипатьевская летопись), 1908; Т. 3 (Краткий Летописец Новгородских Владык и Летописец Новгородский Церквам Божиим), 1879; Т. 4 (Новгородская четвертая летопись), 1848; Т. 5 (Софийская Первая Летопись), 1851; Т. 6 (Софийская Вторая Летопись), 1853; Т. 7 (Воскресенская Летопись), 1856; Т. 10—12 (Никоновская Летопись), 1885—1901; Т. 15, вып. 1-й (Рогожский Летописец), 1922; Т. 15, вып. 1-й, 2-е изд. (Тверская Летопись), 1863; Т. 16 (Летопись Авраамки), 1889; Т. 18 (Симеоновская Летопись), 1913; Т. 20 (Львовская Летопись) 1910—14; Т. 21 (Книга Степенная царского родословия), 1908—13; Т. 22, вып. 1-й (Русский Хронограф). 1911—14; Т. 23 (Ермолинская Летопись), 1910; Т. 25 (Московский Летописный свод к. XV в.), 1949; Т. 26 (Вологодско-Пермская Летопись), 1959; Т. 27 (Никаноровская Летопись и Сокращенные Летописные Своды к. XV в.), 1962; Т. 28 (Летописный Свод 1497 и 1518 гг.), 1963; Т. 30 (Новгородская Вторая Летопись и Владимирский Летописец), 1965; Т. 31 (Мазуринский Летописец), 1968; Т. 32 (Хроники Литовская и жмойтская и Быховца...), 1975; Т. 33 (Холмогорская Летопись). 1977; Т. 34 (Пискаревский Летописец), 1978; Т. 35 (Академическая Летопись, Никифоровская Летопись, Слуцкая Летопись и Супрасльская Летопись — Летописи белорусско-литовские), 1980; Т. 37 (Устюжские и Вологодские Летописи XVI—XVIII веков), 1982. В дальнейшем, если существенная, но та же самая информация повторяется более чем в одной летописи, будет цитироваться только один источник, включая слова и т. д.

⁸ Есть случайные упоминания о путешествиях между Русью и Византией в славянских и византийских дипломатических материалах, грамотах, переписке, житиях святых и т. д., так же как в рассказах паломников. См. ниже.

летописях), упоминающих людей, путешествовавших между Русью и Византийской империей. Это явно неполное число. В среднем одна запись приходится на каждый 21 месяц, и в это число включаются повторы (то есть, если запись отмечает, что кто-то путешествовал в Константинополь в третий раз, это будет считаться как три записи, даже если первые два путешествия не упомянуты отдельно). 22 путешествия из этих 125 являются групповыми (послы, сборщики пожертвований, лица священных званий и т. д.) Если мы произвольно (и предельно осторожно!) примем число «два» для лиц из этих групп, то у нас будет свидетельство, по крайней мере, 147 индивидуальных путешествий. Из этого числа 121, по-видимому, были завершены, 26 из них совершались в один конец⁹.

Шестеро из русских путешественников в Византию, упомянутые в летописях, там и закончили свой путь. Два русских претендента на кафедру митрополита в Москве — Митяй и Пимен — умерли в окрестностях Константинополя, не успев вернуться для занятия своих кафедр; княжна Анна Московская, прибывшая в Константинополь в 1411 г., чтобы выйти замуж за будущего императора Иоанна VIII Палеолога, и умершая во время эпидемии чумы в 1417 г.; и русский монах Афанасий Высоцкий, который купил келью в Цареградском монастыре, где, очевидно, и умер.

По крайней мере, для статистики следует считать, что «Русь, живущая там» (в Константинополе), т. е. те, кого Игнатий Смоленский встретил в 1389 г. (по нашему расчету их было двое), не вернулись на родину¹⁰.

Более распространенными были путешествия в один конец, на Север, когда византийцы или жители Балкан приезжали в Россию на постоянное место жительства и умирали здесь. Так обычно было с представителями греческого духовенства, которые приезжали на Русь в качестве епископов и митрополитов. Если полностью доверять материалам летописей, мы можем назвать 20 путешествий такого рода.

147 частных путешествий, установленных нашими источниками, не означают, как выясняется, такое же число путешественников. Нам известно, что некоторые лица ездили более чем один раз: 10 отмечены как путешествовавшие дважды, 3 человека — 3 раза, и один (митрополит Киприан) путешествовал 5 раз¹¹. Итак, мы говорим о минимальном числе 127 для лиц, которые знали и Русь, и видели чудеса Византии в 147 путешествиях¹².

⁹ Другими словами, было 268 путешествий в одном направлении.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 11. С. 39, 44 и т. д. (Митяй); С. 101 и т. д. (Пимен); С. 217 и т. д. (Анна); С. 21 и т. д. (Высоцкий); С. 99 (русские, живущие в Константинополе).

¹¹ Два путешествия: архимандрита Сергия Азакова (ПСРЛ. Т. 11. С. 39 и т. д.; С. 95 и т. д.); епископа Дионисия Суздальского (С. 38, 44, и т. д.; С. 83 и т. д.); митрополита Алексея (Т. 10. С. 227 и т. д.; С. 228 и т. д.); митрополита Германа (Т. 31. С. 88; Т. 11. С. 15 и т. д.); митрополита Исидора (Т. 12. С. 23—24 и т. д.; С. 26—43 и т. д.); митрополита Матвея Адрианопольского (Т. 11. С. 85 и т. д.; С. 122 и т. д.); митрополита Никандра Ганского (С. 85 и т. д.; С. 122 и т. д.); митрополита Романа (Т. 10. С. 227 и т. д.; С. 228 и т. д.); митрополита Феогноста (С. 195 и т. д.; С. 206 и т. д.); митрополита Феогноста Трапезундского (Т. 11. С. 94 и т. д.; Т. 34. С. 158); Три путешествия: архимандрита Феодора Симоновского (Т. 11. С. 83, 85 и т. д.; С. 90 и т. д.; С. 122 и т. д.); епископа Феогноста Саранского (Т. 10. С. 157 и т. д.); митрополита Пимена (Т. 11. С. 39 и т. д.; С. 85 и т. д.; С. 95 и т. д.); Пять путешествий митрополита Киприана (С. 21 и т. д.; С. 25 и т. д.; Т. 12. Стб. 536 и т. д.; Т. 4. С. 92; Т. 11. С. 122 и т. д.).

¹² Истинное число как минимум вдвое больше, потому что во всех групповых путешествиях считались только по два человека.

Кем были эти путешественники? Считая приблизительно, скажем, что из них русских было вдвое больше, чем византийцев (к которым для простоты статистики мы причисляем южных славян, приехавших из Византии), путешествия совершили 88 восточных славян (русских, украинцев, белорусов; 19 путешествий были двойными) и 39 путешественников из Византии (из них 3 записи о групповых путешествиях или поездках вдвоем). Большинство лиц, совершавших путешествия в обоих направлениях, принадлежало к духовенству, что ясно каждому, кто прочитал хотя бы несколько страниц летописей.

73 человека упомянуты в хрониках как лица духовного звания, из них 45 русских, 28 византийцев. Большинство — «высшее духовенство» (митрополиты, епископы, архимандриты), путешествующие по делам церкви. Из них 14 русских и 19 «греков»¹³. Представители низшего духовенства (лица неопределенного звания, монахи, игумены, диаконы, протодиаконы, священники, протоиереи и т. д.) включают 31 лицо русского происхождения и только 9 «греков»¹⁴. Патриарх Цареграда явно предпочитал посылать на Русь высокопоставленное духовенство¹⁵. Представители русского низшего духовенства обычно совершали путешествия в составе свиты русских митрополитов. Митрополиты составляли наиболее многочисленную группу путешествовавших: 18, из них 6 русских и 12 византийцев, такое же число, как и послов¹⁶.

¹³ Представители высших слоев русского духовенства, которые путешествовали в Византию, включают 6 митрополитов: Алексей (ПСРЛ. Т. 10. С. 227 и т. д.; С. 228 и т. д.); Иона (Т. 12. С. 74 и т. д.); Митяй (Т. 11. С. 39—44 и т. д.); Петр (Т. 10. С. 176 и т. д.); Пимен (Т. 11. С. 39 и т. д.; С. 95 и т. д.); Роман (Т. 10. С. 227 и т. д.); три епископа: Дионисий Суздальский (Т. 11. С. 38, 44 и т. д.; С. 83 и т. д.); Герасим Смоленский (Псковские летописи. Т. I. С. 33, 40 и т. д.); Михаил Смоленский (ПСРЛ. Т. 11. С. 95 и т. д.); пять архимандритов: Ефросим из Дионисийского монастыря (С. 90 и т. д.); Иван Петровский (С. 39 и т. д.); Мартин Коломенский (С. 39 и т. д.); Сергей Аваков (С. 39 и т. д.; С. 95 и т. д.) и Федор из Симонова монастыря (С. 83, 85 и т. д.; С. 90 и т. д.; С. 122 и т. д.).

Из Византии прибыли двенадцать митрополитов: Адриан Полоцкий (ПСРЛ. Т. 33. С. 91); Киприан (Т. 11. С. 21 и т. д.; Т. 25 и т. д.; Т. 12. Стб. 536 и т. д.; Т. 4. С. 92; Т. 11. С. 122 и т. д.); Герман (Т. 31. С. 88; Т. 11. С. 15 и т. д.); Исидор (Т. 12. С. 23—24 и т. д.; С. 26—43 и т. д.); Марк из Палестины (Т. 31. С. 88); Марко из Синая (Т. 11. С. 25 и т. д.); Матвей из Адрианополя (С. 85 и т. д.; С. 122 и т. д.); Максим (Т. 10. С. 161 и т. д.); Никандр Ганский (Т. 11. С. 85 и т. д.; С. 122 и т. д.); Фотий (С. 211 и т. д.); Феогност (С. 195 и т. д.; С. 206 и т. д.); Феогност Трапезундский (Т. 11. С. 94 и т. д.; Т. 34. С. 158); пять епископов: Анфал Ростовский (Т. 4. С. 102); Матфей Ростовский (Т. 11. С. 82 и т. д.); Михаил Вифлеемский (С. 156 и т. д.); Феодул Трапезундский (НПЛ. С. 399); Феогност Саранский (ПСРЛ. Т. 10. С. 157 и т. д.); и два архимандрита: Германий (Т. 16. С. 177) и Никифонтос (Бонифас) (С. 25 и т. д.; Т. 30. С. 187 и т. д.).

¹⁴ Протопоп Александр (ПСРЛ. Т. 11. С. 39); Иван (С. 97 и т. д.) из Москвы; протопоп Даниил Тверской (С. 77 и т. д.); игумен Афанасий Высоцкий (Т. 11. С. 21 и т. д.); монах Родион Ослабаты (Т. 25. С. 228); Дорофей, митрополичий печатник; игумен Макарий Мусолинский; два диакона, названных Григорий да протодякон Давид, а также другие монахи, дяки, священники и духовные лица из Владимира, путешествовавшие с Митяем (Т. 11. С. 39); архидиакон Герман, протодякон Григорий, Игнатий Смолнянин, монах Михаил, духовник Сергия Азакова и монахи, дяконы, священники, сопровождавшие митрополита Пимена в 1389 (С. 95, 97 и т. д.). С греческой стороны монахи: Григорий (ПСРЛ. Т. 12. С. 42—43); Лазарь Сербский (Т. 11. С. 190); Малахий Философ (Т. 34. С. 128); Пахомий Болгарин (Т. 11. С. 217) и Фома (Т. 32. С. 71); игумен Иван «Цареградец» (Т. 10. С. 188—189); протодяконы Георгий и Иван путешествовали в Московию как послы патриарха (Т. 11. С. 25 и т. д.); священник Патрикий приехал в Москву и стал здесь ключником (С. 216).

¹⁵ В Византии было больше епископов, чем на Руси.

¹⁶ Митрополиты перечислены выше, в сноске 13, в сносках 17 и 18 перечислены послы.

Большинство путешествий светского характера между Византией и Русью (43 предприняты русскими, 11 греками) были, так же как и церковные, официальными и дипломатическими и были связаны с делами церкви в широком смысле слова. 17 русских послов упоминаются в летописях этого периода, но к ним надо добавить 8 бояр, которые путешествовали исключительно по официальным делам¹⁷. Судя по русским летописям, византийцы послали «посольства» только однажды, когда они отправили «посла» к московскому великому князю Василию в 1395 г.¹⁸ Как правило, византийскими дипломатами были греческие митрополиты, упомянутые в качестве путешественников по церковным делам. Два лица, упомянутые как переводчики, также принадлежали к членам так называемых «официальных делегаций»¹⁹. Как путешественница официальной персоной являлась Анна Васильевна, дочь великого князя московского Василия I, которая была помолвлена с сыном византийского императора Мануила II, будущим императором Иоанном VIII Палеологом. Ее путешествие состоялось в 1411 г.²⁰ К категории придворных и слуг относились 7 русских (и ни одного грека) плюс один дьяк, который может считаться мирянином, поскольку не носил церковного звания²¹. Некий дьяк Александр (так он назван в документе) ездил в Константинополь по делам торговли («за куплею») в 1395 г., и поэтому его можно считать купцом²². Все они с русской стороны вместе с персонажами, личность которых не установлена, были, возможно, мирянами²³.

Состав греков-мирян, путешествовавших на Русь (их число 11, согласно нашим источникам), определенно отличается от русской стороны. За исключением одного «посла», это лица, совершавшие деловые поездки. Сборщики пожертвований упомянуты однажды (но надо иметь в виду, что многие представители греческого духовенства, приезжавшие в Россию, тоже искали пожертвований), и также один раз упомянуты купцы. Нам известны шестеро мастеров и подмастерьев; это художники и среди них знаменитый Феофан Грек²⁴.

Трудно сказать, насколько полно воссоздается картина путешествий по летописям. Все возможные типы путешественников представлены, исключая, воз-

¹⁷ Русские послы: Василий Щекин и Киур Созонов (ПСРА. Т. 4. С. 99 и т. д.); «Калоян» (Т. 15. Ч. 1. Стлб. 168); Юрий Воробьев, Артемий Коробин, Дементий Давыдович, Михайло Щербатый (Т. 10. С. 226—227 и т. д.); посол архиепископа Новгородского (С. 228) и пять групп неназванных послов (возможно, они путешествовали парами) (С. 218, 226—227 и т. д.); бояре: Юрий Кочевин-Олешенский, Андрей и Иван Артемьев Коробин, Невер Барбин, Степан Ильин Кловыня, Федор Шолохов; а также бояре (считаем: два) (Т. 11. С. 39 и т. д.).

¹⁸ ПСРА. Т. 11. С. 157.

¹⁹ Василий Кустов и Буил (ПСРА. Т. 11. С. 39, 44 и т. д.).

²⁰ ПСРА. Т. 11. С. 217—19 и т. д.

²¹ Казначей митрополита Митяя, придворные и слуги («люди дворныя митрополичи лутчаи и слуги пошлыя») (ПСРА. Т. 11. С. 39 и т. д.); слуги митрополита Пимена (С. 95) и дьяк Михаил, который путешествовал с митрополитом Пименом в Константинополь (С. 97 и т. д.).

²² ПСРА. Т. 4. С. 357—58; после первого упоминания этого купца в описании его прибытия в Константинополь употребляется единственное число первого лица, далее употреблено множественное. Это дает основание полагать, что купец совершал путешествие с товарищем, и по ремеслу.

²³ Антон Копье, Стефан Высокий и «полк велик зело» (считай, два), сопровождавшие Митяя в Константинополь в 1379 (ПСРА. Т. 11. С. 39, и т. д.). Через десять лет Игнатий Смолнянин упоминает русских, живших в Константинополе (= 7), (С. 99).

²⁴ Посол (ПСРА. Т. 11. С. 157); собиратели милостыни (С. 168); купцы (Т. 10. С. 163); художники и подмастерии Гортан, Иван, Симеон (С. 216, и т. д.); Феофан Грек (Т. 3. С. 243).

можно, паломников, о которых нам известно по другим документам. Но пропорции типов путешественников, выстроенные при анализе летописей, несомненно зависят от источников. Не всегда ясно, почему средневековые летописи включают определенный материал, а другой не включают; но одной из функций летописи является задача увековечить деятельность «верхушки» города или княжеского двора, для которого этот материал собирался и записывался. Эта цель влияла на описание путешественников. Заметим, к примеру, что единственные «цареградские купцы», упомянутые русскими летописями этого периода, отмечены только потому, что случайно попали в разгар военных столкновений²⁵.

Серьезный интерес представляет частота путешествий между Русью и Империей. Взгляд на сопровождающую таблицу покажет, насколько нерегулярны были эти контакты. Период с 1243 г., когда установилась власть монголов над территорией Руси, до падения Константинополя в 1453 г. разделен на 21 отрезок по 10 лет каждый, который мы для удобства будем называть декадой. 5 из этих декад не упоминают путешествий; 6 из 21 показывают только одно путешествие. Удивительно, но первое столетие власти монголов на Руси (1243—1342 гг.) показывает только 10 путешествий, в среднем одно путешествие каждые 10 лет столетия. 3 из этих 10 поездок совершил сарайский епископ Феогност, своего рода постоянный дипломатический представитель Византии в столице Золотой Орды²⁶, 4 совершены киевскими митрополитами²⁷. Неофициальные путешествия в течение этих лет, по крайней мере, согласно русским летописям, ограничиваются лишь одним, совершенным константинопольским монахом, который прибыл в Тверь и заложил здесь каменную церковь, а также и поездками константинопольских купцов (гости цареградские; по нашему счету — двое)²⁸. Число путешествий возрастает в 40—50-е гг. XIV в., затем достигает своего апогея в 70—80 гг. и медленно угасает в 90-е гг. и первую декаду XV в. Итак, налицо две декады подъема, однако следует помнить о списках двух значительных посольств из Москвы в Царьград, ездивших поддерживать своего кандидата в митрополиты. Два летописных свидетельства о них являются самостоятельными литературными произведениями, описывающими путешествия, они были включены в летописи позже и освещают много подробностей о составе миссий. Оба произведения: «Повесть о Митяе» и «Хождение Пименово» — дают очень подробную картину официальных посольств, называют 56 из 88 русских, посетивших Византию в этот период, и упоминают 48 из 90 частных путешествий между этими странами за два десятилетия²⁹. Интенсивность путешествий несколько возрастает после вступления в должность митрополита Исидора, его поездки на Флорентийский собор и стремительного возвращения в Москву (1427—1439)³⁰. Объединение церквей, которого он добивался, возможно, объясняет подъем интенсивности путешествий между Москвой и Византией в последнем десятилетии перед захватом Константинополя турками.

²⁵ ПСРА. Т. 10. С. 163.

²⁶ ПСРА. Т. 10. С. 157 и т. д.; *Meyendorff J.* Byzantium and the Rise of Russia. С. 43—51.

²⁷ ПСРА. Т. 10. С. 161 и т. д.; С. 176 и т. д.; С. 195 и т. д.; С. 206 и т. д.

²⁸ ПСРА. Т. 10. С. 163; С. 188—89 и т. д.

²⁹ ПСРА. Т. 11. С. 35—41 и т. д.; С. 95—104. О первой работе см. *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Л., 1978; о второй — см. *Majeska G. P.* Russian Travelers, 48—113, 388—436, и пр.

³⁰ ПСРА. Т. 12. С. 23—24 и т. д.; С. 26—43 и т. д.

Некоторым подтверждением выстроенной нами модели контактов между двумя странами могут служить сохранившиеся фрагменты русской паломнической литературы. Период, отмеченный наибольшим количеством путешествий между Русью и Византией, совпадает с пиком паломничества из Руси в Царьград, по крайней мере, если судить по литературным источникам. Пять сказаний о русских странствиях в Константинополь датируются периодом 1349—1423 гг.³¹

Расширение контактов между Византийской империей и Русью в 40—50-е гг. XIV в., очевидно, приходится на путешествия представителей соперничающих сторон в современных политических и церковных спорах. Наивысший подъем путешествий в период 70—80-х гг. XIV в. — время «церковной смуты», период столкновений между Москвой, Литвой и Константинополем по поводу владения Киевской епархией, и большинство путешествий этого периода связаны с этой проблемой³². Политические маневры Москвы и Литвы (в меньшей степени Польши) за церковную власть и ее политические проявления представляют собой симптомы больших исторических движений, которые отражаются на контактах между восточнославянскими территориями и Византией. Политическое соперничество Москвы и Литвы часто связано с отправкой посольств с целью заручиться поддержкой византийских властей. Растущая централизация обоих государств (и сопутствующее ослабление монголо-татарского ига над Московией), возможно, сделала пути более безопасными. Развитие венецианского и генуэзского мореплавания в Черном море в XIV в., особенно из колоний в устье Дона, доступность сообщения с центром Руси, безусловно, облегчили связь Москвы с Константинополем. Экономический рост Московской Руси и Литвы в XIV в. тоже повлиял на интенсивность контактов. Следует также отметить, что религиозные движения, игравшие столь важную роль в Византии этого периода, до известной степени определялись борьбой в церковных кругах Руси, где соперничавшие друг с другом про- и антиисихастские церковники вели борьбу за влияние у себя на Руси и за поддержку в столице Империи.

Рост количества путешествий, возможно, отражает и тот факт, что более развитые государства имеют более сложные церковные проблемы, которые нельзя решить у себя, они требуют решения на более высоком уровне, таком, как Вселенский патриархат. Значительное число путешествий, отмеченных в летописях, прямо связано с обращением к высоким церковным авторитетам в Константинополе. Было бы интересно (хотя это и выходит за рамки данного исследования) сравнить интенсивность контактов между Русью и Византией с контактами средневековой Руси с другими странами за этот период: являются ли они аналогичными и, таким образом, связанными с условиями на восточнославянских землях или же статистика иная, указывающая, что особые условия русско-византийских отношений являются активной силой этого движения? Период активизации пу-

³¹ *Majeska G. P. Russian Travelers*. Два рассказа паломников включены в летописи. «Путешествие Игнатия Смолнянина» включено в Никоновскую летопись как «Хождение Пименово», а «О Царьграде» русского купца Александра появляется как часть Четвертой Новгородской летописи; см. С. 57, 156—59. Несколько этих рассказов явно выросли из деловых поездок в Византию, как две упомянутые, и, возможно, из «Странника» Стефана Новгородского, см. также *Sevchenko I. «Notes on Stephen, The Novgorodian Pilgrim to Constantinople in the XIV Century»* // *Südostforschungen* 12 (1953). 165—75.

³² Блестящее исследование о религиозной политике в этом веке см. в: *Meyendorff I. Byzantium and the Rise of Russia*.

тешествий между Русью и Византией, отмеченной в русских летописях (и сказаниях странников), приблизительно совпадает с периодом, представленным в документах византийского архива. Собрание официальных документов по сношениям патриаршего Синода в Константинополе сохранилось именно за период 1315—1402 гг.³³ и может быть использовано в качестве материала, отражающего перемещения людей между восточнославянскими землями и Византией, подобно данным русских летописей. Сравнение данных за те же годы помогло бы уяснить степень достоверности русских источников и пополнить наши знания о русско-византийских контактах в этот период.

Сорок четыре грамоты в этой архивной коллекции, посвященные русским делам, т. е. Московии, Украине и православным землям Польши³⁴, дают удивительно мало подтверждений специфической информации, полученной из русских летописей, вопреки тому факту, что греческие документы содержат постоянные свидетельства о лицах, путешествовавших между двумя странами. Так, хотя византийские источники упоминают десять человек, прибывших в Константинополь между 1315 и 1402 гг., только один из них входит в число 109 упомянутых в русской летописи персонажей как совершивший путешествие в эти годы³⁵. В другом направлении — из Константинополя на Русь — византийские документы отмечают восемь поездок (12 человек), но только одна из них отмечена и в русских летописях³⁶, хотя летописи говорят о 122 лицах, прибывших из Константинополя в этот период³⁷. Собрание «Актов патриархата», конечно, является источником более узкого значения, чем русские летописи, поскольку оно связано только с делами церкви. Все же важно отметить, как мало имен появляется и в них, и в русских документах и как редки упоминания о лицах, совершивших путешествия по делам церкви в Византию в документах канцелярии синода.

Другие материалы патриархии в Константинополе дают косвенные свидетельства того, что число совершавших путешествия между Византией и славянским Севером было большим. Реконструкция Даррузеса фрагментов официальной переписки, которая велась в патриаршей канцелярии Константинополя (базирующаяся на упоминаниях этих документов в других источниках), свидетельствует о 54 случаях, относящихся к Руси этого периода, и охватывает рукописные источники, опубликованные Миклошичем и Мюллером как акты патриархата, но не сохранившиеся в этом документе³⁸. Для целей нашего исследования более важно

³³ Acta Patriarchatus Constantinopolitani, MCCCXV—MCCCCII, изд. Фр. Миклошич и И. Мюллер. 2 т. (Вена, 1860—62, далее ММ., готовится новое издание этих материалов).

³⁴ Грамоты, прямо касающиеся Руси как церковной провинции, сост. 7% всех документов в собрании (44 из 615). Трудно сделать вывод об уровне интереса в Константинополе к восточным славянам из этого процента переписки.

³⁵ ММ. V. I. P. 265, 320, 518, 582; 320; 516; 580; 582; 585, 586, 590; II. P. 180; ММ. II. P. 123 = ПСРА. Т. II. С. 122. (Архимандрит Федор из Симонова монастыря, который играл важную роль в попытках митрополита Пимена сохранить свой пост в 1389 г.).

³⁶ ММ. I. P. 349, 425—30, 435; 320—22, 584, 585, 590; II. P. 16; 33—34, 123; 177, 188, 193; 278, 280, 281, 284, 360; ММ. II. P. 186, 193, 194 = ПСРА. Т. II. С. 156 (Визит на Русь патриарших посланников архиепископа Михаила Вифлеемского и Алексия Аарона в 1393—94 гг.).

³⁷ Путешествия в оба конца включены в общее число извлеченных из русских рукописей о путешествиях на север и на юг.

³⁸ Darrouzès I. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople I: Les Actes des patriarches, fasc. 5: Les regestes de 1310 à 1376 (Paris, 1977), Nos. 2008, 2077, 2097, 2136, 2162, 2163, 2224, 2336, 2349, 2350, 2366, 2367, 2368, 2382, 2394, 2395, 2406, 2445, 2445a, 2468, 2506, 2590, 2592,

незначительное число упоминаний о путешествиях между Византией и Русью, встречающееся в этой реконструкции переписки, которая велась главой Византийской церкви. Если эти 54 документа добавить к 44 из «Актов патриархата», то у нас окажется 98 образцов частной переписки, т. е. более чем одно официальное послание на каждые 87 лет, охваченных «Актами патриархата»³⁹. Частота этой переписки и повторяющиеся ссылки на другие письма в регистре переписки, а также в рукописи Миклошича—Мюллера ставят вопрос о том, как передавались эти письма. Случайные свидетельства самих документов делают очевидным тот факт, что часто и даже как правило письма привозились специальными посланцами высокого ранга, а не заезжими купцами. Письмо № 139 из «Актов патриархата» является хорошей иллюстрацией того, как функционировала официальная почта между Константинополем и центрами славянского Севера. Патриарх Цареградский послал письмо митрополиту всея Руси с митрополичьим слугой по имени Аввакум, который привез письмо в Константинополь от митрополита и давал разъяснения по его содержанию. Письмо патриарха было послано с Аввакумом потому, что патриарший слуга Иоанн уже уехал в Москву с другим письмом к митрополиту. Тому же Аввакуму было доверено письмо к тверскому князю; оно должно было быть передано Иоанну, когда Аввакум прибудет в Москву. Тогда слуга патриарха должен был лично передать его адресату в Твери. Письмо патриарха содержало, между тем, информацию, полученную из письма князя Михаила Тверского, которое было привезено патриарху личным духовником князя, а также из письма великого князя Литовского Ольгерда⁴⁰. В тот же год, когда слуга митрополита Аввакум привез письмо в Константинополь, слуга великого князя Дмитрия по имени Даниил доставил письмо от князя патриарху⁴¹. В следующем году тверской князь отправил другое письмо в патриархат, на этот раз с игуменом Феодосием, который путешествовал в сопровождении княжьего слуги⁴². Довольно обширная официальная переписка, как видно, доставлялась доверенными слугами корреспондентов⁴³. По сути дела, как указывают византийские источники, 97 писем могли быть отправлены из Руси в Византию или из Византии на Русь посланцами, везущими более чем одно письмо, что свидетельствует о наличии интенсивных связей между странами.

2637, 2655, 2656, 2665, 2666; fasc. 6: Les registres de 1377 и 1410 (Paris, 1979), Nos. 2690, 2691, 2693, 2701, 2730, 2731, 2740, 2760, 2761, 2762, 2788, 2789, 2824, 2828, 2831, 2868, 2869, 2871, 2872, 2893, 2918, 2936, 2937, 3051, 3070, 3101. Более или менее сравнимые попытки реконструкции записей императорской канцелярии предлагают весьма скудный материал о Руси. См.: Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. Fasc. 4: Regesten von 1282—1341 (Munich, 1960); Fasc. 5: Regesten von 1341—1453 (Munich, 1965).

³⁹ Это число, должно быть, содержит ошибку в сторону уменьшения, т. к. некоторые письма могли быть посланы по более чем одному адресу. См. письмо № 266, адресованное «князьям Руси» (ММ. I. P. 520—22) и, безусловно, посланное им.

⁴⁰ ММ. I. P. 320—322. Письмо датируется 1371; См.: Darrouzeès J. Le Registre synodal du Patriarcat byzantin au XIVe siècle. Etude paléographique et diplomatique. Archives de l'Orient chrétien 12. Paris, 1971. P. 29. Письмо Ольгерда могло быть привезено в Константинополь его человеком Федором, согласно письму 320 (ММ. I. P. 580, а датировку см. у Darrouzeès J. Le Registre synodal. P. 117).

⁴¹ ММ. I. P. 516.

⁴² ММ. I. P. 586.

⁴³ Судя по упоминаниям в патриаршем архиве, официальные лица из западных областей Киевского государства предпочитали посылать свою корреспонденцию с епископами. См. ММ. I. P. 265, 585; II. P. 180.

Есть все основания полагать, что не все сведения о путешественниках между Византией и Русью были включены в русские летописи. Как уже говорилось, есть и другие источники, которые упоминают о лицах, совершавших путешествия; купцы и паломники, будучи неофициальными лицами, не считались достойными упоминания в летописи. Особенно удивительным является тот факт, что в единственном учреждении, где хранились документы, которые могли бы подтвердить сведения, взятые из русских летописей, по крайней мере, относительно официальных путешественников между двумя странами (имеются ввиду документы из Патриаршей канцелярии за 1313—1402 гг.), — практически нет ничего общего между русскими и греческими документами. Только трое из 22 путешественников, отмеченных в греческих источниках, упоминаются в списках из 127 человек, составленных по русским летописям. Подробное изучение материалов, легших в основу работы Даррузеса по реконструкции списков патриаршей переписки, дает дополнительные сведения об этих путешествиях, не отмеченные в летописях. Исходя из того объема переписки, который зафиксирован в греческих источниках, можно предположить, что число лиц, совершавших поездки туда и обратно, было гораздо большим.

Может ли более углубленное изучение русских летописей ответить на некоторые из вопросов, поставленных в этой работе? Насколько достоверна наша статистика из-за включения большого числа путешественников, упомянутых в разрозненных литературных произведениях, вставленных в летописи, и насколько преувеличивает или преуменьшает их действительное количество? Насколько специфичны были условия и обстоятельства, повлиявшие на путешествия в Константинополь и заставившие зафиксировать их в литературных источниках? И соответствует ли количественно свита Митяя и Пимена обычной численности таких посольств? В 1378 г. в свите Митяя было, по крайней мере, 39 человек: шесть бояр, четыре архимандрита, протопоп, протодиакон, два переводчика, казначей митрополии, хранитель печати, игумены, священники, монахи, диаконы, придворные, слуги, другие бояре, светские и духовные лица из Владимира, «полк велик зело»⁴⁴. Когда митрополит Пимен тайно отправился в Константинополь в 1389 г., его свита состояла не менее чем из 17 человек: епископ, архимандрит, протопоп, архидиакон, протодиакон, дьяк, священники, монахи, диаконы и слуги⁴⁵. Можем ли мы считать, что приблизительно такое число людей сопровождало каждый раз русского митрополита или претендента на эту должность при поездках в «Царьгород» за назначением, или утверждением, или даже в случайных поездках? Невозможно представить, что столь важные персоны путешествовали без соответствующей свиты, но какова была численность подобного эскорта? Может быть, среднее число от этих двух свит будет правильным? Но с какой свитой отправлялись митрополиты всея Руси, посланные из Константинополя? Русские летописи не дают подобных сведений; конечно, у духовных лиц подобного уровня была свита. Это еще одна область, где можно обнаружить дополнительное число путешественников.

В конце концов, почему вопрос о числе путешественников представляет такой интерес? Оказывали ли они какое-нибудь влияние в результате накопления сведений о другом обществе? Как отмечалось выше, обмен официальными письма-

⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. С. 39 и т. д.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. II. С. 95—97.

ми заставлял определенные категории людей совершать поездки. Эти «доставщики писем» часто были официальными посланниками — как византийцами, так и славянами; их придирчиво выбирали, так как они могли объяснить содержание доставляемых писем. Иногда в официальных посланиях отмечается, что эмиссары, которые доставят письмо, ответят на вопросы, касающиеся этих писем⁴⁶. Возможно, эти посланники имели полномочия вести переговоры от имени тех лиц, которые их отправляли. В любом случае, эти путешественники являлись людьми такого высокого ранга, который позволял им быть искушенными в делах и высокообразованными послами.

Содержание сохранившейся патриаршей переписки свидетельствует, что верхушка византийского общества и, особенно, церковные круги были прекрасно информированы о событиях в огромной церковной епархии вся Руси. Как же получали они эту информацию, если не от эмиссаров и посыльных императорских и патриарших писем? Напомним о частных сообщениях патриарха, что он хорошо знаком с ситуацией в Московии от «ромеев (т. е. византийцев. — Дж. М.) и русских, которые прибыли оттуда», или «от ромеев, которые побывали в России»⁴⁷, или же, в другом случае, от сарайского епископа⁴⁸. Нельзя ли предположить, что сухая ткань официальных сообщений и писем из Руси и Византии оживлялась теми, кто доставлял эти документы и давал разъяснения по их содержанию, поскольку они были знакомы с жизнью обоих государств?

На русской стороне, безусловно, происходило то же самое. Именно к культурной, интеллектуальной и политической элите Руси — епископам, боярам, князьям — приезжали путешественники из Византии, и они, естественно, привозили новости и информацию о Византии, и то же делали русские путешественники, посещавшие Царьград и, по большей части, представлявшие те же слои русского общества. Эти путешественники, несомненно, были источником крайне редких и неожиданных сведений о Византии, которые мы встречаем в летописях⁴⁹. Путешествия в Византию и контакты с византийцами были уделом крошечного процента русского населения, его элиты, которая влияла на культурную жизнь огромных областей средневековой России. Этот факт отвечает на вопрос, почему так важно изучать путешествия и путешественников из этих двух стран.

⁴⁶ Сравни: ММ. I. Р. 322.

⁴⁷ ММ. I. Р. 347; 337.

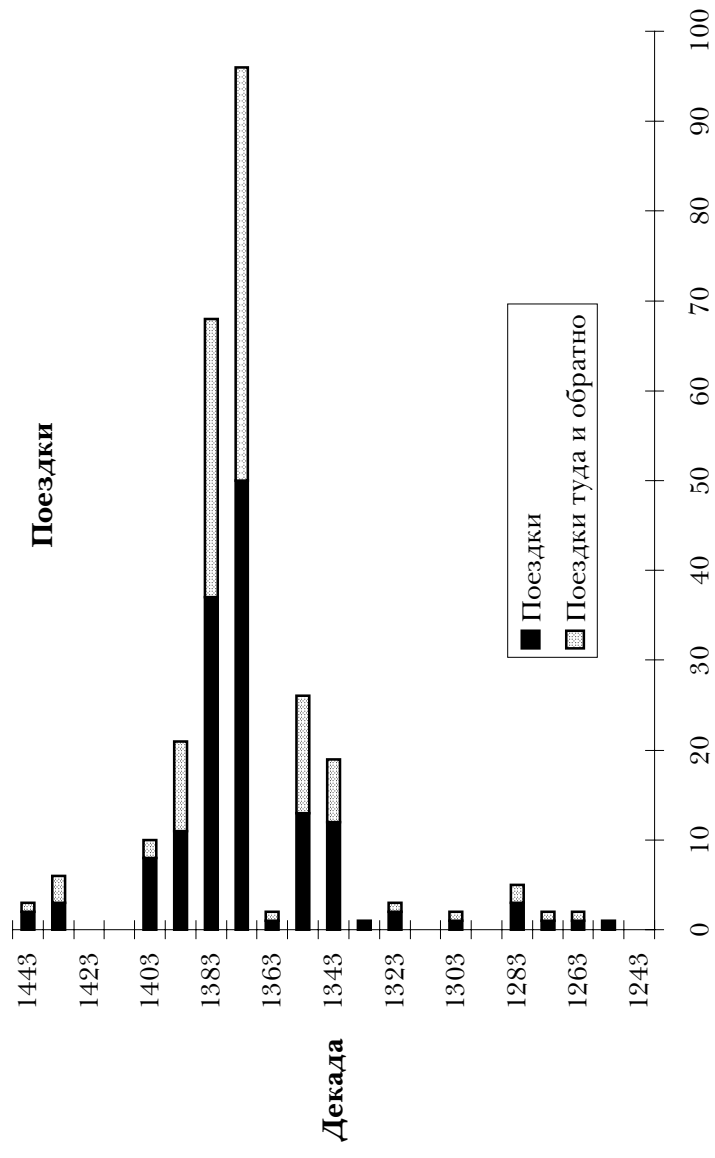
⁴⁸ ММ. I. Р. 347.

⁴⁹ Примеры включают: 1271 г. — Мануил Палеолог правит в Константинополе (ПСРА. Т. 10. С. 150); 1328 г. — Андроник Палеолог правил 13 лет (С. 201); 1352 г. — восстание императора Иоанна V (ПСРА. Т. 15. Стб. 61); 1366 г. — император Иоанн VI послал помощь страдающим христианам Ближнего Востока (Троицкая летопись. С. 382—88 и т. д.); 1395 г. — междоусобная война между Палеологами (ПСРА. Т. 11. С. 161 и т. д.); 1397 г. — турки завоевывают греческие земли (С. 166); 1398 г. — Баязид атакует Константинополь (Троицкая летопись. С. 446 и т. д.); 1401 г. — Тамерлан прерывает осаду Константинополя турками (ПСРА. Т. 11. С. 185 и т. д.); 1425 г. — умирает император Мануил II (ПСРА. Т. 12. С. 3; 1426 г.); турки завоевывают греческие земли (С. 7 и т. д.). Другие русские летописные записи о византийских и балканских событиях представляют собой переделку литературных произведений, например, рассказы о битве на Косовом поле и ее последствиях, 1392 г. (ПСРА. Т. 11. С. 148—53 и т. д.) и запись о судьбе Сербии и Константинополя после битвы при Ансире, 1425 г. (ПСРА. Т. 12. С. 3—6) и, конечно, подробное описание осады и падения Константинополя в 1453 г. (С. 78—108 и т. д.).

Путешествия на Русь и в Византию

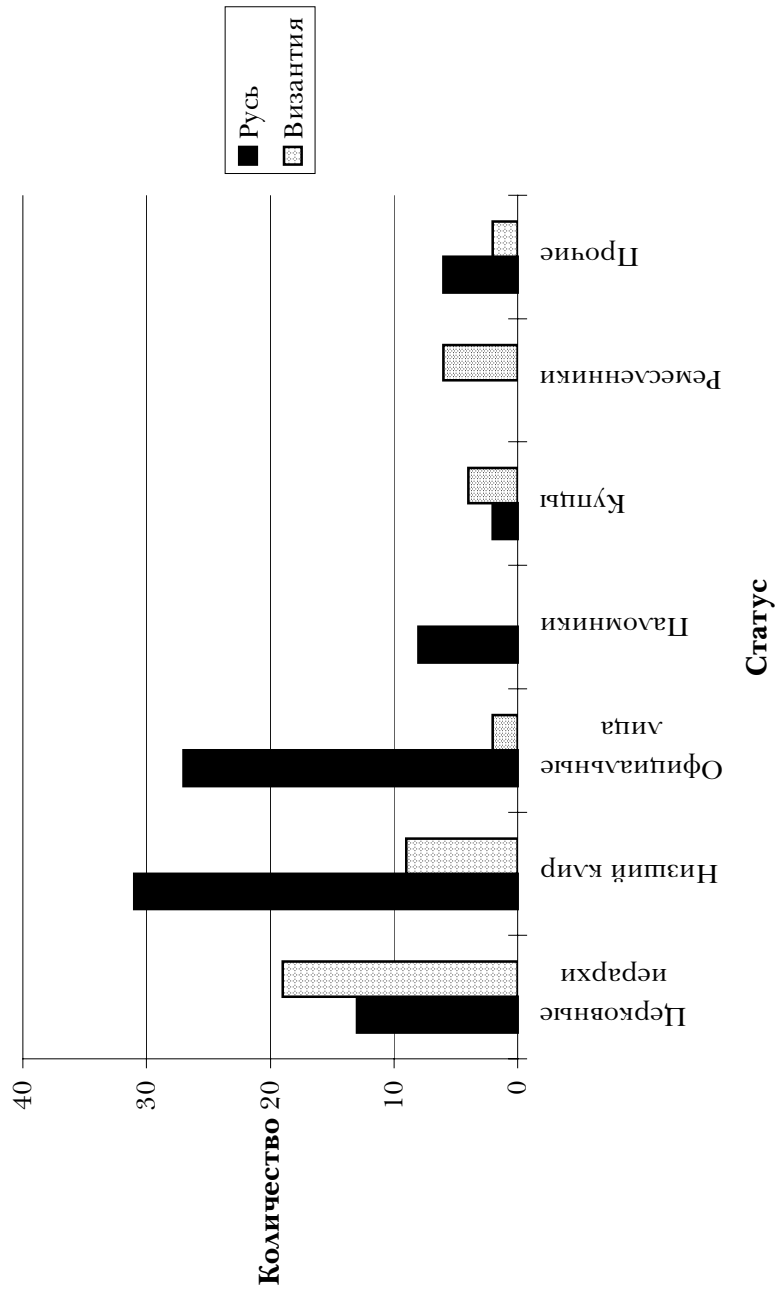
<i>Декада</i>	<i>Туда и обратно</i>	<i>Только на север</i>	<i>Только на юг</i>	<i>Всего</i>
1243—1252				0
1253—1262		1		1
1263—1272	1			1
1273—1282	1			1
1283—1292	2	1		3
1293—1302				0
1303—1312	1			1
1313—1322				0
1323—1332	1	1		2
1333—1342		1		1
1343—1352	7	5		12
1353—1362	13			13
1363—1372	1			1
1373—1382	46	2	2	50
1383—1392	31	3	3	37
1393—1402	10	1		11
1403—1412	2	5	1	8
1413—1422				0
1423—1432				0
1433—1442	3			3
1443—1452	1	1		2
<i>Всего</i>	<i>121</i>	<i>20</i>	<i>6</i>	<i>147</i>

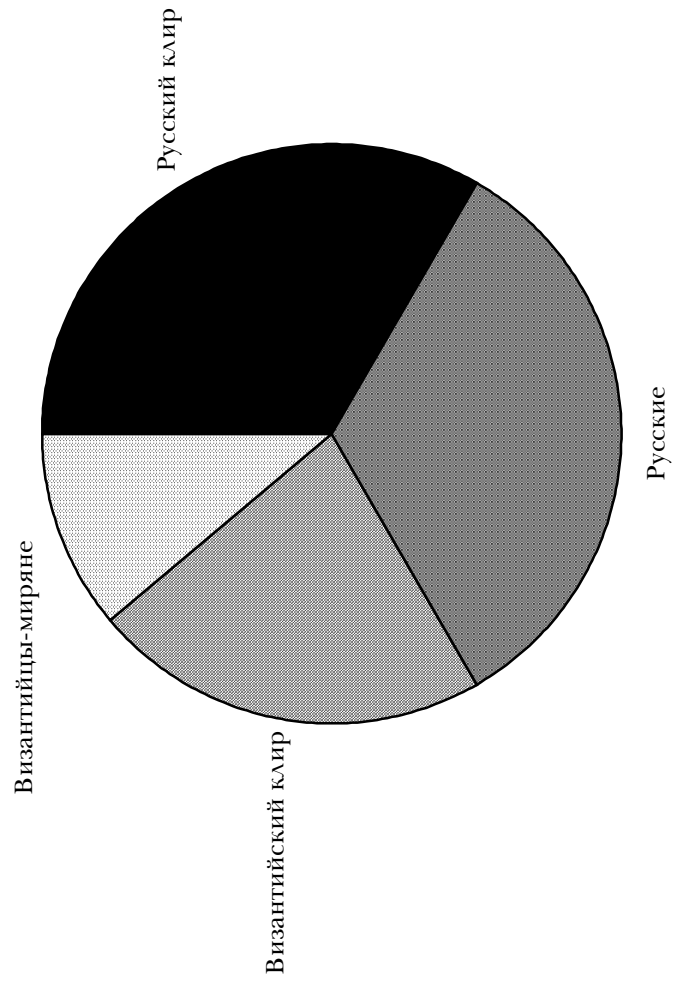

Путешественники

И. П. Медведев

РЕВИЗИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ДОКУМЕНТОВ НА РУСИ В КОНЦЕ XIV в.*

Среди большого числа всевозможных греческих актов и грамот, дошедших до нас в составе подлинного регистра Константинопольского патриархата (cod. Vindob. hist. graec. 48, XIV в.¹), на л. 77 об.—78 об. содержится копия одного чрезвычайно важного во многих отношениях (и прежде всего с точки зрения русско-византийских дипломатических и делопроизводственных связей) патриаршего документа. Речь идет об инструкции (ὁλοτύπισις) патриарха Антония от 29 октября 1393 г. византийским послам, отправлявшимся с важной инспекторской миссией на Русь. Этот документ (как и все прочие, содержащиеся в регистре) был уже давно издан, а затем перепечатан в VI томе «Русской исторической библиотеки»². Тем не менее он почему-то совершенно не привлек к себе внимания исследователей, если не считать двух-трех кратких упоминаний о самом факте посольства³. А между тем сведения, которые заключены в нем, поистине уникального свойства и явно заслуживают рассмотрения по существу.

* Печатается по изд.: Вспомогательные исторические дисциплины. 1976. Т. VII.

¹ Детальный кодикологический, палеографический и дипломатический анализ рукописи впервые осуществлен Даррузесом (*Darrouzès J.* Le registre synodal du patriarcat byzantin au XIVe siècle. Etude paléographique et diplomatique. Paris, 1971). См. также: *Hunger H.* Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. T. I. Wien, 1961. S. 55.

² *Miklosich Fr., Mülliez Jos.* Acta et diplomata graeca medii aevi (далее — MM). V. II. Vindobonae, 1862. P. 194—197, N 450 (а не 451, как ошибочно указано Даррузесом: *Darrouzès J.* Op. cit., P. 384); Памятники канонического права. Ч. I. Изд. 2-е. СПб., 1908 [Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. VI]. С. 283—291, № 42.

³ См.: *Голубинский Е.* История русской церкви. Т. II. 2-е изд. М., 1900. С. 316, прим. 2; *Gerland E.* Das byzantinische Registerwesen // Archiv für Urkundenforschung, 1933, Bd. 13. S. 32, 34, Anm. 3; *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565 bis 1453. Bd. 5. München — Berlin, 1965, N 3241. Особенно удивительно, что этот яркий эпизод в истории русско-византийских отношений никак не отражен в обстоятельных исследованиях Баркера и Даррузеса, посвященных соответственно событиям, происшедшим в царствование императора Мануила II Палеолога (в книге Баркера имя Алексея Ларона даже не упоминается), и деятельности всех служб константинопольского патриархата [*Barker J. W.* Manuel II Palaeologus (1391—1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick, N. J., 1969; *Darrouzès J.* Recherches sur les ὁφφίκια de l'église byzantine. Paris, 1970], а также в работах, специально посвященных русско-византийским отношениям в XIV в. (например: *Ševčenko I.* Russo-byzantine Relations after the Eleventh Century. In: Supplementary Papers Summaries of XIIIth International Congress of Byzantine Studies. Oxford, 1966. P. 19—25; *Lilienfeld F. v.* Russland und Byzanz im 14. und 15. Jahrhundert. — Ibid., P. 25—32; *Tinnefeld F.* Byzantinisch-russische Kirchenpolitik im 14. Jahrhundert // Byz. Zeitschrift, 1974, Bd. 67. S. 359—364; etc.).

Интересен уже сам подбор послов: ими были архиепископ вифлеемский Михаил и придворный чиновник (οἰκεῖος)⁴ византийского императора Мануила II Палеолога Алексей Аарон. Факт весьма показательный для практики византийского посольского дела: послы-апокрисиарии выбраны и посланы на Русь (ἐξελέγητε καὶ ἀπεστάλητε εἰς τὴν Ῥωσίαν) совместно императором и патриархом, проинструктированы устно (ὅσα ἀπὸ στόματος πρὸς ὑμᾶς εἶπομεν), а «для большей надежности» снабжены письменным «наказом». Подобные объединенные «светско-духовные» посольства были отнюдь не редкостью в Византии⁵, но их гетерогенность, видимо, сознавалась самими византийцами, так как в нашем случае патриарх специально обратил на это внимание и предостерег апокрисиариев от возможных разногласий. «Говорим и наказываем вам, — гласит ὑποτίθωσις, — чтобы вы прежде всего имели духовное единение и согласие, как мы вас соединили (καθὼς ὑμᾶς ἡνώσαμεν), и соблюдали бы мир и любовь между собою, о чем мы вам часто наказывали. Ибо ни ты, архиепископ, не должен никогда говорить, что избран мною, патриархом, или что имеешь от меня особую грамоту (γράμμα ἴδιον) или просто какое-то слово, которого не знает Аарон; ни ты, Аарон, [не должен] говорить, что избран и послан высочайшим и священным моим самодержцем и имеешь какое-либо особое его указание (τινὰ ἴδιον ὀρισμὸν αὐτοῦ), которого не знает архиепископ вифлеемский; мы вместе, священный император и я, избрали вас и, что имеем сказать через грамоты или устно (διὰ γραμμάτων καὶ ἀπὸ στόματος), передали вам обоим, так что никто из вас не имеет ничего особенного и сокрытого, но все сделано для вас общим и явным. А поскольку вы так соединены нами и не имеете никакой причины для раздора, то вы и должны пребывать в согласии и мире между собою, прежде всего во славу Бога и нас, избравших вас для этого дела, потом — и для вашей чести». Послам предписано иметь при себе все грамоты (πάντα τὰ γράμματα ἔχετε ὑμεῖς μεθ' αὐτῶν)⁶, а по приезде в Москву сообщая отдать их «преосвященному митрополиту Киева и всея Руси [Киприану] и благороднейшему великому князю (μέγαν ῥήγα)⁷ всея Руси [Василию I Дмитриевичу]». Любопытны также конкретные указания о поведении послов во время переговоров в Москве. «Всякий раз, —

⁴ Об этой категории «вассалов» византийского императора см.: Verpeaux J. Les οἰκεῖοι. Notes d'histoire institutionnelle et sociale // Revue des études byzantines (далее — REB). 1965. Т. 23. Р. 89—100.

⁵ Об организации посольского дела в поздней Византии см.: Медведев И. П. К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи // Виз. временник. 1972. Т. XXXIII. С. 129—139 (с указанием литературы вопроса).

⁶ Как явствует из всего последующего текста документа, имеются в виду знаменитое послание патриарха великому князю Московскому Василию I Дмитриевичу, письма митрополиту Киевскому и всея Руси Киприану, епископу новгородскому Иоанну и новгородскому клиру, архиепископу суздальскому Ефросинию. Текст этих документов также сохранен данным патриаршим регистром; см. соответственно: cod. Vindob. hist. graec. 48, f. 74^v—76^v (MM, II. Р. 188—192, N 447), 70^v (MM, II. Р. 180—181), 70—74^v (MM, II. Р. 181—187, N 446), 77—77^v (MM, II. Р. 192—194, N 449). Были ли при апокрисиариях, помимо перечисленных писем и инструкций, также «верительные грамоты» (Litterae credulitatis), которыми снабжались обычно византийские послы, сказать трудно; о документах этого типа см.: Dölger F. Regesten, NN 3396, 3355 и др.; Dölger F., Karayannopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre. Bd. I: Kaiserurkunden. München, 1968. S. 105—107.

⁷ О титуле ῥήξ (rex), которым в византийских и западных источниках наделялись русские князья, см.: Soloviev. A. V. «Reges» et «Regnum Russiae» au moyen âge. — Byzantion, 1966, t. 36. Р. 144—173.

говорится в инструкции, — как вы увидите их [т. е. митрополита и великого князя. — *И. М.*], по служебным ли делам, ради которых вы посланы, или просто для беседы как друзья и апокрисиарии, по своему ли желанию, или когда они пригласят вас, оба ли вместе, митрополит и великий князь, или каждый из них особо, — беседуйте с ними оба; но никто из вас порознь ни под каким предлогом пусть не видится ни с великим князем, ни с митрополитом».

Теперь о цели посольства: она была, как это явствует из нашего документа, трудной и сложной. Помимо Москвы, апокрисиариям предстояло посетить еще два крупных политических центра на Руси — Великий Новгород и Суздаль, с тем чтобы в первом случае помирить новгородцев с митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном (ссора возникла по поводу апелляционного суда в связи с нежеланием новгородцев судиться у митрополита) и во втором случае — произвести доскональное расследование и вынести свое решение относительно двух русских местечек — (Нижнего) Новгорода и Городца, права на которые оспаривались митрополией и суздальским архиепископством. В данной статье мы отнюдь не задаемся целью входить во все детали и хитросплетения древнерусской церковной истории⁸. Нас интересует нечто совсем иное, а именно — сам механизм расследования, факт широкой проверки документов, выданных византийским правительством и константинопольским патриархатом русским светским и церковным властям, т. е. те вопросы, которые имеют особое значение именно с точки зрения вспомогательных исторических дисциплин, в частности дипломатики и делопроизводства.

По приезде в Великий Новгород (εἰς τὸ μέγαν Νοβογράτιον) послам было предписано выступить на общей «сходке» (σύναξις, именно этим термином обозначено здесь новгородское вече), в присутствии тамошнего епископа, бояр (τῶν ἀρχόντων τῶν ἐκεῖ) и всего остального народа, и «сначала на словах разъяснить им, как для их душевной пользы мы послали вас к ним в столь далекий и опасный путь, как мы скорбим о том, что такое множество христиан отделилось от церкви христовой». После этого послы должны были передать новгородцам адресованные им византийские императорские и синодальные грамоты (τὰ βασιλικά καὶ τὰ συνοδικὰ γράμματα), но сперва — те, что были изготовлены еще до прихода в Константинополь посла новгородцев Кирика, а уж потом — составленные после его отъезда. Грамоты должны были быть всенародно (παρρησίᾳ) зачитаны и заслушаны с тем, чтобы новгородцы «отвернулись от своего заблуждения и злонамеренности, приняли своего митрополита и покорились ему согласно древнему обычаю». С другой стороны, послам предлагалось принять грамоты или послов от самих новгородцев, «если они пожелают их послать или для получения благословения... или по какой-нибудь другой нужде», а если обнаружится, как об этом «устно говорил» во время своего пребывания в Константинополе новгородский посланец Кирик, что у новгородцев имеются византийские императорские хрисовулы и грамоты, то снять с них точные, «слово в слово», копии (τὰ ἴσα αὐτολεξεῖ) и доставить их в Константинополь.

Еще более детальное задание было получено послами в отношении спорного вопроса о Нижнем Новгороде и Городце. обстоятельно изложив существо дела, инструкция предписывает послам потребовать (ζητήσατε) в присутствии обеих сторон, т. е. митрополита Киприана и архиепископа суздальского Евфросиния,

⁸ См. об этих сюжетах: Голубинский Е. История русской церкви. Т. II. С. 306 и сл.

пожалованные им раньше императорские и патриаршие грамоты. Если по прочтении этих грамот послы найдут, что они были даны по иску (ἐξ ἀναφορᾶς) суздальского архиепископа о принадлежности указанных городов его церкви и по жалобе на притязания митрополита, то послы должны потребовать, чтобы суздальский архиепископ представил или грамоты, или свидетелей, или какие-то другие доказательства, которые бы подтвердили истинность его иска, причем свидетели предварительно должны были принять от архиепископа вифлеемского письменное предупреждение с угрозой отлучения за ложные показания (βάρος ἀφορισμοῦ ἐγγράφως). В случае, если архиепископ суздальский представит все это, инструкция предписывала решить дело в его пользу, т. е. закрепить за Суздаlem спорные местечки, если же архиепископ не сможет доказать своих прав, то послам (по существу, скорее, судьям) вменялось в обязанность забрать все имевшиеся у него грамоты и доставить в Константинополь, а всю церковную власть над указанными городами передать митрополиту с тем, чтобы «он имел их в качестве своего прихода, как это было раньше». Предусматривалась, правда, и еще одна возможность: грамоты суздальскому архиепископу могли быть выданы в свое время императором не в результате возбужденного против митрополита иска, а по обычной просьбе суздальского епископа пожаловать ему города, принадлежащие митрополии, вследствие чего они и были отчислены от митрополии и приданы суздальской церкви. В таком случае грамоты должны были сохранить свою силу и крепость (τὸ κῶρος καὶ βέβαιον), а архиепископ укреплался в своих правах удерживать в этих городах свою церковную власть. Однако и в этом случае послам предписывалось снять с грамот дословные копии и доставить их в Константинополь.

Эти положения инструкции повторены в грамоте патриарха Антония к суздальскому архиепископу, также дошедшей в составе данного регистра (л. 77—77 об.) и являющейся, очевидно, одной из тех грамот, которые везли с собой византийские послы⁹. Здесь также подробно изложена вся история спора архиепископа и митрополита о Нижнем Новгороде и Городце и прямо указано, что византийские апокрисиарии посланы для того, чтобы расследовать это дело (ἵνα ἐξετάσωσι τὸ περὶ τούτου). Патриарх просит архиепископа беспрепятственно передать апокрисиариям всю документацию, относящуюся к делу, все грамоты, полученные в свое время им и его посланцем в Константинополе старцем Дионисием от византийского императора и патриарха. «Если ты докажешь,— пишет патриарх епископу,— свои права апокрисиариям или посредством других древних и достоверных грамот (διὰ γραμμάτων ἄλλων παλαιῶν καὶ ἀξιόπιστων), или посредством свидетельства честных людей и почтенных старцев, то ваш иск будет признан правильным и наши грамоты, которые ты имеешь, должны иметь силу и нерушимость; если же не докажешь этого, а преосвященный митрополит киевский и всея Руси докажет истинность того, что он утверждает... то грамоты,

⁹ ММ, II. Р. 192—194, № 449; РИБ, VI. С. 277—282, № 41. Грамота сохранилась без даты. Миклошич отнес ее к 1396 г. (см.: ММ, II. Р. 581), но, как убедительно отметили издатели РИБ, из содержания видно, что она написана в одно время с вышеупомянутой инструкцией. Аналогичного мнения придерживается Даррузес, считающий, что все письма, которые Михаил Вифлеемский и Алексей Аарон везли с собой на Русь (т. е. уже упомянутые письма Новгороду, митрополиту Киева и всея Руси Киприану, великому князю Московскому Василию I Дмитриевичу и архиепископу Суздальскому Евфросинию), были составлены в период с июля по октябрь 1393 г. (См.: Darrouzès J. Le registre synodal. P. 73, 384).

сохраняя свою подлинность и тем самым свою честь (τὴν οἰκείαν ἔχοντα καὶ οὕτω τιμῇν), окажутся в таком же положении, как если бы их вообще не было, ибо они родились вследствие ложного иска». Замечание с точки зрения дипломатики весьма важное, так как предостерегает нас от поспешных выводов о подлинности того или иного документа: документы, обладающие всеми признаками подлинности, могут, оказывается, при известных обстоятельствах быть признаны недействительными, не имеющими *fidem publicam*.

В связи с изложенными фактами встает еще один немаловажный вопрос: зачем в Константинополе понадобились точные копии документов, выданных на Русь императорской и патриаршей канцеляриями? Казалось бы, такие копии должны были иметься в самом Константинополе. Правда, к XIV в. та четкая система регистрации выдаваемых императорской канцелярией документов, которую мы наблюдаем в предшествующие века истории Византии, как будто сошла на нет¹⁰. Но изготовление так называемых канцелярских копий, т. е. копий, изготовлявшихся самой императорской канцелярией одновременно с оригиналом документа и являющихся по содержанию и по форме точными воспроизведениями оригинала (за исключением, разумеется, подписи императора, ибо в противном случае копия превратилась бы в оригинал), в принципе было обязательным всегда¹¹. Что же касается патриаршей канцелярии, то именно в поздневизантийское время и в особенности в XIV в. мы наблюдаем заметное расширение практики регистрирования (в юридическом значении этого термина). Если раньше краткие записи о выпущенной документации делались скорее для учета последней, то сейчас, по оценке Герланда, патриаршие регистры приобретают характер нотариальных регистров: внесение в регистрационную книгу явно заменяло выданный документ¹². Любопытно также отметить, что в «священном кодексе Великой Церкви» (так именовались регистры, которые велись канцелярией патриарха) регистрировались и документы, выдаваемые императорской канцелярией и относящиеся к церковной и монастырской собственности, благодаря чему как раз и сохранился текст многих императорских хрисовулов, оригиналы которых были утеряны¹³. Создается впечатление, что прекращение регистрации

¹⁰ Ср.: Gerland E. Das byzantinische Registerwesen. S. 33.

¹¹ Dölger F., Karayannopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre, S. 130. Следует отметить возросшую в поздней Византии роль копии: если в ранневизантийское время копии публичных документов, согласно закону, не могли быть представлены в суд, требовался только оригинал, то с течением времени копии стали признаваться в качестве имеющего законную силу средства доказательства. Однако в отличие от частного акта, который мог быть изготовлен в нескольких экземплярах, каждый из которых был оригиналом (см.: Kübler B. Ἰσον und ἀντίγραφον // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung, 1933, Bd. 53. S. 64—98), публичный акт (например, документ, исходивший из императорской канцелярии) выпускался только в одном экземпляре. Изготовление копий при такой практике, казалось бы, должно было быть просто необходимым. См.: Медведев И. П. Византийская дипломатика в свете некоторых новейших исследований // Вспомогательные исторические дисциплины. [Т.] III. А., 1970. С. 365.

¹² Gerland E. Das byzantinische Registerwesen, S. 32; Darrouzès J. Recherches sur les ὁφίκια. P. 463.

¹³ Darrouzès J. Op. cit., p. 461. Иногда это даже сбивает с толку. Так, копии хрисовулов императора Иоанна VI Кантакузина (см. прим. 17 на с. 379 настоящей работы), сделанные в середине XIX в. А. А. Шифнером с рукописи патриаршего регистра (cod. Vindob. hist. graec. 47. Ср.: Hunger H. Katalog. T. I. S. 55), обозначены в каталоге И. Н. Лебедевой как «Акты Константино-

светскими властями документов, исходящих из императорской канцелярии, связано именно с этим фактом переноса некоторых функций императорской канцелярии на канцелярию патриархата¹⁴. Следует добавить к этому, что последняя отнюдь не ограничивалась фиксацией исходящей документации только через регистры: предполагалось и изготовление копий, как выдаваемых получателю документа, так и откладываемых на хранение в самой канцелярии.

Конечно, нарисованная только что картина делопроизводства в Византии является лишь весьма приблизительной «принципиальной схемой», которая на практике очень часто нарушалась. По словам Герланда, точность регистрации почти целиком зависела от произвола соответствующего должностного лица, как правило хартофилака. «Халатность, — говорит он, — приводила к утрате значительной части документации. В этих условиях у получателей документов уже рано должно было возникнуть желание спасти путем надлежащих мер дословный текст находившихся в их архивах документов»¹⁵. Даррузес, также исследовавший этот вопрос, считает, что императорская и патриаршая канцелярии, выдав единственный экземпляр-оригинал документа, становившийся отныне личным достоянием получателя, вообще не имели средств в случае надобности вновь воспроизвести текст документа¹⁶, т. е. создать неооригинал (*renovatio*), — вывод, который нам лично кажется несколько преувеличенным. Тем не менее Герланд, имея в виду указанный выше факт снятия копий с византийских документов, циркулировавших на Руси¹⁷, имел, по-видимому, достаточные основания для того, чтобы предположить, что виновно в этом было плохо поставленное дело регистрации. «Значит, — говорит он, — при выпуске императорских привилегий не

польского патриархата» (см.: Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 5. Греческие рукописи. Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1973. С. 211).

¹⁴ В этом смысле очень показателен приведенный Герландом пример, относящийся, правда, к несколько более раннему времени: император Михаил VIII Палеолог приказал, чтобы выданная Феодору Скутариоту жалованная грамота была внесена в регистрационные списки, которые вел хартофилак Великой Церкви (ММ, V, 249. Ср.: *Gerland E. Das byzantinische Registerwesen*. S. 34).

¹⁵ *Gerland E. Op. cit.* S. 38.

¹⁶ *Darrouzès J. Op. cit.* P. 463.

¹⁷ Вопрос о византийских документах, выданных на Русь, вообще нуждается в специальном освещении. Стоит, например, подумать о создании особого критического, аналитического и библиографического каталога (типа дэльтерговских «Регест») всех дошедших до нас (а также не дошедших, но упомянутых в каких-либо источниках) византийских и поствизантийских греческих актов, выданных русским получателям. То, что таких документов было великое множество, можно сказать а priori, ибо это диктовалось самим характером отношений между Византией и Русью, принадлежностью последней к юрисдикции константинопольского патриарха и вхождением ее в «византийскую систему государств и народов». [См. об этом: *Медведев И. П.* Империя и суверенитет в средние века: (На примере истории Византии и некоторых сопредельных государств) // Проблемы истории международных отношений. Сб. статей памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 412—424]. Следует также отметить, что особенно интенсивным этот поток документов из Византии на Русь был, как нам кажется, в XIV в., когда в связи с вспыхнувшими в Византии исихастскими спорами и победой исихастов политика Византии в отношении отдельных русских княжеств претерпела изменения. Так, до нас дошли тексты (опять-таки благодаря патриаршему регистру) целого ряда хрисовулов императора Иоанна VI Кантакузина, адресованные русским князьям и иерархам русской церкви (см.: ММ, I. P. 268. № 120; P. 265—266. № 119; P. 261—262. № 117; P. 263—265. № 118; см. также: *Dölger F. Regesten*, NN 2925, 2926, 2927, 2928, 2929).

было изготовлено дубликатов или же они были со временем утеряны». Последнее кажется Герланду более вероятным¹⁸.

Действительно, сама инструкция, данная патриархом архиепископу вифлеемскому и Алексею Аарону, как будто дает основания для такого умозаключения. Так, предлагая апокрисиариям снять копии с новгородских грамот, патриарх подчеркивает: «если они имеют хрисовулы и грамоты, как заявлял здесь устно Кирик» (ὥς ὁ Κύρικος εἶπεν ἐνταῦθα ἀπὸ στόματος); тем самым он обнаруживает свою полную неосведомленность относительно того, какими документами могли располагать новгородцы. Но что касается Суздаля, то здесь дело обстоит несколько по-иному. Уже в инструкции, предлагая апокрисиариям потребовать от суздальского архиепископа грамоты, подтверждающие его права на Нижний Новгород и Городец, патриарх оговаривается: «ибо и мы вспоминаем (ἐνθυμούμεθα γὰρ καὶ ἡμεῖς), что он искал их (т. е. города. — И. М.) в качестве прихода своей церкви и таким образом получил в отношении их грамоты». Еще более определенно выражается патриарх в письме к самому архиепископу Евфросинию. Побуждая того беспрепятственно выдать апокрисиариям все требуемые документы, он дает понять, что знает о существовании таковых: «как мы помним и находим в священном кодексе Великой Церкви» (καθὼς καὶ ἡμεῖς μεμνήμεθα, καὶ ἐν τῷ ἱερῷ κώδικι... εὐρίσκομεν), — говорит он. Итак, в регистре патриархата были уже зарегистрированы и, очевидно, скопированы документы, подтверждающие права Суздаля на оспариваемые города, и тем не менее патриарх требует от апокрисиариев, чтобы они сняли дословные копии с оригиналов этих документов и доставили их в Константинополь. Это уже заставляет нас сделать существенную поправку к умозаключению Герланда¹⁹: речь, очевидно, могла идти о том, чтобы произвести сличение текста документов, находящихся в руках получателей, с текстом этих же документов, но уже скопированных в регистре патриархата, т. е. в конечном счете произвести экспертизу подлинности документов. Была ли эта работа проделана в полном объеме, сказать трудно, но и приведенные данные достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в данном случае мы имеем дело с фактом широкой проверки византийских документов на Руси, с фактом, который лишний раз весьма красноречиво говорит о теснейших узах, связывавших средневековую Русь с Византийской империей.

¹⁸ Gerland E. Das byzantinische Registerwesen. S. 32.

¹⁹ В поисках объяснения причин этого интересного факта (снятия копий) Герланд высказывает и другое соображение: снятие в России копий с императорских документов, полагает он, связано с реформой в области византийской дипломатики. Он имеет при этом в виду известный указ императора Мануила II Палеолога и патриарха Антония от 12 июня 1394 г. о том, чтобы впредь в их документах при датировке указывались не только месяц и индикт, но также день, месяц и год (ММ, II. Р. 214—215, № 462). Этот указ был подкреплён синодальным определением (ibid. Р. 215. N 468; ср.: Gerland E. Op. cit. S. 34. Anm. 3). Нам подобное объяснение кажется несостоятельным хотя бы потому, что указанная реформа была осуществлена значительно позднее нашего события и по своему смыслу никак не могла быть связана с ним.

Б. Н. Флоря

О ПУТЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ)*

Вопрос о путях централизации, о разных методах правительственной политики, направленной на создание единой государственной и сословно-политической структуры после объединения русских земель и княжеств под властью московских государей, давно привлекает к себе внимание исследователей. Однако до сих пор более основательно изучен лишь один вариант централизации, примененный на землях Новгородской и Псковской феодальных республик, с такими характерными чертами, как массовое удаление с присоединенной территории местной части господствующего класса («вывод»), раздача земель местным феодалов в условное держание представителям московских фамилий и создание системы управления, преемственно не связанной с прежними политическим институтами¹.

Между тем уже Л. В. Черепнин в своем фундаментальном труде «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках» отметил разнообразие политических методов, применявшихся при включении отдельных земель и княжеств в состав России². В исследованиях В. С. Шульгина и А. А. Зимина были прослежены некоторые специфические черты правительственной политики по отношению к ряду территорий Северо-Восточной Руси. В. С. Шульгин показал, что ярославские князья сохранили свои земли и после присоединения Ярославля. Затем А. А. Зимин выяснил, что массовый «вывод» феодалов не имел места также на территории бывших Тверского и Рязанского княжеств. Тот же исследователь, дав насыщенную биографическую сводку о представителях феодальной верхушки Тверского и Рязанского княжеств, пришел к выводу о длительности процесса слияния местной знати с московской аристократией³.

* Печатается по изд.: Общество и государство в феодальной России. М., 1975.

¹ О Пскове см.: Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955; результаты изучения политики московского правительства в Новгородской земле суммированы в работе: Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961; ряд уточнений в выводы этого исследователя внесла проведенная коллективом ленинградских историков статистическая обработка новгородских писцовых книг (Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971).

² Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 813—887.

³ Шульгин В. С. Ярославское княжество в системе Русского централизованного государства в конце XV — первой половине XVI в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки,

Уже эти наблюдения говорят о том, что на целом ряде территорий Северо-Восточной Руси политика централизации по своим формам существенно отличалась от хорошо изученных мер по присоединению Новгорода и Пскова. Сохранение на этих землях старого состава земельных собственников позволяет ставить вопрос о том, какова была в этих условиях судьба традиционных форм организации местной власти, как осуществлялось их включение в общерусскую систему управления и изменялся характер их участия в органах власти и как это влияло на взаимоотношения между разными слоями феодалов одной и той же земли.

Ниже мы попытаемся дать ответ на поставленные вопросы на примере Тверской земли⁴.

Существенно, что в Твери не претерпела больших изменений традиционная структура землевладения господствующего класса. Правда, в Тверском сборнике указывается, что Иван III «бояр Тверских много и князей на Москву свел»⁵, но это свидетельство вызывает большие сомнения. Разумеется, не могло быть речи о «своде» тех тверских феодалов, которые перешли на службу к Ивану III еще до присоединения Твери. Они, конечно, вернули себе свои прежние земли⁶. Но и по отношению к тем феодалам, которые еще оставались в 1485 г. под властью тверского князя, свидетельство Тверского сборника можно применить лишь с большими оговорками. Составленная А. А. Зиминим сводка сведений о землевладении и службах членов тверского княжеского рода показывает, что из них был сослан и лишился вотчин лишь один кн. М. Д. Холмский⁷.

Как показывают сохранившиеся фрагменты писцовых описаний Тверского уезда 40-х годов XVI в. и перечни наиболее видных землевладельцев с территории бывшей Тверской земли в составе Дворовой тетради 1551/52 г., еще и в это время десятки представителей тверских боярских родов продолжали владеть землями на территории, некогда входившей в состав Тверского великого княжества⁸. Не менее важно, что в Дворовой тетради не зафиксированы значительные группы феодалов тверского происхождения, которые были бы связаны с уездами, лежащими далеко от Твери. Единственное исключение — Суздаль, где в 50-х годах XVI в. находились на поместьях родственные семьи Шетневых и Зюзиных и одна из отраслей рода Левашовых⁹. Поэтому, можно думать, выселили лишь немногие семьи, что существенно не меняло общей картины.

Показательно, что новая власть признавала законность пожалований тверских князей: еще в середине XVI в. отдельные вотчинники предъявляли при проверке прав на землю жалованные грамоты Бориса Александровича и Михаила Бо-

1958, № 4; *Зимин А. А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI века // *История СССР*, 1973, № 3.

⁴ Подробную характеристику условий, в которых произошло присоединение Твери, и роли местной верхушки в борьбе за присоединение см.: *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 887—895.

⁵ ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стб. 500.

⁶ Свидетельства источников XVI в. о земельных владениях Микулинских, Дорогобужских, Бороздиных в Тверском уезде приведены А. А. Зиминим (указ. соч. С. 127, 129, 131—132).

⁷ Там же. С. 126—129.

⁸ Таких лиц насчитывается 74 человека в уездах бывшей Тверской земли и 48 человек в Торжке — старом «сместном» владении Твери и Новгорода.

⁹ ТКиДТ. С. 153—155; Боярская книга 1556 г. // *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России*, изд. Н. Калачовым, кн. III. СПб., 1861, отд. I, л. 2, 97 об.

рисовича¹⁰. Вероятно, к тому же времени, когда определялось положение Тверской земли в рамках Русского государства, следует отнести и «уложение» Ивана III, устанавливающее для тверских феодалов запрет продавать земли «мимо» своих «городов»¹¹, что объективно способствовало сохранению тверских земель во владении старых местных родов.

Еще более существенно, что Тверская земля и после присоединения продолжала существовать как особое политическое образование — «Великое княжение Тверское», во главе которого уже в 1485 г. стал особый правитель — внук по матери тверского великого князя и старший сын Ивана III Иван Молодой, а после его смерти в 1490 г. тверской стол перешел (хотя без великокняжеского титула) к его младшему брату Василию¹². Эти князья из московской династии осуществляли свою власть в значительной мере через традиционные органы управления «землей». Укажем в этой связи на особую Тверскую думу, в которой по-прежнему заседали представители тверских боярских родов. В местническом споре 1576 г. между представителями тверских родов В. Зюзиным и Ф. Нагим имеется ясное упоминание, почерпнутое, конечно, из родовой традиции тверского боярства, что Иван Молодой «бояр тверских, которые были у прежнего своего государя у великого князя Михаила Борисовича тверского в боярах, тех и у себя пожаловал, в боярех учинил»¹³.

Упоминания о существовании тверских думных чинов имеются и в более ранних источниках (в том числе — официального происхождения). Так, в разряде поездки Ивана III в Новгород в 1495 г. особо отмечено, что его сопровождали «изо тверские земли... бояре»¹⁴. На соборе 1503 г. активно поддерживал великого князя «тверские земли боярин» Василий Борисов [Бороздин]¹⁵. Наконец, в разряде осени 1509 г. также особо выделены в перечне чинов «тверской боярин» П. И. Житов (однородец Бороздиных) и «окольный» А. С. Сакмышев (из тверского рода потомков Александра Леваша)¹⁶.

Упоминание Василия Борисова и П. И. Житова как тверских бояр позволяет раскрыть смысл пометок в «Бархатной книге», восходящей в «Государеву родословцу» 1553 г., что эти представители тверской знати и их братья были «в боярех на Москве и во Твери»¹⁷. Этим указанием составитель «Родословца», несомненно, хотел подчеркнуть их особое положение — отличие одновременно от тверских бояр периода самостоятельности¹⁸ и от московских думных чинов. Пометы в «Бархатной книге» показывают, что в конце V — начале XVI в. тверскими

¹⁰ ПКМГ, ч. 1, отд. 2. С. 168, 169, 197, 256.

¹¹ Упоминания об этом «уложении» сохранились в законодательстве 50—60-х годов XVI в. (ПРП, вып. 4. С. 524, 555—556).

¹² Кашинов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967. С. 25, 31—35 и сл. Некоторые поправки к выводам автора см. в моей рецензии — История СССР, 1969, № 3. С. 182; см. также Зимин А. А. Указ. соч. С. 125—126.

¹³ Русский исторический сборник, ч. V. СПб., 1842. С. 2.

¹⁴ РК. С. 26.

¹⁵ Бегунов Ю. К. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРА, т. XX. М.; Л., 1964. С. 351.

¹⁶ РК. С. 44.

¹⁷ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. М., 1787. С. 141.

¹⁸ Представители предшествующего поколения Г. Н. Бороздин и И. Н. Жито отмечены в том же источнике просто как «бояре во Твери» (там же. С. 143).

боярами были трое братьев Бороздиных: Иван, Петр и Василий и их двоюродные братья Ф. Г. Бороздин¹⁹, П. И. и И. И. Житовы, т. е. едва ли не половина представителей этой ветви потомков Ивана Борозды. Ясно, что в новой Тверской думе местные боярские роды были достаточно широко представлены.

Вместе с тем разрядные книги позволяют выявить и определенные перемены в составе Тверской думы. Так, в записи 1495 г. «тверские бояре» — это представители тверского княжеского рода кн. О. А. Дорогобужский, кн. М. Ф. Телятевский и кн. В. А. Микулинский. В росписи 1509 г. — «тверской боярин» — кн. М. Ф. Телятевский²⁰. Ясно, что с присоединением Тверской земли члены местного княжеского рода утратили статус удельных князей и стали тверскими боярами, заняв в новой Тверской думе первые места²¹. Тем самым московская великокняжеская власть как бы попутно завершила в новых условиях процесс ликвидации уделов внутри Тверской земли, начатый еще в правление тверских великих князей.

Тверские думные чины не были чисто почетными званиями. Об этом говорит прежде всего наличие осуществлявшей решения Думы особой тверской канцелярии, существование которой подтверждается формулярным анализом документов Ивана Молодого и княжича Василия. Если одни из них воспроизводили московские образцы²², то в других — очевидны отступления от этого формуляра²³, а в третьих — налицо явное влияние терминологии тверских актов периода самостоятельности²⁴.

Еще более существенны в этом плане военно-административные назначения тверских бояр. Особенно важны здесь сведения о передаче в управление тверским феодалам городов и волостей на территории Тверской земли. Сохранилась купчая конца XV в. на земли в Кашинском уезде, представленная на утверждение «боярина великого князя Ивана Борисовича»²⁵. И. А. Голубцов отождествил данное лицо с тверским боярином И. Б. Бороздиным и сделал правильное заключение, что он занимал пост кашинского наместника. Известна также грамота князя Василия о передаче Покровской волости в управление И. Г. Садыку из тверского боярского рода Шетневых²⁶.

¹⁹ Там же.

²⁰ РК, с. 44. См. также пометку в «Государеве родословце», что «он был во Твери и на Москве в боярах» («Родословная книга...» ч. 1. М., 1787. С. 64).

²¹ По мнению А. А. Зимина, «некоторые из тверских княжат сохранили остатки своих суверенных прав и по своему положению приближались к довольно влиятельной прослойке «служилых княжат» (указ. соч. С. 142: ср. С. 129). К сожалению, автор не определяет точнее, в чем заключались эти «остатки суверенных прав» и в чем именно тверские князья «приближались» к «служилым княжатам».

²² АСЭИ, т. I. № 517—519.

²³ Б. И. Флоря. Кормленные грамоты XV—XVI вв. как исторический источник. — АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 116.

²⁴ См. жалованную грамоту 1486 г. А. Шетневу (АСЭИ, т. III, № 180) с употреблением таких характерных для грамот тверских князей оборотов, как «не надобе... некоторая пошла, никакова тягота», «А сплететца Офонасьев человек з городским человеком» и др. Влияние старой тверской терминологии см. также в «льготной» записи, выданной в 1496 г. «по слову» князя Василия Ивановича дворским Жабенской волости Кашинского уезда местным крестьянам (там же. № 163).

²⁵ Там же. № 166.

²⁶ Там же. № 183 и прим.

Показательно, что в конце XV в. тверское войско в ряде случаев ходило в поход во главе со своими воеводами. Разряды 1493 г. фиксируют, что «того ж году была на берегу (т. е. на Оке. — Б. Ф.) из Твери воеводы»: кн. О. А. Дорогобужский, кн. М. Ф. Телятевский и И. Б. Бороздин²⁷. В Псковской I летописи отмечено, что в составе армии, ходившей в 1500 г. на Ливонию, были «тверские воеводы Иван да Петр оба Борисовича с тверици»²⁸.

Сказанное о думных чинах в значительной мере можно отнести и к чинам «дворцовым». Продолжало существовать дворцовое хозяйство тверских князей: в писцовом описании Тверского уезда конца 40-х годов XVI в. зафиксированы волостки и деревни «ловчего» и «сокольничьего» «путей»²⁹, где «сокольники» и «псары» предъявляли в обоснование своих прав на землю жалованные грамоты великого князя Михаила Борисовича³⁰. Сохранялись и «чины», управлявшие этими землями. Описывая земли «ловчего пути», писцы 40-х годов дважды отметили: «а владеют деревнями ловчие тверские»³¹. Таким образом, в середине XVI в. особый чин тверских ловчих сохранялся как реальная, а не почетная должность: передача в управление ловчим определенных земель «ловчего пути», несомненно, была связана с несением определенных служб (поддержание в порядке великокняжеских охотничьих угодий и др.).

Все это позволяет утверждать, что в Тверской земле после присоединения уцелела в своей основе не только традиционная структура землевладения, но частично и система старых политических институтов, в немалой степени обеспечивающих сохранение власти в «земле» в руках местной феодальной верхушки.

Вместе с тем почти с самого момента присоединения эта традиционная система организации власти начинает трансформироваться под сильным воздействием московского великокняжеского центра. Наряду с особым князем и его думой можно отметить существование в Твери особого наместника — московского боярина В. Ф. Образца, поставленного самим Иваном III³². Уже Иван Молодой раздавал должности наместников и волостелей в тверских землях выходцам из московских родов. В 1488 г. в Холме был волостелем владимирец Нечай Обобуrow³³. При княжиче Василии в 1490 г. половину Зубцова получил в кормление сначала К. С. Пешков (из рода Сабуровых), а затем — И. Г. Осока (из потомков князей Фоминских, служивших на Москве уже в XIV в.)³⁴. В 1492 г. волостелем в Старице был кн. Василий Тулуп из рода Стародубских князей³⁵. Хотя они получали

²⁷ РК. С. 23.

²⁸ ПЛ, вып. I. С. 85. Косвенно на существование таких порядков указывает и тот факт, что в ряде разрядов отдельные полки возглавлялись только тверскими воеводами. Так, в рати, ходившей в 1493 г. на Литву во главе с кн. Д. В. Щеней, все воеводы полка левой руки были тверскими князьями и боярами (РК. С. 23), и то же самое повторилось во время похода на Литву в 1500 г. (там же. С. 30).

²⁹ ПКМГ, ч. I, отд. 2. С. 160, 177, 258, 287, 288, 290.

³⁰ Там же. С. 160, 177.

³¹ Там же. С. 287, 290.

³² ПСРЛ, т. XV, стб. 500. Характер власти В. Ф. Образца из источника неясен.

³³ Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882. С. 37. О связи Обобуrowых с Владимиром см.: АФЗиХ, ч. II, № 276, 279.

³⁴ АСЭИ, т. III, № 181; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 171, 172, 363—365.

³⁵ Сб. РИО, т. 35. С. 74.

свои должности скорее всего как члены двора тверского князя³⁶, все же такие назначения означали постепенную утрату местным боярством монополии на административные должности в Тверской земле.

Новая власть активно содействовала и изменению характера поземельных отношений в Тверской земле, раздавая земли по новым выработанным в Москве формам условного держания — поместного права. Как видно из позднейших упоминаний в Тверской писцовой книге конца 40-х годов XVI в., такие поместные грамоты выдавал уже в 80-х годах XV в. Иван Иванович Молодой³⁷. Развитие поместной системы ослабляло самостоятельную позицию тверского боярства по отношению к государственной власти и одновременно изменяло и состав землевладельцев. Уже в 80-х годах поместья давались феодалам московского происхождения. Так, поместье от Ивана Молодого получил москвич Белеутов.

Кроме мер по переустройству местных порядков можно отметить попытки распространить на территорию Тверской земли сферу действия центральных правительственных органов: наряду с поместными грамотами Ивана Молодого упоминаются и поместные грамоты Ивана III, выданные в 1487—1488 гг.³⁸ Еще более интересна в этом плане мировая старицких вотчинников Карачевых³⁹, которая в 1490/91 г., когда в Твери сидел собственный князь, была представлена на утверждение боярину Ивану III кн. И. Ю. Патрикееву, рассматривавшему дело со своим судьей В. Чубаровым⁴⁰ и московским же феодалом И. Д. Татищевым. К этому следует добавить и посылку из Москвы во второй половине 1491 г. писцов «тфёрския земли писати по-московски в сохи»⁴¹.

Окончательное подчинение местной тверской администрации центральным правительственным органам произошло к концу 90-х годов, когда Тверская земля перестала быть особым княжеством⁴².

Прекратилось существование особой тверской канцелярии, а города Тверской земли были включены в состав тех административных центров, откуда не входящие в компетенцию местных властей дела должны были поступать на рассмотрение великокняжеского суда в Москве⁴³. Разбор таких дел стал одной из функций нового административного органа — Тверского дворца. В духовной Ивана III 1504 г. «тверской дворецкий» уже фигурирует со штатом подчиненных ему «тверских дьяков» и «приказщиков»⁴⁴. Он осуществлял управление местными дворцовыми землями, по его приказу выдавались жалованные грамоты феодалам на тверской территории, а суд дворецкого имел для населения значение высшей апелляционной инстанции⁴⁵. Дворецкие не назначались из числа мест-

³⁶ Дворянами Ивана Молодого дипломатический документ 1488 г. называет таких лиц, как князь В. Оболенский и Ю. Елизаров-Добрынский (Сб. РИО, т. 35. С. 16).

³⁷ ПКМГ, ч. 1, отд. 2. С. 200 (поместная грамота июня 1489 г.), С. 239 (поместная грамота 1485/86 г.).

³⁸ ПКМГ, ч. 1, отд. 2. С. 162, 202.

³⁹ АСЭИ, т. 1, № 549.

⁴⁰ О В. Чубарове как члене судейской коллегии при И. Ю. Патрикееве см.: АСЭИ, т. II, № 400, 402, 409, 411, 412; т. III, № 48а. С. 73.

⁴¹ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859. С. 223.

⁴² Зимин А. А. Указ. соч. С. 126; ср. Кашианов С. М. Указ. соч. С. 44, 48, 51—52.

⁴³ См. ст. 30 Судебника 1497 г. (Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952. С. 23).

⁴⁴ ДДГ, № 80. С. 363.

⁴⁵ О деятельности областных дворцов первой половины XVI в. см.: Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки, т. 63.

ных феодалов, а все были представителями близких великому князю старомосковских боярских фамилий⁴⁶.

В качестве верховного судьи дворецкий был как бы преемником тверского князя Василия Ивановича, но можно отметить одно важное отличие: если князь по традиции должен был разбирать дела вместе с думой, то дворецкий не был связан этими нормами. Запись судебного дела между клинскими феодалами, производившегося в Тверском дворце на протяжении 30-х годов XVI в.⁴⁷, показывает, что судебные решения принимались дворецкими единолично, а судьи, высылавшиеся для первоначального расследования, могли и не принадлежать к числу местных феодалов⁴⁸. Кроме того, свой суд дворецкие вершили на Москве⁴⁹, что также ограничивало воздействие на него местных сил.

Вместе с тем Тверская земля продолжала оставаться особым целым со своими «чинами», своим войском и, очевидно, своим аппаратом власти, хотя и подчиненным теперь непосредственно московскому великокняжескому правительству. Новые важные изменения произошли в 1504 г.

Как известно, по завещанию Ивана III Тверская земля пошла в раздел между всеми членами великокняжеской семьи. Главный центр земли — Тверь с двумя небольшими городами Клином и Городней отходил к главному наследнику Василию III, второй после Твери город — Кашин должен был получить Юрий Иванович, Зубцов и Опоки — третий сын, Дмитрий Жилка, и, наконец, самому младшему из сыновей — Андрею передавались Холм, Старица, Новый городок и волости Олешня и Синяя⁵⁰.

С выполнением распоряжений завещания отдельные части Тверской земли оказались в составе четырех разных княжеств. Правда, некоторые из них (уделы Дмитрия, затем — Юрия) к началу 30-х годов XVI в. прекратили свое существование, но это не привело к восстановлению старых административно-территориальных связей Кашина и Зубцова с Тверью⁵¹. Поэтому к 1504 г. можно отнести рубеж, на котором окончилась история Тверской «земли» как особого, сложившегося еще в XIII в. политико-территориального целого.

Отдельная организация тверских феодалов (Тверской двор) сохранялась некоторое время и после событий 1504 г.⁵², но те группы тверских феодалов, которые оказались под властью удельных князей, в его состав больше не входили. В равной мере было подтверждено Василием III «уложение», запрещавшее отчуждать тверские земли «иногородцам», но в новой ситуации его действие касалось

С. 185—186; *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1962. С. 40—42.

⁴⁶ *Зимин А. А.* О составе... С. 189, 192, 197; *Леонтьев А. К.* Указ. соч. С. 128—129.

⁴⁷ АГР, т. I, № 49.

⁴⁸ Так, один из последних судей, разбиравших дело, — Г. Ф. Заболоцкий в середине XVI в. служил по Можайску (ТКиДТ. С. 184).

⁴⁹ О докладе судных списков на Москве прямо говорится в указанном судебном деле. См. также ряд упоминаний в тверских писцовых книгах середины XVI в. о грамотах, которые «залегли» на Москве «в суде» у дворецких (*Леонтьев А. К.* Указ. соч. С. 128—129).

⁵⁰ ДДГ, № 89. С. 357, 359, 360.

⁵¹ Эти города оказались в ведении Углицкого и Дмитровского дворцов, созданных для управления бывшими уделами братьев Василия III.

⁵² Еще в разрядной записи января 1542 г. тверские феодалы кн. С. И. и Д. И. Микулинские, а также Н. В. Борисов были выделены особым заголовком «Двор тверской» (Сб. РИО, т. 59. СПб., 1887. С. 148).

лишь Твери и Микулина⁵³ и никак не могло повлиять на мобилизацию земельной собственности в составе московских уделов⁵⁴.

В результате была не только перекроена политическая карта Тверской «земли», но и разрушена та основа, на которой зиждилось ее историческое единство, — общая корпоративная организация тверских феодалов.

Одновременно создавались и более благоприятные условия для дальнейшей ломки еще сохранившихся на собственно тверской территории особых политических институтов: Тверского двора и связанных с Тверской думой традиционных органов управления.

Выше уже говорилось о включенной в «Государев родословец» росписи тверского рода Бороздиных, составители которой внимательно фиксировали «тверское боярство» отдельных его членов. При этом обращает на себя внимание, что пометкой «был (или: были) на Москве и во Твери в боярех» в росписи отмечены лишь лица, действовавшие до начала XVI в.⁵⁵ Из следующего поколения представителей этого рода никто такого определения уже не получил. В разрядных книгах лица, носящие титулы тверских бояр и окольничих, отмечены в последний раз в записи от осени 1509 г. Сопоставление этих двух фактов позволяет сделать вывод, что где-то сразу после 1509 г. особые чины «тверских» бояр и окольничих были упразднены. Характерно, что именно в это время обрушилась опала на семью «тверского» боярина М. Ф. Телятевского. Телятевские в течение длительного времени не только не получали разрядных назначений, но и утратили свои родовые вотчины⁵⁶. Этот факт приобретает особое значение, если учесть, что к 1509 г. М. Ф. Телятевский был старшим среди тверских князей и, следовательно, возглавлял Тверскую думу. Его опала — определенный показатель того, что упразднение думных чинов натолкнулось на какое-то сопротивление тверского боярства.

Теперь вопрос о назначениях на административные должности на территории Тверской земли должен стать исключительным делом московских правительственных органов. Это обстоятельство кажется особенно существенным, так как именно в первые десятилетия XVI в. утвердилась та практика административных назначений, когда представители верхушки господствующего класса получали посты и наместников и волостелей не на тех территориях, где располагались их земельные владения⁵⁷. К сожалению, у нас нет данных об административных назначениях на территории Тверского или Клинского уезда той поры, но можно думать, что и эти территории не составляли исключения из общего

⁵³ ПРП, вып. 4. С. 524.

⁵⁴ Положение отдельных частей Тверской земли в составе уделов XVI в. заслуживает особого исследования.

⁵⁵ См. сводку данных о службах членов рода Бороздиных в конце XV — начале XVI в.: *Зимин А. А.* Феодальная знать... С. 131—132.

⁵⁶ С осени 1509 г. М. Ф. Телятевский и его сын Иван исчезают из разрядов, где представители этой семьи снова появляются лишь в 1544 г. (РК. С. 107). В Дворовой тетради внуки М. Ф. Телятевского — Василий и Петр записаны как «ярославские помещики» (ТКиДТ. С. 123). У одного из них, Василия, как отмечено в Боярской книге 1556 г. (л. 6), — «вотчины нет, поместья на 300 четвертей».

⁵⁷ Об этом ясно свидетельствует проведенное Н. Е. Носовым систематическое сопоставление корпоративной принадлежности кормленщиков и местоположения отданных им в управление земель (*Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 423—525).

правила. Ведь уже в конце XV в. административные должности в Тверской земле стали раздаваться московским феодалам, а при Василии III даже на тверские дворцовые должности назначались представители московских родов⁵⁸.

Правильность такого заключения определенно подтверждается и тем, что тверская знать стала получать административные назначения в других районах русского государства. Наиболее раннее свидетельство такого рода относится к разрядам под 1509 г., где говорится о пребывании кн. М. Ф. Телятевского на посту владимирского наместника⁵⁹. В 20-х годах XVI в. и кн. В. А. Микулинский побывал наместником во Пскове и Смоленске, а в 1546/47 г. Д. И. Микулинский был наместником в Рязани⁶⁰. Подобные назначения получали не только представители княжеской верхушки. Уже при Василии III клинский феодал Д. Хидыршиков держал в кормлении волость Кузь Костромского уезда⁶¹, а в 1541 г. тверич Ф. Киндырев стал наместником на Вологде⁶².

Одновременно была ликвидирована и военная обособленность тверских войск. Разряды первых десятилетий XVI в. уже не знают группировки тверских воевод по отдельным полкам. Разделение списков «голов» в текстах разрядов на лиц «Московской» и «Новгородской» земель (тверичи причислялись к первой группе)⁶³ показывает, что Тверская земля более не рассматривалась как особое военно-административное целое.

В этих условиях дальнейшее существование Тверского двора становилось чистой формальностью для представителей тверских княжеских и боярских родов, которым служба по особому тверскому списку могла создавать лишь помехи в их новой общерусской военно-административной карьере⁶⁴. Включение тверских феодалов к концу 40-х годов в состав общерусского Двора⁶⁵ и последовавшие затем первые назначения в Думу тверских князей и бояр⁶⁶ означали уже не только фактическое, но и формальное упразднение особого положения тверских феодалов в составе общерусского господствующего класса.

Резюмируем основные итоги правительственной политики по отношению к Тверской земле. Постепенное отстранение местной феодальной верхушки от

⁵⁸ Так, тверским ловчим был при Василии III И. А. Бобрище из рода Пушкиных (*Долгоруков П. В. Российская родословная книга...*, т. IV. СПб., 1857. С. 58).

⁵⁹ Известны также судные списки 1501 г. галицкого наместника А. Шетнева (АСЭИ, т. III, № 250—251), но они могли быть выданы после переселения семьи Шетневых в Суздаль.

⁶⁰ *Зимин А. А. Список наместников Русского государства первой половины XVI в. // АЕ за 1960 г. М., 1962. С. 37, 39.*

⁶¹ *Зимин А. А. Феодальная знать... С. 134.*

⁶² *Зимин А. А. Список... С. 29.*

⁶³ РК. С. 94, 96.

⁶⁴ Думается, именно формальное существование особого Тверского двора было одной из причин того, что ни в правление Василия III, ни в малолетство Ивана IV никто из тверских князей или бояр не смог попасть в состав Думы.

⁶⁵ Как указывал В. Д. Назаров, в список князей и детей боярских, составленный, вероятно, осенью 1547 г. в связи со свадьбой Юрия, брата Ивана I, тверские феодалы были внесены под заголовком «Тферь», а не «двор тверской», как это имело место в 1542 г. То же и в Тысячной книге 1550 г. (ТКиДТ. С. 56, 79—80).

⁶⁶ К 1550 г. стал боярином кн. С. И. Микулинский, в начале 50-х годов получил околичничество В. П. Борисов из рода Бороздиных (*Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 62*), кн. Д. И. Микулинский попал в число детей боярских «1-й статьи», т. е. ближайших кандидатов на думные должности (ТКиДТ. С. 56).

управления этой территорией было связано с ликвидацией и системы традиционных политических институтов, и самой «земли» (как особого политического и территориального целого). Одновременно произошло постепенное превращение этой верхушки в неотъемлемую составную часть общерусской организации верхов господствующего класса — «Государева двора» и ее приобщение к общерусской организации государственной власти.

Одним из важнейших следствий такой политики стало глубокое нарушение исторически сложившегося единства тверских феодалов, заключавшегося в их общей связи с интересами земли, сначала как особого княжества, а потом — автономной политической единицы в рамках русского государства. Общерусская административная карьера представителей тверской знати вела к ослаблению их местных интересов и связей, их заинтересованности в политическом контакте с тверскими феодалами. Вместе с тем, выступая за пределами Тверской земли как представители правительственного аппарата, чуждые местным сословным группам, аристократы-«кормленщики» постоянно оказывались с ними в конфликте. Естественно, что для этой верхушки вопрос о борьбе за автономию Тверской земли в новых условиях утрачивал всякий смысл.

В свою очередь и широкие круги мелких и средних феодалов утрачивали интерес и к сохранению старых традиционных форм организации, и к политическому взаимодействию с социальными верхами своей «земли». Отсюда — оформившаяся к середине XVI в. программа создания органов власти на местах из среды выборных представителей дворянства, никак не связанная с восстановлением старых «земель» и явно ущемляющая права всех кормленщиков.

Таким образом, для разных слоев феодалов старое понятие «земли» потеряло всякое значение, и между ними наметилось серьезное расхождение интересов на почве разного отношения к характеру общерусской системы управления.

Этот важнейший объективный итог политики централизации на землях Северо-Восточной Руси следует учитывать и при анализе отношений между господствующим классом и государственной властью, и при изучении генезиса форм сословного представительства в России.

Специфика такого варианта централизации на стадии складывания сословно-представительной монархии ярко выступает при сопоставлении с процессом политического объединения польских земель в XIII—XIV вв. Отдельные «земли», вошедшие в состав возрожденного Польского королевства, в значительной мере сохранили возникшие в предшествующий период местные «чины», и королевская власть признала, что эти должности могут замещаться только местными землевладельцами. В результате территориальные сословные организации феодалов сложились в Польше на основе исторических «земель», и политическое руководство этими организациями оказалось в руках представителей местной верхушки. Выступая в глазах широких слоев мелких и средних феодалов как защитники особых интересов и привилегий земли, польские магнаты сумели добиться того, что в конфликтах с государственной властью масса польского «рыцарства» к концу XIV в. стала на их сторону, добиваясь расширения полномочий местных «чинов» за счет компетенции королевской власти.

Х. Ловмянський

РУССКО-ЛИТОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XIV—XV вв.*

На Руси феодальная раздробленность приобрела большие размеры, чем в других славянских странах, что объясняется отчасти географическими причинами, отчасти неблагоприятными внешнеполитическими условиями — натиском кочевников, вызвавшим значительное ослабление русских политических центров, а вместе с тем и центробежные стремления. Государственное объединение разрозненных русских земель привлекало должное внимание как дореволюционной русской историографии, занимавшейся главным образом политической стороной проблемы, так и советской, выяснявшей экономические и социальные причины этого процесса. Особенно много сделал в этом отношении Л. В. Черепнин, капитальный труд которого посвящен образованию Русского централизованного государства¹.

Однако на Руси процесс политического объединения протекал более сложным путем, чем во многих других странах; ему сопутствовало образование из единой раннесредневековой древнерусской народности трех народностей: великорусской, украинской и белорусской, — и он не привел в средневековый период к созданию единой политической системы, охватывающей все восточное славянство.

Не касаясь этой сложной проблемы во всем ее объеме, мы ограничимся постановкой вопроса о существовании двух главных центров объединения русских земель — великорусского в Москве и литовского в Вильно. Правда, часть русских (украинских) земель вошла в состав Польского королевства (после 1340 г.), однако Польша притязала на аннексию только части русских земель и не претендовала на роль объединительного центра всей Руси, как Москва и Вильно.

Программа объединения всей Руси под единой государственной властью нашла отражение прежде всего в великокняжеском титуле, на что уже давно обращено внимание в научной литературе. Небезынтересно установить место и время присвоения князьями некоторых политических центров титула «всея Руси». Спорадически этот титул, а скорее еще эпитет встречается уже в XII в. по отношению к некоторым киевским князьям. Летописная запись о смерти Владимира Мономаха (1125 г.) гласит между прочим: «великий князь всея Руси Володимерь Мономах...»² Конечно, это только торжественный оборот. Точно так же в сообщении о смерти Всеволода Юрьевича (1212 г.) мы читаем: «...преставился великий князь Всеволод... сынъ Гюргевъ, благочестиваго князя всея Руси, внуку Во-

---

* Печатается по изд.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. ст., посвященный Л. В. Черепнину. М., 1972. С. 269—275.

¹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.

² ПСРЛ. Т. II. Изд. 2. Стб. 289.

лодимера Мономаха»³. Знаменательно и то, что сам Всеволод Юрьевич нигде в современных летописях великим князем «всея Руси», как его отец, не назван, очевидно, потому, что не обладал Киевом. Таким образом, в древнейших источниках по данному вопросу слова «всея Руси» находились в связи с обладанием Киевом. Правда, в Ипатьевской летописи о галицком Романе Мстиславиче (ум. 1205 г.) сказано: «[само]держцем бывша всеи Роуской земли»⁴, но это упоминание является очевидной вставкой Ипатьевского списка (ок. 1425 г.), так как оно отсутствует в Хлебниковском и Погодинском списках.

Только с первой половины XIV в. установился официальный титул московских князей: «великий князь всея Руси». Согласно С. М. Соловьеву, этот титул впервые был принят Иваном Калитой и передан им его преемникам⁵; действительно, сохранились акты Ивана Даниловича с наименованием: «князь великий Иванъ Даниловичъ всея Руси»⁶. У его преемника Семена Ивановича даже печать содержала в надписи слова «всея Руси». Однако М. А. Дьяконов подверг сомнению этот почин московского князя и приписал его тверскому князю Михаилу Ярославичу, так как современный константинопольский патриарх Нифонт в послании от 1312—1315 гг. обратился к этому князю с титулом «всея Руси», несомненно, не по собственной, а по русской инициативе⁷. По догадке автора, слова «всея Руси» были вставлены тверским князем в титул в подражание киевским митрополитам, употреблявшим это выражение («всея Руси») в своем титуле в начале XIV в. Эта концепция церковного происхождения слов «всея Руси», несомненно, ошибочна.

Автор упустил из виду, что, по Лаврентьевской летописи (1249 г.), «хановичи» приказали Александру Невскому «Киевъ и всю Руськую землю»⁸. Это важное известие доставляет нам посредствующее звено между книжным употреблением выражения «всея Руси» в XII в. и официальным его характером в XIV в. Из титула Александра Ярославича явствует, что, во-первых, в XIII в. удержалась концепция, связывающая выражение «всея Руси» с обладанием Киевом и по крайней мере с притязаниями на этот центр; во-вторых, выражение «всея Руси» нецерковного происхождения, а, наоборот, митрополиты присвоили его в подражание «гражданской» терминологии; в-третьих, уже при Александре Ярославиче (до половины XIII в.) выражение «всея Руси» превратилось из книжного в официальное; наконец, можно догадываться, что оно было передано традиционным путем от Александра Невского его внуку по прямой линии Ивану Калите (в то время как тверской Михаил Ярославич принадлежал к боковой линии потомков Александра).

Вместе с тем первоначальная связь понятия «всея Руси» с Киевом проливает свет на географическое содержание титула великих московских князей. М. Ф. Владимирский-Буданов полагал, что эти слова присоединились к титулу

³ Там же. Т. I. Изд. 2. Вып. 1. Стб. 436.

⁴ Там же. Т. II. Стб. 715. Испорченный текст гласит: «какoderжцев бывша...» Ср. Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 479.

⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3. Кн. 11. М., 1960. С. 487.

⁶ ГВНП. С. 142 и сл. № 84 (1328—1341 гг.), № 86 (1335—1337 гг.). О датировке последней грамоты см.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 2. М., 1951. С. 116.

⁷ Дьяконов М. А. Кто был первый великий князь «всея Руси»? // Библиограф. Вестник литературы, науки и искусства. СПб., 1890. С. 11—17; ср. Пресняков А. Е. Образование Великоорусского государства. Пг., 1918. С. 109.

⁸ ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 472. Первый из митрополитов, носивший титул «митрополита всея Руси», — Максим, умерший в 1305 г. (ср. Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 108).

великого князя «с того времени, как усилившееся московское великое княжество начало стремиться к установлению единодержавия на всем севере Руси»⁹. Из приведенных данных вытекает, что понятие «всая Руси» заключало в себе не только север, но и юг России. Наш вывод находит подтверждение и в том обстоятельстве, что параллельно с «гражданским» титулом «великих князей всея Руси» образовался церковный титул «митрополитов всея Руси», в этом последнем слова «всая Руси» подчеркивали права митрополита, пребывающего в Москве, на все русские земли, а в особенности на земли, входившие в состав Великого княжества литовского. Таким образом, и параллельный титул московских князей отражал не северорусские, а общерусские претензии.

Реализация этой программы представляла собой весьма трудную задачу: потребовалось полтора с лишним столетия усилий для того, чтобы выполнить ее в пределах великорусской территории. Препятствием воссоединению остальных территорий Древней Руси явилось Великое княжество литовское, в котором образовался второй центр объединительных стремлений.

В период с половины XIII в. (правление Миндовга) по семидесятые годы XIV в. Литовское государство значительно окрепло и во время удачной борьбы с агрессией Тевтонского ордена заняло видное место в политической системе Восточной и Центральной Европы¹⁰. Вместе с тем оно включило в свой состав все белорусские, большую часть украинских и даже часть великорусских земель, достигнув самых больших успехов в этом отношении в правление великих князей Гедимины (ум. 1341 г.) и его сына Ольгерда (ум. 1377 г.). Эти успехи определялись, по-видимому, двумя обстоятельствами: стремлением русских¹¹ земель к образованию политического единства, в особенности ввиду обороны перед татарской агрессией, и постепенным ослаблением Золотой Орды после смерти хана Узбека (1341 г.). Возникает вопрос, сложилась ли в Литве определенная политическая программа по русскому вопросу?

По мнению многих историков, начиная с С. Смольки, литовскую программу по отношению к Руси формулировал Ольгерд в 1358 г., когда его представители, предлагая условия, на которых Литва может согласиться принять католическое крещение, требовали, между прочим, чтобы «вся Русь прямо принадлежала Литве». На основании этих слов историки утверждали, что Литва ставила себе целью объединить в пределах своего государства все русские земли¹². Однако эти слова следует рассматривать в их общем контексте. Главное требование литовцев состояло в том, чтобы удалить Тевтонский орден из Прибалтики и переселить его в «пустыню» между татарами и «русинами» для защиты последних от татарских нападений; вместе с тем литовцы ставили условие, чтобы Орден не сохранил никаких прав по отношению к Руси, которая должна принадлежать литовцам¹³.

⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1900. С. 162.

¹⁰ О начале Литовского государства см.: Паушто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959.

¹¹ Употребляем выражение «русские земли» в смысле «восточнославянских земель».

¹² Smolka S. Rok 1386. Kraków, 1886. Str. 101; *idem*. Kiejstut i Jagietto // «Pamiętniki Akademii Umiejętności w Krakowie. Wydział Filol. i Hist.-Filoz». Kraków, 1889. S. 102; Papee E. Jagiellonowie i Moskwa // Kwartalnik Historyczny. T. 36. Lwów, 1928. S. 41; Halecki O. Grenzraum des Abendlandes. Salzburg, 1952. S. 129—130.

¹³ Hermann de Wartberge Chronicon Livoniae // Scriptores rerum Prussicarum. T. II. Leipzig. 1863. P. 80: «Item postulabant, quod ordo locaretur ad solitudines inter Tataros et Rutenos ad defen-

Ольгерд, очевидно, опасался, как бы Орден не овладел русскими землями, расположенными между Литвой и степной полосой («пустынею»), местом его будущего поселения. Таким образом, слова «вся Русь» здесь можно разуметь не в общем, а в частном значении всех тех русских земель, которые лежали между Литвой и черноморской степью.

Тем не менее не исключена возможность, что выражение «вся Русь» заимствовало из терминологии великорусских князей, хорошо знакомой Ольгерду, женатому на тверской княжне. Если это так, то кажется вероятным, что Ольгерд присвоил себе не только терминологию, но и великорусскую программу государственного объединения всех русских земель. Во всяком случае эту программу старался осуществить Витовт, что особенно ярко проявилось в летописном рассказе о литовско-татарском сражении на р. Ворскле в 1399 г. Как повествует летописец, еще до битвы установилось соглашение между Витовтом и Тохтамышем. Витовт предложил хану: «Азъ ты посажу въ ордѣ на царствѣ, а ты мя посадишь на княженьи на великом на Москве на всей Руской земли»¹⁴. Эти планы рухнули после поражения Витовта в упомянутой битве, они рухнули бы и в случае его победы. Не свидетельствует ли это соглашение об отсутствии политического реализма у талантливого Витовта, возымевшего столь фантастический проект?

Однако, оценивая планы великого литовского князя, мы должны принять во внимание тогдашнюю общую политическую обстановку в Восточной Европе. Литовско-московский конфликт из-за обладания русскими землями уже был в разгаре, Витовт сознавал неотвратимость столкновений в будущем. Несмотря на региональные различия, Русь (в древнем значении этого слова) составляла культурное единство, имела достаточно однородную экономическую и социальную структуру. Витовт намеревался упредить Москву в ее объединительной политике, нанести ей непосредственный удар с помощью Тохтамыша, а когда это не сбылось—поставить при помощи Польши в зависимость от себя отдельные великорусские земли: Новгород и Псков, Тверь и Рязань: в конце концов он стал опекуном своего малолетнего внука, Василия Васильевича (с 1425 г.). Но вскоре, со смертью Витовта (1430 г.), проявилась внутренняя слабость Великого княжества литовского, а отчасти и той более обширной политической системы Ягеллонов, в состав которой оно входило. Литва отреклась от общерусской программы, перешла от наступательного к оборонительному образу действий, стараясь лишь сохранить в границах своего государства те русские земли, которые в них очутились при Витовте. С течением времени сузилось даже понятие Руси, например, в некоторых официальных польско-литовских декларациях: Сигизмунд II Август, высказывая мнение, что его предкам принадлежала вся Русь, исключал из этого понятия Москву¹⁵.

Чем объяснить неудачу литовской политики? Слабой стороной литовского объединительного центра была его отчужденность. Хотя литовцы легко подда-

dendum eos ab impugnatione Tatarorum et quod nihil juris ordo sibi reservaret apud Rutenos. Sed omnis Russia ad Letwinos deberet simpliciter pertinere...».

¹⁴ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 450.

¹⁵ *Diariusze sejmów koronnych 1548, 1553, 1570 rr. // Scriptores rerum Polonicarum. T. I. Kraków, 1872. P. 70 (1553): «maiorum enim nostrorum Russiam semper fuisse, nuncque nos etiam maximam et potissimam eius partem, in qua etiam sedes ipsa ducalis contineatur possidere. Idque adeo quod reliquum Russiae Moschus habeat, nostrum esse et ad nos tamquam patrimonium pertinere quod armis repetere iam pridem deliberatum, certumque sit».*

вались культурному влиянию Руси, а литовские князья и бояре, переселившиеся на Русь, подвергались совершенному обрусению, собственно этнографическая Литва сохранила свою культурную обособленность, а главное, она и не стремилась к слиянию с Русью в культурном отношении. План Ягайлы и его матери Юлианы крестить Литву в православную веру не имел успеха. Литва приняла католичество, а вместе с тем усвоила польский образец феодального политического строя. Со временем по этому образцу, весьма выгодному для класса феодалов, было организовано и русское боярство Великого княжества литовского, что способствовало примирению его с Литовским государством.

Однако в первой половине XV в. отношения между двумя этническими элементами Великого княжества литовского были неприязненными, тем более что во время Витовта литовские бояре занимали привилегированное положение в государстве, не допуская русских бояр к политическому равноправию, отстранив их от высших государственных должностей. По словам Длугоша, «русины» радовались по поводу смерти Витовта, надеясь, что в государстве улучшится положение православных (бояр)¹⁶. Действительно, преемник Витовта, Свитригайло, нашел опору в русском боярстве, не делая различия между ним и боярством литовским в политическом отношении. Тогда литовские бояре в соглашении с польским правительством сбросили Свитригайлу с великокняжеского престола и возвели на него Сигизмунда Кейстутовича: развернулась длительная борьба между двумя великими князьями.

Напрасно отрицает факт недовольства русского населения Литвы политикой Литовского государства западнонемецкий историк Х. Яблоновский¹⁷, между прочим упуская из виду, что к компромиссу с литовским правительством была склонна только феодальная верхушка, в то время как свидетельства Длугоша и других источников того времени относятся к более широким общественным кругам и народным массам. И после устранения Свитригайлы и допущения русских бояр к общим привилегиям не прекратилась эта рознь. Длугош сообщает под 1480 г. о словах короля Казимира, предостерегавшего литовцев не доверять слишком «русинам», так как они в случае войны с Московским княжеством будут желать Литве не победы, а поражения¹⁸. Длугош умер в том же году и не дождался поражений, которые действительно потерпела Литва.

Иван III Васильевич приступил к борьбе с Литвою после объединения великорусских земель. Уже в 1478 г. литовские местные власти извещали гроссмейстера Тевтонского ордена о том, что великий князь московский требует от короля Казимира возвращения ему Полоцка, Смоленска, Витебска и всех других русских земель¹⁹. Но наиболее исчерпывающую формулировку этой программы содержит заявление Ивана Васильевича по адресу короля Александра Ягеллончика: «Ино въдь въдомо зятю нашему Александру королю и великому князю, что русская земля вся, съ божьею волею, изъ старины отъ нашихъ прародителей,

¹⁶ J. Długossii Historiae Polonicae. T. 4. Cracoviae, 1877. P. 418 (1430): «In Withawdi ducis magni morte, etsi nonnulli vultu simulacrent in prospectu tristitiam multi tamen, et praesertim Rutheni, nimium laetabantur, sperantes sibi et sectae suae schismatae meliora, rerum permutatione et Switrigyelli successione, cui Magnum Lituaniae destinabat principatum, proventura».

¹⁷ Jablonowski H. Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Leiden, 1955. S. 101—152.

¹⁸ J. Długossii Historiae Polonicae. T. 5. Cracoviae, 1878. P. 698 (1480).

¹⁹ Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. 2. Coll. A. Lewicki. Kraków, 1894. Nr. 263. P. 289.

наша отчина: и намъ нынѣ своей отчины жаль; а ихъ отчина — Лятская земля да Литовская: и намъ чего деля тѣхъ городов и волостей своей отчины которые намъ богъ далъ ему отступатись? Ано не то одно наша отчина, коя города и волости за нами: и вся Русская земля, Кіевъ, Смоленскъ и иные города, которые онъ за собою держитъ къ Литовской землѣ съ божьею волею, изъ старины отъ нашихъ прародителей наша отчина?»²⁰ Иван Васильевичъ требуетъ возврата всехъ русскихъ земель какъ наследственный владетель, однако его слова отражаютъ вместе с темъ общие центристемительные усилия России.

Тогдашняя попытка московскаго центра увенчалась только частичнымъ успѣхомъ; Великое княжество литовское все время удерживало за собою большую часть занятыхъ имъ русскихъ земель. Литовское боярство достигло этого, опираясь на содействие государства и посредствомъ примирения с русскимъ боярствомъ, въ пределах Великаго княжества литовскаго на основѣ общихъ классовыхъ привилегій.

В заключение следуетъ замѣтить, что с аналогичнымъ явленіемъ сосуществованія двухъ центровъ государственнаго объединенія разрозненныхъ въ періодъ феодальной раздробленности земель мы встречаемся и въ Польшѣ, гдѣ роль втораго центра сыграла Чехія, достигнувъ значительнаго успѣха въ моментъ венчанія польской короной чешскаго короля Вацлава II въ Гнезнѣ въ 1300 г. Успѣхъ не былъ длительнымъ — польская корона осталась въ рукахъ польской національной династіи Пястовъ. Однако соревнованіе двухъ центровъ объединенія страны привело къ тому, что Силезія отошла отъ Польшы къ Чехіи, а затѣмъ оказалась въ рукахъ Пруссіи.

---

²⁰ Сб. РИО. Т. 35. С. 460, 1504 г.; ср. *Базилевичъ К. В.* Внешняя политика Русскаго централизованнаго государства. Вторая половина XV вѣка. М., 1952. С. 540.

И. Ф. Мейендорф

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ СОБОР: ПРИЧИНЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕУДАЧИ*

Ферраро-Флорентийский собор был самой значительной попыткой времен позднего средневековья повернуть ход истории и восстановить единство веры и религии Востока и Запада. Заседания и последующий протокол создавали впечатление воссоединения двух половин христианского мира. На сегодня мы располагаем гораздо более полными знаниями о Соборе, чем во времена бесконечных споров между его сторонниками и критиками, продолжавшихся на протяжении нескольких веков. Теперь в нашем распоряжении не только тексты всех относящихся к делу документов в замечательно полных ватиканских изданиях, но и возможность более широкого подхода к истории Собора. Одной из основных заслуг Джозефа Джилла, в частности, является то, что он подчеркнул роль Флорентийского собора для западного мира, делая вывод о борьбе папства против сторонников Собора, о победе того, что Джилл называет «традиционным строем Церкви»¹.

Этот более широкий взгляд, представленный Джозефом Джиллом в западной перспективе, является прекрасной и, очевидно, необходимой основой дальнейшей «глобализации» истории собора и более широким видением реалий православного мира того времени. Задачей моей работы является изложение некоторых предварительных замечаний с целью лучшего понимания идеи соборности (conciliarity) на Востоке и того, что могло и должно было случиться на подлинно униатском соборе.

1. Флоренция: осуществление византийских надежд

В понимании византийцев слово «вселенский» предполагало особый византийский взгляд на христианское общество. Историки часто подчеркивали политический «имперский» подтекст этого термина. В самом деле, если бы потребовалось привести какой-либо текст для иллюстрации этой мысли, то для этого вполне по-

---

* Печатается по изд.: Византийский временник. Т. 52. М., 1991. С. 84—101.

¹ «Огромным достижением собора для Запада было то, что он обеспечивал победу в борьбе папства против соборной практики и сохранение традиционного устройства Церкви» (*Gill J.* The council of Florence. Cambridge, 1961. P. 411). Эта точка зрения также ясно выражена в работе Джилла «Констанца и Базель — Флоренция», напечатанной в «Histoire des Conciles oecuméniques / Ed. G. Dumeige» (Р., 1965. Т. 9) а также в других публикациях Джилла, посвященных флорентийским «событиям».

дошел бы историк XI в. Кедрин. «Соборы, — пишет он, назывались вселенскими, поскольку епископы всей Римской империи приглашались императорскими указами. И на каждом из них велись дискуссии о вере и выборах, т. е. провозглашались догматические формулы»². Подразумевается, что местные церкви, возглавляемые епископами, объединяются общностью веры, находившей свое выражение в соборах, а также то, что консенсус достигался в рамках экумены — мира, который со времен Константина был формально христианским и в котором император был символом и воплощением социального и религиозного единства. Как известно, эта система часто описывалась (и осуждалась) как «цезарепапизм», однако она едва ли заслуживает такого названия. В памяти византийских христиан прочно сохранялись представления об императорах, которые злоупотребляли своим положением и поэтому назывались узурпаторами, *τύραννοι*, — Констанции I, Валенте, Констанции II, Константине V Копрониме и др., — и созывавшихся ими соборах, которые поэтому были псевдособорами. Таким образом, ни император, ни соборы сами по себе не могли автоматически внушать доверие.

Другим важным элементом византийского мировоззрения был неизменный взгляд на традиционные границы империи. Никогда, даже в XIV и XV вв., византийцы не отказывались от мысли о том, что империя включает в себя и Восток и Запад, что по идее ее территории охватывают Испанию и Сирию и что «Старый Рим» так или иначе оставался ее историческим началом и символическим центром, хотя столица была перенесена в Константинополь. Несмотря на теологические споры с «латинянами», на всеобщую ненависть в «франкам», особенно после крестовых походов, а также недовольство торговой колонизацией византийских земель венецианцами и генуэзцами, идеал всемирной империи продолжал существовать, находя особое выражение с исключительно «римской» легитимности византийского императора. Еще в 1393 г. Константинопольский патриарх Антоний в своем часто цитируемом послании к великому князю московскому Василию I призывает его не противиться поминовению императора во время службы в русских церквях, выражая крайне нереалистическое, но твердое убеждение в том, что император — это «император и автократор ромеев, т. е. всех христиан», что «повсюду каждым патриархом, митрополитом и епископом имя императора поминается всюду, где есть христиане...» и что «даже латиняне, которые не имеют какой бы то ни было причастности к нашей церкви, подчиняются ему так же, как и в былые времена, когда они были с нами едины»³. Характерно, что патриарх отстаивает идею существования единой империи, несмотря на схизму, разделявшую церкви.

Одним из элементов этого имперского и тем самым вселенского представления о христианском мире является так называемая «пентархия», т. е. мысль о том, что «вселенская» церковь возглавляется пятью патриархами: Рима, Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима. Эта «пентархическая»

² *Georgius Cedrenus. Historia* / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. Т. I. Р. 39 (I.3). См. об этом превосходное исследование: *Anastasiou J. What is the Meaning of the Word «Ecumenical» in Relation to the Councils? // Councils and the Ecumenical Movement. Geneva, 1968. P. 27—31. Ср.: Meyendorff J. Living Tradition, Crestwood; N. Y., 1978. P. 45—62.*

³ Послание сохранилось в патриаршем регистре (ММ. 1862. I. Р. 188—192). Соответствующие отрывки переведены в кн.: *Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391—1425). New Brunswick; N. J., 1969. P. 106—109.*

схема сложилась уже в IV в., с признанием особых привилегий (прεσβεῖα) примасов наиболее важных городов империи: первоначально Рима, Александрии и Антиохии (Никейский собор 325 г.), Константинополя как «Нового Рима» (Константинопольский собор 381 г.) и, наконец, Иерусалима (Эфес, 431). Известная «сакральность» числа «пять» встречается в кодексе Юстиниана, а затем была санкционирована Трулским собором (692 г.)⁴.

Считалась ли, таким образом, «пентархия» существенным элементом экклесиологии? Не совсем. Но она стала важным фактором в византийской концепции «вселенского» собора, на котором требовалось присутствие пяти патриархов или их представителей, даже когда восточные епархии Александрии и Антиохии фактически утратили свое влияние. Во всяком случае, в средние века два этих взаимосвязанных элемента — теоретическое верховенство византийского императора над Западом и продолжающееся уважение принципа пентархии, ведущим членом которой был римский епископ, — обуславливали необходимость присутствия на подлинном «вселенском» соборе епископа Рима (несмотря на схизму) и четырех восточных патриархов, хотя трое из них возглавляли церкви, которые уже едва ли существовали.

Я упомянул «пентархию» как параэкклесиологическую идею, поскольку существовали подлинно экклесиологические понятия, к которым православные византийцы относились очень серьезно, например способность православной церкви принимать окончательные решения по догматическим вопросам через синод, который не нуждался ни во «вселенском» соборе, ни во вмешательстве пентархии. Так называемый «Синодик православия» был основным, периодически обновляемым свидетельством этой доктринальной самостоятельности, без которой любая церковь не могла бы быть по-настоящему церковью⁵. Другим важным и вполне понятным для византийцев экклесиологическим аспектом, от которого им придется отойти в период позднего средневековья, было евхаристическое причастие как условие соборной деятельности. В самом деле, «кимония» евхаристического таинства составляла фундамент, на котором основывался «raison d'être» соборной идеи⁶.

Как бы то ни было, «вселенский собор», вновь объединяющий Восток и Запад, рассматривался в Византии как наиболее необходимая и достойная осуществления цель, если вообще речь могла идти о восстановлении единства. Впрочем, имелся даже прецедент — собор 879—880 гг., санкционировавший примирение между папой Иоанном VIII и патриархом Фотием. Собор применил к себе название «вселенский» и действительно отвечал институциональным требованиям такого собора. В византийских источниках он также часто упоминается как «униатский собор». Евхаристическое причастие было восстановлено Фотием и папскими легатами и до начала самих заседаний⁷, так что сам собор был уже собором

⁴ Историческая литература о происхождении и значении «пентархии» обширна. Основной по этим проблемам является кн.: *Dvornik F. The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew*. Cambridge (Mass.), 1958. Ср.: *Meyendorff J. Orthodoxy and Catholicity*. N. Y., 1966.

⁵ См. критическое изд. «Синодика» Ж. Гуйаром с французским переводом и комментарием в.: ТМ. 1967. Т. 2.

⁶ *Zizioulas J. The Development of Conciliar Structures to the Time of the First Ecumenical Council // Councils and the Ecumenical Movement*. Geneva, 1968. P. 41.

⁷ См. папский Commonitorium с подобными инструкциями легатам и кн.: *Dvornik F. The Photian Schism: History and Legend*. Cambridge, 1948. P. 184—185.

единой церкви. В 1438 г. между Востоком и Западом не было евхаристического единства, что отчасти объясняет, почему греки не ссылались на прецедент 879—880 гг. во время предварительных переговоров во Флоренции. Конечно, византийцы также знали, что латинская сторона больше не считает действительным «Фотиевский» собор⁸ и что поэтому не имело смысла выдвигать его в качестве авторитета, приемлемого для обеих сторон.

В высшей степени значителен, однако, тот факт, что на протяжении XV в., даже после крестовых походов, после установления на Востоке латинского епископата, после провала Лионской унии, поддержание идеи униатского собора было основной надеждой византийцев, что они предлагали неоднократно папам. Несомненно, эти предложения, как и другие переговоры об унии в этот период, были в значительной мере обусловлены необходимостью добиться от Запада помощи против турецкой экспансии. Но идея собора выдвигалась также более ответственными кругами православной церкви в противовес чисто политическим схемам, как, например, планы императора Михаила VIII в конце XIII в., которые сводились к непосредственному и безусловному подчинению папской власти. Здесь нет возможности дать обзор всех предлагавшихся тогда вариантов⁹, но я приведу некоторые непосредственно предшествовавшие Флоренции.

а) В 1339 г. (или, возможно, раньше) знаменитый Варлаам Калабрийский представил Константинопольскому синоду проект унии, основанный в отзыве объединенного вселенского собора. Ему было разрешено доставить свой проект в Авиньон папе Бенедикту XII. У Варлаама был свой особый подход к проблеме «филиокве», и он надеялся, что спор о троице должен быть отложен и практически оставлен без внимания (в случае, если латиняне промолчат о догмате «филиокве» в символе веры!) во время предстоящих на соборе дискуссий, но для него созыв собора был непременным условием принятия унии на Востоке¹⁰. Однако он получил выговор от Бенедикта XII, не допустившего никаких дебатов по вопросам веры, уже определенным римским престолом¹¹.

⁸ Фрэнсис Дворник, однако, убедительно показал, что собор 879—880 гг. признавался и на Востоке и на Западе вплоть до конца XI в., когда западные грегорианские реформаторы канонического права заменили его в своих списках «игнатиевым» собором 869—870 гг. (*Dvornik F. The Photian Schism. P. 309—330*). Фотиевский собор все еще упоминается как авторитетный в «Decretum» Иво Шартрского (1094). Этот вопрос мимоходом поднимался во Флоренции, когда Чезарини и Хрисовберг ссылались на игнатиевский собор как «восьмой вселенский», но получили отповедь от Марка Евгеника, напомнившего им об отмене его решений собором 879—880 гг. *Concilium Florentinum: Documenta et Scriptores. Roma, 1952. Vol. 5. Fasc. 1. (Series B. Acta graeca. P. 90—91, 135).*

⁹ См. довольно полный обзор в кн.: *Nicol D. Byzantine Requests for an Oecumenical Council in the Fourteenth Century // Annuaire Historiae Conciliorum. Amsterdam, 1969. Vol. 1. P. 69—96* (repr.: *Nicol D. M. Byzantium: Its Ecclesiastical History and Relations with the Western World: Collected Studies. L., 1972).*

¹⁰ Ср.: *Gianelli C. Un progetto de Barlaam Calabro per l'Unione delle chiese // Miscellanea Giovanni Mercati. Città del Vaticano. 1946. Vol. 3. P. 57—208* (repr.: *Gianelli C. Descripta Minora (=SBNE, 10). Roma, 1963. P. 47—89*). Латинский текст послания Варлаама к папе см.: P6. T. 151. Col. 1331—1342. Об униатских взглядах Варлаама см. также: *Meyendorff J. Un mauvais théologien de l'unité: Barlaam le Calavrais // Eglise et les églises. Chevetogne, 1955. T. 2. P. 47—64* (repr.: *Meyendorff J. Byzantine Hesychasm. L., 1974).*

¹¹ По поводу предложений Варлаама папа писал королю Франции Филиппу в сентябре 1339 г.: «...diximus diversitatem hujusmodi fore nullatenus in Ecclesia tolerandam» Rayn. *Annales. Anno 1339, § 27).*

б) Если Варлаама можно считать довольно второстепенной фигурой, этого нельзя сказать об императоре Иоанне VI Кантакузине, выдающемся политическом деятеле и мыслителе, который, покровительствуя монашеской партии, способствовал окончательной победе паламизма в 1351 г. Сразу после прихода к власти по окончании гражданской войны в 1347 г. он вошел в прямой контакт с папой Климентом V, предложившим созвать собор, предпочтительно в Константинополе, но, возможно, и на находившихся под латинским владычеством островах Евбее или Родосе¹². Столкнувшись позднее с уклончивым и медлительным поведением папских легатов в 1350 г., он продолжал настаивать на созыве собора. В отличие от Варлаама он не предлагал обходить догматические проблемы, но считал необходимым «правильное определение веры». Открыто осуждая образ действия своего предшественника Михаила VIII, пытавшегося решать эти проблемы с позиции силы, он выражает готовность «подписаться под любым проектом, с которым согласны епископы и другие знатоки учения». Непосредственно предваряя переговоры накануне Флоренции, он пишет: «Если папа согласен, давайте встретимся на полпути, в каком-нибудь месте на побережье, куда он мог бы прислать представителей западного клира, а я — патриархов и их епископов, и я верю, что Бог приведет нас тогда к истине»¹³. Ответ пришел не от Климента V, а от его преемника Иннокентия IV лишь в 1352 г., где тот несколько самонадеянно выражал радость по поводу возможного отказа греков от своих «заблуждений», но упомянул о возможном созыве собора¹⁴.

в) У Кантакузина была еще одна возможность развить свое предложение в 1367 г., когда — уже будучи монахом, но все еще пользуясь большим влиянием в Византии, — он встретился с другим папским легатом — Павлом, который был титулярным (латинским) патриархом Константинополя. Почти в тех же выражениях, что и в 1350 г., он вновь отвергает идею унии, навязываемой императорским указом, заявляет о необходимости свободных теологических дебатов по проблемам догматики и, что немаловажно, подчеркивает необходимость в полной мере представительного собора. Признавая, что чисто «патриархическое» представительство недостаточно, ибо власть восточных патриархов была чисто номинальной, он требует не только присутствия всех митрополитов вселенского патриархата, включая «отдельных» митрополитов России, Трапезунда, Алании и Чехии, но также католикоса Грузии, патриарха Тырново и «архиепископа» Сербии¹⁵. И вновь предложение созвать собор либо в Константинополе, либо в каком-либо городе «у моря» предваряет переговоры накануне Флоренции.

¹² Тексты сообщений и посланий см. в кн.: Loenertz R. J. *Ambassadeurs grecs auprès du pape Clément V (1348)* // OChP. 1953. Vol. 19. P. 178—196.

¹³ *Ioannis Cantacuzeni Historiarum libri IV* / Ed. L. Schopen. Bonnae, 1832. P. 59—60 (IV. 9).

¹⁴ Цит. по: Loenertz R. J. *Ioannis de Fontibus Ord. Prædicatorum Epistula ad Abbates et Conventum monasterii nescio cuius Constantinopolitani* // Archivum Fratrum Praedicatorum. 1960. Vol. 30. P. 164.

¹⁵ Текст опублик. в кн.: Meyendorff J. *Projets de concile œcuménique en 1367; Un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et le légat Paul* // DOP. 1960. Vol. 14. P. 147—177. См. также комментарий: Meyendorff J. *Jean-Joasaph Cantacuzène et le projet de concile œcuménique en 1367* // Akten des XI. Intern. Byzantinisten-Kongress. München, 1960. P. 363—369. Титул архиепископа в случае в Сербии означает непризнание «патриархата», установленного в 1346 г. Стефаном Душаном. Но конфликт из-за этого патриархата не был в глазах Кантакузина достаточной причиной отстранения сербской церкви от участия в планируемом соборе.

Предложения Кантакузина в 1367 г. были сделаны в драматический момент: его зять император Иоанн V Палеолог только вернулся из безуспешной и унижительной поездки в Венгрию, где он просил военной помощи и получил решительный отказ, т. к. не пожелал обратиться в римско-католическую веру. Консервативный паламитский епископат византийской церкви во главе с патриархом Филофеем Коккиносом полностью поддерживал идею собора. Сохранилось письмо Филофея архиепископу Охридскому, приглашающее его на собор и так описывающее проект: «Мы пришли к согласию с посланниками папы в том, что если на соборе станет явствовать из Св. Писания, что наше учение превосходит учение латинян, то они присоединятся к нам и разделят наше исповедание (веры)»¹⁶. Однако это предложение вновь встретило «non-possimus» со стороны папы Урбана V в его личных посланиях императору, патриарху и другим византийским официальным лицам, в которых папа призывал к безусловному «подчинению» Риму.

г) «Великий раскол» Запада (1378—1417) коренным образом изменил правила игры, по крайней мере в том, что касается Запада. Выдающиеся деятели восточной церкви стали питать еще большие надежды на созыв униатского собора. Например, нам известно об одной такой попытке, предпринятой митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном в 1396 г. Болгарин родом, Киприан принадлежал к окружению патриарха Филофея Коккиноса и был близким другом последнего патриарха Тырново Евфимия. После великих испытаний, вызванных перипетиями византийской церковной дипломатии в Восточной Европе, он принял кафедру Киева, объединив под своей юрисдикцией все диоцезы Руси, расположенные как в Московии, так и в польско-литовских владениях. Имея основной резиденцией Москву, он часто совершал путешествия в «западные» районы своей митрополии и был «большим другом» (φίλος πολὺς) польского короля Ягелло, несмотря на переход последнего из православия в римский католицизм (1386)¹⁷. Несомненно, что именно в этих районах, которые византийцами все еще относились к России, в стране, возглавляемой политическим монархом с соборническими наклонностями, где имелось многочисленное православное население, Киприан и планировал созвать собор совместно с королем Ягелло. На этот раз выговор поступил от патриарха Константинопольского Антония: в посланиях к Киприану и королю Антоний называет этот проект непригодным и просит вместо того военной помощи¹⁸. Но идея Киприана не была сразу же отвергнута. Другой, неканонический митрополит Киева Григорий Цамблак¹⁹ при-

¹⁶ ММ. I. Р. 492.

¹⁷ О Киприане и его времени см.: *Meyendorff J. Byzantium and the Rise of Russia*. Cambridge, 1981. Р. 226 sq.; *Obolensky D. Six Byzantine Portraits*. Oxford, 1988. Р. 173—200. Полный обзор биографических и документальных данных, сделанный Г. М. Прохоровым, появился также в: *Словарь книжников и книжности древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. Вып. 2, ч. I. С. 464—475.*

¹⁸ ММ. II. Р. 280—2-282—5.

¹⁹ Будучи болгаринном, как и Киприан, которым он сильно восхищался, Григорий был одним из наиболее выдающихся деятелей литературы в славянском мире. Литовский великий князь Витовт поддержал его избрание на Киевскую кафедру собором западнорусских епископов (1415 г.). Это был вызов греческому митрополиту Фотию, который, как и его предшественники, имел своей резиденцией Москву. Выборы были также прямым вызовом патриарху, который формально обвинялся в симонии, коррупции и административной несостоятельности. См. текст

существовал на соборе 1418 г. в Констанце, был торжественно принят папой Мартином V, но также предложил, чтобы в переговорах об унии участвовали представители всей восточной церкви²⁰.

д) Надежды византийцев на униатский «вселенский» собор получил наконец конкретную возможность осуществления после победы концилиаризма в Констанце. Избранный на соборе папа Мартин V уже не имел возможности требовать простого принятия греками подчинения папскому престолу, поскольку он сам в силу одобренных им соборных постановлений был отныне обязан «подчиняться» собору в делах веры. В начавшихся всерьез переговорах старая схема, предложенная Кантакузином в 1350-м и снова в 1367 г., всегда служила основой позиции греков, в особенности пункт о союзе в городе «возле моря», с тем чтобы восточные делегаты могли оставаться поблизости от своих кораблей, готовые вернуться домой в случае провала унии. Этот пункт, вероятно, играл некоторую роль, поскольку греки предпочли провести собор с папой Евгением, а не с участниками Базельского собора, приглашавшими их совершить путешествие в отдаленные заальпийские районы.

Далее, также в соответствии с планами Кантакузина, была сделана серьезная попытка сформировать восточную делегацию не просто на основе формального представительства «четырех патриархов», но в более реалистичном и широком составе²¹. В нее были включены не только «отдаленные» митрополиты Трапезунда и особенно России, но и митрополиты Молдовлахии (Румынии). Балкано-славянские церкви находились уже под турецким владычеством, так что Сербия и Болгария не были представлены (включенный в делегацию митрополит Тырново Игнатий был не патриархом, как во времена Кантакузина, а греческим епископом, живущим в Константинополе); но важно, что было обеспечено присутствие делегатов от каталикоса Грузии. При всей своей важности эта географическая представительность делегации не имела, вероятно, того же значения, как стоящая перед организаторами задача обеспечить наличие различных оттенков богословского учения внутри самой византийской церкви. Совершенно ясно, что среди епископов было не так уж много хороших богословов, о чем свидетельствовало пассивное поведение большинства на соборе. Так, в спешном порядке было решено поставить во главе таких важных епархий, как никейская, эфесская и киевская, двух ведущих мыслителей — Виссариона и Марка, а также опытного дипломата Исидора. Все три назначения были осуществлены в 1437 г., в самый канун собора. Таким образом, в лице Виссариона делегация включала выдающегося «гуманиста», продолжавшего традиции Метохита и Григоры, а в лице Марка Эфесского — признанного поборника паламитско-монашеского богословия. Традиционное, или «консер-

в: Русская историческая библиотека (Далее: РИБ). СПб., 1880. Т. 6. С. 307—314. Понятно, что Григорий был отлучен Фотием и смещен с поста патриархом Иосифом II в 1416 г. (Тексты см. также с. 315—360.)

²⁰ Этот визит описан в хронике Констанцского собора Ульрихом Рихенталем (см. англ. пер. в кн.: Loomis L. R. The Council of Constance. N. Y., 1961. P. 105, 176—178; в Gesta собора французским кардиналом Гийомом Филастром (Ibid. P. 434—435).

²¹ Всем было ясно, что представительство едва удерживавшихся «восточных» патриархов могло быть только номинальным и определялось не самими патриархами, а константинопольским руководством. Были назначены доверенные лица (Виссарион, Исидор, Марк, Дионисий Сардский, Досифей Монеувасийский), но они часто заменялись и накануне, и во время собора. См.: Gill J. The Council. P. 76, 111, note 295 etc.

вативное», направление было также усилено включением в состав делегации афонских монахов, представлявших монастыри Великой Лавры, Ватопеда и св. Павла. Существует много свидетельств того, что в православных кругах многие, подобно патриарху Филофею Коккиносу в XIV в., надеялись, что собор вполне сможет принести победу их воззрениям, так что латиняне примут православную концепцию догмата «филиокве» и экклесиологии²². Надежда на то, что уния будет обсуждаться свободно, в духе соборности и не будет означать просто принятия латинского вероисповедания путем повиновения папе, казалось, была гарантирована участием таких людей, как Марк Эфесский, несмотря на печальный опыт крестовых походов, Лионской унии и разных местных событий (например, во владениях Венгрии или на Кипре латинизм насаждался силой), многие считали «победу» православия на соборе все еще возможной. Далее, каждый сознавал, что в позиции общества произошли радикальные изменения, поскольку оно теперь признало идею собора, где все, что разделяло Восток и Запад, могло обсуждаться без всяких условий с равными возможностями для обеих сторон. Такое обязательство действительно взяли на себя папы Мартин V и Евгений IV, которые приняли «соборную» доктрину, одобренную в Констанце и Базеле, и были поэтому в принципе готовы вести переговоры, а не только диктовать свою волю, подобно своим предшественникам Бенедикту XII и Урбану V.

2. Чего не было во Флоренции

Анализируя дебаты во Флоренции, было бы справедливо заметить, что собор обсудил некоторые проблемы, так и не решив их, и решил другие без их обсуждения. Двумя самыми продолжительными и обстоятельными были богословские дискуссии о чистилище и «филиокве». Дискуссия о чистилище продемонстрировала коренное различие в подходах к доктрине спасения и к теологической методологии. Результатом ее было определение, которое позднее имело довольно неожиданные последствия во времена реформации, поскольку служило теологической базой учения об индульгенциях, и вряд ли поддерживается сейчас римско-католическим магистерием (например, утверждение о том, что некрещенные души «немедленно попадают в ад»). В дискуссии об исхождении Св. Духа обеим сторонам не хватило исторической перспективы, которая позволяет нам сегодня полностью признавать действительное существование на Востоке и Западе двух расходящихся тринитарных богословских систем. Ни одна из сторон не могла приблизиться к действительно важным вопросам: были ли обе традиции законными и поэтому дополняющими друг друга или же они фактически были несовместимыми? А если обе они законны, то правильно ли догматизировать одну из них, как это сделали во Флоренции?

Одним из решенных во Флоренции вопросов был вопрос об управлении церковью, страстно обсуждавшийся на Западе в контексте «великой схизмы» 1378 г.

---

²² Таковы и были действительно надежды Марка Эфесского, которые он неоднократно высказывал, особенно в своем письменном обращении к папе Евгению в Ферраре, сделанном по подсказке Чезарини (*Quae supersunt actorum graecorum concilii Florentini* / Ed. G. Hofmann, Roma, 1955. P. 28—34). Исидор также взял на себя задачу утверждения православия на соборе, поскольку пытался убедить великого князя в необходимости поддержать собор.

Концилиаристское движение предлагало такое решение: верховенство соборов над папой. Вопреки этому, Флорентийский собор выработал определение с использованием всех ключевых понятий, оправдывающих власть папы: папа — «преемник Петра», «подлинный наместник Христа», «глава всей Церкви», он располагает полной властью (*plena potestas*) в деле наставления и управления всеобщей церковью. Вопрос о примате Рима и его природе поднимался только в дни, предшествовавшие подписанию. То, что нам известно о довольно запутанных заключительных дискуссиях, свидетельствует о том, что у греков не было действительного представления и о тогдашних спорах на Западе, в которых папа противостоял Базельскому собору. Их позиция была чисто оборонительной: как, по возможности, сохранить близкие им структуры Восточной церкви, основанные на канонах древних вселенских соборов и пентархии. Они требовали и добились того, чтобы двусмысленные ссылки на эти почтенные и освященные временем институты были добавлены к четкому и специальному определению папской власти. Латиняне и греки могли по-разному интерпретировать эти ссылки. Во всяком случае, беспрецедентное назначение римскими кардиналами двух восточных митрополитов, Виссариона и Исидора, по окончании собора, подчеркивало тот факт, что папство по новому определению собора было уже не тем, что в ранние века своего существования. Теперь это был институт, радикально реформированный грегорианскими реформаторами, декреталистами XIII века и канонистами XIV в. И теперь оно с честью выходило из антиконцилиаристской борьбы.

Реальное церковное единство требует не только общих формул, направленных на разрешение частных трудностей, но также и общего *sensus ecclesiae*, полюбовного согласия перед лицом совместно определяемой Единой Церкви. Для достижения такого общего *sensus*'а Ферраро-Флорентийский собор должен был стать встречей между Востоком и Западом, *какими они в действительности были* в то время, но все было совсем иначе. С восточной стороны, как уже говорилось ранее, властями Константинополя была сделана попытка собрать действительно представительную делегацию, но это удалось лишь частично: основу ее составляло непосредственное окружение императора и патриарха, т. е. группа отчаявшихся людей из осажденного и умирающего Константинополя. Лишь немногие из них были компетентны в вопросах богословия, Марк Евгений был довольно-таки редким исключением, без сомнения, имея «корни» в народных массах, которые позднее могли бы доверять ему. С латинской стороны практически все епископы были итальянцами, и лишь несколько отдельных, малопредставительных прелатов были посланы из Франции, Испании, Ирландии, Португалии и Польши, но ни одного их Священной Римской империи или Англии. Папе Евгению был брошен вызов Базельским собором, и теперь он был изгнан даже из Рима и папских владений, где его противником был род Колонна. Среди латинских теологов, выступавших на соборе, были лишь те, кто являлся или стал теперь решительным сторонником папы в борьбе против концилиаристов. Первый из них, Чезарини, раньше был убежденным сторонником концилиаризма в Базеле, но незадолго до собора перешел на сторону папы.

Возможен ли был диалог в таких условиях? Действительно, греки и сами не стремились к серьезному диалогу. Что вообще они знали о глубоком кризисе на Западе? Их дипломаты, включая Исидора, побывали в Констанце и Базеле, но интеллектуальное и духовное отчуждение зашло слишком глубоко, чтобы они

отдавали себе отчет в том, что уже в действительности происходило в интеллектуальном, духовном и теологическом отношении в западной церкви. Из огромного числа латинских сочинений того времени, особенно касавшихся структуры и реформы церкви, ни одно не было переведено на греческий. Те немногие греческие интеллектуалы, которые знали латынь, казалось, находились под впечатлением от в основном положительного отношения латинских схоластов к греческой философии, но так и не поняли институционального подтекста тех процессов, которые происходили в западной теологии.

Как известно, на Западе дискуссии шли вокруг власти в церкви и в обществе в целом. Формы власти определялись первоначально в *правовых терминах*, шла ли речь о власти королей, «апостолической» власти папы или коллективной власти соборов. Некоторые исследователи поддерживают точку зрения, что томизм с его доктриной естественного права уже создал философскую основу для «секуляризации» власти, даже если, согласно Фоме, Бог был Творцом природы (и природной власти) и власть была лишь относительно автономной. Как бы то ни было, связующее звено между богом и «природой» было нарушено преобладающим в XIV в. влиянием Марсилиа Падуанского и Уильяма Оккама, которые развивали естественный взгляд на общество, частью которого является сама видимая церковь и где структура власти и межличностные отношения должны были регулироваться правом²³. Представляется спорным, можно ли прямо ставить в вину томизму секуляризацию церковных структур на Западе в средние века, но для установления масштабов проблемы необходим был бы диалог во Флоренции между томистами и паламитами, что время от времени находило свое отражение в дискуссиях, но делалось это осторожно, чтобы избежать прямого противостояния между обеими сторонами еще по одному пункту теологических разногласий²⁴. Фактически никто не желал, да и не был готов к подобного рода диалогу.

Было это вызвано влиянием томизма или нет, но очевидно, что с XI в. папство стало играть гораздо более «светскую» роль на Западе²⁵, и эта новая власть, опираясь на те же библейские и патристические аргументы, как и древний примат Рима, приобрела черты, непосредственно вдохновленные императорской монархией. В этом контексте экклесиологическая каноническая мысль на Западе начала систематически определять *юрисдикционную и административную власть папы как ясно отличную от его сакральных функций в качестве епископа Рима*. Понятие *Corpus Christi* — евхаристический, библейский термин — стало постепенно применяться не только к церкви как сакральной общности, но и к мировому христианскому обществу в целом. Евхарист по-прежнему был «настоящим» телом Христа (*Corpus verum*), в то время как мировая церковь, включая «гигантское правовое и экономическое управление, на котором покоилась Ecclesia

²³ См. в особенности: *Ullman W. Medieval Political Thought*. N. Y., 1975. P. 184—185. См. также: *Origins of the Great Schism*. N. Y., 1967. Особенно приложение о кардинале Забарелле: *Ibid.* P. 191—231.

²⁴ *Gill J.* Florence. P. 205—206, 225, 267.

²⁵ «XI век начался процветанием империи на Востоке и ослаблением папства на Западе. А закончился он всемогуществом папства на Западе и постоянной борьбой империи за самоутверждение и возврат своих владений на Востоке. Что бы ни думали о схизме 1054 г. (была ли она последним актом, разорвавшим одежды Христа, или же это был просто неудачный, хотя и симптоматичный инцидент), но важно, что случилось это в середине указанного века...» (*Nichol D. M. Byzantium and the Papacy in the Eleventh Century* // *JEH*. 1962. Т. 13. P. 20).

militans»²⁶, и видимым главой которой являлся папа, была «мистическим телом» (*corpus mysticum*).

Представление о том, что «юрисдикционная власть» папы не зависела от его «хиротонической власти», которой обладал любой епископ, особенно укрепилось в XIV в., когда действенной резиденцией папы был не Рим, где он был епископом, а Авиньон. Канонисты начали обсуждать вопросы, кто обладает «юрисдикционной властью», пока папский трон вакантен, и некоторые отвечали: коллегия или кардиналы. Вполне понятно, что кардиналам импонировала идея пользования такой властью как можно более широко, и потому они провоцировали продолжительные периоды незанятости... Далее, признавалось, что папа с момента своего избрания уже обладал полной юрисдикционной властью, даже если он еще не был епископом. Он управлял бы церковью, даже если бы его епископская консекрация откладывалась на многие месяцы. На основании этого Иоанн Парижский мог заключить, что «юрисдикционная власть могла быть ему дарована единственно выборами и согласием народа»²⁷. Поэтому понятно, что те, кто на Западе противостоял папской власти, в ужасе от ее злоупотребления и уверенности в «воле народа», в результате пришли бы к «концилиарной теории», утверждающей, что папа с его юрисдикционной, административной и судебной властью несет ответственность перед общим собором, поскольку такие полномочия дарованы ему избранием. Именно эта теория была одобрена в Констанце и в Базеле вслед за «великой схизмой», образуя некую систему церковного правительства, также достаточно секулятивную²⁸ (или относительно «демократическую» и отвергающую папскую монархию...).

Создается впечатление, что у византийцев не было сколь-нибудь реального представления о любом из этих процессов, а если они его и имели, то это совсем не повлияло на их аргументацию во Флоренции. И все же, можно ли было достичь общего *sensus ecclesiae* без взаимопонимания по вопросу о церковной власти, который порождал столько шума и раскол на Западе?

Рассматривая эту историческую ситуацию в перспективе, можно понять, почему греки в конце концов встали на сторону папы по вопросу о созыве собора. Им не только, как уже отмечалось выше, была предоставлена возможность созыва ассамблеи в городе «близ моря», но при этом предлагаемая в Базеле система с представительством «наций», по всей видимости, была несовместима с утверждениями, что византийский император все еще являлся номинальным главой мирового христианства и что восточная делегация представляла вторую половину церкви. Ведь выглядело бы дело так, что если бы греки прибыли в Базель, они были бы там лишь одной из «наций». В Ферраре же признание получали как императорское достоинство Иоанна VIII Палеолога, так и «пентархия» патриархов: приемлемый протокол, но никаких эклисиологических дебатов.

²⁶ Kantorowicz E. H. *The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology*. Princeton N. J., 1957. P. 157. См. также: Lubac H. de. *Corpus Mysticum*. Ed. 2. P., 1949 (который, развивая эту идею, пишет о «un curieux chassé-croisé» (p. 88). Ср.: Ladner G. B. *The concepts: Ecclesia, christianitas, Plenitudo Potestatis // Sacerdozio e regno da Gregorio VII a Bonifacio VIII* (Miscelanea Historiae Pontificalis XVIII). Roma, 1954. P. 49—77.

²⁷ См.: Tierney B. *Foundations of the Conciliar Theory: The Contribution of the Medieval Canonists from Gratian to the Great Schism*. Cambridge, 1955. P. 175.

²⁸ Согласно Б. Тьерни, она следует образцам средневекового корпоративного права (*Ibid.*).

И все же нет сомнения, что участие представителей восточной церкви в раздиравших западное христианство спорах могло бы стать в высшей мере конструктивным, способствуя преодолению хотя бы некоторых противоречий и восстановлению равновесия.

Изучая сегодня исходные позиции осужденных еретиков, таких, как Уиклиф и гуситы или Иоахим Флорский, пытаясь установить параллели между свидетельством францисканских спиритуалистов и многими традиционными, но широко распространенными формами восточной монашеской духовности или объективно рассматривая критическое и в целом очень «западное» понимание раннехристианской традиции, как оно сформулировано Марсилием Падуанским или Иоанном Парижским, нельзя не увидеть настоящей духовной трагедии: никто из западных христиан, чьи представления были часто столь самодостаточными, не имел реальных познаний о христианском Востоке и отказывался от экклесиологической альтернативы в отношении к наиболее авторитарным формам средневековой папской системы²⁹. Столь же трагичной была и строго оборонительная, единообразная и отчасти провинциальная позиция восточных церковников, прибывших на Ферраро-Флорентийский собор: обремененные своими собственными проблемами, они были, очевидно, не способны понять подлинные реалии западного христианства.

Но, быть может, несправедливо упрекать их в игнорировании интеллектуальных и духовных движений Северной и Центральной Европы. Единственное, что они могли бы сделать, так это (на основе собственной, хорошо им известной традиции) поставить диагноз доктрине папской власти в том виде, в каком она была им представлена на соборе, и направить дискуссию на эту реальную проблему: дихотомию сакральных функций (*potestas ordinationis*) и судебной власти папы. В самом деле, если на Востоке и существовала устойчивая экклесиологическая традиция, то это была традиция, согласно которой такая дихотомия была невозможной.

Возможно, что самое ясное указание на единство сакральной и судебной власти всех епископов можно обнаружить в основных аргументах византийцев против притязаний на верховенство средневекового Рима. Этот аргумент состоит в отрицании того, что апостол Петр принадлежит одному лишь Риму не только потому, что он находился в Иерусалиме и Антиохии (Акты 1—10, 15 и др.) до прибытия в столицу империи, но и потому, что Петр является образцом для *любого епископа* в пределах его епархии. Эта раннехристианская идея была наибо-

²⁹ Запоздалые контакты были установлены в 1451 г. между утравквистами из Моравии и антиуниатскими православными кругами Константинополя, которые после смерти Марка Эфесского возглавил Геннадий Схолярый. Некий Константин Платрис, утравквист-священник, был даже официально принят в православную церковь в Константинополе. См.: *Paulova M. L'empire byzantin et les Tchèques avant la chute de Constantinople* // BS. 1953. Т. 14. Р. 158—225. Но эти контакты явно были установлены слишком поздно, и произошло это вне «экуменического» контекста, который в принципе мог бы возникнуть и ранее. И в самом деле, именно флорентийское постановление сделало невозможным «экуменический» контекст. Недавно покойным Ключасом была установлена параллель между византийским исихазмом и идеями Иоахима Флорского (*Clucas L. M. Eschatological Theory in Byzantine Hesychasm: A Parallel to Joachim da Fiore* // BZ. 1977, Bd. 70. Н. 2. S. 324—346). Но прямые контакты маловероятны. Полезный и хорошо документированный обзор западных течений, противостоящих папскому авторитаризму, см.: *Leff G. The Apostolic ideal in Later Medieval Ecclesiologies* // Journal of Theological Studies. 1967. Т. 18. Р. 58—82.

лее четко сформулирована Киприаном в III в.: всякий епископ, возглавляя свой диоцез, занимает «кафедру Петра»³⁰. Эта мысль вновь возникает в самом неожиданном контексте, включая агиографию. Согласно св. Григорию Нисскому, Христос «через Петра передал епископам ключик от небесных почестей»³¹, и даже Псевдо-Дионисий упоминает об образе Петра, когда он описывает свою церковную «иерархию»³². Действительно, унаследованный от Киприана взгляд на эту функцию Петра, увековеченную во всех епископах, преобладал также и на Западе, как это явствует из многочисленных текстов, кропотливо собранных Конгаром³³. Идея независимости и отделенности власти «Петровой» от сакральной вековечности епископата совершенно чужда этой раннехристианской экклесиологии.

Всякий раз, когда византийцы непосредственно обсуждали вопрос о преемничестве Петра в церкви, они подчеркивали *универсальную* функцию всех апостолов, включая Петра, отличительную и неизменно местную сакральную функцию епископов, неотделимую от диоцеза любого епископа, а также тот факт, что Рим не может претендовать на наследие Петра лишь для самого себя и что такое наследие в Риме, как и в остальных местах, обусловлено исповеданием веры Петра, и, в конце концов, любой епископ православного вероисповедания обладает «правом на ключи», врученные Христом Петру³⁴. Интересно отметить, что практически все эти аргументы используются также Марсилием Падуанским³⁵ с той лишь разницей, что Марсилиус допускает разделение сакральной и юрисдикционной властей и, следовательно, пытается найти какую-то административную систему, основанную не на сакральных *charismata*, а на принципе представительства, порожденном конгрегацией *fidelium*, прямо предваряющем протестантскую Реформацию.

Ясно поэтому, что подлинное экклесиологическое столкновение Востока и Запада в XV в. не завершилось бы тем, что Восток подписался под западным концилиаризмом. Как и в современном диалоге между православными и католиками, стороны искали бы образцы церковного устройства в первом тысячелетии. Греческая делегация пыталась сделать именно так, когда в самом конце собора ей был предложен для подписания текст догмата о примате Рима. Практически в последнюю минуту в постановлении была сделана ссылка на «акты» вселенских соборов и на «святые каноны», в пределах которых должна была осуществляться папская «*plena potestas*». Но в прочтении западных участников эта ссылка была вполне безвредной, так как вся папская терминология со всеми ее ключевыми понятиями была полностью включена в постановление. Собор полностью отказался от концилиаризма и, как ныне признают историки, его единственным историческим достижением было спасение папской власти до того момента, когда ей, столетие спустя, будет брошен еще более дерзкий вызов.

³⁰ После исследований А. д'Ала, И. Т. Камело и особенно П. Бевно об экклесиологии Киприана не может быть больше сомнений по поводу концепции «кафедры Петра», изложенной в его сочинениях.

³¹ De cast // PG. T. 46. Col. 312. C.

³² De eccl. hier. VII. 7 // PG. N. 3. Col. 561—563.

³³ Congar Y. L'ecclésiologie du haut Moyen-Age. P., 1968. P. 138—151.

³⁴ См. обзор всех этих аргументов византийских полемистов, среди которых в XIV в. были Варлаам Калабрийский и Николай Кавасила, в ст.: Meyendorff J. St. Peter in Byzantine Theology // The Primacy of Peter / Ed. J. Meyendorff L., 1963. P. 7—10.

³⁵ Leff G. Op. cit. P. 62—63.

3. Православный мир около 1440 г. и реакция Рима

Выше я подчеркивал, что политическим и церковным руководством религии была сделана реальная попытка гарантировать полное представительство различных групп и течений восточного христианства в делегации, едущей на собор. Однако, обзвывая православный мир середины XV в., можно сразу же обнаружить психологический и институциональный разрыв между сравнительно узкой группой официальных лиц, прибывших в Феррару, и массами духовенства и верующих, живших под мусульманским владычеством или в России. Находясь в осажденном практически лишенном жителей городе³⁶, императорский двор и патриархат, еще сохранявшие свой символический престиж, представляли собой маленькую элитарную группу, которая потеряла бы все в случае оккупации города турками. Массы же, напротив (как в Малой Азии и на Среднем Востоке, а в последнее время и на Балканах), уже начинали свыкаться с необходимостью выживания при мусульманском правлении³⁷. Важно помнить, что большинство солдат, составлявших армию Мехмета Завоевателя в 1453 г., были христиане, набранные на завоеванных территориях империи. Именно поддержка этих людей, а также отдаленных обществ России, Грузии и Трапезунда делу унии была необходима для того, чтобы собор был принят церковью в целом. Вполне понятно, что для этого большинства православного населения негативная весть, привезенная из Флоренции Марком Эфесским, при поддержке влиятельными монашескими общинами, была гораздо более понятна и приемлема, чем идея правления папы. Православная вера не должна была быть предана ради сомнительного и проблематичного выживания умирающей империи.

Реакция русских должна толковаться с тех же позиций. Однако распространенный взгляд, согласно которому великий князь Московский ждал удобного момента провозгласить себя спасителем подлинного православия в противовес и Византии и Западу, представляет собой исторический анахронизм. Московское религиозное и политическое самоутверждение, которое вскоре приобрело мессианские формы с появлением теории «третьего Рима», является не причиной, а следствием событий середины XV в.

Все еще находясь под монгольским контролем, Великое княжество Московское находилось в 1425—1447 гг. в апогее долгого и кровавого династического кризиса. Великий князь Василий II был ослеплен своим сообщником Дмитрием Шемякой (1446 г.), не успев окончательно вернуть себе трон. На протяжении XIV в., несмотря на некоторые конфликты, константинопольский патриархат усилил свой административный контроль над территорией, которую византийские источники всегда называли Россией (Ῥωσία), политически делившейся на Великое княжество Московское, Литву и Польшу. Этот контроль осуществлялся «митрополитом Киевским и всея Руси», который с благословения патриархата имел своей резиденцией Москву. Это подразумевало политическую поддержку Византией Московии. Такая поддержка стала особенно важной после 1386 г., когда Литва и Польша вновь объединились в единую римско-католическую монар-

³⁶ Население Константинополя сократилось тогда до 50 тыс.

³⁷ Еще в 1354 г. св. Григорий Палама, целый год находившийся в плену у турок, шлет послание в свою церковь в Фессалонику, описывая сравнительно благополучное существование христиан под османским владычеством.

хию, а великий князь Московский приобрел определенную монополию на православие. Два выдающихся митрополита Киева — Киприан (1375—1406) и Фотий (1408—1431) — утверждали и развивали контакты и солидарность между Константинополем и Москвой, будучи при этом весьма озабоченными и судьбой обширного православного населения в Литве и Польше, куда они не раз совершали поездки³⁸. Именно там, а не в Московии произошел первый, хотя и очень кратковременный бунт против византийского церковного контроля с неканоническим избранием отдельного митрополита Григория Цамблака (1414—1418), который, как мы видели выше, присутствовал на соборе в Констанце (1417).

В 1437 г. великий князь Василий подтвердил свою преданность византийским властям, согласившись без видимых протестов с унижительным для него отказом его кандидату епископу Рязанскому Ионе в месте митрополита после смерти Фотия в 1431 г. и шестилетнего пустования престола. Он оказал денежную помощь византийскому кандидату Исидору и позволил большой делегации (на 200-х лошадях) отправиться на собор. Ко времени возвращения Исидора в 1441 г. московские власти, должно быть, получили немало информации о существующей оппозиции постановлению Флорентийского собора и о сожалениях многих подписавшихся под ним. Нет нужды объяснять выдворение Исидора как-им-либо «мессианскими», антивизантийскими или антизападными настроениями, особенно если принять во внимание, что после его изгнания последовало почти восемь лет выжидательной политики.

Поскольку уния официально не была провозглашена, великий князь дипломатично предпочел ее игнорировать. В 1441 г. в высшей степени почтительном письме к патриарху Митрофану великий князь умолял его «разрешить назначение в митрополиты выходца из нашей собственной страны. Необходимость долгого и трудного путешествия (в Константинополь и обратно), нашествие безбожных агарян на наш христианский мир, волнения и войны, случающиеся в соседних странах, и умножение державы — вот причины нашей просьбы»³⁹. Митрофан — сторонник унии, очевидно, не ответил на послание.

В 1448 г. Иона снова получил трон митрополита Киева и вся Русь от синода русских епископов. Но русское правительство продолжало свою намеренно «наивную» дипломатию. В 1451 г. Василий отправил письмо новому византийскому императору Константину, называя его всеми традиционными титулами. «Мы молим Ваше священное величество, — писал он, — не обвинять нас в злокозненности из-за того, что мы поступили так, не посоветовавшись с Вашей светлостью... (Даже теперь, после избрания Ионы) святейшее митрополитство России просит и ищет благословения святой экуменической, католической и апостольской церкви Премудрости Божией в Константинополе и подчиняется ей в соответствии с древним православием». Затем Василий многозначительно намекает на «разногласия, появившиеся недавно» и использует последний аргумент, чтобы объяснить причину отсутствия связей с патриархатом: «Мы не знаем, есть ли патриарх в Царьграде, так как мы ни от кого о нем ничего не слышали и не знаем его имени...»⁴⁰ Это дей-

³⁸ Meyendorff J. Byzantium and the Rise of Russia. Cambridge, 1981. P. 245—260.

³⁹ РИБ. Т. 6. С. 525—5236.

⁴⁰ Там же. С. 583—586. На одном из существующих списков письма содержится помета «Не отправлено», которая является главным аргументом Я. С. Лурье, когда он сомневается в достоверности всей официальной переписки между Москвой и Константинополем в 1448—1453 гг.

ствительно так, поскольку проуниатский патриарх Григорий был вынужден уехать в 1451 г. из столицы в Рим, а преемник его так и не был избран. Еще более усиливал московскую позицию тот факт, что избрание Ионы было признано и на польско-литовских территориях. Сторонник Базельского собора король Казимир IV официально даровал ему инвеституру⁴¹, и Иона официально принял в свою юрисдикцию православный диоцез в Литве и Польше.

По сравнению с открытой конфронтацией в отношении Константинополя, которой сопровождалось установление независимых патриархатов Болгарии и Сербии, действия Москвы в 1448 г. (особенно в связи с тем формальным поводом, который давали непредвиденные обстоятельства, связанные с унией) фактически отмечены некоторой ностальгией по старым добрым временам, когда Константинопольская церковь осуществляла материальную власть в России. Однако слышны и другие, более националистически настроенные голоса, даже если они и не одобряются тут же официальными кругами. Они появляются в двух группах источников: а) Отчеты русских клириков, сопровождавших Исидора во Флоренцию, находившихся при нем на соборе и, как в случае с епископом Авраамием Суздальским, формально подписавших постановление. Подобно греческим епископам и должностным лицам, по возвращении отказавшимся от своих подписей, эти русские клирики должны были представить благообразную причину своих поступков. Греки обычно и малоубедительно ссылались на физическое и моральное давление, оказанное на них латинянами. Русские жаловались на безразличие Исидора и «предательство» греков. Один автор в риторическом обращении к императору Иоанну VIII Палеологу восклицает: «Что ты наделал? Ты поменял свет на тьму, вместо Божественного закона ты принял латинскую веру, вместо истины и справедливости ты возлюбил лесть и вероломство»⁴². И поскольку сами византийцы научили русских не только тому, что император Константинополя был «императором всех христиан», что «нельзя христианам иметь церковь, но не иметь императора», но также и тому, что «христиане отвергают императоров-еретиков»⁴³, то для идеи *translatio imperii* существовало явное и неизбежное основание. Так как Василий II Московский поддержал правую веру, он стал отныне «новым Константином», «великим государем, от Бога коронованным русским царем»⁴⁴. Митрополит Иона в послании к князю Киевскому Александру также ставил Василию II в заслугу подражание его «предкам» — св. императору Константину и вел. князю Владимиру⁴⁵.

б) Эта позиция самоутверждения в значительной мере усилилась вслед за падением Константинополя в 1453 г. и назначением в 1458 г. особого киевского

См.: Словарь книжников и книжности древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. Вып. 2. С. 420—422. Однако независимо от того, было ли оно послано или нет, это письмо дает ясное представление об официальной позиции Москвы в этот период.

⁴¹ РИБ. Т. 6. С. 563—572.

⁴² Слово избрано // Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875. С. 372—373. Хороший обзор литературы дан в ст.: Cherniavsky M. The Reception of the Council of Florence in Moscow // Church History. 1955. Vol. 24 (1). P. 347—359.

⁴³ См. знаменитое послание патриарха Антония Василию I Московскому в 1391 г. (ср. примеч. 3). Об обстоятельствах этого послания и возможной роли митрополита Киприана см.: Meyendorff J. Op. cit. P. 255—256.

⁴⁴ Слово избрано. С. 113.

⁴⁵ Письмо 1451 г. см. в: РИБ. Т. 6. С. 559—560.

митрополита во владениях польского князя Казимира, который к тому времени полностью признал власть Рима. Освящение нового митрополита (Григория Болгарина, бывшего у Исидора диаконом) было осуществлено униатским патриархом Константинополя Григорием Макмой, который находился теперь в изгнании в Риме. Это было сделано в силу декрета папы Каллиста III, разделившего Россию в церковном отношении на «верхнюю», управляемую «монахом-схизматиком Ионой, исчадием порока», и «нижнюю» с новым митрополитом Григорием в находившемся под польским правлением Киеве⁴⁶. Декрет показывает, как мало у папы было действительно уважения к постановлению Флорентийского собора, который гарантировал «права и привилегии» восточных патриархов. Киевская митрополия была разделена по декрету папы, а не по решению патриарха (даже униатского), хотя последний и произвел consecрацию Григория. В то время, однако, декрет имел мало влияния. Новый митрополит Григорий вышел в 1470 г. из-под папской юрисдикции и признавал власть православного константинопольского патриарха, находившегося уже под властью турок. В Москве, однако, официальные документы начали в резкой форме предостерегать против «Григория, наиболее злостного из учеников Исидора, прибывшего в Литву из Рима»⁴⁷. В конце концов поскольку после 1470 г. уже не шла речь о православии митрополита Киевского, то титул «Киевский» был потихоньку опущен из титула «митрополитов вся Руси» с резиденцией в Москве⁴⁸, что означало фактически признание особой Киевской митрополии, входившей в юрисдикцию Константинополя.

При сыне Василия II — Иване III Великом Московское княжество стало превращаться в настоящую империю. Идея *translatio imperii* не встречали неодобрения, но так и не были официально приняты великими князьями. Они появляются в сочинениях псковского монаха Филофея, полагавшего, что Москва есть «третий», но и «последний» Рим, поскольку близится Второе Пришествие, а также в дипломатической переписке венецианского сената с Иваном в связи с его женитьбой на Зое-Софии, племяннице последнего византийского императора⁴⁹. Однако никогда *translatio imperii* не становилась официальной политической доктриной: русские цари никогда не принимали титула «римских императоров», как требовала бы формальная *translatio*, а понимали свой титул в значении *национального* царства «вся Руси», но не всемирной христианской империи. Так, Иван IV заручился благословением восточных патриархов после своей коронации в 1547 г., а установление московского патриарха в 1588 г. произвел константинопольский патриарх Иеремия II. В контексте всей истории русской церкви разрыв административных связей с Константинополем рано или поздно исторически был неизбежен. Восточнохристианская традиция рассматривать мировое христианство как ассоциацию местных церквей, объединенных верой и таинствами.

⁴⁶ Documenta Pontificum romanorum Historiam Ucrainae illustrantia. № 82. P. 46. См. обстоятельный анализ этих событий в работе: Halecki O. From Florence to Brest. Sacrum Poloniae Millennium. Roma, 1958. P. 84—86.

⁴⁷ Послание митрополита Ионы епископам Литвы: РИБ. Т. 6. С. 621.

⁴⁸ Митрополит Феодосий (1461—1464) все еще пользовался им, а Филипп I (1467—1473) уже нет.

⁴⁹ «Quando stirps masculina deesset imperatoria, ad vestram Illustrissimam Dominationem jure vestri faustissimi conjugii pertineret» (цит. по: Шапов А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Киев, 1904. С. XVIII).

вами, была общепризнанным образцом, который относился и к России. Однако на практике избрание Ионы в 1448 г. подразумевало, что церковь станет подменяться, по крайней мере в том, что касается ее руководства, деспотической и все более секуляризованной и растущей царской властью. У нее уже не было той независимости, которой пользовались «митрополиты Киева и вся Русь», когда они выступали как представители далекого византийского центра и хранили всемирную, транснациональную и трансэкуменическую миссию церкви в Восточной Европе.

Заключение: О значении Ферраро-Флорентийского Собора

Как я попытался показать в этой работе, с вселенским униатским собором были связаны подлинные надежды, поддержанные в восточнохристианском мире многими из его лучших лидеров и теологов в период послекрестовых походов. Собор, который в конце концов состоялся в Ферраре во Флоренции, отразил подлинную уступку Западу эклисиологическим эмоциям Востока: собор был созван (по крайней мере в принципе) как «восьмой» и имел теоретическую возможность решить *все* проблемы, разделявшие церкви, не будучи связан односторонними решениями, которые принимались на Западе в период с XI по XV в.

И все же трагедия произошла, потому что не получилось настоящей встречи двух традиций. Внутренние брожения на Западе (как необходимый результат эклисиологической неустойчивости, связанной со схизмой между Востоком и Западом) даже не рассматривались. А у восточной делегации не было ни богословской ловкости, ни необходимой информации, ни духовного мужества для рассмотрения действительно важных проблем.

Фактически можно сказать, что в 1438—1439 гг. две половины христианского мира были гораздо более отчуждены друг от друга, чем *ныне*. И в самом деле, если принять во внимание тех представителей православия, которых действительно волнует «кафолический» масштаб христианства и которые чувствуют ответственность за дело христианского единства, если, с другой стороны, обратиться к знаниям и духовному опыту, к сожалению, слишком узкого круга римско-католических лидеров, ученых и теологов, понимающих природу и подтекст православного церковного опыта, то настоящий диалог действительно возможен. Поскольку Флоренция в исторической перспективе представляется нам неудачей по понятным нам духовным и теологическим причинам, то ответственность за решение этих проблем, которые все еще стоят перед нами сегодня, все более возрастает.

Н. А. Казакова

ИЗВЕСТИЯ ЛЕТОПИСЕЙ И ХРОНОГРАФОВ О НАЧАЛЕ АВТОКЕФАЛИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ*

Русская православная церковь с момента своего возникновения находилась в зависимости от византийской церкви. Эта зависимость выражалась прежде всего в том, что кандидат в русские митрополиты — будь то греческое духовное лицо, посылаемое на Русь, или русское, по выбору великого князя и духовенства, — поставлялся в Константинополе «вселенским» (константинопольским) патриархом. С развитием русской государственности и укреплением русской церкви в политических и церковных кругах Руси неизбежно должна была возникнуть тенденция к установлению церковной независимости. Толчком, способствовавшим проявлению этой тенденции, послужила уния православной и католической церквей, заключенная на соборе во Флоренции в 1439 г.

Заключение унии произошло в обстановке турецкого наступления на Византию. Византийский император Иоанн VIII Палеолог и константинопольский патриарх Иосиф II рассчитывали ценою унии получить помощь Запада против турок. Папский престол в унии усматривал средство подчинения своему влиянию православной церкви и стран православного Востока. С русской стороны акт об унии подписал митрополит Исидор, грек по национальности, возглавлявший русскую церковную делегацию на Флорентийском соборе. Но великий московский князь Василий II Васильевич и руководящие круги русской церкви отказались признать унию, расценив ее как измену православию (объективно решение русских властей было обусловлено несоответствием унии национальным интересам Руси). Исидор по возвращении из Флоренции в Москву был низложен и заключен в монастырь, откуда бежал в Литву, а затем в Рим. В декабре 1448 г. в Москве собором русских епископов был поставлен в митрополиты рязанский архиепископ Иона. Этот акт означал начало автокефалии русской церкви — независимости ее от константинопольского патриархата.

Однако, вступая на путь утверждения независимости русской церкви, великокняжеское правительство стремилось избежать разрыва с византийской церковью. Еще до поставления Ионы в 1448 г. оно пыталось получить согласие Константинополя на новый порядок поставления русских митрополитов: не в Константинополе патриархом, а в Москве собором русских епископов. Просьба об этом содержится в написанном в 1441 г. Послании великого московского князя Василия II Васильевича константинопольскому патриарху Митрофану. Она мотивируется чрезвычайными обстоятельствами, в которых оказалась русская церковь: после смерти митрополита Фотия в 1431 г. в Константинополь был послан

---

* Печатается по изд.: Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XV. Л., 1983. С. 92—102.

для поставления в митрополиты рязанский епископ Иона, но он не был там поставлен, присланный же из Константинополя митрополит Исидор изменил православию и был сведен с митрополичьей кафедры, а теперь в связи с нашествием «безбожных агарян» (турок) путь в Константинополь стал «непроходным». В силу всех этих обстоятельств великий князь просит патриарха разрешить собору русских епископов поставить в митрополиты кандидата, который будет ими избран¹.

В послании Василия II императору Константину Палеологу, написанном в начале 50-х гг., уже после поставления Ионы в митрополиты в Москве, этот шаг великий князь объясняет «великой нуждой», а «не кичением, ни дерзостью», просит императора отнестись к нему благосклонно и выражает намерение написать о случившемся вселенскому патриарху, «требующие о всем благословения и молитвы». Примечательно, что правомерность поставления Ионы в митрополиты в Москве в 1448 г. подкрепляется ссылкой на данное Ионе во время его поездки в Константинополь (в 30-е гг.) благословение патриарха на занятие митрополичьей кафедры после Исидора: когда Иона по выбору великого князя и других князей, бояр и духовенства прибыл в Константинополь для поставления и застал там уже поставленного Исидора, то император и патриарх, сказав, что они не могут изменить случившегося, закончили свое обращение к Ионе следующими словами: «а ты, Иона, паки пойдй на свой стол, на Резанскую епископию; а что божия воля о Сидоре произмыслит, или смертью скончается, или иначе о нем что ся състанет, и ты, Иона, епископ Рязанский, готов благословен на той великий престол Киевский и всея Руси»². Отметим, что в написанном в 1441 г. Послании Василия II патриарху Митрофану ни о каком благословении Ионы патриархом во время пребывания его в Константинополе на занятие митрополичьей кафедры после Исидора речи нет. Это вызывает естественный скепсис в достоверности рассматриваемого известия Послания Василия II императору Константину Палеологу. Не исключено, что высказанное Ионе, когда он был в Константинополе в 30-е гг., императором Иоанном VIII и патриархом Иосифом II сожаление о происшедшем (невозможности поставить Иону в связи с совершившимся постановлением Исидора) теперь, после смерти обоих, русское правительство решило толковать как благословение Ионы на занятие митрополичьей кафедры после Исидора, чтобы придать поставлению Ионы в митрополиты в Москве в 1448 г. видимость законности с точки зрения взаимоотношений с византийской церковью. Думается, что стремление русского правительства смягчить значение случившегося обусловлено влиянием многовековых связей с Византией и византийской церковью.

Е. Голубинский, анализируя оба Послания Василия II, приходит к выводу, что первое Послание либо не было отправлено, либо на него в Константинополе последовал отказ, так как в противном случае незачем было писать второе Послание. Что касается второго Послания, то, как следует из пометы на одном из его списков, оно не было отправлено в Константинополь³. Следовательно, в момент

¹ АИ. СПб., 1841, т. 1, № 39.

² Там же, № 41.

³ Голубинский Е. История русской церкви. М., 1900, т. 2. первая половина. С. 471—488. — В Софийской II и Львовской летописях сообщается, что посла, везшего в Константинополь первое Послание, великий князь воротил с дороги, так как узнал, что византийский император перешел в католическую веру (см. с. 96).

становления автокефалии русской церкви согласие Константинополя на поставление митрополитов в Москве отсутствовало. В последующее же время, после завоевания Константинополя турками и падения его значения как центра православия, с одной стороны, и усиления международных позиций русской церкви в связи с созданием Русского централизованного государства — с другой, практика поставления русских митрополитов в Москве стала обычным явлением и не сопровождалась попытками русских властей получить на нее формальное согласие патриарха. Однако, несмотря на укрепление русской церкви, она продолжала оставаться в неравноправном положении по сравнению с другими центрами православия: возглавлялась митрополитом, а не патриархом. Это неравенство было ликвидировано в 1589 г., когда русская митрополия была преобразована в патриархат.

Известие о начале фактической автокефалии русской церкви читается во всех общерусских летописях и хронографах.

В великокняжеском Своде 1479 г. текст названного известия гласит: «В лето 57. Месяца декабря 15 поставлен бысть на митрополию всей Руси епископы русскими Ефремом Ростовским, Варламом Коломенским, Питиримом Пермским, а новгородской архиепископ Ефимей и епископ Тферьски грамоты свои при-
слаша, что с ними единомыслени на поставление на митрополию Ионы владыки Рязаньского. А преже того, коли в Цареграде был о исправлении митрополии, и он и от святейшего патриарха и от всего еже о нем священного собора благословен последи Сидора на митрополию»⁴. В приведенном тексте подчеркивается, что Иона в бытность свою в Константинополе еще при жизни Исидора получил благословение константинопольского патриарха и освященного собора на занятие митрополичьей кафедры после Исидора. Несомненно, что источником рассматриваемых сведений послужило Послание Василия II императору Константину Палеологу. В более раннем великокняжеском Своде 1471 г., отраженном в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях, читается тот же текст, что и в Своде 1479 г., но с одним отклонением: вместо «благословен» написано «благоверный»⁵, что является ошибкой; очевидно, составитель Свода 1479 г. исправил ошибку, обратившись к Посланию Василия II Константину Палеологу. Составители великокняжеских сводов пользовались архивом великих московских князей и, описывая поставление Ионы в митрополиты в 1448 г., проводили точку зрения великокняжеского правительства на это событие.

В приведенной редакции известие о начале автокефалии русской церкви содержится во всех летописях XV—XVI вв., в которых корпус известий за XV в. связан с великокняжеским летописанием: Симеоновской летописи, Прилуцкой (Свод 1497 г.), Уваровской (Свод 1518 г.), Воскресенской⁶.

Традицию великокняжеских сводов продолжила в 60-х гг. XVI в. Степенная книга. В ней сообщается, что через шесть лет после смерти митрополита Фотия (т. е. в 1437 г.) великий князь Василий II созвал освященный собор, избравший кандидатом в митрополиты рязанского епископа Иону, который был направлен в Константинополь для поставления. Там Иона застал уже поставленного Исидора, и император Иоанн, и патриарх Иосиф, выразив свое сожаление о случив-

⁴ ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. 25. С. 270.

⁵ ПСРЛ. М.; Л., 1959, т. 26. С. 208; М.; Л., 1962, т. 27. С. 115.

⁶ ПСРЛ. СПб., 1913, т. 18. С. 204; М.; Л., 1963, т. 28. С. 110, 277; СПб., 1859, т. 8. С. 121—122.

шемся, благословили Иону «восприяти богоспасаемый... престол Российския митрополия» после Исидора. Далее в Степенной книге следует повествование о Флорентийском соборе, измене Исидора православию, сведении его с митрополичьей кафедры, бегстве за рубеж, о поставлении Ионы в митрополиты собором русских епископов через восемь лет после бегства Исидора; при этом составитель Степенной книги отмечает, что Иону «при Сидоре нарекоша митрополитом быти цареградский царь и патриарх, яко же выше явлено»⁷. Нетрудно заметить, что Степенная книга продолжает традицию великокняжеских сводов как в идеологическом плане, подчеркивая, что Иона в 1448 г. был поставлен в Москве в соответствии с заранее данным благословением императора и патриарха, так и в источниковом — используя Послание Василия II Константину Палеологу. Но рассказ Степенной книги подробнее: составитель ее произвел хронологические расчеты, привел имена византийских исторических деятелей и полнее использовал Послание Константину Палеологу.

В других редакциях интересующее нас известие читается в летописях, возникших в церковных кругах.

В Независимом своде 1472 г. (этот свод А. А. Шахматов определяет как Ростовский владычный свод, Я. С. Лурье — как Свод, составленный в Кирилло-Белозерском монастыре⁸), отраженном в Ермолинской летописи и Сокращенных летописных сводах 1493 и 1495 гг., наличествует следующий текст: «В лето 6957. Поставлен бысть на митрополию на Русь Иона, владыка Рязаньский, на Москве, первый митрополит своими епископы»⁹. Здесь нет упоминания о поездке Ионы в Константинополь и получении им там благословения на занятие митрополичьей кафедры после Исидора; поставление Ионы в митрополиты представлено целиком как дело русской церкви. В Своде 1508 г. (Софийская I летопись по списку Царского), корпус известий которого за XV в. почти сплошь совпадает с Сокращенным летописным Сводом 1493 г.¹⁰ и, следовательно, через посредство этого Свода или его источника восходит к Независимому своду 1472 г., читается несколько иная редакция: «В лето 6957. Князь великий Василей Васильевич постави себе митрополита на Москве Иону владыку Рязаньскаго, собрав владыки»¹¹. В отличие от Ермолинской летописи и Сокращенных сводов 1493 и 1495 гг., в Своде 1508 г. отмечается роль великого князя в поставлении Ионы в 1448 г., но, как и в названных сводах, этот акт рассматривается как результат действий только русской стороны.

В Своде 1489 г. митрополита Геронтия, входящем в состав Софийской II и Львовской летописей, известие о поставлении Ионы в Москве собором русских епископов включено в обширный рассказ о Флорентийской унии, помещенный под 1438 г. В этом рассказе занимающему нас известию предшествует текст Послания Василия II неназванному византийскому императору¹². Текст совпадает

⁷ ПСРА. СПб., 1913, т. 21, ч. 2. С. 506—511.

⁸ Шахматов А. А. 1) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904. С. 72—77; 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 146—150; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 201—204.

⁹ ПСРА. СПб., 1910, т. 23. С. 154; ср.: т. 27. С. 273, 347.

¹⁰ Лурье Я. С. Источник «Сокращенных летописных сводов конца XV в.» и Устюжского летописца. — АЕ за 1971 г. М., 1972. С. 123.

¹¹ ПСРА. СПб., 1851. т. 5. С. 269.

¹² ПСРА. СПб., 1853, т. 6. С. 162—167; СПб., 1910, т. 20, ч. 1. С. 251—254.

(за исключением имени адресата) с уже рассмотренным нами Посланием Василия II константинопольскому патриарху Митрофану и представляет собой другую редакцию этого Послания. Выше, при его анализе, мы отметили, что в нем о поездке Ионы в Константинополь (в 30-е гг.) сообщается лишь, что он там не был поставлен в митрополиты, упоминание же о благословении Ионы патриархом на занятие митрополичьей кафедры после Исидора отсутствует. Включение рассматриваемого Послания в текст митрополичьего Свода 1489 г. подчеркивало негативное отношение константинопольского патриархата к пожеланиям русской стороны и тем самым как бы подготавливало читателя к положительному восприятию известия о новом порядке поставления русских митрополитов. К этому подготавливало и дальнейшее изложение событий в Своде 1489 г.: когда великий князь отправил послов со своим Посланием в Константинополь, то он получил весть о том, что византийский император перешел в «латинскую веру», поэтому великий князь воротил послов и обратился к русским епископам с вопросом: «...достоит ли митрополита поставить в своей земле»; получив положительный ответ, великий князь велел вскоре епископам и «всесвященному собору» поставить Иону на митрополию¹³. Итак, согласно концепции составителя Свода 1489 г., великого князя к решению о поставлении Ионы в митрополиты в Москве собором русских епископов побудило не только негативное отношение византийской церкви к пожеланиям русской стороны в вопросе о главе русской церкви, но и — это главное — измена византийского императора православию.

Мы полагаем, что идейное обоснование своей концепции составитель митрополичьего Свода 1489 г. подчеркнул в распространившейся в русских церковных кругах во второй половине XV в. теории «изрушения» греческого православия — потери греческой церковью своей чистоты после заключения унии и особенно после подчинения ее неверным (туркам). Эта теория выражена, в частности, в формуле, которая в 1475 г. в связи с поставлением в Константинополь для Литвы митрополита Спиридона Сатаны была внесена в обещательные грамоты вновь поставляемых русских архиереев: «...а к митрополиту Спиридону, нарицаемому Сатане, взыскавшему поставления в области безбожных турок от поганого царя, или кто будет иной митрополит, поставлен от латыни или от турскаго области, не приступати мне к нему»¹⁴. Здесь поставление от патриарха, находящегося под властью «безбожных» турок, приравнивается к поставлению от «латинян» и тем самым объявляется недопустимым. В действительности за отрицанием права константинопольского патриарха на поставление русских митрополитов скрывалось стремление русской церкви к автокефалии. Составитель Свода 1489 г., подчеркивавший в своем труде отсутствие какой бы то ни было связи между поставлением Ионы и действиями константинопольского патриарха (в великокняжеских сводах в какой-то мере такая связь признавалась), руководствовался, очевидно, как мы уже сказали, теорией «изрушения» греческого православия. Правда, когда Иона ставился в митрополиты, Константинополь еще не был завоеван турками, но с точки зрения чистоты православия греческая церковь и в то время находилась не на высоте: она состояла в унии с католической церковью. Мы думаем, что и составитель Независимого свода 1472 г., изобра-

¹³ ПСРА, т. 6. С. 167; т. 20, ч. 1. С. 254.

¹⁴ Голубинский Е. История русской церкви, т. 2, первая половина. С. 695.

жавший поставление Ионы в митрополиты как акт, к которому византийская сторона не имела никакого отношения, также исходил в какой-то мере из представления о потере греческой церковью своей чистоты.

Иное обоснование начала фактической автокефалии русской церкви имеет место в Ростовском владычном своде 80-х гг.¹⁵, представленном Типографской летописью. В ней известие о поставлении Ионы соединено с сообщением о его смерти: «В лето 6969 преставися Иоанн, митрополит Киевскы и всея Руси, марта 31 день, и положен бысть в церкви святыя Богородица во граде Москве. Сего же Иону митрополита поставиша на Москве архиепископы по благословению патриарха Цареградского, ходил бо сей Иона в Царьград и взя благословение оу патриарха; и от сех мест начаша ставити митрополитов на Москве и к Царюграду не ходя, изобладал бо бяше Царемьградом турский царь и царя (императора. — Н. К.) оубий и пути не даст и поча царствовать в нем»¹⁶. Средняя часть приведенного отрывка, в которой речь идет о поставлении Ионы русскими епископами в Москве по благословению константинопольского патриарха, в известной мере близка к соответствующему известию великокняжеских сводов. Но есть и различия: в великокняжеских сводах говорится, что Иона ездил в Константинополь еще при жизни Исидора, в Типографской летописи время поездки Ионы и получения им патриаршего благословения не называется, что дает возможность отнести это событие к годам, непосредственно предшествовавшим поставлению Ионы; это усиливало видимость законности поставления Ионы с точки зрения взаимоотношений русской церкви с византийской. Составитель Типографской летописи счел нужным объяснить также, почему после поставления Ионы русские митрополиты стали ставиться в Москве без путешествия в Константинополь за патриаршим благословением: причиной этому было завоевание Константинополя турецким султаном, который не давал туда пути. Содержание рассматриваемого известия Типографской летописи показывает, что в русской церкви наряду с течением, оправдывавшим установление ее автокефалии теорией «изрушения» греческого православия, существовало и другое — не подвергавшее сомнению чистоту греческой церкви и искавшее объяснение практике поставления митрополитов в Москве в обстоятельствах международного характера.

Вопрос о законности поставления митрополитов в Москве собором русских епископов приобрел особую остроту в 20-е гг. XVI в. в связи с деятельностью Максима Грека. Максим Грек, в 1518 г. приехавший с Афона в Москву, занял видное место в религиозной и культурной жизни русского общества как в силу данного ему поручения — новый перевод богослужебных книг, так и благодаря своей широкой эрудиции и выдающимся литературным дарованиям. Будучи греком, патриотом своей родины и приверженцем греческой церкви, он выступил с резким осуждением практики поставления митрополитов на Москве без благословения константинопольского патриарха. По убедительному предположению В. Ф. Ржиги, в связи с занятием митрополичьей кафедры Даниилом в 1522 г. Максим Грек написал «Сказание ко отрицающимся на поставлении и

¹⁵ Ростовский владычный свод 80-х гг. А. А. Шахматов датирует 1484 г., Я. С. Лурье — 1489 г. (Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. С. 284—301; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 215—223).

¹⁶ ПСРЛ. Пг., 1921, т. 24. С. 184—185.

кленущимся своим рукописанием русскому митрополиту и всему священному собору, еже не приимати поставления на митрополию и на владычество от римского папы латынския веры и от цареградскаго патриарха аки во области безбожных турок поганого царя, и поставленного от них не приимати»¹⁷. В «Сказании» Максим Грек полемизировал с теорией «изрушения» греческого православия и доказывал, что утверждение в Константинополе «поганных» царей не повлекло за собой потери греческой церковью ее чистоты, а константинопольскими патриархами — права на поставление митрополитов.

Обвинение в отрицательном отношении к независимости русской церкви наряду с обвинением в осуждении вотчинных прав монастырей были главными, предъявленными Максиму Греку на обоих судивших его соборах — 1525 и 1531 гг.¹⁸. На критику Максима Грека надо было ответить. Таким ответом по вопросу о порядке поставления русских митрополитов явились, в частности, известия о начале автокефалии русской церкви, внесенные в летописи, составленные в 20-е гг. в митрополичьей канцелярии, — Иоасафовскую и первоначальную редакцию Никоновской¹⁹.

На соборе 1531 г., объясняя свои сомнения в законности поставления русских митрополитов на Москве, Максим Грек говорил: «Пытал есми, господине, здесь о чем не ставятся митрополиты русские по прежнему и по старому обычаю у патриарха царегородского, и сказали мне, что патриарх царегородцкой дал благословенную грамоту русским митрополитом, поставитися им волно своими епископы на Руси, и яз много тоя грамоты пытал, и до сех мест не видал есми ее. И яз молвил: коли здесе у них грамоты нет патриарха цареградцкаго, и они о гордости не ставятся по прежнему и по старому уставу и обычаю от патриарха цареградцкаго»²⁰. Итак, Максим Грек показал на суде, что защитники автокефалии русской церкви право на поставление русских митрополитов на Москве собором епископов обосновывали указанием на «благословенную грамоту» константинопольского патриарха, содержащую соответствующее разрешение.

В Иоасафовой летописи о поставлении Ионы в 1448 г. сообщается: «В лето 6957. Декабря 15 поставлен бысть на митрополию всеа Русии Иона владыка Рязанским на Москве архиепископы и епископы руския митрополия по благословению святейшаго вселенского патриарха, как был Иона в Цариграде после Исидора, и патриарх его благословил и грамоту ему дал»²¹. Приведенный текст в какой-то мере примыкает к традиции великокняжеских сводов и Типографской летописи. Но если в первых говорится о поездке Ионы еще при жизни Исидора в Константинополь и получении им тогда патриаршего благословения на занятие митрополичьей кафедры после Исидора, во второй — время поездки Ионы и получения им благословения не уточняется, то в Иоасафовой летописи посе-

¹⁷ Сочинения Максима Грека. Казань, 1897, ч. III; *Ржигза В. Ф.* Опыты по истории русской публицистики XVI века: Максим Грек как публицист. — ТОДРА, 1934, т. 1. С. 27.

¹⁸ *Казакова Н. А.* Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 194, 202, 234—243.

¹⁹ О времени составления названных летописей см.: Иоасафова летопись. М., 1957. Предисловие. С. 11—12; *Клосс Б. М.* 1) Митрополит Даниил и Никоновская летопись. — ТОДРА, 1974, т. XXVIII. С. 188; 2) Никоновская летопись и Максим Грек. — ТОДРА, 1976, т. XXX. С. 124; 3) Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 4, 74, 79.

²⁰ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. С. 41.

²¹ Иоасафова летопись. С. 42.

щение Ионой Константинополя и получение им там благословения отнесены прямо ко времени после Исидора, что придает поставлению Ионы видимость большей законности. И самое главное — в Иоасафовскую летопись внесено указание на получение Ионой в Константинополе не только благословения патриарха, но и его грамоты. Несомненно, что последнее являлось прямым ответом на рассуждения Максима Грека, отразившиеся в его Судном списке²².

Иоасафовская летопись была непосредственным источником первоначальной редакции Никоновской летописи (первая часть списка Оболенского, в которой изложение доводится до 1520 г.)²³, поэтому известие последней об установлении автокефалии русской церкви повторяет приведенное нами известие Иоасафовой летописи. В этой редакции оно читается во всех списках Никоновской летописи, привлеченных к ее изданию, за исключением Толстовского VII (Голицынского) списка, где интересующий нас текст восходит к соответствующему известию великокняжеских сводов²⁴.

В Хронографе 1521 г., первом русском Хронографе, занимающее нас известие чрезвычайно лаконично: «В лето 975 декабря в 15 владыка Иона Рязанский поставлен бысть на митрополию Руския земля, первый своими епископы на Москве»²⁵. Почти совпадая текстуально с соответствующим известием летописей, отразивших Независимый свод 1472 г., оно содержит лишь фиксацию случившегося. Щекотливый вопрос об отношениях с константинопольским патриархом составитель Хронографа не поднимает, может быть, исходя из принципиального взгляда на поставление Ионы как на дело русской стороны, а может быть, просто следуя своему источнику. В Хронографах 1599 и 1601 гг. известие о поставлении Ионы повторяет без всяких изменений текст Хронографа 1512 г.²⁶

С новой для хронографической традиции редакцией мы сталкиваемся в Хронографе 1617 г.: «В лето 6969. Переставися Иона, митрополит Киевский и всеа Руси марта в 31 день, и положен бысть в церкви святыя Богородицы на Москве. Сего Иону митрополита поставиша на Москве архиепископы и епископы по благословению Царяграда патриарха Анастасия. Ходил сей Иона в Царьград и взя благословение от него, еже на Москве поставлятися митрополиту рускими архиепископы и епископы, а к Царьграду не ходити, понеже турки путь Царьгорода отъяша»²⁷. Приведенный текст восходит несомненно к Типографской летописи, но по сравнению с ней внесены хотя и не очень значительные по объему, но весьма существенные по содержанию дополнения. К указанию на поставление Ионы в Москве собором епископов по благословению константинопольского патриарха добавлено имя патриарха²⁸, что, вероятно, по мысли составителя Хронографа, должно было придать всему известию большую убедительность. Но

²² На связь митрополичьего летописания 20-х гг. XVI в. с судебными процессами Максима Грека обратил внимание Б. М. Клосс (*Клосс Б. М.* 1) Никоновская летопись и Максим Грек. С. 124—126; 2) Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. С. 97).

²³ *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. С. 43.

²⁴ ПСРЛ. СПб., 1901, т. XII. С. 74.

²⁵ ПСРЛ. СПб., 1911, т. XXII, ч. 1. С. 436.

²⁶ РО БАН, 31.6.27. Л. 505 об.; РО ГПБ, собр. Погодина, № 1441. Л. 594 об.

²⁷ *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 168.

²⁸ Имя патриарха — Анастасий — ошибочно; патриарх с таким именем в последние десятилетия существования Византийской империи неизвестен.

самое главное новшество заключается в указании, что патриарх благословил на поставление в Москве собором русских епископов не только персонально Иону, но дал благословение на подобный порядок поставления русских митрополитов в Москве без поездок их в Константинополь за патриаршим благословением и на будущее, иными словами, патриархат санкционировал автокефалию русской церкви. Сделал это патриарх в связи с невозможностью свободно проезжать в Константинополь из-за турецкого завоевания (мотивировка заимствована из Типографской летописи).

Редакцией Хронографа 1617 г. завершается длительная эволюция известия русских летописей и хронографов о начале автокефалии русской церкви, менявшего содержание в зависимости от исторических условий и идейной направленности включавших его памятников.

Возникает вопрос: почему именно в конце второго десятилетия XVII в. была составлена рассмотренная редакция интересующего нас известия, объявлявшая поставление митрополитов на Москве санкционированным официально константинопольским патриархом? Ведь, казалось бы, вопрос давно потерял свою остроту: митрополиты ставились на Москве в течение почти полутора столетий, и константинопольские патриархи не имели возможности оспаривать установившуюся практику; более того, прошло без малого тридцать лет, как русская митрополия превратилась в патриархат и управлялась собственным патриархом.

Нам кажется, что ответ на поставленный вопрос следует искать в международном, а отчасти и внутривосточном положении правительства первого Романова. Новая династия начала свое правление в чрезвычайно трудных обстоятельствах. Воцарению Михаила Федоровича предшествовала «смута», сопровождавшаяся сменой царей и появлением самозванцев; несмотря на избрание царем Михаила Романова, польский королевич Владислав не отказывался от своих «прав» на русский престол. В этих условиях важно было добиться не только упрочения положения новой династии внутри страны, но и признания ее иностранными дворами. В 1613—1615 гг. за рубеж, в частности в Австрию, Англию, Голландию, Данию, Францию, направились из Москвы посольства²⁹. Наказы послам содержали предписание довести до сведения иностранных государей историю «смуты» и обстоятельства вступления на престол Михаила Федоровича; аналогичного содержания были и царские грамоты к иностранным государям, которые везли послы³⁰. Правительство первого Романова стремилось показать законность воцарения новой династии. Для упрочения ее положения в глазах православных стран важно было заручиться поддержкой «вселенского», константинопольского патриарха: в Константинополь к патриарху уже в июне 1613 г., раньше, чем в названные государства, было отправлено посольство с извещением о минувших событиях в России и избрании царем Михаила Романова. Через два года посольство с аналогичными поручениями направляется к новому константинопольскому патриарху Тимофею³¹.

²⁹ Бантиш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. М., 1894, с. I. С. 18, 101, 173, 214—215.

³⁰ См., например, материалы посольства Ушакова и Заборовского к императору (ПДСДР. СПб., 1852. т. II, стб. 927—961, 1008—1034) и Кондырева и Неверова — к французскому королю (ЦГАДА, ф. 93, оп. I, № 1. Л. 3—35 об.).

³¹ Макарий, митр. История русской церкви. СПб., 1881, т. X. С. 236.

«Духу времени» соответствовала, как мы думаем, и новая редакция известия о начале фактической автокефалии русской церкви, читающаяся в Хронографе 1617 г. Она утверждала единую позицию византийской и русской церкви в таком важном для последней вопросе, как поставление русских митрополитов в Москве, и провозглашала тем самым законность (с точки зрения взаимоотношений с византийской церковью) установления независимости русской церкви.

Дм. Стремоухов

МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ: ИСТОЧНИКИ ДОКТРИНЫ

Возникшая на Руси в XVI в. доктрина, объявившая Москву «Третьим Римом», вызывает растущий интерес у историков¹, но, несмотря на скрупулезные изыскания М. А. Дьяконова, В. Н. Малинина и Х. Шедер (H. Schaefer), источники этой доктрины остаются недостаточно изученными². Мы предприняли данное исследование в надежде прояснить этот столь важный для понимания идеологии Московского царства и русской истории вопрос³.

Прежде чем перейти к московской концепции, следует кратко охарактеризовать ту имперскую доктрину, которая была усвоена и трансформирована в Москве. Идея вселенской монархии имеет древнее, возможно, иранское происхождение, однако для нашего исследования будет достаточно обратиться к ее изложению в книгах древнееврейских пророков, в частности в книге Даниила. Вселенская история до наступления царства Мессии показана пророком как последовательность четырех царств, символизируемых частями тела истукана, который приносился царю Навуходоносор (Дан 2), либо видением четырех зверей Даниилу (Дан 7); традиция толкует их как Вавилонскую, Персидскую, Македонскую и Римскую империи. В одних случаях христианство, развивавшееся в пределах Римской империи, считало это четвертое царство Даниила царством антихриста (Апок.), в других — силой, удерживающей появление антихриста (2 Фес 2, 5)⁴.

---

¹ Н. С. Чаев. «Москва — Третий Рим» в политической практике московского правительства XVI века // Исторические записки, т. XVII, М., 1945; М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940.

Е. Denissoff (Aux origines de l'Eglise russe autocéphale // Revue des Études slaves, Paris, 1947, fasc. 1—4) и И. У. Будовниц (Русская публицистика XVI в., 1947, с. 100, 173, 289) также подчеркивают значение доктрины Москва — Третий Рим. Будовниц интересуется ею тем более, что он считает московское самодержавие более прогрессивным явлением, чем монархия, ограниченная феодальными институтами. Ср. также J. Pirenne, Les grands Courants de l'histoire. Neuchâtel, 1944, v. II, p. 272.

² М. А. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1889; В. Н. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901 (с изданием текстов Филофея); H. Schaefer. Moskau das Dritte Rom. Hamburg, 1929.

³ Этот вопрос интересовал меня в течение длительного времени. В 1930 г. я коснулся его в сообщении Обществу славистов (cf. Revue des Études Slaves, X, p. 180). Я хотел бы выразить сердечную благодарность А. Грабару, профессору Коллеж де Франс, дружеские советы которого были чрезвычайно полезны для этой работы.

⁴ Bousset, Der Antichrist. Göttingen, 1895, S. 77 f.

Столь полярные интерпретации эсхатологической роли Римской империи являются одной из основополагающих черт христианской апокалиптики.

После утверждения Константином Великим союза христианства и имперского Рима концепции римско-христианской империи суждено было наложить глубокий отпечаток на европейскую историю. На Западе империя была низвергнута варварами и восстановлена лишь в 800 г., когда коронация Карла Великого обозначила глубокий разлом прежде существовавшего мирового единства. В этом *renovatio imperii* воплотилась идея *translatio potestatis imperii a Graecis in Germanos*⁵.

Восточная империя, избежавшая варварского завоевания, «на Босфоре продолжала поддерживать традиции Римской империи, справедливо считая себя ее законной преемницей»⁶. Восточные носители имперской власти считали должным пожаловать своей столице имя Вечного Рима. Проф. Ф. Дёльгер (F. Dölger) изучил проблему «перенесения» названия «Рим» на Константинополь, который с конца IV в. становится «новым Римом»⁷. Император стал василевсом ромеев-римлян и всех христиан, Константинополь же считался *urbs orbis* и *urbs aeterna*.

Византийская идеология, усвоившая некоторые римские формы, была отмечена известным «мессианизмом», расцвет которого, видимо, пришелся на эпоху Македонской династии, что совпало с началом распространения христианства у славян⁸. Неудивительно поэтому, что мессианская идея вскоре проникает и в славянский мир, тем более, что Византия, очевидно, рассматривала эту доктрину как чрезвычайно важную для экспорта⁹. Она получала распространение благодаря учению и каноническим актам греческой церкви либо посредством усвое-

⁵ F. Kampers, Die deutsche Kaiseridee in Prophetie und Sage. München, 1896; *Idem*. Vom Werdengange der abendländischen Kaisermystik. Berlin, 1924; Hahn, Das Kaisertum. Leipzig, 1913; J. Bryce, The Holy Roman Empire. London, 1913.

⁶ L. Bréhier. Vie et Mort de Byzance. Paris, 1947, p. 14. О центральной византийской идее «симфонии» Церкви и государства, представленной «диархией» патриарха и императора, см. В. В. Соколовский. О характере и значении Эпанагоги // Византийский временник. Т. I, в. 1, 1894 и Г. Вернадский. Византийские учения о власти царя и патриарха. Recueil Kondakov (1926).

⁷ F. Dölger. Rom in der Gedankenwelt der Byzantiner // Zeitschrift für Kirchengeschichte, LVI (1937). Ср. также H. Schader, op. cit., S. 9 f.; O. Treitinger, Die Oströmische Kaiser- und Reichsidee. Jena, 1938.

⁸ Византийский мессианизм кроме «римской» формы признавал «иерусалимскую». Византийцы называли Константинополь Новым Иерусалимом и Вторым Иерусалимом. Ср. А. Grabar. L'art religieux et l'empire byzantin à l'époque des Macédoniens // Annuaire de l'École Pratique des Hautes Études, 1939—1940, p. 35; а также послание патриарха Фотия в Православном Палестинском сборнике. Т. XXXI (1892), с. 231—235. Русские знали эту терминологию и также прилагали ее к своей столице. Покойный М. Горлин считал, что теория Третьего Рима должна была связать Москву с Византией, а Иерусалим оказался бы, таким образом, в стороне (Revue des Études Slaves, XVIII, p. 62), но нам не кажется, что название Новый Рим полностью вытеснило «Новый Иерусалим», поскольку последнее мы находим в поэтическом собрании Александра Мезенца (Стремоухова) и некоторых летописях (П. А. Бессонов. Калики переходящие: Сборник стихов и исследование, вып. I—VI. М., 1861—1864; И. Е. Забелин. История города Москвы. М., 1905, с. 36). Возможно, как указал R. Stupperich (Kiev, das zweite Jerusalem // Zeitschrift für slavische Philologie, XII, S. 352), название Рим ассоциировалось с политической жизнью, а Иерусалим — преимущественно с религиозной.

⁹ F. Dvornik. Les Légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance (Praha, 1933, s. 365). Ср. также А. Grabar, art. cit., p. 24. Действительно, апостол славян называл Византийскую империю не Ромейской, а Царством Христа.

ния славянами византийских трудов (некоторые новеллы Юстиниана, толкования на Апокалипсис св. Андрея Кесарийского, различные пророчества)¹⁰.

Все это придавало колоссальный престиж городу, который славяне называли Царьград, но принятие вселенского характера византийской доктрины встречало определенное сопротивление у народов, жаждавших независимости.

Оппозиция была особенно упорной среди балканских славян. Болгария и Сербия наделили своих правителей титулом *царь*, восходящим к имени Цезарь и эквивалентным титулу *василевс*, добились для своих церквей статуса самостоятельных патриархий и даже мечтали о завоевании Константинополя¹¹. В частности, в XIV в. в правление царя Ивана Александра и патриаршества Евфимия в Тырново процветала литературная школа, риторические произведения которой изобилуют помпезными панегириками¹². Вот пример, который имеет для нас определенное значение: болгарский переводчик Хроники Константина Манассии, говоря о падении Рима в V в., противопоставил его не Константинополю (как Манассия), а «нашему новому Царьграду», который «растет и силится», и этим городом оказывается Тырново¹³.

Русские знакомились с византийской доктриной как непосредственно, так и через южных славян, адаптировавших ее в собственных национальных интересах. Русский митрополит подчинялся константинопольскому патриарху; за немногими исключениями, митрополиты были греками, поставленными в царственном городе¹⁴. В то же время, с конца XIV в. и особенно в XV в. делается очевидным «второе южнославянское влияние», которое несли сербские и болгарские иммигранты на Русь.

В 1390 г. болгарин Киприан стал митрополитом в Москве и утвердил там стиль тырновской литературной школы¹⁵. В это же время в 1393 г. константинопольский патриарх Антоний обратился к великому князю московскому Василию I. Встревоженный слухами, что великий князь выказывает ему недостаточно уважения, утверждая даже, что «Церковь имеем, а царя не имеем», патриарх излагает византийскую концепцию роли императора в христианском мире. Он возражает великому князю и приводит собственное мнение. «Невозможно христианам иметь Церковь, а царя не иметь. Царство и Церковь имеют между собой тесное единение и общение, и невозможно отделять одно от другого». Далее он

¹⁰ Migne P. G., CVI, col. 376, 381; Великие Минеи Четьи. 1883. 25—30 сент., стб. 1766—67; В. М. Истрин. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897.

¹¹ K. Jireček. Dějiny národa bulharského. Praha, 1876, s. 187, f. Idem. La Civilisation serbe au moyen âge (1920), pp. 6 ff.; Émile Haumant. La Formation de la Yougoslavie (1930), pp. 52, ff.; H. Schaeder, op. cit., S. 4 f.

¹² К. Радиченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием (1898), с. 21, сл.; K. Jireček, op. cit., s. 270, f.

¹³ Kronike lui Constantin Manasses (ed. Ivan Bogdan, Bucarest, 1922), p. 99. Cf. K. Jireček, op. cit., s. 215; H. Schaeder, op. cit., S. 14, 51. Почти такая же фраза содержится в Хронографе Русском редакции 1512 г. (ПСРЛ, т. XXII, 1, с. 258). Однако автор Хронографа, по всем свидетельствам, противопоставляет Риму не Тырново или Москву, а скорее Константинополь, как это делает и грек Манассия. Поэтому он говорит не «наш новый Царьград», а «наш новый Рим — Царьград».

¹⁴ Е. Е. Голубинский. История русской Церкви. М., 1901, т. I, 1, с. 289, сл. Ср. также М. А. Дьяконов, op. cit., с. 1, сл.

¹⁵ H. Schaeder, op. cit., S. 3. Ср. Е. Е. Голубинский. История русской Церкви, т. II, 1, с. 297, сл.; А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. (1937), с. 234, сл.

описывает высокое положение, занимаемое в Церкви императором, и настаивает на вселенском значении его титула и незаконности возложения его на правителей других народов¹⁶.

Вопрос заключался в следующем: останется ли Москва верна византийским учениям или, побуждаемая жаждой независимости и примером балканских славян, воспользуется благоприятной возможностью и выработает доктрину национального государства¹⁷.

В своем послании патриарх Антоний разъяснил, что почитание, оказываемое империи, не должно умаляться теми бедствиями, которые она претерпевает, и христианам дозвоительно отвернуться лишь от императора, впавшего в ересь. Именно эти выводы москвиты, хорошие ученики греков, и должны были сделать из решений Ферраро-Флорентийского собора (1438—1439), на котором посланники Восточной Церкви в надежде на помощь Запада против турок приняли унию с Римом. Москву на этом соборе представляли митрополит Исидор, грек по происхождению и видный сторонник унии, суздальский епископ Авраамий и ряд других священнослужителей. Когда по возвращении в Москву митрополит Исидор провозгласил унию, он был смещен Василием II, помнившим, что греки всегда описывали латинян как еретиков¹⁸. Симеон Суздалец, один из священников, сопровождавших Авраамия Суздальского, составил Повесть о Флорентийском соборе, сохранившуюся в нескольких редакциях. В ней утверждается, что, во-первых, греки по своей алчности православие предали и, во-вторых, что, сместив митрополита Исидора, великий князь Василий явился поборником православия. Эта идея выражена в форме панегирика (Похвалы), в котором Василий II вознесен на уровень Константина Великого и Владимира Святого как поборник и защитник «православной веры греческой» и всей Руси¹⁹. «Измена» греков оказалась достаточной причиной для установления автокефалии Русской Церкви. После того, как в 1441 г. Исидор был смещен, в 1448 г. епископы избрали и поставили митрополитом Иону, русского по происхождению²⁰. Это решение оказалось во многом судьбоносным, ибо Иона не был признан в Киеве, и последняя нить, связывавшая русские земли, ослабела еще более. Отныне митрополитов было два: один в Киеве²¹, а другой в Москве, где в противовес стремительно падающему престижу греков утверждается «русское благочестие»²².

Катастрофа 1453 г. положила конец тысячелетней империи раньше, чем были определены и урегулированы отношения между Москвой и Константинополем²³.

¹⁶ Памятники древнерусского канонического права (РИБ, т. VI), ч. 1 (2), приложение, с. 269—271.

¹⁷ Д. С. Лихачев обнаруживает первый случай критики византийской концепции на Руси в сочинениях митрополита Илариона: Д. С. Лихачев. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945, с. 24—25.

¹⁸ Ср. Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.

¹⁹ В. Н. Малинин, *op. cit.* (тексты), с. 99—100; ср. с. 76—128.

²⁰ Е. Е. Голубинский, *op. cit.*, т. II, 1, с. 470, сл. Ср. E. Denissoff, *art. cit.*, p. 77, ff.

²¹ Ibid., II, 3, с. 507. Cf. H. Schaefer, *op. cit.*, S. 28.

²² Памятники древнерусского канонического права, с. 653. Ср. М. А. Дьяконов, *op. cit.*, с. 57; В. Н. Малинин, *op. cit.*, с. 480, сл.

²³ Василий II и митрополит Иона объясняли необходимость поставления митрополита в Москве, а не в Константинополе «разногласиями» в царственном городе, где более не было патри-

Падение Византии повергло весь мир в ужас: его считали возмездием. На Западе папа Николай V увидел в нем наказание за отказ от унии, заключенной во Флоренции. В Москве, напротив, митрополит Иона в 1458 г. связал его именно с унией, ибо, пока Константинополь придерживался истинной веры, он противостоял всем вторжениям, а предав ее и объединившись с латинянами, подпал под иго неверных²⁴.

Падение Константинополя, мыслившегося как вечный город христианства, и исчезновение империи, которую считали важной составляющей Церкви, повергло души восточных христиан в глубокое отчаяние. Как может Церковь продолжать существовать без империи? И каково теперь будет место Москвы в истории? Эти вопросы возникли в тот самый момент, когда великое княжество московское, постепенно превращавшееся в могущественное государство, осознало себя последним защитником православия, сохранявшим независимость²⁵. В XV в. московское летописание утратило локальный характер, став общерусским и развивая идею русского единства; таким образом оно имело тенденцию приписать Москве центральное место в истории. Чтобы сохранить традиционную структуру христианства, включавшую христианскую империю, и определить место Руси в истории, можно было предложить три решения. Во-первых, можно было допустить, что падение Византии не было окончательным и что царственный град будет освобожден русскими. Во-вторых, можно было признать верховенство западной Священной Римской империи или, наконец, в-третьих, представить саму Москву как настоящую империю, преемницу Византии²⁶.

Именно первое из этих решений, сохранявшее исходную концепцию мироздания, отвечало на первых порах умонастроениям московитов. Мы видим, что именно к этому решению обращаются различные версии русских известий о взятии Константинополя турками. Описав падение царственного города, автор добавляет: «...аще вся прежереченная Мѣфодием Патаромским и Лвом Премудрым и знаменія о градѣ сем съврѣшишася, то и послѣдняя не преидут, но такоже соврѣшится имут. Пишет бо: “Русій же род съ прежде создательными всего Измаила побѣдѣти и Седмохолмаго примуть съ прежде законными его и в немъ въцесарятсѣ...”»²⁷ Для понимания этого пассажа следует помнить, что в Византии и особенно на Руси считалось, что мир будет существовать семь ты-

арха «по древнему благочестию» (Памятники древнерусского канонического права, с. 557—558, 584—585).

²⁴ Там же, с. 623; *Н. М. Карамзин*, История государства Российского, СПб., 1842, кн. V, с. 212.

²⁵ Нельзя отрицать, что соперничавшее с Москвой Тверское княжество также сыграло свою роль в формировании концепции единого царства. Уже в XIV в. монах Акиндин называл князя Михаила Тверского царем своей земли, а в XV в. другой монах, Фома, называл царем князя Бориса Александровича и сравнивал его с императором Константином. Ср. *В. Вальденберге*, Древнерусские учения о пределах царской власти (1916), с. 140, сл.; *Д. С. Лихачев*, *op. cit.*, с. 92 и сл. Формула Акиндина соответствует определению французских легистов: король есть «*impregator in suo regno*».

²⁶ Еще до прочтения статьи *E. Denisoff* (*art. cit.*, с. 76) мы пришли к выводам, в общем совпадающим с ней.

²⁷ *И. И. Срезневский*, Повесть о Царьграде (1855); *Яковлев*, Сказания о Царьграде (1868), с. 114. В плаче на взятие Константинополя, помещенном в конце Хронографа 1512 г., автор выражает надежду, что неверные будут изгнаны и христианские царства восстановлены. Он завершает плач парафразой из Манассии (см. прим. 13), которую прилагает к Руси, не называя ее, однако, «новым Царьградом».

сяч лет²⁸. Византийский календарь считал годы от сотворения мира, и 7000 г. падал на 1492 г. христианской эры; тогда и ожидался конец света. Псевдо-Мефодий исчислял историю по тысячелетиям, в течение седьмого тысячелетия измаильяне завладеют Греческим царством, но появится царь, который освободит его, после чего появится антихрист и настанет конец света, что, видимо, совпадает с концом седьмого тысячелетия²⁹. С этой точки зрения взятие Константинополя турками — это событие заранее предсказанное и ничего не остается, кроме как ждать царя-освободителя, а затем, в 1492 г., и конца света³⁰. Древние пророчества, приписываемые Льву Премудрому, и надпись на гробнице Константина легко укладываются в пророческую схему Псевдо-Мефодия. Эти пророчества гласят, что Константинополь будет освобожден $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\nu \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, и это светложее племя часто отождествлялось с русскими³¹. Таким образом, московиты брали на себя миссию освобождения царственного града. Московские книжники могли под влиянием южных славян наделять своего правителя царским титулом, однако не спешили придавать его царству имперский статус, сохраняя его за вечным градом Константинополем³². Эта концепция могла быть развита и усилена идеей «византийского наследия», возникшей в результате брака Ивана III (1472) с наследницей Палеологов³³. Такое основывающееся на пророчествах построение, как кажется, мало соотносилось с практическими целями московского правительства, занятого собиранием русских земель и реставрацией наследия Владимира Святого³⁴. Однако эта концепция совпадала с пожеланиями Запада о том, чтобы Москва включилась в решение восточных проблем.

²⁸ Вера, что мир будет существовать шесть (или семь) тысяч лет, является очень древней. Апокрифическое послание Варнавы учит, что, как мир был создан за шесть дней, он и длиться будет шесть тысяч лет, считая день (см. Пс 89, 4—5) как тысячу лет. Это убеждение разделяли талмудисты, некоторые еретики и некоторые отцы Церкви. Если прибавить еще одну тысячу лет, соответствующую седьмому дню, конец света может быть предсказан в 7000 г. после творения. Именно так эта дата и вычислялась на Руси. Ср. *P. Voltz, Die Eschatologie der jüdischen Gemeinde im neuen testamentlichen Zeitalter*. Tübingen, 1934, S. 135, f.; *В. А. Сахаров*. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879.

²⁹ *В. М. Истрин*, *op. cit.* (исследование), с. 20—21.

³⁰ Полную пророческую хронологию апокалиптических событий можно найти в пасхалиях на 1460—1492 гг.

³¹ Относительно этих пророчеств см. *И. И. Срезневский*, *op. cit.*, *В. М. Истрин*, *op. cit.* (исследование), с. 471—472; *М. А. Дьяконов*, *op. cit.*, с. 62, сл. Согласно *Х. Шедеф* (с. 28, сл.), это пророчество основывается на Иезикииле, 38, 2 в Септуагинте: $\upsilon\iota\epsilon \acute{\alpha}\nu\theta\rho\acute{\omega}\pi\omicron\upsilon, \sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\sigma\omicron\nu \tau\omicron \pi\rho\omicron\sigma\acute{o}\pi\lambda\omicron\nu \sigma\omicron\upsilon \epsilon\pi\iota \Gamma\acute{o}\upsilon \kappa\alpha\iota \tau\acute{\eta}\nu \eta\eta\nu \tau\omicron\upsilon \mathcal{M}\alpha\chi\acute{o}\upsilon, \acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha \text{ '}\rho\theta\varsigma, \mathcal{M}\epsilon\sigma\acute{o}\chi \kappa\alpha\iota \Theta\omicron\beta\acute{\epsilon}\lambda$.

³² В позднем (1461) сочинении о Флорентийском соборе, атрибутируемом Пахомию Сербу, прославляющем автокефалию Руси (*А. Павлов*, *op. cit.*, с. 99, 101, 106; ср. *Н. Schaefer*, *op. cit.*, S. 26), император объявляет папе, что Василий II не использует царского титула только в силу своего смирения и благочестия (*В. Н. Малинин*, *op. cit.*, тексты, с. 117). По-видимому, автор пытается легитимизировать царский титул при помощи авторитета византийского императора. Таким образом, Пахомий Серб, видимо, был одним из первых, кто назвал Василия II царем (ср. *А. Павлов*, 100—101; *И. Н. Жданов*. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895, с. 107, сл.).

³³ Например, венецианец Seignior писал, что Восточная империя, желая иметь наследника мужского пола, обращается к князю московскому — из чего и воспоследовал его знаменитый брак (*P. Pierling, La Russie et l'Occident*, Paris, 1891).

³⁴ *Д. С. Лухачев*, *op. cit.*, с. 96, сл.

В это время Италия и Германия мечтали о новом крестовом походе, в котором, как надеялись, примет участие и Русь. Дипломатические отношения, связывавшие Москву с Западом, не были особенно легкими. Как отметил советский историк дипломатии, для западного мира единственным способом легитимизировать новое государство и включить его в систему европейских государств было возложить на московского правителя королевскую корону³⁵. В 1489 г. имперский посол Николай Поппель предложил королевскую корону Ивану III, но тот отверг ее, настаивая, что «поставления как есмь наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим». В другом ответе императору Фридриху III он заявил, что его прародители были в отношениях «приятельства» и «любви» «с передними римскими цари, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии»³⁶. Иван III уже начал именовать себя *царем*, и император Максимилиан, кажется, признал этот титул в форме *кайзер* (такова была формула перевода)³⁷. Москва, таким образом, отказывалась принять корону с Запада и, следовательно, признать Западную империю империей христианской³⁸. Как это далеко от политики южных славян!

Тем временем наступает роковой 1492 г. Апокалиптическая катастрофа не происходит. Русские, таким образом, могут вздохнуть свободнее, хотя ожидание конца света полностью не исчезает. Они должны продолжать жить, а чтобы жить как христиане, надо составить новые пасхалии (старые заканчивались на 1492 г.) и опровергнуть утверждения жидовствующих, что христианские пророчества лгали. Наконец, они должны были выработать новую историческую доктрину христианской империи.

Теперь они склоняются к третьей из вышеупомянутых возможностей: придать Москве функции христианской империи. Первые наброски этого решения очевидны в грамоте московского митрополита Зосимы (1492): «Изложении пасхалии» на начало наступающего восьмого тысячелетия. Говоря о переживаемых «последних сих летах», кануне второго пришествия (хотя точный день его, согласно Священному Писанию, неизвестен), Зосима приводит краткую версию событий христианской истории: Константин Великий основал Новый Рим, Владимир Святой крестил Русь, теперь же Иван III является «новым царем Кон-

³⁵ Histoire de la diplomatie, dir. par V. Potemkin (Paris, I), p. 187. Н. С. Чаев считает, что дипломатические контакты с Западом оказали определенное влияние на формирование теории Третьего Рима (art. cit., с. 10).

³⁶ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. Памятники дипломатических сношений с империей Римскою (с 1488 по 1594 год). СПб., 1851, с. 11—12, 17.

³⁷ Там же, 1502. Петр Великий использовал этот текст, аутентичность которого подвергалась сомнению, чтобы оправдать императорский титул, которым он заменил титул царя. Д. С. Лихачев (op. cit., с. 102) отмечает, что Иван III начал использовать в своих дипломатических контактах царский титул после окончательного падения монголо-татарского ига (1480), а не после женитьбы на Софье Палеолог. Тем не менее он титулуется царем уже в 1473 г., т. е. непосредственно после женитьбы, в договоре с Псковом (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд-во Общая Польза, I, 1483. Ср. H. Schaefer, op. cit., S. 39; В. Н. Малинин, op. cit. (исследование), с. 553, сл.

³⁸ Согласно Н. С. Чаеву (art. cit., с. 15), московские дипломаты боролись за признание равенства царя с императором Священной Римской империи, чей титул они считали выше королевского. Тем не менее очевидно, что в их глазах Священная Римская империя, не будучи православной, не могла считаться настоящим христианским царством.

стянтином новому граду Константину — Москве»³⁹. Насколько мы знаем, это первый текст, в котором Москва открыто и официально объявляется имперским — царствующим градом. Оставалось сделать еще один шаг: «новый град Константин» должен был стать «Третьим Римом».

Примерно в то же время возрождение интереса к богословию наблюдалось и в Новгороде, возможно, благодаря распространению ереси жидовствующих⁴⁰. Конец света, в который так твердо верили христиане, не наступил, и еретики выдвинули новый аргумент: христианские пророчества, говорили они, лгали. Новгородский архиепископ Геннадий (Гонзов) возглавил движение против еретиков⁴¹. Он решил снабдить Русскую Церковь полной Библией. Некоторые книги, отсутствовавшие в славянском переводе, должны были быть переведены с Вульгаты — это интерпретировалось как значительная победа католического влияния⁴². Благодаря кодификации Библии в обращение попало несколько новых текстов, и среди них пророчество Ездры, до тех пор практически неизвестное на Руси⁴³. Перевод с Вульгаты III книги пророка Ездры (в Вульгате она названа IV Ездра) не мог не привлечь общего внимания в тот момент, когда апокалиптическая проблематика вызывала столь страстную озабоченность. В одном из своих видений Ездра наблюдал орла с двенадцатью крыльями и тремя головами. Эти три головы последовательно царствовали на земле. Ангел объяснил Ездре, что орел был четвертым зверем видения Даниила (то есть Римской империей) и что головы символизировали три царства (3 Езд 12, 22—25). Как можно истолковать этот пассаж? Мы знаем, что он был переведен доминиканцем Вениамином, которому помогал Митяй Малый; последнего иногда отождествляют с Дмитрием Герасимовым. В третьей голове орла Ездры Вениамин, возможно, усмотрел Священную Римскую империю германской нации⁴⁴. Но было ли это толкование принято православным Дмитрием Герасимовым? Не

³⁹ Памятники древнерусского канонического права, с. 795—802. Ср. М. А. Дьяконов, *op. cit.*, с. 66.

⁴⁰ О ереси жидовствующих см. комментарии Г. Вернадского, *The Heresy of the Judaizers and Ivan III // Speculum*, VIII, 4 (Oktober, 1933), p. 433—454.

⁴¹ Об архиепископе Геннадии см. Русский Биографический Словарь.

⁴² И. Е. Евсеев. Геннадиевская Библия 1499 г. // Труды 15-го археологического съезда (1916), II, с. 15—16.

⁴³ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, М., 1855, отд. I, с. 43, сл.; Е. Е. Голубинский, *op. cit.*, II, 2, с. 263. Ср. также А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. // Сборник ОРЯС, LXXIV, 1, с. 254; В. Н. Бенешевич. Из истории переводной литературы в Новгороде в конце XV в. // *Ibid.*, CI, 3, с. 378.

⁴⁴ А. Д. Седельников (К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина // ИОРЯС, Л., 1926, т. 30, с. 205 сл.) представил убедительные доказательства в пользу атрибуции Вениамину Слова кратка (опубл. в ЧОИДР, 1902, кн. 2, отд. 2). В этом сочинении автор так характеризует Римскую империю, что можно считать, что для него она представляет четвертого зверя видения Даниила (ср. Слово кратко, с. 58; Дан. 7, 19) и орла из пророчества Ездры. Далее он говорит, что частично это царство уже исчезло и в конце концов исчезнет совсем; возможно, это толкование царствований трех голов орла Ездры. В этих условиях третья голова совершенно естественно отождествляется со Священной Римской империей германской нации. Более того, следует отметить, что в то время существовали многочисленные пророчества относительно императора Фридриха III (*Kampfers, Die Kaiseridee*, S. 139 f.), которые должен был знать доминиканец Вениамин, прибывший в Новгород, возможно, в свите посла Фридриха III (И. Е. Евсеев, *art. cit.*, с. 15).

интерпретировал ли он эту голову, скорее, как Москву, принявшую в это время в качестве герба двуглавого орла? Утверждать это невозможно, но можно предполагать, особенно ввиду того факта, что в знаменитой Повести о белом клобуке, которую предваряет грамота Дмитрия Герасимова архиепископу Геннадию, Русь описывается как «Третий Рим»⁴⁵. В своей грамоте Дмитрий Герасимов рассказывает о том, что он в Риме добыл рукопись Повести и посылает ее перевод новгородскому архиепископу. Мнение о том, что Дмитрий Герасимов является автором этой Повести, неоднократно оспаривалось. Но, даже допустив, что автором был именно он, мы не в состоянии определить, вносились в текст позднейшие интерполяции⁴⁶. Как бы то ни было, следует иметь в виду, что формула «Третий Рим» могла быть впервые употреблена в том произведении, которое приписывается переводчику Ездры.

Импульс, приданный богословской мысли архиепископом Геннадием, принес плоды. Св. Иосиф Волоцкий (Санин) в своем знаменитом Просветителе обличает ересь жидовствующих и в то же время отвергает те основы, на которых покоилась теократическая теория власти московских царей⁴⁷. Однако лишь псковский монах определит Москве роль во вселенской истории и разовьет формулу «Москва — новый град Константин», которую мы рассматривали в Изложении пасхалии митрополита Зосимы.

Филофей, родившийся в начале второй половины XV в. и прошедший всю жизнь в псковском Елеазаровом монастыре (игуменом которого он, возможно, был в правление Василия III), является автором нескольких посланий, в которых он развивает свой взгляд на роль Провидения в жизни людей и народов⁴⁸. Поводов для их написания ему хватало, поскольку в то время жизнь его сограждан была весьма тревожной. В 1510 г. Василий III, заняв торговый город Псков, лишил его древних прав. Часть населения была переселена в Москву, оставшиеся в Пскове терпели всевозможные притеснения от московских наместников. В Повести о псковском взятии, включенной в состав Псковской первой летописи, славный город сокрушается, что многокрылый орел с львиными когтями похитил его два ливанских кедра⁴⁹. А. Н. Насонов отмечает, что этот образ восходит к пророку Иезекиилю, у которого Навуходоносор, захвативший Иерусалим, изображается как орел с большими крылами и длинными перьями (Иез

⁴⁵ Памятники старинной русской литературы, СПб., 1860, вып. 1, с. 296, сл.; Д. И. Кожанников. Повесть о новгородском клобуке (1861), с. 38.

⁴⁶ Повесть о белом клобуке, символе чистоты веры, представлена как перевод рукописи, данной римским библиотекарем Дмитрию, который и передал ее архиепископу Геннадию. Историки русской литературы разделились по вопросу об атрибуции Повести Дмитрию Герасимову (см. обсуждение вопроса: В. Н. Малинин, *op. cit.*, прим. 1881, 1889). Малинин признает Дмитрия Герасимова автором Повести и считает его первым из назвавших Русь Третьим Римом (*Ibid.*, Исследование, с. 525). С другой стороны, Х. Шедер датирует Повесть концом XVI в. (*op. cit.*, S. 81—82). А. Седельников (Vasilij Kalika, *Histoire et Légende // Revue des Études Slaves*, VII, p. 234) преимущественно исследует раннюю историю Повести в Новгороде. Проблема заслуживает дальнейшего рассмотрения, поэтому невозможно утверждать, как Е. Denissolff, что теория Третьего Рима возникла ранее XVI в. (*arg. cit.*, p. 86).

⁴⁷ М. А. Дьяконов, *op. cit.*, p. 91, f.

⁴⁸ В. Н. Малинин, *op. cit.* (Исследование), гл. 1.

⁴⁹ ПСРЛ, т. IV, V, с. 287; А. Н. Насонов. Псковские летописи, М; Л., 1941, вып. 1, с. 95. Текст читается в Своде 1547 г., составленном, согласно А. Н. Насонову, в Елеазаровом монастыре Филофея (Из истории псковского летописания // Исторические записки, т. 18, 1946, с. 270).

17, 3)⁵⁰. Возможно, напрашивалась мысль приложить этот образ к Москве, тем более что двуглавый орел был включен в герб Московского государства⁵¹. Повидимому, в летописи орел Иезекииля был обогащен чертами, взятыми из других пророчеств — III книги Ездры, наделившего орла двенадцатью крылами, и Даниила, снабдившего своего зверя когтями (Дан 7, 19).

Другая (и более антимосковская) псковская летопись даже видит в Москве шестого царя Апокалипсиса (Апок 17, 10)⁵². Комментируя этот текст, В. Н. Малинин подчеркивает — с нашей точки зрения, очень верно, — что в 1510 г. псковичи в отчаянии от падения своего города ожидали конца света. Это мнение подтверждают современные специалисты по древнерусской литературе, также считающие, что в результате перенесенных Новгородом и Псковом страданий здесь возобновились ожидания конца света⁵³. Академик А. А. Шахматов, напротив, видит в этом фрагменте не более чем пародию на Филофея⁵⁴. Его аргументация, однако, представляется нам чрезвычайно слабой, ибо трудно усмотреть в почти дословном цитировании Апокалипсиса пародию на фразу Филофея. Сама по себе идея, что Московское царство является одним из царств, предшествующих появлению антихриста⁵⁵, легко могла возникнуть в Пскове в 1510 г. Народные несчастья, естественно, породили апокалиптическую атмосферу, возможно, утвердившую и Филофея в уверенности, что час близится⁵⁶. Не следует забывать, что в христианской традиции империя могла рассматриваться и в положительном, и в отрицательном смысле. Псковичи сочли ее бедствием, Филофей же будет считать ее благом.

Известно послание Филофея, относящееся в точности к этим бедственным временам, в котором он, обращаясь к своим согражданам, утешает их в несчастье и призывает терпеть испытания как христиане⁵⁷. Некоторые пассажи послания позволяют предположить, что они обращены к ропщущим на государя. Филофей утверждает, что неблагодарность по отношению к Богу, как и враждебность по

⁵⁰ А. Н. Насонов, art. cit., с. 266.

⁵¹ А. Solov'ev. Les emblèmes héraldiques de Byzance et des Slaves // *Seminarium Kondakovianum*, VII (1935).

⁵² ПСРЛ, т. IV, V, с. 282. Согласно А. Н. Насонову (art. cit., с. 267), этот текст представляет собой крайне антимосковскую часть Свода 1567 г.

⁵³ В. Н. Малинин, op. cit. (Исследование), с. 169; История русской литературы. Изд. АН СССР, М.: Л., 1945, т. II, с. 398, 405.

⁵⁴ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении хронографа // Сборник ОРЯС, LXVI, 9, с. 112. Ср. А. Н. Насонов, art. cit., с. 267. Х. Шедер считает его поздней искаженной версией учения Филофея, op. cit., S. 56.

⁵⁵ Следует отметить, что псковский летописец называет Москву скифским островом. Слово «остров» кажется необъяснимым, прилагательное «скифский» может быть истолковано лишь следующим образом: если составитель свода 1547 г. видит Москву в контексте орла Иезекииля, то автор свода 1567 г. ищет апокалиптическую этимологию слова Москва с помощью Иезекииля, 38, 2 (см. выше, прим. 31). Польские ученые XVI в. считали русских потомками Моисея и полагали их скифами (ср. Ю. Крижанич. Толкование исторических пророчеств // Чтения ОИДР, 1891, кн. 2, Отд. II, с. 16 сл.). В этих обстоятельствах понятно, что Филофей должен был обратиться к тексту св. Ипполита, где упомянуты скифы (ср. прим. 60). Возможно, цитирование имеет целью доказать, что москвиты не являются апокалиптическими скифами.

⁵⁶ В. Н. Малинин, op. cit. (Исследование), с. 441—442.

⁵⁷ Ibid., с. 166—170.

отношению к царю непозволительны, ибо сердце государя в руцех Божьих и он слуга Божий⁵⁸. В другом послании, адресованном персонально Василию III и датирующемся, возможно, тем же самым временем или чуть позднее, Филофей, в надежде смягчить страдания сограждан⁵⁹, молит государя облегчить беды, общие для всей Руси. Здесь также содержится предварительный набросок его доктрины, положения которой, рассыпанные по всему посланию, суммируются, наконец, таким образом: «Да аще добро устроиши свое царство— будеши сын свята и гражданинъ вышняго Иерусалима, якоже выше писах ти и нынь глаголю: блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошасъ въ твое едино, яко два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не быти. Уже твое христианское царство иным не останется, по великому Богослову, а христианской церкви исполнися блаженнаго Давыда глаголь: “Се покой мой в вѣкъ вѣка, здѣ вселюбися, яко изволих его”. Святой Ипполит рече: “Егда узрим обстоим Рим перскими вои, и перси на нас с скифаны сходящас на брани, тогда неблаженно познаем, яко той есть антихристъ”»⁶⁰.

Прежде чем перейти к уточнению источников Филофея, позвольте остановиться на другом его послании, написанном, возможно, около 1524 г.⁶¹ В это время он состоял в переписке с великокняжеским дьяком в Пскове Мисюрем Мунехиным, влиятельным лицом, перед которым он ходатайствовал за горожан. Мунехин, человек образованный, переписывался с несколькими корреспондентами, в частности Дмитрием Герасимовым и Николаем Латынянином⁶². Последнего отождествляют с Николаем Булевым, врачом Василия III. «Профессор медицины, астрологии и основательнейший во всех науках», Николай Булев был странной фигурой в Москве XVI в. Поборник католицизма и астрологии, он был объектом яростной критики со стороны другого «гуманиста», Максима Грека. Николай послал одно из своих сочинений Мунехину, и оно, очевидно, вызвало интерес ученого дьяка, поскольку он передал его содержание Филофею. Это подтолкнуло Филофея на написание Послания на звездочетцев и латынян, которым он ответил Мунехину⁶³. Судя по этому опровержению, Николай Булев отстаивал два тезиса. Во-первых, это дорогое для человека эпохи Возрождения положение астрологии, что судьбы людей и народов определяют звезды. Это влекло за собой предсказание космических изменений в 1524 г., в чем он был согласен с астрономом Штоффлером, предсказавшим потоп в 1524 г.⁶⁴ Второе положение, менее значимое для писаний Булева, распространялось католическими полемистами: раз Восточная империя пала, это произошло потому, что она отпала от истинной веры, Западная же продолжает существовать, значит, она ей верна. Филофей суммирует этот тезис следующим образом: «...яко латыни глаго-

⁵⁸ Ibid. (Тексты), с. 16.

⁵⁹ Ibid., с. 371—373.

⁶⁰ Ibid. (Тексты), с. 54—55. В. Н. Малинин показал (op. cit., Исследование, с. 434—435), что слова, приписываемые великому богослову, являются ссылкой на Дан 2, 44; последние же атрибутируются как слова Давида, Пс. 132, 14. Малинин добавляет, что ссылка на св. Ипполита едва ли ясна (см. выше, прим. 55).

⁶¹ В. Н. Малинин, op. cit. (Исследование), с. 266—269.

⁶² Ibid., с. 159, 268 сл. О Николае Латынянине, надежно отождествляемом с Николаем Булевым, см. Русский Биографический словарь; В. Н. Малинин, op. cit. (Исследование), с. 256 сл.

⁶³ Ibid. (Тексты), с. 48; (Исследование) с. 270 и сл.

⁶⁴ Ibid. (Тексты), с. 48; (Исследование) с. 268; Е. Е. Голубинский, op. cit., т. II, 1, с. 690.

лють: наше царство Ромеиское недвижимо пребывает, аще быхом неправо вьрвали, не бы Господь снабдл нас»⁶⁵.

В первой части Послания Филофей развивает космологическую тему и опровергает с помощью Священного Писания астрологический тезис. Затем он переходит ко второму тезису. Католический аргумент, что Рим остается свободным и независимым, должен был произвести глубокое впечатление на русских, считавших, что Константинополь пал, потому что он предал истинную веру, объединившись с латинянами. Поэтому Филофей считал своим долгом опровергнуть этот аргумент, но его опровержение, надо признать, довольно слабо: «Аще убо великого Рима стьны и столпове и трекровныя полаты не пленены, но душа их от диавола пленены быша опрьснокъ ради. ...Ромеиское царьство неразрушимо, яко Господь в Римскую власть написася»⁶⁶. Таким образом — и это объяснение едва ли можно считать оригинальным⁶⁷, — нерушимость Рима следует единственно из того факта, что Христос попал в перепись населения в Вифлееме. Это объяснение требует дальнейшего уточнения, ибо хотя оно и говорит нам, почему Рим сохранил независимость, но не указывает, где находится истинная христианская империя. Таким образом, в этом послании Филофей вновь должен обращаться к теории «Москва — Третий Рим», которую он уже начал развивать в послании Василию III. Хотя Послание к Мунехину, по-видимому, было написано не ранее чем через десять лет после выработки доктрины Филофея, его реакция против католической точки зрения должна принадлежать более раннему времени. Вероятно, подобная реакция была одним из факторов, способствовавших формированию его теории, так как Новгород и Псков находились в достаточно тесном соприкосновении с Западом. Таким образом, концепция Филофея вырабатывалась, с одной стороны, в противодействие псковичам, видевшим в Москве царство антихриста, а с другой стороны, в противодействие католикам, верившим, что истинная христианская империя сохранилась на Западе.

В. Н. Малинин, подчеркивая, что теория Филофея основывается на пророчествах Даниила, добавляет, что трудно сказать, какие из известных в славянском переводе комментариев использовал Филофей⁶⁸. Тем не менее В. Н. Малинину принадлежит значительный вклад в выяснение этого вопроса; Х. Шедер продолжила его размышления. Мы попытаемся пролить дополнительный свет на источники Филофея.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что Филофей заимствовал формулу о соединении царств из первого славянского перевода Псевдо-Мефодия. Действительно, говоря об идее единой монархии, которая составляет стержень вселенской истории, переводчик употребляет слово «снидошесе», и этот же термин мы вновь находим у Филофея, когда он говорит о том, что все царства соединились в Московском царстве⁶⁹. Но Псевдо-Мефодий, разумеется, не имел в виду никакой другой монархии, кроме Византийской, призванной длиться до конца времен.

⁶⁵ В. Н. Малинин, *op. cit.*, с. 42. О весомости этого аргумента можно судить по следующей детали: как рассказывает Иван Пересветов, в XVI в. католики считали, что Бог уступил греков туркам, на что греки отвечали: у нас есть царство и свободный царь, намекая таким образом на Москву (В. Ф. Ржигза. И. С. Пересветов, публицист XVI в. // ЧОИДР, 1908, кн. I, с. 77).

⁶⁶ В. Н. Малинин, *op. cit.* (Тексты), с. 43.

⁶⁷ Ibid. (Исследование), с. 352.

⁶⁸ Ibid, с. 525.

⁶⁹ Ср. В. М. Истрин, *op. cit.* (Тексты), с. 89; ср. с. 17 и (Исследование) с. 139; В. Н. Малинин, *op. cit.* (Тексты), с. 45, ср. с. 50—51, 54, 56.

Здесь начинается творческая работа Филофея, хотя путь для него был уже намечен Дмитрием Герасимовым.

Общепризнано, что Филофей назвал Москву Третьим Римом под болгарским влиянием, в частности под влиянием болгарского перевода Хроники Константина Манассии, называющего Тырново «новым Царьградом». П. Н. Милюков сформулировал эту гипотезу следующим образом: в благодарность за помощь, оказанную южным славянам Москвой, те наделили ее званием «нового Царьграда» и «Третьего Рима»; таким образом, основной источник измышлений Филофея обнаруживается в болгарском переводе Хроники Манассии, который он должен был использовать при составлении Хронографа Русского редакции 1512 г. П. Н. Милюков считает ее автором Филофея⁷⁰. Мы признаем значительное влияние южных славян на формирование московской идеологии, но в том, что касается Филофея, если отставить гипотезу Шахматова относительно Хронографа 1512 г., этот тезис кажется нам ошибочным в силу различных причин⁷¹. Нет необходимости объяснять появление нашей формулы у Филофея влиянием болгарской хроники, достаточно неопределенно называющей Тырново «новым Царьградом». Ведь уже в 1492 г. митрополит Зосима официально присвоил титул «нового Константина града» Москве⁷². Кроме того, Филофей, как он сам говорит, развивает свою теорию в соответствии с книгами пророков⁷³. Именно в них, а не в болгарской хронике следует искать источники Филофея. Здесь следует напомнить, что в Геннадиевскую Библию было включено пророчество Ездры, переведенное доминиканцем Вениамином и Дмитрием Герасимовым, состоявшим в переписке с Мисюрем Мунехиным. Выше мы предположили, что этот апокалиптический текст толковался в Повести о псковском взятии и повлиял на нее⁷⁴. В любом случае, этот текст повлиял на Филофея, поскольку он ссылается на него, правда, по другому поводу, в Послании о покорении разума откровению⁷⁵. Поскольку четвертый зверь пророка Даниила, Римская

⁷⁰ П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры (1930), т. 3, с. 52—55; ср. также М. Н. Тихомиров, *op. cit.*, с. 139. Этот тезис, как и другие, основывается на гипотезе А. А. Шахматова о том, что Филофей был редактором Хронографа 1512 г., продолжающего Хронограф 1442 г., атрибутируемый, в свою очередь, Пахомию Сербу. Этот хронограф, как мы видели выше, испытал влияние болгарского перевода Хроники Константина Манассии. По Шахматову, Филофей, возможно, добавил тексты плачей на падение Константинополя. Ср. А. А. Шахматов, *op. cit.*, с. 80, 109; А. А. Шахматов. Путешествие М. Г. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. // ИОРЯС, 1899, т. 4, кн. 1, с. 214. Х. Шедер хотя и отрицает эту гипотезу Шахматова, признает влияние Манассии на Филофея (*op. cit.*, S. 49—59).

⁷¹ См. прим. 70 и 72.

⁷² Академик А. А. Шахматов, приписывая Филофею Хронограф 1512 г., основывал свои заключения преимущественно на наличии в нем идей, общих и для Филофея, и для Хронографа. С нашей точки зрения, однако, эта общность идей весьма относительна. Автор Повести о взятии Константинополя, включенной в конец Хронографа, одновременно надеется и на освобождение балканских стран, и на восстановление христианского царства. Филофей же, со своей стороны, считает, что христианское царство уже воздвигнуто в Москве, и даже рискует сказать, что Константинополь на восстанет. Более того, Хронограф говорит о путешествии св. апостола Андрея в Киев, во что Филофей не верил. Эти аргументы против гипотезы Шахматова благоприятны для построений Х. Шедер.

⁷³ В. Н. Малинин, *op. cit.* (Тексты), с. 45.

⁷⁴ См. выше.

⁷⁵ В. Н. Малинин (*op. cit.*, Тексты, с. 34 и Исследование, с. 244—245) пишет о третьей книге Ездры, но цитату использует из Ездры 4, 5 и сл. Возможно, что этот текст, за которым следует ссылка на Марка 13, 32, Филофей цитирует в связи с эсхатологическими вопросами.

империя, предстает здесь трехговым (символизирующим три более или менее последовательных царства), нетрудно интерпретировать эти три головы как Рим, Византию и Русь, которая, таким образом, становится Третьим Римом⁷⁶.

Верность нашей интерпретации, как кажется, подтверждает Повесть о начале Москвы, рассказывающая о том, как в 1206 г. великий князь Даниил Иванович обнаружил в болоте огромное трехголовое животное. Ученый грек объяснил ему, что в этом самом месте будет построен большой город, и именно здесь Даниил Иванович заложил Москву⁷⁷. Возможно, здесь мы наблюдаем фольклорную интерпретацию пророчества Ездры. Более того, в XVII в. для Юрия Крижанича, который первым изучил и опроверг тогда еще вполне актуальную теорию Москва — Третий Рим, связь между этой теорией и пророчествами Ездры была очевидной. Он пишет: «Я не вим камо јест мислил Јеремия патриарх, когда јест Москву третјим Римом назвал». Из этого числа следовало бы: «дабы Московско царство имило быти једна из тих трих орлових» глав (Ездры), обреченных на проклятие и погиль. Для него три орлиные головы символизируют Римское и Греческое царства и Священную Римскую империю; последняя из этих империй завершила свое существование с концом правления Карла V⁷⁸.

Вернемся к Филофею. Зачем ему было скрывать свои источники? Его резоны вполне понятны: благочестивый монах и апологет христианской монархии, он не мог объявить Москву третьей головой четвертого зверя Даниила. Теоретики империи всегда основывались на видениях Даниила, но не всегда раскрывали источники своих аллегорий — в силу двусмысленности представлений о последнем царстве, иногда считавшемся христианским царством, а иногда — царством антихриста. Поэтому Филофей счел необходимым найти иной, менее рискованный апокалиптический образ для подтверждения своей теории. Х. Шедер справедливо отметила, что этот образ был его собственным открытием, и мы можем наблюдать работу над этим образом⁷⁹. В Послании на звездочетцев и латынн Филофей резюмирует, не очень удачно, 12-ю главу Апокалипсиса о «жене облеченной в солнце». Последняя, согласно толкованиям св. Андрея Кесарийского, широко распространенным на Руси, представляет Церковь⁸⁰. Говоря о ее бегстве в пустыню, преследовании драконом, который пустил «вслед жены воду как реку, дабы увлечь ее рекою» (Апок 12, 15), Филофей разъясняет: «...воду глаголетъ невѣрие. Видиши ли, избранниче Божии, яко вся христианская царства потопишася от невѣрных, токмо единого государя нашего царство едино благодатию Христовою стоит»⁸¹. Возможно, этот текст является аллегорическим истолкованием наводнения, предсказанного Николаем Латыннином на 1524 г. Этот образ развивается далее в послании Ивану IV⁸². Здесь Филофей утверждает, что «жена оболчена в солнце» —

⁷⁶ Х. Шедер пишет только: «То, что Четвертого Рима не будет, следует уже из числа “три”»; что предсказано также в Дан 7, 8 и 24 и Езд 4, 12, 22» (Op. cit., S. 56).

⁷⁷ И. Е. Забелин, op. cit., с. 28, сл.; С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы // ТОДРА, т. III, М.: Л., 1936, с. 92, сл.

⁷⁸ Ю. Крижанич, op. cit., с. 11; Idem, Русское государство в половине XVII в., вып. 1 (1859), с. 354—356. Ср. Н. Schaefer, op. cit., S. 118; см. прим. 89.

⁷⁹ Н. Schaefer, op. cit., S. 55.

⁸⁰ Великие Миней Четъи, 25—30, сент., стб. 1743.

⁸¹ В. Н. Малинин, op. cit. (Тексты), с. 46.

⁸² Мы признаем, хотя и не без колебаний, что фрагмент, называемый Послание Филофея царю Ивану Васильевичу, действительно содержит пассаж, оправдывающий притязания на этот

Церковь — бежит из древнего Рима, поскольку он впал в ересь⁸³, бежит и из нового Рима — Константинополя, поскольку во Флоренции греки приняли унию с латинянами. «И паки въ третии Римъ бѣжа, иже есть в новую Великую Русию, се есть пустыня, понеже святыя вѣры пусти бѣша и иже божествении апостоли в них [не] проповѣдаша, но послѣди всѣх просвѣтися на них благодать Божия спасителнаа его же познати истиннаго Бога. И едина нынѣ святаа съборнаа апостольскаа Церковь въсточная паче солнца въ всей поднебеснѣи свѣтится, и единъ православный великий руский царь въ всей поднебесной, яко же Нои в ковчезѣ спсеныи от потопа, правя и окормляа Христову Церковь и утвержаа православную вѣру»⁸⁴. Этот апокалиптический образ позволяет Филофею легитимизировать его концепцию перемещения христианского царства в Москву и оправдывает, в его глазах титул, данный им царю, — «един православный ... царь въ всей поднебесной»⁸⁵.

В. Вальденберг подчеркивает, что Филофей называет Третьим Римом не Москву, но всю Русь⁸⁶. В некотором смысле он прав, поскольку в глазах Филофея этого имени заслуживает царство, а не город. Тем не менее в послании к Мунехину он пишет об Успенском соборе в Москве, а в послании к Василию III: «...святыя вселенския соборныя апостольския Церкви Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения, иже вмѣсто римския и константинопольския просиявшу», «сия же нынѣ третьяго, новаго Рима дръжавнаго твоего царствия... паче солнца свѣтитца...»; видимо, здесь подразумевается отождествление Москвы с Третьим Римом. Византийская и Римская империи часто назывались по своим столицам (Первый Рим, Второй Рим), естественно было и Русь называть по столице: так Москва стала Третьим Римом.

Иван III, как мы видели, официально принял царский титул, в 1498 г. он венчал на царство своего внука Дмитрия; в 1547 г. церемония была возрождена с гораздо большей торжественностью Иваном IV. Несколько позднее Восточная Церковь признала его василевсом⁸⁷. Таким образом, уже в конце XV в. идея единой христианской монархии оказалась одним из важных факторов истории великого княжества московского, становящегося великой державой Восточной Европы.

Как совершенно справедливо отметил Н. С. Чаев, теория Третьего Рима идеологически обосновывает и оправдывает действия правительства по созданию сильного централизованного государства; она была призвана сформировать

титул, и адресовано Ивану IV. С другой стороны, мы очень скептически настроены относительно сочинения в целом. В. Н. Малинин считает его неотъемлемой частью *послания* (В. Н. Малинин, *op. cit.*, Исследование, с. 75, сл.; Тексты, с. 57—66), однако на самом деле оно представляет собой собрание цитат, большая часть которых идентифицируется (2 Тим 3, 1—3; кормчая с толкованиями митрополита Кирилла II; Евр 10, 5—7; 2 Петр 3, 3—18), и было бы затруднительно считать его посланием к государю.

⁸³ Филофей, в соответствии с древней традицией православных полемистов, обвиняет католиков, особенно за употребления опресноков, в следовании Аполлинариевой ереси.

⁸⁴ В. Н. Малинин, *op. cit.* (Тексты), с. 63. В. Н. Малинин, в соответствии с некоторыми рукописями, восстанавливает «них [не] проповѣдаша».

⁸⁵ *Ibid.*, с. 45, ср. с. 50. М. В. Шахматов, изучая доктрину венчания на царство московских царей, различает власть русских и православных государей. Лишь православная власть претендовала на вселенский характер (Записки русского научного Института в Белграде, вып. I, Белград, 1930, с. 257 и 264).

⁸⁶ В. Вальденберг, *op. cit.*, с. 267—268.

⁸⁷ М. А. Оболенский. Соборная грамота духовенства православной восточной Церкви, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем, 1561 года. М., 1850.

идеологический облик Москвы⁸⁸. В сфере внутренней политики централизация власти в руках царя-самодержца оказала влияние на социальное развитие в целом. В сфере внешней политики создание Московского царства влекло за собой поддержку восточных христиан, колонизацию и христианизацию земель на Востоке и, наконец, оно придало больший вес московским дипломатам в их отношениях со странами Запада. Теократический характер царской власти позволял государю контролировать церковные дела. Это не помешало Церкви развивать апостольскую традицию, канонизировать многочисленных святых, а в 1589 г. ее глава получил столь желанный сан патриарха⁸⁹. Новые политические концепции глубоко отразились в архитектуре, литературе и даже в языке.

Хотя здесь и невозможно проследить дальнейшее развитие теории Третьего Рима, следует добавить, что, несмотря на ее вселенский характер, она возвеличивала собственно русское благочестие и подпитывала национальные чувства, проявляя таким образом тенденцию к национальному и религиозному партикуляризму. Этот московский партикуляризм, чуждый по отношению к украинским православным христианам и враждебный по отношению к православным христианам Греции⁹⁰, во второй половине XVII в. более не отвечал потребностям русской политики⁹¹. В этот период важно было привлечь на свою сторону православных в Киеве — эта древняя митрополия признала главенство Москвы в 1659 г. Кроме того, в планах московского правительства возникает идея освобождения восточных христиан⁹².

В день, когда патриарх Никон провозгласил себя русским по рождению и греком по вере⁹³, прошлое Русской Церкви, а вместе с ней и русское благочестие были подвергнуты проклятию. Теория, сформулированная Филофеем, казалось бы, утратила свое значение. Лишь старообрядцы оставались верны ей, но для них Третий Рим, как и два предшествующих, впал в ересь — ересь никонианства⁹⁴. Никон для них был предвестником антихриста, которого они распознали в Петре Великом. В глазах старообрядцев Москва — Третий Рим превратилась из христианского царства в царство антихриста, и, таким образом, они вернулись к идеям псковичей начала XVI в., против которых, как мы видели, выступал Филофей.

Кратко охарактеризуем место теории Москва — Третий Рим в идеологии и национальном сознании москвитов XVI в. Сохранилось несколько сочинений, от-

⁸⁸ Н. С. Чаев, *art. cit.*, с. 23.

⁸⁹ П. Н. Миллюков, *op. cit.*, ч. 2, вып. 1, с. 31 сл.; М. А. Дьяконов, *op. cit.*, с. 91. Формула Филофея «Русь — Третий Рим» обрела свое место в уложенной грамоте об учреждении московской патриархии, подписанной константинопольским патриархом Иеремией II (Собрание государственных грамот и договоров, т. II, с. 97).

⁹⁰ О дискуссиях с греками относительно московских обычаев см. Белокуров С. А. Арсений Суханов, ЧОИДР, 1894, кн. 1—2. Об антимосковских настроениях высшего киевского клира, желавшего сохранить подчинение Константинополю, см. В. Эйгорн. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством // ЧОИДР, 1893, кн. II.

⁹¹ Н. С. Чаев (*art. cit.*, с. 3) отмечает, что церковная реформа XVII в. соответствовала внешней политике московского государства.

⁹² Путешествие антиохийского патриарха Макария // ЧОИДР, 1898, кн. 4, с. 171. Несколько позднее, в 1686 г. Москва впервые присоединилась к европейской коалиции против турок. Ср. также Dr. Moštin. Treći Rim i južni Slovenci // Rusko-jugoslovenski Almanah. Belgrade, 1934, s. 59.

⁹³ Н. Ф. Каптев. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. I, Сергиев Посад, 1909, с. 161.

⁹⁴ В. Н. Малинин, *op. cit.* (Исследование, с. 767—768), собрал ряд сочинений староверов, касающихся теории Москва — Третий Рим.

ражающих эту идеологию. Некоторые из них, в частности различные редакции Сказания о князьях владимирских⁹⁵, развивают тему царства. В одних его перемещение объясняется генеалогической преемственностью и передачей известных реликвий. Другие настаивают на чистоте русского православия, которое также доказывается передачей реликвий, таких как знаменитый белый клобук. Все эти сказания и легенды сыграли определенную роль, но им не удалось соединить идею царства с идеей чистоты веры и оправдать перемещение и восстановление царства в Москве ее приверженностью истинной вере. Однако именно эти аспекты представляются нам наиболее характерными для нового московского национального сознания. Поэтому мы считаем, что теория, четко сформулированная Филофеем, занимает центральное место в московской идеологии: она лежит в основе представлений москвитов об их родине и возвышает эти представления до уровня доктрины. Теория Москва—Третий Рим была призвана оправдать в глазах русских *translatio* империи в Москву и ее *renovatio* с помощью аргументов из Священного Писания и истории — или, по крайней мере, с помощью аргументов, считавшихся историческими и библейскими⁹⁶.

Лилльский университет
Пер. И. И. Соколовой

⁹⁵ Об этих сочинениях и легендах см. в вышеупомянутой работе И. Н. Жданова.

⁹⁶ Н. С. Чаев также считает теорию Третьего Рима основой московской идеологии. Ср. М. А. Дьяконов, *op. cit.*, с. 67, сл. и История русской литературы, т. II, ч. 1, АН СССР, М.; Л., 1945, с. 304.

Данная статья была готова к публикации в 1947 г. С тех пор появились две статьи, обсуждающие значение доктрины Филофея. О. Оглоблин (*Moskovs'ka Teorija III Rimu*, München, 1951) утверждает, с украинской точки зрения, что теория Филофея стала официальной московской доктриной. С другой стороны, Н. Н. Масленникова (Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства // ТОДРЛ, т. 8, М.; Л., 1951) вслед за Д. С. Лихачевым (*op. cit.*, с. 100—104) отрицает это. Мы также полагаем, что считать ее официальной было бы преувеличением. Ее значение лежит более в сфере идеологии, чем политики; мессианистская и имперская, она не была в сущности «империалистической». Она подразумевает отказ от Константинополя — Н. Н. Масленникова (*art. cit.*, с. 201) приводит те же аргументы, что и я в примечании 72. Ср. также А. Н. Кизеветтер. Россия и южное славянство в XIV—XVII вв. // Прослава на освободителната война, 1877—78 г., София, 1927 — и в XVII в. даже делается неудобной по причине своего слишком явного партикуляризма. О византийском влиянии в России см. D. Obolenskij. *Russia's Byzantine Heritage* // Oxford Slavonic Papers, 1950, vol. 1. Об отношениях между государством и Церковью см. W. K. Medlin. *Moscow and East Rome. A political study of the relations of Church and State in Muscovite Russia*. Genève, 1952.

М. Чернявский

ХАН ИЛИ ВАСИЛЕВС: ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ*

Каждому интересующемуся Россией историку приходится иметь дело с одним из самых ярких и существенных явлений в русской истории — татаро-монгольским игом, когда в XIII веке большая часть Руси была покорена и в течение двух с лишним столетий оставалась, по крайней мере *de jure*, провинцией азиатской империи. Северо-восточная Русь, основа будущего Московского царства и Российской империи, была захвачена татарами, или монголами, полностью. Специалисты по русской истории обычно интерпретируют татаро-монгольское завоевание и последующее иго как *diabolus ex machina*, некий внешний фактор, прервавший или исказивший естественную внутреннюю логику исторического развития Руси. Отсюда и особое внимание к той роли, которую татаро-монгольское иго сыграло в позднейшей истории Руси; в историографии в основном задавались вопросом, как именно и насколько оно в действительности прервало или исказило ход русской истории. В основе этих изысканий, разумеется, лежало особое мнение каждого исследователя касательно модели и логики русской истории в целом¹. Как следствие, в русской историографии относительно мало работ, посвященных татаро-монгольскому государству и монгольско-русским отношениям². Такое положение вещей объясняется, по-видимому, тем, что большинством исследователей руководило смутное желание как можно быстрее обойти означенную проблему, отделаться от нее и вернуться к «естествен-

* Пер. с англ. по изд.: Cherniavsky M. Khan or Basileus: an Aspect of Russian Medieval Political Theory // Journal of the History of Ideas. XX. 1959. 465.

¹ Превосходный обзор мнений крупных историков представлен в: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950. С. 247—258. Выделяются три точки зрения: что татаро-монгольское завоевание означало общую варваризацию (Н. М. Карамзин, К. Н. Бестужев-Рюмин), или изоляцию Руси — (С. Ф. Платонов, а также византинисты М. А. Дьяконов и В. И. Савва); что татары способствовали политическому и административному объединению (В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, юрист В. И. Сергеевич и марксист М. Н. Покровский); наконец, что иго не оказало существенного влияния (С. М. Соловьев, Н. А. Рожков и, особенно, выдающийся русский историк XX столетия А. Е. Пресняков).

² Первой серьезной работой явилось собрание источников по истории Золотой Орды, включая взаимоотношения с Русью, изданное бароном В. Г. Тизенгаузеном: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Изд. 1. СПб., 1884; Изд. 2. Л., 1941. Б. СпULER в основном обходит стороной татарско-русские отношения: Spuler B. Die Goldene Horde. Leipzig, 1943. Три главные из известных мне работ вышли совсем недавно: Насонов А. Н. Монголы и Русь. М., 1940; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч.; Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, 1953.

ному течению» истории, независимо от того, сколь основательно оно было искажено длительным вмешательством.

В настоящей работе я обращаюсь лишь к одному из аспектов общей проблемы татаро-монгольского ига и тех изменений, что претерпело из-за него древнерусское общество. Как оно повлияло на образ русского правителя — великого князя, а позднее царя? Чтобы ответить на поставленный вопрос, следует для начала выяснить, что представлял собой в Средние века образ русского правителя? Какие модели власти имели хождение в то время?

Согласно традиционной и в целом справедливой точке зрения, в средневековой Руси доминирующим образцом абсолютной власти и правителя являлся образ византийского императора, василевса и «царя». С момента крещения святого Владимира древнерусское государство вошло в состав всемирной христианской империи во главе со священным императором, подобием Бога на земле, источником православия и закона, а следовательно, и вечного блаженства. В течение последующих столетий на Руси — вне зависимости от конкретной политической ситуации — признавали легитимность, по меньшей мере, духовного или эсхатологического авторитета василевса³. Развитие этой концепции нашло свое завершение с падением Константинополя и гибелью на его стенах последнего императора ромеев, когда Москва (Третий Рим) и ее православный правитель приобрели в глазах русских прерогативы бывшей Империи⁴.

Однако, если в Древней Руси за образец правителя брался василевс, это еще не означало, что русские также признавали над собой его суверенитет; напротив, время от времени русские князья узурпировали привилегии императора. В Киевской Руси князья иногда изображались в виде византийских аристократов или деспотов в иерархии универсального христианского общества, а иногда в одея-

³ Чрезвычайно сложной является проблема детального определения сложившегося на Руси образа императора и того, с какой полнотой он воспринимался на Руси в ту или иную эпоху. Многие из византийской политической теологии на Руси если и было известно, то не было понято. В 1347 г. император Иоанн Кантакузин в своем письме Симеону Гордому, ссылаясь на слова последнего, вероятно, отражает общее и весьма смутное представление русских о роли императора: «Да, как ты писал, империя Ромеев и пресвятая великая Церковь Господа есть источники всего благочестия и школа святости и законодательства» (*Miklosich F., Müller I. Acta patriarchatus Constantinopolitani. Vienna, 1860. I. P. 263*). Несмотря на все попытки идеологического неповиновения, Василий II уже в 1451—1452 гг., после Флорентийской унии, коей была отмечена апостазия византийцев, и накануне падения империи полностью признал превосходство императора, подразумевавшееся в высказывании Симеона (ср. письмо Василия II императору Константину XI: *Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. IV. № 71. С. 575*). Относительно общей проблематики отношений с Русью и византийских представлений см.: *Терновский Ф.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в древней Руси. Киев, 1875; *Дьяконов М. А.* Власть московских государей. СПб., 1889; *Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Петроград, 1916; *Vasiliev A. A.* Was Old Russia a Vassal State of Byzantium? // *Speculum*. VII.1932. P. 350—360; *Черноусов К.* К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское // *Византийское обозрение*. Юрьев, 1916. Т. II. С. 303—322; *Ševčenko I.* A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // *Harvard Slavic Studies*. II.1954. P. 141—181.

⁴ Множество работ на эту тему имеют довольно однообразное содержание. См.: *Schaefer H.* Moskau das Dritte Rom. Hamburg, 1929; *Малинин В.* Старец Елеазорова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901; *Ševčenko I.* Intellectual Repercussions of the Council of Florence // *Church History*. XXIV. 1955. P. 291—323; *Cherniavsky M.* The Reception of the Council of Florence in Moscow // *Ibid.* P. 347—359.

ниях и с регалиями самих императоров⁵. На монетах Киевской Руси, отчеканенных по образцу византийских денежных знаков, русский князь занимает место василевса⁶. Наконец, в литургии XI и XII вв. имя русского князя часто замещает императорское в диптихах — поминальных перечнях — там, где священник возносит молитву, прославляя правителя и весь христианский мир⁷. Однако эта узурпация главных официальных атрибутов правителя — регалии, чеканка монет, литургия — сама по себе является лучшим подтверждением того авторитета, который излучал образ василевса. Присвоение атрибутов власти при безусловном признании авторитета порождали определенную двойственность и противоречивость в древнерусских представлениях об образе правителя.

По-видимому, эта противоречивость осознавалась особенно отчетливо в 1453 г., когда русские притязания могли быть наконец удовлетворены: византийско-римского императора больше не было, а вакантный трон, существующий «пока стоит мир», дожидался своего василевса⁸.

Шаги, предпринимаемые русским великим князем по направлению к этому трону, были медленными и нерешительными. Теперь служебники гораздо чаще, чем в Киевский период, содержали молитвы за императора, при том что императора как такового в действительности не существовало. Лишь в 1547 г., после коронации Ивана IV в качестве царя, эта формула в диптихах обрела свой смысл⁹. Титулатура в этот период столь же противоречива. Действительно,

⁵ См. Кондаков Н. П. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906; Кондаков Н. П. Русские клады. СПб., 1896. Т. I. С. 61 и сл.; Русские древности в памятниках искусства / И. А. Толстой, Н. П. Кондаков. Т. III. Рис. 166., Т. IV. Рис. 35 и сл.; Grabar A. Les fresques des escaliers à Sainte-Sophie de Kiev et l'iconographie impériale byzantine // Seminarium Kondakovianum. VII. 1935. P. 103—119.

⁶ Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси // Труды Государственного Исторического музея. М., 1936. См. также: Орешников А. В. Русские монеты до 1547 года // Императорский Российский Исторический Музей. Описание памятников. Вып. I. СПб., 1910. Таб. I. Рис. 1—5. Далее — *Монеты*.

⁷ Дьяконов (см. Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 24. Прим. 2) на основе трех домонгольских служебников утверждает, что имя императора, как правило, не включалось в литургию; ср. также: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1894. Отд. 3. Ч. I. С. 2 и сл.; С. 250 и сл. Однако, учитывая позднейшую историю диптихов, этот аргумент, основанный на отсутствии сведений, представляется не вполне убедительным. О диптихах в православной литургии см.: Hanssens I. M. Institutiones Liturgicae de Ritibus Orientalibus. Rome, 1932. III. P. 1340—41, 1354—55.

⁸ Наиболее ясно это идею выразил монах Филофей, идеолог Москвы — Третьего Рима; ср.: Малинин В. Указ. соч. Приложение. С. 50 и сл. О византийской концепции императора см.: Treitinger O. Die Oströmische Kaiser- und Reichsidee. Jena, 1938. Русские никогда не признавали за западными правителями роль или положение императора, отводя им подчиненную роль кесаря (цезаря); ср.: Прозоровский Д. И. О значении царского титула до принятия русскими государями титула Императорского // Известия Императорского Русского Археологического Общества. 1877. Вып. VIII. С. 449 и сл.

⁹ Например, в требнике 1457 г. князь дважды упоминается вместо императора, а затем вновь дважды фигурирует император: Горский А., Невоструев К. Указ. соч. Отд. 3. Ч. II. № 501. С. 266—267, 273—274; Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. 1917. Т. 4. Если служебник ок. 1500 г. предписывает священнику помянуть князей, а не царя, «зانه несть царствия здесь, ни царя» (Известия Императорского Археологического общества. 1865. Т. V. С. 138), то в другом служебнике примерно того же времени упоминается лишь царь (Горский А., Невоструев К. Отд. 3. Ч. I. № 351. С. 48). Император упоминается в служебнике 1462 г. (Горский А., Невоструев К. Отд. 3. Ч. I. № 375. С. 46), требнике 1481 г. (Горский А., Невоструев К. Отд. 3. Ч. I. № 375. С. 199).

Дмитрий Донской в похвальном слове о его победе над татарами на Куликовом поле в 1380 г. назван царем, но этот титул скорее отсылает к его царственным качествам и достижениям, чем к его реальному статусу¹⁰. С точки зрения русских Византийская империя утратила божественное покровительство после Флорентийского собора. Но ни утрата божественного покровителя, ни последующий крах империи в 1453 г. не подтолкнули великого князя к немедленному принятию императорского титула. Только в правление Василия III (1505—1533) русские «книжники», писавшие для внутреннего пользования, более или менее регулярно стали называть великого князя «царем»¹¹; и лишь после коронации 1547 г. русский государь утвердился в качестве царя повсеместно и официально. Однако даже эта коронация преподносит нам очередные проблемы. Первой императорской коронации¹² предшествовала церемония с несколько двусмысленной символикой, когда великий князь Иван III в 1498 г. короновал своего внука Дмитрия в качестве соправителя и великого князя. Совершенно очевидно, что эта церемония являлась копией византийского коронационного ритуала для кесаря, младшего соправителя¹³. Следовательно, Иван III, будучи великим князем, исполнял роль старшего императора, августа, или василевса.

Все это свидетельствует в пользу того, что русское восприятие образа василевса разрывалось между необходимостью признания и желанием узурпировать этот образ. Процесс усвоения этого образа, отождествления русского государя с

и в ряде уставов конца XV — начала XVI в. (*Горский А., Невоструев К.* Отд. 3. Ч. I. С. 66; Отд. 3. Ч. 2. С. 182; *Срезневский И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. № LXXIX // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. XX: 4. С. 558). С другой стороны, в ряде служебников князь упоминается наряду с царем (*Горский А., Невоструев К.* Отд. 3. Ч. I. С. 37; Отд. 3. Ч. I. С. 53; Отд. 3. Ч. II. С. 259; Отд. 3. Ч. I. С. 42; Памятники Древней Письменности. Т. III. 1880. Протокол заседания Комитета. 4 апреля, 1880), и даже в одном служебнике, датированном не ранее 1551 г., то есть после коронации Ивана IV в качестве царя (*Горский А., Невоструев К.* Отд. 3. Ч. I. № 356. С. 60). Не исключено, однако, что к середине XVI в. различие между «царем» и «князем» медленно стиралось; см., например, Минею 1567 г., где император назван князем (*Лопатев Х.* Описание рукописей Императорского Общества Любителей древней Письменности. СПб., 1892. С. 45 и далее).

¹⁰ Ср. Полное Собрание Русских Летописей. Т. VI. Прибавление «В». С. 90 и сл. (Далее — ПСРЛ); *Шамбинаго С.* Повести о Мамаевом побоище // Сборник отделения русских языков и словесности. Вып. LXXXI. № 7.

¹¹ Ср. *Прозоровский Д. И.* Указ. соч.

¹² Сравнение коронаций Ивана IV (*Барсов Е. В.* Древнерусские памятники священного венчания царей на царство // Чтения. 1883. Т. I. С. 42—90), Константина Порфирогенета (*Le Livres des Cérémonies / A. Vogt. Paris, 1939. Vol. II. P. 1 f.*) и *Codinus Curopalates (De Officialibus Palatii Constantinopolitani / I. Bekker. C.S.H.B. XIV. Bonn, 1839. P. 86 f.*; ср. *Вальденберг В.* Указ. соч. С. 275 и сл.; *Olšr G.* Chiesa e Stato nell'incoronazione degli ultimi Rurikidi // *Orientalia Christiana Periodica*. XVI (1950). P. 290 f.) наводит на мысль, что процедура коронации включала обряд помазания. Тем не менее летописное упоминание о помазании, по-видимому, было добавлено после коронации Михаила Романова в 1613 г. (ср. Царственная Книга // ПСРЛ. Т. XIII. С. 452. Прим. 1).

¹³ Ольшр (*Olšr G.* Op. cit. P. 285 f.) утверждает, что коронационная служба Дмитрия значительно отличается от коронации византийского императора, объясняя это большей религиозностью русских, которые, таким образом, отводили духовенству более существенную роль, чем в Константинополе. Тем не менее коронационная служба Дмитрия является переводом сербской рукописи XIV в., которая, в свою очередь была переводом византийской коронационной службы для цесаря или младшего соправителя. О коронации Дмитрия ср.: *Барсов Е. В.* Указ. соч. С. 33 и сл.; о сербских и византийских церемониях ср.: Там же. С. 25 и сл.

василевсом занял длительный период времени¹⁴. Настолько длительный, что еще более столетия трон идеальной «вселенской империи» оставался незанятым, прежде чем русский великий князь был коронован как царь и самодержец.

Если высшим, идеальным образцом правителя был василевс, какое значение для русской политической теории имело то обстоятельство, что после 1240 г. появился иной зримый образ государя — образ *хана*, правившего обширной империей, в которой северо-восточная Русь была лишь провинцией? Какие видоизменения и искажения претерпел, благодаря этому факту, образ правителя в средневековой Руси?

С самого начала татаро-монгольского периода местные летописи всегда ссылались на татарского правителя как на «царя»¹⁵. Русские не скупятся на грубые прозвища татарам¹⁶, но даже в качестве эпитета правителю, хану¹⁷ эти прозвища используются в связке с царским титулом. Следовательно, русские приписывали своему завоевателю и его преемникам титул, который как до, так и после татаро-монгольского ига сохранялся лишь за одним правителем — вселенским христианским императором¹⁸. Определенным доказательством того, что русские ис-

¹⁴ Титул «божиею милостью» был введен Василием II еще в «византийский» период, а именно в 1449 г. в его дипломатических документах (Духовные и Договорные Грамоты Великих и Удельных Князей XIV—XVII вв. / Под ред. А. В. Черепнина. М., 1950. С. 160, 163. Далее — Грамоты). Титул «царь» появляется в дипломатических документах (Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. С. 46, 47, 59—61, 87, 96, 98, 114), но внутри страны он употребляется для выражения духовных качеств государя (ср. Пасхалия на 7000 год // Русская историческая библиотека. 1908. Изд. 2. Т. VI. № 118. С. 795 и сл.). Несмотря на женитьбу Ивана в 1472 г. на византийской наследнице Софье Палеолог — событие, по распространенному мнению, оставившее глубокий след в русской политической мысли (ср. *Olšr G. Gli ultimi Rurikidi e le basi ideologiche della sovranità dello stato russo // Orientalia Christiana Periodica. XII. 1946. P. 322—373*), — византийские придворные должности вводились на Руси очень медленно, начиная с 1495 г. (*Прохоров В. Христианские и русские древности и археология. СПб., 1872. С. 36 и сл.*). Крайне сложным является вопрос о новой русской печати с двуглавым имперским орлом. Вне всяких сомнений, орел являлся государственным символом империи (ср. *Soloviev A.V. Les emblèmes héraldiques de Byzance et les Slaves // Seminarium Kondakovianum. VII. 1935. P. 149 f.*). А. В. Орешников утверждает, что Иван III начал использовать двуглавого орла в 1472 г., непосредственно после женитьбы на Софье (Материалы к русской нумизматике доцарского периода // Труды Московского нумизматического Общества. 1901. Т. II. С. 12), однако первое известное использование новой печати датируется июлем 1497 г. (Грамоты, № 85. С. 341).

¹⁵ Любопытно, что, вопреки давнишнему знакомству со степными кочевниками, составитель Софийской летописи не признает в «хане» титула, но считает его частью имени монгольских вождей (ПСРА. Т. V. С. 175 и далее).

¹⁶ ПСРА. XXV. С. 126—127, 143 и далее. Тем не менее русские с завидным беспристрастием и последовательностью наделяют теми же эпитетами немцев, по большей части католиков, а также литовцев (Там же. С. 150, 193 и далее). О народных взглядах на монголов см.: *Будовниц И. Ю. Идейная основа ранних народных сказаний о татарском иге // Труды отдела древнерусской литературы Академии Наук. 1958. Т. XIV. С. 169—175.*

¹⁷ ПСРА. XXV. С. 136. См., однако, очень интересное исследование Р. Якобсона, где он показывает, что эпитет «собака» на самом деле не был уничижительным, но происходил от монгольских родовых имен (*Jansen O. Sobaka Kalin Tsar // Slavia. XVII. 1939—40. P. 82—89*). (Якобсон писал под псевдонимом О. Янсен.)

¹⁸ Об отношении русских к титулу «царь» см.: *Прозоровский Д. И. Указ. соч. Об общеевропейском взгляде на титул и его значение см.: Stengel E. Kaisertitel und Souveränitätsidee // Deutsches Archiv. III. 1939. S. 1—57.*

пользовали этот титул умышленно, осознавая его значение, может служить тщательное различение, которое они проводили между разнообразными титулами: хан чингисидских кровей всегда был царем; его наследник и соправитель звался «цесарем», то есть кесарем, или младшим императором. Члены ханского рода были «царевичами»¹⁹. Однако Мамай и Едигей, *de facto*, но не по крови могущественные правители Золотой Орды в 1380-х и в 1410-х гг. соответственно, звались лишь князьями; в особенности Мамай рассматривался как узурпатор царской власти над Русью²⁰. Императорский статус хана кроме летописей подтверждают иконографические источники. На всех изображениях, включая миниатюры, живописующие победы русских над татарами, хан, в отличие от великого князя в его шапке, представлен в сияющей короне²¹.

То, что титул «царь», употребляемый по отношению к хану, нес определенные коннотации легитимности, в иных случаях подтверждается и летописным материалом. В 1245—1246 гг. князь Михаил Черниговский предпринял путешествие в Орду. По приезде, перед тем как он был допущен к хану Батыею, от него потребовали совершить очистительный ритуал, пройти меж рядами костров и каменных идолов. Князю сообщили, что исполнить церемонию ему велит сам хан, но Михаил оставался непреклонен. Однако, судя по летописным сведениям, он предварил свой окончательный отказ следующими словами: «Тебе, царю, кланяюся, понеже ти поручил Богъ царствие и славу света сего...»²² Он готов подчиниться хану, то есть «царю», но не языческим богам. За это Михаил с радостью принял мученическую смерть. Замечание апостола Павла о том, что вся власть суть от Бога и, значит, легитимна, также представлено в требованиях Батыея великому князю Александру Невскому, защитнику и «солнцу» Руси, дошедших в составе великокняжеской летописи: «Мне покорил богъ многи языки. Ты ли единъ не хочещи покоритися дръжавѣ моеи; но аще хочещи соблюсти землю свою, то прииди ко мне, и узриши славу царствия моего»²³. В качестве «царя» хан был правителем, установленным Богом, и на него распространялась тем самым вся идеология христианских концепций государя. «Имейте братье страх божий... но и паче князю своему приайте всем сердцемъ своим и мечем своим и

¹⁹ ПСРЛ. XXV. С. 151, 152, 155, 238.

²⁰ «И разгордѣся оканнны Мамай и мня ся яко царя...» (ПСРЛ. XXV. С. 201).

²¹ См. миниатюры Никоновской летописи (Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 53, 129, 144, 180); к дискуссии о регалиях вообще см.: Там же. С. 111 и сл. Об изображении княжеских головных уборов см., например, икону Святых Бориса и Глеба: Mouratow P. L'Ancienne Peinture Russe. Prague, 1925. Fig. 33. О русской концепции короны см., например, корону царя Соломона на фреске XV в. московском Успенском соборе (Ibid., fig. 41); корону византийского императора на фреске 1500—1502 гг. Ферапонтова монастыря (История русского искусства / Под ред. И. Грабаря. АН СССР. М., 1955. Т. III. С. 511). Любопытная идеологическая проблема возникает в связи с фреской 1508 г. Благовещенского собора, на которой великий князь Владимир Святой изображен в княжеской шапке, в то время как Ярослав Мудрый представлен в царской короне (Там же. С. 545). Насколько тесно корона отождествлялась с царской властью, демонстрирует миниатюра из Царственной Книги 1560—1570-х гг., на которой изображена коронация Ивана IV. Молодой царь, в точности как ханы и императоры, представлен в сияющей короне (Там же. С. 601). Суть, разумеется, в том, что Иван IV был коронован «шапкой Мономаха», а сияющая корона не входила в число русских регалий.

²² ПСРЛ. XXV. С. 138.

²³ ПСРЛ. XXV. С. 139. Это согласуется с обычной дипломатической перепиской татарского правителя; ср. Pelliot P. Les Mongols et la Papauté. Paris, 1923.

главою своею и не рци ему зла въ срдци своем... и да аще кто противится властелем, то бжию повелению противится», говорится в трактате XIII в.²⁴ Поднять руку на князя — значит, оказать открытое неповиновение Господу — отголосок этого мнения присутствует в одной из самых ранних былин, в которой эпический герой Илья Муромец знает о том, что непозволительно и, в сущности, невозможно убить татарского «царя»²⁵.

Тем не менее между василевсом и ханом существовала принципиальная разница. Первый был православным императором, правящим над всеми людьми постольку, поскольку мир являл собой христианское общество. Второй был язычником или, что еще хуже, с XIV в. мусульманским отступником. Как повлияло это различие на древнерусский образ хана? В 1393 г. патриарх Антоний Константинопольский написал свое знаменитое послание великому князю Василию I, в котором в общих чертах наметил целую доктрину византийской имперской идеологии. Написать это письмо его подвигло неуважение, которое, по видимому, проявил Василий к патриарху и самому императору. В числе прочего патриарх писал: «Люди говорят, что ты не позволяешь митрополиту упоминать в диптихах священное имя императора, то есть ты желаешь сделать совершенно невозможное и говоришь: “Да, у нас есть церковь, но нет императора, и мы не хотим знать его”»²⁶. Письмо это, строго говоря, принадлежит к истории русско-византийских связей, свидетельствует о двойственном отношении русских к имперской идее и, таким образом, не имеет прямого отношения к данному исследованию. Однако оно вызывает любопытный вопрос: об императорском имени в литургии, пока Русь была частью татаро-монгольского государства. Источники чрезвычайно скудны, и нигде, кроме как в личном служебнике греческого митрополита Киприана²⁷ (1374—1406), на протяжении XIII—XIV вв. император в них не упоминается²⁸. Коль скоро литургия со времен Киевского периода, как правило, не включала императоров в диптихи, действия Василия оказываются избыточными, если только они не являлись ответом на попытку греческого митрополита заново включить василевса в литургию. Не мог ли этот растянувшийся на два столетия пробел быть следствием существования хана? Русский медиевист Б. Д. Греков дает весьма определенный ответ: «Публичная молитва духовенства о ханах внедряла в массы мысль о необходимости подчинения татарской власти»²⁹. На самом деле имена ханов не появляются ни в одном из служебников

²⁴ «Слово святых Отцов, како жити крестианом» // Журнал Министерства народного просвещения. 1854. № 12. См. также: *Срезневский И.* Указ. соч. С. 307; *Изборник Святослава* // Общество любителей древней письменности. 1880. Т. LV. С. 95—96. О правовом значении этой точки зрения см.: *Мерило Праведное* // Архив историко-юридических сведений о России. Т. I. Отд. 3. С. 33.

²⁵ *Jansen O.* Op. cit. P. 95. Ср. выше прим. 17.

²⁶ *Acta patriarchatus*. I. P. 190.

²⁷ *Горский А., Невоструев К.* Отд. 3. Ч. I. № 344. С. 14.

²⁸ Я не рассматриваю XV в., поскольку крайне трудно датировать рукописи точно, то есть первой или второй половиной столетия. О диптихах см.: *Дьяконов М. А.* Указ. соч. С. 24. Прим. 2; *Горский А., Невоструев К.* Отд. 3. Ч. I. № 347. С. 29; № 371. С. 130; № 431. С. 555—564 — здесь слово «царь» повсеместно заменено выражением «великий князь»; № 350. С. 46 — где пятая просфора «за царей, князей и всех мирян», но в поминовении и молитвах фигурируют лишь князья. Сравним это с сербскими требниками начала XV в., когда, Стефан (1389—1427), будучи под властью турок, зовется деспотом и царем (№ 373. С. 154; № 374. С. 168).

²⁹ *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Указ. соч. С. 223. Учитывая отсутствие доказательств, это утверждение слишком категорично.

и молитвенников, однако существуют впечатляющие данные в пользу точки зрения Б. Д. Грекова.

Эти сведения содержатся в ряде ярлыков или грамот, выданных различными монгольскими ханами русской Церкви в лице митрополита всея Руси³⁰. Содержание этих ярлыков фактически идентично: все они являются гарантиями неприкосновенности, освобождающими митрополита и духовенство со всеми их владениями от повинностей и налогов. Ханы основывали этот иммунитет на традиции, установленной сводом законов самого Чингисхана³¹. Он охранял Церковь от произвола всех ханских чиновников, а также чиновников и князей всей Руси, включая великого князя³². Русская Церковь подпадала под непосредственную юрисдикцию хана-царя, что придавало ей под властью правителя многих государств и народов скорее универсальный, чем национально-территориальный характер. В обмен на все эти привилегии Церковь брала на себя единственную обязанность — молиться за хана: «Чтобъ во упокои Бога молили и молитву воздавали... Богу молитися за насъ и за племя наше въ родъ и родъ»³³. И, точно предвосхищая возможные оговорки, ярлык за ярлыком предупреждает: «А иже имете не правымъ сердцемъ молитися о насъ Богу, тотъ грехъ на васъ будетъ»³⁴.

Хотя литургические служебные книги обходят этот вопрос молчанием, трудно не прийти к выводу, что на практике молебны за хана действительно заменили поминовения василевса. Тот факт, что они не вошли в служебники, вполне объясним, учитывая, что молебны совершались по неверному, «безбожному» правилу. Таким образом, он не мог быть включен в официальный культ, не мог поминаться наряду со всеми христианами, но мог и действительно принял на себя традиционную роль государя от Бога, определенного Богом, а значит, того, за которого молились Богу. В настоящей работе нет нужды специально обсуждать степень последовательности русских в этом вопросе, а также навязывать им необходимость четкого выбора между василевсом и ханом. В сущности, столь четкий выбор, будь он возможен и имей он действительно место, являлся бы невероятной идеологической близорукостью. На самом деле речь идет о противоречии иного рода — о ситуации, когда образ хана частично перекрыл образ василевса, незаметно слился с последним. Но именно потому, что настоящего замещения не произошло, образ хана смог заимствовать некоторые атрибуты и как в народном, так и в официальном сознании стал отождествляться с образом василевса. Таким образом, благодаря столкновению политической действительности и идеологической традиции, хан в качестве «царя» приобрел, как в литургии, так и в титулатуре, атрибуты всемирного и единственного в своем роде императора.

Еще одной областью, позволяющей реконструировать постепенное формирование образа правителя, является нумизматическая иконография. Русская чеканка монет Киевского периода, копировавшая византийские образцы, по-видимому,

³⁰ Лучшее издание см.: *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Петроград, 1916.

³¹ *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 83, 92, 96.

³² Ярлык хана Тюляка. См.: Там же. С. 91—92. Список «А».

³³ Там же. С. 92, 93 и далее.

³⁴ Там же. С. 58, 97.

прекратилась к середине XII в.³⁵ Позднее, примерно два с половиной века русские князья вообще не чеканили монету. Чеканка возобновилась в Москве приблизительно между 60-ми и 80-ми гг. XIV в.³⁶ Чисто экономическая причина возобновления монетной чеканки не слишком убедительна³⁷. Предлагались и три политические причины: стремление татар добиться еще одного определенного признания русскими их суверенитета; желание великого князя Дмитрия Донского в 1360—1370-х гг. утвердить зарождающееся русское национальное чувство, приведшее в конце концов к битве на Куликовом поле в 1380 г.; и (для тех, кто берет за точку отсчета 1380-е гг.) желание прославить новое национальное самосознание, завоеванное на Куликовом поле³⁸. Данные, которые нам предстоит проанализировать, по-видимому, подтверждают первую точку зрения. Упрощая дело, можно сказать, что русская монетная чеканка, начиная с княжения Дмитрия Донского и до 1480 г., формальной даты завершения татаро-монгольского ига, распадается на два периода: первый — правление Дмитрия, Василия I и начало правления Василия II³⁹; второй — примерно пятьдесят лет, составляющих большую часть правления Василия II и первые двадцать лет правления Ивана III. Монетная чеканка первого периода демонстрирует определенную закономерность: на аверсе монеты помещено имя правящего великого князя и один из ограниченного числа символов, чаще всего звери или птицы. На реверсе арабскими буквами начертано имя правящего хана, иногда в соседстве с девизом: «Да продлится его жизнь», а иногда — с профилем, который, по всей вероятности, был портретным изображением хана⁴⁰. Только изредка на реверсах монет первого периода обнаруживаются надписи, являющиеся каракулями, лишь имитирующими арабскую письменность, — в лучшем случае, попыткой скопировать арабский текст кем-то, кто не был знаком с этим языком⁴¹. Второй период демонстрирует нам монеты, на которых бессмысленная имитация арабских надписей является скорее правилом, чем исключением⁴². К тому же целый ряд монет Василия II, вместо имени хана на арабском, имеет на реверсе русскоязычную надпись: «Великий князь Василий вся Русь»⁴³.

Какое значение можно придавать свидетельству русских монет? В 1383 г., в начале жестокой борьбы между Тамерланом и правителем татарской Золотой

³⁵ Орешников А. В. Указ. соч. С. 76 и сл.; Федоров Г. Б. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359—1425) // Материалы и исследования по археологии СССР. Академия Наук. М., 1949. № 12. С. 145.

³⁶ Федоров Г. Б. Указ. соч. С. 156 и сл.; Янин В. Л., Янина С. А. Начальный период рязанской монетной чеканки // Нумизматический сборник. М., 1955. Вып. I. С. 116 и сл.

³⁷ Чтобы иметь возможность выплачивать дань. Ср. Ильин А. А. Классификация русских удельных монет. М.—Л., 1940. С. 32; Федоров Г. Б. Указ. соч. С. 157. Однако к этому времени русские выплачивали дань уже более столетия.

³⁸ Литературу по данной проблеме см.: Федоров Г. Б. Указ. соч. С. 158—159; Янин В. Л., Янина С. А. Указ. соч. С. 121 и сл.

³⁹ Эта периодизация объясняется не только серьезными переменами в политической ситуации в 1430-х гг., о которых упоминается ниже, но также невозможностью провести различие между большинством монет Василия I и Василия II. Предложенная датировка основана на посылке, что на всем протяжении правления Василия I и Василия II существует постоянная тенденция к уменьшению веса монет.

⁴⁰ Монеты, № 320, 321, 367, 329, 749, 327; Федоров Г. Б. Рис. I. № 16; рис. 2. № 23, 27, 28.

⁴¹ Монеты, № 325, 336; Федоров Г. Б. Рис. 2. № 21.

⁴² Монеты, № 374, 375—378, 383.

⁴³ Федоров Г. Б. Рис. 2. № 19, 22.

Орды ханом Тохтамышем, одним из поводов для недовольства Тамерлана была чеканка монет с именем Тохтамыша в Хорезме, который Тамерлан считал частью своей империи⁴⁴. В 1399 г. в ходе переговоров между Золотой Ордой (во главе с князем Едигеем) и Литвой (при великом князе Витовте), по сведениям русских летописей, «...возхоте Витофт во всей Орде быти на денгахъ Ординскихъ знамение Витофтово», тогда как Едигей требовал следующего: «И во всемъ моемъ княжении на твоихъ денгахъ Литовскихъ моему Ординскому знамени быти»⁴⁵. Следовательно, остается мало сомнений в том, что татары, литовцы и, учитывая происхождение летописи, русские признавали начертание имени правителя на монетах символом суверенитета⁴⁶. Наличие монет с искаженными арабскими надписями дало повод для утверждений, что они были начертаны на монетах из сугубо экономических соображений, а именно — чтобы расплачиваться с восточными купцами привычными для них деньгами. Этот довод в пользу «привычности» тем не менее не отрицает и политический функции монетной чеканки. Очевидно, что имя хана на ранних русских монетах означает его суверенитет над Русью. Гражданская война в Москве 1430—1440-х гг. принесла с собой националистические и антимонгольские настроения⁴⁷. В то же время ощутимо уменьшилась мощь татар. Вкупе с упадком престижа Византии, влиянием Флорентийской унии, а также заключительными событиями 1453 г. все это привело к еще большему пренебрежению к ханским привилегиям и повлекло за собой попытки отразить новый независимый статус Руси на монетах Василия II и Ивана III.

Таков был образ мысли на Руси в течение столетия, и тем не менее то, что монеты символизировали суверенитет хана, со всей очевидностью было выражено после 1480 г. Вслед за этим формальным освобождением Московии Ивана III от татаро-монгольского ига появился новый тип монет. Примечательно, что именно с 1480 г., то есть, в сущности, с момента освобождения, монеты поддаются достаточно точной датировке⁴⁸. На их аверсе изображен всадник в короне, пронзающий копьем дракона или змея, в соседстве с надписью — «Князь великий Иван Васильевич»; на реверсе — помещено арабское написание имени «Иван» с русской надписью вокруг нее: «Осподарь всяя Руси»⁴⁹. Иконография этих пораженных монет объяснялась открытием восточных торговых путей с Казанью и другими татарскими государствами и все той же необходимостью в монетах привычного образца. Но, как и в случае с имитацией арабских монет, это не имеет отношения к нашей теме. Что для нас существенно, так это имплицитное при-

⁴⁴ Vernadsky G. Ibid. P. 269.

⁴⁵ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XI. С. 173.

⁴⁶ Любопытно отметить, что это признание суверенитета не обнаруживается на русских великокняжеских печатях. Я бы объяснил это тем, что эти печати, возможно, вполне осознанно, имели личный, а не государственный характер. Вплоть до времени Ивана III великокняжеские печати были личными в том смысле, что на каждой из них изображался святой—покровитель князя. Лишь после избавления от татаро-монгольского владычества Иван III ввел в употребление новую печать с государственным символом, двуглавым орлом (ср. Грамоты, С. 567 и сл.).

⁴⁷ ПСРЛ. Т. VI. С. 172 и сл.; Т. XXV. С. 263 и сл. Ср. Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. V. С. 160 и сл.

⁴⁸ Федоров Г. Б. Московские деньги Ивана III и Василия III // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. 1949. Т. XXX. С. 71—72.

⁴⁹ Там же. С. 72; Монеты, № 495.

знание иконографии монет в качестве символа суверенитета и недвусмысленное выражение не столько независимости русского великого князя от хана, сколько замещения хана великим князем всея Руси.

Остается еще одно, последнее соображение. В источниках вполне ясно указано, что одобрение хана и участие его представителя были необходимым и привычным условием коронации русского великого князя в период татаро-монгольского ига⁵⁰. Таким образом, ритуал коронации включал в себя официальное и обставленное соответствующей церемонией признание власти хана как сюзерена. Более того, в духовной (1339) основателя московской династии Ивана I Калиты впервые упоминается «золотая шапка», которая с начала XVI в. приобретает известность как шапка Мономаха⁵¹. Исследователи единодушно полагают, что шапка или венец Мономаха имеет не византийское, а среднеазиатское происхождение. Она была, по-видимому, прислана ханом Узбеком в качестве дара великому князю Ивану I⁵². Следовательно, предмет, спустя столетия ставший главной регалией русского государства, первоначально был символом суверенитета татарского хана.

В мои цели не входило документальное подтверждение очевидного — того факта, что более двух столетий монгольская Золотая Орда и ее правитель более или менее эффективно контролировали Русь. Приведенные мною свидетельства заранее предполагают политическую реальность татаро-монгольского ига. Московский великий князь должен был короноваться при участии татарского посланника вне зависимости от возможной идеологической подоплеки. Церковь в своих правах и владениях неизбежно зависела от верховной политической власти. В области политической реальности она настолько осознавала эту зависимость, что уже в 1500 г. использовала ханские ярлыки для защиты от конфискации, проводимых русским князем⁵³. Что бы ни предпочитали думать русские идеологи, образ русского князя был ограничен рамками политической ситуации, необходимостью выплачивать дань и признавать сюзеренитет. В настоящей работе я скорее стремился показать следствия политической реальности в области идей. Каковы были эти следствия в течение самого татаро-монгольского ига, я продемонстрировал: образ татарского хана как царя, замещающий или сливающийся с образом василевса в различных аспектах власти — коронации, литургии, титулатуры, иконографии. С падением Константинополя русский правитель начинает утверждаться в качестве христианского царя в образе василевса. Но какое значение имел образ татарского хана для русского великого князя и царя после 1480 г., то есть после освобождения от ига?

⁵⁰ Троицкая летопись / Под ред. М. Д. Приселкова. Академия Наук. 1950. С. 434; ПСРЛ. Т. V. С. 264; ПСРЛ. Т. XXV. С. 211. Более того, по смерти правящего хана русскому князю необходимо было заново подтвердить свой статус (ПСРЛ. Т. XXV. С. 181); см. описание миниатюры, изображающей коронацию Василия I: *Арциховский А. В.* Указ. соч. С. 130.

⁵¹ Грамоты, С. 8.

⁵² О византийском происхождении шапки см.: *Кондаков Н. П.* Русские клады. Т. I. С. 75 и сл.; противоположную точку зрения см.: *Vernadsky G.* Op. cit. P. 386; см. также краткое изложение литературы по данной проблеме К. В. Василевича: *Василевич К. В.* Имущество Московских князей в XIV—XVI вв. // Труды Государственного Исторического музея. М., 1926. Вып. III. С. 20—21.

⁵³ Ср. *Павлов А. С.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России // Записки Императорского Новороссийского Университета. 1871. Т. VII. С. 41 и сл.; *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 196 и сл.

То, что от образа хана нельзя было избавиться мимоходом, а политическая реальность создала мощную традицию татарского сюзеренитета⁵⁴, явствует из весьма драматического свидетельства: первой реакцией Ивана III на вторжение в 1480 г. хана Ахмета, по-видимому, было желание оставить Москву и бежать вместе с семьей и казной на север. Чтобы предотвратить это бегство, уговорить великого князя сражаться, архиепископ Вассиан Ростовский написал свое знаменитое «Послание на Угру». Текст послания начинается со слов: «Благоверному и христоролюбивому, благородному, и Богомъ венчанному, и Богомъ утверждённому, и во благочестии всея вселенная въ конци возсиявшему, наипаче же во царехъ пресветлейшему, преславному государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси...»⁵⁵ Таков образ русского правителя, который пытается создать Вассиан. Именно в этой роли Богом венчанного царя, василевса, Ивану III следует смело встретить врагов своего государства и веры. Великий князь — это пастырь паствы Христовой. Архиепископ указывает на ответственность, принятую за эту паству вождями прошлого, славными великими князьями Руси, сражавшимися за христианский народ. Он старается предвосхитить любые аргументы, которые могли бы выдвинуть советники Ивана III: «Аще ли бо еще любоприиши и глаголеши, яко подъ клятвою есмы отъ прародителей еже поднимати руки противъ царя стати: послушай убо, боголюбивый царю! Аще клятва по нужди бываетъ, прощати отъ таковыхъ и разрешати намъ повелено есть, иже прощаемъ и разрешаемъ и благословляемъ, якоже святейший митрополитъ, такоже и мы и весь боголюбивый соборъ, не яко на царя, но яко на разбойника и хищника и боготорца... И се убо который пророкъ пророчествова, или апостолъ который или святитель научи сему богостудному и скверненному самому называющемуся царю повиноватися тебе, великому Русьскихъ странъ хрестьянскому царю?»⁵⁶ Здесь архиепископ пытается разрушить образ хана-царя, формируя образ царя-василевса. Возможен лишь один царь, православный христианин, а любой другой — самозванец. Однако, по мнению Вассиана, чтобы сразиться с этим самозванцем, великому князю следует принять на себя роль царя. В сущности, Вассиан пытался разрешить идеологическую проблему. Нежелание Ивана III дать сражение хану было вызвано политическими и военными соображениями, но не благоговейным страхом перед сюзереном. Тем не менее в политическом и военном отношении татары по-прежнему представляли серьезную опасность для Руси, и не только в течение XV в., но и в XVI столетии⁵⁷. Проблема Вассиана, идеологическая проблема, заключалась не в том, чтобы разгромить татар на поле боя, но в разрушении образа хана как царя. Падение Константинополя, внезапно и незамедлительно сделав доступным для русской политической теологии целый мир «византийского наследия», подняло эту проблему и в то же время подсказало ее решение: василевс против хана. То, что это решение было, по крайней мере, отчасти принято, видно на примере истории с шапкой Мономаха.

⁵⁴ Ср. Лихачев Д. С. К вопросу о теории Русского государства в конце XV и в XVI в. // Исторический журнал. 1944. № 7—8. С. 31—39. Эта традиция отчасти объясняет позднюю дату официального освобождения, учитывая ослабление власти татар.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. VI. С. 225.

⁵⁶ Там же. С. 228.

⁵⁷ Ср. Василевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. М., 1952. С. 35 и сл.

Татарская корона XIV в. была включена в русскую легенду о византийском наследии в начале XVI в.⁵⁸ По Вассиану, с рождением русского царя-василевса татаро-монгольский период должен подойти к концу. Цепь преемственности должна быть разорвана.

Тезис о неразрывной преемственности явился крупным вкладом «евразийской» школы русских историков 1920-х гг., и в особенности выдающегося медиевиста профессора Георгия Вернадского. Остается выяснить, до какой степени справедливы утверждения о том, что Россия стала наследницей империи Чингисхана⁵⁹. Кажется очевидным, что для Руси XVI в. титул «царя» был прочно связан с образом хана; прочнее, чем с образом василевса. В русской дипломатической ноте Польше и Литве от 1556 г. статус Ивана IV подкреплён не только византийским наследием, но также и фактом обладания Казанью и Астраханью, и «трон казанский и астраханский изначально был царским престолом»⁶⁰. Автор XVII в. Григорий Котошихин объяснял, что: «Великий князь Иванъ Васильевичъ Московский, Гордый... ходил войною со многими войски подъ Казанское, и Астраханское, и Сибирское царствы; и с Божиимъ изволениемъ, пленилъ техъ царствъ царей, съ ихъ государства и съ землями... И съ того времени учинился онъ великий князь надъ Московскимъ государствомъ, и надъ теми взятыми царствы, и надъ прежними княжества, царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси; и таковымъ обычаемъ въ Росийской земле началось царствование»⁶¹. Титулатура русского царя указывала на особую роль татарских царств-преемников: «Великий Государь, Царь, и Великий Князь всеа Русии, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, царь Астороханский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Тверской...»⁶². Символично, что коронация Ивана IV в качестве царя имела место незадолго до начала его кампании против Казани, то есть в 1547 г., и, поскольку Казань уже была побеждена и поставлена под контроль Иваном III и Василием III, Иван IV перед началом кампании лично короновался в качестве царя не только для того, чтобы победить, но и с целью окончательно покорить Казань — первое царство, вошедшее в состав древнерусского государства. В период правления Ивана IV татарские князья династии Чингисидов сохраняли исключительно высокий статус⁶³. Происхождение из рода Чингисхана было весьма престижным при русском дворе на протяжении всего XIX столетия⁶⁴.

⁵⁸ Барон С. Герберштейн. Записки о московских делах / Пер. А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 32. Цит. по: Vernadsky G. Op. cit. P. 386.

⁵⁹ Кн. Трубецкой И. Р. Наследие Чингиз-хана. Берлин, 1925. С. 27 и сл.

⁶⁰ Сборник русского исторического общества. Т. LIX. С. 437; 452. Самый яркий пример подобного рода см. в письме Ивана IV константинопольскому патриарху в 1557 г., где Иван спрашивает у греческой православной патриархии и духовенства подтверждения его императорской коронации и статуса: Соборная грамота духовенства Православной восточной церкви / Под ред. М. Оболенского. М., 1850. С. 32—33.

⁶¹ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840. С. 1; ср. Vernadsky G. Op. cit. P. 387.

⁶² Памятники дипломатических сношений. СПб., 1851. Т. 1. С. 500—501.

⁶³ См., например, описание пира при дворе Ивана IV в 1557 г., данное английским купцом Энтони Дженкинсоном. Он пишет, что самое высокое место рядом с Грозным царем занимал десятилетний плененный наследник казанского престола (Известия англичан о России во второй половине XVI в. / Изд. и пер. С. М. Середонина // Чтения. 1884. Вып. 4. С. 32). См. также

Профессор Г. Вернадский завершает свой монументальный труд утверждением, что самодержавие явилось частью той цены, которую России пришлось заплатить, чтобы выжить при татарах и в период, последовавший непосредственно после татаро-монгольского ига⁶⁵. Однако такое самодержавие — не слишком устойчивая и определенная форма правления. В конце концов, автократия василевса являлась правлением Закона, правлением христианского императора. Русское же самодержавие наиболее ярко выражено в своих результатах, в оценке Василием III своих подданных: «Все холопы»⁶⁶. Не будучи связано с образом василевса, оно вполне могло вести свое происхождение от образа хана.

С психологической точки зрения возвеличивание своего завоевателя вполне объяснимо⁶⁷. Если уж Руси суждено быть зависимой, пусть она зависит от великого правителя, легитимного царя. И, конечно, как следствие, происходит возвеличивание русского князя, который смог успешно противостоять царю. Эта тема уже достаточно очевидна после победы Дмитрия Донского на Куликовом поле в 1380 г. Могуществу и славе татар противопоставлялось могущество и слава вождя всей Руси, который в реальности был лишь Московским великим князем⁶⁸. Эта тема также декларируется в 1480 г. благодаря новой чеканке монет Ивана III, на которых имя Иван замещает имя татарского хана. Происходит не столько освобождение Руси, сколько смена династий, отвоение Руси у прежнего законного правителя новым легитимным царем, великим князем Московским. Арабское написание имени «Иван» на монетах, вероятно, предназначалось, по экономическим соображениям, восточным подданным Орды. Но кому бы оно ни было адресовано, это также означало, что в дополнение к русскому великому князю на аверсе, на реверсе в соответствии с традицией появлялся новый хан.

Разумеется, я не готов утверждать, что эти идеи определяли материальные условия и действительность. Однако, вызванные этими условиями, идеи приобретали собственную логику и существование, влияя на реальность. На то, что идея завоевания царства, представление о русском правителе как о хане существовали, по крайней мере, подспудно, указывает упомянутый выше лозунг времен Василия III. Эти представления стали еще более определенными при Иване IV Грозном, когда официальная мифология отмежевывалась от традиционных киевских корней, от особого внимания к святому Владимиру и повела фантастическую родословную русских правителей от Пруса, брата Августа⁶⁹. Сам Иван IV подчеркнуто отрицал, что в его жилах течет русская кровь⁷⁰. Вряд ли легенда о римском родоначальнике, призванная укрепить идею завоевания царства, когда-

анализ Государева Родословца 1555 г. в: *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 415—416 et passim.

⁶⁴ О многочисленных среднеазиатских родах, таких как князья Чингисы, получивших от императора Николая I статус имперских князей, см. князь *Долгоруков П.* Российская Родословная книга. СПб., 1857. Т. 1.

⁶⁵ *Vernadsky G.* Op. cit. P. 290.

⁶⁶ *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 74.

⁶⁷ Наиболее ярко этот феномен выразился в отношении англичан к Вильгельму Завоевателю.

⁶⁸ Ср. *Соловьев А. В.* Автор «Задонщины» и его политические идеи // ТОДРА. Т. XIV. С. 196 и сл.

⁶⁹ Сказание о князьях владимирских / Под ред. Р. П. Дмитриевой. АН СССР. М.—Л., 1955. С. 162 и сл.

⁷⁰ См., например: *Флетчер Ж.* О государстве Русском / Пер. О. М. Бодянского. СПб., 1905. С. 19.

либо имела широкое распространение. Тем не менее в данном контексте образ хана, пусть в слабой и фантастической форме, получил свое выражение, когда Иван IV «отрекся» от государства и разделил Россию на две части, с напускным смирением одну взяв себе, а другую, большую и традиционную, отдав великому князю в лице Симеона, татарского царевича из Касимова⁷¹. Ирония заключалась не в самом акте раздела и не в выборе татарского князя, но в подмене ролей. Ибо чингисидский князь получил именно традиционную православную Русь, а коронованный богом царь — Русь новую, абсолютистскую и мирскую.

За последние два столетия появилось множество гипотез об азиатско-варварском элементе в русской истории, и все же я хотел бы выдвинуть еще одну. Дело, конечно, не в варварстве; история Запада явила достаточно примеров тому, что варварства можно достигнуть без каких-либо азиатских образов или мифов. Если образ василевса символизировал православного и благочестивого правителя, ведущего свой христианский народ к спасению, тогда, вероятно, образ хана сохранился в идее о русском государе как о не подотчетном никому завоевателе Руси и ее народа. Если василевс являл собой священного царя, «тишайшего» царя в духовном единстве со своей паствой, тогда не исключено, что хан символизировал абсолютистское секуляризированное государство, деспотичное вследствие его отделения от подданных⁷². В действительности эти два образа так и не слились воедино. Оба существовали сепаратно, точно в состоянии напряжения, которое столь трагически иллюстрировал первый русский царь Иван IV: сея смерть днем и молясь по ночам.

Пер. С. А. Никольского

⁷¹ О разделении России на опричнину Ивана IV и земщину и его значении см.: *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1937. Т. II. С. 199 и сл.; *Он же.* Боярская дума. М., 1883. С. 334 и сл.

⁷² Развивая эту гипотезу, можно предположить, что идеальным православным государем православного народа являлся тот, кто опирался на массы (ср. *Cherniavsky M.* Holy Russia: A Study in the History of an Idea // *American Hist. Review.* 1958. LXIII. № 3. P. 617—637), тогда как правительство имперской России полагалось на методы хана-завоевателя.

А. М. Панченко, Б. А. Успенский

ИВАН ГРОЗНЫЙ И ПЕТР ВЕЛИКИЙ: КОНЦЕПЦИИ ПЕРВОГО МОНАРХА

В новой и новейшей историографии поведение Ивана Грозного часто рассматривают как аномальное, как проявление индивидуальной психологии либо психопатологии. По существу, такой подход означает отказ от научной интерпретации: Грозный предстает как необъяснимый эксцесс на фоне правильно развивающегося исторического процесса. Не вдаваясь в недоступную нам область психологии этого человека, отметим, что его кажущееся из ряда вон выходящим поведение имеет аналогии в русской истории — именно в типе поведения русского монарха. С Иваном Грозным сопоставим Петр Великий, и такое сопоставление помогает понять концепции обоих этих деятелей — при том, что эти концепции в принципе различны.

Культурный миф уже в XVII в. рисует Ивана старосветским, благочестивым «царем-батюшкой»¹; Петр же всегда изображается реформатором в европейском платье, домиургом новой, европеизированной России. В этом есть явное упрощение, ибо и в Иване обнаруживаются черты реформатора (даже признаки западной ориентации)², тогда как Петр может быть вписан в национальную модель поведения³. Вообще сходство их очевидно, причем оно вряд ли в полной мере может быть объяснено сознательной ориентацией. Когда сознательный момент исключен или факультативен, совпадения имеют особенно большое значение. Признать их случайностью — значит признать свое бессилие, значит уйти от объяснения.

Сопоставления обоих монархов делались уже при жизни Петра. Берхгольц описывает, как 27 января 1722 г., вскоре после Ништадского мира и сразу по принятии Петром императорского титула, в Петербурге праздновали день рождения цесаревны Анны Петровны: на триумфальной арке под титулом *Petro Magno, Patri Patriae, Totius Russiae Imperatori* «с правой стороны сделано было в натуральную величину изображение Ивана Васильевича I (в царской короне),

¹ Ср. толкование пророка Аввакума на 44-й псалом (РИБ. Т. XXXIX. Л., 1927. Стб. 458).

² Ср. настойчивое возведение генеалогии Рюриковичей к Августу, попытки укрепить династические связи с Западом, «стремление к морю» (Ливонская война), переговоры насчет убежища в Англии, назначение иностранцев опричными воеводами, ориентацию опричнины на европейскую орденскую практику (об этом аспекте опричнины см.: *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963. С. 150—155).

³ См.: *Успенский Б. А.* *Historia sub specie semioticae* // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 286—292.

положившего основание нынешнему величию России, с надписью: *Incipit* (начал). С левой же стороны, в такую же величину и в новой императорской короне, изображен был теперешний император, возведший Россию на верх славы, с надписью: *Perfecit* (усовершенствовал)⁴. Конечно, имеется в виду общность целей Ливонской войны Ивана и Северной войны Петра. Но сопоставление двух монархов к этому не сводится. Важен мотив величия России, притом подчеркнуто, что оба государя — первые: Иван — первый царь, а Петр — первый император (Иван IV назван Иваном I явно по аналогии с Петром).

Люди петровского времени сравнивали не только внешнюю политику обоих монархов, но и семейную их жизнь. В одном из экземпляров календаря на 1718 г. имеются записи (их всего три), сделанные рукой современника: «26 июня: сей год изначился смертию ц[аревича] Алексия Петровича, и число сие»; «18 октября: сего числа Евдокия царица, в монахинях Елена, пострижена, 1-я жена царя Петра I»; «21 ноября: сего числа умре Грозного сын Иоанн, 1582, от удара тростью»⁵. Итак, смерть царевича Алексея прямо связывается со смертью царевича Ивана. Тем самым связываются их отцы.

Попробуем описать совпадения в поведении Петра и Грозного, не претендуя ни на исчерпывающий перечень, ни на классификацию по степени важности.

В обоих случаях имеет место разделение предшествующей культуры на две противоположные; каждая из них осмысляет противостоящую как свой антипод, как антикультуру. Так, Иван IV разделяет Россию на две антагонистические части: на опричнину и земщину. Младший его современник дьяк Иван Тимофеев видит в этом именно раздвоение: царь «всю землю державы своея, яко секирою, наполю некако разсече»⁶. Земским было оставлено обычное платье, опричникам дана новая одежда. Это не только внешняя примета. Тот же Тимофеев смотрел на опричников почти как на иноверцев. По его словам, Грозный, учредив опричнину, «во гневе своем разделением раздвоения едины люди раздели и яко двоеверны сотвори». В самом деле, опричники должны были клятвенно отказываться от общения с земскими. Что напоминает ограничения в общении, принятые в случае конфессиональных расхождений. Вдобавок опричники отрекались от отца и матери и тем самым автоматически оказывались в положении изгоев, противопоставленных «миру». В свою очередь они сходным образом глядели на людей из земщины. Согласно Г. Штадену, «опричники устраивали с земскими такие штуки, чтобы получить с них деньги или добро, что и описать невозможно. И поле (судебный поединок, божий суд. — *А. П., Б. У.*) не имело здесь силы: все бойцы со стороны земских признавались побитыми; живых их считали как бы мертвыми»⁷. Итак, опричнина и земщина — это разные миры. Одна часть воспринимает другую как потустороннюю.

Петр тоже «рассек» Россию надвое. Он передел высшие сословия в венгерское, потом в «саксонское» и немецкое платье. Он обрил бороды, оставив их лишь крестьянам и духовенству, причем запрет носить бороды на государст-

⁴ Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721—1725. Ч. 2. М., 1902. С. 41.

⁵ Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955. С. 216. № 248.

⁶ РИБ. Т. XIII. СПб., 1909. Стб. 271. См. наблюдения С. Б. Веселовского к его книге «Исследования по истории опричнины» (М., 1963. С. 49—51).

⁷ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 86.

венной службе сохранялся вплоть до времен Александра III. Разница во внешнем облике и здесь символизирует глубокое культурное расслоение. И при Иване, и при Петре новая одежда дается привилегированной части общества. Конфессиональный момент опять-таки налицо, ибо борода, как и русское платье, разделяют старую и новую веру. В сознании консервативных слоев петровские реформы наслаивались на реформы никоновские. Нет ничего удивительного в том, что выступления против Петра имели, как правило, конфессиональную окраску.

До Петра европейское платье воспринималось на Руси как потешное⁸, немец, т. е. человек с Запада, — как ряженный (ср. у Гоголя чёрта в немецком платье — поздний отголосок этой традиции). Недаром ходили толки, что Петр «нарядил людей бесом, поделали немецкое платье»⁹. Такими же ряжеными представляли в свое время и опричники Грозного: знаменательно, что Г. Штаден называет опричнину «игрой» (*die Spil*)¹⁰. От «ряженных» жителей Кукуя — один шаг до петровских потешных, из которых выросла русская гвардия. Она с самого начала получила преимущество перед традиционным войском, стрельцами. Сходные привилегии давались опричному воинству. Когда опричник бился или тягался с земским, земский был наперед обречен на поражение¹¹. Когда потешные устраивали баталии со стрельцами, потешным тоже была обеспечена победа¹².

Разделение выражается и территориально. Пока существует опричнина, к ней каждый год приписываются новые города, уезды, даже монастыри. Москве Иван противопоставляет Александровскую слободу и Вологду. Первая — это личная резиденция царя (иностранным послам твердят, что царь уехал для «прохлады», для отдыха), а вторая призвана быть столицей новой России. В Вологде Грозный строит Успенский собор (называемый также Софийским) по образцу московского, который в свою очередь через владимирский Успенский собор преемственно связан с киевской Софией. При Петре роль Александровской слободы играет Преображенское, роль Вологды — Петербург. Хотя территориальное разделение

⁸ К 1684 г. относится документально засвидетельствованный случай (видимо, один из первых), когда «немецкое платье» предназначалось для русских. Оно было заказано как потешное. В столбцах дворцовых приказов значится, что в немецкое платье были одеты «карлы» царского двора. Его шил портной Немецкой слободы Степан Иванов (*Моисеенко Е. Ю.* Мастера-портные «немецкого платья» в России и их работы // *Труды Гос. Эрмитажа.* Т. XV. Л., 1974. С. 143).

⁹ *Лилеев М. И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубе XVII—XVIII вв. Вып. 1. Киев, 1895 (*Известия историко-филологического института* кн. Безбородко в Нежине. Т. XIV). С. 208.

¹⁰ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 152.

¹¹ По словам Г. Штадена, после учреждения опричного двора «великий князь послал в земщину приказ: судите праведно, наши виноваты не были бы» (там же. С. 86).

¹² М. М. Богословский так пишет о потешных боях под Кожуховым в 1694 г.: «Действуют две армии, но разного состава: в одну входят новые солдатские полки, другая сформирована исключительно из стрельцов. Первой дана активная роль, она — нападающая: стрельцам отведена пассивная оборона. Солдатским полкам Петр оказывает явное пристрастие, не сдержанное хотя бы малой долей такта. Он сам в качестве “бомбардира” стреляет бомбами из мортир в стан стрельцов, сам подводит мину под их укрепления. Заранее осужденные на поражение, они в заключение маневра подвергаются позору: отнятые у них знамена волочат по земле» (*Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. Б. м., 1940. С. 206). Итак, солдатские полки «нового строя», наряженные в новое европейское платье, призваны одерживать победы над стрельцами, одетыми в традиционную русскую одежду: поражение стрельцов предreshено так же, как предreshено переряживание России в европейское платье.

государства выражено не столь наглядно, все же постройка Петербурга воплощает именно эту идею. Он, по словам Феофана Прокоповича, олицетворяет новую, «златую», Россию в противовес России прежней, «древяной»¹³.

Петр, строя Петербург, запрещает по всей России строительство каменных зданий; так создается не только образ России будущего, но и образ России прошлого — России деревянной, которая должна контрастировать с Россией каменной и обречена на гибель. Совершенно так же Иван занимается не только созданием и укреплением опричнины, но и разрушением земщины, старого уклада. В обоих случаях новое создается за счет старого, как его антипод.

Раздвоение России распространяется на личность монарха. Два облика у России — два облика у царя. Грозный называет себя князем Иваном Московским, покидает Кремль и селится на Петровке, играя в простого боярина. На трон он сажает ряженого царя Симеона Бекбулатовича, шлет ему челобитные, выходит из саней при въезде в Кремль, вообще всячески подчеркивает свое зависимое положение подданного. Петр — это не только царь, это и Петр Михайлов, бомбардир, урядник, шаутбейнахт и т. д. Он также назначает ряженого короля (Konich), князь-кесаря Ромодановского (сперва Федора Юрьевича, потом его сына Ивана), от которого и получает все высшие чины. Как и Грозный, он не въезжает во двор «монарха», оставляя одноколку у ворот. В потешных церемониях Петр целует князь-кесарю руку и тоже демонстрирует верноподданническое смирение.

У Грозного и у Петра было две иерархии и две номенклатуры чинов. В XVI в. это чины опричные и чины земские, а полтораста лет спустя — чины думные, московские и городовые, с одной стороны (они унаследованы от старой Руси), и новые чины и должности, с другой — тайные советники и генерал-адмиралы, сенаторы и фискалы, комиссары, генерал-прокуроры... Петр включает в новую административную систему и церковь, превращая ее в духовную коллегию. При вступлении в должность члены Синода приносят присягу монарху, провозглашая его «крайним судиею» этой коллегии. Хотя духовенство и не включается в табель о рангах, но для священников со временем учреждаются ордена и знаки отличия (офицерскому темляку соответствует поповский набедренник). Те же поползновения проявляет Иван Грозный, распространяя принцип местничества на духовную сферу: «тогда же царь государь дал троецкому игумену Ионе Сергиева монастыря место под чудовским архимандритом, а кириловскому игумену Афонасию подо андрониковским архимандритом, а пафнутиевскому иосифовскому под богоявленским игуменом, *а прежде того те игумены в местех не бывали*» (курсив наш. — А. П., Б. У.)¹⁴.

Похожи друг на друга «опричный монастырь» Грозного и «всешутейший собор» Петра, при том, что оба эти института не имеют precedентов в русской истории. С точки зрения традиционной аудитории они выглядят как откровенное святотатство. Грозный в Александровской слободе имитирует монашеские обряды, сам играет роль игумена, опричники наряжаются чернецами. Наряду с пародированием иноческого обихода, что само по себе должно было восприниматься как кощунство, опричный монастырь узурпировал реальные элементы

¹³ Феофан Прокопович. Слова и речи. Ч. I. СПб., 1760. С. 113.

¹⁴ ГИБ, Софийское собр. № 1516. Л. 55 об. (см.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 113). Ср. Пискаревский летописец (ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 180).

церковной жизни и быта. Так, митрополит Филипп Колычев кощунство видел уже в том, что опричники надевали «тафьи», т. е. монашеские скуфейки¹⁵; необходимо иметь в виду, что ношение монашеского платья немонахами считалось на Руси совершенно недопустимым. Тот, кто надел это платье даже случайно, обязан был принять постриг.

Современники писали, что Грозный служил обедню как священник (*als ein anderer Papst*)¹⁶. Трудно решить, правда это или вымысел, но самые толки весьма характерны. Кощунственным озорством выглядело поведение Ивана на свадьбе герцога Магнуса Ливонского и двоюродной племянницы царя княжны Марии Владимировны Старицкой в Новгороде в 1573 г.: вместе с молодыми иноками царь плясал «под напев Символа веры св. Афанасия»¹⁷. Петрей сообщает, что Грозный «певал иногда на своих пирах Символ веры Афанасия и другие молитвенные песни за столом и находил в том удовольствие»¹⁸. Древнерусские поучения специально предостерегают против такого поведения, расценивая его как славословие не богу, а бесам. «В пиру пияным пети святого пения» — значит обречь душу на вечную муку¹⁹.

Что касается петровского «всешутейшего собора», то негативное отношение к нему традиционалистов общеизвестно. Ср. хотя бы типичную реакцию кн. И. И. Хованского, отпрыска семьи, почитавшей древнее благочестие: «Имали меня в Преображенское и на генеральном дворе Микита Зотов ставил меня в митрополиты, и дали мне для отречения столбец. И по тому письму я отрицался, а во отречении спрашивали вместо “веруешь ли” — “пьешь ли”, и тем своим отречением я себя и пуще бороды погубил, что не спорил, и лучше было мне мучения венец принять, нежели было такое отречение чинить»²⁰. Герой этого эпизода испугался, что его принуждают участвовать в сатанинском действе. Для кн. И. И. Хованского существовала лишь одна система ценностей — православная. И он рассуждал по принципу «третьего не дано». С этих позиций «всешутейный собор» представлялся именно как сатанинское явление, а не как звено в процессе секуляризации культуры, в «эмансипации смеха»²¹.

Разумеется, реакция современников на действия Ивана Грозного и Петра очень часто не адекватна идеям этих монархов. Однако показательна не только стихийная одинаковость этой реакции в XVI и в XVIII вв., но самая ее серьезность. Традиционалисты не могли и не хотели закрыть глаза ни на опричный монастырь, ни — спустя полтора века — на «всешутейший собор», не хотели спи-

¹⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. 3-е изд. Т. IX. СПб., 1831. С. 98, 118—119.

¹⁶ Так пишет пастор П. Одерборн в своем сочинении об Иване Грозном (1585 г.). См.: Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII века. С. 204, 213.

¹⁷ Henning S. Liffendische Churaendische Chronica // Scriptores rerum livonicarum. Bd. II. Riga; Leipzig, 1848. S. 262.

¹⁸ Петрей де Ерлезунда И. История о Великом княжестве Московском. М., 1867. С. 363.

¹⁹ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. I. Харьков, 1916. С. 174—175.

²⁰ Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. Т. I. СПб., 1861. С. 68—69; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VIII (т. 15—16). М., 1962. С. 101. Ср. обличение 1705 г. на «всешутейный собор» (Белокуров С. А. Материалы для русской истории. М., 1888. С. 539).

²¹ Об «эмансипации смеха» см.: Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Сб. 9. Л., 1974. С. 125—127; История русской литературы в четырех томах. Т. I. Л., 1980. С. 358—377.

сать их на счет государевых прихотей, удали, озорства. Серьезность их реакции вполне соответствует серьезности монарших замыслов, которая угадывается за смеховой и пародийной оболочкой.

Опричный монастырь обнаруживает несомненную связь с включением в опричнину реальных монастырей (Воскресенского, Горицкого, Махрицкого, Симоннова)²². Показательно, что близких к нему и участвовавших в опричной политике архиереев Иван Грозный трактует в качестве ряженных, не настоящих. Поэтому он в момент опалы считает себя вправе снять с них епископское облачение и нарядить скоморохом либо медведем. Так царь поступает с новгородскими владыками Пименом (в 1570 г.) и Леонидом (в 1575 г.). Опричники в глазах Грозного — это люди, наряженные монахами, а приверженные опричнине монахи — лишь по одежке иноки. Что до «всешутейшего собора», то он столь же несомненно связан с церковной реформой Петра. Пародия на патриарха (князь-папа) предшествует реальному, в высшей степени серьезному упразднению патриаршества.

Мы говорили о пространственном «рассечении» земли при Иване и Петре. Нечто подобное происходит и с временем: оно рассекается на старое и новое, на прошлое и будущее. Оба монарха окружают себя молодыми людьми, и это не мелочи их частной жизни. Характеризуя последнее опричное правительство, Таубе и Крузе отмечали, что при особе Ивана остались одни «молодые ротозеи»²³. Голиков, смиренный почитатель Петра, перечисляя «Страленберговы нарекания» своего кумира (они отражают ропот консервативных «некоторых тогдашних московских бояр»), два из них передает так: «(2) Что определял к себе молодых людей без разбору... благородных и неблагородных; (3) Что тем молодым людям позволял осмеивать бояр, наблюдающих старинные обычаи»²⁴. Налицо попытка скомпрометировать средневековую идею единства рода, попытка дискредитировать, если можно так выразиться, родовую личность — единую личность, которая раз за разом воплощается в лестнице поколений²⁵.

У Ивана первый шаг к такой дискредитации — отрицание рода в целом как «дурного», попытка опорочить его и обесчестить. В полемике с действительными или мнимыми противниками Грозный с примечательным постоянством использует свою генеалогическую эрудицию (кстати сказать, поистине блистательную). Он насмехается над кн. Александром Полубенским, возводившим свою генеалогию к баснословному Палемону, якобы родственнику Нерона: «А пишешься Палемонova роду, ино до палаумова роду»²⁶. Он называет опальных Квашниных презренным, скоморошным, «дудиным племенем», намекая на прозвища живших в середине XV в. братьев Дуды, Пищали, Самары и Розлады Квашниных²⁷. «Извыкосте от прародителей своих измену учинити... — пишет

²² Садиков И. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 94—95, 103—104; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 157, 174, 177.

²³ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 54—55. Молодое окружение Грозного состояло, конечно, не только из «ротозеев»: из этого кружка вышел будущий царь Борис Федорович Годунов.

²⁴ Голиков И. Деяния Петра Великого. Ч. I. М., 1788. С. 1—2.

²⁵ См.: Комарович В. А. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРА. Т. XVI. М.; Л., 1960. С. 84—104.

²⁶ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 203.

²⁷ Там же. С. 202. Ср.: Панченко А. М. «Дудино племя» в послании Ивана Грозного князю Полубенскому // Культурное наследие Древней Руси. С. 151—154.

он кн. Курбскому. — И понеже еси порождение исчадья ехиднова, посему такой яд отрыгаеши»²⁸. Беглый вассал платит сюзерену той же монетой: «Аще и зело многогрешен есми и недостойн, но обаче рожден бых от благородных родителей... иже тоя пленницы княжата не обыкли тела своего ясти и крове братии своей пити... яко первые дерзнул Юрей Московский в Орде на святого великого князя Михаила Тверского»²⁹. (Грозный — восьмое колено от Ивана Даниловича Калиты, брата Юрия Московского.) Это не просто *argumentum ad personam*, «последний способ» спора по мизантропической классификации Шопенгауэра в его «Эристической диалектике»³⁰, когда диспут переходит в брань в адрес противника (тут — фамильной чести противника). Это вмешательство в историю, попытка переделать ее, приспособить к своекорыстным интересам, насилие над нею, потому что у почтенного рода отнимаются «честь и слава», завоеванные им на протяжении столетий.

Одновременно идея единства рода сменяется идеей отцов и детей, когда одно поколение противопоставляется другому. Грозный того же Курбского укоряет в ничтожестве сравнительно с предками: «Вся ваша храбрость и мудрость ни к единому их сонному явлению подобно»³¹. В административной практике царь постоянно нарушает принцип старшинства, «произвольно выбирает из большого количества размножившихся служилых родов того или иного человека, не считаясь совершенно со службой его отца и деда и ближайших родственников»³². Московские разговоры о том, что Грозный натравливал младших родичей на старших, передал Флетчер³³. Иногда это выливалось в трагическую форму: по сведениям Курбского, царь вынудил своего фаворита Федора Басманова зарезать отца³⁴. Так в опричном дворе Ивана, а потом и в окружении Петра проявляется и воплощается мысль о прерывистости времени. В обоих случаях аналогична лишь принципиальная трактовка времени — при том, что отношение к прошлому и к будущему совершенно различно.

Противопоставлению старого и нового времени, «рассекаемого» поколениями, в каком-то смысле соответствует противопоставление своего и чужого. Установке на молодое поколение аналогична установка на иностранцев. Для Петра это не нуждается в аргументах.

Но сходным образом ведет себя и Грозный: он позволяет лютеранам завести в Москве церковь, охраняет ее (взыскивая с митрополита за некую причиненную ей обиду), хвалит немецкие обычаи³⁵. Среди опричников мы видим иностранцев. Они пользуются почетом (Иоганна Таубе русские источники именуют «князь Иван Тув»), назначаются полковыми воеводами, как бы предвосхищая наемных генералов Петра. Грозный доходит до того, что прочит в наследники Магнуса Ливонского. Это намерение царь высказывает Магнусу в присутствии иностран-

²⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 25.

²⁹ Там же. С. 109.

³⁰ *Schopenhauer A. Der handschriftliche Nachlass. Teilsammlung / Hrsgb. von Arthur Hübscher. Bd. III. Berliner Manuskripte (1818—1830). Frankfurt a. M., 1970.*

³¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 36.

³² *Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 259.*

³³ *Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1911. С. 48.*

³⁴ РИБ. Т. XXXI. СПб., 1914. Стб. 305.

³⁵ *Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX. С. 101.*

ных послов и земской Боярской думы в июне 1570 г. Вот как передает речь Грозного очевидец, находившийся в тот день в свите Магнуса: «Любезный брат, ввиду доверия, питаемого ко мне вами и немецким народом, в преданности моей последнему (ибо сам я немецкого происхождения и саксонской крови), несмотря на то, что я имею двух сыновей, одного семнадцати и другого тринадцати лет, — ваша светлость, когда меня не станет, будет моим наследником и государем моей страны»³⁶. Пусть царь кривил душой и говорил так из расчета, дабы припугнуть старшего сына и окружавших его родственников по матери, покойной Анастасии Романовой, которые составляли самую влиятельную группировку в земской Боярской думе. Но и в этом случае выступление царя в высшей степени красноречиво.

Впрочем, есть сведения, что Грозный действительно предоставлял иноземцам особые льготы. Об этом прямо пишет Г. Штаден, утверждая, что всем им, кроме евреев, дают кормовые деньги и поместья. К этому он присовокупляет: «Раньше некоторым иноземцам великий князь нередко выдавал грамоты в том, что они имеют право не являться на суд по искам русских, хотя бы те и обвинили их, кроме двух сроков в году: дня Рождества Христова и Петра и Павла... Иноземец же имел право хоть каждый день жаловаться на русских»³⁷. Итак, перед коренными жителями иностранцам даны преимущества. Они почти неподсудны, и это вызывает в памяти отношения опричников и земских. В связи с этим можно понять дьяка Ивана Тимофеева, который сетовал на пагубное влияние иноземных авантюристов, наводнивших Русь при Грозном и его преемниках³⁸.

* * *

Из этих аналогий отнюдь не вытекает, будто Петр «повторяет» Грозного, будто их концепции одинаковы. Такой вывод нелеп. Однако аналогии дают пищу для размышлений. Оба государя не удовлетворены культурным статусом и хотят его изменить. Из чего вырастает тяга к перестройке? Есть ли у них общий культурный импульс, который понуждает нарушать традиционную систему нормативов?

Весьма важно, что как Иван, так и Петр осознают себя *первыми*, Иван — первый венчанный царь всея Руси, Петр — первый российский император. Так его называют задолго до Ништадтского мира и законодательного принятия этого титула. Петр себя и официально называет Первым, чему на Руси не было прецедента³⁹: первым он ощущает и называет Ивана, осмысляя его как своего предшественника, «равного среди первых» (см. выше о праздновании дня рождения цесаревны Анны в 1722 г.). В дипломатических грамотах Иван всегда отличает свое «государствие» (от вступления на трон в 1533 г.) от своих «царств» — Российского (считая с венчания в 1547 г.), Казанского (с 1552 г.) и Астраханского (с 1557 г.).

³⁶ Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории // ЧОИДР. 1916. Кн. 2. Отд. II. С. 34.

³⁷ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. С. 121.

³⁸ РИБ. Т. XIII. Стб. 263—264.

³⁹ Кроме статьи Б. А. Успенского (см. примеч. 3) ср. об этом: Гурьянова Н. С. Старообрядческие сочинения XIX в. о Петре I — антихристе // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 140, 146.

Поскольку они первые, им в национальной традиции опереться не на кого. Поэтому и тот, и другой учатся — учатся быть монархом. Отсюда неизбежные, вынужденные поиски образцов вне этой традиции. Петр поступает самым решительным образом: он прямо едет за границу, чтобы пройти курс наук в европейской школе (впервые в русской истории, если, конечно, не считать Лжедмитрия, государь покидает пределы отечества). Но как обстоит дело с Иваном?

При всем стремлении официальной культуры к единообразию, XVI век — это век споров, полемики, публицистики — именно потому, что это век учебы. Строго говоря, необходимость учебы была осознана раньше — по крайней мере во второй половине XV в., когда Русь после завоевания османами Балкан и падения Константинополя оказалась последней (наряду с Грузией) независимой частью православного мира. Это вызвало мысль о культурном первенстве Руси, о ее культурной ответственности за византийское и южнославянское наследие: «чтобы свеча не погасла», как выражались в ту пору. Но это одновременно означало и культурное одиночество, породившее множество умозрительных и практических проблем.

До поры до времени (имеем в виду 7000 г. от сотворения мира, т. е. 1492-й от Рождества Христова) они нивелировались или смягчались эсхатологическими ожиданиями. Однако в период ожидания конца света были люди, не мыслившие эсхатологически. Таковы еретики типа Федора Курицына, вероятного автора «Повести о Дракуле».

Повесть — своего рода модель царского поведения. Дракула (он же валахский князь Влад Цепеш) обладает двумя главными качествами. Во-первых, он грозен; во-вторых, справедлив. «И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинил кое зло, татбу, или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив. Аще ли велики боярин, или священник, или инок, или просты, аще и велико богатство имел бы кто, не может искупиться от смерти, и толико грозен бысь»⁴⁰. Повесть сочинили в 80-гг. XV в., и модель могла быть рассчитана только на Ивана III (как известно, и его называли Грозным). Можно ли связывать ее с грозным внуком Ивана III?

На наш взгляд, можно. Правда, повесть не сохранилась в списках эпохи Ивана IV. Но ее несомненно знали, и она, по-видимому, была популярна. Об этом свидетельствует русский именовослов, в котором под 1538 г. зафиксирован Дракула Вассиан, инок Волоколамского монастыря⁴¹. Лета его, конечно, не указаны. Нет резона гадать, когда он получил такое прозвище. Вероятно, это случилось до пострига, быть может, в детстве. Но и в 1538 г. и позднее этот монах и люди, его окружавшие, бесспорно имели понятие о персонаже повести.

Какой смысловой ореол окружал в ту пору мирское имя, или прозвище, Дракула? Как его воспринимало русское ухо — как бранное, унижительное, нейтральное или же почетное? Высказываемся за последние оценки, и вот почему. Оно принадлежит к ряду «литературных» имен русского ономастикона — таких, как Плакида (Плакида Андреевич Мерлин, 1584 г.; Плакида Алексеевич Лопатин, 1600 г.), Китоврас (Иоасаф Китоврасов, ризничий Симонова монастыря, 1569 г. — значит, отец этого человека назывался Китоврасом; ярославские помещики Китоврасовы, 1568 г.), Уруслан (князь Уруслан Елизарий Иванович Ме-

⁴⁰ Повесть о Дракуле. М.; Л., 1964. С. 118.

⁴¹ Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 100.

щерский, 1597 г.), Езоп (дворянин Иван Григорьевич Езопов, 1636 г.)⁴². К этому же ряду относится русское мирское имя Бова. Хотя самые древние великорусские списки «Повести о Бове королевиче» датируются XVII в., но уже в середине XVI в. в Рязани жил некий Бова Семенович Воробин, сын боярский из старинной, но захудалой фамилии Шевлягиных⁴³. Следовательно, эта повесть проникла в русскую среду несколько раньше, нежели предполагается⁴⁴, причем вовсе не обязательно в устных версиях. Сонм «литературных» имен XVI в. — это сонм образцовых персонажей, собор героев, богатырей, мудрецов, пусть и небезупречных с церковной точки зрения. Нет никаких оснований полагать, что Дракула среди них — белая ворона. Это прозвище входит также в «исторический» срез ономастикона (см. ниже: к стати говоря, в средневековой культуре, когда художественная фантазия еще не завоевала права на существование, когда вымысел отождествлялся с ложью, трудно провести четкую разграничительную линию между именами историческими и литературными). Контекст «исторического» среза также не позволяет приписывать прозвищу Дракула пейоративный оттенок.

Как известно, в общественном сознании валашский князь достаточно рано стал ассоциироваться с Грозным. Последнему, в частности, был переадресован эпизод повести, в котором идет речь о том, как Дракула повелел прибить гвоздями шапки к головам послов. Уже в начале XVII в. иностранные путешественники, посетившие Россию, вынесли оттуда впечатление, что так поступал с послами Иван IV⁴⁵. Это впечатление, по-видимому, отражало московские слухи и толки. Актуальность в эпоху Грозного той модели царского поведения, которая была описана в «Повести о Дракуле», подтверждается и публицистикой Ивана Пересветова, пронизанной столь характерной для XVI в. идеей учебы. Его Магмет-салтан тоже грозен («не мощно царства царю без грозы держати»), тоже справедлив: он поборник «правды турецкой»⁴⁶. Он жесток ради справедливости: «Да по малу времени обыскал царь судей своих, как они судят, и на них довели пред царем злоимство, что они по посулом судят. И царь им в том вины не учинил, только их велел живых одирати. Да рек так: “Естьли они обростут телом опять, оно им и вина отдастся”. И кожи их велел пределати, и велел бумаги набити и писати велел на кожах их: “Без таковыя грозы правды во царство не мощно ввести”»⁴⁷.

Принято думать, что при Грозном «Повесть о Дракуле» была под запретом по причине ее оппозиционности⁴⁸. На чем основано такое умозаключение? Только на том, что до нас не дошли списки повести, относящиеся к эпохе Грозного, хотя

⁴² Там же. С. 107, 141, 246, 333.

⁴³ Там же. С. 42. Шевлягины — дальние родственники Колычевых, Романовых и Шереметевых.

⁴⁴ См.: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. Бова. Петр Златых Ключей. М., 1964. С. 23. Датируя русскую версию повести, В. Д. Кузьмина тоже ссылается на личные имена (Бова, Лукопер), но привлеченные ею материалы относятся к 1590 и более поздним годам.

⁴⁵ Повесть о Дракуле. С. 60, примеч. 20.

⁴⁶ Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 224—232.

⁴⁷ Там же. С. 226. Идеологические параллели между «Повестью о Дракуле», текстами Пересветова и Грозного отмечались неоднократно, но оценивались по-разному, иногда с полярно противоположных позиций.

⁴⁸ Повесть о Дракуле. С. 72 и след.

есть списки как предшествующего, так и последующего времени. Лакуна в рукописной традиции действительно наводит на мысль о запрете. Но чем он был вызван в этом конкретном случае? Причиной могла быть не мнимая оппозиционность памятника, а его слишком откровенная официозность. Точно так в 1572 г. власти запретили употреблять в письменной и устной речи слово «опричнина», из чего никак не вытекает, что опричнина как явление состояла в оппозиции к царю. Быть может, по той же причине от эпохи Ивана IV не дошли и списки сочинений Пересветова — не из-за неужодности этого публициста властям, а из-за неуместной в обстановке опричного террора компрометировавшей правительство официозной прямоты. Власть боялась аллюзий, а не того, что чтение повести и текстов Пересветова подвигнет московского обывателя к бунту.

В истории культуры запреты такого рода — обычное явление. Схожая судьба постигла писания Макиавелли, все без исключения осужденные католической церковью. Они попали в Индекс запрещенных книг и с 50-х гг. XVI в. в Италии не печатались⁴⁹. Традиция негативного отношения к флорентийскому политику была настолько сильной и длительной, что, когда в XVIII в. Accademia della Crusca предприняла издание словаря итальянского языка, цитаты из Макиавелли давались в нем за подписью «флорентийский секретарь». Этот эвфемизм понадобился издателям потому, что имя человека, перу которого принадлежал «Государь», считалось до неприличия одиозным. Между тем «Государь» оставался явной или тайной библией европейских монархов. На словах они рьяно учили его автора в злодейских помыслах. Так, Фридрих Великий, будучи еще наследным принцем, написал трактат «Антимакиавелли». На деле они столь же рьяно учились у Макиавелли коварству, жестокости, интригам, полагая, что лишь к этому сводятся заветы и уроки «Государя».

Почему публицисты, создававшие модель поведения для первых русских самодержавных царей, искали образы на востоке и юго-востоке Европы, в пределах Османской Порты и по соседству с нею? Это, в общем, понятно. На Руси титул царя издавна применялся к двум государям — к византийскому императору и к хану Золотой Орды. Царями могут называться и преемники последнего — хан казанский, хан астраханский, хан крымский. Узурпатор власти василевса и его фактический наследник турецкий султан тоже имеет право на этот титул. Соответственно Иван Пересветов говорит о турецком царе Магмете. Новоявленному царю всея Руси естественно было обращать взор к Царьграду, хотя бы и завоеванному османами: Москва, как говорил еще в 1492 г. митрополит Зосима, — это новый град Константинов, а московский государь (Иван III) — новый Константин⁵⁰. Мысль о преемственности султанской власти от императорской ощущалась и в сочинениях Пересветова.

Оглядка на Восток была исторически неизбежной. Земли распавшейся Золотой Орды стали принадлежать Московскому государству, которое осознавало себя ее преемником. Эта преемственная связь находит выражение в ментальности русского общества, насколько о ней можно судить по тому беспристрастному и безупречному источнику, к которому мы уже обращались, — по именованию XVI в.

⁴⁹ Горфункель А. Х. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М., 1977. С. 28, 33—34.

⁵⁰ РИБ. Т. VI. СПб., 1880. № 118. Стб. 799.

При рассмотрении мирских имен, бывших в обиходе боярского и дворянского сословий, бросается в глаза обилие татарских. Любопытно, что их носят отпрыски русских родов, включая тех, которые выводили свое происхождение с Запада. Вспомним, например, историю фамилии Аксаковых. Это отрасль знатнейших московских бояр Вельяминовых-Воронцовых, о которых Курбский писал, что они — «от немецка языка, а с племени княжат решских»⁵¹. Скорее всего Курбский имел в виду легендарного родоначальника Вельяминовых-Воронцовых варяга Шимона Африкановича; о нем рассказывает Киево-Печерский патерик. Есть ли тут правда и сколько ее — не важно. Важно другое: эта семья нисколько не сомневалась в том, что корни ее — западные⁵². Тем интереснее, что, по преданию, основатель рода Аксаковых, живший в середине XV в. Иван Аксак Федорович Вельяминов, получил свое мирское имя в честь знаменитого Темира Аксака, Тамерлана. «Тверская летопись поясняет, почему ордынский хан Темир Аксак назывался Железным Хромцом: “Темир бо зовется железо, аксак зовется хромец половецким языком”. Как и почему Федору Вельяминову пришло в голову называть своего младшего сына Аксаком, конечно, объяснить невозможно»⁵³. В объяснении нуждается не ориентация именослова на Орду — это дело обыкновенное, а «рассечение» составного имени. Впрочем, могла отсекаться и первая его часть: среди суздальских детей боярских в 1572 г. прославился Темир Алаыкин⁵⁴, который в знаменитом бою у Молодей взял в плен предводителя крымского войска мурзу Дивея.

Что касается мурзы Дивея, то он немедля попал в русский ономастикон, очевидно, по причине хорошей военной репутации: «...в писцовых книгах Рязанского уезда конца XVI в. мы находим в нескольких семьях молодых людей с прозвищем Дивей»⁵⁵. Легко сосчитать, что на свет они появились вскоре после сокрушительного поражения крымской конницы под Молодями. К «историческому» ряду принадлежит и мирское имя Мамай. Так звали князя Ивана Мамаю Львовича Глинского, родственника Грозного по материнской линии. У Глинских это имя можно считать фамильным, так как они действительно происходят от хана Мамаю. Однако оно употребимо и вне круга семейных преданий: в 1577 г. в Коломне служил Федор Мамай Михайлович Домачнево⁵⁶. Оно прижилось в среде гайдамаков и запорожских казаков наряду с именами Буняк ~ Боняк (так звали половецкого хана, упоминаемого в «Повести временных лет») и Батый. На-

⁵¹ РИБ. Т. XXXI. Стб. 167. «Решские» — это имперские, так как в XVI—XVII вв. словосочетание «немецкие реши» (транслитерация польского «gzesza niemiecka») обозначало Священную Римскую империю.

⁵² Ср. упоминания о варяге Шимоне в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова (Собр. соч. в 4-х тт. Т. I. М., 1955. С. 77, 256).

⁵³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 228.

⁵⁴ Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 12. Мы не будем в данном случае заниматься этимологией фамилии Алаыкиных, не будем разбирать преимущества и недостатки существующих на сей счет гипотез. Одни считают слово «алаыка» (картавый) звукоподражательным, другие — тюркизмом, третьи возводят его к «аллилуйя», подобно тому как глагол «куролесить» возводится к «кирие елейсон». Р. Г. Скрынников называет героя битвы 1572 г. не Алаыкиным, но Аталыкиным (Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 172). Тогда его фамилия восходит к татарскому «аталык» — дядька, воспитатель, опекун (Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 17).

⁵⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 228.

⁵⁶ Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 98—99.

помним в этой связи об украинских народных картинках «Козак—Мамай», а также о том, что на Украине степные «каменные бабы» назывались «мамаями» — их считали изваяниями удалцов прежних времен⁵⁷. Из персонажей, обогативших русский именослов, стоит сказать и о турецком полководце Шеремете. В его честь был наречен Андрей Шерemet Константинович Беззубцев-Кошкин (конец XV — начало XVI в.), родоначальник Шереметевых.

Судя по именослову, в русском обществе той поры западническая ориентация была не в почете и не в обычае. Бесспорно она проявилась только в одном (!) случае, у Колычевых: Степан Иванович, сын Павла Лобана Андреевича и отец митрополита Филиппа, получил громкое для балтийских держав прозвище Стенстур (его тезка прославился как регент Швеции в 1473—1503 гг.)⁵⁸. Что касается ономастических заимствований из «Повести о Бове королевиче», то они вряд ли могут трактоваться в западническом плане. В русских версиях памятника связь с Францией, его родиной, была полностью утрачена. У тех жителей Московского государства, которые нарекали своих младенцев Бовой или Лукопером (в 1604 г. некий Лукопер Озеров вез царскую грамоту в Нижний Новгород), не было оснований отождествлять художественное пространство повести с Западной Европой. С этой точки зрения больше всего показательна 3-я редакция повести (по классификации В. Д. Кузьминой). Здесь действие протекает в Арменском, Задонском, Рахленском царствах, рахленского государя зовут Салтаном Салтановичем, гости-корабельщики допытываются у Бовы, христианского он роду или татарского, и т. п.⁵⁹

Ментальность именослова соответствует русской культурной ситуации XVI в. в целом. Один ее полюс — охранительные, консервативные тенденции, сказавшиеся, в частности, в ослаблении литературных контактов с Западом. «Европеизм» Ивана Грозного, впрочем, весьма своеобразный, этим тенденциям не противоречил: он был исключительно царской прерогативой⁶⁰, не в пример и не в образец подданным.

О другом культурном полюсе можно судить по «Казанской истории», где защитники Казани изображаются чуть ли не в приязненных тонах, не как супостаты, а как «наши»: здесь «нарушения этикета простираются до такой степени, что

⁵⁷ Белецкий Пл. А. К вопросу о происхождении названия украинской народной картины «Козак—Мамай» // Slavica. Т. VIII. Annales Instituti philologiae slavicae Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae / Redigit Endre Iglói. Debrecen, 1968. P. 29—32.

⁵⁸ Веселовский С. Б. Ономастикон. С. 300.

⁵⁹ Текст этой редакции см. в кн.: Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 516—541). Из сказанного ясно, что фамилии тюркского происхождения не обязательно указывают на тюркскую родословную. Так, Куракины ведут свое происхождение от Гедимины. Курака — тюркизм, который появляется у Гедиминовичей как прозвище в XV в. У других Гедиминовичей в том же XV в. появляется прозвище Булак (от него, в частности, пошли Голицыны). Совершенно необязательно только на этом основании предполагать какие-то кровные узлы Гедиминовичей с родом, происходящим из Золотой Орды (ср.: Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 47—50). Прозвища такого типа, как мы видели, могут быть генеалогически не обусловлены — речь идет, собственно, не о генеалогии, а о культурной ориентации.

⁶⁰ Официальная позиция Грозного была строго ортодоксальной: в полемике с проповедником общины «чешских братьев» Яном Рокитой он выразил ее в форме афоризма: «Яко латына прелесть, тако и вы тьма» (Послание к неизвестному против люторов. Творение Парфения Уродивого. Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1886. С. 26).

враги Руси молятся православному богу и видят божественные видения»⁶¹. Какова подоплека этих нарушений литературного этикета?

Они не будут резать глаза, если мы вспомним, что на роль ряженого государя Грозный выбрал не рюриковича («Августова роду»), не гедиминовича («Палемоннова роду»), но крещеного татарина Симеона Бекбулатовича, внука хана Большой орды Ахмата и зятя удельного князя И. Ф. Мстиславского; что пресловутый Симеон Бекбулатович еще до крещения, когда его звали Сани Булат, был касимовским царем⁶²; что наряду с Касимовом на московской земле процветали и другие татарские уделы — такие, как Юрьев-Польской, которым в опричные времена правил астраханский царевич Кайбула, как Звенигород (его держателем до смерти в 1565 г. был последний казанский хан Едигер-Симеон Касаевич, а несколько лет спустя Али Муртаза, сын Кайбулы), как Романов, отданный Грозным ногайским мурзам, в том числе князьям Юсуповым, племянникам хана Большой ногайской орды Исмаила...⁶³

Вассалы-мусульмане занимали почетные места в правящем слое. В походы они ходили со своим двором и со своим войском. Их назначали воеводами, отличали и награждали. Крестившись, они роднились с самыми знатными московскими фамилиями. Все это помогает понять, почему автор «Казанской истории» переменил этикетные знаки. Славяне и турки, перемешавшись на Восточно-Европейской равнине, сумели извлечь урок из многовекового соседства — не всегда мирного, но не всегда и враждебного. Не удивительно поэтому, что, изучая мирские имена XVI в. (хотя бы на первую букву азбуки), мы в исконно русских семьях находим Айдаров, Адашев, Азанчеев, Амиров, Амуратов, Асманов, Атаев, Аталыков, Ахматов, Ахмылов...

Именослов есть зеркало общественного настроения. Из картины, отразившейся в этом зеркале, понятно, что обратить взор на восток и юг в поисках монарших образцов было для XVI в. всего лишь естественно. Если Москва в плане культурном — оплот православия, хранительница наследия Византии, балканского славянства, Молдавии и Валахии, то в плане государственном она перенимает бразды правления над Восточно-Европейской равниной, а вскоре и над Сибирью у поверженной Орды. «Агарянский» и «бусурманский» оттенок этой ориентации не смущал ни одни книжные умы, каковыми были Пересветов и автор «Казанской истории»; он не смущал всех вообще русских людей. Так свидетельствует фольклор, в котором великий князь московский Иван Васильевич становится царем только после покорения Казани, и это тот самый случай, когда «после — значит потому»:

И бежал тут велики князь московски
На тое ли высокую гору-ту,
Где стояли царские полаты.
.....
А за гордость царя Симеена,
Что не встретил великова князя,
Он и вынял ясны очи косицами,

⁶¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. Л., 1971. С. 120.

⁶² Касимовское царство было учреждено московскими великими князьями еще в середине XV в. См.: Шишкин Н. История города Касимова с древнейших времен. 2-е изд. Рязань, 1891.

⁶³ См.: Скрынников Р. Г. Опричный террор. С. 210—214.

Он и взял с него царскую корону,
И снял царскую перфиду,
Он царской костью в руки принял.
И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство,
Что тогда-де Москва основалась,
И с тех пор великая слава⁶⁴.

Так отражена в фольклоре средневековая идея *translatio imperii*. Иван имеет право на царские регалии и отныне — «вольный царь»⁶⁵.

* * *

Но как сам Иван IV относится к монаршему учению? И от него, и от Курбского мы знаем, что в молодые годы, в блаженной памяти времена избранной рады царь слушается советников, т. е. учится у них. Потом в его мироощущении и поведении происходит разительный поворот. Порвав с радой, царь не устает подчеркивать, что никого не хочет и никого не будет слушаться. Главный его упрек Адашеву, Сильвестру и Курбскому как раз и состоит в том, что они «восхищали учительский сан»⁶⁶. Это постоянный до назойливости мотив первого послания беглому сподвижнику — следовательно, это мотив ключевой. Быть может, Грозный намеревается брать уроки в школе истории? Ничуть не бывало. Если он к ней прибегает, то лишь затем, дабы найти опору и оправдание своей позиции автаркии царя. Деяния преждебывших государей, ветхозаветных, византийских и других, нужны ему для одной цели — подчеркнуть, что те цари, которые были «послушны епархом и сигклитом... в погибель приидоша»⁶⁷. Зато те, кто не давал голоса советчикам, победили всех врагов и прославились. Подражания заслуживает только такая традиция — «обычай» никого не слушаться и ни у кого из людей не учиться.

⁶⁴ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 152.

⁶⁵ См.: там же. С. 27, 32, 70.

⁶⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 19. К этим словам Грозного следует отнестись особенно внимательно, так как учительский сан на Руси обозначал претензию на духовные полномочия. Когда в 1640-х гг. в Москву приехал грек Венедикт, то его отослали обратно в Константинополь, потому что он кичился своим учительством, называя себя учителем, не имея на то достаточных оснований. В послании русского правительства, которое сопровождало высылку Венедикта, говорится, что учителям «достойно от иных таковая похвала примати, а от своих уст токмо мудрых Исправителю и всякому делу Хитрецу, всеильному богу несложная похвала приносить, — се есть корень христианскому любомудрию и не зазорный учительский сан... При патриархе ж меньшему от него в чину не достоин учителем нарецися... Укоряя же господь наш книжников и фарисеев... глаголаше: любят же преже возлегания на вечерех и преже седания на сонмищах и зватися от человек: учителю, учителю! Но учеником же, научая их, господь наш глаголаше: вы ж не нарицайтесь учителя, един бо есть учитель ваш Христос» (цит. по: Кантевев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. С. 484—485, примеч.). В этой перспективе всякое учение сводится к вероучению: отсюда звание «учителя», «учительский сан» предполагает, так сказать, санкцию свыше, духовные полномочия. Тот, кто называет себя учителем либо учит, не имея такой санкции и таких полномочий, — тот самозванец. В этом, в сущности, и обвиняет Грозный Адашева, Сильвестра и Курбского.

⁶⁷ Там же. С. 23.

Из этого проще всего сделать вывод, что Иван IV исповедует идею неограниченного самодержавия, что он тиран, руководствующийся необузданной, большой фантазией, что он потакает своим страстям и прихотям, что он ориентируется на одного себя. Такой вывод обычно и делается. Он справедлив, но недостаточен, ибо опять-таки уводит дело из истории и культуры в психологию и психопатологию. Между тем наряду с эмоциями у Ивана есть логика — жестокая, но почти безукоризненная. У Ивана есть учителя, образцы, ориентиры. Эти ориентиры — бог и архангел Михаил.

На Руси XVI в. живо интересовались византийской по происхождению идеей, согласно которой бог — это «царь небесный», а царь — «земной бог». В послании к молодому Ивану ее пространно изложил Максим Грек⁶⁸. Говоря о тех, кто «благоверно царствует на земли, уподобляясь небесному владыке», он пишет: «Сия началствующим богу подобных соделовают (т. е. цари подобны богу. — А. П., Б. У.) и державу их не точию утверждают и во глубине мире и тишины всегда сохраняют, но еще и преславнейшими победами украшают и прославляют их». От подобия совершается естественный переход к подражанию, к основополагающему принципу средневековой культуры, философскому и поведенческому.

«Многим убо и различным сущим и человецех художеством и хитростям и вельможным саном, кождо человек безпрестани печется и всею душею тщится достигнути край конец, егоже желает, художества или хитрости или вельможнаго сана, аки на образ некий, на возсиявших древле в неких сих взирая; тебе же, благовернейшему и всехвальному самодержцу всея Руси, емуже уверена суть от самого вышняго скипетра царства преславнаго, и на кий ин образ взирати подобает всегда, а не точию в самого царствующаго на небесех..., иже един есть страшен и всесилен». Отсюда закономерно вытекает, что царь — образ божий. «Царь... ни что же ино есть, разве образ живой и видим, сиречь одушевлен, самого царя небеснаго, якоже рече некий от еллинских философ к некоему царю, сице глаголя: царству уверен быв, буди тому достоин, царь бо божий есть образ одушевлен, сиречь жив».

Наставления ученойшего Максима Святогорца согласуются с высказываниями людей совсем другого круга. Гораздо позже опричник Васюк Грязной писал царю нечто подобное: «Ты, государь, аки бог, и мала и велика чинишь»⁶⁹. Это, конечно, слова пустого бахвала, застольного шута, человека «исторического» в ноздревском духе. Но они тем более показательны: значит, мысль о «земном боге» стала расхожей, перешла в общее пользование. Это подтверждает П. Одерборн, который в памфлете на Грозного (1585 г.) замечает, что при жизни царь — земной бог, император и папа для своих подданных («Bey seinem Leben hielten in sein Unterthanen nicht allein für einen irrdischen Gott, sondern auch für iren Kayser und Papst»)⁷⁰. Это подтверждает также Исаак Масса (1612 г.): московиты, по его сведениям, считают царя «почти земным богом»⁷¹.

⁶⁸ Максим Грек. Сочинения. Ч. II. Казань, 1860. С. 346—348.

⁶⁹ Цит. по: Садиков П. Царь и опричник. (Иван Грозный, В. Гр. Грязной и их переписка 1574—1576 гг.) // Века: Исторический сборник. Т. I. Пг., 1924. С. 75.

⁷⁰ Oederborn P. Wunderbare, erschreckliche, unerhörte Geschichte und warhaffte Historien... Görlitz, 1588, f. d/3.

⁷¹ Цит. по: Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. Т. I. XIII—XVII вв. Иркутск, 1932. С. 252.

Итак, идея дана, место царя в мировом порядке определено. Его власть — от бога, поэтому он не несет ответственности перед людьми; учеба у них ему противопоказана. Только божество может предложить ему модель поведения. Идея дана, но из нее каждый волен выводить различные следствия, поскольку различны облики бога, из которых состоит христианская Троица. Иван IV отдает предпочтение богу грозному и наказующему, т. е. Саваофу, богу-отцу (возможно, какую-то роль играет здесь «отцовство» монарха по отношению к подданным: они — «детушки», а он для них «царь-батюшка»), Саваоф — это закон, неумолимый и карающий, и на земле его воплощает государь. В такой концепции нет религиозного вольнодумства, поскольку Иван, во-первых, сознает, что как человек, как лицо — он червь перед богом; во-вторых, он не принижает Благодать, не забывает о непамятозлобии, прощении врагов и т. п.

Но это не царская, а церковная прерогатива, право и обязанность архипастыря: «И аще убо царю се прилично, иже биющему в ланиту обратити другую?.. Како же царство управити, аще сам без чести будет? Святителем же сие прилично. По сему разумей разньства святительству с царством»⁷². В сознании Ивана IV сфера государственная и сфера церковная разграничены четко и строго, прямо как в «Домострое» Сильвестра. О том, что слова царя — не пустые слова, не при творство, говорит хотя бы история возведения на митрополичий престол Филиппа Колычева. Она нелепа, если взглянуть на нее с позиции тирана, с точки зрения его интересов, его пользы. Для чего в самом деле силой понуждать на митрополию человека нравственного, чрезвычайно популярного, по натуре независимого — и потому крайне неудобного? (Это «неудобство» и предопределило трагическую судьбу Филиппа.) Вряд ли здесь имела место политическая близорукость, скорее наивная, но принципиальная приверженность порядку. Иван по природе и воспитанию был консервативен, он стоял за порядок, он искал в митрополиты «лучшего», а не марионетку, не думая о том, что собственноручно создает неизбежный конфликт «царства и святительства».

Одновременно с богом образцом для царя может служить и Михаил Архангел. Это не только московская традиция (еще Иван Калита выстроил в Кремле первый Архангельский каменный собор; именно Архангельский собор — усыпальница великих князей и потом царей, в том числе царя Ивана). Это и традиция вселенская: «Моисею предстатель бысть Михаил Архаггел, Иисусу Навину и всему Израилю; та же во благочестие новей благодати первому христианскому царю, Константину, невидимо предстатель Михаил Архаггел пред полком ходаше и вся враги его побеждаше, и оттоле даже и доньне все благочестивым царем пособствует»⁷³. Эрудиция Ивана IV в данном случае безупречна. Михаил — это воитель и архистратиг, великий князь небесных сил и державный царственный ангел, «ангел истории»⁷⁴.

С мечом явился он Иисусу Навину; в Апокалипсисе он низверг сатану, «древнего змия»; с императором Константином он вступил в воинский союз. Эти функции приписывались св. Михаилу и в западном христианстве⁷⁵. В каролинг-

⁷² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 24.

⁷³ Там же. С. 36.

⁷⁴ См.: Lueken W. Michael. Eine Darstellung und Vergleichung des jüdischen und der morgenländisch-christlichen Tradition vom Erzengel Michael. Göttingen, 1898.

⁷⁵ См.: Добнаш-Рождественская О. А. Культ св. Михаила в латинском средневековье V—XIII века. Пг., 1917 (гектографированное издание).

скую эпоху он воспринимается как патрон императоров — и Карла Великого, и в особенности Оттона III («императором» латинские апологеты называли и самого Михаила). В облике европейского рыцаря он представал в видениях Жанны д'Арк, с его именем она сражалась с англичанами. Когда во Франции восторжествовала королевская власть, Людовик XI учредил рыцарский орден св. Михаила. Позднее в Испании был орден «Михайлова крыла».

Как известно, Иван IV сочинил «Канон Ангелу Грозному Воеводе», обращенный к Михаилу Архистратигу⁷⁶. Здесь упор сделан на одной его функции — функции «смертного ангела», который огненным трезубцем исторгает душу человека, затем ведет ее по двадцати мытарствам. Д. С. Лихачев совершенно прав, когда в исследовании канона пишет, что сочинить его побудили царя Ивана большая совесть и панический страх смерти. Впрочем, автор канона вполне ортодоксален и не проявляет популизма к религиозному вольномыслию. «Возвести ми конец мой, да покаюся дел своих злых, да отрину от себе бремя греховное... Егда придет время твоего прихода, святыи ангеле, по мене грешнаго... разлучити мою душу от убогаго ми телеси, — вниди с тихостию, да с радостию усящю тя честно». Эти императивы точно согласуются с обиходными представлениями о «смертном ангеле» Михаиле, насколько мы можем судить о них по «Измарагду» — настольной книге русских людей XVI в. О св. Михаиле идет речь в «Слове 158-м о некоем мнисе»⁷⁷.

Трудно умирает нераскаянный грешник: «страшный... муж устреми трезубец огнен в сердце его, на много час муча его, исторже душу его с нужею». Кончина праведника подобна отходу ко сну, это «успение». Михаил одесную и архангел Гавриил ошую ожидают разлучения тела и души, ибо «повелено есть... от Владыки не с нужею пояти ю». Душа медлит, архангелы спешат, и тогда бог посылает Давида с гуслями в сонм райских жителей. «И начаша нети красныя пения. Се же слышавши душа от радости изыде из тела и прииде на руце к Михаилу». Такой легкой смерти просил себе царь Иван.

Кроме канона он составил также «Молитву Иисусу Христу и архангелу Михаилу». В ней царь просит воеводу небесных сил: «Соблюди раба божия в бедах и в скорбех и в печалех, на распутьях, на реках, и в пустынях, в ратех, в царех, и в князех, в вельможах, и в людех, и ко всякой власти, и от всякой притчи, и от диявола... Соблюди... от очию злых человек и от напрасныя смерти и от всякого зла». Здесь отразились, по-видимому, кое-какие личные черты Ивана IV, в частности боязнь сглаза и порчи («притчи»). Он был суеверным человеком, и об этом мы знаем из многих источников. Но нас интересует сам Михаил Архангел, прежде всего как «учитель» самодержца, как образец монаршего поведения. В этом аспекте канон и молитва мало что дают и без опоры на широкий историко-культурный контекст непонятны.

Для Ивана небесный патрон царей — «предстатель престолу божию и творитель воли господни и совершитель заповедей его». Это своего рода заместитель бога и его двойник, на что указывает значение имени Михаил — «кто, яко бог».

⁷⁶ См.: Лихачев Д. С. Канон и молитва Ангелу Грозному Воеводе Парфения Уродливого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 10—27 (канон и молитва цитируются далее без ссылок по этому изданию). Ср.: Спаский Ф. Г. Русское литургическое творчество. Париж, 1951. С. 225.

⁷⁷ Измарагд. М., 1912. Л. 95 об.—96 (второй фолианти).

Если св. Михаил — предстатель бога на небе, то царь, в том числе царь всяя Руси, — на земле. Все трое, так сказать, изоморфны друг другу. В чем же в конце концов заключается подобие Михаила Архистратига и царя Ивана IV? В том, что оба они — «грозные», и недаром в каноне этот эпитет употреблен двенадцать раз. Что он означает?

Установлено, что в приложении к царю эпитет «грозный» не имел отрицательного оттенка⁷⁸. Он связан не с идеей тирании, а с идеей величия (*majestas*). «Достоит царю грозну быти», — говорится в «Валаамской беседе»⁷⁹, и эти слова нельзя толковать как призыв править круто и безжалостно. Дело не только в том, что в памятнике прямо говорится о необходимости царского милосердия: «Милостивый человек есть царь, милость показа свою к миру, уподобися милостивому богу» (с. 179). Дело в контексте: эпитет «грозный» и существительное «гроза» появляются там, где речь идет о порядке в государстве, об обязанности монарха «исправляти и здержати» (с. 166, 182) города и веси, «установити» (с. 174, 188) определенные правила поведения в монастырях и в миру. Поэтому и возможны мнимые оксюмороны типа «царская смиренная гроза» (с. 174) и «царьская смиренная и всегодная гроза» (с. 192). Поэтому в фольклоре встречаются «оксюморонные» сцены, когда Иван IV весел, радостен, милостив — и одновременно грозен⁸⁰.

«Грозный царь имярек» — это просто-напросто титулярная формула, которая означала самодержавного государя и получила хождение после того, как Русь объединилась и пересилила наконец Орду (Ивана III, несколько предваряя ход вещей, уже называли царем и Грозным). В устной поэзии (у того же Кирши Данилова) эта формула дожила до эпохи Петра:

Еще будет атаман в каменной Москве,
Поклонился государю о праву руку,
Сквозь слезы он словечко едва выговорил:
«Ах ты, свет наш, надежда, благоверны царь,
А и грозен сударь, Петр Алексеевич!..»

Более того, эпитет «грозный», по-видимому, вызывал сакральные ассоциации. Этот эпитет связывался с «правдой» (между прочим, в «Повести о Дракуле» и у Пересветова!)⁸¹, т. е. идеей божественного порядка и божественной справедливости, а тем самым — и с возможностью судить и наказывать за отступление от правды. Соответственно эпитет прилагается к царю, поскольку царь уподобляется божеству, понимается как образ бога на земле (см. выше). Наименование «грозным» Ивана IV явно связано с официальным принятием им царского титула, с венчанием на царство (сказанному не противоречит то, что «грозным» в свое время могли называть также Ивана III — ведь его уже величали «царем»!)⁸².

⁷⁸ См.: Szeftel M. The Epithet *Groznyj* in Historical Perspective // *Russia and Orthodoxy. Essays in Honor of Georges Florovsky*. Vol. II: The Religions World of Russia Culture / Ed. by Andrew Blane. The Hague — Paris, 1968. P. 101—115.

⁷⁹ Цит. по: Моисеева Г. Н. Валаамская беседа — печатник русской публицистики середины XVI века. М.; Л., 1958. С. 166, 182 (комментарии Г. Н. Моисеевой к понятию «грозный царь» см. на с. 105). Ссылки на это издание даются далее в тексте.

⁸⁰ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. С. 70—71.

⁸¹ См.: Szeftel M. The Epithet *Groznyj* in Historical Perspective. P. 104—105, 107.

⁸² Великого князя Тверского и Владимирского Дмитрия Михайловича (1299—1325) называли «Грозные Очи». Это скорее всего переключка с иконой «Спас Ярое Око» (Спасский собор был

Одновременно эпитет «грозный» связывает царя с «грозным воеводой небесных сил», носителем божьей воли — архангелом Михаилом.

Эпитет «грозный» применительно к царю связан с представлением о «царской грозе»: «грозный царь» — тот, от кого исходит «царская гроза». «Царская гроза» в свою очередь вызывает сакральные ассоциации с «божьей грозой»; ср. ту же «Валаамскую беседу», где есть красноречивое выражение «царева небесная гроза» (с. 174). Гроза как таковая с точки зрения русского человека той поры — божье наказание. В те времена полагали, что тот, кого убило молнией, сподобился благодати и непременно попадет в царство небесное. Дело доходило до того, что погибших от грозы причисляли к лику святых. Такова судьба крестьянского отрока с Пинеги Артемия, почти ровесника Ивана IV.

«Лета 7041 (1533) родися святыи праведный Артемий, юж бе на Пинеги верколский чюдотворец, отец у него Козьма рекомый Малый, мати Полинария. И бысть Артемий 12 лет, и делая у отца труды своими землю оря и боронити нача, и божим судом взойде туча и гром страшный, и молния и гром гряну страшный, Артемий же ужасеся от того страшного грома и предасть душу свою господави. Тело ж его положено на пусе месте одаль церкви, иж бе под сосной, и мощи его святыя обретены по преставлении его [в] 33 летех. Лета 7085 (1577) обретение честных мощей святого преподобного страстотерпца Артемия, верколского чюдотворца»⁸³.

И позднее в народном быту сохранялось убеждение, что нельзя противиться «божьей грозе»⁸⁴ и нельзя роптать на нее. Грешно пытаться спасти людей или постройку, в которые ударила молния, потому что молния и гром — божья воля, даже божья милость, особая благодатная отметина. «Бог посетил!» — вот обычная реакция русского человека на случившуюся с ним беду.

В логике Ивана IV отсюда вытекает, что главная обязанность монарха — карать зло, поражать подобно грозе. В этом убеждении царя укреплял образ Ангела Грозного Воеводы, как он рисовался средневековому религиозному сознанию. В восточнохристианских легендах (перешедших и на латинский Запад) о приближении св. Михаила возвещает удар грома. «Светлое и мрачное чередуется в нем. В нем надежда и угроза. С ним опасно шутить, его нельзя безнаказанно увидеть. С другими святыми легче иметь дело. Его можно ждать в виде пожара с неба, урагана с гор, в виде водяного столба в море... Он почти на границе добра и зла. Борясь за добро, он часто бывает яростен; иногда он бесцельно жесток. Он карает, убивает, сечет розгами, уносит смерчем. Ударяет молнией. Это гневный Бог и святой Сатана. Его больше боятся и чтут, чем любят. Элемент добродушия почти отсутствует в его легенде»⁸⁵. Эта характеристика, если закрыть глаза на

патрональным храмом Твери), а не отголосок славной репутации этого князя, который, «мсти кровь отчу», убил в Орде Юрия Московского и сам был изрублен. Прозвание «Грозные Очи» носил и ярославский князь Василий Давидович (1321—1345). В этих прозвищах — несколько иные коннотации, однако и они обнаруживают сакральный характер.

⁸³ *Копанев А. И.* Пинежский летописец XVII в. // *Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома.* С. 75. Ср.: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 249—261.

⁸⁴ В «Полтаве» о Петре I сказано: «Он весь как божия гроза» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10-ти т. Т. IV. М.; Л., 1957. С. 296). Это значит, что Петр сражается за правое дело, что он непобедим, что противостоять ему бесполезно.

⁸⁵ *Добинин-Рождественская О. А.* Культ св. Михаила в латинском средневековье V—XIII веков. С. 392.

трансцендентные мотивы, вполне приложима к царю Ивану, прилежному ученику небесного наставника.

Согласно православной доктрине, все люди грешны. Человек как отдельное лицо не в силах избыть греха, ибо природа человека греховна. Поэтому бог (или архангел Михаил — «Кто, яко бог») может карать без видимой вины: наказуется общее зло мира, а не каждое конкретное проявление зла. «Аки бог» ведет себя Иван IV, обрушивая царскую грозу на все общество. Он громит Новгород, Тверь, собирается громить Псков — и даже Москву! Когда 25 июля 1570 г. царь решил устроить на Поганой луже в Китай-городе публичную казнь последних «изменников» по новгородскому делу, среди земского населения столицы поднялась паника. Лавки закрылись, улицы опустели, все попрятались по домам. Иван успокаивал народ, «говоря, что, правда, в душе у него было намерение погубить всех жителей города, но он сложил уже с них свой гнев»⁸⁶.

Коль скоро главная функция царя — наказание, то пролитие крови его не страшит. Кровь не будет вменена ему в вину. Иван уверял в этом Курбского, ссылаясь на исторические примеры: «Вспомяни же и в царех великого Константина: како, царствия ради, сына своего, рожденного от себе, убил есть! И князь Федор Ростиславичь, прародитель ваш, в Смоленце на Пасху колико крови пролиал есть! И во святых причитаются!»⁸⁷ Выходит, что Иван Грозный одобрил императора Константина Великого, который в 326 г. казнил своего сына Криспа (ведь это простилось равноапостольному св. Константину). Тем самым Грозный как бы запрограммировал сыноубийство за 17 лет до смерти царевича Ивана Ивановича.

Так Иван Грозный «сам для себя стал святыней и в помыслах своих создал целое богословие политического самообожания в виде ученой теории своей царской власти»⁸⁸. Это «политическое богословие» предусматривает, что грешно сопротивляться царской каре, грешно «ненавидеть наказание». Более того, царский гнев, равно как гнев божий, — некое отличие, неприятие которого является делом безумным и кощунственным. Иван осуждает Курбского за то, что последний уклонился от царского гнева, а значит, восстал и против бога: «ты же, тела ради, душу погубил еси, и, славы ради мимотекуция, нетленную славу презрел еси и, на человека возъярився, на бога возстал еси... Аще праведен и благочестив еси, по твоему глаголу, почто убоялся еси неповинныя смерти, еже несть смерть, но приобретение?... Се бо есть воля господня — еже, благое творяще, пострадати. И аще праведен еси и благочестив, про что не изволил еси от мене, строптивого владыки, страдати и венец жизни наследити?»⁸⁹

Курбский, уличавший царя в «небытной ереси», сам, с точки зрения Грозного, оказывается еретиком, вероотступником, поправшим основные христианские догматы. Царь направляет послание человеку, «отступшему божественнаго иконнаго поклонения и поправшему вся священна повеления»⁹⁰. Обвиняя Курбского в иконоборчестве, Грозный, возможно, имеет в виду ересь вообще

⁸⁶ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 46; ср.: Скрынников Р. Г. Опричный террор. С. 92.

⁸⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 19.

⁸⁸ Ключевский В. О. Соч. в 8-ми т. Т. II. М., 1957. С. 196.

⁸⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 14.

⁹⁰ Там же. С. 13 (ср. с. 15).

(напомним, что в неделю православия церковь анафематствует иконоборцев и наряду с ними всех и всяческих еретиков, так что иконоборцы символизируют все ереси). Но допустимо и другое объяснение. Курбский восстает против монарха, который олицетворяет бога, есть «образ живой и видимъ, сиречь одушевлен, самого царя небеснаго». Тем самым цареборец Курбский оказывается иконоборцем. Грех Курбского в глазах Ивана не в том, что князь бежал за рубеж, а в том, что он бежал от царского гнева.

А. Соловьев

ВЕЛИКАЯ, МАЛАЯ И БЕЛАЯ РУСЬ*

Академик Н. С. Державин в конце своей книги «Происхождение русского народа» (1944) коснулся интересного вопроса о появлении и значении политико-этнографических терминов «Великая и Малая, Белая и Черная Русь» (стр. 102—104, 119—121). Выяснение истории и содержания этих наименований имеет, несомненно, большое значение для того, чтобы понять постепенное развитие трех главных братских народов Советского Союза — великорусского, украинского и белорусского. Вопрос об этих названиях впервые поставил В. Н. Татищев, сообщивший в своей «Истории государства Российского» любопытные, но не совсем точные сведения о «древнем разделении России»¹. Сведения В. Н. Татищева перешли в исследование Мусина-Пушкина о тмутараканском камне (1794) и в «Историко-географический словарь» А. Щекатова (1807). В XIX в. все внимание русских историков было поглощено пресловутым вопросом о происхождении Руси и русского имени, но вопросом о развитии этого имени они почти совсем не занимались. Достаточно сказать, что по поводу термина «Белая Русь» написаны всего четыре статьи: А. Потебни, В. Ламанского, А. Экземплярского (все три в 1891 г.) и Г. Ильинского (1927). Что касается термина «Малая Русь», то ценные данные об этом термине сообщает лишь статья М. А. Максимовича «О названиях Россия и Малороссия», напечатанная в 1868 г. в «Киевских епархиальных ведомостях». Ею воспользовался и академик Н. С. Державин.

Что же касается истории термина «Великая Русь», то, насколько мы знаем, с начала XIX в. никто этим вопросом не занимался. Это подтверждается и тем, что акад. Н. С. Державин смог сослаться лишь на статью проф. Д. Н. Анучина «Великоруссы», помещенную в энциклопедическом словаре Брокгауза (т. IX. 1893). Между тем сведения, сообщаемые Д. Н. Анучиным, неточны и неполны. Любопытно отметить, что в этом словаре вообще нет слов «Великая и Малая Русь», «Великороссия» и «Малороссия». Эти термины как-то выпали из поля зрения буржуазной науки.

Неразработанность этого вопроса в научной литературе уже давно побудила автора этих строк пересмотреть наши источники, привлекая к освещению их иностранные источники и параллели.

В течение X—XII вв. обычным названием для нашей родины было «Русская земля», лат. *Russia*, греч. *Ρωσία*. Оно обнимало собою все ее огромное простран-

---

* Печатается по изд.: Вопросы истории. № 7. 1947. С. 24—38.

¹ Татищев В. «История Российская». Т. I. С. 513—523. М. 1768.

ство, от Невы до Западного Буга, Карпат и Черного моря, — «всю дальнюю и ближнюю Россию», по терминологии Константина Багрянородного². Поэтому к ней иногда уже применяется эпитет «Великая», обозначающий величие всей страны, а вовсе не отдельную ее часть. Так, в «Сказании о св. Борисе и Глебе», памятнике начала XII в., мы найдем прекрасное изречение: «Господь... си святая постави сияти с Руське стороне велиции, идеже множество стражующих спасени бывають»³. Эта картина «великой Русской страны», в которой спасается множество страждущих, говорит нам одинаково о духовном и земном величии Русской земли.

Выражение «Великая Русия» в XII в. было известно и за границей. Так, французский рыцарский эпос, сохранивший много любопытных указаний на величие и богатство Киевской Руси, называет ее то «Roussie la large» в романе о Фульке из Кандии, то «Roussie la grant» в романе о Bueve de Hantone, позднейшем Бовекоролевиче русского эпоса⁴. Оба текста относятся к XII в., скорее к концу его. Они знаменательны и своими эпитетами («широкая, великая Русия»), и тем, что сохраняют правильное произношение «Руссия» (Roussie, а не Russie).

Еще ярче говорит о величии нашей Родины краковский епископ Матвей, может быть, родом француз. В своем письме от 1153 г. к известному французскому проповеднику Бернарду Клервоскому он говорил: «Руссия велика как бы другой мир земной, а народ русский по несчетному количеству подобен созвездиям»⁵.

Также и шведский эпос называет нашу родину не только «страною городов» (Gardarikj), но и «Великою Швециею» (Svithiod hin Mikla) в известной «Heimskrigla» Снорре Стурлесона, умершего в 1241 году⁶. Шведам, считавшим Русскую землю прародиною мифических азов, своих прародителей, эта пространная «Скифская земля» представлялась не чем иным, как «Великой Швецией», гораздо более великой, чем замкнутая между горами и морем небольшая родина варягов.

Навеянное еще античными традициями представление о России как Скифии могло тоже повлиять на появление эпитета «великий», ибо «Великая Скифия» известна и византийской и древнерусской письменности. Уже в знаменитом Изборнике великого князя Святослава (1073) (списанном с Изборника Болгарского царя Симеона X в.) мы находим следующий текст по поводу камня «уакинфа», т. е. гиацинта: «Скуфию же нарицають ветъсии страну ту вьсю северскую, иже суть Готфи и Давъние, да тоу убо вьутрь вь пустыни Великая Скуфия есть дьбрь зело глубока и човекомъ невъходьна» (en têheremô tês Megalês Skythias). Вероятно, отсюда выражение «Великая Скуфь» попало и в «Повесть временных лет», в редакции 1113 года. Здесь оно, правда, применено прежде всего к областям

² О неправильном понимании термина «дальняя Россия» (обычно переводимого как «внешняя» у Константина Багрянородного) см. нашу статью в журнале «Byzantion» № XIII. С. 227—232. Брюссель. 1938.

³ *Абрамович Д.* «Жития св. Бориса и Глеба». С. 48. СПб. 1916. Текст приводится по рукописи XII века.

⁴ Роман о Фульке из Кандии, стих. 1617; первая версия романа о Бове, стих. 1200. См. статью Г. Лозинского в «Revue des études slaves». P. 76, 87, № IX. Paris 1929.

⁵ Ruthenia quae est quasi alter orbis... gens Ruthenica multitudine innumerabili ceu sideribus adaequata. Erben. Regesta Bohemiae, I, 125.

⁶ In Europe ad Orientem proxima Scythia, nobis Svethia Magna dicta, sita est. Fragmenta et particulae histor. ad res Danicas pertinentia. P. 11.

Улучей и Тиверцев у Черного моря, где «суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грек Великая Скуфь»⁷.

Мы считаем неудачной проводимую некоторыми авторами параллель между терминами «Великая и Малая Русь» и толкованием «Малая и Великая Греция», согласно которому «Малая Греция» обозначает коренную страну, а «Великая Греция» — ее позднейшую колонию⁸. Во-первых, классическая древность знает лишь понятие *μεγάλη Ἑλλάς* (Graecia Magna или *maior*): оно встречается у Плиния, Тита Ливия, Птолемея и Страбона. Но нигде нет соответствующего ей выражения *Graecia minor*. Во-вторых, согласно толкованиям Плиния и Страбона, термин «Великая Греция» связан с богатством и блеском этих колоний и выбран ими из самодовольства в сравнении с более бедною родиной. Следовательно, термин «Великая Греция» можно назвать украшающим эпитетом, и он стоит особняком, так как нет антитетичного ему понятия⁹. А главное, этот термин совершенно неизвестен средневековой византийской и латинской литературе и не мог повлиять на терминологию XIII и XIV вв., основывавшуюся на более близких образцах.

Напомним, что выражения *Μεγάλη* и *Μικρά* (*Maior* и *Minor*) были в ходу в средневековой географии, особенно в византийской, и обозначали политические подразделения некоторых стран. При этом вовсе не нужно предполагать, что термин «Малая» непременно был связан с понятием о метрополии, а «Великая» — с понятием ее колонии. Древнейшим примером может служить понятие «Великая Скифия», уже упомянутая нами, и «Малая Скифия», *Σκύδα Μικρά* у Страбона. Со времен Юстиниана известны *Maior* и *Minor Armenia*, причем Великая Армения — главная, основная, а Малая (у Средиземного моря) — скорее ее колония. Эти термины известны и нашему летописному «Начальному своду»: среди стран потомства Иафета названы «Арменъа Малая и Великая»¹⁰.

Часто у историков XIII—XIV вв. встречаются термины «Великая и Малая Влахия». «Великою Влахию» называют Фессалию, особенно горную ее часть, заселенную влахами (румынами). Так, Генрих де Валансьен в рассказе о латинском завоевании 1206 г. упоминает *Blaquie la grant*¹¹. Никита Хониат говорит, что Бонифаций Монферратский стал маркграфом Фессалии, а другой барон — топархом горной Фессалии, теперь называемой *Μεγάλη βλάχια*¹². Всю Фессалию называют «Великою Влахию» и Акрополит, и Пахимер, и Франца. У последнего встретим и название «Малая Влахия», относящееся к стране на западе от Пинда, к Этолии и Акарнании¹³. Кроме того известно еще и название «Горная Влахия» (*Anoblacha*) для северо-восточной части Эпира¹⁴.

⁷ Шахматов А. «Повесть временных лет» и ее источники. Академия наук СССР. Труды отдела древнерусской литературы. Т. IV. С. 80. М., 1940. («Слово св. Епифания Кипрского о 12 камнях на ризе еврейского первосвященника»).

⁸ Например, в статье А. В. Стофороженко «Малая Россия или Украина» (Труды подготовительной по национальным делам комиссии, малорусский отдел, вып. I-й. С. 52—64. Одесса, 1919).

⁹ *Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie* VII, 1690. Такова и *Britannia Maior* у Цезаря, *Comment. IV* (без *Britannia Minor*).

¹⁰ Лаврентьевская летопись. С. 2

¹¹ *Henri de Valenciennes*. P. 213; cit. *R. Roesler* «*Römänische Studien*». S. 105, L. 1871.

¹² *Buchon* «*Recherches historiques sur la principauté de Morée*». Vol. I. P. 406, 408, Paris. 1845; см. Соловьев А. «Фессалийские архонты в XIV веке». «*Byzantinoslavica*» IV, 161. Praha 1932.

¹³ *Georg Acropolites*. P. 46; *G. Pachymeri Mich. Palaeologus*. P. 83; *G. Phrantzes*. P. 414 (cit. *Roesler*. Op. cit., 105).

¹⁴ *Δολόπια ἢ νῦν καλούμενη Ἀνωβλάχα*. *Schol. Thucydides*, III, 102.

Любопытно, что, когда позднее становятся известными румынские земли за Дунаем, к ним начинают применять то же деление. Именно «Великою Влахию» начинают называть с XV в. Валашское воеводство, а «Малою Влахию» — Молдавское. Турки же дают этим странам названия «Белая и Черная Влахия» (Ак-Ифлак и Кара-Ифлак), что лишний раз подтверждает одинаковое, с нашей точки зрения, значение понятий «Белый — Великий», «Черный — Малый»¹⁵.

В путешествиях XIII в. особенно расширяется кругозор европейцев. Встречая новые страны, они нередко применяют к ним эпитеты «Малая» и «Великая». Так, венгерские миссионеры путешествуют в 1238 г. через Русь в так называемую Великую Венгрию, т. е. в страну северной Югры, считавшуюся их прародиной. Путешественник-проповедник Юлиан в 1241 г. в своих рассказах упоминает «Великую Угрию», из которой происходят наши Угры¹⁶. Венгерский король Бела IV пишет, что татары опустошили «Большую Угрию, Булгарию, Куманию, Россию, Польшу и Моравию»¹⁷.

Плано Карпини рассказывает о нападениях татар в 1246 г. на Великую Угрию, т. е. на Биляр, Великую Болгарию¹⁸. Ему известна и «Великая Индия» на далеком востоке, тогда как «Малою Индию» он считает Эфиопию. Он знает и четыре монгольских народа, из которых один называется «Великие Монголы»¹⁹.

Напомним, что французский писатель середины XIII в. Бартеlemi Англичанин знает «Великую и Малую Славию: Великая Славия — это то же, что Славония, она охватывает Далмацию, Сербию, Каринтию и многие другие земли. Малая Славия простирается от саксонских границ до Пруссии, она называется Богемией»²⁰.

Путешествия к татарам открыли перед европейцами беспредельные страны востока и севера. Так, Рубруквис в 1253 г. знает Великую Угрию (отождествляя ее с Башкирией), и Великую Болгарию на Волге, и христианскую Малую Болгарию на Дунае²¹.

В этих путешествиях западноевропейцы знакомились с Россией, но все еще понимали ее как единую страну, хотя и разделенную. К ней они невольно применяют тот же эпитет XII в. «Великая». Так, Марко Поло называет ее в 1252 г. «величайшею и разделенною на многие части»²².

В ряду северных стран — Великая Угрия, Великая Болгария — естественно было появиться и названию «Великая Россия» именно для северной части страны. Интересно, что в это же время понятие «Великий» стало связываться и с не-

¹⁵ Kadlec K. «Valasi a valaške pravo». P. 97—98. Praha 1916.

¹⁶ «Cum ire deberem ad Magnam Ungariam cum fratribus... ex Cumania inde reversi in Magnam Ungariam de qua nostri Ungari originem habuerunt», Erben, Regesta Bohemiae, I. P. 474.

¹⁷ Maiori Hungaria, Bulgaria, Cumania, Rossia nec non Polonia et Moravia depopulatis totaliter». Erben, ibid. I, 493.

¹⁸ «India Minor sive Ethiopia». «IV populi... et unusyeka Mongol, id est Magni Mongoli vocantur» Plano Carpini, cap. 7 et 5.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Любопытно, что крестоносцы знают в Пруссии название «Maior et Minor Barthia» (область бартов вокруг Бартенштейна и Алленштейна) в документе 1251 г. «nemus, quod Majorem Bartam dividit et Minorem» (Codex Warm. I, № 26), и у Петра Дунсбурга, писавшего около 1326 г. «Barthia Minor et Maior». Lounianski H. «Studia II». P. 6—9. Wilno. 1932.

²¹ «De Russia, de Moxel et Maiore Bulgare et Pascatir quae est Maior Hungaria», «christiani Rutenorum, Blacorum, Bulgarorum Minoris Bulgariae». Rubruquis. P. 168.

²² «La provincia de Russia e grandissima e divisa in molte parte» «Чтения» за 1848 г. № 1.

которыми севернорусскими городами (и их областями). Так, уже с 1206 г. северный Новгород называется «Великим», очевидно, в отличие от меньшего — Новгорода Северского, а позднее и от «Малого Новгорода», Новгородка Литовского²³. Отметим, что он называется Великим именно в Ипатьевской летописи, в галицко-волинской ее части. С точки зрения южнорусса, великий город и его область находятся на севере.

В северной же области находится и Ростов Великий (уже под 1151 г.), вероятно, названный так в отличие от малого Ростова в киевской волости²⁴.

В упомянутом уже рассказе венгерских проповедников, отправившихся в 1238 г. искать на севере древнюю Великую Угрию, говорится о «Великой Владимирии, соседней с ними (Мордвой. — А. С.) русской области»²⁵. Владимирско-суздальская область, где княжил великий князь Юрий Всеволодич, есть «Magna Lodomeria» в отличие от хорошо известного венграм южного, волинского Владимира (Lodomeria).

II

Наличие областей Великого Новгорода, Великого Ростова и Великого Владимира на севере России, естественно, должно было привести и к появлению понятия «Великая» или «Большая Русь» (Maior Russia), лишь только появилась потребность в противопоставлении двух основных частей величайшей и раздробленной страны.

Эта потребность настала на рубеже XIII и XIV вв., когда до тех пор единая митрополия всяя Руси начала делиться надвое благодаря политическим событиям.

В 1300 г. митрополит Максим (родом грек) перенес, после татарского набега, свою резиденцию из разоренного Киева в Великий Владимир на Клязьме. По словам Голубинского, раньше «Киев был нейтральным между двумя русскими великими княжениями — владимирским и галицким, так что пока столица митрополитов оставалась на старом месте, они могли быть митрополитами обеих частей всяя Руси. Но когда Максим перенес столицу во Владимир, великое княжество галицкое оказалось в церковном отношении уже не равноправным с первой частью митрополии, а только как бы некоторым к ней придатком»²⁶. Великий князь галицкий Лев Данилович, сын «короля русского», стал добиваться особой митрополии для своих областей. Он умер в 1301 г., и особой галицкой митрополии добился его сын Юрий I в первые же годы своего княжения. Это произошло, согласно греческой записи, в 1305 г. при императоре Андронике II и патриархе Афанасии Глике (1304—1312). Новая митрополия стала официально называться Галицкою²⁷, тогда как за митрополитом во Владимире остался титул

²³ См. Ипатьевская летопись под 1206 г. В сентябре 1330 г. в записи митрополита Феогноста всяя Руси о его поездке в Западную Русь отмечена дань «от Малого Новгорода 20 гривен» (Ἀπὸ τοῦ Μικροῦ Ὁνοουράτοῦ). Изв. Общества русского языка ИАН, XXI. С. 58. 1916.

²⁴ Великий князь Вячеслав Киевский посылает сказать Юрию Долгорукому: «Иди в Переяславль и Курск, иди в Великий Ростов или в другие города свои». Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Лаврентьевская летопись. Т. I. С. 75

²⁵ Ad ducem Magnae Lodomeriae. Erben. cit.

²⁶ Голубинский Е. «История русской церкви». Т. II. С. 96.

²⁷ Запись об этом в греческой рукописи XIV в. в Парижской библиотеке неточна. Она гласит: «81-я митрополия Галиции: эта епархия издавна была Великой России, возведена на сте-

«Киевского и всея Руси». Однако в просторечии галицкую митрополию стали, вероятно, сейчас же называть «митрополиею Малой Руси», в отличие от «митрополии Великой Руси», сохранившей большее число епархий.

Это ясно видно из другой греческой записи начала XIV века: «Было в Великой России 19 епархий: теперь же их осталось 12. Когда епархия Галиции была возведена на степень митрополии царем Андроником по царским хрисовулам и патриаршим писаниям при патриархе кир-Афанасии, то подчинились галицкой митрополии следующие епархии: Володимеря, Перемышля, Луцка, Турова и Холма»²⁸.

Из обоих текстов ясно, что «Великою Россиею» в представлении греков была некогда вся огромная Россия как единое целое. Когда же из этого целого выделялась меньшая часть (Галицкая и еще пять епархий из 19), то эта часть получила название «Малой», а за оставшейся, большей частью сохранилось название «Великая».

Как видно из этого перечня, деление это было чисто политическим, а не этнографическим. К Малой России были отнесены епархии юго-западные, подчиненные великому князю галицко-володимирскому. В Великой России остались не только Великий Новгород и Великий Владимир, но и Смоленск, Полоцк, Киев и епархии около Киева: Чернигов, Переяславль, Белгород.

В 1317 г. великий князь Гедимин добился нового уменьшения митрополии Великой России. По его требованию при патриархе Иоанне Глике (1315—1320) была создана православная митрополия Литвы со столицей в литовском Новгороде — Малом Новгороде²⁹. Этой митрополии, о делах которой мы почти ничего не знаем, вероятно, подчинились те епархии, которые непосредственно зависели от Литвы, т. е. Туров, Полоцк, а затем, может быть, и Киев. В греческой записи по этому поводу говорится, что Литва была раньше «епархией Великой России; столицей ее был Малый Новгород»³⁰. Название столицы способствовало тому, что и эту митрополию, оторвавшуюся от Великой России, стали причислять к «Малой России».

Но название «Малая Русь» оставалось преимущественно за галицко-волынскими областями. Хотя ее великие князья продолжали именоваться, по традиции Романа и Даниила, князьями и господарями «Русской земли», даже «Всей Русской земли» (*duces totius terrae Russiae* в 1316 г., *dominus terrae Russiae* в 1320, *dux et dominus Russiae* в 1334 г.), а на печатях даже продолжали носить титул «короля Руссии» (*Rex Russiae*) — грамоты 1316, 1325, 1327, 1334 и 1335 гг.³¹,

---

пень митрополии блаженным царем кир-Андроником Палеологом старшим при святейшем патриархе кир-Афанасии, в лето 6811 индикта 3». Русская историческая библиотека (РИБ). Т. VI. С. 15. Год неверен, а индикт с ним не сходится, ибо в 1303 г. на престоле был еще патриарх Иоанн Созополит (1294—1304). Поэтому мы считаем, что в приведенной записи более правилен индикт и, следовательно, надо читать: «В лето 6813 индикта 3-го», что даст 1305 год.

²⁸ Cod. Paris, 1366, л. 294, РИБ. Т. VI. Прил. С. 15. В этом счете не хватает 19-й епархии: очевидно, это Новгород Литовский, еще не ставший митрополией, но уже отделившийся от Великой России как вполне и издавна подчиненный языческой Литве.

²⁹ РИБ. Т. VI. С. 16. Дата опять неточна, ибо в 1317 г. не было еще патриарха Иоанна Глики. Надо ее дополнить $\chi\delta\theta\kappa\epsilon$ (6825), что даст 1317 год.

³⁰ «Parva Nogardia» у прусского хрониста Петра Дуисбурга под 1314 годом, «Mikron Onougraten» в указанной выше записи 1330 года.

³¹ См. сборник «Болеслав-Юрий II, князь всей малой Руси». СПб. 1907.

однако несоответствие этого пышного титула скромной действительности бросалось в глаза: и Юрий I (1301—1315), и его сыновья Андрей и Лев II (ум. в 1322), и его внук по женской линии Юрий II, Болеслав Мазовецкий (1322—1340), нося эти титулы, владели лишь Галицкой и Волынской землями, т. е. десятой частью великой Русской земли. Остальное пространство составляло далекую северо-восточную «Великую Русь» и в небольшой части принадлежало Литве.

Если галицкая митрополия с 1305 г. стала называться «Малою Русью», то естественно было то же название применить и к Галицкой Руси. Так, это название промелькнуло в польском документе 1327 г.: латинское церковное послание говорит о католической церкви, «находящейся в пределах Малой Галиции, называемой Русью, в городе Владимире». Очевидно, переписчик перепутал названия, и надо читать: «в пределах Малой Руси, называемой Галицией», ибо никакой Малой или Великой Галиции нам нигде не встречалось³².

Особенно знаменательно то, что последний галицкий князь Юрий-Болеслав в своей грамоте к тевтонскому великому магистру, посланной 20 октября 1331 г. из «Малого Владимира» Волынского, говорит о себе: «Мы, Юрий, божиею милостью природный князь всей Малой Руси», хотя печать на этой грамоте имеет с одной стороны надпись: «*Sigillum domini Georgii regis Rusie*», а с другой: «*sigillum domini Georgii ducis Ladimerie*»³³. В торжественной международной грамоте термин «Малая Русь» появился как логический вывод из несоответствия между территорией небольшой Галицко-Волынской области и пышным наследственным титулом, отзвуком притязаний Романа и Даниила на власть «самодержца всея Руси» или ее «короля». В международных отношениях Юрий II сам решил ввести реальный титул «князь всей Малой Руси».

Итак, при последних галицко-волыньских князьях термин «*Russia Minor*» стал последовательно означать и митрополию юго-западной Руси и политический организм Галицко-Волынской области, отделенной от Великой Руси широкой полосой литовских владений.

Созданный под влиянием византийской терминологии, этот термин мог найти себе поддержку в параллельном словоупотреблении в соседней Польше. Там в конце XIII в. мы наблюдаем сходное явление³⁴. В удельной раздробленности исчезала центральная власть, однако продолжает оставаться термин «Вся Польша» (*Tota Polonia*), чему способствует единство польской митрополии со столицей в Гнезне. Но в отдельных случаях, когда большую часть Польши надо противопоставить меньшей, эту большую часть называют тоже «*Tota Polonia*» или просто «*Polonia*». В северо-западной части, в Гнезне, сидят князья, которые часто титулуются «*dux Poloniae*», выражая этим свои притязания на власть над целой Польшей. Но уже с 1257 г. их титул все чаще гласит «князь Великой Польши» (*dux Maioris Poloniae*). Постепенно как антитеза ему появляется и точное понятие «Малая, меньшая Польша» (*Polonia Minor*), именно для Краковской земли³⁵.

³² Quod ecclesia Lubocensis in partibus Minoris Galathe que Ruscia nuncupatur, in loco videlicet Flandemeria ab antiquo extitit situata. A. Theiner «Monumenta Poloniae ecclesiastica», I, № 376.

³³ См. статью А. О. Лаппо-Данилевского в указанном сборнике «Болеслав-Юрий II».

³⁴ Balzer O. «Królestwo Polskie», t. I, str. 48. Lwów 1918; Kęfrzynski St. «O królestwie wielkopolskiem». «Przegląd Historyczny», 1909, str. 25; Krzyżanowski J. «Regnum Poloniae», Sprawozdanie Akademii Umiej, Kraków 1909, 5 i 1913, 9.

³⁵ Однако в этих южных землях сильнее идея королевства. Краков есть *urbs et sedis regia* (1260), хотя в нем и нет короля. В 1295 г. именно в Кракове произошла коронация Вацлава II,

Казалось бы, что термины «Великая» и «Малая» одинаково упрочатся в обеих соседних странах, однако этого не случилось. В объединившейся при Казимире Великой Польше утвердились названия «Великая и Малая Польша» как обозначение двух ее в прошлом отдельных частей; эти названия дошли и до нашего времени³⁶. Между тем название «*Russia Minor*», промелькнувшее в Галиции при Юрии II, очень быстро исчезает после его смерти.

Польский и венгерский короли оба притязали на Галицию, и оба понимали под Галицией нечто большее, чем просто плодородную соседнюю область, удобный объект для колонизации. Она была для них «Королевство Русское», открывавшее путь широким притязаниям на восточные страны, так как при ее завоевании титул наследника и господаря Русской земли (*dominus terrae Russiae*) давал возможность Казимиру, Людовику и их наследникам стремиться овладеть и Волынию, и Подолией, и стольным Киевом. Эти польские притязания нашли свое яркое выражение в XV в. в истории Яна Длугоша и осуществились в Люблинской унии. Вместе с тем население Галицко-Волынской Руси, противопоставляя себя соседям — полякам и венгерцам, — подчеркивало, что Галицко-Волынская Русь — это «Русская земля», и не находило нужным называть себя «Малая Русь», поскольку совершенно не сталкивалось с Великой Русью.

III

В течение XIV в. названия «Малая и Великая Русь» продолжают держаться в церковных и международных кругах в связи со спорами о разъединении русской митрополии. Многие документы этой эпохи не дошли до нас, но и сохранившиеся дают любопытные данные. Один из таких документов — сборник актов константинопольской патриархии, сохранившийся в венской библиотеке и изданный в 1860 г. Миклошичем и Миллером.

Мы видим, что в 1347 г. в связи с событиями в Царьграде (захват власти Иоанном Кантакузеном) московскому митрополиту Феогносту и великому князю Симеону Гордому удалось одержать крупную победу. Церковный собор в Царьграде при патриархе Исидоре признал, что недавно произведенное разделение России на две митрополии было незаконно. Царский хрисовул, изданный в связи с этим, гласит: «С тех пор, как русский народ получил богопознание, священные епископии Малой России, находящиеся в местности, называемой Волынию: Галицкая, Володимерская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская, так же как и епископии Великой России, принадлежали к митрополии Киевской и всей России... Но смуты отторгли от киевской митрополии епархии Малой России и подчинили их галицкой архиепископии». Теперь царь и собор решают, что это разделение было незаконно, и постановляют, чтобы «епископии Малой

возрожденного королевский титул. Только с Галицией связан титул «*regnum Russiae*». Галицкие титулы «*Reges regni Russiae*», «*dominus terrae Russiae*» напоминают польскую титулатуру, например «*Reges regni Poloniae Maioris*» (Владислав Локетек, 1298), «*dux Maioris regni Poloniae*» (Генрих, 1302) — *Balzer, C. I, 217*.

³⁶ Названия «*Wielka i Mała Polska. Wielkopolskie i Małopolskie*» были в ходу еще в XX веке. После присоединения Галиции к Польше в 1919 г. польские шовинисты стали официально называть ее «Восточная Малая Польша» (*Wschodnia Małopolska*), так же как прусское правительство после третьего раздела Польши назвало Варшавскую область «Новой Южной Пруссией» (*Neu Süd Preussen*).

России снова подчинились киевской митрополии»³⁷. Об этом решении сохранилась и отдельная царская грамота волынскому князю Димитрию-Любарту Гедиминовичу, указывающая на необходимость того, чтобы «по всей Руси, Великой и Малой, была единая митрополия»³⁸.

Из этих актов видно, что византийские власти и московский митрополит относили к Малой Руси галицко-волынские епархии (недаром сказано: «Малой Руси в местности, называемой Волинью») и что Киев не входил в состав Малой Руси, а скорее относился к Великой Руси, поскольку был связан с ней единством церковной власти.

Такое разграничение подтверждается и сохранившимся списком епархий Великой и Малой Руси, вероятно, того же, 1347 года. В нем сказано: «Киеву (митрополии) России подчиняются эти епархии: Великий Новгород, Чернигов, Суздаль, Ростов, Великий Владимир, Переяславль Русский, Великий Белгород близ Киева, Св. Юрий на реке Роси, Полоцк, Рязань, Тверь, Сарай; а в Малой России: Галич, Володимерь, Перемышль, Луцк, Туров, Холм, Смоленск»³⁹. Очевидно, первые 12 епархий и составляют Великую Русь: в нее входят и Киев и Чернигов со своими окрестностями. Любопытно, что три города в Великой Руси носят эпитет «Великий»: Новгород, Владимир и даже Белгород. К Малой Руси отнесены не только галицкие и волынские епархии, но даже Смоленск как сфера влияния Литвы.

Однако это словопотребление еще не является окончательным. Так, через семь лет, в 1354 г., патриарх Филофей пишет, что «священная Русская митрополия имела еще в Малой России город, именуемый Киевом», и решает, что столица (кафизма) митрополии должна быть перенесена из Киева во Владимир на Клязьме⁴⁰. Это стоит в связи с тем, что Киев окончательно подчинился Ольгерду литовскому, поэтому его уже не относят к Малой Руси. Между тем в 1361 г. новый патриарх, Каллист, соизволяет, очевидно, по просьбе Ольгерда, чтобы литовский митрополит Роман имел в своем подчинении, кроме трех своих литовских епархий (Малого Новгорода, Полоцка и Турова), «еще и епархии Малой Руси», но не позволяет ему притязать ни на Киев, ни на Брянск, которые должны подчиняться митрополиту Алексею Киевскому и всея Руси. Мы видим, что митрополит московский Алексей старается сохранить за собой духовную власть над Киевом, который тут опять не отнесен к «Малой Руси». Очевидно, патриарх Каллист подразумевает под «Малой Русью» лишь епархии галицкие (Галич, Перемышль, Холм) и волынские (Малый Владимир и Луцк)⁴¹.

Наконец, в 1370 г. польский король Казимир обращается к патриарху Филофею (опять занявшему престол после Каллиста, в 1364 г.) с требованием поставить особого митрополита для подчиненной ему «России». Из текста грамот видно, что король говорит прежде всего о Галицкой Руси. Любопытно, что патриаршая канцелярия дала списку этой грамоты заголовок: «Писание короля Ляхии и Малой России». Православным церковным кругам и Византии было ясно, что

³⁷ Miklosich — Müller. Acta Graeca, I, 264—265; РИБ. Т. VI. Приложения. С. 21 и 25.

³⁸ Ibidem. I. 265—266; РИБ. Т. VI. Прил. С. 29 сл.

³⁹ Rhalli-Podli. Syntagma, V. 496. В этом списке опять нет Малого Новгорода, который так и не подчинился митрополии всея Руси.

⁴⁰ Miklosich — Müller, I, 351.

⁴¹ Miklosich — Müller, I. 426.

та «Россия», или «Русская земля», которая подчинена польскому королю, есть «Малая Россия»⁴². Это прежде всего Галицкая Русь.

Но в 1371 г. великий князь Ольгерд, жалуюсь патриарху на враждебность митрополита Алексея, просит патриарха дать ему особого митрополита «на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль и Нижний Новгород»⁴³. Неясно, что Ольгерд понимает под «Малой Русью». Видно, что это не Киевская область, а прежде всего Волынская — яблоко раздора между Литвой и Польшей в те годы. Но мы можем предполагать, что Ольгерд мог включить в это понятие и Галицкую Русь, которую был бы готов подчинить духовному влиянию своего митрополита, особенно после смерти короля Казимира, своего могучего соперника.

В 1380 г. произошло разделение Русской митрополии если не на три, то на две митрополии — «Великой и Малой Руси». Патриарх Нил в соборном определении подробно рассказывает о том, как язычник-«огнепоклонник» Ольгерд хотел подчинить себе и Великую Русь (вспомним его притязания на Смоленск, Тверь и Нижний Новгород). Тогда прежний патриарх Филофей (еще в 1375 г.) согласился послать «для Литвы и Малой Руси» нового митрополита Киприана, но последний «желал войти и в Великую Русь». После кончины митрополита Алексея (1378 г.) и смерти московского кандидата в митрополиты Митяя (в 1379 г. в Царьграде) патриарх согласился на избрание другого московского ставленника — Пимена в «митрополиты Великой Руси и Киева, так как невозможно быть архиереем Великой Руси, не получив сначала наименования по Киеву, который есть «соборная церковь и митрополия всяя Руси»». Киприан же должен оставаться лишь митрополитом Малой Руси и Литвы»⁴⁴.

Из этой грамоты 1380 г., утвердившей разделение русской митрополии на Великую и Малую Русь, видно, что под довольно растяжимым названием «Малая Русь» понимаются вообще русские области, подчиненные Литве и Польше, но что из них исключается Киев, на исторической связи которого с митрополией «всяя Руси, Великой Руси» настаивали московские митрополиты Алексей и Пимен. В грамоте 1380 г. ни слова не говорится о положении Галицкой митрополии, которая в 1371 г. тоже считалась «Малой Русью». Она в эти годы еще прозябала под влиянием католичества⁴⁵.

Такое разделение продолжалось, однако, недолго. В начале 1388 г., после долгих неурядиц в русской церкви и после смерти митрополита Пимена, цареградский синод утвердил Киприана «митрополитом всяя Руси»⁴⁶. В 1405 г. Киприану подчинилась и не имевшая митрополита Галицкая митрополия. Единство церкви, хотя и ненадолго, было восстановлено. Поэтому названия «Великая и Малая Русь» исчезают из церковных актов.

⁴² *Ibidem*, I, 434. М. С. Грушевский совсем кратко говорит: «Роман получил еще епархии Малой России, т. е. Волынско-галицкие». *Исторія України Руси*. Т. V. С. 388. 1905.

⁴³ *Ibidem*, I, 580—581; РИБ. Т. VI. С. 135—142.

⁴⁴ *Ibidem*, II, 12—18; РИБ. Т. VI. С. 165—184.

⁴⁵ «Какие епархии разумелись под Малой Россией, трудно сказать: прежде всего епархии волынские, и, может быть, только они, ибо Галицкая митрополия была отдельно», — говорит М. О. Грушевский. «История». Т. V. С. 394. 1905.

⁴⁶ В соборном определении 1389 г. говорится, что «так как великая Русская земля разделена на многие и различные мирские княжества, то божественные отцы установили там единственную власть духовную, за невозможностью привести к единству власть мирскую, т. е. считая, что единый для всех митрополит будет как бы связью» (РИБ, Т. VI.).

Когда в 1415 г. великий князь Витовт не захотел признать Фотия митрополитом всея Руси, он заставил западнорусских епископов собраться в Новгороде, где они самочинно избрали «митрополитом Киевским и всея державы Литовские» Григория Цамблака. Опять произошло разделение, но литовские власти не захотели возобновить старую терминологию «Малая и Великая Русь». В Москве Фотий продолжал именоваться митрополитом всея Руси и в 1420 г., после смерти митрополита Григория, опять сумел подчинить себе литовские епархии и восстановить единство, даже с согласия Витовта.

Лишь в 1458 г. произошло окончательное разделение русской церкви на западную и восточную. Западные митрополиты стали именоваться «митрополит Литовский и всея Руси» (Григорий в 1470 г.) или «митрополит Киевский и всея Руси» (Иосиф в 1498 г.), тогда как восточные стали митрополитами «Московскими и всея Руссии». Создались две параллельные иерархии, из которых каждая притязала на титул «всея Руси». Деление на «Великую и Малую Русь» больше не вспоминается в церковных кругах до самого конца XVI века.

IV

В XV в. северо-восточную Русь все чаще начинают называть «Белая Русь»⁴⁷. Этот термин восточного происхождения обозначает «вольную, великую или светлую» державу, тогда как противоположный ей термин «черная», которым в это время иногда называли Литовскую Русь, значит «подчиненная, меньшая» страна.

Все же и название «Великая Русь» продолжает держаться в XV в., особенно у иностранцев, которым нужно было различать два русских политических организма. Сами же русские продолжали упорно именовать себя просто «Русью», «русином», «русскими людьми».

Понятие «Великая Русь» известно немцам. Так, в 1413 г. магистр Ливонского ордена пишет великому магистру в Пруссию, что Витовт сговорился против них с Псковом, Новгородом и с Великой Русью (*mit den grossen Reussen*)⁴⁸. Любопытно, что великий магистр, сообщая об этом чешскому королю, пишет, что Витовт заключил союз с Псковом, Великим Новгородом и со всем русским языком (*der ganzen Russchen Zunge*) и что придется воевать «с Белою Русью» (*mit den Weissen Russen*). Следовательно, то, что ливонский магистр называет Великой Русью, для великого магистра есть «Белая Русь». И то и другое название обозначает северную Русь⁴⁹.

Французский путешественник Жильберт де Ланнуа, посетивший в том же 1413 г. Великий Новгород, говорит: «У русских в Великой Руси нет иных государей, кроме тех по выбору, как того хочет народ»⁵⁰. Следовательно, и он понимает под Великой Русью область Новгорода и Пскова.

⁴⁷ Соловьев А. «Белая и Черная Русь». Сборник Русского археологического общества в Югославии. Т. III. С. 4. 1940.

⁴⁸ Карамзин Н. «История государства Российского». Т. V. С. 216.

⁴⁹ Prohaska W. «Codex epistolaris Vitoldi». P. 543.

⁵⁰ «Et n'ont les Russes de la Grant Russie d'autres seigneurs». G. de Lannoy. P. 33, ed. 1878. В патриаршей грамоте 1401 г. говорится: «Митрополит Галиции имеет право соборне рукополагать епископов в Малой России», как, например, в Белгороде, т. е. в Аккермане (*Miklosich — Müller*, II. P. 259. Грушевский М. Т. III. С. 279).

Также и на итальянских географических картах того времени можно найти название «Великая Россия», относящееся к северо-восточной Руси. Например на карте Андрея Бианки 1436 г. стоит надпись «Imperio Rosi Magno». Греческая огласовка надписи дает основание предполагать, что итальянские моряки узнали это имя от византийцев⁵¹.

Даже поляки, вообще старавшиеся называть Московско-Суздальскую Русь Московией, иногда пользуются термином «Великая Русь». Так, известный историк Ян Длугош, закончивший свой труд к 1480 г., рассказывает, что р. Березина «вытекает из болот Великой Руси около г. Полоцка» (ex paludibus et desertis Russiae Maioris prope oppidum Poloczko)⁵². И в том и другом случаях термин «Великая Русь» соответствует равнозначному ему термину «Белая Русь». Так, на итальянских картах XV в., например у фра-Мауро в 1459 г., Московско-Новгородская Русь названа «Rossi Bianca», на карте Птолемеуса найдем «Russia Alba sive Moscovia». А за сто лет до Длугоша польский историк Ян Чарнковский (умер в 1384 г.) назвал Полоцк белорусской крепостью (in quodam castro Albae Russiae, Poloczko dicto). В XV веке название «Великая Русь» значит то же, что и «Белая». Обоиими этими терминами изредка пользуются и русские, хотя гораздо чаще называют свою страну просто «Русскою землею» или «Русию»⁵³. При этом не всегда легко определить объем понятия «Великая Русь». Так, когда митрополит Фотий в 1410 г. говорит великому князю Василию Дмитриевичу, что «Бог тебя, великого князя, на престоле отеческом показа, предстателя Великия всеа Руси дарова»⁵⁴, то нам неясно, подразумевает ли он действительно подчиненную ему «Великую», т. е. Московско-Новгородскую, Русь в политическом смысле или умопостигаемую, великую, «Всю Русь» в ее церковно-национальном понимании.

«Повесть о Флорентийском соборе», писанная около 1440 г., влагает в уста византийского царя просьбу подождать русское посольство, «яко восточнии земли суть Русии и большее православие и вышнее христианство Белые Руси, в них же есть государь великий, брат мой Василий Васильевич». А дальше, рассказывая о прибытии русских иерархов, та же повесть говорит: «...а людей было много, сто с митрополитом Исидором, более всех, занеже славна бе земля та и фрязове зовут ее Великая Русь»⁵⁵. Русские церковные писатели XV века (как митрополит Фотий), говоря «Великая вся Русь», скорее понимали под этим названием всю страну, населенную православным русским народом. Так, и бывший митрополит киевский Спиридон-Савва (сидевший в Киеве в 1476—1477 гг.) в своем «послании о Мономаховом венце», писанном в Кирилло-Белозерском монастыре после 1513 г., смешивает понятия «вся Русь» и «Великая Русь». Он восхваляет «самодержца и царя Великия Росия Василия Ивановича» как прямого потомка Владимира Мономаха, а о последнем говорит: «...наречен Мономах, и царь Великия Росия»⁵⁶. В первом случае термин «Великая Росия» обозначает реальную большую часть, во втором — великое идеальное целое. Но эта расплывчатость могла быть и намеренной: бывший киевский митрополит, отъехавший в Москву

⁵¹ Nordenskiöld. А. «Periplus». Р. 19.

⁵² Изд. Пржездецкого. Т. I. С. 21.

⁵³ Соловьев А. Указ. соч. С. 42 и 45.

⁵⁴ РИБ. Т. VI. С. 294.

⁵⁵ Павлов А. «Критические опыты». С. 199.

⁵⁶ Жданов И. «Русский былевой эпос». С. 67, пр. 1.

как ее сторонник, как идеолог воссоединения Руси, в этом послании мог подчеркнуть права Василия III на наследие Мономаха, бывшего «царем Великия Росия», т. е. всей Русской земли. Таким же царем должен стать и его потомок — Василий III.

Однако постепенно термин «Великая Россия» все чаще применяется к Московско-Новгородской Руси. Так, монах Илия переписал книгу в 1539 г., в царствование Иоанна IV, «самодержца всея Великия Росии... в Великом Новгороде Великия Росия», а другую — в том же году, «в славном граде Пскове Великия Русия»⁵⁷.

В послесловии к «Апостолу», первой книге, напечатанной Иваном Федоровым в Москве в 1564 г., упоминается «Великая Росия»⁵⁸. Напечатав в 1581 г. на Волыни Острожскую библию, Иван Федоров подчеркнул в ее предисловии, что он родом из Москвы, ἐκ τῆς Μεγάλης Ῥωσίας⁵⁹.

Термином «Великая Русь» пользуется и князь А. М. Курбский. В своей «Истории великого князя Московского», писанной на Волыни в 1578 г., он говорит: «Во всей Великой Руси... по всей Святोरусской земле таков пожар лютой возгорелся»⁶⁰, подразумевая под «Великой Русью» именно Московскую, подчиненную Грозному царю Русь.

В чине венчания на царство Федора Иоанновича в 1584 г. официально названа «Великая Росия»⁶¹. «Государя и самодержца всея Великия Росия»⁶² царя Федора называет также надпись на пушке, вылитой Андреем Чеховым в 1586 году. Конечно, это выражение означает не пространственное величие Русской земли, а подчиненную московским Рюриковичам большую, северо-восточную часть России, в отличие от Руси зарубежной.

С начала XV до конца XVI в. название «Малая Русь» нам не встречалось. Южная Русь называлась в то время просто «Русь», «Русская земля», иногда «Червоная Русь». Любопытно название «Дольняя Русь», которое иногда применялось к ней в XVI в. в отличие от «верхних земель». Так, некий Василий Никольский «от Дольнее Руси» написал после 1516 г. для сербского воеводы Стефана Якшича полемическое сказание против латинян⁶³. Позже польские писатели, например И. Верещинский, называют Днепровскую Русь «Russia inferior».

V

С усилением греческого образования в Галицкой земле начинает прививаться термин «Россия», так же как и в Москве. В 1592 г. львовское Успенское братство пишет царю Федору прошение о милостыне как «господарю великого рода Российска». Это прошение должен был поддержать перед царем Тырновский митрополит Дионисий, «экзарх Малой и Великой России»⁶⁴.

⁵⁷ Востоков. «Описание рукописей Румянцевского музея», № 364. Ундольского, № 297.

⁵⁸ «Повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Великия Росия самодержца». Булаев Ф. «Русская хрестоматия». С. 232.

⁵⁹ Перевольф И. «Славяне». Т. II. С. 577.

⁶⁰ Сочинения князя А. М. Курбского.

⁶¹ Анушин Д. «Великоруссы». Энциклопедический словарь Брокгауза. Т. IX. С. 828.

⁶² «Журнал министерства народного просвещения» за 1838 год. Ч. 19-я. С. 536.

⁶³ «Гласник Скопского научного Друштва». Т. XIV. С. 225. 1935.

⁶⁴ АЗР. Т. IV. № 34.

Через несколько лет после Берестейской унии 1596 г. известный украинский проповедник Иоанн Вишенский пишет с Афонской горы послание «ко всем православным христианам Малое России, народу Русскому, Литовскому и Лядьскому». Для него ясно, что Россия делится на две части: Великую и Малую, но составляет единый русский народ, «Российский род»⁶⁵.

Восстановление иерусалимским патриархом Феофаном в 1620 г. православной иерархии в Западной Руси имело значение для уточнения церковно-политической терминологии. Так, в общей грамоте при отъезде из Киева (в январе 1621 г.) патриарх пишет: «Смирения нашего благословение всем благочестивым христианом в Малой России... сыном церкви Российской восточныя»⁶⁶. А викарный епископ, при новом митрополите Иове Борецком, Исаия Ковинский называет себя в эти годы «епископом Малой Руси», так же как Могилевский православный епископ стал в это же время «епископом Белой Руси»⁶⁷.

Укажем еще, что в том же 1621 г. Захария Копыстенский в своей «Палинодии» прославляет «мужество народу Российского», одна часть которого при царе Иване подчинила Казань и Астрахань, «а другая часть Яфето-Роского поколения, в Малой России выходячи... татары и места турецкие на море чолном воюют»⁶⁸. Итак, казаки, по словам киевского ученого, живут в «Малой России».

Затем в 1627 г. Памва Берында в своих сочинениях еще чаще пользуется этой терминологией. В своем «Лексиконе славено-российского языка» он восхваляет «широкий и великославный язык славенский в Великой и Малой России, в Сербии и Болгарии». А в послесловии к «Триоди постной» пишет, что она издана «для Великороссов, Болгаров, Сербов и прочих подобных нам (т. е. малороссам. — А. С.) в православии»⁶⁹. Несколько нам известно, Памва Берында первым пользуется термином «Великороссы».

В это время термин «Великая Русь» изредка встречается и за границей. Так, в 1632 г. Н. Фишер-Пискатор издал в Амстердаме географическую карту «*Moscoviae seu Russiae Magnae generalis tabula*»⁷⁰.

Усиление национального сознания в борьбе казачества с Польшей приводит к более широкому пользованию этими терминами. Знаменателен универсал гетмана Остраницы 1638 г.: гетман решил выйти с запорожским войском «на Украину Малороссийскую для выдвигания при помощи божьей вас, народа нашего православного, от Ярма ляховского». Он обращается «к братье нашею шляхетне уроженой и всему поспольству рода Русского, в Малой России по обоим сторонам Днепра мешкающему». Он готов пользоваться людьми «добра упадающей отчизне своей Малороссийской желаячими» и говорит о прежних листах своих, «в народ Малороссийский посланных»⁷¹. В этом универсале ясно выражены новые понятия «отчизны Малороссийской» и «народу Малороссийского».

⁶⁵ Архив Юго-Западной России (АЮЗР). Т. VII. Ч. 1-я. С. 19 и 37; *Первоульф*. Указ. соч. Т. III. Ч. 2-я. С. 55 и 130.

⁶⁶ *Максимович* М. «Об употреблении названий Россия и Малороссия в Западной Руси». «Киевские епархиальные ведомости» № 1 за 1868 год (Собр. соч. Т. II. С. 308—309. К. 1877).

⁶⁷ *Кулиш* П. «Материалы для истории воссоединения Руси».

⁶⁸ *Тихомиров* М. «Источниковедение истории России». Т. I. С. 188. М.—Л., 1940.

⁶⁹ *Первоульф*. Указ. соч. Т. II. С. 579.

⁷⁰ «Чтения в Обществе Нестора летописца» № 11, 111.

⁷¹ *Кулиш* П. «Записки о Южной России». Т. II. С. 301—306. Киев. 1857.

Наряду с этим в 1644 г. игумен Киево-Михайловского монастыря Нафанаил в своих записках повествует о том, как патриарх Иеремия в 1620 г. из Киева «пустился на Великую Россию до Москвы»⁷².

Названия «Великая Россия» и «Малороссия» постепенно из Киева переносятся в Москву. В 1648 г. в Москве была напечатана «книга о вере единой», предназначенная, как сказано в ней, для всех, кто отправляет богослужение «богоугодным языком словенским в Великой и Малой Руси, в Сербях и Болгарах»⁷³.

Название «Малороссийский» охотно применяется Хмельницким и на Украине. Так, еще осенью 1647 г. гетман пишет из Запорожья черкасскому полковнику Ивану Барабашу о том, что надо просить короля и сенат о новой привилегии «на утверждение прав и вольностей казацких и Малороссийских», что «такие привилегии нужны всему народу Малороссийскому», но тут же говорит, что нужно сделать что-либо «для погибающей Украины» и просить короля «за наших людей украинских»⁷⁴. Перед самой переяславской радой, 3 января 1654 г., запорожцы отвечают гетману Хмельницкому: «А замысел ваш, щоб удалися и бути зо всем народом Малороссийским, по обоих сторонах Днепра будучим, под протекцию великодержавнейшаго и пресветлейшаго монарха Российского, за слушний быти признаваем, и даемо нашу войсковую вам пораду, абы сте того дела не оставляли и оное кончили, як ку наилутшей пользе отчизны нашей Малороссийской»⁷⁵. А на самой раде в Переяславле гетман Хмельницкий говорит 7 января: «Всея Русии самодержец призрел на свою государеву отчину и на всю Малую Русь милостью своею... Киев и вся Малая Русь вечное их государство величества достояние»⁷⁶.

Переяславское присоединение Украины к Русскому государству царь Алексей Михайлович нашел нужным отметить в своем титуле. Вместо старого векового титула «государя и самодержца всея Русии», унаследованного еще от XV века, он вводит с марта 1654 г. новый, более точный титул: «Всея Великая и Малая Русии», изменив под влиянием южной терминологии и старое московское правописание «Русия» на славяно-греческое «Росия»⁷⁷. Цветы киевской и львовской учености, начиная с того же знаменательного года, упрочили эту терминологию. Так, 3 июля 1654 г. инок Феодосий, наместник киевского Братского монастыря, пишет царю: «...егда еще во царственном граде Москве сый сея зимы услышах, яко наша Малая Россия царскому вашему величеству, яко природному своему царю православному, главу свою яко рабыня государю, с радостию преклоняет»⁷⁸. 5 июля того же года другой Феодосий (Васильевич), игумен Михайловского монастыря в Киеве, пишет: «Господь венчал есть ваше царское величество не толику Великой, но и Малой всей России обладателем»⁷⁹.

⁷² «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских». Т. IV. С. 15. 1886.

⁷³ Лапто И. «Идея единства русского народа». С. 22.

⁷⁴ Соловьев С. «История России». Т. II. С. 1562.

⁷⁵ Максимович М. Указ. соч. С. 309.

⁷⁶ АЮЗР. Т. X. С. 216—217.

⁷⁷ Есть еще два более ранних случая пользования титулом «самодержец Великия и Малыя Росии» — в грамоте 19 декабря 1649 г и в грамоте 20 августа 1652 г. (ПСЗ. Т. I. №№ 20 и 81). Следовало бы проверить, подлинные ли это грамоты и не изменен ли титул при позднейшей переписке их. Впрочем, переговоры о подчинении Малороссии Б. Хмельницкий начал еще в 1648 г., и они могли повлиять на царский титул. Во всех остальных грамотах, помещаемых в ПСЗ от начала 1649 до марта 1654 г., нового титула еще нет.

⁷⁸ АЮЗР. Т. X. С. 729.

⁷⁹ Там же. С. 725.

Этот термин стал известен и за границей: в том же 1657 г. крымские послы говорили в Москве: «Царское величество в титуле своем пишет — Великую и Малую Русь: у крымского хана Малая Русь была под рукой лет 7 или 8, но хан Малою Русью не писался, и ныне бог ведает, за кем та Малая Русь будет»⁸⁰.

Очень интересные данные о географическом делении России дает посол германского императора Мейерберг, побывавший в Москве в 1661 г., в разгар войны с Польшей. В своем «Путешествии в Московию» он пишет: «Имя России простирается далеко, потому что заключает все пространство от гор Сарматских (Карпат. — А. С.) и р. Днестра, через обе Волины к Борисфену (Днепру. — А. С.) и к равнинам Полоцким, сопредельное Малой Польше, Древней Литве и Ливонии, даже до Финского залива, и всю страну от Карелов, Лапонцев и Северного Океана, во всю длину пределов Скифии, даже до Ногайских, Волжских и Перекопских татар. А под названием Великой России (Magna Russia) Москвитяне разумеют то пространство, которое заключается в пределах Ливонии, Белого моря, Татар и Днепра и обыкновенно слывет под названием «Москвитяне» (Moschovitae). Под Малою же Россиею разумеются области: Брацлавская, Подольская, Галицкая, Саноцкая, Перемышльская, Львовская, Белзская с Холмскою, Волынская и Киевская, лежащие между Скифскими пустынями, р. Днепром, Припятью и Вепрем, Малою Польшею и Карпатскими горами. А под Белою — заключающиеся между Припятью, Днепром и Двиною, с городами: Новгородком, Минском, Мстиславлем, Смоленском, Витебском и Полоцком и их округами. Все это когда-то принадлежало по праву Русским, но по военным случайностям они уступили счастью и храбрости Поляков и Литовцев»⁸¹.

Из этого известия видно, что московские правящие круги, информировавшие германского посла, отлично знали западные границы Русского государства — до Карпат, Перемышля, Холма и р. Вепрь — и придавали названию «Малая Россия» этнографический смысл: это — вся земля, населенная украинцами. Так же название «Белая Россия» приобрело широкое этнографическое содержание, поглотив в сознании москвичей и то, что поляки называли тогда «Черною Русью» — области Новгородка и Минска.

Любопытно, что и в книге Иоанникия Голятовского «Небо новое», изданной во Львове в 1665 г., т. е. под польской властью, все время упоминается «Малая Россия» в применении именно к галицко-русским областям. Так, он пишет: «В Малой России, в повете Галицком, недалеко от места Коломыи... В Малой России и месте Львове... В Малой России, в месте Рогатине... В Малой России, в монастыри Уневском». А наряду с этим он пользуется и польской терминологией: «В Русском воеводстве, в повете Лвовском... В князстве Руском, в повете Галицком»⁸².

Наконец, «Синописис» Иннокентия Гизеля, изданный в Киеве в 1672 г., окончательно утвердил понятие о едином народе Российском и о частях его государства — Великой и Малой России.

⁸⁰ Соловьев С. Указ. соч. Т. XI. С. 8.

⁸¹ «Путешествие Мейерберга», русский перевод в «Чтениях в Московском обществе истории и древностей российских». Кн. IV. С. 119. 1873.

⁸² Там же.

* * *

Не будем умножать примеров. Целью нашей статьи было показать, что понятие «Великая Руссия» появилось уже в XII веке и относилось ко всей Русской земле как единому целому. Затем, на протяжении XII и XIV вв., в период феодальной раздробленности, появляются названия «Малая и Великая Русь» в связи со стремлением к разделению единой русской митрополии на две и даже три части, в зависимости от политических обстоятельств. Термин «Малая Руссия» получил политическое содержание в Галицкой Руси в 1335 г., когда рядом с нею создались и политические понятия «Малая и Великая Польша». В XV в. название «Великая Русь» продолжает держаться, перемежаясь с равнозначным ему названием «Белая Русь». С конца XVI в. названия «Великая и Малая Русь» становятся все чаще. С 1654 г. они твердо вошли в русский язык и политическую терминологию, причем под влиянием киевской учености приобрели греческую окраску — «Великая и Малая Росия». Эти названия пришли в Москву из Киева, восходя своими корнями к Византии.

Ф. Успенский

БРАК ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА III С СОФЬЕЙ ПАЛЕОЛОГ*

В только что вышедшей книжке журнала «Revue des questions historiques» (1-er octobre 1887) появилось весьма интересное исследование П. Пирлинга, посвященное браку царя Ивана III с Софьей Палеолог: «Le mariage d'un tsar au Vatican. Ivan III et Soë Paléologue». Автор давно уже усердно и с успехом занимается историей сношений Рима с Москвой и составил несколько монографий, имеющих важный научный интерес. Главное достоинство его трудов заключается в новых материалах, разыскиваемых им в западноевропейских архивах и библиотеках. Находки о. Пирлинга часто освещают совершенно темные и полузабытые уголки в русской истории и оживляют интерес к вопросам, которые считались не заслуживающими внимания. Известно, как скудны наши сведения о брачном союзе московского царя с наследницей константинопольского престола. Летописные сообщения слишком кратки и за отсутствием других материалов не позволяют дать более или менее удовлетворительного представления ни о ходе переговоров, ни о других подробностях события, которое, однако, не могло не интересовать современников, оценивших политическое его значение. И вот на этот-то вопрос пытается пролить свет своим исследованием о. Пирлинг.

Не могу не упомянуть прежде всего о горьком уроке, который русский ученый найдет в начале исследования. Это урок горький, потому что его нужно принять без возражений, как вполне справедливый. «Брак Софьи Палеолог, — говорит автор, — по преимуществу занимал, как оно и справедливо, русских. Нет русской истории, даже сокращенной, в которой бы о нем не упоминалось. Ученые сочинения трактуют о нем пространно. А между тем — кто бы поверил этому — хотя один и тот же вопрос так часто является под пером многих писателей, не было даже попытки приложить к нему историческую критику. В начале нынешнего века Карамзин воспроизвел текст русских летописей, присоединив к ним изуродованные отрывки Воллатеррана по цитатам Рейнальди: в самых новых исследованиях появляются те же самые ошибки. Можно подумать, что позднейшие сочинители, не дав себе труда посмотреть в «Annales Ecclesiastici» и в издание Муратори, со спокойной совестью довольствовались цитатой знаменитого русского историографа». Действительно, нужно согласиться, что в русской исторической литературе после Карамзина весьма мало подвинулась вперед разработка занимающего нас эпизода.

Семья царского дома Палеологов после падения Константинополя состояла из двух братьев, Дмитрия и Фомы, которые владели уделами в Пелопоннесе. В

---

* Печатается по изд.: Исторический вестник. Декабрь 1887. Т. XXX.

1460 году Дмитрий Палеолог отведен был в Константинополь, где ему назначили пенсию, а дочь его взяли в гарем. Фома же Палеолог бежал под защиту венецианской республики на остров Корфу, а оттуда направился в Италию 16 ноября 1460 года. В Риме ожидал его радушный прием, приготовленный друзьями его и соотечественниками, кардиналами Виссарионом и Исидором. Первый произнес по этому случаю горячее воззвание о крестовом походе. Фоме предоставлено было помещение в Santo Spirito in Sassia, где и до сих пор, как увидим ниже, хранится память о семье Палеологов. Папа назначил Фоме ежегодный пенсион в 3 600 дукатов, коллегия кардиналов с своей стороны 2 400 и Венеция 500. Кроме того, со стороны римской церкви оказана была Фоме особенная честь: ему поднесена была в тот год золотая роза. Прожив в Риме около четырех лет, Фома умер 12 августа 1465 года. Его семейство, к которому теперь перешли притязания Палеологов, состояло из двух сыновей и двух дочерей. Старшая дочь Елена умерла в 1474 году, вторая же вместе с братьями Андреем и Мануилом воспитывалась в Риме за счет папы, по плану, составленному кардиналом Виссарионом.

Новые данные, сообщаемые в исследовании о. Пирлинга, касаются главным образом лиц и отношений, стоящих в связи с браком Софьи Палеолог. Прежде всего, в венецианском архиве (Pregadi, Secreti XXIII, f. 18) находятся следы переговоров о браке между кипрским королем Иаковом II и Софьей — в 1466 году; у летописца Франци (Migne, Patrologia t. 156, p. 998), свидетеля весьма авторитетного по вопросам, касающимся семьи Палеологов, ибо он состоял в штате царевны Софьи, есть весьма определенное известие об обручении ее с князем Карачиоло или Парачиоло итальянского происхождения (в 1467 г.). затем, в 1471 году архиепископ Никосии Людовик Фабриций от имени короля кипрского Иакова II снова домогался «руки дочери Морейского деспота, которая жила в Риме под опекой никейского кардинала» (т. е. Виссариона), (*Mélanges Historiques*. V. p. 432). Но, как известно, с 1469 года начались сношения между Москвой и Римом по тому же вопросу, причем, между прочим, выяснилось, что Софья отказала королю французскому и герцогу миланскому, просившим ее руки. Пока не отыщутся новые материалы, всякие соображения по поводу свидетельства Франции об обручении Софьи или ее замужестве до брака с Иваном III будут лишены твердых оснований.

В русских летописях (П. С. Р. Л., т. VIII, 154; Никоновская летопись, VI, 7—8) отмечен исходный пункт переговоров: «Зимой 1469 года (11 февраля) пришел из Рима от кардинала Виссариона грек по имени Юрий и принес к великому князю письмо» и проч. До сих пор только предполагалось, что Виссарион был главным деятелем в устройстве брака, ибо, кроме означенного известия русской летописи, ничем это не подтверждалось; в изданных сочинениях Виссариона нет даже намека на брак Софьи с Иваном III. Отцу Пирлингу удалось разыскать письмо Виссариона к приору и коммуне города Сиенны от 10 мая 1472 года, в котором он говорит: «В Болонье я встретился с послом государя великой России, который направляется в Рим, чтобы заключить брак между племянницей греческого царя и государем своим. Это предмет моих забот и попечений (*res est nostrae curae et sollicitudinis*), ибо я всегда питал благорасположение и сострадание к царевичам, пережившим страшную катастрофу, и считал своим долгом помогать им ради того, что нас соединяют одинаковые узы с нашим отечеством и народом. Итак, если невеста будет проходить через Сиенну, прошу вас оказать ей блестящий прием, дабы ее спутники могли засвидетельствовать о любви к ней итальянцев. Это

послужит ей в честь в глазах ее супруга». Приведенным письмом подтверждается, таким образом, справедливость сообщения русской летописи, что переговоры о браке начаты были по почину Виссариона.

Главным доверенным лицом со стороны царя Ивана Васильевича в сношениях с Римом был Иван Фрязин, о котором летопись не сообщает почти никаких данных, за исключением того, что он был московский денежник и иностранец, принявший православие. Исследование о. Пирлинга дает об этом лице совершенно новые и интересные сведения, заимствованные частью из венецианского, частью из других архивов. Его полное имя Жан Баттиста делла Волпе; происходил он из Виченцы и принадлежал к благородной и состоятельной фамилии. Это был весьма предприимчивый, ловкий человек, ум которого постоянно был занят смелыми проектами. В 1455 году Волпе предпринял путешествие на восток, к татарам и русским; в 1469 году русская летопись упоминает о нем как о лице, достигшем расположения царя и занимающем место денежника. Такова была его официальная роль, но за ней скрывалась другая, характеризующая Волпе как политического деятеля, игравшего некоторую роль в Восточном вопросе. В русской летописи под тем же годом, где сказано о прибытии в Москву грека Юрия с письмом от кардинала Виссариона к Ивану III, отмечено также появление родственников Ивана Фрязина, Карла и Антона. Последний, приходившийся племянником нашему Ивану Фрязину, делает важные сообщения венецианскому правительству в то самое время, как дядя его весной 1470 года отправляется в Рим в качестве посла по делу о браке.

В венецианском архиве (Senato, Secreti t. XXV, p. 8) сохранились весьма любопытные следы переговоров, веденных от имени Жан Баттиста делла Волпе. Антон Джисларди сообщает, что дядя его, проводивший 16 лет между татарами и москвитями, находит возможным поднять на турок хана Золотой Орды, который может выставить до 250 тысяч войска. В Венеции придали весьма серьезное значение этому сообщению и снарядили секретаря сената, Жана Тревизана, в Золотую Орду, поручив ему сначала побывать в Москве и лично переговорить с делла Волпе. Джисларди должен был сопутствовать Тревизану. Оба эти агента жили в Москве во время, пока сам делла Волпе занят был устройством брака. Потому ли, что венецианская республика не предоставила в распоряжение Тревизана крупных сумм, или потому, что проект делла Волпе был просто произведением его фантазии, вопрос о поднятии татар на турок оставался без движения. Тревизан жаловался своему правительству, что он не знает как поступать, ибо делла Волпе не оказывает ему никакой поддержки.

Между тем делла Волпе, Иван Фрязин тож, получив важную миссию от Ивана III, сам два раза путешествовал в Рим, причем имел полную возможность дать подробные объяснения о своем политическом проекте. Но он намеренно избегал Венеции, имея теперь в виду извлечь более выгод, сообщив свой план римской курии. Действительно, в июне 1472 года, устроив брачное дело, по которому и прибыл в Рим, Волпе затронул также вопрос о татарах. По его словам, хан готов выставить против турок страшное войско, если ему обещана будет ежемесячная субсидия в 10 тысяч дукатов. Но требовалось предварительно снарядить в орду посольство с подарками для хана и его приближенных на сумму в 6 тысяч дукатов. Сопоставляя это с предложениями, сделанными Волпе венецианской синьории через Джисларди в 1470 году, мы не можем не вывести заключения, что весь проект Волпе был не что иное, как ловкая денежная операция, сулившая ему

обогащение. В Риме отнеслись недоверчиво к проекту; в Венеции также поняли, что посылка Тревизана была напрасна, и распорядились отозвать его из Москвы. Само собой разумеется, Волпе поплатился бы за свои проекты еще в Италии, если бы его не оберегал титул доверенного лица московского царя. Но когда Иван III узнал о политических переговорах Волпе и о сношениях его с Тревизаном, то не на шутку рассердился на своего свата и подверг его заключению. Вот объяснение немилостей к Волпе и Тревизану, последовавших тотчас же после венчания Ивана III с Софьей Палеолог и о которых довольно глухо говорит русская летопись.

Итак, характер Ивана Фрязина выясняется благодаря исследованию о. Пирлинга. Не можем пропустить и некоторых новых и важных черт, стоящих в связи с церемонией венчания Софьи в Риме и снаряжения ее в Москву. Здесь именно мы должны принять без возражений упрек, обращенный к русской исторической науке. В самом деле, «*Diarium Romanum*» Жака Воллатеррана, изданный у Muratori в «*Scriptores rerum italicarum*», сообщает весьма любопытные подробности, которые не были оценены и критически разобраны.

«*Script. rer. italic. XXIII. an. 1472, col. 88.* Сегодня собраны на совет кардиналы. Предметом обсуждения было посольство Иоанна, князя Белой России. Послы пришли, во-первых, с тем, чтобы бить челом папе, а потом, чтобы помолвить дочь (*inde desponderent filiam*) бывшего деспота Пелопоннеса, которая воспитывалась вместе с двумя своими братьями, бежавшими из отечества, в Риме по милости апостольского престола. Послам указано жить во дворце Монте-Марио, откуда открывается вид на весь город, пока будут приняты решения относительно брака и церемонии приема посольства, ибо явились некоторые сомнения относительно разностей обряда и недостаточными оказались сведения о вере русской. Поданы были мнения: брак одобрен, разрешено также, чтобы церемония обручения совершена была торжественно в базилике апостолов Петра и Павла, в присутствии прелатов. Постановлено, чтобы навстречу послам вышли фамилии папы и кардиналов. Эти постановления обусловлены были следующими мотивами: русские приняли акты Флорентийского собора и имели архиепископа латинского, назначенного от римского престола, между тем как греки получают своих епископов от константинопольского патриарха. Русские просят назначить к ним посла, который бы, осведомившись об их вере и изучив положение дел, исправил, что окажется ошибочным. Они заявляют послушание римской церкви. Наконец, если бы даже русские были еретиками, брачные союзы с ними допускаемы по каноническому римскому праву (*non tamen ex iure pontificio virita cum iis conjugia habentur*), тем более что заблудшие чада должны быть привлекаемы почестями и благосклонностью в лоно матери-церкви».

«Мая 25-го послы упомянутого князя приглашены были в секретную консисторию, они поднесли пергаментную грамоту с золотой висячей печатью. В грамоте содержалось следующее на русском языке: Великому Сиксту, папе римскому, Иван, князь Белой России, челом бьет и просит дать веру его послам. Эти последние приветствовали папу, поздравили его с восшествием на престол, повергли к ногам апостольским от имени своего князя почтение и предложили подарки: шубу и 70 соболей. Папа похвалил князя за его приверженность к христианству, за принятие постановлений Флорентийского собора, за недопущение подчинения по делам веры константинопольскому патриарху, назначаемому султаном, за предложение сочетаться браком с христианкой, воспитанной при

апостольском престоле; наконец, выразил удовольствие по поводу изъявления почтения римскому первосвященнику, что у русских равняется признанию полного послушания. За подарки высказана благодарность. При этом присутствовали послы: короля неаполитанского, венецианского, миланского, флорентийского и герцога феррарского».

Этот любопытный документ, имеющий характер протокола, доказывает свое официальное значение еще и тем, что действительно в то время был в Риме миланский посол, епископ Новары Джованни Арчимбальди, извещавший свое правительство о приеме папой русских послов. По поводу сомнений, которые высказывает о. Пирлинг насчет явной подтасовки фактов, мы ответим ссылкой на целый ряд дипломатических актов XVI века, хорошо известных благодаря его же исследованиям. Разве не тем же духом отличается, например, письмо папы Льва X к великому князю Василию от 1519 года, в котором говорится: «Мы получили достоверные сведения, что ты по божественному попущению восприимчив мысль возвратиться к единению и послушанию святой римской церкви, и проч.»? Разве не всегда в Риме вычитывали больше из писем великих князей, чем сколько в них заключалось? Коллегии кардиналов нужно было в таком именно смысле понять письмо Ивана III, и она, действительно, толкует очень произвольно выражения, например в следующем случае: высказывать почтение — у русских одно и то же, что заявить о своем полном подчинении римскому престолу. Весьма вероятно, что Волпе обещал больше, чем имел право. Но, признаемся, мы думаем, что римская курия очень хорошо понимала, с кем имеет дело. Когда Волпе, после обручения Софьи, предложил папе блестящий план двинуть хана Золотой орды против турок и объявил, что для этого нужно только несколько десятков тысяч дукатов, римская курия в этом случае не вдалась в обман и, несколько не стесняясь, ответила ему решительным отказом.

Торжество обручения назначено было на 1 июня 1472 г. Оно происходило в базилике Петра, т. е. в знаменитом храме Св. Петра в Ватикане. Несколько драгоценных подробностей сохранил об этом торжестве Volaterranus (Muratori XXIII col. 90). Невесту сопровождали при церемонии знаменитейшие дамы: королева боснийская Екатерина, Клариса Орсини, мать Лаврентия Медичи, знатные римлянки, флорентийки и сиенки, равно представительницы кардинальских родов. Обряд совершал епископ, имя которого осталось неизвестно. При совершении обряда обручения произошло довольно важное недоразумение, которое, очевидно, многих беспокоило. Когда потребовались кольца, русский посол отвечал, что он не принес колец, так как у русских нет этого обычая. Церемония была доведена до конца, но на следующий день в сенате папа высказывал сожаление, что обряд совершен был не совсем законно, ибо недоставало формального на этот счет распоряжения великого князя, и что этот недосмотр замечен был слишком поздно (*questus est postridie in senatu Pontifex sine mandato ducis sponsam illam esse; me prius animadversum id vitium, quam in dando annulo*)...

Совершенно новые и весьма интересные данные открыты о. Пирлингом о проводах Софьи из Рима и об ее путешествии. Особенно же ценны сделанные им разыскания касательно приданого Софьи Палеолог и представленных в ее распоряжение сумм на путешествие. 27 июня 1472 года ей уплачено было из кассы папы 5 400 дукатов; в свиту ей назначен епископ Антоний Бонумбре (кардинал Антоний русских летописей), которому дана на путешествие сумма в 600 дукатов.

Расположение папы к будущей великой княгине московской усматривается в особенности из теплых писем, которыми он рекомендует ее государям, через земли которых лежал ее путь.

В одной из римских церквей, обращенных в настоящее время в больницу (Santo Spirito in Sassia), есть фресковая живопись, представляющая Сикста IV, окруженного государями, лишенными своих царств. Между представленными здесь фигурами должна находиться и Софья Палеолог, как можно заключить из надписи: «*Andream Paleologum Peloponnesi et Leonardum Toccum Epiri Dynastas a Turcarum tyranno exutos regio sumpta aluit. Sophiam Thomae Paleologi filiam Ruthenorum duci nuptam cum aliis muneribus tum sex mille aureorum dote auxit*». Первое упоминание об этой надписи находится у Forcella, *Inscrizioni delle Chiese*, t. VI. P., 438. Отцу Пирлингу нужно отдать честь, что он обратил внимание на эту надпись и объяснил ее таким комментарием, который выше всяких сомнений: счетными книгами римского двора. Но остается вопрос о фреске, которая никем не была изучена. Если это живопись, современная событиям, то она должна представлять портреты Андрея и Софьи Палеолог и, конечно, заслуживала бы издания. Предполагая сделать отчет об исследовании о. Пирлинга, мы наводили справки в Риме относительно этой фрески и, благодаря любезному содействию настоятеля русской церкви в Риме, отца архимандрита Пимена, узнали следующее. В одной из палат больницы (Santo Spirito in Sassia) между двух окон, на высоте 9 или 10 метров, занимающая нас фреска представляет папу Сикста IV сидящим на троне. Перед ним три коленнопреклоненные фигуры с венцами на головах; эти фигуры должны изображать или Фому Палеолога с его двумя сыновьями, или его сыновей и деспота эмирского Леонарда Токка. На втором плане картины, позади упомянутых фигур, находятся еще мужские и женские изображения; между последними должны быть боснийская королева и Софья Палеолог. Но оказалось, что весьма трудно приспособить фотографический аппарат с надеждой получить удовлетворительную фотографию; копировать же фреску неудобно по той причине, что палата занята больными. Кроме того, некоторые данные (например, костюмы) заставляют предполагать, что фреска сделана не в XV столетии, а гораздо позже, и, следовательно, едва ли можно смотреть на изображение Палеологов как на портреты.

Напутствованная рекомендательными письмами папы и своего ближайшего покровителя, кардинала Виссариона, Софья отправилась из Рима 24 июня. Отец Пирлинг тщательно собирал сведения в архивах разных итальянских городов и нашел любопытные известия о торжественном приеме, сделанном Софье в Сиенне, Болонье и Виченце. Особенно интересные данные находятся в болонских летописях. Софья была невысокого роста и имела около 24 лет, глаза ее блистали, как искры, белизна ее кожи свидетельствовала о знатном происхождении. Она показывалась на публике, одетая в пурпуровое платье и в парчевой мантии, подбитой горностаем. На голове ее была повязка, блистающая золотом и жемчугом. Взоры всех привлекал один драгоценный камень в виде застежки на левом плече. Самые знатные молодые люди составляли ее свиту, спорили за честь держать узду ее лошади. В Виченце, отечественном городе ее спутника, Волпе, который выдавал себя теперь за казначея и секретаря русского царя, ожидали Софью новые торжества. Тревизано Волпе, двоюродный брат нашего Ивана Фрязина, принимавший Софью в собственной вилле, получил право присоединить к своему гербу изображение византийского орла с короной. В Виченце провела

Софья три дня среди торжественных приемов и пиршеств, причем 60 кавалеров составляли ее свиту.

Без сомнения, должны существовать следы и дальнейшего путешествия Софьи Палеолог через Германию, но они ждут таких же тщательных розысканий в архивах немецких городов, какие сделаны о. Пирлингом в итальянских. 1 сентября мы находим Софию в Любеке, 21-го в Ревеле, 11 октября принимали ее псковитяне. Дальнейшие факты, касающиеся Софьи Палеолог, исключительно черпаются пока из русской летописи (П. С. Р. Л. IV. 244—246; VI. 196—197; VIII. 154, 169, 173, 175—177; Никоновская летопись, ч. VI. 49, 56 и сл.), и потому мы не находим нужным передавать их. Заметим лишь, что латинские памятники не знают имени Софьи, а говорят о Зое; в одном месте русская летопись (П. С. Р. Л. I. 196) говорит о дочери морейского деспота, называя ее Зинаидой. Таким образом, остается неизвестным, когда и по какому случаю будущая русская царица переменила свое имя.

В исследовании о. Пирлинга находим далее много новых подробностей к объяснению известий русской летописи о немилости, постигшей Волпе вскоре после брака Ивана III и Софьи. Известно, что в Москве находился в то время Тревизан, посол венецианской республики, ожидавший разъяснений Волпе по поводу движения хана Золотой Орды на турок. Великий князь ничего не знал о цели пребывания Тревизана в Москве, для него это разъяснилось только тогда, когда прибыла в Москву Софья и когда люди ее свиты стали гласно говорить о политическом характере миссии Тревизана. Великий князь произвел дознание, следствием него и было изгнание Волпе из Москвы и заключение его в Коломне. Тревизану угрожала смертная казнь, и только заступничество сопровождавшего Софью епископа Антония Вонумбе спасло ему жизнь.

Чтобы разъяснить это дело, царь Иван III отправил в Венецию письмо, содержание которого можно восстановить по документам государственного архива Венеции (Senato, Secreti t. XXVI. 1473—1474 р. 48, 50). Для нас весьма любопытен ответ на это письмо от 4 декабря 1473 года — первый по времени официальный акт, говорящий о правах русского царя на константинопольское наследство. Поблагодарив царя за то, что он сохранил жизнь Тревизану, хотя его миссия возбуждала страшное подозрение, синьория продолжает: «Мы отправили вашего секретаря (т. е. Тревизана) не с тем, чтобы он переговорами с ханом Золотой Орды причинил вашему государству какой-либо ущерб или опасность; напротив, вызванное письмом хана, наше посольство имело целью по возможности отвлечь и удалить его от вашего государства и освободить вас от этого тягостного и опасного соседа, направив его силы к областям Черного моря и на берег Дуная на борьбу с общим всего христианского мира врагом, властителем оттоманских турок, захватившим восточную империю, которая, за прекращением императорского рода в мужском колене, должна принадлежать вашему высочеству в силу вашего благополучного брака».

Царь Иван остался доволен объяснениями, возвратил свободу Тревизану и даже позволил ему отправиться к хану Золотой Орды, приставив, однако, к нему дьяка Дмитрия Лазарева. В то же время было снаряжено московское посольство в Венецию с Симеоном Толбузиным во главе.

Тревизан побывал в Орде, привел оттуда двух татарских послов, на подарки которым Венеция израсходовала 2 000 дукатов. Но пока велись переговоры,

польский король Казимир успел склонить татар на войну с Москвой — ту именно войну, следствием которой было освобождение России от монгольского ига.

В заключение автор говорит о важных и бесчисленных последствиях брака Ивана III с наследницей Палеологов и заканчивает так: «В глазах современников московская царица, единственная оставшаяся в живых наследница Палеологов, должна была считаться законной наследницей восточной империи. Отзвук этого мнения находим в речах папских послов, когда они приглашали царей идти на Константинополь для завоевывания древнего наследства. Эти намеки некоторым историкам показались такими значительными, что они высказали предположение о существовании в архивах Ватикана юридического акта, который служил основанием для этих призывов к реваншу. Ничего подобного не нашлось до сих пор ни в Риме, ни в Москве. Но высокая важность вопроса и, скажу даже, его современное значение оправдывали бы и новые попытки к поискам. Привлечь внимание ученых к этому вопросу составляло главную цель моей работы».

Итак, и по содержанию и по цели исследование о. Пирлинга заслуживает полного внимания в особенности в России. Нужно надеяться, что значительный успех, которым сопровождалось его разыскания в итальянских архивах и библиотеках, послужит для него поощрением и заставит продолжать разработку такой счастливой темы. Но ясно, что не все подробности эпизода могут быть разъяснены на основании западных источников, половина дела остается за нашими исследователями. Новое освещение лиц и отношений, даваемое о. Пирлингом, счастливое объяснение и пополнение темных мест русской летописи, богатый указатель литературы, которой у нас еще не пользовались для изучения этого вопроса, — все это внушает нам смелость думать, что было бы благовременно теперь вновь пересмотреть русские материалы, относящиеся до брака Ивана III с Софьей Палеолог, и предпринять тщательные поиски в древних книгохранилищах. Отнюдь не должно думать, что предмет исчерпан и что трудно напасть на нетронутые материалы. Достаточно указать на то, как пользовались до сих пор сведениями, почерпнутыми из Волатеррана. В самой работе о. Пирлинга не все затронутые вопросы вполне освещены и нуждаются в дальнейшем развитии: о легате, сопровождавшем Софью, о Тревизане и проч. Он, впрочем, и не выдает ее за окончательную¹.

Но относительно брака Ивана III с Софьей Палеолог существуют некоторые задачи и вопросы, которых совсем не имел в виду автор занимающего нас исследования и которые, между тем, имеют важное значение для русской истории. Разумею общий характер господствующих у нас воззрений на Софью, кардиналов Виссариона и Исидора.

Греческая царевна Софья Фоминична не пользовалась особенною любовью в своем новом отечестве, а потому у московских летописцев мало записано сведений как о ней самой, так и о ее родных и близких. О судьбе ее до приезда в Москву нет почти никаких известий в русской летописи. Между тем политическое значение брачного союза московского царя с наследницей константинопольского престола, хорошо понятое и оцененное современниками, а равно и разнообразные влияния на внутреннюю и внешнюю политику Москвы, кото-

¹ P. 354—355. C'est donc un travail préliminaire qui je livre à la publicité, dans le but surtout d'activer les recherches qui se font avec une admirable persévérance, mais dont le succès n'est pas encore complet.

рые ей приписываются, не могут не вызывать в историке желания объяснить характер Софьи.

Строгий блюститель старины митрополит Филипп пережил много минут томительного беспокойства, когда узнал, что сопровождавший греческую царевну легат папы намерен вступить в Москву с преднесением латинского креста. Бояре и ближние слуги царя не любили гречанку за то, что она завела новые при дворе обычаи, которыми оскорблено было их самолюбие; царь стал обсуждать важные дела не в думе, а у себя в спальне. В Москву чаще стали наезжать иностранцы, начались новые и большие постройки, москвичи недоверчиво смотрели на новшества и вину их приписывали царице.

В наших глазах Софья Палеолог уже потому должна стоять выше всяких нареканий, что она действительно оказалась в Москве носительницей обновляющих начал. Не может быть сомнения, что по смерти отца своего в 1465 году она воспитывалась в римском обряде. По свидетельству кардинала Виссариона, деспот Фома на смертном одре изъявил желание на этот предмет свою волю. Сохранившийся план воспитания и обучения детей Фомы Палеолога, живших притом на средства римского двора, ясно показывает, что Софья Палеолог должна была держаться римско-католического исповедания перед вступлением в брак с Иваном III. Несомненно также, что перед отправлением в Москву она должна была получить определенные наставления относительно веры. Но она разрешила трудную задачу совсем не так, как от нее ожидалось. С первого же шага на московской земле она отрешилась от всех внушений и советов, изумив сопровождавшего ее епископа Антония, когда во Пскове стала принимать благословение у русского духовенства, посещать церкви и прикладываться к иконам. И ни одного намека не находим мы в летописи, вообще не очень благорасположенной к «гордой» гречанке, который бы давал повод к сомнениям в искренности и твердости ее религиозных воззрений. В московском царстве Софья действительно была православной христианкой, за каковую и выдавали ее в Риме. О ее такте говорит также и то обстоятельство, что она не пыталась возобновлять сношений с Римом и не настаивала на приглашении в Москву своего брата Андрея Палеолога, который жил на пенсии у папы и пользовался подачками от разных западных государей.

Не может быть сомнения, что мысль о брачном союзе Софьи с московским царем первоначально зародилась у просвещеннейшего грека того времени, известного никейского митрополита, а потом кардинала римской церкви Виссариона. Он принимал самое живое участие в семействе деспота Фомы Палеолога, заботился о воспитании и обучении Софьи и ее двух братьев, его перу принадлежит любопытный план воспитания и поведения, приличного детям княжеского происхождения. Виссарион пользовался в Риме громадным значением, по смерти Николая V был самым видным кандидатом на папский трон; никто не мог похвалиться в Риме такой громадной и отборной библиотекой, какая была у Виссариона; около него сгруппировались лучшие гуманисты того времени. Но Виссарион не забывал о своем поработанном турками отечестве и до последней минуты жизни преследовал планы освобождения его.

Довольно странно то обстоятельство, что в письмах Виссариона не находим ни одного, которое бы касалось брака Софьи Палеолог. Правда, далеко не вся его переписка издана, в заграничных библиотеках находится еще немало рукописного материала, относящегося к биографии Виссариона, но едва ли можно

объяснить случайностью то обстоятельство, что Виссарион умалчивает о политической роли России в Восточном вопросе даже там, где он прямо высказывает свои планы и мечты об освобождении греков. Если у Виссариона родилась мысль выдать Софью за московского царя, — а в этом не может быть сомнения, — то и политическая роль Москвы в Восточном вопросе не чужда была его сознанию. В Риме был сановник — соотечественник Виссариона и также кардинал римской церкви, который мог сообщить ему обстоятельные сведения о Московии и ее обычаях, — это бывший митрополит московский Исидор. Как известно, он должен был бежать из Москвы, где его осудили как изменника за подписание актов Флорентийского собора. Пример был очень внушительный. Но должен ли был Виссарион, снаряжая Софью в Москву, дать ей секретные наставления о вере или не был ли план воспитания, о котором говорено выше, фиктивным?

Виссарион и Исидор назначены были кардиналами в один и тот же день, 18 декабря 1439 года. Римская церковь выразила этим свою признательность обоим названным лицам за их горячее участие в деле соединения церквей. От них ожидалось еще многого и впереди: одному предстояло привести греков к принятию актов Флорентийского собора, другому действовать в том же направлении среди русских и поляков. Известно, что тот и другой ошиблись в своих расчетах и ожиданиях.

Почти совсем не выяснены ближайшие побуждения, руководившие деятельностью Виссариона и Исидора. Ясно, что им могли быть хорошо известны непреодолимые препятствия, сильное противодействие и ожесточенная борьба против унии в Византии и России. Одним тщеславием, конечно, нельзя объяснить служение их интересам католической церкви. Нужно допустить, что они пришли к мысли об унии не по легкомыслию, но были убежденными поборниками идеи соединения церквей. Раз соединившись с Римом, Виссарион и Исидор словом и делом неуклонно служили интересам Рима и католической церкви, соединяя, однако, с этим и горячую любовь к отечеству, и надежду на политическое возрождение Византии.

Нравственное направление и политическая деятельность Виссариона и Исидора до некоторой степени получают себе объяснение в общем направлении той эпохи. Мы уже говорили, что Виссарион составлял в Риме центр кружка гуманистов. Весьма любопытно, что и Исидор еще до назначения своего на московскую кафедру вел переписку с гуманистами. К сожалению, мы весьма мало знаем об образе мыслей и образованности Исидора, так как и то немногое, что осталось из его произведений, разбросано по разным рукописям. Изданное в Патрологии Миня (т. 159) донесение его о взятии Константинополя турками дает весьма недостаточное понятие о действительном содержании документа, который находится в национальной библиотеке в Париже (Cod. Lat. 3127). Виссарион и Исидор являются в Византии представителями нового политического и религиозного направления, которое разделяли и Палеологи. Всего легче поймем мы смысл этого направления, если сравним его с нашим западничеством. Что и Исидор, подобно Виссариону, был далеко незаурядным человеком, видно уже из того, что самая живая струя известий о взятии Константинополя турками, именно официальная часть их, вошедшая в записки сборники позднейшего происхождения, заимствуется из донесений его к папе, из писем к Виссариону и другим кардиналам и из посланий к разным коронованным особам.

В. Водов

ЗАМЕЧАНИЯ О ЗНАЧЕНИИ ТИТУЛА 'ЦАРЬ' ПРИМЕНИТЕЛЬНО К РУССКИМ КНЯЗЬЯМ В ЭПОХУ ДО СЕРЕДИНЫ XV ВЕКА*

Использование существительного 'царь' в средние века южными славянами — болгарскими и сербскими — хорошо описано в многочисленных исследованиях, в частности К. Жиречека, Г. Острогорского, Фр. Дёлгера, а также современных болгарских историков¹. Иначе обстоит дело с изучением истории восприятия этого титула восточными славянами: слово 'царь' в применении к русским князьям в средневековых источниках встречается крайне редко, что затрудняет определение его точного значения и объясняет разброс выводов, к которым приходили разные ученые.

Уже более столетия назад И. И. Срезневский, комментируя колофон рукописного Евангелия киевского князя Мстислава (1125—1132), где тот назван 'царем', предположил, что данный титул должен толковаться как 'властелин независимый', придав тем самым слову несомненный политический смысл². Гораздо позже на этом же понимании настаивал Б. А. Рыбаков. Основываясь на примерах из Ипатьевской летописи, в которых титул 'царь' применен к киевским князьям XII в., а также на надписи из собора Святой Софии в Киеве, где 'царем' назван Ярослав Мудрый (ум. в 1054), исследователь пришел к выводу, что Ярослав, став после смерти Мстислава Черниговского (1036) единовластным правителем русской земли («самовластцем»), принял царский титул, который находил свое выражение не только в восточном термине 'каган', но также и в термине 'царь', что уравнивало русского великого князя с правителем Византии³. В несколько ослабленном виде

* Пер. Е. Бабаевой по изд.: Oxford Slavonic Papers. 1978.

¹ К. Жиреček, Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien в: Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-historische Klasse, LVI (2), 1912, 1—23; Г. Острогорский, Автократ и Самодержец: Прилог за istoriju vladalačke titulature u Vizantiji i u južnih Slovena // Glas Srpske Kraljevske Akademije, clxiv, drugi razred, 84, 1935, 121—160; Фр. Дёлгер, Bulgarisches Zartum und byzantinisches Kaisertum // Fr. Dölger, Byzanz und die europäische Staatenwelt, Ettal, 1953, 140—158; В. Тăркова-Займова, L'idée impériale à Byzance et la tradition étatique bulgare // Byzantina, III, 1971, 287—295. См. также резюме в Г. Стёкл, Die Begriffe Reich, Herrschaft und Staat bei den orthodoxen Slaven в: Saeculum, v, 1954, 109—110.

² И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.), 2-е изд., Спб., 1882, 52.

³ Б. А. Рыбаков, Русские датированные надписи XI—XIV вв. // Археология СССР, Свод исторических источников, Е 1—44, М., 1964, 14—16. Заметим, что М. Д. Приселков в книге История русского летописания (Л., 1940), на которую ссылается Б. А. Рыбаков (op. cit., 14, п. 4), действи-

отзвук этой теории находим и в исследовании Т. Василевски, утверждавшего, базируясь на двух уже упомянутых свидетельствах (Мстиславово Евангелие и надпись из Святой Софии), что «киевских князей... называли царями, поскольку их независимость казалась несомненной, как несомненным казалось и мнение о том, что только цари могут быть независимыми»⁴. Точка зрения Б. А. Рыбакова перекочевала также в исследование А. С. Львова, посвященное лексикологии⁵; наконец, она излагается Я. Н. Шаповым, который, впрочем, указав на случай применения титула 'царь' к Смоленскому князю, замечает, что использование данного титула не являлось исключительной привилегией Киевских князей⁶.

С другой стороны, М. А. Дьяконов в своей известной книге, посвященной власти Московских князей, датирует начало использования термина 'царь' применительно к русским князьям временем правления Василия II Темного (1425—1462)⁷. А. И. Соболевский, оспаривая эту точку зрения, указал на многочисленные примеры использования термина в Сказании о гибели князей Бориса и Глеба, в колофоне рукописи, переписанной в XIII в. на Волыни, и в похвале Ивану Калите (ум. 1340) и пришел к выводу, что титул 'царь' в особых случаях употреблялся по отношению к русским князьям и до XV века; вместе с тем суть этих особых случаев не была им истолкована⁸. Сходное мнение высказано В. О. Ключевским в его курсе терминологии русской истории, прочитанном в 1884—1885, но опубликованном только в 1959 г.: «'Царем' в древней Руси еще с XI века называли также и нашего князя, но в виде особого почетного отличия; это не был официальный титул всех киевских князей»⁹. Сомнение в том, что термин 'царь' в средневековой Руси имел строго институционный смысл («keine strengere staatsrechtliche Bedeutung»), высказано и современным исследователем Г. Шедером¹⁰.

Оригинальная точка зрения предложена В. С. Иконниковым, который датирует появление термина 'царь' временем киевского правления Владимира Мономаха (1113—1125), связывая факт введения в оборот этого титула с посылкой императором Алексеем I Комнином венца русскому князю. Кроме того, исследователь предположил, что инициатива применения этого титула к русским князьям исходила из церковных кругов¹¹.

тельно говорит об учреждении царской власти в 1037 г. (с. 81); однако речь идет о власти византийского императора, которая, как ошибочно полагал А. А. Шахматов, якобы простиралась на Киевскую Русь как следствие поставления первого греческого митрополита.

⁴ N. Wasilewski, La place de l'Etat russe dans le monde byzantin pendant le haut Moyen Age // Acta Poloniae historica, XXII, 1970, 47.

⁵ А. С. Львов, Лексика «Повести временных лет», М., 1975, 200.

⁶ Я. Н. Шапов, Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРА), XXVIII, 1974, 53, п. 21 (отметим, что текст, посвященный Давиду Мстиславичу, содержится в Ипатьевской, а не в Лаврентьевской летописи, как, видимо, по недоразумению указано у автора).

⁷ М. А. Дьяконов, Власть московских государей: очерк из истории политических идей Древней Руси, СПб., 1889, 58. Г. Штекк обходит молчанием бытование термина 'царь' до начала новой истории (op. cit.).

⁸ А. И. Соболевский, Археологические заметки, 6, Царь // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца, VI, 1892, отдел II, 7—9.

⁹ В. О. Ключевский, Терминология русской истории // В. О. Ключевский, Сочинения, 6, М., 1959, 138.

¹⁰ H. Schaefer, Moskau das Dritte Rom, Darmstadt, 1957, 45.

¹¹ В. С. Иконников. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории, Киев, 1869, 313—314. Эта гипотеза в значительной степени подрывается существующей в со-

Крайне осторожная позиция была занята А. Поппэ, который, отказываясь считать, что надпись из Святой Софии имеет институционный смысл, пишет, комментируя эту надпись и Мстиславово Евангелие: «Мы имеем дело с интересными свидетельствами, проливающими свет на то, как воспринималась княжеская власть ближайшим окружением князя и духовенством». Обращаясь же к позднейшим материалам, дающим большее число примеров использования термина 'царь', польский историк ограничивается лишь замечанием о его «особом ситуативном» бытовании¹².

Для последующей эпохи (XIII век) мы находим устоявшуюся точку зрения, согласно которой термин 'царь' был особенно распространен на юго-западной территории древнего Киевского Государства; так, он часто ставится перед именами Волынских и Галицких князей. Сформулированная А. А. Шахматовым, эта точка зрения повторяется в работах А. С. Орлова, Д. С. Лихачева и в совсем недавней работе Я. Д. Исаевича¹³.

Наконец, факт использования титула 'царь' монахом Акиндиным в обращении к великому Владимирскому князю Михаилу Ярославичу Тверскому («царь еси, господине княже, въ своеи земли») не мог не повлечь за собой сравнение всей фразы со знаменитой европейской правовой формулой *Rex est imperator in regno suo*. Наблюдаемая аналогия позволила предположить, что русский князь наделялся, по крайней мере в сознании Акиндина, абсолютной властью над «своей землей»¹⁴.

Существующие исследования по большей части базируются на одном или нескольких примерах, взятых в отрыве от других. Поэтому нам кажется полезным привести в хронологическом порядке по возможности полный корпус цитат — разумеется, мы не претендуем на исчерпывающую полноту, которая достигается лишь при компьютерной обработке источников, — что позволит сравнить разные контексты, как литературные, так и исторические, в которых используется термин 'царь'.

Мы включили в круг интересующих нас терминов наряду с существительными 'царь' и 'цезарь' их производные — такие, как прилагательное 'царский', гла-

---

временной историографии интерпретацией посылки венца императором киевскому князю. Что же касается ссылки на Даниила Заточника, то, видимо, в данном случае следует говорить о позднейшей интерполяции термина, см. Г. Шредер, *op. cit.*, 53—54.

¹² А. Поппе, *Le prince et l'Eglise en Russie depuis la fin du Xe siècle et jusqu'au début du XIIe siècle* // *Acta Poloniae historica*, XX, 1969, 110.

¹³ А. А. Шахматов. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи // *Радзивилловская или Кенигсбергская летопись* (Издание Общества любителей древней письменности, СХІІІ), Спб., 1902, 32; А. С. Орлов, О галицко-волынской летописании, *ТОДРА*, 5, 1947, 33; Д. С. Лихачев, Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского, *ibid.*, 54; Я. Д. Исаевич, Из истории культурных связей Галицко-Волынской Руси с западными славянами в XII—XIV вв. // *Польша и Русь*, М., 1974, 263.

¹⁴ На близость формулировок, о которых идет речь, было, в частности, указано А. В. Соловьевым («Reges» et «regnum Russiae» au Moyen Age // *Byzantion*, XXXVI, 1966, 169), а также, совсем недавно, К. Гальпериным (Tsar' russkoj zemli: The Vita of Dmitrii Donskoj and Early Muscovite Political Thought, доклад, сделанный на Muscovite History Conference, Оксфорд, 1975, машинопись, 6—7). О юридическом и политическом значении формулы на Западе см. А. Bossuat, La formule «Le roi est empereur en son royaume» et son emploi devant le Parlement de Paris // *Revue historique de droit français et étranger*, XXXIX, 1961, 371—381; G. Post, *Studies in Medieval Legal Thought: Public Law and the State*, 1100—1322, Princeton, 1964, 453—482 и J.-F. Lemarignier, *La France médiévale, institutions et sociétés*, Paris, 1970, 264—265.

гол 'царствовать' и существительное 'царствие' или 'царство'. В данной статье мы, выходя за границы конкретных контекстов, для большего удобства используем термин 'царь' и его производные, поскольку с точки зрения семантики они ничем не отличаются от термина 'цезарь' и слов, образованных от него¹⁵; оба термина часто смешиваются в рукописях, где титул записывается, начиная с XI в., как правило, не полностью, а в сокращенном виде — цръ, с опущением с¹⁶.

Наше исследование касается временного периода до середины XV века; позже на северо-восточной территории появляются тексты, в которых, в отличие от предшествующих, термин 'царь' применяется к русским князьям гораздо более часто, если не сказать систематически. К таким текстам мы относим Похвальное слово о благоверном и великом князе Борисе Александровиче (Тверском), составленное предположительно иноком Фомой между 1446 и 1453 гг.¹⁷; Слово избрано от святых писаний, еже на латыню, созданное в 1461—1462 гг.¹⁸, и, наконец, Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского¹⁹, не имеющее общепризнанной датировки: по мнению А. В. Соловьева, которое разделяет и К. Гальперин, оно было написано вскоре после смерти Дмитрия (1389)²⁰; однако советская филологическая школа относит появление памятника к более позднему времени. Так, согласно М. А. Салминой, Слово следует датировать сороковыми годами XV в. Мы полностью разделяем данную точку зрения²¹.

Термин 'царь' (изначально 'цѣсарь') восходит к латинскому *caesar*, откуда через посредничество готского *kaisar* было заимствовано всеми славянами. Этот термин, как и его производные, фиксируется на восточнославянской территории

¹⁵ См. Д. И. Прозоровский, О значении царского титула до принятия русскими государствами титула императорского // Известия Имп. русского археологического общества, VIII (3), 1875, 211. В частности, мы не смогли найти в источниках подтверждения тезису о различии между 'царь' («the khan of Chingizide blood») и 'цезарь' («the caesar, or junior emperor»), выдвинутому М. Чернявски (М. Cherniavsky, Khan or Basileus: an Aspect of Russian Mediaeval Political Theory // Journal of the History of Ideas, XX, 1959, 465).

¹⁶ См. U. Still, Nomina sacra im Altkirchenslavischen, München, 1972, 136—137, таблица 19.

¹⁷ Текст опубликован Н. П. Лихачевым (Памятники древней письменности и искусства, CLXVIII, Спб., 1908). Об авторстве этого сочинения см. W. Philipp, Ein Anonymus der Tverer Publizistik im 15. Jh // Veröffentlichungen der Abteilung für slavishe Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Institut der F.U. Berlin, VI, 1954, 230—237. Об употреблении термина 'царь' в этом тексте см. Я. С. Лурье, Роль Твери в создании русского национального государства // Ученые записки Ленинградского государственного университета, XXXVI, Серия исторических наук, № 3, 1939, 89.

¹⁸ Текст опубликован А. Н. Поповым (Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян XI—XV вв., М., 1875, 360—395). О датировке см. Я. С. Лурье, Идеологическая борьба в русской публицистике XV — начала XVI в., М.; Л., 1960, 371.

¹⁹ Текст опубликован в: Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), IV (1—2), Л., 1925, 351—366.

²⁰ А. В. Соловьев, Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», ТОДРА, XVII, 1961, 85—106. Эта же точка зрения изложена В. Филиппом (W. Philipp, Die Gedankliche Begründung des Moscauer Autokratie bei ihrer Entstehung, 1458—1522, // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, XV, 1970, 89) и К. Гальпериным (op. cit., 8—9).

²¹ См. Я. С. Лурье, Идеологическая борьба..., 359—360; М. А. Салмина, Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского // ТОДРА, XXV, 1970, 81—104; мы предполагаем посвятить этой проблеме отдельное исследование.

уже с XI в. В библейских текстах и в патристике он служит для передачи греческого слова βασιλεὺς в тех контекстах, где в Вульгате мы находим *gex*, т. е. для обозначения Бога («царя небесного»), царей израильских или других, даже языческих монархов, упомянутых в Библии (за исключением римского императора, 'цесаря', который в Новом Завете назван 'кесарем' в соответствии с позднегреческим καῖσαρ), а также вообще властелина. В последнем случае, как будет видно из дальнейшего изложения, термин 'царь' вступает в конкуренцию со словом 'князь' (изначально кнѣзь — написание, редко встречающееся в памятниках) и используется как в переводных текстах²², так и в оригинальных сочинениях (например, в Слове о законе и благодати митрополита Илариона)²³.

В собственно политических контекстах слово 'царь' регулярно используется применительно к императору или императорам (в случае совместного правления) Византии; такое употребление, характерное для текстов договоров между Византией и Русью X в., дошедших до нас в Повести временных лет²⁴, существовало вплоть до падения греческой Империи. Всеобъемлющая власть императора, простиравшаяся, в частности, на церковную сферу, практически не оспаривалась русскими князьями, за исключением нескольких случаев²⁵; разумеется, такое положение дел было возможным лишь в ситуации, когда признание власти *basileus* ни в малейшей степени не ущемляло политической независимости русских земель²⁶.

Совсем другой политический смысл термин 'царь' получает с XIII в., когда он начинает использоваться, преимущественно в летописях²⁷, применительно к правителю Империи монголов или к членам династии Чингисхана и, особенно, начиная с правления Менгу-Темира (1267—1280), к ханам Золотой Орды²⁸. Как показал М. Чернявски, царский титул в таких контекстах в полной мере сохранял свою политическую значимость; в XIV веке, во время междоусобной борьбы в Золотой Орде, он был строго закреплен за законным ханом²⁹. Интересно, что тексты свидетельствуют о параллелизме, существовавшем, по всей видимости, в

²² См. Д. И. Прозоровский, *op. cit.*, 207—208; А. И. Соболевский, *op. cit.*, 7—8. Об использовании термина 'князь' в соответствии с греческим βασιλεὺς см. ниже.

²³ Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis, изд. L. Müller, Wiesbaden, 1962, 97—98, 110—112 и др.

²⁴ Повесть временных лет (ПВЛ), I, М.: Л., 1950, 23 и сл.

²⁵ После инициатив киевских князей Ярослава Владимировича и Изяслава Мстиславича (см. сн. 175, 176) самым известным «исключением» является запрет, который наложил великий князь Василий I на упоминание митрополитом имени императора во время литургии; за это он был подвергнут поношению в специальном послании патриарха Антония IV (1394—1397); см. Русская историческая библиотека (РИБ), VI, 2-е изд., СПб., 1906, дополнение, кол. 265—276, а также D. Obolensky, *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500—1453*, 1971, 264—268.

²⁶ См. Д. Оболенский, *op. cit.*, 223—224; А. Поппе, *op. cit.*, 109 и *La dernière expédition russe contre Constantinople // Byzantinoslavica*, XXXII, 1971, 233.

²⁷ Гораздо реже термин 'царь' применительно к ханам встречается в дипломатических документах. Тем не менее мы встречаемся с таким употреблением в русских переводах «ярлыков», которые получали от ханов митрополиты. См. Памятники русского права, III, М., 1955, 465 и сл. Термин 'царь' находим также в некоторых договорах, заключенных между русскими князьями, см. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., М.: Л., 1950, 41, 106, но обычно в текстах фигурирует исключительно Золотая Орда как некое безличное, если можно так выразиться, образование, имя же конкретного хана отсутствует; см. там же 20, 31, 36, 38 и др.

²⁸ См. А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, М.: Л., 1940, 30.

²⁹ M. Cherniavsky, *op. cit.*, 464—468.

сознании русских в Средние века, между, с одной стороны, патриархом и императором, в чьих руках сосредоточена власть в Империи (часто воспринимавшейся как ойкумена), и, с другой стороны, митрополитом и татарским ханом, наделенными такой же властью на Руси. Сошлемся хотя бы на фрагмент из Московской летописи (свод XV века):

Тое же зимы прииде Фегность епископъ Сараиски из Грекъ, посылан бо бѣ митрополитом к патриарху и царемъ Менгутемерем ко царю Греческому Палеологу³⁰.

В XV веке титул 'царь' был распространен и на турецкого султана, а также на крымских и казанских ханов³¹.

Наконец, как это будет видно из примера № 44 (см. ниже), этот термин применялся и к германскому королю.

На фоне подобных употреблений титула 'царь', институционный смысл которых доказывается уже самой их систематичностью, применение данного термина к русским князьям представляется на первый взгляд более или менее случайным.

Даже до середины XIII века, в эпоху, когда власть русских князей не опиралась ни на какой иностранный политический авторитет, ни в одном документе дипломатического характера (следует отметить, впрочем, немногочисленность дошедших до нас от домонгольского периода документов такого типа) они не называются 'царями'³². Точно так же, а fortiori, обстоит дело и в предшествующую эпоху, если не принимать во внимание присвоение царского титула Владимиру (ум. 1015) в поздних галицких грамотах и в послании Василия II (1441). Слово 'царь' не отмечено и на печатях разных русских князей, где они называются (μεγας) ἄρχων или (великими) князьями³³.

В дипломатических сношениях Древней Руси с соседними народами и государствами ни термин 'царь', ни его иноязычные эквиваленты практически не используются вплоть до последней четверти XV века, когда интересующий нас титул начинает крайне нерегулярно встречаться в переписке двора Ивана III с германцами³⁴. Для периода до середины XV века мы располагаем только одним примером, обнаруженным в немецком тексте договора, заключенного в 1417 г. между Псковом и Ливонским орденом. В этом договоре цитируются русские посланники, которые называют великого князя Московского Василия I unse here

³⁰ ПСРЛ, XXV, М.; Л., 1949, 152. Мы приводим цитаты, взятые из разных изданий, в современной кириллической графике, помещая в скобки буквы, пропущенные в тексте. Надстрочные буквы выделены курсивом.

³¹ См. А. И. Соболевский, *op. cit.*, 8.

³² Кроме договоров между Русью и Византией (см. сн. 24), нам известны лишь несколько новгородских грамот (как правило, копии), адресованных киевскому князю, договор с Готским берегом (см. Грамоты великого Новгорода и Пскова, М. -Л., 1949, 139—141, 156), а также княжеские «церковные уставы», многочисленные переделки которых делают затруднительной реконструкцию первоначальных текстов; см. Я. Н. Щапов, Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв., М., 1972 и Древнерусские княжеские уставы XI—XIV вв., М., 1976. О русской дипломатике домонгольского периода см. С. М. Кашианов, Русские княжеские акты X—XIV вв., до 1380 г. // Археологический ежегодник, 1975, М., 1976, 106—109.

³³ См. В. А. Янин, Актовые печати Древней Руси X—XV вв., I, М., 1970, 16 и сл.; Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов, Русская сфрагистика и геральдика, изд. 2-е, М., 1974, 62—68, 76—90.

³⁴ См. H. Schaefer, *op. cit.*, 54.

de Rusche keiser Wassile Dymitrius, однако нам неизвестно, с каким русским словом соотносится немецкое *keiser*; издатели же грамоты осторожно перевели этот фрагмент как «наш господин, русский государь Василий Дмитриевич»³⁵. Другое свидетельство, на этот раз греческое, позволяет предположить, если верить А. В. Соловьеву, что великий Владимирский князь Михаил Ярославович Тверской (ум. 1318) в начале XIV века использовал царский титул в качестве официального³⁶. Эта гипотеза основана на отрывке из Максима Плануды, в котором посланник русского князя заявляет императору Андронику II Палеологу:

ὁ αὐθέντης μου ὁ βασιλεὺς τῶν Ῥώσ ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης τῆς ἁγίας βασιλείας σου προσκυνεῖ δουλικῶς τὴν ἁγίαν βασιλείαν σου³⁷.

Это единичное свидетельство, оставляющее открытым вопрос об употребленном посланником собственно русском термине и не прошедшее через критическое осмысление, вряд ли стоит понимать буквально, как хотелось бы А. В. Соловьеву. Тем более что в этом же самом фрагменте несколькими строками выше русский князь назван ἄρχων τῶν Ῥώс, как это было принято в Византии с эпохи Константина Багрянородного³⁸. Возможно, использование термина βασιλεὺς в процитированном отрывке объясняется желанием подчеркнуть «смирение» βασιλεὺς τῶν Ῥώс перед ἡ ἁγία βασιλεία; в пользу такого понимания говорит также упоминание роли, отводившейся русскому князю при трапезе императора³⁹. Принимая во внимание все сказанное, мы полагаем, что за единичным свидетельством Максима Плануды невозможно усмотреть какую-либо институциональную или политическую реальность. Наконец, наша точка зрения подтверждается и другими примерами, предложенными А. В. Соловьевым: нигде, кроме упоминавшегося уже договора 1417 г., мы не находим следов использования царского титула применительно к русским князьям; последние чаще всего называются латинским словом *rex* (или его эквивалентом из новых языков) — в греческой транскрипции ῥήξ или словосочетанием μέγας ῥήξ, причем эпитет μέγας, видимо, заимствован из русского титула «князь великий»⁴⁰.

Тот факт, что русские князья практически никогда не называются «царями» в западных источниках, также подтверждает наше первоначальное предположение об отсутствии царской титулатуры в дипломатических и сфрагистических русских источниках применительно, по крайней мере, к современным этим источникам князьям.

Теперь обратимся к русским нарративным и литературным жанрам, а также к некоторым поздним документам дипломатического характера (с упоминанием

³⁵ Грамоты великого Новгорода и Пскова, 319.

³⁶ А. В. Соловьев, *op. cit.*, 169 (заметим, что ссылка на Максима Плануду ошибочна, см. сн. 37).

³⁷ H. Haupt, Beiträge zu den Fragmenten des Dio Cassius // Hermes, Zeitschrift für klassische Philologie, XIV, 1879, 445; текст был воспроизведен А. С. Павловым (РИБ, VI, прибавление, кол. 273—274).

³⁸ См. D. Obolensky, The Byzantine Commonwealth, 200.

³⁹ Д. Оболенский определяет эту роль словом 'chambellan' (Byzance et la Russie de Kiev // Messager de l'Exarchat e Patriarche de Moscou en Europe occidentale, XXIX, 1959, 28; работа перепечатана также в: D. Obolensky, Byzantium and the Slavs, 1971). О присвоении этой роли русскому князю см. М. А. Дьяконов, *op. cit.*, 14—15).

⁴⁰ А. В. Соловьев, *op. cit.*, 150—159, 169—171.

святого Владимира), чтобы проверить, не противоречат ли их данные этому предположению.

Мы не располагаем ни одним свидетельством для X и начала XI в. Конечно, существуют гипотезы об использовании царского титула применительно к святому Владимиру, основывающиеся на источниках, дошедших до нас во фрагментарном виде. Все эти гипотезы были собраны и описаны в свое время Д. Оболенским; однако в недавнем труде тот же автор признает их достаточно зыбкими⁴¹. Позже мы вернемся к текстам XIV и XV веков, где Владимир Святославович называется 'царем'.

Самое древнее бесспорное использование термина 'царь' применительно к русскому князю мы находим в сохранившейся надписи из киевского собора Святой Софии. Она составлена, как было доказано ее публикаторами, в связи со смертью Ярослава Мудрого (1054):

№ 1. Вѣ 6562 м(ѣся)ца фѣврарі 20, оуспѣне ц(а)ря наш(е)го⁴²

Другой пример, также связанный с именем Ярослава, содержится в более позднем тексте, в Чтении о житии и погублении Бориса и Глеба, составленном монахом Нестором в 1078—1079 гг. Согласно этому тексту, митрополит Иоанн советовал князю канонизировать братьев, обращаясь к нему таким образом:

№ 2. Лѣпо ли вы намѣ, благовѣрный царю, церковь имя ею възградити и ұставити день, вонъже празновати има⁴³.

Следующие примеры, касающиеся уже самих Бориса и Глеба, встречаются в сочинении Сказание и страсть и похвала святуу мученику Бориса и Глеба. Этот текст не имеет точной датировки. Согласно А. Поппэ, он был составлен до канонизации Бориса и Глеба, произошедшей в 1072 г. Но если принять датировку Н. Н. Воронина, как это сделал Ж. Фенелл, то выясняется, что Сказание и страсть современно Сказанию чудес и что оба сочинения следует относить к 1115—1117 гг.⁴⁴ В заключительном фрагменте Сказания и страсти читаем:

№ 3—4. ц(е)саря ли, князя ли ва проглаголю, нѣ паче чл(о)в(ѣ)ка ұбо роста и смѣрена, смѣрение во сътяжала еста, имъже высокая мѣста и жилища въсѣлиста ся. По истиннѣ вы цесаря ц(е)сарей и князя княземѣ.

Выражение цесаря ц(е)саремѣ является, возможно, библейской реминисценцией (Книга Ездры, VII, 12). В этом же тексте дано описание портрета одного из братьев в молодости, в котором читаем:

⁴¹ D. Obolensky, *Byzance et la Russie...*, 28—33; а также *The Byzantine Commonwealth*, 200—201.

⁴² Б. А. Рыбаков, *op. cit.*, 14—15; С. А. Высоцкий, *Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV веков*, I, Киев, 1966, 39—41.

⁴³ Die altrussischen hagiographischen Erzählungen und liturgischen Dichtungen über die heiligen Boris und Gleb, изд. Д. И. Абрамовича, переизд. А. Мюллером (München, 1967, 18). О датировке данного сочинения см. J. Fennell, A. Stokes, *Early Russian Literature*, 1974, 18.

⁴⁴ А. Poppe, *Opowieść o męczeństwie i cudach Borisa i Gleba, okoliczności i czas powstania utworu* // *Slavia orientalis*, XVIII, 1969, 267—292, 359—382; Н. Н. Воронин, «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // *ТОДРЛ*, XIII, 1957, 11—56; J. Fennell, A. Stokes, *op. cit.*, 20.

№ 5. съ ѹбо бл(а)говѣрный Борисъ... свѣтъ ся ц(є)с(а)рьскы...⁴⁵

Таким образом, мы располагаем для XI в. лишь двумя несомненными свидетельствами употребления термина ‘царь’ применительно к русским князьям. В XII в., начиная с эпохи правления в Киеве Владимира Мономаха (1113—1125), число примеров возрастает. Мы отдаем себе отчет в том, что первый из этих примеров, цитирующийся ниже, не является достаточно убедительным. Митрополит Никифор (1104—1121) в послании к Владимиру так обращается к русским князьям:

№ 6. Подобаєты во княземъ, яко отъ Бога избраномъ и призваномъ на право-вѣрнѹю вѣрѹ его, Христова словеса разѹмѣти извѣст(н)о и основаніе церковное тврѣдое, да[н]и ти вѹдѹтъ основаніе, якоже єсть свѣтъ Церкви, на свѣтъ и наставленіе порѹченымъ имъ людемъ отъ Бога. Єдинъ бо Богъ *царствуетъ* не-весными, вамъ же, съ его помощію, *царствовать* земными, долѣшнимъ симъ въ роды и роды.⁴⁶

Использование в этом тексте глагола ‘царствовать’ применительно к правлению русских князей (отметим употребление в этом фрагменте слова ‘князь’) может объясняться просто желанием провести параллель между царствованием Бога на небесах (обозначавшимся греческим глаголом βασιλειν и славянским ‘царствовать’) и правителей на земле; такой прием частотен как в византийской, и так и в славянской литературах.

Более красноречивое свидетельство датируется эпохой наследника престола Владимира Мономаха в Киеве, его сына Мстислава (1125—1132). В колофоне Евангелия, переписанного для этого князя, некий близкий к нему человек, Наслав, рассказывая, как его государь поручил ему отправиться в Константинополь, чтобы переплести и украсить рукопись, два раза использует термин ‘царь’ и один раз слово ‘цесарствие’ применительно к Мстиславу:

№ 7—9. Азъ рабъ Б(о)жин недостойный... съпсѣхъ памяти дѣля ц(а)рю нашѣмѹ и людемъ о съкончаньи єв(а)г(гелі)а, иже бѣшетъ казалъ Мѣстиславъ кънязь... и возивъ Ц(а)рюгородѹ и ѹчинихъ хилипетъ, Б(о)жею же волею възратихъ ся исъ Ц(а)рягорода и съправихъ все злато и сребро и драгыи камень, пришеды Києвѹ и съкончѣся все дѣло м(ѣ)с(я)ца августѣ въ 2... Азъ же хѹдыи Наславъ много трѹда подѣяхъ и печали, нъ Б(о)гъ ѹтѣши мя добраго кънязя м(о)л(н)твою. И тако дан Б(о)гъ всѣмъ людемъ ѹгодня ємѹ творити, слышащемъ его ц(є)с(а)рствіе пребывающе въ радости и въ веселіи и въ любѣви и дан Б(о)гъ его м(о)л(н)твою всѣмъ хрѣстіяномъ и мѣнѣ хѹдомѹ Наслаѹ... обрѣсти чєсть и милость от Б(о)га и от своего ц(а)ря и от братіе...⁴⁷

Мы сталкиваемся с термином ‘царь’ в рассказе об убийстве киевской чернью князя Игоря Ольговича Черниговского (1147), относящемся к чуть более позд-

⁴⁵ Die altrussischen hagiographischen Erzählungen, 49, 51; Успенский сборник XII—XIII вв., М., 1971, 56, 58.

⁴⁶ К. Ф. Калайдович, Памятники русской словесности, М., 1821, 163.

⁴⁷ Ф. И. Буслав, Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языков, М., 1861, кол. 35—36; И. И. Срезневский, *op. cit.*, кол. 52—53.

ней эпохе. Этот рассказ дошел до нас в составе Ипатьевской летописи. Составленный, вероятно, в Чернигове вскоре после кровавых событий в Киеве, рассказ был несколькими годами позже включен Поликарпом, иноком Киево-Печерского монастыря, в состав киевского свода. Если говорить о литературной традиции, то следует отметить, что этот текст, несомненно, испытал влияние Сказания и страсти Бориса и Глеба⁴⁸. До убийства Игорь возносит молитву, в которой упоминает мучеников Бориса и Глеба, применяя к ним титул 'царь':

№ 10. како с(вя)тѣи правовѣрнии ц(а)ри проляша крови своя, стражюще за люди своя...

В повествовании о смерти князя эпитет 'царский' применяется непосредственно к Игорю:

№ 11. безаконнии же нем(н)л(о)стивии побивше... ꙗще живѹ сѹщѹ емѹ, рѹгающеся ц(а)рьскою и с(вя)щенному тѣлѹ и волокоша и... на кн(я)зь дворѹ и тѹ прикончаша и⁴⁹.

Примерно к этому же времени относится пример, встретившийся в Похвале Ростиславу Мстиславичу, князю Смоленскому (1127), затем Киевскому (1154), тексте, созданном вскоре после смерти князя (1167) в Смоленске. В самом начале Ростислав предстает как пребл(а)ж(е)нный и с(вя)тый князь(ь), после чего автор, перечислив все заслуги усопшего (среди которых главное место занимает создание епископской кафедры в Смоленске), добавляет:

№ 12. ꙗ Б(о)гѹ емѹ дас(ть) за добротѹ его сторицею и ц(а)рствовать в всен Рѹскон земли, а на оном свѣтѣ — ц(а)рство н(е)б(е)сное⁵⁰.

Как и в примере № 6, использование глагола 'царствовать' может отчасти объясняться стремлением провести параллель между царствованием князя на земле и Бога на небесах. Поэтому нам кажется более убедительным другой пример, встретившийся в княжеской летописи Андрея Боголюбского, составленной около 1170 г. современником этого князя и вошедшей в позднейшие компиляции⁵¹. Фрагмент, о котором идет речь, взят из исполненного обвинительным пафосом повествования о низложении епископа Феодора, составленного в окружении митрополита. Речь идет об изгнании епископа князем Андреем⁵² из суздальско-владимирских земель:

⁴⁸ См. Д. С. Лихачев, Русские летописи и их культурно-историческое значение, М.—Л., 1947, 221—222; Б. А. Рыбаков, Русские летописи и автор «Слова о полку Игореве», М., 1972, 335. О литературной традиции см. И. П. Еремин, Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ, VII, 1949, 85—86.

⁴⁹ ПСРЛ, II, Спб., 1908, кол. 350, 352.

⁵⁰ Я. Н. Шапов, *op. cit.*, 59; изданию памятника предшествует исследование, касающееся, в частности, обстоятельств его создания (48—59).

⁵¹ См. Б. А. Рыбаков, Русские летописи..., 72—76.

⁵² Об этом эпизоде см. W. Vodoff, Un «parti théocratique» dans la Russie médiévale? // Cahiers de civilisation médiévale, XVII, 1974? 197—198, 203—204. О происхождении текста см. Н. Н. Воронин, Андрей Боголюбский и Лука Шризоберг // Византийский временник, XXI, 1962, 44.

№ 13. (Бог)... сп(а)се равы своя рꙋкою крѣпкою и мышцею высокою, рꙋкою бл(а)гос(е)с(т)ивою, *ц(а)рскою* правдиваго и бл(а)говѣрнаго князя Андреѣя⁵³.

Наряду с этим примером можно указать и на другой, где речь снова идет о Владимире. Он взят из четвертой редакции Жития святого Леонтия, бывшего в XI в. епископом Ростовским. Во фрагменте, посвященном паломничеству к месту захоронения святого, князь назван

№ 14. *благочестивын царь и князь нашъ.*

Согласно Н. Н. Воронину, этот текст датируется последним десятилетием XII века, однако он дошел до нас в составе рукописи XVI в., поэтому противопоставление терминов 'царь' и 'князь' может быть результатом позднейшей интерполяции⁵⁴.

Наконец, в Повести о убиении Андрея Боголюбского (1174)⁵⁵ мы встречаемся с первым случаем, когда русский князь упоминается в контексте, где цитируется не только знаменитая цитата из послания апостола Павла (Послание к римлянам, XIII, 1) о повиновении властям, но также и определение царской власти, сформулированное в VI веке Агапитом⁵⁶.

№ 15. пишеть ап(о)с(то)лъ Павелъ: всяка д(у)ша властемъ повинѣтся, власти бо от Б(о)га учинены сѣтъ. Естествомы бо *ц(е)с(а)рь* земнымъ подобены естъ всякомꙋ чл(о)в(ѣ)кꙋ, властью же сана вышши яко Б(о)гъ⁵⁷.

В той же второй половине XII в. слово 'царь' и его производные с относительной частотностью встречаются в киевском летописном своде, составленном в 1198 г., игуменом Михайловского Выдубецкого монастыря Моисеем на основе житий и некрологов князей и вошедшем затем в Ипатьевскую летопись⁵⁸.

Первый пример, выявленный в этом тексте, снова касается князей-мучеников Бориса и Глеба. Князь Ростислав Михайлович, о котором уже шла речь, упоминает их незадолго до смерти в речи, обращенной в Поликарпу, игумену Киево-Печерского монастыря.

№ 16. хотѣлъ бых поревновати, якоже и вси правовѣрнии *ц(а)ри* пострадаша и прияша възмездіе от Г(оспод)а Б(о)га своего, якоже с(вя)тии м(у)ч(е)н(и)ци кровь свою проляша⁵⁹.

⁵³ ПСРЛ, I (2), Л., 1927, кол. 357; ПСРЛ, II, кол. 554.

⁵⁴ См. Н. Н. Воронин, Житие Леонтия Ростовского и русско-византийские взаимоотношения во второй половине XII в. // Византийский временник, XXIII, 1963, 44.

⁵⁵ Об этом сочинении и его бытовании см. Н. Н. Воронин, Повесть об убийстве Андрея Боголюбского и ее автор // История СССР, 1963, № 3, 80—97; Б. А. Рыбаков, Русские летописи, 80.

⁵⁶ О распространении на Руси сочинения Агапита см. I. Ševčenko, A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // Harvard Slavic Studies, II, 1954/6 142—150.

⁵⁷ ПСРЛ, II, кол. 592; ПСРЛ, I (2), кол. 370.

⁵⁸ См. М. Д. Прицелков, *op. cit.*, 47—54; Б. А. Рыбаков, Русские летописи, 182—183.

⁵⁹ ПСРЛ, II, кол. 530—331.

Этот фрагмент, видимо, восходит непосредственно к тексту молитвы Игоря Ольговича (№ 10)⁶⁰.

Три других примера касаются Киевского князя Изяслава Мстиславича (ум. в 1154). Один из них относится к 1149 г., когда, согласно летописи, Юрий Долгорукий князь Суздальский обратился к своему племяннику с такими словами:

№ 17. Дан ми Переяславъ, ать посажю с(ы)на своего ꙗ Переяслави, а ты сѣди ц(є)с(а)р(с)твꙋя в Киевѣ⁶¹.

В следующей части повествования рассказывается, как князь, раненный в битве 1151 г., был узнан своею дружиной, когда сказал:

№ 18. Азъ Изяславъ есмь, кн(я)зь вашъ, и сня съ себе шеломи, и позна(ша) и, и то слышавше мнози и възсхытиша и рꙋками своими с радостью, яко ц(а)ря и кн(я)зя своег(о)⁶².

Наконец, о смерти Изяслава говорится так:

№ 19. разболѣся великии кн(я)зь Киевьскии Изяславъ, и ч(є)стныи б(лаг)овѣрныи и Х(ри)с(т)олюбивыи, славн(ы)и Изяславъ Мстиславъ, възнꙋкъ Володимѣрь, и плакася по немъ вся Рꙋсская земля и вси Черннии Клобꙋци [и] яко по ц(а)ри и г(осподи)нѣ своемъ, наипаче же яко по отци⁶³.

После смерти князя Смоленского Романа Ростиславича его вдова в своих жалобах снова упоминает святого Бориса, называя его, сообразно обстоятельствам, данным ему христианским именем — Роман:

№ 20. Ц(є)с(а)рю мои, бл(а)гын, кроткын, смиренн, правдивын, во истину тебѣ нар(є)чено имя Романъ, всею добродѣтє(лю) сынъ подобенъ еми, многия до-суды прия отъ Смолянъ и не видѣ тя, г(о)с(поди)не, николи же противꙋ ихъзлꙋ никотораго зла въздающа, но на Б(о)зѣ вся покладывая, пров(о)жаше⁶⁴.

А о другом Смоленском князе, Давиде Ростиславовиче (ум. в 1197), говорится следующим образом:

№ 21. бѣ бо любя дружинꙋ, а злыя кажня, якоже подобаетъ ц(є)с(а)р(є)и творити⁶⁵.

Три последних примера из киевской летописи касаются князя Рюрика Ростиславича (ум. в 1215) и повествуют об одном событии: сооружении новой стены в Михайловском Выдубецком монастыре в Киеве. Летописец, игумен Моисей,

⁶⁰ См. И. П. Еремин, *op. cit.*, 89.

⁶¹ ПСРЛ, II, кол. 380.

⁶² Там же, кол. 439.

⁶³ Там же, кол. 469.

⁶⁴ Там же, кол. 617.

⁶⁵ Там же, кол. 703.

описывает это событие в торжественном тоне и в заключение своего рассказа о празднествах воспроизводит похвальное слово, с которым он обратился к великому киевскому князю. Этот текст, выдержанный в высоком и выпяченном стиле в духе византийских *προσφωνητικῶ λόγῳι*⁶⁶, завершает свод 1198 г., составленный тем же духовным лицом. В описании празднества мы находим следующий пример:

№ 22. великыи кн(я)зь Рюрикъ кюръ Василии... возвеселися д(ѣ)х(о)вно о пришедиши(х) в дѣло таково *ц(ε)с(α)ρ(с)тѣ* мысли его.

В самом слове игумен Моисей, рассуждая о почитании киевлянами святого Михаила, замечает, что в определенной степени этот культ связан с чудом, произошедшим во время правления Рюрика:

№ 23. новаго ради чюдеси, иже во д(ь)ни *ц(ε)с(α)ρ(с)тѣ* твоего свѣршися.

Наконец, в заключительной части автор обращается к князю с такими словами:

№ 24. и Б(о)гъ м(и)л(о)сти и о(тѣ)ць щедротамъ и любы единочад(н)аго с(ы)на его и причастье с(вя)т(а)го Дѣха да бѣдетъ съ *ц(ε)с(α)ρ(с)тѣ* твоимъ⁶⁷.

В XIII веке число примеров сокращается, причем они встречаются только в текстах галицкого и волынского происхождения. Первый мы находим в летописи или, точнее, в летописце Даниила Романовича (ум. в 1264). Этот текст, созданный около 1256—1257 гг. при дворе Даниила Романовича, вошел в Ипатьевскую летопись вслед за киевским сводом⁶⁸. Титул ‘царь’ применен здесь к отцу Даниила, Роману Мстиславичу, князю Волынскому и Галицкому, которому удалось, прямо или косвенно, подчинить своей власти всю южную часть Руси. Цитирующийся ниже фрагмент взят из рассказа об унижении Даниила, которым его подверг татарский хан:

№ 25. Данилови Романовичю, князю бывшѣ великѣ, обладавшѣ Рѣскою землею, Киевомъ и Володимѣромъ и Галичѣмъ со братомъ си, (и) инѣми странами, н(ы)нѣ сѣдять на колѣнѣхъ и холопомъ называется(я), и дани хотятъ, живота не чають, и грозы прихотятъ, о злая ч(ε)сть татарская! Его же о(тѣ)ць бѣ *ц(ε)с(α)ρ* в Рѣской земли, иже покори Половецкѣю землю и воева на иные страны всѣ. С(ы)нѣ того не прия ч(ε)сти, то иныи кто можетъ прияти?⁶⁹

⁶⁶ Об этом тексте см. Ю. К. Бегунов, Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. // ТОДРЛ, XXVIII, 1974, 60—76. Статья сопровождается научной публикацией текста.

⁶⁷ ПСРЛ, II, кол. 711—712, 714, 715; Ю. К. Бегунов, *op. cit.*, 75, 76.

⁶⁸ Об этом произведении см. Л. В. Черепнин, Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки, XIII, 1941, 228—253. Самая полная библиография собрана в: G. A. Perfecky, *The Hypatian Codex, part two: the Galician-Volynian Chronicle, an annotated translation*, München, 1973, 143—146.

⁶⁹ ПСРЛ, II, кол. 807—808.

В этом отрывке, литературный характер которого очевиден, происходит возврат к теме всевластия Романа на «Русской земле», возникшей уже в начале произведения. В раскрытии этой темы автор, как показал А. С. Орлов, исходил из текста Александрии, где после поражения Дария о поре его всевластия, оставшейся в прошлом, говорится так: «толикий царь Даріи, толико языкъ побѣдивъ и вся грады поработивъ»⁷⁰.

Следующий пример — волынского происхождения — датируется временем Владимира Васильковича, князя Владимирского и Волынского (1269—1288). Пример этот находим в колофоне списка произведений святого Ефрема Сирина, выполненного для одного из приближенных князя:

№ 26—27. Въ лѣто семое тысящѣ написашася книги сия при *ц(є)с(арс)ствѣ* бл(а)говѣрнаго *ц(є)с(а)ря* Володимѣра, с(ы)на Василкова, ѹнѹка Романова, бог(о)любивомѹ тивѹнѹ его Петрови⁷¹.

Этот же князь дважды называется 'царем' в волынском летописном своде в отрывке, посвященном его смерти.

Волынский свод, дошедший до нас также в составе Ипатьевской летописи, можно назвать летописцем Владимира Васильковича. Он был начат при жизни князя и завершен вскоре после его смерти (1288)⁷². Первый пример находим в рассказе о том, что последовало после смерти князя, произошедшей вне столицы:

№ 28. княгини же его (с слѹ)гами дворьными омывшє его и ѹвиша и оксамитомъ со крѹживомъ, якоже достонитъ *ц(є)с(а)рєнь*, и возложиша и на сани и повєзоша до Володимѣра.

Чуть далее в повествовании передаются жалобы вдовы Владимира Васильковича:

№ 29. *Ц(є)с(а)рю* мон бл(а)гын, кроткын, смиренн, правдивын, во истинѹ нареч(є)но быс(ть) тобѣ имя во кр(є)щєнии Иван, всею добродѣтелью подовєны єсь ємѹ, многыа досады примѣ от свонѹхъ сродникѹ, не видѣхѹ тя, г(о)с(поди)не мон, николи же противѹ ихъ злѹ никоторого же зла воздающа, но на Б(о)зѣ вся покладывая, провожашє⁷³.

Этот отрывок практически дословно совпадает с текстом жалобы вдовы Романа Ростиславича Смоленского (№ 20) в том виде, в котором она дошла до нас в составе киевской летописи⁷⁴. Упоминание христианского имени Владимира Ва-

⁷⁰ А. С. Орлов, К вопросу об Ипатьевской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук, III, 1926, 116; G. A. Perfecky, op. cit., 137.

⁷¹ И. И. Срезневский, op. cit., кол. 149.

⁷² См. И. П. Еремин, Волынская летопись 1289—1290 гг. как памятник литературы // ТОДРЛ, XIII, 1957, 102—103.

⁷³ ПСРЛ, II, кол. 918—920. В переводе на английский язык в данном случае слово 'царь' передается более широким термином 'king' (G. A. Perfecky, op. cit. 108).

⁷⁴ См. И. П. Еремин, Волынская летопись, 113.

сильковича Иван частично обесмысливает текст: трудно понять, какому святому Ивану (Иоанну Крестителю?) подобен князь Владимир Василькович «всею добродетелью». Возможно, что именно текст из киевской летописи побудил автора рассказа о смерти Владимира Волынского сравнить посмертное убранство князя с тем, которое подобает 'цесарю' (№ 28).

Помимо этих пяти примеров, где термин 'царь' соотносится, более или менее непосредственно, с князьями Волынскими и Галицкими, существительное 'царь' и глагол 'царствовать' засвидетельствованы в галицком списке Повести временных лет, которым открывается летописец Переяславля Суздальского⁷⁵. Этот текст озаглавлен так:

№ 30. *Лѣтописецъ Рꙋскихъ царѣи.*

Далее в повествовании о знаменитом «призвании варягов» (862) мы читаем следующую фразу:

№ 31. *Поищемъ совѣтъ князя [и] поставить надъ собою царствовать.*

Затем о воцарении Олега в Киве (882) говорится так:

№ 32. *и сѣдѣ Олегъ, княжа и царствꙋа въ Киевѣ.*

Здесь встречается также довольно неожиданное употребление глагола 'царствовать' — которое именно в силу его необычности мы оставляем в стороне — на месте формы 'ся прозывать' во фразе «нача царствовати Русская земля»⁷⁶.

В XIV веке примеры использования термина 'царь' применительно к разным князьям встречаются в памятниках северо-восточной Руси. Первый находим в послании 1312—1315 гг. монаха Акиндина князю Михаилу Ярославичу Тверскому, бывшему в то время великим князем во Владимире. В этом послании Акиндин призывает князя осудить митрополита Петра (1308—1326), обвиненного в симонии⁷⁷. Среди других аргументов Акиндин выдвигает следующий:

№ 33. *Царь еси, господине княже, въ своей земли; ты истязанъ и маши быти на страшнѣмъ и нелицемѣрнѣмъ сꙋдищи Христовѣ, аже смолчиши митрополитꙋ*⁷⁸.

В повествовании о казни, которой был подвергнут этот же князь в Золотой Орде в 1318 г., — тексте, созданном, вероятно, вскоре после 1318 г. одним из тверских духовных лиц, — находим слова автора, обращенного к князю, подвергнутого многим унижениям перед смертью.

⁷⁵ См. А. С. Орлов, *op. cit.*, 32—33.

⁷⁶ Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XII в., изд. М. А. Оболенским // Временник Импер. Московского общества истории и древностей российских, IX, 1851, I, 5, 6.

⁷⁷ Об этом тексте см. В. А. Кучкин, Источники «написания» мниха Акиндина // Археографический ежегодник, 1962, М., 1963, 60—68; здесь же обширная библиография.

⁷⁸ РИБ, VI, кол. 158.

№ 34. Господине князь! Видиши ли, селико множество народа стоятъ, видящи тя в таковон ѹкоризне, а прежа тя слышахом *царствующаго* во своен земли? Абы еси, господине, во свою землю шель!⁷⁹

В текстах до XV века из всех представителей московской династии, княживших во Владимире, 'царем' называется только Иван Калита. В похвальном слове, составленном после его смерти, автор, упоминая имя князя, ссылается на книгу пророка Иезекииля:

№ 35. о семь бо князи великомъ прор(о)къ Езекии гл(аголе)тъ: в послѣднее время въ опустѣвшии земли, на западъ, въстанетъ *ц(е)с(а)рь* правдѹ любя и сѹдъ.

С Иваном же Калитой связывается и другая библейская цитата, переданная более точно (Псалом LXXII, I):

№ 36. Б(ож)е, сѹдъ *ц(е)с(а)р(е)ви* дан же правдѹ с(ы)н(о)ви *ц(е)с(а)р(е)вѹ*, сии бо князь великон Юа(н) имѣвше правын сѹд.

Дважды, говоря о правлении Ивана I, автор похвалы использует термин 'царство':

№ 37. бѹдетъ тишина велья в Рѹсconi земли, и въсияетъ въ д(ь)ни его правда, якоже и быс(ть) при его *ц(а)рствѣ*.

№ 38. всен Рѹсconi земли поминая велегласно державѹ его *ц(а)рства*⁸⁰

В галицком же княжестве полвека спустя титул 'царь' применен к святому Владимиру в трех грамотах, составленных от имени князя Льва Даниловича (ум. в 1301), сына Даниила Романовича. В подлинности этих документов сомневался уже Н. М. Карамзин⁸¹. Упоминание митрополита Киприана⁸² позволяет предположить, что они были созданы в конце XIV или в начале XV века с целью утвердить внутри польского государства право православной Церкви на бенефиции⁸³. В трех документах князь, от имени которого они составлены, упоминает инициативу своего далекого предка:

⁷⁹ Библиотека Ленина (Москва), фонд Ундольского, № 1254, л. 44. Цит. по: В. А. Кучкин, Повести о Михаиле Тверском: историко-текстологическое исследование, М., 1974, 259. В этом исследовании содержится полное описание происхождения и рукописного бытования повести.

⁸⁰ Н. А. Мещерский. К изучению ранней московской письменности // Изучение русского языка и источниковедение, М., 1969, 95—96. В этой статье содержится исследование этого текста (93—94), 97—103; см., в частности, о цитате из Иезекииля на с. 100. Заметим, что образ царя, творящего «суд и правду», может быть заимствован и из других частей Ветхого Завета (1-я Книга Царств, X, 9 или 2-я Книга Паралипоменон, IX, 8).

⁸¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, изд. 2-е, I, 4, СПб., 1842, кол. 103—104, сн. 203, кол. 85.

⁸² См. Грамоты XIV ст., Киев, 1974, 14.

⁸³ Я. Н. Щапов, Княжеские уставы, 55.

№ 39—41. яко прадѣдъ нашъ *царь* великий Володимиръ придалъ митрополитомъ⁸⁴.

Примерно в эту же эпоху, в начале XV в., князь Владимир Святославич назван ‘царем’ в произведении, созданном на этот раз в северных русских землях, — Задонщине (1406—1407).

№ 42. Се князь великий Дмитрій Иванович и братъ его князь Володимиръ Ондръевич поостриша сердца свои мужество, ставше своею крѣпостью, помянувшие прадѣда князя Володимера Кіевскаго, *царя* русскаго⁸⁵.

Приблизительно к этому же времени относится употребление термина ‘царство’ по отношению к правлению великого князя Михаила Александровича Тверского в тексте, созданном после его смерти (1399), вероятно, не без участия епископа тверского Арсения (ум. 1409)⁸⁶.

№ 43. высть яко же исходящѹ лѣтѹ тридесѣтъ(ь) четвертому дръжавныя области Тѣмьскаго настолюваніа и мирнаго *царства* Млихана, достославнаго великаго князя⁸⁷.

В несколько более позднюю эпоху находим употребление слова ‘царь’ применительно к великому князю Витовту Литовскому (в крещении Александр) в похвальном слове, написанном вскоре после его смерти и сохранившемся в составе литовской летописи. Здесь упоминаются съезды правителей, в том числе и посвященные подготовке венчания на царство Витовта, которое так и не состоялось⁸⁸. Чтобы подчеркнуть власть Витовта, автор текста подчеркивает, что даже сам император Сигизмунд, представитель Люксембургской династии, отправился в Луцк по приглашению великого князя Литовского. Вот как начинается повествование об этих событиях:

№ 44. иж естъ *царь* надо всею землею, и тон пришедъ, поклонися славному *царю*, великому князю Александрѹ⁸⁹.

В самом конце интересующего нас периода мы находим прилагательное ‘царский’ для характеристики поведения молодого Михаила Александровича Тверского в поздней редакции похвалы этому князю, выполненной в середине XV века по заказу великого князя Бориса Александровича Тверского⁹⁰:

⁸⁴ Грамоты XIV ст., 9, 13, 19.

⁸⁵ A. Vaillant, La Zdonščina, épopée russe du XVe s., Paris, 1967, 3. Автор переводит термин ‘царь’ словом ‘roi’ (23). О датировке текста см. с. IX.

⁸⁶ О разных редакциях похвалы Михаилу Александровичу см. В. И. Дубенцов, К вопросу о так называемом «Летописце княжения Тверского» // ТОДРЛ, XIII, 1957, 118—157.

⁸⁷ ПСРЛ, XV, I, изд. 2-е, Петроград, 1922, кол. 168.

⁸⁸ Об этом тексте см. М. Грушевський, Похвала великому князю Витовту: кілька уваг про найдавнішій русько-литовської літописи // Записки Наукового товариства имени Шевченка, VIII, 1895, 1—16.

⁸⁹ ПСРЛ, XVII, Спб., 1907, кол. 102—103; М. Грушевський, *op. cit.*, 7.

⁹⁰ См. сн. 86.

№ 45. игорѣ же и безчиніа ненавидяще и неѣпаа глаголющихъ ꙗклоняшеся, но и дружинѣ благоумнѣ съвѣкꙋпаяше собѣ и съ тѣми царскими ꙗтѣшенми благочиннѣ веселящеся⁹¹.

Отметим, что в этом тексте, практически современном похвальному слову Борису Александровичу, термин 'царь' встречается крайне редко, тогда как инок Фома пользуется им достаточно активно⁹².

Последний пример, имеющийся в нашем распоряжении, снова связан со святым Владимиром Киевским. Дальний потомок Владимира, Василий II Темный, называет его 'царем' в послании 1441 г., адресованном патриарху Митрофану. В этом послании Василий II просит епископа разрешить ставить митрополита без санкции Константинополя и в обоснование своей просьбы пространно излагает историю установления церковной иерархии на Руси основателем киевской государственности:

№ 46. Взимаеѣ же къ себѣ, онѣ великіи новии Костяньтинѣ, а рекѣ благочестивии царь Рꙋсскіа земля Владимирѣ, на свое отечество..., отъ святѣи великіа съборнии и апостольскіа Церкве Царствꙋющаго града, Премꙋдрости Божіа... на Рꙋсскꙋю землю митрополита⁹³.

Несмотря на возможную неполноту, собранный корпус примеров позволяет сделать некоторые выводы, которые мы примем за рабочую гипотезу.

Первый вывод касается чисто количественного фактора: использование термина 'царь', а также его производных до середины XV в. является фактом исключительным: примерно в трех десятках текстов обнаружено 46 примеров. В 22-х отрывках титул 'царь' стоит перед именами русских князей (№№ 1, 2, 3, 7, 9, 10, 14?, 16, 18—20, 25, 27, 29, 30, 33, 39—42, 44, 46); в 2-х случаях князь сравнивается с 'цесарем' (№№ 21, 28), в 3-х фрагментах имя русского князя помещено в контекст цитаты из Библии или из патристики, содержащей термин 'царь' (греч. βασιλεὺς; №№ 4, 15, 35, 36); слова 'царствие' и 'царство' употреблены 7 раз (№№ 8, 23, 24, 26, 37, 38, 43), глагол 'царствовать' зафиксирован 6 раз (№№ 6, 12, 17, 31, 32, 34), наконец, прилагательное 'царский' (или адвербиальная форма 'царски') появляется 5 раз (№№ 5, 11, 13, 22, 45).

С точки зрения хронологии отметим редкость примеров, относящихся к XI веку: кроме тех, что содержатся в двух текстах, повествующих о Ярославе (№№ 1, 2), есть еще три, отмеченные в Сказании и страсти о Борисе и Глебе (№№ 3—5)—произведении, датировка которого XI веком не является абсолютно доказанной. Однако в XII веке слово 'царь' явно упрочило свои позиции: к этому времени относятся 19 примеров (№№ 6—24), а если датировать Сказание о Борисе и Глебе 1115 г., то 22 (№№ 3—5).

В монгольский период применение титула 'царь' к русским князьям снова становится редким фактом: даже учитывая все данные, связываемые с различными территориями (галицко-волынской, северо-восточной, литовской), для двух веков фиксируется всего 22 примера (№№ 25—46), к которым, возможно,

⁹¹ ПСРЛ, XV, (2), Спб., 1863, кол. 467.

⁹² См. сн. 17.

⁹³ РИБ, VI, кол. 527—528.

следовало бы присоединить два не собственно русских свидетельства — Максима Плануды и договора 1417 г.; в этом случае их число увеличится до 24.

Второй вывод носит лингвистический характер: обычно слово ‘царь’ не допускает детерминантов, за исключением притяжательных (мой, твой, наш, ваш). Отклонения от этого правила редки: если оставить в стороне не собственно русские источники, в которых детерминант был необходим в силу контекста, можно отметить лишь отрывок, где Роман Мстиславич Волынский назван «цесарь в Рускои земли» (№ 25)⁹⁴, а также примеры с упоминанием имени святого Владимира или его предшественников, причем в самой посмертной титулатуре нет единообразия — наряду с титулом царь русский (№№ 30, 42) мы находим царь Русскіа земля (№№ 46). С другой стороны, слово ‘царь’ никогда не соединяется существительными самодержъць (фиксируется обычно в форме самодръжьць или самодержъць) или самовластьць (самовластець)⁹⁵. Отметим, что болгары и сербы, используя царский титул, обычно прибегали к детерминантам (царь болгар и римлян, царь сербов и греков) и, по крайней мере в XIII и XIV веках, применяли византийскую формулу βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ⁹⁶. Можно предположить, что если бы русские правители приняли титул «царь россов» или «царь в русской земле», даже отказавшись от притязаний на господство над «римлянами» — которых у них и не было⁹⁷, — этот полный титул был бы засвидетельствован даже в нарративных источниках. Поэтому следует, вероятно, считать, что титул ‘царь’, примененный к русским князьям, вовсе не был связан с собственно ‘царскими’ функциями правителя Руси. Исключением можно считать использование этого термина галицкими или московскими книжниками XV в. по отношению к святому Владимиру и киевским князьям XI в., что отражает их представления об этих правителях.

Наше предположение подтверждается третьим выводом: вопреки мнению Б. А. Рыбакова⁹⁸, титул ‘царь’ в домонгольскую эпоху не соотносился исключительно со «старшим» киевским престолом (столю старшыи). Если классифицировать корпус примеров XI и XII вв. по географическому признаку, то получим следующий результат:

- княжество киевское: №№ 1, 2, 7—9, 12, 17—19, 22—24, всего 12 примеров;
- княжество ростовское и муромское (где, согласно некоторым источникам, в 1015 г. воцарились Борис и Глеб): №№ 3—5, 10, 16, всего 5 примеров;
- княжество владимирское и суздальское: №№ 13—15, всего 3 примера;

⁹⁴ О политическом, а не институциональном смысле выражения «цесарь в Рускои земли» применительно к князю Волынскому Роману Мстиславичу (№ 25) см. наст. ст., ниже. Выражение ‘царствовать в всей Руской земли’, зафиксированное в похвале Ростиславу Мстиславичу (№ 12), также не имеет институционального значения, см. выше; к тому же употреблению глагола ‘царствовать’ в какой-то степени способствовала поздняя и ограниченная экспансия глагола ‘княжить’; см. об этом ниже.

⁹⁵ Об использовании этого термина в русских памятниках см. ниже.

⁹⁶ Basileus Boulgarías или Basileus Boulgarôn kai Rômanôn в эпоху первого Болгарского царства; ц(а)р блгаром и гръком или въ Х(рист)а Б(ог)а вѣрнь ц(а)р и сам(о)дръжець всѣмъ Блгаром во времена второго болгарского Царства; въ Христа Бога благовѣрни царь Сръбиемъ и Гръкомъ в период правления Стефана Душана, хотя в последнем случае зафиксировано несколько примеров, где последние два слова опущены; см. G. Ostrogorsky, op. cit., 129—141, 154—157.

⁹⁷ См. A. Poppe, Le prince et l'Eglise, 109—110.

⁹⁸ См. сн. 3.

— княжество смоленское: №№ 20, 21, всего 2 примера;
 — княжество черниговское: № 11 (напомним, что этот пример касается князя, который принял монашеский постриг и, таким образом, сложил с себя политические полномочия);

— один пример (№ 6) касается всех русских князей.

Итак, из 24 употреблений термина 'царь' или его производных только половина связана с киевскими князьями.

Тот факт, что у этих князей не было монополии на использование титула 'царь', объясняет его эпизодическую фиксацию на галицкой и волынской территориях. Во всяком случае, его распространение в этих княжествах явно не имеет того значения, которое обычно ему придается⁹⁹. В реальности помимо случаев, когда титул 'царь' относится к Владимиру Святославичу или другим киевским князьям XI в. (№№ 30—32, 39—41), есть только 5 примеров употребления терминов 'царь' или 'цесарство', из которых 4 применены к Владимиру Васильковичу Владимирскому и Волынскому (№№ 26—29), а 2 или 3 случайных примера (№№ 25, 28?, 29) заимствованы из других памятников.

Что же касается северо-восточных земель в период XIV—XV вв., то, насколько позволяют судить источники, термин 'царь' и его производные используются в текстах, созданных на этой территории, крайне редко до середины XV века. Отмеченные употребления служат для характеристики князей, которые имели политическую власть над всеми княжествами, находившимися на данной территории, или добивались таковой, т.е. по отношению к великим князьям Тверским (№№ 33, 34, 43, 45) и Московским (№№ 35—38).

Титул 'царь', встречающийся sporadически и характеризующий разных князей, не был связан в Древней Руси ни с каким обрядом поставления на царство (впервые венчание на царство состоялось в 1498 г. в Москве при восшествии на престол Дмитрия Ивановича, внука Ивана III), сопоставимым, например, с венчанием на царство Стефана Душана (1346), не связан он также ни с какой религиозной церемонией, которая могла бы быть приравнена к такому обряду, как, например, совершенная в 913 г. патриархом Николаем Мистиком для Симеона Болгарского¹⁰⁰. В частности, посылка Алексеем I Комнином венца Владимиру Мономаху — событие, известное нам только из источников XIII в., — не может интерпретироваться как подобный обряд: этот жест символизировал лишь признание князем, получившим подарок, первенства императора¹⁰¹. Конечно, произведенный нами разбор источников с точки зрения хронологии показал, что употребление титула 'царь' стало относительно частотным в Киеве с начала XII в., точнее, после правления Мономаха (1113—1125), однако мы обнаружили несколько примеров, относящихся к более раннему времени, а также примеры применения титула 'царь' к некиевским князьям. К тому же, если бы употребление титула 'царь' являлось следствием факта церемонии, устроенной для Владимира Мономаха¹⁰² или другого князя, то тексты отражали бы этот титул более регулярно. Чтобы убедиться в этом, достаточно констатации того факта, что по-

⁹⁹ См. сн. 13.

¹⁰⁰ См. D. Obolensky, *The Byzantine Commonwealth*, 254, 107—109; новый взгляд на церемонию 913 г. излагается в: V. Tăpkova-Zaimova, *op. cit.*, 291—292.

¹⁰¹ См. T. Wasilewski, *op. cit.*, 48.

¹⁰² Напомним, что такого мнения придерживался В. С. Иконников, см. сн. 11.

сле венчания на царство Даниила Романовича (1253) в галицкой летописи новый титул 'король' вытесняет термин 'князь', причем замена затрагивает также и характеристику его сыновей, которые называются иногда «королевъ сынъ»¹⁰³. Ничего подобного не отмечено в источниках для титула 'царь' вплоть до... 1547 г., что могло бы полностью перечеркнуть гипотезу о связи титула с обрядом венчания, если бы в том была необходимость. Напротив, термин 'царь' и его производные часто встречаются во фразе по соседству со словом 'князь', идет ли речь о Борисе и Глебе (№ 3, 4), Владимире Мономахе и других современных ему князьях (№ 6), Мстиславе Владимировиче (№ 7), Андрее Боголюбском (№ 13, 14), Изяславе Мстиславиче (№ 18, 19), Рюрике Ростиславиче Киевском (№ 22), Михаиле Ярославиче (№ 33, 34), Михаиле Александровиче Тверском (№ 43), Иване Калите (№ 35, 36) или о киевских князьях X в., упоминающихся в поздних источниках (№ 31, 32, 42).

Аналогичный вывод можно сделать на основании исследования функционирования политической лексики в памятниках XV (похвалы Борису Александровичу Тверскому, похвалы Дмитрию Донскому, а также Слова против латинян). По всей вероятности, образованные книжники с XI по XV в. не видели большой разницы между терминами 'царь' и 'князь', когда эти титулы применялись по отношению к русским князьям. Изучение бытования этих двух терминов в церковных текстах, где они употребляются в более общем значении, также подтверждает наш вывод.

Действительно, хотя, как мы уже говорили выше, греческий термин βασιλεύς чаще всего передается словом 'царь'¹⁰⁴, представлены и случаи перевода его при помощи термина 'князь'¹⁰⁵, в частности, когда речь идет о монархе вообще, in abstracto, а не о конкретном правителе (например, царе Израиля). Так, Лука Жидята, епископ новгородский (1036—1061), так перевел знаменитую фразу из Первого послания Св. Петра (II, 17): Бога боятся, князя чтите¹⁰⁶ (греч. τὸν θεὸν φοβεῖσθε, τὸν βασιλέα τιμᾶτε).

Такое употребление термина 'князь' широко представлено, как замечает А. Поппэ¹⁰⁷, в Изборнике 1076 г., рукописном сборнике, в котором достаточно точно отразились интеллектуальная и нравственная концепции образованной киевской элиты XI в.¹⁰⁸. Так, например, в отрывке, также восходящем к тексту Св. Петра, находим еще один пример передачи греческого βασιλεύς при помощи слова 'князь': **боятся ѹченикъ ѹчителева слова, паче же самого ѹчителя, также бояися Б(ог)а, боятся и князя, имже казнятъся съгрѣшяющии. Князь бо**

¹⁰³ См. D. Skakalski, La principauté de Galicie-Volhynie au XIIIe s., машинопись, Paris, 1969, II, 32; ПСРЛ, II, кол. 826—827 и след., G. A. Perfecky, op. cit., 67—68 и след., D. Skakalski, op. cit., I, 143—144 и след. (перевод текста на французский язык).

¹⁰⁴ См. сн. 22. Разумеется, каждый раз, когда в Библии речь идет о противопоставлении между василевсами (лат. basileus) и архонтами (лат. principes), регулярно находим 'цари' и 'князи'.

¹⁰⁵ Заметим, что южные славяне передавали греческий термин basileus, даже в собственно политических текстах, не только словом 'царь'; так, например, до венчания на царство Стефана Душана (1346) византийская формула en Christō tō theō pistos basileus переводилась следующим образом: в Христа Бога благовѣрни краль; см. K. Jireček, op. cit., 10; G. Ostrogorsky, op. cit., 152—154.

¹⁰⁶ Русские достопамятности, I, М., 1815, 10.

¹⁰⁷ A. Poppe, Le prince et l'Eglise, 109.

¹⁰⁸ См. N. P. Popove, L'Zbornik de 1076, dit de Sviatoslav, comme monument littéraire // Revue des études slaves, XIV, 1934, 5—25.

есть Б(о)жи слуга къ чл(о)в(ѣ)комъ милостью и казнью зѣлымъ¹⁰⁹. Можно еще процитировать перевод проповеди святого Иоанна Хризостома: то, чл(о)в(ѣ)че, видѣвъ, понѣ акы земьному князю такоже и къ н(е)в(е)сьному ц(а)рю пристѣпи съ боязнью¹¹⁰, где русское слово 'князь' передает, по всей видимости, греческое βασιλεύς¹¹¹.

Аналогичные примеры можно обнаружить в вошедшем в Повесть временных лет Сказании о гибели Бориса и Глеба—тексте, окончательная редакция которого восходит к началу XII века. Например, фрагмент из книги Екклесиаста (X, 16) οὐαί σου πόλις ἥς ὁ βασιλεὺς σου νεώτερος переведен так: Лютѣ во граду томѣ, в немъ же князь ѹнѣ. Однако чуть выше находим свободное переложение отрывка из книги Даниила (V, 21), где дважды деятельность князя уподобляется царской: Святополкъ... помысливъ высокоумнемъ своимъ, не вѣды яко Богъ даеѣтъ власть, емѣ же хоѣетъ, поставяеѣтъ во цесаря и князя вышнии, емѣ же хоѣетъ, дастъ. Аще бо кая земля ѹправитъя пред Богомъ, поставяеѣтъ ен цесаря или князя праведна, любяща сѣдѣти и правду¹¹².

Это отождествление в еще более эксплицитной форме представлено в одном из посланий митрополита Никифора Владимиру Мономаху. Рекомендую князю чтение Псалма СІ, он пишет: тыи еѣтъ истинни икѹнникъ царское и княжское икѹны¹¹³.

Концепция близости княжеской и царской власти, сложившаяся среди образованных средневековых книжников, отражена также в Мериле Праведном, юридическом компилятивном своде, окончательно сложившемся в Твери в XIV веке¹¹⁴. В этой книге находим, среди прочих, еще одну цитату из послания Св. Петра (II, 13), в которой греческому βασιλεὺς соответствует 'цезарь', однако сам текст озаглавлен «От бчелы избрано о княженъи». Чуть ниже термин βασιλεὺς снова передан словом 'князь', на этот раз в знаменитом фрагменте из Агапита¹¹⁵.

В эту же эпоху Акиндин в послании Михаилу Ярославичу (к вопросу о терминологии Агапита нам еще придется вернуться) явно сближал понятия 'царь' и

¹⁰⁹ Изборник 1076 года, М., 1965, 242.

¹¹⁰ Там же, 675.

¹¹¹ Там же, 816; J. P. Migne, Patrologiae cursus completus, series graeca, LXIII, Paris, 1860, кол. 898—899.

¹¹² ПВА, 94—95; на близость тексту книги пророка Даниила было указано А. С. Львовым, ор. cit., 198. О происхождении текста см. А. А. Шахматов, Разыскания о древнейших русских летописных сводах, Спб., 1908, 29—97.

¹¹³ Русские достопамятности, 74—75. Термины 'царь' и 'князь' сближаются также в Канонических ответах митрополита Иоанна II (XI век), РИБ, VI, кол. 5; однако этот текст восходит к греческому оригиналу, и здесь речь может идти о транспозиции греческого словосочетания οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ ἄρχοντες, засвидетельствованного в Библии (см., например, книгу пророка Иеремии, II, 26, XVII, 25, XLIX, 38).

¹¹⁴ См. Г. И. Вздорнов, Из истории искусства русской рукописной книги X—XIV вв. // Древнерусское искусство, М., 1972, 166—170.

¹¹⁵ Мерило Праведное (Москва, Библ. Ленина, ф. 304, № 15), л. 27—27v., см. факсимильное издание М. Н. Тихомиров, М., 1961, 53—54). Полное исследование политической лексики Мерила Праведного, несомненно, могло бы дать ценные результаты. Приведем некоторые уже опубликованные статистические данные, которые понадобятся нам для дальнейшего изложения: термин 'царь' встречается в тексте 51 раз, 'князь' — 65 раз; см. Л. В. Вялкина и Г. Н. Лукина, Материалы к частотному словарю древнерусских текстов // Лексикология и словообразование древнерусского языка, М., 1966, 268.

‘князь’, говоря о взаимоотношениях правителя и Церкви¹¹⁶. В конце XIV в. равенство между царем и князем в том, что касается законодательства, подчеркивалось митрополитом Киприаном в послании Пскову 1395 г., где по поводу грамоты, выданной городу в XIII в. Александром Невским, написано: **въ томъ волень всякій царь въ своемъ царствѣ или князь въ своемъ княженьи, всякая дѣла управляетъ и грамоты записываетъ**¹¹⁷.

Эти примеры показывают, что для средневекового человека в Древней Руси изначально не было никакой разницы между институтом княжества и царской властью. Тем не менее нужно отметить, что в первый период, соотносимый с XI в., термин ‘князь’ чаще всего используется для обозначения in abstracto монарха, слово же ‘царь’ начинает употребляться таким образом с XII в. Так, например, в это время епископ Кирилл Туровский, говоря в притче о душе (Повесть о белоризце человеце и о души и о покаянии) о воображаемом правителе, использует исключительно термин ‘царь’¹¹⁸. Так же обстоит дело и в переводном Житии Варлаама и Иоасафа, памятнике, бытовавшем на Руси с XII в.¹¹⁹

Заметим, что замена слова ‘князь’ на слово ‘царь’ в контекстах, где речь идет вообще о правителе, совпадает по времени с моментом, когда второй термин с относительной частотностью начинает использоваться для обозначения русских князей.

Итак, изучение связей, существовавших между словами ‘царь’ и ‘князь’, подтверждает наше первоначальное предположение: применение титула ‘царь’ к русским князьям в текстах не отражает никакой новой реальности; оно связано лишь с эволюцией русской политической лексики, повлиявшей на расширение сферы значений термина ‘царь’.

Отметим также, что когда в начале XV в. при литовском дворе возникла необходимость в новом слове для обозначения правителя (в дополнение к традиционному термину ‘князь’), то было выбрано слово ‘господарь’ (‘государь’), а не ‘царь’. Этот новый титул, происхождение которого неясно, засвидетельствован в литовско-русских источниках как дипломатического, так и повествовательного характера, откуда он и перекочевал в Москву в середине XV в.¹²⁰ В похвале Витовту слово ‘государь’ регулярно используется для обозначения великого литовского князя, а в начале текста оно даже оказывается противопоставленным термину ‘царь’, употребленному в обобщенном смысле¹²¹. Что же касается слова ‘царь’ в примере № 44, то выбор его легко объясняется желанием автора похвального слова провести параллель между царем «надо всею землею» (т. е. германским королем) и царем Александром (Витовтом) и подчеркнуть тем самым могущество последнего¹²².

¹¹⁶ Там же, с. 35.

¹¹⁷ РИБ, VI, кол. 233.

¹¹⁸ Текст опубликован И. П. Ереминым (Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРА, XII, 1957, 348—354).

¹¹⁹ Житие Варлаама и Иоасафа, факсимильное изд. в: Издания Общества любителей древней письменности, LXXXVIII, Спб., 1887; см., в частности, с. 448. О времени появления памятника на Руси см. И. Шевченко, *op. cit.*, 148.

¹²⁰ См. G. Alef, The Political Significance of the Inscription on Muscovite Coinage in the Reign of Vasili II // *Speculum*, XXXIV, 1959, 6.

¹²¹ См. ПСРА, XVII, кол. 102; М. Грушевський, *op. cit.*, 6.

¹²² Нам удалось обнаружить также один пример применения титула ‘царь’ к члену династии Гедиминовичей Семену Александровичу Киевскому, правнуку Ольгерда. Он назван ‘царем’ в

Предложенная интерпретация материала заставляет нас поставить следующий вопрос: если за термином 'царь', примененном к русским князьям, в Средние века не стоял никакой особый институт власти, то, может быть, этот термин отражал конкретную политическую ситуацию, особо благожелательное отношение к князю, которому в источнике придан данный титул?

Очевидно, что такой смысл термина 'царь' легко прочитывается в некоторых фрагментах, процитированных выше, например, в галицких грамотах, где Владимир назван не только 'царем', но 'великим' (№№ 39—40), или в Задонщине, где упоминание о генеалогических связях между Дмитрием Донским и «Володимиром Киевским, царем русским» является, вероятно, своеобразным знаком славы, служащим для возвышения престижа победителя Куликовской битвы (№ 42). Несомненно, что фраза «его о(те)ць вѣ ц(е)с(а)рь в Рускомъ земли», возникшая под пером летописца, повествующего о княжении Даниила Романовича Галицкого, должна была вызвать воспоминания о политическом могуществе отца этого князя на юге Руси (№ 25). Можно отметить также, что титул 'царь' присваивается князьям, которые пользовались некоторым политическим авторитетом, даже если в контексте об этом ничего не говорится; см., например, отнесение этого титула к Ярославу Мудрому (№№ 1, 2), Андрею Боголюбскому (№№ 13, 15), Михаилу Ярославичу (№№ 33, 34), Михаилу Александровичу Тверскому (№№ 43, 45), Ивану Калите (№№ 35—38) и Витовту (№ 44). Но наряду с этими примерами можно привести другие, в которых титул применен к значительно менее могущественным князьям и даже иногда к тем, кто проиграл династические споры, как, например, Борис и Глеб (№№ 3—5), или Роман Ростиславич Смоленский, дважды изгнанный из Киева (1173, 1176; № 20)¹²³, или, наконец, Игорь Ольгович Черниговский, отрекшийся от княжеской власти ради монашеского платья (№ 11). Следовательно, политический авторитет не являлся непременным условием, диктовавшим применение титула 'царь' к русским князьям.

Более того: на политическое могущество князя, по крайней мере до XIII в., чаще всего указывал другой термин — самодержец (или самовластец). Так, хотя в отрывке из упомянутой уже галицкой летописи (№ 25) термин 'царь', позаимствованный, как мы убедились, из Александрии, служит для передачи идеи политического могущества Романа Мстиславича¹²⁴, в другом — начальном — фрагменте летописи тот же смысл передан выражением «самодержец всей Руси» — по см(е)рти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержца всея Руси¹²⁵.

молдавской летописи, где под годом 6871 (1463) читаем следующее: прият Стефанъ воевода себѣ господжа кягиня Еудокия от киева, сестра Семена царя (Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв., М., 1976, 26, см. также 63, 69, 106). Применение титула 'царь' к этому литовскому князю, сидевшему в Киеве, объясняется, возможно, политическими мотивами: молдавские воеводы пытались в это время представить себя наследниками Византии, прибегая для этого к различным средствам, в том числе матримониальным. Поэтому родственника Стефана Великого следовало именовать 'царем' (P. Ş. Nasturel, *Considération sur l'idée impériale chez les Roumains* // *Byzantina*, V, 1973, 403).

¹²³ См. Б. А. Рыбаков, Русские летописи, 26.

¹²⁴ Так, нам трудно согласиться с английским переводом (G. A. Perfecky, *op.*, cit. 58) «His father was the Emperor of Rus» по той причине, что данное выражение придает термину 'царь' институционный смысл, никак не подтверждающийся контекстом.

¹²⁵ ПСРА, II, кол. 717.

Этот же термин в начале Сказания и страсти Бориса и Глеба вводит тему княжения Владимира, который был 'самодержцем' на Руси (**сущю самодръжцю всен Р҃скѣи земли Володимерѹ, с(ы)нѹ Святославию**¹²⁶) до того, как наступил период смуты, когда погибли братья.

Впоследствии слово 'самовластец' было использовано летописцем для указания на то, что Ярослав после смерти брата Мстислава Тмутараканского (1036) стал единовластным правителем на Руси: **Мѣстиславъ... ѹмре..., посемъ же перея власть его всю Ярославъ и бысть самовластецъ Р҃скѣи земли**¹²⁷. В Ипатьевской летописи употреблен еще более ясный термин 'единовластец'¹²⁸. Действительно, в этих случаях термины 'самовластец' и 'единовластец' отражают ту же реалью, что и выражение **вѣ володѣя едины в Р҃си**, при помощи которого в Повести временных лет характеризуется правление Ярополка в 977 г.¹²⁹

В другом примере термин 'самовластец' передает идею абсолютной монархической власти, противопоставляя ее иным социально-политическим институтам. Речь идет об отрывке из киевской летописи, где рассказ об изгнании Андреем Боголюбским епископа, а также членов княжеской семьи и некоторых советников Юрия Долгорукого заканчивается следующей ремаркой: хотя самовластецъ быти **всѣи Суждальской земли**¹³⁰.

Все эти примеры говорят о том, что именно термины 'самодержец' или 'самовластец', а не термин 'царь' указывали на абсолютную монархическую княжескую власть, однако и в этом случае речь не идет об обозначении политического института¹³¹.

Наконец, если говорить о политическом значении, предполагающемся у термина 'царь', необходимо затронуть еще один вопрос. В. А. Кучкин, комментируя употребление глагола 'царствовать' в отрывке из рассказа о смерти Михаила Ярославича (№ 34), предположил, что при помощи этого слова передается идея наличия особых прав князей Тверских на русские земли в противовес власти татарских ханов¹³². Подобная интерпретация одного изолированного примера не представляется убедительной. Не следует ли видеть в употреблении глагола 'царствовать', скорее, литературный прием, служащий для противопоставления славного прошлого князя тем унижениям, которым он как несостоятельный должник был подвергнут в Золотой Орде перед смертью? Мы полагаем, что этот отрывок сопоставим с той частью галицкой летописи, где слава «цесаря» Романа Мстиславича сравнивается с унижением его сына Даниила (№ 25). С другой стороны, как будет видно из дальнейшего изложения, использование деривата от слова 'царь' может объясняться самим фактом мученичества Михаила Ярославича.

Итак, рассмотрение источников, произведенное нами, позволяет сделать два вывода негативного характера: нет оснований считать, что титул 'царь', приме-

¹²⁶ Die altrussischen hagiographischen Erzählungen, 27; Успенский сборник, 43, л. 8b.

¹²⁷ ПВЛ, 101.

¹²⁸ ПСРЛ, II, кол. 138.

¹²⁹ ПВЛ, 54.

¹³⁰ ПСРЛ, II, кол. 520.

¹³¹ Отметим еще раз четкое отличие этой ситуации от того, что можно наблюдать у южных славян, где внутри политической терминологии слово 'самодержец' имело официальный статус как в соединении со словом 'царь' (см. сн. 96), так и в изолированном употреблении (например, у сербов); см. G. Ostrogorsky, *op. cit.*, 141—160.

¹³² См. сн. 79.

ненный к русским князьям, означал особый институт власти, отличный от того, который обозначался термином 'князь'; с другой стороны, титул 'царь' не отражал никакой конкретной политической реальности и не служил для передачи каких-либо особых притязаний политического характера¹³³.

Тем не менее примеры использования термина 'царь' достаточно многочисленны для того, чтобы попытаться выявить причины, диктующие его появление в тексте.

Первое наблюдение, которое позволяют сформулировать приведенные выше примеры, опирается на хронологию источников и, следовательно, верно в той степени, в какой датировки этих источников могут считаться надежными. Употребление термина 'царь' применительно к русскому князю получает относительно распространение с начала XII в., т. е. с момента активного проникновения византийских политико-религиозных теорий на Русь, о чем свидетельствуют послания митрополита Никифора (1104—1121), адресованные Владимиру Мономаху¹³⁴, а также бытование произведений Агапита в составе сборника «Пчела» (Μέλισσα)¹³⁵. Равенство природы княжеской и царской власти признавалось уже в XI в., однако провозглашение этой идеи таким человеком, как Никифор¹³⁶, должно быть, способствовало росту употреблений термина для характеристики русских князей. К тому же этот термин, вероятно, благодаря распространению многочисленных переводов византийских сочинений, расширил сферу применения, как было видно из приведенных ранее примеров.

Таким образом, появление термина 'царь' как элемента русской княжеской титулатуры само по себе свидетельствует о перенесении на Русь византийских теорий, касающихся природы монархической власти, но, конечно, он не является единственным выражением этой эволюции русской политической мысли. Это свидетельство должно быть поставлено в один ряд с другими, например, с использованием эпитетов 'благоверный' (в соответствии с греч. εὐσεβής, εὐσεβήτατος) или 'христолюбивый' (в соответствии с греч. φιλόχριστος, φιλοχριστότατος)¹³⁷ применительно к русским князьям — историю распространения этих эпитетов на Руси еще предстоит исследовать — и, особенно, с наличием царских атрибутов в русской княжеской иконографии¹³⁸.

¹³³ Этот последний вывод отличается от того, к которому приводит рассмотрение употребления термина 'царь' в нарративных румынских источниках конца XV и XVI в., где он является знаком притязаний на византийское наследие; см. *P. S. Nasturel*, *op. cit.*, 410—411.

¹³⁴ См. *F. Dvornik*, *Byzantine Political Ideas in Kievan Russia* // *Dumbarton Oaks Papers*, IX/X, 1956, 110—114. Правление Владимира Мономаха, таким образом, являлось определенным этапом в истории титула 'царь' на Руси, как и предполагал В. С. Иконников, однако совсем не по тем причинам, о которых говорил русский историк.

¹³⁵ См. *I. Ševčenko*, *op. cit.*, 144.

¹³⁶ См. сн. 113. Заметим, впрочем, что Никифор, уравнивая княжескую и царскую власть, обращается к генеалогии и указывает на княжеское (по линии отца) и царское (по линии матери) происхождение Владимира Мономаха; см. *Русские достопамятности*, 63.

¹³⁷ Об использовании этих эпитетов в Византии см. *R. Guiland*, *Etudes byzantines*, Paris, 1959, 218; *L.-P. Raybaud*, *Le Gouvernement et l'administration centrale de l'Empire byzantin sous les premiers Paléologues*, 1258—1354, Paris, 1968, 93.

¹³⁸ См. библиографию, приведенную М. Чернявски (*M. Cherniavsky*, *Khan or Basileus*, 461, № 5; а также *A. Poppe*, *Le prince et l'Eglise*, 113, № 54; того же автора *Państwo i Kościół na Rusi w*

Данная точка зрения облегчает понимание того факта, что наряду со словом 'князь' и его производными русские книжники, говоря о русских князьях, время от времени прибегали к термину 'царь' и его однокоренным образованиям. К тому же этот узус поддерживался употребительностью таких, например, слов, как глагол 'царствовать' или существительное 'царствие', в старославянских текстах, тогда как слова 'княжить' и 'княжение' появляются поздно и имеют ограниченную экспансию¹³⁹.

Однако нельзя не обратить внимания на некоторое угасание использования титула 'царь' применительно к русским князьям, наблюдаемое с XIII в. Возможно, причину следует видеть в том, что Русь подчинилась господству татарских 'царей'. Такое объяснение отчасти подтверждает гипотезу И. И. Срезневского и Т. Вавельски, которые видели в употреблении титула 'царь' применительно к русским князьям стремление утвердить политическую независимость русского государства,¹⁴⁰ а также предположение М. Чернявски о том, что золотоордынский хан воспринимался в XIII—XIV вв. на Руси как 'царь', чья власть гораздо более реальна, чем власть далекого *basileus*'а¹⁴¹.

Тем не менее эта ситуация не привела к полному исчезновению практики применения термина 'царь' к русским князьям. Этот факт позволяет нам предположить, что если усвоение византийских политических доктрин русскими правящими кругами и создает *возможность* называния русских князей 'царями', все же главные причины употребления титула 'царь' в конкретных контекстах следует искать вне политической сферы.

Беглый обзор процитированных выше текстов выявляет следующую важную закономерность: в большинстве примеров (32 из 46) речь идет о князьях, умерших задолго до появления памятника или же непосредственно перед его созданием (№№ 1—5, 10—12, 15, 16, 19—21, 25, 28—32, 34—46).

Среди этих примеров пять повествуют о князьях-мучениках, или, точнее, о страстотерпцах: о Борисе и Глебе (№№ 3—5, 10, 16) и, в XIII в., об Игоре Черниговском (№ 11), причем речь не идет о страданиях, принятых во имя Христа. К числу таких употреблений может быть отнесен и рассказ о Романе Ростиславиче, поскольку имя, полученное им при крещении, определило возникновение в тексте темы уподобления его судьбы участи Бориса-Романа (№ 20); подобным же приемом воспользовался и воынский летописец, повествуя о Владимире Васильковиче (№ 29). Применение титула 'царь' к этим двум князьям в контекстах, где говорится об их смерти, по всей видимости, связано с идеей «досады», выпавшей им на долю при жизни, — одному от «смолян», а другому от «сродник».

Среди использованных нами в обзоре памятников два — содержащие рассказ об убитых князьях Андрее Боголюбском и Михаиле Ярославиче Тверском — позволяют с литературной точки зрения усмотреть в повествовании влияние сюжета о Борисе и Глебе¹⁴².

XI wieku, Warszawa, 1968, 79—82; М. В. Свердлов, Изображение княжеских регалий на монетах Владимира Святославича // Вспомогательные исторические дисциплины, IV, 1972, 151—159.

¹³⁹ См. А. С. Львов, *op. cit.*, 200—202.

¹⁴⁰ См. сн. 2 и 4.

¹⁴¹ См. сн. 29.

¹⁴² См. Н. Н. Воронин, *op. cit.*, 88; В. А. Кучкин, *op. cit.*, 238—241; М. Cherniavsky, *Tzar and People: Studies in Russian Myths*, New Haven-London, 1961, 11—16.

Наконец, из трех отрывков, касающихся Изяслава Мстиславича Киевского, в одном говорится хотя и не об убитом, но о раненом князе (№ 18).

Здесь мы сталкиваемся с темой 'царя-мученика' (напомним, что латинское слово *rex*, как и славянское 'царь', соотносится с греческим βασιλεύς), представленной в политико-религиозной доктрине Римской империи и раннего Средневековья. Так, например, она развивается в Диалогах святого Григория Великого: говоря об убийстве вестготского правоверного принца Герменегильда его отцом-арийцем Леовигильдом, автор таким образом описывает чудо, произошедшее на могиле жертвы: «Nam coepit in nocturno silentio psalmodiae cantus ad corpus ejusdem regis et martyris audiri, atque ideo veraciter regis quia martyris»¹⁴³. Вряд ли возможно в рамках данного исследования представить сравнительный обзор упоминаний о 'короле-мученике' в средневековых христианских памятниках. Однако даже из бегло намеченного сближения следует, что рассмотрение этой темы исключительно на русском материале, как это делалось до сих пор¹⁴⁴, обедняет ее; она предстает во всей полноте только при глобальном исследовании образа *rex-basileus* в национальных культурах, наследовавших в том или ином виде римскую идею императорской власти, обогащенную библейским влиянием¹⁴⁵.

Что же касается наших памятников, то тема 'царя-мученика' позволяет объяснить использование титула 'царь' не более чем в 12 или 13 примерах (если допустить, что термин 'царь' появляется во фрагменте № 28 под влиянием контекста № 29, где переданы жалобы вдовы Владимира Васильковича). Однако 22 примера, где термин 'царь' также применен к умершим русским князьям, не подпадают под такое объяснение. Тем не менее в большинстве своем эти примеры — за исключением тех, где бегло упоминаются Владимир или его предшественники, — имеют нечто общее: в них подчеркиваются религиозное рвение и нравственные добродетели почивших князей.

Уже в надписи из Святой Софии слово 'успение', появляющееся в части, посвященной смерти Ярослава Мудрого (№ 1), придает всему событию, как замечает С. А. Высоцкий, явный религиозный колорит; действительно, этот термин, присутствующий в православной литургике в названии Успение Богородицы (15 августа), фиксируется в русских памятниках киевской эпохи только в отнесении к святому Феодосию, игумену Киево-Печерского монастыря¹⁴⁶.

Религиозный характер похвального слова Ростиславу Мстиславичу (№ 12) — произведения, которое, по мнению Я. Н. Шапова, подготавливало канонизацию князя¹⁴⁷, очевиден: умерший князь заслужил Царство Небесное и... киевский престол (ц(а)рствовать в всей Руской земли) усердием, с которым он занимался устройством Церкви в Смоленске.

Изяслав Мстиславович назван в отрывке, где говорится о его смерти, не только 'царем', но и человеком «честным, благоверным и Христолюбивым» (№ 19).

¹⁴³ Gregorii Magni Dialogi libri IV, Rome, 1924, 206.

¹⁴⁴ См. Г. П. Федотов, Святые Древней Руси, New-York, 1960, 18—31; *его же*. The Russian Religious Mind, I // Kievan Christianity, Harvard, 1946, 94—106.

¹⁴⁵ Для поздней античной латинской традиции такое исследование проделано М. Рейделле (M. Reydellet, La Royauté dans la littérature latine de Sidoine Apollinaire à Isidore de Séville, 3 vol., машинопись, Paris, 1977).

¹⁴⁶ С. А. Высоцкий, *op. cit.*, 39; ПВЛ, 122.

¹⁴⁷ Я. Н. Шапов, *op. cit.*, 54.

В похвале Ивану Калите (№№ 35—38) читатель узнает не только о деяниях князя на благо Церкви — о чем еще пойдет речь, — но и о принятии им перед смертью монашества под именем Анания¹⁴⁸.

Точно так же правление Михаила Александровича Тверского (№ 43) названо 'царством' в тексте, созданном, предположительно, в ближайшем круге епископа Арсения и повествующем главным образом о постриге князя, происходившем при участии самого епископа¹⁴⁹.

В других случаях применение титула 'царь' по отношению к умершему князю сопровождается описанием его нравственных добродетелей. Так, Давид Ростиславич Смоленский уподобляется 'цезарю', поскольку он «любил дружину, а злых казнил» (№ 21). Позднее автор похвального слова Михаилу Александровичу прибегает к прилагательному 'царский', желая подчеркнуть благочинное времяпрепровождение молодого князя (№ 45).

Связь между применением титула 'царь' к русскому князю и его мученичеством, религиозностью или нравственными качествами, которую удалось наметить, основываясь на приведенных выше примерах, дает нам основания для сближения такого употребления с общей проблематикой религиозного культа умерших князей.

В данном исследовании упоминались имена князей, которые были канонизированы после смерти. Так, например, Владимир был признан святым, по крайней мере *de facto*, в XIII в.¹⁵⁰, т. е. до появления текстов, где он назван 'царем' (№№ 39—42, 46); Борис и Глеб официально канонизированы, по всей видимости, в 1072 г.¹⁵¹; канонизация Игоря Олеговича произошла, вероятно, до монголо-татарского нашествия, его культ в Чернигове существовал примерно с 1150 г.¹⁵²; Андрей Боголюбский, канонизированный только в 1702 г., стал объектом местного почитания вскоре после смерти¹⁵³, как и Михаил Александрович Тверской, местный культ которого был официально признан Собором только в 1549 г.¹⁵⁴ Что же касается других князей, то, не будучи причисленными к святым, почитавшимся всей русской Церковью, они все же являлись объектами местных культов. К их числу относятся Ярослав Мудрый, Ростислав Мстиславич, Иван Калита и Михаил Александрович¹⁵⁵. Из всех князей, получивших титул 'царь' после смерти, только двое — Роман Ростиславич Смоленский и Владимир Василькович Владимирский и Волынский, — по всей видимости, не были объектами почитания, однако мы убедились, что первый сравнивается с Борисом-Романом (№ 20), а применение термина 'царь' по отношению ко второму является калькой с титула Романа Ростиславича (№ 29).

Вообще же, как показал М. Чернявски, наши знания о культе умерших русских князей довольно фрагментарны и отрывочны, тем более что трудно провести четкие границы между князьями, удостоившимися особого культа, и теми, во-

¹⁴⁸ См. Н. А. Мещерский, *op. cit.*, 96.

¹⁴⁹ См. ПСРЛ, XV (I), кол. 168—176. О традиции пострига русских князей, принимаемого перед смертью, см. М. Cherniavsky, *Tsar and People*, 34—35.

¹⁵⁰ См. Е. Е. Голубинский, *История канонизации святых в русской церкви*, М., 1903, 63—64.

¹⁵¹ См. А. Рорфе, О времени зарождения культа Бориса и Глеба // *Russia mediaevalis*, I, 1973, 6—29 (резюме на немецком языке).

¹⁵² См. Е. Е. Голубинский, *op. cit.*, 58.

¹⁵³ См. там же, 59, 134.

¹⁵⁴ См. Е. Е. Голубинский, *op. cit.*, 67, 104.

¹⁵⁵ См. там же, 350—351, 355, 362, 365.

круг которых культа не сложилось, поскольку любой князь в принципе мог восприниматься как святой внутри или народной традиции, или политико-религиозной доктрины средневековой Руси¹⁵⁶. Так, применение титула 'князь' к умершим князьям в текстах-славословиях (№№ 1, 3—5, 10—12, 15, 16, 19—21, 28, 29, 34—38, 43—45) может интерпретироваться как один из способов провозгласить святость князя, официально канонизированного Церковью, или же заявить о наличии местного почитания в надежде на скорую канонизацию. Религиозное и нравственное содержание термина 'царь' оставалось актуальным еще в середине XV в., свидетельство тому находим в похвале Дмитрию Донскому¹⁵⁷.

Само собой разумеется, что применение титула 'царь' было лишь одним из способов констатации святости, причем совершенно необязательным для использования. Можно было бы привести множество примеров, когда князь ни в одном источнике не называется 'царем', хотя память о нем была глубоко чтима; так, например, обстоит дело с Александром Невским.

С другой стороны, использование титула 'царь' применительно к Владимиру Святославичу в грамотах, приписанных Льву Даниловичу (№ 39—41), и в Задонщине (№ 42) объясняется не только святостью князя (почитаемого с XIII в.), но и его политическим могуществом, о чем свидетельствует употребление упоминавшихся уже уточняющих детерминантов. Это могущество использовалось для утверждения прав православной Церкви на бенефиции в Галицких землях в конце XV в., а также для возвышения московского князя. Более того, в галицкой редакции Повести временных лет все киевские князья, включая язычников, называются 'царями' (№ 30), а глагол 'царствовать' применен по отношению к Рюрику и Олегу (№№ 31, 32). Таким образом, титул 'царь' не только свидетельствует о святости князей, но также передает идею политического могущества, но исключительно в тех случаях, когда речь идет об отдаленном прошлом; так, например, в тексте Библии или Александрии этот титул может применяться к языческим правителям, о чем уже говорилось.

Однако выявленные нами на примере некоторых отрывков связи между употреблением термина 'царь', с одной стороны, и святостью или политическим авторитетом князя, с другой стороны, не позволяют объяснить наличие этого титула в контекстах, где речь идет о живых князьях, находящихся у власти (№№ 6—9, 13, 14, 17, 18, 22—24, 26, 27, 33).

Первым князем, названным при жизни 'царем', является Мстислав Владимирович Киевский, удостоенный этого титула в колофоне Евангелия, переписанного Наславом (№№ 7—9). В XIII в. этот титул получает князь Владимир Волынский в колофоне рукописи святоотеческого содержания (№№ 26, 27).

Мы полагаем, что эти два примера находят аналогию в греческой традиции, где для датировки рукописи в колофоне упоминается имя правителя¹⁵⁸. Влияние византийской модели весьма вероятно в случае Евангелия Мстислава, поскольку писец, как нам известно, ездил в Константинополь, чтобы переписать рукопись. Скорее всего, составляя колофон по византийскому типу, он употребил термин 'царь', который в XII в. регулярно использовался для передачи греческого слова

¹⁵⁶ См. М. Cherniavsky, *Tzar and People*, 32.

¹⁵⁷ См. там же, 25—28.

¹⁵⁸ См. K. Treu, *Byzantinische Kaiser in den Schreibernotizen griechischer Handschriften* // *Byzantinische Zeitschrift*, LXV, 1972, 9—34 и 16—21.

βασιλεὺς. Можно также предположить, что писец, скопировавший сочинения святого Ефрема Сирина для кого-то из близкого окружения Владимира Васильковича, мог иметь перед глазами греческую рукопись, датированную временем правления монарха (нельзя забывать, что галицкие и волынские земли в XIII в. были своеобразным культурным перекрестком); следуя этому образцу, он старательно переложил его на русский манер.

Точно так же влиянием византийской модели можно попытаться объяснить трехкратное употребление производных от слова 'царь' в тексте, составленном игуменом Выдубецкого монастыря Моисеем с целью прославления великого князя Рюрика Ростиславича Киевского (№№ 22—24). Этот образец красноречия никак не связан с современной автору политической реальностью и восходит, как убедительно показал Ю. К. Бегунов, к византийской литературной традиции¹⁵⁹. Заметим, что греческое влияние в области титулатуры не ограничивается лишь использованием производных от слова 'царь', еще в большей степени оно проявляется в употреблении термина 'кюр' (№ 22) — неловкой транскрипции греческого κύριος.

Выше мы уже рассматривали пример № 18, где термин 'царь' применен по отношению к раненому князю.

Среди других примеров, касающихся здравствующих князей, только в одном (№ 17) может быть усмотрен политический смысл, впрочем, с трудом поддающийся толкованию. В этом фрагменте из летописи глагол 'царствовать', видимо, может быть заменен на глагол 'княжить'. Однако все прочие оставшиеся нерассмотренными примеры, как и примеры №№ 23—24, являются частью религиозных или церковных текстов.

Еще в начале XII в. митрополит Никифор, говоря о правлении русских князей, употреблял глагол 'царствовать', (№ 6). В одном из посланий греческий прелат разъяснял, в чем состоит религиозный долг правителя-христианина: он должен не только подчиняться нравственным канонам, установленным Церковью для всякого христианина, но также быть в ответе за спасение своих подданных: *молю Бога до конца ти съблюдену быти цѣлю: съблюдено же ти се вѣдетъ, аще въ стадо Христово не даси вѣкъ внити, и аще въ виноградъ, ниже насади Богъ, не даси насадити тръніа, но съхраниши преданіа старое (sic) отецъ твоихъ*¹⁶⁰.

Из этого следует, что внутри Церкви князь должен был обладать определенной властью. Эта власть в сознании греческого и русского духовенства ассоциировалась с ролью византийских правителей в церковной жизни. Предполагалось, что русские князья, подобно византийским императорам, которые, по крайней мере с V в., имели особые права при составлении диптихов — куда записывались, среди прочего, имена умерших достойных почитания христиан¹⁶¹, — должны принимать участие в канонизации святых. Именно в такой ситуации оказался Ярослав Мудрый, когда Нестор назвал его 'царем' (№ 2). Предполагалось также, что князь обязан принимать меры дисциплинарного характера; не случайно, говоря о низложении епископа Феодора Андреем Боголюбским, автор повествования, выходец из духовной среды, употребляет слово-

¹⁵⁹ См. сн. 66.

¹⁶⁰ Русские достопамятности, 70.

¹⁶¹ См. A. Michel, Die Kaisermacht in der Ostkirche, 843—1204, Darmstadt, 1959, 88—98.

сочетание «царская рука» (№ 13)¹⁶². Позднее, склоняя великого князя Михаила Ярославича действовать подобным же образом по отношению к митрополиту Петру, монах Акиндин напоминает князю, что он царь «в своей земле» и, следовательно, ему предстоит держать ответ перед Богом, если он займет пассивную позицию и не накажет митрополита, обвиненного в симонии (№ 33). Таким образом, подобно императору, обладавшему правом смещать патриарха, русские князья оказались облеченными правом низлагать митрополитов и епископов¹⁶³. Добавим, что Михаил Ярославич, по всей видимости, внял аргументам Акиндина и, применив на местном уровне модель императорской власти, созвал в 1310 г в Переяславль-Залесский иерархов для суда над Петром, причем самого великого князя представляли его сыновья¹⁶⁴.

То, что Акиндин, называя своего правителя 'царем', имел в виду лишь его роль в церковной сфере, подтверждается другим отрывком из того же послания, в котором проводится аналогия между функциями царя и князя в том, что касается Церкви, а также подчеркивается параллелизм функций царя (в более широком смысле?) и епископа: *а церкви Христовоу благодатию отъ нѣжи приреченн(ы)є свовожьшися отъ благочестивыхъ царь и князь нашихъ, (и) изрядныхъ іерѣи, яко кринѣ въ благоуханіе Христови процвѣтши. Святителство во и ц(є)с(а)рьство съединіемъ и бес порока законныя уставы твердо и неподвижно должны сѣть держати и творити: ово же божественнымъ слѣжа, ово же чловѣчьскими обладая; єдинѣмъ же началомъ вѣры и закономъ овоє происходя, чловѣчьскимъ обладая; єдинѣмъ же началомъ вѣры и закономъ овоє происходя, чловѣчьское украшаетъ житіє*¹⁶⁵.

Об этой же стороне власти русских князей, характеризующихся при помощи титула 'царь', идет речь в некоторых текстах, посвященных уже умершим князьям. Так, в похвале Ивану Калите открыто говорится о той роли, которую он играл во внутренней жизни Церкви. Создатель этого текста упоминает не только деятельность князя по возведению церквей (именно Ивану Калите принадлежит заслуга строительства первого Успенского собора в Москве), но также и его борьбу с «еретиками»: безбожнымъ ересамъ преставшимъ при его державѣ¹⁶⁶. Природа этих ересей, никак не отразившихся в других источниках (вероятно, речь идет, как и в эпоху Михаила Ярославича, о симонии¹⁶⁷), не представляет интереса для нашего исследования, важно лишь то, что князь, к которому в похвале применен титул 'царь', предстает как правитель, исполнявший по примеру императора функции защитника истинной веры¹⁶⁸.

Как мы уже говорили, употребление глагола 'царствовать' для обозначения правления Ростислава Мстиславича объясняется желанием автора похвального

¹⁶² Конечно, использование эпитета царский можно объяснить, так сказать, «царским» тоном летописи Андрея Боголюбского; см. Б. А. Рыбаков, Русские летописи, 74. Тем не менее заметим, что в этом тексте, изобилующем высокими эпитетами, прилагательное 'царский' употреблено только один раз во фрагменте, повествующем о внутрицерковных событиях, для характеристики князя в тот момент, когда он был занят делами Церкви; см. сн. 52.

¹⁶³ См. А. Michel, *op. cit.*, 70—72; L.-P. Raybaud, *op. cit.*, 105—108.

¹⁶⁴ См. В. С. Борзаковский, История Тверского княжества, Спб., 1876, 96—97.

¹⁶⁵ РИБ, VI, кол. 155.

¹⁶⁶ Н. А. Мещерский, *op. cit.*, 96.

¹⁶⁷ См. А. И. Клибанов, Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в., М., 1960, 120—121.

¹⁶⁸ См. А. Michel, *op. cit.*, 78—87.

слова подготовить канонизацию князя; однако князь превозносится не столько за его христианские добродетели, сколько за деяния, направленные на администрирование Церкви, т. е. за создание епископской кафедры в Смоленске и закрепление за ней бенефисов¹⁶⁹.

Наконец, Андрей Боголюбский называется 'царем' не только в уже прокомментированном отрывке, но и в тексте, связанном с местным культом святого Леонтия, первого ростовского епископа (№ 14), впрочем, как мы могли убедиться, история бытования этого текста не совсем ясна.

Все приведенные факты, в частности свидетельства таких ценных источников, как послания митрополита Никифора и монаха Акиндина, говорят о том, что в церковной иерархии русские князья, особенно Киевские, а впоследствии Владимирские, занимали особое место по отношению к епископату и, в частности, к митрополиту. Поскольку митрополит внутри русской Церкви, по меньшей мере *de facto*, был облечен властью, сопоставимой с властью патриарха «Вселенской Церкви», русский правитель в границах своих владений оказывался наделенным по примеру греческой церковной организации функциями, аналогичными функциям главы ойкумены.

Такое место князя (а с XII в. великого князя) в русской церковной иерархии подтверждается и другим фактом, на который уже давно указывали историки: вполне вероятно, что имена русских князей упоминались во время богослужений аналогично тому, как в греческой церковной практике упоминались имена императоров¹⁷⁰. Об этом же говорит и упоминание имен князей в колофонах рукописей, особенно связанных с богослужением, как, например, в Евангелии (№№ 7—9).

Наконец, хронологическое совпадение между временем, когда титул 'царь' все чаще начинает применяться к русским князьям, и эпохой, когда благодаря деятелям, подобными Никифору, распространяется доктрина, согласно которой князь наделяется церковной властью, вряд ли можно считать случайным. В таком совпадении можно усмотреть новое доказательство тому, что природу царской власти, которой периодически наделяются в текстах русские князья, следует искать не в области политики, а в религиозной и церковной сферах. Именно по этой причине русские князья продолжают время от времени называться 'царями' даже после установления политической власти татарских 'царей': очевидно, что они не могли отречься, оказавшись в подчинении у языческого хана или хана мусульманина, от духовной ответственности, которая устанавливалась византийской традицией.

Царские полномочия, которыми наделялись русские князья внутри местной Церкви, видимо, признавались Византией вплоть до падения Империи при ус-

¹⁶⁹ См. Я. Н. Шапов, *op. cit.*, 59.

¹⁷⁰ См. М. А. Дьяконов, *op. cit.*, 24; М. Cherniavsky, *Khan or Basileus*, 461; А. Poppe, *Le prince et l'Eglise*, 112—113. Заметим здесь, что, когда великий князь Московский Василий I попытался запретить упоминание имени императора (см. сн. 25), речь шла об ограниченном запрете, налагавшемся на упоминающего — митрополита и на место упоминания — собор, а не на все духовенство (РИБ, VI, кол. 271—272). К тому же упоминание имени императора не исключало упоминания имен русских князей, поскольку в эту же эпоху (последние годы XIV в.) митрополит Киприан, заботясь о распространении своей литургической практики на все православные русские земли, писал, обращаясь к псковскому духовному лицу: да приложили есмы къ тому, какъ православныхъ царии поминати такоже и князей великихъ и мертвыхъ и живыхъ, якоже мыжде въ митрополи поминаемъ (РИБ, VI, кол. 239).

ловии, что авторитету главы ойкумены ничто не угрожало: в 1439—1441 гг. великий князь Борис Александрович Тверской осуществлял такие полномочия от имени всех князей, включая Московского, и был представлен одним из своих бояр на Флорентинском соборе в Ферраре¹⁷¹. Этим фактом объясняется, возможно, частотность термина 'царь' в похвальном слове псевдо-Фомы, в частности, в первой части сочинения, посвященной участию великого князя в Соборе; однако эта тема выходит за границы нашего исследования.

Говоря о церковной сфере, следует отметить также, что русские князья обладали правом участвовать в выборе главы Церкви, хотя Византия и не допускала, по крайней мере в течение сколько-нибудь продолжительного времени, такого вмешательства¹⁷². Из всех процитированных фрагментов только один — взятый из послания великого князя Василия II патриарху Митрофану, — содержит намек на это право (№ 46). Мы полагаем, что применение титула 'царь' к святому Владимиру не только подчеркивало факт его крещения¹⁷³, но и, судя по контексту, указывало на участие «нового Константина» в избрании первого русского митрополита. Это событие в глазах Василия II и его окружения являлось дополнительным аргументом в середине XV в. в пользу разрешения избирать митрополита поместным собором, созданным русским правителем, без вмешательства Константинополя.

Интересно, что среди князей XI и XII вв., чаще всего называющихся 'царями', трое предполагали воспользоваться, если не в полном объеме, то хотя бы частично, правом избирать главу русской Церкви. Так, Ярослав Мудрый, способствуя избранию монаха Илариона, воспользовался, как пишет А. Поппе, «правами, которые, по мнению византийского духовенства, принадлежали царю»¹⁷⁴; точно так же, хотя и при совершенно других обстоятельствах, Изяслав Мстиславич, прибегнув к царской прерогативе, настоял на избрании митрополитом Клима Смолятича вопреки воле Византии и недовольству части русского епископата¹⁷⁵; наконец, Андрей Боголюбский попытался около 1164 г. создать в новой столице, Владимире, независимую от Киева митрополию кафедрой и определить на нее духовное лицо по своему выбору¹⁷⁶. Не являются ли применение титула 'царь' к Ярославу в эпоху, когда подобное употребление не засвидетельствовано, относительная частотность использования этого титула при имени Андрея Боголюбского и, особенно, по отношению к Изяславу Мстиславичу следствием не только тех причин, о которых уже шла речь, но и инициатив, проявленных этими тремя князьями для того, чтобы отвоевать право назначать главу русской Церкви? Трудно ответить на этот вопрос. Во всяком случае, некоторые свидетельства, относящиеся к более поздней эпохе, служат дополнительным аргументом в пользу утвердительного ответа. Кроме посланий Акиндина Михаилу Ярославичу (№ 33)

¹⁷¹ См. Инок Фомы Слово похвальное, изд. Н. П. Лихачева, 3—5, введение с. XXIII—XXI.

¹⁷² О роли византийского царя в этой области см. A. Michel, *op. cit.*, 27—35, L.-P. Raybaud, *op. cit.*, 104—105.

¹⁷³ См. D. Obolensky, *op. cit.*, 29.

¹⁷⁴ См. A. Poppe, *Le prince et l'Eglise*, 99; а также A. Poppe, *La tentative de réforme ecclésiastique en Russie au milieu du XIe siècle* // *Acta Poloniae historica*, XXV, 1972, 23; D. Obolensky, *Byzantium, Kiev and Moscow: a study in Ecclesiastical Relations* // *Dumbarton Oaks Papers*, XI, 1957, 60—64 (перепечатано в: *Byzantium and the Slavs*); L. Müller, *Des Metropoliens Ilarion Lobrede*, 1—11.

¹⁷⁵ Об этом событии см. D. Obolensky, *op. cit.*, 64—72.

¹⁷⁶ См. W. Vodoff, *op. cit.*, 202—211.

и Василия II патриарху Митрофану (№ 46) стоит упомянуть Слово на латыню, составленное около 1460 г.¹⁷⁷ В этом сочинении великий московский князь часто имеет титул 'царь', тогда как в другом тексте, представляющем собой апологию Василия II как защитника истинной веры от ереси «латынян» и греческих отступников, — Повести Симеона Суздальского об Осмом соборе, датирующей приблизительно 1444 г., — тот же правитель называется православным или благоверным великим князем¹⁷⁸. Разница в терминологии, которую мы наблюдаем в двух текстах, быть может, объясняется тем фактом, что между 1444 и 1460 гг. поместный собор, созданный по инициативе Василия II (1448), избрал первого русского автокефального митрополита Иону. Позволим себе осторожное предположение, что вмешательство князя в процесс избрания главы Церкви в XI и XII вв. приводило к тому, что современники прибавляли к его имени титул 'царь'.

Однако отсутствие систематического использования в источниках термина 'царь' (о чем уже многократно говорилось) заставляет считать это историческое объяснение не более чем гипотезой. Историк может лишь указывать на те или иные причины, делавшие возможным применение титула 'царь' к русским князьям, очерчивая тем самым границы смысла, стоявшего за этим термином. Чтобы понять причины помещения данного слова в конкретный контекст, следует, вероятно, подробнее рассмотреть письменную традицию, производным от которой оно является.

Среди приведенных нами примеров есть некоторые поддающиеся хотя бы приблизительному соотнесению с отдельными письменными традициями. Так, в киевском своде, в том виде, как она дошла до нас в составе Ипатьевской летописи, титул 'царь' присваивается князьям-мученикам (№№ 10, 11, 16) в части, связанной с именем Поликарпа, игумена Киево-Печерского монастыря (середина XII в.). Полвека спустя Моисей, игумен Выдубецкого Михайловского монастыря, выказавший свое пристрастие к 'царской' терминологии в речи, адресованной Рюрику Ростиславичу (№№ 22—24), придает термину более широкий смысл. Возможно, именно Моисей, редактировавший свод 1198 г., вставил термин 'царь' в некоторые контексты, например в некролог Давиду Ростиславичу (№ 21); не исключено, что рассказ о Ростиславичах (потомках Романа Ростиславича, внука Владимира Мономаха) написан рукой самого Моисея¹⁷⁹. Отметим, впрочем, что тексты, посвященные Мстиславу и Роману Ростиславичам, не содержат термина 'царь'¹⁸⁰; с другой стороны, неизвестно, следует ли приписывать игумену Выдубецкого монастыря плач вдовы князя Романа (№ 20). В любом случае, использование термина 'царь' и его производных, видимо, было свойственно окружению Ростиславичей и не зависело от того, правили ли они в Киеве или только в Смоленске (№№ 12, 16, 20—24). Традиция официального титулования князей при помощи термина 'царь', сложившаяся в Киеве в начале XII в., была истолкована в пользу этих князей (№№ 7—9, 17—19).

¹⁷⁷ См. сн. 18.

¹⁷⁸ Обе редакции этого памятника воспроизведены В. Малиным, см. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Киев, 1901, приложение, 89—114. Первая редакция переведена на французский язык, см. J.-P. Arrignon, Les Russes au Concile de Ferrare-Florence // Irénikon, XLVII, 193—208; о датировке сочинения см. 190.

¹⁷⁹ См. Б. А. Рыбаков, Русские летописи, 335, 365.

¹⁸⁰ См. ПСРЛ, II, кол. 610—612, 617.

Позднее, в XIV—XV вв., на северо-восточной Руси употребление титула 'царь' было более распространено внутри тверской письменной традиции: этот термин, как и его производные, фиксируется в трех или четырех различных сочинениях (№№ 33, 34, 43, 45), тогда как примеры, представляющие московскую традицию, сосредоточены в одном памятнике — похвале Ивану Калите (№№ 35—38).

В заключение нашего исследования — положения которого могут быть дополнены и, возможно, пересмотрены при более систематическом обзоре источников и полном анализе политического словаря Древней Руси — попытаемся сформулировать несколько выводов.

Термин 'царь' и его производные, засвидетельствованные в нарративных источниках, ни в одном из них не применяются к русским князьям систематически и не вытесняют термин 'князь' и однокоренные с ним слова. Характеризуя любого князя, безотносительно к его статусу, — как киевскому, так и к другим, менее значимых (XI—XII вв.), как могущественных, так и слабых, — этот термин, в отличие от термина 'самодержец', по всей вероятности, не служил для обозначения какого-то института власти или определенного соотношения политических сил — за исключением, пожалуй, поздних контекстов, где упоминаются киевские князья X в., в частности святой Владимир. Вместе с тем трудно усмотреть в применении титула 'царь' к русским князьям простое стремление использовать хвалебную формулу, определившее в свое время помещение эпитета 'великий' перед термином 'князь'¹⁸¹.

Распространенное главным образом в XII в. употребление термина 'царь' применительно к русским князьям может быть соотнесено с активным проникновением на Русь в эту же эпоху политических идей Византии: природа княжеской власти в сознании византийских и русских теоретиков (таких, как митрополит Никифор, современник Владимира Мономаха) ничем не отличалась от природы императорской власти. Русские князья признавали легитимность власти василевса над христианской ойкуменой, но при этом они в определенной степени обладали царским достоинством и были наделены царскими функциями¹⁸². Следует подчеркнуть однако, что употребление титула 'царь' русскими книжниками являлось лишь одним из способов передать их представление о сути княжеской власти, к которому они прибегали, к тому же, нечасто.

Возможность применения титула 'царь' к русским князьям, открывшаяся для русских книжников благодаря политической доктрине, которая была распространена среди византийского духовенства, использовалась по-разному внутри отдельных письменных традиций. В силу этого любая попытка дать точное толкование термина 'царь', которое охватывало бы все контексты, обречена на не-

¹⁸¹ См. L. K. Goetz, Die Titel «Grossfürst» in den ältesten russischen Chroniken // Zeitschrift für ost-europäische Geschichte, I, 1911, 23—35.

¹⁸² Интересно, что к похожим выводам приводит М. Рейделле рассмотрение сути функций королей-варваров в Европе в сравнении с институтом императорской власти: «Королевская власть предполагала отнюдь не делегирование императорской власти (наместничество), но приобщение к идеальному правлению, на протяжении веков формировавшемуся в Империи» (M. Reydellet, op. cit., 213). К сожалению, из-за отсутствия на Руси политической и правовой культуры такого же уровня, как та, что досталась в наследство Европе, невозможно отыскать свидетельств, которые позволили бы столь же четко определить идею княжеской власти в ее соотношении с императорской.

удачу. Отдельные примеры позволяют нам в самых общих чертах наметить два наиболее частотных круга употреблений слова 'царь' в источниках: первый связан с идеей религиозности и нравственности, а второй — с представлением об особых функциях русских князей в церковной сфере.

Установленная нами связь между термином 'царь', примененным к умершему князю, и стремлением подчеркнуть его христианские добродетели, а также наличие этого титула при имени князя-мученика или при именах князей, которые с той или иной долей натяжки ассоциируются с князьями-мучениками, позволяют предположить, что средневековые русские книжники придавали этому титулу прежде всего религиозный и нравственный смысл. Использование термина 'царь' по отношению к умирающим или уже умершим князьям должно, следовательно, иметь отношение к культу, часто официально одобренному, объектом которого становились многие князья (если не большинство) после их кончины.

Однако случаи употребления титула 'царь' по отношению к здравствующему князю не позволяют ограничиться предложенным объяснением. Если не принимать во внимание контексты, где применение титула 'царь' к русскому князю вызвано непосредственным влиянием греческой модели (например, в колофонах рукописей), то выясняется, что такого титула при жизни удостоивается только князь, который вынужден был (или же вынуждался) применить в рамках местной Церкви власть, аналогичную той, что была закреплена, согласно византийской традиции, за императором в рамках «Вселенской Церкви». Позволительно, как нам кажется, усмотреть также в употреблении титула 'царь' в применении к русскому князю одно из свидетельств того, что в глазах духовенства внутри церковной сферы князю принадлежала власть, соотносимая с властью императора.

Поскольку употребление термина 'царь' применительно к русским князьям ограничивалось контекстами религиозного или церковного характера, оно не было утрачено в татаро-монгольскую эпоху, когда на Руси было установлено прямое политическое правление золотоордынского 'царя'. Однако возможно, что татаро-монгольское иго задержало на два века развитие у термина 'царь', примененного к русским князьям, собственно политического значения. Этой же исторической ситуацией объясняется, скорее всего, и продолжительность времени, которое понадобилось для того, чтобы титул 'царь' вошел в русский политический словарь после создания московской государственности¹⁸³. Действительно, между временем, когда в текстах, в том числе и дипломатических, при именах московских князей с относительной частотностью стал появляться термин 'царь', и датой, когда Иван Грозный придал ему статус официального титула русских правителей (1547), лежит почти целый век¹⁸⁴.

¹⁸³ Медленность этого процесса особенно бросается в глаза, если сравнивать историю слова 'царь' с судьбой термина 'господарь', стремительно ворвавшегося в политический словарь окружения Московского князя во второй половине XV века; см. сн. 120; G. Stökl, *op. cit.*, 114—115, J. Raba, *The Authority of the Muscovite Ruler at the Dawn of the Modern Era // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, XXXIV, 1976, 322.

¹⁸⁴ Приносим самую искреннюю благодарность всем тем, кто оказал нам неоценимую помощь как в работе над источниками, так и в библиографических разысканиях, особенно Х. Арвайлер, профессору Университета Париж-I, А. Гойу, П. Настюрелю, Ж.-М. Оливье, а также участникам семинара, чьи замечания, высказанные в процессе обсуждения материала, значительно обогатили исследование, и, наконец, М. Ф. Фонтену, профессору Университета Париж-4, любезно предоставившему нам возможность ознакомиться с диссертацией М. М. Рейделе.

В. Водов

ТИТУЛ 'ЦАРЬ' В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В 1440—1460 гг. И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ*

К середине XV века мы обнаруживаем в северо-восточной Руси относительно частое использование титула 'царь' (**царь**) применительно к великому князю Тверскому Борису Александровичу (ум. в 1461), к великому князю Московскому Василию II (Василий Васильевич Темный, ум. в 1462) и к его деду, Дмитрию Ивановичу Донскому (ум. в 1389). Прежде чем перейти к подробному разбору этих употреблений — по крайней мере двух из них, являющихся предметом рассмотрения в данной статье, — напомним выводы, к которым мы пришли, исследуя более ранние источники, начиная с XI в., происходящие из разных областей древней Киевской Руси¹, немного дополнив в ходе изложения наш материал.

После периода колебаний в употреблении титулов, на протяжении которого отмечается возможность передачи греч. βασιλεύς при помощи слова **кнѧзь**, термин 'царь' стал устойчиво использоваться для обозначения не только конкретного правителя, византийского василевса или, начиная с XIII в., хана Золотой Орды, но и, подобно латин. *rex* или франц. *roi*, вообще монарха. Вместе с тем, поскольку обычным термином для обозначения русского правителя, наделенного высшей властью, было слово **кнѧзь**, между двумя словами имела место, по терминологии Н. Р. Михайловской, «семантическая аналогия»: так, во фрагменте из Повести временных лет, рассказывающем об убийстве Бориса и Глеба Святополком, перед стихом из Книги Екклесиаста (X, 16), где βασιλεύς переведен как **кнѧзь**, находим экзегезу из Книги пророка Исаии (I, 6), в которой правитель назван 'царем': **Тако во Исаи реч(є): согрѣшиша ѡт главы и до ногоу, еже есть ѡт ц(є)с(ѧ)рѧ и до простыхъ людии²**; в этом же фрагменте содержится вольное переложение цитаты из Книги пророка Даниила (V, 21), указывающее на то, что авторы киевской эпохи воспринимали слова **царь** и **кнѧзь** как идентичные по смыслу; эта же цитата повторена в Лаврентьевской летописи под 1217 г. в связи с описанием борьбы ме-

* Пер. с фр. Е. Бабаевой по изд.: *W. Vodoff. Le titre tsar' dans la Russie du nord-est vers 1440—1460 et la tradition littéraire vieux-russe // Studia Slavico-byzantina et mediaevalia Europensia. Vol. 1: In memoriam Ivan Dujčev. [Sofia], 1988. P. 54—60.*

¹ *В. Водов*, Замечания о значении титула 'царь' применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века. См. наст. изд., с. 506—542.

² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. I, Л., 1926—1928, стлб. 140 или Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР), т. I, М., 1978, с. 154—155. *Н. Р. Михайловская*, Системные связи в лексике древнерусского книжного языка XI—XIV вв., нормативный аспект. М., 1980, с. 130. Мы воспроизводим цитаты в том виде, в котором они представлены в изданиях. В некоторых случаях мы сочли необходимым проставить современные знаки пунктуации. Сокращенные написания раскрываются, пропущенные буквы помещаются в скобки. Реконструированные буквы даны в квадратных скобках.

жду сыновьями великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо: **даѣт(ь) бо власть ємоу же хоцѣтъ, поставляѣт(ь) ц(є)с(а)рѣ и князѣ Вышьнии**³. Другие примеры использования слова 'царь' в самом общем, абстрактном, так сказать, смысле, были обнаружены в сборнике «Пчела» (ή Μέλισσα⁴). К этим фактам можно также присовокупить случаи регулярного использования слова 'царь' в славянской повести о Дигенисе для обозначения греческого императора и Амира, «царя страны Аравии», как в первой, так и во второй редакциях⁵. В Ипатьевской летописи в вольном пересказе фрагмента из Иоанна Малалы термин 'царь' применяется даже к Дажьбогу, который отождествляется с божеством, связанным с солнцем: **С(о)лнце ц(а)рь, с(ы)нъ Бвароговъ, еже естъ Дажьб(ог)ъ**⁶.

Однако слово 'царь' в этом обобщенном смысле встречается также в текстах, описывающих русские реалии. Так, в повествовании об основании Печерского монастыря в Киеве, сохранившемся в составе Повести временных лет (под 1051 г.) и в Киево-Печерском Патерике (7-я глава), находим знаменитую фразу: **мнози бо манастири ѿт ц(є)с(а)рь и ѿт боярь и ѿт в(о)гатыства поставлени, но не соутъ таци каци соутъ поставлени слезами, пощеньемъ, м(о)л(и)твою, вѣдѣнемъ**. В похвале Святому Феодосию (Патерик, 11-я глава) также говорится: **притекоша царне и поклонишасѣ князи, покоришасѣ вельможа и въстрѣпѣташа сильнии, оужасошасѣ инозъчници, видаще челоуѣкы небесныя по земли ходящаа**⁷. Очень вероятно, что в обоих случаях мы имеем дело с реминисценцией греч. термина *οἱ Βασιλεῖς καὶ οἱ ἄρχοντες*, который мог передаваться как словом **бояре**, так и словом **князи**⁸; при этом нет никаких эксплицитных указаний, позволяющих предполагать, что данное выражение было применимо и к русским князьям. Однако трудно удержаться от такого допущения. Действительно, в первом тексте **князи** совсем не упомянуты; во втором же — все прибывшие в Киев, в Печерский монастырь, высокие особы, определенные в более-менее точных терминах, должны восприниматься именно как русские, поскольку им оказываются противопоставлены **инозъчници**. Таким образом, оба слова — **царне** и **князи** — применены здесь к русским князьям.

В другом тексте, во введении к летописи Константина Всеволодовича, князя Ростовского, где в очень искусственных выражениях и с использованием большого числа библейских цитат описывается вход этого князя в Новгород в 1206 г., находим две цитаты (Псалом LXXII, I, Евангелие от Матфея, XX, 25), содержащие слово 'царь': **яко ж(є) пр(о)рокъ рече: Б(о)же, соуд твои ц(є)с(а)р(є)ви дажь, и правдоу твою с(ы)н(о)ви ц(є)с(а)реви, соудити людем твоимъ въ правдоу, и нищим твоимъ в соуд. Тако и Г(оспод)ь, реч(є): ц(є)с(а)-р(и) странъ владоутъ ими, и князи вѣладають ими**⁹.

³ Водов, Замечания..., наст. изд. с. 506—542; ПСРЛ, I, стлб. 139, 440; ПЛДР, I, с. 154—155.

⁴ Н. Р. Михайловская, Системные связи, с. 143—144.

⁵ В. Д. Кузьмина, Девгениево деяние, Москва, 1962, с. 144, 157 и сл.; во французском переводе в соответствии с термином 'царь' используется слово *roi*: P. Pascal, Le Digénis slave. Byzantion, X, 1935. Bruxelles, p. 301—334.

⁶ ПСРЛ, т. II, С.-Петербург, 1908, стлб. 279; V. J. Masikka, Die Religion der Ostslaven, t. I, Quellen, Helsinki, 1922, s. 66—68.

⁷ ПСРЛ, I, стлб. 159; ПЛДР, I, с. 172—173, II, 1980, с. 438—439, 462—463.

⁸ В. Д. Кузьмина, Девгениево деяние, с. 75.

⁹ ПСРЛ, I, стлб. 423—424; об этом тексте см. М. Д. Приселков, История русского летописания, Л., 1940, с. 87.

Примеры цитат из Библии, в которых используется слово 'царь' в обобщенном смысле применительно к одному или нескольким русским князьям, легко можно было бы умножить.

В большинстве контекстов, в которых титул 'царь' характеризует конкретного русского князя, речь идет об уже умершем лице, достойном особого почитания. Таковым является отрывок из Слова Даниила Заточника, текста, который мы вслед за г. Шедером не учитывали ранее из-за поздней датировки рукописи, но который теперь «реабилитирован» благодаря появившемуся критическому изданию. Адресатом этого текста, названным **сыне великаго царя Владимира**, является, по общему мнению, киевский князь Владимир Мономах (ум. в 1125), хотя было бы проще отождествить его с сыном Владимира, Ярославом, поскольку он упомянут в начале Слова¹⁰. Во многих случаях использование титула 'царь' по отношению к умершему князю свидетельствует о наличии почитания религиозного характера, открывающего путь к канонизации¹¹. К выявленным ранее контекстам можно добавить фразу, употребленную в конце Жития Александра Невского (ум. в 1266): **пострада же Богови крѣпко, остави же земное царство и высть мних**. Поскольку Александр Невский «пострадал» — претерпел муки и тяготы, — его дела названы «царством», хотя и с определением «земное», оттеняющим более высокий религиозный идеал, монашество¹². В источниках титул 'царь' может также применяться к князю еще при его жизни, однако лишь если он тем или иным образом сумел повлиять на жизнь Церкви. К уже выявленным контекстам мы можем добавить примеры, в которых термин 'царь' или его производные применены трижды по отношению к Андрею Боголюбскому (ум. в 1174). В начале Сказания о чудесах Владимирской иконы, текста, посвященного новым культам, введенным князем в Суздале, находим оборот «дательный самостоятельный»: **ба(а)гоч(е)стивоуѣ и вѣрномѣ ц(а)рю нашемѣ и князю Андрею оуставивше (sic) сєи праздновати**. Религиозный смысл этого фрагмента выражен достаточно эксплицитно, поэтому нет необходимости искать объяснение термину в области политики, как это попытался сделать Н. Н. Воронин. Напомним, что в совер-

¹⁰ В. Водов, Замечания..., наст. изд., с. 507—508, сн. № 11; Danil Zatočnik, Slovo e Molenie, edizione critica a cura di M. Colucci. A Danti, Firenze, 1977, p. 136; Studia historica et philologica, IV, Sectio slavica; см. также Л. А. Дмитриев, Литература второй четверти XIII — конца XIII в. в книге: История русской литературы X—XVII веков, М., 1980, с. 154.

¹¹ Именно таким образом мы объясняли употребление глагола **царствовать** в похвальном слове Ростиславу Мстиславичу Смоленскому (ум. в 1167), произведении, которое, по мнению Я. Н. Шапова, служило для подготовки канонизации князя: В. Водов, Замечания..., наст. изд., с. 515, сн. № 50. В этой связи кажется необязательным соотносить этот фрагмент с тем фактом, что Ростислав правил в Киеве; см. Т. А. Сумникова, Повесть о великом князе Ростиславе Мстиславовиче Смоленском и о церкви в кругу других смоленских источников XII в. в книге: Восточнославянские языки, источники для их изучения, М., 1973, с. 137; впрочем, действительно, на протяжении первых веков русской истории этот титул применялся главным образом к киевским правителям.

¹² Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века. Слово о гибели русской земли. М.; Л., 1865, с. 178. На этот аспект «святости» Александра обращено внимание в: W. Philipp, Heiligkeit und Herrschaft in der Vita Aleksandr Nevskijs. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, XVIII, 1973, Berlin, p. 55—72, однако данный факт не является исключительным в той степени, в которой это представляется автору, и может быть помещен в более широкий контекст; см. М. Cherniavski, Tsar and People, a historical study of Russian national and social Myths. New Haven — London, 1961, p. 17—43.

шенно аналогичном случае, в связи с введением праздника в честь князей Бориса и Глеба и возведением посвященной им церкви, митрополит, как повествует Нестор Летописец, обращается к Ярославу Мудрому, называя его «царем»¹³.

С некоторой осторожностью можно назвать еще один текст, в котором «царем» назван создатель христианской Руси Владимир Святославич. Осторожность имеет в этом случае морфологические корни: слово 'царь' употреблено в форме двойственного числа, поскольку этот титул применен одновременно к Киевскому князю и к императору Константину I. Этот фрагмент находим в конце наиболее древнего Жития Владимира, включенного в произведение Память и похвала, авторство которого приписывается монаху Иакову: *О святата цѣсаря Костянтине и Володимире, помаганта на противныха сродником ваю, и люди избавланта от всакиа бѣды, грѣска и роусска*. Сближение имен «русского Апостола» и создателя «христианской Империи» является довольно распространенным приемом в киевской литературе XI в.; мы встречаемся с ним и в наставлении митрополита Илариона и в Повести временных лет. В этом сближении следует видеть отражение желания включить Русь в византийскую ойкумену и превознести религиозные заслуги князя, а не стремление видеть в Киевском князе и его государстве мощь, способную соперничать с Империей¹⁴.

На основании фрагмента из древнего Жития Владимира, а также некоторых других данных несколько лет назад возникла гипотеза, согласно которой Владимир якобы принял императорский титул, однако автор гипотезы, Д. Оболенский, в более поздней работе утверждает, что «the evidence on this point, though not incredible, is inconclusive»¹⁵. Основные свидетельства, говорящие в пользу этой гипотезы, датируются XV или XVI веками. Мы обратимся к некоторым из них в конце данной статьи.

Примерно к пятидесяти примерам применения титула 'царь' к русским князьям, которые зафиксированы в древнерусской письменности до середины XV века, следует прибавить свидетельства, восходящие к балканским славянам. Действительно, в конце средневековья контакты между русскими, болгарскими и сербами были особенно активными¹⁶, поэтому вполне возможно, что система политических титулов на Руси испытала некоторое влияние со стороны южных славян. Недавно А. С. Хорошев с полным основанием привлек внимание исто-

¹³ Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей матери. СПб., 1878, с. 21 (Издание Общества любителей древней письменности, XXX); Н. Н. Воронин, Сказание о победе над Болгарами 1164 г. и праздник Спаса в книге: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран, Сборник статей к 70-летию М. Н. Тихомирова, М., 1963, с. 90; В. Водов, Замечания..., наст. изд., с. 513.

¹⁴ А. А. Зимин, Память и похвала Иакова мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку, Краткие сообщения Института славяноведения, XXXVII, 1963, М., с. 75; Des Metropolitien Ilarion. Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis, hsgb von L. Müller, Wiesbaden, 1962, s. 117 (Slavistische Studienbücher, II); ПСРА, I, стлб. 130—131; ПЛДР, I, с. 146—147; I. Ševčenko, The Christianization of Kievan Rus, The Polish Review, V, 1960, № 4, New York, p. 35.

¹⁵ D. Obolensky, Byzance et la Russie de Kiev, Messenger de l'Exarchat du Patriarcat russe en Europe occidentale, XXIX, 1959, Paris, p. 28—33; *его же* The Byzantine Commonwealth, Eastern Europe, 500—1453, London, 1971, p. 200—201.

¹⁶ В. В. Мошин, О русско-южнославянских связях X—XV в., Труды отдела древнерусской литературы, XIX, 1963, М.; Л., с. 97—106; И. Дуйчев, Центры византийско-славянского общения и сотрудничества, там же, с. 107—129.

риков к сербскому Прологу XIII или начала XIV в., в котором Киевская княгиня Ольга (ум. в 969) именуется **царице роушьские, проматерь всех царен Роушьских**. Тем не менее мы, в отличие от нашего советского коллеги, полагаем, что в данном случае речь идет не о культе прародительницы Владимира, а скорее о переводе латинских титулов — *rex*, *regina*, — широко применявшихся в западных источниках XI—XII вв. по отношению к русским князьям¹⁷. Подобные контексты могли, наряду с собственно русскими текстами, влиять на использование титула 'царь' в произведениях, появившихся в северо-восточной Руси в середине XV в.

Три похвалы, посвященные великим князьям Борису Александровичу Тверскому, Дмитрию Ивановичу и Василию Васильевичу Московским, имеют следующую особенность: они гораздо более пространны, чем короткие записи, сделанные в предыдущую эпоху для прославления отдельных князей, и, в силу этой причины, дают более значительное количество употреблений титула 'царь'. Заметим, что этот титул, начиная с XIV в., использовался применительно лишь к некоторым членам княжеских династий. В северо-восточной Руси он прилагался лишь к князьям, которые в конце XIV — начале XV в. сумели обернуть в свою пользу процесс «феодалного объединения», по выражению К. В. Базилевича, и в особенности к тем, кто мог претендовать на роль наследника Владимирского великого княжества XIII—XIV вв., т. е. к великим князьям Московским и Тверским¹⁸.

Мы обратимся сначала к тому тексту, в котором титул 'царь' использован с наибольшей робостью, к Слову похвальному о благоверном и великом князе Борисе Александровиче, известному более под сокращенным по первым словам названием Слово похвальное; этот текст на протяжении долгого времени приписывался некоему иноку Фоме, однако в настоящее время считается анонимным¹⁹.

Склонность автора к использованию пышных титулов отмечалась всеми, кто исследовал это произведение, однако, как правило, анализ употреблений разных титулов подменяется их простым перечислением²⁰. Рассмотрим семь случаев употребления термина 'царь' или его производных — глагола, прилагательного и имени.

¹⁷ А. С. Хоросев, Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.), М., 1986, с. 47—48; А. Soloviev, «Reges» et «regnum Russiae» au Moyen Age, Byzantion, XXXVI, 1966, Bruxelles, p. 149—159.

¹⁸ К. В. Базилевич, К вопросу об исторических условиях образования русского государства, Вопросы истории, 1946, № 7, М., с. 37—43; W. Vodoff, La place du grand-prince de Tver' dans les structures politiques russes de la fin du XIVe et du XVe siècle, Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, XXVII, 1980, Berlin, S. 43—44.

¹⁹ Инок Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче, собрание Н. П. Лихачева, СПб., 1908 (СП), Памятники древней письменности и искусства, CLXVIII; ПЛДР, т. V, с. 268—333. Об авторстве произведения см. W. Philipp, Ein Anonymus der Tverer Publizistik im 15. Jahrhundert, Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literatur des Osteuropa Instituts der F. U., Berlin, VI, 1954, Berlin, S. 230—237. Высказанная в этой работе точка зрения разделяется Я. С. Лурье и Е. Клугом, см. Я. С. Лурье, Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — первой половины XVI века, М.; Л., 1960, с. 360, прим. 41; E. Klug, Das fürstentum Tver (1247—1485), Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, XXXVII, 1985, Berlin, S. 31.

²⁰ СП, с. XXXI—XXXII; Я. С. Лурье, Роль Твери в создании русского национального государства, Ученые записки Ленинградского университета, XXXVI, серия исторических наук, № 3, 1939, Л., с. 89; C. J. Halperin, Tverian Political Thought in the Fifteenth Century, Cahiers du monde russe et soviétique, XVIII, 1977, № 3, Paris, p. 267—268.

Два раза Борис Александрович прямо назван 'царем': и н(ы)нешнаго царѧ г(о)с(ү)д(а)рѧ, великого кн(ѧ)зѧ Бориса Алеѧндровича не слышимъ, но и видимъ. В этом отрывке автор противопоставляет своего князя, которого можно «слышать» и «видеть», «прежним царям», известным только из устного предания (w прежних ц(а)рехъ слышимъ), из чтения ц(а)рства, т. е. Книги Царств Ветхого Завета²¹. Вероятно, именно к этому источнику автор обращается и ранее: и искахъ много в толкованныхъ и въ ц(а)рствѣихъ, не шрѣтохъ такового, ни в ц(а)рѣхъ ц(а)рѧ. ни въ кн(ѧ)зѣхъ кн(ѧ)зѧ²². Итак, в обоих случаях Борис Александрович назван 'царем' в результате сравнения с библейскими царями, сформулированного в общих терминах; титул 'царь' следовало бы здесь переводить на французский язык словом 'roi'.

По той же логике ему приписывается «царский престол»: но видѣте ли, какъ ц(а)рскомоу и прав[тє]ч(є)скомоу пр(є)столю достоинъ ес(ть) великѣи кн(ѧ)зѧ Борисъ Алеѧндровичъ. Двойкость престола объясняется предыдущим развитием текста, в котором, с одной стороны, напоминаются деяния двух предшественников Бориса, его отца Александра и его деда Ивана Михайловича, а с другой стороны, приводится пример «царя Давида» (Д(а)в(и)да ц(а)рѧ), в связи с чем провозглашается, что новы есѣ Д(а)в(и)дъ великѣи кн(ѧ)зѧ Борисъ Алеѧндровичъ. Таким образом, Борис наследует одновременно «праотеческий» престол и, поскольку он достоин сравнения с Давидом, престол знаменитого царя Израиля²³.

На том же основании, т. е. вследствие сравнения, но на этот раз с римским императором Тиберием, Борис увенчивается «царским венцом»: а самъ же ц(а)рскимъ вѣнцемъ оувазесѧ. Воистину въ древнихъ ц(а)рехъ нѣс(ть) такового слыхати красна лицемъ и ризами и наипаче же и добродетельми ѧко же великѣи кн(ѧ)зѧ Борисъ Алеѧндровичъ. «Царский венец» еще раз упоминается во фрагменте, следующем за двумя вышеприведенными отрывками, которые содержат отсылку к Книге Царств²⁴. Венец, конечно же, является литературной деталью, на что намекает и сам автор, когда замечает, что все историки прошлого «возвеличивали своих царей» (арабских, персидских, мидянских, римских и израильских), и поясняет, что стремился, в свою очередь, создать для князя «царский венец», т. е. нанизать на нить повествования, словно драгоценные камни, все его высокие деяния. К тому же, образ «венца» может быть использован и вне контекста титула 'царь'²⁵. Все сказанное здесь подтверждает, что нельзя говорить о существовании в Твери ритуала торжественного венчания на царство.

Параллель между князем Тверским и Соломоном, которого посетила царица Савская (Книга Царств, I, X), влечет за собой еще один контекст с использованием «царской» терминологии: слышаша великѣи роуствѣи кн(ѧ)зи и велможѣи (sic) пр(є)м(оуд)р(о)ствѣи и крѣпость великаго кн(ѧ)зѧ Бориса Алеѧндровича, въ

²¹ СП, с. 27—28; ПЛДР, V, с. 300—301, 613.

²² СП, с. 13; ПЛДР, с. 282—285; предложенный перевод отличается от нашей интерпретации. Действительно, после слова «толкованные», обозначающего толковые книги, например Псалтирь, трудно предположить, что ц(а)рствѣи — это не письменный текст, не Книга Царств, даже если это слово представлено не в той форме, в какой оно выступает в отрывке, приведенном ранее. Разночтение следует, видимо, считать одной из многих ошибок писца, содержащихся в единственной рукописи Слова похвального.

²³ СП, с. 30, ПЛДР, V, с. 302—303.

²⁴ СП, с. 11, 28; ПЛДР, V, с. 280—281, 300—301.

²⁵ СП, с. 31, 15; ПЛДР, V, с. 304—306, 286—287.

Б(о)гомъ вѣѣтованнои тои земли ц(а)рствоующа, и прїдоша въ конецъ земли, не токмо пр(е)м(оу)др(о)сти слышати но и видѣти славнаго того г(о)с(оу)д(а)рѧ и питатисѧ въ ц(а)рскыѧ тоѧ и сладкоудныѧ тоѧ трапезы. Далее сам князь становится, по образцу Христа во время евхаристии, «царской пищей, насыщающей толпу»: но вонистину ц(а)рьскаѧ їады и въ него же мнози препитаѧми бывають²⁶.

Эти семь случаев использования слова 'царь' или его производных, в количественном отношении ничтожные по сравнению с регулярным применением титулов кн(а)зь великїи или г(о)с(оу)д(а)рь, возникли благодаря книжной культуре автора, хорошо знавшего Библию, некоторые византийские хроники и, возможно, отдельные древнерусские произведения, например похвальное слово игумена Моисея Выдубицкого Рюрику Ростиславичу, в котором к князю применяется «царская» титулатура²⁷.

Обращение к титулу 'царь' вне случаев, объясняющихся литературными влияниями, может объясняться историческими фактами, которым анонимный автор похвалы князю Тверскому, как кажется, придавал большое значение. Первый факт — это участие князя во Флорентийском соборе через посредничество боярина Фомы, второй — строительство в Тверском княжестве множества церквей и монастырей²⁸.

Следует, однако, отметить, что отдельные контексты, приведенные выше, относятся к первой части, в которой речь идет о соборе; во фрагментах, говорящих об этом событии, вне зависимости от их достоверности, титул 'царь' последовательно применяется к греческим императорам — Константину Великому, Феодосию I и Юстиниану²⁹. Но, пожалуй, титул 'царь' используется особенно настойчиво в заключении к третьей части, повествующей о возведении князем церковных зданий³⁰.

По сравнению с этим тверским текстом два московских памятника, к рассмотрению которых мы переходим, демонстрируют гораздо более эксплицитное и частотное использование титула 'царь'. Так, в первом памятнике, в Слове о житїи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго (Слово о житїи)³¹, говорится, часто в терминах агиографии, о личности умершего князя; это обстоятельство облегчало в древнерусской литературной традиции использование титула 'царь', в тому же в восприятии русских XV в. имя Дмитрия Ивановича было связано с победой на Куликовом поле (1380) над золотоордынским ханом Мамаем, в московской историографии носившим титул 'царя'. Наконец, применение по отношению к русскому князю титула 'царь' могло быть связано с

²⁶ СП, с. 11, 19; ПЛДР, V, с. 280—281, 290—291.

²⁷ W. Vodoff, L'idée impériale et la vision de Rome à Tver', XIVe—XVe siècles. В книге: Roma, Constantinopoli, Mosca, Atti del I Seminario Internazionale di studi storici Da Roma alla Terza Roma, 1981, Napoli, 1983, p. 482—485; M. Gorlin, Un écho de l'éloge de Rjurik Rostislavič, Revue des Etudes slaves, XXII, 1942, Paris, p. 156—158.

²⁸ W. Vodoff, Le Slovo pokhval'noe o velikom kniaze Borise Aleksandroviče est-il une source historique? В книге: Essays in Honor of A. A. Zimin, Columbus (Ohio), 1985. p. 379—403.

²⁹ СП, с. 12, ПЛДР, V, с. 282—283.

³⁰ СП, с. 19—30; ПЛДР, V, с. 290—303. Мы принимаем членение текста, предложенное А. А. Шахматовым; см. А. А. Шахматов, Отчеты о заседаниях Общества любителей древней письменности в 1907—1910 гг., СПб., 1909, с. 6 (Памятники древней письменности и искусства, CLXXVI).

³¹ ПСРЛ, IV, 2^e изд., Л., 1925, с. 351—366; ПЛДР, IV, 1981, с. 208—229.

властью, которую он имел внутри Церкви, о чем уже упоминалось выше. Конечно, об инициативах Дмитрия Донского в этой области, не имевших большого успеха, не говорится в Слове о житии, но в 1441—1448 гг. его внук, Василий II, готовился воплотить одну из них, особенно важную, — созвать собор, чтобы избрать первого независимого митрополита русской Церкви. Поэтому использование в данном тексте титула ‘царь’ применительно к Московскому князю может быть объяснено подготовкой к этому событию; такая интерпретация говорит в пользу датировки похвального слова Дмитрию годами, предшествовавшими завершению в кругах, близких к главе Церкви, работы над Сводом 1448 г.³²

Титулатура, засвидетельствованная в Слове о житии, значительно отличается от той, которая была нами выявлена в более ранних текстах; выражения **царь роуский** или **царь роускыа зємля** обращают нас к терминологии, представленной в полемическом сочинении Слово избрано от святых писаний, еже на латыню, и сказание о составлении осмаго собора латыньскаго, и о извержении Сидора Прелестнаго, и о поставлении в Русской земли митрополитов, по сих же похвала благоверному великому князю Василию Васильевиче всея Руси (Слово на латыню), датирующемся 1461—1462 гг.³³

Василий II в этом сочинении называется ‘царем’ часто, но не систематически. Так, во введении содержится призыв, обращенный к Руси, **радоваться ѡ державѣ владѣющаго єю бл(а)говѣрнаго великаго кн(а)за Васильа Васильевича ц(а)ря всеа Роуси**, однако в начале рассказа о Флорентийском соборе Московский правитель предстает как **бл(а)говѣрны великй кн(а)зь Василен Васильевичь**, а его «царский» титул искусно вплетен в слова, вложенные в уста легитимного императора Иоанна VI: **братъ мои Василен Васильевичь, ємоу же вѣсточнйи ц(а)рїе прислѣхю и великйи князи съ зємлями слоужатъ ємоу, но смиренїа ради бл(а)гочестїа и величествомъ разоума бл(а)говѣрїа не зовется ц(а)ремъ, но князем великим роускимъ своих зємль православїа**. После этой апокрифической речи и передачи столь же ложной информации — работа собора была начата только по прибытии русской делегации, — автор упоминает почести, оказанные этой делегации **славы ради и имени великаго ц(а)ря Васильа Васильевич(а) всеа Роуси**. С этого момента достоинство ‘царь’ делится: титул применен к правителю Грузии, византийский же император назван «царем греческим» в ограниченном числе контекстов, одновременно он упрекается в объединении «истинного православия» своего «греческого царства» (**греческаго си ц(а)рства**) с латинянами. Позиция преемника Кон-

³² W. Vodoff, Quand a pu être composé le Panégyrique au grand-prince Dmitrii Ivanovich, tsar' russ? Canadian-American Slavic Studies, XIII, 1979, Montreal, p. 82—101; в этой статье приведена библиография работ, посвященных датировке памятника. Недавно появились новые аргументы в пользу датировки Слова началом XV в.: Г. М. Прохоров, Непонятный текст и письмо к заказчику в «Слове о житии...», Труды отдела древнерусской литературы, XL, 1985, Л., с. 229—247. Вместе с тем, М. А. Салмина доказывает привязанность текста ко времени правления Василия III (ум. в 1533): М. А. Салмина, «Слово о житии...», памятник XVI века? В книге: Проблемы изучения культурного наследия, М., 1982, с. 159—162. Мы рассмотрели обе точки зрения в статье, вошедшей в сборник, посвященный 80-летию академика Д. С. Лихачева. О взаимоотношении Дмитрия Донского и Церкви см. J. Meyendorff, Byzantium and the Rise of Russia, Cambridge, 1981, p. 226—240; Н. С. Борисов, Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков, М., 1986, с. 100—130.

³³ А. Н. Попов, Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против Латинян XI—XV вв., Москва, 1875, с. 360—395; о датировке см. Я. С. Лурье, Идеологическая борьба, с. 368—369.

стантина Великого и других «благочестивых православных царей» противопоставляется позиции «великого Владимира», который, благодаря собственным исканиям, нашел истинную веру, «осветившую Русь святым крещением». Таким образом, Русь и ее князья, начиная с Владимира Святославича, находятся в оппозиции к еретикам-латинянам и греческим отступникам. Именно в таком контексте «благочестивый великий князь» Московский, одновременно новый Владимир и новый Константин, «венчается» (конечно же, в переносном смысле) титулом 'царя' русского: **бл(а)говѣрныи великѣи кн(а)зь Василен Васильевичъ всеа Роуси, Б(о)гомъ врзаумѣваемъ и осияемъ бл(а)годатѣю Д(оу)ха с(вѣ)т(о)го, новыи Владимиръ, иже бывъ подражатель с(вѣ)тыхъ апостолъ и споспѣшникъ бл(а)зѣи вѣрѣ истиннаго православѣа, или в ц(а)рехъ новыи Костантинъ иже бывъ ревнитель Б(о)жѣи стр(ас)ти и добрыи зыскатель честнаго кр(е)ста Х(ристо)ва, и сѣи такожеже (sic) великыи дрѣжавный Б(о)говѣнчанныи Роускыи ц(а)рь Василен, имѣа страх Б(о)жѣи въ с(е)рдци своемъ и д(оу)хвнѣ (sic) попеченіе вс(вѣ)тѣи церкви.** После этого Василий II регулярно называется «царемъ всеа Руси», исключением является лишь фрагмент, где сообщается, что князь не стремился схватить Исидора после его бегства из Москвы. Когда речь идет о соборе 1448 г., избравшем митрополита Иону, или о соборе 1461 г., давшем ему преемника, Феодосия, Василий II титулуется **Б(о)говѣнчанныи ц(а)рь всеа Рүси**³⁴. Заметим, что в том же году (1461) в послании митрополита Ионы псковские земли определяются как **вотчина великого господаря, царя роускаго**³⁵. Этот документ подтверждает то, на что лишь намекает Слово на латыню; чтобы придать легитимности избранию в 1448 г. митрополита Ионы собором русских епископов, было необходимо подчеркнуть, что собор созывался 'царем', поскольку, согласно византийскому каноническому праву, только император мог созывать вселенские или поместные соборы³⁶. Необходимость легитимизации должна была особенно чувствоваться начиная с 1458 г., когда авторитет митрополита, находившегося в Москве, начал оспариваться в литовских диоцезах. Этим объясняется также тот факт, что в другом полемическом сочинении против латинян, созданном, видимо, немного ранее — Повести о восьмом Флорентийском соборе Симеона Суздальского, — в котором рассказ доведен до изгнания Исидора, великий князь Московский ни разу не назван 'царем', за исключением единственного контекста в одной рукописи — **вѣлыи царь**. Этот автор, подобно тверскому псевдо-Фоме, который сообщал об участии своего князя в соборе, ограничивается, по одной редакции, сравнением Василия II, выступающего, в отличие от митрополитов-униатов, в качестве защитника православия, с **ц(а)ремъ, равнымъ ап(о)с(то)л(о)мъ, Костантиноу Великому и Владимиру нареченому въ с(вѣ)т(ѣ)мъ кр(е)щеніи Василен, иже (sic) кр(е)стившему Роусскою землю и оутвердившему* православноу вѣроу, а по другой — уподоблением его равноап(о)стольному Великому ц(а)рю Константину, сотворшему православіе бл(а)говѣрному і великому кн(а)зю Владимиру**³⁷. В одной из двух редакций святой

³⁴ А. Н. Попов, Историко-литературный обзор, с. 360, 362, 363, 364—365, 371—377, 380—382, 384, 392, 293, 395.

³⁵ Памятники древнерусского канонического права, т. I, 2^е изд., СПб., 1908, стлб. 673 (Русская историческая библиотека, VI).

³⁶ А. Michel, Die Kaisermacht in der Ostkirche, 843—1204, Darmstadt, 1959, S. 62—69.

³⁷ В. Малинин, Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Киев, 1901, приложение, с. 111, прим. 133, с. 99—101, 112—114. Это произведение не имеет точной датировки; см. Я. С. Лурье, Идеологическая борьба, с. 371, прим. 82.

Владимир снова назван 'царем' в контексте имени Константина I, как это было сделано в древнейшем Житии «русского Апостола». Напрямую Владимир получает титул *благочестивый царь русскія земля* в документе примерно этого же времени (1441), неотправленном послании Василия II патриарху Митрофану³⁸. Использование этого титула в середине XV в. применительно к Киевскому князю, который «привел митрополита» на Русь из «великой и святой кафолической апостольской константинопольской Церкви», не отражает никакой политической реальности X—XI вв., а говорит лишь о том, что московская политическая верхушка заботилась о подыскании прецедента той роли, которую должен был играть их князь в жизни Церкви. Помимо собственно агиографической значимости, тот же смысл, но выраженный более имплицитно, имел, вероятно, и титул 'царь', примененный к Дмитрию Донскому. Его инициативы нашли завершение в 1460—1461 гг. в торжественном присвоении титула правившему суверену. Сравнение использования термина 'царь' в двух московских и в тверском текстах позволяет оценить разницу, существовавшую между двумя «великими князьями». Эта разница связана изначально, конечно же, с расстановкой политических сил, но в середине XV в., в благоприятную для Москвы эпоху, она демонстрирует также неоспоримое идеологическое преимущество, полученное Московскими князьями после обоснования в их столице высшего церковного духовного сана по сравнению с их тверскими родственниками³⁹. Кризис, возникший после отказа от Флорентийской унии, позволил им обернуть в свою пользу традицию, которая давала русским князьям власть внутри местной Церкви.

Тем не менее титул 'царь' не был официально принят в Москве при Василии II: речь шла лишь об иерархическом термине, подсказанном историческим моментом и использовавшемся в той степени, в какой это было необходимо Василию II⁴⁰. Титул 'царь' не использовался даже в переписке между Московским двором и афонскими монахами, союзниками Москвы в борьбе против Унии с Римом: так, в послании, отправленном в монастырь Святого Афанасия, а также в грамоте к протам и братьям Святой Горы Василий II называется исключительно «великим князем всея Руси»⁴¹. Более того, в дальнейшем представители церковной иерархии лишь время от времени прибегают к титулу 'царь', обращаясь к Московскому князю, как, например, свидетельствуют послания игумена Иосифа Волоцкого, адресованные Василию III⁴².

Таким образом, употребление титула 'царь' в 1440—1460 гг. находится еще в русле традиции, установившейся в древнерусских памятниках письменности на-

³⁸ Памятники древнерусского канонического права, стлб. 527—528. О древних примерах применения титула 'царь' к Владимиру Святославичу см. В. Водов, Замечания..., наст. изд., с. 521—522.

³⁹ W. Philipp, Ein Anonymus der Tverer Publizistik, S. 237. Борис Александрович тоже пытался выступить с инициативами, касавшимися церковной сферы, однако они не имели большого успеха; см. E. Klug, Das Fürstentum Tver, S. 282—290.

⁴⁰ См. схему, предложенную для классификации разных титулов русских князей, в: W. Vodoff, La titulature princière en Russie du XIe au début du XVe siècle. Question de critique des sources, Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, XXXV, 1987, München—Wiesbaden, S. 34.

⁴¹ Послание хранится в Музее Бенаки в Афинах; грамота опубликована в: Летопись занятий Археологической комиссии, III, 1865, с. 33—36.

⁴² Послания Иосифа Волоцкого, подг. текста А. А. Зимина, Я. С. Лурье, М.; Л., 1959, с. 229, 239.

чиная с XI в. Даже если титул применяется регулярно (как в Слове на латыню), его функционирование ограничивается отдельными произведениями. Титул по-прежнему используется для указания или на заслуги умершего князя, или на власть князя внутри Церкви; эта власть была присуща Борису Александровичу Тверскому в слабой форме, однако Василий II осуществлял ее во всей полноте в 1441—1448 гг. Чтобы стать официальным титулом московских монархов (1547), титул 'царь' должен был приобрести политический смысл, что произошло только в конце правления Ивана III, в рамках сношений с Балтийскими государствами⁴³. С этого момента начался новый этап в сложной истории титула 'царь' на Руси.

---

⁴³ А. Л. Хорошкевич, Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в., М., 1980, с. 102—103. См. также нашу статью в сборнике *Mélanges publiés à l'occasion des 60 ans du Professeur E. Donnert*.

К ПРЕДЫСТОРИИ РУССК. «ГОСУДАРЬ»*

1. В этимологической литературе русск. *государь* без исключений возводится к более раннему *господарь*; разногласия имеются лишь в способе объяснения перехода *господарь* > *государь*¹. Одни исследователи считают этот процесс фонетическим², другие предполагают более сложный путь — обратное заимствование из тюркских или финских языков³. Было высказано также мнение, что *государь* получилось из *господарь* в результате контаминации со словами *суд*, *судить*⁴. Ни одна из перечисленных точек зрения не является достаточно аргументированной, и поэтому вопрос о характере перехода *господарь* > *государь* нельзя считать решенным. В настоящей статье мы не касаемся вопроса об этом переходе, хотя, быть может, наши наблюдения могут послужить ориентиром для решения и этого вопроса; наше исследование посвящено ранней истории слова *господарь* и, в первую очередь, появлению у него значения ‘монарх’, которое и обусловило употребление его в качестве великокняжеского, а затем царского титула.

2. Этой — историко-семантической — стороне вопроса в этимологической литературе уделяется мало внимания; обычно игнорируется факт, что *господарь* является общеславянским только в значении ‘хозяин, владелец’, а не как титул главы государства. В этом последнем значении слово отмечается только в восточнославянских и в сербском языках⁵. Переход значения ‘хозяин’ > ‘монарх’ не

* Печатается по изд.: Studia Slavica Hung. XXIX. 1983.

¹ Преобр I, 152, Фасмер I, 446, 448, ШанЭСРЯ I/4, 146, 150, ТрубЭСРЯ 7, 59—60.

² Преобр, ШанЭСРЯ.

³ E. Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch I (A—morō), Heidelberg 1908—1913, 335.

⁴ Черных 213—214.

⁵ Сочетание *król gospodarz* зафиксировано также в древнепольском (SStr II, 467), однако только в единственном памятнике второй половины XV в., в формуляре присяги членов городского магистрата, записанном на первой странице рукописной книги, содержащей тексты городских уставов на латинском и немецком языках (Rękopis Baworowskich nr 1014): «Ja przysągam bogu e krolowi gospodarzowy e takosz tego namystnikum y wszym tego mista werzen bycz», «Мы przysągamy bogu Crolowy gospodarzowy (y tagosz yego namistnycom)» (J. Łoś, Przegląd językowych zabytków staropolskich do r. 1543. Kraków, 1915, 539). Издатель не указывает место написания этого памятника, однако наличие нетипичных для древнепольского форм *misto*, *namistnik* (ср. SStr V, 67) указывает на украинское влияние. Поэтому можно считать абсолютно вероятным, что изолированное др.-польск. *gospodarz* в этом значении является украинизмом. Ср. также сочетание *hospodar krol* в разьежей грамоте львовского воеводы 1400 г., где слово в этом значении выступает в украинской фонетической форме: «Ja Pan Jan Woiewoda Lwowski, Pan Klins, Pan Daniło Zadrzewiczki, Viznawamij tho thym naszym listym podluk nasego *hospodara krolia* przykazania, który kazal roziechacz granice...» (J. Łoś, указ. соч. 283; текст грамоты издан Ф. Бентковским по списку

является чем-то само собой разумеющимся, новое значение в тех языках, в которых оно имеется, возникло, по всей вероятности, намного позднее распада православянской языковой общности, из которой отдельные славянские языки унаследовали слово *gospodarъ* только в исходном своем значении.

Слово *господарь* ‘хозяин, владелец’ нужно признать праславянским наследием также в восточнославянском, несмотря на то, что А. А. Шахматов⁶ и — вслед за ним — Р. О. Якобсон⁷ считали его заимствованием из чешского (причем Шахматов — через польское посредство) на том основании, что это слово уже в древнейших памятниках выступает часто без начального *г-*: *осподарь*. От этой точки зрения заставляют нас отказаться следующие обстоятельства: 1. В восточнославянских памятниках XI—XIV вв. *господарь/осподарь* ‘хозяин’ хорошо засвидетельствовано как на севернорусской, так и на южнорусской территории, как в памятниках церковно-литературного, так и делового характера. 2. Слово *господарь* в своем исходном значении вытесняется позже тюркизмом *хозяин* только в великорусском, но в украинском (*господар*) и белорусском (*гаспадар*) языках оно остается донныне основным словом для выражения понятия ‘хозяин’ (укр. *хазяїн* следует считать поздним заимствованием из великорусских акающих говоров). Надо принять, — вопреки предложению Шахматова, — что северновеликорусские написания типа *осподи*, *осподинь*, отражающие произношение с [y], вызваны не влиянием якобы заимствованного из чешского [y]*осподарь*, а наоборот, произношение [y]*осподарь* распространилось на северновеликорусской территории под влиянием однокоренных церковнославянских слов.

Слово *господарь/осподарь* ‘хозяин’ засвидетельствовано в новгородской берестяной грамоте № 247 (XI в.):

- (1) **А господарь въ нетажѣ, недѣе⁸,**

в Синайском патерике XI—XII вв.:

- (2) **Не вѣдущю господарю нивѣ⁹,**

в надписи на чаре черниговского князя Владимира Давидовича до 1151 г.:

- (3) **а се чара кнѧ[жѧ] володимиро**

Коронной Метрики [кн. LXXXV, л. 448], см. *Historia literatury polskiej wystawiona w spisie dzieł drukiem ogłoszonych przez F. Bentkowskiego, I. W. Warszawie i Wilnie 1814, 185*.

⁶ А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка (Энциклопедия славянской филологии 11, 1). П., 1915, 178.

⁷ R. Jakobson, *New Slavic Etymological Dictionaries: Slavic Word 1* (=Word 8 [1952] 4), 390.

⁸ А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, 69—71. Слово встречается также в отрывочной грамоте № 465 (первая половина XV в.), где оно, однако, употреблено уже в качестве титула, по мнению издателей, — по отношению к князю Константину Дмитриевичу: [к осподи]нѣ к осподар[ю]. На основании исторических соображений издатели относят данную грамоту к 1420 г., см. А. В. Арциховский, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962—1976 годов). М., 1978, 61—63.

⁹ СрезнМат I, 563, ср. Синайский патерик. Издание подготовили В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1967, 61; ср. также: *въсхотѣ ѧ господарь съжещи* (там же, 146).

ва давыдов[и]ча кто из нее
 пь[е] томү на здоровье а хвала
 бога [и?] своего осподаря великого
 кня[зю]¹⁰,

как социальный термин ‘владелец раба, холопа’ отмечается в ряде грамот и юридических документов:

- (4) **А старостѣ ни холопа ни робы без господаря твоимъ сүдиямъ не сүдити**¹¹,
- (5) **а кто холопъ или роба иметсѧ тѧгати съ осподарем и пошлетсѧ на правдү, а не бѹдет по них порѹки, ино их обвинити**¹²,

в дополнительной статье Русской правды («О коне»):

- (6) **А кто конь кѹпити княжь боярин, или кѹпечь, или сирота, а бѹдетъ в коне червь или проестъ, а то пондетъ к осподарю, ү кого бѹдетъ кѹпил, и томү свое серебро взяти опять взад**¹³,

в таком же значении слово **гдѣрь** встречается в Псковской судной грамоте и в Судебнике Ивана III 1497 г., а также в московских судебниках XVI в. Отметим, что сокращенное написание **гдѣрь** без всякого основания читается издателями этих текстов как *государь*, хотя слово в них встречается только под титулом¹⁴, а в актовом материале до XVI в. нет никаких положительных свидетельств в пользу наличия формы *государь*, между тем как *господарь/осподарь* засвидетельствовано многократно. Иногда сокращенное написание **гдѣрь** раскрывается издателями как *государь* даже в западнорусских текстах, напр., в западнорусском переводе Статута Казимира III 1347 г. (в списке конца XV в.):

- (7) **годиться госүдарю того жыта боронити своего**¹⁵,

¹⁰ СрезнПам 60—61, ср. также ОбнБарх I, 35; Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. (Археология СССР. Свод археологических источников. Под общ. ред. Б. А. Рыбакова. Вып. Е1-44). М., 1964, № 24, с. 28—29 и табл. XXIX. Исследователи обычно не устаивают перед искушением видеть в этом тексте слово *осподарь* в значении ‘государь’ (ср. СрезнМат II, 735). Однако нельзя не заметить, что, с одной стороны, эта фиксация опережает на два столетия первую фиксацию слова *господарь* в подобном значении в западнорусском (см. ниже), а с другой — что в тексте надписи на заздравной чаре абсолютно подходит значение ‘хозяин’; ‘пусть хвалят хозяина, великого князя’.

¹¹ 1304—1305 гг., ГВНП № 6, с. 16; ср. также № 7, с. 17—18; №№ 9—10, с. 20—22, № 14, с. 26 (1307—1327 гг.).

¹² Ок. 1396 г., список середины XV в., ДДГ № 15, с. 42.

¹³ Правда Русская I, Тексты. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940, 289 (Пушкинский список второй половины XIV в.).

¹⁴ См. фотокопии в изданиях: Псковская судная грамота. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1914; Судебники XV—XVI вв. Подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. М.—Л., 1952.

¹⁵ СрезнМат I, 571 по АЗР I, № 2.

хотя в подлиннике это слово стоит везде под титулом¹⁶ (ср. также *осподарь* в Судебнике Казимира IV 1468 г.)¹⁷; такой прием создает впечатление, как будто и в западнорусском существовала форма *государь*, но это противоречит фактам.

На этом мы заканчиваем далеко не полный обзор ранних фиксаций слова *господарь/осподарь* в восточнославянском. Для нас важны следующие выводы, которые можно сделать на основе приведенного материала: 1. Слово (*г*)*осподарь* ‘хозяин’ в XV в. было еще известным на всей восточнославянской территории. 2. Можно думать, что за сокращением *гдрь* в XV в. кроется еще везде *господарь*; во всяком случае в данный период ничто (кроме произвольной модернизации текстов некоторыми издателями) не свидетельствует о наличии формы *государь* ‘хозяин’. 3. В землях, вошедших к концу XV в. в Московское государство, слово (*г*)*осподарь* как элемент великокняжеского (или любого) титула до XV в. не засвидетельствовано, значит, появление нового значения ‘монарх’ и распространение его в качестве титула происходило в Московской Руси на протяжении XV столетия.

3. Как установлено историками, слово *господарь* как элемент великокняжеского титула проникает в Московскую Русь в XV в. из Литвы¹⁸. Однако недавно была высказана и другая точка зрения, противоположная первой: «Протестуя против применения русским князем [Иваном III] термина “господарь”, Казимир [IV] ввел его (в форме “господар”) в собственный титул в сношениях с русскими землями, в частности Псковом»¹⁹, при этом форма *осподарь* автором рассматривается как южнославянская («В грамотах в Крым Иван III назван “царем” и по южно-славянскому образцу — “осподарем”»)²⁰. Как видно хотя бы по материалам, приведенным

¹⁶ *гдѣрю* (л. 29), *гдѣрьскыи* (л. 34 об.), см. фотокопию в издании: S. Roman, A. Vetulani, Ruski przekład polskich statutów ziemskich z rękopisu moskiewskiego. Wrocław-Kraków, 1959, 149, 166; в транскрибированном тексте, впрочем, и в этом издании дается *hosudarju* (82) и *hosudar'skij* (92). Отметим, что в этом памятнике *гдрь* встречается и в значении ‘монарх’: *коли* ѡдѣн гдѣрь вси* есть. тогда ѡдѣна мѡнѣта маеть быти* (л. 34 об., с. 160); в транскрипции издателей и в этом случае *hosudar*’ (89). Ср. лат. «Et ex quo unus princeps est omnium et dominus, statuimus [...], quod vna moneta in toto nostro regno debeat haberi» (L. Łysiaś, S. Roman. Polskie statuty ziemskie w redakcji najstarszych druków [syntagmata]. Wrocław—Kraków, 1958, 105); польский перевод (по списку начала XVI в.): «Gdyz wzyemy *yeden kxyadz*, yedno prawo, yedna moneta yesth» (Tłumaczenia polskie statutów ziemskich [...] Kodeks Świętosławów. Wyd. F. Piekosiński. [= Archiwum Komisji Prawniczej III]. Kraków, 1895, 61). О языке и об источниках западнорусского перевода см. A. Wandas. Język staroruskiego przekładu polskich statutów ziemskich Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1966.

¹⁷ См. законодательные акты Великого княжества Литовского. Сборник материалов подготовлен к печати И. И. Яковкиным. Л., 1936, 12—14.

¹⁸ G. Stöckl. Die Begriffe Reich, Herrschaft und Staat bei den orthodoxen Slaven: SAECVLVM, Jahrbuch für Universalgeschichte 5 (München 1954) 104—118; G. Alef. The Political Significance of the Inscriptions on Muscovite Coinage in the Reign of Vasili II: Speculum 34 (1959) 1—19; W. Vodoff. Remarques sur la valeur de terme ‘tsar’ appliqué aux princes russes avant le milieu du XV siècle: Oxford Slavonic Papers II (1978) 1—41. Ср. также нашу заметку по происхождению русского слова *государство*, в которой изложены в зачаточном виде (в качестве предположения) основные положения настоящей статьи: A. Zoltán. Polskie państwo a rosyjskie gosudarstvo: Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego, Filologia Rosyjska 10 (1982) 111—115.

¹⁹ А. Л. Хорошкевич. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980, 88, сн. 65.

²⁰ Там же, сн. 66.

Штекелем и Алефом, история этого титула в Московской Руси начинается не с Ивана III, а в Литве с Казимира IV. Штекль²¹ и Водов²² указывают на Витовта, при котором этот титул закрепился за великими князьями в Литве (Штекль, впрочем, считает *господарь* словом церковно-славянским). Однако имеются данные, позволяющие отодвинуть появление титула *господарь* в западнорусском деловом языке на более раннее время и проливающие свет на его происхождение.

Итак, титул *господарь* в восточнославянском актовом материале встречается впервые в грамотах, вышедших из русской канцелярии польского короля Казимира III (1330—1370), и входит в его титулатуру в связи с тем, что Польша в середине XIV в. (в 1349 г.) присоединила к себе бывшее Галицкое княжество. Присоединение это не означало инкорпорацию Галицкой Руси в Польшу, так как на Галицко-Волынскую Русь претендовала и союзная с Польшей Венгрия. По договору, заключенному в 1350 г. между Казимиром III и венгерским королем Людовиком Анжуйским, польский король мог сохранить за собой «*regnum Russiae*» до своей смерти; после смерти Казимира Венгрия могла бы выкупить эту землю за 100 000 флоринов у наследников Казимира; если же после смерти Казимира не останется наследников, русская земля должна перейти во владение Людовика²³. До 30-х годов XV в. эта территория управлялась старостами как отдельное владение. В титулатуре Казимира III выражение «господарь русской земли» появляется как знак распространения власти короля еще на одно владение:

(8) **А се ѿ король казимиръ. краковъскни. и кѣльвскни. и господарь. рѣскоѣ землѣ**²⁴,

(9) **Подъ державою великого короля краковского Казимира и господаря Рѣскоѣ землѣ**²⁵.

Характерно, что от 1349 г. имеется также первая подлинная латинская грамота Казимира III, в которой он титулуется следующим образом:

(10) *nos Casimirus dei gratia rex Polonie dominusque terre Russie*²⁶.

Тот факт, что слово *господарь* как элемент монаршеского титула исторически впервые засвидетельствовано в русских грамотах польского короля, захватившего Галицкое (и — частично — также Волынское) княжество, может привести к

²¹ G. Stöckl, указ. соч. 115.

²² W. Vodoff, указ. соч. 25.

²³ См. H. Paszkiewicz. Z dziejów rywalizacji polsko-węgierskiej na terenie Rusi Halicko-Włodzimierskiej w XIV w. Lwów, 1924 [= Osobne odbicie z «Kwartalnika Historycznego» r. 38], 6—7.

²⁴ После 1349 г., см. Гр XIV, № 12, с. 27.

²⁵ 1351 г., см. СрезнМат I, 563.

²⁶ Грамота, данная Казимиром III торунским купцам на свободный проезд через Польшу во Владимир Волынский, Сандомир, 5 декабря 1349 г., см. сборник Болеслав-Юрий II. СПб., 1907, 80. А. А. Куник указывает на еще одну грамоту от 2 февраля 1346 г., в которой Казимир назван «*Dei gracia rex Polonie [...] Russieque dominus et heres*», однако датировка и подлинность этой грамоты, опубликованной по списку в издании Akta grodzkie i ziemskie VII, Lwów 1878, 7, вызывает серьезное сомнение, ср. там же, с. 124. О титулатуре Болеслава-Юрия II во всех известных — латинских — грамотах см. H. Paszkiewicz. Ze studiów nad polityką, polską, litewską, i krzyżacką Bolesława Jerzego, ostatniego księcia Rusi Halicko-Włodzimierskiej. Ateneum Wileńskie, 1924, 5: 36.

выводу о том, что общеславянское *господарь* ‘хозяин’ либо приобрело новое значение в русской канцелярии Казимира III, либо же употребление слова в этом, неизвестном до этого, значении продолжает галицко-волынскую традицию. В связи с этим последним предположением надо иметь в виду, что русские грамоты Казимира III в дипломатическом отношении не являются буквальными переводами латинских грамот, они представляют собой своеобразную контаминацию древнерусских и латинских образцов, т. е. можно полагать, что составителем этих грамот был человек (по наблюдениям В. Курашевича, все три известные подлинные русские грамоты Казимира III принадлежат перу одного и того же лица)²⁷, не просто знающий галицкий говор и древнерусскую грамоту, но знающий и традиции галицко-волинского делопроизводства, продолжающий в краковской королевской канцелярии навыки, приобретенные еще в канцелярии последних галицко-волинских князей, испытывая при этом в новой среде, конечно, и влияние латинских образцов и польского разговорного языка. На сохранение некоторых особенностей восточнославянской дипломатики указывает наличие начальной формулы «**А се а**», соответствующей такой же формуле «**Се азъ**» древнерусских грамот, известной начиная со Мстиславовой грамоты 1130 г.²⁸, которая, несомненно, характеризовала и галицко-волынскую канцелярную практику (ср. грамоты, внесенные в текст галицко-волинской летописи)²⁹.

²⁷ См. Kuraszkiewicz 5.

²⁸ Вопрос о происхождении начальной формулы древнерусских грамот нельзя считать решенным. Тот факт, что эта формула выступает уже в самых ранних грамотах в форме **Се азъ**..., привел в свое время Н. Н. Дурново к предположению о том, что «для русских княжеских канцелярий» домонгольской эпохи образцом мог быть язык болгарских царских канцелярий и они переняли отсюда формулу начала княжеских грамот «Се азъ» с болгарским личным местоим. 1 sg» (Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969, 94—95; ср. также И. С. Улукханов. О языке Древней Руси. М., 1972, 98). В языковом отношении форма **азъ** несомненно болгарского происхождения, но формула **се азъ** не может быть возведена безоговорочно к болгарскому образцу по той простой причине, что болгарских грамот с такой формулой нет (о дипломатике первого болгарского царства нам ничего неизвестно; в грамотах болгарских царей эпохи второго болгарского царства эта формула не встречается, см. Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей [Древности, Труды Славянской комиссии императорского Московского Археологического общества VI]. М., 1911; этой формулы нет и в сербских грамотах, см. MonSerb). Можно, конечно, предположить, что грамоты с такой начальной формулой были (во время первого болгарского царства, о дипломатике которого мы ничего не знаем), но с равной степенью вероятности можно также полагать, что эта формула возникла уже на Руси — в церковной среде. Имея в виду большую политическую раздробленность Руси в XII в. и одновременно всеобщность все-таки этой формулы в восточнославянских духовных и жалованных грамотах уже в домонгольский период, нам не остается ничего, как предположить, что она распространилась под влиянием именно церковного, а не княжеского делопроизводства. Немногочисленные грамоты XII в. не дают основания для того, чтобы можно было с уверенностью говорить о существовании отдельных княжеских канцелярий; многочисленные церковнославянизмы и грецизмы в Мстиславовой грамоте 1130 г. (см. Iss GRS 115—118) заставляют нас принять, что канцелярские задачи на первых порах у восточных славян (как и в Западной Европе) исполнялись духовными лицами: во всяком случае, имеются известия о том, что княжеские печатники занимали высокие должности в церковной иерархии, например в XIII в. митрополит Кирилл был ранее печатником Даниила Романовича Галицкого, а в XIV в. нареченный митрополит Митяй ранее был печатником Дмитрия Донского; до конца XV в. все известные княжеские печатники принадлежали к духовенству, см. В. А. Водов. Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в. — 1425 г.); Исторические записки: 103 (1979) 342—343.

²⁹ ПСРЛ II, М., 1962, 903—904 (под 1287 г.).

Известно, что Галицко-Волынское княжество поддерживало тесные контакты с папской курией и с соседними католическими государствами с латинским делопроизводством (в первую очередь — с Польшей и Венгрией) задолго до присоединения его к Польше, и князь Даниил Романович в середине XIII в. даже короновался на «русского короля»³⁰. Можно полагать, что в XIII в. в Галицко-Волынском княжестве существовала уже латинская канцелярия, хотя из этого столетия известны лишь папские буллы, адресованные галицким и владимирским князьям³¹. Однако с первой четверти XIV в. известны и латинские грамоты галицко-волынских князей³². Последним галицко-волынским князем был, впрочем, сын мазовецкого князя Тройдена, Болеслав (Юрий II, 1323—1340), о котором известно, что он покровительствовал иностранцам в своем государстве³³. Знаменательно, что в некоторых из латинских грамот последних галицко-волынских князей выступает элемент титула «*dominus Russiae*».

(11) *Andreas Dei gratia dux Ladimiriae et dominus Russiae*³⁴,

(12) [Georgius] *ex dono Dei natus dux et dominus Rusiae*³⁵.

Ср. также титул Ягайла в одной из латинских грамот 1383 г., т. е. до коронации его на польского короля:

(13) *magnus rex vel dux litwanorum Russieque dominus et heres*³⁶.

Нам кажется, что титул **господарь Рускоѣ землѣ** русских грамот Казимира III представляет собой не что иное, как кальку латинского *dominus Russiae* (ср. лат. *dominus* 1. 'хозяин', 2. 'господин'), возникшую в результате сосуществования латинской и русской канцелярий, причем русское выражение возникло необязательно в русской канцелярии Казимира III, где оно впервые засвидетельствовано, а, возможно, уже раньше, в первой половине XIV в. — в канцелярии галицко-волынских князей, откуда и перешло в канцелярскую практику при дворе Казимира III. Ввиду отсутствия подлинных русских грамот галицко-волынских князей первой половины XIV в.^{36а} наше предположение о существовании такой тра-

³⁰ Там же, 827 (под 1255 г.), ср. В. Т. Паушто. Очерки по истории галицко-волынской Руси. М., 1950, 258—259; В. П. Шушагин. Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, 44. Отметим, что первым «русским королем» в Галицкой Руси был венгерский королевич Коломан (сын короля Андрея II), коронованный в 1217 г. (*Hóman B., Székfü Gy. Magyar történet* I. Budapest, 1935, 437).

³¹ ВоСм. СрезнПам 116, ср. В. П. Шушагин, указ. соч. 444—445.

³² 1316 г., СрезнПам 173—174; 1320 г., там же, 177; 1325 г., там же, 180; 1334 г., там же, 185.

³³ Ср. В. Włodarski, *Wołyń pod rządami Rurykowiczów i Bolesława Jerzego Trojdenowicza*. Równie 1933, 42—44. [Osobne odbicie z «Rocznika Wołyńskiego», т. III].

³⁴ 1320 г., СрезнПам 177, ср. также сб. Болеслав-Юрий II, 150—151.

³⁵ 1334 г., СрезнПам 185, ср. также сб. Болеслав-Юрий II, 153.

³⁶ См. S. Smolka. *Kiejstut i Jagiełło: Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie, Wydział: Filologiczny i Historyczno-Filozoficzny* 7 (1889) 98. Цитированная грамота Ягайла издана целиком: E. Raczyński. *Codex diplomaticeus Lithuaniae. Vratislaviae* 1845, 98.

^{36а} Грамоты галицкого князя Льва Даниловича являются подложными, на что указал еще Н. М. Карамзин (см. Н. М. Карамзин. История Государства Российского IV, СПб., 1843—1843,

диции в Галицко-Волынской Руси до присоединения ее к Польше остается недоказуемой гипотезой; тем не менее остается фактом, что титул **господарь Рускоѣ землѣ** впервые появился в среде, в которой сосуществовали славянские и латинские языковые и дипломатические традиции. На безусловно канцелярское происхождение титула *господарь* указывает и то обстоятельство, что в западно-русском *господарь* никогда не стал эквивалентом *dominus* при обращении к любому представителю знати, а сохранился для обращения к верховному владельцу (королю, великому князю и — реже — удельным князьям); как форма обращения к другим знатым лицам распространился очень рано полонизм *пань*. В украинских грамотах XIV—XV вв., изданных В. Розовым³⁷, слово *пань* встречается несколько десятков раз, а *господинь* всего лишь один раз; слово *пані* засвидетельствовано свыше 20 случаев, а *госпожа* только раз³⁸. Это обстоятельство приводит нас к выводу, что калька *господарь* и заимствование *пань/пані* заполнили реальный пробел в восточнославянской лексической системе, а слова *господинь/госпожа* мы должны рассматривать как элементы церковнославянского языка, т. е. как заимствования из древнеболгарского, не имевшие распространения в разговорном языке восточнославянского населения Юго-Западной Руси XIV—XV вв.³⁹

103—104, примеч. 203); более подробно о них см. М. Грушевский. Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва?, Критично-історична розвідка: Записки Наукового Товариства ім. Шевченка XLV (1902) 1—22. Несмотря на это, они продолжают издаваться как подлинные, ср. Гр. XIV, №№ 1—2, 4—5, с. 9—20. — Укажем еще на одно место в этом издании, где читается *господарь*. В конце грамоты рязанского князя Олега Ивановича после 1356 г. (Гр XIV, № 15, 33) мы читаем: «аже ми дал[ъ] сть м[и]л[ост]ивъ г[о]сп[ода]рь въ от[ъ]чинѣ свои въ Переяславѣ». Этот текст, по мнению И. И. Срезневского, написан другим почерком, чем основная часть грамоты (СрезнПам 213); по еще более раннему свидетельству составителей АИ (I, № 2), здесь (от *далъ* до первого *въ*) был пропуск. По всей видимости, слово *господарь* (гспрь) попало сюда в результате произвольной интерпретации не поддающегося прочтению отрывка текста. Ср. более подходящую по смыслу интерпретацию цитированного места: «аже ми дасть [г(о)с(по)дъ б(ог)ъ быти] въ ѿ(т)чинѣ...» (АСЭИ III, № 322, с. 351).

³⁷ Розов УкрГр (75 грамот).

³⁸ См. Я. О. Спринчак. З історії давньоруського слова «господа» та його похідних в українській мові: Українська мова в школі 6 (1956) 5: 67—68. По данным нового словаря староукраинского языка XIV—XV вв., слово *пань* в памятниках староукраинской письменности данного периода засвидетельствовано 10 800 раз (ССУМ. 2, 125) *пані* — 111 раз (там же, 123); *господинь* зафиксировано только 45 раз (ССУМ I, 255), *госпожа* — всего 2 раза (там же, 256). Наряду с формой *госпожа* встречается и болгарская форма *госпожда* (13 раз, все примеры из молдавских документов, см. там же, 256—257), которую в данном случае необязательно считать — вслед за составителями цитированного словаря — церковнославянизмом, поскольку в Молдавии она могла употребляться также под влиянием живого среднеболгарского языка.

³⁹ В свете приведенных выше данных нам представляется слишком оптимистическим утверждение О. Н. Трубачева о том, что можно окончательно «отвергнуть мысль о вторичном распространении слова *gospodъ из цслав. в другие слав. языки» (ЭССЯ, 7, 62). Нельзя упускать из виду, что др.-польск. *gospodzin* ‘господь’ (почти исключительно о бoге, SStp II, 468—470; единственный пример употребления слова *gospodzin* в светском контексте приводится из латинской хроники ок. 1250 г., где говорится, в частности, о том, что из-за различий между славянскими языками в одних языках *dominus* называется *pan*, а в других — *gospodzin*, но не уточняется, в каких именно языках) также является, по всей вероятности, заимствованием из древнечешского *hospodin* (см. Slawski SE I, 325), которое приобрело значение ‘господь (бог)’ во взаимодействии со старославянским языком. По В. Ф. Марешу, в церковно-славянском языке чешского извода старославянская оппозиция *gospodъ* ‘о бoге’ — *gospodinъ* ‘о человеке’ была разрушена, поскольку в

4. Для подтверждения нашей гипотезы о характере титула *господарь* в западно-норусском деловом языке мы обратимся к дипломатике совсем другой области славянского мира. Как известно, монаршеский титул *господарь* известен и в сербской дипломатике.

Если рассмотреть сербские данные в хронологическом порядке, то оказывается, что отправной точкой распространения титула *господарь* в сербской дипломатике мы должны признать Дубровник, дипломатика которого в средневековье развивалась опять-таки в латино-славянском симбиозе. Слово *господарь* в сербских грамотах встречается уже с XIII в., например в грамоте Стефана Радослава, данной Дубровнику в 1234 г.:

- (14) видѣ кралевство ми толикоу ѡдъ нихъ почѣсть и вѣрно послоужение, и сик оучиннивь имъ и оутвердихъ, якорѣ ако ми богъ да, и боуду господарь, како сьмь былъ, да си ходѣ съ своими си тръги по всѣи области кралевства ми свободно⁴⁰.

Ср. также в грамоте зетского князя Георгия Бакшича, данной Дубровнику в 1373 г.:

- (15) и кол [...] буду господарь ѡвонзи земли приморской, кога ѣ ѡколо Дубровника, да ми даю властеле дубровчки доходакъ⁴¹.

Однако случаи, когда слово *господарь* без всякого сомнения входит в официальную титулатуру князей, относятся к первой половине XV в., ср. 1436 г.:

- (16) прѣде к намъ ѹ Дубровникъ много славна и почтена племенита господа Юлена, много почтенѡга и славнога господина Гандаля, великога воеводе русага босанскога, и кки много славнога свето почившаго кнеза Лазара, господара срьблѣмь⁴²,

или 1441 г. (Дубровник):

- (17) прѣмисмо ѡдъ много славнога господина Гюрга, господара срьпскон земли и к томѹ ниже речѣно благо⁴³,

а также 1450 г. (Дубровник):

древнечешском в значении 'господин (о человеке)' употреблялось слово *pán*, и поэтому как *господь*, так и *господинъ* стали относиться к богу; временное сосуществование обеих форм закончилось вытеснением формы *господь* формой *господинъ* (см. В. Ф. Мареш. Стих чешско-церковно-славянской песни «Господине, помилуй ны»: To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday. The Hague—Paris 1967, II, 1262). Как видим, все-таки имеются веские аргументы в пользу того, что **ospodъ* и **gospodinъ* стали «общеславянскими» только благодаря средневековой культурной экспансии древнеболгарского.

⁴⁰ MonSerb, 19.

⁴¹ Там же, 184.

⁴² Там же, 386.

⁴³ Там же, 406.

- (18) Ми господинь Стѣпань, божиѡмь милостѹ херцегъ ѡдъ светога Саве, господарь хѹмьски и приморски и велики воевода рѹсага босаньскога, кнезь дриньски и к томѹ⁴⁴,

ср. также подпись и печать зетского князя Ивана Црноевича 1458 г.:

- (19) Ивань црньоєвѣкъ господарь зетски⁴⁵.

По-видимому, из корреспонденции с Дубровником закрепляется этот титул и за турецкими султанами в их сербских грамотах⁴⁶, ср., например, в грамоте султана Амурата, данной Дубровнику в 1430 г. (Эдирне):

- (20) Я велики господарь и велики амира сѹлтанъ Амѹратъ бегъ, синь великого господара и великого амире сѹлтанъ Мехѹметъ бега⁴⁷.

В XV в. *господарь* становится постоянным элементом титулатуры турецких султанов в их сербских грамотах, соответствующим слову *pādišāh* в турецких грамотах⁴⁸, ср., например, в грамоте 1470 г.:

- (21) паа Али бегъ, синь кнеза Ивана Влаховика, чинегѣрь и склавъ великого цара и велкого господара амирь сѹлтанъ Мехѹмедъ бега⁴⁹,

или в грамоте 1498 г.:

- (22) Мило(с)тию б(о)жию азъ велики го(с)пода(р) и силни ц(а)рь и велики амѹрат сѹ(л)та(н) Багаази(т) ха(н) и все(м) зѣ(м)ла(м) примо(р)ски(м) и рѹ(м)ске(м) [...] и веке ине(м) мнози(м) зѣ(м)ла(м) господи(н)⁵⁰.

Позже, с XVI в. слово *господарь* в сербских грамотах становится титулом и других сановников турецкого государства, ср. в грамоте венгерского короля Яноша Заполи 1537 г., адресованной Мехмед-бегу:

⁴⁴ Там же, 441.

⁴⁵ Там же, 534.

⁴⁶ Ср. в связи с этим высказыванием Б. О. Унбегауна: «Почетке ове дипломатские традиције треба вероватно тражити у чињеници да је отоманска влада једноставно преузела функције и праксу српских краљевских уреда, нарочито у њиховим односима са Дубровником» (Б. О. Унбегаун. Четири писма турског султана Селима I на српском језику: Xenia Slavica, Papers Presented to Gojko Ružičić on the Occasion of His Seventy-fifth Birthday, 2 February 1969. Edited by R. L. Lencek and B. O. Unbegaun [Slavistic Printings and Reprintings 279]. The Hague—Paris, 1975, 221).

⁴⁷ MonSerb 362.

⁴⁸ См. V. Boškov. Pitanje autentičnosti fojničke ahd-name Mehmeda II iz 1463. godine: Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine 28—30 (1977—1979) 95, где приводятся параллельные тексты султанских грамот на сербском и турецком языках. Подробнее о соотношении сербской и турецкой дипломатики см. V. Boškov. Odnos srpske i turske diplomatike: Jugoslovenski Istorijski Casopis 1980, 3—4; 219—236, и цитированную там литературу.

⁴⁹ MonSerb 511.

⁵⁰ А. Р. Годинка. Отворений листь султана Баязита II, о мирѣ его съ Владиславомъ королѣмъ угорьскымъ и чешьскымъ р. 1498: Šišićev zbornik. Zagreb, 1929, 636.

- (23) Главному и оужможному гвсподару срьбьскѣ землк, саанчаку смедеревьскому, белградскому [...], инемь више крашнимь градовымь гвсподару Мехмед бегу Яхьяпашкию⁵¹.

Со временем слово *господар(ь)* становится обычной формой обращения в среде турецкой знати в Сербии и как таковое сохраняется некоторое время также после освобождения Сербии среди сербской знати, пока в начале XIX в. Милош Обренович не запрещает его употребления по отношению к другим лицам, сохраняя право именоваться *господарем* только за самим собой (другие представители привилегированного класса могли титуловаться только словом *господин*)⁵², в чем, на наш взгляд, можно видеть влияние русского соотношения *государь* — *господин*.

У нас нет данных, которые позволили бы с достаточной долей вероятности предположить сколько-нибудь тесные контакты между (галицкой или краковской) русской и далматинской сербской канцеляриями в XIV в. (хотя возможность контактов в это — и даже в более раннее — время не исключается)⁵³, поэтому появление титула *господарь* почти одновременно в этих отдаленных друг от друга славянских областях мы должны признать результатом параллельной семантической инновации, для которой все-таки имелись сходные условия как в исходном языковом материале (наличие праславянского слова **gospodarь* ‘хозяин’), так и в характере самых актуальных языковых контактов (сосуществование в обоих центрах славянской канцелярии с латинской).

5. Рассмотрим еще судьбы титула *господарь* в двух румынских княжествах — в Валахии и Молдавии, поскольку в русском языке *господарь* в качестве историзма сохраняется как раз как титул бывших валашских и молдавских воевод⁵⁴. Валаш-

⁵¹ MonSerb 553.

⁵² Ср. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, III. Zagreb 1887—1891, 304.

⁵³ Так, напр., в папской грамоте 1218 г. упоминается вклад галицких князей Василька и Ивана-Владимира в православный монастырь на реке Саве, см. В. П. Шушарин, указ. соч. 444—446; Gy. Györffy. Das Güterverzeichnis des griechischen Klosters zu Szávaszentdemeter (Sremska Mitrovica) aus dem 12. Jahrhundert: StSl 5 (1959) 54—58; этот монастырь просуществовал под юрисдикцией константинопольского патриарха до 1334 г. (там же, 73—74); черниговский князь Ростислав Михайлович, женатый на дочери венгерского короля Бель IV, безуспешно претендовавший (при поддержке своего тестя) на галицкий престол, после 1246 г. получил от короля банат Мачвы (земли между реками Дунаем, Савой и Дравой; В. Т. Паушто, указ. соч. 238); в дальнейшем он успешно вмешивался в дела соседних южнославянских государств, распространяя свою власть на Боснию, Хум и даже на часть Болгарии (В. Нотан, Gy. Szekfű, указ. соч. I, 565—566). На сербско-галицкие связи может указать и факт, что в том же 1349 г., когда Казимир III покорил Галицкое княжество, сербский король Стефан Душан в отдельной грамоте объявляет о том, что он перенимает покровительство над русским монастырем на Афоне (см. П. Грицак. Галицко-Волинська держава [Наукове Товариство ім. Шевченка. Бібліотека українознавства 5]. Нью-Йорк, 1958, 152).

⁵⁴ Так уже в XVIII в., ср. в «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском» В. Н. Татищева, составленном в 1730—40-е годы: «Государь, никому кроме монарха не дается, словенское господь, но оно по обыкновению ныне дается токмо богу, а прежде было всем общее, ибо в славенском языке, кроме онаго, нет. государь мой всякому высокому и равному, господин посредственному и нижним дается предпочтение, но пишется сокращенно или под титулом за преимущество вместо господь гдѣ, за государь гдѣрь, за господин гдн; иногда называли государя господарь, но оно ныне токмо волоскому и мултанскому воево-

ские и молдавские грамоты сохранились со второй половины XIV в. В языковом отношении грамоты этих двух княжеств резко расходятся: валашские грамоты написаны в основном на среднеболгарском языке, а молдавские — на староукраинском⁵⁵. Слово *господарь* не входит в официальную титулатуру валашских воевод, хотя оно изредка встречается в тексте грамот, в том числе и самых ранних. Так, например, в жалованной грамоте воеводы Владислава монастырю в Водице 1347 г. титул воеводы звучит:

- (24) Понеже азъ, иже въ Христа Бога благовѣрныи воевода Владиславъ милостѣж Божіеж господинь въсен вжгровлахѣи,

ср. также подпись:

- (25) Іw Владиславъ воевода, милостѣж Божіеж господинь.

В грамоте слово *господарь* встречается в следующем контексте:

- (26) Паки оустави господство ми, по съвѣтѣ, яко по смърти кѣр Никодимовѣ, да нѣст ныки господарь волентъ да постави на мѣстѣ томъ старѣишинъ⁵⁶.

Среди грамот, датированных XIV в., слово *господарь* встречается еще в грамоте воеводы Мирчи Старого жупану Влькулу 1389—1400 гг.:

- (27) Хто ли се покусит разврѣтити сие повелѣние господства ми и записаніе или господар нѣкои или болѣрин, да ест проклетъ ѡт ѡтца и сына и свѣтаго дѹха и ѡт вѣсѣхъ свѣтихъ;

в титуле воеводы и здесь, как и во всех валашских грамотах: *господинь*⁵⁷.

В валашских грамотах слово *господарь* встречается чрезмерно редко и в XV в., ср., например, в грамоте Влада Дракула от 2 августа 1439 г.:

- (28) Кто ли дрѣзнет, макар и само господство ми или ѡт сыновъ господства ми или бѣди кон господарь иже хощет настати по моем трагѣ и поищет разорити сѣе потвържденіе и повелѣніе господства ми [...] ⁵⁸;

дам дается» (В. Н. Татищев. Избранные произведения. Под общей ред. С. Н. Валка. Л., 1979, 244). По устному сообщению Б. А. Успенского, титул *господарь* стал повторно известным в России в связи с переездом сюда в 1711 г. молдавского господаря Дмитрия Кантемира.

⁵⁵ Ср. А. И. Яцимирский. Язык славянских грамот молдавского происхождения. СПб., 1909 (Отдельный оттиск из «Сборника по славяноведению» III), 1; I. Bogdan. Über die Sprache der ältesten moldauischen Urkunden: Zbornik u slavu Vatroslava Jagića (Jagić-Festschrift). Berlin, 1908, 371; С. Б. Бернштейн. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии I, Язык валашских грамот XIV—XV веков. М.—Л., 1948, 363—366.

⁵⁶ DIR — В I, № 6, с. 17.

⁵⁷ Там же, № 11, с. 30. Отметим, что неправильно читается *господарь*[ъ] издателем в грамоте ок. 1390 г. того же Мирчи (названного почему-то воеводой молдавским), данной львовским купцом, в издании Гр XIV, № 52, с. 106. По помещенной рядом (с. 105) фотокопии видно, что в монограмме Мирчи должно читаться *господинь* (ср. Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. М., 1979, 240).

⁵⁸ Ср. А. И. Яцимирский. Язык славянских грамот молдавского происхождения. СПб., 1909, 371.

имеются лишь единичные случаи его употребления на несколько сотен сохранившихся грамот, и то не в титулатуре воевод. Это обстоятельство и заставило Д. П. Богдана считать *господарь* в валахских грамотах XIV—XV вв. сербизмом⁵⁹.

Как элемент титула *господарь* появляется в грамоте воеводы Александра 1432 г., адресованной темешварскому (совр. рум. Timișoara) жупану («ишпану»):

- (29) **Одъ воеводе влашкога. господара, Миръчина сина, одъ Алъде воеводе [...]**⁶⁰.

Однако эта грамота написана по-сербски, ср. характеристику ее языка, данную С. Б. Бернштейном: «Грамота Александра написана на сербском языке с незначительными местными особенностями. [...] Таких грамот, как приведенная нами грамота Александра, в Брашковском архиве больше нет. В языковом отношении эта грамота, изданная Богданом под № XXX⁶¹, не имеет аналогий. [...] Отличается она от других грамот Александра и важнейшими стилистическими особенностями (напр., своей вступительной частью)»⁶².

Итак, слово *господарь* никогда не закрепилось в титулатуре валахских воевод, следовательно, оно не могло послужить образцом для титулатуры молдавских воевод. В самых ранних молдавских грамотах XIV в. в титулатуре воевод встречается, впрочем, и здесь *господинь*, как и в валахских грамотах; титул *господарь* появляется только в самом конце XIV в., и окончательно он закрепляется лишь в XV в. при Стефане Великом⁶³. Появление титула *господарь* в языке молдавской канцелярии румынскими историками приписывается влиянию литовской великокняжеской канцелярии⁶⁴. На самом деле, имеются грамоты Ягайла, данные молдавским воеводам, в которых польский король и великий князь литовский титулуется *господарем*, а молдавский воевода не употребляет еще этого титула по отношению к себе, ср., например, в грамоте Ягайла молдавскому воеводе Петру от 27 января 1388 г.:

- (30) **Влодисла(в). ежею. мл(с)то кроль польски литовьскиѣ. Рѹскиѣ дѣдичь и нинѣх(х) многы(х) зѣмлѣ господарь. чинимо то свѣдо(м)ю оуѣмо которыѣ**

⁵⁸ DIR — В I, № 89, с. 155.

⁵⁹ D. P. Bogdan. In cheștiunea autenticității inscripției funerare a voevodului muntean Nicolae Alexandru Basarab: Revista Istorică Română 3 (1933) 270—271; *его же*, (рец. на ст.): I. Minca. Gospodin și gospodar: Cercetări Istorice 8—9 (1932—1933) 214—215; *его же*, (рец. на кн.): D. Ionescu. Contribution à la recherche des influences byzantines dans la diplomatie roumaine, Valenii-de-Munte 1934: Revista istorică Română 4 (1934) 336—337. Редкие случаи фиксации слова *господарь* в валахских грамотах XIV—XV вв. цитируются нами по указаниям, имеющимся в названных работах Д. П. Богдана.

⁶⁰ С. Б. Бернштейн. Указ. соч. 129.

⁶¹ Имеется в виду издание И. Богдана: Documente privitoare la relațiile țării Românești cu Brașovul și cu țara Ungurească în sec. XV și XVI. Texte slave cu traduceri, adnotațiuni istorice și introducere [...] de I. Bogdan. I, București, 1905.

⁶² С. Б. Бернштейн. Указ. соч. 131—132.

⁶³ V. și E. Virtosu. Titlatura domnilor și asocierea la domnie în Tara Românească și Moldova până în sec. al XV-lea. București, 1960, 190—193.

⁶⁴ Там же, 194, ср. указанную выше рецензию Д. П. Богдана: Revista Istorică Română 4 (1934) 336—337. Ср. также М. MITU. Termeni de origine polonă în documentele slavo-moldovenești I. 1388—1517; Romanoslavica 8 (1963) 182.

на то(т) листо посмотрито. оже пано петр воево(д) молдавѣ зать и приатѣль нашъ. пожичило на(м) д̄ тисачи рѹелитѣ фряжского серебра⁶⁵;

ср. также в ответном документе воеводы Петра от 10 февраля 1388 г.:

- (31) Владиславу, Божею милостию королю Польскому, Литовскому дѣдичю и Рѹскому, и инѣхъ многихъ земель господарю, усесердечное покланяніе отъ Петра воеводы Молдавского⁶⁶.

В грамоте 1395 г. уже и молдавский воевода титулуется *господарем*:

- (32) Кгды коли кроль господарь его и нашъ Владиславъ [...] пошлетъ по одного господаря Стефана⁶⁷.

Таким образом, титул *господарь* в языке молдавских грамот мы должны признать западнорусизмом, между тем как в языке валашских грамот то же самое слово представляет собой сербизм⁶⁸.

6. Возвращаясь к истории титула *господарь* в западнорусском ареале, мы хотели бы обратить внимание на тесную связь этого титула с дальнейшими судьбами Галицкой Руси. После смерти Казимира III (1370 г.) Людовик Анжуйский (венг. король: 1342—1382, польск. король: 1370—1382) передал Галицкую Русь опольскому князю Владиславу в качестве венгерского лена (1372—1378 гг.)⁶⁹. В этот период титул *господарь Рускоѣ земли* засвидетельствован в грамоте Владислава Опольского 1378 г.:

- (33) Ёжью ма(с)тью. Мы князь володиславъ. Опольскоѣ земли. и велѹнскоѣ земли. и рѹскоѣ земли. господарь. и дѣдичь вѣчныи землямъ тѣмъ. самодержецъ⁷⁰.

Ср. его титулатуру в латинских грамотах и на печатях:

- (34) Dei gratia dux opoliensis, velunensis terreque Russie dominus et heres⁷¹.

⁶⁵ Гр XIV, № 41, с. 79; АЗР № 8/1, с. 22.

⁶⁶ Гр XIV, № 42, с. 81; АЗР № 8/2, с. 22.

⁶⁷ Гр XIV, № 65, с. 125—126; АЗР I, № 11, с. 26; СрезнМат I, 563.

⁶⁸ Из более позднего времени (1566 г.) известна одна сербская грамота молдавского воеводы Александра, данная Дубровнику, в которой упоминается «херцег Стефан, кои є биw у вриеме минуто господар земле Херцеговине а ваш бегъ, града Дубровника суседъ и приятель». Грамота заканчивается так: «Александр воевода повеле господарь земли молдавской, писа Драгомир срьбинъ у месту Сучаве» (MonSerb 556—557). Эта поздняя грамота интересна прежде всего тем, что здесь пересекаются две линии распространения титула *господарь* в славянских языках: титул сербского происхождения и титул западнорусского происхождения засвидетельствованы в одном и том же тексте.

⁶⁹ История Польши I. Под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова, М., 1954, 121; В. Нотан, Gy. Szekfű, указ. соч. II, 231—233.

⁷⁰ Гр XIV, № 28, с. 59.

⁷¹ См. М. Грушевский, История України-Руси IV. Львів 1903, 93 и 412—413, сн. 1—3; J. Dąbrowski. Ostatnie lata Ludwika Wielkiego 1370—1382. Kraków, 1918, 290—291.

В этот же период слово *господарь* засвидетельствовано и в титулатуре подольского князя Александра Кориатовича, ср. в жалованной грамоте смотрящему доминиканскому монастырю от 17 марта 1375 г.:

- (35) **МЫ. КНА(З) ЛИТОВСКИИ. КНА(З) ОЛЕЗАНДРО. КОРЬАТОВИЧЬ. БѢЮ МЛТЮ. КНАЗЬ. И ГДРЬ ПОДОЛЬСКОИ. ЗЕМЛИ**⁷².

(Подолье, зависевшее ранее от Галицко-Волынского княжества, в это время — примерно с 1363 г. — было владением литовского рода Кориатовичей, вассалов Польши)⁷³. В составлении данной грамоты, по всей вероятности, приняли участие и ее адресаты, так как грамота написана по образцу латинских грамот и полонизмы встречаются в ней даже в церковной терминологии, например, **къ матицѣ бѣи** (ср. польск. *Matka Boska* 'Богоматерь').

После смерти Людовика и ликвидации венгерско-польской персональной унии Галицкая Русь была воссоединена с Польшей (1386 г.). Титул *господарь* унаследовал Ягайло, когда, женившись на дочери Людовика Ядвиге, в 1386 г. он стал королем Польши и великим князем литовским одновременно. Надо полагать, что закрепление этого титула за литовскими великими князьями совершилось как раз в те годы (1386—1392), когда Ягайло и практически управлял обоими государствами. Ср. уже в 1386 г. в договорной грамоте со смоленским князем Юрием Святославичем (грамота написана в Вильне):

- (36) **МЫ ЮРИИ СВАТЪСЛАВИЧ. КНЗЪ ВЕЛИКИИ СМОЛЕНСКИИ ДАЕМЪ ВЕДОМО. КТО КОЛИ СЮ ГРАМОТУ ВИДИТЬ А ЛЮБО СЛЫШИТЬ. С ВОЛОДИСЛАВОМЪ БѢЮ МЛСТЮ. С КОРОЛЕМ ПОЛСКИМЪ ЛИТОВСКИМЪ И РУСКИМЪ ИНЫХЪ ЗЕМЛЬ УСПОДАРЕМЪ. ТАК ЕСМЪ ОУ ДОКОНЧАНИИ. ОУ ПРАВДѢ**⁷⁴,

или в грамоте 1387 г.:

- (37) **ВЛАДИСЛА(В) В(ОЖ)ЬЕ М(И)Л(О)СТИ КОРОЛЬ ПОЛСКИИ. ЛИТОВСКИ, РУСКИ, ИНЫХЪ ЗЕМЛЬ ГДРЬ**⁷⁵,

ср. также титулатуру Ягайла в грамотах 1388 г. (30, 31). Эта титулатура точно соответствует формуле латинских грамот Ягайла, ср., например, в одной из грамот 1415 г.:

- (38) **Nos Vladislaus, Rex Poloniae ac Lithvaniae, Russiae et aliarum plurimarum terrarum Dominus**⁷⁶.

⁷² Гр XIV, № 24, с. 50; АЗР I, № 4, с. 21.

⁷³ См. *М. Грушевский*, указ. соч. IV, 70—82; *A. Prochaska*. Podole lennem Korony 1352—1430: Rozprawy Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności w Krakowie 32 (1895) 256—279.

⁷⁴ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963, 72.

⁷⁵ Полоцкие грамоты XIII—начала XVI в. Сост. А. А. Хорошкевич. Вып. I. М., 1977, № 10, с. 50. В цитированном издании: г(о)с(у)д(а)рь, однако для такого прочтения нет никаких оснований, ср. выше 2.

⁷⁶ HRM Suppl. № CLXV, p. 454. О титулатуре литовских князей в латинских, немецких и русских документах до середины XV в. см. *J. Adamus*. O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń: Kwartalnik Historyczny 44 (1930) 313—332.

Таким образом, употребление слова *господарь* в соответствии с лат. *dominus* в титулатуре литовских великих князей является одним из элементов галицкого происхождения, перешедших в деловой язык Великого княжества Литовского в результате соединения литовской канцелярии с польской при Ягайле. Такой путь распространения титула *господарь* точно совпадает с общим ходом развития западнорусского делового языка, у истоков которого мы находим как раз южноукраинский (галицкий) говор, а не, как ожидалось бы, один из белорусских говоров; черты белорусского языка берут верх в великокняжеских грамотах лишь к концу XV в. До приглашения Ягайла на польский престол литовская великокняжеская канцелярия, если она вообще существовала, находилась в зачаточной стадии развития, не имела еще устоявшихся собственных традиций, поэтому естественно, что при ее создании (или, по крайней мере, урегулировании) воспользовались опытом имеющей к этому времени уже некоторую традицию русской канцелярии при королевском дворе, в которой по известным историческим причинам преобладало южноукраинское влияние⁷⁷. Преемственность между русской канцелярией Казимира III и Владислава Ягайла имела и то следствие, что формуляр литовских великокняжеских грамот калькирует латинские грамоты польской королевской канцелярии и не продолжает (а наоборот, постепенно вытесняет и в местном делопроизводстве) традиционный древнерусский формуляр⁷⁸.

7. В 1392 г. Ягайло передал власть в Литве Витовту, хотя он сохранял за собой титул великого князя и его титулатура в русских грамотах не меняется⁷⁹, ср., напр., в грамоте 1393 г. (Переяславль):

(39) оу великого корола. оу володислава. бѣжи милости. полского. литовского и русского. а иныхъ мниги⁸⁰ [sic!] зємль гспдра⁸⁰,

или в грамоте 1408 г. (Сандомир):

⁷⁷ Ср. *M. Rudzińska*. Charakterystyka języka urzędowego Wielkiego Księstwa Litewskiego: II Międzynarodowy zjazd slawistów (filologów słowiańskich), Księga referatów. Sekcja I—Językoznawstwo. Warszawa, 1934, 100—104; *KuraszkFil* 335—364; *KuraszkJęz* 5—8; *Chr. S. Stang*. Die westrussische Kanzleisprache des Großfürstentums Litauen. Oslo, 1935, 6—7. Ср. также рецензию В. Курашкевича на указанную книгу Х. С. Станта: *Rocznik Slawistyczny* 13 (1937) 39—59, где говорится: «tradycję języka kancelaryjnego białoruskiego zaczynają haliCCy pisarze Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły» (с. 57). О литовской канцелярии до кривской унии см. *M. Kosman*. Kancelaria wielkiego księcia Witolda: *Studia Źródłoznawcze* 14 (1969) 98.

⁷⁸ На преемственность в области дипломатики между русской канцелярией Казимира III и литовской великокняжеской канцелярией указал уже А. И. Соболевский в работе 1889 г., которая, однако, осталась в рукописи до последнего времени: «Непродолжительное управление Ягелла вместе и Литвою, и Польшею и соединение при нем канцелярии литовско-русской с польско-латинскою имело своим результатом введение в западнорусские документы тех формул, которые уже употреблялись в польской канцелярии для русской Галиции. Витовт наследовал эти формулы, и мы их видим почти постоянно в его грамотах [...]» (*А. И. Соболевский*. История русского литературного языка. Издание подготовил А. А. Алексеев. Л., 1980, 71). Ср. также *Chr. S. Stang*, указ. соч. 132—141; *его же*. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939, 101.

⁷⁹ Несколько иначе в латинских документах, в которых со временем упрочняется титул *supremus princeps* для Ягайла, а *magnus dux* для Витовта (по отношению к Литве), см. *J. Adamus*, указ. соч., 328—329.

⁸⁰ См. *KuraszkFil* 361.

- (40) Мы Владиславъ, съ Божей милости король польскій, литовскій, рүскій и иныхъ многихъ земель господарь⁸¹.

Кроме официальной титулатуры сочетание *господарь король* появляется и в нарративной части грамот как этикетная форма обращения к королю или упоминания его в соответствии с лат. *dominus rex* и польск. *pan król*, ср., например, в грамоте луцкого епископа Ивана 1398 г.:

- (41) а се азъ вадка иванъ из лүцка знаемо чиню всѣмъ аже да^а ми гдѣрь мои великыи король митрополью галицкюю хочет ми помочи на поставленье митрополитомъ а кѣли бѣ дасть стану митрополитомъ а за то слюбоую и хвню дати оже бѣ дасть моему милomu гдѣрю королю двѣ стѣ гривен рүскихъ а тридцать кѣни безъ хитрости⁸²,

в грамоте 1404 г. (Львов):

- (42) како коль та речъ межи нашимъ господаремъ кролемъ Владиславомъ Полскимъ съ одной стороны, межи панено Ядвигою Отиною Пилецкою съ другое стороны [...] на многихъ роцѣхъ предъ нами водилась⁸³,

или в грамоте 1419 г.:

- (43) аже король господарь нашъ казалъ намъ розѣхати границу⁸⁴.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что сочетание *господарь король* (вне официальной полной титулатуры) в западнорусском деловом — и, по-видимому, также разговорном — языке было распространенной формой обращения к королю уже в конце XIV в. В этом отношении необходимо уточнить данные Г. Штекля, который появление этой формы обращения в западнорусском датирует серединой XV в. и видит в этом сочетании результат персональной унии Польши с Литвой⁸⁵.

Кроме элемента титула и формы обращения в западнорусских документах конца XV — начала XVI в. слово *господарь* выступает и в значении 'монарх, верховный владетель'. Это отчетливо явствует из серии присяжных грамот подвластных Литве удельных князей 1400—1401 гг.:

- (44) по смерти. на^шго. го^дра. великого. кн^я витовта. не искати ми. иныхъ. господаревъ. мимо наше^г. многого. господаря. кроля. владислава. пол^ского⁸⁶,

⁸¹ АЮЗ I, № 10, с. 6.

⁸² Цитата дается по фотокопии (ГрXIV, с. 136; см. также Е. Ф. Карский, указ. соч. 423). В издании М. М. Пешак и здесь читается Г[о]с[у]д[а]рь, г[о]с[у]д[а]рю (ГрXIV, № 73, с. 135).

⁸³ АЮЗ I, № 9, с. 5.

⁸⁴ В. Розов, указ. изд., № 49, с. 90.

⁸⁵ Ср. G. Stöckl, указ. соч. 115.

⁸⁶ ГрXIV, № 81, с. 146, ср. также фотокопию № 2 на с. 145.

- (45) то҃ бѣ҃тъ не дан. што бы сѧ стало над моимѣ гдѣремѣ князе҃ велики҃м витовто҃м перво ниже над королемѣ. тогда по смѣрти. гдѣрѧ своего. нѣ имѣю иного гдѣрѧ искати ниже. коро҃ла полского володисла҃ а҃⁸⁷.

О том, что в западнорусском языке первой трети XV в. слово *господарь* могло применяться по отношению к любому монарху (не только к литовскому великому князю), свидетельствуют и летописные источники, в частности «Похвала Витовту». Этот панегирик, составленный или еще при жизни Витовта⁸⁸, или вскоре после его смерти (1430 г.)⁸⁹, интересен между прочим тем, что в нем дается обзор титулов современных Витовту европейских монархов:

- (46) Таинну цареву таинти добро есть, а дела великаго господаря поведати добро жь есть. Хочю вамъ поведати о великомъ князи Олександрѣ Витовтѣ литовскомъ и рускомъ, иных многих земли господари. [...] Сии князь велики Витовт, вѣше же ему дѣржаще великое княжение Литовское и Руское, иных многы земли, спроста реку вся Руская земля. Не токмо же руская, но еще господарь Угорьской земли, зовемыи цесарь римский и великои любви живяше с нимъ. [...] Славному господарю, благоверному же и христолюбивому царю цариградскому, и тому с нимъ и великой любви живущу. [...] еще же господарь земли Молдовьской и Басарабъ, по волоскому языку воеводы, такоже и господарь земли Болгарьской, по болгарьскому языку деспоты [...] и, спроста реку, иже не обретется во всемъ Поморни ни град, ни место, иже бы не прислухали славнаго того господаря Витовта. Тыи же велиции господари, цари, велиции князи и велиции земли. [...] И коему господарю некакую нужно не мощну быти, и он вси свои рати и силы посылалъ на помощь [...] ⁹⁰.

В немногочисленных сохранившихся подлинных русских грамотах самого Витовта обычен титул в сокращенной форме:

- (47) Мл(с)тью бжью мы кнзь велики витовт чинимъ знаменито [...] ⁹¹,
 (48) Мы великии кнзь витовт. дали есмо сюю нашу грамоту [...] ⁹²,

однако Витовт очень часто упоминается в источниках с титулом *господарь*:

- (49) князь великий Витовт литовский, наш усп(о)д(а)рь ⁹³,

⁸⁷ ГрXIV, № 7, с. 34; ср. также № 6, с. 33. Грамоты изданы также в АЗР (I, №№ 17—20, с. 28—30).

⁸⁸ Ср. J. Ochmański. Historia Litwy. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk—Łódź, ²1982, 89, 96.

⁸⁹ По более аргументированному мнению С. Смолки, панегирик был написан ок. 1439 г. в окружении смоленского епископа, а затем митрополита Герасима, см. S. Smolka. Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego, Rozbiór krytyczny: Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie. Wydział: Filologiczny i Historyczno-Filozoficzny 8 (1890) 18—19.

⁹⁰ Цитируется по Слуцкой летописи (список ок. 1524 г.): ПСРЛ 35, 75—76. Ср. также в других западнорусских летописях — там же, 58—59, 108—109.

⁹¹ ГрXIV, № 8, с. 35.

⁹² ГрXIV, № 9, с. 36. Ср. также другие грамоты Витовта: ГрXIV, №№ 56—57, с. 110—112, № 67, с. 128, № 78, с. 141.

⁹³ Полоцкие грамоты, указ. изд., вып. I, № 38, с. 108.

- (50) Витовтъ, великій князь Литовскій, Рүскій, Жомонтскій. Билъ намъ господарү чоломъ слуга нашъ Самборъ⁹⁴.

Хотя, как нами было показано, история титула *господарь* в западнорусском начинается не с Витовта, мы должны согласиться с выводом Г. Штекля и В. Водова о том, что длительное «господствование» Витовта в Литве (1392—1430 гг.) могло способствовать распространению его титула и в подвластных ему областях, и в смежных с ними восточнославянских землях⁹⁵. Это тем более понятно, что при Витовте Литва стала великой державой и Витовт вмешивался и в дела общерусские, как, напр., в дела русской церкви, а также в дела отдельных русских княжеств, остающихся вне его сюзеренитета. Еще в 1390 г. Витовт выдал замуж свою дочь Софию (1371—1453) за великого князя московского Василия I Дмитриевича, он поддерживал тесные контакты с Новгородом и Псковом, с тверским и рязанским княжествами. Неслучайно поэтому, что проникновение титула *господарь* в великорусские документы относится ко времени правления Витовта в Литве.

8. В связи с избранием Григория Цамблака киевским митрополитом титул Витовта попадает в соборную грамоту литовских епископов от 15 ноября 1415 г., написанную на церковно-славянском языке:

- (51) И тако намъ скорбящимъ о церкви и о людехъ Божьихъ, подвиже милостивый Богъ сердце великого князя Александра, зовомаго Витовта, Литовскаго и многихъ Рүсскихъ земель господаря⁹⁶.

При втором упоминании о Витовте он титулуется (собственно церковно-славянским, по нашему убеждению) словом *господин*:

- (52) Таже не толика есть Срьбьская земля, елика есть Рүсская, яже есть въ области господина великого князя Александра, преже реченаго Витовта⁹⁷.

Титул *осподарь* выступает и в окружной грамоте самого Витовта, в которой он мотивирует свое решение об отделении киевской митрополии от московской:

- (53) а иные люди со стороны ркүть: «осподарь не в той вѣрѣ, того для церковь оскүдѣла»⁹⁸.

Эти документы стали известными, по всей вероятности, всей русской церковной иерархии, в том числе и великорусской, которая сохранила верность митрополиту Фотию. В связи с этим же событием константинопольский патриарх Иосиф II в 1416 г. пишет московскому митрополиту Фотию:

⁹⁴ АЮЗ I, № 12, с. 7 (по списку 1592 г.).

⁹⁵ Ср. G. Stöckl, указ. соч., 115; W. Vodoff, указ. соч., 25.

⁹⁶ АЗР I, № 24, с. 33 (по списку начала XVI в.).

⁹⁷ Там же, с. 34.

⁹⁸ АЗР I, № 25, с. 36 (по списку начала XVI в.).

- (54) И сего ради писалъ царь святыи къ великомѹ князю Витовтѹ, такоже и мы, о исправленіи вещи сіа, и надѣемся, понеже естъ ѹмный осподарь⁹⁹.

В документах сношений Витовта с великорусскими князьями только литовский великий князь титулуется словом *(г)осподарь*, ср., напр., в договорной грамоте Витовта с тверским великим князем Борисом Александровичем 1427 г.:

- (55) Се ѿзъ, князь велики Борисъ Александровичъ тѣрьски, взалъ есмь любовь таковоѹ с свои^м г(о)с(поди)н(о)мъ, з дѣдомъ, великимъ кн(а)з(е)мъ Витовтомъ литовским и многихъ Русьскихъ земель господаремъ¹⁰⁰,

или в dokonчании Витовта с великим князем рязанским Иваном Федоровичем ок. 1430 г.:

- (56) Г(о)с(поди)нѹ, усподарю моемоѹ, велико^м(ѹ) кнѧ^з(ю) Витовтоѹ, се ѿзъ, кнѧ^з(ь) велики Ива^н Федорови^ч рѧзаньскы, добилъ есми челом, да^тьса есми емѹ на слоужбоѹ, и усподарь мои, кнѧ^з(ь) велики Витовтѣ, принѧ^т ме^н(ѧ) [...] на слоужбѹ¹⁰¹.

Способ титулования великого князя на Литве мог стать известным великорусским князьям и их свитам также на съезде в Вильне и Троках по случаю (несостоявшейся в конце концов) коронации Витовта в 1430 г., когда, по словам западнорусского летописца, Витовт

- (57) съзваше к собѣ короля польского Владислава, князя великого московского Василия Васильевича и князя великого тѣрьского Бориса Александровича, [...] и от великого князя Ивана рязаньского, и от волоского воеводы послы приходили, и Одоевьскыи князи сами были, и от великого Новгорода, и от Пскова, и от ордынскаго царя послы выша [...]. И тыи короли и велиции князи и послы выша ѹ великого князя Витовта 7 недель на его истравѣ [...]¹⁰².

9. Первые достоверные случаи употребления слова *(г)осподарь* в значении 'верховный правитель' в великорусских документах, не имеющих никакого отношения к Западной Руси, обнаружены нами в договорных грамотах Василия II Васильевича с Дмитрием Шемякой 30-х гг. XV в.¹⁰³, ср. в dokonчании 1434 г.:

⁹⁹ РИБ VI, № 40, с. 360 (по списку XVI в.).

¹⁰⁰ ДДГ № 23, с. 62.

¹⁰¹ ДДГ № 25, с. 67—68; см. также аналогичную грамоту № 26, с. 68—69.

¹⁰² ПСРЛ 35, 34.

¹⁰³ Г. Штекль указывает на духовную Кирилла Белозерского 1427 г. как на хронологически первую фиксацию титула *господарь* на великорусской территории (G. Stöckl, указ. соч. 115 со ссылкой на АИ I, № 32, с. 62). Однако, как сообщается в комментариях к современному изданию этого памятника (АСЭИ II, № 314, с. 277—279), издатели АИ пользовались не подлинником духовной Кирилла, а старым списком с нее: подлинник грамоты неизвестен. Поэтому, на наш взгляд, нельзя признать эту фиксацию абсолютно первой и безоговорочно достоверной. Титул *господарь* мог попасть в этот текст и при переписывании, так как можайские, верейские и бело-

- (58) **А воаро^а и дете^а воарьски^а межи на^с волны^а вола [...]** **А гдѣ бѹдетъ ити наши^а рате^а, и гдѣ хто живе^т въ вашон очинѣ, хто комѹ слѹжитъ, тотъ иде^т своимъ осподаре^а¹⁰⁴.**

В подобном контексте выступает это слово также и в грамотах 1436 г.:

- (59) **А гдѣ, г(о)^с(поди)не, бѹде^т итьти нашимъ рате^а, и гдѣ кто живе^т в наши^х штчина^х, а кто комѹ слѹжитъ, то^т съ свои^а осподаре^а и иде^т¹⁰⁵,**

и в грамотах 1441—1442 гг.:

- (60) **А гдѣ бѹде^т итьти наши^а рате^а, и гдѣ хто живе^т в наши^х штчина^х, и хто комѹ слѹжитъ, то^т съ свои^а осподаре^а и бѹде^т¹⁰⁶.**

В подобном значении слово *господарь* отмечается в послании Василия II константинопольскому патриарху Митрофану 1441 г., в котором московский князь просит разрешения на поставление митрополитом рязанского епископа Ионы:

- (61) **И просимъ святѣйшее ти владычество [...]** **за неустроение и мятежи еже въ окрестныхъ насъ странахъ, и господарей ѹмноженіа, свободно намъ сътворите въ нашей земли поставление митрополита¹⁰⁷.**

Поставленный в митрополиты в 1448 г. Иона уже в том же году в окружной грамоте призывает жителей Московской Руси, чтобы они

- (62) **били челомъ своему господарю великому князю о жалованьи [...]. А не имете бити челомъ своему господарю великому князю, къ конечной своей погибели, а за тѣмъ кровь христіанская прольется¹⁰⁸.**

зерские князья также титуловались *господарями* во второй половине XV в., что подтверждается показаниями грамот, сохранившихся в подлиннике, см. напр., АСЭИ II, № 165 (ок. 1455 г.), с. 100; № 167 (1455—1470 гг.), с. 102; № 185 (1460—1470-е гг.), с. 177 и др. Титул этот употреблялся, по-видимому, и по отношению к тверскому великому князю, ср. у Афанасия Никитина: «Пондох [...] **отъ гдѣра своего отъ великаго князя михаила борисовича тверскаго(о)**» (1466—1472 гг., по списку XVI в., см. ОбнБарх I, 228). Титул *господарь* был введен и для Новгорода во второй половине XV в. (ГВНП № 96 [1459—1469 гг.], с. 152; № 101 [1476—1477 гг.], с. 156, ср. G. Stöckl, указ. соч. 116; в указанном издании титулы раскрываются без оговорок и читается *государь*, что едва ли оправдано). Все это указывает на то, что (*г*)*осподарь* на первых порах своего существования в великорусских областях мог относиться отнюдь не только к московскому великому князю, и делает понятным, почему и Василий Темный, и Дмитрий Шемяка могли называться *господарями* в цитируемых нами (не учтенных Г. Штеклем) договорных грамотах, ср. (58)—(60).

¹⁰⁴ ДДГ № 34, с. 88.

¹⁰⁵ ДДГ № 35/1а, с. 91—92, ср. также 1б, с. 94, 1б, с. 97, 1б, с. 99.

¹⁰⁶ ДДГ № 38/1а, с. 109, ср. также 1б, с. 111, 1а, с. 114, 1б, с. 116. В более ранних договорных грамотах в статье подобного содержания мы находим другую формулировку: «а кто которому князю(ю) слѹжитъ, гдѣ бы ни жи, томѹ с тѣмъ князе^а и фхати, комѹ слѹжитъ» (ДДГ № 14 [не ранее 1390 г.], с. 40).

¹⁰⁷ РИБ VI, № 62, с. 535.

¹⁰⁸ РИБ VI, № 64, с. 542; АИ I № 43, с. 87.

В качестве официального титула сочетание *осподарь земли руской* в Московской Руси засвидетельствовано впервые на монетах Дмитрия Шемяки до 1447 г.¹⁰⁹, т. е. почти на сто лет позже, чем в грамотах Казимира III (ср. 3). На монетах Василия II с конца 40-х гг. XV в. читается *осподарь всея Руси* или *осподарь всея русскоу земли*¹¹⁰. Василий II называет себя *господарем* в докончании с суздальским князем Иваном Васильевичем 1448—1449 гг.:

(63) [Бѡжи]ѡю м(н)л(о)ѣтнѡ и [прѣ]ч(н)ѣтѡѡ ѡго в(о)гом(а)т(ѣ)рѣ, и по бл(а)г(о)ѣ(ло)в(ѣ)ннѡу ѡтца нашего Іѡнны, митрополита всеа Рѹси, на семѣ на все^м, кнѡ^з(ѣ) Иванѣ [Васил]ѣѡви^ч, целѹи ко мнѣ кр(ѣ)ѣтѣ, кѣ своеѹ господарю, к великомѹ кнѡзю Васи^а(ѣ)ю Васи^а(ѣ)ѡви^ч(ѹ) [...].

(64) А мене ти, свое^ѣ(ѡ) ѡсподарѡ, велико^ѣ(ѡ) кн(ѡ)зѡ [...] держати ч(ѣ)ѣтно и грозно¹¹¹.

В документах международных отношений Московской Руси при Василии II титул *(г)осподарь* встречается только по отношению к литовскому великому князю, как, например, в послании Василия II греческому царю Константину Палеологу 1451—1452 гг.:

(65) [...] мы, милостію Божією, съгадавше съ своею матерію съ Великою Княгинією, и съ нашею братьією съ Рѹсскими Великими Князи и съ помѣстными князьми, и съ Литовскія земли ѡсподаремъ съ Великимъ Княземъ [...] ¹¹².

Как показывают наши источники, в московской деловой письменности слово *(г)осподарь* в политическом смысле отмечается с 30-х годов XV в., а в официальную титулатуру московских великих князей оно начинает входить с конца 40-х годов XV в., правда, вначале только во внутреннем употреблении. Как показывает наш пример (65), при составлении документов внешних сношений в Москве давали себе отчет в том, что *(г)осподарь* — это титул литовского великого князя. Поэтому нельзя не согласиться с выводом Г. Штекля о том, что слово это было введено в титул московских великих князей по образцу литовских. Если наши выводы о происхождении титула *господарь* в западнорусском (см. 3) верны, то слово *господарь* 'верховный владетель; титул великого князя' в великорусской деловой письменности XV в. представляет собой один из ранних семантических латинизмов, проникших в формирующийся деловой язык Московской Руси посредством делового языка Западной (Литовской) Руси.

10. В связи с этим необходимо хотя бы вкратце коснуться вопроса о соотношении языка деловой письменности и церковнославянского языка в Польско-Литовском и Московском государствах. В результате крестовой унии 1386 г. Литва приняла католицизм, и тем самым православная церковная иерархия в Литве

¹⁰⁹ G. Alef, указ. соч., 11—12.

¹¹⁰ Там же, 6.

¹¹¹ ДДГ № 52а, с. 155—156, ср. также № 526, с. 157—159. Ср. G. Stöckl, указ. соч., 115.

¹¹² РИБ VI, № 71, с. 578; АИ I, № 4, с. 84 (с ошибочной датировкой); ср. G. Alef, указ. соч., 8.

не могла оказывать влияние на центральную государственную власть, поэтому и язык церкви быстро перестал воздействовать на язык государственной администрации и постепенно начал вбирать в себя элементы (прежде всего — лексические) последнего. Таким вкраплением из государственного языка следует считать и наличие титула *господарь* в приведенной выше цитате (51) из соборной грамоты православных епископов Литвы 1415 г. То обстоятельство, что в Литве православие не было государственной религией, препятствовало занятию православными высокими государственными должностями, в том числе и более значительных должностей в великокняжеской канцелярии. Высокими сановниками русского отдела канцелярии Витовта были литовские бояре, «русскими» (т. е. украинцами или белорусами) были только писари¹¹³. (Замена названия профессии *дьяк* словом *писарь* в западнорусском — в соответствии с лат. *scriba*, польск. *pisarz* — указывает также на разрыв светского, государственного делопроизводства с церковными, православными традициями.) Если в русских грамотах Казимира III обнаруживаются еще некоторые следы церковного (и тем самым церковнославянского по языку) делопроизводства, унаследованные от прежней галицко-волинской канцелярии (ср. 3), то при Ягайле и Витовте завершается процесс реориентации западнорусской дипломатики на латинские образцы, которые начинают калькироваться со всей очевидностью при посредстве польского разговорного языка, а не при помощи церковнославянского¹¹⁴.

В отличие от Литвы, в Москве центральное государственное (великокняжеское) и церковное (митрополичье) делопроизводство развивалось в тесной взаимосвязи¹¹⁵, что и обеспечило сохранение церковнославянских элементов в формуляре грамот. О влиянии митрополичьей канцелярии на великокняжескую свидетельствует и заимствование московскими великими князьями элемента титула **всѣм Рꙋси** из титулатуры киевских митрополитов¹¹⁶. В связи с этим возникает вопрос: как мог совместиться церковнославянизм **всѣм Рꙋси** с западнорусизмом *осподарь* в составе титула Василия II уже в конце 40-х годов XV в.¹¹⁷, когда (*г*)*осподарь* в этом значении было еще относительно новым заимствованием?

¹¹³ М. Kosman, указ. соч., 111.

¹¹⁴ Предполагается и влияние чешского языка, ср. высказывание А. И. Соболевского: «Западноевропейское происхождение формул западнорусских документов замечательно, но еще замечательнее тот факт, что слова этих формул те самые, которые мы встречаем в чешских документах, как будто Западная Русь воспользовалась чешскими деловыми образцами» (А. И. Соболевский, указ. соч., 72). Чешское влияние на западнорусскую дипломатику пытался доказать Й. Мацурек в ряде работ: J. Macůrek. Po stopách spisovné češtiny v jihzápadní Ukrajině koncem 14. a v 1. polovině 15. století: Franku Wollmanovi k sedmdesátinám. Praha, 1958, 42—64; *его же*. K dějinám česko-ukrajinských a českorumunských vztahů 2. pol. 14. a 1. pol. 15. století: Slovanské historické studie III, Praha, 1960, 127—184; *его же*. K otázce vztahů listiny české, ukrajinské a moldavské v druhé polovině 15. století: Sborník Prací Filosofické Fakulty Brněnské University 9 (1960) Řada historická (C) 7, 151—159. Однако чешское влияние в большинстве случаев было не прямым, а опосредованным польским языком, ср. А. Л. Гумецька. Чи впливала старочеська мова на мову українських грамот XIV—XV ст.?: Мовознавство, 1967, 4: 92—95; S. Kochman. Z historii czesko-polsko-rosyjskich związków leksykalnych: Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu, Filologia rusyjska 7 (1971) 69—71; *его же*. Z zagadnień czesko-polsko-wschodniosłowiańskich związków leksykalnych: Studia Śląskie (seria nowa) 26 (1974) 145—147; Kochman PRS 13—16.

¹¹⁵ См. В. А. Водов, указ. соч., 342—344.

¹¹⁶ G. Alef, указ. соч., 6.

¹¹⁷ Там же, ср. выше (сн. 110).

В этом отношении заслуживает серьезного внимания наблюдение Г. Штекля, согласно которому в большинстве ранних случаев употребления титула *(г)осподарь* как обращения к московским великим князьям его употребляют представители высшего духовенства¹¹⁸. Если не считать духовной Кирилла Белозерского 1427 г.¹¹⁹, а также ранние фиксации 30-х — начала 40-х гг., где слово *господарь* употреблено вне титула (58—61), то на самом деле оказывается, что в распространении этого титула большую роль сыграла митрополичья канцелярия [ср. (62); отметим, что цитаты (63—64) взяты из грамоты, оформленной при участии митрополита Ионы, ср. (63)]. Если — вслед за Г. Штеклем — принять, что инициатива по введению титула *господарь* в Москве принадлежала церковной иерархии, то становится понятным, что слово *господарь* в своем новом значении могло восприниматься здесь как принадлежность церковнославянского языка, т. е. западнорусское по своему происхождению слово в великорусском превратилось в функциональный церковнославянизм.

11. В документах, вышедших из канцелярии митрополита Ионы, слово *господарь* не является изолированным заимствованием из западнорусского даже в области великокняжеской титулатуры. В его грамотах засвидетельствован впервые и элемент титула *отчичь* и *дѣдичь* 'наследник':

- (66) Благословеніе Іоны Митрополита всея Р҃си, во отчинѹ Великого Гос҃ударя Р҃чьскаго, а нашего господина и о Святѣмѣ Д҃усѣ возлюбленного сына нашего смѣренія, благороднаго и благовѣрнаго Великого Князя Весилія Васильевича, а вашего, нашихъ дѣтей, отчичя и дѣдичя, по родствѹ, великого его господства дръжавѹ, по изначалствѹ прежнихъ Великихъ Господарей Великихъ князей Р҃цскихъ, а его праотець, въ Псковѣ [...];
- (67) А что есте, сынове, присылали къ Великому Господарю, а къ нашему сынѹ, къ своему отчиню и дѣдичю, къ Великому Князю [...]¹²⁰.

Слово *дѣдичь* (< польск. *dziedzic*) в западнорусских грамотах встречается уже со второй половины XIV в., ср. (30—31), (33), где в составе титула употребляется в соответствии с лат. *heres*. *Отчичь* (ср. польск. *oćzy*) появляется в западнорусских памятниках несколько позже (в самом начале XV в.), сочетание *отчичь* и *дѣдичь* засвидетельствовано в грамотах с 1433 г.¹²¹ В документах внешних сношений Мос-

¹¹⁸ G. Stöckl, указ. соч., 115.

¹¹⁹ О причинах осторожности по отношению к этой грамоте см. выше, сн. 103.

¹²⁰ ЛИ I, № 60 (1455—1461 гг., по списку XVI в.), с. 107.

¹²¹ Слово *дѣдичь* встречается в Летописи по Ипатьевскому списку (XV в.) под 1190 г. (т. е. в той части рукописи, которая содержит Киевский летописный свод) при описании галицких событий: «Галичкии же моужии срѣтоша его [Володимира Ярославича] с радостью великою. князя своего и дѣдича. а королевича [Андрея, сына венгерского короля Белы III] прогнаша. изъ земля своегоа. а Володимѣръ сѣде. на столѣ дѣда ствоего и ѡтца своего» (ПСРЛ 2, 666—667; ср. Срезн-Мат I, 782—783). Укажем, что в этой летописи под тем же годом встречается и другой полонизм: *статок* (с. 669; ср. СрезнМат III, 509); об этом слове см. нашу заметку: А. Золтан. Об одном западнорусизме в великорусском деловом языке XV—XVII вв. (*статок/статки*): Russica, In memoiam E. Balczy. Budapest, 1983, 31—40. Слово *дѣдичь* рассматривается как полонизм также в старобелорусском, см. Булыка, 89. — Слово *отчичь* засвидетельствовано также в Летописи

ковского государства сочетание *отчичь* и *дѣдичь* в качестве элемента титула московского великого князя закрепляется при Иване III¹²² и употребляется еще и в XVII в.¹²³

Западнорусское влияние на язык канцелярии митрополита Ионы объясняется, по-видимому, активной деятельностью московской церковной дипломатии, направленной на признание Ионы правомерным митрополитом «всех Руси» со стороны Казимира IV (до 1451 г. в западнорусской православной церкви митрополитом продолжали считать Исидора, прогнанного из Москвы в 1441 г. из-за соглашения на унию на Ферраро-Флорентийском соборе). Иона искал сторонников для себя среди православных магнатов в Литве, обращается с посланием к киевскому удельному князю Александру (Олелько) Владимировичу (женатому на дочери Василия Дмитриевича Анастасии). К этой грамоте относится хронологически первая известная нам фиксация деривата *господарство*:

- (68) понеже, сынѹ, и ты самѣ добръ вѣси, еже въ тогдашняя времена было господарство отъ того православнаго самодержца всея рѹскаѹ земля Владимира на Кіевѣ; а поставленіе было на Кіевѣ на рѹскаѹ землю митрополитомѣ, не токмо, якоже нынѣшняго ради еже въ Цариградѣ церковнаго неустроенія, но токмо еже въ господарствѣхъ рѹскаѹхъ господарей съ цариградскими цари негладости ради¹²⁴.

Отметим, что адресат этой грамоты титуловался следующим образом (в жалованной грамоте митрополиту Исидору 1441 г.):

по Ипатьевскому списку (в части, содержащей Галицко-Волынскую летопись) под 1208 г.: «нандоша Данила во Оугорьскон землѣ. дѣтѣска соуща. и просиша оу короля Оугорьского дан намѣ отчича Галичу Данила» (ПСРЛ 2, 724; ср. СрезнМат II, 832). А. И. Генсѳерский рассматривает это слово как заимствование из древнепольского *obczys*, *ojczys*, см. А. И. Генсѳерский. Галицко-Волыньскій літопис (Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ, 1961, 191. Однако ввиду слабой засвидетельствованности др.-польск. *obczys* (ср. SSr V, 547; с 1443 г., все четыре примера из львовских актов, в которых данное слово — в написании *oczczyszcz*, *oczcziszczowe* — глоссирует лат. *heres*) нельзя исключить и возможности обратного пути заимствования. В таком случае тавтологическое сочетание *отчичь* и *дѣдичь* в западнорусском можно было бы истолковать как сочетание, возникшее первоначально в результате глоссирующей синонимии, т. е. толкования заимствованного из польского слова *дѣдичь* 'наследник' посредством собственно староукраинского синонима *отчичь*. Ранние примеры употребления сочетания *отчичь* и *дѣдичь* см. ССУМ I, 336; 2, 112—113; см. также в рассказе о Подольской земле, включенной в состав западнорусских летописей: «А то си три браты, татарскыя князи, *отчичи* и *дѣдѣи* Подолскои земли» (ПСРЛ 35, 66; ср. также 138, 160). В польском переводе XVI в. на соответствующем месте читается: «A czi trzey bracia tatarskie, *ojcziczi* bili i *dziedzice* ziemie Podolskiey» (там же, 186), из чего явствует, что слово *отчичь* западнорусского оригинала было перенято в польский текст с конечным -ѣ. Возможно впрочем, что и в примерах старопольского словаря (см. выше) следует читать не *obczys*, а *obczysz*. Существование варианта *ojczysz* в старой польской письменности подтверждается также словарем Линде (S. B. Linde. Słownik języka polskiego, III. Warszawa, 1951, 525).

¹²² См. F. Konieczny. Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej: Ateneum Wileńskie 3 (1925—1926) 211—212.

¹²³ Ср. отчет о протесте русских послов у французских властей в 1667 г., вызванном тем, что в тексте грамоты, приготовленном французской стороной, «самые высокие титулы прописаны: "самодержца, отчича, и дедича, и наследника, и государя и обладателя" у той грамоты на подписи не написано» (Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.—Л., 1954, 288).

¹²⁴ РИБ VI, № 66 (прежде 31 января 1451 г.), с. 560—561.

- (69) **Се кязъ, кн(я)зь Александръ Володимирович, гдѣрь ѡтчинъ Кіевьскыи**¹²⁵.

В 1451 г. Казимир IV «полюбил себя отцом митрополитом Иону» и подчинил ему западнорусские епархии (за исключением галицкой, которая оставалась номинально под управлением Исидора)¹²⁶. С этим событием связан ряд документов, вышедших из канцелярии Ионы и адресованных государственным и церковным деятелям в Литве. В грамоте к королю западнорусизмов мало, Иона титулуется Казимира, естественно, *великим господарем*, кроме этого отметим лишь форму *княжати (нрускому)* в официальной титулатуре короля¹²⁷ (ср. зап.-русск. княжа 'князь' под влиянием польск. *książe* 'князь')¹²⁸, в посольских речах встречается и *господарь*, и *господарство*:

- (70) **великий господарь, великий король [...] хотѣлъ еси въ другомъ своемъ богомолѣи и господарствѣ, галичской митрополѣи, Божіи церкви и дома церковный [...] къ святѣй Гофѣи и кіевьскому столу отдати по старинѣ, и велѣлъ еси намъ себя обслати тѣмъ, въ томъ въ своемъ господарствѣ: и ты бы, великий господарь, пожаловалъ [...]**¹²⁹.

В посланной одновременно с этим посольством грамоте пану Михайлу Кези-гайловичу наряду с лексическими западнорусизмами встречается и западнорусская синтаксическая конструкция *до + род. п.* вместо *к + дат. п.*:

- (71) **А нынѣ, сыну, послали есмо до великого господаря, своего сына, великого короля, и до васъ, до великихъ пановъ, и тѣхъ же церковныхъ дѣлѣхъ**¹³⁰.

¹²⁵ По списку начала XVI в., см. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. Издание подготовил Я. Н. Щапов. М., 1976, 180; в цитированном издании — г(о)с(у)д(а)рь. Начиная с 40-х гг. XV в. — в связи с восстановлением некоторых удельных княжеств в Великом княжестве Литовском — начинают титуловаться «господарями» кроме великого князя также удельные, ср. также в грамоте Свидригайла 1445 г.: *мы кнзъ швидригаило гдѣрь. подолскон зѣи*, см. Kuraszke, 134—135. В 1449 г. в Смоленске временно захватил власть мстиславский князь Юрий Лингвенович и начал титуловаться «господарем Смоленским» (см. J. Natanson-Lenski. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej I, Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej: Rozprawy Historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego I, Lwów—Warszawa, 1922, 3: 4). Позже, в 60-е годы, титул этот встречается как обращение к князю Ивану Васильевичу Острожскому: *а па(н) добрыша мжирови(ч) мѣсти(ч) востр(о)зкин [...] есми тоє свое имѣньє [...] прода(л) вшподарю своему кнзю ивану василеви(ч) вострозко(м)* — Гр XV, № 13 (1464 г.), с. 41. Отметим, что как Александр-Олелко, так и Свидригайло посредничали между Ионой и Казимиром IV, благоприятное для Ионы решение короля в значительной степени обязано их ходатайству (см. O. Halecki. Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków, 1915, 92).

¹²⁶ См. настольную грамоту Казимира IV митрополиту Ионе от 31 января 1451 г.: РИБ VI, № 67, с. 563—566. — О причинах разделения русской церкви на западнорусскую и восточнорусскую митрополии и вообще по истории русской православной церкви в данный период, см., напр. (с разных точек зрения): Макарий (М. П. Булгаков). История русской церкви VI. СПб., 1870; Е. Е. Голубинский. История русской церкви II/2. М., 1911, 7—11; М. Грушевский. История України-Руси V/2. Львів, 1905, 385—422; J. Pelesz. Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom I. Würzburg—Wien, 1881; H. Paszkiewicz. Jagiellonowie a Moskwa I. Warszawa, 1933, 315—325; K. Chodynicki. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita polska, Zarys historyczny 1370—1632. Warszawa, 1934, 50—63.

¹²⁷ РИБ VI, № 68/I, с. 566—567; ср. СрезнМат I, 563.

¹²⁸ Ср. N. Damerau. Russisches und Westrussisches bei Kurbskij. Berlin, 1963, 72.

¹²⁹ РИБ VI, № 68/III, с. 570.

¹³⁰ РИБ VI, № 68/II, с. 568.

Можно предположить, что эта грамота (сохранившаяся в московском списке начала XVI в.) была написана вообще на западнорусском языке.

Западнорусизмами пестрят и другие грамоты Ионы, связанные с делами православной церкви в Литве. В документах 1451 г. о назначении митрополичьих наместников для Киева и для Литвы Иона обращается к православному населению:

- (72) **Вы же [...]** князи и *панове*, и архимандриты и протопопове, и игүмены и *мѣстичи* [...]. **А** также сынове, благословляю васъ всѣхъ *посполно*, чтобы тѣтъ нашъ намѣстникъ въ *доходѣхъ* и въ пошлинахъ церковныхъ ни от кого не обиженъ былъ¹³¹.

Документы эти названы, впрочем, *листами*:

- (73) **Данъ листъ** сій въ Новѣгородкѣ¹³².

Западнорусизмы проникают и в грамоты Ионы, адресованные в великорусские области. Так, например, в послании верейскому князю Михаилу Андреевичу, которого, впрочем, Иона тоже титулует «великим господарем», мы читаем:

- (74) **А** вѣдомо тобѣ, моему сыну, и се, что князь великий былъ Витовтъ, также и нынѣ король, великіе *господаре*, вѣдучи и не нашае вѣры, также и княжата и *панове* тое вѣры [...] какую великую честь держать¹³³.

Здесь сохранение западнорусизмов обусловлено контекстом: верейскому князю ставится в пример отношение неправославных литовских князей и магнатов к православной церкви. Однако есть и случаи, когда западнорусизмы употребляются вне западнорусского контекста, как, например, в послании в Вятку:

- (75) *зався* своему господарю, великому князю, грѣшите и приставаете к его недругу¹³⁴,
(75а) наймовати на то на злое и богоненавистное дѣло [...] *зброднен*, пьяничивыхъ и кровопролитныхъ человекѣхъ^{134а}.

¹³¹ РИБ VI, № 69, с. 572. О слове *мѣстичь* 'мещанин' см. нашу заметку: А. Золтан. О старорусском *мѣстичь*: StSl 23 (1977) 161—163; *посполно* 'совместно', ср.-укр. *посполно* 'то же' (ССУМ 2, 205), др.-польск. *pospólnie* 'то же' (SSr. VI, 444—445). Вопрос о западнорусском происхождении русск. *доход*, насколько нам известно, еще не ставился в научной литературе, однако история и география распространения слова в восточнославянском однозначно указывает на то, что в великорусском оно было заимствовано из западнорусского. К этому вопросу мы вернемся в отдельной статье.

¹³² РИБ VI, № 69, с. 572.

¹³³ РИБ VI, № 70 (ок. 1451 г.), с. 574.

¹³⁴ РИБ VI, № 73 (ок. 1452 г.) с. 591. *Зався*, *завсе* (81) 'всегда' (ССЯ 5, 160), ср. ст.-укр. *завсе* (ССУМ 1, 372), польск. *zawsze* 'то же'.

^{134а} РИБ VI, № 65 (1448—1458 гг.), с. 549; ср. СрезнМат III, 653 (s. v. *сѣброднь*). И. И. Срезневским толкуется как 'сброд'; ср., однако, ст.-блр. *збродень* 'преступник' < др.-польск. *zbrodzień* 'то же' (Булыка, 118); о др.-польск. *zbrodzień* (совр. польск. *zbrodniarz*, 'преступник') см. А. Brückner.

Знаменательно, что западнорусизмы встречаются и в грамотах митрополита Ионы, адресованных в Казань:

- (76) Иѡна, митрополитъ Кіевьскыи всеа Роуc(и), достоннѣю чєстѣ великомуѣ ти господарьствѣ симъ наши¹³⁵ писаниємъ послали єсмо, слыша, что же вышнѣ¹(о) в(о)га силою держишь свое господарьство, всимъ кѹпцємъ нашимъ и ины^х землѣ кѹпцємъ щкоты и ѹбытковъ нѣтъ нѣкоторы^х ни ѡ^т кого [...]. И на то надѣѣ¹(ь) послали єсмо до Казани сего своего слѣгоу Агафона¹³⁵.
- (77) Послалъ єсмо до Казани сего своего слѣгѣ Агафона [...] ѡ цємъ бѣде^т томѣ нашємѣ ч(є)л(овє)кѹ надобѣ [...] до волнѣ¹(о) ц(а)рѣ достѹпити, и ты бы [...] ѡ томъ нашє¹ ч(є)л(овє)цѣ печаловалсѣ [...] чтобы то^т нашѣ ч(є)л(овє)кѣ и до на¹ приѣха¹ доброволно и безѹбыточно¹³⁶.

Все эти примеры указывают на то, что в канцелярии митрополита Ионы были выходцы из Литвы, которые знали западнорусский деловой язык, и им-то и поручалось составление грамот, адресованных в Литву и, может быть, не только в Литву, а вообще за пределы Московского государства. Отдельные западнорусские слова проникают и в грамоты, адресованные в великорусские области, что свидетельствует о влиянии выходцев из Литвы также на внутреннее делопроизводство. Имея в виду тесную связь между митрополичьей и великокняжеской канцеляриями, становится вполне вероятным, что в середине XV в. западнорусский деловой язык мог оказать влияние на великорусский деловой язык также посредством церковного делопроизводства¹³⁷.

12. Если слова западнорусского происхождения, указанные в предыдущей главе, относятся к лексике светской жизни, то в грамотах Ионы после 1458 г. засвидетельствован довольно обширный пласт западнорусизмов, связанных с церковной жизнью. В 1458 г. Казимир IV, как написал позже Иван III, «через свой листъ» поставил киевским митрополитом «Исидорова ученика» Григория. С этим событием связана снова оживленная корреспонденция Ионы с западнорусскими епископами и православными магнатами. В этой корреспонденции, с одной стороны, оживает западнорусская лексика, известная в Москве уже из произведений о Флорентийском соборе, а с другой — появляются новые заимствования из западнорусского.

Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, ²1970, 648; S. Reczek. Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, 636.

¹³⁵ АСЭИ III, № 10 (ок. 1455—1456 гг., по списку ок. 1535 г.), с. 26. О слове *щкота*, *шкота*, *шкода* < польск. *szkoda* см. ССМ 2, 559—560; А. А. Булыка, указ. соч., 364; Тамань, 123; S. C. Gardiner. German Loanwords in Russian 1550—1690. Oxford, 1965, 242; Kochman PKJ 145. — Обращение в форме *великому ти господарьству* соответствует южнославянским формам типа *господство ми*, *кравлєство ми*, ср. в цитированных выше сербских и валашских грамотах (14), (26—28).

¹³⁶ АСЭИ III, № 11 (дата как выше), с. 27. О слове *доступити* см. Тамань, 99—101.

¹³⁷ Так, например, упомянутое выше (сн. 122) слово *статок* 'движимое имущество, домашние вещи' в московской деловой письменности впервые засвидетельствовано в договоре Василия II с Казимиром IV 1449 г. (ДДГ № 53, с. 162), а потом — в одной из жалованных грамот Василия II митрополиту Ионе 1448—1461 гг. (АФЗХ I, № 116, с. 108).

В 1459 г. восточнорусские епископы пишут западнорусским:

- (78) тотъ Григорей не истинный митрополитъ, но ложный, носитъ съ собою листы папины [...] а въ тѣхъ листѣхъ пишетъ на осподина нашего Іонѹ, митрополита кievьскаго и всея Р҃си, а именуетъ его отщепенцемъ и отступникомъ¹³⁸.

Слово *отщепенец* (< польск. *odszczępieniec*)¹³⁹ свидетельствует о том, что «папины листы» стали известными в Москве в западнорусском переводе. Один из этих переводов — грамоты папы Пиуса II Казимиру IV — сохранился в составе Софийской II летописи (список XVI в.); в западнорусском тексте на самом деле Иона назван «отщепенцем»:

- (79) которыхъ стороны черезъ *отщепенца* и противника и тежъ злочестиваго сына Іонѹ черныца, который же учинился архіепископомъ Р҃скимъ [...]; а не припущиалъ вы того Іоны *отщепенца*¹⁴⁰.

В окружном послании Ионы литовским епископам 1458—1459 гг. мы читаем, что Константинопольский (униатский) патриарх Григорий Маммас

- (80) всю свою ересь обнажилъ есть, якоже и свидѣтельствуютъ нынѣшняя самая его писанія, еже пишетъ сице: «Григорій, милостію Божією *арцибискупъ* коньстянтиноградскій» [...] Который господинъ нашъ преже бывшій патриархъ коньстянтиноградскій себе именовалъ «*арцибискупомъ* коньстянтиноградцкімъ»?¹⁴¹

Негодование Ионы вызывает употребление западнорусского слова *арцибискуп* (< польск. *arcybiskup*) по отношению к главе православной церкви, само слово *арцибискуп* употребляется и в памятниках флорентийского цикла, но всегда только по отношению к католическим архиепископам¹⁴². По-видимому, и здесь цитируется западнорусский перевод, который, однако, не сохранился¹⁴³. В послании 1459 г. литовским

¹³⁸ РИБ VI, № 84, с. 633.

¹³⁹ О слове *отщепенец* на восточнославянской почве см. В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики (К вопросу об исторических связях русского, украинского и белорусского языков): Доклады и сообщения Филологического факультета МГУ, 1947, вып. 3, 7—12; М. Г. Булаху. Нататкі па гісторыі лексікі: Беларуская мова (Даследаванні па лексікалогіі). Галоўны рэд. М. Р. Суднік. Мінск, 1965, 47—48; Kochman PRS 15.

¹⁴⁰ ПСРЛ 6, 168; ср. в латинском тексте: «...partibus, que per *scismaticum* et rebellem ac iniquitatis filium Ionam monachum se pro archiepiscopo Russie totius gerentem occupantur [...], non permittas eundem Iohannem [sic!] *scismaticum* [...]». Латинский текст грамоты издан А. Прохаской: А. Prochaska. Nieznane dokumenta do unji florenckiej w Polsce: Ateneum Wileńskie I (1923) 68—69.

¹⁴¹ РИБ VI, № 81, с. 622.

¹⁴² Ср., напр., латыньских земель *арцибискупи* [sic!] и *бискупи*; *арцибискупи* и *бискупи* Латыньстии (ПСРЛ 25, 254); [папа] съ *арцибискупы* и *бискупы* своими (там же, 257). О слове *арцибискуп* см. Leeming, 36.

¹⁴³ Ср. письмо Григория Маммаса Казимиру IV от 20 ноября 1458 г., в котором патриарх титуруется следующим образом: «Gregorius miseratione divina archiepiscopus Constantinopolitanus nove Rome et universalis patriarcha» (А. Prochaska. Nieznane dokumenta, 71—72).

- (81) княземъ, и честнымъ *папоиъ* и бояромъ [...], желая *завсе* [и] прося у Бога, еже ми быти у васъ,

Иона подробнее останавливается на отступничестве Исидора:

- (82) Да тогда же, слышимъ, какъ пришелъ въ ригу, и стрѣтили его съ кресты наше великое православіе, держа честь пошлюю святительскую, а *капманове* отъ своей вожницы стрѣтили по своему, съ своими *крыжи*¹⁴⁴,
 (83) да тогда жъ явное свое отступленіе показавъ, именѹя себе и пиша *лекгатосиъ* и называяся *кгардиналомъ* [...] да отъ того времени повсюду ѹчалъ литургисати въ хоромѣхъ, на *столицѣ* [...], и *папежевъ* имя началъ былъ поминати въ святѣй нашей апостольской церкви¹⁴⁵.

Большинство выделенных слов (за исключением слова *столец* ‘престол’) засвидетельствовано и в памятниках флорентийского цикла, обращает на себя внимание сохранение графического западнорусизма *кг* в написании слов *лекгатос*, *кгардинал*¹⁴⁶.

В письме к смоленскому епископу Мисаилу Иона пишет о том же:

- (84) Нынѣ пакъ, какъ слышимъ, приошлъ тѹто къ вамъ въ *литовское осподарство* отъ римскіе церкви ѹченикъ и единомысленикъ того отступника, Исидоровъ, Григорей и именѹетъ себя митрополитомъ Кіевскимъ и всеа руси, съ *папежскими листы*,

сообщая, что

- (85) нынѣ отъ короля къ великому князю о томъ отступникѣ о Григорьѣ Якубѣ *писарь* да Ивашенецъ *пріѣздили посольствомъ*¹⁴⁷.

¹⁴⁴ РИБ VI, № 85, с. 633. О словах *каплан*, *крыж* см. Leeming, 64, 69.

¹⁴⁵ РИБ VI, № 85, с. 637.

¹⁴⁶ Слово *папезж* в XV в. является новым заимствованием через западнорусское посредство из польск. *papież*, а не прямым продолжением цсл. моравизма *папезжъ*, известного в цсл. памятниках русской редакции с XI в., ср. Leeming, 86. Слово *гардинал* ~ *кардинал* заимствовано, возможно, прямо из итальянского (Leeming, 65), но написание с *кг*- в данном случае свидетельствует о западнорусском фильтре. Слово *легатос* восходит к новой (полученной от папы) титулатуре *Исидора*, ср. в его грамоте, включенной также в московские летописи: «Исидоръ милостію божіею преосвященный архиепископъ Кіевъскыи и всея Руси, *легатосъ* и от ребра апостольского седалища Лятскаго и Литовскаго и Немецкаго» (ПСРЛ 25, 258; ср. также ПСРЛ 6, 159); *легатос* < лат. *legatus* ‘посол’ с греческим окончанием, весь титул является калькой лат. *legatus a latere sedis apostolicae*. Слово *столец* ‘престол, столица’ зафиксировано в настольной грамоте Казимира IV Ионе от 31 января 1451 г.: «И дали есмо ему *столецъ* митрополичъ кіевскыи и всея Руси» (РИБ VI, № 67, с. 564—565). Ср. также в другой грамоте Ионы в Западную Русь (1458 г.): «Благословеніе Ионы [...] нареченному въ настоятельство того священного *столица*, старцу Калисту» (РИБ VI, № 79, с. 613). Ср. ст.-укр., ст.-блр. *столиць* (ССУМ 2, 388—389; А. М. Булыка, указ. соч., 308), др.-польск. *stolec* ‘престол; столица’ (см. Kochman PRS, 129—130).

¹⁴⁷ РИБ VI, № 88, (1460, 1461 гг.), с. 662. О слове *лист* ‘грамота’ см. Таманъ 115—116; S. Kochman. Z badań nad terminologią dyplomatyczną w języku rosyjskim XVI—XVIII w., 1) *gramota*, 2) *list*:

Приведенные тексты свидетельствуют об оживленном культурном обмене между Западной и Московской Русью в середине XV в., в результате которого в деловой язык Московского государства уже в этот ранний период проникло совсем показательное число западнорусских лексических элементов. Не все из приведенных слов стали общеупотребительными в великорусском. Тем не менее они помогают понять те историко-языковые условия, в которых осуществилось заимствование таких важных терминов, как *господарь* и *господарство*, переоформленных позже уже на великорусской почве в *государь* и *государство*.

13. Поскольку мы работаем преимущественно с изданными памятниками, то весьма затруднительно установить, когда и в каких условиях произошла замена формы *господарь* формой *государь*. С уверенностью можно лишь сказать, что слово это до конца XV в. употреблялось исключительно в форме (*г*)*осподарь*, о чем свидетельствует множество несокращенных написаний в актовом материале, а также в летописях¹⁴⁸. С конца XV в. устанавливается сокращенное написание слова в виде *гдрь*, которое издателями текстов раскрывается как *государь*. Этот издательский прием привел к заблуждению и Г. Штекля, который пришел к выводу, что «около 1492 г. довольно резко прекращается употребление формы *господарь* в московских канцеляриях и с тех пор *государь* становится единственным, постоянно употребляемым обращением к московскому великому князю»¹⁴⁹. Из сказанного выше вытекает, что речь идет просто о распространении сокращенного написания слова, и это свидетельствует лишь о приспособлении его к сокращенному написанию однокоренных церковно-славянских слов *гдѣ*, *гнѣ*, в чем можно видеть проявление графической адаптации слова к церковнославянской графической системе. В тех немногочисленных случаях, когда слово пишется без титла, и в XVI в. мы встречаем еще *господарь*. Так, например, в надписи на печати великого князя Василия Ивановича титул пишется следующим образом:

(86) Великий кн(я)зь Василен в(о)жнѣю милостию господарь всеа Рүсини¹⁵⁰.

Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Opolu, Filologia Rosyjska 16 (1978) 73—86; о слове *nicařь* 'дьяк' см. Kochman KD II, 72—73.

¹⁴⁸ Ср. ѡспод(а)рю — ДДГ № 8а (ок. 1486 г.), с. 305, ѡсп(о)д(а)рю — № 80б, с. 305, ѡспод(а)рь — № 86 (1499 г.), с. 347—348 (3х), господарь — № 87 (ок. 1503 г.), с. 350; ѡсподарем — АСЭИ I, № 271 (1455—1466 г.), с. 195, ѡсподарѣ — № 340 (1464—1478 гг.), с. 248, № 523 (1485—1490 гг.), с. 400, № 542 (1489—1503 гг.), с. 421; осподарь, осподарю, осподаря — ПДКр I, № 1 (1474 г.), с. 3—4, осподарю — № 12 (1485 г.), с. 44, осподарь — с. 45, осподарь, осподарьствіе — № 20 (1487 г.), с. 72, осподаря — с. 74, № 21 (1489 г.), с. 76, осподарь — с. 77; осподара — ПДП I, № 2 (1488 г.), с. 9, господарь — с. 13; господарьству — № 15 (1492 г.), с. 58, осподарьству — № 22 (1493 г.), с. 104 и т. д. Из летописных источников см., напр., во Псковской 2-й летописи (список конца XV в.) — 1441 г.; не хотяще ослушати ся своего *осподаря* (ПсковЛет 2, 46), 1460 г.: чтобы ты, *господарь*, поборонил свою отчину пскович от поганых Немець (51), 1480 г.: и сами *господари* великий князи о семъ вѣсте, может ли един рабъ двѣма *господарема* работати; по еуангельскому словеси, ли единого възлюбит, а о друземъ нерадити начнет; тако и мы не хожемъ двема работати, но хожемъ единого *осподаря* держатися великого князя Ивана Васильевича (61; этот пример интересен как случай употребления в одном контексте слова в старом значении 'хозяин, владелец раба' и в новом — в качестве великокняжеского титула); 1486 г.: как намъ *господарь* укажет (69).

¹⁴⁹ G. Stückl, указ. соч., 115.

¹⁵⁰ АРГ № 34 (1507 г.), с. 40; см. также № 23 (1506—1507 гг.), с. 32; № 193 (1521 г.), с. 193.

В духовной П. М. Плещеева 1510 г. — наряду с написанием $\widehat{\text{ГД}}\text{рь}$ встречается и форма *осподарь*:

- (87) Да что мя пожаловал осподарь княз(ь) Юрьи Иванович своими д(є)р(є)в-
нями [...] ¹⁵¹

На монетах Ивана Грозного слово фигурирует все еще в форме *осподарь*:

- (88) Кнзь велікі Іван Васілевїч усподарь всеѧ Роуси ¹⁵².

По свидетельству иностранцев, в конце XVI — начале XVII в. форма *господарь* была еще в употреблении: фон Штаден во второй половине XVI в. пишет *haspodar* ¹⁵³, Флетчер (1591 г.) — *hospodare* ¹⁵⁴, Маржерет (1607 г.) — *hospodar*, *jspodar* ¹⁵⁵, Фенне (1607 г.) — *aspodar*, *aspodarschoi* ¹⁵⁶ и *gospodar* ¹⁵⁷. Однако в словаре Соважа 1586 г. наряду с формами *асподаре*, *аспадарыня* встречается уже и *асударь* ¹⁵⁸, правда, не в составе царского титула, а только в качестве вежливого обращения. В лингвистических изданиях русских текстов, написанных русскими, форма *государь* нам встретилась впервые в переводе письма с вестями из Дании 1645 г., в котором говорится о датском короле:

- (89) а онъ еще молодѡ" госѡда ¹⁵⁹.

Слово *госѡда* ¹⁶⁰ и здесь написано впрочем после зачеркнутых букв *гд*, т. е. переводчик и здесь сначала хотел написать $\widehat{\text{ГД}}\text{рь}$ ¹⁶⁰. Отметим, что в этих текстах засвидетельствована и форма *господарь*, но уже как титул молдавского и валахского воевод:

- (90) и чаю" чтѡ с нимъ соединитисѧ во"скамъ господарѧ" мо"давского и
воло"жского ¹⁶¹.

На основе этого довольно скудного материала можно лишь предварительно отнести процесс вытеснения формы *господарь* формой *государь* к концу XVI — началу XVII в. Форма *государь* возникла, несомненно, в разговорной речи; удовле-

¹⁵¹ АРГ № 59, с. 64.

¹⁵² СрезнМат II, 735.

¹⁵³ IssGRS 276.

¹⁵⁴ H. Leeming. The Phonology of Russian Words in 16th-century English Sources: Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego 25 (1967) 210—211.

¹⁵⁵ D. S. Worth. The French Captain's Russian: Russian Linguistics 5 (1981) 205; B. M. Живов. Margeretiana renovata: Russian Linguistics 6 (1982) 339, 346.

¹⁵⁶ Tönnies Fenne's Low German Manuel of Spoken Russian, Pskov, 1607. Edited by L. L. Hammerich, R. Jakobson, Elizabeth van Schooneveld, T. Starck and A. Stender-Petersen I—II. Copenhagen, 1961—1971, I, 480, cp. II, 455.

¹⁵⁷ Там же, I, 38, cp. II, 24.

¹⁵⁸ IssGRS 284.

¹⁵⁹ Вести-Куранты 1645—1646, 1648 гг. Издание подготовили Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов. Под ред. С. И. Коткова. М., 1980, № 5, л. 397, с. 18.

¹⁶⁰ Там же, см. сн. 3 к л. 397.

¹⁶¹ Там же, № 45 (1646 г.), л. 76, с. 124; cp. также черновик — Приложение № 7, л. 581, с. 234.

творительное решение вопроса о характере перехода *господарь* > *государь* требует дальнейших исследований источников. Существенным этапом дальнейших исследований могло бы быть раскрытие истории акцентуации этого слова на великорусской почве, поскольку записи иностранцев типа *haspodar*, *aspodar*, отражающие произношение конца XVI—начала XVII в., указывают на ударение на предпоследнем слоге, что фонетическую интерпретацию перехода *господарь* > *государь* делает весьма проблематичной. На наш взгляд, более надежна мысль П. Я. Черных о том, что мы имеем дело с контаминацией с гнездом *суд*, *судить*. Контексты, в которых эти понятия сближаются, имеются в летописях, ср., напр., рассказ Псковской 3-й летописи (список 60-х гг. XVI в.) о споре Ивана III с Новгородом о титуле под 1477 г.:

- (91) **вам своимъ господином челом внемъ; а что государи васъ, а то не зовѣмъ, а соуд вашимъ намѣстником на городище по старинѣ, а что вашему соуду великихъ князей, ни вашихъ тивунѣмъ [sic!], а то в насъ не быти, ни дво-рище вамъ Ярослава не даемъ [...]**¹⁶².

Предположение это, однако, нуждается в дополнительных доказательствах, и вопрос о характере перехода *господарь* > *государь* мы вынуждены считать и в дальнейшем открытым.

14. Предыстория слова *государь* не будет полной, если мы не скажем несколько слов о расширении употребления этого титула в XV—XVII вв. Как уже было отмечено (ср. сн. 103), во второй половине XV в. титул *господарь* стали употреблять и некоторые удельные князья, тверской великой князь, а также в качестве коллективного титула — Великий Новгород незадолго до своего присоединения к Москве. Кроме этого, титул *господарь/государь* употреблялся иногда и по отношению к представителям высшего духовенства¹⁶³.

По-видимому, довольно рано начинает употребляться слово *господарь* как почтительная форма обращения жены к мужу (или упоминания о муже), ср. уже в грамоте 1482—1483 гг.:

- (92) **Се ѿ³ Настасьѣ Прокѣѣва жена Двдвча [...] придала есми то село съ вѣ^м с тѣ^м. ка^к вѣда^а wspодарь мои Прокѣѣи Давыдови^ч. да и ѿзъ ка^к вѣдала после wspодарѣ свое^г Проко^фѣа Двдвча**¹⁶⁴.

Такое употребление могло распространиться из великокняжеского двора, где великая княгиня называла своего мужа, естественно, *господарем*, ср. уже в жалованной грамоте великой княгини Марьи Ярославовны 1450 г. (по современному списку):

- (93) **По Осподаря своего грамотѣ Великого князя Василія Васильевича, се ѿзъ Княгини Великая Марья пожаловала есмь [...]**¹⁶⁵.

¹⁶² ПскЛет 2, с. 209; ср. Н. М. Карамзин, указ. соч. VI, с. 67—69, примеч. 149.

¹⁶³ G. Stöckl, указ. соч. 115 (1455 г.); ср. еще СрезнМат I, 572 (1491—1543 гг.); СРЯ XI—XVII вв., 4, 109 (1626 г.).

¹⁶⁴ Памятники русской письменности XV—XVI вв., Рязанский край. Издание подготовили С. И. Котков, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1978, № 2, с. 9.

Эту линию развития значения и расширения употребления слова мы считаем очень важной, поскольку она способствовала относительно быстрому распространению канцеляризма по происхождению слова в повседневной жизни, быстрой «демократизации» первоначально великокняжеского титула в быту (да ведь дома каждый мог титуловаться *господарем/государем*) и превращение его к XVII в. в общеупотребительную форму почтительного обращения.

15. В заключение хотелось бы вернуться в деривату (*г*)*осподарство*, который, как было отмечено, засвидетельствован впервые в грамотах митрополита Ионы, адресованных в Литву и в Казань, изобилующих западнорусизмами (ср. 11). Это обстоятельство подтверждает наше мнение, сформулированное на основе еще значительно меньшего фактического материала, о том, что русск. *государство* < *господарство* является заимствованием из западнорусского *господарство*, которое в свою очередь калькирует польск. *państwo*¹⁶⁵. В посольских книгах конца XV в. *господарство* встречается обычно только в дипломатических заявлениях польско-литовской стороны, ср., например, в посольстве 1488 г.:

- (94) **намѣ и нашимѣ господарствоиѣ отъ тебе съ твоѣѣ земли великиѣ шкоды ся дѣють**¹⁶⁷,

или в посольстве 1493 г.:

- (95) **ино тотъ князь и съ стародавна нашъ слуга естъ къ нашемѣ осподарьству, къ великомѣ княжествѣ Литовскомѣ**¹⁶⁸.

¹⁶⁵ АИ, № 49, с. 98.

¹⁶⁶ Ср. нашу статью, указанную в примечании 18.

¹⁶⁷ ПДП I, № 4, с. 15.

¹⁶⁸ ПДП I, № 22, с. 104. Ср., однако, также в договорной грамоте Ивана III с императором Максимилианом 1490 г. (московский проект): «А почнешь, брате, ты доставати [...] вашего Государства Рускихъ земель» (ПДС I, 39) и (официально утвержденный текст, обратный перевод с немецкого или латинского): «А почнешь ты, нашъ братъ любовной, съ Божією помощью доставати своего отечества Великого Княжества Кіевского, что тянетъ къ твоему Государству Рускихъ земель» (там же, 67). Бросается в глаза в этом тексте полонизм *доставати* (< польск. *dostawać*, ср. Kochman PKJ 106; *G. Kotošixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča. Edited with a Commentary by A. E. Pennington. Oxford, 1980, 387*; ср. также в нашей рецензии на эту последнюю книгу: StSl 29 (1983) 273, сн. 17; дополнительно укажем на многочисленные случаи употребления глагола *доставати/достати* в ДДГ № 62, 1461—1462 гг., по списку конца XV в., с. 199—201); ср. также несколько дальше: «а будетъ намъ *валка* съ Казимеромъ съ Королемъ» (там же, 39; ср. 67). Слово *валка* 'война' заимствовано посредством западнорусского (ССУМ I, 151; *А. М. Булыка, указ. соч., 55*) из польск. *walka* (Kochman KogDyrl I, 43—44). Употребление этих слов указывает на то, что уже при составлении московского проекта договора воспользовались или каким-то западнорусским образцом, или же сформулирование документа было поручено кому-то из выходцев из Литовской Руси (ср. *Я. С. Лурые. О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв.: Труды Отдела древнерусской литературы, 19. М.—Л., 1963, 267*; *А. Л. Хорошкевич, указ. соч. 233*). К сожалению, цитированные выше издания не преследуют лингвистических целей; можно только предполагать, что пишется в них *государь*, если в подлиннике стояло **ГДРЬ**, а *господарь*, *осподарь* — если в рукописи слово было написано без сокращения.

Польск. *państwo* ‘государство’ калькирует лат. *dominium* и *dominatio*¹⁶⁹. Таким образом, русск. *государство* в конечном итоге представляет собой семантический латинизм, опосредованный польским и западнорусским языками. Это тем более замечательно, что в двух остальных современных восточнославянских литературных языках — в украинском (*держава*) и белорусском (*дзяржава*) — для выражения понятия «государство» употребляется церковнославянизм *держава*, представляющий собой кальку с греческого¹⁷⁰. Итак, предыстория слов *государь* и *государство* убеждает нас в том, что изучение западнорусского делового языка имеет большое значение для истории русской лексики, в отдельных случаях даже большее, чем для истории украинской или белорусской лексики.

Сокращения

АЗР I — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией, I. СПб., 1846.

АИ I — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, I. СПб., 1841.

АРГ — Акты Русского государства 1505—1526 гг. Составил С. Б. Веселовский. М., 1975.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в., I—III. М., 1952—1964.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства, I—III. Москва, 1951—1961.

АЮЗ I — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией, I. Санкт-Петербург, 1863.

Булыка — А. М. Булыка. Даўня папазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. Москва—Ленинград, 1949.

ГрXIV — Грамоты XIV ст. Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-показчики М. М. Пещак. Київ, 1974.

ГрXV — Українські грамоти XV ст. Підготовка тексту, вступна стаття і коментарі В. М. Русанівського. Київ, 1965.

ГрСмоленск — Смоленские грамоты XIII—XIV вв. Подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. Москва, 1963.

ГрПолоцк I — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. I. Сост. А. Л. Хорошкевич. Москва, 1977.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подгот. к печати А. В. Черепнин. Москва—Ленинград, 1950.

ОбнБарх I — С. Н. Обнорский, С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка I. Москва, ²1952.

ПДКр I — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией I (= СРИО 41). Санкт-Петербург, 1884.

¹⁶⁹ Ср. J. Matuszewski. O państwie i Państwie: Czasopismo Prawno-Historyczne 10 (1958) 2: 77—104, особенно 87—89. Ср. также польские глоссы в латинских текстах: *dominus* — *pan*, *dominum* — *państwo* (SLP III, 836; SStr VI, 35—36).

¹⁷⁰ Ср. греч. κράτος от κρατεῖν 1. ‘держать’, 2. ‘владеть, править’. Ср. Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latium. Vindobonae 1862—1865, 177—178; Slovník jazyka staroslovenského, sv. 10. Hlavní red. J. Kurz. Praha, 1965, 520—522.

ПДП I — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством I (= СРИО 35). Санкт-Петербург, ²1892.

ПДС I — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. 1, Сношения с Государствами Европейскими I, Памятники дипломатических сношений с империею Римскою (с 1488 по 1594 год). Санкт-Петербург, 1851.

Преобр — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка I—II. Москва, ²1959.

ПсковЛет — Псковские летописи 1—2. Под ред. А. Н. Насонова. Москва (—Ленинград), 1941—1955.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

ПСРЛ 2 — Ипатьевская летопись (= ПСРЛ 2). Санкт-Петербург, 1908.

ПСРЛ 6 — Софийская вторая летопись (= ПСРЛ 6). Санкт-Петербург, 1853.

ПСРЛ 25 — Московский летописный свод конца XV в. (= ПСРЛ 25). Москва—Ленинград, 1949.

ПСРЛ 35 — Летописи белорусско-литовские (= ПСРЛ 35). Москва, 1980.

РИБ VI — Памятники древнерусского канонического права, ч. 1. (Памятники XI—XV вв.). Русская историческая библиотека VI. Санкт-Петербург, ²1908.

Розов УкрГр — В. Розов. Українські грамоти I, XIV в. і перша половина XV в. Київ, 1928.

СрезнМат — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам I—III. Санкт-Петербург, 1893—1903.

СрезнПам — И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). Общее повременное обозрение. Санкт-Петербург, ²1882.

СРИО — Сборник императорского русского исторического общества.

ССУМ — Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1—2. Київ, 1977—1978.

ССЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв. 1—. Москва, 1975—.

Тамань — В. М. Тамань. Полонизмы в языке русских памятников XVI века: Ученые записки ЛГУ 267, Серия филологических наук 52 (1960) 98—124.

ТрубЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков, Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева 1—. Москва, 1974—.

Фасмер — М. Фасмер [M. Vasmer]. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. I—IV. Москва, 1964—1973.

Черных — П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Москва, 1956.

ШанЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка. Под ред. Н. М. Шанского I/1—. Москва, 1963—.

DIR-B I — Documente privind istoria României B. Țara Românească I. Veac 13, 14 și 15. București 1953.

NRM Suppl — Supplementum ad Historica Russiae monumenta. Petropoli, 1848.

Iss GRS — A. Issatchenko. Geschichte der russischen Sprache 1, Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts. Heidelberg, 1980.

Kochman KD — S. Kochman. Polonizmy w języku rosyjskiej korespondencji dyplomatycznej (1487—1571) I—IV: Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk 1969—1972, seria B, 7 (1971) 37—54, 8 (1972) 63—64, 9 (1973) 33—42, 10 (1974) 15—27.

Kochman PKJ — S. Kochman. Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967.

Kochman PRS — *S. Kochman*. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w., Słownictwo. Opole, 1975.

KuraszkFil — *W. Kuraszkiewicz*. Gramoty halicko-wołyńskie, Studium filologiczne: *Byzantinoslavica* IV (1932) 335—364.

KuraszkJęz — *W. Kuraszkiewicz*. Gramoty halicko-wołyńskie, Studium językowe. Kraków, 1934.

Leeming — *Y. Leeming*. Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696, Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego (= PAN — Oddział w Krakowie. Prace Komisji Językoznawstwa 44). Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975.

MonSerb — *Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii*. Ed. Fr. Miklosich. Viennae, 1858.

Sławski SE — *F. Sławski*. Słownik etymologiczny języka polskiego I—. Kraków, 1952—.

SŁP — Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce. Pod red. M. Plezi. I—. Wrocław—Kraków—Warszawa, 1953—.

SStp — Słownik staropolski. Red. naczelny S. Urbańczyk. I—. Warszawa (Wrocław—Kraków—Gdańsk), 1953—.

StSl — *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* I—. Budapest, 1955—.

Г. Алеф

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАДПИСЕЙ НА МОСКОВСКИХ МОНЕТАХ ЭПОХИ ВАСИЛИЯ II* **

Правление Василия II Васильевича, великого князя владимирского и «всея Руси», знаменует собой поворотный пункт в истории Московского государства. Значение этого кардинального периода (1425—1462) обычно недооценивалось, прежде всего из-за того, что невыразительную, казалось бы, фигуру Василия II оттеснили более яркие личности его предшественников и преемников. Имена Ивана Калиты, Дмитрия Донского, Ивана Великого и Ивана Грозного привлекают внимание исследователей гораздо больше, чем упоминания о Василии Темном. Ускорение исторического процесса и более значительные события, связанные с правлением его сына Ивана III, отодвинули в тень свершения отца. Отчасти это произошло в силу большего исторического значения Ивана III, а отчасти стараниями идеологов Московского княжества. Женитьба Ивана на племяннице византийского императора Зое Палеолог и возникновение доктрины Москва — Третий Рим ознаменовали собой *translatio imperii* из Византии на Русь. Москва, объявленная русскими после отступничества византийских императора и патриарха на Флорентийском соборе оплотом православной христианской веры, укрепила свои позиции с падением Константинополя. Василия II мучила проблема отношений с Византией, его сын пожинал плоды судьбоносных решений.

Правление Ивана III считается поворотным пунктом московской истории еще и потому, что в 1480 г. было официально «свергнуто» монголо-татарское иго: неуверенный в себе хан был слишком слаб, чтобы утвердить свою власть над северо-восточной Русью. Таким образом, крах чужеземного религиозного и политического господства превратил Московское государство в независимую державу и, тем самым, отразился на его растущем престиже.

Заслугой Ивана III является также завоевание Новгорода (1471, 1478), Твери (1485) и Вятки (1489). В силу этих и многих других причин русские историки избрали именно Ивана Великого на роль великого объединителя восточно-русских земель и рассматривают его княжение как поворотный пункт московской истории.

Достижения Ивана, равно как истоки многих его идей и свершений, невозможно правильно истолковать, не принимая во внимание бурные события, ко-

---

* Пер. с англ. по изд.: Alef G. The Political Significance of the Inscription on Muscovite Coinage in the Reign of Vasili II // *Speculum*. XXXIV. 1959. 6.

** Основная часть данной статьи была представлена на летней сессии Американского нумизматического общества в 1953 г.

торыми отмечено княжение его отца. При Василии II московская политика осторожной экспансии, характерная для княжества с начала XIV в., оказалась близка к краху. Его правление было отмечено кровавой и жестокой междоусобной гражданской войной. Эта первая и единственная в истории династии война чуть не подорвала присвоенную потомками Ивана Калиты миссию. Борьба послужила испытанием для сторонников трона, и лишь преданность бояр, служилых людей и московского люда, а позднее и духовенства спасли готовое рухнуть княжество. Трижды неудачливый великий князь лишался престола, причем в последний раз он был с жестокостью ослеплен. И тем не менее этот преследуемый, ослепший, но несломленный человек сумел вернуть трон на последние пятнадцать лет своей жизни.

То были годы отмщения. Активные противники и даже подозреваемые в недовольстве были сурово наказаны утратой вотчин и тюремным заключением. Сохранявшие нейтралитет новгородцы, предоставившие убежище противникам Василия, почувствовали тяжелое бремя его мести. Вятчане, последовательно помогавшие противникам великого князя, были завоеваны. В эти годы происходил также поиск новых государственных решений. Свежие идеи, связанные с проблемой наследования, с отношениями между великим и удельными князьями, между князьями и их слугами, а также способы воздаяния за верную и неверную службу были либо обусловлены междоусобной борьбой, либо благодаря ей получили новую окраску. Прерванная политика осторожной экспансии приобрела более агрессивные формы. В последние годы правления Василия II были определены основные направления международной политики, особенно в отношении Казанского ханства и Новгорода. Энергия, высвобожденная первой русской «Смутой» и ускорившая объединение русских земель под эгидой Москвы, иссякла только к концу XVI в.

Лишь немногие исследователи верно оценивают значение этого периода для светской жизни, хотя его важность вследствие установления автокефалии русской церкви отмечалась уже давно¹. Когда назначенный греками митрополит Руси в 1438/39 г. принял унию с Римом, по его возвращении в Москву в 1441 г. Василий II счел нужным низложить его. В 1448 г. Василий II совместно с собором епископов избрал митрополитом русского по происхождению Иону без одобрения Византии. С тех пор ни один грек и ни один иерарх, не пользовавшийся поддержкой правящего великого князя, не занимал более митрополичий престол.

Для всестороннего исследования правления Василия II имеются очевидные препятствия. Источниковый материал местами ненадежен, зачастую скуден. Различные русские летописи предоставляют относительно полные известия о гражданской войне и ее последствиях, но при сравнении летописного материала с сохранившимися непосредственными свидетельствами эпохи обнаруживаются существенные пробелы. Можно подозревать, что извлекаемые из летописи намеки на новые политические термины, когда монахи-летописцы привычно именуют великих князей как государей, являются поздними интерполяциями. Документальные материалы, касающиеся переломных моментов этого периода, часто

¹ См., например, М. А. Дьяконов. Власть московских государей. Очерки по истории политических идей древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889, гл. 3; Е. Е. Голубинский. История русской Церкви. М., 1900, т. 2, ч. 1, с. 452, сл.

скудны и недатированы. Некоторые договоры и соглашения, зафиксированные в описях архива Посольского приказа XVII в., не сохранились². Соответственно, исследователь должен быть чрезвычайно осторожен в реконструкции и интерпретации событий этих решающих для Руси лет. Богатые данными церковные послания также нуждаются в тщательном изучении и проверке, поскольку поддержка церковью светской централизации и единообразия политической структуры могла быть пристрастной, особенно после 1448 г. Это не значит, что источники не могут быть плодотворно использованы, но пользоваться ими следует критически.

Чтобы оценить воздействие гражданской войны на современников, необходимы более надежные свидетельства, доказывающие, что современники были осведомлены о предпосылках междоусобной войны и что предпринимались определенные действия, призванные изменить отношения между великим князем и местными удельными князьями.

Иными словами, необходимы данные в поддержку гипотезы о том, что гражданская война привела к переоценке политической роли великого князя и выработке идеологического обоснования этой роли.

В этом неоценимую помощь оказывает нумизматика, поскольку грубо, варварски выделанные русские серебряные монеты обнаруживают изменения в политическом положении Василия II, лишь очень слабо отраженные в других источниках³. Эти выводы основываются на монетных легендах. Прежде чем представить их, необходимо отвлечься от основного хода событий, чтобы показать важность этих надписей для современников, хотя лишь немногие в ту эпоху умели читать.

Монетная чеканка впервые появилась в северной Руси в конце XIV в., и к середине XV в. и художественное воплощение, и надписи претерпели заметное развитие. Тем не менее анализ показывает отсутствие очевидной корреляции между легендой и изображением. Наиболее ранние известные московские монеты, датирующиеся последним периодом правления Дмитрия Донского (около 1375—1389), имеют либо изображение петуха, либо человека с мечом в одной руке и секирой в другой⁴. Монеты его сына Василия Дмитриевича (1389—1425),

² См. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. (Далее — ДДГ) М.—Л., 1950, с. 445—458, 459—484: перечни документов согласно описям 1614 и 1626 гг. Зафиксированы только эти ссылки на акты XIV—XVI вв.

³ Уже во второй четверти XIX в. нумизматы идентифицировали монеты Василия II с легендой «Осподарь». См. А. Д. Чертков. Описание древних русских монет. М., 1834, с. 13 и разделы, посвященные монетной системе Василия II; S. de Chaudoir. Aperçu sur les monnaies russes, v. II. St. Petersburg, 1836, p. 10—11; T. D. de Schubert. Monnaies et médailles russes. Leipzig, 1858, p. 60—61.

⁴ А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, с. 87—88, №№ 448—453. Табл. III, №№ 321—325. S. de Chaudoir. Aperçu..., v. II, №№ 8—12. О проблеме датировки первых монет и различных точках зрения относительно их появления см. Г. Б. Федоров. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I. 1359—1425 // Материалы и исследования по археологии СССР, № 12, М.—Л., 1949, с. 158—159. Г. Б. Федоров считает, что монетная чеканка впервые появилась 1370-х гг., и приводит мнения Маркова и И. И. Толстого, относящих ее появление ко времени после 1380 г. См. также И. И. Кауфман. Серебряные рубли в России // Записки нумизматического отделения императорского Русского Археологического общества, т. II, СПб., 1910, с. 34. И. И. Кауфман полагает, что Дмитрий Донской должен был чеканить

продолжая использовать ранние типы, включают также всадника в различных позах⁵ и четырехное животное⁶, трактуемое А. В. Орешниковым⁷ и Г. Б. Федоровым⁸ как барс. В правление Василия II эти типы по-прежнему существуют⁹, но появляются и новые: князь, сидящий на троне или скамье¹⁰, с мечом в руке¹¹, Геракл, разрывающий пасть льва¹², крылатые грифоны¹³ и сирены¹⁴, сфинкс с человеческой головой¹⁵.

Свободное варьирование художественных изображений позволяет предположить, что иконография не имела политического значения. Крылатый дракон, например, обнаруживается на византийской эмали с облачения митрополита Алексея (1354—1378). Н. П. Кондаков отметил сходство между изображением на монете и художественным прототипом¹⁶. Возможно, что многие, если не все, фигуры были механически скопированы с имевшихся прототипов местного или византийского происхождения. С середины XV в. возникает и постепенно занимает господствующее положение фигура всадника, позднее отождествлявшегося со св. Георгием¹⁷. В то время как художественные изображения оставались многовариантными, надписи претерпевали определенную эволюцию. Монетные легенды содержат ключ к разгадке политических устремлений великих князей, и их значение не следует недооценивать. Основываясь на римских и византийских прецедентах, логично предположить, что в целях пропаганды, для распространения определенных идей должны были бы использоваться портреты и художественные изображения. Однако факты, если они правильно истолкованы, говорят против такого подхода. Определенное и ясное развитие демонстрируют лишь надписи, понятные для грамотного меньшинства, членов правящего класса и духовенства.

Значение монетных легенд для этого периода подкрепляется нумизматическими и летописными свидетельствами. Великий князь Василий I всячески старался обеспечить наследование своему десятилетнему сыну Василию (II). Княжескому регентскому совету во главе с митрополитом Фотием под покровительством великого князя литовского была определена задача — защита интересов

монету по повелению хана Тохтамыша, желавшего, чтобы в знак покорности Москвы были отчеканены монеты с его именем по-арабски.

⁵ А. В. Орешников. Русские монеты, №№ 454—461, 466—467, 474—478, 482—483, 485—486, 488—492. На №№ 468—469 человеческая голова помещена под ногой лошади; на №№ 471—473 изображен всадник, пронзающий копьем дракона. Табл. III, № 328; Табл. IV, №№ 336—337, 339.

⁶ S. de Chaudoir. Aperçu..., v. II, № 32. Табл. V, № 361.

⁷ А. В. Орешников. Русские монеты, №№ 493—504.

⁸ Г. Б. Федоров. Деньги Московского княжества, с. 174.

⁹ См., например, А. В. Орешников. Русские монеты, №№ 507, сл., 519, сл., 547, сл., 588.

¹⁰ Там же, №№ 563, 589, 629—630. Табл. VIII, № 474.

¹¹ Там же, №№ 533, 562. Табл. VI, № 408.

¹² Там же, №№ 594—595. Табл. VII, № 439, Табл. VIII, № 467.

¹³ Там же, № 569. Табл. VI, № 415.

¹⁴ Там же, №№ 592, 608—609.

¹⁵ Там же, № 611.

¹⁶ N. Kondakov. Histoire et monuments des émaux byzantins. Frankfurt/Main, 1922, pp. 347—348.

¹⁷ А. В. Орешников. Русские монеты, №№ 648—664, 667—670, 673—901. См. *Его же*. Материалы к русской сфрагистике. Труды Московского нумизматического общества, т. III, М., 1905, с. 112—113. А. В. Орешников отмечает, что печати XIV—XV вв. не несли символического значения и что княжеские эмблемы не имели отношения к художественным изображениям на монетах до 1583 г.

малолетнего наследника. Для объявления этого решения Василий I повелел отчеканить монету (возможно, в 1425 г.) с именем Василия II на одной стороне и именами русских князей-регентов — на другой. Все сохранившиеся монеты на лицевой стороне имеют надпись «Великий князь Василий» (II), а на оборотной — имена отдельных князей: «князь Андрей Дмитриевич»¹⁸, «князь Петр Дмитриевич»¹⁹, «князь Семен Владимирович»²⁰, «князь Александр» (Данилович) Суздальский²¹. Тщательный анализ этих монет позволяет предположить, что великокняжеская канцелярия стремилась использовать надписи на монетах для демонстрации того, что поименованные князья-регенты являются гарантами наследования. Этот факт подчеркивает важность надписей.

Следующее свидетельство, касающееся важности монетных легенд, содержится в фрагменте Никоновской летописи, посвященном переговорам перед битвой на Ворскле в 1399 г. Великий князь литовский Витовт потребовал, чтобы «во всей Орде были на денгах Ординских знамение Витовтово». Хан, в свою очередь, предъявил Витовту ультиматум, что если тот хочет избежать войны, то «во всем твоим княжении на твоих денгах Литовских моему Ординьскому знамени были»²². Даже если данный пассаж является поздней интерполяцией, он тем не менее свидетельствует о том, что московский монах-летописец был осведомлен о важности помещения на монете имени сюзерена.

Степень татарского влияния на Русь остается в науке предметом дискуссий. Нумизматический материал свидетельствует в пользу сильного татарского воздействия. Мусульманский запрет на изображения сыграл роль в художественном оформлении монет исламских правителей, хотя иногда и здесь встречаются изображения. Сильное мусульманское влияние, особенно после исламизации правителей Золотой Орды в XIV в., прослеживается на русском нумизматическом материале, ибо и на татарских, и на русских монетах основное значение приобретают надписи.

Наиболее ранние московские образцы на лицевой стороне имеют круговую легенду «великий князь Дмитрий» или «печать великого князя Дмитрия», окаймляющую изображение петуха или верхней части туловища мужчины; на реверсе же всегда помещается арабская надпись. На большинстве этих ранних монет содержится имя хана (так, на реверсе некоторых монет Дмитрия имеется арабская надпись «Султан Тохтамыш-хан, да продлится его жизнь»)²³.

¹⁸ И. И. Толстой. Три клада русских денег XV и начала XVI века // Записки императорского Русского Археологического общества. Новая серия, т. IV, СПб., 1889, с. 42, №№ 81—83.

¹⁹ Там же, с. 43, № 86.

²⁰ Там же, с. 42, № 84.

²¹ Там же, с. 43, № 85. И. И. Толстой ошибочно отождествляет этого Александра с Александром Федоровичем Ярославским, но анализ имеющихся свидетельств делает это отождествление крайне маловероятным. Александр из регентского совета мог быть князем Александром Суздальским, зятем Василия II. Проблема двуименных монет, появившихся около 1425 г., связана со сложностями в системе наследования внутри Московского дома в конце XIV — начале XV в. и будет рассмотрена позднее. Двуименные монеты с именем Василия II на одной стороне и князя Юрия Галицкого — на другой (описанные И. И. Толстым, указ. соч., с. 42, №№ 75—78) относятся не к периоду около 1425 г., а к 1428 г. или позднее.

²² ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, с. 173. См. также Г. Б. Федоров. Деньги Московского княжества, с. 157; G. Vernadsky. The Mongols and Russia, New Haven, 1953, p. 281.

²³ А. В. Орешников. Русские монеты, №№ 448—453; S. de Chaudoir. Aperçu..., v. II, № 8, 11, 12. На монете № 10 читается легенда «величайший султан Мухаммед Узбек-хан».

Надписи на московских средневековых монетах прошли три ключевых пункта в своем развитии. Сначала возникает фраза «великий князь всея Руси». Наиболее раннее появление этого титула относится к серебряным монетам Василия I, хотя sporadически он встречается в документах и на печатях с начала XIV в.²⁴ Фраза «всея Руси» отвечала устремлениям московских князей установить свою гегемонию над соседними фактически независимыми княжествами. Она появилась как результат подражания церковному титулу «митрополит киевский и всея Руси»²⁵.

Второй поворотный пункт в развитии монетных надписей приходится на правление Василия II, когда великий князь внезапно в конце 1440-х гг. принял титул «осподарь всея Руси» или «осподарь всея русской земли»²⁶. Межкняжеские документы содержат лишь слабые намеки на грядущее изменение титула. Он не дублируется на сохранившихся печатях того времени: самая ранняя печать с этой формулой приложена к документу, датирующемуся июлем 1497 г. — через 49 лет после появления монеты²⁷. После 1488 г., то есть через сорок лет после того, как он стал чеканиться на монетах, титул «государь» стал широко применяться в договорах с западноевропейскими странами²⁸. В договорах же Москвы с младшими князьями старший князь, однако, продолжал именоваться просто великим князем, старейшим братом, господином²⁹ и лишь временами государем³⁰.

Третье и последнее изменение в надписях на средневековых московских монетах произошло после 1547 г., когда появился высший — царский — титул.

Теперь можно детально обосновать выдвинутую выше гипотезу о том, что гражданская война привела к переоценке политического положения великого князя и выработке идеологического обоснования великокняжеской роли.

²⁴ Впервые в Московском княжеском доме этот титул принял Иван Калита. См. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи (далее — ААЭ), т. I, СПб., 1836, №№ 3, 4; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, СПб., б. г., стб. 1156. О надписях на печатях см. А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике, с. 122 (Семен), 125 (Дмитрий), 128 (Василий Дмитриевич).

²⁵ G. Vernadsky. The Mongols and Russia, p. 201.

²⁶ О происхождении и значении терминов «осподарь», «господарь», «государь» см. A. G. Preobrazhensky. Etymological Dictionary of the Russian Language. New York, 1951, p. 151—152. Энциклопедический словарь, т. 9, СПб., 1893, стб. 424. В своем политическом значении термин, несомненно, был заимствован из Литвы в 1420-х гг. См. ДДГ, № 23, 25, 26.

Следует, между прочим, отметить, что вес московских монет уменьшился в период между их появлением в третьей четверти XIV в. и 1462 г. Это обстоятельство помогло нумизматам более точно датировать многие монеты. Согласно заключениям А. В. Орешникова (Русские монеты, с. 96), со времени Дмитрия Донского, когда впервые появилась монетная чеканка, до 1410 г. вес монет уменьшился с 1,029 г до 0,797 г. В 1410—1434 гг. вес упал с 0,797 г до 0,583 г, а в 1434—1462 гг. — с 0,532 г до 0,310 г, достигнув наименьших значений. Наибольшее падение веса приходится на период гражданской войны (1425—1450). Показательно, что чеканка с титулом «осподарь» представлена на монетах наименьшего веса.

²⁷ Печать Ивана III описана в ДДГ, с. 575: «Великий князь Иоан, Божьею милостию государь всея Руси, великий князь владимирский, московский, новгородский, псковский, тверской, югорский, вятский, пермский и болгарский».

²⁸ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I, СПб., 1851 (далее — ПДС), с. 2, 7, сл.

²⁹ См., например, акты 1486 г. (ДДГ, № 80), 1504 г. (ДДГ, № 93) и 1531 г. (ДДГ, № 101).

³⁰ В dokonчании между Василием III и его братом Юрием 16 июля 1504 г. Василий в преамбуле назван государем, но в тексте — только господином.

Двусмысленная фразеология завещания Дмитрия Донского³¹, равно как и амбиции его второго сына князя Юрия Дмитриевича Галицкого явились непосредственной причиной первого этапа борьбы за великое княжение владимирское между потомками Ивана Калиты. В завещании 1389 г. Дмитрий Донской по обычаю разделил княжество между своими пятью сыновьями. Старший, Василий, получил великокняжеский титул, земли во Владимире и часть Москвы. Второй сын, Юрий, был пожалован Галицким княжеством и городом Звенигородом³². Когда Василий I в 1425 г. умер, он оставил престол своему десятилетнему сыну Василию II³³. С этого времени Юрий Дмитриевич стремился вытеснить своего племянника с трона, объявляя себя законным наследником. Летописи свидетельствуют, что до 1431 г. лишь вмешательство главы регентского совета, митрополита Фотия, и попечение великого князя литовского Витовта, деда Василия II, позволяли предотвратить вооруженное столкновение. Тем не менее, согласно отрывочным свидетельствам, в 1428 г. Юрий был признан великим князем-соправителем³⁴. Status quo вскоре был восстановлен, но в 1431 г., когда оба опекуна Василия II умерли, борьба возобновилась. В 1433 г. Юрий сместил великого князя и сам занял трон.

Служилые люди Василия II, как и московский люд, отказались служить узурпатору и сплотились вокруг законного правителя. Положение Юрия стало столь шатким, что он на время признал Василия великим князем и вернулся в собственное княжество за подкреплением. В 1434 г. он вновь победил Василия в битве и опять занял Москву. Прокняжив всего три месяца, Юрий неожиданно умер, но его старший сын Василий Косой попытался унаследовать отца. Борьба продолжилась два года и завершилась ослеплением сына Юрия³⁵. Беды Василия II на некоторое время закончились.

Нумизматический материал этого периода отражает события политической жизни. Получив в 1389 г. отцовское пожалование, Юрий, как и его братья, начал чеканить собственную монету³⁶. Когда он был галицким князем, надписи на его монетах гласили «печать князя Юрия», «печать князя Юрия Дмитриевича»³⁷. Заняв же великокняжеский престол, он повелел чеканить в легенде «великий князь Юрий»³⁸. Другие монеты гораздо труднее датировать. На лицевой стороне

³¹ ДДГ, № 12, с. 35: «А по грехом, отъимет Бог сына моего, князя Василья, а хто будет под тем сын мой [т. е. следующий по старшинству], ино тому сыну моему княж Васильев удел, а того уделом поделит их моя княгини». Юрий обратил краткость завещания в свою пользу. На самом деле в завещании имелось в виду, что Василий I был еще не женат и, следовательно, не имел детей. Соответственно, если бы Василий умер, не оставив потомства, наследование должно было перейти к следующему по старшинству брату Василия.

³² Там же, № 12.

³³ Там же, № 22. См. также ПСРЛ, т. VIII, с. 96. Сообщение о переговорах в Орде в 1432/33 гг. показывает, что Василием I был получен у хана ярлык на великое княжение для своего сына.

³⁴ В Описи Архива Посольского приказа 1626 г., частично опубликованной в ДДГ, имеется запись о двух несохранившихся договорах (с. 462) между Василием II и его дядей Юрием 6936 (1427/28) г., где Юрий Дмитриевич, как и Василий Васильевич, назван великим князем.

³⁵ G. Vernadsky. The Mongols and Russia, pp. 298, ff.

³⁶ Г. Б. Федоров. Деньги Московского княжества, с. 184; А. В. Орешников. Русские монеты, с. XII.

³⁷ А. В. Орешников. Русские монеты, №№ 702, сл. Табл. X, № 552—553, 555—558.

³⁸ Там же, № 709—712. Табл. X, № 564—566.

их содержится надпись «великий князь Василий», а на реверсе — «князь Юрий Дмитриевич»³⁹. Поскольку Юрий никогда не был членом регентского совета и с самого начала его правления был в открыто враждебных отношениях с Василием II, они должны принадлежать либо периоду немедленно после восстановления мирных отношений в 1428 г., либо, что более вероятно, периоду после 1433 г., когда Юрий оставил престол. Двуменные монеты чеканились, чтобы обозначить изменение в политических отношениях, а именно то обстоятельство, что Юрий вновь признал старшинство Василия II. Докончание между князьями восстанавливало их изначальный статус, и монетная легенда мыслилась как средство распространения этой новости.

Хотя в 1436—1446 гг. оставшиеся дети Юрия не делали попыток возобновить борьбу, это время также было наполнено событиями. Присоединение митрополита Исидора к решениям Флорентийского собора ошеломило русское духовенство. Несмотря на официальное одобрение Византией унии с Римом, великий князь Василий в согласии с духовенством в 1441 г. сместил и заключил в тюрьму митрополита. Отношения с Константинополем не были прерваны, но почитание императора и патриарха как защитников православия значительно ослабело. Однако лишь в 1448 г. по повелению великого князя собор русских епископов избрал нового митрополита⁴⁰, но и тогда Василий II не хотел, чтобы этот акт был воспринят в Константинополе как отказ от подчинения его власти, заявляя, что отношения будут восстановлены в полном объеме, когда Византия отвергнет унию с Римом⁴¹. Ни в одном из документов, касающихся смещения Исидора, не содержится указаний на изменение великокняжеского титула⁴².

В послании 1451/2 г. императору Константину XI, сообщающем об избрании Ионы митрополитом, Василий именует себя «великим князем московским и всея Руси»⁴³, а литовского великого князя называет «осподарь литовския земли»⁴⁴. Это послание было написано по крайней мере через четыре года после того, как слово «осподарь» появилось на московских монетах. Поэтому нельзя утверждать, что титул государь был принят великим князем в связи с решениями Флорентийского собора и последовавшими за ним событиями.

Не религиозные разногласия, а второй этап гражданской войны (1446—1453) повлиял на изменение политической концепции. Более того, имеются достаточные свидетельства, показывающие, что это изменение представляло собой политический эксперимент противника Василия II галицкого князя Дмитрия Шемяки. Великий князь был вынужден принять и использовать это нововведение.

Интерлюдия между двумя этапами гражданской войны была богата событиями и далека от мирного развития. В начале 1440-х гг. возросла активность татар. В 1443 г. подверглось набегу великое княжество Рязанское, расположенное к

³⁹ Там же, № 707—708. И. И. Толстой. Три клада русских денег, с. 42, № 75—80.

⁴⁰ ПСРА, т. XII; см. также ниже, прим. 41.

⁴¹ G. Vernadsky. The Mongols and Russia, pp. 311—313.

⁴² Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. VI, Спб., 1908, стб. 526—536, № 62. Василий (там же, стб. 525) называет себя великим князем московским и всея Руси. Иона, уведомляя литовских князей, бояр и людей о своем избрании (там же, № 64), говорит о Василии II: «...и по думе господина, сына моего, великого князя Василия Васильевича, и его молодые братья, князей...»

⁴³ Там же, стб. 576.

⁴⁴ Там же, стб. 578.

югу от Москвы. Его армия с помощью войск Василия II разбила нападавших, но в следующем году южная граница Московского государства была прорвана. Кульминацией татарского набега было пленение в 1445 г. (7 июля) Василия II татарами. Катастрофа деморализовала население Москвы, но Дмитрий Шемяка, второй сын Юрия Галицкого, решил обратить трагедию в свою пользу. Когда Василий II вернул себе свободу, пообещав огромный выкуп⁴⁵, в Москве воцарилась огромная радость, но, как только стали известны условия освобождения, восторг уступил место недовольству. Столь огромный выкуп подразумевал введение обременительного чрезвычайного налога. Одновременно распространился слух, несомненно спровоцированный Шемякой, что Василий обещал сдать Москву хану, а сам принять в качестве отчины тверской престол. Присутствие татарских войск, пришедших с Василием для сбора обещанного выкупа, делало эти подозрения еще более правдоподобными. В 1446 г., через четыре месяца после возвращения Василия, когда великий князь совершал паломничество в Троицкий монастырь примерно в 60 км к северу от столицы, Шемяка с заговорщиками хитростью занял Москву. Затем он поспешил к Троице, захватил врасплох великого князя и ослепил его. Неудачливый Василий вновь был лишен трона. Стремительность, с которой действовал Шемяка, и шок, в который были повергнуты приближенные Василия, сделали невозможным организованное сопротивление. Несколько человек бежали в Литву, но большинство нехотя присягнуло на верность новому великому князю. Шемяка опасался, что, если возникнет оппозиция, она сплотится вокруг двух юных сыновей Василия, избежавших ловушки в Троицком монастыре. Это побудило его заманить их обратно в Москву. Шемяка торжественно поклялся духовенству, что не причинит мальчикам зла, если они вернуться. Но по возвращении в столицу они были сразу брошены в тюрьму. Это было слишком и для священнослужителей, и для верных сторонников Василия II. Против Шемяки начала формироваться новая оппозиция, и духовенство громогласно требовало освобождения пленников.

Шемяка, уяснив шаткость своей позиции, попытался прекратить растущее сопротивление, пообещав освободить не только детей, но и ослепленного Василия. В обмен на обещание признать Шемяку великим князем Василию в удел была дана Вологда. Однако освобождение Василия, вместо того чтобы остановить растущую оппозицию, усилило ее. Г. В. Вернадский писал, что психологическая реакция против Шемяки стала очевидна повсюду⁴⁶. Игумен Кириллова монастыря признал Василия законным великим князем — государем и освободил его от клятвы: «тот грех на мне и на моей братьи главах, что еси целовал князю Дмитрею и крепость давал»⁴⁷.

Василий II отправился в Тверь, где добился поддержки правителя этого княжества. Ему на помощь пришли его сторонники, бежавшие в Литву, — число их к тому времени было уже довольно велико. Те же из них, кто оставался в Москве без своего вождя, ускользнули оттуда и присоединились к Василию. Столкнувшись с

⁴⁵ Большинство летописей сообщает об огромном выкупе. Василий должен был заплатить так много, как только мог. См., например, ПСРЛ, т. VIII, с. 114; т. XII, с. 66; т. XVIII, с. 195. Новгородская Первая летопись (М.—Л., 1950, с. 426) говорит о сумме (подозрительно большой) в 200 000 рублей.

⁴⁶ G. Vernadsky. The Mongols and Russia, p. 323.

⁴⁷ ПСРЛ, т. IV, с. 146; т. V, с. 269.

превосходящими силами противника и опасаясь враждебности московского населения, Шемяка отступил в Галич. С этого момента в 1447 г. и до отравления галицкого князя в 1453 г. армия Василия II наступала. Церковь активно помогала Василию. Шемяке угрожало церковное отлучение, а его приверженцам было предписано оказать поддержку законному государю, великому князю Василию⁴⁸.

В 1447 г. в послании высших иерархов русской церкви, адресованном Шемяке, епископы констатируют, что законный великий князь вновь утвердился на престоле, и никто не может отнять у Василия дарованного ему Богом. Шемяку иерархи призывали покаяться и подчиниться воле великого князя⁴⁹. Явно подразумевается, что право на великокняжеский престол не зависит от татарского ярлыка и не добывается силой, но зависит от Божьего соизволения.

Позиция духовенства не вызывает удивления. Церковное единство и административное единообразие всегда были целями русской митрополичьей кафедры. Прошлый опыт показал, что эти устремления могут быть достигнуты лишь благодаря консолидации вокруг единой светской власти, которая ликвидирует местные различия. Поэтому С. М. Соловьев писал, что, когда московские князья начали бороться за единение, их усилия полностью совпали с устремлениями духовенства⁵⁰. Роль Василия в популярном решении низложить Исихаста и затем избрать митрополитом Иону еще более укрепила связи между великим князем и высшим духовенством.

Все это может объяснить, почему духовенство с готовностью обращалось к московскому великому князю как к государю, почему в борьбе за светскую власть духовенство намеренно возвеличивало великого князя как государя, Богом избранного и Богом данного правителя. Поэтому упоминания монахов-летописцев о великом князе как о государе, а также и церковные послания, продиктованные епископами, не обязательно отражали отношения, существовавшие в светской сфере, хотя в отдаленной перспективе они и должны были оказать на них влияние. Поэтому естественно подвергнуть сомнению летописные обращения к Василию II как государю в 1432⁵¹ и 1446 гг.⁵² Содержащие их летописные своды были созданы позднее, к тому же можно допустить, что сами монахи-летописцы были склонны к употреблению именно этого титула.

Если на время отложить в сторону основной массив письменных источников — летописи и церковные послания и подвергнуть анализу исключительно междукняжеские договоры, остается только один пример, когда Василий II настаивает на применении титула *господарь*. Вот как Г. В. Вернадский оценивает этот уникальный случай.

⁴⁸ РИБ, т. VI, № 64, с. 539—542. Вторая часть послания является призывом к союзникам Шемяки: «...били челом своему господарю великому князю о жалованьи как ему Бог положит на сердце...» См. также *A. Eck. Le moyen âge russe*, Paris, 1933, p. 130; *A. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий*. Пг., 1918, с. 403.

⁴⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I, СПб., 1841 (далее — АИ), № 40, с. 77 и сл. *В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века*. Пг., 1916, с. 176.

⁵⁰ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, стб. 1076.

⁵¹ ПСРЛ, т. VIII, с. 96: «...наш государь великий князь Василей ищет стола своего великого княжения...»

⁵² ПСРЛ, т. IV, с. 146; т. V, с. 269.

«В 1448 году (или в начале 1449) московская канцелярия попыталась сделать шаг вперед, определяя власть великого князя московского относительно удельных князей. В договоре с суздальским князем Василий II назывался его «господарем». Эта формулировка не повторилась, однако, ни в одном из последующих договоров Василия. Но сын Василия II, Иван III, использовал его в полной мере, требуя в 1478 году, чтобы новгородцы признали его своим государем (что является великорусским вариантом западнорусской формы «господарь»). Принятие этого термина новгородцами означало конец независимости Новгорода»⁵³.

Историком не был отмечен тот факт, что легенды на монетах изменились сразу же после того, как Василий II вернул себе Москву. Формулы «...Васильевич осподарь вся Русь»⁵⁴, «осподарь вся Русская земля»⁵⁵, «осподарь вся Русь»⁵⁶ появляются на монетах немедленно после возвращения великого князя в Москву в феврале 1447 г. Чуть позже, в 1448 г. или в начале 1449 г., надписи отразили соправительство старшего сына Василия II, Ивана, в качестве великого князя: титул стал читаться «осподари вся Русь»⁵⁷. Эта реконструкция основывается на договоре между Василием II и суздальским князем Иваном Васильевичем, заключенном между декабрем 1448 г. и июлем 1449 г.⁵⁸ Согласно этому договору Иван Васильевич целовал крест своему «господарю» великому князю Василию Васильевичу и его сыну великому князю Ивану Васильевичу. Таким образом, монеты, чеканенные от имени двух «господарей», относятся к периоду после объявления Ивана великим князем. Монеты же, имеющие на аверсе надпись, которая указывает на великого князя Василия, а на реверсе — слово «осподарь» в единственном числе, датируются кратким периодом между возвращением Василия в Москву в феврале 1447 г. и объявлением Ивана великим князем.

Поскольку изменение в титулатуре появилось немедленно после возвращения Василия II на трон, возникает вопрос: почему великий князь так торопился? Имеющиеся данные позволяют предположить, что его подгонял пример Шемяки.

Ранние монеты Дмитрия Шемяки легко идентифицируются. После смерти отца в 1434 г. и до 1446 г. он употреблял титул «князь Дмитрий Юрьевич»⁵⁹. После узурпации великокняжеского престола он воспроизводит наиболее почетную формулу, называя себя «великий князь Дмитрий»⁶⁰. Однако, когда его положение ухудшилось, особенно после скандального нарушения клятвы и заключения под стражу сыновей Василия II, ему пришлось различными путями отстаивать слабеющую власть. Одним из таких способов было декларирование права на престол посредством монетной легенды. Это может объяснить появление монеты с круговой надписью на аверсе «князь (великий Дми)трий Юрьевич», а на ре-

⁵³ G. Vernadsky. The Mongols and Russia, pp. 351—352. Рус. пер. Г. В. Вернадский. История России. Монголы и Русь. Тверь; Москва, 1997, с. 359.

⁵⁴ А. В. Орешников. Русские монеты, № 613. Табл. VII, №№ 459—460.

⁵⁵ Там же, №№ 618, 627—628 и, возможно, 619. Табл. VIII, №№ 474—475.

⁵⁶ Там же, №№ 625—626, 629. Табл. VIII, №№ 471—472, 476.

⁵⁷ Там же, №№ 615, 617, 632, 634.

⁵⁸ ДДГ, № 52. Аргументацию А. В. Черепнина, касающуюся датировки договора, см. там же, с. 159—160; А. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. I, М.—Л., 1948, с. 147—148.

⁵⁹ А. В. Орешников. Русские монеты, №№ 713—715. Табл. X, № 568—569.

⁶⁰ Там же, №№ 717—718. Табл. X, № 572.

версе — «оспо(дарь зе)мли Русския»⁶¹. Так что, когда Василий вернул престол, он был вынужден учитывать опыт своего соперника.

Другой тип двуименной монеты также относится к 1446 г. Эти экземпляры имеют на аверсе с одной стороны надпись «великий князь Дмитрий», а с другой — «великий князь Василий»⁶². Непонятно, почему Дмитрий Шемяка, ослепив и заточив своего двоюродного брата, счел нужным сохранить на монетах имя Василия как великого князя. Равным образом невероятно, судя по наличным источникам, чтобы Василий II, вернув трон, признал за ненавистным кузеном великокняжеский титул: ведь его военное положение было слишком сильным, чтобы идти на такую уступку. Следовательно, монеты с двумя именами чеканились в 1446 г., когда Шемяка счел необходимым освободить Василия. Поддержка, которую оказали Василию служилые люди и духовенство, а позднее и великий князь тверской, несомненно, встревожила Шемяку. Возможно, он дипломатическими мерами попытался успокоить растущую оппозицию и все же сохранить великокняжеский престол. Не исключено, что, ведя в Твери переговоры о военной помощи, Василий II мог и согласиться на подобное предложение.

Принятие великим князем московским в середине XV в. титула государя не следует недооценивать. Расхожее утверждение энциклопедического словаря, что Иван III повелел чеканить на монетах и печатях титул «господарь всея Руси»⁶³, верно лишь в самом узком смысле: Иван действительно велел помещать на своих монетах этот титул, но не он первым ввел его в обиход. Принятый Шемякой на последнем этапе гражданской войны, он был подхвачен и использован Василием II.

Что значило для современников слово «господарь», хорошо видно из грамоты 1454 г. митрополита Ионы епископу Мисаилу Смоленскому, касающейся конфискации земель князя Ивана Можайского и его бегства в Литву с целью избежать заточения: в ней Василий II именуется не только его «братом старейшим», но и «господарем, великим князем Василием Васильевичем»⁶⁴. Иона делает попытку отвергнуть традиционную иерархическую терминологию, превалирующую в докончаниях того времени, и одновременно санкционирует право наказывать князей, выступающих против Василия. Оппозиция подразумевает измену, а измена наказывается конфискацией земель и заточением. Вместе с определением «господарь» начинает зарождаться, хотя еще и не осознаваемая в полной мере, концепция государства и государственной власти.

Тем не менее попытка московской канцелярии поддержать введение нового титула была краткосрочной, и традиционная терминология продолжала употребляться. Княжеские докончания свидетельствуют о двойственности, характеризовавшей с XIV в. московский политический организм. Князья Рюриковичи, получавшие свои земли по праву родового наследования, содержали собственные дворы, войска и осуществляли правосудие. Докончания обязывали их служить великому князю, своему «брату старейшему», во время войны, не поддер-

⁶¹ Там же, № 716. Несмотря на плохую сохранность монеты, круговая надпись читается. См. Табл. X, № 570.

⁶² Там же, №№ 719—721. Табл. X, №№ 573—574.

⁶³ Т. IX, стб. 424.

⁶⁴ АИ, т. I, № 56, с. 103—104.

живать отношения с иностранными державами и т. д. В XIV в. этих договоров, основанных на взаимопомощи и взаимном уважении, придерживались члены Московского княжеского дома. В то же время растущее благосостояние Москвы, почти непрерывно получавшей ханский ярлык на великое княжение, престиж, сообщавшийся местопребыванием в Москве митрополичьей кафедры, притягивали к ней многих менее удачливых князей. За военную, административную и придворную службу они не только получали земельные пожалования, но и становились боярами и служилыми людьми Московского дома. Именно поддержка этого слоя обеспечила победу Василию II. Коротко говоря, их судьба зависела от положения и щедрости великого князя. Князья, владевшие землями не по пожалованию великого князя, а по праву родового наследования, олицетворяли центробежные силы; множество же московских великокняжеских служилых людей персонифицировали центростремительные силы. Именно для них великий князь был «господарем», «осподарем» или «государем».

Гражданская война с ее ужасами и насилиями, потрясениями и изменами ставила проблему отношений между великим князем и его мятежными родичами. В соответствии с новыми принципами восставшие были наказаны конфискацией земель и заточением под стражу⁶⁵. Договоры, которые в ходе гражданской войны часто заключались, но при каждом удобном случае нарушались, теперь обеспечивались военной силой великого князя и поддержкой духовенства. Отныне больше нельзя было безнаказанно нарушить клятву. Я думаю, что договоры, заключенные после 1448 г., хотя и придерживались старой терминологии, были основаны на строгом соблюдении обусловленных в них статей.

Использование термина «осподарь» на монетах, но не в актовом материале демонстрирует традиционный консерватизм в отношении политической титулатуры великого князя. Иван Калита (1328—1341) был первым членом династии, употребившим, с колебаниями, титул «великий князь всея Руси»⁶⁶. Эта фраза в большинстве случаев не использовалась в междукняжеских актах XIV—XV вв., хотя Дмитрий Донской стал первым чеканить монеты со своим именем, а его сын с самого начала помещал легенду на своих монетах. Аналогичным образом, Василий II употреблял титул государя в актах с нерешительностью, на монетах же продолжал пользоваться им с того самого времени, как был впервые принужден к этому Шемякой. Можно предположить, что Иван III начал с такой же осторожностью употреблять титул царь, но и он, как и его сын Василий III (1505—1533), делал это лишь в некоторых случаях. Лишь в 1547 г. Иван IV официально венчался на царство. Общеизвестно, что московские князья XIV—XV вв. ставили задачу объединения Руси под гегемонией Москвы. Несомненно, Иван III действовал так, как будто он был царем, хотя и нечасто прибегал к этому титулу. Следует ли отрицать намерение Василия поступать таким же образом, хотя он даже не называет себя государем в междукняжеских актах?

⁶⁵ Ранее был зафиксирован только один случай в истории московской династии, когда член княжеской семьи был лишен своего родового наследия вследствие отказа следовать воле великого князя. В 1419 г. Василий Дмитриевич потребовал, чтобы его младший брат Константин письменно подтвердил права его сына как старшего члена рода. Константин отказался и был лишен своих родовых владений (ПСРЛ, т. XXV, с. 244). В 1421 г. Константин смягчился, согласился на требования брата (там же, с. 245) и получил вотчинное пожалование. Об этом известно из договора 1434 г. См. ДДГ, № 34, с. 87.

⁶⁶ См. выше, прим. 24.

То обстоятельство, что в великокняжеском кругу в отношении титула соблюдалась осторожность, видно и по другим нумизматическим источникам того времени.

Летописи говорят, что зимой 1450 г. Василий II послал войско в Галич. «Бог помог» Василию, и разбитый Шемяка бежал в Новгород. Великий князь забрал себе все княжество и, оставив там наместников, вернулся в Москву⁶⁷. Хотя Шемяка сделал несколько безуспешных попыток продолжить борьбу, его силы были слишком слабы. В 1453 г. он умер, отравленный, в Новгороде. Чеканка в Галиче прекратилась, местные деньги были вытеснены московскими монетами с надписью «осподари всея Руси».

В Можайске, где политическая ситуация разрешилась аналогично, монетные легенды прошли иной путь развития. Можайский князь Иван был внуком Дмитрия Донского. Хотя он держал удел на территории великого княжества и был обязан договором и обычаем помогать Василию, Иван стойко поддерживал Шемяку⁶⁸. В 1454 г., когда Василий II, желая отомстить, вторгся в Можайское княжество и присоединил его к собственным землям, Иван бежал в Литву⁶⁹. Присоединение княжества Василием отразилось на монетах. Вместо московской формулы «великий князь Василий» на аверсе и «осподари всея Руси» на реверсе, появилась новая формула на реверсе: «денга можайская»⁷⁰. Сколь долго чеканился этот тип, установить невозможно. Он воспроизводил старую можайскую монету, чеканенную до 1454 г.⁷¹, хотя намерение Василия аннексировать Можайск несомненно: земли княжества рассматривались как его личные владения и были поделены между его сыновьями в его духовной⁷².

Представляется обоснованным предположение, что, раз монеты с надписью «осподарь» не чеканились в Можайске до позднего времени, осторожная и консервативная формула была выбрана сознательно. Если сравнивать этот тип с тем, который несомненно был введен в Галиче после оккупации 1450 г., можно сделать два заключения. Первое — поскольку в Галиче обращались монеты с введенной Шемякой формулой «осподарь», Василий II счел нужным, заняв княжество, продолжить эту традицию. Второе — формула на можайских монетах демонстрирует точку зрения великокняжеских должностных лиц на то, какой должна быть легенда на монетах присоединенных земель.

Использование термина «денга» представляет собой определенную проблему. К началу XV в. «денга» было обычным названием серебряной монеты, чеканившейся в Новгороде, Пскове и восточнорусских княжествах⁷³. Это слово еще не приобрело общего значения «деньги», так как с XIII до конца XV в. в этом значении использовалось другое слово — «серебро»⁷⁴. Слово «денга» в монетных ле-

⁶⁷ ПСРЛ, т. V, с. 269, 270; т. VI, с. 178—179.

⁶⁸ А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства, с. 409.

⁶⁹ ПСРЛ, т. IV, с. 132; т. V, с. 271; т. VI, с. 18; т. VIII, с. 144.

⁷⁰ А. В. Орешников. Русские монеты, № 763. Табл. XI, № 617.

⁷¹ Там же, № 762.

⁷² ДДГ, № 61.

⁷³ А. В. Орешников. Русские монеты, с. XII. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I, СПб., 1893, стб. 652. И. И. Кауфман. Серебряные рубли в России, с. 19 сл.

⁷⁴ И. И. Кауфман. Серебряные рубли в России, с. 2—9. F. von Schrötter. Wörterbuch der Münzkunde. Berlin—Leipzig, 1930, S. 627. И. И. Срезневский. Материалы, т. I, стб. 652—653. К концу XV в. в качестве обозначения денег слово «деньги» заменило слово «серебро».

гендах имело другую коннотацию. В Псковской республике с того времени, как серебряные монеты впервые появились здесь в 1420-х гг.⁷⁵, и до 1510 г., когда Москва в конце концов присоединила Псков, на монетах была надпись «денга псковская»⁷⁶. Многие монеты великого княжества тверского эпохи великого князя Бориса Александровича (1425—1461)⁷⁷ и его сына Михаила Борисовича (1461—1485)⁷⁸ также имеют легенду «денга тверская». Однако обзор тверских монет в каталоге А. В. Орешникова показывает, что большинство из них содержало надпись «печать великого князя (имя)»⁷⁹.

Возникает вопрос, имел ли термин «денга» на некоторых тверских монетах специальное значение или он представлял собой лишь вариант. Поскольку монета называлась «денга» и Псковская республика для своих монет использовала только этот термин, напрашивается предположение, что таково было естественное словоупотребление.

Тем не менее имеются основания полагать, что тверские монеты с легендой «денга тверская» имели в то время другое значение. Эти резоны основываются на анализе монет Городеска. Городеск (Городен) был поселением на правом берегу Волги, примерно в 35 км от Твери. В конце XIV — начале XV в. великие князья тверские были также местными городенскими князьями. В правление великого князя Ивана Михайловича (1399—1425) надпись на аверсе читается «Печать великого князя Ивана», а на реверсе легенда продолжается «Михайловича. Городе(н)ск»⁸⁰. В правление великого князя Бориса Александровича на аверсе появляется новая легенда: «денга городе(н)ская»⁸¹.

Поскольку смена легенды на городенских и некоторых тверских монетах пришлось на правление великого князя Бориса Александровича, это может означать, что употребление термина «денга» подразумевало тогда некоторое особое значение. В случае с Городеском можно выдвинуть достаточно обоснованное заключение. Легенда «денга городе(н)ская» означала, что это монета княжества, территория которого принадлежала лично правившему в Твери великому князю. Экземпляры с надписью «денга тверская», возможно, использовались на землях, недавно приобретенных тверским великим князем. Например, в 1426 г. кашинский князь был смещен и лишен своего княжества великим князем Борисом, и местная кашинская чеканка прекратилась. На кашинский стол не было назначено никакого преемника, и княжество было непосредственно включено в состав великокняжеских владений⁸². Поэтому возможно, что первые монеты, отчеканенные в Кашине, несли имя Бориса и легенду «денга тверская», чтобы показать, что Кашин более не является независимым.

⁷⁵ Псковские летописи (подгот. А. Н. Насонов), вып. I, М.—Л., 1941, с. 35; вып. II, М., 1955, с. 39. В. Л. Янин. О начале псковской монетной чеканки. Нумизматический сборник, вып. I, М., 1955, с. 21—23.

⁷⁶ А. В. Орешников. Русские монеты, №№ 65—77.

⁷⁷ Там же, №№ 155—160, 236—237.

⁷⁸ Там же, №№ 264—266, 296, 305, 307—310.

⁷⁹ Там же, с. 22—52.

⁸⁰ Там же, № 398.

⁸¹ Там же, №№ 400—405. См. также А. В. Орешников. Материалы к русской нумизматике доцарского периода // Труды Московского нумизматического общества, т. II, М., 1901, с. 333, №№ 52—56.

⁸² А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства, с. 213—219. А. В. Орешников. Русские монеты, с. 69—70.

Чеканка тверской денги появилась в правление Бориса Александровича (1425—1461), современника Василия II (1425—1462). Именно в княжение Василия денга впервые появилась в монетном обращении Москвы. Есть серьезная вероятность того, что тверской прецедент использования денги на землях, захваченных великим князем, был скопирован в московском княжестве. Похоже, что таков был случай с Можайском, и тот же образец, по-видимому, фигурирует в отношениях Василия с Рязанью и Великим Новгородом.

Великое княжество рязанское, лежавшее к югу от Москвы и представлявшее буфер между южными монголами и Московией, было одним из трех восточно-русских великих княжеств, созданных татарами в XIV в. и продолжавших существовать в середине XV в. Два других были Москва и Тверь. Несмотря на всяческое давление со стороны Москвы и Литвы, Рязань сохраняла независимость. Перед своей смертью в 1456 г. великий князь рязанский Иван Федорович назначил своего могущественного соседа Василия II опекуном восьмилетнего сына. Ребенок был взят в Москву, и Рязанью правили наместники Василия от имени великого князя московского⁸³. Более ничего источники не сообщают. Несомненно, прикрываясь опекуном, Москва извлекала прибыли от взимания налогов и отправления правосудия. Рязань оставалась под юрисдикцией Москвы до 1464 г., когда наследнику, Василию Ивановичу, было позволено вернуться в свои родовые владения. Его невестой была объявлена сестра великого князя московского Ивана, и ему было позволено править под бдительным оком Москвы. Окончательно Рязань была включена в расширяющееся Московское государство только в 1520 г.

Рязанские нумизматические источники этого периода представляют наибольшую трудность для оценки. Есть некоторое подозрение, что Василий II мог иметь иные планы относительно Рязани. Рязанские князья начали чеканить собственные деньги в конце XIV в., используя весовой стандарт соседей-татар, а не Москвы. После установления опеки Москвы и вес, и легенды монеты претерпели существенные изменения. До 1456 г. серебряная монета весила в среднем свыше 0,9 г, после этого — менее 0,35 г. Вместо прежней татарской тамги⁸⁴ на одной стороне и надписей «печать великого князя» или «великий князь Иван Федорович» на другой⁸⁵, легенды стали идентичны можайским: «великий князь Василий» на аверсе и «денга резанская» на реверсе⁸⁶. Художественные изображения также радикально изменились. До 1456 г. все рязанские монеты имели грубое изображение головы овна или более тщательно сделанное изображение двух глаз, разделенных длинным носом. После 1456 г. сюжеты монет делаются более разнообразными, например голова в профиль или четырехногое животное. Возможно, надпись «великий князь Василий» подразумевала Василия Ивановича рязанского. Но какие монеты обращались в Рязани в период опекуна? Монеты многих московских государей? Едва ли это возможно, разве что Василий намеревался немедленно официально аннексировать Рязань.

⁸³ ПСРА, т. XXV, с. 275.

⁸⁴ Татарский родовой знак. См. ст. «Тамга» Р. Фасмера в кн.: *F. von Schrötter. Wörterbuch der Münzkunde. Berlin—Leipzig, 1930, S. 678—779.*

⁸⁵ *Э. К. Гуттен-Чапский. Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси. СПб., 1875, №№ 34, 36. А. В. Орешников. Русские монеты, №№ 435—442. Табл. II, № 308.*

⁸⁶ *T. D. de Schubert. Monnaies et médailles russes. Leipzig, 1858, №№ 284—286. А. В. Орешников. Русские монеты, №№ 444—446. Табл. II, №№ 313—314.*

Сохранилась монета, определенно принадлежащая Василию Ивановичу. На аверсе помещен символ звезды с восемью лучами, заключающий глобулу в центре и глобулу на конце каждого луча. Реверс содержит трехлинейную надпись «КНЯЗЬ В/(А)СИЛЕИ / (ИВ)АНОВИЧ»⁸⁷. Вес этой монеты 0,89 г. Монеты с простой надписью «Великий князь Василий» весят 0,42 г, 0,32 г, 0,138 г и т. д. Таким образом, определенно принадлежащая Василию Ивановичу монета отличается весом, легендой и художественным оформлением от тех, что несут имя великого князя Василия. Весьма вероятно, что монеты с надписью «денга резанская» принадлежали Василию II московскому.

Означает ли это, что Василий II намеревался покончить с независимостью Рязани, но умер, не успев добиться своей цели? Отложил ли этот план проводивший гораздо более амбициозную политику его сын и наследник Иван III? Поскольку на основании только нумизматического материала делать заключения невозможно, было бы соблазнительно предпринять пересмотр имеющихся свидетельств, равно как и реконструкцию экспансионистской политики Василия II и Ивана III, и специально изучить вопрос об их планах в отношении Рязани.

Последняя проблема, касающаяся денежной системы Василия II, связана с подчинением Великого Новгорода. Во время гражданской войны независимый, с процветающей торговлей Новгород соблюдал нейтралитет. Несколько раз потерпевшие поражение участники драмы искали убежище в великом торговом городе. Шемяка использовал его земли как базу для своих операций и как убежище в последние три года своей жизни. После 1448 г. митрополит Иона потребовал, чтобы Новгород отказал Шемяке в убежище, но получил отпор. В 1456 г. великий князь отомстил. Новгородские войска потерпели решительное поражение, и городу был навязан чрезвычайный обременительный договор, предусматривавший выплату штрафа и контрибуции. Налог, выплачиваемый свободным новгородским крестьянством, теперь должен был направляться непосредственно в Москву. Аналогичным наказаниям Новгород подвергался и раньше, но теперь добавилось новое условие: новгородцам запрещалось заключать договоры без предварительного одобрения великого князя. Ограничение выражено недвусмысленно, хотя и загадочно: «А печати быти князеи великих»⁸⁸. Историки заключили, что слово «печати» касается только печатей на документах⁸⁹. Это, несомненно, означало, что Новгород не мог вести независимой внешней, а возможно и торговой, политики. Условия договора 1456 г. позволили А. Е. Преснякову⁹⁰ предположить (К. В. Базилевич⁹¹ назвал это весьма правдоподобной гипотезой), что в Москве начала вызреть мысль о полном подчинении Новгорода. Нумиз-

⁸⁷ T. D. de Schubert. Monnaies et médailles russes. Leipzig, 1858, № 288. Другой экземпляр с надписью «князь Василий Иванович» приведен у А. В. Орешникова. Русские монеты, № 447.

⁸⁸ ААЭ, № 58, с. 43. Грамоты Великого Новгорода и Пскова (под ред. С. Н. Валка). М.—Л., 1949, с. 41—42.

⁸⁹ См., например, С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 4, стб. 1089. А. Еск. Le moyen âge russe. Paris, 1933, pp. 420—421. К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952, с. 50. Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 2: XIV—XV вв. М., 1953, с. 105.

⁹⁰ А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства, с. 431.

⁹¹ К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства, с. 88.

маты С. де Шодуар⁹², А. В. Орешников⁹³, Ф. Крауманн⁹⁴ и др. предположили, что в результате условий, навязанных договором 1456 г., новгородская монетная система также изменилась. Положение договора о приложении печати великого князя было понято А. В. Орешниковым, в частности, и как относящееся к монетам.

Новгородские монеты, чеканившиеся с начала XV в., изображали фигуру в короне, сидящую на троне, с мечом в правой руке, протягивающую левую к человеку «в просительной позе». На оборотной стороне помещалась надпись «Великого Новагорода» (в различных вариантах)⁹⁵. После победы Москвы изображение на аверсе сохранялось, но реверс изменился аналогично монетам Можайска и Рязани: надпись «Великого Новагорода» заменили надписи «печать великого князя» и «денга великого князя»⁹⁶.

Появление великокняжеского титула на этих монетах чрезвычайно показательно. Даже если бы новгородцы пожелали скрыть условия унижительного договора, пропаганда путем монетной легенды сорвала бы эту попытку. С другой стороны, надписи показывают, что степень подчинения Новгорода была большей, чем обычно признавалось историками. Если монеты чеканились от имени великого князя, то, вероятно, московское правительство считало, что непосредственно контролирует Новгород. Использование термина «денга» наиболее показательным в этом отношении. Лицами, определявшими московскую монетную политику, он был впервые введен на протяжении трех лет, в 1454—1456 гг., в трех случаях: в Можайске, непосредственно включенном в великокняжеские владения; в Рязани, временно возвращенной законному великому князю Иваном III; и, наконец, в Новгороде, зависимость которого от московского великого князя во всяком случае уже начала устанавливаться.

Я думаю, что местная можайская чеканка скоро исчезла и на монетах появились те же надписи, что и в остальном княжестве. Если это верно, то титул «господарь», появившийся в разгар гражданской войны, применялся на землях, непосредственно принадлежавших великим князьям московским, а термин «денга» — на территориях, зависимых от Василия II, но еще не полностью присоединенных.

Орегонский университет
Пер. И. И. Соколовой

⁹² S. de Chaudoir. Aperçu..., v. II. Монеты Василия II.

⁹³ А. В. Орешников. Русские монеты, с. 7.

⁹⁴ F. Kraumann. Obrys ruskeho knizeciho minocovnictvi // Numismaticky casopis, XX, 1951, s. 80.

⁹⁵ S. de Chaudoir. Aperçu..., v. II, №№ 3002—29. Э. К. Гуттен-Чапский. Удельные, великокняжеские и царские деньги Древней Руси. СПб., 1875, №№ 203—235. Табл. I, №№ 7—11. Изображение коронованной фигуры на троне долгое время было предметом дискуссии. А. В. Арциховский очень убедительно отождествил ее со св. Софией: А. В. Арциховский. Изображение на новгородских монетах // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии, т. V, № 1, 1948, с. 99—106.

⁹⁶ S. de Chaudoir. Aperçu..., v. II, №№ 3032, 3035, 3029, 3037. Табл. I, №№ 17—18.

А. С. Мельникова

МЕСТО МОНЕТ ИВАНА ГРОЗНОГО В РЯДУ ПАМЯТНИКОВ ИДЕОЛОГИИ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ*

Стало уже привычным говорить о том, что монета является материальным остатком товарно-денежных отношений, а нумизматика — наукой, которая изучает историю товарно-денежных отношений по их материальным остаткам. Мы хотим обратить внимание на другой аспект изучения памятников нумизматики, который исходит из понимания монеты как проводника идеологии и внутренней политики правительства. Каждый исторический период и каждый ареал денежного обращения имеют свой набор изобразительных средств, свою систему знаков, при помощи которых достигается декларативное звучание монеты. Дело нумизматов — уметь «прочитать» эти монеты и разгадать смысл информации, скрытой за рисунками и легендами, проникнуть в подоплеку социального заказа эмитента.

Мы попытались подойти к монетам Ивана Грозного (1533—1584) как к памятникам идеологии и внутренней политики и определить их место в ряду прочих произведений официального искусства, направленного на утверждение нового государственного порядка и связанных с ним идеологических положений. Крайне бедные по набору изобразительных средств и эпиграфике русские копейки XVI—XVII вв. кажутся малоперспективными для решения задач подобного рода. Однако это представление глубоко ошибочно. Монеты Грозного стоят особняком среди нумизматических памятников XVI—XVII вв., выделяясь среди них разнообразием приемов в передаче деталей изображения «ездоца», выразительным и реалистическим рисунком. И. Г. Спасский смог рассмотреть в миниатюрных изображениях на монетах Грозного памятники прижизненной иконографии этого правителя¹. Но этим значение рисунков на монетах Грозного не исчерпывается. Именно на монетах Ивана IV прослеживается трансформация образа ездоца (всадника с копьем или саблей) — от отвлеченного символа русской государственности² к изображению самодержца, наделенного конкретными чертами правителя. За этими переменами стоят важнейшие преобразования в жизни страны.

---

* Печатается по изд.: Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVII. 1985.

¹ Спасский И. Г. К прижизненной иконографии Ивана Грозного. — СГЭ, 1976, вып. 41. С. 49—53.

² Соболева Н. А. Символы русской государственности. — Вопросы истории, 1979, № 6. С. 47—59; Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба. — ТГЭ, 1981, вып. XXI, нумизматика, 5. С. 117—122; Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974. С. 264.

Облик всадника русского герба приобрел законченный вид — всадник с копьем, поражающий дракона, — к концу XV в., а в XVI в. он становится одним из элементов русского государственного герба³. Трактовка образа ездоца на протяжении XVI—начала XVII в. менялась мало: это был отвлеченный символ, выраженный образом воина, одетого в кольчугу, до середины XVI в. — с непокрытой головой, позже — в трехчастном венце, с плащом за спиной и с копьем в руках, поражающим в шею дракона. Иконографическое сходство изображений ездоца с копьем и св. Георгия породило немало споров о семантике образа ездоца⁴.

Чем же объяснить выбор в качестве сюжета для изображения на основном номинале русской денежной системы — копейки — всадника с копьем? Среди монет Ивана III (1462—1505) и Василия III (1505—1533) преобладали изображения всадников с саблей или мечом в сочетании с различными рисунками (розетками, фигурой стоящего рыцаря в доспехе) и именами мастеров-откупщиков⁵. Фигура всадника с копьем помещалась на монетах, составлявших одну большую группу. Здесь наряду с русской легендой оборотную сторону монет занимало имя «Иван» в арабской транскрипции («Ибан»). Новые исследования относят время чеканки их к концу 80-х гг. XV в. и связывают этот факт с успешным походом Ивана III на Казань в 1487 г., после которого Казанское царство оказалось в вассальной зависимости от Москвы⁶. Событию этому придавалось очень большое значение. Русско-татарская надпись должна была служить демонстрацией суверенитета великого князя Московского⁷. Те же цели несомненно преследовало и изображение ездоца — всадника с копьем, ассоциирующегося с московским гербом.

Главной задачей денежной реформы Елены Глинской в 30-х гг. XVI в. было введение общегосударственной монеты, единообразной по рисунку, весу и пробе. Новый пореформенный выпуск монет отвечал не только экономическим целям централизованного государства. Они также декларировали образование единого и могущественного государства, заявившего о себе восточным и западным соседям. Эту декларативную функцию должен был нести помещенный на копейке ездец с копьем, который в данном случае воспринимался как государственный герб. Следует подчеркнуть еще одно немаловажное обстоятельство. Первые копейки чеканились на Новгородском и Псковском денежных дворах⁸, и, следовательно, изображение всадника с копьем не могло трактоваться как местная, московская, эмблема, оно приобретало общегосударственное значение, становилось символом русской государственности на массовом выпуске монет. И. Г. Спасский говорил о двойственности понимания современниками всадника на монете, который мог трактоваться и как образ правителя, и как образ св. Георгия, в качестве которого он окончательно утвердился на монетах после 1718 г.⁹ Мы добавили бы, что элемент двойственности в XVI в. заключался еще и

³ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Указ. соч.. С. 123.

⁴ Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба. С. 120.

⁵ Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, табл. XI. С. 495—539.

⁶ Калинин В. А. Монеты Ивана III с русско-татарскими легендами. — ТГЭ, 1981, вып. XXI, нумизматика, 5. С. 111 и след.

⁷ Там же. С. 115.

⁸ Здесь и далее систематизация монет Ивана IV излагается по нашей работе «Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича. 1533—1598» (НиЭ. 1980, т. XIII. С. 77—137).

⁹ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. — МИА. М., 1955, вып. 44. С. 226.

в том, что изображение всадника на копейке объединяло в себе и образ государя, который, согласно традиции оформления монеты в средние века, должен был помещаться на одной из ее сторон, и государственный герб, обозначавший государственную принадлежность монеты.

Государственный герб на первых выпусках пореформенных монет не обрел еще четко выраженных канонических форм. Его изображение было очень схематизировано и по общей трактовке более всего сближалось с изображениями всадников на дореформенных монетах. Надо полагать, что инициаторов реформы более всего беспокоили соображения практические: население должно было принять новые монеты, которые имели не только новый рисунок, но и пониженную весовую норму. Стремление к наиболее безболезненному процессу смены старых денег новыми определяло и оформление пореформенных выпусков. Повсеместный успех денежной реформы, который выразился в удивительной чистоте состава многочисленных ранних кладов Грозного, состоящих только из новых, пореформенных, монет¹⁰, позволил исполнителям реформы перейти к следующему этапу преобразования денежного хозяйства. Успех новых монет открыл возможности для более активного использования их в целях официальной пропаганды. Этими соображениями, на наш взгляд, можно объяснить принципиально новый тип оформления копейки (табл. 1, 14—17)¹¹. Всадник с копьем на этой монете преобразился. Если на копейках 1535—1538 гг. (табл. 1, 8—11, 9—12) всадник не имел ни головного убора, ни плаща за спиной, а в передаче одежды были использованы самые общие схематические приемы, то всадник на новой копейке украсился трехчастным венцом, развевающимся плащом, а в его одежде, несмотря на миниатюрные размеры рисунка, удалось изобразить кольчугу и высокие сапоги, вдетые в стремя. Украсилась даже сбруя коня. Вместо обезличенного обозначения «Князь и великий государь всея Руси» здесь поместились имя и малый титул Ивана: «Князь великий Иван всея Руси». Этот новый всадник уже значительно ближе изображению всадника на гербе; только вместо дракона, согласно традиции денежного дела, помещены буквы ФС.

Внимательно вглядываясь в миниатюрный рисунок, можно заметить, что голова и лицо всадника копейки ФС заметно отличаются от изображений на более ранних копейках. Мы видим попытку передать лицо юного человека, лишенного бороды (табл. 2, 14). Эти наблюдения дают основание полагать, что в копейке ФС хотели изобразить не отвлеченный символ, а образ царя-подростка (Иван IV родился в 1530 г.) Монету чеканили между 1538 и 1547 гг., о чем свидетельствуют и клады монет, и тот факт, что легенда копейки лишена царского титула, который, как известно, был принят Иваном IV 16 января 1547 г. Чеканку этой копейки можно расценивать как заключительный этап реформы, когда создалась объективная возможность ввести в денежное обращение монету, в которой объединились все пореформенные нововведения: новое изображение (всадник с копьем), новая легенда, новый вес. Но на этом, как нам представляется, значение чеканки копейки ФС далеко не исчерпывается. Трансформация отвлеченно-

¹⁰ Мельникова А. С. Монетные клады Ивана Грозного.—В кн.: Нумизматический сборник. М., 1980, часть шестая. С. 4—59.

¹¹ На табл. 1 отдельная монета изображена в виде двух кружков (лицевая и оборотная стороны), соединенных линией; каждая сторона имеет свою нумерацию, например 1—1, 22—26 и т. д.

го символа в образ юного Ивана, который здесь представлен в виде воина с венцом на голове, находит, по нашему мнению, объяснение в системе политических и идеологических мероприятий в 40-х гг. XVI в., которые связываются в историографической традиции с именем митрополита Макария. Макарий стал митрополитом в 1542 г., оставив архиепископскую кафедру в Новгороде. Убежденный идеолог самодержавной власти, Макарий и круг его единомышленников разработали целую систему идеологических взглядов, развивающих идею сильной самодержавной власти. Эти идеи нашли воплощение в организации пышного венчания Ивана IV на царство в 1547 г., в грандиозном цикле живописных и скульптурных работ в Кремле в 1547—1554 гг., объединенных общим идейным замыслом, в серии литературных трудов середины XVI в.¹²

К середине XVI в. государственный строй России приобрел черты сословно-представительной монархии. Не меньшую роль играло развитие самодержавия, идеологом и носителем которого стал сам Иван IV. Введением в 1564 г. опричнины он, не отменяя сословно-представительных учреждений, установил порядки, присущие другой государственной форме — неограниченной монархии¹³. Становление и укрепление самодержавия в свою очередь явилось этапом превращения сословно-представительной монархии в абсолютную¹⁴. Самодержавная власть утверждала свои позиции в рамках сословно-представительной монархии не только созданием соответствующих государственных институтов, но и средствами идеологии. Такая отрасль государственной деятельности, как чеканка монеты, по традиции монетного дела являвшаяся одной из важнейших функций и привилегий правителя, не могла оставаться вне общей направленности идеологической мысли того времени. В эволюции сюжета и характере оформления монетного поля, на наш взгляд, нашло последовательное выражение развитие идеи самодержавной власти. Внимание к оформлению монет России середины и второй половины XVI в. под таким углом зрения нам кажется весьма перспективным для изучения процесса сосуществования и противоборства двух политических направлений, характеризующих развитие государственного строя России этого периода — сословно-представительной монархии и самодержавия.

Выбор сюжета и изобразительных средств для монеты как произведения мелкой пластики, разумеется, был ограничен. Сюжет, выражающий самодержавную идеологию, предопределялся образом ездоца, иконографически близкого популярному св. Георгию, покровителю князей, заступнику и защитнику угнетенных в народной традиции, в котором материализовалась идея самодержавия о святости и бессмертности ратного подвига в борьбе с неверными. Величие религиозного и нравственного воинского подвига создавало особый ореол вокруг образа воина-рыцаря (вспомним Пересветова с его прославлением «воинников»: «Воинниками царь силен и славен»¹⁵). В изобразительном искусстве середины XVI в. образ воина-рыцаря делается не только популярным: уже самого Ивана IV изображают не иначе как в этом качестве.

¹² Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 197.

¹³ Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. М., 1981. С. 153.

¹⁴ Зимин А. А. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма. — В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 519.

¹⁵ Сочинения И. Пересветова / Подг. текст А. А. Зимин, под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1956, с. 48.

Наиболее законченный вид идея священного смысла воинского подвига нашла в иконе-картине «Благословенно воинство небесного царя»¹⁶. Смысловым и композиционным центром картины явилось изображение юного воина. Он следует сразу за Михаилом-архангелом, возглавляя все «воинство небесное», разделенное на три колонны. Воин, обернувшийся назад к шествующим за ним воинам, восседает на торжественно выступающем коне, одежду его составляет кольчуга, на голове — остроконечный шлем, в правой руке — опущенное вниз копье, у пояса — меч. За спиной всадника развевается алый плащ, над его головой три ангела держат венец славы. Первый исследователь иконы П. П. Муратов увидел в юном воине фигуру св. Георгия; того же мнения придерживался А. Е. Пресняков, но после изучения иконы М. К. Каргером, доказавшим, что здесь представлен Иван Грозный, ведущий свои победоносные войска из Казани¹⁷, его трактовка была принята всеми исследователями¹⁸. Исполненный движения и изящества образ Ивана IV в картине «Благословенно воинство» не только заставляет вспомнить изображение всадника на копейке ФС. Он поразительно перекликается с новым рисунком на копейке, время чеканки которой датируется 1547—1550 гг.; отличительной особенностью этой копейки являются буквы «ПС» под ногами всадника¹⁹. Всадник здесь изображен тоже повернувшимся назад, как на иконе, а короткая одежда, в которой угадывается кольчуга, обувь — высокие сапоги, перехваченные под коленом, — рисунок левой руки, держащей поводья, очень сходны и у всадника монеты, и у всадника иконы при всем несхождении изобразительных средств, диктуемых разной техникой (табл. 1, 19—28; табл. 2, 19). Более тяжеловесные изображения всадников в украшенной пышно одежде, тоже с молодым безбородым лицом мы наблюдаем на копейках Грозного 1547—1550 гг. с буквами «ИВА, ГР, АЛ, Юр» (табл. 1, 80—24, 21—25, 22—26, 23—26; табл. 2, 20, 21, 22, 23).

Разумеется, нельзя даже ставить вопрос о возможности заимствования образа всадника на иконе «Церковь воинствующая» с композиционно близкого ему изображения на копейке ПС. Но можно и вполне правомерно предположить, что в эти годы был создан некий канонизированный тип изображения царя в виде воина-всадника. Образ юного воина-рыцаря, который донесли до нас копейки 40—50-х гг. XVI в., следует, на наш взгляд, трактовать как канонизированный облик Ивана IV, который олицетворял идею религиозно-нравственной миссии русского самодержавия в борьбе за чистоту веры и национальную независимость. По всей видимости, канонизация этого образа могла сложиться не ранее 1542 г. и не позднее 1547 г. Разработку данного сюжета мы связываем с появлением в Москве митрополита Макария. Заметим, что Макарий сам был живописцем и не только наблюдал за ходом живописных работ, но и принимал в них непосредственное участие²⁰.

Юный воин на копейках без особых изменений изображался до второй половины XVI в. Венчание Ивана на царство в 1547 г. не нашло отражения в рисун-

¹⁶ Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV, с. 22—26.

¹⁷ Каргер М. К. К вопросу об изображении Грозного на иконе «Церковь воинствующая». — В кн.: Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928, с. 466—470.

¹⁸ Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV, с. 24—25.

¹⁹ Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича..., с. 109.

²⁰ Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV, с. 16, 92.

ке, хотя титул в легенде изменился — он дополнился словом «царь». Во второй половине XVI в. всадник изображается уже с бородой, которая сохраняется на копейках до самого конца царствования Ивана IV (табл. 2, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37). Видимо, не следует в этом факте искать попытки передать конкретные портретные черты лица царя: в традиции художников-миниатюристов XVI в. мужчины до 30 лет изображались всегда безбородыми²¹. Однако не вызывает сомнения, что мастера стремились воспроизвести на крохотных монетах лицо бородатого, горбоносого человека с густыми, сходящимися на переносице бровями, с длинными волосами, закрывающими уши (см. табл. 2, где на рис. 34, 35, 36 и 37 представлены особо выразительные портреты).

Известно, что летописные миниатюры последовательно использовали изображения головных уборов в системе образов, выражающих понятие о ранге в феодальной иерархии. В Лицевом своде слову «князь» неизменно сопутствует изображение княжеской шапки, так же как слову «царь» — пятилучевая корона²². Иван IV до царского венчания изображался в великокняжеской шапке, после 1547 г. — только в пятилучевой короне. В таких же коронах изображались царицы, царевичи и почему-то княгини²³. Рисунок короны в летописи очень условен и различается по меньшей мере шестью разновидностями, но за этим стояли не конкретные реалии, а индивидуальные манеры художников-исполнителей²⁴. К числу условностей летописных миниатюр следует отнести украшение царскими коронами всех упоминаемых в тексте царей, без различия между магометанскими и христианскими владетелями, а также фантастические формы головных уборов королей²⁵.

Разумеется, мир и смысл изображений на монетах должны были существенно отличаться от книжной иллюстрации, ибо монета являлась памятником более официальным, чем летописная миниатюра, и в то же время более мобильным, поскольку значительно зависела от сиюминутной политической и экономической конъюнктуры. Но выбор изображения головных уборов на монете тоже не был нейтральным. Обращение к монетам XV в. показывает, что в денежном деле существовала своя система знаков, обозначавших различные понятия, которые дополняли или раскрывали содержание легенд. Форма головных уборов в этой системе занимала едва ли не ведущее место. Трехчастный венец обычно использовался в тех случаях, когда возникала необходимость обозначить верховную власть. Комбинации изображений трехчастного венца и великокняжеской шапки на монете служили средством передачи характера междукняжеских отношений²⁶. На монетах Ивана IV трехчастный венец впервые изображен на копейке ФС, которая датируется временем между 1542—1547 гг. Исследователи связы-

²¹ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 131.

²² Там же, с. 114—115.

²³ См., например, л. 113, 169 и 448 в Синодальном списке Никоновской летописи (ГИМ, ф. 962).

²⁴ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических летописей. М., 1965, с. 154.

²⁵ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры..., с. 116.

²⁶ Орешников А. В. Указ. соч., с. 1—232; Арциховский А. В. Изображения на новгородских монетах. — ИАН СССР. Сер. ист. и филос., 1948, т. 5, № 1, с. 99—106; Мельникова А. С. Псковские монеты XV в. — НиЭ, 1963, т. IV, с. 222—244; Львов М. А. Еще раз об изображении на новгородских монетах. — В кн.: Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977, с. 415; Мец Н. Д. Ярославские князья по нумизматическим данным. — СА, 1960, № 3, с. 121—140.

вают появление на голове всадника трехчастного венца с актом венчания на царство Ивана IV в 1547 г. В частности, это замечено и относительно всадника русского герба²⁷. Копейка ФС говорит не только о том, что трехчастный головной убор — венец появился на монетах раньше 1547 г., но и о том, что появление его не следует связывать с актом венчания на царство. Всадник копейки ФС имеет венец, но не имеет царского титула в легенде; всадник на денге Московского денежного двора, датированной нами 1547—1550 гг., имеет царский титул в легенде, но не имеет венца (табл. 1, 6—18); у всадника на денге другого типа, тоже относящейся к 1547—1550 гг., есть венец, но нет царского титула (табл. 1, 15—9). Трехчастный венец довольно простых очертаний сохраняется на денгах и копейках до конца 50-х гг. (табл. 2, 14, 15, 16, 19, 20, 21, 22, 23, 26, 28). Начиная с 60-х гг. голову всадника украшает уже не венец, а пятилучевая корона. Корона имеет ободок; между тремя большими, веерообразно расходящимися зубцами размещены два маленьких зубца (табл. 2, 29, 30, 81, 82, 33, 34, 35, 36, 37). И, наконец, среди копеек и денег Грозного встречены три типа (табл. 2, 17, 18 и 25) монет, на которых голову всадника венчает не венец и не корона, а великокняжеская шапка, такая, как ее изображали в миниатюрах, — со сферическим верхом и меховой опушкой. Тот факт, что формы головного убора на монетах Грозного последовательно сменяли друг друга в хронологическом порядке, говорит о том, что за этой последовательностью должна скрываться своя логика.

Видимо, изображение трехчастного венца на первом выпуске «самодержавной» копейки с буквами «ФС» может быть расценено однозначно: это было основное средство выражения места самодержца российского в системе феодальной иерархии. Царский титул в легенде играл служебную, дополнительную роль: «говорило» изображение венца, выработанное традицией денежного дела XV в. Форма трехчастного венца на монетах была, по всей видимости, совершенно условна, и никаких реалий за ней усматривать нельзя.

Отказ от традиционной формы трехчастного венца и переход к изображению пятилучевой короны в 60-х гг. требуют объяснения, которое следует искать во внутриполитической ситуации в стране. В эти же годы наблюдаются изменения в геральдике, о чем сообщает летопись в феврале 1561 г.: «Царь и великий князь печать старую, меньшую, что была при отце его великом князе Василе Ивановиче, переменил, а учинил новую печать складную: орел двоеглавно, а среди его человек на коне, а на другой стороне орел же двоеглавной, а среди его инрог»²⁸. В 1554 и 1565 гг. были учреждены печати для юрьевского и новгородского наместников. Н. А. Соболева не без оснований полагает, что учреждение новых печатей, а также разработка их символики входили в круг занятий самого Ивана IV²⁹. Слияние ездоца с двуглавым орлом впервые фиксируется на золотой булле, приложенной к договору от 7 августа 1562 г., а также на донативном золотом знаке в пять угорских, приблизительно датированном 1563 г. Изменения государственной печати отражали изменение статуса государства. Г. В. Вилинбахов трактует его как переход от удельного княжества к государственному объединению с самодержавным государем во главе, что выразилось в слиянии «родовой

²⁷ Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба, с. 118.

²⁸ ПСРЛ. М., 1965, т. XIV, с. 331.

²⁹ Соболева Н. А. О датировке большой государственной печати Ивана IV. — В кн.: Россия на путях централизации. М., 1982, с. 181.

эмблемы» — ездоца с государственной — двуглавым орлом³⁰. В 1562 г. к старым царским регалиям — бармам и кресту — прибавился скипетр, атрибут королевской власти³¹.

В 1561 г. произошло событие, которое произвело большое впечатление на современников: акт венчания на царство Ивана IV был утвержден патриархом Константинопольским и собором восточных святителей. Они благословили «быти и зватися ему царем законно и благочестно венчанному... понеже рода есть и крове царской»³². Правительство Ивана Грозного добивалось этого признания от восточной церкви пятнадцать лет. Самосознание самодержавной власти получило могущественную поддержку, и, видимо, именно с этим событием следует связывать всю серию изменений государственной атрибутики. Если прибавить к этому еще и тот факт, что в 1564 г. была учреждена опричнина, которая «в известной мере расчистила путь к абсолютизму (хотя и не привела к нему)»³³, все замеченные явления можно будет рассматривать как средство выражения престижности самодержавной власти. В контексте событий 60-х гг. XVI в., по всей вероятности, и следует расценивать появление пятилучевой короны на копейках Грозного. Благодаря короне изображение царя выглядело более торжественным и импозантным. Способствовало этому также увеличение декоративных элементов в передаче одежды, плаща всадника и сбруи коня. Пятилучевые условные короны Лицевого свода и короны на копейках 60-х гг. явно следовали одному трафарету изображения царя, царское достоинство которого выражалось определенной формой головного убора, в равной степени условного и на миниатюрах, и на монетах.

Знаменательно то, что лицевые штемпели копеек Грозного при его преемниках больше не использовались, хотя датирующих признаков они не имели и в последующей практике денежное производство применяло их в очень широком хронологическом диапазоне. Это лишний раз подтверждает тот факт, что назначение рисунков на копейках Грозного было многофункциональным: изображение служило воплощением одного из основных положений идеологии самодержавной власти — идеи о религиозном и нравственном значении воинского подвига в борьбе за истинную веру и прославляло самого самодержца, который был представлен здесь во всем величии и блеске (насколько специфика монеты позволяла это передать). Рисунки на копейках преемников Грозного условны, схематичны и несут чисто служебный характер — номинал обозначался изображением всадника с копьём. Исключением является единственный тип копейки Бориса Годунова с изображением самого царя (об этом свидетельствуют буквы «Б-О» по сторонам всадника). Здесь резчики вновь не поскупились на детали, подчеркивающие престижность изображения: венец по форме очень напоминает шапку Мономаха, за спиной всадника развевается пышный плащ, одежда всадника и сбруя коня богато декорированы.

³⁰ Вилинбахов Г. В. Государственная геральдика России конца XVII — первой четверти XVIII века : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982, с. 9

³¹ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982, с. 89; Stökl Gunter. Testament und Siegel Ivans IV. — In: Abhandlungen der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 1972, s. 21—31

³² ПСРА, т. XIII, с. 334; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. IV, т. 7, с. 104.

³³ Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 182—183.

Учитывая ту смысловую нагрузку, которую несли рисунки головных уборов на монетах, разумеется, нельзя оставить без объяснения причину появления великокняжеской шапки на одном типе копеек Новгородского денежного двора (табл. 1, 25—26; табл. 2, 25), на денгах Московского (табл. 1, 17—21; табл. 2, 17) и Тверского (табл. 1, 18—22; табл. 2, 18) дворов. Великокняжеские шапки на монетах Грозного заметил еще Н. И. Булычев в 1906 г., но объяснить этот факт он не пытался³⁴. В данном случае следует исключить всякую возможность проявления самостоятельной инициативы резчиков штемпелей. Это исключалось самой природой официальных учреждений, какими были государевы денежные дворы; к тому же здесь мы наблюдаем одновременное явление на всех трех денежных дворах.

Очень большой соблазн представляет датировка монет с великокняжеской шапкой 1575—1576 гг., когда Иван IV титуловал «великим князем всея Руси» Симеона Бекбулатовича, а за собой оставил титул «князя Московского». Но такой трактовке сопротивляются монетные клады: они указывают на 50-е гг. XVI в. как на время появления указанных монет³⁵. Можно предположить, что объяснение этого явления кроется в мартовских событиях 1553 г., когда Иван IV серьезно заболел и остро встал вопрос о его преемнике. Известно, что события, связанные с нежеланием части бояр присягать новорожденному наследнику, вызвали «мятеж» и «шум» во дворце и оказали серьезное влияние на дальнейшую политическую жизнь страны. Иван IV пришел к выводу, что он не может рассчитывать на верность даже ближайшего окружения. Когда в июне 1553 г. царевич Дмитрий умер и наследником стал другой младенец — царевич Иван, родившийся в марте 1554 г., с наиболее опасного конкурента на царский престол — с Владимира Андреевича Старицкого — взяли крестоцеловальную запись в верности новорожденному, а сам он был назначен правителем при малолетнем наследнике³⁶. В этой обстановке, когда судьбы престола потребовали гарантий от подданных в верности династии, возможно, могли быть выпущены монеты с изображением наследника. Согласно монетной традиции XV в., на нем должна была быть великокняжеская шапка. Изображение наследника в виде всадника не нарушало геральдических канонов. Документальным подтверждением этому может служить описание герба, правда, относящееся к 1667 г.: «Орел двоголавый есть герб державный... на персях изображение наследника»³⁷. На монете статус наследника ограничивался рисунком великокняжеской шапки, сам же наследник изображен с бородой, хотя реальный наследник в момент выпуска монеты был грудным младенцем.

В предложенном выше объяснении по крайней мере два момента кажутся спорными. Во-первых, по изобразительным канонам того времени мужчины до 30 лет обязательно изображались безбородыми, и правило это, как мы видели, распространялось и на монеты. Во-вторых, в летописных миниатюрах царевичи

³⁴ Булычев Н. И. Именные серебряные копейки и денжки Ивана IV (1533—1584). СПб., 1906, с. 66.

³⁵ Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича... Прил. 1, клады № 10—18.

³⁶ Бахрушин С. В. Иван Грозный. — В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954, т. II, с. 294; Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Указ. соч., с. 71—72.

³⁷ Цит. по: Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба, с. 119.

неизменно имели царские венцы на головах, а великокняжескую шапку носил только один персонаж — Владимир Андреевич Старицкий³⁸. Уже говорилось, что между оформлением монет и книжной иллюстрацией нельзя ставить знак равенства. Но, учитывая, что замеченные приемы в изображении царевичей и великого князя Владимира Андреевича Старицкого последовательно осуществляются в двух последних томах Лицевого свода, оформившихся уже в 60-х гг. (1563—1568)³⁹, можно предположить, что здесь имелся свой подтекст, смысл которого раскрывается при сопоставлении рисунков с монетами.

Мы рискуем высказать суждение, что всадник в великокняжеской шапке на монетах символизировал не наследника, а великого князя Владимира Андреевича Старицкого. Сразу оговоримся, что это толкование мы предлагаем как одну из возможных гипотез; она возникла постольку, поскольку снимает замеченные выше противоречия. Известно, что вторая половина 50-х гг. была временем, когда обозначился кризис во взаимоотношениях между правительством Избранной рады и Иваном IV. Историки спорят, был ли действительно в 1553 г. боярский «мятеж» или же он возник в воображении автора приписок к Царственной книге, сделанных спустя более десятка лет. Если принять версию о выпуске в 1554—1555 гг. группы монет с изображением великокняжеской шапки, которая символизировала великого князя Владимира Андреевича Старицкого, проблематичный «мятеж» обретает документальное подтверждение. Владимир Андреевич независимо от своих личных качеств стал знаменем боярской оппозиции; изображение его на монете могло истолковываться как завуалированный вызов Ивану Грозному. Так как оппозиция назрела внутри Избранной рады, нет ничего удивительного в том, что на службе оппозиции могли оказаться денежные дворы. Судьба этих дворов после выпуска монет с великокняжеской шапкой служит косвенным подтверждением справедливости нашей гипотезы. После выпуска крамольной денги Тверской денежный двор прекратил свое существование навсегда, а Московский денежный двор больше не готовил новых маточников и если не прекратил, то значительно сократил свою деятельность до конца царствования Ивана IV. Причины сокращения деятельности этих двух дворов крылись во многих обстоятельствах иного порядка⁴⁰, но, возможно, их «проступок» тоже играл здесь свою роль. Новгородский денежный двор, напротив, с 60-х гг. обнаруживает признаки расцвета, но некоторые изменения наблюдаются и здесь. Они выразились в сокращении количества и разнообразия знаков под ногами всадника. За этими знаками — буквенными сочетаниями — стояли живые люди, видимо, мастера-денежники, которые таким образом отмечали свою продукцию⁴¹. Было ли это сокращение вызвано техническими причинами или оно обозначало физическое истребление людей, можно только гадать. Но факт остается фактом: на копейках Новгородского денежного двора 60—70-х гг. вместо семи разнообразных буквенных сочетаний остаются только четыре (табл. 1; ли-

³⁸ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры..., с. 116.

³⁹ Зимин А. А. Опричина Ивана Грозного. М., 1964, с. 67—74; Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966, с. 21—34; Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических летописей, с. 128.

⁴⁰ Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича..., с. 118—120.

⁴¹ Спасский Я. Г. Деньги. — В кн.: Очерки русской культуры XVI века. М., 1977, часть первая, с. 240.

цевые штампы 28—34). В то же время на копейках Псковского денежного двора, на которых не встречено изображение великокняжеской шапки, осталось в полной неприкосновенности разнообразие буквенных сочетаний (табл. 1, лицевые штампы 35—38).

Как бы мы ни толковали смысл изображения великокняжеской шапки на монетах Грозного, несомненным остается одно: этот выпуск отразил сложную внутриполитическую ситуацию, в которой монеты играли весьма активную роль. О. И. Подобедова, изучившая иллюстрации Лицевого свода, сумела заметить, что некоторые художники передавали свое индивидуальное отношение к описываемым событиям вопреки официальному тексту⁴². Может быть, в настойчиво повторяющемся изображении Владимира Андреевича Старицкого в неперменной великокняжеской шапке имелся свой подтекст, перекликающийся с выпуском монет 1554—1555 гг., на которых изображен ездец в великокняжеской шапке?

Нам представляется, что сделанные выше наблюдения над рисунками на монетах Ивана IV позволяют сказать, что памятники истории развития государственного строя России в середине и второй половине XVI в. дополняются новым нумизматическим источником, который не только отразил многие перипетии этого сложного и противоречивого периода русской истории, но и сам выступил в роли действенного инструмента внутренней политики.

---

⁴² Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических летописей, с. 154.

Г. Алеф

ЗАИМСТВОВАНИЕ МОСКВОЙ ДВУГЛАВОГО ОРЛА: ТОЧКА ЗРЕНИЯ НЕСОГЛАСНОГО* **

В 1490-х гг. великий князь московский на вновь созданную государственную печать впервые поместил заимствованное изображение двуглавого орла. Первая сохранившаяся печать изготовлена из воска и прикреплена к документу тонким шнуром. На оттиске изображен всадник, держащий копье, обращенное наконечником вниз. Копье наклонно вонзилось в крылатого дракона, очертаниями напоминающего змея. На реверсе помещен двуглавый орел. На каждой голове, изображенной в профиль, — лучистая корона. Каждое изображение окружено надписью. На аверсе читается: «Великий князь Иоан Божией милостию господарь всеа Русии», на реверсе — продолжение: «и великий князь Волод[имерский] и Моск[овский] и Нов [городский] и Пск[овский] и Тфе[рской] и Юго[рский] и Вят[ский] и Пер[мский] и Бол[гарский]»¹. Обе фигуры сохранялись на гербе Москвы, а затем, соответственно, Романовых до революции 1917 г. Роль изображения орла с XVI в. возрастает, тогда как изображение всадника уменьшается в размерах и нередко помещается в медальон на груди орла².

Двуглавному орлу придавалось большое значение в концепциях византийского влияния на Московское государство. В последнее время в своем блестящем очерке византийской истории Георгий Острогорский отметил:

---

* Пер. с англ. по изд.: G. Alef. The Adoption of the Muscovite Two-Handed Eagle: A Discordant View // *Speculum: A Journal of Meditative Studies*. Vol. XLI. N 1. January 1966.

** Краткая версия этой статьи была представлена в качестве доклада на конференции славистов Западного побережья, состоявшейся 10—11 апреля 1965 г. в Клермонте, Калифорния.

¹ Описание печати см.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (подгот. Л. В. Черепнин). М.—Л., 1950 (далее — ДДГ), с. 575. Хороший гравированный рисунок помещен в изд.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД), ч. I, М., 1813, с. 333 (см. Табл. I, № 1); другие рисунки можно найти в более доступных книгах: Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963, с. 109; Н. В. Водовозов. История древней русской литературы. М., 1962, с. 190.

Всадник, поражающий копьем крылатого змея, возможно, будет отождествлен с Георгием Победоносцем теми, кто знаком с иконографией этого святого. В недавнем издании «Истории русского искусства» (т. II, М., 1954) приведены три новгородские иконы XIV—начала XV в., содержащие мотив драконоборца (с. 133, 220, вклейка, 235). Та, что воспроизведена на вклейке к с. 220, чрезвычайно близка к изображению на печати 1497 г., по крайней мере, в некоторых деталях: летящий плащ всадника; левая передняя нога коня изображена несколько выше правой; крылатый змей распростерт подо всем конским туловищем. Однако у всадника на печати нет нимба над головой. Позднее, в конце XVI—XVII в., современники отождествляли всадника с царем. См. Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика, с. 111—112.

² Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика, с. 112 сл.

«Иван III, великий освободитель и объединитель русских земель, женился на дочери деспота Фомы Палеолога, племяннице последнего византийского императора. Он воспроизвел на своем гербе двуглавого орла Византийской империи, ввел в Московии византийский церемониал и вскоре превратил Русь в лидера христианского Востока, каким некогда была Византия. Русь стала явной наследницей Византийской империи и восприняла из Константинополя римские концепции в их византийской форме: если Константинополь был Новым Римом, Москва стала «Третьим Римом». Великая традиция Византии, ее вера, ее политические идеи, ее духовность столетиями продолжали жить в Российской империи»³.

Намного более ранняя, но недавно перепечатанная работа Шарля Диля также подчеркивает роль двуглавого орла как символа *translatio* — перенесения византийского религиозно-политического наследия⁴.

Многие историки Руси указывали на византийское происхождение двуглавого орла, рассуждая о влиянии женитьбы Ивана III на Софье (Зое) Палеолог и развитии придворного церемониала, сопровождавшем возникновение независимого Московского государства во второй половине XV в.⁵

На рубеже этого столетия В. И. Савва опубликовал работу, опровергающую концепцию влияния Софьи на Ивана и ее предполагаемого участия в возникновении придворных чинов и церемониала. Взгляды В. И. Саввы оказали серьезное воздействие по крайней мере на часть современных историков⁶. В числе авторов самых недавних работ, готовых подписаться под его доводами, — Дж. Феннел:

«Многие перемены, такие как усвоение византийской эмблемы — двуглавого орла — на печати великого князя и введение ряда высших придворных должностей, произошли не ранее чем через четверть столетия после ее прибытия... некоторые инновации... имеют лишь слабое сходство с прежним придворным церемониалом Константинополя».

³ G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Trans. J. Hussey, New Brunswick, New Jersey, 1957, p. 509. Ср. A. A. Vasiliev. History of the Byzantine Empire. 2nd ed., Madison, 1952, p. 590; R. L. Wolff. The Three Roms: The Migration of an Ideology and the Making of an Autocrat // Daedalus, LXXXVIII, 1959, pp. 302—303.

⁴ Ch. Diel. Byzantium, Greatness and Decline. Trans. N. Walford, New Brunswick, New Jersey, 1957, p. 295. Однако тому, что Русь стала политической наследницей Византии, она обязана главным образом женитьбе Ивана III (1472) на Софье, последней из Палеологов. Приняв византийского двуглавого орла в качестве нового герба своего государства, великий князь московский провозгласил себя наследником греческих императоров и заявил о своих притязаниях: его столица должна была стать преемницей Византии, как Византия была преемницей Рима.

⁵ Ср., например, Н. М. Карамзин. История государства Российского. Под ред. П. Н. Полевого, кн. V, СПб., 1892, с. 44—45. В. О. Ключевский. Курс русской истории // Сочинения, т. II, М., 1957, с. 123—124. N. Riazanovsky. A History of Russia. New York, 1963, p. 117. B. H. Sumner. A Short History of Russia. New York, 1949, p. 79. Е. И. Камеицева, Н. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика, с. 109—110.

⁶ В. И. Савва. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. Хороший обзор основных положений этой книги сделал Рот (Roth) в Byzantinische Zeitschrift, XII, 1903, S. 328—333. О влиянии взглядов В. И. Саввы см. G. Vernadsky. Russia at the Dawn of the Modern Age. London, New Haven, 1959, pp. 25—26; D. Obolensky. Russia's Byzantine Heritage // Readings in Russian History, ed. S. Hancave, I, New York, 1962, pp. 102—103.

Далее, вслед за В. И. Саввой, Дж. Феннел выдвигает интересное предположение, что усложнение церемониала и пышность двора развились только после того, как московские правители начали развивать контакты с западноевропейскими дворами и лелеять желание соперничать с ними⁷.

Целью данной статьи является обоснование предположения о том, что изображение двуглавого орла на московском гербе возникло как реакция на ряд дипломатических маневров Габсбургов и их эмиссаров. Коротко говоря, великий князь московский, обнаружив, что император Священной Римской империи имеет на своей печати двуглавого орла, а его сын и назначенный преемник — только одноглавого, ответил заимствованием аналогичного изображения для своей печати. Хотя подлинники документов не сохранились, я тем не менее предполагаю, что печати, несущие новое изображение, были приложены к посланиям Ивана III Габсбургам, а также к договору с королем Максимилианом, сыном императора. Это было одним из способов, которыми Иван утверждал свое равенство с Фридрихом III и, между прочим, давал понять, что принял византийское наследие (правда, помимо этого он мало что сделал, чтобы воплотить свои притязания в идеологическую концепцию или реальные действия).

Развивая данный тезис, следует проанализировать две группы источников. Первая группа касается начала дипломатических отношений Московии со странами Запада. В дипломатических переговорах Иван III довольно рано начал отстаивать свое равенство с императором Габсбургом. Щепетильность во всем, что касалось царского статуса, присутствует еще до установления прямых контактов, желание Ивана сообщить о равенстве их положения несомненно проявляется с самого начала переговоров. Вторая группа источников, рассмотренных в данной статье, касается эволюции печатей московских великих князей до появления двуглавого орла.

Исследователь, занимающийся историей этой эпохи, имеет в своем распоряжении целый ряд работ, посвященных начальному этапу отношений между Габсбургами и Москвой⁸. Почти все, что известно о дипломатических контактах между домом австрийских эрцгерцогов и Москвой, исходит из русских дипломатических источников⁹. К сожалению, материалы архивов австрийского государства и двора фактически бесполезны, ибо там сохранились только копии договора между Москвой и Габсбургами начала 1490-х гг. Полный перечень дипломатических отчетов содержится там лишь начиная с XVI в.¹⁰

К 1480 г. ряд восточно- и центральноевропейских государств — Венгрия, Молдавия, Священная Римская империя — признавали Московию желательным

⁷ J. L. I. Fennell. Ivan the Great of Moscow. London — New York, 1961, pp. 319—320. В. И. Савва. Московские цари и византийские василевсы, с. 196 сл., 243 сл., 269.

⁸ См., например, P. Karge. Kaiser Friedrich's III. und Maximilian's I. Ungarische Politik und ihre Beziehungen zu Moskau, 1486—1506 // Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, IX/I, 1893, S. 259—287. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 3, т. 5, с. 134—140. J. L. I. Fennell. Ivan the Great of Moscow, pp. 117—131. F. von Adelung. Kritisch-Literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700. Bd. I, St. Petersburg, 1846, S. 149—160. Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв., ч. II, М., 1953, с. 328—329. К. В. Базилиевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952, с. 255—281.

⁹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I, СПб., 1851 (далее — ПДС).

¹⁰ P. Karge. Kaiser Friedrich's III. und Maximilian's I. S. 264.

потенциальным союзником. Время от времени каждое из них пыталось организовать коалицию против польской династии Ягеллонов, стремившейся распространить свое влияние на Венгрию, Чехию и Молдавию. Габсбурги желали не только предотвратить образование мощной конфедерации Ягеллонов, но и стремились установить собственный контроль над Чехией и Венгрией. Реакция Ивана III на выдвигавшиеся предложения о союзе была чрезвычайно осторожной и основывалась на собственных интересах. Он также хотел приобрести союзников для борьбы с польско-литовскими Ягеллонами, поскольку притяжал на земли древнего Киевского государства, оказавшиеся теперь во владении его западных соседей.

Несмотря на уверения в дружбе, обещания взаимной помощи против общих врагов и происходящие из этого формальные союзы, Москва фактически не играла никакой роли в исходе политических и военных мероприятий на восточных окраинах Западной Европы. Равным образом, в конце столетия западные союзники не оказали Москве никакой помощи в ее войнах с Польско-Литовским государством.

Хотя непосредственные цели переговоров не были достигнуты, ряд важных побочных результатов налично. Через своих послов центральноевропейские правители узнали о размерах и могуществе Московии и убедились, что необходимо изучить возможность использования этой восточной державы как против Ягеллонов, так и против турок. Для московского двора стали очевиднее последствия длительной изоляции восточной Руси от Запада, по крайней мере в том, что касается техники.

Во время Флорентийского собора (1438—1439), а затем в ходе переговоров о женитьбе Ивана III на Зое Палеолог русские познакомились с материальной культурой Италии. Еще до знаменитого брака квалифицированных итальянских мастеров побуждали и даже уговаривали приезжать в Москву. Итальянцы, служившие Ивану III, вели переговоры о его браке начиная с 1468 г. Вскоре Иван III выяснил, что его главный агент в Италии Джанбаттиста делла Вольпе служил не только ему, но и венецианскому правительству. За это делла Вольпе был приговорен к пожизненному заключению и потерял все свое имущество¹¹. Со следующей миссией в Италию (1474—75), уполномоченной вести поиск мастеров и архитекторов для службы в Москве, Иван в качестве главного агента послал русского, Семена Толбузина; впоследствии он использовал в качестве глав посольств и греков¹². Возможно, чтобы обучить русских искусству дипломатии и иностранным языкам, а заодно обезопасить себя от двойной игры, подобной той, что вел делла Вольпе, московский двор направлял русского в качестве младшего посла. Во всех случаях приставленные к посольствам русские имели низшие придворные чины. Так же формировались и миссии, отправлявшиеся в Священную Римскую империю. Разносторонне одаренный грек Юрий Траханиот являлся главным участником переговоров, но его всегда сопровождал русский низшего ранга¹³. В качестве же эмиссаров в Молдавию, Литву, Венгрию Иван III направлял исключительно русских.

¹¹ G. Vernadsky. *Russia at the Dawn of the Modern Age*, pp. 18—22. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. XXV, М.—Л., 1949, с. 299.

¹² P. Pierling. *La Russie et l'Orient*. Paris, 1891, p. 124, f.

¹³ См., например, ПДС, т. I, стб. 19.

Эта традиция показывает признание Москвой необходимости посылать более опытных представителей в передовые страны Запада. Подобная практика может иллюстрировать большее уважение, питаемое Москвой к Империи и Италии, а кроме того, подразумевает и готовность учиться у более передовых стран. Таким образом, несмотря на выношенное религиозное и культурное недоверие, развивавшееся в течение столетий, московский двор демонстрировал стремление узнать и принять западное искусство и технологии, естественно, при условии, что они не нарушали религиозных и поведенческих канонов и обычаев. Зодчие, каменщики, пушечных, золотых и серебряных дел мастера, рудознатцы, сведущие в нахождении и эксплуатации месторождений драгоценных металлов, врачи были в большом спросе.

Даже проект брачного союза между одной из дочерей Ивана и римским королем, в конце концов оказавшийся бесперспективным, вызвал активный интерес Ивана III. Трудности, которые сулил брак с латинянином, не породили столь отрицательной реакции, как предлагавшаяся в виде альтернативы помолвка с имперским князем или маркграфом¹⁴. Для дочери Иван желал только сына императора, хотя в собственном государстве не имел особых возражений против брака своей второй дочери с одним из зависимых от него князей¹⁵. Настаивая на равенстве с Фридрихом III, Иван руководствовался теми же мотивами, что побуждали его копировать имперский ритуал, принимая габсбургских послов.

Первым австрийским эмиссаром в Московии был рыцарь по имени Николай Поппель (или Попплау), прибывший туда в конце 1486 г. В соответствии с его собственным признанием, им двигало любопытство путешественника, но он и имел при себе грамоту от императора, подтверждающую его полуофициальную миссию. Русские проявили чрезмерную подозрительность к его объяснениям, хотя Поппель действительно провел три предшествующих года в подобных миссиях, посетив многие княжеские и королевские дворы Европы¹⁶. Немедленно после возвращения из Москвы весной 1487 г. он посетил императора в Нюрнберге и отчитался о своем визите. Московия произвела на него большое впечатление. Он увидел могущественное и — вопреки распространенному при имперском дворе мнению — независимое от враждебных поляков государство. Ухудшение положения в регионе, где Габсбурги соперничали с Ягеллонами, побудило Фридриха вновь послать Поппеля в Москву, на этот раз как полномочного аккредитованного посла. В конце декабря 1488 г. он покинул Ульм, имея инструкции заложить основы для союза, направленного против Ягеллонов.

Во время своего второго визита Поппель столкнулся с возросшими трудностями, многие из которых были созданы им самим. Ко времени отъезда его отношения с влиятельными придворными и даже великим князем стали отчужденными. Он начал с требования личной аудиенции у великого князя. Ему было отказано на том основании, что при аудиенции должны присутствовать члены Боярской думы. Вслед за этим он предложил, чтобы Иван разрешил брак одной

¹⁴ ПДС, т. I, стб. 31, 41, 44—45.

¹⁵ Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). Изд. П. Н. Милюков, М., 1901, с. 9—10. ПСРЛ, т. VIII, СПб, 1859, с. 238.

¹⁶ P. Karge. Kaiser Friedrich's III. und Maximilian's I. S. 265. К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства, с. 256—258. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 3, т. 5, с. 134—135. J. L. I. Fennell. Ivan the Great of Moscow, pp. 118—119.

из своих дочерей с племянником Фридриха III, маркграфом Баденским. Затем Поппель передал жалобу великого магистра Ливонского ордена на якобы имевшие место вторжения псковичей на орденские земли, заявив, что имеет на это право, потому что Ливония перешла под юрисдикцию императора. Затем Поппель попросил повидать дочь Ивана, чтобы в своем отчете доложить о произведенном ею впечатлении. Наибольшую бестактность Поппель проявил во время дарованной ему в конце концов личной аудиенции. Здесь Поппель заявил, будто слышал, что ранее Иван просил папу даровать ему королевский титул. Так и не осознав своей грубой ошибки, Поппель опрометчиво продолжал настаивать. Он указал, что папы обладали властью только в церковных делах и лишь один император мог бы удовлетворить подобную просьбу. Поэтому Ивану следовало бы просить о короне Фридриха. Во всяком случае, предостерегал Поппель, Иван должен позаботиться, чтобы об этом не прознали поляки, опасющиеся воздействия, которое его коронация может оказать на православное население восточной части их королевства.

Ко времени его отъезда бояре — члены Думы пребывали в ярости от той обидной снисходительности, которую проявлял к ним Поппель, и от его дурного вкуса. Поведение и тактика посла могли бы иметь успех при западноевропейских княжеских дворах, но он плохо понимал ситуацию в Московии. Он даже не ощутил царившего в столице общественного возбуждения, наблюдая пышность кремлевского двора, которая должна была служить отражением могущества его правителя, чей престиж и славу еще более возвысили отступление татар в 1480 г. и новые величественные сооружения Кремля.

Отклонив первоначальную просьбу о личной аудиенции, Иван отменил и предложение о брачном контракте между его дочерью и — всего лишь — племянником императора. Жалоба ливонского гроссмейстера также была полностью отвергнута. Псковские границы останутся такими, какими они были истари. Столь же не был расположен Иван выставлять свою дочь на обозрение этому невыносимому человеку. Айсберг ярости, скрытый под маской дипломатической вежливости, отчасти проявился в ответе на предложение, чтобы Иван просил императора о королевской короне: «Мы Божьею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители». Власть правителя в Московском государстве происходит от Бога, а не от рук человеческих¹⁷. Иван уведомил, что пошлет собственного посла к господину Поппелю¹⁸.

Поппель отбыл, хорошо понимая, что провалил свою миссию, но упорно отказывался признать свои ошибки, равно как и собственное невежество в общении с незападноевропейскими дворами. Впоследствии он с раздражением жаловался в письме, что придворные Ивана подвергали сомнению его верительные грамоты и распускали порочащие его слухи¹⁹.

Поппель произвел более глубокое впечатление, чем он сам предполагал. Предложив для дочери Ивана руку маркграфа, он способствовал кристаллиза-

¹⁷ ПДС, т. I, стб. 1—14. *J. L. I. Fennell*. Ivan the Great of Moscow, pp. 120—121. *С. М. Соловьев*. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 3, т. 5, с. 134—136. К. В. Базилович (Внешняя политика..., с. 262) считал, что главной целью, которую преследовал Фридрих, посылая Поппеля в Москву, было предложение Ивану III королевской короны.

¹⁸ ПДС, т. I, стб. 8—9.

¹⁹ Там же, стб. 52 сл.

ции политической линии Москвы, согласно которой сыновья и дочери великого князя могли вступать в брак с представителями королевских домов Запада. Вероятно, это обсуждалось членами Боярской думы. Как бы то ни было, Иван решил, что достойны такого брака могут быть только правящие монархи или их непосредственные потомки. Это подтверждают события 1483 г., когда он разрешил своему старшему сыну Ивану Ивановичу жениться на дочери Стефана Молдавского. Вслед за этим в 1495 г. дочь Ивана Елена вышла замуж за князя Александра Литовского. Что касается Габсбургов, достойным признавался только сын Фридриха Максимилиан.

Это решение подразумевало равенство Ивана с правителем Священной Римской империи. Последнее обстоятельство нашло косвенное отражение в инструкциях, которыми Юрий Траханиот был снабжен в марте 1489 г. накануне отъезда в качестве эмиссара ко двору Фридриха III. Иван уведомил Юрия, что, если будет поднят вопрос о браке его дочери с маркграфом, ему следует отвечать: «За этого маркграфа государю нашему отдать дочь неприлично, потому что государь наш многим землям государь великий...» Если же Габсбург будет настаивать, Юрий все равно должен ответить отрицательно и привести решающий аргумент: московские правители происходят из древнего рода (не высказывая этого прямо, Иван хотел показать, что он может претендовать на более древнее происхождение, чем Габсбурги). Более того, Иван инструктировал Юрия поставить вопрос еще более остро, добавив: «От давних лет прародители его были в приятельстве и любви с прежними римскими царями, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии». До самого конца существования империи «отец нашего государя... был с ними в братстве и приятельстве». Тетка Ивана III была замужем за императором, Иоанном Палеологом. «Так как же такому великому государю выдать дочь свою за маркграфа?» Если же Габсбург пожелает устроить этот брак для своего сына, ему следует послать в Москву специального посла для дальнейших переговоров²⁰.

В инструкциях Ивана Траханиоту нет никаких упоминаний о его собственном союзе с принцессой из рода Палеологов. Казалось бы, он мог усилить свои позиции, сославшись на этот прецедент как самый недавний пример тесных отношений с прежним правящим домом Византии. В момент женитьбы (1472) он явно тешился мыслью, что этот союз придаст ему императорский статус. Ровно через год, когда псковские послы, после угрозы вмешательства Москвы, заключили договор с Ливонским орденом, псковская редакция грамоты гласила: «Государи наши, благоверные великие князья русские и цари, Иван Васильевич и сын его Иван Иванович...»²¹ В соглашении о перемирии между Иваном III и великим

²⁰ Там же, стб. 17. См. также *J. L. I. Fennell*. Ivan the Great of Moscow, p. 122. О свидетельствах, касающихся очень позднего появления в Москве подложного Константинова дара, см. *N. K. Gudzy*. History of Early Russian Literature. Trans. S. W. Jones, New York, 1949, pp. 288—292; *A. H. Пытин*. История русской литературы. Т. I, СПб., 1911, с. 341—344. *D. Čiževskij*. History of Russian Literature from the Eleventh Century to the End of the Baroque. The Hague, 1960, pp. 203—204.

²¹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I, СПб., 1846 (далее — АЗР), № 69. *С. М. Соловьев*. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 3, т. 5, с. 128—129. Х. Шедер отметила, что в 1473 г. царский титул был употреблен осторожно в качестве пробного шара («im kleinen ausprobiert»). *H. Schader*. Moskau, das dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der slavischen Welt. 2 Aufl., Darmstadt, 1957, S. 54).

магистром Ордена фон дер Борхом, заключенном 1 сентября 1482 г., присутствует та же формула²². Два года позднее Иван направил письмо еврею («жидовину») из Кафы по имени Захария Скара, приглашая его к себе на службу. Ни содержание письма, ни последующие исследования не прояснили причины загадочного приглашения, однако нет сомнения, что Иван желал произвести на Захарию впечатление и золотой печатью, прикрепленной к грамоте шелковым шнурком, и грандиозностью титула, в котором называет себя Божьей милостью великим государем Русской земли и царем всея Руси²³. В общем, Иван III начал заигрывать с титулом «царь» еще до того, как Русь объявила себя свободной от татарского ига²⁴.

Если Иван III не отказался от своих имперских притязаний за те шестнадцать лет, что прошли до миссии Траханиота, то почему он не упомянул Софью как связующее звено между собой и Византией? Его осторожность в использовании титула, применение его только в сношениях с низшими, такими как таинственный «жидовин» или как глава Ливонского ордена, позволяют заподозрить боязнь получить отпор от более могущественных держав. Кроме того, молчание относительно брака с Софьей может отражать временное изменение в его концепции Московского царства. Победа 1480 г. над сарайским ханом повлекла за собой провозглашение независимости и равного статуса. Вследствие этого происхождение Софьи могло уже не играть столь важной роли в его притязаниях на царство, как до 1480 г. В свете столь общих соображений предложение брачного союза дочери Ивана и «этого маркграфа» было полностью отвергнуто. Молчание относительно брака Ивана с Софьей удовлетворяет этой интерпретации. Софья, хотя и происходила из дома Палеологов, не была дочерью ни императора, ни даже просто правящего монарха. Она была лишь сиротой под попечительством папы. Иван III, видимо, не хотел признавать, что новое родство, созданное этим союзом, само по себе может возвысить престиж великого князя.

Остается еще одно следствие миссии Поппеля. Оскорбление от предложения королевской короны было глубоким. Вдобавок Поппель напрямую объявил Ивану о сюзеренитете императора над балтийскими немцами, хотя это, несомненно, было известно в Москве и раньше. Тем не менее орденские магистры всегда вели переговоры с Русским государством от своего имени, а не от императорского. С другой стороны, Поппель не знал, что уже в 1473 г. Иван III уведомил ливонских рыцарей, что он и его сын должны считаться русскими великими князьями и царями.

Непреднамеренная неловкость Поппеля привела к одному — небольшому, но существенному — изменению в титуле, сделавшему его несколько более соответствующим западноевропейской практике. Первому посольству, отправлявшему-

²² «Сборник Муханова», изд. 1, М., 1836, № 27, с. 39: «По Божьей воли и по великих государей велению царей русских, великого князя Ивана Васильевича всея Руси и сына своего, великого князя Ивана Ивановича всея Руси...»

²³ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник РИО), т. XLI, СПб., 1884, № 10, с. 41.

²⁴ Ср. В. О. Ключевский. Курс русской истории // Сочинения, т. II, М., 1957, с. 123. Царский титул никогда не использовался в переписке с поляками или крымскими татарами. Лишь однажды Иван и его сын, Василий III, были названы царями на подписи грамоты во время переговоров с Габсбургами, и то только с сыном императора Максимилианом (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 3, т. 5, с. 145).

ся из Москвы в марте 1489 г. во главе с Юрием Траханиотом, в составе которого был и возвращавшийся на родину Поппель, Иван III повелел ехать до Ревеля, а оттуда на корабле до Любека или другого подходящего северогерманского порта. Пристав, который должен был снабжать их всем необходимым, пока они не достигнут Ревеля, вез послание к городским властям с просьбой обеспечить проезд миссии к императорскому двору. Эта грамота начиналась словами «Иоанн, Божьей милостью великий государь и царь всея Руси», далее же следуют географические эпитеты — Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Югорский, Вятский, Пермский и Болгарский²⁵. Иван III выказал замечательное рвение, объявляя властям имперских городов на землях Тевтонского ордена о своем равенстве с императором. Несомненно, в Ревеле это стало известно и Поппелю, поскольку в обычае местных властей было оказывать гостеприимство столь важным послам. Новизна титула, содержащаяся уже в самом обращении, не могла ускользнуть от внимания ни местных властей, ни Поппеля. Посол Фридриха должен был наконец все-таки осознать, какую огромную ошибку он совершил во время личной аудиенции у великого князя.

Для Ивана, однако, это не был исключительно вопрос дипломатического протокола. Использование формы Иоанн вместо привычного Иван Васильевич — не просто адаптация соответствующей церковно-славянской формы²⁶, оно проистекало из желания соответствовать практике других европейских монархов. Если бы это была только приверженность к более древней форме имени Иван, великий князь мог бы именовать себя Иоанном Васильевичем, а не одним лишь христианским именем без отчества. Кроме того, давнюю западноевропейскую практику отражало и перечисление названий стран, которыми владеет правитель, после его титулов. В качестве иллюстрации можно привести государственную печать императора Сигизмунда, содержащую следующую круговую надпись: SIGISMVNDVS . DEI . GRACIA . ROMANORVM . IMPERATOR . SEMPER . AVGUSTVS . AC . HUNGARIE . BOHEMIE . DALMACIE . CROACIE . RAME . SERVIE . GALICIE . LODOMERIE . CVMANIE . BVLGARIE . REX . ET . LVCEMBVRGENSIS . HERES²⁷. Форма московского и габсбургского титулов обнаруживает значительное сходство не потому, что первый копирует второй, но потому, что такая титулатура была широко распространена на Западе в целом. Анализ обращений, содержащихся в договорах начала XV в., показывает, что эта форма пришла из Литвы²⁸. Она не использовалась московскими правителями в

²⁵ ПДС, т. I, стб. 22.

²⁶ Таково утверждение В. О. Ключевского (Курс русской истории // Сочинения, т. II, М., 1957, с. 123—124), ср., однако, традиционную церковно-славянскую форму в надписи на русском и латинском языках (1491 г.), обнаруженной на Спасской башне Московского Кремля: «Иоанн Васильевич, Божией милостью великий князь владимирский, московский, новгородский, тверской, псковский, вятский, угорский, пермский, болгарский и иных и всея России государь в лето 30 государствовании своего сии башни повелел построить, а делал Петр Антоний Соларий, Медюланец, в лето от воплощения Господня 1491» (История русского искусства, т. III, с. 310).

²⁷ O. Posse. Die Siegel der deutschen Kaiser und Könige von 751 bis 1806. Bd. II, Dresden, 1910. Табл. 17, №№ 1, 2 (см. приложенную Табл. I, № 2).

²⁸ Впервые князь северо-восточной Руси признал распространенную форму титула за иноземным князем в 1427 г. В договоре Бориса Александровича Тверского с Витовтом Литовским Борис называет Витовта «великим князем Витовтом литовским и многих русских земель господарем» (ДДГ, № 23, с. 62). Московский князь (Василий II) впервые сам воспользовался расширенной формой титула в 1449 г. в договоре с Казимиром, королем польским и великим князем

их договорах с соседями — независимыми русскими князьями. Возможно, помпезное титулование Ивана III в сношениях с иностранными дворами сложилось в соответствии с началом дипломатических связей с молдавским господарем Стефаном в 1480 г. и венгерским королем Матвеем Корвином в 1482 г.²⁹

Имеется и достаточное количество второстепенных свидетельств, показывающих, что Иван III прибегал к заимствованиям, если они соответствовали его целям. Это демонстрируют и московские копии венгерских золотых монет, и использование габсбургского протокола при приеме европейских послов.

Нумизматическая коллекция Эрмитажа содержит только один сохранившийся экземпляр золотой монеты, чеканенной в правление Ивана III (так называемый «угорский»). Серия содержала точное воспроизведение изображений на венгерских золотых монетах XV в.: на аверсе св. Владислав с нимбом, скипетром в правой руке и увенчанной крестом державой в левой; на реверсе — венгерский герб. Нумизматы обоснованно считают, что монеты этого типа предназначались не для внутреннего обращения, а для платежей приглашенным в Москву иностранным мастерам, осуществлявшимися металлами и валютой, пригодными к вывозу и реализации на Западе. Собственно русские же золотые монеты не чеканились, из золота могли изготавливаться только подобного рода имитации. На обеих сторонах монеты содержатся круговые надписи с именами Ивана III и его сына-соправителя Ивана Ивановича³⁰. Об откровенной готовности Москвы принять некоторые западные установления говорят не только нумизматические источники; ее отношение к копированию определенных аспектов придворного церемониала лишь усиливает это впечатление.

Летом 1490 г. Юрий Траханиот, возвращаясь с Запада, прибыл в Новгород. С ним ехал посол короля Максимилиана Георг фон Турн, называемый в русских дипломатических документах Юрием Делатором (от итальянского *della Torre*)³¹. Несомненно не знавшие языков московиты не подозревали, что русская транслитерация итальянизированного имени фон Турн могла иметь оскорбительное значение (*Delator* по-итальянски значит «доносчик» или «разоблачитель»), но можно предположить, что дипломата от такого именованья внутренне передергивало.

литовским. Василий называет себя «князь великий Василий Васильевич московский, и новгородский, и ростовский, и пермский и иных» (Там же, № 53, с. 160). Показательно, что эти распространенные титулы не вытеснили кратких, обычных в междукняжеских договорах северо-восточной Руси, в то время как литовские правители последовательно придерживались только распространенной титулатуры. См. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АЮЗР). Т. I, СПб., 1863, с. 7 (1415 г.): «Витовт, великий князь литовский, русский, жомойтский»; с. 11 (1430 г.): «милостью Божьею мы великий князь Швитрикайла, литовский, русский и иных»; см. также с. 14, 15, 17, 19, 20, 27.

²⁹ J. L. I. Fennell. Ivan the Great of Moscow, p. 112; К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства, с. 246 сл.

³⁰ И. Г. Спасский. «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси // Труды Государственного Эрмитажа, т. IV, Л., 1961, с. 95. *Его же*. Русская монетная система. Изд. 3-е, Л., 1962, с. 97. Рассуждения И. Г. Спасского (Труды..., с. 95—96), что золотыми монетами московского типа награждались отличившиеся воинскими доблестями, не находят подтверждений в источниках. Таких золотых монет в тот период не существовало. В качестве гипотетической возможности можно допустить, что для этой цели использовались золотые монеты венгерского типа («угорские»).

³¹ P. Karge. Kaiser Friedrich's III. und Maximilian's I. S. 269; ПДС, т. I, стб. 25.

Иван III с нетерпением ожидал возвращения своего посла. В то время как для Габсбургов самым важным был военный союз, великого князя в тот момент более интересовал характер приема, оказанного его послу в Европе: он должен был показать Ивану, в каком качестве воспринимал его император. Инструкции, отправленные Иваном III наместнику в Новгороде, отражают его нетерпение и любопытство. Немедленно по прибытии в этот пограничный с Западом город Траханиот должен был поспешить в Москву на лошадях. В то же время Иван повелел, чтобы австрийский посол был отправлен в столицу медленным водным путем через верхнюю Волгу, а затем по ее притокам. Пока фон Турн неторопливо путешествовал к Москве, Траханиот уже прибыл туда и был сразу принят великим князем. Иван подробно расспросил его о приеме у Габсбургов. Траханиот доложил, что и Фридрих, и Максимилиан оказали ему великий почет. При своем дворе Максимилиан, римский король, сделал навстречу Юрию три или четыре шага и приветствовал его рукопожатием. До начала официальной беседы король повелел, чтобы для Юрия была принесена скамья, попросил его сесть напротив трона и лишь после этого уселся сам. Когда после этого Юрий отправился ко двору императора, тот выслал навстречу ему, за пять или шесть километров от города, нескольких придворных, которые и проводили его во дворец. Чем ближе приближался Траханиот к императорскому залу для приемов, тем более высокого ранга придворные сопровождали посла. Приветствуя Юрия, император усадил его так же, как и его сын Максимилиан.

Узнав все это, Иван III немедленно выслал гонца с дарами для встречи и приветствия фон Турна. Когда посол прибыл в Москву и должным образом отдохнул, на третий день Иван приказал Траханиоту и второстепенному члену Думы (это был окольничий Иван Звенец) доставить его для аудиенции. После того как они вступили в каменные палаты, уже другие придворные сопровождали посла, и наконец боярин и дьяк ввели его в зал для приемов. Все это точно соответствовало обхождению с Траханиотом в Германии. Иван разыграл ту же роль, что и, по словам его посла, Габсбурги на западноевропейских приемах: он поднялся с трона, спросил о здоровье короля (поскольку перед ним был посол Максимилиана) и, стоя, пожал руку фон Турну. Затем он приказал, чтобы того усадили на скамью напротив трона, и лишь после этого сел сам. Все это было сделано в присутствии членов Боярской думы³².

³² ПДС, т. I, стб. 24—27. Ср. В. И. Савва. Московские цари и византийские василевсы, с. 243—244. Во время второй аудиенции, данной фон Турну, соблюдалась та же процедура (ПДС, т. I, стб. 27). Этот же ритуал встречи эмиссаров и послов великих западноевропейских держав соблюдался при московском дворе и впоследствии. Посол Максимилиана, а затем Карла V и эрцгерцога Фердинанда Сигизмунд Герберштейн в начале XVI в. оставил подробное описание такого ритуала встречи и приема, хотя ни разу не высказал предположения, что его можно сопоставить с протоколом двора Габсбургов (*Sigismund von Herberstein. Commentaries on Moscovite Affairs*, ed. and transl. by O. P. Backus III, Lawrence, Kansas, 1956, pp. 141—143. Рус. изд.: С. Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988, с. 204—227). Томас Рандольф, посол Елизаветы Английской в 1568 г., описывает, как его проводили к Ивану IV и провели в середину зала для приемов, «где мне надлежало стоять спокойно и сказать то, что я должен был сказать. При посредстве моего переводчика я начал с поручения, полученного мною от госпожи моей королевы, от которой я прибыл и при имени которой император встал и задал подобающие вопросы о ее здоровье и состоянии. Когда мною были даны ему ответы, он подал мне руку для приветствия и повелел мне сесть, а затем задал мне должные вопросы.» (Hakluyt Society. Works. First Series, No. 73, p. 247).

Таким образом, ряд признаков указывает на желание Москвы продемонстрировать равенство с западноевропейскими странами, и особенно с имперским двором Габсбургов: перемены в великокняжеском титуле и его расширение, копирование церемониала посольских приемов, неоднократное утверждение, что только императорский сын достоин жениться на дочери великого князя.

К этому же ряду следует добавить заимствование для новой московской государственной печати изображения двуглавого орла. Тем не менее было бы ошибочным предположить, что Иван III скопировал эмблему Габсбургов так же, как и церемониал приема западноевропейских послов. Иконографически московский двуглавый орел ближе к византийскому, к тому же нет сомнений, что Иван III ценил связующие нити с погибшей вселенской христианской империей. Инструкции Юрию Траханиоту 1489 г. ясно демонстрируют, что Иван по-прежнему очень гордился тесными отношениями своих предков с Византией и его грело чувство, что его тетка Анна была первой женой Иоанна (VIII) Палеолога. Возможно, он не знал или забыл (поскольку ему это было удобно), что она так и не дожила до того момента, когда стала бы императрицей³³. Вероятно, использование в качестве эмблемы двуглавого орла должно было подчеркнуть, что московский правитель — при его растущих претензиях на роль владыки всея Руси — имел больше прав притязать на эту римскую инсигнию, чем Габсбурги. Это вовсе не означает, что Иван считал, будто унаследовал ее благодаря браку с Софьей. Я настаиваю на том, что, если бы при московском дворе не узнали, что император Западной империи на государственной печати имеет изображение двуглавого орла (а его сын, римский король, как личную эмблему использует одноглавого орла³⁴), Иван III не велел бы изобразить на собственной официальной печати орла двуглавого. Несколько доказательств подтверждает ту точку зрения, что заимствование Москвой имперского орла было обусловлено его использованием у Габсбургов. Первое из них, основанное на сравнении государственных печатей Фридриха III и Ивана III, более косвенное и потому более уязвимое, второе демонстрирует, что двуглавый орел Ивана III существенно отличался от всех изображений на печатях, употреблявшихся московскими князьями до 1486 г.

Имперская государственная печать Фридриха III, датируемая 5 июля 1442 г., имеет на аверсе изображение императора на троне с державой в левой руке и скипетром в правой, а на реверсе — изображение орла. Каждая из орлиных голов снабжена нимбом (*Heiligenschein*). Священное значение нимба явствует из круговой надписи:

Восточные послы принимались в восточной манере. Ср. описание приема посла турецкого султана Селима I в 1514 г. Церемониал препровождения посла к трону был отчасти похож на тот, который применялся для западноевропейских послов, однако посол поцеловал руку великого князя Василия III, остававшегося сидеть на троне. *Н. П. Лихачев*. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888, с. 59, прим. 9.

³³ ПСРЛ, т. XXV, с. 240. «Князь великий Василий Дмитриевич отдал дочь свою княжну Анну в Царьград за царевича Ивана Мануиловича». Анна была первой из трех жен Иоанна VIII Палеолога. Она умерла в 1418 г., прежде чем Иоанн стал императором-соправителем (1421). *Ф. И. Успенский*. История Византийской империи, т. III, М.—Л., 1948, с. 767.

³⁴ *Roemer-Buchner*. Die Siegel der deutschen Kaiser, Könige und Gegenkönige. Frankfurt am Main, 1851, №№ 85—87, S. 58—59. *J. W. Woodward and G. Burnett*. A Treatise on Heraldry, British and Foreign. Edinburgh and London, 1892, p. 253.

AQVILA . EZECHIELIS . SPONSE [sic] . MISSA . EST . DE . CELIS .
UOLAT . IPSA . SINE . META . QUO . NEC . UATES . NEC .
PROPHETA . EUOLAUIT . ALCIUS .

«Орел был послан нареченной Иезекииля с небес. Эта же [птица] летает, не имея куда вернуться, так высоко, как не возносился ни поэт-провидец, ни пророк».

На аверсе портрет Фридриха III окружает надпись:

SIGILLVM . MAIESTAS . FRIDERICI . DEI . GRA . ROMANORŪ .
IMPERATORIS . SEMPER . AVGVSTI . DVCIS . AVSTRIE .
STIRIE . KARINTHIE . ET . KARNIOLE . COMITIS .
QUE . TIROLIS . ETC .

Ниже кольцом идет следующая фраза:

QUI NATVS EST IN DIE MATHEI AP AN DNI MCCCCXV³⁵.

На русской печати вместо императора на троне изображен всадник. К габсбургскому образцу приближается лишь надпись с титулом и перечнем владений Ивана III. На стороне с двуглавым орлом продолжается круговая надпись, перечисляющая земли, подвластные великому князю. Стилистически русский орел заметно отличается от габсбургского очертаниями крыльев и наличием корон в форме венца вместо *Heiligenscheine*. Джордж Соулис (Soulis) обратил мое внимание на напольную мозаику церкви палеологовского времени в Мистре, где изображен двуглавый орел с короной на каждой голове, а бóльшая по размеру корона помещена между шеями³⁶.

Он придерживается мнения, которое в настоящее время разделяю и я, что прототип русского орла — византийский, точнее морейский. Дальнейшие исследования, возможно, подтвердят это предположение. Вместе с тем следует подчеркнуть, что двуглавый орел никогда не был гербом (в западном смысле) императорской ветви дома Палеологов. В Константинополе его никогда не использовали в том же качестве, что в Москве. Десять лет назад Маклагон из Оксфордского университета представил интересное сообщение для византиноведческого конгресса в Стамбуле. Он отрицает, что двуглавый орел, как и другая эмблема — крест с четырьмя «В» в квадрантах — являлись императорскими гербами: «Эти гербы не обнаруживаются ни на печатях, ни на монетах, ни на гробницах». Нет их и на щитах и одеяниях императорской стражи, хотя на Западе было принято помещать гербы именно там. Орлы были на обуви стражей Константина XI³⁷.

³⁵ O. Posse. Die Siegel der deutschen Kaiser, Bd. II. Табл. 25, рис. 1, 2 (см. приложенную Табл. I, № 3; более ясное изображение нимба вокруг орлиных голов видно на другой печати Фридриха III: приложенная Табл. I, № 4; O. Posse, Табл. 26, № 4).

³⁶ M. G. Soteriou. Mistra. 2nd. ed., Athens, 1956, p. 12; А. В. Соловьев (A. V. Soloviev). Les emblèmes héraldiques de Byzance et les Slaves // Seminarium Kondakovianum, VII, 1935, p. 135, note 98) описывал его следующим образом: «Surtout la belle aigle à trois couronnes sur une plaque encadrée dans le pavement au milieu de la grande nef de la Métropole».

³⁷ M. Maclagon. Le blason en Byzance // Actes du Congrès International d'Études Byzantines, Istanbul, 1957, p. 230—231. Обзор историографии проблемы, имела ли Византия в эпоху Палео-

Если двуглавый орел являлся гербом Палеологов — деспотов Мореи, один из которых был отцом будущей супруги Ивана III³⁸, возможно, он попал в Москву через Софию или членов ее свиты. Тем не менее Иван не заимствовал инсигнию Палеологов немедленно после женитьбы, а лишь через два десятилетия, с началом дипломатических отношений с Габсбургами.

Самая ранняя сохранившаяся печать Ивана III с двуглавым орлом датируется 1497 г.; печать Габсбургов с этой эмблемой не могла появиться в Москве ранее 1489 г.³⁹ Поскольку первое *официальное* употребление титула «царь», выражаю-

логов герб и был ли им двуглавый орел, см.: A. V. Soloviev. Les emblèmes héraldiques de Byzance et les Slaves // *Seminarium Kondakovianum*, VII, 1935, p. 119—122. В этом весьма впечатляющем исследовании А. В. Соловьев прослеживает миграцию мотива двуглавого орла хронологически и топографически, с Ближнего Востока через Европу. В XIV в. двуглавый орел обрел популярность при дворе Палеологов, но не в качестве императорского герба. А. В. Соловьев (с. 134) описывает обнаруженную в Лувре миниатюру, на которой император Мануил и его сын-соправитель Иоанн VIII одеты в императорские пурпурные одежды без орлов, а младшие сыновья, Фома и Андроник, изображены в алых одеждах, расшитых заключенными в круг золотыми двуглавыми орлами. А. В. Соловьев заключает: «C'est encore une preuve de ce que les aigles étaient plutôt insignes des premiers dignitaires de la cour, que des armes impériales».

³⁸ Ibid., p. 135: «Enfin, Mistra nous a conservé quelques belles aigles qui doivent se rapporter aux derniers despotes Thomas et Démétrios. Ces aigles couronnées ont déjà tout à fait la tournure héraldique et doivent être envisagées comme blasons des derniers despotes».

³⁹ Это заключение основано на предположении, что к посланию Фридриха 1489 г., аккредитующему Поппеля, была приложена имперская государственная печать. В дальнейшем семидесятилетний Фридрих III предоставил переговоры с Москвой своему сыну Максимилиану. Московские великокняжеские дипломатические документы свидетельствуют, что соглашение между Максимилианом и Иваном III было достигнуто в 1490—1491 г. Юрий Траханиот привез с собой копию договора в Москву весной 1491 г. Сообщается, что эта копия с золотой печатью была помещена в великокняжескую сокровищницу (ПДС, т. I, стб. 66). Если допустить, что печать принадлежала Максимилиану, она не могла нести изображение двуглавого орла: как римский король, он мог иметь в качестве эмблемы только одноглавого орла. Далее мы знаем, что, когда посол Максимилиана Г. фон Турн прибыл затем, в ноябре 1491 г., в Москву, он приветствовал Ивана III как «Царя всея Руси» и «един Царь всея Руси» (там же, стб. 73, 77). Можно считать это дипломатической уловкой королевского посла ввиду того, что Максимилиан был чрезвычайно заинтересован в участии московских войск в военных действиях, но все-таки реальной необходимости заходить так далеко не было, если только Габсбурги не знали, что Иван III уже называл себя царем, и не полагали в тот момент дипломатичным уступить прихоти великого князя. Но как могли они узнать об этом? Во-первых, Поппель по возвращении из своего второго путешествия в Московию мог известить Фридриха о притязаниях Ивана, выраженных им в грамоте к властям Ревеля. Во-вторых, узнать об этом мог и сам фон Турн во время своего пребывания в Москве. Более вероятно, однако, что Иван уже пользовался царской золотой печатью с двуглавым орлом и приложил ее к московскому проекту договора, отправленного с Юрием Траханиотом в 1490 г. Если бы Максимилиан принял предложенные условия, Траханиот должен был вручить документ королю. Максимилиан принял условия Ивана и принципы заключения договора (там же, стб. 31—40).

Моя гипотеза относительно последовательности событий, приведших к появлению московского двуглавого орла, такова. Когда Поппель вернулся в Москву в 1489 г. как аккредитованный имперский посол, он привез с собой официальную верительную грамоту, к которой была приложена государственная печать Фридриха III. Оскорбленный переданным Поппелем предложением королевской короны и брачного союза между его дочерью и имперским подданным, Иван не просто отверг его, но и приказал изготовить царскую печать для себя. Он выбрал византийскую иконографию двуглавого орла, напоминающую в некоторых отношениях габсбургскую, и постарался недвусмысленно показать, что тоже является царем. Новая печать была приложена к проекту договора, предложенного Максимилиану. Если бы Максимилиан отказал-

щее имперские притязания, появилось в 1473 г., возникает вопрос, нельзя ли найти некий след, ключ, позволивший бы предположить более раннее заимствование мотива орла. Ответ будет отрицательным, хотя мы и знаем, что к письму, адресованному Захарии, Иван приложил золотую печать⁴⁰; невозможно точно установить, какие изображения несла эта утраченная золотая (или позолоченная) печать. Предположение, что на печати был орел Палеологов, отсылает нас к концепции, связанной с Софьей, а ее, как оказалось, опровергают сведения, почерпнутые из дипломатических документов. Едва ли появление византийского орла связано с «победой» 1480 г. или с развитием теории Третьего Рима. Наиболее сильным свидетельством против возможности появления двуглавого орла на золотой печати, отправленной Захарии «жидовину», являются изобразительные мотивы, применявшиеся Иваном III на сохранившихся документах 1470—1480-х гг., вплоть до 1486 г. По крайней мере до этой даты великий князь использовал печати старого типа (воспользуемся пока этим термином)⁴¹. Поэтому более чем обоснованным представляется предположение, что изменения в государственных печатях приходятся на период между 1486 и 1497 гг., наиболее вероятно — на 1489—1490 гг.

Печати «старого типа» отличаются большим разнообразием. На Руси, как и в других древнейших, средневековых и современных государствах, приложение печати правителя верифицировало договор. В период между XII и XIV вв. на Руси крупные и мелкие князья, пользовавшиеся печатями, не заботились о том, чтобы на них были вырезаны или отштампованы их имена. Поскольку на печатях обычно помещалось изображение святого патрона князя, их можно идентифицировать, сопоставляя с именами князей, подписавших документ. К XIV в. система изменилась: с этого времени обычно все князья велели помещать на печатях свои имена и титулы⁴².

Печати, принадлежащие князьям из Московского дома, восходят к началу XIV в. Первая сохранившаяся печать принадлежала великому князю Ивану I (ум. в 1341). Наиболее ранние образцы, прикладывавшиеся к духовным грамотам старших князей Московского дома, восьмиугольные, сделаны из позолоченного серебра. Форма печатей вскоре сменилась на круглую, но те из них, что скрепляли великокняжеские духовные грамоты, по-прежнему выполнялись из позолоченного серебра. Так продолжалось до составления первой духовной Василия I (около 1406); имеются указания на то, что традиция использования для духовных грамот позолоченных серебряных печатей с изображением святого патрона князя сохранялась до середины XV в.⁴³ Печати князей Московского до-

ся принять условия Москвы, включая признание двуглавого орла в качестве эмблемы на печати (заявлявшей о притязаниях Москвы на равный статус с Империей), предложенный союз не состоялся бы. Максимилиан принял условия и проинструктировал своего посла фон Турна, возвращавшегося ко двору Ивана III, внимательно отнестись ко всему, что связано с признанием царского титула великого князя. Таким образом, слово «царь» в приветствии фон Турна было употреблено отнюдь не в качестве риторического украшения — посол был хорошо осведомлен о значении этого термина.

⁴⁰ См. выше, стр. 586. Это не первая известная золотая печать великого князя московского. См. прим. 43 ниже.

⁴¹ СГГД, т. I, №№ 123—126.

⁴² Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика, с. 69—78.

⁴³ Иван I: СГГД, т. I, с. 33, 35 (см. приложенную Табл. I, № 5); Семен: с. 38 (Табл. I, № 6); Иван II: с. 41, 43 (Табл. I, № 7); Дмитрий: с. 51, 62 (Табл. I, № 8); Василий I: с. 74 (Табл. I, № 9).

ма, прикладывавшиеся к междукняжеским договорам, были другими. Их делали из воска. Наиболее ранний известный экземпляр датируется 1350—1351 гг.: не поддающаяся расшифровке восковая печать скрепляла dokonчание великого князя Семена Гордого с братьями Иваном и Андреем. Первый опознаваемый экземпляр этого типа принадлежал Марии Александровне, жене великого князя Семена, добившейся того, что ее печать была приложена к завещанию мужа. Этот случай уникален, поскольку отражает тот единственный в своем роде факт, когда жена московского великого князя унаследовала его владения. Печать была изготовлена путем приложения камен или резного драгоценного камня с поясным изображением женщины к шарiku теплого воска, вылитого на шелковистый шнур, прикрепленный затем к документу⁴⁴.

Позднее на личных печатях великих князей, их близких родственников и даже владык окрестных неподвластных Москве земель появляются разнообразные изображения, причем и по виду, и по происхождению эти изображения связаны не с христианством, а, скорее, с античностью. Гравированные рисунки со всех обнаруженных печатей, приложенных к договорам, опубликованы в «Собрании государственных грамот и договоров»⁴⁵. По словам авторов недавнего советского краткого очерка сфрагистики и геральдики, эти репродукции не отличались большой точностью; вместе с тем, они признают, что точное воспроизведение печатей и по сей день вызывает немалые трудности⁴⁶.

Хотя эти копии и не являются точными изображениями оригинальных печатей, они все же более ценны, чем их опубликованные описания. В этом отношении полезен вклад Л. В. Черепнина, но его описания, возможно по недосмотру, иногда могут ввести в заблуждение⁴⁷. Наши познания расширятся, когда появится возможность изучения оригиналов этих печатей или их фотографий. Такое исследование будет чрезвычайно плодотворно, особенно если оно будет выпол-

---

К сохранившимся завещаниям Василия II (фактически, это одно завещание с дополнениями, хотя в описях XVII в. оно было учтено как две грамоты) были приложены восковые печати. К его несохранившемуся завещанию была приложена золоченая печать. В архивной описи 1614 г. писец учел духовную грамоту Василия II, к которой была приложена «золотая» печать (Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, с. 56). В следующей описи 1626 г. писец отметил плохую сохранность грамоты и указал, что печать не серебряная, а металлическая позолоченная. ДДГ, с. 465: «3 грамоты духовные великого князя Василия Васильевича, одна ветха и подралась, а у ней печать железная, золочена...» И печать, и завещание были утрачены после 1626 г. Решить, продолжили ли традицию Иван III (умер в 1505) и Василий III (умер в 1533), не представляется возможным. Духовная Ивана III представляет собой поздний список, а духовная Василия III не сохранилась.

⁴⁴ СГГД, т. I, № 24, с. 38 (Табл. II, № 2).

⁴⁵ СГГД, т. I.

⁴⁶ Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика, с. 18. Для сравнения изображений нескольких печатей из СГГД, т. I, см. П. И. Иванов. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском Архиве Министерства юстиции. М., 1858, табл. 1—3. Приведенные П. И. Ивановым данные чрезвычайно полезны как показатель популярности печатей из драгоценных камней у представителей аристократии и духовенства вплоть до XVIII в. У П. И. Иванова и в СГГД печати воспроизведены достаточно точно для того, чтобы можно было установить происхождение большинства из них и определить почти все необходимые для моего исследования мотивы изображений на них.

⁴⁷ ДДГ, с. 567, сл. Е. И. Каменцева и Н. В. Устюгов (Русская сфрагистика и геральдика, с. 82—83) использовали некоторые описания Л. В. Черепнина.

нено в сотрудничестве с ученым, сведущим в античной литературе, нумизматике и сфрагистике⁴⁸.

Тем не менее некоторые заключения можно сделать и на основании опубликованных гравированных рисунков. Ремесленники в русских княжествах изготавливали оригиналы для печатей, используя древние драгоценные камни, которые они вставляли в серебряную оправу. На оправе перевернутыми буквами вырезалось имя владельца печати. Судя по публикациям, изображения, вырезанные на драгоценных и полудрагоценных камнях, древнего происхождения⁴⁹. Некоторые печати, возможно, были изготовлены из затвердевшей пасты, также широко распространенной в древности. Мотив всадника — западного, вероятно средиземноморского, происхождения. Одна из печатей, оттиски с которой были приложены к двум духовным грамотам Василия I (около 1417 и 1423 гг.), очевидно, была металлической. На восковых печатях изображен воин верхом на мчащемся коне, в коническом шлеме (по форме напоминающем головные уборы крестьян Юго-Восточной Азии), с поднятым мечом в правой руке. Эта печать ошибочно приписывалась Василию I; не исключено, что она принадлежала его тестю, великому князю литовскому Витовту⁵⁰. Профессор Э. Панофский на осно-

⁴⁸ Когда я показал изображения княжеских печатей покойному профессору Канторовичу, он сразу же идентифицировал некоторые из них и указал мне на основные каталоги драгоценных камней. Ряд вопросов, возникших при последующих беседах, пока не нашел ответа. Необходимо предпринять большое исследование, чтобы определить происхождение этих камней, каким образом они попали в Москву и как их иконография понималась их владельцами и зрителями. Соответственно, данные и последующие наблюдения, касающиеся русских печатей XIV—XV вв., не претендуют на то, чтобы заменить собой систематический анализ. Существуют сотни печатей допетровской эпохи, приложенных к разнообразным актам и принадлежавших великим и удельным князьям, представителям аристократии и духовенства. Даже печати, принадлежащие князьям Московского дома, не подверглись еще тщательному изучению.

⁴⁹ Ср. Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика, с. 81.

⁵⁰ СГГД, т. I, № 41, с. 82; № 42, с. 85 (Табл. II, № 1). Эта печать долгое время приписывалась Василию I (ДДГ, с. 568—569; Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика, с. 80), поскольку была приложена к его второму и третьему завещаниям (датируемым ок. 1417 г. и мартом 1423 г.: ДДГ, с. 57, 60). В связи с этим ученые предполагали, что печать с вооруженным всадником принадлежала Василию I. Ни неразборчивая надпись, ни иконография всадника ни в коей мере не напоминают печати, принадлежавшие кому-либо из членов Московского княжеского дома в XIV—XV вв. Мне кажется, что печать скорее принадлежала великому князю литовскому Витовту, а не Василию I. Во-первых, эта печать с готическим всадником заметно отличается от печатей, скреплявших духовные грамоты не только всех предшественников Василия I, но и его собственное первое завещание 1406 г. Последняя была выполнена из обычного позолоченного серебра и имела на аверсе изображение Василия Кесарийского с нимбом и надписью ВАСИЛ КСА, а на реверсе шестистрочную надпись «Печать князя великого Васильева Дмитриева всея Руси» (СГГД, т. I, с. 74; ДДГ, с. 568, см. Табл. I, № 9). Использование позолоченных серебряных печатей с изображением святого-покровителя было в обычае среди старших московских князей с начала XIV до середины XV в. См. выше, с. 635 и прим. 43. Во-вторых, возможно, не является простым совпадением тот факт, что в обоих случаях, т. е. во втором и третьем завещаниях Василия I, гарантом престолонаследия назван Витовт Литовский (ДДГ, № 21, с. 59: «А приказываю своего с(ы)на, князя Василья, и свою княгиню, и свои дети своему брату и тестю, великому князю Витовту...»; см. также с. 62). Витовт принял ответственность, возложенную на него его зятем Василием I. Можно предполагать, что, прежде чем назначить своего тестя Витовта основным гарантом прав Василия II, Василий I заручился согласием Витовта. Целью предпринятых в 1417 и 1423 гг. маневров было предотвратить возможную попытку занять престол со стороны младшего брата Василия I, князя Юрия, и обеспечить насле-

вании виденного им рисунка (СГГД, т. I, с. 85) утверждал, что она, по всей вероятности, принадлежит к севернототическому стилю, аналогичные образцы которого обнаруживаются на французских и английских печатях.

Более примечательны некоторые из печатей князей Московского дома, начиная со времени правления Василия II⁵¹. К договору середины 1430-х гг. приложены две печати, одна принадлежит Василию II, другая — его двоюродному брату галицкому князю Дмитрию Шемяке. На печати Шемяки — поясное изображение мужчины в западноевропейском доспехе и шлеме, печать же Василия II, согласно Л. В. Черепнину, изображает женскую голову в зубчатом венке⁵². На самом деле это профильное изображение Гелиоса с завитками волос и семилучевой диадемой. Такие изображения хорошо известны и часто использовались в качестве вставок для перстней⁵³. Возможно, эта печать с изображением Гелиоса была утеряна или попала в число трофеев неприятеля после Суздальской битвы 1445 г., когда Василий II на некоторое время стал пленником хана Улу-Мухаммеда; после этого печать исчезает из виду. К следующему известному договору великого князя (1450 г.) приложена другая печать, также с изображением Гелиоса: здесь он в типичной сияющей семилучевой короне правит колес-

дование своему малолетнему сыну Василию II. Наиболее явным и очевидным способом объявить о согласии Витовта можно было, приложив к завещаниям его печать. В-третьих, не все печати, которые должны были скреплять вторую и третью духовную грамоты, приложены к ним. Вполне вероятно, что печать Василия I на его поздних завещаниях не сохранилась. Василий I, определив Витовта гарантом престолонаследия, назначил также регентский совет из числа своих лояльных родичей. Трое из них — его братья Андрей, Петр и Константин, двое — близкие родственники князя Семен и Ярослав Серпуховские (ДДГ, с. 59). Если прибавить печати Витовта и Василия I к печатям членов совета, то должно получиться семь; вместо этого мы имеем пять восковых печатей. Одна из них слишком плохо сохранилась, чтобы быть атрибутирована, вторая — это наш готический всадник, остальные же три принадлежат князьям Андрею, Петру и Константину (СГГД, т. I, с. 85). Возможно, две другие печати утрачены. В завещании 1423 г., вновь называющем Витовта основным гарантом, регентский совет остался тем же, за исключением князя Константина (ДДГ, с. 62), и, однако, к нему приложена только одна печать: готический всадник (СГГД, т. I, с. 85). В случае и со второй, и с третьей духовными грамотами главной заботой было не удостоверить их подлинность, а предотвратить гражданскую войну. И та, и другая грамоты подписаны митрополитом Фотием, освятившим духовной властью церкви назначение светских гарантов. Если вспомнить все те опасения, которые породили эти тщательные предосторожности, представляется, что печать Витовта была важнее печати Василия I.

⁵¹ Печати-каменей великого князя Василия I, использовавшиеся для верификации княжеских договоров, в основном несут мотив всадника. Стилистически они значительно отличаются от готического всадника с поздних духовных грамот и обычно изображают всадника с копьем в правой руке, а иногда — всадника, держащего поднятый меч (Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика, с. 80; СГГД, т. I, с. 64, 71). Начиная с эпохи Василия I всадника в различных позах стали также изображать на многих московских монетах (Г. Алеф. The Political Significance of the Inscriptions on Moscovite Coinage in the Reign of Vasiliï II // *Speculum*, XXXIV, 1959, № 1).

⁵² ДДГ, № 35/I, с. 570; СГГД, т. I, №№ 52—53, с. 112 (Табл. II, № 3); №№ 54—55, с. 118; см. также с. 124, 130. Последний раз она использовалась в качестве официальной печати Василия II в июне 1445 г., незадолго до Суздальской битвы (там же, с. 135). Относительно этой датировки см. А. Е. Пресняков. Образование Великодержавного государства. Пг., 1918, с. 400, прим. 1. Другое изображение той же великокняжеской печати можно видеть в книге П. И. Иванова. Сборник снимков с древних печатей. Табл. I, № 4.

⁵³ Catalogue of the Collection of Antique Gems (Southesk Collection), I, London, 1908, Plate IV, D.-3.

ницей, запряженной четверкой коней. Кони изображены фронтально, одна пара тянет вправо, другая — влево. У Гелиоса обе руки подняты, в правой — кнут, левой он натягивает вожжи⁵⁴. Обычная фронтальная иконография Гелиоса в колеснице предполагает кнут в левой руке и вожжи в правой. Поскольку камень, вставленный в перстень-печатку, был приложен к воску, изображение вышло перевернутым⁵⁵.

Можно с уверенностью предполагать, что в Московском княжестве в это время всякий имевший дело с этими печатями ничего не знал о древнегреческом боге солнца. Согласно иконографической традиции в миниатюрах русских летописей в пятилучевых золотых коронах изображались царственные особы, в том числе византийские императоры, татарские ханы, турецкие султаны, латинские императоры Константинополя, государи Болгарии и Армении. Сербские правители, короли и деспоты, также иногда удостоивались такой царственной короны. Русские великие князья до венчания на царство Ивана IV изображались в характерных шапках, но никогда — в коронах⁵⁶. Фигура Гелиоса на личной печати Василия II появилась в середине 1430-х гг., как раз после окончания первого периода гражданской войны против галицких князей. Изображение в сияющей короне, по-видимому, привлекало Василия II своим сходством с изображением на первой, утраченной печати; новая печать, таким образом, могла служить адекватной заменой старой печати. Так или иначе, в письменных источниках нет ничего, что свидетельствовало бы об имперских притязаниях во второй половине 1430-х гг.

В последний год правления Василия II (1461—1462) у него появилась новая печать. Изображение Гелиоса на колеснице четверкой осталось, но на оборотной стороне восковой печати, прикладывавшейся к договорам, теперь было оттиснуто другое изображение. С наружной стороны новая печать была продолговатой, как и старая с Гелиосом на колеснице, а каменная вставка — восьмиугольной. В драгоценный камень врезано изображение льва, атакующего змия. На первый взгляд невозможно определить, где аверс, а где реверс этой двойной печати, поскольку надпись на каждой стороне одинакова: «Печать великого князя Василья Васильевича»⁵⁷. Откуда попал к Василию II этот необычный камень и что должно было означать изображение, пока неясно. Образцы с такой иконографией нигде не обнаружены, не связана она и с классической мифологией. Наиболее близкая античная параллель — это столь же загадочное изображение льва, атакующего дельфина, известное лишь в единственном экземпляре⁵⁸.

⁵⁴ СГГД, т. I, с. 170, 176 (Табл. II, № 4), 184, 189, 201.

⁵⁵ Описания нескольких таких перстней-печатей помещены в кн.: Catalogue of the Collection of Antique Gems (Southesk Collection), I, London, 1908, Plate IV, D.-1 and p. 53; G. Richter. Catalogue of Engraved Gems, Rome, 1956, Plate XL, № 281 and p. 279. Камень очень похож на изображения русских печатей.

⁵⁶ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 115—116; см. также с. 97, 103. Миниатюра XVI в. из Царственной книги, изображающая венчание на царство Ивана IV, помещена в кн.: История русского искусства, т. III, с. 601.

⁵⁷ СГГД, т. I, с. 206, 208 (Табл. II, № 5).

⁵⁸ G. Lippold. Gemmen und Kameen des Altertums und der Neuzeit. Stuttgart, n.d., Pl. LXXXV, № 4. Г. Липпольд определил его как греческий, IV в. до н. э., хотя и не привел никаких обоснований для столь точной датировки. Проф. Канторович вспомнил, что видел еще один экземпляр в Бостоне, но последующие розыски показали, что это тот же самый, что был описан Лип-

При московском дворе, возможно, вкладывали определенный символический смысл в изображение льва, пожирающего змия. Обычно змий ассоциируется со злом. Лев является самым благородным из зверей, почитаемым за силу и бесстрашие; эти его качества широко известны и признаны благодаря надписям и популярным изображениям.

Великий князь считал мотив льва со змием чем-то большим, чем просто личным знаком на печати. Можно предположить, что он символизировал триумф Василия II и его сына над их родичем князем Дмитрием Шемякой Галицким, проигравшим недавно завершившуюся войну за престол. При этом Василий II обнаруживает стойкое пристрастие к изображению Гелиоса. Иван III не употребляет этой эмблемы и экспериментировал с резными драгоценными камнями, которые отбирал сам. В начале своего правления он демонстрирует явное предпочтение к камню, также несшему царскую символику. Крылатая фигура, легко отождествляемая с ангелом, держит высоко в правой руке диадему, венчая ею фигуру, которую можно считать изображением князя, поскольку в левой руке она держит либо поднятый вертикально меч, либо скипетр⁵⁹. В греко-римском мире эту композицию считали бы изображением крылатой Победы, венчающей Тихе или Гермеса⁶⁰. Был краткий период, около 1463 г., когда Иван пользовался драгоценным камнем с изображением двух всадников, приближающихся друг к другу, но потом он отказался от него⁶¹. Возможно, в этом изображении слишком явно прослеживался мотив всадника, которым пользовались правители Твери, а к равенству с ними Иван III едва ли мог стремиться. После этого по крайней мере до 1468 г. Иван остановился на изображении крылатой Победы. Временами этот мотив встречается на односторонних восковых печатях, но чаще он сочетается с изображением льва со змеей на реверсе восковой печати. Всякий раз, когда по повелению Ивана III к договору прикладывалась односторонняя печать с гладким реверсом, на ней была изображена крылатая Победа, лев со змием изображается только на печати с реверсом. Соответственно, можно заключить, что своим личным знаком великий князь считал первый вариант, но и лев со змием не является необязательным дополнением. Я склонен считать, что этот мотив рассматривался как принадлежность государственной печати. Впервые он появляется в последний год правления Василия II, а исчезает после 1486 г. К сожалению, мы не располагаем великокняжескими договорами с русскими князьями за последующее десятилетие. Ближайшая по времени известная печать на договоре с участием Ивана III относится к 1497 г., она несет изображение двуглавого орла. Впоследствии эта печать вытеснила серебряные печати, прикладывавшиеся к духовным грамотам, и оттиски драгоценных камней на воске, употреблявшиеся для политических соглашений.

польдом. Комбинации льва со змеей, как и льва с дельфином неизвестны в искусстве Византии, западноевропейского средневековья и Ренессанса.

⁵⁹ СГГД, т. I, с. 215 (Табл. II, № 6), 222, 225, 238, 243, 248, 259, 265, 270, 289, 313, 320. Л. В. Черепнин (ДДГ, с. 573) описывает ее как изображение человека с мечом, стоящего против ангела с венком. К. В. Базилевич (Внешняя политика Русского централизованного государства, с. 88) правильно определяет крылатую фигуру как изображение Победы.

⁶⁰ A. Furtwängler. Beschreibung geschnittenen Steine im Antiquarium. Berlin, 1896, № 2571: «Tyche (Moidius, Füllhorn, Steurruder) von Nike bekränzt». Вариант (№ 2566): «Hermes von Nike bekränzt».

⁶¹ СГГД, т. I, с. 217 (Табл. II, № 7), 220.

Все указывает на то, что период начала дипломатических контактов с Габсбургами и был тем временем, когда появился московский двуглавый орел. Великокняжеские печати до 1486 г. явно демонстрируют царскую символику, но мы не видим никакого желания заимствовать эмблему с орлом. Ни женитьба на Софье, ни события 1480 г., ни даже осторожные попытки Ивана III употреблять царский титул не содержат никаких намеков на это. Двуглавый орел, хотя он и восходит к византийскому образцу, возможно, никогда не стал бы главным изображением на московском гербе, не узнай Иван III, что схожая эмблема служила знаком императорского достоинства на Западе.

*Орегонский университет
Пер. И. И. Соколовой*

Н. В. Синицына

**О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОНЯТИЯ «ШАПКА МОНОМАХА»
(К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИЯХ РИМСКО-ВИЗАНТИЙСКОГО
ПРЕЕМСТВА В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ XV—XVI вв.)***

Своеобразие творческого пути В. Т. Пашуто, широкий (и хронологически, и тематически) диапазон научных интересов привели его к участию в работе Международного семинара исторических исследований «От Рима к третьему Риму», организованного в 1981 г. Римским университетом с целью изучения историко-политических идей древности и Средневековья, историко-культурной традиции, свидетельствующей об общности европейских народов и их судеб. На первое заседание семинара (1981 г.) Пашуто представил доклад, опубликованный в его трудах¹, поддержал предложение о подготовке к изданию совместно с Римским университетом сборника документов по истории русской общественно-политической мысли (на языке оригинала с итальянским переводом) «Идея Рима в Москве XV—XVI века»², руководил работой советской части редколлегии. Этот сборник позволяет на новом источниковедческом уровне решать проблемы генезиса и эволюции концепции «третьего Рима», неослабевающий интерес к которой проявляет историография, советская и зарубежная.

Настоящие краткие заметки — результат анализа одного из документов в составе этого сборника, а именно Чина поставления на великое княжение в 1498 г. Дмитрия Ивановича, внука великого князя московского Ивана III. Памятник иногда называют Чином венчания, что неточно, так как в тексте этого термина нет, речь идет о «поставлении» на великое княжение. Памятник, специально не исследовавшийся, важен для изучения генезиса и начальных этапов эволюции концепций римско-византийского преемства в политической идеологии эпохи централизации (XV—XVI вв.). В историографии достаточно распространено мнение о переходе к России и ее столице Москве после падения Константинополя в 1453 г. роли центра христианско-православного мира, о более активном в связи с этим освоении византийского политического «наследия», а также о роли брака Ивана III с Софьей Палеолог. Анализ памятников показывает, что генезис, эволюция, содержание концепции римско-византийского преемства в составе русской общественно-политической мысли XV—XVI вв. были гораздо более

* Печатается по изд.: Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989.

¹ *Pašuto V.* Mosca — Terza Roma. Storiografia e bibliografia // Roma — Costantinopoli — Mosca. Atti del I Seminario internazionale di studi storici «Da Roma alla terza Roma». Napoli, 1983. P. 459—473.

² См. вступительную речь проф. П. Каталано: La nozione di «romano» tra cittadinanza e universalità. Atti del II Seminario internazionale di studi storici «Da Roma alla terza Roma». Napoli, 1984. P. XXI.

сложными; концепция не возникла сразу в готовом виде, но формировалась постепенно, в несколько этапов.

Достаточно обратить внимание на то, что русские летописные своды второй половины XV в. ограничиваются, как правило, краткой информативной записью о падении Константинополя, без каких-либо комментариев (гораздо более пространно излагается тема Флорентийской унии), или на то, что одна из главных государственных регалий далеко не сразу определяется как «шапка Мономаха», будучи первоначально просто «шапкой». Самый ранний памятник, где «шапка» называется Мономаховой, — Чин поставления Дмитрия-внука, однако в некоторых его редакциях она именуется просто «шапкой». Необходимо установить соотношение между редакциями и выявить первоначальную.

Можно выделить четыре редакции Чина. Две из них имеют повествовательный характер, описывая происходивший в действительности обряд; две другие, хотя и содержат элементы повествования, представляют собой инструкцию-формуляр, как должно его совершать (здесь говорится «уготовити», «учинити» вместо «уготовили», «учинили»).

Одну из редакций назовем Повествовательной (условное обозначение П), другую, носящую такой же характер, но более краткую — Летописной (условное обозначение Л). Редакция П известна в двух списках — середины XVI в. (ГПБ. Погод. 280)³ и конца XVI в. (ГИМ. Муз. 3726)⁴. В Погод. 280 Чин помещен в конце рукописи (Л. 284—286 об.) и не имеет конца, так как последний лист утрачен. Конец сохранился в Муз. 3726 и содержит важную информацию, еще не введенную в научный оборот, хотя этот список Чина известен⁵.

Редакция Л представлена (почти без изменений) в Уваровской, Софийской II, Львовской, Воскресенской, Иоасафовской и Никоновской летописях⁶.

Одна из двух формулярных редакций (Ф I) вписана в пергаменный сборник XIV в. ГИМ, Син. 675, она же известна в сборнике смешанного содержания ГПБ, Соф. 1454 второй четверти XVI в.⁷

Другая формулярная редакция сохранилась в сборнике 40-х годов XVI в. ГИМ, Чуд. 264⁸, условное обозначение Ф II-Ч. Определение ее происхождения особенно важно, так как в этом же сборнике сохранилось одно из произведений цикла «Сказания о князьях владимирских», а именно «Повесть об Августе» (или Чудовская повесть), которую А. А. Зимин и вслед за ним ряд других исследователей предположительно относят к концу XV в., считая, что она была создана в связи с венчанием Дмитрия в 1498 г.; одним из аргументов выступает факт переписки ее в одном рукописном сборнике с Чином венчания Дмитрия (без определения соотношения этой редакции Чина с остальными)⁹.

³ Филигрань «рука» — Лихачев № 1751—1753, 1551 г. Публикация Чина по этому списку: ЛЗАК. СПб., 1865. Вып. 3. Прил. С. 12—17.

⁴ Краткое описание рукописи см.: Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952. С. 119.

⁵ Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 297.

⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 330—331; СПб., 1852. Т. 6. С. 241—242; СПб., 1910. Т. 20, 1-я пол. С. 366—368; СПб., 1859. Т. 8. С. 234; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 134—137; СПб., 1901. Т. 12. С. 246.

⁷ Публикация по списку Син. 675 (с вариантами по списку Погод. 280): Чтения ОИДР. 1883. № 1. С. 32—38; по Софийскому списку: ЛЗАК. СПб., 1865. Вып. 3. С. 17—19.

⁸ Не опубликована.

⁹ Зимин А. А. Указ. соч. С. 149—153.

Чин не подвергался специальному текстологическому анализу, лишь Я. С. Лурье сделал несколько замечаний о соотношении различных его списков (без их классификации, ограничившись указанием на их повествовательную или программно-формулярную форму). Он справедливо выделил несколько важных различий между списками по содержанию: 1) наличие или отсутствие определения шапки как «Мономаховой»; 2) различный объем прерогатив Дмитрия (его жалуют, по одним спискам, «княжением владимирским и московским и новгородским», в других списках новгородское отсутствует; в поучении внуку Иван III говорит, что пожаловал его «великим княжеством», но в ряде списков поучение отсутствует); 3) царская тема (в одних списках Дмитрий упоминается как «земный человек ... царем сотворенный», в других списках нет этого текста, как и наименования царем Ивана III). Лурье склонен считать первоначальным «вариант» Чина с упоминанием шапки Мономаха и наличием других «почетных подробностей», т. е. летописный текст, редакцию Л, по нашей классификации (и, возможно, Чуд. 264, хотя окончательного вывода о характере текста по этому списку Лурье не формулирует). Удалить же упоминание о венчании Дмитрия шапкой Мономаха и другие «почетные подробности», по мнению Лурье, «естественнее всего было именно задним числом, когда Дмитрий был заточен, а затем и умерщвлен по приказу его дяди и счастливого соперника Василия III»¹⁰.

Анализ текста, осуществленный в ходе подготовки к изданию вышеназванного сборника документов, а также введение в научный оборот окончания редакции П заставляют сделать противоположный вывод — о первоначальном характере редакций П и Ф I, где упоминается просто «шапка».

Только в редакции П имеются особенности, подавляющее большинство которых может быть объяснено лишь одним способом: близостью ее к описываемым событиям и принадлежностью составителя к партии Дмитрия и его матери Елены Волошанки. Следующие сообщения имеются лишь в П и отсутствуют в Л, Ф I и Ф II-Ч (по порядку их расположения в тексте).

1) Детали убранства места, где происходила церемония.

2) Упоминание при описании самого начала церемонии о присутствии на ней сыновей Ивана III князя Юрия и князя Дмитрия, причем специально оговаривается, что они стояли «ниже» внука Дмитрия «на степенях»; отсутствие соперника Дмитрия князя Василия сразу бросается в глаза. В остальных редакциях соответствующего фрагмента нет, и здесь возможен лишь один текстологический ход — в сторону удаления текста, ставящего сыновей Ивана III «ниже» внука; всякая акцентировка данного обстоятельства после победы Василия III была бы для него неблагоприятна. В дальнейшем повествовании сыновья Ивана III упоминаются в более нейтральном контексте, этот фрагмент есть и в других редакциях (они поздравили обоих великих князей, деда и внука, князь Юрий осыпал великого князя Дмитрия золотыми и серебряными монетами).

3) Максимально широкий объем прерогатив Дмитрия: в первой речи к митрополиту Иван III благословляет внука «при себе и опосле себя великим княжеством володимирским и московским, и новгородским, и тверским». В остальных редакциях тверское княжение отсутствует вообще, в Ф I речь идет о великом княжении владимирском и новгородском (в заключительной части добав-

¹⁰ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.: Л., 1960. С. 384—386. Этот вывод принял А. А. Зимин (Указ. соч. С. 153).

лено московское, а также «и всея Руси»), в Ф II-Ч — о московском и владимирском, а в его заключительной части — как в Ф I. Текст П с максимально широкими прерогативами и в особенности с уникальным упоминанием тверского княжения может относиться лишь к периоду до опалы Дмитрия.

4) Упоминание имени матери Дмитрия Елены.

5) Наличие речи Ивана III к «братаничам» Федору и Ивану Борисовичам, призывающей их быть послушными великому князю Дмитрию.

6) Заключительный текст редакции П, известный лишь по списку Муз. 3726 (конец речи к «братаничам» и дополнение): «...бы то было ведомо, как естя мне послушны, тако бы естя были послушны внуку моему великому князю Дмитрию. Да послал князь великий объявляти, что благословил внука своего великим княжением, на Рязань и во Псков, и в Новгород Великий ко архиепископу и к наместником послал грамоты. А в Казань ко царю к Абды-Летифу от великого князя Дмитрея со князем Василием Нодроватым приказано: челом биет. Писано на Москве лета 7006-го февраля 4 день в неделю о мытаре и фарисеи ставление великого князя Дмитрея Ивановича всеа России». Фрагмент, изобилующий столь важными подробностями, придающими происшедшей церемонии дополнительное политическое значение, может принадлежать лишь ранней редакции памятника и партии Елены и Дмитрия. Здесь выразителен набор пунктов: Рязань и Псков, еще не вошедшие в состав единого государства, Новгород; не менее показательное «объявление» в Казани и употребление формулы «челом биет»¹¹.

Следовательно, можно сделать вывод, что редакция П составлена до опалы Елены и Дмитрия, в кругах их сторонников. Определение шапки как Мономаховой здесь отсутствует.

Из двух формулярных редакций ближе к П оказывается Ф I. Основное смысловое различие между Ф I и Ф II-Ч, отмеченное в литературе, состоит в том, что в Ф I упомянута просто «шапка», в Ф II-Ч она — Мономахова. К этому следует добавить, что «три стулы» в Ф I, предназначенные великому князю, внуку и митрополиту, в Ф II-Ч имеют определение «царских». Далее, название текста в Ф II-Ч по сравнению с Ф I придает ему программный характер, превращая единственный случай (поставление Дмитрия) в великокняжеское поставление как таковое: «Чин поставления на великое княжение православным князем руским», что позволяет предположить вторичный характер данной редакции; это подтверждается сопоставлением текстов.

Случаи расхождения между Ф I и Ф II-Ч были проверены по П (в особенности наиболее текстологически значимые, т. е. когда имеют место лексические варианты или стилистические распространения текста), при этом оказалось, что Ф I в случаях расхождения с Ф II-Ч либо целиком совпадает с П, либо значительно ближе к ней, чем Ф II-Ч. Ограничимся несколькими примерами.

№ пп	П	Ф I	Ф II-Ч
1	уготовили	уготовили	достойно есть уготовати
2	на чем	на чем	на нем

¹¹ О формуле «челобитья» см.: Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979.

3	три стулы	три стулы	три стулы царьских
4	да внуку	да внуку	да его внуку князю Дмитрею Ивановичу
5	и облечеса митрополит... в освященны одежда	и облечется митрополит... в священны одежа	да его внуку князю Дмитрею Ивановичу
6	покрыли ширинкою	покрыти ширинкою	митрополит же облачится во свой сан
7, 8 ¹²	на своих местах	на своих местех	покрыты фатою
9	старина наша то и до сих мест	старина наша то и до сих мест	по своим местам искони века даже и до сих лет
10	многолетие великому князю Иоанну, благоверному и христолюбивому и богом избранному и богом почтенному великому князю Иоанну Васильевичу	многолетие великому князю Иоанну, благоверному и христолюбивому и богом избранному и богом почтенному великому князю Иоанну Васильевичу	многодетно устрой боже благовернаго и благороднаго и христолюбиваго, богом почтеннаго и богом избраннаго державнаго государя нашего великаго князя Ивана Васильевича

Последовательный на протяжении всего памятника характер данного текстологического слоя говорит о близости Ф I и П и о вторичном характере Ф II-Ч. Об этом же свидетельствуют и другие особенности Ф II-Ч: текст здесь приобретает заглавие, придающее ему не частный, а обобщающий характер, стилистически обрабатывается, расширяется (часто добавляются и повторяются имена великого князя и внука, название церкви, где происходила церемония, и т. п.).

Различие между Ф I и П состоит в том, что Ф I имеет последовательный инструктивно-формулярный характер, глаголы употреблены в инфинитиве или настоящем времени (выражая в этом случае действия, которые надлежит совершить), а в П, хотя изредка эти формы и сохраняются, но в целом все повествование дано в прошедшем времени. Вероятно, редакция Ф I восходит к реальной инструкции поставления Дмитрия, однако она переписана уже после церемонии (в самом конце перечислены церковные иерархи, которые «на том поставлении были»). П — литературная обработка, сделанная в кругах Дмитрия — Елены, а именно дополнение вышеперечисленными подробностями; о том, что это дополнение, свидетельствует и переписка, уже после перечня иерархов, речи Ивана III к «братаничам» с призывом быть послушными Дмитрию; далее идет сообщение об «объявлениях» в Рязани, Пскове, Новгороде и Казани. Обе эти редакции можно датировать около 1498 г.

Ни в той, ни в другой шапка еще не называется Мономаховой. Она приобретает такое определение лишь в Летописной редакции Чина (Л)¹³ и в Чудовском сборнике (Ф II-Ч). Однако текстологически Л связана не с Ф II-Ч, а с П и Ф I, хотя Л сокращена и стилистически переработана. В ряде случаев тем не менее текстологическое сопоставление возможно. Так, из 10 вышеприведенных различий

¹² Два случая.

¹³ ПСРЛ. Т. 28. С. 330—331. Здесь определение «Мономахова» вписано на поле тем же почерком и теми же чернилами, что и текст.

между П, Ф I и Ф II-Ч в одном, последнем случае стилистическая переработка в Л не позволяет делать выводов о близости ее к тому или иному тексту, а также отсутствует текст с разночтением б. Остальные разночтения сближают Л с П и Ф I; следовательно, на основе Ф II-Ч редакция Л создана быть не могла, во всяком случае определение шапки не заимствовано в Л из Ф II-Ч.

Еще одно выразительное разночтение отличает Л от П. В П отсутствует молитва «во услышание всем», приведены лишь ее начальные слова и имеется помета «вся до конца», в Ф I и Ф II-Ч, как и в Л, она имеется. Если предыдущие разночтения связывали Л с П и Ф I против Ф II-Ч, то «молитва во услышание всем» связывает Л с Ф I против П.

Отсутствием в П полного текста молитвы «во услышание всем» объясняется и отсутствием здесь текстов о том, что бог «благоволил» Дмитрия «воздвигнути царя» и о «царском скипетре»; Лурье объяснил это «удалением почетных подробностей» и вторичным характером текста. Названные фрагменты находятся именно в составе полного текста молитвы. Так же представлены в П и другие молитвы (начальные слова и помета «вся до конца»). Следовательно, отсутствие в П «царских» текстов — не следствие удаления «почетных подробностей» (их в П вполне достаточно), а особенность цитирования текста молитв и к царской теме отношения не имеет.

Индивидуальная особенность Л, отличающая ее от остальных редакций, усиливает «царскую тему». В «молитве втай» упомянут «земной человек... царем сотворенный» (имеется в виду Дмитрий, не названный по имени). Здесь же Иван III назван «царем» (в других редакциях этого нет), а шапка — «Мономаховой», упомянуты «царские стулы». Можно сделать вывод, что Л создавалась на основе текста, близкого к Ф I, а слова про «царские» стулы — наименование царем Ивана III, определение шапки как Мономаховой, включение (возможно, из другого источника) «молитвы втай», сохранение полного текста молитвы «во услышание всем» принадлежат составителю Летописной редакции, которая впервые появляется в своде 1518 г.; близость Л к событиям 1498 г. не подтверждается (в П «царская тема» полностью отсутствует, в Ф I представлена лишь в молитве «во услышание всем»). Включение Чина в летопись — результат интереса не к личности Дмитрия, а к церемонии, объектом которой он был. Не исключено, что в это время возникает мысль о царском венчании Василия III.

Чудовская редакция Чина (Ф II-Ч) составлена либо в конце второго десятилетия, либо даже позднее, в 40-е годы, в связи с подготовкой венчания Ивана IV. Во всяком случае, ее вторичный характер по отношению к двум редакциям 1498 г. бесспорен, а определение шапки как Мономаховой — не результат непосредственной связи с Л, а, скорее, традиции, возникшей на ее основе. Таким образом, тот аргумент в пользу раннего (конца XV в.) происхождения «Повести об Августе» и ее связи с событиями 1498 г., который исходит из факта ее переписки в составе Чудовского сборника вместе с Чином, должен быть снят, как и утверждение о венчании Дмитрия «шапкой Мономаха».

В кратком летописном рассказе о поставлении Дмитрия, который предшествует Летописной редакции Чина¹⁴, говорится об использовании в ходе обряда Мономаховых барм (ни в одной из редакций Чина бармы не называются Мономаховыми). Этот рассказ восходит к «великокняжескому своду 1500 г.», фрагменты которого сохранились в составе более поздних сводов и в более поздних спи-

¹⁴ См. примеч. 6.

сках¹⁵; главный атрибут церемонии — шапка — не названа здесь Мономаховой. Добавим к этому, что фрагмент официальной великокняжеской летописи за 1498—1500 гг. в рассказе о поставлении Дмитрия сообщает о дарах Ивана III внуку, и среди них упоминаются предметы, которые окажутся среди почетных регалий в цикле «Сказания о князьях владимирских», но в летописи они еще не претендуют на древнее происхождение, мысль об их изначальной принадлежности императору Августу появится в цикле «Сказания»: «сердоличная коробка» превратится в «крабицу сердаликову, из нея же Август, кесарь римский, веселящися», появится «ожерелье», которое Август «на плещу свою носяще», возможно, тождественное бармам (оплечью) Мономаха¹⁶.

Разграничение «Мономаховых барм» и просто «шапки», не имеющей аналогичного определения, скромная характеристика даров Ивана III внуку, без удревания их происхождения и возведения к Августу — в официальном великокняжеском летописании, как и отсутствие понятия «шапка Мономаха» в наиболее ранней редакции Чина поставления Дмитрия, созданной около 1498 г., свидетельствуют, что концепция римско-византийского преемства московского великокняжеского дома, не говоря уже о еще более удревающей его римско-византийской генеалогической легенде, не существовали в конце XV в. в полном объеме и законченном виде, но находились в стадии формирования.

Включение в летописный свод 1518 г. Чина поставления Дмитрия, причем в редакции, усиливающей «царскую тему», где главный атрибут церемонии впервые именуется шапкой Мономаха, стоит в ряду с такими идеологическими предприятиями второго-третьего десятилетий XVI в., как появление цикла «Сказания о князьях владимирских», где речь идет о передаче на Русь византийских императорских регалий, но вместе с тем и о более древней генеалогии русских князей, возводящей их к императору Августу, создание Русского хронографа, включившего русскую историю в русло мировой, послание Филофея Псковского с изложением концепции «третьего Рима». Серьезные изменения внутривизантийской и внешнеполитической ситуации выдвигали новые идеологические задачи¹⁷. Для легитимизации, историко-правового обоснования царской принадлежности московских великих князей, неотделимого от утверждения международного престижа Русского государства, необходимо было утвердить и преемственную связь с так называемым византийским наследием и независимость от него, найти более древние (пусть легендарные) корни; сопоставление и противопоставление должны были парадоксально сосуществовать. Эти сложные задачи — и в комплексе, и в отдельности — решают названные памятники, в которых тема римско-византийского преемства занимает значительное место.

¹⁵ ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 531; Клосс Б. М. Вологодско-пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники, 1976 г. М., 1976. С. 279—280; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 252—254. На основании этого рассказа Лурье делал осторожное заключение, что во время обряда венчания «впервые появились регалии, связанные с именем Мономаха» (Лурье Я. С. Идеологическая борьба... С. 386), а в более поздней работе определенно писал о венчании Дмитрия шапкой Мономаха (Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 252—254).

¹⁶ Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 164, 177, 198.

¹⁷ Sinicya N. V. Les conditions historiques où s'est formée l'idée de «Troisième Rome» et son sens initial // Atti del III Seminario internazionale di studi storici «Da Roma alla terza Roma». Napoli, 1986. P. 497—519.

И. Забелин

**АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА
(РЕШЕНИЕ ВОПРОСА О ЦАРСКОМ МЕСТЕ,
ИЛИ ТАК НАЗЫВАЕМОМ МОНОМАХОВОМ ТРОНЕ,
В УСПЕНСКОМ СОБОРЕ)***

(по рукописи Погодинского древлехранилища)

В Успенском соборе, у южных дверей, стоит узорочное деревянное Царское место, о котором доселе нет положительных известий, кем и когда оно устроено. В начале нынешнего столетия его называли Мономаховым, единственно по изображениям, которыми оно украшено и которые представляют историю присылки царских регалий Владимиру Мономаху от греческого императора Константина Мономаха. История эта изложена кроме того и в надписи на дверцах места.

Относить этот трон ко временам Владимира Мономаха нет ни малейших оснований. Покойный Малиновский думал также, что *место* могло быть устроено при Великом Князе Иоанне III. Позднейшие археологи с большею вероятностью относили его к началу XVII ст. Впрочем, мысль изобразить в украшениях трона и в надписи историю присылки регалий и венчания на царство Владимира Мономаха едва ли могла принадлежать времени царя Михаила Федоровича, при котором не было уже побудительных причин особенно интересоваться этой историей. В это время изобразили бы скорее всего историю всенародного избрания Михаила на царство (как изобразили ее впоследствии в рисунках), а не Мономахово венчание и присылку регалий. Мысль изобразить на царском престоле последнее событие могла возникнуть гораздо раньше, именно при Грозном, когда возбужден был и самый вопрос о царских регалиях и вообще о царском *сане*, столько интересовавший первовенчанного Московского царя. Ниже мы увидим, что этот трон действительно был устроен при царе Иване Васильевиче в 1551 году.

Просматривая один рукописный сборник библиотеки М. П. Погодина, заключающий в себе разные исторические послания XVI века, мы встретили небольшую статью (4 листка в 4-ку), названную *Отрывком о венчании на царство всероссийское*. Статейка показалась нам знакомою: она содержит в себе список, или, может быть, проект надписи, находящейся на упомянутом Царском месте, или Мономаховом троне. Этот список надписи начинается словами библейского текста: *Рече Господь азъ избрахъ тя Царя и взяхъ тя за десную твою руку* и пр., которые вырезаны по венцу или подзору трона. Затем в списке следует повествование о

---

* Печатается по изд.: Москвитянин. 1850. № 11. Кн. 1. Отд. III. С. 53—56.

получении Владимиром Мономахом из Греции царских регалий, вырезанное в четырех клеймах на дверцах трона¹. На самом троне надпись этим и заключается. Но в списке есть любопытное продолжение, которое или намеревались вырезать на троне, или оно было уже вырезано на какой-либо его части и впоследствии утрачено. Продолжение надписи заключается в следующем:

«Благоволениѣмъ, иже Вездѣсущаго Бога въ Троицы славимаго, неизрѣченной силою вся содержащаго Содѣтеля Владыки всей твари, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ, иже неизрѣченнымъ Его Промысломъ, и превеликою Его Благодатью, и превысокою Его мышцею и Вседержительною десницею Господа нашего Иисуса Христа, ситце благоизволеніемъ совершеннымъ, въ Богоспасаемомъ православномъ и въ великомъ преименитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, во святей соборней и Апостольстей церкви Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, честнаго и славнаго Ея Успенія, преславно вѣнчанъ бысть на царство всея Руси, сія дръжавы благочестивый и боговѣнчанный Царь и Государь благоверный Великій Князь Иванъ Васильевичъ, Владимирскій, и Московскій, и Ноугородцкій, и Псковскій, и Смоленскій, всея Руси Самодержецъ, по закону совершеннаго Царьскаго поставленія и всесвященнаго миропомазаніемъ, на престолѣ древняго достоянія отеческаго благословенія и прародительскаго его наслѣдія, благословеніемъ и рукоположеніемъ первосвященника Преосвященнаго Митрополита всея Руси киръ Макарія и всего, яже о немъ, пречестнаго и святаго и освященнаго собора и преименитаго свѣтлаго Царьскаго синклита; еже бысть въ лѣто 7055-го генваря 20; шестое надѣсять лѣто отъ рожества его. Якожъ свидѣтельствуєтъ о немъ въ лѣтописанѣ о царьскомъ ихъ поставленѣ на златоукрашенныхъ взтворехъ мѣста сего. Сіе же Царьское мѣсто, еже есть престолъ устроенъ бысть въ лѣто 7060 (1551) мѣсяца Сентевріа въ 1 день, въ пятое лѣто державы Царства и государства его».

«Подъ мѣстомъ Царя и Государя Великаго Князя звѣрь, а ему три имяна: *лютой, левъ, скиментъ*; второй звѣрь *уена*², третей *орель*, четвертой *оскороганъ*, пятой *оскороганъ* же».

Таким образом, это любопытное известие разрешает все недоразумения о времени устройства царского престола.

Что же касается до упомянутых зверей, то древняя опись собора, а вместе с нею и позднейшие описатели его достопамятностей не заметили их различия и называли *львами*. Один только «Путеводитель к древностям и достопамятностям Московским и пр. М. 1792» говорит, что «Императорское мѣсто... на рѣзныхъ деревянныхъ различныхъ родовъ звѣряхъ». Действительно, несмотря на чрезвычайно грубую отделку этих фигур, нельзя не заметить их различия³. Так, фи-

¹ Памятники Моск. Древности, соч. И. М. Снегирева М., 1841—1845. С. 27—28. В сочинении г-на Снегирева надпись сначала снята с дверец, потом с подзора; но в списке она расположена иначе и, по нашему мнению, правильнее. По сличении печатного текста надписи со списком открылись некоторые, впрочем не очень значительные, варианты. Заметим один более других важный: в надписи на подзоре, в печ. стр. 28: «И дамъ гоби на земли на умноженіе плодовъ» — в списке: «И дамъ тобѣ» и пр. Вообще же нужно заметить, что список писан довольно небрежно.

² По древним словарям: *уена* звѣря окрутное, без оберненья шыи (П. Берында). *Уена* есть звѣрь дикій, окрутный... (Зизаний), *Уена*, медвѣдица, рысь (Азбуковник). В сказ. Рус. нар., Сахарова. Т. II.

³ Оно видно даже и на рисунке трона (см. в Памятниках Моск. Древности, стр. 27), где изображены внизу под углами трона гена и оскороган.

гура, находящаяся под правым передним углом трона, судя по величине головы, должна представлять *льва*; другая фигура, под правым задним углом, изображает *уену* с высунутым из пасти довольно длинным языком. Остальные два зверя, сходные между собою по острым мордам, по всему вероятно (неизвестные нам), *оскроганы*. Двуглавый орел утвержден на самом верху трона.

Нет никакого сомнения, что помещение именно этих зверей под Царским престолом не могло произойти случайно. Звери и самый выбор их скрывают какие-либо символы, доселе еще не разъясненные и вместе со многими другими символическими изображениями представляющие любопытный вопрос для нашей археологии.

В. М. Живов

ИСТОРИЯ РУССКОГО ПРАВА КАК ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В своей работе «‘Договор’ и ‘вручение себя’ как архетипические модели культуры» Ю. М. Лотман (1981a) показал глубокую зависимость восприятия основных юридических категорий от типа культурного сознания и дал анализ того, как тип культурного сознания обуславливает характер функционирования права. Таким образом, различие юридических институтов России и Запада оказалось поставленным в связь с различиями семиотических механизмов соответствующих культур. Данная работа основана на том же подходе, т. е. история права рассматривается в ней в связи с функционированием культурно-семиотической системы.

I. Становление русского юридического дуализма и взаимоотношения русского и церковнославянского права в древнерусский период

1. Проблема дуализма в сфере права

Основной вопрос, встающий при анализе взаимодействия права и культуры в России, состоит в определении того, в каком отношении к русскому культурному и религиозному дуализму (см. о нем: Лотман и Успенский 1977) находится право. Для этой проблемы кардинальное значение имеет тот факт, что наряду с правом на русском языке в России имели хождение юридические тексты на церковнославянском языке. Наряду с такими памятниками, как Русская Правда, Новгородская и Псковская судные грамоты, Судебники, Уложение 1649 г. и т. д., в России переписывались и распространялись памятники византийского законодательства в церковнославянском переводе. Речь идет не только о памятниках канонического права, но и о светских юридических памятниках, таких как — прежде всего — Эклога («Леона царя премудраго и Константина верною царю главизны») и Прохирон («Закон градский»)¹. Наряду с Эклогой и Прохироном имеется еще ряд светских юридических памятников на церковнославянском языке. Сюда относятся выборки из Юстинианова корпуса (Кодекса, Дигест и Новелл), входящие в Кормчие и Мерила Праведные². К этой же категории принадлежит Зем-

¹ См. эти памятники в МП, л. 165 об.— 195, 231—331; Кормчая 1653, гл. 49, 50, л. 404—520 об.

² «От различных титул рекше Грании Иоустиньяна цесаря...». «От книг божественных повелений божественныя кончины цесаря Иоустиньяна» — см. МП, л. 130 об.— 142 об., л. 142 об.— 165 об.; Кормчая 1653, гл. 42, 44, л. 300 об.— 333 об.; 349—362 об.

ледельческий закон (Νόμος γεωργικός), входящий в состав Книг законных наряду с XI, XXVI и XXXIX титулами Прохирона (см. издание: Павлов 1885), и законы Алексея Комнина («Новая заповѣдь бывшая от христолюбиваго цесаря Алексия Комнина» — см. МП, л. 198—201; Кормчая 1653, гл. 43, л. 336 об.— 341 об.). Сюда же относится и краткая редакция Закона судного людем (см. издание: Тихомиров 1961); в ней, впрочем, наряду с уголовными наказаниями указываются епитимьи, поэтому можно думать, что она служила руководством для духовников, и «светские» наказания приводятся в ней лишь для сведения; в этом случае данный памятник следует поставить в один ряд с переводом пенитенциалов и с другими руководствами по покаянной дисциплине и, следовательно, исключить из числа светских юридических памятников³. В этот же ряд можно поставить и «Избрание от закона богомь данаго Израилю тож Моисеємь о судѣ» (МП, л. 118—125 об.; Кормчая 1653, гл. 45, л. 363—381 об.); это ветхозаветные, а не византийские юридические нормы, но они изложены на церковнославянском языке и переведены с греческого (ср. Папастасис 1978, 87—96). Обзор церковнославянских переводов византийского законодательства см. у Н. Рождественского: Рождественский 1843, 6—60. Для исследования церковнославянской юридической терминологии, предпринимаемого в настоящей работе, непосредственное значение имеют, конечно, и памятники канонического права, поскольку в языковом отношении они составляют одно целое с памятниками византийского гражданского законодательства. Таким образом, уголовное или вещное право излагалось в кодексах двух видов: в кодексах на русском языке, описывающих — в своей основе — русское обычное право, и в кодексах на церковнославянском языке, излагающих византийские юридические нормы. Один и тот же казус, следовательно, получал — в плане выражения — два разных лингвистических описания и — в плане содержания — две разных юридических интерпретации.

Для установления места этих двух юридических систем в истории русского права и в формировании русского юридического сознания определяющее значение имеют характеристики плана выражения. Действительно, оппозиция русского и церковнославянского связана с целым рядом других оппозиций, основополагающих для русского культурного сознания (культуры — быта, божественного — человеческого, сакрального — профанного и т. д. — см.: Лотман и Успенский 1975, 199). Именно взаимодействие русского и церковнославянского языков в юридических текстах (как русских, так и церковнославянских) обнаруживает культурный статус этих текстов и общий характер их взаимоотношений⁴. В свою

³ Что касается пространной и сводной редакций Закона судного людем, они осложнены внесением русских статей и поэтому не являются целиком переводами с греческого (в отличие от упомянутых выше текстов). Этот смешанный характер пространной редакции не указывает, однако, на соединение русской и византийской нормы в юридической практике (как полагает, например, Владимирский-Буданов: 1909, 93) — по справедливому замечанию Н. И. Тиктина (1898, 290, примеч. 32), редакция эта «имеет характер... келейно-умозрительного упражнения» (см. ниже).

⁴ В исследованиях по языку права в России обычно рассматривается исключительно язык русских (а не церковнославянских) юридических памятников. Последовательного сопоставления языка русского и церковнославянского права вообще не проводилось. В ряде работ Б. Унбегауна (1957; 1959; 1965) рассматриваются оппозиции русских и церковнославянских юридических терминов в их историческом развитии. Работы эти представляют чрезвычайный интерес, однако они слишком фрагментарны для того, чтобы дать общую картину взаимоотношений

очередь, эти общие характеристики — характеристики культурно-религиозного порядка — лежат в основе самого юридического развития, в частности усвоения русским правом ряда норм византийского права⁵. Занимаясь языком права, мы получаем ключ к самому праву и его религиозно-культурному восприятию: соотношение языков определяет соотношение юридических норм.

В этой перспективе следует обратиться к самому возникновению русского юридического дуализма. Древнейшие русские юридические тексты, прежде всего Русская Правда, ясно указывают на существование древней славянской юридической традиции, которая сложилась еще до появления письменности. По словам Б. Унбегауна (1969, 313), «право это как бы только и ждало введения письма, чтобы быть закрепленным на бумаге»⁶. Как бы ни трактовались отдельные элементы этой традиции — как автохтонные или как заимствованные, — эта традиция в целом носит на себе ясный отпечаток архаического общинно-европейского правового наследия. Как показали Э. Бенвенист (1969) и К. Воткинс (1970; ср. еще Пухвел 1970) для индоевропейских юридических институций, а в недавних работах В. В. Иванов и В. Н. Топоров для славянского права (Иванов и Топоров 1978; Иванов и Топоров 1981), древнейшие юридические тексты обнаруживают следы происхождения из единого синкретического культурного комплекса, в котором право («предправо») сплетено с системой мифопоэтических представлений. Таким образом, можно сказать, что славянское право связано в своих истоках со славянским язычеством. Соответственно, архаическая юридическая традиция является частью языческой культуры. Отсюда проблема столкновения византийского и русского права попадает в более широкий культурный контекст — столкновения христианской и языческой культур.

Специфика того, что произошло в этом конфликте с древним славянским правом, может быть уяснена при сопоставлении данного столкновения с конфлик-

---

русского и церковнославянского юридического языка. Формальным признакам, противопоставляющим русские и церковнославянские юридические тексты, посвящена специальная работа Л. Матейки (1977), справедливо подчеркивающая значимость этого юридического билингвизма. Сами признаки, однако, повторяют общие признаки, противопоставляющие древнерусский книжный язык и церковнославянский язык русского извода. Таким образом, они просто эксплицируют тот вполне очевидный факт, что одни тексты написаны по-русски, а другие — по-церковнославянски, и не дают ничего нового для понимания специфики юридических текстов.

⁵ Известно, что византийское право, а отсюда и право римское, бывшее непосредственной основой византийской законодательной деятельности, существенно повлияло на развитие русского права (см. Крылов 1838, 52—56; Калачов 1850; Сокольский 1868, 20—33, 47—54, 69—70, 106—115; Тиктин 1898; Владимирский-Буданов 1909, 92—93; Филиппов 1914, 107; Бенеманский 1917), как оно повлияло и на развитие права других европейских народов. Однако сам факт влияния или заимствования конкретных норм и процедур ничего не говорит о роли римского права в формировании культурно-юридического сознания, о месте этого права в системе культуры, об отношении к нему населения (все эти параметры, как известно, в разных странах — например, в Северной Италии, Германии и Англии — были глубоко различны). В конечном счете, именно эти общие характеристики определяли судьбы римского права в данной стране и обуславливали рецепцию тех или иных конкретных юридических норм. Уяснение этих параметров очевидно выходит за рамки собственно юридического исследования и требует привлечения культурно-исторических и лингвистических данных, и это обращает нас, в частности, и к исследованию плана выражения.

⁶ Ср. еще аналогичную точку зрения Шахматова, высказанную им в письме к Л. Гётцу (Гётц, IV, 63—63) и поддержанную затем Карским (1930, 20), Виноградовым (1958, 81), Селищевым (1968, 129).

том христианства и язычества в иных предметных сферах или иных культурных ареалах. Так, в собственно религиозной сфере находим два основных варианта. В России язычество теряет культурный статус, но не теряет статуса религиозного, становясь анти-религией (анти-христианством, общением с нечистой силой) и образуя отрицательную (не-нейтральную) религиозную область⁷. На Западе язычество теряет религиозный статус, но не теряет культурного статуса, становясь нейтральной в религиозном отношении культурной традицией (см. Лотман и Успенский 1977; ср. Буасье, I—II). Судьбы языческого в своих истоках права на Западе аналогичны судьбам языческой мифологии: это право сохраняет культурный статус, входя в качестве одного из элементов в религиозно-нейтральную культурную область⁸. В сфере права на Руси не была реализована ни одна из этих схем: как и славянское язычество, древнее право было вытеснено за пределы культуры, но вне культуры оно образовало нейтральную в религиозном отношении область (как и западное право и в отличие от славянского язычества). Таким образом, именно с судьбой права связано то обстоятельство, что религиозно-нейтральная область на Западе выделялась внутри культуры, тогда как в древней Руси она находилась вне культуры.

Специфическая русская юридическая ситуация складывается, видимо, сразу же после крещения Руси. Во всяком случае такой вывод можно сделать из рассказа Повести временных лет под 6504 (996) г. Он может быть, конечно, позднейшей концептуализацией монаха-летописца, стремившегося объяснить, почему в его христианской стране не действует то право, которое она могла бы взять из христианской же империи, давшей Руси веру. Существенно, однако, что летописец воспринимает существующую ситуацию как требующую объяснения, а действующее право — как наследие язычества. Сколь бы мифологичным ни казалось летописное повествование, трудно предположить, что за ним не стояло никаких реальных событий. В летописи рассказывается:

⁷ В качестве отдельных реликтов язычество сохраняется и в народных обычаях Западной Европы, однако там эти реликты не складываются в особую систему, и в силу этого там не образуется столь характерного для восточного славянства **двоеверия**. На Западе рефлекс язычества полностью укладываются в рамках языческого субстрата, осуществляющегося внутри христианской культуры. Последнее явление хорошо известно и восточным славянам, ср., например, перенесение ряда функций Перуна на Бога Отца или на Илью Пророка (Иванов и Топоров 1974, 164—170), функций Волоса на св. Николая, св. Власия или св. Георгия (Успенский 1982), функций Мокоши на Параскеву-Пятницу (Топоров 1975) и т. д. На славянской почве это явление явно противопоставлено консервации язычества в качестве общения с нечистой силой.

⁸ Крайне знаменательна в этой связи возможность прямо противоположного восприятия римского права в России и на Западе. В России римское (византийское) право было целиком воспринято как часть христианской традиции и в рамках русского дуализма соотносилось исключительно с христианскими культурными ценностями (см. ниже). На Западе то же римское право вместе с другими элементами античной культуры попадало в нейтральную культурную область (самое сохранение римских юридических традиций в VII—XI вв. было связано с преподаванием начал права в обычной школе, где оно преподавалось как один из элементов античной образованности в курсе свободных наук — см. Флаш 1890, 104—107). Поэтому на Западе в восприятии римского права могли актуализоваться его языческие корни — как античная мифология, так и римское право могли вызывать протесты со стороны ригористически настроенного духовенства в качестве языческих увлечений, которые не пристали христианскому благочестию (см. о протестах против мифологии: Шперль 1935; Гуревич 1981, 35—36; о протестах против римского права: Блок 1965, 117).

Живаше же Володимѣрь в страстѣ Бжѣи. оумножишася [зело] развоеве. и рѣша епѣпи Володимѣрѣ. се оумножишася разбойници. почто не казниши ихъ ѿн же рече имъ боюся грѣха. ѿни же рѣша кѣмъ ты поставленъ еси ѿ Бжѣи на казнь злымъ. а добрымъ на милованье. достонитъ ти казнити разбойника. но со испытѣмъ. Володимѣрь же отвергъ виры нача казнити разбойники. и рѣша епѣпи и старци. рать многа вже вира то на врѣжьи. и на кониѣхъ бѣди. и рече Володимѣрь [тако боу. и жива^ш Во^лдимѣрь] по ѹстроенью ѿтню и дѣдню (ПСРЛ, I, стб. 126—127; ПВЛ, 161).

Итак, епископы явились к Владимиру и предложили ему судить по византийским законам. Именно византийское уголовное законодательство — родное для епископов, воспринимавших его как часть христианской (византийской) цивилизации (ср. Гётц, I, 200—204), — предусматривало физические наказания (казни), тогда как славянское право предусматривало штрафы (виры). Эти штрафы платились как в пользу потерпевшего, так и в пользу князя (см. обычное выражение «а князю продаю» — например, РП, ст. 37, 38; РП, I, 126; ср. Владимирский-Буданов 1909, 326—327; Сергеевич 1910, 397; Гётц, I, 109). Владимир последовал совету епископов и стал судить по греческим законам. Далее летописец рассказывает, будто снова пришли епископы, теперь вместе со старцами, т. е. с представителями языческого обычая, старины, и сказали, что приходится много воевать, а средств на военные расходы не хватает, поскольку казна лишилась такого дохода, как виры. Я думаю, что упоминанием епископов во второй раз мы обязаны благочестию летописца — совместные действия епископов и старцев представляются маловероятными (Шахматов — Шахматов 1908, 570 — высказывал предположение, что в протографе упоминались одни старцы, ср. Гётц, I, 199). Можно думать, что пришли именно старцы, т. е. представители старой культуры, и с помощью каких-то аргументов (не обязательно с помощью того единственного, о котором сообщает летописец) убедили Владимира вернуться к прежним порядкам (см. подробнее: Гётц, I, 193—211).

Этот момент и надо считать началом юридического дуализма в России. Как видим, в этом первом столкновении двух юридических норм ясно проявилась их религиозная противопоставленность: византийское право воспринимается как часть христианской культуры, славянское — как элемент языческой старины. С этого времени и начинается «борение между Руссом-язычником и Руссом-Христианином, борение, замечаемое во всех почти явлениях юридической его жизни» (Крылов 1838, 54; ср. Ключевский, I, 219—222).

2. Две системы юридической терминологии

Лингвистические данные ясно указывают на специальную противопоставленность двух юридических норм. Вообще говоря, известно, что в период до второго южнославянского влияния оппозиция церковнославянского и русского четко выражена на фонетическом и грамматическом уровне и почти не выражена на уровне лексическом. Церковнославянские лексемы свободно переносятся в русский (некнижный) текст, а русские лексемы — в церковнославянский (при соответствующих видоизменениях формы — см. Шевелов 1968, 206; Успенский 1976а)⁹.

⁹ Обычно называют лишь несколько лексем, которые противопоставляют русский и церковнославянский языки в древнейший период, такие как цсл. *седмица* — рус. *неделя*, цсл. *устыѣ* — рус. *губы* (см. Успенский 1987). В древнейший период порождение церковнославянского текста

Совершенно исключительное положение занимает в этом отношении юридическая терминология. В этой области церковнославянские и русские лексемы последовательно противопоставлены, образуя целый набор коррелянтных пар — русские термины не встречаются в церковнославянских юридических текстах, церковнославянские термины не характерны для древнейших русских юридических памятников. Приведу примеры.

Как показал Б. Унбегаун (1957; 1969, 176—184), в русских и церковнославянских юридических текстах по-разному обозначается свод законов, а вместе с тем и само понятие права, юридической нормы. В русских текстах в этом значении первоначально употребляется термин *правда*, а затем *уставная грамота*, *судная грамота*, *судебникъ*, *уложение*. В церковнославянских текстах эти же понятия выражаются терминами *законъ*, *законоположение*, *заповѣдь* в соответствии с греч. νόμος, νόμοθεσία, διάταξις. Примеры на термин *законъ* см. у Б. Унбегауна (Унбегаун 1969, 180). Для термина *законоположение* см., например, «Новую заповедь Алексея Комнина», МП, л. 198: «Вѣтхѡк и старѡк законѡположеніѡ. ѡже ѡ обрѣченіи їѡ брацѣ...» То же слово может относиться и к церковным канонам, причем и в памятниках русского происхождения (ср., например, в Определениях Владимирского собора 1274 г.: «ѡще нашѡмоу законѡположенію противѣтьсѣ...» — РИБ, VI, стб. 96). О термине *заповѣдь* см. Васильевский 1886, 329 (соображения Васильевского о термине *законъ* в применении к славянскому материалу не представляются убедительными). Термин *уставъ* встречается в данном значении как в русских, так и в церковнославянских текстах, однако можно думать, что в русских текстах он представляет собой рано освоенный славянизм¹⁰.

ус. губы (см. Успенский 1987). В древнейший период порождение церковнославянского текста осуществлялось, видимо, как пересчет от разговорного языка к книжному по ряду заданных признаков. Число таких признаков не могло не быть ограниченным. Книжник держал в памяти **правила** пересчета, и естественно, что правила эти относились преимущественно к фонетике и грамматике, а не к словарию, представляющему собой открытое множество.

¹⁰ При определении функционирования термина *уставъ* надо иметь в виду следующие общие соображения. Если в новое время юридический акт (законоустановление), как правило, предшествует юридической практике, то на начальных этапах юридического развития именно юридическая практика является первичной, тогда как законодательные акты лишь фиксируют сложившийся порядок вещей. Таким образом, в этот период закон, а вместе с ним и основной юридический текст носит безличный характер (ср. Голенищев-Кутузов 1913, 42; Филиппов 1914, 37). Между тем в ранних русских текстах *уставъ* как юридический термин обозначает прежде всего закон, данный определенным лицом, т. е. соотношение *правды* и *устава* аналогично соотношению *jus* и *lex* в членении римского права (см. в списках РП обозначения «оуставъ вол(о)димѣр(ь) всевол(о)дича» — МП, л. 338, ср. еще РП, I, 100, 101, 242, 286, 297, 298, 299, 306, 325, 347. 371; ср. еще Дювернуа 1869, 29—30). *Уставъ* — это не закон, существующий как таковой, но закон, кем-то уставленный. *Уставити* как раз и имеет значение «дать закон, вынести юридическое определение», ср. Срезневский, III, стб. 1274—1275; Иванов и Топоров 1978, 232—233; ср. *уставляем* или *уставуем* в качестве стандартного начала статей Литовского Статута (ср., например, АС 1529: I, 4, 12, 15, 17, 18, 25, 26; II, 1, 3, 6, 7 и т. д.). *Уставляти* в этом значении может быть калькой с греч. ἵστημι, ср. в переводе книги пророка Даниила: «οὐςταβίτηι οὐςταβѣ царьскѣ — τοῦ στήσαι στάσει βασιλικῇ», «οὐςταβα, ниже царь съсоставитъ — στάσιν ἥν ἂν ὁ βασιλεὺς στήσῃ» (Срезневский, III, стб. 1274, 1278). Итак, *уставъ* и *уставляти* предполагают автора закона (ср. еще *уставъ* в заголовках церковных уставов Владимира и Ярослава, которые и действительно вводили новую юридическую норму разделения компетенции светского и церковного суда). Однако такое приписывание закона, юридического текста определенному автору для древнейшего периода есть уже факт его книжного, культурного оформления (при котором славянизмы естественны), а соответствующее обозначение лежит как бы вне границ собственно

Б. Унбегаун (1958) приводит противопоставленные термины и для другого фундаментального понятия — преступления. Обобщающий русский термин (поскольку он вообще появляется, а не заменяется в нужных местах перечнем конкретных преступлений) — *обида*¹¹, позже — *лихое дѣло*, *дурно*, *воровство*, в юго-западнорусских памятниках — *кривда*. Церковнославянский термин — *проказа* в соответствии с греч. ἁμαρτία, ἁμαρτήμα, πανουργία, ср. в Договоре с греками 944 г.: «Ци аще ключитѣся проказа нѣкака отъ Грькъ...» (ПВЛ, 58), в МП (л. 322 = Прок. XXXIX, 13): «**Проказу (ἁμαρτήμα) творящему въ животѣ помогающимъ ꙗко рѹки да оустѣкнѹтъсѧ**» (ср. Брандилеоне и Пунтони 1895, 225).

Древнейший русский термин для понятия свидетель — *видокъ* (ср. РП, 31: «а видока два выведоуть» — РП, I, 125; ср. еще РП, ст. 29, 39, 67; РП (кр.), ст. 2, 10, 16). Этот термин в церковнославянских юридических текстах не встречается; ему соответствует здесь термин *свѣдѣтель*, передающий греч. μάρτυρος, ср. ЕК, Василия Великого из 29-й главы о Св. Духе «**при оустѣхъ бо дѣвоу или трини свѣдѣтелю станеть всакъ глѣ**» — Ἐπὶ στόματος ὑάρ δύο καὶ τριὼν μαρτύρων σταθίσεται πᾶν ῥήμα (Бенешевич 1906—1907, 531)¹². Термин *послухъ* выступает как нейтральный, находясь в свободной вариации с термином *видокъ* в русских текстах (ср. вариации в формулировке РП, ст. 67 — РП, I, 270, 288) и с термином *свѣдѣтель* — в церковнославянских, ср., например, перевод заглавия XXVII титула Прохирона «Περὶ μαρτύρων» в редакции МП «**о свѣдѣтелехъ**» (л. 284); в редакции КЗ: «**о послушѣхъ**» (Павлов 1885, 85). Наряду с вариацией *свѣдѣтель* — *послухъ* в церковнославянских текстах имеет место и вариация *свѣдѣтельство* — *послушество* в соответствии с греч. μαρτυρία, ср., например, в «Главах о послушях» в составе КЗ, гл. 7: «**неимовѣрно есть ихъ свѣдѣтельство**»; гл. 8 (= Прок. XXVII, 5): «**посылати послушества**» (в том же тексте в МП, л. 284: «**посылати свѣдѣтельства**»), и т. д. Термин *послушество* употребляется и в древнейших русских юридических текстах (ср., например, РП, ст. 66 «О послушествѣ» — РП, I, 127 и др. по указателю). Специфически русский термин, обозначающий данное понятие, отсутствует (в юго-западнорусских текстах имеются, правда, термины *свѣдомъ* и *свѣдѣцтво*).

Древнейший русский термин для обозначения имущества (движимого и недвижимого) — *домъ* (см. РП, 92: «Аже кто оумираѧ роздѣлѣть домъ» — РП, I, 128; см. еще Цитович 1870, 56—57; Мрочек-Дроздовский 1917, 61—62). Это же понятие может обозначаться и словом *животъ* (ср., например, в Уставе кн. Всеволода

юридического текста. Эти соображения и позволяют считать, что термин *уставъ* в данном значении может быть книжным элементом (славянизмом).

¹¹ Б. Унбегаун, приводя употребление термина *обида* у Посошкова, замечает, что он был «sans doute archaïque a son époque» (Унбегаун 1969, 204). Определяя этот термин как архаизм для начала XVIII в., Б. Унбегаун основывался, видимо, на том, что он не употребляется в Уложении 1649 г. и Новоуказных статьях. Этого основания, однако, недостаточно. В русском переводе Литовского Статута, сделанном в середине XVII в., *обида* регулярно передает юго-западнорусский термин *кривда*, ср. ЛС Рус. IV, 28, оглавление: «О кривдахъ то есть о обидахъ, гостей прѣѣзжихъ чужеземскихъ» (Лаппо 1916, 11; ср. еще Там же, 126: «О обидахъ отъ слугъ боярскихъ»). Таким образом, можно думать, что этот термин, не применяясь в официальных законодательных памятниках XVII в., сохранялся тем не менее в живом употреблении.

¹² Характерным образом, Е. Ф. Мишина отмечает, что до Судебников термин *свидетель* «в юридическом языке» не употребляется, встречаясь «исключительно в памятниках религиозного содержания» (Мишина 1960, 161). Здесь мы видим полное игнорирование церковнославянских юридических памятников, которое столь характерно для большинства историков языка.

Мстиславица о разделе имущества лица, повинного в искажении эталонов мер и весов: «а животь его на трое: треть живота святѣи Софии, а другаа треть святому Ивану, а третьяа треть сотьскимъ и Новугороду» — НПЛ, 487), хотя в большинстве случаев *животь* обозначает только движимое имущество. Соответствующий церковнославянский термин — *имѣние* (ср. ЕК, Collectio 93 сарр., 79: «**своѣ имѣннѣ на своѣ раздѣлити дѣти** — τὴν ἰδίαν οὐσίαν εἰς τοὺς οἰκεῖους διελεῖν παῖδας» — Бенешевич 1906—1907, 791), а также *стяжание* (ср. КЗ РБ 16 = Прох. XI, 18: «**ѿ иного его стяжаніа** — περιουσίας — **прѣимати**» — Павлов 1885, 84), *притяжание* (ср. ЕК, Collectio 93 сарр., 72: «**всье притяжаннѣ кѣ** — πᾶσα ἡ περιουσία αὐτῆς» — Бенешевич 1906—1907, 787; idem, 23: «**цркъвъ и инѣхъ чьстьныхъ домовъ притяжаннѣ** — κτήσεις» — Там же, 758).

Для обозначения наследства в русских текстах употребляется термин *задница* (ср., например, РП, 90: «Аже боудутъ) двою моужю дѣти, а ѿдино матери, то ѿнѣм своего ѿтца задница, а ѿнѣм своего» — РП, I, 161), позднее *статокъ*, *остатокъ*, *останокъ* (ср., например, в ст. 8, 10, 11, 13, 39, 60 Судебника 1497 г. и т. д.). Соответствующие церковнославянские термины — *наслѣдие* (ср. ЕК, Collectio 93 сарр., 81: «**ѿако неключимомъ ѿкланѣтисѣ своѣго наслѣдѣа**» — ὡς ἀχαρίστους ἀποκλείειν τῆς ἰδίας κληρονομίας — Бенешевич 1906—1907, 793) и, редко, *причастие* (по аналогии, видимо, с названием наследства, достигающегося одному наследнику, *законной частью* в соответствии с греч. νόμιμον μέρος, ср. Бенешевич 1906—1907, 777, 791). Отмечу, что в церковнославянских юридических текстах встречается и термин *задница*, преимущественно в значении легата (ср. ЕК, Collectio 93 сарр., 77: «**...оставитъ своимъ дѣтьмъ или иномоу каковоумоу оубо кѣгда лицю причастѣ и задницу** — κληρονομίαν ἢ λεγάτον» — Бенешевич 1906—1907, 789—790, ср. еще 759). В параллель с термином *наслѣдие* (и *причастие*) и *задница* в церковнославянских юридических текстах находим *наслѣдникъ* (*причастникъ*) в соответствии с греч. κληρονόμος и *задничникъ* в соответствии с греч. λεγατάριος (примеры см. выше; ср. еще Экл. VI, 11 (4): «**ѿще причастникъ какъ любѣ. или задничникъ...**» — Εἰ κληρονόμος οἰοσθήποτε ἢ καὶ λεγατάριος... — МП, л. 181; Цахарие 1852, 28). В русских текстах особый термин для понятия наследника отсутствует и понятие передается описательно.

В русских юридических текстах завещание обозначается терминами *рукописание*, *душевная грамота*, *духовная грамота*. Эти термины появляются, видимо, не ранее второй половины XIII в. Первое известное мне употребление термина *рукописание* содержится в Ипатьевской летописи под 1287 г.: «князя Володимеря рукописание» (ПСРЛ II, стб. 903). Термин, видимо, закрепляется затем на новгородско-псковской территории (ср. Срезневский, III, стб. 195; ПРП, II, 31; ср. еще примеч. 28). Обозначение *душевная грамота* впервые появляется в духовной Ивана Калиты (около 1339 г.): «се язъ. грешный худыи рабъ б(ож)ии Иван[ъ], пишу д(у)ш(е)вную грамоту, ида въ Ворду» (ДДГ, 7, ср. 9). В РП соответствующий термин вообще отсутствует, на его месте стоит общее обозначение — *рядъ* «юридический документ, договор», см. ст. 92: «пакы ли безъ рядоу оумреть, ть все дѣтемъ» (РП, I, 128). Ср. в Псковской судной грамоте, ст. 89: «А у которой жены мужъ помрет безъ рукописания...» (ПРП, II, 297; ср. еще ст. 88, там же). Ср. в Судебнике 1497 г., ст. 60: «А которой человек умрет безъ духовные грамоты...» (Суд., 27). В церковнославянских текстах находим другой набор терминов — *завѣтъ*, *завѣщание*, *с(о)вѣщание*, *с(о)вѣтъ* в соответствии с греч. διαθήκη и βούλησις (τοῦ τελευτήσαντος), ср. Прох. VI, 4: «**ѿще безъ завѣта скънчаютъ(ѣ) дѣти...**» (МП,

л. 242 об.); Прох. VI, 3: «**Аще же без завѣщання оумреть...**» (МП, л. 241); Экл. VII, 2, заголовок: «**везъ свѣщання оумирающ(и)хъ**» (МП, л. 180); «**всѣмъ по оумьръшааго съвѣтоу / свѣта — βούλησιν — промышлати**» (ЕК, Collectio 93 capp., 25 — Бенешевич 1906—1907, 760 = МП, л. 151 об.)¹³. Противопоставленность русских и церковнославянских терминов наглядно иллюстрируется глоссой, сделанной митрополитом Киприаном при цитировании Прохирона, XXX, 19 в грамоте от 24.VI. 1404: «аже мужъ умреть безъ завѣта, безъ душевныя грамоты...» (АИ, I, № 255, 484).

Древнейший русский термин для понятия кредитора — *должебитъ* (ср. РП, ст. 55: «...а пьрвии дѣлжбити начьноуть ѡмоу запинати, не дадоуче ѡмоу коунъ» — РП, I, 130; ср. еще в Соглашении Смоленска с Ригею и Готским берегом, ст. 13 — РП, II, 74; СГ, 12). Позднее он вытесняется термином *должникъ* (в значении кредитора), который встречается как в русских текстах (например, в списках РП, ст. 55 — см. РП, I, 253, 270, 287 и т. д.), так и в текстах церковнославянских (например, Прох. XVI, 5: «**Аще должникъ — δανειστής — не по своимъ винѣмъ погубитъ залогъ...**» — МП, л. 263 об.; Брандилеоне и Пунтони 1895, 71). Имеется в то же время специфический церковнославянский термин, который в русских текстах не встречается, — *заимодавецъ*, соответствующий греч. δανειστής (ср. его в МП, 184, 184 об. = Экл. X, 1—4, (XI, 1, 2); МП, 264, 264 об. = Прох. XVI, 8, 10).

Ростовщический процент в русских текстах обозначается терминами *рѣзъ* и *накладъ* (ср. РП, ст. 50, 51: «О рѣзѣ», «О мѣсцѣнѣмъ рѣзѣ» — РП, I, 127 и т. д.; Духовная Климента: «на поральское серебро наклада възяти Климяте на Борьке 13 ногате и гривна» — Валк 1949, 163), а также *нам* (см. об этом термине: Зализняк 1984). Позднее появляется термин *рост* (ср. в Судебниках 1497, 1550, 1589 г. — Суд., по указателю). Этим терминам противопоставлен церковнославянский термин *лихва*, соответствующий греч. τόκος (ср. ЕК, Collectio 93 capp., 15: «**и лихвы не волю четвертыя части сътъныи**» — καὶ τοὺς τόκους μὴ πλείονος τοῦ τετάρτου μέρους τῆς ἑκατοστῆς — Бенешевич 1906—1907, 755). Надо отметить, что отдельные случаи проникновения русских терминов с данным значением в церковнославянские юридические тексты все же встречаются, однако они остаются исключениями и не меняют общей картины. Так, в КЗ 33, гл. 62 находим: «**Иже в рѣзѣ прѣемшии селища...**» — Οἱ τόκου χάριν λαβόντες ἀγρούς... (Павлов 1885, 56)¹⁴. Такие окказиональные употребления являются фактом текстуального смешения, не отменяющим оппозиции, заданной языком. Это ясно видно из глосс, устанавливающих соответствие между церковнославянским и русским терми-

¹³ В юридическом значении слово *завѣтъ* употреблено уже в ЕК. Collectio 93 capp., 26: «**Ѡвавлѣннѣ завѣтоу**» — ἀπὸ τῆς ἐμφανίσεως τῆς διαθήκης (Бенешевич 1906—1907, 764). В отдельных случаях понятие завещания передается в церковнославянских текстах словом *уства* — видимо, тогда, когда в греческом стоит διατύπωσις (или соответствующий глагол), ср. Экл. V, 7 (6): «**ли Ѡ написанагъ ѡи Ѡ ненаписанагъ оустава**» — εἰς ἐγγράφου διατύπωσεως ἢ καὶ δι' ἀγράφου (МП, л. 177 об., Цахарие 1852, 26); ЕК. Collectio 93 capp., 79: «**Аще таковокъ лицѣ дѣти имать. и оустава не сътворитъ**» — Εἰ δὲ τὸ τοιοῦτον πρόσωπον παῖδας ἔχοι καὶ μὴ διατυπώσει (Бенешевич 1906—1907, 791).

¹⁴ Еще один пример видим в Поучении новопоставленному священнику XIII в., памятнике, занимающем промежуточное положение между канонической и собственно назидательной литературой (в последней, естественно, русские термины, как более понятные аудитории, встречаются не столь редко; они могут выступать здесь как описание **русских** реалий): «**Не боуди ... рѣзонимецъ, накладъ не клми**» (РИБ, VI, стб. 104).

нами. Ср., например, в Предисловье покаянью из Паисиева сборника XIV—XV вв.: «**Ѡверзисѧ кѣнѣ дѧти в лихвѣ, рекше в накладѣ**» (л. 178 — Срезневский, II, стб. 292); в Вопросаниях Кирика, ст. 4: «**Ѡ наимѣ** [вариант: **к намѣ**; испорченное **намѣ**] **дѣла, рекше лихвы, тако велаше оучити: аще попа, то рци кмоу: “не достоити ти слоужити, аще того не останеши”...**» (РИБ, VI, стб. 24—25)¹⁵.

Хорошо известно противопоставление терминов для обозначения несвободного человека (мужского пола): рус. *холопъ*, цсл. *рабъ*. Первый употребляется в русских юридических текстах, второй — в церковнославянских, передавая греч. *δοῦλος*¹⁶. В отдельных случаях цсл. *рабъ* может соответствовать не греч. *δοῦλος*, а греч. *οἰκέτης* (ср. Прох. XXXIX, 85: «**Ѡще кто свокто раба биеть...**» — Ἐάν τις τὸν ἴδιον οἰκέτην τύπῃ... — МП, л. 330 об. ср. Павлов 1885, 77; то же и в Прох. XXVII, 33 — МП, л. 287 об., Брандилеоне и Пунтони 1895, 151; ср. Павлов 1885, 90). Кажется, более точным соответствием было бы здесь *челядинъ*, но в русских условиях домашняя служба предполагала ту или иную форму личной зависимости, и поэтому семантические нюансы, различающие *δοῦλος* и *οἰκέτης*, русский книжник был склонен игнорировать (словом *слуга* обозначался только свободный человек, и поэтому оно быть переводом *οἰκέτης* в юридических текстах не могло).

Старый русский термин, обозначающий убийство, — *головщина*; соответственно, убийца обозначается как *головник*, ср. Псковская судная грамота, ст. 96: «А где учинится головщина, а доличат коего головника, — ино князю на головникох взять рубль продажи» (ПРП, II, 298). В церковнославянских текстах находим термины *убийство* и *убийца*, ср. ЕК, Василия Великого Правила, 54: «**Невольныхъ оубииствъ различина...**» — Τὰς τῶν ἀκουσίων φόνων διαφοράς; Правило 43: «**иже съмьртвною пзвою ближняаго оудари. оубиница ксть**» — φονεύς ἐστίν (Бенешевич 1906—1907, 492, 497). В церковнославянских юридических текстах встречается также термин *убоиник* (ср. ЕК, Василия Великого Правила, 72: «**лѣта оубоиникъ и тѣ да испълнитъ**» — τὸν χρόνον τῶν φονέων... — Бенешевич 1906—1907, 502) и *убой* (Договор с греками 945 г.: «**аще ли оускочитъ стѣрвыи үбой...**» — ПСРЛ, I, стб. 51; ПВЛ, 58)¹⁷. В тех же значениях выступают термины *душегубство* и *душегубецъ*, употребляющиеся как в русских текстах (ср. Новгородская судная грамота, ст. 36 — ПРП, II, 217; Белозерская уставная грамота 1488 г., ст. 10, 14 — ПРП, III,

¹⁵ Ср. еще в русском переводе ЛС: «лихвою, спирѣчь ростомъ» (Лаппо 1916, 92); в последнем случае глоссируется юго-западнорусский термин, совпадающий с церковнославянским и воспринимавшийся, видимо, переводчиком не без соотнесения с его церковнославянским источником.

¹⁶ Единственный церковнославянский юридический текст, в котором термин *холоп* все же употребляется, — это Книги Законные, преимущественно в составе Земледельческого закона, ср. ст. 43: «**Ѡще кын холопъ зарѣжетъ волъ...**» — Ἐάν τις δοῦλος σφάξῃ βοῦν... (Павлов 1885, 52; ср. еще ст. 44, 45, 69, 70 — с. 52—53, 58). Однако и в этом законодательном сборнике основным термином остается *рабъ*.

¹⁷ Б. Унбегаун противопоставлял *убойство*, *убойца* — *убийство*, *убийца* как старые русские термины и термины церковнославянские (1969, 316). Такая трактовка представляется неправомерной. Во-первых, речь идет, видимо, не о лексическом, а о фонетическом противопоставлении. Во-вторых, и это противопоставление отнюдь не однозначно определяется как оппозиция русского — церковнославянского. Так, с одной стороны, формы *убойца* и *убойство* встречаются в церковнославянских текстах (ср. Срезневский, III, стб. 1116; ср. также *убойца* в цитате из Градских законов в Новоуказных статьях 1669 г., ст. 105 — ПСЗ, I, 796), а с другой — и в русских текстах формы *убойство* и *убийство* находятся в свободной вариации (ср., например, в Уложении 1649 г., в статье XXI, 69 *убойство*, в статье XXI, 71 — *убийство*; ср. еще ПСЗ, I, № 255, 488).

172; Судебник 1497 г., ст. 7, 8, 38, 39, 43 — Суд., 20, 25), так и в текстах церковнославянских (ср. Прох. XXXIX, 12 = КЗ ЗК, 10: «...**дѹшегѹвѣство створитѣ, ꙗко дѹшегѹвѣць соуженъ боудеть**» — ἐτὼν φονεύσας ἐνάγεται ὡς φονεύς — Павлов 1885, 65; в переводе МП, л. 322 в этой статье стоит *убийство* и *убийца*). Судя по внутренней форме, эти слова имеют книжное происхождение и в русских текстах выступают как ранний пример церковнославянского влияния.

Весьма характерно, что в русских и в церковнославянских юридических памятниках употребляются разные обобщенные названия субъекта права. В русских памятниках субъект права обозначается словом *человѣкъ*, ср., например, Псковскую судную грамоту, ст. 29: «А которой человек кому заклад положит в чем...»; ст. 32: «А которой человек поручится за друга в серебре...» (ПРП, II, 290). В церковнославянских памятниках ту же функцию выполняет слово *лице*, ср. ЕК, Collectio 93 сарр., 79: «**Ѧще таковоѡ лице дѣти имать...**» — Εἰ δὲ τὸ τοιοῦτον πρόσωπον παῖδας ἔχοι... (Бенешевич 1906—1907, 791; ср. еще ст. 5, 28, 52, 58, 64, 67, 68, 77 — с. 743 et passim). Церковнославянский термин является калькой с греч. πρόσωπον (ср. лат. persona).

Приведенные примеры не исчерпывают, надо думать, списка русско-церковнославянских противопоставлений в области юридических терминов¹⁸, однако и они показывают, что оппозиция церковнославянского и русского распространяется на самые разные области права и захватывает основные юридические понятия. Столь систематическая противопоставленность русских и церковнославянских терминов не может быть объяснена просто сосуществованием на Руси русского и церковнославянского языков (см. выше), она указывает на противостояние в области права двух независимых культурных традиций. Столкновение привнесенного византийского права с исконным восточнославянским не было столкновением культурной традиции и быта, культурной традиции и некой аморфной совокупности обычаев — имело место столкновение двух культурных систем, причем результатом этого столкновения было не уничтожение одной из них (как в религиозной области) и не слияние их в некую единую систему, но сохранение обеих систем, различавшихся прежде всего своим культурным статусом и функционировавших независимо друг от друга.

На эту независимость особенно отчетливо указывает то обстоятельство, что термины, заимствуемые из одной системы в другую (что само по себе случается редко и каждый раз обусловлено специальными факторами), могут приобретать в рамках другой системы принципиально иное значение, нежели они имели в исходной. Так, например, в новгородских памятниках завещание, как уже говорилось, обозначается термином *рукописание*. Этот термин несомненно заимствован из церковнославянского и является калькой с греч. χειρόγραφον. Однако как в греческом, так и в церковнославянском он имеет значение не завещания, а долговой записи, ср. в переводе Эклоги, XIV, 15 (XV, 4): «**иже своѡго роукописаниа долги списати ѡмѣтаѡся...**» (МП, л. 187 об.). Это значение хорошо пред-

¹⁸ Выявление полного набора оппозиций церковнославянских и русских юридических терминов предполагает составление словарей к русским и церковнославянским юридическим текстам, причем не составление указателей терминов (для ряда русских памятников такие указатели имеются), а исчерпывающих указателей лексики, поскольку остается неясным, где следует проводить границу между терминологическим и нетерминологическим употреблением. Необходимо было бы также определить принципы перевода юридических памятников с греческого на церковнославянский и сопоставить их с принципами перевода памятников другого рода.

ставлено и в неюридических церковнославянских текстах, обозначая прежде всего ту кабалу греху, в которую привел человечество Адам и из которой искупил его Христос, ср.: Кол. 2.14 «*нстрєвивъ еже на насъ рѣкописанїе*», а отсюда и в многочисленных других богослужебных и назидательных текстах (ср., например: «*растрѣгни грѣха моего роукописаниѣ*» — Минейя 1095 г., л. 99 — Срезневский, III, стб. 194). Оно фигурирует и в известном Слове о Адаме: «*Дѣвол рече [ко адамоу] не дамъ ти земли врати. аще не запишеши н(ы)не роукописаниѣ да еси мой*» (Тихонравов, I, 12; о греческих параллелях см.: Мегас 1928; Нажель, II, 130—135). Можно полагать, что именно с этим значением данный термин и был осво-ен первоначально славянской письменностью, см. новгородскую берестяную грамоту № 138 второй половины XIII в., представляющую собой запись ростовщика: «*Се азо раво бѣи селивьстро. напсахъ роукописаниѣ*» (Арциховский и Борковский 1958, 11—14; ср. еще грамоту № 307 первой половины XV в.: Арциховский и Борковский 1963, 137—140). Этим словом и восполняется недостаток специального обозначения для завещательного распоряжения (ср., в частности, надпись на Духовной Климента до 1270 г. — Валк 1949, 162; а также в берестяных грамотах № 42, XIV в. и № 519, рубежа XIV—XV вв. — Арциховский 1954, 42; Арциховский и Янин 1978, 112—114). Семантическое развитие русского термина легко объяснимо, поскольку можно думать, что в условиях торгового города завещание в большой степени сводилось к передаче наследнику долговых обязательств, т. е. того, что должны завещателю, и того, что должен завещатель¹⁹. В церковнославянских текстах *рукописание* в значении завещания не употребляется. Таким образом, заимствованный из церковнославянского русский термин получает иное значение, чем исходный церковнославянский, и это подчеркивает оппозицию систем.

Сходные процессы имеют место и при противоположном направлении заимствования. Так, в церковнославянских юридических текстах может использоваться термин *задница*, однако не в значении 'наследство вообще', а в специальном значении легата, ср. приводившийся выше пример из Ефремовской Кормчей, Collectio 93 сарр., 77 («*причастыѣ и задънницю*» — κληρονομίαν ἡ λεγάτον). Само заимствование русского термина было вызвано, видимо, необходимостью найти эквивалент для греческого термина. Поскольку русское право не знало различия между обычным наследством и легатом (см. об этом: Цитович 1870, 69—75, 133—136), термины *задница* и *наследие* не противопоставлялись вполне последовательно; в частности *задница* могла употребляться и для обозначения обычного наследства (и в этом можно видеть влияние русского юридического субстрата). Например, в переводе Эклоги, вошедшем в состав МП, *задница* в большинстве случаев соответствует греч. λεγάτον, ср. Экл. VI, 11 (4): «*и да ѿпадетъ наслѣдникъ ѿ причастыа ї задничникъ ѿ задница*» — ἐκπιπέτω ὁ μὲν κληρονόμος τῆς κληρονομίας, ὁ δὲ λεγατάριος τοῦ λεγάτου (МП, л. 181; Цахарие 1852, 28). Наряду с этим имеются случаи, в которых *задница* стоит на месте греч.

¹⁹ Ср. в уже упомянутом рукописании Климента (Валк 1949, 163); ср. противоположное мнение М. Бенеманского (Бенеманский 1917, 139) о том, что в наследство по РП «не входили долги и требования наследователя»; Бенеманский ссылается на Дювернуа (Дювернуа 1869, 145—147), который, однако, пишет не о том, что долговые обязательства не переходили по наследству, а о том, что они не подразумеваются терминами *задница* и *остатокъ*. П. Цитович (Цитович 1870, 146—148) предполагал, что «описание долговых требований и долгов» было одной из специальных задач завещательного распоряжения.

ὑπόστασις, ср. Экл. V, 7: «**какo до чtвeрa дѣтти ѿѣю часть задница**» — ἕως δ' παίδων τὸ τρίτον μέρος τῆς ὑποστάσεως (МП, л. 177 об., Цахарие 1852, 26) — хотя в подобных случаях речь идет об обычном наследуемом имуществе, в самом греческом оригинале тип наследования не обозначен, и переводчик, которому греческие юридические нормы были незнакомы, а текст не давал прямого указания, пользовался термином *задница* недифференцированно, употребляя его не в его церковнославянском, а в его русском значении. Однако каковы бы ни были непоследовательности (обусловленные, очевидно, неуверенностью или незнанием переводчиков и переписчиков), *задница* в церковнославянском получает иное значение, чем в русском, и образующая здесь омонимия укрепляет системное противостояние²⁰.

Омонимия в принципе является одним из самых четких показателей «взаимонепонятности» языков, и этот признак может быть распространен на терминологические системы. При такой взаимонепонятности и системы права могут существовать только раздельно и неслиянно. Действительно, невозможно представить себе единую юридическую систему, в которой, скажем, *testamentum* в одних текстах означает «завещание», а в других — «долговую расписку». При таком положении вещей неминуемо должны возникать коммуникативные конфликты, которые особенно недопустимы в судебной деятельности. Противопоставление церковнославянской и русской юридической терминологии определяет исходное состояние как оппозицию двух автономных традиций; судьбы этой оппозиции требуют особого рассмотрения.

3. Различия в характере эволюции двух юридических систем

Итак, древнейшее русское право обладало культурным статусом в рамках языческой культуры. С появлением письменности оно было зафиксировано, причем на русском, а не на церковнославянском языке. Это определило последующий культурный статус русских юридических текстов. В русской культурной ситуации, установившейся после крещения Руси, к культуре относилось то, что входило в сферу церковнославянского языка; то же, что входило в сферу русского языка, лежало вне пределов культуры²¹. Понятно, что в условиях отождествления

²⁰ Мне представляется неправдоподобным предположение Л. Милова о том, что в РП, ст. 90—93, «древнерусский юрист-кодификатор употреблял термин *задница* не просто как наследство, а лишь в точном определении имущества умершего без завещания и наследования этого имущества по силе закона» (Миров 1976, 150). Отсюда Миров объясняет как отсутствие в РП термина *наследство* («так как в кодекс были включены прежде всего спорные вопросы наследования по закону» — там же), так и наличие термина *задница* в переводе Эклоги, входящем в МП (в тех случаях, когда в греческом оригинале имеется в виду именно наследование по закону). Сама терминологическая дифференциация между имуществом, наследуемым в силу закона, и имуществом, наследуемым по завещанию, представляется невероятной. Понятно в то же время, что в законодательном памятнике будет по преимуществу рассматриваться наследование по закону, т. е. наследование, нуждающееся в законодательной регламентации. Таким образом, устанавливаемое Мировым специфическое значение термина *задница* обусловлено спецификой самих юридических текстов — особенность текста Миров принимает за особенность языка.

²¹ Противопоставление русского и церковнославянского соотносится именно с оппозицией культуры и быта, а не с оппозицией сакрального и профанного, как полагал, например,

языковых и культурных характеристик именно языковые параметры моделируют культурную ситуацию — язык определяет культурный статус. В частности, все, что написано на церковнославянском языке, получает место в сфере культуры, тогда как письменность на русском языке отходит к сфере быта, обычая, стоит вне культуры. Таким образом, византийское право, переведенное на церковнославянский язык, получает культурный статус (при всем своем прозаическом содержании), а русское право, излагавшееся на русском языке, лишается культурного статуса (вместе с большинством других компонентов языческой культуры).

Можно сказать, что с принятием христианства на Руси исконно русское право теряет характер традиции и получает характер обычая. Я имею при этом в виду следующие противопоставления. Традиция принадлежит сфере культуры, обычай — сфере быта. Традиции приписывается культурный статус, и она сознательно поддерживается, так что изменение традиции рассматривается как усвоение новой культуры или как разрушение старой культуры (в зависимости от установки). Обычаи свободно изменяются. Они вообще не подлежат сознательному воздействию, и если они консервативны, то их консервативность объясняется не сознательным сохранением данного конкретного обряда или текста, а общим стремлением поддерживать старый порядок. Так, скажем, крещение детей есть, несомненно, традиция, поддерживаемая сознательно, регламентированная в авторитетных текстах и необходимо связанная с самосознанием социума как христианского. Употребление ритуалов-оберегов в современном обществе может быть, напротив, охарактеризовано как обычай. Например, поверье, согласно которому надетая наизнанку одежда предвещает неприятности, восходит к архаическим представлениям об одежде наизнанку как атрибуте потустороннего мира, однако для современного сознания эта религиозная мотивировка не актуальна, о ней никто не помнит, и предохраняющие от дурных последствий действия совершают не как сознательный ритуал, а «просто так», только в силу того, что таким же образом поступали старшие²². В силу этого обычаи постепенно эволюционируют. Традиции, напротив, подвержены не эволюционным, а революционным процессам — они сознательно отвергаются. Традиции сопротивляются

А. В. Исаченко («blieb das Kirchenslavische bei den Ostslaven im wesentlichen auf den sakralen Bereich beschränkt» — Исаченко 1980, 73; ср. Исаченко 1975, 6). С самого начала переводческой деятельности на Руси появляются переводы текстов нерелигиозного содержания (ср. Хронику Георгия Амартола и т. д.); к этой группе принадлежат, понятно, и церковнославянские переводы греческих юридических текстов. Ядром культуры остается, конечно, религиозная система, и это создает потенциальную возможность экстраполяции религиозного отношения на любые церковнославянские тексты. Однако именно в силу того, что церковнославянское связывается прежде всего с культурным, а лишь потом с сакральным, выбор церковнославянского языка при написании текста определяется не содержанием, а установкой пишущего (см. Успенский 1987) — церковнославянский применяется, если описываемому факту приписывается культурная значимость. Оппозиция сакрального и профанного имеет тематический характер и не оставляет места для вариаций, связанных с установкой.

²² Субъективное стремление к сохранению старины чаще всего не препятствует изменчивости обычая, так как при отсутствии традиции (т. е. коллективной памяти, сознательно охраняемой социумом) всякий прецедент в прошлом воспринимается как обычай — см. об изменчивости устного права при установке на сохранение старины у М. Блока (1965, 113—114). Проводимое здесь противопоставление традиции и обычая может быть сопоставлено с противопоставлением «рутинного» и «знакового» поведения у Ю. М. Лотмана (1975, 56).

внешним влияниям, обычай пассивно их усваивает. Весь этот комплекс признаков и определяет характер изменений, которые претерпело русское право в связи с разрушением языческой культуры и потерей своего культурного статуса, обусловленной этим процессом. Этот же комплекс признаков противопоставляет затем русское и церковнославянско-византийское право, создавая здесь оппозицию традиции и обычая, культуры и быта.

Мы не можем с достоверностью определить, когда именно завершается формирование данной оппозиции в области права. Как было показано, первоначально церковнославянское и русское право противостоят как две традиции, причем одна связана с языческой, а другая — с христианской культурой. Языческая культура (как культура) не исчезает непосредственно с принятием христианства, сохраняясь как целостная система по крайней мере в течение всего XI в.²³ Можно думать, что именно в этот период и совершается письменная фиксация русского права, обнаруживающая в своей терминологической оппозиции церковнославянскому первоначальному культурное противостояние. С разрушением языческой культуры русское право превращается из традиции в обычай, и это должно иметь следствием его изменчивость и его открытость внешним влияниям (прежде всего влиянию византийскому). У нас нет памятников, которые не отражали бы этих характеристик и тем самым позволяли бы датировать начало данных процессов и, соответственно, потерю русским правом своего культурного статуса. Древнейший дошедший до нас список русского юридического текста относится к концу XIII в. (пространная редакция РП в Новгородской Синодальной Кормчей 1282 г.), и в это время указанные процессы, несомненно, уже имели место, отразившись как на содержании памятника (см. ниже), так и на его языке.

Естественно, нет смысла говорить о влиянии византийского права на содержание данного рукописного текста, т. е. данного списка пространной редакции РП, — здесь речь должна идти о сочинении как таковом, т. е. о византийском влиянии на РП вообще (и, в частности, на ее пространную редакцию). Церковнославянское влияние на язык памятника, напротив, может устанавливаться для каждого отдельного списка, и весьма показательно, что оно наблюдается уже в древнейшем из них. Отражение такого влияния можно видеть, например, в термине *убийство* (а не *головщина*) в заголовке 3 статьи (РП, I 123). Возможно, этим же влиянием объясняется и обозначение владельческих знаков, равно как и следов нанесенного увечья словом *знаменье* (*знамение* — см. ст. 29, 67, 70; РП, I, 124, 128), а не *знамя* (ср. эти значения у слова *знамя* в русских памятниках — Срезневский, I, стб. 991; СРЯ, VI, 46—47; Мрочек-Дроздовский 1917, 93). Лексическим (а не только фонетическим) церковнославянизмом является, возможно, и термин *разграбление* (ст. 7 — РП, I, 123) в значении конфискации имущества (о возможном

²³ Об исконном культурном статусе русского права (в дохристианские времена) отчасти может свидетельствовать упоминание «закона русского» рядом с «законом греческим» в договорах с греками (сообщающим, впрочем, скорее византийский, нежели восточнославянский взгляд на вещи), ср. в договоре 945 г.: «аще оукраденное вбращеться предаемо. да вдасть и цѣну его сѣгнѣво. и то показнѣть вѣдетъ по законѣ Гречьскому. [и] по уста[в]у и по законѣ Русьскому» (ПСРА, I, стб. 50; ПВЛ, 56); при этом и тому, и другому закону приписывается религиозная значимость (ср. в том же договоре: «да на ротѣ идѣтъ наши хѣтане Русь. по вѣрѣ ихъ а не хѣтани по законѣ своему» — там же, стб. 49; ПВЛ, 55), так что по крайней мере в этом контексте они выступают как сходные по своей ценностной природе явления.

русском соответствии, а именно термине *рубежь*, см. Зализняк 1984)²⁴. Таким образом, потерю культурного статуса русским правом можно датировать лишь приблизительно — она имела место в XII—XIII вв.

Переход русского права в сферу обычая непосредственно сказывается на характере его эволюции — как в плане содержания (эволюция юридических норм), так и в плане выражения (эволюция юридического языка). Изменчивость юридических норм русского права в период до Алексея Михайловича может быть показана на любом разделе права (ср., например, нормы, относящиеся к холопству); она, однако, малопоказательна для определения культурного статуса этого права, поскольку всегда может быть связана с действием внешних факторов.

Более показательное влияние византийских юридических норм. В составе РП это влияние отразилось лишь на наследственном и семейном праве (впрочем, при сохранении и здесь русской основы — ср. Гётц, III, 387—406; Гётц, IV, 84—85; Голенищев-Кутузов 1913, 37—39); эти разделы составляют отдельную категорию, поскольку они могли относиться к компетенции церковных судов, для которых в этих случаях византийское законодательство служило если не прямым источником права, то по крайней мере авторитетным образцом (ср. Неволин, III, 58; Никольский 1859, 254—257, 333—347; Сергеевич 1910, 505, 554—569). Все прочие сближения статей РП с византийскими законами носят проблематический характер (ср. указания Калачова 1846, 140—151; Ключевского, I, 210—211, 223—224; Дьяконова 1912, 37, 53; Черноусова 1916, 314—321; они, впрочем, не принимаются другими исследователями, ср. Гётц, I, 234—252; Гётц, IV, 83—85; Голенищев-Кутузов 1913, 19—27; Филиппов 1914, 85). В дальнейшем византийское влияние затрагивает разнообразные области права, вытесняя целый ряд русских юридических норм (ср. прежде всего введение в русскую систему санкций смертной казни и вообще членовредительных наказаний — Владимирский-Буданов 1909, 330, 359—361; Сергеевич 1910, 406—414; Викторский 1912, 26, 30) и восполняя русское законодательство в тех областях, где местная юридическая норма отсутствовала.

Существенно, что, как можно думать, русское и византийское (церковнославянское) право изначально различалось своим объемом, т. е. что определенные сферы деятельности, нормированные византийским правом, на Руси оставались вне юридической регламентации. Несовпадение объема права и юридической деятельности в русском и византийском праве является, на мой взгляд, одним из существеннейших свойств их оппозиции. Осознание и заполнение лакун русской нормы относится к числу наиболее важных видов влияния византийского права на русское. Речь здесь может идти не только, например, о преступлениях против веры и нравственности (см. Попов 1904; ср. еще ниже), но и о политических преступлениях. Ряд историков русского права (см., например, Сергеевич 1910, 28—34; Ключевский, I, 233) полагали, что отсутствие упоминания о политических преступлениях в древнейших русских юридических памятниках обусловлено неполнотой кодификации, т. е. тем, что писаное право не отражает юридическую

²⁴ Вероятно, к этому же разряду относится и слово *вражда* в ст. 59 (если реконструировать у него значение штрафа за убийство, передающееся по-русски термином *головничество* — см. Суворов 1893, 164—172; Ключевский I, 213; Аргунов 1927, 69—72). Формальные черты церковнославянского влияния, отраженные Синодальным списком, указаны А. М. Селищевым (Селищев 1968, 131).

практику в ее полноте. Те же факты могут рассматриваться по-другому. Можно считать, что политические преступления, например, лежали вне русской юридической нормы и вне русской юридической практики, не понимались как особые правонарушения и не разбирались в судебном порядке (ср. Голенищев-Кутузов 1913, 6); для того чтобы понятие о них сформировалось, должно существовать представление о государстве как особой социальной институции. Примеры того, что политические преступления карались, отнюдь не доказательны. Так, Сергеевич указывает, что в 1471 г. великий князь Иван Васильевич велел казнить смертью Борецкого и еще трех новгородцев по подозрению в измене (Сергеевич 1910, 31), приводя это как пример действия по государственному преступлению. Это действие, однако, могло быть — и, скорее всего, было — не юридическим актом, а частным волеизъявлением князя, не имевшим отношения ни к судебной деятельности, ни к юридическому обычаю. Намерение изменить понималось не как правонарушение, а как акт личной борьбы с князем, вызвавший в ответ столь же личное возмездие.

Не менее неосновательна попытка Я. Н. Щапова увидеть влияние византийской юридической нормы в членовредительных наказаниях и ослеплении, применявшихся при подавлении восстаний и во внутрицерковной и внутрикняжеской борьбе в XI—XII вв. (Щапов 1978, 238). Обширную сводку примеров применения «византийских» наказаний дает М. Бенеманский (Бенеманский 1917, 144—149); при этом он приходит к выводу, что «членовредительные наказания были не столько юридическими наказаниями, сколько скорее мерами политической безопасности» (там же, 149)²⁵.

Принципиальное значение имеет эволюция языка русского права, непосредственно связанная с изменением культурного статуса русской юридической нормы. В отличие от языка церковнославянского права, языку русского права свойственна изменчивость, причем эта изменчивость имеет самопроизвольный характер (она не объясняется сознательными терминологическими инновациями законодателя, как это имело место в XVIII в.). Можно наблюдать, как от столетия к столетию одни термины сменяют другие (ср. Исаченко 1980, 240—242).

Так, термин *задница* вытесняется терминами *(с)статокъ*, *остатокъ*, *останок*, *наделок* (сама вариативность терминов также показательна), в Юго-Западной Руси *де-*

²⁵ Ослепление и в Византии было не только уголовным наказанием, но и принятым способом лишения дееспособности, применявшимся к свергнутым императорам, военнопленным и т. д., — в этом качестве (а отнюдь не как юридическая норма) данный способ действия был усвоен и киевскими князьями. Щапов ссылается на расправу Мстислава с киевлянами в 1068 г. и на наказание ростовского епископа Феодора (Федорца) митрополитом Константином II, повелевшим в 1169 г. урезать Федорцу язык, отсесть руку и «*вчи ємѹ вынати*» (ПСРЛ, I, стб. 356), а также на то, что сам «Федор применял эти нормы в своей практике» (Щапов 1978, 238). О несудебном характере расправы в первом случае (как и вообще при подавлении возмущений), ясно свидетельствует та самая Повесть временных лет, на которую ссылается Щапов: «*И пришь^а Мѣстиславъ, нѣѣче [Князи] иже вѣша выѣкли Вѣсеслава. числѣ^а ѿ чадѣ. А дръгѣа слѣпнѣша. дръгѣа же без вѣны погубѣ не испытавъ*» (ПСРЛ, I, стб. 173—174; ПВЛ, 220 — подчеркнуто мной. — В. Ж.). О Федорце летопись сообщает, что он был немилостивый мучитель и не только ослеплял, но и резал головы и бороды, распинал и т. д., «*хотѣа исхитити ѿ всеѣхъ нмѣнькѣ*» (ПСРЛ, I, стб. 356); летописец не дает никаких оснований думать, что речь идет о судебных преследованиях. С Константином II дело обстоит несколько иным образом, Константин, однако, был грек, и его действия, если они в самом деле были судебным наказанием, могли иметь характер исключения.

дицтво, дедизна (об этом термине в польском праве см. Вайднер 1965, 261—270; ср. также *отчизна, материзна* — см. ЛС 1529, IV, 9, 57). Действительно, термин *задница* является основным в РП. Уже в отдельных списках этого памятника он глоссирован или заменен термином *статокъ*, см. замену *задницы* на *статокъ*, *с(ѣ)статокъ* (в ст. 90, 91, 93, 95, 98, 99, 104, 108) в списках Музейского вида Карамзинской группы (РП, I, 385—387), см. глоссу в списке Соловецкой кормчей начала XVI в., ст. 90: «задница рекше статок» (РП, I, 227), в заголовке списков Музейского вида: «У задницѣ, сиреч(ѣ) ѡ състаткѣхъ» (РП, I, 386). Глоссы и замены находим и в списках Устава кн. Владимира (во фразе «братья или дѣти тяжются о задницѣ»), в частности, «(о) отчинѣ», «(о) статкохъ», «о останки або спадки» (Щапов 1976, 19, 43, 71); особенно характерна замена в редакции (пересказе) Степенной книги: «о имѣнии отческомъ» (Щапов 1976, 83). В Договоре Смоленска с Ригю и Готским берегом 1229 г., в ст. 7 в соответствии с *задницей* списков Рижской редакции (списки D, E, F—СГ, 36, 41, 47) в списках Готландской редакции находим *истатѣкъ* (список А—СГ, 22) и *останокъ* (списки В и С—СГ, 26, 32). Таким образом, можно думать, что смена терминов (*остатокъ*, *останокъ* вместо *задница*) происходит в XIII—XIV вв. Стандартным термином Судебников 1497, 1550 и 1589 гг. является *статокъ* (Суд., по указателю). В Уложении 1649 г. этот термин уже не употребляется — здесь находим *наделокъ* (XX, 64, 77) в значении «наследство, доля в наследстве».

Аналогичным образом в законодательных памятниках исчезает термин *обида* и появляются *лихое дело*, *дурно*, *воровство* (Унбегаун 1958), в Юго-Западной Руси *кривда*, *злочинство*.

Термин *видокъ* из русских юридических кодексов встречается только в РП и весьма рано заменяется на *послух*. Уже в списках этого памятника на месте *видока* в целом ряде случаев находим *послуха*, ср., например, ст. 67 в Толстовском сокращенном виде: «и станут видоки» (РП, I, 270) и в Пушкинском виде: «а вылизуть послуси» (РП, I, 288); ср. еще аналогичные по формулировке ст. 2 и 30 краткой редакции — в ст. 2: «не искати емоу видока», в ст. 30: «не искати ему послуха» (РП, I, 70, 72, 79, 80). В позднейших кодексах термин *видокъ* не встречается. Было бы, однако, ошибкой думать, что уже в древнейшее время этот термин перестал употребляться и стал малопонятным. Мы находим его еще в отдельных текстах XVI в.²⁶, т. е. еще в это время он употреблялся и был понятен (о сходной ситуации с термином *обида* см. примеч. 11). Нужно думать, что смена терминов в русских юридических текстах могла определяться не только тем, что какие-то термины выходили из употребления и забывались, но и тем, что определенные термины переставали быть принятыми в канцелярском языке, выходили, так сказать, из канцелярской моды, не выходя, однако, из общего употребления и окказионально появляясь в юридических текстах. Не обладая культурным статусом, русские юридические тексты податливо отражали все эти колебания канцелярского узуса — из-за отсутствия культурного статуса они не определяли этот узус, а зависели от него²⁷.

²⁶ Так, в Уставной грамоте Переяславского уезда царских подклетных сел крестьянам от 29 апреля 1556 г. находим: «а скажетъ ищя, что у него отняли чужіе животы, и имъ того сыскивати, чьи у него чужіе животы были, и обыщутъ того, что у него чужіе животы были, а на грабежъ видокѡвъ нѣтъ, и имъ въ томъ присуждати цѣлованья съ жеребья» (АИ, I, № 165, 315; основным термином и здесь является *послухъ* — ср. с. 316).

²⁷ В Юго-Западной Руси из употребления выходит и термин *послухъ*, встречающийся в грамотах XIV в. наряду со ставшим затем стандартным термином *свидокъ*, *сѣтокъ*, *свидокъ*, *свѣтокъ* (см.

Такие же процессы определяют замену термина *должебитъ* на *должникъ*. Термин *должебитъ* (в значении 'кредитор') находим в РП, ст. 55. В целом ряде списков он заменен термином *должникъ*, в то время как в ряде других списков встречаются бессмысленные искажения типа *должити*, *должничи бити*, *долженъ быти*, *долженъ бити* (РП, I, 173, 193, 222, 253), что указывает на незнание переписчика с термином *должебитъ*. Ср. в Новгородской Кормчей 1282 г.: «а пьрвий дължьбити начьноуть юмоу запинати» (РП, I, 130) с заменой на *дол'жники*, *должники*, *должницъ* в позднейших списках (РП, I, 253, 270, 287, 307, 334, 355, 381).

Исчезает термин *намъ* (Зализняк 1984), вслед за ним — *резъ* и *накладъ*, на смену им появляется термин *ростъ*²⁸. Рукописание вытесняется термином *духовная (грамота)* (в рамках новгородской письменности)²⁹. Значимость подобных процессов очевидна, если сопоставить ситуацию в русском праве с ситуацией в римском праве в тех европейских странах, где оно было действующим в тот же период: право имело там характер традиции, и терминология его не отличалась ни излишней вариативностью, ни изменчивостью.

Вместе с тем язык русского права (как и само право) оказывается пассивно открытым для внешних влияний. Такое влияние исходит прежде всего от церковнославянского (византийского) права, существовавшего бок о бок с русским. На уровне формальных признаков (орфографических, фонетических и морфологических) этот процесс изучен Д. Вортом (Ворт 1975) — отмечаемые здесь процессы могут быть связаны, впрочем, не с культурным статусом русского права (его вне-культурностью), а с книжными навыками переписчиков, обуславливавшими все большее окнижение (славянизацию) юридических текстов. Более показательна постепенная славянизация юридической терминологии. Б. Унбегаун был неправ, полагая, что такая славянизация началась лишь с петровской эпохи (Унбегаун 1969, 181, 314—315). Она началась существенно раньше, можно думать, еще до того времени, от которого дошли до нас древнейшие списки русских юридических текстов (см. выше, ср. примеч. 24). В последующий период (до Петра) наблюдается — от списка к списку и от кодекса к кодексу — все большее проникновение в русский текст церковнославянских юридических терминов.

Так, в ст. 3, 4 пространной редакции РП находим термин *головникъ*, а в краткой редакции, ст. 19, 20, дошедшей до нас в более поздних списках, находим

Пешак 1974, по указателю с.л. *послуси, свѣдци*). В позднейших грамотах и в различных изданиях ЛС в качестве единственного термина выступает *свѣдокъ, свѣтокъ* и т. д. (см. ССМ, II, 324; ЛС 1529. V, 15, 16; VI, 23; VII, 4, 6, 22 и т. д. — с. 67, 79, 80, 85, 90).

²⁸ Термин *намъ* русским юридическим кодексам неизвестен, он встречается в берестяных грамотах и в Вопрошании Кирика (Зализняк 1984); характерно, что в последнем памятнике уже по списку Кормчей 1282 г. термин искажен (*наимъ* вместо *намъ*), т. е. уже в конце XIII в. он мог быть непонятен. Термин *накладъ* встречается слишком редко, чтобы можно было сделать какие-либо выводы о его функционировании. В Русской Правде принят термин *рѣзъ*. В позднейших документах (видимо, с середины XV в.) употребляется термин *ростъ*, он, в частности, находится в исключительном употреблении в московских Судебниках и в Уложении 1649 г.

²⁹ Процесс замены термина *рукописание* на *духовная (грамота)* совершается, видимо, в новгородской письменности в конце XV в., возможно, под московским влиянием. При постоянном употреблении в этот период термина *рукописание* (в новгородских, двинских, обонежских грамотах — см. Валк 1949, № 110, 111, 120, 155, 169, 170, 210, 217, 226, 230, 234, 239, 244, 250, 256, 257, 259, 295, 320, 328, с. 166, 169, 177, 202, 211, 212, 237, 241, 248, 250, 253, 256, 259, 262, 265, 266, 267, 293, 308, 312) в нескольких двинских грамотах XV в. появляется термин *духовная (грамота)*, см. Валк 1949, № 263, 265, 271, с. 269, 270, 273.

церковнославянское *убийца* (РП, I, 71, 80, 104, 123, 148 и т. д.). Термин *головник* употребляется и в Псковской судной грамоте, ст. 96 (ПРП, II, 320), и это, вероятно, архаизм. В Новгородской судной грамоте, ст. 36 (ПРП, II, 217) находим уже нейтральный термин *душегубецъ* (хотя убийство еще названо *годовщиной*). В Правосудии митрополищем, в Двинской и Белозерской уставных грамотах — *душегубецъ* (Самоквасов 1907, № XXVII, 182; ПРП, III, 172, 427). В Судебниках 1497, 1550 и 1589 г. *душегубецъ* выступает наряду с *убойца* (*душегубецъ* — Суд. I, 43, II, 71; III, 176, 25, 165, 395; *убойца* — Суд. I, 9; II, 61; III, 115, 20, 160, 393). В Уложении 1649 г. регулярно *убойца*, но один раз *душегубецъ* (XXI, 104). В Новоуказных статьях 1669 г. — *убойца* и *убийца* (ПСЗ, I, 790, 793, 796).

Полностью аналогичный процесс происходит и с терминами *видокъ* — *послухъ* — *свидетель*. Русский термин *видокъ* очень рано вытесняется нейтральным термином *послухъ* (см. выше). В свою очередь, этот последний термин уступает место церковнославянскому термину *свидетель*. Подобная замена имеется уже в некоторых списках РП (см. ст. 19 в списках Археографического вида Пушкинской группы — РП, I, 302). В Псковской судной грамоте обычно употребляется термин *послухъ*, однако в ст. 56 находим *свидетелеи* (ПРП, II, 293). *Послухъ* наряду со *свидетель* употребляется в Судебниках 1497 и 1550 гг. (Суд. I, 47; II, 95—26, 175) и в Уложении 1649 г. (*послухъ* — V, 246, 247, 250—253; XX, 103, *свидетель* — II, 12). О степени проникновения данного славянизма в русский юридический язык красноречиво говорит его употребление в одном из частных актов XV в., именно в двинской грамоте, духовной Сидора Тимофеевича второй половины XV в. — «на то свѣдѣтели и прикащики...» (Шахматов, II, 94; Валк 1949, 251)³⁰.

Примеры ранней славянизации юридического языка можно было бы умножить³¹. Процесс славянизации русского права ясно показывает различие в статусе русских и церковнославянских юридических текстов. Церковнославянские тек-

³⁰ Ср. еще в таком русском памятнике, как Окружной царский наказ, изданный в декабре 1551 г. в связи с решениями Стоглавого собора: «а будетъ неправда въ судѣ и всякая хитрость и продажа въ десятильникѣ, и въ земскихъ старостахъ и въ десятскихъ священникахъ, а доведутъ на нихъ многими свѣдѣтели, и тѣмъ всѣмъ быти отъ меня Царя и Великого Князя въ великой опалѣ» (ААЭ, I, № 231, 226).

Окказионально в русские памятники могут проникать и церковнославянские обозначения имущества — обычно наряду с другими славянизмами. Так, в Рукописании князя Всеволода читаем: «А даю с(вя)тому великому Ивану ѿ своего великого имѣнїа на строение ц(е)рквї и въ вѣкы вѣсь вощаной» (Щапов 1976, 160—161). В Ярлыке Узбека митрополиту Петру находим: «...вся стяжания и имѣнїа ихъ црковныя и люди ихъ и вся причты ихъ и вся законы ихъ уложєнїя старыє...» (СГГиД, II, № 7, 9, ср. с. 8 — отметим здесь и славянизм *законѣ*). Можно думать, что славянизация обусловлена здесь тематикой — речь идет о сношениях светской власти с церковью по имущественным вопросам.

³¹ В пределах ограниченного списка оппозиций русских и церковнославянских терминов, рассматриваемого в настоящей работе, можно было бы привести еще ряд примеров славянизации, имевшей место в Новоуказных статьях Алексея Михайловича. Так, в Уставной грамоте (о мытах) от 30.IV.1654 мы дважды находим церковнославянский термин *законоположение* (ПСЗ, I, № 122, 332). В ряде указов появляется церковнославянский термин *наследникъ* (применительно к наследникам престола — см. ниже). Эти примеры могут служить дополнительным опровержением тезиса Б. Унбегауна о петровской эпохе как начальном периоде славянизации языка русского права. Они, однако, относятся к новой эпохе развития русского права (сравнительно с эпохой от Русской Правды до Уложения 1649 г. — см. ниже) и суть первые примеры славянизации, обусловленной новым культурным статусом русского права; в силу этого было бы неправильно рассматривать их наравне с заменами *послуха* на *свидетеля* или *головника* на *убийцу*.

сты образуют традицию и в силу этого устойчивы и изолированы от внешних влияний, в том числе и от влияния русских юридических текстов. Русские тексты существуют как обычай и податливо воспринимают церковнославянское влияние.

Существующее в качестве традиции (а не обычая) церковнославянское право в интересующий нас период (до царствования Алексея Михайловича) является вполне стабильным — как в своем юридическом содержании, так и в своем языке. Вариации в терминологии могут быть связаны здесь с разными переводами (ср., например, о таких вариациях в памятниках канонического права: Павлов 1869, 55; Ягич 1913, 303—304; Шапов 1978, 90, 97). Так, ряд терминологических различий можно отметить в переводе XI, XXVII, XXXIX титулов Прохирона в составе Книг законных (см. Павлов 1885) и в полном переводе Прохирона, пришедшем на Русь в составе Сербской кормчей (Шапов 1978, 120). Дальнейшая судьба подобных терминологических различий связывается с ориентацией древнерусских книжников на тот или иной текст, причем здесь могли сказываться представления об авторитетности отдельных версий, сборников и т. д., т. е. имел место сознательный выбор традиции (во всяком случае тогда, когда выбор действительно имелся). Такой же сознательный характер имеют, видимо, и терминологические замены, делавшиеся при переписке отдельных церковнославянских юридических памятников. Эти замены могли быть обусловлены стремлением очистить язык этих памятников, удалить из них элементы русской (некнижной) терминологии (или того, что воспринималось как таковая). Так, при издании славянского перевода Эклоги в составе печатной Кормчей 1653 г. *задница* последовательно заменяется на *наследие*, а *задничникъ* — на *наследникъ*; эти замены проведены и в тех случаях, когда *задница* и *задничникъ* передают греч. *λεγάτον* и *λεγάτάριος*, результатом может быть полное обесмысливание текста (см. Милов 1976, 153), что, впрочем, не останавливало редактора³².

Существенно отметить, что целый ряд церковнославянских лексем, употребляющихся в качестве юридических терминов, совмещает юридическое значение со значением религиозным. Эта многозначность церковнославянских лексем калькирует многозначность соответствующих лексем греческих. Так, *законъ* может означать как юридическую норму, так и норму религиозную, что обусловлено такой же многозначностью греч. *νόμος*³³; такими же двумя значениями обладает и слово *заповѣдь*, передающее греч. *διάταξις*. Аналогичным образом *проказа* наряду со значением 'преступление' имеет и значение 'грех, согрешение', и это опять-таки отражает многозначность греческих соответствий *ἀμαρτία*, *ἀμαρτήμα*,

³² Л. Милов считает, что термин *задница* подвергся замене «как явно устаревший» (Милов 1976, 153). Можно, однако, думать, что решающим фактором было не восприятие его как устаревшего, а восприятие его как русского, некнижного, вызывающего недостойные ассоциации. Во всяком случае в том же переводе Эклоги в составе Кормчей ГБА, Рум. 238, 1620 г. этот термин сохранен и глосс к нему не дается. Трудно предположить, что устарение термина произошло за 30 лет, в то время как вполне правдоподобно, что при подготовке текста к печатному изданию особое внимание было обращено на чистоту языка.

³³ Примеры употребления этого слова в религиозном значении см. у Б. Унбегауна (Унбегаун 1969, 180—182). Представляется недоразумением мнение Иванова и Топорова (Иванов и Топоров 1978, 282) о совокупности значений слав. **zakonъ* и о его соответствии др.-инд. *rlá-*: в славянских языках эта совокупность не является исконной, а возникает в результате калькирования греч. *νόμος*. Это недоразумение возникает в силу того, что авторы вообще игнорируют славяно-греческие юридические связи, считая, например, что Закон судный людям является «древнейшим славянским судебником» (Иванов и Топоров 1981, 10).

ἀμαρτία, означающих как peccatum, так и delictum³⁴. *Завѣтъ* совмещает в себе значение ‘завещание’ и ‘договор между Богом и человеком’ (ср. Ветхий Завет, Новый Завет), что восходит к аналогичному совмещению значений в греч. διαθήκη (ср. лат. testamentum). *Рабъ* выступает как в смысле несвободного человека, так и в смысле религиозного подчинения (*рабъ Божий*), калькируя в своем употреблении греч. δοῦλος (см. Θεοῦ δοῦλος, ср. лат. servus). В слове *лице* соединяются значения юридического лица и одной из ипостасей Троицы, что отражает многозначность греч. πρόσωπον (ср. лат. persona). Следует иметь в виду, что данные слова в своем религиозном значении могут употребляться как в церковнославянских, так и в русских текстах (ср. Унбегаун 1969, 180—182), выступая в последних как славянизмы (как было показано, в юридическом значении эти слова появляются, как правило, только в церковнославянских текстах). Эта двузначность церковнославянских юридических терминов не могла не сказываться на восприятии церковнославянских юридических текстов — для русского книжника они выступали как естественный контекст слов сакрального характера, т. е. как неотъемлемая часть христианской культуры. Показательно, что при переводе греческих юридических текстов греч. ῥωμαῖοι могло передаваться как **христиане**, ср. КЗ, ЗК, 1 = Прох. XXXIX, 1: «...**предаѣ соупротивнымъ христѣанъ** — ῥωμαῖοι — **главною казнью казненъ боудеть**» (ср. еще ст. 3 — Павлов 1885, 63), т. е. византийское юридическое наследие полностью отождествляется с христианским. Такое восприятие кардинально отличалось от западноевропейского, где римское право могло ассоциироваться с античной культурой и подвергаться нападкам со стороны ригористически настроенных религиозных деятелей.

4. Функционирование и культурный статус книжного права

Четкая грань между русским и церковнославянским правом обусловлена тем фактом, что церковнославянское право (за исключением нескольких разделов) было недействующим. Если бы оно применялось, следовало бы ожидать сознательного приспособления византийской юридической традиции к условиям русского юридического быта (как это имело место, например, при рецепции римского права в Западной Европе). Следы такой деятельности, однако, отсутствуют — мы не находим ни глосс, объясняющих и приспособляющих чуждые нормы, ни сборников извлечений, сохраняющих нужное и отбрасывающих ненужное, ни кратких пособий типа болонских Brocardica (о западной ситуации ср. Виноградов 1909, 32—58). Нигде в русской письменности мы не встретим заявлений — подобных сделанным автором Exceptiones Petri — о том, что в законах должно быть отброшено все являющееся «inutile, ruptum, aequitative contrarium» (Савиньи, II, 321). Отсутствует, соответственно, и столь характерное для Запада

³⁴ Ср. это значение — греха, зла — в оригинальном русском тексте: «**Спасоу ... ниже насть избави ѿ проказы смертныхъ**» (Правила Владимирского собора 1274 г., ст. 3 — РИБ, VI, стб. 95). Промежуточное — между религиозным и юридическим — значение находим в Послании Афанасия Александрийского в ЕК: «**прѣлѣстѣся ѿ проказы нѣкыхъ чловѣкъ**» — πλανηθῶσιν ἀπὸ τῆς πανουργίας τινῶν ἀνθρώπων — Бенешевич 1906—1907, 556). Показательно, что в Договорах русских с греками 911 и 945 гг. в значении delictum находим *грѣхъ*, *сѣгрѣшениѣ* (ПВЛ, 35, 58; ср. Унбегаун 1969, 204) — это употребление также может быть связано с тем, что и здесь в основе лежал греческий текст, и слав. *грѣхъ*, *сѣгрѣшениѣ* передавали греческое слово, совмещающее значение религиозного и юридического проступка.

применение терминологии римского права к местным юридическим реалиям, определяющее ее переосмысление.

Византийское право находило некоторое применение только в тех его разделах, которые соответствовали специальной компетенции церковных судов. Компетенция церковных судов определялась, с одной стороны, характером дела, с другой стороны, личной подсудностью, т. е. в ведение церковного суда попадали определенные дела вне зависимости от того, кто в них участвовал (это и есть специальная компетенция), и все дела, касающиеся определенных лиц («церковных людей»). Как в том, так и в другом своем аспекте объем деятельности церковных судов в интересующий нас период существенно менялся и к тому же был, можно думать, различным в разных русских княжествах (см. Шапов 1972; Шапов 1974). К специфической компетенции церковных судов в основном относились преступления против веры, брачное право и дела о наследстве. Даже в этих специальных областях византийское законодательство скорее определяло принципиальные представления о правонарушении, нежели служило непосредственным и обязательным руководством в решении конкретных казусов — происходило широкое взаимодействие византийских правовых категорий с русским юридическим бытом. Особенно знаменателен в данном отношении тот факт, что, как показывает Устав Ярослава, церковные суды даже в пределах своей специальной компетенции пользовались русской пенитенциарной системой денежных компенсаций и штрафов (ср. Неволин 1847, 129; Неволин, VI, 300—301; Попов 1904, 58—64; Шапов 1972, 296—306; Шапов 1978, 237).

Взаимодействие византийских правовых категорий с русским юридическим бытом имеет место во всех основных областях права, относившихся к специальной компетенции церковных судов. Наиболее существенно влияние византийского законодательства в области религиозно-нравственных преступлений. Собственно говоря, с принятием христианства на Руси эта область приобретает совершенно новые очертания — практически вне связи с аналогичными институтами языческой Руси (если таковые существовали). Религиозно-нравственные преступления оказываются преступлениями против новых христианских институтов, и отсюда самые категории, в которых мыслились и описывались эти преступления, были заимствованными, византийскими. Как пишет А. Попов, значение византийского права в этой юридической области состояло «в том, что оно определило общий состав религиозных преступлений, указало те отдельные виды преступных деяний, какие входят в эту группу; оно же указало специфические признаки каждого преступления» (Попов 1904, 107). Сами византийские нормы, однако, не применялись. Предписываемая этими нормами смертная казнь и членовредительные наказания были — за единичными исключениями (см. ниже) — совершенно чужды русской судебной практике по крайней мере до конца XV в.; они были заменены денежными штрафами, и в этом нельзя не видеть влияния русского обычного права (это влияние, возможно, было подкреплено католическими образцами — см. о них: Попов 1904, 56—58). Понадобились чрезвычайные усилия духовенства для того, чтобы в Москве с конца XV в. стали применяться наказания византийского типа за ересь и раскол (впрочем, в смягченной форме). Уголовные же наказания за богохульство, совращение в другую веру, лжеприсягу и т. д. появляются — под византийским влиянием — лишь со времени Уложения, т. е. за пределами рассматриваемого сейчас периода (Попов 1904, 122—165). Что же касается преступлений против нравственности (прелюбодеяние, блуд, крово-

смешение, растление, сводничество и т. д.), то они либо вообще не наказывались (кроме как епитимьей), либо наказывались денежными штрафами (Попов 1904, 166—196). Здесь опять же русский обычай берет верх над византийской нормой.

В области брачного права с византийским влиянием связывается, естественно, само установление церковного брака и, соответственно, бракоразводной дисциплины. Византийские тексты могли здесь использоваться непосредственно — например, при определении степеней родства, в которых недопустим брак. Постоянные и многочисленные отступления от византийских правил оставались нарушением канонического порядка, который мыслился как норма (см. Павлов 1887, 121—140; Бенеманский 1917, 113—114). Здесь опять же мы видим определенный компромисс между строгой византийской системой и укоренившимися обычаями русского населения. Однако уже в бракоразводных делах некоторые византийские правила вообще не имели применения (например, Прох., XI, 8: «*Аще мужевн ка не хоташю. со внѣшними мужи пиеть. и мытьсѧ с ними в банн*» — МП, л. 255 об.; существование в России общих бань очевидным образом исключало применение данной статьи, ср. Сергеевич 1910, 497; Бенеманский 1917, 117; и т. д.), в то время как целый ряд причин (например, обоюдное согласие), не оговоренных византийским правом, считался нормальным основанием для развода (подборку примеров см. у Способина 1881, 25—30, 36—42; Загоровского 1884, 27—281; ср. Бенеманского 1917, 117—119). Такие данные позволяют говорить о трансформации самих византийских норм при перенесении их в контекст русских обычаев и русского культурного сознания.

Что касается наследственного права, то здесь взаимоотношения византийского и русского права осложнялись, видимо, конкуренцией между светскими и церковными судами (ср. Щапов 1974). Во всяком случае, РП предусматривает казус, когда «*братыа растажютьсѧ передь князем ѡ задници*» (ст. 108 — РП, I, 129). Светский суд применял, видимо, в этих случаях местное право (ср. Сергеевич 1910, 74, 585—586), хотя, надо думать, с определенными модификациями, обусловленными влиянием византийских норм — такое влияние не могло не иметь места, поскольку сама система семейных отношений с принятием христианства во многом изменилась, приблизившись к византийской, и вместе с новыми отношениями в поле зрения русских людей попадали и регулирующие их византийские нормы. Так, например, именно с принятием христианства появляется различие между законнорожденными и незаконнорожденными детьми, которое и отражается в наследственном праве (см. Неволин 1847, 104; Неволин, V, 342; Сергеевич 1910, 509—510)³⁵. Хотя дела о наследстве и не были в исключительной компетенции церковного суда, они во всяком случае этим судом могли рассматриваться — по справедливому предположению Сергеевича (Сергеевич 1910, 585), именно через практику церковных судов в русские нормы наследственного права попадают положения византийского законодательства. Нет надобности ду-

³⁵ Предположение Преснякова (Пресняков, I, 117—118) о том, что к княжеским чиновникам дела о наследстве попадали не в качестве дел судебных, а в порядке третейского разбирательства, представляется невероятным — для периода Русской Правды четкое разграничение между судебным и третейским разбирательством есть явный анахронизм. Правдоподобнее другое мнение Преснякова (там же) — о том, что отнесение в княжеских уставах дел о наследстве к исключительной компетенции церковных судов представляет собой «скорее выражение стремлений и притязаний духовенства, чем кодификацию норм действовавшего права» (ср. Щапов 1974, 175—177).

мать, однако, что византийские законы были постоянным или обычным пособием или что по ординарным делам решения наследственных споров в светском и церковном суде были различны, поскольку эти суды руководствовались разными нормами. Много правдоподобнее существование единой нормы (возможно, с теми или иными локальными разновидностями), которая выработалась в судебной практике на основе синтеза византийского и местного права в их приложении к новым семейно-имущественным отношениям, возникшим после принятия христианства. Эта норма становится общей для светского и церковного суда, и можно думать, что именно она — на разных этапах своего формирования — отражается в Русской Правде и других русских юридических памятниках.

Все прочие разделы византийского права — существенно большие по объему — были полностью лишены даже и такой относительной прагматической значимости. В уголовном праве, договорных отношениях, в имущественных спорах, в делах о холопах, наконец, в самом судопроизводстве руководствовались русским правом. Так обстояло дело в светских судах и так же — в судах церковных. Собственно говоря, вопрос о применимости византийского права серьезно ставится только относительно этих последних судов — ряд исследователей утверждают, что их деятельность основывалась на византийских юридических нормах и что византийско-церковнославянские юридические кодексы служили им руководством (см. Павлов 1869, 6—16; Павлов 1885, 33—34, 38—39; Сокольский 1898, 129; Шмелев 1900, 384; Дьяконов 1912, 53; Филиппов 1914, 83—85; Бенеманский 1917, 102, 220; Кайзер 1980, 171 сл. — Павлов и Сокольский предполагали, впрочем, что византийское право применялось и светским судом).

Обосновать эти гипотезы не удастся (ср. Попов 1904, 59); те немногие сведения, которые собраны для их доказательства, получают при этом очень натянутую интерпретацию (В. Сергеевич, например, упоминает в этой связи даже ослепление Василько, которое, конечно, никак не было правовым действием — Сергеевич 1910, 406—407). Единичные случаи применения византийских норм остаются ничего не доказывающими исключениями, причем сам факт особого упоминания о таких случаях в летописях говорит о них как об экстраординарных событиях, никак не характерных для каждодневной практики. Духовенство, выступавшее как носитель византийской цивилизации, первоначально, видимо, ратовало за применение византийских законов. В самом раннем русском каноническом памятнике — в Канонических ответах митрополита Иоанна II 1080—1089 гг. говорится: «Прилежи паче закону, неже обычаю земли» (РИБ, VI, стб. 3). В 1053 г. новгородский епископ Лука Жидята приказал урезать своему рабу нос и обе руки (Сергеевич 1910, 406) — видимо, он действовал при этом в соответствии с византийскими нормами, для которых такие наказания характерны (другие примеры, приводимые Сергеевичем — 1910, 406—407, — частью недостоверны, частью не имеют никакого отношения к юридическим процедурам). В. Сергеевич полагал (1910, 404), что смертную казнь вводил Ярослав Мудрый и что потом она была отменена его сыновьями (если соглашаться с его весьма спорной интерпретацией ст. 2 РП, то надо думать, что Ярослав и здесь действовал как любитель греческого просвещения). Как бы то ни было, применение византийских норм носило явно исключительный характер³⁶.

³⁶ Как уже говорилось, византийские санкции не применялись даже в отношении религиозных преступлений, которые, естественно, находились в наиболее непосредственном ведении ду-

Первой и на долгие годы единственной реальной ссылкой на византийские кодексы, зафиксированной в документах, является пересказ статей из XX и XXV титулов Прохирона в грамоте митрополита Киприана от 14 июня 1404 г. (АИ, I, № 255, 484; ср. Бенеманский 1917, 128—136), в которой решается дело об оставлении наследства вдовой своему приемному сыну (*прѣимачку*), после того как ее муж скончался, «а духовныя грамоты нѣтъ». Столкнувшись с этой нетривиальной ситуацией, Киприан действительно обратился к Кормчей. В грамоте говорится: «И язъ Кипреянъ Митрополитъ възрѣлъ семо въ Намаконунъ да изнашелъ есми правило, аже пишеть въ законѣ такъ <далее приводится статья о наследовании супругов, умерших без завещания>. А въ иной главизнѣ законной писано есть <далее приводится статья о равенстве при наследовании родных и приемных детей>. Сего ради язъ Кипреянъ Митрополитъ по тѣмъ законнымъ правиломъ, разсудилъ есмь и управилъ есмь...» Ценность этого свидетельства невелика — и в силу его позднего характера, и в силу особой сложности и редкости казуса, и в силу того, что действия митрополита Киприана, известного своей ориентацией на византийскую практику, вообще могут носить исключительный характер.

Вместе с тем включение Русской Правды в Кормчие и Мерила Праведные (а подавляющее большинство рукописей, в которых до нас дошел этот кодекс, являются именно памятниками данного типа) указывает, что духовенство испытывало потребность в этом кодексе, а такая потребность могла возникнуть, только если местное право применялось им в судебной практике — других оснований для включения русского, а следовательно стоящего вне культуры, памятника в состав церковнославянского канонического сборника быть не могло (ср. Голенищев-Кутузов 1913, 6). В. О. Ключевский предполагал даже, что Русская Правда возникла в результате кодификационной деятельности духовенства и применялась исключительно «в пределах церковной юрисдикции по нецерковным делам, простиравшейся на духовенство и церковных мирян» (Ключевский, I, 233, ср. 228—239). Такой вывод представляется слишком радикальным, поскольку утверждается, что исключительно церковные суды пользовались Русской Правдой, но вполне обоснованным в том, что касается самого употребления русского права

ховенства. Показательно, что в тех исключительных случаях, когда византийские санкции все же были применены, они вызвали протест у непривычного к ним общества. Так, в 1227 г. в Новгороде явились волхвы и церковным судом были осуждены на смертную казнь, «и се мужи княже Ярославли вѣступишася о нихъ» (ПСРЛ, X, 94). М. Бенеманский отмечает: «Что особенно для нас характерно... так это осуждение волхвов на смертную казнь при Архиепископском дворе и просьба пришедших на сей двор бояр князя Ярослава избавить осужденных от смертной казни. Здесь, значит, столкнулись два воззрения: местное, самобытно-русское, и заносное — византийское, — и два права: гражданское и церковное. Последнее возобладало над первым. Но, можно думать, возобладало лишь потому, что защитники его на этот раз были “господами положения”» (Бенеманский 1917, 101). Столь же знаменательно, что в известном столкновении Яна Вышатича с волхвами в 1071 г. Ян не только не предает волхвов для осуждения церковным властям, но для наказания их обращается к институту кровной мести (волхвов убивают родственники тех, кого погубили сами волхвы — ПСРЛ, I, стб. 178). Таким образом, преступление против веры трактуется как обычное уголовное преступление и наказывается согласно местному обычаю (языческого характера). Ясно, что если даже в этой сфере византийские нормы применялись лишь в исключительных случаях, то применение их вне специальной церковной компетенции оказывается вполне неправдоподобным.

церковным судом³⁷. Показательна в данном отношении и позднейшая компиляция Правосудие митрополичье, отражающая практику церковного суда, — уголовное право и процесс изложены здесь явно в соответствии с русской (а не византийско-церковнославянской) юридической нормой³⁸.

³⁷ Критику точки зрения Ключевского см., например, у Пахмана, I, 209—210; Дьяконова 1912, 49—50; Голенищева-Кутузова 1913, 11—12; Филиппова 1914, 97—99; Преснякова, I, 211 сл. Мнение Ключевского основано на предвзятом и анахронистическом представлении о культурной ситуации в Киевской Руси XI—XII вв. Согласно этому представлению, только духовенство обладало в то время средствами для кодификации и обработки русского обычного права (Ключевский, I, 228—229). В. Сергеевич проводит это воззрение еще более радикально и отрицает всякое практическое значение Русской Правды, поскольку оно «предполагает решение судебных дел на основании писанного права и соответствующее распространение среди судей грамотности» (Сергеевич 1899, 40; ср. Сергеевич 1910, 101—103). Следует иметь в виду, что мы ничего не знаем для этого времени о княжеской канцелярии и о юридической подготовленности княжеских чиновников. Грецизмы, отмеченные Исаченко в Мстиславовой грамоте (Исаченко 1970), указывают скорее на относительно высокий культурный уровень этой среды. Грамотность во всяком случае была широко распространена (особенно в виде элементарной грамотности — умения читать), что показали, в частности, берестяные грамоты, и что закономерно должно было иметь место при диглоссии (см. Живов и Успенский 1975). Отсюда не следует, конечно, что судопроизводство основывалось на писанном праве. Более правдоподобно, что в это время, как и в дописменный период, юридические тексты выучивались наизусть. Однако нет ничего неправдоподобного в том, чтобы при таком обучении употреблялся письменный текст. Такое предположение позволяет приписывать данным текстам полную практическую значимость. Вообще, следует отметить довольно высокую юридическую культуру русского городского населения в XII—XIII вв.; на это указывают те же берестяные грамоты (ср., например, грамоту № 531 рубежа XII—XIII вв., написанную новгородской горожанкой Анной — Анна явно знакома с нормами действующего права и с характером процесса — см. Арциховский и Янин 1978, 131—134).

³⁸ Непосредственное отношение Правосудия митрополичьего к практике церковного суда (прежде всего по нецерковным делам) достаточно очевидно и признается всеми исследователями (см. Ключевский, I, 235; Юшков 1929, 118; Черепнин, II, 29; ПРП, III, 438; Тихомиров 1964, 43—44; Шапов 1974, 184—185). Иное мнение высказывает только Тихомиров, в 1941 г. полагававший — без всяких оснований, — что данный памятник «не имеет никакого отношения к практике церковных судов», а является оригинальным произведением какого-то монаха (Тихомиров 1941, 85). Относительно времени возникновения этого свода мнения различны. Юшков (Юшков 1929, 118) датирует его концом XIII — началом XIV в., Черепнин (Черепнин, II, 29) — концом XIV в., связывая его с регламентацией митрополичьего суда в Новгороде митрополитом Киприаном (основания для последнего предположения явно недостаточны). Автократов (ПРП, III, 439) относит памятник к началу XVI в., Тихомиров (1964, 43—44) — к концу XIV в. Отмечу, что аргументы, которые приводит Тихомиров, связывая «начало создания» Правосудия митрополичьего с деятельностью Стефана Пермского, лишены всякого правдоподобия: нахождение в том же сборнике статьи о пермской грамоте не свидетельствует ни о чем, наименование же в памятнике духовной власти епископом, а не митрополитом никоим образом не указывает на Пермь — в Великороссии в XIV—XV вв. было еще четыре епископских кафедры, да и епископ может выступать просто как общее обозначение духовной власти, поскольку Правосудие не ограничивает действие своих норм какой-либо землей или епархией. Шапов (1974, 184—185; 1976, 208) некритически повторяет мнение Тихомирова, добавляя, что на пермскую епархию как место возникновения памятника указывает соединение в нем норм светского и церковного права; ясно, что такое соединение проще всего объяснить двойной юрисдикцией церковных судов, а не особыми условиями пермской епархии, о которых нам ничего не известно. Источники, которыми пользуется составитель Правосудия, и используемая терминология указывают на XIV—XV вв. — для более точной датировки и для локализации памятника нет достаточных данных.

Лингвистические данные и здесь отчетливо обнаруживают характер функционирования права, а именно то, что церковнославянское право не применялось. Так, среди стандартных византийских наказаний за прелюбодеяние было урезание носа. Именно этими словами (*урезание носа*, *урезать носа*) и обозначается соответствующая санкция в большинстве церковнославянских юридических памятников (в соответствии с греч. *ῥινοκόπτω*)³⁹. Однако в переводе Эклоги в составе МП вместо *урезание носа* может стоять просто *обрезание* (ср., например, Экл. XXI, 23 (24) = МП, л. 192: «Бл҃гдѣи сѣ монастырницею. ꙗко цр҃кѣвѣ бѣю о҃укарѣтъ. да о҃брѣзанѣ в҃дѣтъ» — 'Ο πορνεύων εἰς μοναστήριον, ὡς τὴν ἐκκλησίαν τοῦ Θεοῦ ἐνυβρίζων, ῥινοκοπεῖσθω — Цахарие 1852, 47), т. е. упоминание носа опущено. Л. Милов (Милов 1976, 148) полагает, что именно это опущение «повлекло за собой вариант *окорнати* в значении изувечить, осклопить» (ср., например, Экл. XXI, 27 (9) = МП, л. 190: «Иже кѣ женѣ м҃ужатицѣ прелюбы творѣ да окорнѣнѣ в҃дѣтъ самѣ и прелюбодѣицѣ» — 'Ο εἰς γυναῖκα ὑπανδρὸν μοιχεύων, ῥινοκοπεῖσθω καὶ αὐτὸς καὶ ἡ μοιχαλὶς... — Цахарие 1852, 47). Таким образом, опущение слова имело результатом смешение санкций — вместо урезания носа в переводе Эклоги редакции МП предписывается осклопление (осклопление в качестве наказания также известно византийскому праву — оно, однако, применяется только за скотоложество, см. Прох. XXXIX, 74 = МП, л. 329 об.; Брандилеоне и Пунтони 1895, 253). Совершенно очевидно, что, если бы это законодательство имело какое-то практическое значение, переписчик бы твердо знал различие в санкциях и не мог допустить такой ошибки. Более того, если бы он представлял себе хоть отдаленную возможность реального применения этих законов, он не мог бы позволить себе столь безответственной путаницы: ошибка в языке оборачивалась бы тогда существенным изменением наказания. Когда же право не действует, место юридических реалий занимают лингвистические ассоциации, и переписчик ошибается со спокойной совестью. Примеры таких ошибок легко умножить⁴⁰.

Как можно видеть, византийские юридические кодексы в славянском переводе существуют как памятники книжной письменности и в своем бытовании разделяют характерные черты других переводных текстов. Так же как и в других переводных текстах, существенные фрагменты в них оказываются непонятными в силу буквальности перевода. Так, например, в переводе Экл. XIV, 14 (XV, 3) читаем:

Послѣси клицѣм же числомъ сѣтъ. до •Ѣ• точью. въ инѣда привѣдѣтъ ꙗ. кѣкѣгѣ-ждо привидѣннѣ. кѣинѣ д(є)нѣ прикляюще. ли преже Ѣго привидѣннѣ ѡреч(є)тъсѣ привѣданѣ. и послѣшествованнѣ ѡдаѣна бѣд(є)тъ. посѣмъ не привѣдѣтъ кѣмъ инѣгѣ послѣха. но прѣвывати сѣѣяныхъ гласѣхъ (МП, л. 187 об.).

Обращаясь к греческому тексту, обнаруживаем, что это должно означать: «Каково бы ни было число свидетелей, они приводятся не более чем четырьмя груп-

³⁹ Ср., например, перевод Прох. XXXIX, 45: «Οἱ μοιχοὶ τυπτόμενοι καὶ κορευόμενοι, ῥινοκοπεῖσθωσαν» — в составе МП, л. 325 об.: «Прелюбодѣи бѣи и стрѣжи и носа сѣрѣзании да принимать»; в составе КЗ: «Прелюбодѣе вѣи и острижени, и носы ихъ о҃у҃рѣзють». Ср. еще в Законе судном людем, ст. 8: «Иже коупетроу свою поиметь женѣ себе. по законоу людскогоу носъ нѣмѣмѣ о҃у҃рѣзють...» (Тихомиров 1961, 37; пересказ Экл. XVII, 25 — см. Цахарие 1852, 47). Примеры можно было бы умножить.

⁴⁰ Ср. еще в том же переводе Эклоги реконструируемую Миловым замену *поточити* 'изгнать' на *заточити* 'подвергнуть заключению', также, видимо, обусловленную ошибкой переписчика (Милов 1976, 148).

пами, и только так, чтобы привод каждой группы занимал один день. Если же перед приводом четвертой группы кто-либо приведенный отделился и дал показания, после этого нельзя привести другого свидетеля, но нужно остаться при показаниях уже приведенных свидетелей» (Липшиц 1965, 64). Очевидно, что из славянского текста данный смысл никак не извлекается, и само синтаксическое построение делает невозможным понимание излагаемой процессуальной нормы (ср. *не привдидить кмѣ инѡгѡ послѣха* с неясным антецедентом местоимения). Такого рода запутанные пассажи обычны в переводной литературе, но для нее, как правило, и не стояла проблема практической интерпретации. Надо думать, что в этом плане юридические тексты не отличаются от остальных: такая норма действовать не могла, и ни о каком ее применении речь не шла (ср. Бенеманский 1906, 492—522; Бенеманский 1917, 245).

Об этом же говорят и те ошибки, которые возникают не при переводе, а при переписке текста. Например, в переводе Прохирона (XXXIX, 63) в составе МП, л. 328 находим: «*Иже свою кмѣ именемъ брат(а) своего понимать... кѣпно и ѡбѣма носа оуѣбжють*»; в греч. этому соответствует: «*Ὁ τῇ ἰδίᾳ συντέκνῳ ἢ ὀνόματι γάμου ἀγαγόμενος ἅμα αὐτῇ ῥίνοκολεῖσθαι*» (Брандилеоне и Пунтони 1895, 246, 251). *Брата* явно появляется как искажение *брака* (смысл оригинального текста — «тот, который возьмет за себя куму под предлогом брака»), и при переписывании переводных текстов такая ошибка типична: ясно, что речь идет о каком-то инцесте, а детали значения не имеют. То, что юридические тексты разделяют эти свойства с переводными текстами богословского или правоучительного содержания, показывает, что излагаемые в них нормы не действовали — ни в светском, ни в церковном суде, ни в качестве основного, ни в качестве дополнительного источника права. Они переписывались и читались как памятники христианской культуры, приобщавшие славянские народы к наследию византийской духовности⁴¹.

Таким образом, византийско-церковнославянское право (за исключением указанных выше разделов) непосредственно в судебной практике не применялось. Некоторые историки русского права (см., например, Тиктин 1898, 295; Бенеманский 1917, 3; Щапов 1978, 249—250), пытаясь описать русскую юридическую ситуацию в терминах истории западноевропейского права, приписывали византийско-церковнославянскому законодательству роль права вспомогательного (*jus subsidiarium*). Для такого заключения нет никаких данных — ни в одном источнике не упоминается ни о каком суде или юристе (в светском суде), обращающемся к церковнославянским кодексам в поисках юридической нормы, отсутствующей или неясно изложенной в русском праве. Тезис о византийском праве как *jus subsidiarium* возникает исключительно из желания найти для него хоть какое-то место в юридической жизни Руси⁴². Его место, однако, не в юридиче-

⁴¹ Ср. правильный перевод разбиравшейся выше статьи в составе КЗ: «*Иже своен коумѣ именемъ брака приведъ... ѡбонѣмъ носы оуѣбжати*» (Павлов 1885, 70, 73). О непонимании текста, а отсюда и о невозможности его применения свидетельствует и следующий случай, указанный М. Бенеманским. В ряде списков Кормчей к статье Прох. IV, 25 к словам «кѣ д-му браку, паче рещи не кѣ браку», подчеркивающим, что четвертый брак не заслуживает даже наименования брака, добавлена глосса «кѣ безбрачю», полностью обесмысливающая все высказывание (Бенеманский 1917, 234; ср. 232—242).

⁴² Желание найти для византийского права какое-то место в юридической жизни Руси приводит ряд исследователей к совершенно фантастическим гипотезам. Так, А. Павлов, основываясь исключительно на сравнении Ивана Калиты с императором Юстинианом в записи на Евангелии

ской практике, а в культуре; после того как св. Владимир решил вернуться к «устроению отню и дѣдню», византийское право сделалось культурной фикцией — ему принадлежало все культурное значение и никакого значения практического.

Культурное значение византийского права обнаруживается прежде всего в том, что оно служит важным идеологическим источником. Так, например, ссылки на него постоянно встречаются в полемике стяжателей и нестяжателей, в сочинениях Иосифа Волоцкого, направленных против жидовствующих и тех, кто проявлял к ним терпимость, в протестах патриарха Никона против антицерковной политики Алексея Михайловича и т. д. В этом плане значим был именно религиозный (культурный) престиж византийского права, а не его практическое применение. Именно религиозное значение византийского права и подчеркивалось русскими церковными деятелями. Так, одно из обвинений, выдвинутых против Вассиана Патрикеева, состояло в том, что в составленной им редакции Кормчей отсутствовал Градский закон (Прохирон). Обвинявший его митрополит Даниил прямо указывал при этом, что светское византийское законодательство неотъемлемой частью входит в святоотеческое предание. Обращаясь к Вассиану, он говорил:

Вѣдома тебѣ великаа книга: священныя правила апостольскыя и отеческыя, и седми Вселенскихъ Соборъ и помѣстныхъ и прочихъ святыхъ отецъ, и отъ градскихъ законовъ къ нимъ же приложена и сочетанна, понеже градскія законы священнымъ правиломъ послѣдуютъ и кому достойтъ чего възыскати, яко вязати и рѣшати, иная къ симъ по гранемъ обряцеть и по главамъ, яко же святіи отци устави и утвердили и запечатѣли. И тое книги не смѣе никто же разрѣшити или чѣмъ поколебати от седмаго собора до руского крещенія; а въ нашей русской земљи та книга болши петисотъ лѣтъ соборную же церковь содержать и все православное христіанство просвѣщаетъ и спасаетъ, отъ святаго и равно апостоломъ великаго князя Владиміра до нынѣ царя великаго князя Ва-

---

1339 г. (см. ниже), предположил, что Калита заслужил такую похвалу «принятием, а может быть, и рассылкою списков этого земско-полицейского и вместе уголовного устава [Земледельческого закона] по всем волостям своего княжества, при наказных грамотах наместникам» (Павлов 1885, 37). Гипотеза поражает своей полной безосновательностью (ср. Васильевский 1886, 351), поскольку не сохранилось не только упомянутой наказной грамоты, но и вообще никаких следов подобной рассылки. Столь же безосновательно В. Сокольский (Сокольский 1871 42, примеч. 59; ср. 38, примеч. 55, 119; ср. еще Сокольский 1898, 129) предполагал, что вместе с Судебником 1550 г. по светским судам были разосланы «Главы о послусах» (XXVII титул Прохирона в составе КЗ). Единственный факт, на который опирается эта гипотеза, — соединение Судебника 1550 г. с Книгами Законными в одной рукописи XVII в., послужившей источником для первого издания этих памятников в 1768 г. и затем утерянной. Этот факт, однако, не имеет никакого значения (даже если рукопись не была конволютом, ср. о конволюте такого состава, возможно, том самом: Шапов 1977, 50, примеч. 21) и не может быть основанием для далеко идущих выводов хотя бы потому, что ни в одной другой рукописи, содержащей Судебник 1550 г. (таких рукописей сохранилось 40, из них 10 относятся к XVI в.), «Главы о послусах» не содержатся (Суд., 117—129). Вне фантастических гипотез желание найти место для византийского права приводит к характерной формулировке М. Н. Тихомирова (относительно Закона судного людем) — «произведение, которое имело *какое-то* значение в русской юридической практике» (Тихомиров 1961, 18 — курсив мой. — В. Ж.). Предположение об отсутствии у византийского права практического значения лучше согласуется с имеющимися фактами и не заставляет подставлять туманные формулировки на место отсутствующих данных.

силія неразрушима и непоколебима была ни отъ кого: въ тѣхъ лѣтѣхъ святыхъ великихъ чудотворецъ святителей, изящныхъ и нарочитыхъ, преподобныхъ отецъ, премудрыхъ и многоученныхъ, искусныхъ божественному писанію; тѣ всѣ святіи по тѣмъ правиламъ сами жили и спаслися, и людей учили и спасали (Прение 1847, 1, ср. 373 7; Казакова 1960, 285—286, ср. 292).

Еще более красноречиво (хотя и еще более тенденциозно) свидетельство Иосифа Волоцкого. В XIII слове Просветителя он пишет, обосновывая обязательность наказания еретиков:

Аще ли же кто речеть: се есть градскіи закони, а не апостольская ниже отеческая писаніа, таковыи да слышатъ преподобнаго отца нашего Никона во своихъ богодухновенныхъ писаніихъ сице глаголюща о градскихъ законѣхъ во своихъ посланіихъ, въ словѣ двадесать первомъ: сего ради сватыи покланяемии Дѣхъ, вдохну божественнаго отца на святыхъ соборѣхъ, и оучиниша божественнаго правила, таже ѿ святаго Дѣха изложниша божественныя законы и словеса святыхъ отецъ и богосносныхъ, и ѿ оустъ же самого Господа святыхъ Его заповѣди глаголана быша, и обаче ѿ древнихъ божественныхъ правила со градскими размѣшана быша, законы же и завіщаньи. Сице номоканонъ книга сотворена бысть, сирѣчь законъ правила. Множае паче Божіимъ промысломъ божественнаго правила съ заповѣдми господиними и реченіи святыхъ отецъ и сѣ самѣми паки градскими законы размѣшана бывши, предреченнаго книга сотвориса. Аще оубо святіи отцы, иже на вселенскихъ и на помѣстныхъ соборѣхъ бывшеи, ѿ святаго и животворящаго Дѣха наставляеми, и оучиниша Божественнаго правила и законы и словеса святыхъ отецъ, и таже ѿ оустъ самаго Ісуса святыхъ Его заповѣди, со всѣми же сими и градскіи закони сочеташа святіи отцы древніи. И кто оубо дерзнетъ сихъ ѿложити или похѣлти, таже ѿ святаго Дѣха и святыхъ отецъ прѣата быша, и сочетана всѣмъ божественнымъ писаніемъ (Иосиф Волоцкий 1855, 537—538, ср. 536, 554).

Стоит отметить, что цитата из Тактикона Никона Черногорца кончается словами «предреченнаго книга сотвориса» (см. Никон Черногорец 1795, л. 132). Далее у Никона говорится о том, что «божественнаго правила» несравнимы по своей духовной ценности с «царскими повелѣніи», т. е. высказывается мысль, прямо противоположная утверждениям Иосифа. Иосиф, требовавший сурового наказания еретиков в соответствии с византийскими законами, сознательно, надо думать, опускает эти слова⁴³.

Можно думать, что при всей их тенденциозности эти примеры отражают реальное восприятие византийского права в культурном сознании Древней Руси. Его нетенденциозное выражение можно видеть в заголовке XXXIX титула Прохирона (об уголовных наказаниях) в составе одного канонического сборника XVI в.: «Заповѣди по преданію святыхъ правилъ избраннаго о казнѣхъ, по повелѣнію святыхъ отецъ и по уставѣ Св. Царей» (Леонид, I, 649, № 578). Приводя эти примеры, М. Бенеманский справедливо замечает, что «непоколебимость авторитета градских законов совершенно приравнивалась к непоколебимости авторитета церковных канонов» (Бенеманский 1917, 111). Это было связано с

⁴³ Замечу в дополнение, что Бенеманский (Бенеманский 1917, 109) неправильно указывает на Падкету Никона как на источник текста Просветителя.

их рецепцией как части единой христианской культуры (а не с их нахождением в Кормчей, как думает Бенеманский (там же), поскольку, например, входившая в Кормчие Русская Правда такого авторитета не получала)⁴⁴. Византийское светское право оказывается, таким образом, необходимым элементом спасения, и в этом аспекте русское право не может составить ему никакой конкуренции. Понятно вместе с тем, что, когда право вознесено до уровня религиозной истины, его практическое применение оказывается вполне второстепенным предметом.

В плане такого восприятия должны интерпретироваться и ссылки на Номоканон, встречающиеся в русских юридических памятниках: они не отражают реального использования византийских юридических текстов при кодификации русских норм, а воплощают религиозную санкцию, предпосланную юридическому документу. Поэтому такие указания не должны пониматься буквально, как это часто делается в историко-юридической литературе (ср. хотя бы Павлов 1869, 12—5; Филиппов 1914, 83—84; ср. еще Дьяконов 1912, 33—34 и т. д.).

К подобным упоминаниям номоканона относится ст. 1 Новгородской судной грамоты; здесь читаем: «Нареченному на архиепископство Великого Новгорода и Пскова священному иноку Феофилу судити суд свои, суд святительски по святых отец правилу, по манагану» (ПРП, II, 212). В свете того, что известно о деятельности церковных судов, нет оснований предполагать, что эта статья обязует архиепископа руководствоваться определенным сводом правил; утверждается лишь независимость этого суда, в качестве основы этой независимости указывается на особую традицию святительского суда и подчеркивается, что эта традиция имеет освященный источник.

Поскольку византийское законодательство выступает как образец христианского правосудия, ссылки на номоканон, естественно, появляются всякий раз, когда говорится о том, что князь или епископ в своей судебной или административной деятельности показал себя праведным христианином. Укажу, например, на похвалу Ивану Калите, содержащуюся в записи на Евангелии 1339 г.: «**Сии бо князь великой Іванъ имѣше правый судъ паче мѣры. поминаа божественна писаниа исправляниа святыхъ и преподобныхъ штецъ по правиломъ моноханьнымъ, ревнѣа правотѣрному цесарю Оустѣпану**» (Срезневский 1879, № LXXXVI, 146; ср.

⁴⁴ В этой перспективе должно быть пересмотрено часто встречающееся утверждение о том, что юридические сборники типа Мерила Праведного составлены церковными властями в качестве руководства для княжеского суда (ср. МП, VI; Тихомиров 1961, 15—16; Шапов 1977, 51—52; Шапов 1978, 243, 248; и т. д.). Поскольку все имеющиеся данные указывают на то, что византийское законодательство светским судом ни в какой форме не применялось, руководство имело здесь чисто идеологический характер. Показательно в этом отношении противоречие между призывами к судьям судить по правде, руководствуясь нравственным законом, а не личными соображениями (наставления на эту тему составляют первую часть Мерила Праведного), призывами, предполагающими свободу юридического суждения судьи, и «строгой формальной системой доказательств» Русской Правды, при которой такой свободы не оставалось и которая, соответственно, делала излишними все обращения к судейской совести (Голенищев-Кутузов 1913, 24). Ясно поэтому, что и вторая часть Мерила Праведного, содержащая конкретные юридические памятники, имеет то же значение, что и первая, содержащая наставления о праведном суде, — обе части должны обрисовывать идеал христианского суда и, следовательно, служить дидактическим, а не практическим целям. Они должны внушить властителю (князю) идею о том, что его владения являются не только его патримонией, но государством, т. е. социальным институтом, требующим от него особого рода ответственности.

Павлов 1885, 35). Понятно, что в реальности судебная деятельность Калиты столь же мало походила на юридическую практику, предписываемую номоканонам (т. е. Эклогой или Прохироном), сколь мало походил на Юстиниана сам Калита. В подобных случаях Кормчая выступает как онтологический эталон праведного законодательства — точно так же как Константин Великий или император Юстиниан выступают как онтологический эталон праведного христианского монарха (откуда и постоянные сопоставления с ними русских князей). Именно этим и объясняется то, что Н. С. Суворов называл «замечательными примерами бесцеремонности в ссылаках на греческий номоканон» (Суворов 1888, 215).

Данные замечания имеют непосредственное значение для интерпретации известных ссылок на греческий номоканон в Уставах Владимира и Ярослава о церковных судах. В Уставе св. Владимира говорится: «По томъ разверзше грецкыи номоканонъ и вѣрѣтохомъ в' немъ, ѡже не подобаеъ сихъ соудовъ и тѣжъ кн(я)зю соудити, ни боѡромъ ѡго, ни соудыемъ» (Щапов 1976, 23 et passim). Еще определенное значение византийского образца подчеркивается в рассказе о том, как Владимир разделил компетенцию светского и духовного суда, содержащемся в Никоновской летописи под 6501 г.: «Се же и по всей землѣ Русской въ всѣхъ княженпахъ соборныа церкви епископомъ сотвори, по прежнимъ Греческимъ номоканонамъ, и вся суды церковныа, и вся оправданпа церковнаа даде по прежнимъ Греческимъ номоканонамъ святѣй церкви пречистыа Богородици и отцемъ своимъ митрополитомъ» (ПСРА, IX, 65; ср. Неволин, III, 277; Дювернуа 1869, 34). Тем не менее ни «прежний греческий номоканон», ни какие-либо другие византийские установления не могли служить Владимиру образцом для проведенного им разделения светской и церковной юрисдикции — в Византии компетенция светского и церковного суда распределялась принципиально иным образом (ср. Неволин, VI, 276—287; Неволин 1847, 90, 99—103; Бенеманский 1917, 7; Щапов 1972, 16—17). Разделение светской и церковной юрисдикции в Уставе св. Владимира отражает, видимо, западноевропейский (т. е. римский, «католический») порядок, как предполагал еще Неволин (Неволин, VI, 287) и как в отдельных моментах показал Н. С. Суворов (Суворов 1888, 191—218; Суворов 1893, 294—299, 359—364)⁴⁵. Отсюда ясно следует, что ссылка на греческий номоканон в Уставе св. Владимира никак не может иметь реального характера (т. е. ссылки на действительное использование греческого законодательства); следует заключить, что и здесь имеем общее указание на правомерность совершенного акта в свете христианской традиции (ср. Неволин, VI, 276—287; Неволин 1847, 90—103).

Эти соображения в полной мере относятся и к соответствующей статье Устава кн. Ярослава: «Се ѡзъ, кн(я)зь великыи Юрославъ, с(ы)нъ Володимеръ, по данію ѡтца своег(о) с'гадаѡ есмь с митрополитомъ с Ларишномъ, сложил есмь греч(е)скыи номоканоун; аже не подобаетъ(ь) сихъ тѣж(ь) соудити кн(я)зю и боѡрѡмъ, далъ есмь митрополитѣ и еп(и)с(ко)пѣмъ тѣ сѣдѣ, что писаны в' правилѣхъ, в номоканоунѣ...» (Щапов 1976, 110 et passim). Здесь также следует видеть

⁴⁵ Соображения Суворова сохраняют свою силу и при том, что неверна его общая концепция, по которой Уставы являются поздней подделкой, — западное влияние, о котором говорит Суворов, следует отнести не к XIV в., а к X—XI вв. и связывать его не с болгарским посредством, как делает Суворов, а с естественным для X—XI вв. посредничеством западных славян (ср. Власто 1970, 276 сл.).

не более как указание на сообразность действий князя с христианской традицией (ср. Неволин 1847, 127—128; Неволин, VI, 298—300)⁴⁶.

Можно, однако, думать что традиция фиктивных ссылок на номоканон продолжалась и в позднейшее время. Так, например, Иван Грозный, испрашивая у Стоглавого собора благословения для своего судебника, говорил: «Да с нами соборнѣ попрося у бога помощи, во великихъ нуждах, посовѣтуйте и поразсудити і уложите по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ [т. е. по Кормчей], и по прежнимъ закономъ прародителей нашихъ чтобы всякое дѣло і всякіе обычаи строилося по бозѣ» (Стоглав 1912, 17). Ясно, что Грозный не предполагал исправлять судебник в соответствии с византийскими законами, но лишь просил подтвердить общее согласие его законодательной деятельности с христианским правопорядком. В этом контексте и апелляция к статьям, написанным «в правилахъ святыхъ апостол, и святыхъ отец, и в градцкихъ законахъ греческихъ царей», содержащаяся в предисловии к Уложению 1649 г. (Уложение, 67), может пониматься как развитие этой же традиции и не ставиться в связь с заимствованием в Уложение ряда конкретных византийских юридических норм⁴⁷.

⁴⁶ Предположение Шапова (Шапов 1971; Шапов 1972, 305—306; Шапов 1978, 237) о том, что *сложил* употреблено в данной фразе в значении 'отверг', совершенно невероятно. В этом случае церковно-юридический памятник без всякой надобности эксплицитно указывал бы на отличие русского церковного устройства от канонического, на то, что православный князь сознательно порвал с православной традицией. Такое указание — даже при наличии политического противостояния Византии (которое порой приписывают тому же Ярославу) — противоречило бы самым основам русской православной культуры. Показательно, что древнерусские книжники понимали данную ссылку именно в смысле положительной рецепции византийского порядка, о чем свидетельствует представленный в целом ряде списков вариант *разложил*, т. е. раскрыл для консультации (вариант *отложил*, который подтверждал бы трактовку Шапова, нигде, естественно, не встречается), и интерпретация действий Владимира и Ярослава в позднейших подтвердительных грамотах начала XV в. («списали номоканон по греческому номоканону» — Шапов 1976, 183, 185, 187 et passim).

Объяснение Шапова неубедительно и с лингвистической точки зрения. *Сложил* означает 'отверг' лишь в сочетаниях типа *сложить крестное целование, сложить дань*, т. е. когда речь идет о том, что человек снимает с себя прежде принятое (наложенное) обязательство. В этом случае имеет место естественный перенос значения от *сложить* 'снять' в буквальном значении, когда снимается нечто прежде надетое, ср. *сложить фizes, венец*. В словосочетании *сложить номоканон* такое значение реализоваться не может, поскольку ни при каких натяжках номоканон не может быть истолкован как прежде принятое обязательство. Сложности в переводе данного текста устраняются, если предположить, что *сложил* является здесь калькой с греч. συντίθημι, буквально воспроизводящей его внутреннюю форму. Греч. συντίθημι, наряду с прямым значением 'складывать', соответствующим внутренней форме, имеет и значение 'принимать во внимание, держать в мыслях'; предполагаю, что именно это последнее значение и передается рус. *сложил* в Уставе Ярослава (ср. о грецизмах в русских княжеских грамотах: Исаченко 1970). При такой трактовке получаем понятный и естественный перевод разбираемого пассажа: «...посоветовался с митрополитом Ларионом, принял во внимание греческий номоканон, а именно то, что данные дела не должны разбираться князем и боярами, и отдал эти дела в юрисдикцию митрополита и епископов». Таким образом, и в Уставе Ярослава видим ссылку на номоканон, означающую не реальное его употребление, а общее следование онтологическому образцу праведного христианского суда.

⁴⁷ Иное значение имеют ссылки на номоканон в подтвердительных грамотах московского великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана от 12.12.1402 и того же князя и митрополита Фотия от 26.06.1419. В этих грамотах говорится, что князь с митрополитом «оуправили есмы по старине w соудѣхъ ц(ерк)овных, изнашод старыи номоканонѣ. Како

Из всего сказанного уясняется уникальность юридической ситуации Древней Руси: **право, лежащее в сфере культуры, не действует, а действующее право лежит вне сферы культуры.** Этот результат столкновения римского и местного права радикально отличается от того, который можно наблюдать в различных областях Западной Европы. Там сосуществование разных юридических норм принимало форму их параллельного функционирования. Это параллельное функционирование могло осуществляться либо как принцип личного права (*Personalrecht*), при котором применяемое в процессе право определяется прирожденным правом сторон (*Geburtsrecht*), либо как применение римского права церковным судом (или относительно подведомственных церкви лиц) и местного права — светским судом (или относительно лиц светской юрисдикции). Масштаб параллельного функционирования различных прав хорошо иллюстрируется знаменитой жалобой лионского епископа Агобарда (около 850 г.), в которой тот говорит, что «*nam plerumque contingit, ut simul eant aut sedeant quinque homines, et nullus eorum communem legem cum altero habeat*» (MGH, LL, III, 504; М. Блок предполагал, что речь может идти о римском гражданине, салическом франке, рипуарском франке, визиготе и бургундце — Блок 1965, 111—112). Характерным образом, на этом основании могли развиваться системы, в которых тяжущиеся стороны выбирали право, на основе которого будет вестись дело (так называемая *professio iuris* — см. Бруннер, I, 397—399). Именно параллельное функционирование римского и местного права обеспечивало взаимовлияние этих юридических норм, процесс рецепции римского права, в котором законы Юстиниана приспосабливались к изменившимся историческим условиям средневековой Европы.

Ничего похожего на такие процессы в Древней Руси не было. Здесь граница между местным и заимствованным правом оставалась непреодолимой преградой, совпадая с границей между культурой и бытом. Эта специфическая дихотомия приводила к тому, что в России отсутствовали все те институты, которые вызываются к существованию применением права, обладающего культурным статусом: юридическое образование, развитие науки права, формирование юридических корпораций. Эти институты не могли развиваться в области действующего местного права, поскольку оно оставалось в сфере быта, и были совершенно излишни для культурного заимствованного права, поскольку оно не применялось и не нуждалось в разработке.

Итак, и в России, и на Западе имело место сосуществование разных юридических систем, однако характер их сосуществования был существенно различным. Можно сказать, что западноевропейское сосуществование юридических систем строится по принципу многоязычия, тогда как сосуществование разных систем в России основано на принципе диглоссии⁴⁸. Связь русского принципа сосущество-

оуправиль прадѣдъ мои с(вя)тыи князь Володпмерь и с(ы)нъ его князь великий Ярославъ всея Руси, какъ ѿправили ѿни, сѣдъ съ мѣтрополиты, въ соудѣхъ ц(е)рковныхъ и спсалапъ номаканонъ по греческомуу номаканону, что сѣды ц(е)рк(о)вныи и всея ѿправданп ц(е)рк(о)внаѧ, какъ пошло издавна, по томѣ ж(е) и н(ы)нѣ мы ѿправили» (Щапов 1976, 183; ср. 185). Ясно, что здесь дается ссылка на Уставы Владимира и Ярослава, входившие в русские кормчие, и номоканон упоминается как источник установлений этих князей.

⁴⁸ В разных странах Европы процесс взаимодействия римского и местного права проходил по-разному. Наиболее четко принцип «многоязычия» выразился в Италии и Южной Франции, где получил полное развитие принцип личного права. В Англии римское право не имело практического применения, однако местное право обладало там культурным статусом и, соответ-

вания с диглоссией не сводится, можно думать, к сходству структурных моделей, но отражает реальную взаимосвязь юридической и лингвистической ситуаций. Об определяющем значении лингвистических факторов в формировании специфики русского юридического развития уже было сказано выше: изложение местного права на русском языке, а заимствованного — на церковнославянском языке обусловило подчинение этих юридических систем оппозиции культуры и быта, традиции и обычая.

Вместе с тем следует думать, что, если бы на Руси не создалось указанной специфической юридической ситуации, на Руси не утвердилась бы и диглоссия. Действительно, если бы Владимир не отменил своего решения судить по византийским законам и византийское (церковнославянское) право стало бы действующим, это могло бы привести к одному из двух исходов. В одном случае судебный процесс велся бы в России на русском языке; в этом случае церковнославянские тексты были бы переведены на русский язык, и, следовательно, существовали бы параллельные тексты на русском и на церковнославянском языке, что невозможно при диглоссии (см. Живов и Успенский 1975) и что заведомо исключало бы ее образование. В другом случае процесс велся бы на церковнославянском языке; в этом случае действующее право имело бы культурный статус и вызвало бы к жизни все те институты, которые свойственны действующему культурному праву. Прежде всего право было бы предметом изучения, и, следовательно, существовали бы юридические школы, как это было и в Византии, и в Западной Европе (в России же действующее право усваивалось как ремесло или обычай, т. е. в результате практического подражания, а не формального обучения). Обучение церковнославянскому праву и изучение его как особой дисциплины приводило бы к тому, что церковнославянский — подобно латыни — функционировал бы как язык светской науки, как язык ученого сословия и т. д., что также исключало бы образование диглоссии.

Таковы основные черты юридической ситуации Древней Руси, ситуации, которая просуществовала до царствования Алексея Михайловича. В это царствование ситуация изменяется, однако характер последующего развития в значительной степени обусловлен спецификой предшествующего этапа. Древнерусская

венно, сделалось предметом изучения и ученой разработки (причем уже Брактон в XII в. выступает не как начинатель, а как кодификатор зрелой традиции); в этой разработке римское право имеет существеннейшее значение — таким образом, местное и римское право взаимодействовали на основе принципа «многоязычия» в пределах юридической науки. Сходная ситуация складывается — хотя и позднее — в Северной Франции. Наконец, в Германии сталкивались разные типы совмещения римского и местного права. Во-первых, местное право могло усваивать себе культурный статус и подвергаться ученой разработке (ср. *Sachsenspiegel* и в особенности глоссу Иоанна фон Буха — первая половина XIV в., — содержащую последовательное сопоставление саксонского права с римским). Во-вторых, римское право было предметом изучения в германских университетах, и при этом ученая юриспруденция (право, обладающее культурным статусом) непосредственно соотносилась с судебной практикой через институты юрисконсультов и юридических консультаций (см. Виноградов 1909, 120—126). Последующая полная рецепция римского права (с конца XV в.) опиралась именно на эти тенденции развития, в частности на образовавшийся в этом процессе опыт приложения римских юридических норм к новым социальным отношениям. При всем разнообразии перечисленных ситуаций все они объединяются тем, что юридической деятельности усвоен культурный статус и, соответственно, отсутствует та специфическая дифференциация заимствованного и местного права как культурного права и права, стоящего вне культуры, которая имела место в средневековой Руси.

юридическая ситуация определила фундаментальные свойства русского юридического сознания, и это сознание окрасило в специфические тона осуществление и восприятие последующих реформ.

II. Реформа Алексея Михайловича и дальнейшее развитие

1. Уложение 1649 г. как культурная инновация

Кардинальная перемена, совершившаяся в царствование Алексея Михайловича, состояла в том, что действующему праву был присвоен культурный статус, или — иными словами — в том, что была уничтожена сама оппозиция права культурного и права, стоящего вне культуры. Знаменательно, что уничтожение этой оппозиции идет бок о бок с разрушением диглоссии.

Первой вехой в этом процессе было Уложение 1649 г.; оно имело явно переходный характер. С одной стороны, Уложение по видимости сохраняет внешние черты прежнего русского законодательства (например, московских судебников), что проявляется и в языке, и в казуистическом способе изложения материала, и в использовании предшествующего русского законодательства в качестве одного из основных источников. С другой стороны, Уложение — хотя бы в скрытом виде — содержит все те элементы, которые определили последующее юридическое развитие (ср. Власьев 1860, 20—21).

Новизна Уложения проявляется прежде всего в том, что это сознательно составленный законодательный кодекс, вводящийся прямым действием царской власти и устанавливающий новый порядок. Сам характер составления Уложения — в частности, включение в него целых разделов Литовского Статута (М. Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что главы II—V, VII и IX Уложения «составляют целиком или буквальный перевод, или довольно точный перифраз Статута» — Владимирский-Буданов 1877, 7; мнение Владимирского-Буданова о предшествующей рецепции Статута в московском законодательстве мы можем сейчас не учитывать) — показывает, что Уложение не только фиксировало действующие нормы, но и вводило юридическую регламентацию таких сфер, которые раньше лежали вне четкой правовой нормы. Во всем этом Уложение принципиально отличалось от судебныхников предшествующей эпохи, бывших, если несколько огрублять формулировки, не столько законоустанавливающими актами, сколько полезными компиляциями действующего права.

Действительно, характер издания Судебника 1497 г. остается неясным. Судебник 1589 г. был, как хорошо известно, частной компиляцией, сделанной в органах местного управления Русского Севера (Владимирский-Буданов 1902; Богословский 1905; Богословский 1915, 376—378; Андреев 1922, 212—219). Такой же характер частной компиляции имел и Сводный Судебник 1606—1607 гг. (ПРП, IV, 479—481; см. еще Андреев 1925, 637—644). Издание Судебника 1550 г. носило официальный характер, однако он практически не содержал новых законоустановлений, но был фиксацией действующих норм (соответственно, его источниками были Судебник 1497 г. и «уставные книги», содержавшие законодательные акты промежуточного периода — см. Смирнов 1947, 275—277). Показательно, что, обращаясь к Стоглавому собору за утверждением своего Судебника, Иван Грозный напоминал, что он «в преѣдущее лѣта... благословилься есмѣ у

вас... судебникъ исправить *по старинѣ*» (Стоглав 1912, 16—17). Аналогичная ссылка на старину с четким указанием на то, что старина понимается как время правления отца Ивана Грозного, великого князя Василия Ивановича, после которого, т. е. в период боярского правления, многое «поизшталоса или в самовласти учено по своим волямъ», содержится в продолжении речи Ивана Грозного (Стоглав 1912, 17; ср. Смирнов 1947, 268). Эта апология старины входит в самую основу мировоззрения московских государей и обуславливает, по словам М. Дьяконова, «стремление укрыться за выдуманной стариной, прикрыться фикцией». «В данную эпоху идея творчества права еще не создается, и новые явления жизни подводятся под старые формулы. Московские князья и государи так же признают, что по усмотрению они не могут творить право. Весьма важное значение такого мирозерцания проявилось в том, что они не издают никаких общих уставов для определения государственного быта на новых началах, а переделывают старый быт мало-помалу: длинным путем отдельных мероприятий, правительственной практикой. На почве этой практики постепенно слагаются новые обычаи, которые с течением времени могут попасть и в указы или уставы» (Дьяконов 1912, 199—200). Такое отношение к старине и отсюда к законодательным новшествам следует сопоставить с отчетливой формулировкой отдельных статей Уложения как нововведения, см., например, XVII, 42: «А ныне государь царь и великий князь Алексей Михайлович... указал, и собором уложили: впредь с нынешнего уложения...»; XX, 111: «А впредь с сего государева указу в холопях делех ни кого без суда не винити» (ср. Епифанов 1961, 44). Уложение недвусмысленно выступает здесь как памятник, «определяющий государственный быт на новых началах» — сколь бы ни незначительны были вводимые новшества.

Можно думать, что, издавая Уложение, Алексей Михайлович действовал по образцу византийских императоров, для которых законодательная деятельность, в том числе и издание законодательных сводов, была одной из важнейших привилегий верховной власти: поскольку император выступает как формальный источник закона или даже как — по выражению Юстиниана — «одушевленный закон»⁴⁹, законодательство оказывается важнейшим знаком императорского достоинства. При том что одним из аспектов общего византизма Алексея Михайловича было постоянное стремление усвоить себе статус византийского императора⁵⁰, издание Уложения и может рассматриваться как частная манифестация это-

⁴⁹ Укажу лишь на хорошо известные формулировки. Digesta I, 4, 1: «Quod principi placuit, legis habet vigorem: utpote cum lege regia, quae de imperio eius lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat» (Корпус, I, 7). Novellae 105, § 4: «Omnibus enim a nobis dictis imperatoris excipitur fortuna, cui et ipsas deus leges subiecit, legem animatam eum mittens hominibus (νόμον αὐτῇν ἔμψυχον καταπέμψας ἀνθρώποις)» (Корпус, III, 507).

⁵⁰ Стремление усвоить себе статус византийского василевса отражает, видимо, политические амбиции Алексея Михайловича и его завоевательные планы, осуществление которых превратило бы Россию в многонациональную империю. Именно эти амбиции определяли церковную политику Алексея Михайловича (реформы патриарха Никона; о руководящей инициативе царя в этих реформах см. Каптерев, I—II). По свойству русского культурного сознания данное стремление выражается прежде всего в усвоении символических атрибутов византийского василевса. Так, Алексей Михайлович выписывает из Константинополя яблоко и диадему, сделанные «против образца благочестивого греческого царя Константина» (Барсов 1883, 138). Царя начинают именовать святым, что соответствует византийскому употреблению, ранее в России не принятому (к русскому царю так обращались лишь греческие иерархи — см. Савва 1901, 70—71). По византийскому образцу изменяется чин венчания на царство — со времени Федора Алексеевича

го стремления. Таким образом, Уложение, уподобляясь византийским кодексам, вводило в законодательство момент сознательного творчества.

Правотворчество в России устойчиво связывается с заимствованием и переработкой чужих юридических норм (см. Вернадский 1924, 7). Впервые это проявляется именно в Уложении, которое широко заимствует из Литовского Статута и — одновременно — из византийского, т. е. церковнославянского законодательства. Объем последних заимствований невелик (см. преувеличенные оценки Тиктина (1898), и их критику: Беляев 1899; Шмелев 1900, 383—384; ср. еще Бенеманский 1917, 221—223), Владимирский-Буданов называет их «немногочисленными и фрагментарными» (Владимирский-Буданов 1909, 224). Это не отрицает, однако, их принципиальной важности — прямое заимствование элементов «культурного» права в состав русского юридического кодекса разрушает самую систему предшествующего периода, знаменуя конец дихотомии византийского «культурного» права и права русского, стоящего вне культуры.

Следует отметить, правда, что в Уложении этот разрыв с предшествующей системой осуществляется в скрытой форме: заимствуемые церковнославянские тексты переводятся на русский язык. Насколько мне известно, это первый случай перевода с церковнославянского на русский в Великороссии, вообще одно из первых свидетельств начавшегося разрушения диглоссии. Свойственный диглоссии запрет на переводы с высокого языка на низкий (в русских условиях — с церковнославянского на русский) нарушается здесь ради того, чтобы выполнить другое требование диглоссийной системы — то, что относится к практически-бытовой сфере (а именно такой характер имеет русское право, и в этом моменте Уложение сохраняет привычные формы), излагается на русском языке. Приведу примеры:

Уложение	Кормчая
Глава VII, ст. 28—29	гл. 49, грань XXXIX, ст. 53 (Прохифон)
А боудеть кто боудучи на слоужбѣ в' полкѣхъ оу кого оукрадеть ружье, и того бити кнутомъ нещадно... А боудеть кто на слоужбѣ оу кого оукрадеть лошадь, и емоу за тое тать-боу роуку ѿсѣчь (Уложение 1649, л. 83 об.)	Иже во станохъ и въ полкахъ на войнѣхъ крадущпи, или оубѣ оружїа оукрадеть, соу-урово повелѣваемъ бити его. Аще же подѣ-жремника, рекше коня, или мѣща, или осла, таковымъ роуцѣ оусѣченѣ бывають (Кормчая 1653, л. 489 об.)
X. 224	гл. 50, грань XVI, ст. 29 (Эклога)
А боудеть кто учнеть на нивахъ своихъ жечь солому, или на лугахъ траву, и в' то	Аще ли кто тростїе своея нивы, или тернїе хотя пожещи, повержет огонь на нѣ, огонь же

(1676 г.) царь при венчании причащается в алтаре, как это делали и византийские императоры (см. Попов 1896, 191; Савва 1901, 147). Наконец, как отражение византийского влияния может быть рассмотрено и усвоение особого статуса старшему сыну царя, который формально может выступать — в соответствии с византийской моделью соправления отца и сына — в качестве второго носителя царского достоинства и власти; так в «Обнарождении о совершеннолети царевича Алексея Алексеевича» от 1.09.1667 царевич вместе с царем могут именоваться «Их Царскаго Величества персонами» и «Великими Государями» (см. ПСЗ, I, № 415, 720—721; ср. еще изданное после смерти Алексея Алексеевича «Обнарождение о вступлении в совершеннолети царевича Феодора Алексеевича» от 1.09.1674 — ПСЗ, I, № 586, 987—991). Подробнее об этой проблеме см. Живов и Успенский 1987. Издание Уложения естественно укладывается в эту перспективу.

время огонь разгорится, и пожжет чюжје болма паче пройдет, и пожжет и чюжја нивы,
 нивы, или огороды... (Уложение 1649, л. 154) или чюжъ виноградъ... (Кормчая 1653, л. 518 об.)

Такие примеры можно было бы умножить⁵¹. Из них видно, что заимствуемое византийское право оформляется в Уложении по модели русских юридических текстов, причем эта переработка производится вполне сознательно⁵². В этой переработке наиболее отчетливо отражается переходный статус Уложения — в последующем законодательстве необходимость такого переоформления уже не ощущается (см. ниже).

Усвоение новому законодательству культурного статуса, выразившееся в его уподоблении законодательным актам византийских императоров и в прямом заимствовании ряда византийских норм, обнаруживается и в ряде формальных характеристик. Как показал П. Я. Черных, при включении в Уложение статей из указной книги Поместного приказа, из справки Сысного приказа, из доклада Печатного приказа деловой язык этих документов подвергался сознательной архаизации и славянизации (Черных 1953, 28—32, 133—134); такая сознательная славянизация свидетельствует о новой культурной значимости Уложения сравнительно с данными документами. Еще более важно в этом плане издание Уложения в виде книги. Это был — за единственным исключением⁵³ — первый пре-

⁵¹ Перевод или перифразу находим еще в следующих статьях Уложения: I, 3, л. 66—66 об. (ср. Кормчая 1653, гл. 42, ст. 74, л. 329 об.), X, 225, л. 154 (ср. Кормчая 1653, гл. 49, гр. XXXIX, ст. 76, л. 492—492 об.), X, 226, л. 154—154 об. (ср. Кормчая 1653, гл. 49, гр. XXXIX, ст. 77, л. 492 об.); X, 227, л. 154 об. (ср. Кормчая 1653, гл. 49, гр. XVII, ст. 1, л. 438 об.); X, 225, л. 163 об. (ср. Кормчая 1653, гл. 50, зач. XVI, ст. 29, л. 519); X, 259, л. 164—164 об. (ср. Кормчая 1653, гл. 49, гр. XVI, ст. 12, л. 438); X, 278, л. 168 (ср. Кормчая 1653, гл. 49, гр. XXXVIII, ст. 17, л. 487 об.); X, 279, л. 168—168 об. (ср. Кормчая 1653, гл. 49, гр. XXXVIII, ст. 18, л. 487 об.—488).

Любопытно отметить, что в Литовской Руси перевод Прохирона на «просту мову» был осуществлен еще в начале XVII в. (см. рукопись ГИМ, Барсов. 162, 1620-е гг., л. 251—263; см. Щапов 1977, 57).

⁵² О сознательном характере этой переработки и о ее связи с нормами языкового поведения, диктуемыми диглоссией, можно заключить из того, что церковнославянский язык в принципе не исключен из Уложения и перевод, следовательно, не вызван стремлением к понятности, простоте и т. д. Церковнославянский язык вводится в текст Уложения лишь в тех случаях, когда говорится о религиозной значимости тех или иных действий (например, когда в ст. XIV, 10 говорится о церковной точке зрения на крестное целование). Таким образом, в Уложении русский и церковнославянский языки чередуются, но это чередование обусловлено сменой религиозной и бытовой точек зрения (о характере такого чередования для русских текстов периода диглоссии см. Живов и Успенский 1983) — ради соблюдения этого принципа и осуществляется перевод отдельных статей с церковнославянского на русский.

⁵³ Это исключение — перевод книги Иоганна Якоба фон Вальхаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», изданный в Москве 26.08.1647 (фактически книга вышла в свет в том же 1649 г., что и Уложение). Перевод и издание этой книги были сделаны по инициативе того же кн. Никиты Одоевского, который руководил составлением Уложения. Это издание, конечно, не имело того общероссийского значения, которое получило Уложение.

Следует вообще заметить, что характер оформления рукописи (или книги) выступает как знак культурного статуса сочинения. Это отчетливо проявляется в противопоставлении скорописи и полуустава: скоропись преимущественно употребляется в деловой письменности, стоящей вне культуры, полуустав — в литературных произведениях, относящихся к сфере культуры (Щепкин 1967, 136; Успенский 1987). Показательно, что в той рукописи, по которой Башилов в 1768 г. издал Книги Законные и Судебник 1550 г., Книги Законные были написаны полууста-

цедент издания в виде книги светского текста и текста на некнижном языке; сам этот факт ставил Уложение в один ряд с книгами духовного содержания и с книгами на церковнославянском языке, придавая ему тем самым несомненный культурный статус.

Особенно показательно в данном отношении восприятие современников. В этом восприятии издание Уложения выступает как несомненная новизна, и это ощущение новизны можно связать именно с тем, что Уложению усваивался культурный статус. Яркое свидетельство такого восприятия находим в сочинении патриарха Никона «Возражение или разорение смиреннаго Никона, Божию милостию патриарха противо вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисее Ликаридиусу и на ответы Паисеовы», написанном между декабрем 1663 г. и январем 1665 г. (см. Ундольский 1886, 616). Здесь протест против Уложения органически входит в общее отрицание секуляризации и перенесения на светскую власть прерогатив власти духовной, которые Никон с большим основанием приписывает политике Алексея Михайловича.

Полемизируя по видимости не с самим царем, а с основным составителем Уложения кн. Никитой Одоевским, Никон пишет:

Ныне же к тебѣ вбращаемся, лжи предтеча, писателю неправдѣ и беззаконію, ты же ми отвѣщай. Пишешъ въ своемъ сложеніи, на листѣ 63-мъ. И по государеву цареву и великаго князя Алексіа Михайловича всеа Русіи указу, бояре князь Никита Иванович Одоевской с товарищи, выписалъ ис правилъ святыхъ апостолъ, и святыхъ отецъ, и из градскихъ законовъ греческихъ царей, и изъ старыхъ судебныхниковъ прежнихъ великихъ государей, и прочее [цитата из предисловия к Уложению — с. 68]. И что ис правилъ выписал, ис которыхъ правилъ? Се ли, еже пишешъ в десятой главѣ, в первой статьѣ, о судѣ: Судъ государя царя и великаго князя Алексіа Михайловича всеа Русии. Судить бояромъ, и околничимъ, и думнымъ людемъ, и дѣакомъ, и всякимъ приказнымъ людемъ, и судьямъ, и всякая росправа дѣлать всѣмъ людемъ московского государства, от болшаго и до меншаго чину въ правду. Отвѣщай: в которыхъ то правилѣхъ написано, что судъ великаго государя царя, а не Божіей. Мы же ти рѣхомъ выше и нынѣ глаголемъ, яко судъ Божіей есть, и о семъ доволно преднаписахомъ. И царіе слуги суть Божіи, якоже приточник глаголетъ: Слышите убо, царіе, и разумѣйте, и научитеся судіи концемъ земли. Внушите содержащій множества, и гордящійся о народѣхъ языкъ, яко дана есть отъ Господа держава вамъ и сила отъ Вышняго, иже истяжетъ дѣла ваша, и помышленія испытаетъ. Яко слуги сущи царства его, и не судисте право, ни сохранисте закона, ниже по воли Божіи ходисте [цитата из Прем. VI, 1—4, постоянно встречающаяся в древнерусских поучениях о княжеской власти]. Тако и Давидъ глаголетъ: и нынѣ, царіе, работайте Господеви со страхом, и прочее [Пс. II, 10—11]. А еже работати Господеви рабство знаменуетъ, и самъ о себѣ глаголетъ, яко азъ рабъ твой есмь, и индѣ глаголетъ: твой есмь азъ, спаси мя. Ты же

вом, а Судебник — скорописью (Павлов 1885, 4); это ясно свидетельствует о различии культурного статуса двух юридических памятников (если только данная рукопись не была конволютом). Несомненно семиотический характер имели и указы Петра I (ПСЗ, IV, № 1803 от 2.07.1700. ср. еще № 1797, 1817, 1901), предписывавшие вести приказное делопроизводство не в столбцах, а в тетрадах — в этих указах обозначилось не только подражание европейским образцам, но и усвоение русской административной деятельности того статуса, который подобная же деятельность имела в европейской культурной системе. В этом контексте издание Уложения в виде книги выступает как акт, имеющий принципиальное семиотическое значение.

како смѣлъ еси в своемъ ложномъ и проклятомъ писаніи, в десятой главѣ в 25-й статьѣ: Да суда же не судить и никакихъ дѣлъ в' приказѣхъ не дѣлать, опричь великихъ царственныхъ дѣлъ, въ день Рождества Христова, въ день святаго Богоявленія, и в ѣныя Господскія Праздники: Сырная недѣля, первая недѣля Великаго поста, Страстная недѣля, семь дней по Пасцѣ. Да въ который день приспѣть праздникъ, день рожденія государя царя и великаго князя Алексія Михайловича всеа Русіи и его благовѣрныя царицы и великія княгини Маріи Ильичны, и ихъ благородныхъ чадъ. О пребеззаконниче и злобѣснѣй челоувѣче, како не устыдѣся, ни устрашися. Бѣси того исповѣдаху Сына Божіа и Бога, глаголаху: почто еси, Сыне Божіи, пришел еси прежде времени мучить нас. А ты, злострастный челоувѣче, не исповѣда Того Бога быти и Господа нашего Иисуса Христа, аки проста челоувѣка пишеш: в' воскресной день, в' день Рождества Христова <...> Не усохлъ бы скверный твой языкъ изглаголати или написати: Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или святое Богоявленіе Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. И ниже праздникъ нарече, но день. А яже о царѣ, да в который день приспѣтъ праздникъ, день рожденія государя царя и прочее, такожде и о царицѣ и о ихъ чадѣхъ. Которыя праздники, которое таинство? Развѣ что любо страстно и челоувѣческо. И во всемъ приподобилъ еси челоувѣковъ Богу, но и предпочтеніѣ Бога (Никон 1861, 430—432; проверено и исправлено по рукописям: РГАДА, ф. 27, № 140, ч. III, л. 568—570 об.; РГБ, ф. 178, № 9427, л. 347 об.— 348 об.)⁵⁴.

Можно видеть, что все возражения патриарха Никона обусловлены тем, что Уложению усвоен культурный статус. Действительно, Никон отрицает, что Уложение берет что-либо из законов греческих царей. Как показывает то же «Возражение или разорение», Никон был прекрасно знаком с Кормчей; поэтому, нужно думать, он не признал заимствований из Кормчей не потому, что не идентифицировал их содержание с содержанием соответствующих статей Уложения, но потому, что его не устраивал самый способ заимствования: священным византийским законам не было места среди глубоко профанных статей русского законодательства, происходило недопустимое смешение сакрального и профанного (именно в силу того, что профанному русскому праву был придан культурный статус), и самый русский способ выражения разрушал византийские законы, уничтожал их⁵⁵.

Никон говорит далее, что выражение «суд государя царя и великого князя Алексея Михайловича» является кощунственным, поскольку истинный суд принадлежит Богу и Алексей Михайлович, следовательно, приписывает себе божест-

⁵⁴ Аналогичный протест против Уложения, только в более краткой форме, содержится и в посланиях патриарха Никона к восточным патриархам (см. Никон 1861а; РГАДА, ф. XXVII, № 140, ч. V, л. 358—361; ч. VII, л. 91—94; ч. VIII, л. 15—16 об., 53—56, 91 об.— 94. 127—130; РГБ, ф. 178, № 9247, л. 110—111 — все эти письма от 8.02.1666, 2.08.1666, 5.10.1666 в данном фрагменте за вычетом мелких разночтений идентичны).

⁵⁵ Парадоксальным образом аналогичное восприятие Уложения было у графа М. М. Сперанского. Сперанский рассматривал Уложение как естественное развитие законодательства Московской Руси, указывая при этом именно на язык и форму изложения. Он писал: «В судебном языке ничего нет похожего на изложение Юстинианово. В предисловии к Уложению 1649 года хотя и поставлено принимать в соображение градские законы греческих царей и хотя быть может, что некоторые законы и действительно оттуда заимствованы, но ни в языке, ни в системе Уложения нет ничего римского, ничего Юстинианова» (Сперанский 1876, 595). Таким образом, характер оформления (семиотический параметр) оказывался для Сперанского более значимым, чем содержательные связи.

венные права. Этот тезис особенно отчетливо выражен в следующих словах того же «Возражения или разорения»: «И се довольно есть сказано о судѣ, яко судъ Божий есть, а не царя и великого князя. Како же ты, писателю неправедный, не убоясь Господа Бога Свята обезчестити, глаголя: суд царя и великаго князя и прочее беззаконне. Кто еси ты, чрез Божественныя законы и святых Апостолъ и святыхъ Отецъ правила смѣлъ дерзнути новыя бѣсовскія законы написати, яко новый Люторъ» (РГАДА, ф. 27, № 140, ч. III, л. 530 об.— 531; РГБ. ф. 178, № 9427, л. 334).

Утверждая исконную принадлежность суда Богу, а не человеку, Никон следует святоотеческой традиции (он приводит многочисленные выдержки из патристической литературы) и ориентируется на древнерусские поучения о княжеской власти (ср., например, в так называемом Слове Василия Великого о судиях и властех: «Тѣмже рече великѣй Константинъ: да боудеть соудия нелицемѣренъ, ни богата стыдѣся, ни нища милоуя на соудѣ, яко Господень есть соудъ» — Апокрифическое слово 1864, 372)⁵⁶. Такое отношение к данной фразе оказывается возможным, однако, только потому, что Уложение, претендуя на культурный статус, попадает в контекст духовной литературы. В самом деле, вне этого контекста, в рамках русской юридической литературы такое выражение было бы обычным и не вызывало бы возражений, ср., например, в заголовках Русской Правды: «Суд Юрославль Вол(о)димѣрич(а)» (МП, л. 322; ср. РП, I, 104, 117, 122, 148, 168, 186 и т. д.), в заголовках Устава Ярослава: «Сжд Юрослава кнѣз(я), с(ы)на Володимиров(а)» (Щапов 1976, 103). Более того, ст. X, 1 Уложения («Суд государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси, судити бояром и околничим...» в точности соответствует ст. 1 Судебника 1550 г. («Суд царя и великого князя судити бояром, и околничим...» — Суд., 141), и поэтому для внекультурного текста это выражение никак не может быть сочтено новизной.

Соображения книжного речевого этикета обуславливают и два следующих возражения Никона: то, что праздник назван *днем*, и то, что допущены выражения *воскресный день* вместо *Воскресение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* *Рождество Христово* вместо *Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*, и т. д. Очевидно, что в не книжной речи такие выражения, как *воскресение* или *Рождество* спокойно употреблялись, в том числе и самим патриархом Никоном, не вызывая ничьих возражений. Однако, будучи нормальными в обыденной речи, такие выражения становятся кощунственными в сочинении, претендующем на принадлежность к сфере культуры.

Равным образом, когда Никон протестует против упоминания в статье X, 25 «праздника, дня рождения государя царя», он, несомненно, возражает не против

⁵⁶ Этот текст широко распространен в древнерусской письменности, входя в Мерила Праведные (ср. МП, л. 20—20 об.) и в Кормчие в соединении с Мерилем (ср. Кормчая, РГАДА, ф. 181, № 576, л. 482 об.), равно как и в другие сборники юридического содержания (ср. Качалов 1846, 143). Он, видимо, восходит к Хронике Георгия Амартола (см. Истрин, I, 345; греческий текст — Боор, II, 512) и оттуда был заимствован в одно из древнейших поучений о суде и власти (составленное, надо думать, не позднее второй половины XIII в.). Об устойчивости влияния этого и других подобных текстов на русские представления о правосудии свидетельствуют сочинения Посошкова. Посошков, например, пишет: «...судья судит именем царским, а суд именуется Божий <...> А буде судья поведает суд самый правдивый и нелицеприятный по самой истине яко на богатаго, тако на самаго убогаго и безславнаго, то от Царя будет ему честь и слава, а от Бога милость и царство небесное» (Посошков 1911, 19).

предоставления по этому случаю выходного дня подъячим, а против упоминания царского дня рождения в одном ряду с религиозными праздниками. Семиотичность этого соположения обусловлена культурным статусом сочинения (в деловом документе оно было бы лишено всякой значимости). Именно эта семиотичность текста и делает возможными упреки в приподоблении царя Богу и в понимании царского дня рождения как таинства (впрочем, здесь может сказываться и реакция на сакрализацию царя, происходящую в эпоху Алексея Михайловича, — см. об этом: Живов и Успенский 1987).

2. Новое юридическое сознание и славянизация языка русского права

Те черты новизны, которые вошли в русское законодательство с Уложением, получают полное развитие в последующее время. Особенно резко они проявляются в петровскую и послепетровскую эпохи, однако уже во второй половине XVII в. они четко обнаружились и сложились в законченную систему.

Как было показано, со времени Уложения право получает характер государственного установления, т. е. связывается с законоустановительным действием верховной власти. Отсюда законодательная деятельность может восприниматься как сфера индивидуального творчества. Это непосредственным и самым наглядным образом сказывается на объеме нормативного юридического материала. Ранее памятники русского права были в своей основе фиксацией постепенно изменяющейся юридической практики, поэтому общий объем всех таких юридических текстов был весьма невелик (большая часть этих текстов уместается, например, в пять небольших выпусков «Памятников русского права», содержащих к тому же частные акты и комментарий). Теперь законодательная деятельность становится постоянным занятием монарха (или его временщика) и основывается на его личных представлениях и пристрастиях. Соответственно, объем этой деятельности стремительно возрастает, увеличиваясь в геометрической прогрессии с каждым десятилетием⁵⁷. Достаточно указать на первую серию «Полного собрания законов Российской империи», обнимающую законодательство с 1649 по 1825 г. (собрание не является действительно полным — см. Баранов 1872, V—VI) — законодательные акты этого времени занимают 45 томов in quarto объемом около тысячи страниц каждый. Уже законодательство второй половины XVII в. превышает по объему все, что было создано за шесть предшествующих столетий. В свою очередь, петровское законодательство в несколько раз больше законодательства двух предшествующих царствований. Общее число законов и указов, выпущенных в XVIII в., превышает 30 000 (Баранов 1872, VI). Это чрезвычайное увеличение объема очевидным образом сказывается на функционировании всей юридической системы.

Во второй половине XVII в. получает полное развитие и другая тенденция, наметившаяся с Уложением и связанная с уничтожением дихотомии культурно-

⁵⁷ Характерная таблица приведена в официозном «Обзрении исторических сведений о своде законов». Хотя она основана на относительно неполных данных, сведения ее достаточно показательны. Так, за сравнимые по длительности царствования Алексея Михайловича, Петра I и Александра I было выпущено соответственно 618, 3110 и 11119 законодательных актов (Обозрение 1833, 199—200).

го и внекультурного права — заимствование византийско-церковнославянских юридических норм в состав русского права (о влиянии римского права в более поздние эпохи см. Гуляев 1894, 9—10; ср. еще Рождественский 1843, 64—158). Можно думать, что в этот период византийское право и в самом деле получает статус *jus subsidiarium* (ср. Власьев 1860, 227, 238). Во всяком случае, в целом ряде законодательных актов этого времени имеются прямые ссылки на градские законы как на основание судебных решений (см. ПСЗ, I, № 356, № 441, ст. 86, 112, 123, № 442, ст. 34, 44, 58, 67, 790 и т. д., № 527; ПСЗ, II, №№ 626, 1011, 1266; ср. Тиктин 1898, 440; Бенеманский 1917, 251—255). Так, например, в Новоуказных статьях 1669 г. о татевных, разбойных и убийственных делах, ст. 86, встречаем следующие слова: «Которые тати и розбойники и смертные убойцы... по Уложению и по градским законам доведутся казнить смертью...» (ПСЗ, I, 793—794) — градские законы недвусмысленно названы здесь в качестве действующего источника права. Карамзин (Карамзин, III, 145, примеч. 222) сообщает, что «Царь Алексей Михайлович, уже издав *Уложение*, счел за нужное в 1654 году разослать ко всем Воеводам выписки из Греческих законов Номоканона и велел судить по оным дела уголовныя». Хотя указ об этом, который Карамзин собирался опубликовать, дойдя до изложения событий XVII в., для нас не сохранился, нет оснований сомневаться в достоверности этого сообщения (ср. Сокольский 1871, 117—118; Бенеманский 1917, 249—253). Какова бы ни была реальная ценность таких заявлений, ясно, что они по крайней мере создают фикцию единства законодательства царя Алексея Михайловича и освященных христианской традицией законов благочестивых греческих царей⁵⁸.

В этом плане особо показательны уже упомянутые Новоуказные статьи 1669 г. В большинстве случаев эти статьи дословно повторяют соответствующие формулировки XXI и XXII глав Уложения, так что, если рассматривать их содержание, остается неясным, зачем они изданы. Изменения — сравнительно с Уложением — весьма незначительны, их общее направление — приближение к византийским нормам. Так, если по Уложению (Уложение, XXI, 10) за вторую татьбу полагается отрезать правое ухо, то по Новоуказным статьям (ст. 9) — отсечь левую руку, и это соответствует установлениям Эклоги (XVII, 11) и Прохирона (XXXIX, 54), см. Тиктин 1898, 447—448; ср. еще Власьев 1860, 228 сл.

Связь Новоуказных статей с византийской традицией имеет, однако, и куда более непосредственное выражение. Ряд статей, воспроизводя текст Уложения,

⁵⁸ Отмечу еще ряд моментов, указывающих на реальное функционирование византийского законодательства или во всяком случае на интенцию сделать его прямым источником судебной деятельности. Патриарх Никон перед вступлением на патриарший престол требовал от своей паствы обещания, что они будут «держат(ь) суа(нге)лские хр(и)стовы догматы и правила св(я)тыхъ ап(о)ст(о)лъ и св(я)тыхъ от(е)цъ и бл(а)гочестивых ц(а)рей законы» сохранять, о чем он и сообщает в письмах к восточным патриархам (см. Никон 1861а, 513; РГАДА, ф. 140, ч. VII, л. 81 об.; см. еще ч. V, л. 349; ч. VIII, л. 7 об., 44, 83—83 об., 118 об.—119; ср. еще Гиббенет, I, 9). Подобные факты можно было бы рассматривать как традиционную декларацию о необходимости правового, т. е. согласного с «христианской» традицией, суда, если бы они не входили в контекст постоянных ссылок на Византию и византийские законы, подчеркивающих преемственность государственного строительства Алексея Михайловича по отношению к деятельности византийских императоров. В этом контексте определенную значимость имеет, может быть, даже такой факт, как существование сборника конца XVII в. (РНБ, Ф. II. 72), содержащего Прохирон, Эклогу, Уложение 1649 г. и Новоуказные статьи 1685 г. (Щапов 1977, 54).

содержат прибавку — цитату из градских законов, обычно не в переводе, а по-церковнославянски. В качестве примера приведу ст. 79 (ПСЗ, I, № 441, 793): «А будетъ кто кого убьеть съ умышленія, и сыщется про то допряма, что онъ убилъ его съ умышленія; и такого убойцу самага казнить смертію.— А въ градскихъ законѣхъ написано: творяй убивство волею коего любо аще есть возраста, мечемъ муку да прииметь. Да въ градскихъ же законѣхъ написано: аще седми лѣтъ отрокъ, или бѣсный убьеть кого, не повиненъ есть смерти». Первая фраза повторяет Уложение (XXI, 72), во второй части цитируется Прохирон (XXXIX, 79 и 80) (Брандилеоне и Пунтони 1895, 255; ср. Кормчая 1653, гл. 49, гр. XXXIX, ст. 80, 81, л. 492 об.— 493)⁵⁹.

Таким образом, Новоуказные статьи 1669 г. как бы утверждают связь законодательства Алексея Михайловича с культурной традицией, преемственность новых законоположений по отношению к законодательству византийских императоров; здесь словно содержится ответ на упреки патриарха Никона в новизне Уложения, в том, что оно не содержит ничего «из правил святых апостол, и святых отец, и из градских законов греческих царей». Приводимые в Новоуказных статьях цитаты как раз и служат знаком такой преемственности. Эта их семиотическая функция особенно очевидна, когда содержание цитаты не соответствует содержанию статьи. Так, в ст. 108 говорится, что господин не ответствен за убийство, совершенное его человеком; в подтверждение же приводится следующая цитата из Прохирона, XXXIX, 80 (81), говорящая о принципиально ином случае невменяемости: «Аще седми лѣтъ отрокъ, или бѣсный убьеть кого, не повиненъ есть смерти» (ПСЗ, I, 797).

Вместе с тем чередование русских статей и церковнославянских цитат создает совершенно новый в лингвистическом отношении вид текста, исключенный в условиях диглоссии, — параллельный текст на русском и церковнославянском языке. Усвоение новому законодательству культурного статуса, аналогичного статусу старого церковнославянского права, приводит к всеохватывающему вторжению в новое право церковнославянской языковой стихии. Если раньше процесс славянизации развивался медленно и постепенно, то теперь он приобретает сознательный и всеобъемлющий характер. Появляются новые законы и указы, написанные целиком или отчасти на церковнославянском языке. Таковы, например, «Приказ, объявленный... собранному на смотре войску на Девичьем поле» от 28.06.1653 (ПСЗ, I, № 99, 291 — целиком по-церковнославянски), «Уставная грамота» от 30.04.1654 (ПСЗ, I, № 122, 320—322 — частично по-церковнославянски), «Статьи, учиненные благорассмотрением Царя и Великого Князя Алексея Михайловича по совету с Святейшим Паисием, Папою и Патриархом Александрийским...» от 22.01.1669 (ПСЗ, I, № 442 — статьи 1—12 по-русски, статьи 13—14 — по-церковнославянски) и т. д. Постепенно исчезает архаическая синтаксическая конструкция русских юридических формул типа «А будет кто... и тогда...», которая выдерживается во всех русских юридических памятниках вплоть до Уложе-

⁵⁹ Такие подтверждающие цитаты из Прохирона имеются еще в ст. 28, 85, 88, 93, 99, 102, 105, 106, 108, 109, 111. В ст. 84, повторяющей Уложение, X, 198, Прохирон не цитируется, а пересказывается по-русски: «А въ градскихъ законѣхъ написано: Будеть которые люди въ убивствѣ кому помогали и соблаговоляли, и ихъ всѣхъ казнить смертію» (ПСЗ, I, 793; ср. Прох. XXXIX, 36, 37 = Кормчая 1653, гл. 49, гр. XXXIX, ст. 36, 37, л. 487—487 об.). В двух случаях (ст. 44 и 67) соответствующие утверждаемой нормы с градскими законами декларируется без подтверждающей цитаты, ср. в ст. 67: «А въ градскихъ законѣхъ написано о тѣхъ людѣхъ тожъ» (ПСЗ, I, 791).

ния включительно и восходит, как показали Иванов и Топоров (1981, 12—15), к мнемотехническому способу заучивания законов в дописьменную эпоху.

Именно в этих условиях и происходит та повсеместная славянизация юридической терминологии, о которой пишет Унбегаун (1965). Если для Древней Руси именно последовательное противопоставление церковнославянской и русской терминологии ясно указывает на оппозицию церковнославянского права как культурного русскому праву как стоящему вне культуры, то для нового времени вытеснение русских терминов церковнославянскими служит несомненным свидетельством усвоения культурного статуса новому законодательству. Можно думать, что во всех тех случаях, где имелаась оппозиция русского и церковнославянского термина или где русский термин отсутствовал, новое законодательство усваивает термин церковнославянский. Во всяком случае, именно этот процесс наблюдается в рамках ограниченного набора оппозиций, рассматриваемого в настоящей работе.

Так, место уложения занимает *законъ*⁶⁰, *законоположение* (ср. ПСЗ, I, № 122, 322; Екатерина 1770, 30), место *воровства* или *лихого дела* — *злодейство* или *преступление*, соответственно и *воръ* или *лихой человекъ* превращается в *злодея* или *преступника* (Унбегаун 1969, 213, 215—216; ср. еще в дополнение к примерам Унбегауна: ПСЗ, VI, № 3879, 480; № 3963, 652; № 4113, 784; ПСЗ, VII, № 4434, 216). *Послухъ* окончательно заменяется на *свидетеля*, а *послушество* на *свидетельство* (ср. в Воинском Уставе, вторая часть процесса, гл. III «О свидетелях» — ПСЗ, V, № 3006, 391—400). В качестве архаизма русский термин в славянизированной форме может встречаться еще в «Наказе» Екатерины, ср. § 121: «Послушествование двух свидетелей почитается довольным... — *Testimonium duorum testium...*» (Екатерина 1770, 70). Это, однако, архаизм (или намеренный русизм), поскольку *свидетель* и *свидетельство* получают исключительное употребление уже в петровское царствование (ср. ПСЗ, III, № 1572, 278—279; ПСЗ, IV, № 1778, 1833, 1836, 1860, 2216, 21, 134, 139, 151, 170, 434 и т. д.). Можно даже думать, что замена этих терминов была проведена Петром в законодательном порядке. У Голикова в перечне указов Петра за 1700 г. упоминается указ «о свидетельстве спорных составных крепостей рук Дьяком с подьячим, и о писании в крепостях вместо *послухов свидетелями*» (Голиков, II, 44). В «Полном собрании законов» такого указа нет, но если доверять сообщению Голикова, то перед нами редкий случай славянизации юридического языка, прямо предписанной законодателем.

Для обозначения имущества находим термины *имение* и *стяжание* (ср., например, «Наказ», §§ 35, 105, 113, 336: *имение*, *стяжание* = *fortuna*, *bona*, *Vermögen* — Екатерина 1770, 20—21, 60—61, 64—65, 232). Термин *имение* широко употребляется уже в петровском законодательстве (именно в значении 'имущество', ср. обычное словосочетание *движимое и недвижимое имение*), см. ПСЗ, IV, № 1883, 135; ПСЗ, VI, № 3692, 276, № 3939, 640, № 3949, 643, № 3963, 651, № 4113, 784; ПСЗ, VII, № 4436, 216. По крайней мере с указа о единонаследии от 23.03.1714 в законодательстве утверждаются термины *наследие* и *наследникъ* (ПСЗ, V, № 2789, 91—94; ср. еще ПСЗ, VI, № 3893, 496; № 3963, 651)⁶¹. *Духовная (грамота)* вытес-

⁶⁰ Б. Унбегаун (1969, 180—181) неправ, когда утверждает относительно слова *законъ* в значении 'loi des hommes', что «il n'y en a pas trace même à l'époque de Pierre le Grand». См. такое употребление в указе от 17.04.1722: «всеу законы писать, когда их не хранить» (ПСЗ, V, № 3970, 656).

⁶¹ Первоначальное проникновение термина *наследникъ* в русские юридические документы связано, видимо, с обозначением наследника престола (возможно, под польским влиянием, см.

няется церковнославянским *завещанием*. В петровском указе о порядке наследования от 23.03.1714 принят еще термин *духовная* (ПСЗ, V, № 2789, 92, 94; ср. еще ПСЗ, IV, №№ 1823, 1833, 1970, 129, 136, 247), ср. еще в указе от 17.12. 1720: «по духовным и по другим домовым письмам» (ПСЗ, VI, № 3692, 276), хотя возможно и такое сочетание, как «по духовным и по завещательным письмам» (ПСЗ, IV, № 1949, 288; ср. то же выражение, употребленное через пятьдесят лет: ПСЗ, XIV, № 10283, 207). Заменой термина *духовная* в последующее время может служить заимствованное *тестamentъ*, возможно, пришедшее в русский юридический язык через польское посредство (ср. в русском переводе ЛС, III, 42: «тестаменты, то есть духовными» — Лаппо 1916, 108). Именно этим термином названо официальное завещание Екатерины I (ПСЗ, VII, № 5070, 789). Впоследствии, однако, закрепляется термин *завещание* (ср. ПСЗ, XIV, № 10283, 207; «Наказ», §§ 416, 417 — Екатерина 1770, 276)⁶².

В качестве обычного обозначения для кредитора выступает *заимодавецъ* (ср. ПСЗ, IV, № 1833, 134 от 30.01.1701; ср. еще «Наказ», §§ 335, 341 — Екатерина 1770, 230, 236—238). *Холопъ* в качестве обозначения несвободного человека может уступать место *рабу*. Примеры находим хотя бы в Регламенте Главному Магистрату 1721 г., гл. XX: «также и рабы непотребные» (ПСЗ, VI, № 3708, 302) или в указе от 5.I. 1724: «в рабах по принуждению господ их» (ПСЗ, VII, № 4406, 197), ср. еще «Наказ», §§ 261, 263, где *рабъ* соответствует лат. *servus*, франц. *esclave* и *serf* (Екатерина 1770, 180—183)⁶³. В качестве общего обозначения субъекта права закрепляется термин *лицо*, вытесняя постепенно полонизм *особа* и заимствование *персона*. Ср. характерную глоссу в русском переводе ЛС, XI, 63, показывающую сохранение русского термина в качестве основного в середине XVII в.: «двухъ особъ сирѣчь челоувѣкъ» (Лаппо 1916, 344). Для позднейшего времени показателен параллелизм внедрения в деловой язык славянизмов и заимствования

ниже, примеч. 65), ср., например, в Постановлении собора об объявлении войны Польше от 1.10.1653: «и ихъ Государскимъ дѣтямъ и наслѣдникамъ» (ПСЗ, I, № 104, 294), в самом объявлении войны Польше в 1653 г.: «дѣти и наслѣдники» (ПСЗ, I, № 111, 307). С 1655 г. (ср. ПСЗ, I, № 164, 362) *наследникъ* в значении преемника государственной власти и государственных владений входит в новый царский титул: «Отчичъ и дѣдичъ и Наслѣдникъ и Государь и Обладатель» (ПСЗ, I, № 176 от 13.IV.1656, 377; № 229 от 21.V.1653, 454—456; № 421, 736—737; старый титул, без этого слова, см. ПСЗ, I, № 421, 735). У Котошихина *наследникъ* употребляется еще исключительно в данном контексте (Пеннингтон 1980, 53, 556).

⁶² Любопытно отметить, что архаическая церковнославянская терминология может актуализироваться в синодских указах петровского времени, ср. Докладные пункты Синода с высочайшими резолюциями от 12.04.1722: «О раздѣлѣ по завѣтамъ и безъ завѣтовъ оставшагося отъ умершихъ имѣнія наслѣдникамъ», ср. там же далее характерную глоссу: «о свидѣтельствѣ завѣтовъ или духовницъ» (ПСЗ, VI, № 3963, 651).

⁶³ Наряду с заменой собственно юридических терминов происходит замена *холопа* на *раба* в формуляре челобитных. Эта замена обусловлена специальным указом Петра I от 1.03. 1702, в котором определено подписываться «Вашего Величества нижайший раб» (ПСЗ, IV, № 1899, 189 — старый формуляр см., например, у Котошихина: Пеннингтон 1980, 140). Это изменение может трактоваться как славянизация обращения к царю, обусловленная византизацией царской власти и являющаяся, таким образом, частным случаем византизации и славянизации придворного этикета (другую трактовку, на мой взгляд, неверную, см. у А. Алексеева 1978, 4; ср. еще об этой замене интересное замечание Пушкина, X, 62). Обозначение *холопъ* может встречаться и позднее (ср. ПСЗ, XIV, № 10285, 207 от 24.08.1754), однако оно постепенно детерминировано, поскольку постепенно исчезает само различие между холопами и крестьянами (ср. об этом процессе: Алексеев 1978, 4).

ний, отразившийся, например, в таком словоупотреблении, как «раскладку учинить на души..., по 6 гривен с персоны» (указ от 11.01.1722 — ПСЗ, VI, № 3873, 472; о термине *душа* см. примеч. 75)⁶⁴.

Уничтожение оппозиции церковнославянской и русской юридической терминологии выступает как наглядное следствие разрушения противопоставления культурного права и права, стоящего вне культуры, — эволюция плана выражения и здесь в точности соответствует эволюции плана содержания.

⁶⁴ Славянизацию русского юридического языка не всегда можно отличить от его полонизации (как от непосредственного польского влияния, так и в особенности от влияния «простой мовы», т. е. литературного и делового языка Юго-Западной Руси). Во второй половине XVII и первой половине XVIII в. русский деловой язык (язык юридических документов является его частной разновидностью) испытывает глубочайшее влияние языка Юго-Западной Руси, которое распространяется на все языковые уровни (ср. Кохман 1975; Пеннингтон 1980; Живов и Успенский 1983). Именно через это посредство в русский деловой язык проникают многочисленные заимствования (см. Леминг 1976; Собик 1969). В тех случаях, когда церковнославянский юридический термин совпадает с юго-западнорусским термином (или близок ему по форме), нельзя исключить возможность того, что именно юго-западнорусское влияние вводит данный термин в великорусское употребление или что, по крайней мере, усвоение церковнославянского термина стимулировано внешним влиянием. Так обстоит дело прежде всего со словом *наследникъ*, соответствующим польск. *naślednik* (Карлович, III, 180) и употреблявшимся в юго-западнорусском деловом языке (ССМ, II, 24). Характерно, что одно из первых употреблений этого слова в нецерковнославянском тексте находим в польско-русском документе, в языке которого обнаруживается целый ряд элементов «простой мовы»: «межь обоими Великими Государи нашими и ихъ наследниками» (Договорные статьи, учиненные в Варшаве между дворами польским и русским от 23.07.1650 — ПСЗ, I, № 40, 241).

Процесс сознательного введения в русский деловой язык элементов «простой мовы» отчетливо проявился в русском переводе Литовского Статута, выполненном в Посольском Приказе в середине XVII в. (более точные датировки варьируются от 30-х до 60-х годов — см. Лаппо 1916, VIII—IX, XXVIII—XXIX; Соловьев 1917; Черных 1953, 37—39). В этом переводе целый ряд юго-западнорусских терминов глоссирован, т. е. наряду с юго-западнорусской формой приводится ее великорусский эквивалент. Можно думать, что глоссируемые термины (в отличие от переведенных) как раз и выбраны для усвоения их русскому деловому языку. Среди этих терминов находим такие, которые совпадают с церковнославянскими, и это показывает, что в отдельных случаях «славянизация» может быть обусловлена юго-западнорусским влиянием. Примером может служить следующая глосса в Литовском Статуте III, 24: «лихвою, сирѣчь ростомъ» (Лаппо 1916, 92; ср. ССМ, I, 550).

Юго-западнорусское влияние могло сказаться и в распространении терминов *злодей*, *злодейство* как калек с польск. *złoczyssa*, укр. *злочинець*, ср., с одной стороны, заимствование *злочинець* у Котошихина (Пеннингтон 1980, 496), а с другой стороны, употребление *злодѣи* в значении 'преступник' в юго-западнорусской деловой письменности (ССМ, I, 400 — при более обычном здесь *злодѣи* 'вор' аналогичном польск. *złodziej*); речь идет, конечно, не о том, что *злодей* заимствуется из «простой мовы» (в церковнославянских текстах это слово достаточно употребительно), а о том, что введение его в русскую юридическую терминологию совершается под воздействием сходных юридических терминов в «простой мове» и польском языке. Нельзя, наконец, исключить возможности того, что *свидетель* вытесняет *послуха* под определенным воздействием сходного по внутренней форме юго-западнорусского термина *свѣдокъ*, *свидокъ* (ССМ, II, 324), ср. показательную глоссу в русском переводе ЛС, XI, 11: «свѣтковъ, сирѣчь свидѣтелей» (Лаппо 1916, 307—308) и постоянное употребление термина *свидетель* в этом переводе (там же, 14, 36, 51, 124, 266, 279 сл., 307, 308, 312 и т. д.).

3. Функционирование и культурный статус нового права

Итак, со времени Алексея Михайловича русское право вводится в сферу культуры, и это сказывается на всех аспектах формирования новой юридической системы. Вместе с тем, став правом культурным, новое право оказывается в преемственных отношениях со старым культурным правом, и юридическое сознание, выработавшееся в условиях оппозиции русского и церковнославянского права, переносит на него атрибуты культурного права, как они понимались в России.

Сюда относится прежде всего основной атрибут культурного права — его **недейственность**. Попад в сферу культуры, новое право перестает быть непосредственно связанным с юридической практикой, получает определенную автономию как одно из областей культурного творчества, и поэтому прагматический аспект законодательства отходит на второй план. Хотя новые законы и не вовсе не применяются, но вопрос об их применении оказывается второстепенным как для законодателя, так и для общества. Поэтому некоторые законы не применяются никогда, и ни один закон не применяется с обязательностью.

Хотя функционирование юридической системы (в отличие от ее имманентного развития) в XVII—XVIII вв. практически не исследовано, ряд данных позволяет прийти к заключению, что новое право в значительной степени было культурной фикцией. Можно полагать, что уже нормы Уложения применялись достаточно непоследовательно (а некоторые, может быть, и вовсе не применялись). Об этом говорит противоречивость самих норм. Так, в одной и той же статье VII, 32 грабеж в воинском стане сперва приравнивается к убийству и карается смертной казнью, а потом приравнивается к словесному оскорблению и карается «смотря по вине» (Владимирский-Буданов 1877, 15) — ясно, что по крайней мере одна из этих норм должна была нарушаться. Указание Владимирского-Буданова (1877, 15) на то, что эта непоследовательность возникает в результате компиляции из двух разных источников и что «тогдашние судьи-практики имели возможность найти среди таких ошибок редакции закона, потому что лучше нас знали, где искать ключа к разгадке их», не меняет существа дела. Если даже судьи-практики последовательно придерживались старой русской нормы и не обращали внимания на норму, взятую из Литовского Статута (у нас, впрочем, нет доказательств такой последовательности), они тем не менее должны были сознательно пренебрегать одним из предписаний нового закона. Понятным образом, это создает прецедент и может определять отношение ко всему новому праву.

Как известно, Уложение под влиянием византийского законодательства широко вводит смертную казнь (см. Викторский 1912, 65—96; Филиппов 1914, 314), однако весьма часто эта санкция была, видимо, чисто декларативной. Во всяком случае, через четыре года после Уложения, 20.10.1653, издается указ относительно татей и разбойников, приговоренных к смертной казни согласно с прежними установлениями; в нем говорится, что «тех тюремных сидельцов Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович пожаловал, вместо смерти велел им живот дать, и указал Государь их, вместо смертных казни, бить кнутом и у левой руки отсечь по персту, и сослать их в Сибирские и в Понизовые и в Украйные города на черту с женами и детьми» (ПСЗ, I, № 105, 301). Из этого указа, в частности, следует, что к приговоренным к смертной казни эта санкция не применялась и что они сидели в тюрьмах, ожидая внесудебного решения своей участи. То же заключение можно сделать и из указа от 11.05.1663 (ПСЗ, I, № 334, 577; ср. еще ПСЗ, I,

№№ 255, 383, с. 488, 635)⁶⁵. С. К. Викторский, отвергая мнение ряда ученых о том, что в целых категориях дел узаконенная смертная казнь вообще не применялась, пишет тем не менее, что «исполнители закона, видя в громадной массе законов упоминание о смертной казни, привыкли понимать эти указания на смертную казнь как на общую и самую суровую угрозу, а не как на то наказание, которое обязательно должно постигнуть виновника, и давали себе простор в применении наказаний по преступлениям» (Викторский 1912, 112). Даже соглашаясь с этой сдержанной оценкой, приходим к выводу, что уже в этот период практическое исполнение новых законов было весьма неполным и непоследовательным⁶⁶.

О функционировании норм Уложения красноречиво говорит история различия умышленных и неумышленных преступлений. В русском законодательстве Уложение было первым памятником, пытавшимся последовательно провести эти различия (ср. Уложение, XXI, 72; XXII, 17, 18, 20, 21, 22; XXI, 69, 71, 73 и т. д.), которое оно заимствует из римского права через посредство византийско-церковнославянского законодательства и Литовского Статута (см. Власьев 1860, 212—238; Тиктин 1898, 318—340; Сергеевич 1910, 363—372; Бенеманский 1917, 205). Одним из видов неумышленного убийства признавалось по Уложению убийство «пьяным делом» (XXI, 69, 71, 73) — основанием, очевидно, служит понимание опьянения как бессознательного состояния, состояния невменяемости. В самом Уложении такое обобщение отсутствует в силу казуистического характера изложения; можно думать, что в юридической практике и само деление преступлений на умышленные и неумышленные оставалось неясным и приводило к постоянным недоразумениям. Во всяком случае, 27.11.1657 издается следующий указ: «Кто с кем побраняся пьяным делом, и того ж дни дождався на дороге убьет того, с кем бранился во пьянстве, до смерти: и ему то в умышленно ль ставить или не в умышление, того в Государеве указе ненаписано... И под тою статьею помета Думнаго Дьяка Семена Заборовскаго: велено, бив кнутом, и уши резав, ссылатъ на Украину» (ПСЗ, I, № 203, 421). Этот указ показывает, насколько далекими от юридической практики были сделанные в Уложении разграничения; еще более характерно, что эти разграничения остаются неясными для самих законодателей — в ответе не только не дается общего решения, но очевидное умышленное убийство трактуется как неумышленное (за умышленное убийство полагалась смертная казнь — Уложение, XXI, 72), причем рассматриваемый случай выделяется в особый казус, и для него назначается специальное наказание (не предусмотренное в Уложении). Понятно, что такое решение лишь уводило юридическую практику еще дальше от норм Уложения. В соотнесении с подобной юридической практикой перестает казаться удивительным, что, как отмечает Владимирский-Буданов (1909, 363), «понятие о различии умысла и непреду-

⁶⁵ Ср. еще любопытное сообщение в письме к стольнику А. И. Безобразову от его приказчика 1660-х — 1670-х годов: «а <...> Евѣвъ по твоемъ гѣдръ боярскомъ 8каз8 битъ [к]нѣтом за смертное убиство» (Котков 1965, 125). Вполне очевидно, что нормы Уложения не волновали Безобразова — по крайней мере в тех случаях, когда он имел дело со своими крестьянами.

⁶⁶ Ср. еще свидетельство Посошкова, разъясняющего, отчего в России так много разбойников: «А вся сия чинятся от неправаго судейства; ибо егда какова вора или разбойника приведут, то аще и попытают его, да посадят в тюрьму, да кормят его лет десять или больше; и в такое протяжение времени многие уходили, а ушед пуще старого воровали, а иных разбойников суди, вместо смерти, паки отпускали на старые их промыслы, и на то надеясь, безбоязненно воровали» (Посошков 1911, 3).

мышленности в узаконениях Петра Великого стоит ниже определений этого, данных в Московском праве».

Если недейственность норм Уложения еще можно приписать тому, что новое право, конституируя себя в качестве культурного, усваивало установления, чуждые сложившейся судебной практике и юридическим обычаям народа, то с петровской эпохи становится очевидным, что прагматический аспект права сознательно игнорируется, поскольку законодательству сообщены иные, более значимые с точки зрения законодателя функции. Не только умножаются внутренне противоречивые законы и установления, бессмысленные в русских условиях (яркие примеры этого рода законоположений приводит М. М. Щербатов в своем «Размышлении о законодательстве вообще» — Щербатов, I, стб. 412—415, 422—423), но появляются указы, неисполнимость которых не могла не быть очевидна в самый момент их создания. В качестве примера можно привести указы 1714 г. о цифирных школах. В этих указах (ПСЗ, V, № 2762 от 20.01.1714 и № 2778 от 28.02.1714) велено было во всех губерниях учредить цифирные школы, послав туда учителей из математических школ; образование в этих школах делалось обязательным для всех «дворянских и приказного чина, Дьячих и подьяческих детей от 10 до 15 лет, опричь однодворцов» (ПСЗ, V, № 2778, 86), и для того, чтобы утвердить эту обязательность, было предписано давать выучившимся ученикам свидетельствованные письма, «а без таких свидетельствованных писем жeníться им не допускать и венечных памятей не давать» (там же)⁶⁷. Следует учитывать, что цифирные школы еще только создавались, учителей для них почти не было, а население воспринимало насильственное обучение как тяготу и избавлялось от него всеми способами. В результате за первые десять лет существования цифирных школ в них перебивало всего 1389 человек, а окончило 93 человека (см. Владимирский-Буданов 1874, 17—18). В этих условиях исполнение закона должно было бы привести к демографической катастрофе, и этот результат легко было предвидеть. Надо думать, поэтому, что буквальное исполнение этого закона и не предполагалось. Аналогичные примеры неисполнимых законов приводит М. М. Щербатов (I, стб. 379—380). Говоря о влиянии такого законодательства на юридическую практику, Щербатов пишет: «Таковыя противурешительныя положения не могут не сделать затруднения судьям и не привести в некоторый ропот подданных, принужденных жить под неясными законами» (Щербатов, I, стб. 415).

Для понимания характера функционирования нового права существенно, что законы, не предназначенные к исполнению, никак внешне не отличались от законов, изданных с иным намерением. Если это различие как-то и определялось, то определялось оно именно юридической практикой — за неисполнение одних порою наказывали, другим же давали прийти в забвение. Такое различие, однако, могло быть уяснено лишь *post factum*, а следовательно, было вовсе неочевидно для исполнителей закона в момент его издания. Отсюда надо заключить, что для любого нового закона неисполнение его было нормальным и психологически естественным явлением. Именно в этой специфической юридической ситуа-

⁶⁷ Можно думать, что известные слова фонвизинского Митрофанушки «не хочу учиться, хочу жениться» не только выражают естественное стремление человеческой природы, но и являются реминисценцией приведенных петровских установлений, непосредственно связавших учение и женитьбу. Характерно, что после этих слов Митрофанушка «последний раз» садится учиться **цифири** («Недоросль», д. III, явл. VII).

ции, проникающей в самые основы русской жизни XVIII в., оказывается возможным беспрецедентный в мировом законодательстве указ Петра I от 17.04.1722 о «крепком хранении» законов:

Понеже ничто так ко управлению Государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже все законы писать, когда их не хранить или ими играть как в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, а от части и еще есть, и зело тщатся всякия мины чинить под фортецию правды: того ради сим указом, яко печатью все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякия дела вершить и располагать не против регламентов, и не точию решить, ниже в доклад выписывать то, что уже напечатано (как то в 13 день сего месяца в Сенате хотя и не хитростию при Нас учинилось, и тем сочинять указ на указ, дабы в мутной воде удобнее рыбу ловить, как то чинится ныне в Поместном Приказе, толкуя Наш указ о наследстве противным образом), не отговариваясь в том ни чем, ниже толкуя инако <...> Буде же кто сей Наш указ преступит под какою отговоркою ни есть, следуя правилам Гагариновым: тот, яко нарушитель прав Гражданских и противник власти, казнен будет смертию без всякия пощады <...> И для того сей указ напечатать внести в Регламент и публиковать; также по данному образцу в Сенат, доски с подножием, на которую оной напечатанной указ наклеить, и всегда во всех местах, начав от Сената, даже до последних судных мест иметь на столе, яко зеркало пред очми судящих. А где такого указа на столе не будет, то за всякую ту преступку сто рублей штрафа в гошпиталь (ПСЗ, V, № 3970, 656—657).

Этот указ замечателен не только как уникальное описание функционирования нового права. Он раскрывает перед нами характер того юридического сознания, которое и было источником специфики русской ситуации: применение права, ставшего культурным, мыслилось как деятельность нетрадиционная и сомнительная. Именно поэтому то, что является безусловной и не нуждающейся в словах предпосылкой всякой нормальной законодательной работы, становится здесь предметом специального юридического определения. Понятно, что в описанной ситуации и это определение остается исключительно декларативным.

Имеется и еще ряд петровских указов, презумпцией которых является постоянное неисполнение законов. Так, в указе от 9.02.1720 говорится, что неведение не освобождает от ответственности, так же как и ссылка на то, что данный закон не исполняет кто-то другой («не ставя то ему во оправдание, что смотря на другого чинил» — ПСЗ, V, № 3510, 127). Видимо, этот указ и описывает характер рецепции нового законодательства — относительно ряда законов складывался обычай их неисполнения, и при этом один чиновник ссылался на другого. Указ от 22.01.1724 вновь говорит о том, что неведение не может быть оправданием, и вводит специальное наказание для тех, кто будет вершить дела по своему разуму, отказываясь обращаться к имеющимся указам («ежели о каком указе где при каком деле помянуто будет, а кто в то время не возмет того указа смотреть и пренебрежет, а станет неведением после отговариваться: таких наказывать в первые отнятием чина...» — ПСЗ, VII, № 4436, 216). Таким образом, данный акт свидетельствует об общераспространенности такого положения, когда дела решались без учета нового законодательства — по обычаю или по здравому смыслу⁶⁸.

⁶⁸ Об этом говорит и Посошков: «...а у нас... судная расправа никуды не годная, и какие указы Его Императорскаго Величества ни состоятся, вси ни во что обращаются, но всяк по своему обычаю делает» (Посошков 1911, 37).

Таким образом, с точки зрения юридической практики новое законодательство в значительной степени оставалось культурной фикцией, накладывавшейся извне на конкретную административную и судебную деятельность. Этому способствовало два фактора. С одной стороны, объем законодательства непрерывно увеличивался (см. выше), и само обилие законов, неклассифицированных и несобранных, делало их сомнительным и ненадежным руководством в отправлении правосудия и создавало тот произвол подъячих, который становится любимой темой русской литературы (о социальных параметрах этого конфликта между дворянством, с пренебрежением относившимся к гражданской службе, не знавшим законов, но монополизировавшим судебские должности, и подъячими, удрученными своим низким социальным статусом, но обладавшими навыками судебного делопроизводства, см. Вортман 1976, 22—24).

Показания современников на этот счет многочисленны и несомненны. Наиболее интересно свидетельство официозного «Обозрения исторических сведений о своде законов» 1833 г., составленного под руководством М. М. Сперанского и имеющего тенденцию приукрашивать действительное положение вещей — тем более значимы сведения, сообщаемые здесь с неумышленной простотой. Здесь говорится: «Настоящее наше законодательство состоит из 35.000 актов. Около половины из них, быв или отменены или ограничены позднейшими актами, или составляя одно повторение, принадлежат к Истории. Сей избыток тяготит, затрудняет бесчисленными ссылками и справками настоящее делопроизводство, ставя производителей в необходимость вместо одного, двух или трех решительных Указов выписывать и приводить десять совершенно ненужных, и вместе с тем открывая пространное поле подбору Указов и ябеде» (Обозрение 1833, 91, примеч.); и далее: «Исполнитель редко может положиться на закон ему известный, не зная с достоверностию, не изменен ли он пояснением или дополнением, а сих изменений он должен искать, так сказать, на угад» (там же, 94). Об этом же пишет М. М. Щербатов (I, стб. 423—424)⁶⁹.

Еще более показательна безуспешность попыток правительства создать пригодный для практики свод законов — они начались еще в конце XVII в. и более ста лет не приводили ни к какому результату. Бесплодность деятельности комиссий по составлению свода законов (по исчислению «Обозрения исторических сведений...» их с 1700 по 1804 г. было десять) объяснялась, конечно, не только сложностью задачи. Прежде всего, надо думать, на самых подступах к решению первичной задачи — сбору и классификации законов, относящихся к одному и

⁶⁹ Около 1770 г. Комиссия по составлению чертежа российского управления в следующих словах выражала свое отношение к юридической системе: «Чувствительные члены отечества с прискорбием взирали на то, что иное правительство до своей только должности принадлежащих всех законов не имеет» (Лаппо-Данилевский 1897, 85). В. Н. Зиновьев говорит в своем «Журнале путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии», написанном в форме писем к его другу, русскому послу в Лондоне С. Р. Воронцову (в письме от 16/27 июля 1786 г.): «Тебе известно, что у нас тысяча законов, между которыми немалое число противоречащих... что законы ни судье, ни преступнику, ни большей части публики, самим стряпчим и секретарям очень часто неизвестны и что они чрез беспорядок как бы находятся в закрытии и, по моему мнению, некоторым образом на инквизицию походят, ибо преступник хотя знает, что он по закону обвинен, но ни он, ни судья, а часто секретарь, который по своей должности у нас тысячи законов знать обязан, не уверены — нет ли другого последнего закона, которым виновной оправдан быть должен? Приняв сие, ты видишь, как тяжело честному и чувствительному человеку быть у нас судьей» («Журнал» не опубликован, цитирую по статье: Лотман 1981б, 115). Такие свидетельства можно было бы умножить.

тому же предмету, — систематизаторов останавливала уяснявшаяся при этом хаотичность и противоречивость актов сходного содержания. Необходимо было найти критерий выбора, и это заводило в тупик все предприятие; в таком случае все новое законодательство должно было бы подчиниться единой системе, общему юридическому принципу — к этому законодатели не были готовы как из-за отсутствия какого-либо юридического образования (его не было в России до начала XIX в. — см. Лаппо-Данилевский 1897, 4—56, — и это определяло деятельность не только законодателей, но и систематизаторов), так и из-за нежелания ограничивать свою волю и пристрастия (ср. Вортман 1976, 17)⁷⁰.

В то же время правотворчество оставалось культурной деятельностью, и поэтому демонстрация намерений и умонастроений всякий раз предпочиталась законодателем практическому интересу, ибо прежде всего, по словам Щербатова, правители государств желают «увенчать свое имя разными законами» и «сего рода славу, яко наиболее пребывающую, себе приобрести» (Щербатов I, стб. 355). Отсюда, с одной стороны, невозможно было ограничить творение новых законов (а следовательно, новых противоречий и усложнений законодательства), с другой же стороны, сама деятельность комиссий приобретала характер не практического мероприятия, а показательного торжества (что особенно ярко выразилось в работах Екатерининской комиссии 1767 г., ср. ниже).

Вместе с тем язык юридических документов — в силу того, что они входили в сферу культуры, — отражал стремительные изменения лингвистической моды и поэтому оказывался малопонятным для «непросвещенной» массы судейских и административных чиновников. Первоначально, как было показано, введение русского права в сферу культуры обуславливает его славянизацию, и этот процесс совпадает с процессом активизации церковнославянских языковых средств в сфере окультуренного быта; этот процесс имел место во второй половине XVII в. В последней четверти этого столетия доминирующим культурным и языковым влиянием становится польское, и это также находит отражение в юридическом языке. В петровскую эпоху образцы ищут непосредственно в Западной Европе, и, соответственно, язык законодательных актов переполняется заимствованиями из германских и романских языков. Десятки новых заимствований находим, например, в Воинском Уставе (ПСЗ, V, № 3006), оставшемся одним из основных судебных руководств в продолжение всего XVIII столетия. Существенно, что многие заимствования впервые появляются именно в законодательных актах, что, несомненно, делало эти акты непонятными для абсолютного большинства исполнителей закона. В правление Екатерины II «литературность» в изложении новых законов становится предметом особых забот⁷¹. Эта забота о

⁷⁰ Поэтому попытки составить свод существующих законов перемежаются с планами создания нового законодательства. Так, с 1714 по 1718 г. пытаются составить Сводное Уложение, в результате появилось десять глав, которые, однако, были «не окончены и оставлены без рассмотрения и без последствий» (Обозрение 1833, 13). Затем «в 1720 году родилась мысль, оставив сей путь, взять другой: сочинить новое Уложение, — и сочинить его сводом Российского Уложения с Шведским, а потом с Датским» (Там же, 14 — ср. ПСЗ, VI, № 3626 от 8.08.1720 и № 3661 от 17.10.1720, 230, 248). Точно так же опыты составления Сводного Уложения, продолжавшиеся с 1741 по 1754 г., завершились отказом от проделанной работы и решением «сочинить законы ясные, всем понятные и настоящему времени приличные» (Обозрение 1833, 20—21).

⁷¹ Характерно, например, что Екатерина может ставить в вину П. В. Завадовскому, выполнявшему роль ее секретаря, «пухлость слога», т. е. чрезмерную славянизацию (см. Храповицкий 1874, 163—164).

литературности могла приводить к усложненности изложения в лексическом и синтаксическом отношении, характерной для литературного «славенороссийского» языка этого периода (ср. Левин 1964, 11—62). Показателен отзыв М. М. Щербатова о работах Экспедиционной комиссии, обязанностью которой было языковое редактирование Проекта нового уложения (конец 60-х годов): «Комиссия... быв сочинена из избранных людей в знании Славено-Российского языка, подавала причину к сомнению, что, ввергаясь в великую чистоту и велеречие, не учинила бы законы непонятные простым людям. Ибо оные не ради ученых людей делают, но ради простых, чтобы они их разумели; и в сем случае кажется должно снисходить на простоту тех и лучше отдалиться от грамматики, нежели непонятный простым людям закон написать» (Щербатов, I, стб. 363)⁷².

Естественно, что при таком развитии языка законодательства понятность его для консервативной в языковом отношении массы (включая и судебных чиновников) не могла быть обеспечена. Поэтому в течение всего XVIII в. повторяются заявления (носившие, естественно, декларативный, а не практический характер) о необходимости сделать язык законов ясным и общедоступным. Так, В. Н. Татищев в 1736 г. пишет: «Надобно, что закон просто и внятно таким языком написан был, которым подзаконные говорят, чтоб и простейший человек силу закона и волю законодателя правильно разуместь мог», и поэтому в законах необходимо «речение простое и гладкое, дабы каждому и простейшему так вразумительно было, как воля законодателя есть, и для того ни какое иноязычное слово ниже риторическое сложение в законах употребляться может» (Обнорский и Бархударов 1948, 89—90). Тот же Татищев в своих замечаниях на инструкцию о новой ревизии 1743 г. прямо связывает исполнение законов с грамматической правильностью их изложения: «...нужно, чтоб... то, что мы кому внушаем, ясно к понятию изречено было; для того потребно такое речение употреблять, чтоб все было вразумительно не токмо в обществе, но и в малейших того частях. Речение имеет части слова [т. е. части речи], а в словах части суть буквы; для того нужно, чтоб всякое слово слышасий в том разуме принимал, в котором сказыватель полагает» (Татищев 1979, 361). Специальная глава «О составлении и слоге законов» имеется в «Наказе» Екатерины. Здесь, в частности, говорится о том, что «слог законов должен быть краток, прост», что «когда слог законов надут и высокопарен, то они иначе не почитаются, как только сочинением, изъясляющим высокомерие и гордость», и что, наконец, «законы делаются для всех людей; все люди должны по оным поступать: следовательно надобно, чтобы все люди оные и разуместь могли», и поэтому в законах «надлежит избегать выражений витиеватых, гордых или пышных» (Екатерина 1770, 294—298). Этому вторит М. М. Щербатов: «Законы должны быть писаны слогом простым, но чистым, дабы всякому могли понятны быть; слова в них должны быть употреблены хотя избранные, но не изысканные [т. е. *les mots choisis, mais non recherchés*]» (Щербатов I, стб. 371). Несмотря на все эти декларации, вразумительность законов оставалась *prim desiderium* до конца XVIII в. Об этом недвусмысленно заявляет тот же Щербатов: «Входя в состояние Российской империи, где штатская служба по большей части служит убежищем отошедшим от военной службы, много ли есть таких су-

⁷² И в начале XIX в. в языке законодательства непосредственно, видимо, может отражаться борьба сторонников Карамзина и сторонников Шишкова, определявшая развитие литературного языка этого времени (см. Успенский 1987).

дей, которые б знали законы, или, по крайней мере, знали бы и понимали разум их из грамматического сложения российского слова? А однако таковые не токмо в нижние судьи, но и в вышние, не учась, определяются; закон хотя еще не ясный, им еще не яснее кажется; суд идет развратный и противуречительный; законы затмеваются, а народ страждет» (Щербатов I, стб. 423—424).

Очевидно, что при этих условиях судебная и административная практика в значительной степени формировалась помимо закона. Формы, которые она при этом принимала, должны быть предметом особого исследования. Немногие доступные сведения позволяют указать два момента, характерные для развития этой практики.

Там, где можно было избежать прямого государственного контроля, сохранялся, видимо, старый порядок судопроизводства и администрации. Так, в частновладельческих имениях крестьянская «община сама осуществляла выбор должностных лиц, раскладку податей и повинностей, сама вела свое земельное хозяйство. Общинные должностные лица собирали оброк и творили суд» (Александров 1976, 123). Судопроизводство при этом — хотя ограниченное в своей компетенции, но решавшее, надо думать, большинство возникавших тогда в России тяжб бытового характера — велось в соответствии с обычным правом; новое законодательство сюда даже не проникало (см. Прокофьева 1981, 157—163; ср. Вернадский 1924, 7)⁷³. Столь же консервативной была здесь и административная практика. Особенно показателен в этом отношении сбор государственного налога. С 1724 г. в России вводится подушная подать (фиксированный денежный сбор с каждого лица мужского пола), заменившая тягловое обложение, при котором налог собирался в соответствии с хозяйственной силой двора. Новая система была нерациональной и несправедливой, поскольку при ней «скудный крестьянин с 3 малыми сыновьями должен [был] платить вдвое больше богатого с одним сыном» (Ключевский, IV, 139; ср. Блюменфельд 1884, 289); несправедливость ее была тогда же отмечена современниками (ср. Посошков 1911, 79—81; Волынский 1881, 20—21).

Показательно, что сам термин *подушная подать* является славянизмом. В древнерусском (некнижном) языке был принят счет людей головами (ср. в современном языке *поголовный*); в позднейшее время счет головами был усвоен исключительно скоту (Мрочек-Дроздовский 1917, 29), что может рассматриваться как побочный результат славянизации делового языка. В церковнославянских текстах люди считались *душами*, причем слово *душа* в этой функции калькирует греч. ψυχή, лат. *anima*, ср. Исход I, 6 по списку XIV в.: «Бѣаше же всѣхъ дѹшъ — *anīmae*, ψυχαι — *изведшихъ ѿ Иакова седмьдесятъ и .ѿ.*» (Срезневский, I, стб. 750). Таким образом, термины *ревизская душа*, *подушная подать* и т. д. оказываются терминологической новизной, обусловленной процессом славянизации. Этот характер новизны ясно отразился в тех сочинениях петровской эпохи, в которых со-

⁷³ Возможно, и эта черта восходит уже к эпохе Уложения. М. М. Богословский (I, 302) отмечает, что в северных волостях уже в 1652 г. в избирательных списках земский судья мог обываться судить «по государевым уставным жалованным грамотам и по судебнику»; таким образом, в качестве действующего кодекса здесь обозначен судебник, а не Уложение 1649 г. Богословский объясняет это консервативностью формуляра избирательного списка. Ничто не мешает думать, однако, что практика была консервативнее формуляра и что источники права оставались прежними даже после того, как формуляр изменился. В таком случае традиционный формуляр избирательного списка 1652 г. просто отражает действительное положение вещей.

состоят русские и церковнославянские термины, будучи противопоставлены как официальный и неофициальный, ср., например, у А. Волинского в «Инструкции дворецкому Ивану Немчинову»: «И хотя ныне и учинена *подушная* перепись и собираются подати *поголовно*...» (Волинский 1881, 20 — курсив мой. — В. Ж.). В. Н. Татищев в 1740-х годах может еще говорить о *поголовной ревизии*, *поголовной переписи*, *поголовном окладе*, заменяя русским словом *поголовный* официальное *подушный* (Татищев 1979, 361, 363). Большинство населения воспринимало славянские правительственных актов через призму обычного русского употребления соответствующих лексем, и это приводило к характерным семантическим аберрациям. Так, Посошков писал: «А и во счислении душевном нечаюж я проку быть; понеже душа вещь неосязаемая и умом не постижимая и цены неумущая» (Посошков 1911, 79). Хорошо известно, что старообрядцы видели в подушной подати антихристово установление, и важнейшим доказательством бесовского характера этого института было именно то, что расчету и обложению подвергался не только труд людей, но и их души — таким образом, *душа* понималась здесь в религиозном смысле, а не как счетный (юридический) термин.

Протест, возможно, вызывал в большей степени принцип, чем практика. На практике «государственный принцип сбора подати с каждой души заменялся иным принципом — по тяглу» (Александров 1976, 114), «несмотря на введение подушной подати земля по-прежнему делится по тяглам, а подать платится не с души, а с земли» (Блюменфельд 1884, 290—291). В частновладельческих вотчинах старый (тягловый) порядок обложения сохраняется в течение всего XVIII в., в то время как государственный принцип остается в лучшем случае бухгалтерской фикцией (Блюменфельд 1884, 289—296; Александров 1976, 204—219; Прокофьева 1981, 71—79, 139—147), причем тягловое обложение могло даже прямо предписываться вотчинником в явном противоречии с официальными требованиями (см. Волинский 1881, 21; Прокофьева 1981, 144—145). Этот фиктивный характер государственного установления особенно отчетливо проявлялся, когда землевладельцу или сельской общине все же приходилось с ним считаться, здесь появлялась своего рода двойная бухгалтерия. Именно такой двойной счет предписывал в 1725 г. А. Волинский, когда распоряжался в инструкции своему дворецкому: «Надлежит вам с стряпчим, с прикащиками, и при том с добрыми крестьянами положить во всех деревнях против подушного окладу, разложить по тяглам, а не с душ собирать подати, и платить по исчислению душ» (Волинский 1881, 21)⁷⁴. Таким образом, фиктивность официальной формы проявлялась в не-

⁷⁴ Такой же двойной счет мог сохраняться через десятилетия после введения подушного обложения. Анализируя материалы, относящиеся к вотчине Долгоруких Лежневу, В. А. Александров пишет: «Владелец вотчины В. В. Долгорукий, следуя букве закона, требовал, чтобы все денежные сборы в вотчине... исчислялись и собирались подушно. Судя по “Книге зборной приходной Подселской трети” за 1747 г. ...формально этот принцип соблюдался. Все расчеты были проведены исходя из числа ревизских душ. Составители этого документа были настолько добросовестны, что провели расчеты по первому полугодью, опираясь на официальные данные последней ревизии, а по второму — на данные только что проведенной ревизии. Однако, когда составители “Книги зборной приходной” завершили официальный расчет расходов, они, нисколько не смущаясь, в этом же документе перешли к совершенно иному принципу расчета, который отражал уже реальный подход общинных экономистов к обложению крестьян, и по объему тягла выводили реальную сумму денежных платежей. Таким образом в одном и том же отчетном документе отражалась “двойная бухгалтерия”, расчеты по которой совершенно не зависели друг от друга, если не считать, конечно, идентичности итоговой суммы. В. В. Долгорукий не мог не

прикрытом виде, и это, несомненно, определяло отношение населения ко всему государственному порядку (ср. Ключевский, IV, 138—139).

Более того, побуждаемое экономическими причинами, само правительство может отвращаться от собственных установлений и вводить тягловое обложение в отдельных государственных владениях, перенося в них неофициальные, но экономически оправданные порядки частновладельческих вотчин и узаконивая тем самым противозаконную практику. Так, тягловое обложение вводится — в ограниченных размерах — в «Наставлении экономическим правлениям» от 4.04.1771 г. (ПСЗ, XIX, № 13.590, 248—249), обращенном к администрации секвестрованных церковных имений. В этом наставлении обстоятельно описывается то, как подушная подать приводит в отдельных селениях к разорению крестьян и запустению земель. Именно в таких разоряющихся селениях правительство и предлагает отказаться от подушной подати (которую оно, впрочем, называет «крестьянским, издревле вкоренившимся обычаем») и ввести раскладку по тяглам⁷⁵. Таким образом, практика может следовать старому образцу, игнорируя или искореняя новые установления.

Там, где избежать государственной регламентации было невозможно, стремились найти иные обходные пути. С этим, видимо, связано развитие третейского суда, при котором спор разрешался помимо законов: принцип *aequitas*, став чуждым законодательству, осуществлялся в своей первобытной простоте — обращением к посредничеству «справедливого человека». Можно думать, что и государственное судопроизводство по гражданским делам во многих случаях игнорировало законы и обращалось в форму третейского суда. Вспоминая свою юность, т. е. середину XVIII в., Г. Р. Державин писал М. М. Сперанскому (в письме по поводу проекта преобразований от 30 июля 1811 г.): «...я, уже вышедши из ребячьи, был сам самовидец, как приходят к воеводе истец и ответчик, приносят ему по связке калачей, по полтине или по рублю денег, кладут на стол и пересказывают свое дело с душевною искренностью, как оно было. Он их выслушивает, уличает одного в обиде, другого наклоняет к снисхождению и уговаривает наконец к миру. Когда они замолчат, берет их руки, соединяет их и приказывает поцеловаться. Они ему кланяются, дают с обеих сторон также по полтине или по рублю и отходят оба довольными. Вот каким образом большею частию решались

знать об этом, но, помимо внешнего соблюдения формальности, решение поземельных и тягловых вопросов он оставлял на волю общины» (Александров 1976, 212—213).

⁷⁵ В указе говорится: «В отвращение сего [разорения] экономическим правлениям каждому в своем ведомстве при каждом случающемся исследовании о запущенных недоимках надлежит наиприлежнейше осведомляться, не от сего ли описанного крестьянского, издревле вкоренившегося обычая [подушной разверстки земли и подушной подати] сами они к своему разорению терпят оскудение? И буде подлинно при том откроется и тот непорядок, то немедленно велеть такое селение непременно расписывать на тягла, полагая в оное работников от 15 до 60 лет возраста, и, исчисля собираемую со всего селения подать, раскладывать на тягла; а посему разделение земель и взыскание податей делать уже не с душ, но с тягл» (ПСЗ, XIX, № 13590, 249). Комментируя этот указ, Г. Ф. Блюменфельд пишет: «В этой инструкции правительство само как бы отменяет подушную подать и помогает запоздавшим общинам выбиться на тот путь разверстки податных земельных единиц, который уже давно был избран другими более прогрессивными общинами» (Блюменфельд 1884, 293). Замечательно, что, сохраняя позитивистскую терминологию, Блюменфельд называет «прогрессивными» те общины, которые сумели обойти петровские нововведения и сохранить консервативный порядок — видимо, именно «двойная бухгалтерия» выступает здесь как признак прогрессивности.

гражданския дела; а кто не брал таких коротких мер и по судам таскался, тот иногда и в 50 лет не получал окончания, ходя по коллегиям и по Сенату» (Державин, VI, 252—253). Это свидетельство, сообщаемое если не с явным одобрением, то во всяком случае с благожелательным пониманием, особенно красноречиво выглядит в письме к государственному секретарю от бывшего министра юстиции.

Выше я говорил, что, не имея значимости практической, древнее культурное (церковнославянское) право было важным компонентом идеологии. Оно входило в идеальную картину правильного христианского миропорядка, установленного Св. Писанием, творениями св. отцов и — вместе с этим — законоположениями «благочестивых греческих царей». Новое право, усваивая культурный статус, усваивает и эту **идеологическую функцию**, оно служит тем же целям мировоззренческой полемики, которым служило и старое культурное право.

Во второй половине XVII в. культурные преобразования носят элитарный характер, затрагивая преимущественно двор и придворные круги. Поскольку законодательные тексты предназначены для более широкой аудитории, эти преобразования находят в них лишь косвенное отражение⁷⁶. С петровской эпохи начинается культурная революция, призванная перевоспитать все общество, и новое право становится одним из основных инструментов этого перевоспитания. На первый план выступает дидактическая и полемическая функция законодательного акта, размытой оказывается самая граница между юридическим определением и полемическим трактатом. В законах постоянно доказывается, что преж-

⁷⁶ Как отражение культурных перемен второй половины XVII в. в законодательных актах может рассматриваться приписывание этим актам непреходящего значения, вечной силы. В этом проявляется новая для России концепция монарха как создателя своей страны, царя-преобразователя (эта концепция приходит, видимо, с Запада; еще Грозный исходит, как кажется, из другого видения своей роли: государство не может быть пересотворено, и поэтому воплощение воли монарха остается вне государства, как опричнина, противопоставленная земщине). Это новое отношение к своим установлениям ярко проявляется в Уставной грамоте 1654 г. Речь в ней идет о мытах и откупках, всякая регламентация которых носит очевидно временный характер. Тем не менее в заключении этой грамоты читаем: «Аще же о такомъ нашего Царскаго повелѣнія преступникъ впадетъ въ Наши Царская ушеса вѣдомость, и ему отъ Насъ Великаго Государя быть въ жестокомъ наказаніи, подѣ смертною и непростимою казнію, о сихъ же всѣхъ вѣчному Царю Царствующихъ Христу Богу нашему слава. Намъ же рабамъ его на земли царствующимъ по правдѣ, за всякое доброе дѣло хвала, а на небеси воздаяніе многое. А вѣчнаго ради утверждения во свидѣтельство вѣрное, вѣчное положили есмы сіе изображение... въ Соборной церкви Пресвятыя Владычицы... яко да будетъ сама небесная Царица Богородица, и Россійстии Чудотворцы сіе Наше царское повелѣніе соблюдающе и хранящимъ с невредно во благихъ поспособствующе, дерзающимъ же аще и мало сіе Наше Государское законоположение разрушити, немилостивъ судъ наносяще... яко да будетъ сіе Наше царское Богоугодное законоположение твердо и непоколебимо во вѣки» (ПСЗ, I, № 122, 332). Казалось бы, сходные вещи говорит о Судебнике 1550 г. Иван Грозный, обращаясь к Стоглавому Собору: «Се судебникъ перед вами, и уставныя грамоты, прочтите і разсудите, чтобъ было дѣло наше по бозѣ в род и род неподвижно по вашему благословенію, аще достойно сіе дѣло на святѣмъ соборѣ утвердив і вѣчное благословеніе получив и подписати на судебники і на уставной грамотѣ, которой в казнѣ быти» (Стоглав, 17). Здесь, однако, выражается скорее надежда на постоянство праведного суда на Руси, чему судебник должен способствовать; показательно, что хранилищем для текста избирается казна, а не церковь, и что нет никаких упоминаний Богородицы и чудотворцев; санкция Собора должна подтвердить справедливость судебника, но отнюдь не обеспечить соблюдение его как богоустановленного правила. Интересно отметить, что о незыблемости закона заговаривают тогда, когда становится сомнительным его практическое применение.

ний порядок и прежние воззрения (привычные большинству населения) дурны и противны государственной пользе. Так, в предисловии к Воинскому Уставу 1716 г. говорится, что до Петра на Руси был «всебеспорядочной варварской обычай» и то он «смеху есть достойный, и никакова добра из онаго ожидать возможно» (ПСЗ, V, № 3006, 204). В законе о единонаследии от 23.03.1714 утверждается исключительная ценность государственной службы, а частная жизнь объявляется жизнью «в праздности, которая (по Святому писанию) материю есть всех злых дел» (ПСЗ, V, № 2789, 91). В Духовном Регламенте такое традиционное для христианства занятие, как прошение и подавание милостыни, декларируется грехом, от которого «Отечеству... великий вред деется», и подающему милостыню внушается, что «все то вотще ему, а не в пользу духовную» (Духовный Регламент 1904, 84). В предисловии к Морскому Регламенту излагается целая концепция русской истории, которая должна с очевидностью показать читателю необходимость для России сильного флота (Устрялов, II, 397). Характеризуя стиль законодательных актов, написанных Феофаном Прокоповичем, П. Морозов говорит: «Феофан, как и Петр Великий, не стеснялся в выражениях... в Регламенте и связанных с ним постановлениях виден живой человек, резко определяющий свои симпатии и антипатии, раздраженный своими противниками и преследующий их с желчною язвительностью, беспощадно осуждающий все, что противоречит его убеждениям. Этою страстностью тона объясняется и недостаток систематичности, и неполнота... и частое повторение одного и того же... Живой и подвижный ум Феофана... не мог помириться с тесными рамками сухого, официального предписания и уничтожил эти рамки, создав, вместо канцелярского устава, литературное произведение» (Морозов 1880, 254—255)⁷⁷.

Итак, законодательные акты становятся литературными произведениями (свидетельство Морозова ценно, поскольку он явно не сознает неудобств такой ситуации), призванными просветить, научить и воспитать подзаконных (естественно, что при этом прагматический аспект игнорируется). Законодательство оказывается постоянным оружием в той войне, которую ведут Романовы с неподатливым населением⁷⁸. В этой войне общество раскалывается на антагонистические группы, каждая из которых вырабатывает свою культуру, свою мораль, свои модели поведения. Такому же разобщению подвергается и правовое сознание. Законодательство перестает быть институтом, регулирующим столкновение интересов, и, соответственно, исчезает общая почва в правовом сознании различных групп: то, что одними воспринимается как следование установлениям и обычаям их социума, другим социумом понимается как нарушение закона. В

⁷⁷ Такое отношение к законодательным актам при разных модификациях остается во многом характерным для всего XVIII в. Анализируя четырехтомный «Театр судопроизводства или чтение для судей и всех любителей юриспруденции», изданный Василием Новиковым в 1790 г., Р. Вортман замечает: «Law for Novikov played much the same instrumental and didactic role as did literature in the eighteenth century. Culture and study had the goal of teaching and spreading virtue. Novikov considered it would be a great triumph of his labors “if this book took the place of card playing and other empty wastes of time so unbecoming to the judicial calling.” His good judge would be able to correct human vices so that in the future courts would be less necessary <...> Novikov too regarded justice as the dirty work of administration, as an unfortunate necessity to cope with the residual of human ignorance and vice» (Вортман 1976, 28).

⁷⁸ Показательно, что попытки создать «органическую» национальную государственную политику в конце XIX — начале XX в. связываются с отменой основных петровских преобразований (подушная подать, рекрутский набор, проекты восстановления независимости церкви и т. д.).

этих условиях само понятие преступления оказывается ограниченным рамками отдельных социальных групп: преступно может быть лишь действие, направленное против члена своей группы, тогда как действия, направленные на членов других групп, лишены правовой оценки. Здесь можно вспомнить не только жестоких крепостников, сльвущих в своем обществе совершенно порядочными людьми (и самих себя воспринимающих именно таким образом), но и аналогичные явления в низших социальных слоях.

Анализируя психологию преступников из простонародья, Достоевский в «Записках из Мертвого дома» пишет:

Не может быть, думал я иногда, чтоб они считали себя совсем виновными и достойными казни, особенно когда согрешили не против своих, а против начальства <...> О преступлениях против начальства и говорить нечего <...> Арестант, например, хоть и всегда склонен чувствовать себя правым в преступлениях против начальства, так что и самый вопрос об этом для него немислим, но все-таки он практически сознавал, что начальство смотрит на его преступление совсем иным взглядом, и стало быть, он и должен быть наказан, и квиты. Тут борьба обоюдная. Преступник знает притом и не сомневается, что он оправдан судом своей родной среды, своего же простонародья, которое никогда, он опять-таки знает это, его окончательно не осудит, а большею частию и совсем оправдает, лишь бы грех его был не против своих, против братьев, против своего же родного простонародья <...> Он как бы чувствует, что есть на что опереться, и потому не ненавидит, а принимает случившееся с ним за факт неминуемый, который не им начался, не им и кончится и долго-долго еще будет продолжаться среди раз поставленной, пассивной, но упорной борьбы (Достоевский, IV, 147).

Как показал Б. А. Успенский (19766), культурная политика Петра носила сознательно религиозный характер. Культурные преобразования Петра с точки зрения традиционного русского сознания выглядели как деятельность антихриста, и Петр, несомненно, отдавал себе в этом отчет. Вместе с тем и сама новая государственность не мыслит себя в религиозно-нейтральных терминах — личность и деятельность монарха подвергаются всеобъемлющей сакрализации (см. Живов и Успенский 1987). Поскольку правотворчество XVIII в. обладает культурным статусом и, соответственно, входит в качестве одного из органических элементов в систему культурных преобразований, новое законодательство неизбежно становится **предметом религиозной оценки**. Здесь опять же устанавливается прямая преемственность нового законодательства по отношению к старому культурному праву, воспринимавшемуся как часть христианской традиции. Вместе с тем здесь очевиден разрыв нового законодательства со старым русским правом, которое с падением язычества получило религиозно-нейтральный характер⁷⁹.

В условиях культурного противостояния XVIII в. религиозная ненейтральность нового законодательства проявляется в двух прямо противоположных яв-

⁷⁹ Начало этого процесса также явно относится к середине XVII в. Религиозную ненейтральность законодательной деятельности Алексея Михайловича и Федора Алексеевича можно видеть как в наделении новых установлений религиозной санкцией (см. Уставную грамоту 1654 г., ПСЗ, I, № 122, цитировавшуюся выше; ср. об Уложении в этой связи: Шмелев 1900, 384), так и в имеющем религиозный характер протесте патриарха Никона, с одной стороны, и старообрядцев — с другой (о последнем ср., например, Соловьев, XIII, стб. 912).

лениях. В социуме, принявшем культурные преобразования Петра, законодательная деятельность сакрализуется, воспринимаясь в связи с особым харизматическим статусом монарха-помазанника. В социумах, отвергших новую культуру, новое право рассматривается как попрание божественных установлений и, тем самым, как бесовское, антихристово дело⁸⁰. Восприятие первого типа можно было бы проиллюстрировать выдержками из целого ряда проповедей и од, сочиненных по случаю издания «Наказа» Екатерины II. Ограничусь лишь примером из «Изображения Фелицы» Державина, где Екатерина, издающая «Наказ», сравнивается с Богом, творящим свет (Державин, I, 279) и подающим Моисею скрижаль с заповедями (там же, 274—275):

Средь дивнаго сего чертога
И велепной высоты,
В величестве, в сияньи Бога
Ее изобрази мне ты;
Чтобы, сшед с престола, подавала
Скрижаль заповедей святых;
Чтоб вселенна принимала
Глас Божий, глас природы в них⁸¹.

⁸⁰ Введение законодательства, противоречащего юридическим обычаям населения (обычному праву), вообще естественно оценивается в религиозных категориях, поскольку эти обычаи повсеместно воспринимаются как часть богоустановленного порядка. Поэтому здесь русская ситуация не уникальна. Аналогичные явления можно, например, наблюдать в Германии XVI в., когда правящая элита насильственно заменяет местное право римским. В низших социальных слоях эта замена оценивается как отступление от христианского предания, и вся сфера законодательства и судопроизводства начинает рассматриваться как развращение христианской веры («Die Juristen sind böse Christen», — говорят в это время), см. Моддерман 1875, 96—101; Виноградов 1909, 129—130. Однако в Германии этот протест имеет преходящий характер, поскольку, с одной стороны, юридическая реформа не стоит в столь тесной связи с культурными преобразованиями, а с другой стороны, вводимое римское право становится в полной мере действующим правом, устанавливая некоторые справедливые отношения (хотя бы поначалу и непривычные и противные прежним понятиям о справедливости) для всего общества. В различии судеб нового права в России и в Германии нельзя не видеть следствия глубинных различий юридического сознания, сложившегося задолго до соответствующих преобразований.

⁸¹ Ср. еще о божественной природе царского законодательства в проповеди архиепископа Иннокентия Борисова (середина XIX в.), пользующегося тем же образом Синая: «Должен быть... для народов постоянный Синай, на коем слышна была бы воля небесного Законодателя; — постоянный Фавор, где бы свет славы Божией отражался бы на лице венчаных представителей народа. Этот Синай, сей Фавор есть — престол царский» (цитируется по кн.: Скворцов 1912, 64). Образ Синая, употребляемый в данной связи, образует устойчивую традицию, ср. еще у Петрова в оде «На сочинение Нового Уложения»:

Нечестье, Фурия земная,
Куда от молнии Синая
Теперь укроешься во ад.
(Петров, I, 19)

В оде «На день Тезоименитства Ея Императорскаго Величества» 1778 г.:

Во место смотрим мы зеркала
Во Твой, Монархиня, закон.
Под солнцем все почти владыки

Показательно, что в замечаниях на «Наказ» Екатерины, написанных (по распоряжению императрицы) епископами Гавриилом (Петровым) и Иннокентием (Нечаевым) и иеромонахом Платоном (Левшиным, будущим московским митрополитом), говорится о том, что они ждут как блаженства того времени, когда вступит в действие «божественное законодательство» императрицы (см. Снегирев, I, 117—118; Сухомлинов, I, 61—62). Называя законодательство Екатерины «божественным», духовные авторы одновременно приписывают ему сакральный статус и связывают его с традицией византийско-церковнославянского права, в котором отдельным законоустановлениям византийских императоров также придан эпитет «божественный» (см. примеры выше). В сочинениях духовных лиц, приветствовавших «Наказ», может говорить о «богоподобии» высказанных в нем намерений Екатерины и о «святых законах», в которых эти намерения должны воплотиться (см. Сухомлинов, I, 88, 97).

Восприятие второго типа ясно выражено в одном старообрядческом сочинении середины XIX в. — «Зерцало для духовного внутреннего человека»: «Исус Христос прощал грехи, а антихрист установил суд, и поделал крепости, и завел для мучения народа рудокопные заводы» (Филарет, IV, 41, 303)⁸². Не менее ярким образом это же восприятие проявляется в распространении заговоров против судей. Эти заговоры свидетельствуют о том, что судьи воспринимаются как разновидность нечистой силы, а суд рассматривается как бесовское действо⁸³. Приведу несколько примеров таких заговоров. У Н. Виноградова (II, 56) находим: «Заговор нащет суду. Господи, благослови, отче! Одейся светом, яко ризою; пропинай небо, яко кожу; покрываяй облаки, препояса поясом Пресвятыя Богородицы, свяжи уста, языки и гортани у князей и бояр, и управителей, и вельмож, и у всяких властителей, и у приказных служителей, подьячих и моих супостатов, которые со мною, рабом Божиим (имя рек), судитися станут; свет от нощи всегда, ныне и присно и во веки веком. Аминь». В отдельных заговорах против судей находим архаическую заклинательную формулу, ср., например, «Лягу я, раб Божий Флегонт, благословясь, встану перекрестясь, пойду я, раб Флегонт, из избы во дверь, из дверей в ворота, из ворот в чистое поле. На море-на Океане, на острове-на буяне стоит Престол Господень... Как мертвый лежит, до часу Божия не встает, так всем судьям против меня, раба Христова Флегонта, не устоять» — в заговоре, принадлежавшем — характерным образом — пензен-

Суть мерой некоей велики;
Ты Бог меж них; Синай Твой трон!
(Петров, I, 167; ср. еще II, 229, 244).

⁸² Протест религиозного характера ясно слышен уже в знаменитой проповеди Стефана Яворского о фискалах, произнесенной в марте 1712 г. в Успенском соборе. Обличая эту новую институцию, действие которой распространялось и на церковные суды, Яворский противопоставляет «порочные законы человеческие» закону Господню и утверждает, что, пока в России разорится закон Божий, она не получит мира (см. Устрялов, VI, 31).

⁸³ Заговор всегда направлен против нечистой силы или болезни (которая понимается как действие нечистой силы или — персонифицированно — как один из видов нечистой силы). Отражение в заговорах реакции на новые юридические порядки аналогично тому, как в заговорах же проявляется народное отношение к заведенному Петром способу комплектации армии: появление причитаний по рекрутам говорит о восприятии рекрутчины как перехода в потусторонний мир. Хотя у нас нет документальных данных о времени возникновения заговоров против судей, можно думать, что они представляют собой феномен императорского периода.

скому священнику Флегонту Альшанскому (начало XIX в.— см. Пасенко 1912). В некоторых заговорах связь судей с нечистой силой выражена эксплицитно, ср. «Матушка Присветая Богородица, выди на сиянския горы со Апостолами с Ангелами и с Архангелами, воструби в золотыя трубы, восклекни всех еретников и кливитьников и всех лютых зверей и неправедных судей. Матушка Присветая Богородица, замкни им золотыя губы и зубы золотыми замками, медными ключами, костяные зубы, мяхкия губы. Аминь» (заговор списан донским казаком в конце XIX в.— Данилевич 1913, 80).

Функционирование всей юридической системы императорской России не может быть понято без учета этих двух полярно противоположных восприятий, входивших как конститутивный элемент в радикальное противостояние элитарной и народной культуры, определивших их взаимное непонимание и придавших их столкновению характер катастрофического социального конфликта.

* * *

В заключение повторю общую схему проведенного рассуждения. С момента принятия христианства в России существует два права — церковнославянское и русское. Русское право восходит к обычному и связано с языческой культурой; церковнославянское право, будучи переводом византийских источников, является частью христианской культуры. Противопоставленность двух традиций отражается в многочисленных оппозициях русских и церковнославянских юридических терминов. Противопоставление языков определяет характер противопоставления юридических систем. С падением язычества русское право теряет культурный статус и оказывается в числе религиозно-нейтральных явлений, принадлежащих сфере быта. Церковнославянское право обладает культурным престижем и в силу этого оказывает влияние на русское право, что, в частности, выражается в славянизации русской юридической терминологии. Русское право имеет непосредственное практическое значение, в то время как церковнославянское право фактически не применяется: его функция — служить постоянным источником аргументов в религиозной полемике и выступать, таким образом, как описание образцового христианского правопорядка. Из этой ситуации и образуется основная парадигма русского юридического сознания: культурное право не действует, а действующее право не имеет культурного статуса.

С царствования Алексея Михайловича законодательная деятельность получает культурный статус, что выражается в прямом заимствовании византийских юридических норм и в глобальной славянизации юридического языка. Став культурным, новое право усваивает те характеристики, которые приданы культурному праву русским юридическим сознанием. Оно теряет прагматическое значение (отдельные новые законы могут вовсе не применяться, и ни один новый закон не применяется с обязательностью) и становится одним из инструментов культурных преобразований. Таким образом, право оказывается вовлеченным в процесс культурного размежевания общества, что приводит к социокультурному разобщению юридического сознания. Подобно старому культурному праву, новое законодательство оказывается религиозно-ненейтральным, и это в условиях культурно расколотого общества приводит к сакрализации законодательной деятельности монарха в одних социокультурных группах и к восприятию нового права как антихристового установления — в других.

Сокращения и цитируемая литература

ААЭ, I—IV — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической Экспедицией Академии Наук. Т. 1—4. СПб., 1836—1838.

АИ, I—V — Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией. Т. 1—5. СПб., 1841—1842.

Александров 1976 — Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976.

Алексеев 1978 — Алексеев А. Семантическое «снижение» как отражение социальной структуры в русском языке XVIII века // *Russian Linguistics*. 1978. Vol. 4, 3—12.

Андреев 1922 — Андреев А. И. О происхождении и значении Судебника 1589 г. // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, 201—219.

Андреев 1925 — Андреев А. И. Сводный Судебник // Известия Российской Академии Наук. 1925. Т. 19. № 12—15, 621—644.

Апокрифическое слово 1864 — Апокрифическое слово Василия Великого о судьях и властителях // Православный Собеседник. 1864. Март, 365—374.

Аргунов 1927 — Аргунов П. А. К пересмотру построений закупничества Русской Правды // Ученые записки Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Т. 6. Вып. 4. Ф-т права и хозяйства. Саратов, 1927, 59—96.

Арциховский 1954 — Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.

Арциховский и Борковский 1958 — Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.

Арциховский и Борковский 1963 — Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963.

Арциховский и Янин 1978 — Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978.

Баранов 1872 — Баранов П. Архив Правительствующего Сената. Том 1: Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования Императора Петра Великого. 1704—1725 / Составил П. Баранов. СПб., 1872.

Барсов 1883 — Барсов Е. В. Древнерусские памятники священного венчания царей на Царство... М., 1883.

Беляев 1899 — Беляев П. [Рец. на кн.]: Тиктин, 1898 // Журнал Министерства юстиции. 1899. Год. 5. № 2, февраль, 291—296.

Бенвенист 1969 — Benveniste E. Vocabulaire des institutions indo-européennes. Vol. 1—2. Paris, 1969.

Бенеманский 1906 — Бенеманский М. 'Ο πρόχειρος νόμος императора Василия Македонянина. Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Вып. 1. Сергиев Посад, 1906.

Бенеманский 1917 — Бенеманский М. Закон градский. Значение его в русском праве. М., 1917.

Бенешевич 1906—1907 — Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. Вып. 1—3. СПб., 1906—1907.

Блок 1965 — Bloch M. Feudal Society. Vol. 1—2 / Transl. from the French. London, 1965 (сплошная пагинация).

Блюменфельд 1884 — *Блюменфельд Г. Ф.* О формах землевладения в древней России. Одесса, 1884 [Из 39-го и 40-го томов Записок Имп. Новороссийского Университета].

Богословский, I—II — *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. 1—2. М., 1909—1912.

Богословский 1905 — *Богословский М. М.* К вопросу о Судебнике 1589 года // Журн. мин-ва нар. просвещения. Ч. 362. 1905. Декабрь, 265—275.

Богословский 1915 — *Богословский М. М.* Еще к вопросу о Судебнике 1589 г. (По поводу издания его проф. Владимирским-Будановым) // Журн. мин-ва нар. просвещения. Новая серия. Ч. 60. 1915. Декабрь, 353—379.

Боор, I—II — *Georgii Monachi Chronicon* / Ed. C. de Boor. Vol. 1—2. Lipsiae, 1904.

Брандилеоне и Пунтони 1895 — *Prochiron Legum, publicato secondo il codice Vaticano Greco 845, a cura di F. Brandileone e V. Puntoni.* Roma, 1895.

Бруннер, I—II — *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Aufl. Bd 1—2. Leipzig, 1906.

Буассье, I—II — *Boissier G.* La fin du paganisme. Vol. 1—2. Paris, 1891.

Вайднер 1965 — *Weidner V.* Altpolnische Rechtstermini aus den Statuten Kasimirs des Großen in ihrer rechtsgeschichtlichen Entwicklung: Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades genehmigt von der Philosophischen Fakultät der Humboldt-Universität zu Berlin. Berlin, 1965.

Валк 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Васильевский 1886 — *Васильевский В.* [Рец. на кн.]: Павлов, 1885 // Журн. мин-ва нар. просвещения. Ч. 243. 1886. Февраль, 317—351.

Вернадский 1924 — *Вернадский Г. В.* Очерк истории права Русского Государства XVIII — XIX вв. (Период империи). Прага, 1924.

Викторский 1912 — *Викторский С. К.* История смертной казни в России и современное ее состояние // Ученые записки имп. Московского Университета. Отдел юридический. Вып. 41. М., 1912.

Виноградов 1958 — *Виноградов В. В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958.

Виноградов, I—II — *Виноградов Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. 1—2. СПб., 1908—1909.

Виноградов 1909 — *Vinogradoff P.* Roman Law in Mediaeval Europe. London; New York, 1909.

Владимирский-Буданов 1874 — *Владимирский-Буданов М. Ф.* Государство и народное образование в России XVIII века. Часть I. Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль, 1874.

Владимирский-Буданов 1877 — *Владимирский-Буданов М. Ф.* Отношение между Литовским Статутом и Уложением царя Алексея Михайловича. (По поводу «Истории кодификации» С. В. Пахмана. СПб. 1876 г.) // Сборник государственных знаний. СПб., 1877. 4: Критика и библиография, 3—38.

Владимирский-Буданов 1902 — *Владимирский-Буданов М. Ф.* Судебник 1589 г. Его значение и источники. Киев, 1902.

Владимирский-Буданов 1909 — *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 6-е изд. СПб; Киев, 1909.

Власто 1970 — *Vlasto A. P.* The Entry of the Slavs into Christendom. An Introduction to the Mediaeval History of the Slavs. Cambridge, 1970.

Власьев 1860 — *Власьев Н.* О вменении по началам теории и древнего русского права. М., 1860.

Волынский 1881 — *Волынский А.* Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях как содержать и притом прилежно смотреть надлежит чтоб в добром здоровьи были. СПб., 1881. (Памятники древней письменности. Вып. 15).

Ворт 1975 — *Ворт Д.* О языке русского права // Вопросы языкознания. 1975. № 2, 68—75.

Вортман 1976 — *Wortman R. S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago; London, 1976

Воткинс 1970 — *Watkins C.* Studies in the Indo-European Legal Language, Institutions and Mythology // Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970, 321—354.

Гётц, I—IV — *Goetz L. K.* Das Russische Recht. Bd 1—4. Stuttgart, 1910—1913.

Гиббенет, I—II — *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Т. 1—2. СПб., 1882—1884.

Голенищев-Кутузов 1913 — *Голенищев-Кутузов Дм.* «Русская Правда» и Византия. (Опыт историко-юридической монографии). Иркутск, 1913.

Голиков, I—XII — *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России... Ч. 1—12. М., 1788—1789.

Гуляев 1894 — *Гуляев А. М.* Об отношении русского гражданского права к римскому. (Вступительная лекция, читанная 16 сентября 1894 года). Киев, 1894.

Гуревич 1981 — *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.

Данилевич 1913 — *Данилевич В. Е.* Заклятия на судей // Вестник Харьковского Историко-филологического общества. Вып. 4. Харьков, 1913, 77—80.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. М.; Л., 1950.

Державин, I—IX — *Державин Г. Р.* Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 1—9. СПб., 1864—1883.

Достоевский, I—XXX — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. М., 1972—1982.

Духовный Регламент 1904 — Духовный Регламент Всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского. М., 1904.

Дьяконов 1912 — *Дьяконов М.* Общественный и государственный строй древней Руси. 4-е изд. СПб., 1912.

Дювернуа 1869 — *Дювернуа Н.* Источники права и суд в древней Руси. Опыт по истории русского гражданского права. М., 1869.

ЕК — Ефремовская Кормчая. [Цит. по изд.: Бенешевич 1906—1907].

Екатерина 1770 — Наказ Ея Императорского Величества Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения. СПб., 1770. (Парал. текст на русском, латыни, немецком и французском).

Епифанов 1961 — *Епифанов П. П.* Соборное Уложение 1649 г. в исторической литературе // *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.* Соборное Уложение 1649 года, М., 1961, 27—64.

Живов и Успенский 1975 — Живов В. М., Успенский Б. А. Типологические аспекты диглоссии // *Soomi-Ugri rahvad ja idamaad Orientalistikakabineti teaduslik konverents* 12—14. XI. Ettekannete teesid. Tartu, 1975, 77—82.

Живов и Успенский 1983 — Живов В. М., Успенский Б. А. Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII века. О книге: G. Kotošixin. О Rossii v carstvovanije Alekseja Mixajloviča / Ed. by A. E. Pennington. Oxford, 1980 // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1983. Vol. 28, 149—180.

Живов и Успенский 1987 — Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Языки культуры и проблема переводимости*. М., 1987, 47—153.

Загоровский 1884 — Загоровский А. О разводе по русскому праву. Харьков, 1884.

Зализняк 1984 — Зализняк А. А. Наблюдения над берестяными грамотами // *История русского языка в древнейший период. Вопросы русского языкознания*. Вып. 5. М., 1984.

Иванов и Топоров 1974 — Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей // *Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов*. М., 1974.

Иванов и Топоров 1978 — Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // *Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов*, Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г.: Доклады советской делегации. М., 1978, 221—240.

Иванов и Топоров 1981 — Иванов В. В., Топоров В. Н. Древнее славянское право: архаические мифопоэтические основы и источники в свете языка // *Формирование раннефеодальных славянских народностей*. М., 1981, 10—31.

Иосиф Волоцкий 1855 — Иосиф Волоцкий. Просветитель. Казань, 1855.

Исаченко 1970 — Isačenko A. V. Die Gräzismen des Großfürsten // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1970. Bd 35, Heft 1, 97—103.

Исаченко 1975 — Issatschenko A. Mythen und Tatsachen über die Entstehung der russischen Literatursprache. Wien, 1975. (Österreichische Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, Bd 298, Abhandlung 5).

Исаченко 1980 — Issatschenko A. Geschichte der russischen Sprache. Bd 1. Heidelberg, 1980.

Истрин, I—III — Истрин В. М. Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1—3. Пг., 1920—1930.

Казакова 1960 — Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.

Кайзер 1980 — Kaiser D. H. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton, 1980.

Калачов 1846 — Калачов Н. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской правды. М., 1846.

Калачов 1850 — Калачов Н. О значении Кормчей в системе древнего русского права. М., 1859.

Каптерев, I—II — Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович. Т. 1—2. Сергиев Посад, 1909—1912.

Карамзин, I—XII — Карамзин Н. М. История Государства Российского. 2-е изд., испр. Т. 1—12. СПб., 1818—1829.

- Карлович, I—VIII — *Słownik języka polskiego*. Pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego i W. Niedźwiedzkiego. Tom I—VIII. Warszawa, 1900—1919.
- Карский 1930 — *Карский Е. Ф.* Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930.
- КЗ — Книги законныя. [Цит. по изд.: Павлов 1885].
- КЗ 33 — Книги законныя. Закони земледелии // Павлов, 42—62.
- КЗ 3К — Книги законныя. Закон о казнях // Павлов, 63—78.
- КЗ РБ — Книги законныя. О разделении браком // Павлов, 78—85.
- КЗ ГП — Книги законныя. Главы о послуках // Павлов, 85—90.
- Ключевский, I—VIII — *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 1—8. М., 1956—1959.
- Кормчая 1653 — Кормчая. [2-е изд., перераб. Так называемая «Никоновская Кормчая»]. М., 1653.
- Корпус, I—III — *Corpus juris civilis* / Ed. stereotypa tertia. Vol. 1—3. Berolini, 1903—1904.
- Кохман 1975 — *Kochman St.* Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w. Słownictwo, Opole.
- Крылов 1838 — *Крылов Н. И.* Об историческом значении римского права в области наук юридических. Речь, произнесенная в Торжественном собрании Имп. Московского университета... 77 июня 1838. М., 1838.
- Лаппо 1916 — *Лаппо И. И.* Литовский Статут в московском переводе = редакции. Юрьев, 1916 // Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1915 г. Вып. 28. Пг., 1916.
- Лаппо-Данилевский 1897 — *Лаппо-Данилевский А.* Собрание и свод законов Российской Империи, составленное в царствование императрицы Екатерины II, СПб., 1897 [на обложке — СПб., 1898; оттиск из Журн. мин-ва нар. просвещения за 1897 г.].
- Левин 1964 — *Левин В. Д.* Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. (лексика). М., 1964.
- Леминг 1976 — *Leeming H.* Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696. Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. (Prace komisji językoznawstwa, 44.)
- Леонид, I—IV — *Леонид (Кавелин)*, архимандрит. Систематическое описание славянорусских рукописей собрания графа А. С. Уварова: В 4 ч. М., 1893—1894.
- Липшиц 1965 — *Липшиц Е. Э.* Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965.
- Лотман 1975 — *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психо-логическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975, 25—74.
- Лотман 1981a — *Лотман Ю. М.* «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 513. Труды по русской и славянской филологии. Вып. 32. Литературоведение. Тарту, 1981, 3—16.
- Лотман 1981б — *Лотман Ю. М.* Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (к генезису исторической концепции Карамзина) // XVIII век. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX в. Л., 1981, 102—131.
- Лотман и Успенский 1975 — *Лотман Ю. М., Успенский, Б. А.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва). Статья,

публикация и комментарий Ю. Лотмана и Б. Успенского // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 358. Труды по русской и славянской филологии. Вып. 24. Литературоведение. Тарту, 1975, 163—322.

Лотман и Успенский 1977 — *Лотман Ю. М., Успенский, Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 414. Труды по русской и славянской филологии. Вып. 28. Литературоведение. Тарту, 1977, 3—36.

ЛС — Литовский Статут.

ЛС 1529 — Статут Великого Княжества Литовского 1529 года. [Цит. по изд.: Яблонскис 1960].

ЛС Рус // Русский перевод литовского Статута, сделанный в середине XVII в. [Цит. по изд.: Лаппо 1916].

Матейка 1977 — *Matejka L.* Diglossia in the Oldest Preserved Legal Codex of Novgorod // Papers in Slavic Philology. 1. In Honor of James Ferrell / Ed. by B. A. Stolz. Ann Arbor, 1977, 186—197.

MGH LL, I—V — Monumenta Germaniae Historica. Leges / Ed. G. H. Pertz. T. 1—5. Hannoverae, 1835—1889.

Merac 1928 — *Megas G.-A.* Das Cheirographon Adams // Zeitschrift für die neutestamentische Wissenschaft. 1928. Bd 27.

Милов 1976 — *Милов А. В.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклога) // История СССР. 1976. Январь — февраль, 142—163.

Мишина 1960 — *Мишина Е. Ф.* Об источниках юридической и общественно-политической лексики Судебников XV—XVI веков // Вопросы лексикологии и стилистики. Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия филологическая. Вып. 59. Горький, 1960, 155—180.

Моддерман 1875 — *Modderman W.* Die Reception des römischen Rechts / Autorisierte Übersetzung mit Zusätzen herausgegeben von K. Schulz. Jena, 1875.

Морозов 1880 — *Морозов П.* Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880.

МП — Мерило Праведное по рукописи XIV века / Издано под наблюдением и со вступительной статьей академика М. Н. Тихомирова. М., 1961.

Мрочек-Дроздовский 1917 — *Мрочек-Дроздовский П.* Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской Правде. М., 1917 (на титуле — М., 1910).

Нажель I—III — *Nagel M.* La vie grecque d'Adame et d'Eve. Apocalypse de Moïse. Vol. 1—3. Lille, 1974.

Неволин, I—VI — *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. Т. 1—6. СПб., 1857—1859.

Неволин 1847 — *Неволин К. А.* О пространстве Церковного суда в России до Петра Великого // Журн. мин-ва нар. просвещения. 1847. Ч. 55. Июль—август, 1—23, 75—151.

Никольский 1859 — *Никольский В.* О началах наследования в древнейшем русском праве. Историческое рассуждение. М., 1859.

Никон 1861 — Мнения патр. Никона об Уложении и проч. (Из ответов боярину Стрешневу) // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического Общества. Т. 2. СПб., 1861, 423—498.

Никон 1861a — Письмо патриарха Никона к константинопольскому патриарху Дионисию // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического Общества. Т. 2. СПб., 1861, 510—530.

Никон Черногорец 1795 — Сия настоящая книга преподобного отца нашего Никона творение, яже наречена Тактикон, еже есть чиновная. Почаев, 1795.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Обнорский и Бархударов 1948 — *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 2. Вып. 2. М., 1948.

Обозрение 1833 — Обозрение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833.

Папастасис 1978 — Παπαστάθης Χ. Κ. Τὸ νομοθετικὸν ἔργον τῆς κυρίλλομεθοδιανῆς ἱεραποστολῆς ἐν Μεγάλῃ Μοραβίῃ // Ἑλληνικὴ ἐταιρεία σλαβικῶν μελετῶν. 2. Θεσσαλονίκη, 1978.

Павлов 1869 — *Павлов А. С.* Первоначальный русский номоканон. Казань, 1869.

Павлов 1885 — *Павлов А. С.* «Книги законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные. Издал вместе с греческими подлинниками и с историко-юридическим введением А. Павлов // Сб. отд. рус. яз. и словесности. СПб., 1885. Т. 38. № 3.

Павлов 1887 — *Павлов А. С.* 50-я глава Кормчей Книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887.

Пасенко 1912 — *Пасенко В.* Молитва от суда (материал для истории русских народных заговоров) // Филологические записки. Воронеж, 1912. Год 52. Вып. 4, 589—590.

Пахман, I—II — *Пахман С. В.* История кодификации гражданского права. Т. 1—2. СПб., 1876.

ПВЛ — *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.

Пеннингтон 1980 — *Kotošixin G.* O Rossii v carstvovanije Alekseja Mixajloviča. Text and Commentary / Ed. by A.E.Pennington. Oxford, 1980.

Петров, I—III — *Петров В.* Сочинения. 2-е изд. Ч. 1—3. СПб., 1811.

Пещак 1974 — Грамоты XIV ст. Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-показчики М. М. Пещак. Київ, 1974.

Попов 1904 — *Попов Ард.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904.

Попов 1896 — *Попов К. М.* Чин священного коронования (исторический очерк образования чина) // Богословский вестник. 1896. Год 5. Т. 2, апрель, 59—72; май, 173—196.

Посошков 1911 — *Посошков И.* Книга о скудости и богатстве и некоторые более мелкие сочинения / С предисл. А. А. Кизеветтера. М., 1911.

Прение 1847 — Прение Данила, митрополита московского и всеа Руси, с старцем Васьяном, 1531 года мая 11 дня // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1847. Год 2. № 9: Смесь, 1—28.

Пресняков, I—II — *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. 1—2. М., 1938—1939.

Прокофьева 1981 — *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. (на материале вотчин Шереметевых). Л., 1981.

Прох.—Прохирон. Мне было недоступно стандартное издание К. Цахарие. Поэтому я пользовался изданием Prochiron Legum, сделанным Брандилеоне и

Пунтони (1895), в котором входящие в этот памятник статьи Прохирина воспроизводятся дословно. Другим пособием был Павлов 1885. В нумерации статей я следую изданию Цахарие. В том случае, когда нумерация статей церковнославянского перевода не совпадает с нумерацией оригинала, первая дается в скобках.

ПРИП, I—VIII — Памятники русского права. Вып. 1—8. М., 1952—1961.

ПСЗ, I—XLV — Полное собрание законов Российской империи. (Собрание 1). Т. 1—45. СПб., 1830.

Пухвел 1970 — *Myth and Law among the Indo-Europeans* / Ed. by J. Puhvel. Berkeley; Los Angeles; London, 1970.

Пушкин, I—XVI — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 1—16. М.; Л., 1937—1949.

РИБ, I—XXXIX — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 1—39. СПб.—Пг.—Л., 1872—1927.

Рождественский 1843 — *Рождественский Н.* Рассуждение о влиянии греко-римского права на российские гражданские законы. СПб., 1843.

РП — Русская Правда. При ссылках на отдельные статьи Русской Правды пространной редакции редакция не оговаривается; при ссылках на краткую редакцию дается обозначение РП кр. Цит. по изд.: РП, I—III.

РП, I—III — Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова. Т. 1—3. М.; Л., 1940—1963.

Савва 1901 — *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901.

Савиньи, I—VII — *Savigny F. K. von.* Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. 2. Ausg. Bd 1—7. Heidelberg, 1834—1851.

Самоковасов 1907 — *Самоковасов Д. Я.* Памятники древнего русского права. Пособие для практических занятий студентов. Часть 1. М., 1907 [на обложке — 1908].

СГ — Смоленские грамоты XIII—XIV веков / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.

СГГиД, I—V — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1—5. М., 1813—1894.

Селищев 1968 — *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968.

Сергеевич 1899 — *Сергеевич В.* Русская Правда и ее списки // Журн. мин-ва нар. просвещения. Ч. 321. 1899. Январь, 1—41.

Сергеевич 1910 — *Сергеевич В.* Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд. СПб., 1910.

Скворцов 1912 — Церковный Совет и Государственный Разум. Опыт церковно-политической хрестоматии / Сост. В. М. Скворцов. Вып. 1. СПб., 1912.

Смирнов 1947 — *Смирнов И. И.* Судебник 1550 г // Исторические записки. Т. 24. М., 1947, 267—352.

Снегирев, I—II — *Снегирев И. М.* Жизнь московского митрополита Платона. 2-е изд. Ч. 1—2. М., 1856.

Собик 1969 — *Sobik M. E.* Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17. und der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Slavisch-baltisches Seminar der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster. Bd 12. Meisenheim am Glan, 1969.

Сокольский 1868 — *Sokolsky W.* Beitrag zur Lehre von dem Eigenthumsverbrechen nach der Ulozhenie des Zaaren Alexei Michailowitsch vom Jahre 1649. Eine rechtshistorische Abhandlung. Dorpat, 1868.

Сокольский 1871 — *Сокольский В. В.* Главные моменты в истории повального обыска. Киев, 1871.

Сокольский 1898 — *Сокольский В. В.* А. С. Павлов Некролог // Журн. мин-ва нар. просвещения. Ч. 319. 1898. Октябрь. Современная летопись, 109—134.

Соловьев 1917 — *Соловьев А. В.* Вновь открытый Московский перевод Литовского Статута // Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при Московском Университете. Т. 1. М., 1917, 25—48.

Соловьев, I—XXIX — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. 2-е изд. Т. 1—29. СПб., 1896 (в 6 книгах).

Сперанский 1876 — К 1-ти летию II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. Объяснительные записки и заметки Сперанского 1828 г. Сообщил А. Ф. Бычков // Русская старина. 1876. Т. 15. Март, 586—598.

Способин 1881 — *Способин А. Д.* О разводе в России. М., 1881.

Срезневский, I—III — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.

Срезневский 1879 — *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. 81—90. СПб., 1879. (Сб. отд. рус. яз. и словесности. Т. 20. № 4).

СРЯ, I—XXV — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—25. М., 1975—1999 (продолжающееся издание).

ССМ, I—III — Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Том 1—2. Київ, 1977—1978.

Стоглав 1912 — Макарьевский Стоглавник // Труды Новгородской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 1. Новгород, 1912, 1—135.

Суворов 1888 — *Суворов Н. С.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888.

Суворов 1893 — *Суворов Н. С.* К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. Ярославль, 1893.

Суд.— Судебники XV—XVI веков / Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952.

Сухомлинов, I—VIII — *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. Вып. 1—8. СПб., 1874—1888.

Татищев 1979 — *Татищев В. Н.* Избранные произведения / Под общ. ред. С. Н. Валка. Л., 1979.

Тиктин 1898 — *Тиктин Н. И.* Византийское право как источник Уложения 1648 г. и новоуказных статей // Записки имп. Новороссийского университета. Одесса, 1898. Т. 73, 267—488.

Тихомиров 1941 — Русская Правда / Со вступ. ст. и под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1941.

Тихомиров 1961 — Закон Судный людем краткой редакции / Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961.

Тихомиров 1964 — *Тихомиров М. Н.* Правосудье митрополичье // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964, 32—55.

Тихонравов I—II — *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. Т. 1—2. М., 1863.

Топоров 1975 — *Топоров В. Н.* К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными па-

раллелями // Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975, 3—49.

Уложение — Соборное Уложение 1649 года. [Цит. по изд.: М. Н. Тихомиров и П. П. Епифанов. Соборное Уложение 1649 года. Учеб. пособие для высшей школы. М., 1961. Когда требуется воспроизведение формальных характеристик текста, цит. изд.: Уложение 1649].

Уложение 1649 — Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении государя и великого князя Алексея Михайловича. М., 1649 (2-е изд.).

Унбегаун 1957 — *Unbegaun B.* Russe et slavon dans la terminologie juridique // *Revue des études slaves.* 1957. 34, 129—135 (= Унбегаун 1969, 176—184).

Унбегаун 1959 — *Unbegaun B.* «Le crime» et le «criminel» dans la terminologie juridique russe // *Revue des études slaves.* 1959. 36, 47—58 (= Унбегаун 1969, 203—217).

Унбегаун 1965 — *Унбегаун Б. О.* Язык русского права // На темы русские и общие: Сборник статей и материалов в честь проф. Н. С. Тимашева. Нью-Йорк, 1965, 178—184 (= Унбегаун 1969, 312—313).

Унбегаун 1969 — *Unbegaun B. O.* Selected Papers on Russian and Slavonic Philology. Oxford, 1969.

Ундольский 1886 — *Ундольский В. М.* Отзыв патриарха Никона об уложении царя Алексея Михайловича // *Русский архив.* 1886. Кн. 2, 605—620.

Успенский 1976а — *Успенский Б. А.* К вопросу о семантических взаимоотношениях системно противопоставленных церковнославянских и русских форм в истории русского языка // *Wiener Slavistisches Jahrbuch.* 1976. Bd 22, 92—100.

Успенский 1976б — *Успенский Б. А.* Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси. (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976, 286—292.

Успенский 1982 // *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

Успенский 1987 — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). München, 1987.

Устрялов, I—IV, VI — *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1—4, 6. СПб., 1858—1859.

Филарет, I—V — Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 1—5. М., 1885—1888.

Филиппов 1914 — *Филиппов А. Н.* Учебник истории русского права. Ч. 1. 5-е изд. Юрьев, 1914.

Флаш 1890 — *Flash J.* Études critiques sur l'histoire du droit romain au Moyen Age avec textes inédits. Paris, 1890.

Храповицкий 1874 — *Дневник А. В. Храповицкого 1782—1793.* По подлинной его рукописи с биографическою статьею и объяснительным указателем Н. Барсукова. СПб., 1874.

Цахарие 1852 — *Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basilii, Leonis et Alexandra / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal.* Lipsiae, 1852.

Цитович 1870 — *Цитович П.* Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870.

- Черепнин, I—II — *Черепнин А. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 1—2. М.; Л., 1948—1951.
- Черноусов 1916 — *Черноусов Е. К.* вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское // Византийское обозрение, издаваемое при историко-филологическом факультете имп. Юрьевского университета. Юрьев, 1916. Т. 2. Вып. 2, 303—321.
- Черных 1953 — *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года. М., 1953.
- Шахматов 1903 — *Шахматов А. А.* Исследование о Двинских грамотах XV в. Ч. 1—2. СПб., 1903. (Исследования по русскому языку. Т. 2. Вып. 3).
- Шахматов 1908 — *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Шевелов 1968 — *Shevelov G. Y.* On the Lexical Make Up of the Galician-Volhynian Chronicle. An Experiment in the Comparative Study of Vocabulary Followed by a Few Remarks on the Literary Language of Old Rus' // Studies in Slavic Linguistics and Poetics in Honor of B. O. Unbegaun / Ed. by R. Magidoff et al. New York; London, 1968.
- Шмелев 1900 — *Шмелев Г. Н.* Об источниках Соборного Уложения 1649 г. // Журн. мин-ва нар. просвещения. Ч. 331. 1900. Октябрь, 375—387.
- Шперль 1935 — *Spörl J. Gregor der Grosse und die Antike* // Christliche Verwirklichung. Romano Guardini zum 50ten Geburtstag. Rothenfels am Main, 1935.
- Щапов 1971 — *Щапов Я. Н.* Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // Византийский временник. Т. 31. М., 1971, 71—78.
- Щапов 1972 — *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972.
- Щапов 1974 — *Щапов Я. Н.* К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII—XIV вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1974, 172—189.
- Щапов 1976 — Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Щапов. М., 1976.
- Щапов 1977 — *Щапов Я. Н.* Прохирон в восточнославянской письменности // Византийский временник. Т. 38. М., 1977, 48—58.
- Щапов 1978 — *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978.
- Щепкин 1967 — *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967.
- Щербатов, I—II — *Щербатов М. М.* Сочинения / Под ред. И. П. Хрущева. Т. 1—2. СПб., 1896—1898.
- Экл.— Эклога. [Греч. текст цит. по изд.: Цахариэ 1852. Нумерация статей дается по греческому оригиналу. В том случае, когда нумерация церковнославянского перевода не совпадает с оригинальной, она дается в скобках].
- Юшков 1929 — *Юшков С. В.* «Правосудие митрополичье» // Летопись занятий археографической комиссии за 1927—1928 годы. Вып. 354. Л., 1929, 115—120.
- Яблонскис 1960 — Статут Великого Княжества Литовского 1529 года / Под ред. К. И. Яблонскиса. Минск, 1960.
- Ягич 1913 — *Jagić V.* [Рец. на кн.]: С. П. Обнорский. О языке Ефремовской кормчей XII века. СПб., 1912, 4°, 86 // Archiv für slavische Philologie. 1913. Bd 35, Heft 3/4, 302—306.

Postscriptum

Эта статья была закончена в 1982 г. и предназначалась для сборника в честь шестидесятилетия Ю. М. Лотмана. Первый том этого Festschrift'a вышел в 1984 г., второй пролежал еще четыре года и появился только в 1988-м. Поскольку оба тома публиковались в Америке (первый был издан в Мичигане как *Michigan Slavic Contributions*, № 10, второй — в Лос-Анджелесе как *UCLA Slavic Studies*, vol. 17), а никакой электронной почты еще не было и в помине, да и не-электронная работала весьма избирательно, никаких исправлений и дополнений в текст, отправленный за океан, я не вносил, и семь лет до своей публикации он просуществовал в первоизданном виде. Таким образом, к настоящему дню этому тексту почти два десятилетия — возраст почтенный для того недолговечного продукта, которым являются, как правило, концептуальные ученые труды.

Берясь за переиздание данной статьи, я эту недолговечность чувствовал очень остро, не столько даже потому, что появились новые работы (см. библиографию: Бургманн и Кауфхольд 1992), в том числе и весьма важные в перспективе моих исследований (я имею в виду прежде всего книгу Д. Кайзера (Кайзер 1980), вышедшую в 1980 г., но во время написания статьи остававшуюся мне недоступной; в ней по-новому рассмотрен вопрос о развитии права в контексте противостояния язычества и христианства), и новые публикации анализируемых в статье текстов, в частности Земледельческого закона (Медведев 1984), Эклоги (Бургманн 1983), Уложения 1649 г. (Маньков 1987), но прежде всего потому, что я отказался от той структуралистской парадигмы, в рамках которой сформулирована моя концепция развития права в России.

В отличие от того, как это было в начале 1980-х годов, мне не кажется сейчас убедительной ни теория диглоссии в приложении к культурно-языковой ситуации средневековой Руси (равно как, впрочем, и в ее оригинальной версии, сформулированной Ч. Фергусоном, — ср. переоценку этой теории в моей работе: Живов 1996), ни представление о дуалистическом культурном архетипе как константе русского исторического развития (критику этого представления в рамках того подхода, который представляется мне более приемлемым в настоящее время, см. в моей статье «Двоеверие и особый характер русской культурной истории» (Живов 2002)). Особенно бесплодными мне кажутся сейчас попытки обнаружить однозначный структурный изоморфизм феноменов историко-культурной и языковой динамики, заменив этим изоморфизмом те стратегии согласования противопоставленных и вступающих в противоречие историко-культурных и языковых категорий, которые определяют многообразие поведенческих (культурных и языковых) практик в средневековой Руси, отразившихся в дошедших до нас текстах.

Люди в средневековой Руси (как, впрочем, и в России Нового времени) были обеспокоены не тем, как утвердить и воплотить в своей жизни бинарные оппозиции, а тем, как проложить свой путь в пространстве, координаты которого были заданы их различными верованиями (христианского и языческого происхождения), социальными навыками, представлениями о власти и справедливости, языковым опытом (опытом освоения книжных и некнижных текстов разного типа и опытом реализации собственных коммуникативных задач с помощью сформированных на этой основе вербальных навыков). Говоря словами поэта, «сомненный их шатался путь», и свидетельства этих шатаний мы обнаруживаем в многооб-

разных смешанных религиозных, политических, бытовых и языковых практиках, с разной степенью успеха согласующих разнородные принципы.

Из сказанного ясно, что сейчас я написал бы эту работу совсем иным образом, чем два десятилетия назад. Мне кажется, что в принципе я даже знаю, как это сделать, т. е. как отделить историко-культурную пшеницу от семиотических плевел. В этом случае, однако, получилась бы совсем другая статья, которая потребовала бы нового исследования, учитывающего, в частности, те новые данные, которые стали доступны за последние двадцать лет. Ничего кардинально нового тем не менее эти данные не приносят, а перестройка однажды уже построенного здания, пусть даже построенного криво, представляется мне на редкость непродуктивным занятием. Еже писах, писах. Поэтому, переиздавая статью, я ограничился чисто редакторскими изменениями.

Как, вероятно, знает заинтересованный читатель, для московских семиотических трудов был характерен не только определенный понятийный аппарат, но и определенный способ изложения, когда существенная часть наблюдений, в том числе и достаточно важных для концептуальной стороны работы, помещалась в многочисленных примечаниях, делавших невозможным линейное восприятие текста. Видимо, за этим изничтожением естественного (линейного) процесса чтения стояло желание противопоставить новую семиотическую науку тому стилю советских гуманитарных трудов, в которых слова прицеплялись к словам, создавая нерасчлененный нарратив, продуцировавший видимость смысла. Не останавливаясь на том, насколько такое многоуровневое изложение было оправдано в свое время, скажу откровенно, что сейчас оно кажется мне ненужным издевательством над читателем. Моя статья об истории русского права была написана именно таким образом, объем примечаний существенно превышал объем основного текста. Редактируя эту статью, я постарался избавиться от этого способа изложения, хотя, к сожалению, лишь с частичным успехом.

Что же касается семиотических плевел, их выпалывание я оставляю на долю благожелательного читателя. Впрочем, я знаю, что эта задача может быть достаточно сложной. Я с досадой обратил на это внимание, прочтя подробный разбор моей работы, сделанный моим немецким коллегой Людвигом Бургманном (Бургманн 1992), который был фраппирован вторжением структурализма в сложившийся дискурс историко-юридической науки и отверг модель диглоссии в силу ее «*statisch-deskriptive Charakter*», полагая, что она не дает возможности «*die Ursachen kulturellen Wandels zu erklären*» (там же, 122). Я тоже не думаю сейчас, что модель диглоссии (как и другие социолингвистические модели) позволяет объяснить особенности развития русского правосознания, однако еще в меньшей степени позволяет это сделать традиционная история права, которая даже не ставит перед собою подобной задачи.

Между тем я полагаю, что в статье содержится определенный, хотя, конечно, отнюдь не исчерпывающий ответ на вопрос о том, почему развитие права в России столь разительно отличается от западноевропейского, почему в России складывается чуждое в целом для Запада отношение к юридической регламентации и судебным процедурам. И лежит он не в области динамики собственно юридических норм, которой занимается история права, а в области общих параметров культурного развития, прежде всего в характере русской рецепции христианской культуры (отразившейся, в частности, и в истории книжного языка). Эти параметры в статье обозначены, и ниже я попытаюсь суммировать те сформули-

рованные в статье принципиальные тезисы, от которых я не собираюсь отказываться, расставшись с дуальными и диглоссийными моделями и вездесущим бинарными оппозициями.

Что именно составляет специфику русского историко-юридического развития, достаточно очевидно. В то время как западная средневековая культура непредставима без многообразных юридических институций (юридических корпораций, изучения права в университетах, взаимодействия юридической науки и правоприменительной практики), которые, разрастаясь и модифицируясь, переходят в государственные институции Нового времени, ничего подобного в русской средневековой культуре не происходит. Не появляются эти институции и в раннее Новое время, так что русский абсолютизм, ориентируясь на западные модели, лишен того легалистского основания, без которого немислим абсолютизм западный. Как замечает Р. Вортман, «the contrast with the Prussian model, whose military and absolutist features Russian monarchs tried to adopt, is most striking. Jurists were the first academically trained officials to serve in the new Prussian administrative state in the eighteenth century <...> By 1775, every candidate for judicial position had to pass examinations given by the university and the State Examination Board. Russia would not even begin to approach such rigorous standards until the end of the nineteenth century» (Вортман 1976, 3—4). Вообще, юридические институции, аналогичные западным, появляются в России только в XIX в., а все более ранние попытки придать русской административной системе черты легальности не находят отклика даже в образованном обществе (ср. хороший обзор этих попыток в недавней книге С. Диксона — 1999, 141—147). Никакого организационного развития юридического самосознания не происходит, так что для подавляющего большинства населения правовые процедуры остаются атрибутом государственного насилия и вызывают лишь реакцию отчуждения. Не буду останавливаться на том, насколько эти черты культурного сознания, оказавшегося весьма устойчивым, определили характер новейшей русской истории — вплоть до сегодняшнего дня.

Отнести эту кардинальную особенность русской истории на счет российской «отсталости» или, что, по существу, то же самое, на убывание европейского градиента (ср.: Малия 1999) — это значит ничего не объяснить. У восточных славян были в распоряжении те же составляющие, из которых образовалось западное легалистское сознание: построенное на рациональных принципах римское право (пусть и в поздних византийских переработках — это в столь общей перспективе маловажная частность) и достаточно разработанное право обычное. Почему эти два ингредиента не вступили в то взаимодействие, которое дало разные варианты западного юридического порядка? И здесь, конечно, возможен простой ответ: этого не случилось потому, что для такого развития не было социальных условий. Я имею в виду отсутствие сословной организации феодального общества, в котором сословия определяются правами и привилегиями их членов, т. е. их легальным статусом. При отсутствии такой организации неоткуда взяться и городскому (бюргерскому) обществу, в отстаивании своих прав опирающемуся на легальные процедуры и в силу этого заинтересованному в их институализации и совершенствовании. Этим и создается культурный престиж права, традиция его ученой разработки, корпоративные институты юристов и т. д. Развитие легального дискурса в Новое время (в частности, а рамках абсолютистской монархии)

происходит на этой хорошо обработанной почве. В России такой почвы не было, а потому и не было соответствующего развития.

Эта каузальная цепочка (как и многие другие опыты объяснения в истории) кажется основательной лишь до тех пор, пока не возникает вопрос о первичности курицы или яйца. Ведь можно поставить и вопрос о том, почему у восточных славян не возникает сословий с легально формулируемыми правами и социальных структур средневекового западноевропейского города. Почему новгородское вече — несмотря на все богатство торгово-экономической жизни древнего Новгорода — не превращается в аналог парижского парламента, в котором доминировала бы юридическая профессия? Не происходит ли это оттого, что у восточных славян нет слов, в которых они могли бы помыслить подобные институты? Иначе говоря, не были ли те легальные категории, которые были усвоены выходящим из варварства западноевропейским обществом вместе с другими составляющими римского наследия, основой, на которой возникли средневековые социальные институты. С чего начался процесс — с категорий культуры или с социальной дифференциации? Не отдаваясь в плен каузальности, на эти вопросы можно не отвечать, держа в уме, однако, что дискурсивное и социальное пространства, не детерминируя друг друга, находятся тем не менее в диалогических отношениях.

На пространстве Западной империи варварские пришельцы, хотя и были непрошеными гостями, однако же со временем стали сонаследниками римской цивилизации, пусть несмысленными, дурно воспитанными и к тому же приверженными новой системе христианских ценностей. Средневековая Русь никогда сонаследницей имперской цивилизации не стала. У Византии не было никакого желания с кем-либо этим наследием делиться, да и Киевская Русь особого интереса к апроприации имперских (античных) богатств не проявляла (см. подробнее в статье о рецепции византийской культуры в настоящем сборнике). Поэтому Киевская Русь римской прививки не получает, легального дискурса не вырабатывает и соответствующих социальных институций не развивает. Не делает этого, естественно, и наследующая ей Русь Московская, еще более отделившаяся от чужого римского прошлого.

Таковы общие соображения. Они, однако, лишь с еще большей остротой ставят проблему того, что делали у восточных славян памятники византийского права, описывавшие ту самую юридическую систему, из которой выросло легалистское западное общество. Самый простой ответ, и конечно же неверный, состоит в том, что они не делали ничего и именно поэтому не принесли никакого результата. Ответ более сложный основывается на том факте, что эти тексты функционировали принципиально иным образом, чем тексты римского права на средневековом Западе. Прежде всего они не смешивались и не взаимодействовали с традицией автохтонного права. Яркое свидетельство этого — та противопоставленность систем юридической терминологии, анализу которой посвящены §§ 1—2 настоящей статьи; этот аргумент сохраняет полную силу: юридические системы, в которых одни и те же слова имеют разное значение, не могут находиться в одновременном употреблении. Те случаи влияния юридического языка византийско-церковнославянского права, которые обнаруживаются в памятниках восточнославянского права, обусловлены не взаимодействием двух юридических систем, а тем, что автохтонное право не становится сознательно культиви-

руемой и охраняемой традицией и в силу этого оказывается изменчивым и открытым для разного рода влияний (об этом идет речь в §§ 1—3).

Возможность такого «неслиянного» существования византийско-церковнославянского права определяется тем, что оно не находит себе прямого практического применения (что отличает его от римского права в средневековой Западной Европе, которое применяется хотя и не повсеместно и не в полном объеме, однако вполне реально). Наиболее отчетливо на это указывают опять же филологические свидетельства; они говорят о непонятности соответствующих текстов, исключающей их применимость. Текстологическая история этих текстов тождественна по типу истории других специфически книжных текстов, не употреблявшихся ни в богослужении, ни в какой-либо практической деятельности. Ничего похожего на западноевропейскую адаптацию текстов римского права в различного рода сокращениях, переработках, комментированных извлечениях в восточнославянских рукописях не обнаруживается. Поэтому, как мне представляется, многократно повторяемый в работах по истории русского права тезис, согласно которому византийское право тем или иным способом применялось (т. е. использовалось в судебной практике по крайней мере как дополнительный источник юридической нормы), ни на чем не основан.

Правда, Л. Бургманн упрекает меня в том, что я пренебрегаю важными свидетельствами рукописной традиции. Он пишет: *Jedenfalls weisen die Textsammlungen eine Reihe von Phänomenen auf, die von Živov geleugnet, unterschätzt oder übersehen werden und die sein binäres System empfindlich zu stören vermögen. So hat es durchaus einige thematisch — und damit doch wohl auch «praktisch» — orientierte Exzerptssammlungen gegeben, und zwar auch solche, bei denen fast zweifelsfrei feststeht, daß sie erst in der Rus' hergestellt worden sind* (Бургманн 1992, 119). Скучность примеров, которые в состоянии привести немецкий коллега, красноречиво говорит о надуманности этого возражения. Он ссылается на один сборник выдержек «О послушѣхъ и о числѣ ихъ», описанный Л. Миловым (Милов 1984; эта работа была опубликована, когда моя статья уже находилась в печати), и на пространную и смешанную редакции Закона судного людем. Ясно, что ни о какой адаптации византийского права («wenn auch noch so bescheidene») речь здесь не идет (о Законе судном людем см. примеч. 3). Мы имеем здесь дело с единичными случаями упражнений книжников, которым невозможно приписать какое-либо практическое значение (это отнюдь не исключительный в русской средневековой письменности случай компилирования, цели и принципы которого остаются неясными). Ничего похожего на ту кропотливую переработку и комментирование римских юридических памятников, которую мы находим в западных источниках и которая действительно свидетельствует об адаптации римского права (при кодификации и в правоприменительной практике), здесь нет. Об адаптации здесь можно говорить только в том (историко-литературном) смысле, в котором пишут об адаптации трактата Херовоска о тропах, известного восточным славянам в составе Изборника 1073 г. и изредка переписывавшегося. Называть адаптацией два совершенно разных процесса и делать отсюда далеко идущие выводы — значит, попадать в плен к собственной эквивокации. Выбирая между такой теоретической беспомощностью и семиотическим схематизмом, я, пожалуй, предпочту последний, он все же более плодотворен.

Функции византийско-церковнославянских юридических памятников относятся к другой сфере, к сфере идеологии; эти памятники воспринимаются как

часть христианской культуры и получают религиозную, а не практическую значимость. Этот тезис, который я обосновываю в §§ 1—4, не зависит непосредственно от дуалистической концепции русского культурного процесса, хотя, конечно, и соотносен с тем фактом, что средневековая Русь не обладала никакой автономной светской культурной традицией. Во всяком случае, это положение я готов отстаивать и сейчас.

Здесь возникает один частный вопрос: когда именно возникла рассматриваемая ситуация с противопоставлением действующего автохтонного и недействующего церковнославянско-византийского права. В статье этот вопрос связывается со становлением диглоссии и утверждается, что «специфическая русская юридическая ситуация складывается, видимо, сразу же после крещения Руси»; отказываясь от концепции диглоссии, я, понятно, отказываюсь и от данной увязки, так что проблема хронологического приурочивания становится второстепенной. Поэтому сейчас я бы от столь однозначной датировки предпочел воздержаться. Полемизируя со мною, Л. Бургманн утверждает, что «mit der Taufe der Rus' entstand also zunächst allenfalls ein virtueller Rechtsdualismus» (Бургманн 1992, 115); правовой дуализм был виртуальным, поскольку византийские светские юридические памятники в славянском переводе дошли до Руси только в XIII в. в составе Сербской кормчей. Для Прохирона это, видимо, несомненно, для Эклоги — может рассматриваться в качестве одной из гипотез.

Неясно, однако, сколько именно нужно византийского юридического материала в славянском переводе, чтобы сформировалась та терминологическая дихотомия, которая задает противопоставление систем. Какое-то количество юридических понятий и терминов содержалось и в Законе судном людем и в тех канонических текстах, которые вошли в более раннюю редакцию Кормчей, так что определенные ингредиенты складывающейся дихотомии присутствовали и в более раннее время. Существенно, что в тот период, когда развивается бюрократизация административной деятельности и написанный юридический документ приобретает присущие ему правовые функции (С. Франклин датирует этот процесс XIII в. — см. Франклин 1985; учитывая раскопанные в последнее время берестяные грамоты, датировку, возможно, нужно сдвинуть на полвека назад), получает развитие и интересующая нас дихотомия: становление восточнославянской юридической письменности как отдельной сферы деятельности (позволяющей говорить об эпохе письменного документа со всеми присущими ей социальными и риторическими импликациями) обходит стороной византийские источники не потому, что они недоступны, а потому, что они не нужны.

В Повести временных лет под 996 г. рассказывается о том, как св. Владимир вернулся к «устроению отню и дѣдню», т. е. к автохтонному праву, отказавшись следовать византийской правовой традиции. Этот рассказ носит легендарный характер и, как я и отмечал в своей статье, может рассматриваться как обработка какого-то предания, сделанная летописцем в конце XI в. С. Франклин и Д. Шепард полагают, что эта история была «придумана позднее [т. е. позднее 996 г.], в оправдание широкого применения штрафов на рубеже XI—XII вв.» (Франклин и Шепард 2000, 321). Мнение о позднем характере этого рассказа является вообще общепринятым (некоторые исследователи, впрочем, с ним не согласны, см. ниже), хотя мотивы его включения в летопись могут реконструироваться по-разному. Так, признавая вместе с Франклином и Шепардом тенденциозность летописца (общепринят и этот взгляд на летописание), я не могу, однако

же, представить себе, чтобы благочестивый автор выдумывал из головы исторические анекдоты для оправдания конкретной административной практики.

Представляется более вероятным, что летописец не выдумывал, а представлял в «правильном», с его точки зрения, виде доступные ему сведения (понятно, что у разных летописцев могла быть разная правильность, ср. разную трактовку Кия в Начальном летописном своде и Повести временных лет). Какими именно сведениями располагал летописец о древнейшем периоде и как они могли дойти до него, остается непонятным, и здесь — ввиду полного отсутствия данных — более разумнее воздержаться от каких-либо гипотез. Поскольку некоторые из сообщений, относящихся к X в., подтверждаются из независимых источников, можно полагать, что какая-то информация (разной степени достоверности) у летописца все же была, и это относится, в частности, к статье 996 г.

Что именно сделал Владимир и почему рассказ об этом помещен под 996 г., остается только гадать. Очевидно, что выбор между византийским и автохтонным правом — это такой же мифологический выбор, как выбор веры (в соответствующих двух рассказах есть даже формальные аналогии: Владимир выслушивает аргументы в пользу разных вариантов, а затем выносит свое решение). В обоих случаях у этого выбора есть реальный коррелят: Владимир ввел христианство и оставил в действии автохтонное право. Летописец и занят тем, что объясняет (с помощью мифологического повествования), как эта реальность возникла, и это означает, что он эту реальность осознает, причем осознает именно как осуществившийся вариант развития, который когда-то существовал наряду с другими вариантами. Отсюда следует — что бы ни происходило сразу после крещения Руси (о том, что нет оснований относить к этому времени становление юридического дуализма, я уже сказал выше) — на рубеже XI—XII веков следование традиции автохтонного права воспринималось уже как осуществленный выбор, как отказ от византийской системы в пользу обычая отцов и дедов, и такое восприятие, как кажется, свидетельствует, хотя и косвенным образом, о реализовавшейся оппозиции двух юридических систем, хотя, конечно, не дает никакой информации о том, в каком именно виде была известна летописцу византийская традиция. Стоит отметить, что для конца XI в. существование в корпусе циркулировавшей в Киеве переводной литературы каких-то византийских юридических текстов (возможно, даже и Эклоги или выдержек из нее) не представляется столь невероятным, как для рубежа X—XI в.

В этой связи нельзя обойти молчанием фантастическую гипотезу, высказанную Л. В. Миловым в ряде его недавних статей. Л. В. Милов еще много лет назад утверждал, что перевод Эклоги был сделан у восточных славян, и даже именовал язык этого перевода «древнерусским» (см. Милов 1976). Доказательство восточнославянского происхождения отдельных переводов с греческого представляет собой вообще весьма сложную филологическую задачу (см. Молдован 1994), и дилетантские аргументы Милова явно недостаточны для ее решения. Он указывает на горстку слов, которые, по его мнению, являются специфической приметой «древнерусского» языка, и в этих указаниях, как несложно предвидеть, ошибается (в частности, одной из приводимых им лексем оказывается *задница* в значении «наследство», не встречающаяся, как он необоснованно думает, в южнославянских памятниках, см. противоречащие этому мнению примеры: Молдован 2000, 73). Переводческая деятельность у восточных славян в XI—XIV вв. (XIV в. датируется наиболее ранний список Эклоги в славянском переводе в составе МП) но-

сила довольно ограниченный характер, основная масса переводов с греческого пришла на Русь от южных славян, так что, не имея ясных доказательств противного, мы обычно предполагаем южнославянское происхождение переводных текстов. Хотя однозначными аргументами я сейчас не располагаю, я бы — по умолчанию — считал такое происхождение наиболее вероятным и для Эклоги.

Малые заблуждения рождают большие. В последних своих работах Л. В. Милов говорит уже не только о том, что перевод Эклоги был сделан у восточных славян, но и о том, что сделан он был при св. Владимире (Милов 1996; Милов 2000). Для историка восточнославянской книжности такая датировка выглядит абсурдно даже вне зависимости от того, о каком тексте идет речь. Первые скромные следы переводческой деятельности в Киеве обнаруживаются только в самом конце XI в., когда в 1080—1089 гг. появляются Канонические ответы митрополита Иоанна II, для которых мы располагаем как славянским, так и частично греческим текстом (РИБ, VI, стб. 1—20, прилож., стб. 323—346) и с большой уверенностью можем думать, что текст киевского митрополита был переведен в его кафедральном городе.

Относительно первых десятилетий после крещения Руси мы можем думать лишь о становлении самой письменной традиции, о периоде ученичества, когда воспроизводились тексты инославянского происхождения (первые следы этой деятельности — это новгородские церы рубежа X—XI вв., которые были обнаружены при раскопках 2000 г.). Предполагать, что в этот период, когда руки восточных славян только еще привыкали к перу или стилосу, появились книжники, способные перевести на славянский достаточно непростой греческий текст, не согласно ни с каким вероятием. Филологические аргументы Милова, полагающего, что «о глубокой древности этого перевода свидетельствует наличие в тексте архаичных, редко встречающихся слов и речевых оборотов» (1996, 202) и что поэтому он «мог быть совершен не позднее XI века» (там же), полностью несостоятельны. Автор, видимо, не подозревает, что у нас просто нет данных, которые позволяли бы стратифицировать архаизмы как относящиеся к XI, XII или XIII в., иначе говоря, практически ни про какое слово мы не можем сказать, что оно вышло из употребления ранее XIV в. (а то, что славянская Эклога была в распоряжении восточных славян в XIV в., доказывать не нужно, так как для этого времени у нас есть свидетельство рукописи).

Ранняя датировка нужна Л. В. Милову для того, чтобы не смущаясь заявить, что рассказ летописи под 996 г. заслуживает полного доверия и что речь в нем действительно идет о проведенной Владимиром «важнейшей реформе в области судебных наказаний» (там же, 203). По мнению Милова, «юридической основой этой весьма кардинальной реформы стал византийский свод законов Эклога. Для этой цели и был предпринят, вероятнее всего в Киеве, перевод его на древнерусский язык» (там же, 203, ср. еще 209). Хотя датировку 996 г. Милов считает условной, остальные детали рассказа кажутся ему отражающими реальность — даже такая несообразность, как множество епископов, пришедших к Владимиру (понятно, что Милов ссылается здесь на митрополита Макария, известного не слишком высокими стандартами исторической критики; ср. трезвую оценку: Франклин и Шепард 2000, 330—331).

Связав гипотетический перевод Эклоги с не менее гипотетической реформой Владимира, Милов идет дальше и предполагает, что «древнерусский юрист» (Милов 1996, 206) реаранжировал статьи XVII титула Эклоги, посвященного уго-

ловным наказаниям, приспособив их к задачам киевского судопроизводства. Откуда в окружении Владимира взялся юрист, Милов не объясняет, но делает отсюда вывод, что Эклога не попадает на Русь «в составе какой-либо из Кормчих книг», а появляется «в ходе готовящейся Владимиром реформы системы судебных наказаний как части целой серии мероприятий, связанных с принятием христианства» (там же, 209); при этом странным образом оказывается обойден вниманием тот факт, что у славянского расположения статей имеются достаточно близкие аналоги в греческих редакциях Эклоги, исследованных Л. Бургманном (см.: Бургманн 1983, 112—115).

Реформа Владимира продолжалась, по мнению Милова, пять или десять лет и затем потерпела крах по тем самым фискальным причинам, о которых рассказывает летописец. Милов полагает, однако, что она оставила след в кодификации автохтонного права. Русская Правда в древнейшей редакции была создана, согласно данной концепции, сразу после провала реформы, который и был стимулом для этой кодификации, причем «тематика установлений Эклоги была в существенной мере использована древнерусскими юристами при создании Древнейшей Правды. Отвергнутый византийский свод послужил основой для разработки местными юристами своих законов с применением уже местных, традиционных наказаний» (Милов 1996, 215).

Приводимые Миловым доказательства этого тезиса не выдерживают никакой критики, поскольку состоят в весьма относительном сходстве порядка рассмотрения отдельных случаев убийства и нанесения телесных повреждений в двух памятниках (в нескольких фрагментах Русской Правды в сопоставлении с XVII титулом Эклоги — там же, 214—216). В обоих случаях порядок рассмотрения определяется довольно простой логикой, так что сходство оказывается здесь типологическим, никак не требующим гипотезы о зависимости двух текстов (в конце концов, похожую выборку можно сделать и из статей второй книги Саксонского зеркала, на которое Эклога уж точно не повлияла). Сходство выглядит совсем призрачным, если учесть, что в Русской Правде мы имеем дело с казуистическим способом изложения, а в Эклоге — с обобщающим.

Столь же фантазна и связь, которую в другой статье Милов устанавливает между Эклогой и Уставом Владимира (Милов 2000). И здесь нехитрые аргументы автора состоят в том, что в Уставе перечисляются (в качестве отданных в юрисдикцию церковного суда) те самые преступления, которые трактуются в Эклоге (преимущественно все в том же XVII титуле). Речь идет о преступлениях против нравственности, семейном праве, колдовстве (преступлениях против веры) и делах о наследстве. То, что все эти казусы рассматриваются в Эклоге, не нуждается в объяснении: они составляют естественное содержание юридического кодекса. То, что эти казусы упоминаются в Уставе, также не заслуживает удивления: преступления против веры и нравственности и семейные отношения — это сама собой разумеющаяся компетенция церковного суда. Поэтому нет никаких оснований для предположения, что «вводимый церковный Устав по линии санкции по разбираемым им делам <...> опирался на Эклогу» (Там же, 245).

Я столь подробно остановился на неосновательных гипотезах Л. В. Милова, поскольку они основаны на представлении о византийско-церковнославянском праве как непосредственно включенном в юридическую жизнь восточнославянского средневековья — либо в виде юридической нормы прямого действия, либо

в качестве основы для кодификации автохтонного права. Фантазии такого рода — это крайний результат нежелания признать, что никакого реального действующего византийско-церковнославянского права приписано быть не может, так же как и возникающего отсюда стремления найти ему место в истории действующего права. Когда бы ни возник рассматриваемый в статье юридический дуализм — в XI, XII или XIII в. (в зависимости от датировки появления у восточных славян переводных текстов византийского права), — византийскому праву была в нем отведена исключительно идеологическая функция. Именно это остается основным тезисом первой части статьи.

Что касается второй части, то она вряд ли нуждается в подробных комментариях. Я продолжаю думать, что Уложение было поворотным моментом в истории русской юридической системы, во многом предвосхитившим позднее развитие. Правовые инновации в юридических памятниках царствования Алексея Михайловича действительно переплетаются с инновациями лингвистическими: переводами с церковнославянского в Уложении и параллельными русскими и церковнославянскими текстами в Новоуказных статьях; в этих текстах намечается разрыв с традициями русской средневековой письменности, хотя и нет необходимости трактовать этот разрыв как разрушение диглоссии. Заметки о развитии права после Уложения 1649 г. явным образом фрагментарны и призваны проиллюстрировать лишь один момент: юридическое сознание, сформировавшееся в средние века, не прошло бесследно для статуса права в императорский период. Оно нашло отражение в восприятии права в разных сегментах общества: в восприятии его как идеологического инструмента у социальной элиты и в отчуждении от него в низших социальных стратах. Резюмированные в этом *Postscriptum*'е положения статьи могут обсуждаться, очевидным образом, вне всякой структуралистской парадигмы.

Дополнительная литература

Бургманн 1983 — Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos' V. / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt am Main, 1983. (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte, Bd 10).

Бургманн 1992 — *Burgmann L.* Zwei Sprachen — zwei Rechte. Zu einem Versuch einer linguo-semiotischen Beschreibung der Geschichte des russischen Rechts // *Rechtshistorisches Journal*. 1992. 11, 103—122.

Бургманн и Кауфхольд 1992 — *Bibliographie zur Rezeption des byzantinischen Rechts im alten Rußland sowie zur Geschichte des armenischen und georgischen Rechts.* Unter Mitwirkung von A. Bozajan, I. Čičurov, S. Goginava, K. Maksimovič und J. Ščapov zusammengestellt von L. Burgmann und H. Kaufhold. Frankfurt am Main, 1992 (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte, Bd. 18).

Диксон 1999 — *Dixon S.* The Modernisation of Russia 1676—1825. Cambridge, 1999.

Живов 1996 — *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Живов 2002 — *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002.

Малия 1999 — *Malia M.* Russia under Western Eyes: from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge (Mass.); London, 1999.

Маньков 1987 — Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии / Руководитель авторского коллектива А. Г. Маньков. Л., 1987.

Медведев 1984 — Византийский земельный закон / Текст, исследование, комментарий подготовили Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская; Под ред. И. П. Медведева. Л., 1984.

Милов 1984 — *Милов А. В.* Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1984. № 3, 56—65.

Милов 1996 — *Милов А. В.* Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право = *Jus Antiquum*. 1996. № 1, 201—218.

Милов 2000 — *Милов А. В.* К вопросу об истории церковного устава Владимира // *Florilegium*. К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000, 244—246.

Молдован 1994 — *Молдован А. М.* Критерии локализации древнерусских переводов // Славяноведение. 1994. № 2, 69—80.

Молдован 2000 — *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

Франклин 1985 — *Franklin S.* Literacy and Documentation in Early Medieval Russia // *Speculum*. 1985. 40, 1—38.

Франклин и Шепард 2000 — *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси 750—1200: Пер. с англ. СПб., 2000.

А. Д. Седельников

ПЕСНЯ О ЩЕЛКАНЕ И БЛИЗКИЕ К НЕЙ ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ*

То обстоятельство, что до сих пор в научной литературе не имелось ни одного специального исследования, посвященного песне о Щелкане, следует поставить в связь с неблагоприятными для ее разработки условиями. С одной стороны, остается бесспорно историческая основа сюжета, и это позволяло говорить о нем как о прозрачной иллюстрации всем знакомого события русской истории; принадлежность сюжета, по форме его выражения, не к былинам, а к историческим песням точно так же не могла сколько-нибудь серьезно оспариваться. Отсюда был один шаг, часто и делавшийся, к признанию за данной песней значительного старшинства перед всеми остальными великорусскими историческими песнями — шаг ошибочный, хотя и невольный¹. Анализ, путем которого во многих других случаях выяснялись отклонения сюжета от исторической основы, мешало слабое, но в то же время расходящееся по вариантам развитие песни. Текст в сборнике Кирши Данилова, западносибирский конца XVIII века, да три записи А. Ф. Гильфердинга, сделанных в одной и той же местности (на Кенозере, Олонецкой губернии), — вот все до последнего времени бывшее в нашем распоряжении². Нового материала для восстановления прототипа не прибавила и за-

---

* Печатается по изд.: *Slavia Časopis pro slovanskou filologii*. 1925. Roč. 3. Zeš. 4.

¹ Совсем недавно всегда повторяемую мысль о Щелкане Дудентьевиче как о старшей из всех известных композиций определенного рода подчеркнул мимоходом А. Brückner (Michailo Potyk und der wahre Sinn der Bylinen, *Zeitschrift für slavische Philologie* 1926, B. III, S. 385), говоря о былинах, в которых незачем, по его мнению, русским исследователям искать каких-либо «исторических эхо».

² Тексты: 1) Сборник Кирши Данилова, изд. Публичной Библиотекой под редакцией П. Н. Шеффера, СПб., 1901. С. 13—14; 2)—5) Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. III, вып. 1 (изд. 2-е, СПб., 1900 — Собрн. отд. русск. яз. и словесн. И. Ак. Н., т. LXI). Здесь №№ 235 (от Калитиной Ир. Ден., Суетин Остров, что на Свином озере, близ Кенозера), 269 (неполный, одно начало; от Третьякова Ив. Григ., деревня Рослякова на Кенозере), 283 (от Меньшиковой Матр. Григ., деревня Горки близ Кенозера). Кроме этих записей есть еще одна, представляющая сюжет в сокращении и в контаминации с «рождением Вольги», записанная от Лядкова-Кропачева Ив. Мих. в деревне Мамоновой на Кенозере (№ 254). После вступления в песню о Щелкане («суды» Везвяка) герой пожалован Тверью (без просьбы с его стороны), где и производит свои поборы с населения. Далее контаминация: сообщая с Везвяком услышав о рождении «сильного могучего богатыря да Вольву сына Щеславьевича», они повыловили из Волги (сказалось приурочение сюжета о Щелкане к Твери) всю рыбу, «рябчиков-косачиков повыстрелили, да лисицу-куницу повыдавали», вслед за чем конец записи ex abrupto:

пись, вывезенная экспедицией Б. М. и Ю. М. Соколовых летом 1927 г. в Олонецкий край: она теснейшим образом примыкает к гильфердинговским, что и не удивительно, поскольку напета она в том же самом Кенозерском районе, от сына исполнительницы, певшей в 1871 г. Гильфердингу³. Помимо тесной близости между собою, гильфердинговские варианты в большей части своего текста, именно в начальной и срединной, близки к старшему — киршевскому; конец же у обоих сравнительно полных гильфердинговских вариантов особый, намного короче соответствующего продолжения по киршевскому тексту и явно не возмещающий этого продолжения с точки зрения фабулы.

Обще по вариантам песни следующее: 1) «суды» царя и раздача им русских городов приближенным, происходящая в отсутствие царского родственника Щелкана, который в то время собирал дань царскую с дальней земли. Отличия песенных вариантов: кирш. вариант называет место действия — Большая Орда; Щелкан — шурина царя (по гильф. и сокол. — зять); дальняя земля называется литовской (по гильф. и сокол. частью «литовская-жидовская», частью «жидовская»); 2) характеристика щелкановых насилий при сборе дани: если у кого-нибудь нет денег, брал жену, а то и самого недоимщика головою; 3) по возвращении в Орду просьба Щелкана пожаловать его Тверью вместе с «двумя братьями Борисовичами» (гильф. — «князьями благоверными Дмитрием Борисовичем да Борисом Борисовичем»; в сокол. упоминания о князьях нет); 4) условие, поставленное царем для дарения Тверью: убить Щелкану своего собственного сына, нацедить крови в чашу и выпить перед ним, царем; 5) выполнение этого условия. Дальше кирш. вариант расходится с гильфердинговскими и соколовским. По кирш. следует: 6) настоянничество Щелкана в Твери, насилия над местным населением; 7) жалобы «Борисовичам» со стороны жителей — «мужиков» («старых-богатых-посадских»); 8) делегация Борисовичей к Щелкану с подарками, которые Щелкан принял от них, а чести им не воздал; 9) расправа с зачванившимся Щелканом:

ватапоры младъ щелканъ зачванелся онъ загорденелся и оне с нимъ раздорили одинъ ухватилъ за волосы а другой за ноги и тутъ ево разорвали тутъ смерть ему случилася ни на комъ не сыскалося⁴.

У гильфердинговских вариантов (также у соколовского) продолжение много короче: 6) Щелкан перед отъездом в Тверь заезжает проститься к родной сестре Марье Дудентьевне; 7) та называет его «окаянным братом» (Гильфердинг) и предостерегает, как бы ему «не остыть самому на копье — на ножичке».

Как видно из приведенного перечня эпизодов, гильферд. варианты и сокол. вместе с ними совершенно не знают «исторической» части песни о Щелкане, т. е. встречающей себе соответствие в русских летописях.

Да тут Вольвушенька раждается,
Да Щелканушка кончается,
Да кончается Щелканова вотчина,
Да только ли Щелканушко жив-то бывал.

Для истории текста песни о Щелкане контаминация дает разве лишь указание на то, что мотив хищничества прочно связуется у позднейших сказителей с именем Щелкана. Восстановлению же сюжета о Щелкане она ничем не помогает.

³ Ив. Матв. Калигин, 81 года, из Сутина Острова на Кенозере. За сообщение записи приношу свою признательность Б. М. и Ю. М. Соколовым.

⁴ Цит. изд. С. 14. Выдержки из киршевского варианта передаются с соблюдением его орфографии.

По отношению к тем именам, с которыми связано действие, обе версии дают, в сущности, одно и то же, чем и подтверждают их исконную принадлежность песне. В кирш. имя царя Азвяк Тавруловичь, в гильферд. — Возвяк, Везвяк, Воззяк, Звяга Таврольевичь; в сокол. также Возвяк и Звяга Таврольевичь. Имя героя песни всюду передается одинаково: Щелкан, Щелканушко. Отчество героя в кирш. варианте — Дюдентевичь, т. е. здесь сохраняется близость к летописному чтению «Дюденеви́чь»), в гильферд. и сокол. — Дудентевич. Тверь, предмет просьбы и место деятельности Щелкана, без всяких изменений упоминается всеми наличными вариантами.

По отношению, наконец, к темпу песни все немногочисленные варианты дают одинаковое показание. Темп, согласно с коротким размером, а также и с быстрым развитием действия, ускоренный, родственный с темпом других композиций веселого скоморошеского пошиба вроде старин о Кострюке, о госте Терентище, о Дурне.

Из таких разнородных особенностей состоит материал, по которому предоставляется судить и о жизни песенных вариантов, и о физиономии основной композиции. Важно, между прочим, то, что свойство темпа находится в органической связи с этимологией имен, передающих, как можно сразу заметить, понятия трех звуковых категорий: щелкать, дудить, звякать. Из этого элементарного показания восстанавливается своеобразный прием скоморошеской поэтики — прием если и не вполне проведенный (в силу влияния летописного чтения: «Дюденеви́чь»), то, вероятно, все же действовавший по ассоциации уже в пору создания песни. В дальнейшем исполнители продолжали ту же традицию. Три гильфердинговских варианта и четвертый соколовский единогласно это подчеркивают именами азвяковых вельмож, идущими из популярной песни-скоморошины⁵:

Да Фому дарил Токмою (сокол. — Тотмою)
Да Ерему Новым городом.

Киршевский вариант называет имена другие, но здесь начало песни развито образами, опять-таки оставляющими сомнения в скоморошеском характере исполнений. И так как интродукция неразрывно связана с дальнейшим (дележ городов — просьба дать Тверь — Щелкан в Твери), а кроме того, как увидим, связана с легендарным источником сюжета, то ее скоморошеский характер приходится относить к изначальным композиционно-стилевым принадлежностям доступной нам песни о Щелкане. Нелишне будет привести всю интродукцию полностью, так как она говорит сама за себя:

Аи деялося в орде передеялось в Болшой на стуле золоте на рытомъ юархоте на черчатой камке сидитъ тутъ царь Азвякъ Азвякъ Тавруловичъ суды разсуж(ив)аетъ и ряды р(а)зряживаетъ костьюемъ размахиваетъ по бритымъ темъ усамъ по тотарскимъ темъ головамъ по синимъ плешамъ шурьевъ царь дари(ль) Азвякъ Тавруловичъ городами столными Василя на Плесу Гордея к Вологде Ахрамея х Костроме одново не подоловалъ любимова шурина Щелкана Дюдентевича⁶.

⁵ О ней статья Н. Я. Аристова: Повесть о Фоме и Ереме. Древняя и Новая Россия, 1876, т. I. С. 359—368.

⁶ Цит. изд. С. 13.

Анализ песни о Щелкане должен повести к весьма существенному вопросу: каким образом скоморошеская композиция взяла себе темой событие, чрезвычайно печальное по своим последствиям для Твери и для всех ее окружающих городов? То, что при именах Азвяка, Щелкана и Твери имелось в виду определенное событие, не нуждается ни в каких дополнительных доказательствах: связь с исторической ситуацией тех же имен слишком очевидна. Мы знаем, что ханом золотоордынским Узбеком (Озбьяк, Азбьяк летописей) был послан в Тверь за данью баскак по имени или, скорее, по своему титулу — Шевкал (так читается имя в старших текстах, XIV и XV вв., начиная с Новгор. I по Синод. Списку), он же Щелкан (или Щолкан; тексты кон. XV и всего XVI в.⁷), что его насилия вызвали там возмущение, и баскак был убит (сожжен — по некоторым летописям). Это случилось в 1327 г. В следующем 1328 г. Тверская область была разорена до тла карательной экспедицией татар с участием врага Твери московского князя Ивана Калиты. Руководитель восстания князь Александр Михайлович принужден был бежать во Псков, а затем в Литву; его братья, вернувшись из бегства и оставаясь «в велицей нищете и убожестве», лишь мало-помалу собрали разбежавшуюся часть населения; другая часть была уведена в полон татарами. Такова картина бедствия, постигшего Тверь. Насколько она не отвечает общему тону композиции о Щелкане, насколько трудно представить, чтобы по свежим следам катастрофы могла быть составлена песня, которая — по единственному варианту, оканчивающемуся расправой над Щелканом, киршенскому, — своими финальными словами: «Тут смерть ему случилася, ни на ком не сыскалася» лишь подчеркивает всю предыдущую саркастически-шутливую фабулу, — это сознавалось многими из тех, кто задавался вопросом о происхождении исследуемой песни. Разрешалось же затруднение обыкновенно так, что композицию относили ко времени не ранее «Борисовичей», упоминаемых песнею, видя в последних воспоминание о сыновьях тверского великого князя Бориса Александровича; таким образом, песня оказывалась сложена не раньше 1462 г., т. е. тогда уже, когда впечатления о катастрофе XIV в. сгладились, а переименование расправы с ханским послом перестало резать глаза за отдаленностью факта⁸. Следует, однако, заметить, что расправа с баскаком в песне (где он разорван надвое) не противоречит рассказу тех летописных текстов, где о сожжении баскака не говорится; например, по Тверской летописи: «...и кликнуша Тффричи и начаша избивати Татаръ, гдѣ котораго застропивъ, дондеже и самого Шевкала оубиша и всѣхъ по ряду, не оставиша и вѣстоноши...»⁹ Против органичности имени Борисовичей основной песне сказать что-либо трудно, поскольку и это имя дается обеими, друг от друга не зависящими версиями песни, восходящими обе к прототипу по крайней мере XVIII в. Но если при этом видеть здесь действительно отчества последних тверских князей, то тем самым композиция может быть отнесена не раньше чем в XVI век, т. е., иначе говоря, ко времени, когда стало возможным соединять имена и события разных моментов тверской истории, теперь уже от-

⁷ Щелкан явилось осмыслением из Шевкал при помощи фонетического фактора (переход *в л* в положение пред согласным, внутри слова); ср. А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 124.

⁸ Так, например, резюмируется вопрос в «Курсе истории русской литературы» В. А. Келтуялы I, 2. С. 269.

⁹ Полн. Собр. Русск. Летоп., т. XV (2), 1 (Петр. 1922), стр. 43: «Рогожский летописец», рукоп. вт. пол. XV в.

житой. Это не лишено своего, хотя бы и второстепенного, значения при других, более серьезных указаниях, вскрывающих именно XVI в. и ведущих притом не в Тверь, а в Москву.

Тот летописный рассказ, который всего удобнее примыкает к песенному, мы находим в Никоновском своде, сформировавшемся около середины XVI в. Начало летописного рассказа о шевкаловщине по Никону такое: «Прииде во Тверь посолъ силенъ зѣло царевичъ Щелканъ Дюденевиъ изъ Орды, отъ царя Азбѣя; бѣ же сей братаничъ царю Азбѣю, хотя князей тверскихъ избити, а самъ сѣсти на княженіе во Твери, а своихъ князей татарскихъ хотя посажати по рускимъ градомъ, а христіанъ хотяше привести въ татарскую вѣру»¹⁰. Здесь появляются в связи с ним в и д е, в отличие от более ранних текстов, две следующие черты легендарного происхождения. Во-первых, ханский баскак назван царевичем — племянником хана (по мужской линии, «братаничем»); во-вторых, он носит отчество от лица, в котором нельзя не увидеть Дюдены, знаменитого своим карательным наездом на Русь, подобным Шевкалову, но относящимся к концу XIII в. (1293 г.). Материал для этих осмыслений имелся в самом летописании. По Новг. I под 1293 г.¹¹ значится: «...отпусти царь брата своего Дуденя съ множествомъ рати на Дмитрея»; в других текстах, например, в Лаврентьевском 1377 г. и в тексте Новг. IV, говорится уже про «царя Дуденя». Стоило сопоставить эти две личности, схожие по образу действий и по происхождению и принадлежащие двум соседним поколениям, чтобы Шевкал-Щелкан оказался «царевичем» и притом братаничем хана, т. е. сыном от брата. Царственное происхождение Щелкана диктовалось, с другой стороны, и тем, что у него имелись, по летописи, свои собственные подручные князья, которых он хотел было рассажать по русским городам, оставив за собой стольный город Тверь. Домысел опять не выходит из русла летописания — старшего, чем Никоновский свод. Возможность же заимствования в этот последний из песни о Щелкане должна быть совершенно исключена, и не потому лишь, что песня эта скоморошеская, а Никоновский свод в значительной степени официальный. В источники летописного рассказа песня не годится потому, что весьма своеобразное изображение шевкаловщины песней никак не отразилось на летописном рассказе. Но что легендотворчество о щелкаловщине было снабжено из летописных источников элементами, которые при случае могли стать предметом внимания скоморохов, — это более чем вероятно. Т. е. речь идет о трехчленной, стало быть, достаточно заметной группе имен, представляющей столь близкое соответствие у летописи (Никон.) и у песни¹².

¹⁰ Полн. собр. летоп. т. X, 194.

¹¹ Там же, т. III, 65.

¹² Само собой разумеется, скоморошеская инструментовка: «Дюдентевич-Дудентьевич», «Язвяк», дополняющая в нее же входящее имя «Щелкан», находила себе почву в бытовом словоупотреблении. Относительно «звякать», ц.-сл. «звяцати» даже сомнения возникнуть не может: это слово встречается, начиная с древнейшей поры, в памятниках и церковнославянских, и русских. Имелись ли два остальных, несколько завуалировано письменностью, предпочитающей близкие к ним по смыслу речения (как «троскотати», «сопѣти» и т. п.), но и их бытование в великорусской речи XVI в. установить нетрудно. Здесь особенно помогают собственные имена. Щелкаловы и Щелкановы хорошо известны в Москве при Василии III и при Грозном. Крестьянские прозвища Дуда, Дудка, Дудин регистрируются писцовыми книгами еще в кон. XV в. (1495 г.), встречаясь затем и в XVI в. (1539 г.); прозвище бытовало, по-видимому, на территории старой новгородской и бывших новгородских колоний: так, помимо Писцовой книги 1495 г.,

На вопросах о времени и о месте формирования Никоновского свода можно не останавливаться, так как они достаточно ясны. К Москве и к середине — частью второй половине XVI в. этот свод приурочивается прочно¹³. Но на то же самое время, особенно на шестидесятые и семидесятые годы, падает и расцвет московской скоморошеской традиции. При дворе Грозного песня и пляска скоморохов становятся не только любимой забавой: они служат злостному глумлению над врагами царя — действительными или мнимыми. Неудивительно, что в страстной атмосфере пиров и казней, вина и крови острие сатиры подчас обращалось, хотя бы потаенно, в сторону, противоположную той, которая высмеивалась и клеймилась, так сказать, по заказу. Легко понять, почему бывшие всегда под руками, переполняющие собою эпос мизансцены времен татарщины составляли чрезвычайно благодарный материал для всяких сатирических *innuendo*. Эту-то легкую возможность и осуществляет песня о Щелкане. «Суды» Азвяка — Узбека, при коих тот костью замахивает по головам приближенных, схожи с аналогичными «судами» и расправами Грозного, редко расстававшегося со своим жезлом-костью. Царские «шурья» (кирш. вариант песни) могли быть поняты, помимо магометанского многоженства, по количеству шурьев того же Грозного. Мотив раздачи городов находил себе в современности не менее живой отклик: следует обратить внимание на то, какие города раздаются Азвяком по киршевскому тексту, вообще наилучше сохраняющему особенности прототипа песни. Плес на Волге, Вологда и Кострома в числе первых, не позже 1567 г., взяты царем Иваном в опричнину для помещения там взамен прежних вотчинников — новых, служащих в опричнине. То, что они называются городами *стольными*, должно было звучать чрезвычайно едким сарказмом по отношению к Грозному. Для раздачи отбирались земли «княжат», а в ликвидации наследственных, бывших удельных вотчин видят (С. Ф. Платонов и др.) значительную долю смысла самой опричнины как социально-политической реформы. Кстати будет тут же отметить, что Тверь в опричнину до самого конца взята не была¹⁴. Далее, сказочный мотив убийства сына, нацеживания крови и выпивания чаши крови перед царем по его приказанию живо напоминает невероятные злодеяния, по приказанию Грозного проделывавшиеся опричниками. Набеги на отдельные города, с грабежом их опричниной не могли, конечно, не вызывать

см. «Летопись Двинскую», где упоминается выборный голова Семен Аверкиев сын Дуда (1557—1587 гг.). См.: Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. Изв. Зап. Русск. Отд. И. Археол. Общ. т. IV. С. 138 и 538; А. А. Титов. Летопись Двинская. М., 1889. С. XIII; 13. Что касается отчества Азвяка — «Таврулович», не отраженного летописным рассказом, то оно представлялось другим современным же источником. Таврул, как имя татарина и ханского родича (шурина), дает именно Повесть о Николе Зарайском, датирующая себя 1560 г. и сохранившаяся, между прочим, в списке третьей четверти XVI в. (рукоп. б. Моск. дух. акад. № 523).

¹³ См., в частности: А. А. Шахматов, рецензия на труд Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков». Изв. II отд. И. Ак. Н. 1899 г., кн. 4 (СПб., 1900) С. 1463—1484; особенно С. 1479 и сл.

¹⁴ Около 1576 г. она отдана (вместе с Торжком) в кормление бывшему «царю земщины» Симеону Бекбулатовичу, за которым и оставалась до времени царствования Бориса Годунова. См.: С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1899. С. 139, 174. Здесь же, стр. 145—151, сведения о постепенном нарастании территории опричных земель.

сравнений с татарами, и опять-таки будет кстати сказать, что среди опустошенных Иваном Грозным русских городов была Тверь.

У иностранцев, писавших об эпохе Грозного, нет недостатка в свидетельствах и про убийства, и про набеги. Говорится, в частности, о «детях, пронзенных копьями», о ребенке, найденном опричниками при массовых убийствах и лично Грозным заколотом, Грозный характеризуется по жестокости превзошедшим «Ирода-детоубийцу» и т. д., и т. д. Все это писано, конечно, не без легендарного обобщения, но в основе лежат все-таки те или иные факты. Применение к Грозному и его опричникам эпитетов «сыроядец» и «кровопийца» достаточно хорошо известно (например, по Курбскому). Когда в конце 1569 г. Грозный с опричниками и, по словам Гваньини, с татарской конницей, cum equitibus Tartaris, направился громить Новгород, якобы уличенный в измене, то предварительно, по пути, опустошались целые области, — раньше других Тверская. «In tweriam civitatem profectus, — говорит Гваньини, — tantam in ea tyrannidem, quantam in Novogrodia magna exercuit, incolas trucidavit, aquis obruit, bonisque omnibus et immobilibus spoliavit; divorum templa auro et argento depraedavit»¹⁵. «Когда он (Грозный) прибыл в известный большой город Тверь, — сообщают участники похода Тауде и Крузе, — остановился он в монастыре и приказал своим войскам обложить весь город... приказал он ограбить до гола тверского епископа, монахов и всех духовных... врываться в дома (горожан) и рубить на куски всю домашнюю утварь, сосуды, бочки, дорогие товары, лен, сало, воск, шкуры, всю движимость, свезти все это в кучу и сжечь... Кроме того, они (опричники) вешали женщин, мужчин и детей, сжигали их на огне, мучили клещами и иными способами, чтобы узнать, где были их деньги и добро»¹⁶.

До нас не дошло сведений, кому из опричников было изручено Грозным руководить грабежами и насилиями в Твери. Но есть лицо, которому народная молва особенно легко могла приписать эту постыдную миссию в числе каких угодно бедствий населения, связанных с походом на Тверь и дальше. Известно, что предлог для похода, как и для жестоких казней бояр (1568 г.) заключался в раскрытой якобы «измене» сначала бояр, затем жителей всей караемой территории: в том и другом случае фигурировала (действительная или мнимая — вопрос иной) переписка царских изменников с польским королем или литовским гетманом. Почвой слухов об измене служил, в обстановке войны, подготовлявшийся тогда политический союз Литвы с Польшей. Молва, питающаяся, как всегда и везде, конкретным, называла определенные имена. Ее отражение, интересное для нас ввиду всего дальнейшего, под 1568 г. занесено в ливонскую хронику Христофора Кельха. «В это самое время, — читаем мы здесь, — некие (etliche) из ближайших приближенных и знатнейших министров царя московского, среди них особенно князь Володимер Андреевич, брат царя по отцу... и князь Михаил Темрюкович... сводный брат царя (des Czaren Stieffbruder) и еще много других сделали заговор против означенного своего царя и хотели вместе с доброй частью России отдаться под власть Польши. Но, к величайшему несчастью всех этих (sämmtlichen) заговорщиков, сводный брат царя по своей нечистой совести (durch sein unruhiges Gewissen) донес об этом (dahin gebracht)... в надежде через

¹⁵ См. издание Гваньини в *Rerum moscoviticarum auctores varii*, Francofurti MDC.

¹⁶ Русск. Историч. Журнал. кн. VIII. Петр., 1922. С. 48—49: «Послание Тауде и Крузе», в переводе и с предисловием М. Г. Рогинского.

то совсем избежать наказания или хотя бы уменьшить его до самого малого (auffs wenigste)...»¹⁷ Полная путаница в родне царя не лишает все же приводимое, крайне не достоверное с точки зрения фактов сообщение той его подробности, что доносчиком, будто бы разоблачившим заговор, назван князь Михаил Темгрюкович. Трудно представить, чтобы такого рода подробность могла быть вымышлена одним из иностранных авторов, какими пользовался Кельх; скорее здесь в спутанном виде запечатлен отголосок толков из современной Грозному Московии¹⁸.

Перехожу теперь к соображениям относительно того, кто именно, помимо Грозного, находился в фокусе творчества песни о Щелкане. Ее главный герой ходит за «сбором даней, царских невыплат», по выполнению самым грабительским. В литературе уже указывался один из следов эпического отражения той же личности. Свидетельство Гваньини о том, что царь по временам выколачивал, ставя его на правее, деньги со своего шурина Михаила Темгрюковича, сопоставлялось с песенной характеристикой, относящейся к тому же злочастному шурина Грозного. Речь идет о «двух братцах родимых, двух молоденьких черкасиных», взятых будто бы в приданое за царицею:

Они вышли на улицу гулять —
Меньшой брат похвалиться стал:
«Как запру я землю шведскую,
Затворю я каменну Москву,
Государевы все промыслы;
С государя стану пошлину брать
С борольщиков поборное,
С кулашников покулачное,
С молодых баб побанное,
С красных девок подвенечное»¹⁹.

По формулировке перед нами, конечно, *locus communis* «поборов и пошлин», однако же со специфическим развитием по отношению к «старшему брату», а по теме — с близостью к характеристике ханского баскака, безжалостного в своей жадности:

с князеи бралъ по сту рублевъ з бояръ по пятидесять с крестьянъ по пяти рублевъ у которова денегъ нетъ у тово дитя возметъ у которова дитя нетъ у того жену возмет у котораго женита нетъ тово самово головои возметъ²⁰.

Неслучайный характер *loci communis* в песне о двух молоденьких черкасиных обнаруживается из ее дальнейшего содержания. В ответ на похвалбу младшего брата и в полном согласии с достоинством непобедимого борца и бойца — героя «песни о царской женитьбе»,

¹⁷ Liefländische Historia... von Christiano Kelchen pastore zu St. Johannis in Ierwen im gertzogthum Esthland... (1695). С. 280—281.

¹⁸ Инородческая родня Ивана Грозного по второму браку (по черкешенке Марье Темгрюковне) служила в этом случае лишь антуражем для самой царицы, которой приписывалась мысль об учреждении опричнины.

¹⁹ (В. Ф. Миллер) Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Сборн. отд. русск. яз. и словесн. Ак. Наук, т. ХСIII (Петр., 1915. С. 196).

²⁰ Цит. изд. С. 13. В слове «возмет» т взято в строку (в издании согласно с подлинником он — выносное).

Большой брат осержается,
Подошел к нему тихохонько,
Взял его легохонько,
Ударил об сыру землю,
Он разбил его все косточки,
Раздробил его суставчики.
Увидала государыня,
Закричала громким голосом:
«Ах вы, злые — злые сеяны!
Не в поле вас насяно,
Только два братца родимые,
Два молоденьки черкасины!»

Финал этой песни важен особенно как ее композиционная часть. Появление «государыни» с упреком в убийстве родственно тематически заключительному эпизоду двух гильфердинговских (и одного соколовского) вариантов песни о Щелкане. Там таким эпизодом является заезд Щелкана, перед отправлением в Тверь, к родной сестре Марье Дудентьевне, называющей Щелкана «не родным братом, а окаянным братом» за то, что тот убил сына. Имя и сама личность сестры не даны летописной параллелью к песне. Имя Марья — бытовое русское, принадлежащее якобы сестре татарина. Полнейшая бытовая обычность имени могла бы навести на мысль о замене какого-нибудь другого русского женского же имени, но в этом, кажется, нет необходимости. Именем Марья названа в песне сестра царского свойственника (по гильферд. и сокол. вариантам он — зять, но по кирш., хотя и не имеющему данного эпизода, — шурина); имя Марья Дудентьевны, будь оно заменой, совпадало бы с именем М а р ь и Темгрюковны, второй жены Грозного. Гильфердинговские варианты, несмотря на меньшую архаичность текста сравнительно с киршевским, сохранили все же, надо полагать, одно из тех мест композиции, где наиболее прозрачно вскрылся ее внутренний смысл. В таком случае предостережение Марьи Дудентьевны Щелкану, как бы ему самому «не остыть на копье — на ножичке», воспринималось посвященными в суть дела современниками-слушателями как намек на гибель царского шурина, который, по одним дошедшим до нас сведениям, действительно «остыл» на колу, по другим же — был зарублен топорами и алебардами²¹.

Теперь отмечу, хотя бы под вопросом, еще одну деталь, касающуюся Щелкана, — именно его миссию по сбору «даней — царских невыплат» в д а л ь н ю ю з е м л ю Л и т о в с к у ю . Против реального значения этой детали могут возразить, что она является стереотипной формулой отдаленного края. Но даже само применение формулы в этом, а не в ином виде может быть небезразличным для песни, насыщенной историческими переживаниями. Припомним, что в 60—70-х годах XVI в. московскими войсками была оккупирована часть территории Литвы; местные жители, конечно, подвергались неизбежному произволу со стороны завоевателей, причем произвол мог лишь усилиться в годы, ближайшие к польско-литовской унии (1569 г.), т. е. когда уже всю действовала опричнина. И хотя биография Михаила Темгрюковича известна, к сожалению, слишком слабо, тем не менее мы знаем, что царский шурина бывал на литовском театре военных

²¹ Второе передается г. Штаденом (см. ниже), первое — Таубе и Крузе.

действий. Так, из-под взятого (и разграбленного) в 1563 г. Полоцка был послан царем в Москву к митрополиту с поминком²².

Все мною приведенные сближения основаны на том факте, важном как стимул для песенной поэтики и композиции, что «любимый», по ироническому эпитету, царский шурин в жизни служил постоянной мишенью издевательств со стороны того же Грозного; о них передают иностранцы, им даже посвящена полная иронии глава в «*Moscoviae descriptio*» Гваньини с подзаголовком: «*Qualem gratiam magnus dux socero suo exhibuerit*». Неудивительно, если опричник — царский шурин с его, по всей вероятности, необычным говором, темпераментом, наружностью представлял собою объект сатирического внимания скоморохов, объект длительный и не менее благодарный, чем его сестра, «царица благоверная» Марья или брат Мамстрюк. Окончательную убежденность в реальном смысле Щелкана мы получим из анализа песен, так или иначе связанных с реминисценциями об этом брате, эпическом Мамстрюке или Кострюке. Гостивший однажды у царя (1565 г.) Мамстрюк оставил о себе память в композиции «о царской женитьбе», с явно выраженным скоморошеским характером, и в ее перепеве — «об отбитом наезде»²³. Основное содержание обеих песен — борьба удалого бойца Мамстрюка с русскими противниками, кончающаяся в первой — его посрамлением, во второй же — его гибелью. Мизансцены песен: в первой — Александрова слобода, пир; во второй — вражеский наезд на Москву крымской поляницы, которую сопровождает Кострюк.

Ища поэтического окружения для композиции о Щелкане, мы находим ей сюжетные параллели, как уже отчасти и указывалось, в песнях, заведомо восходящих ко времени опричнины. Сюда, по связи с личностью Мамстрюка, нужно отнести также мотивы: а) ханского дележа городов и б) расправы тверичей со Щелканом. Является немаловажным то, что сходство, по внешнему впечатлению слабое, композиционно. То есть такое сходство не могло бы быть ни в коем случае объяснено вторичными наслоениями в духе *loci communis* нашего эпоса; иначе говоря, общность мотивов принадлежала замыслу, исходившему, по всей вероятности, из одной и той же творческой среды. Оба наблюдаемые мотива относятся к аналогичным местам песенного плана: «делег городов» в составе вводной части, «схватка с противниками-братьями» в финале.

При дальнейшем анализе мы видим, что органичность схожих мотивов для песен, сравниваемых с песнею о Щелкане, неодинакова. Соответствие финальному мотиву находится в старинах о Кострюке, где действуют два борца — под очень различными именами, но обязательно «братцы родимые»; в части вариантов, именно в той, которая группируется в сюжет «об отбитом наезде», с мотивом соединена гибель Кострюка: вторым из братьев у него выламывается плечо, выдергивается нога и т. п. Из внутренней сюжетной необходимости мотив схватки Кострюка-Ма(м)стрюка с двумя по очереди противниками не явствуется, но ее принадлежность к старой формации песни удостоверена подавляющим количеством вариантов и согласна с принципом эпического повторения²⁴. Другое дело — расправа тверичей, «двух братьев (Борисовичей)» со Щелканом: здесь и

²² См. Акты Исторические, т. (СПб., 1841), № 168.

²³ Терминология взята у С. К. Шамбинаго, Песня времени царя Ивана Грозного, Серг. Пос. 1915.

²⁴ Ср. С. К. Шамбинаго, цит. соч. С. 63.

наличность, и число братьев (два) соответствуют чтению некоторых летописей о тверском князе и его брате как о врагах Щелкана: «... и князя Александра Михайловича и его брата хотяще убить...»²⁵ Поэтому, говоря о композиционном сходстве заключительного мотива, не приходится упускать из вида влияние на сложившуюся уже композицию о Кострюке, но еще не потерявшую связи со средой своих первых исполнений, — со стороны песни о Щелкане.

Аналогию мотиву дележа городов представляет песня о набеге крымского хана в записи, сделанной для Ричарда Джемса в 1619 или 1620 г.²⁶ Крымский царь на стоянке у реки Оки советуется со своими приближенными:

А думайте вы думу с цела ума:
кому в нас сидеть в каменной Москве,
а кому у нас в Володимере,
а кому у нас сидеть в Суздале,
а кому у нас держать Резань старая,
а кому у нас в Звенигороде,
а кому у нас сидеть в Новгороде?

На эти вопросы один из опрашиваемых, «Диви-мурза сын Уланович» (историческое лицо набега 1572 г., воевода хана Девлет-Гирея, Дивей-мурза), выйдя вперед, советует:

А еси государь наш, крымской царь!
а тебе, государь, у нас сидеть в каменной Москве,
а сыну твоему в Володимере,
а племяннику твоему в Суздале,
а сродичу в Звенигороде,
а боярину конюшему держать Резань старая,
а меня, государь, пожалуй Новым городом:
у меня лежат там сват-добры-дни батюшко,
Диви-мурза сын Уланович.

Ситуации схожи. Видный ханский вельможа («шурин любимый» Щелкан, сближаемый с «главным воеводой», как называют шурина Грозного Михаила Темрюковича Таубе и Крузе; «Диви-мурза» — большой воевода, по историческим о нем указаниям) просит при дележе крупный русский город себе во владение: в одном случае это — «Тверь старая, Тверь богатая» (ср. тот же редко встречающийся эпитет города как раз в сличаемой песне: «...держать Резань старая»), в другом — Новгород. И там и здесь в замысел композиции входила печальная участь просителя, постигающая Щелкана в Твери, «Диви-мурзу» — в Новгороде. Правда, джемсовская запись не развивает, а лишь имеет в виду, что Диви-мурза попал туда, куда он (будто бы) стремился: после разгрома крымцев его действительно отвезли в Новгород к Грозному, который находился в то время там. Возможно при этом, что объяснение своей просьбы мурзой: «У меня лежат там сват-добры-дни батюшко, Диви-мурза сын Уланович» получилось не в

²⁵ Рукоп. Публ. Библиот. имени Ленина, Муз. 3271 (кон. XV в.), л. 123; рассказ здесь под рубрикой «Щелкановщина».

²⁶ Лучшее издание песен, записанных для Рич. Джемса: — Памятники старинного русского языка и словесности XVII—XVIII столетий, в. II, I (СПб., 1907). Цитаты отсюда приводятся с переводением на новую орфографию.

силу испорченного чтения, как некоторые думают²⁷, а по иронически осмысленной одноименности отца с сыном — желали подчеркнуть, быть может, что не в первый раз татарам погибать и «лежать» в Новгороде.

Органичность мотива дележа для джемсовской песни явствует, при внутреннем сюжетном соотношении, также из сохранившихся исторических показаний. Указывалось (Л. Н. Майковым впервые) на хронограф, по тексту которого между мурзами Девлет-Гирея в 1572 г. распределены были даже «...улицы на Москвѣ... коемуждо мурзѣ коя улица»²⁸. Теперь свидетельство аналогичное, но несомненно большей значимости, в силу времени и характера текста, доставляет памятник, недавно опубликованный и обещающий много ценного для освещения своей эпохи: «Записки о Московии» Генриха фон Штадена²⁹. «Города и уезды Русской земли, — говорится здесь о набеге 1572 г., — все уже были расписаны и разделены между мурзами, бывшими при крымском царе; (было определено), какой кто должен держать»³⁰.

Сочинение Штадена оказывается весьма важным в вопросе о песне, близкой по сюжету к джемсовской, как и она, имеющей в виду набег крымского хана на Москву в 1572 г. Напомню о разногласии у исследователей вопроса — С. К. Шамбинаго, В. Ф. Миллера, Б. М. Соколова — относительно того, в каком взаимоотношении стоят так называемые «песня о царской женитьбе» и «песня об отбитом наезде». Как там, так и здесь действует одно лицо — Кострюк, он же Ма(м)стриук (Темгрюкович); и здесь и там центральное место принадлежит борьбе пришлого силача татарина с русскими противниками; борьба излагается в схожем плане и с однотипной формулировкой. Вышеупомянутое разногласие сводилось к тому, считать ли песни о женитьбе и о наезде изначально отдельными, лишь позже контаминированными друг с другом, причем вторая песня была бы подчинена первой, более жизненной; или же первая, основная из двух, со временем выделила вариацию — «песню об отбитом наезде». По В. Ф. Миллеру получалось так, что новая историческая оправа (хорошо отразившая особенности набега; в этом Миллер, видимо, согласен с Шамбинаго) облекла песню о Кострюке под воздействием популярной былинной темы, каковою является вражеский наезд богатыря-нахвалящика — «поляницы», — но облекла уже в пору глухих воспоминаний о набеге. Что касается Б. М. Соколова, который присоединился к мнению Миллера, то ему принадлежит, в частности, мысль о полной возможности для песни представить исторического Мамстриука Темгрюковича в роли врага Москвы — вопреки, казалось бы, всем документальным свидетельствам о службе верой и правдой той же Москве и Грозному. Указав на крымский плен Мамстриука как раз перед набегом крымцев, на хлопоты Грозного о выкупе своего шурина и, наконец, на ходатайство кабардинских князей, несколькими годами позже (1578 г.), просивших снова принять их на службу в Москве, Б. М. Соколов сделал следующий вывод: «...во всяком случае, во время нашествия Девлет-Гирея Мамстриук находился под его властью и, таким образом, мог невольно представляться на Руси союзником крымцев против Москвы»³¹.

²⁷ Ф. Е. Корш в цитируемом издании «Посев», с. 27—28, примеч.

²⁸ Журн. Мин. Нар. Просвещ., ч. ССХП, отд. 2. С. 207.

²⁹ *Генрих Штаден*. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1925.

³⁰ Цит. изд. С. 111—112.

³¹ Шурин Грозного, удалой борец Мамстриук Темгрюкович. Журн. Мин. Нар. Просвещ., 1913, VII. С. 40.

Вывод этот, теперь получающий себе новое подтверждение и углубление, был сделан совершенно правильно. Неудивительно, если в основе устно-поэтического творчества часто бывают заложены не столько факты, сколько слухи, хотя бы и неверно отображающие действительность. Типичный образчик слухов по интересующему нас вопросу, притом еще ценный тем, что исходит из среды, по-своему осведомленной, мы получаем от бывшего опричника — Генриха Штадена. Текст по части имен черкасской родни Грозного испорчен, к сожалению, но это получаемой отсюда параллели мешать не может. О казни-убийстве Михаила Темрюковича автор «Записок» знает и потому не его, конечно, разумеет, ссылаясь на «князя (Михаила, по наличному тексту) из Черкасской земли», живого и действующего. Серьезность же всех этих ссылок, изобличающих то, что Штаден, по слухам, приписывал крупное военное значение «черкасскому союзнику хана», раз обращался с указаниями на него к своему адресату — императору Рудольфу II, — точно так же находится вне сомнений. Вот несколько выдержек: 1) «... я имею в виду ... намерение крымского царя (захватить русскую землю) при помощи турецкого султана, казанских, астраханских, нагайских татар и князя Михаила (!) из Черкасской земли...» 2) «План, как предупредить желание крымского царя с помощью и поддержкой султана, ногаев и князя Михаила (!) из Черкасской земли завоевать Русскую землю, великого князя вместе с двумя его сыновьями пленниками увести в Крым и захватить великую казну» (это — подзаголовок проекта, предлагаемого автором, как завоевать Московию). Дальше в «проекте» читается: 3) «...крымский царь... имеет в помощь еще свойственника (schwager) великого князя из Черкасской земли, ибо великий князь бесчестно обошелся с его дочерью, а его сына князя Михаила убил...» 4) «...когда крымский царь жег Москву и опустошал Рязанскую землю, у него было тогда 30 000 нагайской конницы. Тогда же был с крымским царем и свойственник великого князя Михаил (!) из Черкасской со многими тысячами конных»³².

Пусть даже цитируемые ссылки не соответствуют фактам. Но вот факт, несомненно находящийся в связи с молвой, воспринятой Штаденом: внезапная и, казалось (иным современникам), ничем не вызванная казнь подлинного Михаила Темрюковича. Таубе и Крузе сообщают о ней так: «...во время этого похода [когда хан, сжегши Москву и уходя, прислал гонца к Ивану с насмешливым обещанием вскоре прийти опять] великий князь приказал своему шурина, князю Михаилу Темрюку их Черкасс, главному воеводе, повести опричнину против татар и передал ему все письменные указания. Когда же благочестивый господин был в походе и прошел почти 6 миль, великий князь приказал без всякого основания и причины посадить его на кол, убить и безжалостно казнить»³³. Если верить этой передаче факта, то расправа с Михаилом Темрюковичем будет вполне в духе Грозного: сделать предварительно полководцем родню тех, кого называли изменниками, будто бы шедшими на Москву вместе с ханом³⁴.

³² Цит. изд. С. 57, 60, 62. О князе Михаиле, бывшем с крымским царем, когда тот жег Москву, говорится также на с. 116.

³³ Русск. Историч. Журн., VIII. С. 54.

³⁴ Ошибочно приписывают (Н. Устрялов. Сказания князя Курбского. С. 389; видимо, отсюда — С. А. Белокуров, Сношения России с Кавказом в. 1 [1578—1613 гг.]. М., 1889. С. 6 XXVIII)

Показания Штадена могут быть фактически неточны, но нельзя от них отнять того, что они определенны и настойчивы. Взятые в качестве фольклорной величины, они заставляют несколько модифицировать мнения, высказанные в свое время С. К. Шамбинаго и В. Ф. Миллером. Принадлежность личности «Костюка» — Мамстрюка т. н. песне об отбитом наезде приходится признать искони органичной, самое же песню — не происходящей из песни о царской женитьбе, тем паче под влиянием «глухих воспоминаний», а лишь изначально параллельной ей по замыслу. В какой именно последовательности развивался процесс устного творчества, трудно сказать, так как намечаются одни только общие очертания. По свежим следам событий 1571—1572 годов, судя по всему, в одной и той же скоморошеской среде возникло несколько сатирических композиций о Темгрюковичах. Из них (беря, само собой разумеется, доступные нам теперь) две, «о царской женитьбе», и «о отбитом наезде», представляющие перепевы одной другой, открыто брали обстановку действия и называли героя — Мамстрюка (Кострюка), третья же, о Щелкане, посвященная по своему внутреннему значению Михаилу Темгрюковичу, пользовалась приемами песенного иносказания под прикрытием аналогичных лиц и событий. Естественно, что слух о разделе ханом русских городов на фоне последовавшего затем разгрома крымцев вызвал из времен ига подходящие воспоминания. Недавно сравнительно, во всяком случае в пределах жизни одного поколения, происходил и не мог сразу закончиться типичный для XVI века процесс реставрации летописания. Никоновский летописный свод, представляющий это течение в тогдашней историографии, максимум на 25—30 лет старше 1572 г.; в частности, то «легендарно-компилятивное» понимание шевкаловщины, какое отразилось на Никоновском своде, было еще живо и действенно. С другой стороны, мы знаем, благодаря Штадену, что существовала (и где, когда существовала) общественная среда, в которой циркулировали мотивы как джемсовской песни (деlež городов), так и песни об отбитом наезде (шурин царя — ханский союзник). Здесь и находится ключ к пониманию композиции о царском шурине Щелкане Дуденьевиче. Легенда, близкая к ее виду в Никоновской летописи, давала чрезвычайно счастливое сочетание для обращения к иным лицам, нежели в композициях про набег Девлет-Гирея. Явившись с виду патристическим, кстати звучащим воспроизведением давнего тверского события, песня при скоморошеских исполнениях, когда было возможно или нужно, путем интонаций, жестов, может быть, и каких-либо добавок к тексту — могла разгадываться без труда как сатира на царя и опричнину.

Ее изучение показывает, какими прерывистыми линиями шло иногда творчество скоморохов и какая подчас значительная доля художественной фантазии в нем заключалась. Комбинируются готовые мотивы, облекаясь с участием вымысла в новую злободневную форму, но сходство положения с высмеиваемой дейст-

---

казнь Михаила Темгрюковича обвинению его в отравлении третьей жены Грозного, Марфы Собакиной. Она скончалась 13 ноября 1571 г., самый брак с нею состоялся 28 октября, а еще в июне того же года скреплена наказная грамота гонцу в Крым Севрюку Клавшову, предусматривающая расспросы о том, куда девался «князь Михайло Черкасской». Ответить было велено: «Князь Михайло Черкасской... въ царевъ приходъ ѣхал из полку в полкъ и изгибъ безъ вѣсти...» (рукоп. б. Арх. Мин. Ин.Дел. Крымского двора № 13, л. 448): в случае же, если кто скажет, что его велел убить царь, то отвергнуть такое предположение как основанное на ложных слухах. Документ косвенно подтверждает, таким образом, и обстановку, и время казни, указываемые у Таубе и Крузе.

вительностью до конца не доводится. Это более чем понятно по отношению к композициям, рожденным жестокой эпохой Грозного. По миновании же для песни о Щелкане периода современности она должна была консервироваться как сказание о тверском событии, рассказываемом под 1327 г. летописью. Если песня испытывала какие-либо подновления, то они не могли уже стоять в связи с ее первоначальным значением. Таким образом, в самой себе она содержала гарантию, что намеки на персонажей, хотя бы одиноко, оторванно запечатленные (вроде, например, эпизода о Марье Дудентьевне), идут из той недолговечной поры, когда песня исполнялась как одно продуманное целое.

С. М. Кашианов

ЦЕРКОВНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ В КОНЦЕ XIV — НАЧАЛЕ XVI в.*

В настоящей статье автор ставит перед собой задачу рассмотреть вопрос о судебных полномочиях церковных иерархов в отношении монастырей, входивших в состав их епархий. Этот вопрос имеет большое значение для понимания степени полноты политической власти церкви и размежевания светской и церковной юрисдикции.

По Уставу Владимира I игумен, игуменья, чернец и черница являлись «церковными людьми», т. е. над ними устанавливалась юрисдикция митрополита (или епископа) «по правилу»¹.

Покушение великокняжеской власти на эту митрополичью привилегию можно наблюдать уже в конце XIV в. Выдавая около 1380—1382 гг. жалованную грамоту чернецу Савве на «монастырек-пустыньку» Спасо-Преображенья у Медвежья озера в верховьях р. Пехорки, Дмитрий Донской постановил: «А лучитца кому слово до самого Саввы, ино яз, князь великий, сам с своим отцем с митрополитом тому исправу учиним»². Таким образом, Савва оказывался в двойной судебной подведомственности — великого князя и митрополита. В порядке общей нормы принцип двойной подсудности игуменов провозглашался в договорной грамоте Василия I с митрополитом Киприаном (1392 или 1404 г.): «А который человек мон, князя великаго, ударит челом на игумена, или на попа, или на черньца, ино суд вопчей»³.

Еще дальше в ограничении святительского суда пошел князь Михаил Андреевич в своем уделе на Белоозере, которое входило в Ростовскую епархию. В одной из грамот Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю, выданной около 1435—1447 гг., при игумене Трифоне, говорилось: «А кому будет каково дело до игумена, ино его сужу яз сам, князь Михаило Андреевич»⁴. В судебном списке митрополита Геронтия, составленном около 1478/79 г., приведено утверждение дьяка Ивана Ципли, представителя кн. Михаила Андреевича, о том, что кирилловский игумен был подсуден князю еще при отце Михаила — князе Андрее Дмитриевиче (получившем Белоозеро по духовной Дмитрия Донского 1389 г. и умершем в 1432 г.), сам же князь Михаил Андреевич судил игумена «опрочь духовных дел»: «а в духовных... делех игумена ведает архиепископ»⁵.

* Печатается по изд.: Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 151—163.

¹ ДКУ. С. 16, 20, 24, 33, 40, 44, 47, 58, 61, 63, 67, 71, 74, 79, 83.

² АСЭИ. Т. 2. № 340. С. 339.

³ ДКУ. С. 178.

⁴ АСЭИ. Т. 2. № 79. С. 49.

⁵ Там же. № 315. С. 280. Подробнее см.: Кашианов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 127—128.

Великая княгиня Софья Витовтовна, давшая Кирилло-Белозерскому монастырю Сеземские пустоши в волости Маслене Вологодского уезда, закрепила подсудность себе игумена и его приказчика (1448—1451 гг.)⁶. Хотя вологодские церкви до 1492 г. были в смешанном подчинении у новгородского архиепископа и московского митрополита⁷, можно думать, что грамота Софьи Витовтовны ограничивала полномочия не этих двух иерархов, а ростовского архиепископа, ибо настоятель монастыря ведался главой той епархии, где находился сам монастырь, даже если объект пожалования был расположен в другой епархии.

В грамоте Василия II игумену Троице-Сергиева монастыря Геннадию на с. Шухобалово Суздальского уезда есть статья: «А кому будет дело до игумена или до брата, или до их слуг, ино их сужю яз сам, князь велики»⁸. Л. В. Черепнин считал этот акт подделкой 1445 г., а И. А. Голубцов — подлинным документом, у которого лишь была искажена дата при копировании (6979 г.). Более основательно мнение А. А. Зимина, отметившего в формуляре грамоты ряд выражений, характерных для жалованных грамот XVI в., и датировавшего подделку серединой 80-х годов XVI в.⁹ Зимин полагал, что в постановлении о подсудности игумена и братии великому князю «чувствуется влияние Стоглава»¹⁰. Однако с этим последним наблюдением согласиться трудно, ибо Стоглав, напротив, подчинял настоятелей не светскому, а церковному суду¹¹. В целом грамота Василия II Геннадия не может вследствие своей подложности служить источником для суждения о подсудности настоятелей монастырей в середине XV в.

В 1460 г. Василий II установил подсудность себе архимандрита Симонова монастыря. Грамота, содержащая это постановление, была подтверждена Иваном III¹². В 1461—1462 гг. сын Василия II дмитровский удельный князь Юрий Васильевич выдал Троице-Сергиеву монастырю жалованные грамоты на земли в вол. Корзенева Московского уезда. По этим грамотам игумен подчинялся князю в судебном отношении¹³.

⁶ АСЭИ. Т. 2. № 98. С. 59.

⁷ В 1492 г. Вологда отошла к Пермской епархии. Тогда «пожаловали владыку Филофея Пермского: дал ему митрополит Зосима из своея митрополия на Вологде, в городе и на посаде, все свои церкви, а Генадей, архиепископ Новгородский, из своея архиепископии дал ему тако же все свои церкви на Вологде же, в городе и на посаде, к Пермской епископии впрок неподвижно со всеми церковными пошлинами» (ПСРЛ. Т. 26. С. 288; ср. Т. 12. С. 232; Т. 27. С. 291, 362). И. М. Покровский относил Вологду до 1492 г. целиком к Новгородской епархии. По его словам, в 1492 г. новгородский архиепископ Геннадий «уступил их своей епархии г. Вологду с городскими и посадскими церквами пермскому епископу Филофею». См.: *Покровский И.* Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1897. Т. 1 (XVI—XVII вв.). С. 116. Однако летописи говорят и о митрополичьих церквах в Вологде. При этом неясно, как разделялись сферы влияния митрополита и новгородского архиепископа не в г. Вологде, а в Вологодском уезде.

⁸ АСЭИ. Т. 1. № 176. С. 127—128.

⁹ Зимин А. А. Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 250—251.

¹⁰ Там же. С. 251. Примеч. 25.

¹¹ Капитанов С. М. Отмена тарханов в России в середине XVI в. // История СССР. 1986. № 6. С. 55—60.

¹² АСЭИ. Т. 2. № 360. С. 354.

¹³ Там же. Т. 1. № 291, 305. С. 207, 217.

Грамоты 1460—1462 гг. были актами, закреплявшими подсудность настоятелей монастырей, расположенных в пределах митрополии. Таким образом, нанесли новый удар по прерогативам митрополита. Если на рубеже XIV—XV вв. митрополит ставился в положение соучастника суда над настоятелями, то теперь вся юрисдикция переходила в руки князя. Мы имеем в виду всю юрисдикцию по светским делам. Суд по «духовным делам» оставался, вероятно, в ведении митрополита. В 1464 г. князь Юрий Васильевич поставил под свою юрисдикцию игумена митрополичьего Богородицкого Нового монастыря на Присне в Дмитровском уезде¹⁴. Это был один из «домовных» монастырей митрополичьего дома, и тем не менее даже по отношению к нему был проведен принцип подчинения игумена княжеской власти по линии светской юрисдикции. Иван III поступил аналогичным образом в 1465 г., включив в жалованную грамоту митрополичьему домовному Сновидскому монастырю Владимирского уезда статью о подсудности игумена этого монастыря и зависимого от него Успенского монастыря великому князю: «А кому будет на тех игуменех чего покати, ино их сужу яз, князь великий, сам»¹⁵.

На территории присоединенного Ярославского княжества, входившего в Ростовскую епархию, Иван III осуществлял тот же политический курс. В грамоте, выданной около 1463—1478 гг. крупнейшему монастырю этого края — Спасскому Ярославскому, для вызова в суд архимандрита и братии назначался великокняжеский данный пристав — дьяк Жук: «А кто по них приедет пристав мой иной, опричь того моего пристава, и он на них сроков не намetyвает, ни на поруку архимандрита и его братию и их людей не дает»¹⁶. Здесь не сказано прямо, что архимандрит подсуден великому князю, но, поскольку вызовом его в суд ведал великокняжеский пристав, трудно предположить что-либо иное. Таким образом, при Иване III было продолжено то ограничение юрисдикции ростовского архиепископа, которое начал проводить во второй четверти XV в. белозерский удельный князь Михаил Андреевич в отношении Кирилло-Белозерского монастыря. В феврале 1467 г. этот монастырь получил жалованную грамоту от вологодского князя Андрея Васильевича на двор в Вологде, где содержалась статья: «А кому будет чего искати на манаырьском судье и приказшыке, ино его сужу яз сам... или мой боярин введеный»¹⁷. Поскольку в роли судьи мог выступать не только приказчик, но и игумен, келарь или казначей монастыря, надо признать, что здесь в завуалированной форме устанавливалась подсудность игумена князю, хотя и в особых случаях — когда иск возникал против игумена как судьи. В этой ситуации князь являлся судьей высшей инстанции, перед которым могло быть оспорено решение монастырского суда или обжаловано поведение монастырского судьи во время смесного суда.

Норма 1467 г. зафиксирована также в грамоте Андрея Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю 1471 г. на другой двор в Вологде¹⁸. Текст ее дает основание думать, что «судья» отождествлялся только с «приказщиком», ибо между

¹⁴ АФЗХ. Ч. 1. № 86. С. 86.

¹⁵ Там же. № 193. С. 175.

¹⁶ АСЭИ. Т. 3. № 197. С. 209.

¹⁷ Там же. Т. 2. № 180. С. 114.

¹⁸ Там же. № 200. С. 130.

этими словами нет союза «и»: «А кому будет чего искати на монастырьском судие на приказшике...» Однако следует признать более достоверной редакцию грамоты 1467 г., где союз «и» имеется, поскольку грамота 1467 г. дошла в подлиннике, а грамота 1471 г. — в списке XVII в.

В жалованной грамоте Ивана III, выданной в июне 1467 г. митрополitchьему Воскресенскому монастырю на Пеняге в Двинском уезде, устанавливалась юрисдикция митрополита над игуменом: «А кому будет чего искати на самом игумене, ино его судит отец мой Филипп, митрополит всеа Руси, сам»¹⁹. Это, насколько нам известно, первый случай фиксации в княжеской жалованной грамоте полной юрисдикции митрополита в отношении настоятеля монастыря. В данном постановлении можно видеть известное отступление от проводившегося в начале 60-х годов курса на судебное подчинение настоятелей даже домовных митрополitchьих монастырей княжеской власти. В марте 1475 г. Иван III выдал Воскресенскому монастырю новую грамоту, подтверждающую подсудность игумена митрополиту, только теперь уже не Филиппу, а Геронтию²⁰. Возможно, закрепление полной юрисдикции митрополита над игуменом двинского монастыря связано с попытками Ивана III нейтрализовать влияние новгородского архиепископа, конкурировавшего с митрополитом на почве церковной подведомственности Двины.

В грамоте Ивана III 1467—1481 гг. была весьма двусмысленно сформулирована статья о подсудности протопопа, попов и крестьян соборной церкви Пречистой Богородицы в Устюге: «А кому на них будет чего искати, ино их сужю яз сам, князь велики, или сам архиепископ»²¹. Такая неопределенность верховной юрисдикции означала, по крайней мере, признание права ростовского архиепископа на соучастие в осуществлении суда над устюжским протопопом. Однако ограничение судебной власти архиепископа шло прежде всего по линии полного запрещения его местным представителям «вступаться» в соборную вотчину и судить соборных людей: «Да и не судили бы тех попов зборных и их причта церковнаго тое соборные церкви и их хрестьян архиепископли десятичники и поселские ни в чем».

Удельные князья продолжали ограничивать митрополitchью юрисдикцию. В жалованной грамоте 1470 г. князь Андрей Васильевич Большой (Угличский) установил подсудность себе игумена звенигородского Савво-Сторожевского монастыря²². В 1471 г. князь Юрий Васильевич Дмитровский выдал грамоту Троице-Сергиеву монастырю на его приписной монастырь Троицкий на Березниках в вол. Воре Московского уезда. В грамоте говорилось: «А кому чего будет искати на самом игумене того монастыря моего или на его приказшике, ино их сужу яз сам, князь Юрий Васильевич, или мой боярин введеный»²³. Выражение «того монастыря моего» может навести на мысль, что имеется в виду не Троице-Сергиев монастырь, а Троицкий на Березниках.

Однако, скорее всего, речь шла о подсудности сергиевского игумена: во-первых, такая подсудность уже устанавливалась в графствах Юрия Васильевича 1461—1462 гг. на троицкие владения в соседнем с Ворей Корзенево; во-вторых,

¹⁹ АФЗХ. Ч. 1. № 315. С. 271.

²⁰ Там же. № 316. С. 271.

²¹ АСЭИ. Т. 3. № 281. С. 297.

²² Там же. № 58. С. 90.

²³ Там же. Т. 1. № 401. С. 294.

в грамоте 1471 г. конкретно фигурирует только сергиевский игумен, никаких сведений о березниковском игумене нет. В феврале 1473 г., через некоторое время после смерти князя Юрия Васильевича (сентябрь 1472 г.), Иван III выдал по грамоте Юрия (без ссылки на нее) новую грамоту Троице-Сергиеву монастырю на его приписной монастырь Троицы на Березниках и в ней повторил статью о подсудности игумена: «А кому будет чего искати на самом игумене монастыря того или на по приказнице, ино их сужу яз сам, князь великий, или мой боярин введены»²⁴. Выступая в качестве наследника Юрия и преемника его власти и «волоости», Иван III унаследовал и право суда над игуменом. Приняв троицкого игумена в сферу своей юрисдикции, великий князь делал еще один шаг по пути ограничения судебных прав митрополита.

По жалованной грамоте Ивана III 1472 г. в сфере великокняжеской юрисдикции оказывались архимандрит и братия Спасо-Евфимьева монастыря²⁵, чем наносился ущерб юрисдикции епископа Суздальского и Тарусского. Подсудность архимандрита Спасо-Евфимьева монастыря великому князю была вновь декларирована в жалованных грамотах 1473 и 1479 гг.²⁶ В Белозерском уделе подсудность игумена Кирилло-Белозерского монастыря князю Михаилу Андреевичу подтверждалась в жалованной грамоте 1473 г.²⁷ В двух грамотах, выданных Михаилом Андреевичем между 1476 и 1482 гг., решался вопрос о порядке вызова в княжеский суд игумена и старцев Кирилло-Белозерского монастыря, а также их противников. В первой грамоте белозерским недельщикам запрещалось вызывать игумена и братию в суд. Князь обязывался производить вызов посредством особой грамоты, посылаемой игумену: «А кому будеть до игумена Нифонта или до его старцев каково дело, и яз к игумену пошлю свою грамоту, и игумен ко мне того старца пришет, и яз тому исправу учиню сам, князь Михаиле Андреевичь»²⁸. Из этой грамоты не вполне ясно, должен ли был игумен лично являться перед князем, когда дело касалось не старцев, а его самого. Грамота дает основания думать, что и в этом случае («А кому будеть до игумена...») вместо игумена в суде мог фигурировать его доверенный старец. Во второй грамоте говорилось о предоставлении Кирилло-Белозерскому монастырю данного пристава Тараса с исключительным правом вызова в княжеский суд один раз в году всех обидчиков кирилловского игумена, старцев и людей²⁹. Вторая грамота, вероятно, заменила первую, учредив вместо привилегии вызова в суд по княжеской грамоте привилегию вызова в суд через данного пристава один раз в году.

В 1475/76 г. князь Андрей Васильевич Большой поставил под свою юрисдикцию игумена Покровского Угличского монастыря³⁰. Углич состоял в Ростовской епархии. Следовательно, установление княжеской юрисдикции над игуменом Покровского монастыря сокращало сферу применения судебной власти ростовского архиепископа. В этом плане политика угличского князя смыкалась с политикой князя белозерского.

²⁴ Там же. № 416. С. 306.

²⁵ Там же. Т. 2. № 466. С. 505.

²⁶ Там же. № 473, 475. С. 511, 514.

²⁷ Там же. № 223. С. 146.

²⁸ Там же. № 239. С. 159.

²⁹ Там же. № 243. С. 160—161.

³⁰ Там же. Т. 3. № 77. С. 111.

Князь Андрей Васильевич Меньшой в своем уделе на Вологде проводил аналогичную политику. В феврале 1479 г. он выдал жалованную грамоту Спасо-Каменному («Каменскому») монастырю, по которой игумен и братия подлежали суду князя³¹. Поскольку на Вологодский уезд распространялась церковная власть митрополита и новгородского архиепископа, акция вологодского князя вела к ограничению юрисдикции либо обоих святителей, либо одного из них, причем, скорее всего, митрополита, добившегося значительных преимуществ в Вологодском уезде. Такую же направленность имела статья о подсудности игумена великому князю в жалованной грамоте Ивана III 1482 г. вологодскому Никольскому Мокрому монастырю³².

По свидетельству белозерского дьяка Михаила Ципли около 1478/79 г., в судебной подведомственности у Ивана III находились «его» монастыри: Спас на Москве (Новоспасский), Симонов и Никольский на Угреше³³. Великие князья считались, вероятно, ктиторами этих монастырей, которые рассматривались как их родовые «богомолья».

Ущемление интересов рязанского епископа можно усмотреть в грамоте рязанского великого князя Ивана Васильевича Третьего Большого 1485 г., в которой предписывалось воздвигнуть в г. Переяславле-Рязанском храм Иоанна Златоуста, снабдить его священника и дьякона денежным и хлебным жалованьем, дворовым местом и четырьмя десятинами земли. «А епископу с них даней не иметь», — гласила грамота³⁴.

Ликвидация Верейского-Белозерского удела и переход его под власть Ивана III (1486 г.) привели к тому, что непосредственным сюзереном или патроном Кирилло-Белозерского монастыря становился государь всея Руси. В грамоте 1488 г. Иван III закрепил свою юрисдикцию над игуменом Кирилло-Белозерского монастыря³⁵. В 1490 г. Иван III выдал жалованную грамоту Богородицкому Устюжскому собору, включив в нее статью: «А кому будет каково дело до протопопа и до священников и до их причту церковного, ино их сужу яз, князь великий»³⁶. Эта статья существенно отличается от постановления предыдущей грамоты Ивана III тому же собору, 1467—1481 гг., где, как мы помним, говорилось: «А кому на них будет чего искати, ино их сужу яз сам, князь велики, или сам архиепископ»³⁷. В 1490 г. участие ростовского архиепископа в суде над протопопом уже не предусматривалось. Собор оказывался полностью под юрисдикцией великого князя (в светских делах).

Грамоты 1488 и 1490 гг. касались Ростовской епархии и сокращали судебные полномочия ростовского владыки. В отношении митрополита Иван III придерживался в 1488 г. более осторожной политики. Показательна в этом смысле его жалованная грамота 1488 г. Троице-Сергиеву монастырю на владения в Верейском уезде, который, как и Белоозеро, являлся частью бывшего удела Михаила Андреевича, но, в отличие от Белоозера, находился в ведении не ростовского архиепископа, а митрополита. В грамоте закрепляется подсудность великому

³¹ Там же. № 269. С. 285.

³² Там же. № 278. С. 294.

³³ Там же. Т. 2. № 315. С. 280.

³⁴ Там же. Т. 3. № 343. С. 369.

³⁵ Там же. Т. 2. № 278. С. 187.

³⁶ Там же. Т. 3. № 282. С. 298.

³⁷ Там же. № 281. С. 297.

князю лишь монастырского приказчика, о подсудности же игумена не говорится ничего³⁸.

Иначе поступает Иван III в 1492 г. Подсудность троицкого игумена великому князю провозглашается сразу в трех грамотах июля 1492 г., относящихся к вотчинам Троице-Сергиева монастыря в трех частях ликвидированного в 1491 г. удела Андрея Большого: в Угличском уезде³⁹, Бежецком Верхе⁴⁰ и Можайском уезде⁴¹. Первый из названных уездов ведался архиепископом Ростовским, второй — Новгородским⁴², третий — митрополитом. Однако разница в церковной подведомственности уездов в данном случае несущественна, поскольку сам Троицкий монастырь находился в пределах митрополии, и его игумен должен был подчиняться митрополиту⁴³. Установление великокняжеской юрисдикции над троицким игуменом на почве дел, касающихся территории присоединенного удела, с одной стороны, закрепляло разрыв политических связей монастыря с бывшим угличским князем. С другой стороны, это было новое ограничение митрополичьей юрисдикции в отношении троицких игуменов, начатое Юрием Васильевичем Дмитровским в 60-х годах и продолженное Иваном III в 70-х годах XV в. в грамотах на вотчины Троице-Сергиева монастыря в волостях Корзенева и Воре Московского уезда.

По-видимому, в 1488 г., когда еще существовал Угличский удел, Иван III был больше заинтересован в поддержке митрополита, чем в 1492 г., после «поймания» Андрея Большого и присоединения территории его удела к великому княжеству.

В сложный этап вступила борьба за ограничение церковной юрисдикции в условиях «династического кризиса» рубежа XV — начала XVI в. В марте 1498 г. Иван III выдал жалованную грамоту Спасскому Ярославскому монастырю, в которой предоставил ему данного пристава Спиридона Одинцова: «А кому будет каково дело до архимандрита или до его братии и до монастырских людей, и они посылают по них того ж моего пристава Спиридона Одинцова, а иные мои приставове по них не ездят никто»⁴⁴. Грамота 1498 г. воспроизводила нормы предшествующей жалованной грамоты Ивана III тому же монастырю, 1463—1478 гг., на данного пристава Жука⁴⁵. Но Иван III не просто давал монастырю нового данного пристава. Он еще восстанавливал свой сюзеренитет над Ярославлем, который ранее передал своему старшему сыну от брака с Софьей Палеолог, князю Василию (будущему Василию III). Об управлении Василия Ярославским уездом свидетельствует направленная от его имени в Ярославль в апреле 1496 г. указная грамота тиуну Афанасию Дурову⁴⁶. В сентябре 1497 г. Василий продолжал быть государем Ярославля. В записи на учительном Евангелии ярославского Толгского монастыря, начатом 8 сентября 1497 г. и оконченном 8 июня 1498 г., говорится: «Начях сию книгу писати во обители

³⁸ Там же. Т. 1. № 534. С. 411.

³⁹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 405. № 37.

⁴⁰ АСЭИ. Т. 1. № 568. С. 447.

⁴¹ Там же. № 567. С. 445.

⁴² Покровский И. Указ. соч. С. 100—101.

⁴³ Каштанов С. М. Социально-политическая история... С. 17—18.

⁴⁴ АСЭИ. Т. 3. № 216. С. 233.

⁴⁵ Там же. № 197. С. 202.

⁴⁶ Там же. № 215. С. 232.

Пречистый на Толзе по благословению преподобного отца нашего игумена Варсонофья при благоверном великом князе Василии Ивановиче»⁴⁷.

В конце 1497 г. Василия постигла опала, а в феврале 1498 г. был поставлен на великое княжение Дмитрий-внук. В этих условиях Иван III поспешил закрепить Ярославль за собой. Выдавая новую жалованную грамоту Ярославскому Спасскому монастырю, влиятельнейшему в Ярославле, он демонстрировал утрату Василием государственных прав на Ярославль и вместе с тем показывал, что Ярославль не переходит и к Дмитрию-внуку⁴⁸. Назначение великокняжеского пристава для вызова в суд архимандрита, братии и людей Спасского монастыря означало, что восстанавливается подсудность настоятеля великому князю, а юрисдикция архиепископа Ростовского, если она возродилась при Василии (о чем мы ничего не знаем), вновь отменяется.

После ликвидации Угличского удела оставался только удел Бориса Васильевича Волоцкого. Борис Васильевич умер в мае 1494 г., и его удел был разделен между сыновьями: Волоколамск достался Федору Борисовичу, а Руза — Ивану Борисовичу. Борис Васильевич ни разу не включил в свои жалованные грамоты статью о подсудности ему настоятеля того или иного монастыря. Во всяком случае, такие грамоты нам неизвестны. В волоцкой части удела Бориса находился Иосифо-Волоколамский монастырь. Поскольку Волок входил в Новгородскую епархию, Борис Васильевич, вероятно, не решался выступить против прерогатив новгородского архиепископа. Такую же осторожную политику проводил в конце XV — начале XVI в. сын Бориса Васильевича, рузский удельный князь Иван Борисович. Выдавая в 1498 и 1502 гг. жалованные грамоты Симонову монастырю на вотчины в Рузском уезде, он не устанавливал в них подсудность себе симоновского архимандрита⁴⁹. Тут могло сказаться опасение недовольства не столько митрополита, сколько великого князя. Как мы помним, еще по грамоте Василия II 1460 г. архимандрит Симонова монастыря попал в сферу великокняжеской юрисдикции, и эта грамота была подписана на имя Ивана III⁵⁰.

Решительнее, чем некоторые удельные князья, действовал бывший казанский царь Мухаммед-Эмин, получивший от Ивана III в 1497 г. Каширу, Серпухов и Хотунь «со всеми пошлинами»⁵¹. В ноябре 1498 г. он выдал каширскому Троицкому Белопесоцкому монастырю жалованную грамоту, в которой закрепил свою юрисдикцию над игуменом: «А кому будет чего искати на игумене и на его прикашике, ино его сужю Магмед Амин царь, или кому прикажу»⁵². О том, кому подчинялась Кашира по церковной линии в конце XV — начале XVI в., в литературе определенного мнения нет. Согласно И. М. Покровскому, с установлением в 1483 г. границы по Оке между Москвой и Рязанью «все, что лежало на московской стороне, отошло частью к митрополиту, частью в Коломенскую епархию. К последней отошла старая Кашира на московской стороне Оки, а уезд и новая Кашира на рязанской стороне остались за Рязанью... Что отошло к Ко-

⁴⁷ Описание рукописей имп. Публичной библиотеки, доставленных на выставку при VII Археологическом съезде в Ярославле. Ярославль, 1887. С. 7. № 2.

⁴⁸ Каширанов С. М. Социально-политическая история... С. 37, 92.

⁴⁹ АСЭИ. Т. 2. № 415, 426. С. 446—447, 466—467.

⁵⁰ Там же. № 360. С. 354.

⁵¹ ПСРА Т. 6. С. 41; Т. 8. С. 232; Т. 12. С. 244.

⁵² АСЭИ. Т. 1. № 618. С. 531.

ломне из примыслов на рязанской стороне при образовании первоначальной территории новой епархии, сказать мудрено»⁵³.

В грамоте 1498 г. упоминаются владения Белопесоцкого монастыря в Туравской волости и за р. Окою, в «Раставском стану». В московско-рязанском докончании 1483 г. Туравская волость не фигурирует. Вероятно, она была расположена вокруг Турова, находящегося на московской стороне, недалеко от впадения р. Лопасни в Оку. Растовец упоминается в числе московских владений «за Окою» как одна из купель великого князя Василия Васильевича⁵⁴. Иван IV в своей духовной грамоте 1572 г. отдает «Растовец» старшему сыну Ивану вместе с Каширой в составе «Заречья»⁵⁵. Сам Белопесоцкий монастырь стоял на левом берегу Оки, т. е. на московской стороне. Он занимал важное стратегическое положение в московско-рязанском порубежье. Судя по расположению Белопесоцкого монастыря и его владений, монастырь подлежал ведению не рязанских епископов, а московских иерархов. Но кого именно — митрополита или коломенского епископа?

В феврале 1522 г. митрополит Даниил выдал Троицкому Белопесоцкому монастырю ставленную грамоту на постройку новой церкви в с. Воргасове⁵⁶. Вероятно, и ранее, в конце XV в., Белопесоцкий монастырь входил в митрополию. П. М. Строев считал, что епископы коломенские стали «коломенскими и каширскими» с 1542 г., т. е. начиная с Феодосия⁵⁷. Однако уже Вассиан Топорков, являвшийся коломенским епископом в 1525—1542 гг., назван в жалованной грамоте 1538 г. «Коломенским и Каширским»⁵⁸. Дата присоединения Каширы к Коломенской епархии неизвестна. По-видимому, это произошло между 1522 и 1538 гг. Таким образом, если до 1522—1538 гг. Кашира ведалась митрополичьей кафедрой, постановка игумена Белопесоцкого монастыря под юрисдикцию Мухаммед-Эмина означала нарушение судебных прерогатив митрополита.

В летописи есть фраза, осуждающая дурной нрав Мухаммед-Эмина, не изменившийся к лучшему во время его пребывания в Кашире: «...он же и тамо нрава своего не премени, но с насилством живяше и халчно ко многим»⁵⁹. Однако присвоение им судебной власти над игуменом Белопесоцкого монастыря было не столько проявлением дурного нрава, сколько результатом следования примеру государя всеа Руси.

В 1499 г. активизировалась имунитетная политика Ивана III в отношении Новгородской земли. Соправителем великого князя в этой области стал его сын Василий Иванович, с которого была снята опала и который был провозглашен в марте и июле 1499 г. великим князем всеа Руси⁶⁰. В августе 1499 г. Иван III и Василий выдали жалованную грамоту Корельскому Коневскому монастырю⁶¹. Со-

⁵³ Покровский И. Указ. соч. С. 206—207.

⁵⁴ ДДГ. № 76. С. 285. 288.

⁵⁵ Там же. № 104. С. 435.

⁵⁶ АГР. Т. I. С. 102.

⁵⁷ Строев И. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 1031.

⁵⁸ Кучкин В. А. Жалованная грамота 1538 г. на две слободки в Коломне // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 342.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 12. С. 244.

⁶⁰ Подробнее об этом см.: Каштанов С. М. Социально-политическая история... С. 113—122.

⁶¹ ДАИ. Т. I. № 48. С. 67—68.

гласно грамоте, новгородский архиепископ, его наместники и тиуны не должны были судить игумена, братию, людей и крестьян монастыря «ни в чом, оприч духовных дел». Далее говорилось: «...и пошлин своих и откупа архиепископ и его наместники и тиуны и дьяки, и люди владычни, и попы софейские откупа и пошлин с них не емлют никаких, и коней у них архиепископ кормити не ставит». Владычным десятильникам и людям запрещалось въезжать в монастырскую вотчину и брать там корма, подвод и проводников. Великокняжеские наместники, дворецкие, конюшие, волостели и их тиуны не имели права судить игумена, братию, людей и крестьян монастыря «ни в чом, оприч душегубства и розбоя и татбы с поличным». Подсудность игумена местной великокняжеской администрации в делах о душегубстве, разбое и татбе с поличным ограничивалась, вероятно, теми случаями, когда противной стороной были жители Корельского уезда или Новгородской земли в целом и когда дело не подавалось на апелляцию. Высшей судебной инстанцией для игумена, братии и всего населения монастырской вотчины являлись великие князья. В грамоте предусматривалось, что, если «кому будет до игумена и до братии каково дело, и мы даем на них своих приставов с Москвы, и приставы наши московские игумену с братьею и их людем и крестьяном пишут один срок в году» (имеется в виду срок явки в великокняжеский суд).

Грамота Коневскому монастырю — первое прямое свидетельство ограничения московским правительством юрисдикции новгородского архиепископа в отношении монастырей его епархии. По-видимому, это ограничение может рассматриваться как один из показателей обострения противоречий между Иваном III и новгородским архиепископом Геннадием.

К августу 1499 г. относится еще одна жалованная грамота Ивана III и Василия Ивановича новгородскому монастырю — Троицкому Клопскому. В ней тоже устанавливался один срок явки в великокняжеский суд, но только для людей и крестьян, а не для игумена и братии монастыря. Правда, в подтверждении 1551 г. на имя Ивана IV есть оговорка о святительском суде: «А кому будет чего искати на игумене с братьею, ино их судит во всем богомолец наш, Великого Новгорода и Пскова архиепископ сам по новому Соборному Уложению. А оприч святительскаго суда яз, царь и великий князь, сее у них грамматы⁶² рушати не велел никому ничем»⁶³. Это постановление может навести на мысль, что в клопской грамоте 1499 г., так же как и в коневской, содержалось ограничение святительского суда. Клопская грамота сохранилась в копии в составе грамоты 1564 г., и возможность наличия в ней пропуска в принципе не исключена⁶⁴. Дошедший текст показывает все же иное: отсутствие прямого ограничения архиепископской юрисдикции. Нельзя ли объяснить разницу в содержании коневской и клопской грамот тем, что Коневский монастырь находился на окраине, а Клопский — в центре Новгородской епархии, где власть архиепископа была прочнее?

Грамота, которую выдали 30 сентября 1500 г. Иван III и Василий Иванович новгородскому Волотову монастырю⁶⁵, расположенному недалеко от Новгорода,

⁶² Так в публикации Г. Гойдукова.

⁶³ Гойдуков Г. Краткое описание новгородского третьеклассного мужеского Клопского Троицкого монастыря. М., 1815. С. 17—18.

⁶⁴ Кашистанов С. М. Социально-политическая история... С. 131—132.

⁶⁵ Амефосий. История российской иерархии. М., 1815. Ч. 6. С. 474—481; АИ. Т. 1. № 111. С. 164—166.

не подтверждает это предположение. В грамоте сказано: «Архиепископ Новгородский и его тиуни игумена и его братью не судит ни в чем опричь духовных вещей». При этом фиксировалось право игумена судить своих монахов, чего раньше в жалованных грамотах мы не встречали: «А чернцов своих игумен судит во всем сам». Правда, белозерский дьяк Иван Ципля около 1478/79 г. утверждал, что в Кирилло-Белозерском монастыре еще при князе Андрее Дмитриевиче (1389—1432 гг.) «братью свою, старцев Кирилова монастыря, судил игумен»⁶⁶. Грамота 1500 г. закрепляла подсудность волотовского игумена новгородским наместникам: «А кому будет чего искати на игумене или на их прикащике, ино их судят сами наместники новгородские, а тиуни наших наместников игумена и их прикащиков не судят ни в чем». В данном случае великие князья не взяли игумена под свою юрисдикцию, оставив его в сфере ведения новгородских наместников. Уже в коневской грамоте наместники и другие представители местной администрации получили право суда над игуменом в делах о душегубстве, разбое и татьбе с поличным. Волотовская грамота шла в этом вопросе еще дальше.

Подобно коневской грамоте, волотовская грамота отменяла не только судебные, но и ряд других прерогатив архиепископа, таких как взимание пошлин и откуп в пользу самого владыки и его представителей, бесплатный постой владычных лошадей (разрешалось ставить лишь одну лошадь и за плату), въезд владычных десятильников и людей, взимание ими с монастырских крестьян кормов, подвод и проводников и др.

В феврале 1500 г. Иван III в двух жалованных грамотах Кирилло-Белозерскому монастырю (на села в Вологодском⁶⁷ и Дмитровском⁶⁸ уездах) подтвердил подсудность себе кирилловского игумена. В 1498 г. Белоозеро находилось во владении Дмитрия-внука, а в марте и сентябре 1501 г. им распоряжался Василий Иванович⁶⁹. Вероятно, проект передачи Белоозера Василию существовал уже в 1499—1500 гг., и грамоты Ивана III февраля 1500 г. показывают, что в это время Иван III не хотел терять свой сюзеренитет над игуменом Кириллова монастыря. Возможно, пребывание Белоозера в руках Дмитрия-внука несколько ослабило подчиненность монастыря великому князю по судебной линии.

В 1501—1502 гг. великий князь Василий Иванович установил свою юрисдикцию над игуменом Троице-Сергиева и Покровского Угличского монастырей. Грамота августа 1501 г. касалась троцкого двора и поляны в Кашине⁷⁰, который тянул, вероятно, к Тверской епархии (с 1522 г. епископы тверские именовались еще и кашинскими)⁷¹. Однако, поскольку сам монастырь находился в митрополии, статьей о подсудности игумена затрагивались интересы митрополита. В еще большей мере Василий выступал как конкурент Ивана III, ибо троицкие настоятели уже с 70-х годов XV в. попали в сферу великокняжеской юрисдикции.

Грамота Василия Ивановича июня 1502 г. Покровскому Угличскому монастырю была дана на сельцо в Бежецком Верхе⁷², принадлежавшем к Новгородской

⁶⁶ АСЭИ. Т. 2. № 315. С. 280.

⁶⁷ Там же. № 300. С. 257.

⁶⁸ Там же. № 301. С. 258.

⁶⁹ Каштанов С. М. Социально-политическая история... С. 91, 176; *Он же*. Очерки русской дипломатики. С. 448.

⁷⁰ АСЭИ. Т. 1. № 637. С. 549—550.

⁷¹ Покровский И. Указ. соч. С. 100.

⁷² АСЭИ. Т. 3. № 82. С. 114.

епархии. Вместе с тем статья, фиксирующая подсудность игумена, ограничивала юрисдикцию ростовского архиепископа, так как монастырь был расположен в Угличе. Василий продолжил традицию, заложенную еще Андреем Большим, который в грамоте 1475/76 г. поставил покровского игумена под свою юрисдикцию⁷³. Аналогичной грамоты Ивана III Покровскому Угличскому монастырю мы не знаем, однако вероятность того, что такая грамота могла быть выдана после присоединения Углича в 1491 г., весьма велика. Если у Покровского монастыря была грамота Ивана III, закрепляющая подсудность ему игумена, Василий Иванович опять-таки не столько нарушал привилегию иерарха (в данном случае — ростовского владыки), сколько наследовал власть своего отца.

Мы рассмотрели ситуацию, сложившуюся в период, предшествующий составлению духовной Ивана III (конец 1503 г.). Появление великокняжеской духовной и создание по ней новых уделов изменили картину территориального разделения власти между членами правящей династии. С этого момента начался новый этап борьбы за ограничение церковной юрисдикции.

---

⁷³ Там же. № 77. С. 111.

А. Золтан

ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ЗАПАДНОРУССКОЙ ЛЕКСИКИ В ВЕЛИКОРУССКИЙ ДЕЛОВОЙ ЯЗЫК В XV в.*

1. В предшествующих публикациях на тему западнорусской лексики в памятниках великорусской письменности XV в. мы обосновывали предположение о том, что главным проводником западнорусского влияния в Московской Руси в середине XV в. было духовенство (см. Золтан 1983, 96; 1984, 12—22; 1985, 259—260). Это предположение подтверждается также анализом грамот, вышедших из канцелярии митрополита Ионы.

Рязанский епископ Иона был поставлен в митрополиты собором великорусских епископов по инициативе Василия II в конце 1448 г.; его поставление на первых порах не было признано законным со стороны литовских властей, так как в Западной Руси законным митрополитом «всёя Руси» считался и в дальнейшем Исидор, изгнанный из Москвы ещё в 1441 г. из-за принятия унии на Флорентийском соборе. Первые два года правления митрополита Ионы были наполнены борьбой за восстановление единства митрополии «всёя Руси», разумеется, под управлением его самого. В этой борьбе, закончившейся к началу 1451 г. подчинением Ионе литовских епархий (под номинальным управлением Исидора оставалась только галицкая епархия), московский митрополит, ставленник московского великого князя, мог рассчитывать на поддержку православных князей и магнатов в Литве, чтобы через них повлиять на литовский сенат («раду») и подготовить благоприятное для себя решение великого князя Казимира IV. Имеются сведения о том, что Иона активно участвовал и в политическом сближении Москвы и Литвы, в частности в подготовке мирного договора между Василием II и Казимиром IV, заключённого в 1449 г. (ДДГ, № 53, с. 160—162), при этом его заслуги были высоко оценены также Казимиром IV. Об этом свидетельствует послание Ионы Казимиру ок. 1450 г., в котором говорится: «Что еси, господине и сыну, прислалъ къ нашему сыну, а къ своему брату, Великому князю Василью Васильевичю своего посла Гармана съ рѣчьми и съ листы [...], а ко мнѣ еси своему богомолцу приказалъ съ нимъ, чтобъ вашъ богомолецъ общій попечение имѣлъ межю васъ великихъ государей о вашемъ братствѣ» (по сп. XVI в., ААЭ I, № 49, с. 36; ср. Голубинский II/1, 492—493). Василий II, в свою очередь, поддерживал притязания Ионы на литовские епархии, на что указывается в настольной грамоте Казимира IV Ионе от 31 января 1451 г.: «мы Казиміръ [...] гадаваше и добрѣ, смотривше съ нашимъ братомъ, великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ, и съ нашими князьми и паны, съ нашею Радою, полюбили есмо себѣ отцемъ митрополитомъ Иону» (РИБ VI, № 67, с. 563—564). Таким образом,

---

* Печатается по изд.: Studia Slavica Hung. 34/1-4. 1988. Akadémiai Kiadó, Budapest.

признание Ионы главой православной церкви и в Литве можно считать результатом совместных усилий московской церковной и светской дипломатии. Для успешного проведения этой акции митрополиту Ионе нужны были люди, хорошо разбирающиеся во внутривластных условиях Литвы и в то же время промосковской политической ориентации. Таких людей можно было найти легче всего в окружении православных князей в Литве. Укажем в первую очередь на киевского удельного князя Александра (Олелько) Владимировича, сына того Владимира Ольгердовича, который не перекрестился в католичество в 1386 г. Александр Владимирович был ревностным покровителем православия в Литве, тем более что был женат на Анастасии Васильевне, сестре Василия II. О контактах Ионы с киевским князем свидетельствует грамота митрополита, адресованная князю еще до 31 января 1451 г. (РИБ VI, № 66, с. 555—564); роль Владимира Александровича в подчинении Ионе литовской православной церкви подтверждается подписью князя на цитированной выше грамоте Казимира IV от 31 января 1451 г. (см. РИБ VI, № 67, с. 566; ср. также Соболевский 74). О том, что семья киевского князя поддерживала и личные контакты с московским великокняжеским домом, свидетельствует известие Никаноровской летописи как раз под 1451 г.: «Был на Москвѣ князь Семень Олелковичъ оу своей бабы великие княгини Софии [Витовтовны. — А. З.] и оу великого князя Василия, оу дяди своего» (ПСРЛ XXVII, 116); напомним, что киевского племянника московского великого князя крестил в свое время не кто иной, как митрополит Фотий (в 1420 г.), только что получивший обратно духовную власть над западнорусской церковью, которой в 1415—1419 гг., управлял Григорий Цамблак (см. Попов 1875, 330, примеч. 1). Из других влиятельных православных политических деятелей в Литве, содействовавших признанию Ионы, можно назвать князя Свидригайла Ольгердовича, служившего раньше и Василию I (см. Воскр. лет. под 1408 г., ПСРЛ VIII, 82), и канцлера Великого княжества Литовского Михаила Кезиगाйловича, подписи которых также фигурируют на указанной настольной грамоте Казимира IV (ср. Галецкий, 92).

По-видимому, этими контактами митрополита Ионы объясняется то обстоятельство, что западнорусизмы в его грамотах встречаются раньше, чем он стал «общим богомольцем» как Василия II, так и Казимира IV. Надо при этом учитывать, что все послания Ионы сохранились в списках 1-й половины XVI в., и поэтому многие западнорусские черты в орфографии, морфологии и синтаксисе могли стираться при переписывании. Несмотря на это, в грамоте киевскому князю Александру Владимировичу, написанной до официального признания Ионы со стороны Казимира IV, наряду с лексическими западнорусизмами мы находим и западнорусскую конструкцию *писати до кого*: «[Казимир] писалъ до насъ, до своихъ богомольцовъ, свой листъ» (РИБ VI, № 66, с. 561—562). Это может свидетельствовать о том, что выходцы из Литовской Руси работали в московской митрополичьей канцелярии уже до 1451 г. Из лексических особенностей, характерных для западнорусского писца, укажем на употребление слова *лист* не только для обозначения западнорусской грамоты, но и для московской, ср. в грамоте Ионы Казимиру IV ок. 1450 г.: «А о которыхъ еси дѣлѣхъ къ нему на своихъ *листвѣхъ* написал [...], братъ вашъ Князь Великій о всемъ къ тебѣ на своемъ *листу* написалъ»; «А о чемъ ти, господине и сыну, и опричь сего нашего *листу* иметь мой діякъ Василей Карло говорить рѣчми» (ААЭ I, № 49, с. 36—37), хотя противопоставление московской *грамоты* иностранному (западнорусскому, польскому

и вообще западноевропейскому) *листу* в московских дипломатических документах и летописных известиях выдерживается довольно последовательно еще и в XVI в. (см. Кохман 1978, 82—84; ср. Золтан 1983а, 341). На основании этих немногочисленных, но все же показательных данных можно предположить, что западнорусские писцы появились в московской митрополичьей канцелярии не вследствие подчинения митрополиту Ионе литовской православной церкви в 1451 г., а уже несколько раньше и, по-видимому, в связи с дипломатической деятельностью Ионы, направленной на воссоединение митрополии после его поставления в 1448 г.

Как было отмечено нами, в этих ранних грамотах Ионы фиксируются также западнорусские по происхождению слова *господарь* и *господарство* (см. Золтан 1983, 93—99); отметим еще употребление прилагательного *польский*, которое засвидетельствовано только в составе титула Казимира IV как польского короля: «И какъ Богъ положилъ на сердце великому господарю, благородному славному превысокому, отъ Вседержителя Бога превъзвышенному *польскому* королю и великому князю литовскому Казимиру, самодержцу; великихъ двоихъ господарствъ»; вне титула употребляется в том же предложении обычное в древнерусском языке в данном значении прилагательное *лядский*: «Какъ отъ своего господарства отъ лядскихъ державъ въ своихъ же державахъ какъ будетъ въ литовской земли» (РИБ VI, № 66, с. 561—562). По-видимому, прилагательное *польский* появилось в великорусском языке впервые в составе польского королевского титула, ср. также в летописном известии 1430 г. о съезде монархов у Витовта: «*король польский* Ягаило Олгердовичъ» (Сокр. лет. св. 1495 г., ПСРЛ XXVII, 343), хотя в XV—XVI вв. поляков называли в Московской Руси обычно *ляхами*. Самоназвание поляков — *поляк*, как и прилагательное *польский* стали общеупотребительными в Московской Руси с начала XVII в. (Черных 1956, 201; ср. Кохман 1967, 77).

После занятия киевской кафедры Иона обращается к Казимиру IV с просьбой о подчинении себе также галицкой православной церкви. В соответствующем послании новых западнорусизмов мало, отметим лишь форму *княжату* (*прускому*) в официальной титулатуре короля (РИБ VI, № 68/1, с. 566—567; ср. Срезн. I, 563), восходящую к западнорусскому *княжа* ‘князь’ (ср. в титуле польских королей: *княжа Пруское*, ССУМ I, 480; эта форма возникла в западнорусском под влиянием польск. *książe* ‘князь’, ср. Дамерау 72). О необычности этой формы в великорусском свидетельствует и неправильное склонение (должно быть *княжати*, дат. п.; позже, в XVI в., в аналогичных случаях в московских грамотах, адресованных польским королям, пишут просто *княже*, см. Иван Грозный, 213).

В посланной одновременно с этим посланием грамоте литовскому канцлеру Михаилу Кезигаиловичу наряду с лексическими западнорусизмами встречаются и грамматические: *до* + род. п. вместо *к* + дат. п., а также форма 1-го л. мн. ч. *есмо* от *быти*, ср. «А *нынѣ*, сыну, послали *есмо до* великого *господаря* [...], и *до васъ, до великихъ пановъ*» (РИБ VI, № 68/II, с. 568; ср. также в грамоте 1456 г., адресованной полоцкому епископу Симеону: «*Листъ* твой, сыну, *до насъ* пришелъ», РИБ VI, № 78, с. 611). Можно полагать, что эта грамота была написана вообще на западнорусском языке.

В документах 1451 г. о назначении митрополичьих наместников для Киева и Литвы Иона обращается к своим наместникам, чтобы они управляли церковью «по доводу всяко божественныхъ и священныхъ правилъ и церковнаго пра-

вильного нашего *дохода*», а также к православному населению: «Вы же [...] князи и *панове*, и архимондриты и протопопове, и игумены и *мѣстичи* [...]. А также сынове, благославляю васъ всѣхъ *посполно*, чтобы тѣтъ нашъ намѣстникъ въ *доходѣхъ* и въ пошлинахъ церковныхъ ни отъ кого не обиженъ былъ». Документы эти названы, впрочем, *листами*: «Данъ *листъ сій* въ Новѣгородку» (РИБ VI, № 69, с. 572).

Слово *мѣстичь* 'горожанин', вопреки утверждениям некоторых исследователей (Гринчишин 73; ср. также Укр. лекс. 249, 269), не является древнерусским. Оно, правда, встречается довольно рано в восточнославянских памятниках, но до XV в. только в западнорусских, как, например, в грамоте Кейстута торунского купцам 1341 г. (в форме *мѣстычъ*, см. Срезн. II, 244—245; ССУМ I, 627); проверка летописных источников, цитируемых в словаре И. И. Срезневского, приводит также к выводу, что слово это в XII—XIV вв. было известным только в Западной Руси. В Ипатьевской летописи слово *мѣстичь* встречается только в составе Галицко-Волынской летописи: «[Мстислав] созва бояры Володимѣрьскыа бра своего и мѣстичѣ Роусци и Нѣмцѣ» (1287 г., ПСРЛ II, 905); «мѣстичѣ [вар.: *мѣстичи*] же не быахоуся по Болеславѣ с горожаны, но рекоша, кто сядеть княжити во Краковѣ то нашъ князь» (1290 г., ПСРЛ II, 934); в последней цитате «мѣстичи» противопоставлены «горожанам» в соответствии с польской семантикой производящих основ (ср. польск. *miasto* 'город' и *gród* 'крепость'). В Летописце Переяславля-Суздальского (сп. XV в.), дошедшем до нас в составе сборника, составленного в Западной Руси (Соболевский 1980, 59), слово *мѣстичь* встречается в составе «Жития Феодосия Печерского»: «Единою бо емоу любяще некое *мѣстича*, именемъ яна» (под 1091 г., Переясл. лет. 50). В древнейших списках «Жития» (Усп. сб., л. 26а—67в, с. 71 135; ПСРЛ I, 183—198) этот эпизод отсутствует; эпизод «О преречении святого» появляется только в Кассиановской редакции Киевского патерика (1462 г., сп. конца XV в.), но там Ян назван *вельможей* (Пат. Печ., 61). Таким образом, следует принять, что слово *мѣстичь* попало в этот текст позже (не раньше 2-й пол. XV в.) в результате западнорусской переработки «Жития». Зап.-русс. *мѣстичь* заимствовано, по всей вероятности, из др.-польск. *mieścic* 'горожанин' (см. ССтп IV, 243), несмотря на то, что древнепольское слово засвидетельствовано позже (1391 г.), чем западнорусское (1341 г., не считая летописных данных), так как дериват *мѣстичь* со всей очевидностью связан не с восточнославянским (и праславянским) значением прасл. **město* ('locus'), а со вторичным его значением ('civitas'), возникшим в западославянских языках под немецким влиянием (ср. нем. *Stadt* и *Statt*). Др.-польск. *mieścic* было самостоятельным польским дериватом от *miasto* (может быть, по аналогии с *szlachcic* от *szlachta*, как название определенного слоя населения). Впоследствии и в самом польском языке *mieścic* было вытеснено бегемизмом *mieszczanin* (отмечается с 1400 г. ССтп IV, 237—238; ср. Мельников, 104). В великорусских памятниках, кроме указанной грамоты Ионы, которая была адресована православному Литвы, слово *мѣстичь* появляется в летописном известии 1456 г. о прибытии в Москву смоленского епископа Мисаила: «Прииде ись Смоленска к великому князю на Москву владыка Смоленскы Мисаило со многими *мѣстичи* Смоленскими бити челом ему, что бы пожаловал отпустилъ икону пресвятыя богородица, ея же плъномъ взялъ Юрга» (ПСРЛ XXV, 273; ср. ПСРЛ XVIII, 209; ПСРЛ XXVI, 213). Слово *мѣстичь* позднее встречается еще в летописном известии 1500 г., относящемся к Литве: «Также и ко князем Руским и к Виленским

мѣстичем, и ко всей Руси [...] посылал к ним» (ПСРА XXVI, 292). Как видно, слово *мѣстичь* в великорусских памятниках употреблялось только для обозначения городского населения Литовской Руси (ср. также ДРС IX, 110), и, таким образом, можно его считать экзотизмом в великорусском языке, в отличие от западнорусского, где оно входило в основной словарный фонд (ср. Спринчак 1956, 119). Однако вскоре и в западнорусском старый полонизм *мѣстичь* был заменен новым: *мѣщанинъ* (ср. ССУМ I, 630); при взятии Смоленска 1514 г. привели к крестному целованию уже «князей и боярь Смоленских, и мѣщанъ, и всѣх людей» (ПСРА XXVI, 304; ср. Золтан 1977). Слово *мѣщанинъ* в XVI в. оставалось еще экзотизмом (ср. ДРС IX, 143—144); широкое распространение оно получило в великорусском, по-видимому, позже, в связи с основанием в Москве в XVII в. Мещанской слободы, заселенной военнопленными и добровольными выходцами из восточных областей Речи Посполитой после русско-польской войны 1655 г. (см. Богоявленский, 15—21).

Слово *посполно* 'совместно' восходит к зап.-русс. *посполм* 'то же' (ССУМ II, 205), заимствованному, очевидно, из др.-польск. *pospolnie* 'то же' (ССтп VI, 444—445).

Вопрос о западнорусском происхождении русск. *доход*, насколько нам известно, еще не ставился в научной литературе; преобладает убеждение, что русск., укр., болг., мак. *доход*, польск. *dochód*, чешек, *důchod* 'доход, прибыль' являются континуантами **dochodъ*, якобы существовавшего уже в праславянском (ЭСРЯ I/5, 180; БЕР I, 415—416; СПрасл IV, 29; большую осторожность по отношению к этому слову проявляет О. Н. Трубачев, который не только не приводит отдельной статьи *dochodъ*, но не упоминает о нем даже в статье *dochoditi*, см. ЭССЯ V, 52). Однако уже на основе самого материала, собранного в указанных словарях, можно иметь некоторые сомнения в состоятельности этой точки зрения. Прежде всего, весьма шатка аргументация по отношению к южнославянскому материалу. В болгарском и русском этимологических словарях игнорируется указание С. Младенова (цитированное в СПрасл) на то, что болг. *доход* в данном значении является поздним русизмом (в среднеболгарском с XIII в. в данном значении засвидетельствовано *доходѣкъ*, см. у Ильинского, по указателю; ср. совр. болг. диал. *доходѣк*, БЕР I, 415); упускается также из виду, что в сербскохорватском в данном значении выступает в основном не *доход* (которое, кроме единичных поздних случаев, засвидетельствовано только в конкретных значениях), а *доходак* (уже с XIII в.). Напомним, что с.-х. *доходити* — в отличие от соответствующих по структуре восточно- и западнославянских глаголов — имеет значение 'приходить', значит, с.-х. *доходак* — это 'то, что приходит' (ср. венг. *jövedelem* 'доход' от *jön* 'приходить', калькирующее, по-видимому, с.-х. *доходак*), и поэтому не является безупречной параллелью к словам типа русск. *доход*, польск. *dochód*, которые, по мнению авторов этих же словарей, являются отглагольными существительными от глагола **dochoditi*, имеющего в восточно- и западнославянских языках другое значение ('доходить до какого-л. предела'). Поздние (с XIX в.) и редкие формы с.-х. *доход*, словен. *dohod* 'доход' следует рассматривать как заимствования из других славянских литературных языков; то же самое можно сказать и о мак. *доход*, в котором уже само наличие -х указывает на книжный характер слова. Таким образом, южнославянский материал, приведенный в указанных словарях, скорее противоречит праславянскому характеру этого слова, чем подтверждает его.

Все это позволило бы еще рассматривать **dochodъ* ‘proventus, tributum’ как праславянский диалектизм (северо-западный, в отличие от южного **dochodъkъ*). Однако оказывается, что *доходъ* в данном значении нельзя считать даже общевосточнославянским, так как фиксация др.-русс. *доходъ* с XIV в. (принимаемая в СПрасл вслед за ДРС IV, 345) основывается на недоразумении. Дело в том, что слово *доходъ* в указанном значении на самом деле засвидетельствовано в Никоновской летописи под 1342 г. («Нѣции же рустии челоуѣци оклеветаша Феогнаста митрополита къ царю, яко “много безчислено имать *дохода*, и злата, и сребра и всякаго богатства”», ПСРА X, 215), но сама эта летопись была составлена лишь в XVI в. (по новейшим исследованиям, в период между 1526—1530 гг., см. Клосс, 51). Примеры, приведенные И. И. Срезневским из русских переводов ханских ярлыков 1267 и 1379 гг., данных русским митрополитам (Срезн. I, 719), также не могут свидетельствовать об известности слова *доходъ* в великорусском языке XIII—XIV вв., так как оно не читается в самых ранних переводах, сохранившихся в списках середины XV в. (см. ПРП III, 465—491), но только в т. н. «пространной» и «смешанной» коллекциях ханских ярлыков, возникших путем переделки и дополнения (т. е. фальсификации) т. н. «краткой» коллекции в целях доказательства того, что уже татарские цари гарантировали иммунитет церковных имений. Переделка имела место в связи с собором 1550 г. (Приселков 1916, 47—50; слово *доходъ* в одном из списков «смешанной коллекции» см. там же, 110). Таким образом, употребление слова *доходъ* в списках этих двух позднейших редакций при отсутствии его в первоначальной редакции свидетельствует лишь об известности данного слова во время составления указанных редакций, т. е. в первой половине XVI в. Пример И. И. Срезневского из грамоты 1425 г. взят также из позднего списка (XVII в.). Единственный пример у И. И. Срезневского, не вызывающий никаких сомнений в отражении современной датировке употребления слова *доходъ*, восходит к жалованной грамоте Ягайла своему брату Скиригайлу 1387 г., изданной по подлиннику (см. Пешак, № 40, с. 74—79); эта грамота, разумеется, относится к памятникам не великорусского, а западнорусского делового языка. Таким образом, до указанной грамоты митрополита Ионы 1451 г. у нас нет достоверных данных о наличии слова *доходъ* в великорусском (в КДРС после указанной выше, вошедшей в ДРС цитаты из Никоновской летописи следует фиксация слова *доходъ* в цитируемой нами грамоте Ионы, а затем фиксации в великорусском актовом материале начиная с 1585—1586 гг.); имеются лишь данные, свидетельствующие о широком распространении этого слова в западнорусском начиная с последней четверти XIV в. (ССУМ I, 323). В западнорусской деловой письменности XIV—XV вв. слово *доходъ* является самым частотным членом синонимического ряда *доходъ* (457 словоупотреблений в источниках ССУМ) — *приходъ* (76 раз, ССУМ II, 249) — *пошлина* (12 раз, ССУМ II, 218), между тем как в великорусской письменности до самого конца XV в. случаи употребления этого слова являются спорадическими, и при этом, как мы видели, впервые оно засвидетельствовано в документе митрополичьей канцелярии, связанном с Западной Русью. Отметим, что слово *доходъ* к этому времени закрепилось в западнорусском языке не только как общее название всякого рода поборов в пользу светских феодалов, но и в пользу церкви, в том числе и православной, как это отчетливо явствует, напр., из жалованной уставной грамоты упомянутого выше киевского удельного князя Александра (Олелько) Владимировича 1441 г., данной им предшественнику Ионы на

ной им предшественнику Ионы на киевской митрополичьей кафедре, Исидору: «есмо отдали г(осподи)ну отцоу своему Сидору [...] села вся ц(е)рк(о)вьная, и земли, и съ всѣми *доходы*»; «а так же воеводы [...] не вѣступали бы ся оу ц(е)рк(о)вныя земли и воды, и в люди въ вси *доходы*, и въ вси пошлыны, и ни въ что»; «съ всѣми *доходы* [...] и съ всѣми пошлынами» (Щапов, 180). Слово *доходъ* часто встречается в памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским и характеризует дипломатические заявления польско-литовской стороны: «нашимъ предкомъ и намъ дани шли и *доходы* съ тѣхъ волостей и наши многи пошлыны [...] а нынѣ намъ отъ колка лѣтъ даней и *доходовъ* нѣтъ съ тыхъ нашихъ волостей» (ПДП I, № 4, 1488 г., с. 15); «абы наши данники тьи дани и *доходы* исполняли намъ по давному» (ПДП I, № 12, 1490, с. 48).

Закрепление слова *доходъ* в великорусском деловом языке относится к последнему десятилетию XV в., ср., например, в докончании рязанского великого князя Ивана Васильевича с князем Федором Васильевичем 1496 г.: «и Мещерские волости с оброки и з *доходы* по старинѣ» (ДДГ № 84, с. 339); многочисленные случаи употребления слова *доходъ* фиксируются в Новгородских писцовых книгах 1495—1501 гг.: «и всего *дохода* деньгами пол-шеста рубля ноугородцкая»; «и принимает к старому *доходу* денгами три рубли»; «а мелкого *дохода* тринадцать боранов» и т. д. (Кочин 1935, 107; ср. Кочин 1937, 103). К середине XVI в. слово *доходъ* становится повсеместным в великорусских документах, ср.: «а жити Третьяку в той моей вотчине и пашня пахати и *доход* всякой со крестьян имати» (АФЗХ II, № 194, 1546—1547 гг., с. 195); «пожаловал есми теми селы и деревнями [...] со всеми угоды [...] из *доходом* з денежным и с хлебным» (АФЗХ II, № 255, 1555 г., с. 260). Повсеместность данного слова в жалованных, закладных и прочих грамотах XVI в. не оставляет сомнения в том, что к этому времени оно было усвоено и разговорным языком. Уже в первой половине XVI в. слово могло употребляться и в церковнославянском языке, ср., например, в речи митрополита Даниила, произнесенной на соборе 1531 г. против нестяжательских взглядов Максима Грека: «Да ты же, Максим, святыя божия соборныя апостольския церкви: и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжания, и люди, и *доходы*, и села имеют» (цит. по: Клосс, 97). Отметим, что слово *доход* в русских говорах представлено только в конкретном пространственном значении 'окончание, приближение к концу'; известны лишь единичные записи производных от *доход* 'прибыль': *доходна* 'прибыль, доход' (Московская губ., 1908 г.) и *доходный* 'являющийся прибылью, составляющий чей-либо доход' («Доходных денег у дьякона в месяц рублей 60», Владимирская губ., 1912 г.; СРНГ VIII, 160—161).

Возвращаясь к вопросу о происхождении русск. *доход*, можно констатировать, что приведенный материал довольно убедительно свидетельствует о том, что в великорусском оно является заимствованием из западнорусского. Правда, в русском языке второй половины XVII в. отмечаются отдельные случаи употребления глагола *доходити* в значении 'поступать в качестве дохода' (ДРС IV, 346), которое могло бы мотивировать существительное *доходъ* 'прибыль', однако, принимая во внимание путь распространения слова *доходъ* из западнорусского в великорусский, а также факт, что континуанты прасл. **dochoditi* в подобном значении не засвидетельствованы ни в одном другом славянском языке (ср. ЭССЯ, СПрасл, ук. м.), несостоятельность этимологии, согласно которой *доходъ* на великорусской почве мотивировано глаголом *доходити*, становится очевидной. Следу-

ет принять, что, наоборот, позднее и редкое русск. *доходити* в указанном значении мотивировано прочно вошедшим в лексическую систему русского языка уже в XVI в. существительным *доходъ*.

Существительное *доходъ* не мотивировано глаголом *доходити* также в западнорусском. В староукраинских памятниках XIV—XV вв. глагол *доходити* засвидетельствован всего лишь два раза и в обоих случаях в конкретном пространственном значении (ССУМ I, 322—323). В связи с этим можно предположить что зап.-русс. *доходъ* было заимствовано в готовом виде из древнепольского, в котором, правда, *dochod* засвидетельствовано несколько позднее (1428 г., ССтп II, 106), чем в староукраинском, но имея в виду исключительное господство латыни в польской деловой письменности в средневековье, это обстоятельство не может исключать возможность существования слова *dochod* в древнепольском намного ранее его фиксации в памятниках. Отметим, что в научной литературе известно показательное количество несомненных полонизмов, зафиксированных в западнорусских памятниках раньше, чем в памятниках самого польского языка (см. Гумецкая 1969, 219—228, 1971, 113—118; Золтан 1978, 215—216). Поскольку, однако, глагол **dochoditi* в древнепольском также не засвидетельствован в значениях, к которым можно было бы возвести исключительно экономическое значение существительного *dochod* (ср. ССтп II, 105—106), нам кажется вполне вероятным, что данное слово и древнепольским языком было заимствовано в готовом виде из древнечешского, в котором *dochod* засвидетельствовано в первичном своем значении ‘результат’, мотивированном древнечешским значением глагола *dochoditi / docházěti* — ‘достигать’ (см. Гебауэр I, 282—283), которое в древнепольский могло перейти в более узком, специально экономическом значении как ‘результат экономической деятельности, польза от нее, доход’. Таким образом, современное общеславянское распространение данного слова обусловлено не его праславянской древностью, а позднейшей его миграцией, «цепной передачей» (по выражению А. Шенкера 257) из одного славянского языка в другой.

Отметим, что западнорусизмом в великорусском следует считать не только *доход*, но также *приход* в значении ‘прибыль’, которое в великорусском деловом языке появилось, по-видимому, позже (в словаре И. И. Срезневского в данном значении еще не отмечается, см. Срезн. II, 1488—1489), а в XVII в. употреблялось не только как антоним слова *расход*, но как полноценный синоним слова *доход*, ср. у Котошихина, у которого *доход* засвидетельствовано 37 раз, а *приход* (в синонимическом значении) — 26 раз (Пеннингтон 1980, 473, 644). В материалах КДРС слово *приходъ* в данном значении засвидетельствовано впервые в соборной грамоте литовских епископов о поставлении Григория Цамблака 1415 г., в которой митрополит Фотий обвиняется в том, что он «ниже бо хотяше сѣдѣти у церкви [...], но точию *приходы* церковныя сбирая и живяше индѣ, и старая устроеша и честь киевскоѣ церкви на ино мѣсто полагаше» (РИБ VI, № 38, с. 310—311). В церковнославянских памятниках, а реже также в великорусских грамотах в значении ‘прибыль, доход’ на протяжении XI—XVII вв. употреблялось слово *прибытокъ* (КДРС), заимствованное, по-видимому, из ст.-сл. **прибытъкъ** ‘то же’ (С.—А., 103). В указанной соборной грамоте наряду с *приходъ* употреблено и *прибытокъ*: «И царь Моноиль не восхотѣ послушати прошенія его [Витовта. — А. 3.] праведнаго, своихъ дѣля *прибытковъ* неправедныхъ» (РИБ VI, № 38, с. 311). Поскольку в украинских грамотах XIV—XV вв. *прибытокъ* вообще не засвидетельствовано (ср. ССУМ), несомненно, что в этом церковнославянском

тексте *прибытокъ* является традиционным элементом книжного языка, а *приходъ* — отражением западнорусского разговорного субстрата (ср. аналогичное явление употребления титулов *господарь* и *господинъ* по отношению к Витовту в этом же тексте, см. Золтан 1983, 91). Как было отмечено выше, *приходъ* в данном значении в западнорусском засвидетельствовано уже в памятниках XIV—XV вв. (ССУМ II, 249); зап.-русс. *приходъ* имеет точную аналогию в др.-польск. *przychód* ‘доход’ (ССп VII, 240—241).

Наличие западнорусских элементов в указанных грамотах митрополита Ионы о назначении митрополичьих наместников для западнорусской церкви было бы проще всего объяснить тем, что их составление было поручено кому-то из местного западнорусского духовенства во время пребывания Ионы в Литве; в пользу такого объяснения говорит и место написания грамоты: «Данъ листь сій въ Новѣгородку», т. е. в Новгородке Литовском (совр. Новогрудок в Белоруссии). Такое объяснение, однако, представляется не единственно возможным и даже не самым вероятным. Как было указано выше, западнорусизмы встречаются уже и в тех грамотах Ионы, которые написаны до 1451 г. Анализ других грамот митрополита Ионы приводит нас к выводу о том, что такая грамота могла быть составлена и в митрополичьей канцелярии в Москве, так как западнорусская лексика обильно представлена и в тех грамотах, которые датированы в Москве.

Так, в послании смоленскому епископу Мисаилу 1454 г. митрополит Иона пишет: «Вѣдаете, сыну, и прежнее, что ся състало отъ князя Ивана Андреевича надъ нашѣмъ сыномъ, а надъ его братомъ старѣишимъ, а не рку, надъ братомъ, но надъ его *Осподаремъ* надъ Великимъ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ, какая *шкота* [...], а сыну нашему Великому Князю, у нужи, по слѣду Князя Ивана *достати*, да въ обиду ему себе не мощно *поддати* [...]. А сыну нашему *пану* Михаилу *канцлерю* говорилъ бы еси, чтобы христѣанства дѣля, также о томъ поберегль» (АИ I, № 56, с. 104).

Слово *шкота* / *шкота* / *шкота* ‘убыток, вред’ было широко распространенным в западнорусском деловом языке XV в. (ССУМ II, 559—560; Булыко, 364; ср. Ильенко 7); оно восходит через польск. *szkoda* к др.-в.-нем. *scado* (ср. нем. *Schade*) ‘то же’ (см. Тамань 1960, 123; Гардинер, 242; Кохман 1967, 145; Собик, 366). На неисконность глагола *доставати* / *достати* в значениях ‘раздобыть, приобрести; овладеть’ в великорусском впервые обратил внимание С. Кохман (1967, 106); к этой точке зрения присоединилась и А. Пеннингтон (1980, 387). Оба автора рассматривают глагол *доставати* / *достати* в данном значении как новое явление в русской лексике XVII в., возникшее под влиянием польск. *dostawać* / *dostać* ‘то же’. Необходимо в связи с этим уточнить, что данный глагол, кроме цитированной грамоты митрополита Ионы 1454 г., засвидетельствован также в московском проекте договора Ивана III с императором Максимилианом 1490 г.: «А почнешь, брате, ты *доставати* своего отчѣства Княжества Кіевскаго [...]» (ПДС I, 39; московский текст этого договора отличается, впрочем, явными западнорусизмами, ср. дальше: «а будетъ намъ *валка* съ Казимиромъ съ Королемъ [...]»; другие ранние примеры из подобного рода памятников см. ДРС IV, 333—334); кроме того, известны единичные случаи употребления глагола *доставати* в указанном значении также в московских грамотах середины XV в., ср. «*доставая* Великого Княженья» (АИ I, № 40, 1447 г., с. 81), «*доставати* своеѣ ѡтчины и дѣдины» (ДДГ № 62, 1461—1462 гг., с. 200), так что широкое распространение данного глагола можно отнести к XVII в., но в московском канцелярском языке он был известен

уже в XV в., и это обстоятельство свидетельствует о том, что новое значение русск. *доставати* / *достати* появилось не под непосредственным польским воздействием в XVII в., но уже раньше и, по-видимому, через посредство западнорусского языка.

Глагол *поддати*, *поддатися* и производные — *подданный*, *поддание* — рассматриваются исследователями единогласно как заимствования из польск. *poddać*, *poddać się*, *poddany*, *poddanie*, которые, в свою очередь, калькируют соответствующие латинские слова (ср. лат. *subditus* 'подданный', см. Фасмер III, 296; Кохман 1967, 130; Соби́к 1969, 299—300).

По КДРС первая фиксация глагола *поддати* относится к посланию Василия II константинопольскому патриарху 1441 г.: «[Исидор] къ сему же *подда* и поработи насъ подъ отлученную многих ради ересей святыми и богоносными Отци Римскую церковь и Римскаго папу» (АИ I, № 39, с. 74; такая же грамота, но адресованная византийскому императору включена также в Софийскую 2-ю летопись под 1438 г., см. ПСРЛ VI, 165). Судя по церковнославянскому языку этой грамоты, она была написана в митрополичьей канцелярии. Как известно, грамота эта не была послана, так как «прииде вѣсть, яко царь отъиде въ Римъ на царство и ста въ Латыньскую вѣру; и [князь великий] пославъ пословъ възвратити воспать» (ПСРЛ VI, 167); в 1460—1461 гг. она (или копия с нее) находилась, по-видимому, в митрополичьей канцелярии, так как Иона несомненно воспользовался ею при составлении своей грамоты 1460—61 гг. тому же смоленскому епископу Мисаилу, ср. текстуальное совпадение этой грамоты с грамотой Василия II 1441 г.: «Къ сему же *поддати* и поработити хотя насъ под отлученную, многих ради ересей, святыми Отци римскую церковь, подъ римского папу» (РИБ VI, № 88, с. 660). Данные ранние фиксации слова позволяют отнести его к западнорусизмам (ср. ССУМ II, 164—165) в великорусском языке.

Слово *канцлер(ь)* заимствовано не прямо из немецкого, как принято считать в этимологических словарях русского языка, которые датируют появление слова XVII в. (Фасмер II, 182; ЭСРЯ II/8, 50), а из западнорусского (ср. ССУМ I, 470), в котором оно восходит к среднелатинскому источнику (*cancellarius*) через немецкое (*Kanzler*) и польское (*kanclerz*) посредство (см. Славский II, 44; Кохман 1967, 65; Лиминг, 62—63).

В великорусских памятниках XV—XVII вв. это слово употреблялось только по отношению к польско-литовским и западноевропейским должностным лицам; в России должность канцлера была введена Петром I в 1709 г. (Сергеев 1971, 177—180, ср. также ДРС VII, 60—61).

В 1458 г. Иона назначает своим западнорусским наместником полоцкого архимандрита Каллиста. В соответствующей грамоте он обращается к Каллисту как к «нареченному въ настоятельство того священного *столица*», т. е. киевской митрополичьей кафедры. В данном значении ('трон, престол; архиерейская кафедра') в древнерусском, как и в старославянском, употреблялось слово *столь* (Срезн. III, 517; С.—А., 124); в западнорусском языке XV в. распространилась форма *столецъ* (ССУМ II, 388—389) под влиянием др.-польск. *stolec* 'трон; столица' (Булыко, 308), которое в польском языке лишь в XVI в. было заменено богемизмом *stolica*, заимствованным позже (в начале XVII в.) из польского также в русский язык (Кохман 1970, 73—75; 1975, 129—130). В великорусских памятниках *стольцъ* > *столецъ* засвидетельствовано в разных значениях, но в значении 'трон; кафедра' только позже и в контекстах, относящихся явно к Западной Руси

(Срезн. III, 519—520; Кохман 1970, 73; 1975, 129, ср. также КДРС). Слово *столец* засвидетельствовано, впрочем, также в настольной грамоте Казимира IV митрополиту Ионе 1451 г.: «и дали есмо ему *столецъ* митрополичь Кіевський и всея Руси» (РИБ VI, № 67, с. 564—565).

Западнорусизмы встречаются и в грамотах Ионы, адресованных в великорусские области, как, например, в послании верейскому князю Михаилу Андреевичу ок. 1451 г.: «А вѣдомо тобѣ, моему сыну, и се что князь великий былъ Витовтъ, также и нынѣ король, велиіе *господаре*, будучи и не нашае вѣры, также и *княжата* и *панове* тое вѣры [...] какую великую честь держать» (РИБ VI, № 70, с. 574; ср. АСЭИ III, № 9, с. 25). Здесь употребление лексических западнорусизмов обусловлено контекстом: верейскому князю ставится в пример отношение католических литовских князей и магнатов к православной церкви в Литве.

На западнорусское происхождение писца этой грамоты, известной по московскому списку ок. 1535 г., указывает наличие в тексте форм сложного будущего времени, образованных при помощи глагола *буду* + инфинитив: «а не вборониш(ь) мене ты, мои с(ы)нѣ, и ты поберегиса възданиа вт б(о)га, ызъ бѣдѣхъ сѣхъ вт нихъ *боронити* закономъ б(о)жьимъ что ни боудѣт именоватис(ь) христіане» (АСЭИ III, № 9, с. 25). Употребление этой конструкции как во время составления цитированной грамоты, так и во время возникновения сохранившегося списка можно объяснить только западнорусским влиянием, так как сложное будущее с *буду* + инфинитив выступает в западнорусских грамотах XIV—XV вв. уже как обычная грамматическая форма (ср. Станг, 49; Укр. морф. 328), между тем в великорусском оно было чуждым письменному языку еще в середине XVII в. (Котков, 265—266; ср. Кржижкова; Пеннингтон 1968; Г.—Х., 323—325). Характерно, что Котошихин в своем большом произведении «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666—1667 гг.) употребляет эту конструкцию всего лишь один раз, да и то влагая ее в уста иностранных послов, между тем как в своем коротком письме шведскому сенату 1666 г., изобилующем и лексическими полонизмами, он употребляет ее три раза (Пеннингтон 1980, 281).

Есть и случаи, когда западнорусизмы употребляются вне западнорусского контекста. В послании в Новгород, датированном условно 1448—1458 гг., засвидетельствован явный западнорусизм *збродень*: «еще же и наимовати на то на злое и богоненавистное дѣло [...] *збродней*, пьянчивыхъ и кровопролитныхъ чловѣкъ» (РИБ VI, № 65, с. 549). Слово это приводится И. И. Срезневским в реконструированной форме *сзбродѣнь* и толкуется как ‘сброд’ (Срезн. III, 653); ср., однако, зап.-русс. *збродень* ‘преступник’, заимствованное из др.-польск. *zbrodzien* ‘то же’ (см. Булыко, 118; ср. Брюкнер, 648; Варш. сл., VIII, 392; Речек, 636).

По КДРС (s. v. *сбродень*) это слово засвидетельствовано еще в грамоте Пскова Риге 1463—1465 гг.: «не давайте воли такимъ *зброднямъ* над нашими купщинамы» (ГВНП № 336, с. 323) и в Рогожском летописце (сп. XV в.) под 1354 г.: «Князь Олегъ [...] съ своими Рязанци съ потаковники ему *сбродни*, много зла христіаномъ сътвориша» (ПСРА XV/1, 63). Слово это не получило распространения в великорусском, и, по-видимому, оно не связано прямо со словом *сброд*, которое в КДРС отмечается только с XVII в.

Возможно, что к западнорусизмам следует отнести и наречие *зався*, *завсе* ‘всегда’, которое засвидетельствовано в грамотах Ионы, адресованных как в велико-

русские области, так и в Литву, как, например, в послании в Вятку (ок. 1452 г.): «*зався* своему господарю, великому князю, грубите и пристааете к его недругу» (РИБ VI, № 73, с. 591; ср. также в послании 1459 г. в Литву: «желая *завсе* [и] прося у Бога, еже ми быта у васъ», РИБ VI, № 85, с. 633). Под влиянием митрополичьей канцелярии могло попасть это слово и в церковнославянскую грамоту Василия II византийскому императору Константину Палеологу 1451—1452 гг.: «*Завсе* [так в издании. — А. З.] того жалахомъ и проискывахомъ, еже како бы послати намъ къ Царьскому граду пословъ своихъ» (РИБ VI, № 71, с. 582 — КДРС). Правда, *завсе* /*завсе*/ *завсѣ* 'всегда' широко распространено и в северновеликорусских говорах (СРНГ IX, 342), однако следует учитывать, что на протяжении XV—XVI вв. наречие *завсе* употреблялось главным образом в языке московской дипломатии, ср., например, в наказе московским боярам, проводившим в 1495 г. Елену Ивановну в Литву: «да молвити о томъ, какъ пригоже, чтобы паніи не *завсе* сидѣли у княжны въ тапканѣ» (ПДП I, № 31, с. 167). Большинство фиксаций слова *завсе* в КДРС относится также к памятникам дипломатических сношений XV—XVI вв., великорусское диалектное *завсе* отражается, по-видимому, только в единственном примере конца XV в., вошедшем в ДРС, — в великорусской грамоте ок. 1492 г., в которой цитируется свидетельство местного жителя: «А Есип, г(о)с(поди)не, самъ *завсе* въ дворѣ жилъ у кн(я)зя Андрѣя Дмитреевича» (АСЭИ II, 244, ДРС V, 160). Нам кажется, что в памятниках церковной дипломатии около середины XV в. наречие *завсе* могло употребляться скорее под влиянием западнорусского делового языка, чем великорусской диалектной речи. Во всяком случае в Московской Руси XVI в. наречие *завсе* воспринималось как слово специфически некнижное; об этом свидетельствует сознательное устранение этого слова при включении рассказа Никоновской летописи (1526—1530 гг.) о новгородских событиях 1471 г. в Степенную книгу (1560-х гг.). Ср. параллельные места:

Никоновская летопись:	Степенная книга:
Тъмъ же измѣнници начаша наймовати худыхъ мужыковъ въчниковъ, иже на то <i>завсе</i> готови суть по ихъ обычаю, и, приходяще на вѣче ихъ, звоняху <i>завсе</i> въ колоколы и, кричаще, глаголаху: «за короля хотимъ» (ПСРА XII, 126).	Враждотворнии же измѣнници наимствоваху худѣишихъ человекъ, иже суть готови на всякое неистовство; и ти, приходяще на вече и <i>не престающе</i> , въ колоколы звоняху и кричаще, глаголаху: «Краля хоцемъ, да владѣть нами!» (ПСРА XXI, 530—531).

Переработка имела целью окнижить текст (см. Успенский, 293—294). — зап.-русс. *завсе* 'всегда' (ССУМ I, 372) образовано по аналогии польск. *zawsze* 'то же' (Карский, 247).

Если употребление западнорусской лексики в грамотах, адресованных в Западную Русь объяснимо участием в их составлении выходцев из Западной Руси, хорошо знающих западнорусскую социально-экономическую терминологию, которые облачают себя иногда и употреблением нетерминологической западнорусской лексики (вроде *посполно* 'совместно'), а также некоторых западнорусских грамматических форм (*есмо* вм. *цсл.* *есмы* или ст.-русс. *есмя*) и конструкций (*до* + род. п. вм. *к* + дат. п. при глаголах *послать*, *прійти*), то приведенные примеры из митрополичьих грамот, адресованных в великорусские области, свидетельствуют о том, что деятельность «западнорусского отделения» канцелярии митро-

полита Ионы не ограничивалась составлением документов, связанных с делами западнорусской церкви, но оно принимало участие и в составлении некоторых посланий великорусским адресатам.

В «западнорусском отделении» канцелярии митрополита Ионы были, несомненно, составлены и две грамоты ок. 1455—1456 гг., адресованные в Казань: «Достойн8ю честь великому ти *господарьству* симъ нашим писаниемъ послали *есмо*, слыша, что же вышнѧ(о) б(о)га силою держишь свое *господарьство*, всимъ к8пцемъ нашимъ и иных земель к8пцемъ *щкоты* и убытковъ нѣтъ никоторых ни ѡт кого [...]. И на то надѣямс(ь) послали *есмо до Казани* сего своего сл8гоу Агафона» (АСЭИ III, № 10, с. 26); «Послалъ *есмо до Казани* сего своего сл8г8 Агафона [...] ѡ цемъ б8дет том8 нашем8 ч(е)л(ове)ку надобѣ [...] *до волнаго ц(а)рѧ дост8жити*, и ты бы [...] печаловалсѧ [...] чтобы тот нашъ ч(е)л(ове)къ и *до нас* приѣхал *добровольно* и безѡубыточно» (АСЭИ III, № 11, с. 27). В этих небольших текстах, сохранившихся, как и другие грамоты митрополита Ионы, в московских списках 1-й половины XVI в., обращает на себя внимание прежде всего большая концентрация лексических и грамматических западнорусизмов, что позволяет предположить, что оригиналы этих грамот были написаны вообще на западнорусском языке, т. е. мы имеем дело не с западнорусскими вкраплениями в великорусских текстах, а с западнорусскими текстами, сохранившимися в великорусских списках.

Из лексических западнорусизмов, кроме отмеченных в связи с предыдущими грамотами, укажем еще на глагол *доступити*, который в таком же значении ('получить доступ') появляется позже у Ивана Пересветова (см. Тамань 1960, 99—101), связанного своим происхождением с Западной Русью. Зап.-русс. *доступити* (ср. укр. *доступити* 'приступить, подойти' — Гринченко I, 432; СУМ II, 390; в староукраинском актовом материале засвидетельствована только форма несов. вида *доступоватися* — ССУМ I, 321; ср. польск. *dosłupować*; несмотря на слабую засвидетельствованность глагола *доступити* в украинских грамотах, его известность в западнорусском не подлежит сомнению ввиду его фиксации в Ипатьевской летописи в составе Киевского летописного свода, см. ДРС IV, 341), калькирует польск. *dosłupić*; кроме засвидетельствованного в данной грамоте значения этот глагол встречается в великорусских памятниках XVI—XVII вв. также в военном значении 'атаковать' (Срезн. I, 717; Кохман 1967, 63, 106).

К западнорусизмам следует отнести, по-видимому, и наречие *добровольно* 'беспрепятственно, свободно'. В этимологических словарях русского языка слова *добровольно*, *добровольный* не приводятся. Их этимология на самом деле очевидна, однако их история в великорусских памятниках указывает на то, что они возникли не на великорусской почве, а были заимствованы в готовом виде из западнорусского. Характерно при этом, что наречие *добровольно* появляется в великорусских памятниках раньше, чем прилагательное *добровольный* (не считая приведенную И. И. Срезневским фиксацию прилагательного *добровольный* из сочинений Иоанна, экзарха болгарского, по списку XII в. в другом значении — 'достойный', которое явно сюда не относится, ср. Срезн. I, 675). По КДРС первая известная фиксация наречия *добровольно* относится к жалованной грамоте верейского и белозерского князя Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю, датируемой 1435—1447 гг. и дошедшей до нас в списке XVI в.: «А торгуютъ и в озере у неводов *добровольно* сущом и рыбою» (АСЭИ II, № 77, с. 48). Из грамот, сохранившихся в подлиннике, *добровольно* появляется почти одновре-

менно в Новгороде и Москве, ср. в новгородско-ливонском договоре 1448 г.: «А приѣхати имѣ на тои съѣздѣ и розѣхатися *добровольно*, безо всякой пакости, по сему крестному челованью» (ГВНП, № 72, с. 118) и в договоре великого князя Василия Васильевича с суздальским князем Иваном Васильевичем, датированном концом 1448 — первой половиной 1449 г. Этот документ был составлен после поставления Ионы в митрополиты и по его «благословению»; как было отмечено (Штекль 115; Золтан 1983, 94), это первая известная договорная грамота, в которой московский великий князь называет себя «господарем» (а не «братом старейшим», как это было принято в более ранних княжеских договорах) по отношению к одному из удельных князей. В этой грамоте читается статья, согласно которой «А бояром, и дѣтем боярьским, и слугам *добровольно* меж нас волным вола» (ДДГ № 52, с. 157, 159). В более ранних московских договорных грамотах статья подобного содержания сформулирована без слова *добровольно*: «А бояром и слугам меж нас волным вола» (ДДГ, № 27, 1433 г., с. 71; ср. также № 31, 1434 г., с. 81; № 32, 1434 г., с. 83; № 33, 1434 г., с. 86; № 34, 1434 г., с. 88; № 35, 1436 г., с. 91, 94, 97, 99; № 36, ок. 1439 г., с. 102, 104; № 38, 1441—1442 гг., с. 109, 111, 114, 116; № 40, 1445 г., с. 120; № 41, 1445 г., с. 122; № 43, ок. 1445 г., с. 124; № 43, ок. 1445 г., с. 126; № 44, 1447 г., с. 128; № 45, ок. 1447 г., с. 131, 134, 137, 140; № 47, 1447 г., с. 145; № 48, 1447 г., с. 148); многочисленные фиксации данной статьи свидетельствуют о том, что она переходила автоматически из текста одного договора в другой без изменений; в грамоте 1448—1449 гг. в эту статью вдруг вставлено слово *добровольно* неорганически. Слово *добровольно* выступает в этой грамоте еще раз, в статье о торговле: «А гостем нашим всего нашего великог(о) кн(а)ж(е)нья гостити и торговати в твоеи вотчинѣ, в твоей державѣ, *добровольно*, без зацѣпок и без пакости» (ДДГ, № 52, с. 157, 159); поскольку наречие *добровольно* выступает здесь рядом с другим несомненным западнорусизмом *зацѣпка* (о нем см. ниже), мы должны предположить, что данная грамота была составлена не только «по благословению» митрополита Ионы, но и при активном участии его канцелярии (на участие митрополичьей канцелярии указывает, на наш взгляд, и то, что Иона — сразу после поставления на митрополичий престол — назван в тексте «святым»: «А ѡ чем с[а] [судь]и сопрут, ино им третей ѡлецъ наш, с(ѡа+)ты Іѡна, митрополит всеа Рус(и) там же); ср. статью подобного содержания в тверско-литовском договоре 1427 г. (тверская грамота): «А людемъ нашимъ, гостемъ, гостити меж насъ путь ч(и)стъ, без рубежа и без пакости» (ДДГ, № 23, с. 63). Следующая фиксация наречия *добровольно* относится к докончанию Василия II с Казимиром IV 1449 г. (сохранилась московская грамота в западнорусском списке XVI в.): «А который люди с которых местъ вышли *добровольно*, ино тым людем волнымъ вола, где хотѣть, тутъ живѣть. А которые люди выведены ѡтколе неволью [...], ино ихъ ѡтпустити *добровольно* зъ ихъ статьи къ ихъ местомъ» (ДДГ, № 53, с. 162); во втором случае наряду со словом *добровольно* выступает другой западнорусизм — *статки* (см. ниже). Наличие западнорусизмов в несколько более ранней и сохранившейся в подлиннике московско-суздальской договорной грамоте не может свидетельствовать о том, что эти западнорусизмы попали в текст московской грамоты при ее переписывании в Литве; они должны были быть уже в московском оригинале. Если примем во внимание участие митрополита Ионы в дипломатической подготовке этого договора, что подтверждается историческими сведениями, то становится вполне вероятным, что его канцелярия участвовала в составлении и этой великокняже-

ской грамоты. Все известные историческим словарям русского языка фиксации наречия *добовольно*, а также прилагательного *добровольный* относятся к более позднему времени (ДРС IV, 259; Срезн. I, 674—675), между тем как в западно-русских грамотах данное слово богато засвидетельствовано уже начиная с 1366 г. как в значении ‘беспрепятственно, свободно’, так и в значении, сохранившемся доньше в русском языке, — ‘без принуждения, по собственной воле’ (ССУМ I, 306; в первом значении см. также в полоцкой грамоте 1407 г.: «штобы полоцкѣном *добровольно* ехат(и) к Ризѣ, такъже рижѣном к Полоцку без всѣкоѣ завады, ни одног(о) не выемши, *добровольно* ему купит(и) и продат(и)» — Полоцк, гр. I, № 38, с. 109). На неисконность наречия *добровольно* в великорусском указывает и то обстоятельство, что оно появляется в памятниках раньше, чем мотивирующее его прилагательное; можно допустить, что, наоборот, употребление прилагательного *добровольный* в сочетании *добровольные люди* в псковских летописях при описании событий 60—70-х гг. XV в. (ДРС, ук. м.) мотивировано именно наречием *добровольно* в значении ‘свободно’. Наречие *добровольно* ‘по собственной воле’ засвидетельствовано в Геннадиевской Библии 1499 г., в составе переведенной с латинской Вульгаты Книги Ездры (I, 4): «что *добровольно* принесѣт ѿркви бжїи» (ср. лат. «*quod voluntarie offerunt templo Dei*» — КДРС).

Следует отметить, что как наречие *добровольно*, так и прилагательное *добровольный* засвидетельствованы в русских народных говорах весьма слабо: в СРНГ (VIII, 77) *добровольно* представлено всего лишь одной записью в значении ‘постепенно, само по себе’ (Курская губ., 1915 г.), а *добровольный* — двумя записями (*добровольная собака* — Якутия, 1901 г. и *добровольный рой*, без указания места, 1856 г.). В значении ‘добровольно, по доброй воле’ фиксируется еще наречие *доброволь* (Якутия, 1901 г. и Костромская обл., 1945 г.); существительные *доброволец*, *доброволка* ‘беглый крестьянин’, ‘беглая крестьянка’ засвидетельствованы только в смоленских говорах (1914 г.). Все это подтверждает неисконность слов *добровольно*, *добровольный* в великорусском. Зап.-русс. *добровольный*, *добровольно* / *добровольнѣ* заимствованы, очевидно, из др.-польск. *dobrowolny*, *dobrowolnie* (ССтп II, 78—80), где наречие *dobrowolnie* также имеет значение ‘свободно, беспрепятственно’ и ‘по собственной воле, без принуждения’, ср. также др.-чешск. *dobrovolný* ‘добровольный’ и *dobrovolně* ‘добровольно’ (с XIV в., Гебауэр I, 275); нам кажется, что значение ‘по собственной воле’ возникло в западнославянских языках под влиянием нем. *gutwillig* ‘то же’, так как сочетанием **dobra vol’a* непосредственно мотивировано лишь значение типа ‘благосклонный, доброжелательный’, также засвидетельствованное в древнепольском (ССтп II, 81), хотя в данном случае можно считать и с влиянием лат. *benevolus*. Во всяком случае история слов *добровольно*, *добровольный* на восточнославянской территории свидетельствует об их миграционном характере, поэтому, на наш взгляд, возникновение сложного прилагательного **dobrovolnъ*, а также наречия **dobrovolъно* / *debrowolnѣ* нельзя отнести к праславянскому лексическому фонду, как это принимается на основе их общеславянского распространения в этимологических словарях праславянского языка (ЭССЯ IV, 45; СПрасл IV, 308—309).

В связи с указанными грамотами митрополита Ионы, адресованными в Казань, необходимо отметить, что имеется одно летописное известие, текст которого также свидетельствует о том, что около середины XV в. западнорусский язык мог использоваться и в великорусско-татарских сношениях. Ср. летописное известие 1447 г.: «Татарове же рекоша: “а мы пришли ис Черкас [...], слышали бо

про великого князя, что братия над ним *израду* учинили и они пошли искати великого князя за преднее его добро и за его хлѣбъ, много бо добра его *до нас* было» (ПСРЛ XXV, 268; ср. также ПСРЛ VIII, 120, ДРС VI, 201). О западнорусском источнике этого известия свидетельствуют конструкция *до нас* (в значении 'к нам') и слово *израда* 'измена, предательство', заимствованное из зап.-русск. *zrada*, *израда* 'то же' (Ильенко, 12, ср. ССУМ I, 408), которое восходит к польск. *zdrada* (Тамань 1960, 114—115, Булыко 120), калькирующему ср.-в.-н. *verrât* (Брюкнер 650, Фасмер II, 105, 123; ЕСУМ II, 279).

Если слова западнорусского происхождения, отмеченные в грамотах митрополита Ионы 1448—1458 гг., относятся преимущественно к светской сфере, то в его грамотах после 1458 г. засвидетельствовано большое число западнорусизмов, употребление которых обусловлено острой антиуниатской полемикой, вызванной тем, что в 1458 г. Казимир IV, как написал позже Иван III, «чрезъ свой листь» (РИБ VI, № 100, 1465—1470 гг., с. 709) принял в качестве киевского митрополита «Исидорова ученика» Григория, поставленного римским папой и константинопольским патриархом-униатом Григорием Маммой (см. Прохаска, 59—64; Голубинский, II/1, 414—531; Грушевский V/2, 385—422; Ходыницкий, 50—63; Ганник), и, таким образом, «сотворишася два митрополита въ Руси, единъ на Москвѣ, а второй въ Кіевѣ» (ПСРЛ VI, 169). С этим событием связана оживленная корреспонденция Ионы с западнорусскими епископами и православными магнатами, в которой, с одной стороны, оживает западнорусская лексика, известная в Москве уже со времен Флорентийского собора (см. Золтан 1985), а с другой — появляются также некоторые новые заимствования из западнорусского.

К новым заимствованиям, не встреченным в произведениях о Флорентийском соборе, относится слово *отщепенец* 'схизматик'. В 1459 г. восточнорусские епископы пишут западнорусским: «Григорей не истинный митрополит, но ложный, носить съ собою *листы* папины [...], а въ тѣхъ *листьхъ* пишеть на осподина нашего Иону, митрополита кіевскаго и всея Руси, а именуеть его *отщепенцемъ* и отступникомъ» (РИБ VI, № 84, с. 633); в послании, датированном концом 1460 или началом 1461 г. сам Иона цитирует это обвинение: «Нынѣ пакъ, слышимъ, пришельтутъ къ вамъ въ литовское *господарство* отъ римския церкви ученикъ и единомысленикъ того отступника, Исидоровъ, Григоріе (а именуеть себе митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси) съ *папезьскими листы*, да и съ первоначалника отступника съ патріаршими Григорьевыми грамотами и съ Сидоровыми; и пишеться Сидоръ въ нихъ легатосомъ, *кгардиналомъ*, а мене пишутъ *отщепенцемъ*, а сами будучи зліи отступники отъ православія» (РИБ VI, № 88, с. 668; ср. последнюю фразу — по другому списку: «и пишеться Сидоръ въ нихъ легатосомъ, *кгардиналомъ*, а мене пишутъ *отщепенцемъ*, рекше отступникомъ», АИ I, № 273, с. 505). Сохранение написания *кгардинал* в обоих московских списках 1-й половины XVI в. указывает на то, что в данном послании цитируется западнорусский текст «папиных листов», т. е. на то, что соответствующие папские грамоты стали известными в Москве в западнорусском переводе. Один из переводов этих грамот на западнорусский язык (грамоты папы Пия II польскому королю и великому князю литовскому Казимиру IV) сохранился в составе Софийской II летописи (список XVI в.); в западнорусском тексте Иона на самом деле назван «отщепенцем»: «А которыи подъ панствомъ твоего княженія и твоей опеки живутъ, отъ Московскихъ и отъ сторонъ высшіи которыи стороны черезъ *отщепенца* и противника и тежъ злочестиваго сына Иону черньца, который же учинился ар-

хієпископомъ Рускимъ, и отсѣлъ его, и отнялъ и отвернулъ и отдѣлилъ тую Кієвскую церковь [...]; «а не припустилъ бы того Іоны *отщепенца*, алюбю которого иного на мѣсто его во архієпископство взяти» (ПСРЛ VI, 168); перевод был сделан, по-видимому, с латыни в Западной Руси, ср. латинский текст: «et que sub tuo temporali dominio existerent, a Moschouïensi et Russie Superioris partibus, que per *scismaticum* et rebellem ac iniquitatis filium Ionam monachum se pro archiepiscopo Russie totius gerentem eandemque Chieuensem ecclesiam[...]»; «non permittas eundem Iohannem [sic!] *scismaticum* vel alium loco sui in illis partibus in archiepiscopum recipi» (Прохаска, 69; ср. Ганник, 70). Зап.-русс. *отщепенец* восходит к др.-польск. *odszczępieniec* (ССТп V, 504), которое калькирует лат. (из греч.) *schismaticus* (см. Виноградов, 7—12; Булахов, 47—48; ср. также Кохман 1975, 15). В связи с этим необходимо указать, что папские грамоты о Флорентийской унии, а также грамота Исидора о том же, сформулированные параллельно на латинском и греческом языках, были переведены в Московской Руси на церковнославянский язык (по всей видимости, с греческого текста) и так они и попали в летописи (см., например, ПСРЛ VI, 156—158; 159—160; 160—161; анализ языка русско-церковнославянского варианта грамоты Флорентийского собора см.: Кайперт), между тем как западнорусский перевод указанной грамоты с латинского языка был выполнен со всей очевидностью при посредстве польского языка (ср. хотя бы конечную фразу этого последнего: «А ты (отъ) того дѣла заслужишь себѣ отплату щастья вѣкуистого, и абы темъ мы высокость твою королевскую слушными хвалами у панѣ Божѣ могли-бысмо вельбити» — ПСРЛ VI, 169; ср. «Tuque proinde consequaris premia felicitatis eterne ac nos eciam celsitudinem regiam condignis possimus in domino laudibus commendare» — Прохаска 69; западнорусский текст можно считать скорее морфонологической транскрипцией польского перевода, чем самостоятельным западнорусским переводом с латинского).

В западнорусском переводе стала известной Ионе и латинская грамота Григория Маммы Казимиру IV от 20 ноября 1458 г. (см. Прохаска, 71—72), Западно-руссский перевод этой грамоты не сохранился, но имеется характерная цитата из него в окружном послании митрополита Ионы западнорусским епископам, датированном 1458—1459 гг.: «[Григорий Мамма] всю свою ересь обнажилъ есть, якоже и свидѣтельствуютъ нынѣшняя самая его писанія, еже пишетъ сице: “Григорій, милостию Божією *арцибискупъ* коньстянтиноградскій” [...]. Который господинъ нашъ преже бывшій патриархъ коньстянтинаградскій себе именовалъ “*арцибискупомъ* коньстянтиноградцкімъ?”» (РИЕ VI, № 81, с. 622). Поскольку, как мы видели в произведениях о Флорентийском соборе, западнорусское слово *арцибискуп* как в западнорусском, так и в великорусском ассоциировалось исключительно с католическим архиепископом, употребление этого слова в нормальной, впрочем, титулатуре константинопольских патриархов показалось Ионе очевидным свидетельство того, что Григорий Мамма обратился в католичество. Если этот аргумент Иона считал серьезным моментом, а не только риторическим приемом, то это свидетельствует о том, что он читал западнорусский текст как «свой текст», не отдавая себе отчета в том (или — во втором случае — нарочно игнорируя), что употребление в нем слова *арцибискуп* вместо *архиепископ* обусловлено только тем, что переводчиком текста был человек, который мало разбирался в отличиях католической и православной церковной терминологии. Переводы латинских грамот о назначении митрополита Григория на западнорусский язык были выполнены, по всей вероятности, в литовской великокняжеской кан-

целярии, где переводчиком мог быть светский чиновник, быть может, даже католик, или, судя по тексту сохранившегося западнорусского перевода грамоты папы Пия II, можно также предположить, что был сделан сперва перевод с латинского на польский в латинском отделении литовской канцелярии, который потом был передан в русское отделение, где он был переписан западнорусским писцом.

Западнорусские переводы этих грамот были поставлены в Москву, по всей вероятности, посольством Казимира IV к Василию II, которое имело своей целью уговорить Московского великого князя признать митрополита Григория также в Москве, «зане бо Иона митрополитъ престарѣлся уже». Из сообщения Софийской 2-й летописи видно, что грамоты Ионы, в которых цитируются западнорусские переводы грамот Пия II и Григория Маммы, были написаны после приезда королевского посольства и отказа Василия Васильевича («Князю же великому слова королева не приѣмшу, а Сидорова ученика не приѣмшу же; а Иона митрополитъ посла грамоту къ своимъ епископомъ, дабы отъ него не приѣмали благословеніа» — ПСРЛ VI, 169); указание на это посольство имеется, впрочем, и в грамотах самого Ионы: «Нынѣ пакъ, сыну, приѣздили отъ короля къ великому князю посольствомъ о томъ отступницѣ о Григорѣи королевскій *писарь* Якубъ да Ивашенецъ, о томъ, чтобы его князь великий принялъ и держалъ себѣ отцемъ и богомолцемъ, митрополитомъ» (РИБ VI, № 88, 1460—1461 гг., с. 668—669). В связи с этим посольством попадает слово *писарь* (заменившее в западнорусском др.-русс. *дьякъ* уже с конца XIV в., ср. ССУМ II, 147) и в великорусские летописи: «Тоя же весны [...] пришелъ на Москву посолъ отъ короля Казимира Якубъ *писарь* да Ивашенецъ» (ПСРЛ VIII, 153; то же: ПСРЛ XXV, 280; ср. Ильенко, 7—8). В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским конца XV в. слово *писарь* выступает только как титул польско-литовских канцелярских чиновников, между тем как московский чиновник, занимающий соответствующую должность, продолжает титуловаться древнерусским грецизмом *дьякъ* (см. Кохман II, 72—73; ср. неубедительную попытку доказать собственно великорусское происхождение слова *писарь* у Чурмаевой). Из церковно-славянских памятников *писарь* впервые отмечается в Геннадиевской Библии 1499 г., в переведенной с латинской Вульгаты 1-й Книге Паралипоменон (XVIII, 16), где оно передает лат. *scriba*; характерно, что слово *писарь* здесь сопровождается на поле глоссой **книгѣи** (КДРС).

Грамоты митрополита Ионы, в которых цитируются хотя и небольшие фрагменты западнорусских текстов, интересны между прочим и тем, что в них засвидетельствованы первые случаи того беспереводного цитирования западнорусских документов в великорусских ответных письмах, которым и объясняется наличие показательного числа западнорусизмов в московских грамотах, адресованных в Польско-Литовское государство, в частности, в дипломатических посланиях Ивана Грозного (ср. Золтан 1983а). Пример отражения посольства «королевского писаря» как в грамотах Ионы, так и в летописях подтверждает существование тесной связи посольской документации с летописанием (ср. Лихачев, 345; Лурье, 175; Казакова, 100) и дает основание привлечь летописные материалы в качестве надежных источников для исследования лексики тех дипломатических актов, которые не сохранились, и пересказываются в летописных известиях, как, например, документы, связанные с женитьбой Ивана III на Софьи (Зое) Палеолог в 1472 г. (см. ниже).

Основная масса западнорусской лексики в грамотах, вышедших из канцелярии митрополита Ионы (1448—1461 гг.), зафиксирована в документах, адресованных в Западную Русь (*арцибискупъ, достигли, доходъ, канцлеръ, листъ, мѣстичъ, отщепенецъ, папезский, писарь, поддати, польский, посполно, столец*), и это свидетельствует о том, что в обязанности «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии входило в первую очередь делопроизводство, связанное с западнорусской церковью как в годы совместного управления Ионы западно- и восточнорусской церковью (1451—1458 гг.), так и до этого времени (1448—1450 гг.) и после окончательного разделения двух митрополий (1458—1461 гг.). Вместе с тем небольшое число западнорусизмов засвидетельствовано и в посланиях великорусским адресатам; часть их и в этих грамотах связана с западнорусским контекстом (*княжа, панъ*), другие являются западнорусскими вкраплениями (*зався, збродень*); единственным западнорусским элементом, введенным в великорусский текст сознательно, является, на наш взгляд, элемент великокняжеского титула *отчичъ и дѣдичъ* (ср. Золтан 1983, 96—97); кроме того, грамоты митрополичьей канцелярии, адресованные в великорусские области, несомненно содействовали также распространению и закреплению титула *господарь*, который был заимствован несколько раньше (ср. там же, 93—94). Интересный эпизод представляет собой участие «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии в сношениях митрополита Ионы с Казанским ханством; как было отмечено выше, сохранившиеся документы, относящиеся к посольству Ионы в Казань, были написаны на западнорусском языке, в них наряду с лексическими западнорусизмами (*добровольно, достигити; господарство, щкота* — эти последние засвидетельствованы также в грамотах в Литву) отражаются и грамматические особенности западнорусского языка. В конечном итоге количество западнорусских слов, засвидетельствованных в грамотах митрополита Ионы великорусским адресатам, весьма скромно. Тем не менее самый факт существования «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии в центре Московского государства свидетельствует о непрерывности использования западнорусского делового языка в дипломатических сношениях Московской Руси, о той традиции использования западнорусского языка в качестве «*lingua franca*» в дипломатическом общении Москвы с Западом, которая отражается впоследствии в посольской документации, сохранившейся с конца XV в. Немногочисленные, но все же имеющиеся западнорусские вкрапления в грамотах великорусским адресатам, а также некоторые указанные случаи вероятного влияния митрополичьей канцелярии на великокняжескую позволяют предположить, что некоторые западнорусские по происхождению слова, получившие впоследствии широкое распространение в великорусском деловом языке, закрепились в языке государственной администрации под влиянием митрополичьей канцелярии. В некоторых случаях, при решении вопроса о реальной истории отдельных русских слов, первая или ранняя фиксация того или другого слова в грамотах митрополита Ионы зарубежным адресатам не может, разумеется, считаться доказательством его распространенности в великорусском, тем не менее может осветить ту предысторию этих слов в великорусском, знание которой столь необходимо для прослеживания межславянской миграции слов, особенно тех, которые никакими формальными признаками не обращают внимания на свое инославянское происхождение, как, например, слова типа *доход, добровольно*.

2. В связи с историей слова *добровольно* мы попытались обосновать предположение о том, что «западнорусское отделение» канцелярии митрополита Ионы могло иметь отношение к составлению двух великокняжеских грамот 1448—1449 гг., поскольку в московско-суздальском договоре (ДДГ, № 52) имеется прямое указание на участие митрополита Ионы в подготовке этого акта, а в случае литовско-русского договора (ДДГ, № 53) имеются косвенные свидетельства о посредничестве Ионы между Василием II и Казимиром IV.

В принципе, конечно, ничто не противоречит тому, что западнорусские элементы в московский текст грамоты Василия II Казимиру IV могли попасть и без участия митрополичьей канцелярии, поскольку при составлении московской грамоты могли воспользоваться и литовским проектом, из которого могли перенять формулировки, оказавшиеся в конце переговоров приемлемыми и для московской стороны. Если бы мы ничего не знали о существовании «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии в этот период, приходилось бы именно так объяснить наличие западнорусских слов в этом московском тексте. (Исходя из того обстоятельства, что эта грамота сохранилась в списке XVI в., внесенном в Литовскую Метрику западнорусским писцом, можно было бы также думать, что некоторые западнорусские слова попали в текст при переписывании. Такое объяснение представляется нам маловероятным; западнорусский писец мог ввести в переписываемый им великорусский текст свои орфографические навыки, диктуемые часто своим произношением, напр., вм. *-чи-* он пишет *-чы-*, мог изменить и некоторые флексии, но едва ли решился бы заменить одно слово другим в тексте важного государственного документа. Поэтому, на наш взгляд, есть все основания полагать, что лексические западнорусизмы, читающиеся в сохранившемся тексте, вполне могли иметься уже и в подлиннике.) Однако в таком случае трудно было бы найти удовлетворительное объяснение для наличия западнорусизмов в почти одновременном, но все-таки предшествующем этому акту московско-суздальскому договору, в оформлении которого литовская сторона никак не могла принимать участия. Поэтому нам представляется, что самым естественным звеном, соединяющим эти грамоты, является личность митрополита Ионы, который был причастен к обоим договорам, и, как показывает лексика других документов митрополичьей канцелярии, западнорусизмы в этих двух договорах вполне убедительно могут быть объяснимы участием в их составлении митрополичьей канцелярии.

В московско-суздальском договоре обращает на себя внимание употребление слова *зацепка* ‘помеха, препятствие’ (ДДГ, № 52, с. 157); это первая известная в литературе фиксация этого слова в великорусских документах (в ДРС V, 335 приводятся примеры из дипломатической переписки конца XV — начала XVI в.). В более ранних московских, а также новгородских и смоленских договорных грамотах (XIII—XV вв.) это же содержание — право на свободное передвижение послов и купцов по территории другого княжества — выражалось устойчивым словосочетанием — *путь чистъ* (Сергеев 1978, 88—90). Как установлено М.-Е. Соби́к на основе более поздних материалов, слово это восходит в конечном итоге к польск. *zaczepka* ‘то же’; русск. *ц* объясняется автором или как заимствование из польской диалектной формы *zacepka*, или как результат отождествления корневой морфемы с русск. *цепить*, *цепляться* (Соби́к, 222—223). Первое объяснение маловероятно, поскольку предполагает непосредственные великорусско-польские контакты на междиалектном уровне; в западнорусском

языке мы находим *зачепка*, ср. в тексте польско-литовского посольства в Москву в 1488 г.: «такии *зачѣпки* знакомиты починаются и землямъ нашимъ шкоды велики дѣются» (ПДП I, № 4, с. 16). Поэтому приемлемо только второе объяснение, т. е. великорусск. *зачѣпка* нужно считать, по существу, словообразовательной калькой зап.-русск. *zaczepka*, заимствованного из польск. *zaczepka*. В некоторых случаях, как, например, в литовско-русском договоре 1494 г., великорусское выражение *путь чистъ* могло сочетаться с выражением западнорусского происхождения *без всяких зацепок*: «А посломъ нашим по н(а)шим землям на обе стороны *путь чистъ без всяких зацепокъ*» (ДДГ, № 83, с. 331, ср. Сергеев 1978, 89).

К литовско-русскому договору 1449 г. относится первая (по КДРС)¹ фиксация слова *статок* в великорусском тексте: «А которые люди выведены отколе неволь-но, [...] ино ихъ отпустити добровольно зъ ихъ *статъки* къ ихъ местомъ» (ДДГ, № 53, с. 15).

О происхождении слова *статок* ‘(движимое) имущество’, засвидетельствованного в великорусских памятниках XV—XVII вв. преимущественно делового характера, мнения ученых сильно расходятся. Я. А. Спринчак приводит слово *статокъ* ‘имущество нарушителя закона’ в списке слов, употреблявшихся в московских грамотах XIV—XV вв., но неизвестных памятникам белорусского и украинского языков, т. е. как типичное великорусское слово, характеризующее великорусский деловой язык в противопоставлении с западнорусским (Спринчак, 121), несмотря на то, что неизвестное современному русскому литературному языку слово *статок* широко распространено в украинском и белорусском языках (*статок* 1. ‘имущество’, 2. ‘скот’ — Гринченко IV, 200; 1. ‘достаток, состояние, имущество’; *статки* мн. ч. ‘достатки’, 2. обл. ‘скот’ УРС V, 494—495; *статак* ‘стадо’ — БРС, 880), а также засвидетельствовано в смежных с ними великорусских областях, в том числе и псковских (*статок* ‘достаток, имение, стяжанье, нажитье или богатство’ характеризуется В. Далем как «старое и западное, псковское» — Даль IV, 310). А. В. Исаченко, характеризуя язык московских судебных книг конца XV—XVI в., отмечает это слово в Судебнике 1497 г. (ср. Суд. 25) и причисляет его к словам западнославянского происхождения. При этом указывается на чешск. *statky* ‘имущество’ и польск. *statki* ‘посуда’ с тем, что, по мнению А. В. Исаченко, значение ‘имущество’ в польском не засвидетельствовано (Исаченко 241—242); это последнее замечание указывает, по-видимому, на то, что автор считал возможным возвести данное слово прямо к чешскому, без посредства не только западнорусского, но и польского языка. Между тем на самом деле слово *статок* было хорошо известно западнорусскому языку. Правда, в словарных источниках оно приводится из несколько более поздних западнорусских памятников, чем литовско-русский договор 1449 г. (ССУМ II, 385 — с 1459 г., Булыко, 307 — с 1488 г.), однако оно засвидетельствовано в Крестоцеловальной записи князя Ф. Л. Воротынского Казимиру IV, написанной в Троках 5 февраля 1448 г., причем в такой же фразе, в какой мы его встретили в польско-русском договоре 1449 г., ср.: «А люди г(о)с(по)д(а)ра нашего, короля, которыи зашли из литовъ-

¹ По любезному указанию А. А. Алексеева (Ленинград) слово *статок* засвидетельствовано несколько раньше в одной из грамот, вышедших из митрополичьей канцелярии в конце 1447 г. (Послание российского духовенства углицкому князю Дмитрию Юрьевичу — АИ I, № 40. С. 81). В грамоте этой встречаются и другие западнорусизмы: *господарство* (в издании: *государство*, с. 76, 77), *погосподарствовати* («и колико еси погосподарствовалъ», с. 77), *доставати* («доставая Великого Княженья», с. 81, ср. также выше, с. 91).

ского княжества в Московскую землю, князю Ивану Андьреевичу выпустити добровольно со всеми их *статки*» (ДДГ, № 50, с. 150). Об известности слова *статок* в западнорусском языке и в более раннее время свидетельствует его фиксация в Ипатьевской летописи под 1190 г., т. е. в составе Киевского летописного свода: «и дворъ зажгоша, и *статокъ* его весь поимаша» (ПСРЛ II, 669; ср. Срезн. III, 509). Из этого контекста видно, что *статокъ* означало 'движимое имущество'. Слово *статокъ* фиксируется также в псковских летописях при описании морового поветрия в Пскове в 1352 г.: «[...] и богатым бо всяким тщится послужити и въ животе и по смерти, да наследуютъ что отъ имения ихъ; аще кто кому отдаваху *статокъ* свои живота или дети, то и тии тако жъ мнози, на борзе разболевшеся, умираху» (Псков. лет. I, 22 — Псковская 1-я летопись по списку конца XVI в.; ср. то же в Псковской 3-й летописи по списку 60-х годов XVI в. — Псков. лет. II, 101). Отметим, что в Псковской 2-й летописи, сохранившейся в списке конца XV в., этот рассказ отсутствует, под 1352 (6820) г. в ней читается только ссылка на это описание: «Бысть моръ золь въ Пскове и по селомъ и по всей волости хракотный; о сем пространне обрящеши написано в Русском летописци» (Псков. лет. II, 27), поэтому нельзя уверенно сказать, относится ли появление слова *статок* в псковском говоре только к XVI в. или к более раннему времени. Слово *статок* в цитированном отрывке И. И. Срезневским толкуется как 'наследство' (Срезн. III, 509), хотя здесь возможно и значение 'имущество'. В великорусских юридических текстах второй половины XV—XVI в. слово *статок* на самом деле могло употребляться также в значении 'наследство', в списках Музейного вида Карамзинской группы Русской правды оно заменяет основной для Русской Правды термин в этом значении *задница* (РП I, 385—387, ср. Живов 1987, 67, примеч. 24).

Для великорусского делового языка середины XV в. слово *статок* является новым словом, между тем как в западнорусском оно имело более древнюю традицию употребления, и, судя по фиксации слова в Киевской летописи, а также по широкому распространению этого слова в современных украинском и белорусском языках, в Западной Руси оно имело поддержку и со стороны разговорного субстрата. В великорусском, наоборот, это слово распространилось канцелярским путем и оставалось до конца своего существования типичным канцеляризмом, как об этом свидетельствует его дальнейшая судьба.

После литовско-русского договора 1449 г. (или почти одновременно с ним) слово *статок* засвидетельствовано в одной из жалованных грамот Василия II митрополиту Ионе, датированной 1448—1461 гг.: «[...] яз князь великий Василей Васильевич, отца своего для Ионы митрополита Киевскаго и всеа Руси, тех его христиан пожаловал того Левка *остатком* и конми и животиною и рожью и ярью, и что ни есть того Левка *остатка*, тем есмь всех тех митрополичих христиан пожаловал, и в того бы *остаток* Левков нихто ся не вступал. А хто ся имет вступати в тот Левков *остаток*, и яз дал на того пристава своего [...]» (АФЗХ I, № 116, с. 108 — по сп. XVI в.). Так как в других жалованных грамотах Василия II слово *статок* не встречается, можно предположить, что слово попало в этот текст из предшествовавшего жалованной грамоте челобитной митрополита Ионы, т. е. в великокняжеской грамоте отражается в конечном итоге языковая практика митрополичьей канцелярии (о механизме составления постановлений, принимаемых в ответ на челобитья, см. Шмидт, 258—259). Таким образом, ранняя история слова *статок* в языке московской государственной дипломатии (литовско-

русский договор 1449 г.) и в указанной великокняжеской грамоте может объясняться влиянием «западнорусского отделения» митрополичьей канцелярии². Закреплению слова в московском деловом языке могло способствовать и частое его употребление в дипломатических документах литовской великокняжеской канцелярии, адресованных в Москву. Слово *статки* (обычно в форме мн. ч.) встречается постоянно при перечислении обид литовской стороны уже начиная с первых сохранившихся такого рода документов, ср.: «А платья и иных *статковъ* всего взяли на шестдесят рублей», «Кони и коровы и иную каждую животину, платья и все домовые *статки* побрали» (ПДП I, № 1, 1487 г., с. 2), «А животы и *статки* все побрали» (там же, № 8, 1489 г., с. 36). Слово *статки* засвидетельствовано и в западнорусских юридических текстах, как, например, в Судебнике Казимира IV, данном Литве в 1468 г.: «А будет ли в дому *статков* татя того, и он домовыми *статкы* плати» (ст. 4, см. Яковкин, 12; ср. также ст. 6, там же).

В московских великокняжеских грамотах после упомянутых двух случаев ок. середины XV в. *статки* встречается в поручной грамоте Ивана Воронцова великому князю Ивану III ок. 1474 г. (по списку конца XV — начала XVI в.): «а животы и села и *състатки* кн(я)жи Даниловы всѣ, а то великомꙋ кн(я)зю» (АСЭИ III, № 19, с. 35).

В великорусских юридических памятниках слово *статок* 'имущество', 'наследство' часто встречается в Судебнике Ивана III 1497 г. Можно думать, что значение 'наследство' возникло в великорусском из более раннего значения 'движимое имущество' как раз в юридической терминологии. В статье о наследстве Судебника 1497 г. *статок* относится определенно к движимому имуществу в составе наследства, так как упоминается о «статке» и о «землях» отдельно: «А которой человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино *статок* весь и земли дочери, а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его рода» (ст. 60, Суд. 27). В других статьях, в которых говорится о воровстве, слово *статок* может быть заменено по смыслу как словом *имущество*, так и словом *наследство*, но, поскольку в этих контекстах оттенок наследства отодвигается на задний план (нет речи о наследниках, так как имущество вора конфискуется), можно принять, что слово *статок* употребляется и в этих статьях в основном своем значении 'имущество', ср., например, в ст. 11: «А поймают татя вѣдругие с татбою, ино его казнити смертною казнию, а исцево заплатити изъ его *статна*, а досталь его *статна* судье. А не будет у того татя *статна* с исцеву тыбель, ино его исцу в гибели не выдати, казнити его смертною казнию» (Суд. 20).

Слово *статок* впоследствии переходило из Судебника 1497 г. в более поздние судебники, а также в другие юридические акты. Ср. в Судебнике 1550 г.: «А не скажет на себя сам, ино его вкинути в тюрьму до смерти, а исцево заплатити из его *статка*» (ст. 52, ПРП IV, 245). В Судебнике 1589 г. появляется в данном месте форма мн. ч.: «[...] а исцево заплатити из его *статковч*» (ст. 103, ПРП IV, 425). В Сводном Судебнике начала XVII в. слово встречается в форме то единственного, то множественного числа в рамках одной и той же статьи: «[...] и заплатити исцово из его *статка*; а что его *статка* останетца за исцовым — и то отдати в про-

² Это тем более вероятно, что употреблению слова *статок* в этих двух грамотах хронологически предшествует его фиксация в Послании российского духовенства углицкому князю Дмитрию Юрьевичу 1447 г., составленном, очевидно, в митрополичьей канцелярии (см. выше, с. 105, примеч. 1).

гоны. А не будет у которого лихого столко *статков*, чем исцово заплатить, ино его исцу в его гибели не выдавати, казнити его смертною казнью» (грань 9, гл. 61, ПРП IV, 507). Вне состава судебных актов это слово употреблялось обычно в форме мн. ч. уже в конце XV — первой половине XVI в., ср., например, в правой грамоте рязанских писцов ок. 1535 г.: «а подворишка гне наши разграбили, а животы и *статки* поймали» (Пам. ряз., № 66, с. 103) или в Губной белозерской грамоте 1539 г.: «[...] и тех бы разбойников подворья, животы и *статкы* отдавали б естя тем людем, которых учините у себя в головах» (ПРП IV, 178). По наблюдениям Е. Н. Поляковой, слово *статки* 'имущество' широко употреблялось и в пермских деловых документах XVII в., но оно не оставило за собой никаких следов в народных говорах. Все это указывает на то, что данное слово было элементом не народного языка, а принадлежностью специальной приказной лексики (Полякова, 46—47). Отметим еще наличие этого слова (в качестве двух самостоятельных заглавных слов *статки* и *статок*) в рукописном лексиконе XVIII в. (Аверьянова, 390). В словарях современного русского литературного языка это слово не засвидетельствовано, оно вышло из употребления, по-видимому, еще в XVIII в.

Возвращаясь к вопросу о происхождении этого слова в великорусском, констатация факта, что оно было заимствовано из западнорусского, подтверждает точку зрения А. М. Булыко, который *статок* в западнорусском (старобелорусском) рассматривает как заимствование из польск. *statek* (Булыко, 307). Правда (и в этом отношении прав А. В. Исаченко), в современном польском языке *statek* имеет значение 'корабль' (с начала XVII в., Брюкнер, 514; это значение засвидетельствовано и в русском переводе с польского XVII в.: *статки морские* в соответствии с польск. *statki morskie* — Двор Цесаря Тур. 42, КДРС) и *statki* (только мн. ч.) — 'орудия, инструменты, посуда', но современные значения польского слова развились из более раннего значения 'движимое имущество', хорошо засвидетельствованного в древнепольских памятниках начиная с конца XIV в. (ССТП VIII, 429—430). Поэтому нельзя согласиться с указанным предположением А. В. Исаченко о том, что великорусск. *статок* могло быть заимствованным прямо из чешск. *statek*. В древнечешском *statek* засвидетельствовано — как и в древнепольском — в значении 'движимое имущество' (Гебауэр I, 218, s. v. *dědina*). Нельзя согласиться и с мнением В. Махека, согласно которому чешск. *statek* слово праславянского происхождения (Махек, 575), так как приведенные им параллели из восточнославянских языков (в южнославянских языках это слово неизвестно), как мы видели, заимствованы из польского. Остается выяснить взаимоотношение чешского и польского слов; возможно, что и в данном случае мы имеем дело с ранним бжегизмом в польском языке (ср. Золтан 1983б).

3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Западной Европой до 1487—1488 гг. не дошли до нас в непосредственной форме (в виде грамот, договоров, посольской документации и т. п.), однако начиная со второй половины XV в. официальное летописание все шире использует актовый материал, в летописи включаются и документы, касающиеся дипломатических сношений (см. Лихачев, 354—360). Благодаря этому обстоятельству летописные известия о дипломатических сношениях в некоторой степени могут заменить несохранившуюся документацию; языковые особенности этих известий показыва-

ют, что западнорусский язык и в 60—80-е годы XV в. выступал в качестве языка-посредника в сношениях Москвы с Западом.

3.1. После Флорентийского собора контакты Москвы с папским двором и Италией возобновились в 1469 г., когда в Москву прибыл Юрий Грек с посольством от кардинала Виссариона с предложением руки Софьи Палеолог Ивану III: «Прииде из Рима от гардинала Висариона Грекъ Юрьи именем к великому князю с *листомъ*, в нем же писано, что: “есть в Риме деспота Яморийскаго Фомы Ветхославца от царства Костянтина града дщерь его Софиа именем, православная христьянка. Аще восхощеши поняти ея, то аз учиню в твоём государствѣ [...]”» (ПСРЛ XXVI, 225, ср. также ПСРЛ XXV). Термин *лист* для обозначения грамоты кардинала Виссариона свидетельствует о западнорусской языковой стилистике, хотя, судя по церковнославянскому языку перевода, сама грамота была написана на греческом языке, что, впрочем, вполне естественно, так как кардинал Виссарион был также греком — митрополитом никейским, видным сторонником унии среди греков на Флорентийском соборе. Знаменательно также, что Юрий Грек (Траханиот) в Софийской 2-й летописи назван «паном Юргой» (ПСРЛ VI, 196, ср. Хорошкевич, 180).

Посредством западнорусского перевода стала известной в Москве папская охранная грамота для послов Ивана III, как об этом свидетельствует ее пересказ в Воскресенской летописи под 1469 г.: «А *листы* своя далъ Ивану Фрязину таковы: что посломъ великого князя ходити *добровольно* два года по всѣмъ землямъ, которые под его *папѣжствомъ* *присягаютъ*» (ПСРЛ VIII, 155 КДРС; ср. также ПСРЛ XXV, 281). Кроме западнорусских слов, отмеченных уже и в более ранних памятниках (*лист*, *добровольно*, *папѣжство*), обращает на себя внимание глагол *присягати*, который в великорусском тексте засвидетельствован здесь впервые (ср. КДРС). Русск. *присяга*, *присягать* / *присягнуть* рассматриваются обычно как «общеславянские», т. е. праславянские образования посредством приставки *при-* от *слагати* ‘касаться’, т. е. *присяга* значит буквально ‘прикосновение (к предмету клятвы)’ (ср. КЭС, 365, Брюкнер, 445, Махек, 535; Фасмер, III, 367; Сергеев 1978, 19—20). Слова *присяга* ‘клятва’, *присягати* ‘клясться’ на самом деле были известны старославянскому языку (С.—А. 105) и спорадически попадали и в церковнославянские тексты русской редакции XI в. (Срезн. II, 1476), но, по-видимому, они не получили распространения в древнерусском языке, в котором употреблялись в синонимическом значении слова *клятва* и *рота*. После введения христианства в Киевской Руси начинает распространяться обряд присяги, связанный с целованием креста как одного из священных предметов (Сергеев 1978, 5—19); основным термином в московском деловом языке XIV—XVII вв. для данного понятия оставалось *крестное целование* (обряд крестного целования для XVII в. подробно описан Котошихиным, см. Пеннингтон 1980, 84; ср. Сергеев 1978, 11). Московскому обряду крестного целования в памятниках дипломатических сношений конца XV в. противопоставляется *присяга* как типичный западноевропейский обычай, ср. в инструкции московским послам, отправленным к Максимилиану Габсбургу в 1490 г.: «А не захочетъ Король креста цѣловати, а похочетъ *присягу* дати по своему обычаю, и Король бы далъ *присягу* на докончалной грамотѣ, по своему закону» (ПДС I, 41). В памятниках сношений Москвы с Польско-Литовским государством слова *присяга*, *присягати* / *присягнути* характеризуют речь представителей польско-литовской стороны; ср. в речи литовского посла в 1487 г.: «и мы есмо ихъ *присяги* изъ ихъ записовъ не выпустили» (ПДП I, № 1,

с. 3) или в записи ответа Казимира IV московским послам в 1489 г.: «бо тот князь Дмитрей намъ и великому князству Литовскому *присягнулъ* и записался и до-кончяніе вчинилъ; про то мы съ тоѣ *присяги* не выпускаемъ» (ПДП I, № 9, с. 40). Слова *присяга*, *присягать* могут относиться только к польско-литовской стороне еще и в XVI в., ср. в послании Ивана Грозного Стефану Баторию 1581 г.: «поругаючись на шему *крестному целованью*, что мы к тебе на грамоте *крест целовали*, и через *присягу* послов своих, которое они учинили за твою душу» (Иван Грозный, 217), «ты на том *присягал*, что тебе Лифлянское земли достапати» (там же, 229; ср. Золтан 1983а, 340—341). Слова эти глоссируются еще и в московском переводе-редакции Литовского Статута: «присягнуть, сирѣчь крестнымъ целованьемъ» (Лаппо, 35), «очиститься присягою, сирѣчь крестнымъ целованьемъ» (там же, 37), «под присягою нашею, сирѣчь за крестнымъ целованьемъ» (там же, 85) и др. Из текстов, написанных на церковнославянском языке, глагол *присяжи* отмечается в Геннадиевской библии 1499 г., в ветхозаветной книге Неемии, переведенной с латинского: «и присягль на ба» (ср. лат. «et adiuravi in Deo», Неем. XIII, 25 — КДРС).

Ранняя история слов *присягати* / *присягнути*, *присяга* в великорусском свидетельствует о том, что они были заимствованы из западнорусского во второй половине XV в. в связи с дипломатическими сношениями с Западом, а не продолжают соответствующие церковнославянские слова, засвидетельствованные sporadически в древнерусских памятниках. Повторное заимствование из западнорусского подтверждается и тем, что на протяжении XV—XVII вв. эти слова в великорусском употреблялись в качестве экзотизмов, они обозначали не свой, а чужой обычай. Слова эти стали общеупотребительными в русском языке лишь к началу XVIII в., когда *крестное целование* выходит из употребления (ср. Сергеев 1978, 14, 22). По свидетельству «Российской грамматики» А. А. Барсова (1783—1788 гг.), в языковом сознании второй половины XVIII в. еще отражалось иноязычное происхождение слова *присяга*. Так, А. А. Барсов, возражая «прежним грамматикам», которые отвергали формы превосходной степени с префиксом *наи-* как «отъ польскаго языка къ намъ прившедшіе», приводит между прочим и аргумент, что «польское ихъ происхождение по сродству польскаго языка съ Россійским чрезъ славенскій не должно имъ вредить, тѣмъ паче, что и кромѣ того есть польскія слова в нашъ языкъ принятія какъ: *присяга*, *опекунъ*, и проч. то должно и ихъ уже знать и употреблять безъ сомнѣнія» (Барсов, 496—487).

В западнорусском языке *присяга*, *присягати* / *присягнути* (*присячь*) засвидетельствованы большим количеством примеров уже со второй половины XIV в. (ССУМ II, 249, 271). Слова *przysiega*, *przysiegać* / *przysiąc* с многочисленными дериватами широко представлены в древнепольских памятниках конца XIV—XV в. (ССТп VII, 344—355), поэтому можно предположить, что слова *присяга*, *присягати* / *присягнути* заменили цсл. *крестное ѿѡловате*, *ѿѡловати крестъ* в западнорусском (ср. ССУМ I, 512) под польским влиянием (ср. Кохман и Шнигер).

Западнорусская лексика широко отражена и в переводе папской грамоты 1472 г., пересказанной в летописях: «Мѣсяца же Іуніа 24 отпустиша царевну Софію изъ Рима за великого князя [...]. И поидоша не тѣмъ путемъ, куды рязинъ шелъ, но все [вар.: всею] областію *папезскою* къ морю. А папа по всѣмъ градомъ послалъ *листы своя*, такоже и по мѣстомъ, имиже имъ ити бяше [...], а пища имъ чтобы всѣ князи земель тѣхъ и *панове* честніи и *бискупы* и вся земля, гдѣ ни при-

деть царевна, стрѣчали бы есте ее и чтили и кормъ давали [...]. И по тѣмъ листомъ папѣжскимъ велику честь вси земли тѣ въздаша царевнѣ Софїи» (ПСРЛ XII, 147; ср. ПСРЛ XXV, 296).

Отметим в связи с этим, что непонятно, почему «изменение маршрута кортежа Софьи — не через Польшу и Великое княжество Литовское, а по Балтике — заставляет думать о большой роли поляков в подготовке брака», как пишет А. Л. Хорошкевич. Нам думается, что этот брак, призванный возвысить авторитет московского государя на международной арене, мог вызвать сопротивление польской дипломатии. Необходимо указать, что выделенные нами в цитированном пересказе папской грамоты «полонизмы» не свидетельствуют ни о какой-либо роли поляков в подготовке брака Ивана III с Софьей, ни об «участии в переводе польских толмачей» (Хорошкевич, 182, примеч. 637). Переводчиками латинской грамоты вполне могли быть выходцы из Западной Руси, находившиеся на службе московской дипломатии. В приведенной цитате нет ни одного слова, которое было бы неизвестным западнорусскому языку, и все они (*бискуп, лист, пан, папѣжский*) встречаются в памятниках московской церковной дипломатии середины XV в. Наличие их в этом тексте свидетельствует лишь о продолжении в 70-е годы XV в. той традиции использования западнорусского языка в сношениях Москвы с Западной Европой, которую мы обнаружили уже в произведениях о Флорентийском соборе (ср. Золтан 1985).

Появление латинского «крыжа» и в этот раз вызвало резкое возражение в Москве. Посольство уже приближалось к Москве, когда великому князю стало известно, что «тотъ посолъ Антонїи лягатос идеть со царевною, а предъ нимъ *крыж* несутъ» (ПСРЛ XXV, 299), при этом советники Ивана III прямо ссылаются на митрополита Исидора: «Нѣсть се бывало в земли нашей, что почести быта Латынской вѣре, учинилъ бы то единъ Сидоръ, и онъ и погибе» (там же). После совещания с митрополитом Филиппом Иван III «посла к тому лягату, чтобы не шел предъ нимъ *крыж*, но повелѣ скрыти его» (там же).

На западнорусское посредство в русско-итальянских контактах, завязавшихся в связи с посольствами в Рим, указывает и слово *муроль* (*муляръ*) 'зодчий', появившееся в летописных известиях 1475 г., когда возвратился из Венеции в Москву посол Ивана III и «привелъ с собою мастера *муроля*, кои ставятъ церкви и полаты, Аристотеля именемъ», т. е. Аристотеля Фиораванти (ПСРЛ XXV, 303; VIII, 181; ср. Казакова, 96); в том же известии засвидетельствован и другой вариант этого слова — *муляръ*: «Венецѣйский *муляръ* Аристотель начать рыи копати на основание церкви Пречистой Богородици» (ПСРЛ XXV, 303; XVIII, 260, ср. СРЯ IX, 307). Слово *муроль* / *муляръ* заимствовано не из итальянского прилагательного *murale* 'стенной', как полагает А. Л. Хорошкевич (228), а из западнорусского *мураль*, *муфаръ*, *муляръ* (см. Ильенко, 12), заимствованного из польск. *murarz*, *mu-larz* 'каменщик' (Булыко, 209), которое образовано от *muг* 'стена' (ССТп IV, 364—365); форма *mu-larz* возникла в результате диссимиляции из *murarz* (Брюкнер, 348). В современных белорусском и украинском языках *муляр* 'каменщик' является основным названием данной профессии; в великорусском это слово не получило распространения (ср. также образованный от того же корня глагол *муровати*, отмеченный в Хождении неизвестного суздальца на Флорентийский собор, см. Хожд., 65, 69, 70).

В том же известии в другой раз Аристотель титулуется словом *мистр*: «*Мистр* Венецѣйский Аристотель начатъ разбивати церкви Пречистыя непадшиа стены

новья» (ПСРЛ XXV, 303). Слово это встречается и в более ранних памятниках, но в другом значении — ‘магистр рыцарского ордена’ (впервые по отношению к магистру ордена на Родосе в Хождении Зосимы 1420 г., см. Фасмер II, 627—628, позже также по отношению к главе немецкого ордена в Прибалтике, см. ДРС IX, 178); в значении ‘мастер’ это слово засвидетельствовано здесь впервые (ср. ДРС IX, 178—179, где цитируется форма *мистро* из летописного известия 1490 г., относящегося также к итальянскому специалисту: «И приведоша съ собою [...] лекаря, *мистро* Олена Жидовина, из Вѣнецѣи» — Ерм. лет., ПСРЛ XXIII, 187). Быть может, что форма *мистро* в данном случае представляет собой контаминацию итал. *maestro* и слова *мистр*, заимствованного посредством зап.-русск. *мистр* из польск. *mistrz*, которое вместе с чешск. *mistr* восходит к ср.-в.-н. *meister*, которое заимствовано из лат. *magister* (Булыко, 204; Лиминг, 80). Форму *мистр* в летописном известии 1475 г. А. Л. Хорошкевич необоснованно считает словом, вошедшим в русский язык «в венецианском произношении» (Хорошкевич, 228); эта форма характеризует второй член сложений, заимствованных русским языком из польского через западнорусское посредство, ср. *бурмистр*, *кухмистр* (Гардинер, 152).

3.2. На основе некоторых лексических особенностей известий о турках, встречающихся в великорусских летописях и в грамотах государственных и церковных деятелей 60—70-х годов XV в., можно предположить, что некоторая информация о турецком наступлении в Южной Европе поступила в Москву и в другие великорусские области через Западную Русь или посредством выходцев из Западной Руси, находившихся на службе московской дипломатии. После падения Константинополя в 1453 г. появляется в московских источниках прилагательное *турецкий*, заимствованное из польск. *turecki* (Фасмер IV, 125—126, s. v. *турок* и *Турция*), по-видимому, через западнорусское посредство. В связи с этим необходимо указать, что основной формой прилагательного, образованного от этнонима *турок*, на протяжении XV—XVII вв. и еще и в начале XVIII в. было не *турецкий*, а *турский* (*турской*) (см. Живов 1982, 340). В ранних известиях о турках в великорусских памятниках выступает обычно *турский*, ср. в заметке неизвестного суздальца, автора «Хождения на Флорентийский собор» о встрече с сербским деспотом Георгием Бранковичем в 1440 г. в Загребе: «запленено бысть црство его серпское от *турьскаго* царя Амурата» (Хожд., 70; ср. Казакова, 39). В такой же форме засвидетельствовано это прилагательное и в «Повести о Царьграде» Нестора Искандера по списку начала XVI в.: «пройде сквозе все рати морския *турского*» (Русск. пов., 61), хотя в этом тексте встречается ряд лексических западнорусизмов (*израда* ‘измена’, *гуфа* ‘отряд’, *башта* ‘башня’, *дело* ‘пушка’, *пицаль* ‘род огнестрельного оружия’, *збруя* ‘снаряжение’ и некоторые другие, см. Штриккер, 173—183); отметим, что около середины XV в. форма *турский* не была еще чуждой и западнорусскому языку, ср. запись о падении Константинополя в Вольнской краткой летописи (сп. начала XVI в.) под 1453 г.: «Попущением божиим взят бысть Царьград царем *турьским* месяца мая 29» (ПСРЛ XXXV, 122). В староукраинских грамотах XV в. преобладает уже форма *турецкий* (19 раз, начиная с 1433—1443 гг., ССУМ II, 450), но отмечается еще и *турский* (3 раза, там же). Форма *турский* совпадает с соответствующими прилагательными в южнославянских языках (ср. болг., с.-х. *турски*); можно полагать, что русск. *турский* заимствовано из этих южнославянских форм, так как по историко-географическим соображениям вполне вероятно, что первые известия о турках могли

распространиться как в Западной, так и в Московской Руси посредством балканских славян уже в XIV в.

Наряду с основной формой *турский* довольно рано появляется в великорусских памятниках и полонизм *турецкий*, который указывает на другой канал информации о турках — через Западную Русь. М. Фасмер указывает на Ивана Пересветова, в сочинениях которого ему впервые встретилась форма *турецкий*; у Пересветова, выходца из Западной Руси, как известно, встречается ряд западнорусизмов (см. Тамань 1960, 98—104; 1961, 198—199). Отметим, что *турецкий* засвидетельствовано лишь в списках одной из редакций (т. н. неполной) сочинений Пересветова, ср., например: «*Турецкий* царь Махмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам *турецким*, а греческия книги прочет, и написал слово в слово *по-турецки*» (Пересветов, 187); другие примеры см. там же, 188, 189, 193), в т. н. полной редакции читается везде *турской*: «Царь *турской* Магмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам *по турским*, а се греческия книги прочел, и написав слово в слово *по-турски*» (там же, 151). Можно полагать, что в автографе употреблялась западнорусская форма *турецкий*, которая в одной из редакций была заменена более обычной для Московской Руси XVI—XVII вв. формой *турской*.

Указанная М. Фасмером фиксация формы *турецкий* в великорусских памятниках не является самой ранней. Эта форма засвидетельствована уже в 60—70-е годы XV в., ср. в послании Ивана III новгородскому архиепископу Ионе, датированном 1465—1470 гг., в котором великий князь, ссылаясь на падение Константинополя, упоминает о том, что там «большіе церкви Божіи соборные *турецкий* царь въ мизгити починилъ; а которые церкви оставилъ патрєярху, на тѣхъ крѣстовъ нѣтъ, ни *звону* у нихъ нѣтъ, поють безъ *звону*» (РИБ VI, № 100, с. 711). О западнорусском источнике этой информации свидетельствует и наличие слова *звон* ‘колокол’, отмеченного В. В. Ильенко в сходном контексте в Тверской летописи под 1465 г. (Ильенко, 12). Сравнение этих двух текстов показывает, что несмотря на диаметрально различную интерпретацию того же факта, они восходят к одному и тому же источнику, ср.: «Того же лѣта взять былъ Царьградъ отъ *Турскаго* отъ салтанаа; а вѣры Рускые не преставилъ, а патріарха не свелъ, но одинъ въ градѣ *звонъ* отнялъ; у Софіи премудрости Божіа и по всѣмъ церквамъ служатъ литургію божественную, и завтрению и вечерню поють безъ *звону*, а Русь къ церкви ходять, а пѣніа слушаютъ, а крещеніе Руское есть» (ПСРЛ XV, 495). В общем западнорусском источнике читалось, по-видимому, *турецкий*, которое в летописи заменено формой *турский*, но сохранилось здесь другое западнорусское слово — *звон* ‘колокол’ (ср. укр. *дзвін*, польск. *dzwon* ‘то же’). Отметим, что в подобном контексте употребляется слово *звон* и в Большой челобитной Ивана Пересветова: «[...] Махмет-салтан, *турецкий* царь, разбойнический род, осилел, и Царьгород взял [...], и красоту церковную обезчестил, *звоны* церковныя поотгымал, и кресты с церквей поснимал, и образы чудотворныя из церквей повыносил, и в церквах мезгити поделал на свои скверныя молитвы» (Пересветов, 205; ср. в полной редакции: «[...] *турской* царь [...] *звон* церковный поотнимал [...]», там же, 178—КДРС). Слово *звон* употреблялось в великорусских памятниках XV—XVI вв. в других значениях (‘действие по глг. *звонити*’, ‘звучание, звук колокола, звон’, ‘звук, гул; отзвук’ и др., ДРС V, 356 357; с западнорусским *звон* ‘колокол’ может быть связано только отмечаемое с XVI в. значение ‘несколько колоколов разного размера, подобранных специально для гармонического звучания’, см. там же).

На то же событие — взятие Константинополя турками — ссылается и митрополит Филипп в своей грамоте новгородцам 1471 г.: «а какъ оставя истину, да съединилсѣ Царь и Патріархъ Іосифъ съ Латиною [...], не впаль ли въ руки Царьградъ' поганымъ, не въ *Турьцкихъ* ли рукахъ и нынѣ?» (АИ I, № 281, с. 514); форма *турьцкий* является контаминацией форм *турский* и *турецкий*. По-видимому, более редкая форма *турецкий* в конце XV в. воспринималась как более высокая, чем общеупотребительная форма *турский*; во всяком случае, в исповедании епископов времен митрополита Симона (1495—1511 гг.) употреблялся как раз полонизм по происхождению *турецкий*, а не общая с южнославянскими языками форма *турский*: «Такоже и всѣхъ тѣхъ отрицаюся, еже по немъ [после Спиридона Сатаны. — А. З.] когда случится кому прійти на Кіевъ отъ Рима латинскаго, или отъ Царяграда *турецкія* дръжавы» (РИБ VI, № 52, с. 451—452, примеч. 3; ср. Малинин, 483).

Слово *турецкий* засвидетельствовано также в Псковской 2-й летописи (сп. конца XV в.) под 1485 г.: «Того же лѣта волынскыи [д. б. *волошский*, т. е. 'молдавский'. — А. З.] воевода Стефанъ и угорскыи царь и ляцкыи литовскыи князь великыи король Андрѣи съ всѣми своими князми, и понаимовавше множество *жолнырей* немецкихъ, идоша на поганого царя *турецкого* и отняша прежде Бѣлгород и по том Келию град волынскыи» (Псков. лет. II, 67). О западнорусском источнике этого известия свидетельствует и слово *жолнырь* 'наемный солдат' (<польск. *żołnierz*, см. Фасмер II, 61; Лиминг, 107; ЕСУМ II, 202).

В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Крымом употребляется в конце XV — начале XVI в. обычно *турский* (КрД I, 74 и след.); форма *турецкий* встречается редко, ср., например, в инструкции русским послам 1502 г., сформулированной, по-видимому, западнорусским писцом, находящимся на службе московской дипломатии: «да и про *турецкого* ему пытати, где будет и с кем *валчит*» (КрД I, 405; ср. Сергеев 1972, 43—44); на западнорусского автора указывает здесь и *валчити* 'воевать'. В памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским форма *турецкий* характеризует сначала только высказывания польско-литовской стороны, ср. в ответе польского короля московским послам 1490 г.: «ещо и чужій товаръ брали *турецкихъ* купцовъ» (ПДП I, № 11, с. 46), однако со временем этот вариант закрепляется и в документах московской дипломатии, ср., например, в ответе Ивана III польско-литовским послам 1498 г.: «А мы, коли еще хотѣли [...] своихъ пословъ слати до Менли-Гирея и до турецкого» (там же, № 52, с. 248) или в речи московских послов в Литве: «А что послы наши ходять до перекопского и до волошского и до *турецкого* [...]» (там же, № 53, с. 254).

Таким образом, если и не подлежит сомнению, что из вариантов *турецкий* и *турский* последний был основным, общеупотребительным в великорусском языке XV в., каким он и оставался до начала XVIII в., в определенных сферах письменности (в языке дипломатии, а также в некоторых памятниках церковной письменности), то уже в 60—70-е годы XV в. появляется и вариант *турецкий*, который впоследствии (в XVIII в.) вытесняет вариант *турский*.

Материал, представленный в настоящей, а также в двух предыдущих статьях (Золтан 1983 и 1985)³, позволяет сформулировать некоторые выводы:

1. Использование лексических элементов западнорусского языка великорусским дипломатическим языком в общении с Западной Европой имеет более древнюю традицию, чем принято считать на основе посольской документации Московского государства, сохранившейся с конца XV в. (1487—1488 гг.). Та языковая практика, которая наблюдается в памятниках дипломатических сношений конца XV в. и впоследствии прослеживается на протяжении XVI—XVII вв. в документах Посольского приказа, засвидетельствована уже для языковой практики членов русского церковного посольства на Флорентийский собор 1439 г. Непрерывность традиции использования западнорусского языка в качестве языка московской дипломатии на протяжении 40—70-х годов XV в. подтверждается сохранившимися или пересказанными в летописях документами как церковной, так и государственной дипломатии. Таким образом, отмеченное исследователями наличие большого числа западнорусских слов не только в документах сношений с Польско-Литовским государством, но также с другими европейскими странами, в частности с Германией, является не новшеством конца XV в., а продолжением традиции, сложившейся уже в первой половине XV в.

2. Западнорусский язык мог выступать в качестве дипломатического языка Московского государства в его сношениях с Западной Европой благодаря тому обстоятельству, что по историческим причинам этот язык в качестве административного языка восточнославянских областей Польско-Литовского государства стал эквивалентом средневековой латыни, употреблявшейся как административный язык в других областях этого государства и в то же самое время функционировавшей в качестве языка дипломатии во всей Центральной и Западной Европе. Таким образом, под прямым влиянием латыни или, чаще всего, под влиянием ее польского разговорного субстрата западнорусский язык обогатился рядом терминов, соотносимых не только с польскими, но вообще западноевропейскими реалиями и понятиями. Близкое языковое родство (и вообще отсутствие каких-нибудь следов, которые указывали бы на отражение в языковом сознании XV в. факта распада восточнославянской языковой общности) позволило московским дипломатам воспринимать эти термины западнорусского языка как свои, великорусские экзотизмы и использовать их для передачи западноевропейских реалий и понятий в сочинениях, предназначенных для великорусских читателей. Можно полагать, что наличие именно западнорусской экзотической лексики в великорусских текстах, рассказывающих о контактах с разными западноевропейскими странами, объясняется тем, что в этих контактах с западноевропейской стороны в качестве языка-посредника выступала латынь, а с великорусской стороны — соотносимый с нею западнорусский язык. На такую языковую практику указывает и то обстоятельство, что в московских переводах с латыни XV в. постоянно встречаются западнорусизмы.

3. Закреплению элементов западнорусского языка в языке московской дипломатии несомненно способствовало и то обстоятельство, что окончательное разде-

³ Материал статей данного цикла был опубликован также в качестве учебного пособия для студентов Будапештского университета (на правах рукописи), см. А. Золтан. Из истории русской лексики. Будапешт, 1987. (На обложке: *Zoltán A. Fejezetek az orosz szókincs történetéből*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1987.)

ление русской церкви наступило намного позже основного политического разделения восточнославянских земель между Литвой и Москвой. Как показал анализ документов, вышедших из канцелярии последнего общерусского митрополита Ионы (1448—1461), в годы его правления и западнорусской, и восточнорусской церковью (1451—1458) в московской митрополичьей канцелярии составлялись документы и на западнорусском языке. Документы эти были адресованы в большинстве случаев государственным и церковным деятелям Литовской Руси, но на основе двух западнорусских грамот митрополита Ионы, адресованных в Казанское ханство, можно предположить, что в практике митрополичьей канцелярии западнорусский язык воспринимался как язык дипломатии вообще.

4. Язык дипломатии, хотя и обслуживал специфическую сферу общения с иностранцами, не мог быть герметически изолированным от других сфер применения великорусского административного языка. Единичные западнорусские слова проникают и в те грамоты митрополита Ионы, которые адресованы в великорусские области; можно даже утверждать, что некоторые западнорусизмы, как, например, элементы великокняжеского титула *господарь*, *отчий* и *дядичь*, были введены в великорусский деловой язык сознательно. Заслуживает внимания то обстоятельство, что около середины XV в. западнорусизмы характеризуют прежде всего те московские великокняжеские грамоты, которые так или иначе связаны с деятельностью митрополита Ионы, что дает основание предположить, что к их составлению была причастна митрополичья канцелярия. Язык церковной дипломатии, таким образом, мог оказать влияние как на язык документов государственной дипломатии, так и на язык актов внутреннего управления.

5. Опыт — в том числе и языковой — московской церковной дипломатии, накопленный начиная с участия в Флорентийском соборе, был использован, по-видимому, московской государственной дипломатией, когда Москва при Иване III завязала дипломатические контакты с рядом европейских стран. Летописные известия 1469—1475 гг., пересказывающие несохранившиеся документы дипломатических сношений Московского государства с папским двором и с итальянскими городами, однозначно подтверждают, что государственная дипломатия продолжала ту же языковую практику, которая сложилась раньше в церковной дипломатии.

6. Анализ лексики памятников московской церковной и государственной дипломатии XV в. позволяет считать язык дипломатии важным каналом проникновения в великорусский деловой язык западнорусской лексики, в том числе прочно усвоенных западнорусским языком лексических и семантических европеизмов. Правда, большинство из анализируемых слов (ок. 50) оставалось на периферии русской лексики не только в пределах XV в., но и позже, на протяжении XV—XVII вв.; они употреблялись в великорусских текстах в качестве экзотизмов, для обозначения чужих понятий и реалий. Однако позже, в начале XVIII в., когда возникла потребность в словах, точно соотносимых с соответствующими словами западноевропейских языков, некоторые из них, как, например, *право*, *присяга*, *справедливый*, вошли в основной словарный фонд русского литературного языка, вытеснив или оттеснив на периферию свои традиционные церковнославянские эквиваленты. Бытование таких слов в языке великорусской дипломатии XV—XVII вв., а также в переводных памятниках XVI—XVII вв. с точки зрения истории русской литературной лексики можно назвать их предисторией.

7. Знание предыстории таких великорусских слов, особенно тех, которые состоят из одних славянских морфем и на фоне русской литературной лексики не отличаются никакими признаками заимствованных слов, приобретает первостепенную важность при изучении межславянских языковых контактов. Как раз то обстоятельство, что некоторые великорусские слова, прежде чем стать элементами общепотребительной русской литературной лексики, на первых порах их бытования в великорусских памятниках употреблялись в качестве экзотизмов или в составе языковых клише дипломатических документов, позволило в некоторых случаях «поймать с поличным» трудноуловимую иначе миграцию отдельных слов и лексических значений из одного близкородственного языка в другой и тем самым доказать миграционный характер некоторых великорусских слов и лексических значений, считавшихся на основе их общеславянского распространения принадлежностью праславянского наследия, как, например, *господарь* > *государь* 'монарх', *господарство* > *государство*, *добровольно*, *доход*. Выявление межславянских заимствований имеет значение как для верификации результатов реконструкции праславянского словарного фонда, так и для исторической лексикологии русского языка.

Цитируемая литература

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии наук I—IV. Санкт-Петербург 1836.

Аверьянова — Рукописный лексикон первой половины XVIII века. Подготовка к печати и вступительная статья А. П. Аверьяновой. Ленинград, 1964.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею I—V. Санкт-Петербург, 1841—1842.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в. I—III. Москва, 1952—1964.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства I—III. Москва, 1951—1961.

Барсов — «Российская грамматика» А. А. Барсова. Подготовка текста и текстологический комментарий М. В. Тоболовой. Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. Москва, 1981.

БЕР — Български етимологичен речник I—. София, 1971—.

Богоявленский — С. К. Богоявленский. Научное наследие: О Москве XVII века. Москва, 1980.

БРС — Белорусско-русский словарь / Под ред. К. К. Крапивы. Москва, 1962.

Брюкнер — А. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa (2) 1970.

Булахов — М. Г. Булахав. Нататкі па гісторыі лексікі Беларускай мовы, Даследаванні па лексікалогіі. Мінск, 1965, 45—59.

Булыко — А. М. Булыка. Даўнія запазычання беларускай мовы. Мінск, 1972.

Варш. сл. — Słownik języka polskiego. Ułożony pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego i W. Niedźwiedzkiego. I—VIII. Warszawa, 1900—1927.

Виноградов — В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики (К вопросу об исторических связях русского, украинского и белорусского языков): Доклады и сообщения Филологического факультета МГУ 3 (1947), 7—12.

Галецкий — О. Halecki. Ostatnie lata Świdrigiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków, 1915.

Ганник — *Chr. Hannick*, Die Metropolen von Moskau und Kiev nach dem Konzil von Florenz im Lichte der Metropolit-urkunden: Sprache und Literatur Altrußlands (= *Studia slavica et baltica* 8). Münster, 1987, 63—71.

Гардинер — *S. C. Gardiner*, German Loanwords in Russian 1550—1690. Oxford 1965.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. *С. Н. Валка*. Москва—Ленинград, 1949.

Гебауэр — *J. Gebauer*. Slovník staročeský I—II. Praha 1903—1916.

Голубинский — *Е. Е. Голубинский*. История русской церкви. I/1—2. Москва² 1901—1904; II/1—2. Москва, 1900—1911.

Г.—Х. — *К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев*. Историческая грамматика русского языка. Москва, 1981.

Гринченко — *Б. Д. Гринченко*. Словарь української мови I—IV. Київ, 1907—1909.

Гринчишин — *Д. Г. Гринчишин*. Из спостережень над адміністративно-юридичною лексикою в українських грамотах XIV—XV ст.: Дослідження і матеріали з української мови 5 (1962) 31—52.

Грушевский V/2 — *Я. Грушевський*. История України-Руси, т. V, ч. 2. Львів, 1905.

Гумецкая 1969 — *Л. Л. Гумецкая*. К истории украинско-польских языковых связей: Исследования по польскому языку. Москва, 1969, 219—228.

Гумецкая 1971 — *Л. Л. Гумецкая*. Заметки об украинско-западнорусских связях древнего периода: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Москва, 1971, 113—118.

Даль — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка I—IV. Санкт-Петербург (2), 1880—1882.

Дамерау — *N. Damerau*, Russisches und westrussisches bei Kurbskij. Wiesbaden 1963.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. Отв. ред. С. В. Бахрушин. Москва—Ленинград, 1950.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови I—. Київ, 1982—.

ДРС — Словарь русского языка XI—XVII вв. I—. Москва, 1975—.

Живов 1982 — *В. М. Живов*. Margeretiana renovata: RL 6 (1982), 335—351.

Живов 1987 — *В. М. Живов*. История русского права как лингво-семиотическая проблема [в печати; ссылки даются на страницы машинописи].

Золтан 1977 — *А. Золтан*. О старорусском «мѣстичь»: StSl 23 (1977), 161—163.

Золтан 1978 — *A. Zoltán*. Wczesne zapożyczenia polskie w języku rosyjskim a polska leksykologia historyczna: AUBL 9 (1978), 211—219.

Золтан 1983 — *А. Золтан*. К предыстории русск. «государь»: StSl 29 (1983), 71—110.

Золтан 1983а — *А. Золтан*. Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики (К вопросу о полонизмах в посланиях Ивана Грозного к Стефану Баторию): Hungaro-Slavica 1983. Budapest, 1983, 333—344.

Золтан 1983б — *А. Золтан*. Об одном западнорусизме в великорусском деловом языке XV—XVII вв. (статок / статки): Rusaica, In memoriam E. Balczyk. Budapest. 1983, 31—40.

Золтан 1984 — А. Золтан. Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV в. (К вопросу о западной традиции в деловой письменности Московской Руси). АКД. Москва, 1984.

Золтан 1985 — А. Золтан. Западнорусская лексика в великорусских произведениях о Флорентийском соборе: StSl 31 (1985), 245—262.

Иван Грозный — Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Под ред. В. М. Адриановой-Перетц. Москва — Ленинград, 1951.

Ильенко — В. В. Ильенко. Западные, юго-западные и южные слова в великорусских летописях XV—XVI веков. Днепропетровск 1958.

Ильинский — Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей. Москва, 1911 (= Древности, Труды Славянской комиссии имп. Московского Археологического общества, т. V)

Исаченко — А. Issatschenko, Geschichte der russischen Sprache, 1. Band, Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts. Heidelberg, 1980.

Казакова — Н. А. Казакова. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков (Из истории международных культурных связей России). Ленинград, 1980.

Кайперт — Н. Keipert, Der Weg des Russischen zur Weltsprache: Das slavische Alternat der Konzilsbulle von Ferrara-Florenz vom 6. Juli 1439: Slavistische Linguistik 1986 (= Slavistische Beiträge 212). München, 1987, 233—276.

Карский — Е. Ф. Карский. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. Москва, 1962.

КДРС — Картотека Древнерусского словаря XI—XVII вв. (Институт русского языка АН СССР, Москва).

Клосс — Б. М. Клосс. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. Москва, 1980.

Котков — С. И. Котков. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. Москва, 1974.

Кохман — S. Kochman. Polonizmy w języku rosyjskiej korespondencji dyplomatycznej (1487—1671) I—IV: Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk 7 (1971), 37—64; 8 (1972), 63—74; 9 (1973), 33—42; 10 (1974), 16—27.

Кохман 1967 — S. Kochman. Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku. Wrocław etc., 1967.

Кохман 1970 — S. Kochman. Z historii czesko-polsko-rosyjskich związków leksykalnych: FilRos Opole 7 (1970), 69—78.

Кохман 1975 — S. Kochman. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w., Słownictwo. Opole, 1975.

Кохман 1978 — S. Kochman, Z badań nad terminologią dyplomatyczną w języku rosyjskim XVI—XVIII w. (1. gramota, 2. list): FilRos Opole 16 (1978), 73—86.

Кохман и Шнигер — S. Kochman, Cz. Sznigier. Czy roe. *prisjaga* 'присяга' jest polonizmem?: FilRos Gdańsk 12 (1984), 96—104.

Кочин 1935 — Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Сборник подготовлен к печати Г. Е. Кочиным. Москва — Ленинград, 1935.

Кочин 1937 — Материалы для терминологического словаря древней России. Сост. Г. Е. Кочин. Москва — Ленинград, 1937.

КрД — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией I (= СРИО 41)—II (= СРИО 95). Санкт-Петербург, 1884—1895.

Кржижкова — *H. Křížková*. Vývoj opisného futura v jazicích slovanských, zvláště v ruštině. Praha, 1960. (= Acta Universitatis Palackianae Olomucensis, Facultas Philosophica 4, Philologica II).

КЭС — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. Москва, 1971.

Лаппо — *И. И. Лаппо*. Литовский статут в Московском переводе-редакции. Юрьев, 1916.

Лиминг — *H. Leeming*. Rola języka polskiego w rozwoju lekeyki rosyjskiej do roku 1696, Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego. Wrocław etc., 1976. (= Prace Komisji Językoznawstwa 44).

Лихачев — *Д. С. Лихачев*. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Москва — Ленинград, 1947.

Лурье — *Я. С. Лурье*. Из истории русского летописания конца XV в.: ТОДРЛ 11 (1955), 156—186.

Малинин — *В. Малинин*. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

Махек — *V. Machek*. Etymologický slovník jazyka českého. Praha (3) 1971.

Мельников — *Е. И. Мельников*. О чешских лексических элементах в русском языке, заимствованных через посредство польского и других языков: *Slavia* 36 (1967), 98—114. —

Пам. ряз. — Памятники русской письменности XV—XVI вв., Рязанский край. Изд. подгот. С. И. Котков, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. Москва, 1978.

Пат. Печ. — Патерик Киевского Печерского монастыря. Издание Археографической комиссии. Санкт-Петербург, 1911.

ПДП I — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским I (= СРПО 35). Санкт-Петербург, 1882.

ПДС I — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. I, Сношения с Государствами Европейскими, т. 1, Памятники дипломатических сношений с империею Римскою (с 1488 по 1594 год). Санкт-Петербург, 1851.

Пеннингтон 1968 — *A. E. Pennington*. Future Periphrasis in 17th-Century Russian, Some Evidence from Translated Material: *SEER* 46 (1968), 31—47.

Пеннингтон 1980 — *Grigorij Kotošixin*. О России в царствование Алексея Михайловича. Edited with a Commentary by A. E. Pennington. Oxford, 1980.

Пересветов — Сочинения И. Пересветова / Подгот. текста А. А. Зимин. Под ред. Д. С. Лихачева. Москва — Ленинград, 1956.

Переясл. лет. — Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.). Изд. М. Оболенским. Москва, 1851.

Пещак — Грамоти XIV ст. Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-показчики М. М. Пещак. Київ, 1974.

Полоцк, гр. — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в., вып. 1—2. Сост. А. А. Хорошкевич. Москва, 1977—1978.

Полякова — *Е. Н. Полякова*. Названия имущества в пермских памятниках XVII—начала XVIII века: Живое слово в русской речи Прикамья, Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1976, 37—48.

Попов — *А. Попов*. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). Москва, 1875.

Приселков — М. Д. *Приселков*. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пет-роград, 1916.

Прохаска — А. *Prochaska*. Nieznane dokumenta do unji Florenckiej w Polsce; *Ateneum Wileńskie* 1 (1923), 58—74.

ПРП — Памятники русского права, вып. 1—5. Москва, 1952—1959.

Псков. лет. — Псковские летописи, вып. 1. Пригот. к печати А. Насонов. Мо-сква — Ленинград, 1941; вып. 2. Под ред. А. Н. Насонова. Москва, 1955.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. 1. Лаврентьевская летопись. Мо-сква, 1962; 2. Ипатьевская летопись. Москва, 1962; 6. Софийские летописи. Санкт-Петербург, 1853; 7. Летопись по Воскресенскому списку. Санкт-Петербург, 1856; 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. Санкт-Петербург, 1859; 9—12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Москва, 1965; 15/1. Рогожский летописец, 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою Летописью. Москва, 1965; 18. Симеоновская летопись. Санкт-Петер-бург, 1913; 21. Книга Степенная царского родословия, ч. 1—2. Санкт-Петербург, 1908—1813; 23. Ермолинская летопись. Санкт-Петербург, 1910; 25. Московский летописный свод конца XV в. Москва — Ленинград, 1949; 26. Вологодско-Пермская летопись. Москва — Ленинград, 1959; 27. Никаноровская летопись — Сокращенный летописный свод 1493 г. — Сокращенный летописный свод 1495 г. Москва — Ленинград, 1962; 35. Летописи белорусско-литовские. Москва, 1980.

Речек — S. *Reczek*. Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław etc., 1968.

РИБ VI — Памятники древнерусского канонического права, ч. 1 (Памятники XI—XV вв.). Санкт-Петербург, ²1908. (= РИБ VI)

РП — Правда Русская I—III. Под ред. Б. Д. Грекова. Москва — Ленинград, 1940—1963.

Русск. пов. — Русские повести XV—XVI вв. Сост. М. О. Скрипиль. Москва — Ленинград, 1958.

С. — А. — L. *Sadnik*, R. *Aitzetmüller*. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.

Сергеев 1971 — Ф. П. *Сергеев*. Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв. Кишинев, 1971.

Сергеев 1972 — Ф. П. *Сергеев*. Русская терминология международного права XI—XVII вв. Кишинев, 1972.

Сергеев 1978 — Ф. П. *Сергеев*. Формирование русского дипломатического язы-ка. Львов, 1978.

Славский — F. *Sławski*. Słownik etymologiczny języka polakiego I—. Kraków, 1952—.

Собик — M.-E. *Sobik*. Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17. und der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Meisenheim am Glan, 1969. (= Slavisch-Baltisches Seminar der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster, Veröffentlichung Nr. 13).

Соболевский — А. И. *Соболевский*. История русского литературного языка. Изд. подготовил А. А. Алексеев. Ленинград, 1980.

СПрасл — Słownik prasłowiański I—. Pod red. F. *Sławskiego*. Wrocław etc., 1974—.

Спринчак — Я. А. *Спринчак*. К сравнительному изучению лексики московских и украинских грамот XIV—XV вв.: ВЯ 1956/6, 115—122.

Срезн. — И. И. *Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам I—III. Санкт-Петербург, 1893—1912.

СРНГ — Словарь русских народных говоров 1 — / Гл. ред. Ф. П. Филин. Ленинград, 1965—.

ССгп — Słownik staropolski I—. Red. naczelny S. Urbańczyk. Warszawa, 1953—.

ССУМ — Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. 1—2. Київ, 1977—1978.

Станг — *Chr. S. Stang*. Die westrussische Kanzleisprache des Großfürstentums Litauen. Oslo, 1935.

Суд. — Судебники XV—XVI вв. Подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. Москва — Ленинград, 1952.

СУМ — Словник української мови I—XI. Київ, 1970—1980.

Тамань 1960 — *В. М. Тамань*. Полонизмы в языке русских памятников XVI века: Ученые записки ЛГУ № 267, Серия филологических наук, вып. 52 (1960), 98—124.

Тамань 1961 — *В. М. Тамань*. К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси: Начальный этап формирования русского национального языка. Ленинград, 1961, 197—204.

Укр. лекс. — Історія української мови, Лексика і фразеологія. Відпов. ред. В. М. Русанівський, Київ, 1983.

Укр. морф. — Історія української мови, Морфологія. Відпов. ред. В. В. Німчук. Київ, 1978.

УРС — Українсько-російський словник I—VI. Київ, 1953—1963.

Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. Москва, 1971.

Успенский — *Б. А. Успенский*. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Budapest, 1987.

Успенский и Живов — *Б. А. Успенский, В. М. Живов*. Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII века (О книге: *Grigorij Kotošixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Michajloviča: Text and Commentary*. Ed. by A. E. Pennington, Oxford, 1980): IJSLP 28 (1983), 149—180.

Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка I—IV. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Москва, 1964—1973.

Ходыницкий — *К. Chodyncki*. Kosciół prawosławny a Rzeczpospolita Polska, Zarys historyczny 1370—1632. Warszawa, 1934.

Хожд. — *Н. А. Казакова*. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор»: ТОДРЛ 25 (1970), 60—72.

Хорошкевич — *А. Л. Хорошкевич*. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. Москва, 1980.

Черных — *П. Я. Черных*. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. Москва, 1956.

Чурмаева — *Н. В. Чурмаева*. К истории слова *писарь* в русском языке: Русская историческая лексикология / Гл. ред. С. Г. Бархударов. Москва, 1968, 228—233

Шенкер — *А. Шенкер*. Главные пути лексических заимствований в славянских языках (на материалах чешского, польского и восточнославянских языков): American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists, vol. I, Linguistics. Columbus, Ohio, 1983, 255—267.

Шмидт — *С. О. Шмидт*. Заметки о языке посланий Ивана Грозного: ТОДРЛ 14 (1958), 256—265.

Штекль — *G. Stöckl*. Die Begriffe Reich, Herrschaft und Staat bei den orthodoxen Slaven: Saeculum 5 (München 1964), 104—118.

Штриккер — *G. Stricker*, Stilistische und verbalsyntaktische Untersuchungen zum moskovitischen Prunkstil des 16. Jahrhunderts, Die Erzählung über die Belagerung Pleskaus durch den polnischen König Stephan Bathory 1581/82 im Vergleich mit der Erzählung über die Eroberung Konstantinopels durch die Türken 1453. München, 1979. (= Slavistische Beiträge 127).

Щапов — Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. Изд. подготовил Я. Н. Щапов. Москва, 1976.

ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка 1/1—. Автор-составитель Н. М. Шанский. Москва, 1963—.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд 1— / Под ред. О. Н. Трубачева. Москва, 1974—.

Яковкин — Законодательные акты Великого княжества Литовского. Сборник материалов подготовлен к печати И. И. Яковкиным. Ленинград, 1936.

Сокращения

АКД — Автореферат кандидатской диссертации

ВЯ — Вопросы языкознания

РИБ — Русская историческая библиотека

СРИО — Сборник императорского Русского исторического общества

ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР

AUBL — Annales Universitatis Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae, Sectio Linguistica

FilRos Opolo — Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu, Seria A, Filologia rosyjska

FilRos Gdańsk — Uniwersytet Gdański, Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego, Filologia rosyjska

IJSLP — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics

RL — Russian Linguistics, International Journal for the Study of the Russian Language

SEER — The Slavonic and East European Review

StSl — Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae

В. В. Мошин

О ПЕРИОДИЗАЦИИ РУССКО-ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ X—XV вв.*

«Литературные влияния» и периодизация литературных связей

В рамках славянской культурной взаимности русско-южнославянские литературные связи представляют проблему особого значения и особого интереса. Историческая судьба связала русский и южнославянские народы особенно крепкими культурными, в частности литературными, узами. Аналогичное развитие общественного быта при мощном воздействии общего внешнего культурно-исторического фактора — Византии, которая втянула православное славянство в круг общих религиозных и философских представлений, и общее славянское письмо придали русской и южнославянским литературам значение общей православно-славянской литературы. Создавшаяся под влиянием этих факторов русско-южнославянская литературная общность в течение ряда столетий была столь тесной, что во многих случаях — как в смысле идейного содержания, так и в отношении художественно-литературного оформления — очень нелегко определить, в какой среде первоначально возникло то или иное литературное произведение. Созданное в одной среде, оно в периоды живых политических, экономических или культурных, в частности церковных, связей очень быстро переходило в другую область общего культурного района и легко включалось в тамошнюю литературную сокровищницу.

Наряду с этим, так сказать субъективным, «внутреннеисторическим» фактором — тождественностью культурно-исторической ориентации и однородностью идейных и художественных интересов, которые объясняют легкость распространения взаимных литературных влияний, — действовал и объективный, внешнеисторический фактор — конкретные исторические условия, в которых развивались межславянские отношения. В этом смысле следует особенно подчеркнуть методологическое положение, выставленное В. М. Жирмунским в докладе на IV Международном съезде славистов, о проблеме сравнительного изучения эпической поэзии: в сравнении с типологической базой, которая не имеет хронологии, влияния являются категорией исторической. Они всегда связаны с конкретной исторической обстановкой и могут быть определены хронологически¹. Последний момент в историко-литературных построениях часто принима-

---

* Печатается по изд.: ТОДРА. Т. XIX. М.; Л., 1963.

¹ В. М. Жирмунский. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. (IV Международный съезд славистов. Доклады). М., 1958.

ется не в достаточно полной мере или берется в самых общих рамках, благодаря чему разрывается органическая связь между культурно-исторической эволюцией и жизнью общества во всей многогранности его потребностей и интересов в определенных условиях исторической действительности. В области литературных взаимоотношений эти конкретные исторические условия замедляли или ускоряли брожение местных творческих сил, облегчали или затрудняли возможность взаимного соприкосновения и ознакомления, увеличивали или ослабляли интерес к культурной жизни соседа. В освещении этого внешнеисторического фактора история литературных взаимовлияний между южным и восточным славянством представляется не в виде прямолинейного непрерывного процесса одинакового общего развития, а в виде сменяющих одна другую волн влияния с одной и другой стороны — волн, которые в отдельные исторические моменты вызывали оживление литературной деятельности на Руси или на Балканах на базе нового комплекса идей и литературно-художественных понятий, из которых рождались новые литературные движения и направления. Таким образом, периодизация истории литературных взаимоотношений связана с проблемой периодизации литературных движений, шире — с проблемой основных периодов в истории русской и южнославянской культур.

Еще недавно вопрос о русско-южнославянских литературных связях рассматривался прямолинейно: как непрерывный процесс исключительного влияния на Русь, начавшегося перенесением из Болгарии переводной и оригинальной письменности в эпоху крещения Руси и после известного периода ослабления связей во время татарского ига с новой силой разлившегося в XV в. и дожившего до Петровской эпохи. В конце прошлого столетия М. Н. Сперанский ввел в эту схему новый период — обратного русского влияния на балканских славян в XVI—XVII вв., когда Россия снабжала рукописями и печатными книгами болгар и сербов, которые вместе с другим православным Востоком обращались к Москве с мольбами о материальной и моральной помощи². Позднее этот неутомимый труженик в области изучения русско-южнославянских литературных связей внес в прежнюю схему еще одну чрезвычайно важную поправку: показал, что и в рамках древнего периода параллельно с фактами болгарского влияния на русскую литературу существует и проникновение на Балканы большого числа памятников русской письменности XI—XII вв., что в значительной мере изменило первоначальное представление о полной зависимости древнерусской письменности от болгарской, позволило выставить положение о русско-южнославянских взаимовлияниях в данном периоде³. Наконец, мои недавние занятия историей славянского Пролога привели к заключению, что открытый М. Н. Сперанским факт проникновения древних русских литературных произведений к сербам и болгарам может быть хронологически отнесен к определенному периоду — концу XII — первой половине XIII в.⁴ Этим в истории русско-южнославянских ли-

² М. Н. Сперанский. Деление истории русской литературы на периоды и влияние русской литературы на югославянскую. — Русский филологический вестник, т. XXVI. М., 1896, стр. 193—223.

³ М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур. — ИОРЯС, т. XXVI. Пгр., 1923, стр. 143—206; переиздана в сборнике: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, стр. 7—54.

⁴ В. Мошин. Славенска редакција Пролога Константина Мокисијског у светлости византијско-славенских односа XII—XIII вијека. — Зборник Хисторијског института Југославенске академије, т. II. Загреб, 1959, стр. 17—68.

тературных связей фиксируется особый период русского влияния на славянские Балканы в промежутке между древнейшим периодом болгарского влияния на Русь в X—XI вв. и вторым южнославянским влиянием в XV в.

На IV Международном съезде славистов 1958 г. в Москве, где проблема межславянских литературных взаимоотношений была одной из ключевых, вопросу о русско-южнославянских литературных связях было посвящено два больших доклада: Н. К. Гудзия — о литературе Киевской Руси и инославянских литературах⁵ и Д. С. Лихачева — о задачах изучения второго южнославянского влияния в России⁶. Широкая проблематика обоих докладов вызвала живое и богатое новыми мыслями обсуждение, в котором был затронут и вопрос общей периодизации русско-южнославянских литературных связей. Это побудило меня к пересмотру данной темы с целью увязать основные моменты смены литературных направлений не только с взаимными влияниями, но и с конкретными условиями исторической действительности в определенные хронологические периоды. Разделы настоящей работы представляют в сущности ряд обособленных очерков, посвященных главным положениям приведенной проблематики, которые в докладах Н. К. Гудзия и Д. С. Лихачева поставлены как задачи будущих исследований или которые мне представлялись еще недостаточно определенными и ожидающими своего решения.

Церковнославянский и древнерусский типы литературного языка

Вопрос литературных связей древней Руси с остальным славянством, прежде всего с южными славянами, связан с возникновением и развитием древнего русского литературного языка. Эта проблема была всесторонне освещена на московском съезде славистов в большом докладе, вернее в программной статье, В. В. Виноградова⁷. В ней подведены итоги высказанным до сих пор взглядам русского славяноведения на проблему двуязычия в русской письменности, освещены неясные стороны возникновения и развития древнерусского литературного языка, намечены ближайшие задачи для дальнейшего углубления достигнутых результатов.

Согласно обычному представлению, которое до недавнего времени господствовало в славяно-русской филологии и которое нашло свою наиболее отчетливую формулировку в трудах А. А. Шахматова, язык русской письменности и литературы в своей основе древнеболгарский. Благодаря живым связям, существовавшим между Киевской Русью и Болгарией, болгарский язык уже в X в. был распространен в Киеве как язык просвещенных слоев. Входили в постоянное употребление болгарские слова, относившиеся к торговле, предметам матери-

⁵ Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. (IV Международный съезд славистов. Доклады). М., 1958, стр. 42. Вопросу русско-болгарских связей древнейшего периода был посвящен и доклад Б. Ст. Ангелова «К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей» (ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 132—138).

⁶ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. (IV Международный съезд славистов. Доклады). М., 1958 (далее: *Лихачев*).

⁷ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. (IV Международный съезд славистов. Доклады). М., 1958 (далее: *Виноградов*). 137 стр.

альной культуры, к понятиям из области общественного и политического быта. Вероятно, в то же время проникали и произведения болгарской народной словесности, в частности былины, которые болгарские певцы пели о Святославе и которые могли стать образцом для русских былин о князе Владимире. Перенесенный на Русь как язык церкви и духовного просвещения, болгарский язык быстро претворился в русский национальный язык. Этот язык после столетий постепенной русификации и до сих пор остался основой русского литературного языка, который в своем лексическом составе по крайней мере наполовину, если не больше, остался церковнославянским⁸.

В противоположность этой точке зрения уже давно указывается на значение русского народного, разговорного языка как основного фактора при формировании русского литературного языка. Уже А. Х. Востоков обращал внимание на параллелизм употребления старославянского языка в церковной литературе и древнерусского языка — в деловой письменности и светской литературе. И. И. Срезневский искал основу древнерусского литературного языка в живой восточнославянской разговорной речи, которая по своей структуре была близка древнеславянскому языку (1887 г.). Эта точка зрения была с особой силой выставлена в новейшей русской филологии: стремились доказать самобытность древнерусского литературного языка, выработанного на базе живой разговорной восточнославянской речи, и ослабить значение старославянского влияния. С. П. Обнорский на основе языкового анализа таких оригинальных русских произведений, как *Русская Правда*, *Моление Даниила Заточника* и др., пришел к убеждению, что русский литературный язык древнейшего периода был чистым русским языком во всех элементах своей структуры — в фонетике, морфологии, словообразовании, синтаксисе и в лексическом составе. Болгарское влияние вначале было значительно слабее, чем это обычно считали, но оно постепенно росло и лишь в эпоху второго южнославянского влияния в XIV в. оказало более сильное воздействие на русский язык⁹. Л. П. Якубинский также подчеркивает значение живой разговорной речи в процессе образования древнерусского литературного языка, но, в отличие от С. П. Обнорского, считает, что общенародный разговорный восточнославянский язык, служивший деловой письменности и юридическим документам, в первое время возникновения древнерусского литературного языка испытал наиболее сильное воздействие старославянского, в основе древнеболгарского языка, но что уже в XI в. в процессе оригинального литературного творчества в нем взяла верх восточнославянская стихия. В дальнейшем развитии взаимоотношения и взаимовлияния славянизмов и древнерусизмов сыграли существенную роль при формировании особых литературных стилей в разных жанрах древнерусской литературы¹⁰.

⁸ А. А. Шахматов. 1) Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М., 1941, стр. 69, 90; 2) Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии, вып. 11. Пгр., 1915; 3) Введение в курс истории русского языка, ч. 1. Пгр., 1916; 4) Некролог В. Ф. Миллеру. Известия Академии наук, № 2. СПб., 1914, стр. 75—83; ср.: *Виноградов*, стр. 5—12.

⁹ С. П. Обнорский. 1) *Русская Правда* как памятник русского литературного языка. Известия АН СССР, № 10, отд. обществ. наук, 1934; 2) Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.

¹⁰ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1958; ср.: *Виноградов*, стр. 13—15, где указаны труды того же направления Д. С. Лихачева, П. Я. Черныха, Ф. П. Филина; *A. Dostál*.

Что касается лексической стороны разбираемого вопроса, особое значение в этой области принадлежит исследованиям В. М. Истрина о русском переводе Хроники Амартола¹¹. Третий том этого большого труда, посвященный анализу словаря памятника, открыл богатство древнерусского литературного языка XI в., вполне способного к точной передаче содержания греческого текста. Переводчик хорошо владел всем словарем старославянского языка и вносил в него выражения из живых восточнославянских говоров, пользовался и русскими литературными неологизмами по старославянским образцам. Не всегда легко определить эти книжные русизмы в отношении к старославянскому материалу, так как общеславянское наследие в разных славянских языках того времени могло быть очень широким и однородным. Литературная обработка русского разговорного языка, по мнению В. М. Истрина, началась задолго до появления письменности, при устных переводах с греческого языка на русский, что было неизбежно при постоянных сношениях русских с греками.

Столь же важное значение для изучения структуры русского литературного языка древнейшего периода имеют исследования М. Н. Сперанского о русском переводе и позднейших переделках «Девгениева деяния». Здесь особенно ясно показана зависимость литературного языка этого памятника от народной словесности, в частности в широком применении поэтических сравнений с я к о — к а к, в которых материал, как и в народной поэзии, главным образом берется из области животного царства и явлений природы (дождь, снег и т. п.)¹². На следы народного эпоса в Начальной летописи давно уже обращал внимание Н. И. Костомаров, а А. С. Орлов особо изучал этот элемент народной поэзии в литературном стиле русской исторической литературы XVI—XVII вв.¹³ В последнее время проблема связей древнерусского литературного языка с фольклором широко рассмотрена В. П. Адриановой-Перетц. Она показала, что народное творчество сыграло огромную роль в образовании и развитии древнерусской литературы и древнерусского литературного языка и что общенародный язык XI—XII вв., когда формировалась русская литература, заключал уже в себе большие художественные возможности и применялся древнейшими русскими писателями с подлинным поэтическим мастерством¹⁴. Тот же факт исключительного значения народной разговорной речи при создании древнерусского литературного языка показали изыскания Д. С. Лихачева о языке новгородских летописей¹⁵ и многочисленные работы последних лет по изучению словаря «Слова о полку Игореве».

Uloha cirkveni slovanštiny v dejinah vzniku a rōzvoje spisovné rustiny. Československá rusistika, № 2—3. Praha, 1958; см. также: А. М. Селищев. Старославянский язык, часть I—II. М., 1951—1952.

¹¹ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе, т. III. Л., 1930; ср.: Виноградов, стр. 13, 47—50.

¹² М. Н. Сперанский. Девгениево деяние. Пгр., 1922.

¹³ ИОРЯС, т. XIII, кн. 4. СПб., 1908.

¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц: 1) Древнерусская литература и фольклор. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949; 2) Историческая литература XI—начала XII в. и народная поэзия. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 95—137; ср.: А. М. Астахова. Ответ на вопрос «Проблема взаимовлияния устной и книжной традиции у славянских народов». — Сборник ответов на вопросы по литературоведению. (IV Международный съезд славистов). М., 1958, стр. 288—291.

¹⁵ Д. С. Лихачев. Новгородские летописные своды XII в. (Автореферат). — ИОЛЯ, т. III, вып. 2—3. М., 1944, стр. 98—106.

ве»¹⁶, а также исследования Н. А. Мещерского в области русской переводной литературы, в частности о переводе Иосифа Флавия¹⁷.

В связи с приведенными исследованиями встает проблема отличия понятия языка письменности от литературного языка с его особыми культурно-общественными, в частности художественными, функциями и специфическими структурными свойствами по отношению к народной речи, как она записана в документальных памятниках в народно-областных диалектах¹⁸. К таким памятникам живой народной речи принадлежит Русская Правда. Лексика этого памятника XI в., как это показал словарь к изданию Е. Ф. Карского¹⁹, отражает чистую русскую народную речь. Новый драгоценный материал в данной области дал открытие многочисленных документов, написанных на бересте, которые были найдены во время археологических раскопок в Новгороде и в некоторых других местах. Эти открытия обогатили славянскую филологию знакомством с особым по палеографическим признакам «деловым письмом», которое во многом связано с письмом заметок и записей на различных остатках предметов материальной культуры²⁰. Хотя в языке отдельных документов обнаружены кое-где свойства литературного языка и даже поэтического стиля (№ 10, XV в.), все же, как это справедливо подчеркивает В. В. Виноградов²¹, нельзя их считать памятниками древнерусского литературного языка, а можно рассматривать лишь как документацию народной речи и деловой письменности, которая существенно отличается от литературы²².

Вопрос о различии между письменностью и литературой как особыми культурно-историческими явлениями исследован Д. С. Лихачевым²³. Появление письменности он рассматривает как результат классовой дифференциации общества в эпоху перехода от патриархально-родовой к феодальной формации, а начало литературы — как результат дальнейшего развития того же процесса в направлении усиления княжеской власти, которой принятая из Византии христианская церковь со своей письменностью дала идеологическую надстройку. Эта письменность привилась на почве собственного художественного творчества, которое до того развивалось в области устного народного эпоса, а также и на базе деловой письменности, которая уже в предшествующем периоде служила практическим потребностям в международной дипломатической переписке, в частности в правовых актах, в торговле и ремесленничестве.

При всей справедливости такого подхода к проблеме функционального разграничения процессов возникновения деловой письменности и литературы мне представляется, что в применении к древней Руси это разграничение трудно

¹⁶ Виноградов, стр. 72—73.

¹⁷ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958.

¹⁸ Виноградов, стр. 24—35.

¹⁹ Е. Ф. Карский. Русская правда по древнейшему списку. Изд. АН СССР, Л., 1930, стр. 90—113.

²⁰ Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 116—125.

²¹ Виноградов, стр. 22—24.

²² Новый обзор вопроса: Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959 (здесь приведена литература о предмете).

²³ Д. С. Лихачев. 1) Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. — Вопросы истории. М., 1951, № 12, стр. 30—54; 2) Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952.

было бы втиснуть в строгие хронологические рамки. Такое хронологическое разграничение могло бы найти свое оправдание в применении к «доисторической» эпохе, когда «черты и резы», так же как и пользование чужим письмом, могли служить для важнейших деловых записей в противоположность памяти, которая в форме произведений народной словесности оформляла религиозные представления, формулировала этические и правовые нормы и хранила историческую традицию. Между тем на Руси время, с которого источники начинают сообщать конкретные данные о деятельности первых русских князей и их войнах с Византией, — последняя треть IX в. — совпадает с начатками христианизации Руси и с появлением славянского письма, так же как и с рождением старославянской литературы в рамках кирилло-мефодиевской деятельности по просвещению славян. Перенесение славянского письма в Восточную Европу должно было в то время идти параллельно с христианской проповедью. Если уже в начале X в. существовали славянские переводы русско-византийских договоров и если тогда, а может быть, и несколько ранее, где-то в Киеве велись краткие исторические заметки вроде сохранившихся упоминаний о смерти Аскольдова сына или об уграх, прошедших в 898 г. около Киева, то, по всей вероятности, это делалось членами тогдашней христианской общины, научившимися славянскому письму на текстах из Библии, Евангелия, Псалтири и литургических книг. По своей краткости и лаконичности такие летописные заметки вряд ли могли бы рассматриваться как произведения литературы, но с функциональной точки зрения они выходят и из рамок деловой письменности. Что же касается текстов Библии и Псалтири, то они представляли переводную литературу в полном смысле этого понятия, так же как и житийные произведения, которые в древнеславянской письменности появляются одновременно с переводами богослужебных книг. Следует подчеркнуть, что древнейшая кирилловская рукопись — Супрасльская — содержит именно жития святых, а одно из наиболее ранних упоминаний о русских книгах относится к житию чешского князя Вячеслава, которое св. Борис читал в первые годы XI в. Мне кажется, что в первые моменты своего проникновения в Восточную Европу славянское письмо шло сюда, вероятно, прежде всего в своей богослужебной функции в связи с христианской проповедью и уже после этого должно было служить целям делового, литургического и литературного характера. Между тем в процессе своего распространения в быту тогдашнего общества деловое применение славянского письма, вероятно, становилось все более частым и широким, тогда как его литературная функция была ограничена скромным трудом переписчиков древнеславянских произведений в узком кругу христианской общины. Только крещение Руси при Владимире поставило перед литературой новые культурно-общественные задания и этим определило путь для общей, широкой акклиматизации старославянской литературы в роли русской литературы.

Нужно думать, что именно в области деловой письменности, где приходилось употреблять местные выражения и привычную терминологию и где перо легче шло за навыками разговорной речи в фонетике и морфологии, в течение X в. вырабатывалась структура древнерусского письменного языка. В XI в. она формировала древнерусский тип литературного языка, который утвердился в деловой письменности и в литературных жанрах, стоявших в более тесной связи с бытом общества, — в летописи, юридической литературе, частью в житиях и в произведениях поучительно-мемуарного характера вроде Поучения Владимира Мономаха и Моления Даниила Заточника. С другой стороны, под воздействием

деловой письменности старославянский язык, который как общеславянский литературный язык пришел на Русь с церковной литературой и в течение столетий господствовал в богослужебной, религиозно-просветительской и церковно-юридической письменности, получил характер церковнославянского языка с русскими особенностями в фонетике и в формах склонения и спряжения. Процесс сближения и взаимовлияния между структурами старославянского и восточнославянского языков, по мнению В. В. Виноградова, развивался в течение XI в. с такой интенсивностью, что можно говорить об акклиматизации или ассимиляции старославянского языка на русской почве²⁴.

В. В. Виноградов ставит вопрос: когда речь идет о письменности эпохи древнерусской народности, можно ли говорить о двух литературных языках — церковнославянском языке русской редакции и литературно выработанном народном восточнославянском языке — о двух языках хотя бы и близких, но все же различных в смысле грамматики, лексики и семантической структуры? Или, имея в виду их близкое родство, существование общих грамматических и лексическо-семантических свойств и их взаимовлияние, целесообразнее рассматривать их лишь как два типа древнерусского литературного языка? В. В. Виноградов склоняется ко второму решению, так как, с точки зрения приведенных свойств, литературно выработанный тип народного литературного языка не отделяется от литературно-славянского типа как особый язык. В то же время в ту эпоху это и не особые стили единого литературного языка, ибо они не укладываются в рамки единой языковой структуры, а применяются в различных культурных областях и с различными функциями²⁵.

Западная традиция при рождении русской письменности

Можно считать установленным, что старославянский язык, который в первые столетия славянской письменности представлял общеславянский литературный язык, сформировался на базе одного южнославянского диалекта из окрестностей Солуни, представлявшего переходный говор между западными, македонскими и восточноболгарскими диалектами. Между тем уже в первые дни своего возникновения в процессе распространения среди других славянских народов, как показали исследования ряда славистов, этот литературный язык стал включать в себя элементы других славянских языков, в частности и западнославянских. В русских памятниках он уже чрезвычайно пестр по своему составу. «В нем скрещивались и сливались разные народноязыковые стихии славянского мира и отражались византийско-греческие и латинские воздействия. Церковнославянский язык, кроме болгаризмов и вообще южнославянизмов, включал в себя моравизмы, чехизмы и даже (очень редко) полонизмы. Этот сложный характер древнецерковнославянского языка выражался отчасти в фонетических и морфологических колебаниях и вариациях его строя, но еще ярче — в пестроте и разнообразии его словаря, его семантической системы, в богатстве синонимов и смысловых оттенков значений слов»²⁶.

²⁴ Виноградов, стр. 49.

²⁵ Там же, стр. 24—35.

²⁶ Там же, стр. 41 с цитатой из работы Б. М. Ляпунова о нюансах в значении слова бѣднь. (Поправки и добавления к этимологическому словарю Преображенского. — ИОРЯС, т. XXXI. Л., 1926. стр. 39—40).

Предполагалось, что западнославянские элементы попали в русский язык через посредство Балкан, где нашли прибежище ученики Кирилла и Мефодия после ликвидации в Паннонии славянской литургии и просвещения. Между тем после того как было доказано, что в Чехии и даже в Польше славянская традиция в богослужении и литературе сохранялась в течение X—XI вв., становится уместным замечание Н. К. Никольского, что «с исторической точки зрения остается неясным, почему словарный материал, какой мы имеем в древних наших памятниках, должен был переправляться из Моравии и Чехии сначала в Болгарию, а затем на Русь»²⁷.

Вопрос связей древнерусской литературы с западнославянскими, которым после первых глубоких исследований А. И. Соболевского и Н. К. Никольского плодотворно занимались чешские слависты, нашел отражение в материалах IV Международного съезда славистов²⁸. Здесь как самый важный результат предшествующих исследований устанавливается факт, что кирилло-мефодиевская традиция в Чехии в богослужении и в письменности не являлась кратковременным эпизодом (как часто считалось со времени Й. Добровского), но что это наследие, как литературное, так и идеологическое, культивировалось при чешских Пржемысловичах, в государствах которых церковнославянский язык соперничал с латинским и в богослужении, и в письменности. В 1079 г. король Братислав просил у папы одобрения на употребление славянского богослужения. Козьма Пражский, представитель феодального класса и латинского просвещения, в начале XII в. старательно замалчивает в своей хронике все, что могло бы свидетельствовать о распространенности славянского просвещения, но и у него мы находим известие о том, что в 1097 г. латинский аббат Детгарт не нашел в доверенном ему монастыре других книг, кроме славянских. Это дало позже повод сазавскому монаху отметить, что книги, написанные на том языке, все уничтожены и никогда больше не будут читать по ним в этом монастыре²⁹. Кирилло-мефодиевская традиция в Чехии должна была быть очень значительной, и М. Вейнгарт имел полное основание предпринять реконструкцию чешско-славянского типа церковнославянского языка³⁰. Базой для этой реконструкции служат в первую очередь тексты, сохранившиеся в древнерусских списках или переделках чешских и моравских литературных произведений.

А. И. Соболевский первым обратил внимание на многие древнерусские и несколько южнославянских литературных памятников, которые, судя по словарному материалу, были первоначально переведены с латинского языка на славянский в Моравии или Чехии³¹: беседы папы Григория Великого, Никодимово

²⁷ Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании, вып. I. М.—Л., 1930, стр. 14.

²⁸ См.: Ответы на вопрос «Каковы были связи древней русской литературы с литературами западных славян» И. Вашицы, М. Коутной и Е. Прохазковой. (Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 7—17).

²⁹ První pokračovatelé Kosmovi. Praha, 1950, стр. 74.

³⁰ M. Weingart. Českoslavenský typ církevní slovančiny, jeho pamiatky a význam. Bratislava, 1949.

³¹ А. И. Соболевский. 1) Церковнославянские тексты моравского происхождения. Варшава, 1900; 2) Несколько редких молитв из русского сборника XIII в. — ИОРЯС, т. X, кн. 4. СПб., 1905, стр. 66—78; 3) Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — СОРЯС, т. 88. СПб., 1910.

евангелие, значительное число житийных произведений, как, например, жития св. Аполинария, Венедикта, Хрисогона, Георгия, Климента, папы Стефана, Вита и Анастасия. Что касается жития св. Вита, Вашице удалось доказать, что прототип этой легенды действительно должен был попасть в Россию из Чехии, так как тот же самый текст послужил основанием и для глаголической службы св. Виту, которая была в употреблении в пражском Эммауском монастыре в XIV в.³² С латинского переведен комплекс русских молитв, сохранившихся в русском сборнике XIII в., среди них особенно обращает на себя внимание молитва св. Григория Двоеслова (папы Григория Великого), в которой молящийся обращается к апостолу Петру как хранителю ключей от небесного царства. Другая молитва, приписываемая тому же папе, — об избавлении от блуда и об утшении плоти — сохранилась даже в рукописи XI в.³³ Особый интерес представляет одна русская молитва, в которой наряду со св. Борисом и Глебом, а также с Кириллом и Мефодием упоминаются западнославянский святитель св. Войтех и скандинавские святые — Магнус, Канут, Албан, Олаф и Ватулф. Этот текст послужил Н. И. Коробке основанием для гипотезы о западных источниках русского христианства³⁴.

В рецензии на работу А. И. Соболевского «Церковнославянские тексты Моравского происхождения» Г. А. Ильинский отмечал: «Присутствие в каком-либо произведении литературы известного числа иностранных слов отнюдь еще не указывает на то, что памятник, хотя бы только в своем первоначальном оригинале, возник на территории того языка, слова которого вошли в его текст. Они могли проникнуть сюда и на родной почве, — но не как результат литературной традиции, не как архаизм, но просто как результат позднейшего влияния чужих — в данном случае западнославянских — языков на старославянский»³⁵.

Конечно, можно допустить случайное проникновение иноязычной лексики в чужой текст, но, как и всякая случайность, это будут отдельные случаи. Что же касается вопроса русско-чешских литературных связей, то открытые А. И. Соболевским с помощью словарных элементов литературоведческие факты органически включаются в более широкий материал, добытый последующими историко-литературными изысканиями.

При помощи текстологически литературного анализа А. А. Шахматов открыл в составе русской Начальной летописи несомненный западнославянский источник — «Сказание о преложении книг», внесенное в летопись под 898 г. Это «Сказание», по А. А. Шахматову, попало в летопись в начале XII в. Полное соответствие отдельных мест этого «Сказания» вступительной части «Повести временных лет» указывает на то, что первоначально это были составные части одного и того же произведения, которое рассказывало о Кирилло-Мефодиевской миссии в Моравии³⁶.

³² I. Vašica. Staroslovanska legenda o sv. Vitu. — Slovanské studie. Praha, 1948.

³³ А. И. Соболевский. Молитва о избавлении от блуда и о утшении плоти. — ИОРЯС, т. XI, кн. 2. СПб., 1906, стр. 13.

³⁴ Н. И. Коробка. К вопросу о источнике русского христианства. — ИОРЯС, т. XI, кн. 2. СПб., 1906, стр. 367—385.

³⁵ ИОРЯС, т. V, кн. 4. СПб., 1900, стр. 1384—1385.

³⁶ А. А. Шахматов. 1) Сказание о преложении книг на словенский язык. — Сборник в славу Ватрослава Јагића. Берлин, 1908, стр. 171—188; 2) Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 80—92.

Положения А. А. Шахматова были развиты Н. К. Никольским³⁷. Н. К. Никольский обратил внимание на то, что всеславянская идеология этой части памятника не согласуется с идеологической установкой летописца, который основание Русского государства связывает с норманнами, а просвещение и христианизацию восточного славянства — с Византией. В противоположность этому основная тенденция «Сказания» — доказать, что прошлое племени полян, от которых пошла Русь, было связано с судьбой западных славян, моравов, чехов, поляков, притом связано не только общим происхождением, но и общностью письменности, возникшей в Моравии, и единством христианской веры, которая на Западе ведет свою традицию от апостола Павла. В Моравии должна была создаться теория о дунайской прародине славян, о которой говорится во вступительной части летописи, так же как и упоминание, что «Норици... суть Словене». Все эти данные, по мнению Н. К. Никольского, перешли в летопись из какого-то западнославянского исторического произведения, какой-то моравской хроники, которая говорила о древнейшей истории славян и их крещении. Последняя гипотеза была встречена серьезными возражениями Г. А. Ильинского и В. М. Истрина, но западнославянское происхождение приведенных данных было принято обоими авторитетными критиками как неоспоримый факт. «После его (Никольского. — В. М.) исследования должны исчезнуть всякие сомнения, что перечисленные данные перешли на Русь со славянского Запада»³⁸. «Теперь, разумеется, уже нет сомнений в том, что на Руси в XI веке, а может быть и в X, вращались произведения моравского происхождения; однако остается невыясненным путь, по которому они приходили на Русь»³⁹. Западнославянский источник русской летописи признает и Д. С. Лихачев в своем труде о Повести временных лет⁴⁰.

В упомянутой статье Г. А. Ильинский указал на факт, на который в свое время уже обратил внимание И. Пекарж⁴¹, что в латинской легенде Кристиана о св. Вацлаве имеется несколько данных, очень похожих на Нестора. Имя Кирилла связано здесь с крещением болгар; славянское письмо создано для Моравии; описание языческого быта чехов — *sine nullo principe vel rectore vel urbe; uti bruta animalia sparsim vagantes terram solam incolebant* (без какого бы то ни было вожды, либо правителя, либо города; словно дикие животные на огромном пространстве, блуждая, землю одну населяли) — весьма напоминает характеристику «звериного образа жизни» древлян у Нестора. Этим вопросом специально занимался В. Халоупецкий в работе о памятниках X в. Он останавливается на «Привилегиях Моравской церкви», на которые ссылается Козьма Пражский в XV главе своей Хроники, ставит их в связь с Кирилло-Мефодиевскими «болгарскими

³⁷ Н. К. Никольский. 1) Повесть временных лет...; 2) К вопросу о следах моравско-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи. — Вестник АН СССР, №№ 8—9, 1933, стр. 5—18.

³⁸ Рецензию Г. А. Ильинского см.: *Byzantinoslavica*, т. II, Prague, 1930, стр. 435.

³⁹ В. М. Истрин. Моравская история славян и история Поляно-Руси как предполагаемые источники Начальной русской летописи. — *Byzantinoslavica*, т. III. Prague, 1931, стр. 308—331; т. IV. Prague, 1932, стр. 36—66 (см. цитату на стр. 54 в IV томе).

⁴⁰ Повесть временных лет, часть вторая. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»).

⁴¹ I. Peřař. Die Wenzels- und Ludmila-Legenden. I. Prag, 19, стр. 177 и сл.

легендами» и приходит к заключению, что они основываются на каком-то древнем моравском памятнике конца IX или начала X в., который по содержанию походил на паннонские легенды. Этот источник, который Халоупецкий называет «Историей гонения на моравскую церковь», проник в Россию и был использован для русской летописи⁴². Р. Якобсон, который занимался вопросом проникновения древних чешских литературных памятников на Русь в рамках более широкой темы общеславянских связей, согласился с датировкой «Привилегий моравской церкви» последними годами моравской истории и тоже остановился на аналогиях между летописью и легендой Кристиана⁴³. Последнее исследование О. Кралика о «Привилегиях Моравской церкви», в котором подведены итоги предшествующего изучения легенды Кристиана, отождествило упоминаемые Козьмой «Привилегии Моравской церкви» с легендой Кирилло-Мефодиевского цикла «Преподобный Кирилл», которая как вводная часть отщепилась от легенды Кристиана. Автор предполагает существование в Сазавском монастыре старославянского жития Кирилло-Мефодиевского цикла, отвечавшего «Преподобному Кириллу», которое послужило источником для соответствующего отрывка Повести временных лет, и подготовил особую работу о западнославянских источниках Начальной летописи⁴⁴.

Одновременно с этим источником на Русь перешли Паннонские жития, западнославянское происхождение которых теперь уже можно считать неоспоримым. И они были использованы в русской Начальной летописи. Как показала Е. Прохазкова, Нестор взял из Паннонских житий в первую очередь те места, где летописец защищает славянское богослужение. Он описывает крещение Моравии на основании старославянской легенды о св. Константине, но берет только основную мысль о значении Кирилло-Мефодиевской миссии для распространения славянского богослужения. Между тем другие места летописец пересказывает почти дословно, как это видно по цитируемому Прохазковой отрывку, относящемуся к полемике с утверждением, что только три языка достойны иметь свое письмо — еврейский, греческий и латинский, на которых была сделана надпись на кресте Христа⁴⁵.

Несомненно чешского происхождения жития чешского князя св. Вацлава и его матери св. Людмилы, перешедшие в русскую литературу в древнейший период ее истории. Как показал В. Халоупецкий, житие св. Людмилы возникло еще при жизни князя Вацлава, между 926 и 929 гг., в связи с перенесением ее мощей из Тетина в Прагу. На Руси оно в южнорусской переделке вошло в текст русского Пролога. Между тем Р. Якобсон показал, что это произведение было известно и Нестору, следы чего имеются в Несторовом «Чтении» о Борисе и Гле-

⁴² V. Chaloupecký. Prameny X století Legendy Kristianovy. — Svatováclavský sborník. II/2. Praha, 1939.

⁴³ R. Jakobson. 1) Český podíl na církevněslovanské kultuře. — *Ča daly naše země Evropě a listvu*. Praha, 1939; 2) The Kernel of Comparative Slavic literature. — *Harvard Slavic studies*. I. Cambridge Mass., 1952; ср.: М. Коутная, Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 12.

⁴⁴ О. Кралик. *Privilegium Moraviensis Ecclesie*. — *Byzantinoslavica*, т. XXI. Prague, 1960, стр. 219—237; см. статью О. Кралика «Повесть временных лет и легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле» в настоящем сборнике, стр. 177—207.

⁴⁵ E. Procházková. Po stopách давнего přátelství. Kapitoli z česko-ruských literárních styků do konce 17 století. Praha, 1959, стр. 7—29; см. также: Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 15.

бе, в частности в сцене, где Борис спрашивает убийц, что им сделал, и просит их обождать, пока закончит молитву⁴⁶.

Житие св. Вацлава существовало в Чехии в виде двух независимых друг от друга редакций. Более древняя сохранилась в русских вариантах Востокова и Минейной, в люблянской и в глаголической новлянской, которая найдена в Чехии. А. Х. Востоков датировал ее возникновение первой половиной X в., Н. К. Никольский — концом X в., Урбанек — 1045 г., Новотный — концом XII в. Однако после исследования М. Вейнгарта, который на основании упомянутых текстов попытался восстановить первоначальный чешско-старославянский текст, большинство славистов склоняется к датировке Востокова⁴⁷.

Вторая редакция жития св. Вацлава, которую открыл Н. К. Никольский и которую затем особо изучали Пекарж, Вайс, Вашица и Вейнгарт, представляет переработку известной латинской легенды, написанной мантуанским епископом Гумпольдом. По мнению Вашицы, она была переведена на славянский язык в Чехии около 1000 г.⁴⁸ Д. Чижевский обратил внимание на следы знакомства с этой легендой в Несторовом житии св. Феодосия Печерского, указав, что древнейший текст Несторова жития св. Феодосия находится в сборнике XII в. вместе с житиями св. Мефодия и св. Вита⁴⁹. Е. Прохазкова показала зависимость Несторова «Чтения о житии и погублении блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба» от второй редакции жития св. Вацлава («Легенды Никольского»). Эта зависимость отражается как в аналогичной тематической структуре обоих текстов, так и в отдельных мотивах, как, например, исцеление женщины, которая была наказана болезнью за то, что работала в праздничный день, или известие, что Борис женился по желанию своего отца, так же как и Вацлав в «Легенде Никольского». Житие св. Вацлава было известно и автору анонимного Сказания о Борисе и Глебе, где говорится, что Борис перед смертью «помышляя на мучение и страст св. мученика Никиты и св. Вячеслава, подобно же сему бывшу убиену»⁵⁰.

Оставляя в стороне вопрос моравских переводов св. Писания и литургических текстов, как и вопрос старославянского сборника проповедей, который в последнее время был предметом глубокого изучения в трудах Вайса, Гривца, Вашицы, Ваяна и других, остановимся на юридических памятниках, возникших на территории западного славянства и перешедших в Россию и на Балканы. Благодаря последнему труду И. Вашицы о Мефодиевом переводе Номоканона можно считать окончательно доказанным великоморавское происхождение перевода «Синагоги» Иоанна Схоластика, дошедшего в русских рукописях Устюжской «Кормчей», XIII в. и Иоасафовской XVI в.⁵¹

⁴⁶ Ср.: М. Коутная. Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 12—13.

⁴⁷ M. Weingart. První česko-cirkevněslovenská legenda o sv. Václavu. — Svetováclavski sborník, I. Praha, 1934, стр. 863—1088.

⁴⁸ См.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 16—17.

⁴⁹ Д. Чижевский. Anklänge an die Gumpoldslgende des hl. Václav in der altrussischen Legende des hl. Feodosij und das Problem der «Originalität» der slavischen mittelalterlichen Werke. — Wiener slavistisches Jahrbuch, I. Wien. 1950, стр. 71—86; ср.: М. Коутная, Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 13.

⁵⁰ Е. Прохазкова. Po stopách давнего přátelství, стр. 8—9.

⁵¹ I. Vasica. Metodějův překlad nomokanonu. — Slavia, roč. XXIV. Praha, 1955, стр. 9—41; см. также: В. Е. Ушаков. Устюжская кормчая. — Slavia, roč. XXX. Praha, 1961, стр. 20—40.

И. Вашице принадлежит и наиболее полное исследование о моравском происхождении древнейшего славянского законника — «Закона судного людем», являющегося переводом византийской «Эклоги». Уже Н. Суворов в известном труде о следах западнокатолического церковного права в русских юридических памятниках (1888 г.) обратил внимание на западные элементы в составе «Закона судного людем», но в согласии с тогдашним воззрением славяноведения на болгарское происхождение древнерусской литературы предположил, что этот памятник возник в Болгарии при князе Борисе между 866 и 869 гг., когда болгарская церковь находилась под юрисдикцией Рима. Вашица с помощью анализа словарного материала доказывает западнославянское происхождение этого текста, что находится в соответствии с показанием Паннонских житий о том, что якобы византийский император послал Кирилла и Мефодия в Моравию по просьбе князя Ростислава со специальным заданием перевода «Правды», т. е. «Законника», под которым нужно разуместь «Эклогу»⁵². В самых последних трудах, посвященных «Закону судному людем», М. Н. Тихомирова⁵³ и С. В. Троицкого⁵⁴ в той или иной степени принимается факт участия моравской стихии в возникновении этого памятника.

Великоморавского происхождения и канонический текст «Заповеди святых отец», представляющий руководство для применения церковных наказаний (эпитимий), который встречается уже в древнеславянском Синайском молитвеннике и позднее в многочисленных кирилловских рукописях. Близкую связь этого памятника и вероятное общее происхождение с «Законом судным людем» показал С. И. Смирнов (1912) и снова подчеркнул Вашица в упомянутой работе о «Законе судном»⁵⁵.

Как уже упоминалось, В. М. Истрин в своем критическом исследовании в связи с гипотезой Н. К. Никольского о моравском источнике русской Начальной летописи признал, что после исследования А. И. Соболевского и других нельзя сомневаться в том, что литературные памятники появлялись в древнюю эпоху и в Моравии, и в Чехии, откуда переходили на Русь и сохранялись в русских списках. Однако, как отмечал Н. К. Никольский, пути, по которым эти памятники

⁵² I. Vrsínř. 1) Origine cyrillo-méthodienne du plus ancien code slave dit «Zakon sudnyj Ljudem». — Byzantinoslavica, t. XII. Prague, 1951, стр. 154—174; 2) Anonymni homile rukopisu Clozova po stránce právní. — Slavica, roč. XXV. Praha, 1956, стр. 221—233; 3) K otázce puvodu Zakona sudného Ljudem. — Slavica, roč. XXX. Praha, 1960, стр. 1—19 — ответ на возражения М. Андреева; см. также: H. F. Schmid. La legislazione bizantina e la pratica giudiziaria occidentale nel più antico codice slavo. — Atti del congresso internazionale di diritto romano e di storia del diritto. Verona, 1948, vol. I. Milano, 1953, стр. 393—403.

⁵³ Закон судный людем Краткой редакции. Подготовили к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Миров. М., 1961.

⁵⁴ С. В. Троицкий. Закон судный людем как памятник византийского права. (Доклад на XII Международном византологическом съезде в 1961). — Résumés des communications, Belgrade — Ochride, 1961, стр. 109—110.

⁵⁵ См.: R. Nachtigal. Euhologium Sinaiticum, t. II. Ljubljana, 1942, стр. 319 и др.; С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. — ЧОИДР. М., 1912, т. III, стр. 280 и др.; ср. замечания Н. К. Никольского в статье «К вопросу о западном влиянии на древнерусское церковное право» (Библиографическая летопись, III. Пгр., 1917).

шли на Русь, почти никем не изучались⁵⁶. В 1954 г. попытку исследовать пути, которыми западнославянские тексты шли из Чехии в Россию, предпринял Ф. Дворник⁵⁷.

Он считает, что главными посредниками в переходе церковнославянских текстов из Чехии на Русь были чешские бенедиктинские монастыри. Для меня этот труд известного чешского славяноведа и византиноведа остался недоступным, но приведенная гипотеза представляется мне вполне вероятной. Сейчас уже неоспоримым является факт постоянных и непрерывных культурных связей Киевской Руси с Западом, так же как и неоспоримо существование непрерывной кирилло-мефодиевской традиции в X и XI вв. на территории западного славянства: в Моравии и Паннонии под властью венгров и в соседних Чехии и Польше.

Начальная летопись очень мало и лишь мимоходом говорит о связях первых Рюриковичей с Западом, но еще меньше говорит она о русских отношениях с балканскими славянами; да и отношения с Византией описываются лишь в связи с военными походами первых князей на Царьград, один раз в связи с путешествием в Царьград княгини Ольги и затем в связи с крещением Руси при Владимире. Между тем в других летописях, как и в некоторых иностранных источниках, сохранилось немало известий о дипломатических связях русских князей с соседними землями, в частности с Западом, который как раз в ту эпоху переживал период особенно живой миссионерской деятельности по христианизации языческих народов на севере и востоке Европы.

Слова летописца «мнози бо беша варязи христиане» свидетельствуют о роли этого элемента в процессе распространения христианства на Руси, и не безосновательной является гипотеза Н. И. Коробки, что, может быть, св. Ансгарий, который в IX в. проповедовал христианскую веру в Дании и Швеции, побывал и в Киеве при Аскольде: ср. упомянутую молитву с именами скандинавских святых⁵⁸.

Хорошо известно свидетельство хроники Продолжателя Регинона, что в 960 г. к императору Оттону прибыли «legati Helenae reginae Rugorum» (Кведлинбургская, Корвейская и другие хроники исправляют — *Rusciae gentis*), которая перед этим приняла христианскую веру в Царьграде в правление императора Романа, с просьбой послать ей на Русь епископа; что Оттон послал туда Адальберта (чеха св. Войтеха, которого так и именует хроника сазавского монаха), но что русские прогнали его в 961 г. Безотносительно к тому, какое толкование этого известия примем в связи со спорным вопросом о месте и годе крещения княгини Ольги, само событие после ряда специальных исследований (особенно Воронова, Фортинского и Линниченко) можно считать незыблемо установленным⁵⁹.

В следующие годы, при Святославе, все внимание летописца обращено к военным походам Святослава на Восток и Балканы, но в связи с этими событиями Нестор записал и слова Святослава о причинах, побуждавших его перенести

⁵⁶ Byzantinoslavica, t. III. Prague, 1931, стр. 330.

⁵⁷ F. Dvornik. Les Bénédictins et la christianisation de la Russie. — L'Eglise et les églises. Chevetogne, 1954; см. также: Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 9.

⁵⁸ ИОРЯС, т. XIX, кн. 2. СПб., 1906, стр. 24.

⁵⁹ См.: Н. Д. Полонская. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира. — ЖМНП. Пгр., 1917, № IX, стр. 63—72; Е. Шмурло. Курс русской истории, т. 1. Прага, 1931, стр. 400 (литограф. издание); Б. Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV веках. М.—Л., 1959, стр. 33—37; А. В. Карташев. Очерки по истории русской церкви, т. 1. Париж, 1959 (далее: *Карташев*), стр. 101—103.

свою столицу на Дунай, куда сходятся все богатства: от греков — золото, драгоценные ткани, вино и фрукты, от чехов и венгров — серебро и кони, из Руси — меха, воск, мед и рабы. Одновременно с военными операциями на юге развивались мирные торговые, очевидно и дипломатические, отношения с западными соседями: с Чехией, когда Болеслав II (967—999), основав пражскую епископию, освободил свою страну от церковной зависимости от немцев; с Венгрией, которая после поражения на реке Лехе в 955 г. переходила постепенно на мирную жизнь и христианизацию; конечно, с соседней Польшей, где князь Мешко женился на дочери Болеслава I Чешского, крестился и основал епископию в Познани. В последней работе В. П. Шушарина о русско-венгерских отношениях в IX в. убедительно устанавливается, с одной стороны, что в IX в. венгро-славянские отношения складывались в направлении мирного сожительства и взаимной поддержки в борьбе с Западом, с другой, — что источники позволяют говорить не о единичных фактах, а о тесных политических и культурных связях Руси с Венгрией и в последующую эпоху, в частности в XI в.⁶⁰

О княжении Святослава сына Ярополка (972—980) Начальная летопись сообщает весьма немного: приводятся данные о разделе владений с братьями Олегом и Владимиром и о междоусобице между ними. Однако в других источниках имеются и другие интересные известия, в частности о связях с Западом. Кведлинбургская хроника рассказывает, что в 973 г. на Государственном соборе, который в этом городе на пасху собрал Оттон I с сыном, среди посольств, прибывших от римлян, греков, беневентанцев, итальянцев, венгров, датчан, славян (полабских) и болгар, присутствовало и русское посольство с богатыми дарами. По Нестору, Ярополк не был христианином, но его жена, красавица гречанка, которую Святослав привел сыну из какого-то греческого монастыря, была христианкой. Никоновская летопись сообщает под 979 г., что к Ярополку в Киев приходили послы от папы Римского. В некоторых западных источниках сообщается о крещении Руси западными миссионерами при князе, имя которого не названо. Однако сведения этих источников дают основание предполагать, что речь здесь идет о Ярополке. Эти источники — житие св. Ромуальда (написано в 1040 г.) и компилятор Хроники Адемара — рассказывают, что против крестившегося государя восстали братья: одного из них король убил, а другой убежал и живет в чужой земле. Действительно, в междоусобицах Ярополка с Олегом и Владимиром погиб Олег, а двенадцатилетний Владимир убежал из своей Новгородской области за море к варягам. В. Пархоменко, посвятивший особую книгу вопросу о начале христианства на Руси⁶¹, считал, что данное свидетельство относится к факту крещения Ярополка западным миссионером, и приводил в связь с этим существование Киевских глаголических отрывков западнославянского литургического текста X в. и блюдо из Перещепинского клада с латинской надписью епископа Патерна, а молчание русских летописей о крещении Ярополка объяснял тенденциозным отношением летописца — православного. А. А. Шахматов подверг критике гипотезу В. Пархоменко, считая, что он чересчур доверяет показаниям Иоакимовской и Никоновской летописей. Думается, что сведения западных источников об этом же периоде дают основание предполагать, что, раз

⁶⁰ В. П. Шушарин. Русско-венгерские отношения в IX в. — В кн.: Международные связи России до XVII в. Сборник статей под ред. А. А. Зимина и В. Т. Пашуто. М., 1961, стр. 131—180.

⁶¹ В. А. Пархоменко. Начало христианства Руси (IX—X вв.). Полтава, 1913.

были связи с Западом, значит, должны были иметь место и попытки католической церкви привести Русь в лоно западной церкви.

В эпоху Владимира I наряду с принятием христианства из Византии имели место сношения с Западом, в частности, в вопросе организации церкви. Три года своего изгнания, годы отрочества и первой юности Владимир провел за морем у варягов, где в то время трудились миссионеры с Запада. В период язычества Владимира по крайней мере четыре из его жен были христианками: норвежка Адлага, которая, согласно саге об Олафе, вместе с этим норвежским принцем повлияла на Владимира в вопросе крещения; гречанка, вдова Ярополка, которую Владимир взял себе по смерти брата; болгарка, мать св. Бориса и Глеба; чешка (которую В. И. Татищев отождествляет с Малфридой). Повесть об испытании вер, сколько бы в ней ни было легендарного⁶², своим сообщением о посольстве Владимира на Запад во всяком случае отражает факт тогдашних сношений с римской церковью, с чем в полном согласии стоит известие Никоновской летописи, что в 988 г. приходили в Киев посланцы от папы и «мощи святых принесша». В той же летописи имеются данные и о сношениях с Римом после крещения. В 991 г. рядом с другими известиями — о наводнении, о каменосечцах, прибывших из Греции, о принявшем крещение печенежском князе Кучуге — говорится снова о прибытии послов из Рима «с любовью и с честью»; в 994 г. Владимир сам посылает послов к папе, а в 1000 г. прибывают послы от папы вместе с посольствами чешского и венгерского королей, а в следующем году Владимир снова шлет своих гостей в Рим, Иерусалим, Египет и Вавилон. Известия Никоновской летописи о дипломатических связях Владимира с чехами, поляками и венграми подтверждает и Начальная летопись: «бе живя с князи околными миромъ, с Болеславом Лядьскимъ, и с Стефаном Угрьскимъ, и с Андрихомъ Чешьскимъ. И бе мир межю ими и любы»⁶³. (Известие поставлено по ошибке под 996 г.: Стефан Венгерский вступил на престол в 997 г., а Удальрих Чешский — в 1012 г.)

Княжеские брачные союзы в течение XI в. особенно интересны и важны для понимания тогдашней культурной ориентации Киевской Руси. Из сведений по этому вопросу, собранных в книге Н. Баумгартена⁶⁴, следует, что из 38 сохранившихся данных о браках Рюриковичей в XI в. 8 случаев падают на Германию, 2 — на Францию, 5 — на скандинавские королевства и Англию, 7 — на Польшу, 6 — на Венгрию, 3 брака — с половецкими принцессами, 1 — с византийской принцессой и 2 — с представителями византийской аристократии; русские межкняжеские браки большей частью не регистрируются, особо упомянуты в двух случаях. Итак, 27 браков с католическим Западом, 3 — с Византией и 3 — с половецкими. Сколь бы мы ни преуменьшали значение династического фактора в вопросах культурной ориентации средневековых государств, приведенные цифры убедительно говорят о том, что в XI в. Русь в своей политической жизни была значительно сильнее связана с Западной Европой, нежели с Византией и балканскими славянами. О значении этих связей древней Руси с латинским миром в Киевский период русской истории красноречиво говорит и полемика с латиня-

⁶² Ср.: Карташев, стр. 105—121.

⁶³ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 86.

⁶⁴ N. de Baumgarten. *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle*. Roma, 1927 (из «Orientalia Christiana», IX).

нами, которую вели греческие иерархи, стоявшие в то время во главе русской церкви.

Предостережения со стороны высшего греческого духовенства против латинских заблуждений появляются на Руси уже с первых лет существования христианской церкви (послание митрополита Леона при Владимире I)⁶⁵, однако это не препятствовало свободному развитию связей Руси с Западом. Необходимо учитывать, что, кроме отдельных моментов византийско-римского разрыва на почве догматических расхождений, до окончательного разделения церквей в 1054 г. столкновения латинской и греческой церкви базировались на вопросе территориального размежевания церковной юрисдикции, и в этом смысле греческое духовенство на Руси не имело канонического права препятствовать церковному общению русских с латинским духовенством, сопровождавшим западных принцев и других высоких гостей, приезжавших на Русь из католической Европы. Положение изменилось в 1054 г., и к последней трети XII в. и первой половине XII в. относится несколько случаев резкого выступления греческих иерархов на Руси против латинян. Первое (митрополита Георгия около 1072—1073 гг.), перечисляя вины латинян, указывает, что «не подобает у латыни камкати, ни молитвы взимати, и пития из единыя чаши ни ясти ни дати им». Однако нужно думать, что при тогдашних князьях-братьях, боровшихся за великое княжение (Изяславе, женатом на Гертруде Польской, и Святославе, женатом на немке), это требование не могло иметь большого эффекта. Наследник Георгия, митрополит Иоанн II (1077—1089), в «Правиле черноризцу Иакову», запрещая литургическое общение с теми, которые служат на опресноках, в сырную неделю едят мясо и употребляют в пищу кровь и удавленину, указывает, что «Ясти же с ними, ну жею суще, Христовы любве ради, не отинудь възбранно» и что при обособлении от латинян следует смотреть, «да не соблазн от сего, или вражда велика и злопоминанье родиться: подобает от болшаго зла изволити меньшее»⁶⁶. В этом же наставлении митрополит Иоанн осуждает как «недостойное зело и неподобное» явление «иже дщерь благовернаго князя даяти замужь во ину страну, идеже служить опресноки и ськверноеденье не отметаються»⁶⁷, однако приведенные данные о браках Рюриковичей свидетельствуют, что в данное время такие браки были самым обычным явлением⁶⁸.

Как раз в это время, в последней четверти XI в., связи русских князей с Римом были особенно сильны. В 1074 г. прогнанный с престола великий князь Изяслав после безуспешного вмешательства императора Генриха IV обратился к папе Григорию VII с просьбой о помощи и этим дал ему повод «властью святого Петра» подтвердить Изяслава, принесшего папе клятву верности, государем русской земли, как это читаем в сохранившемся папском «бреве»⁶⁹. Помощь папы Изя-

⁶⁵ Новый обзор вопроса о митрополите Леоне и греко-латинской полемике в его время дан в моей статье, принятой к печати в журнале «Byzantinoslavica».

⁶⁶ РИБ, т. VI. СПб., 1880, столб. 3.

⁶⁷ Там же, столб. 7.

⁶⁸ А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875; А. С. Павлов. Критические опыты по истории древней греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878; Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, 2-я пол. М., 1904, стр. 696—699; Карташев, стр. 263—266; А. Аттман. Abriss der Ostslawischen Kirchengeschichte. Wien, 1950, стр. 30—34.

⁶⁹ См.: Б. Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV веках, стр. 60—68.

славу оказалась бесполезной, так как его брат Святослав вскоре умер, а Изяслав вернулся на Русь собственными силами. Однако это событие послужило поводом для дальнейших живых сношений между Киевом и Римом.

Между 1084 и 1089 гг. антипапа Климент III послал в Киев епископа для переговоров о соединении русской церкви с римской. Предложение было отклонено особым посланием митрополита Иоанна III, которому принадлежит и упомянутое «Правило черноризцу Иакову». Вскоре после этого, в 1091 г., «приде Феодор, грек митрополич, от папы из Рима и принесе много мощей святых». Возможно, что это посольство было связано с установлением на Руси праздника перенесения мощей св. Николая из Малой Азии в итальянский город Бари. Это событие произошло в 1087 г. В следующем году на Западе был установлен праздник, а очень скоро после этого, при митрополите Ефреме (1090—1104), этот праздник введен и на Руси. Тропарь этому празднику, как показал А. А. Дмитриевский, несомненно западного происхождения, ибо говорит о радости и ликовании города Бари и всей вселенной по поводу события, которое не могло быть приятно грекам: в Греции этого праздника нет. Имеется известие о связях с Римом и в 1096 г. при том же митрополите Ефреме. Известны такие случаи и позднее: в 1169, 1207, 1227 и 1231 гг., в последних трех случаях посольства пап Иннокентия III, Гонория III и Григория IX приходили для переговоров о соединении русской церкви с Римом. Следует упомянуть, что в домонгольский период на Руси существовало несколько католических храмов с латинским богослужением — в Киеве, Новгороде, Пскове, Ладоге и Смоленске, а вблизи Киева был воздвигнут и один доминиканский монастырь⁷⁰. Общее мнение историков русской церкви, что «сравнительная веротерпимость русских по отношению к другим религиям и христианским исповеданиям была отличительной чертой домонгольского периода»⁷¹.

При таких постоянных сношениях Киева с Западом в течение X и XI вв. не могло не осуществляться и постоянное культурное взаимовлияние. Можно полагать, что оно осуществлялось в первую очередь через посредство узкой среды родственников, свиты и ближней дружины, сопровождавших иностранных принцесс, прибывавших на Русь и путешествовавших вместе с русскими княгинями к западным дворам. Если французская королева Анна Ярославна, будучи правительницей при своем малолетнем сыне Филиппе, в 1063 г. ставила кирилловскими буквами свою подпись под латинской дарственной грамотой суассонскому аббатству Сан-Крепен-де-Гран, значит, она в течение 12 лет жизни во Франции не забывала свой язык и славянскую грамоту, которой, очевидно, пользовалась в переписке с родными. При таких частых встречах и постоянных сношениях легко усваиваются чужие моды и обычаи, как это имело место даже в консервативной и гордой своим культурным превосходством Византии, которая в эпоху крестовых походов приняла при дворе западные моды и западные рыцарские обычаи. Заимствуются чужие художественные образы и мотивы, рождаются новые формы художественного оформления, постепенно меняются вкусы. Незаметно входят в обиход чужие термины, как 'пискуп', 'пискупия' и др., которые встречаются в древних русских памятниках. В дипломатической практике легко усваиваются чужие формуляры, особенно в период рождения новых

⁷⁰ Ср.: Е. А. Шмуrho. Курс русской истории, стр. 165—167 и 407—409.

⁷¹ Карташев, стр. 264—265.

форм несуществовавшего дотоле письменного делопроизводства. Заимствуются и чужие юридические институты. В этом отношении особое внимание обращено на западноцерковное происхождение церковной «десятины», которую Владимир I установил для содержания построенной в Киеве Десятинной церкви: «Дах ей десятину по всей земли Русей: ис княжения в соборную церковь, от всего княжа суда десятую векшую, а ис торгу десятую неделю, а из домов на всяко лето от всякого стада и от всякого жита чудному Спасу и чудней его матери»⁷². В Византии церковной десятины не существовало, и возникновение этого института на Руси естественно толкуется как заимствование западной нормы, обычной в то время в католической Европе⁷³.

Западное влияние, по-моему, проявилось и в появлении на Руси хронологической системы, которая начинает год мартом месяцем. Эта система была принята на Руси в историографических трудах и в бытовой практике параллельно с византийской сентябрьской системой, которую русские митрополиты-греки ввели в употребление в церковной жизни и в дипломатической переписке с Византией. В моей незаконченной работе о мартовском стиле⁷⁴ я в данном вопросе повторил мнение русских палеографов, что к славянам эта система пришла из Византии через пасхалию. Сейчас я вполне убежден, что на Русь начало года мартом могло прийти только с Запада, где эта система в IX—XI вв. была во всеобщем употреблении, тогда как в Византии в то время она уже совершенно вышла из употребления как в историографии, так и в практической жизни. «Благовещенский год» — *Annis ab Annuntiatione* или *ab Incarnatione* (с 25 марта) — был в то время в употреблении во Франции — в королевской канцелярии и в разных областях (*mos Gallicanus*), в Англии, в Германии — как церковный год в Трирской архиепископии (как раз оттуда происходит знаменитая Трирская псалтирь с русскими миниатюрами XI в.), в разных областях северной и средней Италии (с особыми вариантами «флорентийского» и «пизанского» стиля) и в папской канцелярии от середины X до начала XIII в. Вероятно, под непосредственным влиянием папской канцелярии «благовещенская система» появилась у ближайших соседей Руси: поляков, чехов и венгров в связи с организацией их церквей в X и XI вв., — а от них была заимствована Русью в период живых династических, церковных и литературных связей той эпохи.

При наличии тех живых и непрерывных политических сношений и династических связей, которые существовали в X и XI вв. между Киевской Русью и

⁷² Устав св. Владимира по рукописи XIII в., цит. по: И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885, стр. 98; ср.: Повесть временных лет под 6504 г.

⁷³ Н. С. Суворов. Следы западнокатолического церковного права в памятниках древнерусского права. Ярославль, 1888; Н. Никольский. К вопросу о западном влиянии на древнерусское церковное право, стр. 116 и сл. Это католическое влияние, конечно, могло прийти на Русь через посредство западного славянства; ср.: М. Н. Тихомиров. Объяснение некоторых понятий русских раннефеодальных памятников терминами из других славянских и неславянских источников. Актуальные проблемы славяноведения. Краткие сообщения Института славяноведения, 33—34. М., 1961, стр. 103—104.

⁷⁴ Три первые главы напечатаны в сербском журнале «Историски Гласник», № 1—2 (Београд, 1951, стр. 20—57).

Польшей, естественно предположить, что и культурные взаимоотношения между этими ближайшими соседями должны были быть очень значительны. Однако литературные связи между Русью и Польшей в этот период вообще еще не принимаются в расчет, так как и сама церковнославянская традиция в Польше является спорной. Противоположные точки зрения заняли в этом вопросе в 1956 г. такие авторитеты, как Ф. Лер-Сплавинский и Б. Гавранек⁷⁵. Первый из них признает значение свидетельства жития св. Мефодия о том, что он склонял к крещению могущественного языческого князя на берегах Вислы, как же как и свидетельство о славянской проповеди в Польше, которые находятся в послании немецких епископов папе Иоанну IX в 900 г. и в каталоге краковских епископов XI в., но все же считает, что славянское богослужение в Польше не имело длительной традиции и не сыграло существенной роли в развитии польской средневековой культуры. Напротив, Гавранек доказывает, что кирилло-мефодиевская традиция должна была культивироваться в Краковской области уже в конце X в., когда эта область находилась под властью чешских Пржемысловичей. Должна она была существовать и в государстве Пястов, поскольку Мешко I женился на дочери Болеслава I Чешского и в 966 г. принял из Чехии христианскую веру. Из Чехии вместе со славянским богослужением должна была распространяться и славянская книга. Доказательством тому служит польская христианская терминология, которая в конце первой половины XI в. формировалась на базе чешской редакции старославянского языка, так же как и церковная песнь «Богородица» X или XI в., которая наряду с общим византийским характером содержит и характерные старославянизмы и чехизмы. Вопрос славянского богослужения в Польше в древнейшую эпоху несколько раз поднимался в последние годы и в связи с организацией польской церкви при Болеславе Храбром. В 1953 г. И. Уминский доказывал, что вторая польская митрополия при Болеславе Храбром пользовалась кирилло-мефодиевским обрядом⁷⁶. Г. Пашкевич в 1954 г. в работе «The Origins of Russia» тоже доказывал существование кирилло-мефодиевской традиции в Польше в X и XI вв. Недавно Х. Квапишевский⁷⁷ снова привлек к этому вопросу свидетельства хроники Галла, Нестора и Кадлубека вместе с письмом принцессы Матильды Мешку II и славянской надписью на монете Болеслава Храброго и пришел к выводу, что славянская южнопольская митрополия с центром в Сандомирце хранила кирилло-мефодиевскую традицию до конца XI в. Известно, что славянское богослужение в Польше долго держалось в Тынецком монастыре, и А. И. Соболевский на основании фонетических данных предполагал, что там мог возникнуть перевод богослужебного текста, сохранившегося в Киевских глаголических отрывках⁷⁸.

⁷⁵ См.: Т. *Lehr-Splawinski*. Czy są ślady istnienia liturgii cyrylometodejskiej w dawnej Polsce? — *Slavia*, roč. XXV, N 2. Praha, 1956, стр. 290—299; Б. *Havránek*. Otázka existence církevní slovanštiny v Polsku. — *Slavia*, roč. XXV, N 2. Praha, 1956, стр. 300—305. см. также заметки А. Dostál'a: *Byzantinoslavica*, t. XX, № I. Prague, 1958, стр. 198—199.

⁷⁶ I. *Umiński*. Obrządek Słowiański w Polsce w IX—XI w. i zagadnienie drugiej metropolii w czasach Bolesława Chrobrego. — *Roczniki Humanistyczne*, IV, f. 4. Lublin, 1953, стр. 1—44.

⁷⁷ H. *Kwapiszewski*. Zagadnienie metropolii słowiańskiej w Sandomierzu. — *Małopolskie studia hist.*, I. Kraków, 1958, стр. 73—78.

⁷⁸ А. И. Соболевский. 1) К хронологии древнейших церковнославянских памятников. — *ИОРЯС*, т. XI, кн. 2. СПб., 1906, стр. 1—19; 2) Материалы и исследования..., стр. 48—109; см.: Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 14—15.

Политические связи Руси с Чехией в X и XI вв. менее известны, чем русско-польские международные отношения той эпохи. Кроме того, что Нестор во введении говорит о соседних западнославянских племенах и о трудах славянских апостолов в Моравии, известного свидетельства летописи о торговых связях Руси с Чехией при Святославе и известия о Чехине, жене Владимира I, о его позднейших сношениях с чешским князем Удальрихом, русские летописи подробнее говорят только о русском столкновении с чехами в 1076 г., когда русские князья помогали полякам в их войне с Чехией⁷⁹. Не может быть сомнений, что в течение всего этого периода русско-чешские взаимоотношения были постоянными. Не только чешские произведения, как жития св. Вячеслава и Людмилы, перешли на Русь, но в рамках церковных связей осуществлялось и обратное культурное влияние. Весьма важные данные из области церковных связей сохранил сазавский монах в примечании к Хронике Козьмы Пражского под 1095 г. Тогда в его монастыре была освящена часовня, построенная игуменом Бежетехом, а в одном из двух тамошних алтарей, кроме других реликвий, хранились мощи св. Глеба и его друга⁸⁰. М. Н. Сперанский так резюмировал обзор вопроса о значении чешско-моравских памятников для русской письменности: «Как памятники западного происхождения, они могли доносить к нам и западное культурное влияние, но на деле этого мы не видим, во-первых, потому, что в них ничего специфически западнохристианского (например, в области догматики), кроме терминологии и лексики, не было; во-вторых, они прошли через югославянскую среду (по типу культуры — восточную), значительно стершую и эти внешние следы западнославянской их физиономии; в-третьих, эти памятники очень немногочисленны по сравнению с массой восточных, пришедших к нам»⁸¹. Это положение М. Н. Сперанского принимает и Н. К. Гудзий⁸². Мне кажется, что приведенные результаты исследований в области русско-западнославянских литературных связей за последние 40 лет позволяют несколько ограничить все три положения цитированной аргументации М. Н. Сперанского.

Нельзя сказать, что в памятниках западнославянской письменности X и XI вв. не было ничего специфически западного, кроме терминологии и лексики. Упомянутая «десятина» является не только термином, а важнейшей нормой западного церковного права, вошедшей в русский юридический быт, которая сама по себе говорит о силе западного влияния в данной области, так же как и упомянутая церковная терминология. Если в X и XI вв. не было еще обширной полемической литературы о догматических расхождениях между западной и восточной церковью, существовали значительные различия в содержании литургических текстов и особые молитвы вроде упомянутых западных молитв со специфически западными элементами. Но и независимо от больших или меньших догматических различий в западных и восточных памятниках письменности важно, что именно с Запада пришли и на Балканы, и на Русь памятники такого культурного

⁷⁹ Русско-чешские политические и культурные связи полнее всего исследованы в труде А. В. Флоровского «Чехи и восточные славяне», т. 1 (Прага, 1935). Замечания по поводу его скептического отношения к значению связей в древнейшую эпоху см.: И. Вашица. Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 8—9.

⁸⁰ См.: М. Коутная. Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 13.

⁸¹ М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. Введение. Киевский период. Изд. 3-е. М., 1920, стр. 277.

⁸² Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 23.

значения, как Никодимово евангелие, первый перевод Номоканона, «Закон судный людям», первый сборник поучений и первые житийные произведения. Уже сами эти примеры свидетельствуют, что западнославянское влияние при возникновении славянской письменности в качественном отношении должно было быть значительным.

Не бесспорно и утверждение, что число западных памятников было весьма незначительно в сравнении с числом восточных, перешедших на Русь. Из области канонической письменности мы привели три важных памятника, возникших в Моравии, рядом с которыми можем в эпоху старославянской письменности поставить только два возникших в Болгарии: перевод Номоканона XIV титулов и, вероятно, перевод Синодика в неделю православия. В области агиографии рядом с несколькими чешскими и моравскими житиями не встречаем ни одного балканского из данного периода, кроме утерянного жития св. Климента. Правда, мы имеем много данных о произведениях из области церковно-учительской письменности, возникших на Балканах трудами учеников славянских апостолов, но их южнославянское происхождение бросается в глаза прежде всего благодаря сохранившимся записям с именами их авторов, тогда как отсутствие таких данных об именах западнославянских писателей той эпохи не дает нам возможности на первый взгляд выделить в общем литературном старославянском наследии произведения западного происхождения. Таким образом, в данном вопросе приходится опираться на лексический и вообще филологический анализ текстов, который с неизмеримо большими трудностями позволяет вскрывать в позднейших русских списках хронологические слои древнего старославянского и балканского происхождения. Это, как особо подчеркнул уже В. М. Истрин, в высшей степени сложный и тяжелый труд, который лишь начат в работах А. И. Соболевского и который и в данное время можно считать лишь заданием для будущих исследований.

Такой анализ сможет в будущем показать, действительно ли все западные памятники, попавшие на Русь, прошли через южнославянскую среду или отдельные произведения переходили на Восток непосредственно из Чехии, Польши и Венгрии. Мы упоминали о географическом аргументе Н. К. Никольского, который говорит за то, что Руси было неизмеримо легче принимать литературное наследие непосредственно от своих западных соседей, нежели кружным путем через Балканы. Между тем в данном вопросе, кроме фактора расстояний, в самой большой мере следует принимать во внимание и чисто исторический фактор: политическую обстановку, которая могла содействовать или препятствовать осуществлению взаимных культурных связей между Русью и остальным славянством в различные периоды. Если эти чисто исторические предпосылки в вопросе русских сношений с Чехией, Польшей и Венгрией в течение всего X и XI вв. были более или менее однородными, то совсем иными должны они были быть в отношении к славянским Балканам. Византийское завоевание Балкан в первые годы XI в. делит историю балканских славян и в политическом, и в культурном отношении на два особых периода. Первый — X в. — эпоха политического могущества Болгарии и ее культурной гегемонии в славянском мире. В этот период ученики просветителей Кирилла и Мефодия перенесли на Балканы литературную традицию своих учителей и в эпоху Симеона Великого сделали старославянскую письменность общеславянской. Второй период — XI и XII вв. — эпоха потери политической независимости и период насильственной эллинизации

болгарского и македонского народов со всеми последствиями духовного гнета и культурного регресса. Рождение русской письменности относится еще к эпохе болгарско-македонской культурной экспансии, которая наиболее ярко проявилась в формировании церковнославянского типа русского литературного языка. Между тем эпоха создания самостоятельной русской литературы в XI в. приходится уже на период культурной изолированности южного славянства под византийской властью. Последняя, конечно, пользовалась всеми средствами для того, чтобы воспрепятствовать развитию культурных связей между своими беспокойными славянскими подданными и независимыми славянскими землями на севере. В таких условиях трудно предполагать, чтобы южнославянская письменность в данный период могла играть роль посредника в литературных связях Руси с западным славянством, и значительно более вероятным будет предположение, что русско-западнославянские связи XI в. осуществлялись и развивались непосредственно.

Русско-южнославянские связи в X и XI вв.

Огромное культурное влияние Болгарии на Россию, о котором говорит, с одной стороны, переход в Россию литературного богатства, созданного на Балканах в эпоху Симеона Великого и его наследников, а с другой — южнославянские элементы в словаре и грамматической структуре древнерусского литературного языка, находится в странном несоответствии с молчанием Начальной летописи о русско-болгарских связях. Как и в ряде других вопросов, связанных с этим памятником, были попытки истолковать это «невнимание» летописца к Болгарии грекофильской, следовательно, болгарофобской тенденцией автора⁸³. Однако необходимо принимать во внимание то, что обычно совсем упускается из виду: в эпоху создания летописи Болгария как политическое понятие уже давно не существовала, и в сознании летописца этого времени болгары были лишь славянским племенем, живущим на территории Византийской империи. Ретроспективное отражение этих представлений о современной летописцу политической географии объясняет нам, почему летописные повествования о походах первых русских князей на Царьград, когда русская конница шла по территории Симеонова царства, не принимают во внимание неустранимую связь этих походов с тогдашними болгаро-византийскими отношениями.

Прекрасная работа М. Н. Тихомирова об исторических связях русского народа с южным славянством⁸⁴ во многом расширяет наши представления о характере и культурно-историческом значении русско-болгарских сношений в эпоху Преславского царства. Особое значение в данном вопросе принадлежит факту распространения компактной массы русского населения до нижнего Дуная. Здесь восточнославянские племена уличей и тиверцев входили в непосредственное соседство с Болгарией, тогда как на северо-востоке эти племена были непосредственными соседями древлян, которые уже в конце IX в. входили в состав

⁸³ Ср.: B. Zastěrová. Observations sur le problème de la christianisation en Russie. — *Byzantinoslavica*, t. XI. Prague, 1950, стр. 241—254.

⁸⁴ М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII века. В кн.: Славянский сборник. ОГИЗ, 1947, стр. 125—201.

Киевской Руси. По свидетельству баварского Анонима X в., в этой земле было 566 городов, что делает понятными походы первых русских князей в земли уличей и тиверцев, так же как и позднее желание Святослава перенести свою столицу на Дунай. Непосредственная связь Киевской Руси с Преславским царством внушает априорное заключение, что внешняя политика первых Рюриковичей на юге должна была считаться с тогдашними византийско-болгарскими отношениями и, вероятно, стояла с ними в связи. Так, вполне приемлемо предположение М. Н. Тихомирова о связи походов Олега на Царьград с тогдашними отношениями между Византией и Симеоном Великим, в частности указание на синхронизм похода Симеона на Царьград 922 г. с письмом Николая Мистика болгарскому царю того же года, в котором патриарх угрожает Симеону греческим союзом с его северными соседями, между которыми называет и русских, и с датой 922 г., под которой в Новгородской летописи поставлен поход Олега на Царьград. Хорошо известна связь походов Святослава на Балканы с тогдашними греко-болгарскими политическими отношениями.

Вероятная зависимость, существовавшая между русско-византийскими и болгаро-греческими политическими отношениями, получает особую убедительность в связи с фактом постоянных торговых отношений Киевской Руси с Балканами, о которых говорит Порфириогенет. Русские торговые флотилии ежегодно крейсировали между Киевом и Царьградом и на своем пути регулярно делали остановки в пристанях на болгарском побережье Черного моря: при устье Дуная, при устье Варны, при устье Дичины и в Месемврии. Здесь, так же как и в центральных пределах страны, во время русских военных экспедиций против Византии должны были развиваться постоянные связи русских купцов и воинов с болгарским населением, которые не могли остаться без влияния на постепенное проникновение к русским христианства и славянской письменности, которая как раз в то время переживала период своего могучего расцвета в государстве Симеона Великого. Б. Ангелов⁸⁵ привел ряд данных в пользу положения о существовании этих связей в течение всего X в., особенно подчеркивая функциональное значение «делового» письма, которое оставило наиболее значительный след в славянских текстах русско-византийских договоров X в., написанных не без участия болгарского переводчика. Очень интересно письмо Святослава Цимисхию, относительно которого И. И. Срезневский на основании ошибок в правописании с несомненностью доказал, что его сохранившийся текст переписан с глаголического оригинала⁸⁶. Одновременно с проникновением славянского письма для целей деловой переписки переходила на Русь и славянская богослужебная книга вместе с христианством, которое с конца IX в. проникало в Восточную Европу и с католического Запада, но в большей мере с православных Балкан.

Сколько ни малочисленны были первые христианские общины в Киевской Руси, хотя бы только около церкви св. Илии, в которой дружинники Игоря приносили клятву на договор с греками 944 г., и, может быть, при дворе княгини Ольги, ко-

⁸⁵ Б. Ст. Ангелов. К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей, стр. 132—138.

⁸⁶ И. И. Срезневский. 1) Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1862, стр. 7; 2) Славяно-русская палеография XI—XIV вв., стр. 58. Особенно важна ошибка в дате: «В Дерестре месяца июля, индикта в 14»; здесь число 14 ошибочно поставлено вместо 15 благодаря буквальной транслитерации глаголического оригинала, где буква *Д* означает число 5, тогда как в кириллице — 4; XV индикт отвечает 6480 г. Вторая важная ошибка: слово «всаком» вместо «Иваном» «великим царем гръчким».

торая имела своего пресвитера, они должны были иметь для богослужения книги Св. Писания и важнейшие литургические книги. В интересной статье Б. Сапунова о древнерусской письменности XI—XIII вв. в качестве базы для статистических заключений о числе книг, которые в то время могли быть в обращении, взято число 8 как минимальное число необходимых для приходской церкви книг: евангелие-апракос, праксапостол, служебник, требник, псалтирь, постная триодь, цветная триодь и общая минея — с примечанием, что «часовник или октоих» (может быть, нужно «часослов и октоих»? — В. М.) можно было заменить следованной псалтирью⁸⁷. С некоторыми из этих данных я бы не согласился. «Следованной псалтири» в то время еще не существовало: в славянских рукописях я ее не встречал до XV в. Напротив, совершенно необходим часослов как скелет каждой службы, а также и октоих, который встречается в древнейших рукописях, часто в форме сокращенного октоиха (воскресного и седмичного). Точно так же в древнюю эпоху не существовала и общая минея, тогда как при недостатке полной минеи из 12 книг безусловно была необходима праздничная минея, которая и действительно существует в ряде древних рукописей под именем Трефолая. Кроме того, для праздничных и постовых служб был необходим и сборник старозаветных текстов, который известен в ряде древних рукописей Паримейник. Триодь постная и цветная в древних рукописях часто встречаются в одной книге, в сокращенном виде. Поэтому я бы дал приведенному списку такую форму: евангелие, апостол, служебник с требником, псалтирь, часослов, сокращенный октоих, сокращенная триодь постная и цветная, праздничная минея и паримейник.

Все же нужно думать, что хотя бы в центральной христианской общине должны были существовать и все 12 книг полной служебной минеи (сохранились 3 русские XI в.); вероятно, Номоканон для руководства в канонических вопросах, в частности в вопросах брачного права; вероятно, рукописи агиографического содержания (как житие св. Вацлава X в. или Супрасльская рукопись Четьи минеи за март) и, конечно, учительные (проповеди). В X в. все это легко могло быть получено из соседней Болгарии при Игоре и Ольге. Если же считать, что в Киеве уже при Святославе было несколько христианских храмов, то придется предположить, что и до Владимира I церковная книга из Болгарии должна была приходить на Русь в более значительном количестве рукописей. Такое положение вопроса о начале русско-болгарских литературных связей, говорит Б. Ангелов, в значительной степени объясняет причины быстрого развития русской литературы и русской культуры вообще в период непосредственно после крещения Руси в конце X в.⁸⁸

Весьма вероятно, что много болгарских книг могло прийти в дохристианскую Русь вместе с болгарской эмиграцией после падения Преславского царства в 972 г. После ухода Святослава из Болгарии Цимисхий вошел в Преслав, взял в плен царя Бориса II с его братом Романом и вместе с их семьями послал в Константинополь. Борис должен был участвовать в триумфе Цимисхия: снял знаки царской власти и получил византийский титул магистра. Оскопленный Роман получил службу при дворе. Провозглашено присоединение завоеванных земель

⁸⁷ Б. В. Сапунов. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII веков. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 314—332.

⁸⁸ Б. Ст. Ангелов. К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей, стр. 133—138.

к Византии; столица Преслав переименована в Иоаннополь (в честь Иоанна Цимисхия), Доростол на Дунае — в Теодорополь; произведено частичное переселение жителей, в частности манихеев, во Фракию. Болгарский патриарх низложен, болгарская церковь потеряла автокефалию и подчинена константинопольскому патриарху. Часть болгарской церковной иерархии ушла на Запад в македонские области, которые сохранили известную самостоятельность под властью четырех сыновей сильного феодала комеса Николы. Нужно полагать, что значительное число представителей высшего болгарского слоя из Преславской империи могло уйти через Дунай на Русь, и здесь они должны были сыграть важную роль в распространении христианства и славянского просвещения при сыновьях Святослава. Через 15 лет после этих событий произошли крещение Руси и организация православной церкви со славянским богослужением под юрисдикцией Царьграда.

В связи с организацией русской церкви на Русь перешла богатая болгарская письменность и литература, которую в эпоху Симеона Великого и его наследников создали ученики Кирилла и Мефодия и их южнославянская школа. Главную часть этой письменности составляют переводы произведений византийской литературы: прежде всего тексты Св. Писания, Ветхого и Нового Завета, частью с толкованиями; вся литургическая литература; канонические труды, как Номоканон XIV титулов и, вероятно, Синодик в неделю православия; творения отцов церкви и позднейшая литература поучений, дошедшая в многочисленных русских сборниках, начиная от Святослава Изборника 1073 г., Златоструях и т. д.; большое число произведений житийной литературы в виде особых житий прославленных подвижников и в больших сборниках — Четьях минеях; поучительная аскетическая литература в Патериках; апокрифы; исторические труды, в частности Хроника Иоанна Малалы с включенным в нее сказанием о Троянской войне; Откровение Мефодия Патарского; вероятно, Физиолог. Многие из этих произведений переводной литературы носят имена переводчиков — тех же писателей, которые известны и как авторы самостоятельных произведений: Климент Охридский, биограф и панегирист своих учителей Кирилла и Мефодия, переводчик «Цветной Триоди», автор многочисленных поучений, составленных простым и ясным языком, и похвальных «Слов» в византийском риторическом стиле; Константин, сначала пресвитер, а позднее епископ, переводчик «Учительного евангелия» (51 «слово» за воскресные дни с его введениями и нравоучениями и с прибавлением одного собственного поучения) и «Слов» Афанасия Александрийского против ариан, автор «Азбучной молитвы» и, по всей вероятности, «Прогласа св. Евангелия» (стихотворного предисловия к славянскому переводу «Четвероевангелия»), а также, вероятно, ряда других произведений; Иоанн Экзарх, переводчик Дамаскинова «Слова о правой вере» и составитель «Шестоднева» по творениям Василия Великого и других византийских писателей, автор нескольких художественно стилизованных «Слов»; Григорий Пресвитер, переводчик 8 библейских книг и автор поучений, большей частью компилированных из творений Златоуста. В качестве оригинальных писателей известны Черноризец Храбр, автор полемического произведения «О писменех» в защиту Кириллового дела против «троязычной ереси»; сын Симеона Великого, царь Петр, который позднее принял монашество и под именем Черноризца Петра известен как автор поучений; Козма Пресвитер, автор известного полемического труда против богумил «Слова на еретики».

В своем обзоре о древнеболгарской письменности и ее связях с русской литературой Н. К. Гудзий говорит: «Можно сказать с полной уверенностью, что многое из произведений древнейшей болгарской и переводной и оригинальной литературы не дошло до нас: многое, несомненно, погибло или было истреблено в обстановке тяжелых исторических катастроф, какими чревата была история Болгарии. Ни один памятник переводной и оригинальной литературы времени Бориса и Симеона не сохранился в болгарских списках: все они, как и многие позднейшие, известны по русским или сербским спискам, обнаруживаемым вплоть до наших дней в различных книгохранилищах, преимущественно русских. Не сохранились, например, болгарские оригиналы Остромирова Евангелия и Святослава Изборника 1073 г., дошедших до нас в богато оформленных русских списках, очевидно, воспроизводящих внешнее оформление оригиналов»⁸⁹.

Вопрос о том, сколько и какие тексты из тогдашней болгарской письменности спаслись от гибели благодаря своему переходу в Россию, является особо важным по своей связи с общей характеристикой содержания древнейшей болгарской литературы, которая обычно строится на базе известного нам сохранившегося материала. При рассмотрении этого вопроса, мне кажется, необходимо тщательнее учитывать те исторические условия, в которых осуществлялись тогдашние русско-болгарские литературные связи.

Непосредственные связи Киевской Руси со славянскими Балканами после крещения Владимира были очень недолговечны, всего 12 лет: от 989 г., когда Самуил, восстанавливая болгарское царство, отнял у византийцев Преславскую область, до 1001 г., когда византийцы снова заняли весь северо-восточный угол полуострова.

Восстание «комитопулов» против Византии началось в 976 г., после смерти императора Цимисхия. После того как в течение первых лет борьбы погибло двое из четырех братьев, верховную власть взял в свои руки Самуил, предоставив брату Аарону восточную часть освобожденной территории. Вскоре из Царьграда прибыли бывший царь Борис с братом Романом: видимо, им удалось бежать, или они были посланы греками в надежде, что их появление на родине вызовет междоусобную борьбу среди восставших. Борис при переходе границы был по недоразумению убит. Самуил признал легальное право Романа на царский титул и поместил его в Преспе, сохранив фактическую власть в своих руках и продолжая завоевание Фессалии. Лишь в 986 г. молодой император Василий II смог начать борьбу против Аарона и Самуила, но ему не удалось занять Средец, а затем он потерпел страшное поражение в Ихтиманском ущелье. В следующие годы, когда в Византии происходили восстания феодалов, а русские в Крыму заняли Корсунь, Самуил (который уже стал единоличным правителем после того, как дал убить Аарона за его сношения с Византией) занял на Западе византийские земли до Адриатики, а на Востоке — всю область до Черного моря, кроме Солуни, и таким образом присоединил Преславскую землю к своему государству. В 991 г. Василий II захватил в плен царя Романа, который вскоре после этого умер. Самуил продолжал успешные военные операции на юге до 996 г., когда потерпел поражение на реке Сперхее. Провозгласив себя царем, Самуил до 1001 г. вел успешные военные действия на северо-востоке. В 1001 г. военное сча-

⁸⁹ Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 25.

стве изменило Самуилу: Василий II удачным походом на Пловдив, Средец и Видин снова отторг Преславскую область от государства Самуила, а затем вскоре занял Преслав и земли до нижнего Дуная. Война продолжалась в Фессалии, во Фракии и у Скопья и завершилась поражением Самуила на Беласице, ослеплением 15000 его воинов и скорострительной смертью Самуила. Через четыре года его государство перестало существовать и стало византийской фемой⁹⁰.

Упомянутое совпадение войн Самуила с Византией за северо-восточную часть Балканского полуострова с военными операциями Владимира в Крыму наводит на мысль, что это совпадение носило не случайный характер, а было обусловлено политическим союзом между этими двумя славянскими государствами против греков. Точно так же и совпадение крещения Владимира и первоначальной организации славянской церкви на Руси с Самуиловым завоеванием Преславской области, чем было снова осуществлено непосредственное русско-болгарское соседство на нижнем Дунае, внушает предположение о связях Владимира с Самуилом в области культуры в связи с устройством русской церкви. Б. Ангелов обращает внимание на одно интересное известие Иоакимовской летописи, достоверность которого в свое время доказывал П. А. Лавровский. После сообщения о крещении Владимира, его сыновей и всей Руси летописец прибавляет, что болгарский царь Симеон послал на Русь ученых иереев и «книги довольны». П. А. Лавровский привел в защиту этого известия сообщения Кедрина и Зонары, что брат последнего болгарского царя, евнух Роман, который на положении титулярного царя жил у Самуила в Преспе до 991 г., а затем снова попал в Царьград, настаивал на своем праве на царский титул и в честь своего деда принял имя Симеона⁹¹. Этот Роман-Симеон мог фигурировать в приведенном свидетельстве Иоакимовской летописи как тогдашний номинальный царь вместо фактического правителя Самуила, в то время еще не коронованного. Примем ли мы это объяснение или предположим в имени Симеона описку вместо Самуила (может быть, только в цитате у Татищева?), историческая основа самого известия вполне очевидна. При организации русской церкви Владимир должен был искать православных славянских священников на славянском Балкане, т. е. в то время только у Самуила и его охридского патриарха. Этот очевидный факт привел М. Д. Приселкова к предположению, что Владимир, приняв из Византии крещение, не получил от греков обещанной церковной самостоятельности и поэтому обратился к охридскому патриарху, с благословения которого была основана русская архиепископия⁹². Но и независимо от этой гипотезы связи русской церкви с тогдашней охридской патриархией априорно встают как очевидный факт.

Это получило прекрасное освещение в статье М. Н. Сперанского⁹³. Указав на примеры перехода на Русь многих литературных памятников, возникших в ох-

⁹⁰ См.: В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. I, ч. 2. София, 1927, стр. 624—715; Г. Острогорски. Историја Византије. Београд, 1959, стр. 296—298.

⁹¹ П. А. Лавровский. Исследования о летописи Якимовской. — Ученые записки II Отделения Академии наук, кн. II. СПб., 1856, стр. 147—148; ср.: Б. Ангелов. К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей, стр. 137.

⁹² М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913; ср.: А. В. Карташев. Очерки по истории русской церкви, стр. 160—165.

⁹³ М. Н. Сперанский. Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы. — Slavia, roč. VII. Praha, 1928—1929, стр. 516—535.

ридской школе Климента, он пришел к выводу, что и до-Владимирово христианство, которое несомненно было в первую очередь болгарским, может быть охарактеризовано прежде всего как западноболгарское⁹⁴. Исторический обзор политических событий на Балканах в последней четверти X в. завершается констатацией, что после разгрома Восточной Болгарии Цимисхием Западная Болгария могла стать единственным источником славянского христианства и связанной с ним литературы для Руси⁹⁵. И действительно, тонкий анализ древнейших русских рукописей Псалтири с толкованиями Афанасия Александрийского — Евгениевых отрывков XI в. и Толстовской Псалтири (ГПБ) конца XI или начала XII в. — показал в их языке несомненные македонизмы (в области носовых, глухих, ятя и йотации), так же как и несомненные следы глаголического оригинала⁹⁶. Как известно, следы употребления глаголицы на Руси находятся и на монументальных памятниках (Новгородские графиты XI в.), и в ряде рукописей, что уже давно привело И. И. Срезневского, а за ним Е. Ф. Карского к заключению, что русским приходилось часто переписывать с глаголических оригиналов⁹⁷. Хотя на территории Преславской Болгарии найдены отдельные следы употребления глаголицы (что вполне естественно при факте перехода памятников охридской литературной школы на Восток в пределах общего государства Симеона Великого), все же на Востоке уже с конца IX в. распространялось преимущественно кирилловское письмо (надпись Павла Хартофилакса в Преславской церкви 893 г.)⁹⁸. Глаголица дольше держалась в Македонии.

Нужно думать, что после изгнания учеников Кирилла и Мефодия из Моравии и Паннонии глаголица задержалась на всем северо-западе Балканского полуострова⁹⁹. В Хорватии ее древнее существование засвидетельствовано в XI в. надписями: Валунским — на острове Цресе, Пломинским, Крчком и Бащанской плитой, с какого времени эта традиция держалась почти до наших дней. На территории Боснии о ее употреблении говорит несколько сохранившихся отрывков (древнейший, может быть, еще от XII в.)¹⁰⁰, глаголические записи в средневеко-

⁹⁴ Там же, стр. 528—529.

⁹⁵ Там же, стр. 528.

⁹⁶ См. также: Н. П. Гринкова. Евгениевская псалтырь как памятник русской письменности XI в. — ИОРЯС, т. XXIX. Л., 1925, стр. 289 и сл.

⁹⁷ И. И. Срезневский. Следы глаголицы в памятниках X века. — Известия Академии наук, т. VII, 1858, стр. 337—352; Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 211—213; ср.: П. А. Лафров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. — Энциклопедия славянской филологии, вып. IV, 1. Пгр., 1915, стр. 5.

⁹⁸ К. Миятев. Симеонова цръква в Преслав и нейнит епиграфичен материал. — Български преглед, год 1, кн. 1. София, 1929, стр. 112; см. снимок в кн.: Л. В. Черетин. Русская палеография. М., 1956, стр. 93; ср.: Емил Георгиев. 1) Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952, стр. 59—60 и 89; 2) Основные вопросы возникновения старославянской (староболгарской) литературы и старославянского (староболгарского) литературного языка. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей. Советский комитет славистов. М., 1958, стр. 225—242 (здесь резюмированы воззрения автора на вопрос о возникновении славянских алфавитов).

⁹⁹ См. обзор вопроса: I. Hamt. 1) Der Glagolismus in mittlerem Balkanraum. — Die Welt der Slaven, I, Heft 3. München, 1956, стр. 265—275; 2) Глаголица. Енциклопедија Југославије, III. Загреб, 1958, стр. 462—468; 3) Глаголизам и његово значење за јужне Славене. — Slavia, гоџ. XXV. Praha, 1956, стр. 313—321.

¹⁰⁰ Обзор вопроса о глаголической традиции в Боснии: В. Врана. Књижевна настојања у средњовејној Босни. Повијест хрватских земља Босне и Херцеговине, Сарајево, 1942, стр. 794—822; В. Штефанић. 1) Сплитски одломак глагољског мисала старије редакције. «Слово», VI—VII — Вајсов зборник. Загреб, 1957, стр. 54—133; 2) Глаголошки записи у Чајничком еванђељу и Радо-

вых кирилловских рукописях и правописание с числовой системой в босанской кириллице, которые несомненно восходят к глаголической традиции. На сербской территории, согласно И. В. Ягичу, возникло глаголическое Маринское евангелие XI в., так же как и тексты Апостола в отрывках Михановича и Гршковича XII в., а к глаголической традиции восходит и правописание зетско-хумской редакции, которая дошла до нас в знаменитом евангелии князя Мирослава последней четверти XII в.¹⁰¹ В Македонии находим глаголические записи на колонках в монастыре св. Наума на Охридском озере, которые, по мнению И. Иванова, относятся еще к эпохе охридской школы св. Климента первой половины X в.¹⁰² К этой области относятся глаголические записи на святогорском акте 982 г. Здесь возникли древнейшие памятники славянской письменности: Асманово евангелие, Зографское, Синайская псалтирь и Синайский требник, Охридские глаголические отрывки и Македонский листок. Тут были написаны и глаголические оригиналы Евгениевской и Толстовской псалтири.

В данном случае я не имею в виду входить в вопрос, насколько македонцы в X и XI вв. в языковом отношении могли отличаться от болгар в собственном смысле. Если в отношении к лингвистической действительности в вопросе различия понятий языка и диалекта чувствуется известная нетвердость критерия, тем труднее говорить об этой проблеме в применении к эпохе, когда специфические особенности языковой группы еще не были канонизированы литературной традицией и не получили еще теоретически обоснованного определения. Как я упоминал, научное отношение к данной проблеме хорошо сформулировал П. Скок: «Для лингвиста-ученого южнославянские диалекты составляют одно целое с местными вариациями, которые группируются географически и создают между собой переходы, нюансы большей или меньшей сродности»¹⁰³. Эти нюансы в языке даже древнейших болгарских и македонских памятников настолько ясны, что славистика их уже давно могла фиксировать как две особые группы среди «памятников юсового письма». И самые славянские азбуки — глаголица и кириллица — созданы на различной фонетической базе двух родственных, но все-таки различных языковых групп. Мне кажется, что в этом смысле различие болгарского и македонского имеет свое оправдание в общем стремлении всякого научного анализа к разграничению и уточнению смежных понятий, безотносительно к эмоциональным основам «лингвистического идолопоклонства» (по выражению П. Скока) в том или ином направлении.

йсов сборник. Загреб, 1957, стр. 54—133; 2) Глаголоски записи у Чајничком еванђељу и Радослав леву рукопису. — Сборник Хисторијског института Југославенске Академије у Загребу, II. Загреб, 1958, стр. 5—15.

¹⁰¹ См.: И. В. Ягич. 1) Глаголическое письмо. — Энциклопедия славянской филологии, вып. III. СПб., 1911. стр. 138—140; 2) статьи о Гршковичевом отрывке (Старине Југославенске Академије, XXVI, стр. 33—161) и о Михановичевом отрывке (Рад Југославенске Академије, II, стр. 1—35); I. Vajs. Rukovět hláholské paleografíe. Praha, 1932, стр. 139—140; B. Врана. Књижевна настојања..., стр. 796; А. Белић. Учесће св. Саве и његове школе у стварању нове редакције српских ирилских споменика. — Светосавски зборник Српске Академије, књ. 1. Београд, 1936 (далее: Белић), стр. 221—226.

¹⁰² Й. Иванов. Български старини из Македония, 2-е изд. София, 1931, стр. 53

¹⁰³ П. Скок. О бугарском језику у свијетлости балканистике. — Јужнословенски филолог, XII. Београд, 1933, стр. 91 и сл.; ср.: В. Мошин. 1) Македонско евангелие на поп Јавана. Изд. Институт за македонски јазик. Стари текстови, I. Скопје, 1954, стр. 22—24; 2) Бирилски рукописи Југославенске Академије, I. Загреб, 1955, стр. 9—10.

Б. Конески в статье об Охридской литературной школе подчеркивает как ее особенности по отношению к Преславской — более длительное существование глаголической традиции и (на основе лексического материала) большую верность кирилло-мефодиевской традиции¹⁰⁴. Что касается содержания памятников, возникших в данной школе, то мы не располагаем другими данными, кроме имен Мефодиевых учеников Климента и Наума и названий нескольких литературных произведений, связанных с этими именами. Возможно, что отдельные произведения, созданные в кругу Охридской школы, могли и не выйти в широкий свет, но значительно вероятнее предполагать, что все созданное здесь переходило и в Преслав. С одной стороны, нужно иметь в виду, что оба столпа Охридской школы — Климент и Наум — были детьми одной духовной семьи, непосредственными учениками Кирилла и Мефодия, и, конечно, они сами должны были заботиться о поддержании живых связей с братьями, которые выполняли ту же культурную миссию в восточных областях. С другой стороны, в эпоху Бориса и Симеона Великого Охридская область входила в состав его государства. Сами Климент и Наум первоначально трудились в Преславе, и оттуда Борис послал их на Запад, и потому этот князь, как и его наследник Симеон, в своих заботах о создании болгарской письменности не мог оставить без внимания литературные труды Климента и Наума. Кружок первых славянских литераторов и переводчиков не мог быть многочисленным, и возникновение каждого нового произведения требовало так много времени, что каждое из них должно было учитываться. Старославянский язык имел в это время значение общего «международного» культурного языка для всего славянства, и литературные памятники древнейшей эпохи должны были служить всем славянам¹⁰⁵. Вероятно, каждое произведение, возникавшее в Охридской школе, сразу переписывалось кириллицей и для библиотеки Симеона, может быть даже и в Охриде, где обе азбуки появляются одновременно уже в самых древних сохранившихся памятниках. Не настолько бесспорно, но в высшей степени вероятно, что преславские тексты распространялись и на Запад. Это движение письменных памятников из Преслава на Запад должно было особенно усилиться при Самуиле в связи с перенесением на Запад не только государственного, но и культурного центра вместе с резиденцией патриарха. Можно предполагать, что наряду с этим шел и процесс постепенного распространения кирилловского письма вместо глаголицы. К данному периоду относятся древнейшие датированные кирилловские эпиграфические памятники в Македонии: Самуилова плита 993 г. и недавно открытая Битольская надпись, хранящаяся в Битольском музее.

Таким образом, мне кажется, что при всех различиях в употреблении глаголицы и кириллицы в особенностях правописания, в лексическом материале и в степени текстологической верности кирилло-мефодиевской традиции болгарские и македонские тексты в X в. в смысле содержания должны были составлять одно целое, и с этой точки зрения македонское влияние на русскую письмен-

¹⁰⁴ Б. Конески. Охридска књижевна школа. «Слово», VI — VII — Вајсов зборник. Загреб, 1957, стр. 177—194.

¹⁰⁵ Ср.: Б. Ст. Ангелов. Кирилло-мефодиевото дело и идеята за славянско единство в старославянските литератури. — Славистичен сборник, II. София, 1958, стр. 41—49; I. Kurz. Církevně-slovanský jazyk jako mezinárodní kulturní jazyk slovanů. — Československé přednášky pro IV mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. Prague, 1958, стр. 13—35.

ность при ее возникновении в последние годы X в. не могло значительно отличаться от того, что могла бы дать Руси литература Преславской Болгарии.

Что касается общего характера болгарской литературы Преславского периода, то в славистике до последнего времени господствовало мнение, сформулированное А. И. Соболевским в 1908 г.: она состоит преимущественно из памятников, переведенных с греческого, и как переводная, так и оригинальная имеет церковно-религиозное содержание¹⁰⁶. Умаление ценности древней литературы ввиду ее церковного характера, которое до недавнего времени держалось и в отношении русской письменности (типичнее всего у Голубинского), уже 100 лет назад вызвало компетентный ответ Ф. И. Буслаева, который указал, что в смысле общего религиозного характера славянская литература вполне аналогична современному ей западному, и показал, что наряду с общим религиозным характером в русской литературе существовала и светская струя¹⁰⁷. В последнем вопросе — силы и количества светских элементов и идеологической направленности — Н. К. Гудзий считает, что русская литература Киевского периода значительно превосходит болгарскую, «насколько мы ее знаем»¹⁰⁸.

Это ограничение — «насколько мы ее знаем», — по-моему, следует особенно подчеркнуть, поскольку все наше знание о болгарской литературе древнейшего периода основывается только на материале, который дошел до нас в русских списках, и поскольку следует учитывать, что период непосредственных русско-болгарских связей после крещения Владимира был чрезвычайно кратковременным, всего около 12 лет. В тот короткий промежуток времени в связи с проводившейся организацией русской церкви надо было прежде всего заботиться о самом необходимом для церковной жизни, и приходится удивляться, как рядом с богослужебной литературой могли быть за эти несколько лет перенесены и столь разнообразные произведения учительной, патристической, житийной, канонической и исторической литературы. Среди южнославянских литературных сокровищ, перешедших в то время на Русь, мы действительно не находим оригинальных болгарских исторических произведений, повестей, житий и т. п., но из этого все же нельзя делать общего заключения, что такой литературы в Болгарии не существовало. Существовало, например, житие царя Петра, которое в сокращенном виде вошло в позднейшие Прологи, но не попало на Русь. Существовало житие св. Климента, дошедшее до нас в позднейшей греческой переделке архиепископа Феофилакта. Существовало житие св. Наума, сохранившееся в Зографском Прологе. Имеются важные доводы в пользу предположения, что существовало и болгарское оригинальное историческое произведение, из которого отдельные данные вошли в позднейшую литературу. Что же касается того, что перешло на Русь, то трудно искать местные болгарские элементы в переводах с византийского или в компилированных на их основе произведениях церковно-

¹⁰⁶ А. И. Соболевский. Древняя церковнославянская литература и ее значение. Харьков, 1908, стр. 17; ср.: Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 33, где приведено и аналогичное воззрение А. Теодорова-Балана (Центральная Европа. № 10. Прага, 1930, стр. 597).

¹⁰⁷ Ф. И. Буслаев. История русской литературы (Лекции, читанные наследнику цесаревичу Николаю Александровичу, 1859—1860), вып. 1. М., 1904, стр. 251 и сл.; см.: Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 44—45.

¹⁰⁸ Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 32—33 и 65—66.

учительной литературы, предназначенной для миссионерской деятельности среди новообращенного народа. С другой стороны, такие писатели, как Черноризец Храбр и Козма Пресвитер, конечно, не заслуживают упрека в недостатке «идеологической направленности».

Приведенная общая характеристика болгарской литературы Преславского периода создавалась на базе убеждения, что «Россия получила большую часть того, чем владела Болгария»¹⁰⁹, в предположении, что русско-болгарские литературные связи не были ограничены очень кратким отрезком времени, а развивались непрерывно в течение XI и XII вв. Не отрицая возможности таких связей в отдельные исторические моменты и в определенных местах, как в Царьграде или на Афоне, я думаю, что политическая обстановка и культурно-исторические условия жизни в славянских балканских землях в данный период не могли дать условий для поддержания и развития культурных связей южного славянства с Восточной Европой.

Балканские славяне и русская литература в XI—XII вв.

Начиная с 1001 г., когда Василий II занял восточные области между Дунаем и Балканским хребтом и этим прервал непосредственную связь между Киевской Русью и Самуилом, на юго-западе Балкан шла длительная война. По словам Кедрина, после завоевания Видина и победы при Скопле Василий не переставал каждый год нападать на Болгарию и грабил и разрушал все, что ему встречалось, пока не дошло до катастрофы 1014 г. Через четыре года после этого во всем государстве Самуила была введена византийская система управления с разделением страны на фемы и катепанаты. Церковь потеряла ранг патриархии, но сохранила автокефалию с подчинением охридского архиепископа непосредственно византийскому императору¹¹⁰. Новый глава Охридской церкви архиепископ Иоанн из Деора получил это достоинство соборным избранием, но уже его наследник Лев Пафлагонский, царьградский грек, в 1036 г. был поставлен на кафедре царской власти, так же как и все его наследники. Одновременно началась «эллинизация» церкви: для славянского духовенства остались только сельские приходы, где, конечно, не могла развиваться литературная деятельность¹¹¹. Единственным ее убежищем были монастыри: древний монастырь св. Наума на Охридском озере, монастырь X в. Иоанна Рыльского и монастыри свв. Прохора Пчиньского, Иоакима Осоговского и Гавриила Лесновского, основанные в течение XI и XII вв. в Кратовско-Струмицкой области. Но и здесь греческие власти вели борьбу со славянской книгой, Златарский хорошо осветил этот вопрос анализом данных о перенесении мощей св. Иоанна Рыльского из монастыря в Средец после того, как было подавлено восстание Георгия Войтеха 1072—1073 гг.¹¹² Трудно предполагать, чтобы в рамках военно-административных округов, которыми управляли византийские власти, эти монастыри могли поддерживать

¹⁰⁹ А. М. Соболевский. Древняя церковнославянская литература..., стр. 20.

¹¹⁰ См.: Г. Острогорски. Историја Византије, стр. 296.

¹¹¹ См.: В. Златарски. История..., т. II. София, 1934, стр. 121 и сл.

¹¹² В. Златарски. 1) Георги Скилица и написаното от него житие св. Ивана Рилски. — Известия на Историческото дружество, кн. XIII. София, 1933, стр. 49—68; 2) История..., т. III. София, 1940, стр. 149—153.

культурную связь с другими, независимыми славянскими землями, с которыми такая связь могла возникнуть в эпоху Самуила. Гнет особенно усилился с конца XI в., когда при архиепископе Феофилакте (1090—1109) началась систематическая эллинизация болгарских и македонских земель, о которой красноречиво говорят как собственные письма этого архиерея, так и его меры по ликвидации славянских школ, введение греческого богослужения и переводы на греческий язык местной житийной литературы, в частности жития св. Климента¹¹³.

Наряду с приведенными фактами административной и церковной организации и тяжелым духовным гнетом, который воцарился на славянских Балканах под византийским владычеством, и внешняя политическая обстановка не являлась благоприятной для поддержания русско-южнославянских связей в это время. Известно, сколь много внимания уделяла Византия дунайской границе¹¹⁴ в связи с постоянной угрозой кочевых орд, которые часто переходили на Балканы из южнорусских степей. Уже с половины X в., когда в эту степную полосу пришли печенеги, сухопутные сообщения между Восточной Европой и Грецией могли осуществляться только при сопровождении путешествующих сильными военными отрядами. Потесненные в начале XI в. до Дуная, печенеги стали самыми опасными соседями Византии. После 1026 г. печенежские походы через Дунай повторяются ежегодно. Они опустошают Фракию и Македонию, доходят до Солуни. После побед 1048, 1095 и 1123 гг. византийцы поселяют разбитые печенежские орды по северным и средним Балканам. Начиная с середины XI в. место печенегов в северночерноморских степях занимают половцы, которые в течение столетия ведут постоянную борьбу с русскими князьями и часто принимают походы через Дунай в Византию. В заботах об обеспечении сухопутного пути к Царьграду русские со своей стороны принимают меры к форсированию дунайской границы и укрепляют несколько городов на Дунае. Благодаря этим опорным пунктам Галицкое княжество становится непосредственным соседом Византийской империи. Вероятно, отсюда идет русская помощь болгарам в отдельные моменты их борьбы за освобождение в течение XI и XII вв.¹¹⁵ Но, конечно, такие связи с болгарями могли осуществляться только в условиях военных повстанческих движений против Византии и в государственно-правовом смысле были нелегальны. Характерную иллюстрацию в этом отношении дает статистика брачных связей Рюриковичей в XI и XII вв.: Баумгартен указывает 10 браков между русскими и византийцами, но ни одного — с представителями болгарской и македонской династии или аристократии¹¹⁶.

Киевская Русь в XI—XII вв. пережила чрезвычайно быстрое и мощное развитие своей письменности и литературы, особенно при Ярославе Мудром (1019—1054), который, по словам Нестора, «книгам прилежа, и почитая е часто в нощи и в дне; и собра писце многы, и прекладаше от грек на словенское писмо, и списаша книги многы»¹¹⁷. Весьма вероятно, что в литературной деятельности при Ярославе значительную роль сыграли многочисленные болгарские и македон-

¹¹³ В. Златарски. История..., т. II, стр. 252—352.

¹¹⁴ Ср. о болгарских заботах по охране границы: И. Дуйчев. Славяно-болгарские древности. — *Byzantinoslavica*, t. XII. Prague, 1951, стр. 89.

¹¹⁵ См.: E. Frances. Les relations russo-byzantines au XII-e siècle et la domination de Galicie au Bas-Danube. — *Byzantinoslavica*, t. XX. Prague, 1959, стр. 50—621.

¹¹⁶ N. de Baumgarten. Généalogies et mariages occidentaux..., стр. 69.

¹¹⁷ Повесть временных лет, т. I, стр. 102.

ские эмигранты, которые могли искать убежище на Руси после катастроф 972, 1001 и 1014—1018 гг. В этот период переведена Псевдокаллисфенова Александрия, Девгениево деяние, повести о Варлааме и Иоасафе, об Акире Премудром, о царе Адариане, История Иосифа Флавия о Иудейской войне, Хроника Георгия Амартола, Никифоров «Летописец вскоре» Христианская топография Козмы Индикоплова, Физиолог, Пчела и др.¹¹⁸ В это же время возникает и оригинальная русская литература, в частности историческая: по Шахматову, Первый Киевский летописный свод возник в 1039 г. В период с конца XI по XIII в. Русь создала оригинальную, богатую, разнообразную по содержанию и высокую по идейности и художественным качествам литературу, которая лишь в наше время получила свою справедливую научную и эстетическую оценку¹¹⁹.

Как уже упоминалось, в составе русской письменности XI и XII вв. видное место занимают списки с южнославянских литературных произведений. Но наряду с этим необходимо подчеркнуть, что все южнославянские оригиналы, которые могут быть определены хронологически, относятся к старославянской письменности IX и X вв.: произведения Иоанна Экзарха, Григория Пресвитера, Климента, Наума, Черноризца Храбра, Козмы Пресвитера, царя Петра. Вместе с тем мы не встречаем ни одного имени болгарских или македонских писателей XI или XII вв., ни одного названия литературных произведений, возникновение которых на Балканах можно было бы приурочить к XI или XII вв. Несмотря на эллинизацию и борьбу со славянским просвещением в XI—XII вв., литературная деятельность на Балканах не прекратилась совсем, хотя бы в упомянутых монастырях св. Иоанна Рыльского, св. Наума и в Кратовско-Струмичких обителях. Здесь в XI—XII вв. возникли, например, жития и службы основателей этих монастырей, которые дошли в позднейших южнославянских списках¹²⁰, но ни одно из этих произведений не перешло в древнюю русскую письменность, и мы встречаем их на Руси только в эпоху второго южнославянского влияния — начиная с XV в. В полном согласии с отсутствием в русских списках южнославянских произведений XI и XII вв. стоит и хорошо известный факт, из которого почему-то не выводятся естественные историко-литературные заключения: югославянизмы в языке, правописании и графике русских текстов исчезают в начале XII в., что неоспоримо свидетельствует о прекращении в XI в. притока болгарских рукописей в Восточную Европу.

Остановившись на указанном факте неожиданного и быстрого ослабления, а затем и разрыва в русско-южнославянских литературных связях в XI и XII в. — факте, не согласующемся с обычным воззрением в данном вопросе, я не закрываю глаза на трудности, которые вследствие этого появляются в толковании значения и силы болгарского влияния в русской письменности и древнерусском литературном языке. В этой области напрашивается изумительная аналогия с фактом спонтанного возникновения русско-сербского языка в начале XVIII в. под влиянием 400 букварей Феофана Прокоповича и 100 грамматик Мелетия Смотрицкого, которые в 1724 г. Максим Суворов привез в Сремские Карловцы. Если такая революция в развитии языка могла осуществиться в течение нескольких

¹¹⁸ См.: Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 38—41.

¹¹⁹ Там же, стр. 43—65.

¹²⁰ См. тексты: Й. Иванов. Български старини из Македония, стр. 345—417.

лет в среде, которая имела свою многовековую литературную традицию, значительно легче могло это произойти в древней Руси в годы создания первых русских школ и возникновения русской письменности. Мощностъ процесса, очевидно, зависела от количества рукописных оригиналов и числа учителей-болгар, которые при Владимире и Ярославе пришли на Русь, другими словами — от силы волны болгарской эмиграции после падения их государства в первом двадцатилетии XI в.

Обычное воззрение на существование непрерывных культурных, в частности литературных, связей между Русью и южным славянством в течение всего дотатарского периода имеет в виду прежде всего факт межславянских взаимосвязей на территории Святой Горы Афонской. Здесь найдены древнейшие памятники глаголической письменности: глаголические подписи под греческим актом Иверского монастыря 872 г., Зографское и Мариинское евангелия, Хиландарские и Зографские кирилловские листки XII в.; предполагается, что с Афона мог быть принесен на Русь Супрасльский сборник, поскольку Супрасльский монастырь был в XV в. основан Ходкевичем для святогорских монахов; Афон сохранил и наиболее древние и лучшие рукописи литературных произведений большей части древнеболгарских писателей¹²¹. Все это давало бы право думать, что болгарские монахи жили на Афоне в XI, а может быть, и в X в., в эпоху политического могущества и культурного расцвета Болгарской державы, как об этом говорит и традиция, записанная в позднейшем Зографском «сводном хрисовуле»¹²². В это же время, во всяком случае уже в первой половине XI в., существовал на Афоне и русский монастырь, сначала в Мариином монастырьке Древодеда (Ксилургу), а с середины XII в. (1169 г.) и в монастыре св. Пантелеймона. Чрезвычайно интересен список «русских» книг в греческой описи имущества русского монастыря 1142 г., свидетельствующий, что в то время в монастыре существовала мастерская для переписывания книг, ибо большинство богослужебных книг находим здесь в нескольких экземплярах, которые, очевидно, не были нужны для литургических потребностей немногочисленной братии: 5 апостолов, 2 параклитика, 5 октоихов, 5 ирмологиев, 4 синаксаря, 2 патерика и 5 часословов (кроме 2 украшенных евангелий, священнического молитвенника, одного паримейника, комплекта из 12 миней, книги св. Ефрема Сирина, жития св. Панкратия Тавроменийского и одного Номоканона)¹²³. Совершенно очевидно, что эти труды по переписыванию рукописей в русском монастыре должны были начаться копированием болгарских и македонских оригиналов, которые могли быть взяты из тамошнего болгарского монастыря, что вело бы к предположению о существовании таких связей и в последующее время, после падения государства Самуила.

Между тем приходится иметь в виду, что, вероятно, и на Афоне в XI и особенно в XII в. проводилась эллинизация, в особенности в отношении болгарского

¹²¹ См.: Г. Ильинский. Значение Афона в истории славянской письменности. — ЖМНП, СПб., 1908, т. XI, стр. 11 и сл.

¹²² А. Стоилов. Своден хрисовул за историята на Зографския манастир. — Сборник в чест на Васил Н. Златарски. София, 1925, стр. 447—457; А. Соловьев и В. Мошин. Гръцке повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 352—375.

¹²³ В. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. — *Byzantinoslavica*, t. IX. Prague, 1947, стр. 55—85; t. XI, Prague, 1950, стр. 32—60; Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873, стр. 50—67.

монастыря. Русский монастырь смог удержаться благодаря поддержке русских князей, но, как свидетельствуют акты его архива, и он во второй половине XII в. не пользовался покровительством византийцев: в эти годы он не получал ни дарений, ни привилегий ни от византийских царей, ни от святогорского протата. Что же касается болгарского монастыря Зографа, характерно, что он вообще не имеет в своем архиве ни одного акта, в котором монастырь назван «болгарским» до царя Асеня II. Этот государь после своей победы над эпирским царем Феодором Ангелом в 1230 г. овладел Святой Горой и дал Зографу грамоту на славянском языке¹²⁴. Возможно, что только тогда Зограф снова был возвращен болгарам после 200-летнего греческого владычества. Во всяком случае следует подчеркнуть, что ни в Зографе, ни вообще на Афоне славянская письменность не сохранилась в виде непрерывного целого от X в. и что на протяжении всего данного периода до XIII в. мы находим или редкие отдельные памятники, как Зографское евангелие, или случайные отрывки погибших древних рукописей. Таким образом, если в течение XI и XII вв. на Афоне и осуществлялось русско-болгарское сотрудничество в области письменности, то оно, вероятно, было очень скромным и могло иметь лишь местное значение.

Еще более проблематичной представляется мне возможность существования русско-болгарских литературных связей в XI—XII вв. в Константинополе. Там действительно существовала русская колония, по которой получила свое название и особая «Русская улица», и, несомненно, там были выполнены некоторые переводы греческих произведений на русский. Точно так же известен факт, что Василий II после покорения Самуилова государства переселил многие болгарские и македонские аристократические фамилии в Царьград, где охотно раздавал болгарам разные придворные должности и титулы. Вполне возможно, что в среде некоторых таких болгарских знатных семей занимались литературным трудом и переписыванием старых рукописей, но трудно предполагать, что такие труды могли иметь более широкое значение, в частности для русско-болгарских литературных связей. Документальных подтверждений этого не имеем, и если такие связи в отдельных случаях имели место, то они не отразились на содержании русской письменности XII в.

Наконец, следует учитывать и возможность культурных сношений между южным славянством и Русью в течение XI—XII вв. на западной стороне — через посредство Венгрии, которая в ту эпоху сохраняла кирилло-мефодиевскую литературную традицию и находилась в живых политических сношениях с Русью, особенно в XII в. Еще ближе тогдашняя Венгрия была связана с хорватами и сербами, что позволяет говорить о возможных хорватско-сербских литературных связях с восточным славянством в данный период. Хотя в югославской славистике, в частности в области глаголической письменности, указывалось на отдельные факты, которые могли бы найти свое объяснение в культурных связях с Русью, однако этот вопрос до сих пор широко не ставился, и в славянской филологии продолжает господствовать воззрение, сформулированное Н. К. Гудзием: не приходится говорить о литературных связях Киевской Руси с сербами и хорва-

¹²⁴ М. Ласкарис. Ватопедската грамота на цар Иван Асеня II. — Български старини, кн. XI. София, 1930; первый греческий акт, в котором Зограф назван «монастырь Болгаров», — простагма Никифора Хумна из 1286 г.: Actes de Zographou publiés par W. Regel, E. Kurz et B. Korablev. — Византийский временник, т. XIII. М., 1907, стр. 27—29.

тами, так как «церковнославянская письменность в Сербо-Хорватии возникла значительно позднее, чем в Болгарии (притом под ее влиянием), и позднее, чем на Руси»¹²⁵.

Мне кажется, что оба приведенных довода заслуживают серьезных возражений. Во всяком случае не может быть принято утверждение о позднем появлении литературы у хорватов, которые получили свою письменность не из Болгарии, а непосредственно с Запада, от моравско-паннонской славянской церкви. Из Хорватии же церковная литература уже в самую древнюю эпоху могла проникать и в северные пределы сербской территории, на что указывал в свое время Стоян Новакович¹²⁶. Затем, нет никаких доводов в пользу предположения, что в Сербии славянская письменность возникла позднее, нежели на Руси. Константин Порфириогенет говорит об окончательном крещении сербов во второй половине IX в., а непосредственные связи сербских князей с болгарами, как политические, так и династические (браки), заставляют предположить живые культурные болгаро-сербские связи в IX и X вв. Мариинское глаголическое евангелие XI в., по мнению Ягича, возникло на сербской почве (путаница в написании большого юса и у, ѣ и и); Михановичев и Гршковичев отрывки Апостола также являются сербскими памятниками, которые свидетельствуют о древней славянской литургической традиции среди сербов.

Между тем, как давно показал Ст. Станоевич в рецензии на первое издание книги Павла Поповича «Преглед Српске књижевности» (1909 г.), не только литургическая письменность, но и сербская литература неизмеримо древнее конца XII в.¹²⁷ Оригинал Летописи попа Дуклянина, которую автор должен был по желанию своих сограждан «ex sclavonica lettere vertere in latinam», возник в середине XII в.¹²⁸ Среди источников, упоминаемых самим автором, имеется житие князя Иоанна Владимира Дуклянского, из которого летописец цитирует длинный отрывок. Не может быть сомнений, что это житие возникло вскоре после смерти князя, в первой половине, а может быть и в первой четверти, XI в. Вторым источником Дуклянин называет юридический сборник «Методиус», под которым с полным основанием предполагают Мефодиев перевод Номоканона 50 титулов. В тексте в нескольких местах упоминаются договоры между князьями разных сербских областей: нужно думать, что речь идет о писанных документах вроде сохранившихся договоров князей Немани и Мирослава с Дубровником 1186 и 1190 гг. (под первым из них стоят подписи обоих государей, выполненные тогдашним «деловым» письмом, имеющим много аналогий с письмом берестяных русских грамот).

Особый интерес вызывают те части Дукляниновой хроники, в которых приводятся родословцы отдельных династий (в частности, Требинской). Они заставляют предполагать существование местных летописей-родословцев. Не останавливаясь на интересном вопросе о предполагаемом существовании Требинской хроники, которую в составе Дуклянина пытался выделить Медини¹²⁹, необходи-

¹²⁵ Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 4.

¹²⁶ Ст. Новаковић. Први основи словенске књижевности међу балканским Словенима. Легенда о Владимиру и Косари. У Београду, 1893, стр. 5—11.

¹²⁷ Летопис Матице Српске, год 86, књ. 268. Нови Сад, 1910, стр. 55—56.

¹²⁸ См.: В. Мошин. Летопис попа Дукљанина. Изд. Матица Хрватска. Загреб, 1950.

¹²⁹ М. Медини. 1) Дубровачке старине. Дубровник, 1933, стр. 29—64; 2) Како је постао летопис попа Дукљанина. — Рад Југославенске Академје, књ. 273, Загреб, 1942, стр. 113—156.

мо особо подчеркнуть сам факт существования таких хроник-родословцев, подтверждение которого по отношению к значительно более древней эпохе нашел Острогорский у Порфириогенета в главе о родословии сербских жупанов¹³⁰. Существование такого сербского произведения в середине X в. представляет особую важность для истории славянских литератур. Оно свидетельствует об общем развитии этой категории исторической литературы в древнейшем периоде старославянской письменности, чем в значительной степени подкрепляется гипотеза о существовании древней моравской летописи и о первоначальных болгарских летописных заметках, а вместе с тем ставится на очередь и пересмотр вопроса о специфичности русского летописания, которое возникает в первой половине XI в.

Наконец, в данной связи следует напомнить и об известном факте каллиграфического искусства и иллюстраторского художества Мирослава евангелия, которые говорят о том, что в зетско-хумской области во второй половине XII в. существовала высокоразвитая скрипторская школа с выработанной системой правописания, особым типом графики и особым орнаментальным стилем, сформировавшимся под непосредственным влиянием романского искусства, которое в то время процветало в южной Италии и в соседних областях Хорватской Далмации. Мы уже говорили о культурных связях всей этой территории как с преславско-охридской традицией на юго-востоке, так и со старославянской глаголической традицией на северо-западе. В XI и XII вв. при все возрастающем обособлении западной и восточной культурной ориентации на славянских Балканах славянская письменность все-таки еще в значительной степени сохраняла связь с исконной кирилло-мефодиевской традицией и представляла лишь местные ветви общеславянской литературы.

Не исключено, что найдутся и ясные следы литературных сербско-хорватских и, может быть, македонских связей с восточным славянством в XI и XII вв. Если существовали дипломатические и церковные связи между Владимиром I и Охридом в первые годы после крещения Руси, нужно думать, что Самуил и после 1001 г., когда Василий II завоевал Преславскую Болгарию, должен был искать пути для продолжения этих связей, и таким мог быть путь через Венгрию. Можно предполагать и возможность русско-сербских политических сношений в эпоху до Немани, когда сербы в борьбе с Византией опирались на соседнюю Венгрию. Как раз от этого периода сохранилось и одно известие о династических связях Рюриковичей с сербами. В 1150 г. дочь серба Белы, который в то время был баном Венгрии, вышла замуж за князя Владимира Мстиславича Дорогобужского (сына великого князя Мстислава I). Этот брак заключен в рамках русско-венгерских политических связей, но именно эти связи и приводили Русь к политическим отношениям с южным славянством. Могли ли они не дать известного отражения и в области культурных взаимосвязей, в частности в литературе?

Для рубежа XII—XIII вв. должен быть отмечен чрезвычайно интересный и важный культурно-исторический факт, на который до сих пор как-то не обраща-

¹³⁰ Г. Острогорски. Порфириогенитова хроника српских владара и аени хронолошки подаци. — Историски Часопис Српске Академије наука, год 1, св. 1—2. Београд, 1948, стр. 3—8.

ли должного внимания, — полное отсутствие на Балканах славянских рукописей до конца XII в. Это особенно бросается в глаза по сравнению с числом сохранившихся русских рукописей того же периода. В России И. И. Срезневский для XI в. нашел более 20 рукописей, 7 из которых датированы. Для XII в. Н. В. Волков указал в своем ценном статистическом обзоре 86 памятников¹³¹. На славянских Балканах для XI—XII вв. нет ни одного! Все, что осталось от старославянской письменности, сохранилось либо в России, либо на славянской периферии — на Афоне, в Иерусалиме, на Синае:

Асеманово глаголическое евангелие из Македонии (сейчас в Ватикане, найдено в Иерусалиме).

Зографское глаголическое евангелие (теперь в Ленинграде) подарили монахи афонского Зографа в 1860 г. императору Александру II.

Мариинское глаголическое евангелие (сейчас в Москве) нашел Григорович на Святой Горе в «Мариинском ските», очевидно, в бывшей русской обители Ксилургу, которая еще в начале XIV в. называлась «Марииным монастырем».

Глаголический Сборник Клотца, который считают хорватским списком македонского оригинала (сейчас в Триденте и Инсбруке), — единственный глаголический старославянский памятник, спасшийся в убежище глаголической письменности на острове Крке, на крайней западной периферии Балканского полуострова.

Супрасльская кирилловская рукопись (три куса в Любляне, в Ленинграде и в Варшаве, последний еще не обнаружен после Второй мировой войны) найдена в России. Предполагают, что принесена на Русь в XV в., но вполне вероятно, что могла попасть и в период возникновения русской письменности в первые годы XI в.

Кирилловское евангелие-апракос, Саввина книга, точно так же нашла приют в России, где оно было уже в XIV в., вероятно в Псковском крае.

Добромирово евангелие начала XII в., как и Сборник Клотца, нашло спасение на северо-восточной периферии Балкан: из Никополя на Дунае поп Петр в XVI в. перенес его на Синай.

На Синае сохранились и глаголические памятники: Синайская псалтирь и Синайский требник — македонские тексты XI в.

Обрывок Слов Кирилла Иерусалимского — Хиландарский листок XI в. — Григорович нашел в Хиландаре на Афоне. Отрывки Ундольского второй половины XI в. неизвестно откуда попали в его коллекцию, хранящуюся теперь в Москве.

На македонской территории уцелел глаголический обрывок листка, найденный Григоровичем в Охриде. Можно упомянуть еще рукопись Боянского евангелия XIII в., писанную по смытому глаголическому тексту, найденному в селе вблизи Софии; эта глаголическая рукопись, очевидно, значительно более древняя, была бы единственным остатком старославянской письменности на славянских Балканах.

Обычно исчезновение старославянских памятников на Балканском полуострове объясняется как следствие военных опустошений, турецкого ига и фанариотского шовинизма, картинные примеры которого известны из ряда свидетельств недавнего прошлого. Но и давнее прошлое Руси было не более отрад-

¹³¹ Н. В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель. — ПДП, т. СХХII. СПб., 1897, стр. 24.

ным: междоусобия князей, набеги кочевников, татарское иго позднее и государственные меры по уничтожению древних рукописей, хранившихся в собраниях старообрядцев. И все-таки осталось немало! Начиная от упомянутого числа в 20 рукописей XI в. количество сохранившихся рукописей естественно растет в каждом следующем столетии. По статистике Волкова (1897 г.): в XII в. — 86 рукописей, в XIII в. — 142, в XIV в. — 441. На Балканском же полуострове в XI и XII вв. не зафиксировано ничего, что не согласуется, с утверждением Н. К. Гудзия о том, что «судьбы наследия русской литературы Киевского периода и других древнейших славянских литератур исторически как бы уравниваются»¹³². Факт отсутствия на Балканах рукописей до XII в. тем интереснее, что среди многочисленных памятников в рукописных собраниях болгарских, македонских и сербских монастырей до сих пор хранится (или до недавнего времени хранилось, пока не перешло в научные коллекции и библиотеки) много рукописей XIII в., а до конца XII в. — ни одной! Совершенно очевидно, что именно в данный период, перед концом XII в., было проведено систематическое уничтожение южнославянской письменности, как глаголической, так и кирилловской.

Прекрасной иллюстрацией этого может служить коллекция остатков рукописных сокровищ в Охриде, древнейшем центре южнославянской литературы. Здесь сохранилось 89 греческих рукописей, среди которых имеются драгоценные памятники глубокой древности, начиная от X и XI вв. В свое время Григорович обнаружил в Охриде более 20 славянских памятников, теперь их всего 5. При этом палеографический анализ пергаменных рукописей и водяные знаки бумажных показали, что сохранившиеся славянские рукописи Охрида относятся к сравнительно очень короткому промежутку времени — около 25 лет третьей четверти XIV в. В те годы Охрид находился в руках царя Душана, и тогда в нем было введено славянское богослужение. После битвы на Марице в 1371 г., когда закончилось сербское владычество, греческое местное духовенство восстановило богослужение на греческом языке и, очевидно, запретило славянскую службу, таким образом, славянские рукописи остались лишь историческим свидетельством сербского владычества в Охриде в середине XIV в. Между тем от предшествующей эпохи, в частности от славного времени св. Климента и Наума в конце IX—начале X в., так же как и от времени царя Самуила в конце X—начале XI в., не осталось ни одного славянского воспоминания, кроме нескольких имен, высеченных на мраморных столбиках Наумова монастыря. Этот пример полного исчезновения памятников болгарской и македонской письменности X—XI вв. в главном центре ее яснее всего говорит об общей причине полного отсутствия памятников старославянского периода на всех Балканах. В XII в. вся славянская книга была здесь искоренена.

Известны данные о мерах, с помощью которых Византия проводила «ромеизацию» болгарского и македонского населения. Результаты этого процесса к концу XII в. прекрасно обрисовал В. Златарский¹³³. В представлении самих византийцев Болгария как национальное понятие в это время уже перестала существовать. В системе ромеизаторской политики особое место занимала борьба с богомилством, которое в ту эпоху приобрело на Балканах наиболее яркую

¹³² Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 66.

¹³³ В. Златарски. История..., т. II, стр. 399—409; см. также: Ф. И. Успенский. Образование второго болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 57 и сл.

форму славянского протеста против греческого общественного, экономического и культурного ярма. Мне кажется, что именно этот момент сыграл особо важную роль в исчезновении на южнославянской территории старославянских рукописей.

Немногочисленные, но чрезвычайно важные по содержанию, достоверные исторические свидетельства XI и XII вв. доказывают, что от Козмы Пресвитера в середине X в. до болгарского Синодика 1211 г. богомилство на славянских Балканах было не только живым, но и непрерывно развивалось. Различными сторонами своего учения — религиозно-философским осмыслением мира, догматикой, отношением к формализму официальной церкви и к народным верованиям, воззрениями на систему государственного и общественного устройства, этикой и т. д. — богомилство в ту эпоху находило отклик во всех общественных слоях, проникало в монастыри, города, круги церковной иерархии и на императорский двор¹³⁴. О размерах и значении этого движения свидетельствуют обширные догматические труды Евфимия Зигавина в начале XII в. и монаха Евфимия из Перивленты середины XII в.; жестокие меры борьбы с еретиками при императоре Алексее Комнине с массовыми заключением в темницу, пытками и кострами; серия церковных соборов, созывавшихся для борьбы с ересью при этом царе и его наследниках, в частности в 1140, 1143 и 1156—1157 гг.; житие св. Илариона епископа Мегленского с известиями о ликвидации богомилства при царе Мануиле; ряд свидетельств о связях между западными дуалистами и балканскими еретиками¹³⁵. Среди этих фактов особенную ценность представляет показание богомилского «папы» Никиты (который из Константинополя прибыл на катарский собор в Сен-Феликс де Караман, вблизи Тулузы, в 1167 г.) о том, что якобы на Балканском полуострове организовано пять богомилских церквей *ecclesia Romana*, *Dragometia* (Драговития), *Meliniqua* (Мельничкая), *Bulgaria* и *Dalmatia*; первые четыре — на болгарской и македонской территориях восточного и среднего района Балкан. Именно к этим годам относятся и данные жития Илариона Мегленского о широких полномочиях, предоставленных этому архиерею императором Мануилом для ликвидации ереси, после того как Илариону удалось отвлечь самого императора от симпатии к богомилству. В качестве санкции в отношении тех еретиков, которые не пожелают повиноваться, император рекомендует «далече негде отгнати от православных стад», но младший современ-

¹³⁴ См.: Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии. М., 1954, стр. 120—132; автор особенно подчеркивает сложную природу богомилского учения, которая способствовала проникновению богомилства в различные круги общества.

¹³⁵ После фундаментального исследования Фр. Рачкогго «Богомили и патарени» (Рад Југославенске Академије, VII, VIII и X, а также отдельно. Загреб, 1870; 2 изд.: Белград, 1931) и волны отрицательной критики в промежутке между Первой и Второй мировыми войнами вопрос снова получил всестороннее освещение в большом числе трудов. Особенно важны: А. Соловьев. 1) Вјерско учење босанске цркве. Загреб, 1949 (французский перевод: Bulletin de l'Académie R. de Belgique. Classe de Lettres: Bruxelles, 1948, стр. 481—534); 2) Фундајити, патарени и кудугери. — Сборник Византолошког института Српске Академије наука, I. Београд, 195 стр. 121—147; 3) Сведочанства православних извора о богомилству на Балкану. — Годишњак Историског друштва Босне и Херцеговине, V. Сарајево, 1953, стр. 1—10. Драгутин Книевалд (Dragutin Kniewald). Вјеродостојност латинских извора о босанским крстјанима. — Рад Југославенске Академије, 270. Загреб, 1949, стр. 5—16. Остальная литература приведена в статьях о богомилстве в «Историја народа Југославије» (т. I. Београд, 1953, стр. 297—299 и 573—575) и в «Енциклопедија Југославије» (т. I. Zagreb, 1955. стр. 640—645).

ник этих событий — канонист Вальсамон — свидетельствует, что для искоренения ереси применялись и значительно более жестокие меры, в частности сжигание еретиков по постановлениям церковных судебных трибуналов. На этот же период, годы апогея могущества императора Мануила, между 1172 и 1180 гг., падает и свидетельство Стефана Первовенчанного о гонении на богомилов, которое в Сербии предпринял его отец Стефан Неманя: с церковным и государственным собором, вооруженным столкновением с еретиками, судом, сжиганием виновных на костре и другими казнями, конфискацией имущества и изгнанием, «выдиранием» языка «учителю и начальнику» и сжиганием нечестивых книг¹³⁶.

Сжигание книг, сомнительных в смысле еретичества, — основной метод инквизиции — практиковалось и в Византии. Так, это особенно подчеркнуто в актах Константинопольского собора 1140 г., осудившего как богомила проповедника Константина Хрисомала. Не может быть сомнений, что для греческого духовенства той эпохи должны были казаться сомнительными вообще все славянские рукописи литургического содержания, и этот момент должен был играть роль важного аргумента для оправдания тогдашней византийской политики грецизирования южнославянского населения. Греческие сомнения в отношении канонической правильности переводов церковных текстов на славянский язык не были вполне неосновательны. Греческое духовенство, которое в Охриде должно было научиться славянскому языку и могло в XI в. пользоваться и славянскими книгами при богослужении, должно было встречать в славянских текстах много неясного и сомнительного, особенно благодаря трудностям, которые представляло переводчикам требование дословного перевода греческого текста с сохранением порядка слов. Если сомнительные чтения проникали иногда в греческие тексты, это не могло служить доказательством канонической правильности текста. Богомилство в то время было распространено и в Византии, и там отдельные еретические элементы могли проникать в канонические тексты из неканонических списков.

Такие многочисленные сомнительные места, появлявшиеся в текстах Св. Писания и в литургических книгах вследствие неясности перевода или случайных ошибок переписчика, а иногда и как результат сознательного изменения текста, давали греческой иерархии основание для подозрений в отношении ко всем славянским текстам в смысле их канонической правильности, следовательно, и опасности для чистоты веры. Единственным лекарством против этого представлялось полное уничтожение всей славянской письменности на Балканах. Греческий язык в богослужении в болгарских и македонских областях был введен уже при архиепископе Феофилакте в начале XII в. В связи с этим был предпринят и перевод славянской агиографической литературы на греческий язык: житие св. Климента перевел сам Феофилакт. В семидесятых годах XII в. на основе первоначального жития св. Иоанна Рыльского составлено греческое. Вероятно, тогда же возник греческий перевод жития св. Иоанна Владимира Дуклянского, которое известно по греческому печатному изданию 1690 г. Поскольку в Константинополе во второй половине XII в. считали, что славянский вопрос на болгарско-македонской территории в своей политической форме уже вполне ликви-

¹³⁶ Исчерпывающий анализ известий жития Илариона Мегленского и Стефана Первовенчанного см. в упомянутой работе А. Соловьевой «Сведочанства православних извора о богомилству на Балкану» (стр. 12—24).

дирован, а завоевание Боснии, Далмации и Хорватии до реки Савы в 1167 г. рождало надежды, что и весь Балканский полуостров вскоре станет интегральной «ромейской» землей, нужно думать, что упомянутое предписание императора Мануила Илариону Мегленскому произвести полную ликвидацию ереси представляло местное применение общей государственной меры, которая проводилась по всем Балканам, и что на кострах, о которых говорит Вальсамон, вместе с еретиками горели и все сомнительные книги. Только этим можно объяснить, что вся славянская книга исчезла на всем пространстве балканского славянства, включая и Дуклю (Черногорию), Боснию, Хорватию и Далмацию. Остатки глаголической письменности сохранились только на острове Крке, крайнем северо-западном острове на Адриатическом море, который во время Мануйлова завоевания Балкан не вошел в границы Византийской империи, а остался под властью Венеции.

Русское влияние у южных славян в конце XII и начале XIII в.

Планы ромеизации славянских земель, так же как и великодержавные грезы Мануила о восстановлении империи Юстиниана Великого, исчезли вместе с его смертью в 1180 г. Уже в 1183 г. сербский великий жупан Неманя в союзе с Венгрией опустошает византийские области около Ниша, реки Тимока и Софии. В то же время начинается брожение среди болгар, которое в 1185 г. развивается в войну за освобождение под предводительством братьев Федора-Петра и Асеня при поддержке русских из задунайских земель. В 1187 г. по договору с императором Исааком на освобожденной территории Подунайской Болгарии, Добруджи, Загорья и северной Фракии восстанавливается второе Болгарское царство со столицей сначала в Преславе, а потом в Тырнове: Третий крестовый поход, когда войска Фридриха Барбароссы в 1188—1189 гг. шли через Балканский полуостров, помог болгарам и сербам укрепить свою политическую независимость. Неманя распространил свою власть и на Зету (Черногорию), и на северные пределы Македонии. Остановленный императором Исааком в 1190 г. на р. Мораве, он все же сумел заключить мир с Византией при условии признания независимости. Вскоре после этого завоевание Константинополя крестоносцами во время четвертого похода в 1204 г., распад Византии и основание Латинской империи позволили сербам и болгарам посвятить свои силы легализации новых государственно-правовых, общественных и церковных отношений. Вопросами внутренней жизни сербов и болгар были: отношение верховной власти к удельным княжествам на землях с различным этническим составом и различными государственно-правовыми традициями; устройство государева двора и дворцовой канцелярии; организация военных сил; определение феодальной иерархии по отношению к великим и малым властелям и властеличам и их отношение к местным властям; регламентация феодальных прав и обязанностей в отношении зависимых масс трудового населения; кодификация правовых норм, слагавшихся из симбиоза местных и посторонних юридических обычаев и институций, которые входили в жизнь новых государств путем традиции и рецепции. В комплексе этих огромных организационных проблем, которые стояли перед первыми государями неманической Сербии и Болгарии Асенеи, одной из наиболее жгучих и сложных являлась проблема восстановления православной славянской

церкви и утверждения ее церковноправовой независимости, которая в ту эпоху давала авторитет легальности государственным организациям.

Эпоха византийского владычества оставила в этом отношении тяжелое наследство: пустоту на месте изгнанного византийского духовенства, которое отдалило славянские массы от официальной церкви и содействовало распространению богомилства; несколько монастырей, обособленных в антицерковной и двоеверной среде; богомилство в живом брожении, вызванном гонениями эпохи Мануила; наряду с этим надежды Рима на духовную власть над славянскими Балканами, опиравшиеся на организованную католическую церковь в ромеизированных областях Адриатики на западе и в новой Латинской империи на юге. Тяжелая политическая обстановка, в которой жил греческий народ после 1204 г. в государствах, возникших на обломках бывшей империи, облегчила сербам и болгарам получение признания церковной автокефалии от греческой (тогда Никейской) патриархии. Но для восстановления славянской церковной традиции и для возрождения славянской православной церковной литературы, уничтоженной в период ромеизации и антибогомилской инквизиции, в то время можно было искать помощи только от Руси. В аспекте этих политических и церковных условий в конце XII и в начале XIII в. получают свое естественное объяснение те факты русского влияния на южнославянскую литературу, на которые обратил внимание М. Н. Сперанский в своей прекрасной и открывающей широкие перспективы работе о взаимоотношениях русской и южнославянских литератур¹³⁷. М. Н. Сперанский привел 10 русских оригинальных произведений, попавших в южнославянские списки, затем 8 греческих, которые вошли в южнославянскую письменность через посредство переводов, выполненных на Руси, и несколько южнославянских рукописей от конца XII до XIV в., которые содержат русизмы в языке и, следовательно, переписаны с русских оригиналов. На основании этого М. Н. Сперанский пришел к заключению, что в первые века своего существования русская литература не только принимала свое богатство от болгар, но и со своей стороны многое из своих культурных сокровищ передала балканским славянам.

Что касается южнославянских текстов Пролога, в которых уже А. Х. Востоков в 1842 г. (в рукописи Румянцевского музея) нашел очевидные русизмы (выражение «глазатые») и которые, по мнению А. И. Соболевского, возникли на основе перевода, сделанного на Руси¹³⁸, то М. Н. Сперанский в данной статье высказал гипотезу (его собственное выражение) о том, что это произведение является не вполне русским, а представляет плод совместного труда нескольких переводчиков-славян, среди которых был и русский. Этот совместный труд был выполнен в начале XII в. там, где русские и южные славяне могли работать совместно, вероятно в Царьграде или на Святой Горе¹³⁹. В моей работе о славянском Прологе я пришел к выводу о необходимости отказаться от этой гипотезы и вернулся к воззрению А. И. Соболевского¹⁴⁰, что перевод древней редакции греческого

¹³⁷ М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей, стр. 7—54.

¹³⁸ А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 176.

¹³⁹ М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей, стр. 36—42.

¹⁴⁰ В. Мошин. Славенска редакција Пролога Константина Мокисијског у светлости византијско-славенских односа XII—XIII в., стр. 182—190. При составлении настоящей статьи, основные положения которой определялись для меня уже в 1954 г. в связи с изучением истории славянского Пролога (они резюмированы в докладе о Прологе на X византологическом съезде в

Пролога и его пополнение русскими статьями выполнены на Руси, откуда он в конце XII в. перешел на Балканы, где развивался в параллельных болгарской и сербской редакциях, пополнявших первоначальный текст своими статьями¹⁴¹.

В этой же статье о Прологе я попытался точнее определить хронологические рамки указанных М. Н. Сперанским фактов перехода русских литературных произведений в южнославянские литературы, найти синхронистическую связь этих явлений с другими культурно-историческими фактами в области русско-южнославянских связей, восстановить ту историческую обстановку, которая в течение средних веков могла открыть возможности для русского влияния на Балканы. Такой период действительно намечается в промежутке между освобождением балканских славян от византийского ига в конце XII в. и серединой XIII в., когда на Руси наступает эпоха татарского ига, а культурная ориентация южных славян снова поворачивается в сторону восстановленной Византии Палеологов. В течение этого периода, действительно, прослеживаются русско-южнославянские связи в целом ряде явлений в области культурной жизни южнославянских народов. Кроме указанного факта перехода произведений русской литературы на Балканы, в это время обнаруживаются несомненные следы русского влияния в сфере языка: в правописании, лексике и графике текстов так называемой «рашской редакции». К этому же времени относятся появление особого типа тератологического орнамента, аналогичного русской тератологии XII и XIII вв.; появление русских святых и праздников в болгарских и сербских месяцесловах; факты употребления мартовской системы в южнославянской хронологии.

Русское влияние при формировании правописания сербских текстов рашской редакции было исчерпывающе исследовано Беличем¹⁴². Сначала он дает характеристику древнейшей сербской редакции, как она развилась из старославянской, «может быть, во второй половине XI века, а может быть и несколько позднее» в Зете (Черногории) и соседних областях. Только здесь могло появиться обозначение полугласного знаком ъ, который в данной области, как и в соседних македонских пределах, выговаривался как краткое и неясное *e*, тогда как в других сербских областях произношение этого звука приблизилось к выговору звука *a*, который, вероятно, был бы обозначен твердым знаком ъ. В этой зетско-хумской (черногорско-герцеговинской) редакции, согласно системе глаголического алфавита, был введен знак ħ (глаголический «джервь»), который употреблялся для обозначения и ħ (*ej*), и ħ (*mj*); утвердилось употребление *ѣ* вместо *ja*; отсутствие йотированных *ѣ* и *ю* (*ю* в глаголице отсутствует). Во второй половине XII в. здесь существовали параллельно два способа письма, которые различались правописанием и графикой. «Светское» (деловое) письмо государевых дьяков, которое находим на договоре босанского бана Кулина с Дубровником от 1189 г. и на ктитурской грамоте Стефана Немани Хиландарю, очень рано упростило это правописание, отбросив носовые гласные, твердый знак ъ и некоторые другие

Стамбуле в 1955 г.), мне осталась неизвестной ценная работа Б. Ангелова «Из историята на руското книжно проникноване у нас (XI—XIV вв.)» (Известия на Института за Българска литература, т. III. София, 1955, стр. 37—65), где автор, следуя за Сперанским, на базе болгарского материала приходит к ряду заключений, сходных с моими.

¹⁴¹ К воззрению А. И. Соболевского вернулся и Н. Дурново (Введение в историю русского языка. Брно, 1927, стр. 42—43, 78).

¹⁴² Белич, стр. 129—276.

особенности, которые не были практически необходимы для передачи живого языка. «Церковное» письмо изменяло свое правописание медленнее: не только в евангелии князя Мирослава, но и в Хиландарском типике мы находим архаизмы, в частности в употреблении носовых. На базе зетско-хумской редакции (которая продолжала позднее существовать на территории Боснии) выработалась рашская школа правописания. Она приняла упрощенное правописание светских зетско-хумских государственных канцелярий в отношении замены юсов гласными *y* и *e* и употребления одного полугласного *ь*; отбросила употребление глаголического джерва и употребление *ѣ* для *я*; кроме ю, ввела систематическое употребление йотированных гласных *ѧ* и *ѥ*. В последнем вопросе особое значение принадлежит тому явлению, что тексты св. Саввы, употребляя систематически *ѧ* и *ѥ* после гласных, после согласных употребляют *e* без различия за *e* (небо) и *je* (нега — нјега). Такое написание Савва мог заимствовать только из русского правописания, где *e* после согласных выговаривается как *je*. Из русского правописания Савва мог заимствовать: 1) правильное употребление *ю* после гласных и согласных; 2) употребление *je* наряду с *ѥ* в начале слова и после гласных, а после согласных исключительно *e*; 3) употребление *ѧ* только в начале слова и после гласных, а обозначение смягченности согласного перед *a* каким-нибудь другим способом¹⁴³. Все это, действительно, отражается в текстах св. Саввы и стоит в очевидной связи с русизмами, которые встречаем как в памятниках самого Саввы, так и в рукописях, вышедших из его школы, в частности в Иловичской Кормчей 1262 г. и в Сборнике попа Драголя XIII в. Источник этого воздействия должен был находиться на Афоне, в русском монастыре.

А. Белич считал необходимым подчеркнуть, что св. Савва лично написал немного, будучи занят вопросами организации церкви и углубления православной веры в народе более, нежели литературными трудами, и что «сама по себе реформа правописания не была одной из целей Саввиных трудов вообще, а что он для себя и для всех тех, которые под его руководством трудились, утвердил единую возможную, рабочую орфографию»¹⁴⁴. Поэтому она несовершенна, и потому ее недостатки и упущения могли пополняться после него. Белич подчеркивает, что св. Савва не был одинок при формировании нового правописания, а сам принадлежал к целой группе людей, которые свое «диячкое» образование получали на Святой Горе, где в то время было много и русских книг, и русских монахов¹⁴⁵. Главное же, что все основные особенности Саввиного правописания находятся и в правописании дяка Григория, участвовавшего в создании Мирославова евангелия, который, следовательно, также должен был выйти из той же святогорской школы, вероятно, в годы Саввиных трудов на Афоне, т. е. между 1192 г. и составлением Карейского типика около 1200 г.¹⁴⁶

Недавняя находка латинской транскрипции текста договора Стефана Немани с городом Сплитом, в котором упомянут сын Немани Растко (будущий св. Савва) как удельный государь Захумской области¹⁴⁷, заставляет внимательнее отнестись

¹⁴³ Там же, стр. 239.

¹⁴⁴ Там же, стр. 276.

¹⁴⁵ Там же, стр. 220.

¹⁴⁶ Там же, стр. 220—221 и 237—239.

¹⁴⁷ М. Динић. Три повеље из исписа Ивана Лучића. — Сборник Филозофског факултета, књ. III. Београд, 1955, стр. 69—71 и 74—88.

к хронологической стороне проблемы. Подтверждая известия биографов Доментиана и Феодосия, что св. Савва до ухода на Афон в течение двух лет управлял какой-то областью, эта грамота позволяет уточнить дату конца правления Мирослава в Хумской земле. Это не могло случиться позже 1193 г. (крайняя хронологическая граница ухода Саввы на Афон — 1195 г.), а, по всей вероятности, произошло и раньше, вероятно, вскоре после договора Мирослава с Дубровником 17 июня 1190 г., содержание которого свидетельствует о назревавшем столкновении Мирослава с Неманей. Таким образом, и евангелие князя Мирослава не могло возникнуть позже этой хронологической границы, а следовательно, и существование рашской школы правописания дьяка Григория отодвигается ко времени до ухода св. Саввы на Святую Гору и до вступления Растка на хумский престол после изгнания Мирослава. Если, таким образом, время написания Мирославова евангелия отодвигается в промежуток между 1180 и 1190 гг. (учитывая правописание и графику Григория, маловероятно было бы предположить более раннюю дату — первое десятилетие правления Мирослава, после 1170 г.), это бы значило, что св. Савва со своим правописанием вошел уже в процесс формирования рашской школы — процесс, который должен был начаться хотя бы за 5—10 лет до его ухода на Афон. Приходится заключить, что он не должен был получить основы своего правописания только в русском монастыре на Святой Горе. Вероятно, он мог ознакомиться с ним и дома, может быть, воспринять его от дьяка Григория, который после изгнания Мирослава мог стать управляющим государственной канцелярией нового пятнадцатилетнего князя Растка.

Встает вопрос: мог ли сам дьяк Григорий и, может быть, еще кто-нибудь из его современников получить свое филологическое образование только в русской святогорской школе? Григорий во всяком случае был сербом, как об этом свидетельствуют *ou* для предлога *въ*, *дѣ* в смысле *quia въздрадоуимы се*¹⁴⁸. Высокое положение княжеского дьяка во время создания Мирославова евангелия Григорий, конечно, не мог занимать в свои юношеские годы. Вероятнее предположить, что время его учения падает на седьмое или восьмое десятилетие XII в. В те годы Мануиловых балканских походов, ромеизации и антибогомильской инквизиции политическая обстановка не могла представлять особых возможностей для развития сербских связей с Афоном, где в то время и русский монастырь, по видимому, не пользовался симпатиями византийского правительства и святогорского протата ввиду натянутости дипломатических и церковных сношений между Царьградом и Русью¹⁴⁹. Между тем именно в эти годы существовали особенно живые союзнические отношения между сербами и Венгрией и между Венгрией и Русью. До 1162 г. на венгерском престоле сидел энергичный Геза II, женатый на киевской княгине Ефросинии. Период его правления был эпохой наиболее сильного русского влияния в Венгрии. После смерти Гезы Ефросиния сохраняла большое влияние на сына Стефана III, которого в 1167 г. женили на дочери галичского князя Ярослава Осмомысла¹⁵⁰, а после смерти Стефана III пользовалась политическим влиянием в первые годы правления Бела IV (пока в 1176 г. не вмешалась в восстание младшего сына Гезы, после чего Бела послал

¹⁴⁸ Белић, стр. 221.

¹⁴⁹ В. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв., стр. 45—60.

¹⁵⁰ Через два года брак был расторгнут и княгиня вернулась на Русь.

Ефросинию в монастырь, а позднее в Царьград). В условиях непрерывных дипломатических, военных и династических связей Венгрии с Киевом и Галичем, с одной стороны, и с сербскими землями — с другой, нужно предполагать, что и сами сербы могли входить в непосредственные сношения с русскими. Разве не мог Григорий, в то время, вероятно, «кандидат» на дипломатическую должность и будущий правитель дворцовой канцелярии, получить специальное задание ознакомиться с русским языком и русским письмом? О таких сербско-русских связях в данный период мы не располагаем историческими свидетельствами, но от этих годов не имеется свидетельств и о сербских связях с Афоном. Во всяком случае остается факт русской основы правописания дьяка Григория, а по моему убеждению, и зависимость его графики от русской.

Известно, что письмо русских рукописей XI в. далеко оставляет за собой письмо южнославянских текстов того же периода, притом не только совершенством каллиграфической техники и высотой художественной иллюстрации, но и в смысле палеографическом — как высшая ступень в эволюции отдельных форм слов. Так, в южнославянских памятниках XI в. находим *a* с малой висячей петлей, большей частью архаического типа, с острым углом. Такого не встречаем ни в одной русской рукописи (кроме «делового» письма в подписи дочери Ярослава, французской королевы-регент *«АНА РЪИНА»*, 1063 г. и письма на бересте, где угловатость форм вызывается свойствами материала и орудий письма). В южнославянских рукописях находим архаическую форму *ц* с хвостиком в строке (в Супрасльской рукописи и в отрывках Ундольского регулярно; в Саввиной книге и в Хиландарских листах рядом с младшей формой); в отдельных местах Саввиной книги и *щ* имеет еще неопределенную форму с хвостиком, который начинается в строке¹⁵¹. В русских рукописях таких *ц* и *щ* не встречаем. Буква *ѣ* в южнославянских памятниках всегда стоит целиком в строке; такова она и в русских, но уже в Святославе Изборнике 1073 г. рядом с этой формой встречается и форма с приподнятой мачтой и горизонтальной черточкой на верхней линии (наряду с высоким *ѣ* с коромыслом над линией обычно в конце строки). Омега и в южнославянских, и в русских памятниках старой формы с высокой серединой, но в обоих Изборниках Святослава появляется иногда эта буква и с несколько спущенной средней частью, а совсем определенно такая форма видна на Тмутараканском камне 1069 г. в комбинации с *т* над ней. Пси в южнославянских памятниках имеет форму креста; в русских наряду с древней крестовой формой встречается и с полукругом вместо коромысла.

Все особенности русской графики XI в. органически развиваются в течение XII в.: буква *a* — с овальной петлей; *ѣ* постепенно поднимает мачту и перемещает коромысло на верхнюю линию; омега иногда пишется и в старой форме с высокой серединой, но к половине XII в. уже преобладает форма со спущенной серединой и характерно раздвинутыми книзу боками, которые постепенно принимают правильную овальную форму; пси приобретает форму лилии с лепестками, загибающимися книзу. В. Н. Щепкин характеризует это явление как отражение греческой графики X—XI вв.: омега высокая и крестовое пси — греческие формы X в.; омега с низкой серединой и пси в форме лилии — греческие типы XI в. Заслуживает внимания промежуток времени, понадобившийся для перехода этих греческих типов в славянское письмо.

¹⁵¹ См.: П. А. Лавров. Палеографическое обозрение..., снимок 26.

Однако более интересным является тот факт, что эти явления эволюции византийского письма, отразившиеся в русской графике XI и XII вв., вообще не отразились в южнославянском письме той же эпохи. Напротив, южнославянское письмо XII в. стоит вполне на базе архаической южнославянской графики предшествующего периода. В Добромировом евангелии, которое Кульбакин с полным основанием относит к первой половине XII в., имеются архаическое *a* с малой петлей, висящей в воздухе; архаические *ц* и *щ* с хвостиком в строке, а иногда и *д* с ножками в строке (ср. надпись Самуила 993 г.); *ѣ* целиком стоит в строке с коромыслом совсем над петлей; омега — только с высокой серединой. Почти все эти формы находим и в Битольском отрывке Октоиха¹⁵² приблизительно того же периода; тут встречается даже и архаическая форма *у*, которое целиком стоит в строке. Архаические элементы (*a* с висячей петлей, низкое *ѣ*, омега с высокой серединой, *ж* из трех прямых пересекающихся линий, *з* с длинной средней линией, загибающейся низко под строкой, пси крестовое и с полукружным пересечением) в большей или меньшей степени встречаются и в македонских рукописях конца XII и первых годов XIII в.: Охридском Апостоле, Слепенском Апостоле, Григоровичеве Паримейнике, Битольской Триоди, Македонском евангелии попа Иоанна и в Македонской Триоди Югославянской Академии (IV д 107), а частью и в Болонской псалтири, которая, по справедливой аргументации И. В. Ягича и В. Н. Щепкина, должна быть датирована промежутком между 1230 и 1241 гг. С графикой этого типа следует поставить в органическую связь графику основной части Мирославова евангелия (Варсамелеон) и письмо 10-го листа Вуканова евангелия, где, кроме остальных архаических элементов, встречаем *ц* и *щ* с хвостиком в строке. В македонских рукописях нужно подчеркнуть и архаическую традицию употребления разных форм малого юса, так же как и повернутого *ю*, которое иногда встречается в Изборнике Святослава 1073 г., но никогда не появляется в русских рукописях XII в.

Мы сознательно не поставили в эту группу македонских текстов Погодинскую псалтирь, которая, по Кульбакину и П. А. Лаврову, относится к рубежу XII и XIII вв., а по В. Н. Щепкину — к первой половине XIII в. По своему правописанию она примыкает к группе восточных, тырновских текстов, а по графике стоит в близкой связи с графикой русских рукописей конца XII и начала XIII в. С этой же графикой несколько более раннего периода стоит в связи и письмо дьяка Григория в евангелии князя Мирослава.

Не имея возможности цитировать все русские рукописи XII в., в которых встречаются формы букв, аналогичные письму дьяка Григория, укажу лишь на наиболее близкие аналогии. Таковые имеются, например, в письме Галицкого евангелия 1143 г.: здесь встречаем и высокую омегу с расходящимися боками народу с формой с несколько спущенной серединой; *ѣ* с коромыслом на верхней линии, над которой иногда едва возвышается верх мачты, а иногда его и вообще нет, как и у дьяка Григория; *a* с петлей до нижней линии, иногда с несколько заостренной, а иногда с овальной петлей; *ц* с малой, но симметричной вилкой; *ж* с пересечением линий в верхней части слова, но симметричной формы и т. д. Но существует памятник, который имеет еще большее сходство с графикой Григория, — грамота князя Мстислава 1130 г. И здесь находим те же формы для *a*, *ц*, *з*, *ж*, *ѣ*, омегу двух типов и др., а главное — совершенно тот же общий характер

¹⁵² *И. Иванов*. Български старини из Македонија, стр. 448.

красивого уставного письма, каллиграфически безупречного, безыскусственного в смысле художественных украшений, которое находим и в Аллилуариях дьяка Григория в конце Мирославова евангелия. Мне кажется, что именно этот тип безыскусственного уставного письма, который, вероятно, был общим в обиходе княжеских канцелярий в середине XII в., мог послужить образцом для выработки графического типа письма дьяка Григория и школы, к которой он принадлежал. В своих основных чертах этот тип проявляется и в обоих почерках Вулканова евангелия первых годов XIII в., а дальнейшее его развитие может быть хорошо прослежено по письму минеи Братка четвертого десятилетия XIII в., грамот Уроша I середины XIII в., Иловичской Кормчей 1262 г., Хиландарского Шестоднева 1263 г. и Тодоровых листков 1277 г. до стильного каллиграфического устава эпохи короля Милутина.

В начале этой эволюции, в конце XII—начале XIII в., письмо русских и сербских памятников весьма схоже. Но к середине XIII в. линии их развития снова расходятся. На Руси после нашествия татар, в эпоху феодальной раздробленности, как известно, теряется общий тип уставного письма и создается ряд местных типов; формы теряют геометрическую правильность, что особенно проявляется в набухании нижних петель и редукции верхних частей отдельных слов (особенно *в* и *ж*), подъеме перекадин у *н*, *и* и в йотированных буквах, в изменении горизонтального положения перекадин в косое, в сильном поднятии мачты у *ѣ*, в появлении косого, а потом и лежащего *е* и т. д. Все это к концу XIII в. приводит к формированию нового несимметричного типа младшего русского устава. В сербском письме XIII в. точно так же поднимается мачта у *ѣ*, сокращаются верхушки *в* и *ж*, набухают нижние петли, но буквы не теряют общего характера геометрической правильности, которым отличается и новый тип сербского каллиграфического устава, сформировавшийся уже около середины XIII в. и державшийся до появления полуустава в середине XIV в.

Совершенно аналогичный процесс развития письма можно предполагать и в Тырновской Болгарии. Говорим: предполагать, так как в данной области имеется очень мало точно локализованных и датированных текстов XIII в. Если Погодинская псалтирь действительно относится к первым годам XIII в. (а особенно, если еще к концу XII в.), то это значило бы, что в Тырновской Болгарии развитие заимствованного из России уставного письма значительно опередило Сербию *ѣ* с очень высокой мачтой, омега с низкой серединой и правильными овалами боков, *и* с перекадиной в верхней части слова, широкое *е* для *је* не встречаются в других балканских текстах ранее середины XIII в. Думаю, что по формам букв наиболее древним памятником этой группы должен был быть сгоревший в 1941 г. Октоих Белградской народной библиотеки, 268 (216), от которого один лист хранится в собрании Срезневского под именем «Жеравинского устава» — его, вероятно, можно было бы отнести ко второму или третьему десятиетию XIII в. Грамоты Иоанна Асеня II Дубровнику и святогорскому Ватопеду, хотя и писаны тогдашней канцелярской скорописью, и Асенева запись 1230 г. на столбе в Тырновской церкви свв. Апостолов, хотя и писана монументальным письмом эпиграфического типа, все же позволяют создать представление об основных формах болгарского уставного письма четвертого десятилетия XIV в., которое имеет много общего с письмом сербской минеи Братка того же периода. К 1263 г. относится болгарская часть Хиландарского Шестоднева, к 1263 или 1273 г. — Тырновское евангелие, к 1277 г. — отрывки Васы Грамматика, к по-

следней трети XIII в. — довольно большое число недатированных рукописей, которые П. А. Лавров описывает и воспроизводит под номерами 4, 6—12 как «Восточноболгарские тексты»¹⁵³. Та же графика, почти полностью аналогичная сербской данного периода, распространяется и в области македонских текстов после завоевания Иоанном Асенем в 1230 г. Македонии, где до того, как уже упоминалось, держались древние местные традиции.

Почти полное сходство графики сербских и болгарских текстов XIII в.¹⁵⁴ вполне понятно благодаря наличию близких политических и культурных связей между этими народами в данный период, что нашло свое отражение в большом числе болгарских рукописей с сербизмами, так же как и сербских с болгаризмами при известном числе памятников, над которыми совместно трудились болгарские и сербские писцы, как, например, в упомянутом Хиландарском Шестодневе 1263 г. Рядом с другими графическими явлениями, которые мы в предыдущем отрывке о графике сербских текстов связывали с русской графической базой, следует особенно подчеркнуть появление русской формы пси — лилии — во всех болгарских текстах, начиная от Погодинской псалтири. Только в Григоровичевой минеи эта форма является параллельно с более древней, крестовой, каковая в македонских рукописях держится и в течение первой трети XIII в.

По обычному воззрению, сформулированному В. Н. Щепкиным, «с XI века по начало XV, т. е. в течение четырех веков, русская графика представляет непрерывную эволюцию, во многом отличную от югославянской. Русские почерки внутри этого периода должны быть рассматриваемы независимо от югославянских. Только в начальной и конечной точке этого пути сравнение с югославянской графикой необходимо; в XI веке в России еще сказываются древнеболгарские влияния, в начале XV — начинают сказываться влияния среднеболгарские и сербские»¹⁵⁵. Этот затянувшийся палеографический экскурс привел нас к иному выводу. Путь органического развития русского письма сближается с югославянской графикой и на рубеже XII—XIII вв., когда на Балканах формируются новые редакции правописания и ведется восстановление уничтоженной в XII в. славянской письменности на базе русских оригиналов.

Как в сербских текстах данного периода, так и в болгарских рукописях XIII в. следы русского влияния в правописании и графике стоят в связи с русизмами, которые указывают на непосредственное пользование русскими оригиналами. Уже А. И. Соболевский в 1898 г. обратил внимание на ряд таких мест в Евангелии Софийской народной библиотеки [№ 19 (199)]. П. А. Лавров рядом с этим цитирует палимпсест из собрания Тишендорфа (ГПБ, Q. п. I, 64) и Четвероевангелие (БАН, № 11, 9, 3). М. Н. Сперанский присоединил к этой группе Минею Хлудовского собрания (№ 160) и Зайковский Требник, в свое время исследованный И. И. Срезневским. Б. Цонев особо анализировал Врачанское евангелие,

¹⁵³ П. А. Лавров. Палеографическое обозрение..., стр. 81—98.

¹⁵⁴ Как специфическую особенность болгарских текстов можно было бы считать большую верность форме омеги с высокой серединой, которая рядом с младшей формой держится в течение всего тырновского периода. В сербских текстах, напротив, при наличии отдельных случаев употребления старшей формы (например, у архиепископа Никодима) преобладает форма с низкой серединой: в первой половине XII в. — с расходящимися книзу боками, позднее — с правильными овальными.

¹⁵⁵ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 97—98.

где смог установить наличие русизмов на протяжении всей рукописи¹⁵⁶. Нужно думать, что внимательный анализ текстов с этой стороны откроет еще очень большое число южнославянских памятников данного периода с ясными следами русских оригиналов, как это недавно установил Б. Ангелов в отношении болгарской рукописи — Пролога Болгарской Академии наук XIV в. (№ 17)¹⁵⁷.

В полном согласии с приведенными явлениями находится и факт большого сходства южнославянского тератологического рукописного орнамента с тератологией русских рукописей XIII в. — факт, уже давно замеченный Ф. И. Буслаевым и В. В. Стасовым. Характеристику этого особого типа рукописного орнамента составляет неразрывное сплетение фантастических чудовищ и птиц с сетью лент и змей; в инициале геометрическая рама буквы перестает служить базой орнаментального целого, а само сплетение (симплегма) становится содержанием композиции, которая лишь символизирует нужный инициал; заставка развивает тот же мотив в сплетении симметрически поставленных инициалов. В этом специфически линейном типе, который встречаем, например, в Болонской Псалтири, Хиландарском Шестодневе 1263 г. и Хиландарском свитке № 1, орнаментика отличается, с одной стороны, от народного примитивно-фантастического орнамента старославянских рукописей, где зооморфные и орнитоморфные мотивы являются лишь украшением геометрической рамы инициала; с другой — и от «романской» иллюстрации Мирослава евангелия, где своеобразное сплетение живописно расцвеченных фантастических образов с реалистически трактованными растительными мотивами в сценах охоты, борьбы чудовищ и тому подобных претворяет инициал в миниатюру. В своем линейном типе Болонской псалтири и ряда других памятников южнославянская тератология чрезвычайно сближается с русской в эпоху ее формирования в XII и начале XIII в. Поэтому в соответствии со старыми представлениями о непрерывной зависимости русской письменности от болгарской в течение всего средневековья и связь русской тератологии с балканской пытались объяснить влиянием Балкан на Русь, хотя это наталкивается на ряд серьезных препятствий. Прежде всего нужно учитывать, что на Руси первые примеры линейной художественной тератологии появляются уже в первой половине XII в. (в Юрьевском евангелии, потом в Добриловом евангелии и т. д.) и что дальнейшее развитие идет органически и непрерывно до XV в.; между тем на Балканах орнаментика этого стиля возникает лишь в начале XIII в. и уже в третьей четверти того же столетия начинает уступать место возрождающемуся геометрическо-растительному орнаменту, а к середине XIV в. совершенно исчезает¹⁵⁸. С другой стороны, на Руси рукописная тератология этого стиля уже при своем возникновении показывает органическую связь с другими отраслями искусства, прежде всего «прикладного», высокую степень художественной трактовки мотивов и в своем дальнейшем развитии создает несколько местных школ и направлений с богатым запасом мотивов и полихромной рас-

¹⁵⁶ См.: А. И. Соболевский. Две замечательные рукописи XIII века. Киев, 1898; П. А. Лавров. Палеографическое обозрение..., стр. 134—135; М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей, стр. 49—53; Б. Цонев. Врачанско евангелие среднебългарски паметник от XIII в. София, 1904.

¹⁵⁷ Б. Ангелов. Из славянските ръкописи на БАН. — Известия на Архивния Институт, I. София, 1957, стр. 292—297.

¹⁵⁸ См.: В. Мошин. Орнамент южнославянских рукописей XI—XII века. — Радови Научног друштва Босне и Херцеговине, VI. Сарајево, 1957, стр. 40—79.

цветкой. Между тем на южнославянской почве в течение сравнительно короткого временного существования этот тип тератологического орнамента проявился преимущественно в схематизированной форме плетеного инициала в линейной трактовке, параллельно с чем особо развивались струя орнаментики народно-фантастического стиля (например, в Орбельской Триоди) и художественная тератология особого типа, отличающаяся известной свободой и фантазией в трактовке колоритного плетения инициалов (как в сербском Ватиканском евангелии № 4 и в евангелии Хиландарской келии св. Саввы № 8). Хронологический приоритет русской тератологии перед балканской дал Борну основу для гипотезы о русском источнике балканской тератологии, который в свою очередь генетически зависит от скандинавской орнаментики «звериного стиля»¹⁵⁹. Независимо от того, примем ли мы последнее положение или станем на точку зрения синхронизма самобытных сходных типов тератологии нордической и русской, факт зависимости южнославянской «технической тератологии» (термин В. Н. Щепкина) от русской представляется мне очевидным и получает свое естественное объяснение в связи с аналогичными явлениями русского влияния, проявившимися в культурной жизни балканских славян в конце XII и в первой половине XIII в.

На переходе русских праздников в южнославянские месяцесловы я подробно остановился в упомянутой работе о южнославянском Прологе¹⁶⁰. До XII в. мы не находим русских праздников в южнославянских календарях, хотя некоторые из них являются в русских месяцесловах уже в XI в. Русских праздников нет ни в евангелии князя Мирослава, ни в Слепенском апостоле, ни в евангелии попа Иоанна. Но с конца XII в. встречаем русских святых и русские праздники в ряде южнославянских рукописей: в Охридском апостоле, в Кирилловском синаксаре Асеманова евангелия, в Зографском Трефолое XIII в., в Тырновском евангелии 1273 г. и в других болгарских и сербских текстах XIII и начала XIV в. Некоторые из этих праздников могли войти в южнославянские месяцесловы несознательно, при списывании русского оригинала, когда речь шла о праздниках в честь Богородицы или в честь общехристианских великих святых. Вероятно, таким путем попали в Охридский апостол два русских праздника: 8 ноября, «Богородица» — празднование воспоминания освящения храма Св. Софии в Киеве (в Летописи — 1039 г.); в Мстиславовом евангелии праздник точно означен — «свещение св. Софии, иже есть в Киеве»; 26 ноября, «свещение св. Георгию» — празднование памяти освящения храма Св. Георгия в Киеве при Ярославе Мудром; приведено в русской Минее 1097 г., в Юрьевском евангелии — около 1220 г.; этот же праздник вошел и в Кирилловский синаксарь Асеманова евангелия. Русским праздником является и 9 мая — память перенесения мощей св. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в итальянский Бари в 1087 г. Как уже упоминалось, это событие не вошло в греческие месяцесловы, поскольку перенесение мощей святителя на Запад для греков не было праздником. Между тем на Руси празднование этого события было установлено уже через три года, в 1090—1091 гг., по всей вероятности, при посредстве дочери великого князя Всеволода Евпраксии-Адельгейды, супруги императора Генриха IV, которая присутствовала при этом событии. Данные об этом празднике в южнославянских месяцесло-

¹⁵⁹ W. Born. Das Tiergeflecht in der nordrussischen Buchmalerei. — *Seminarium Kondakovianum*. Praha. T. V, 1932; t. VI, 1933; t. VII, 1934.

¹⁶⁰ Сборник Историчког Института Југославенске Академје, т. II, стр. 56—60.

вах встретились мне в Слепченском евангелии Югославянской Академии (III д 3), Лесновском евангелии той же коллекции (IV д 12), Райковом евангелии той же коллекции (III б 23) и евангелиях Сербской Академии наук, №№ 1 и 277 (Стојановић, Каталог, №№ 3 и 5) — рукописях конца XIII и первой половины XIV в.

Более интересны данные о русских святых, вошедших в южнославянские месяцесловы: Борисе и Глебе (убиты в 1015 г.) и Феодосии, основателе Киево-Печерского монастыря (умер в 1074 г., мощи открыты в 1089 г., канонизация в 1108 г.). Памяти князей Бориса и Глеба появляются в месяцесловах Тырновского евангелия 1273 г., Слепченском евангелии Югославянской Академии (III д 3), Зографском евангелии 1305 г., сербском Богдановом евангелии Югославянской Академии (III с 20), сербском Райковом евангелии Югославянской Академии (III б 23), евангелиях Сербской Академии наук, №№ 1 и 277 и др. О св. Феодосии Печерском — в Тырновском евангелии, Лесновском евангелии Югославянской Академии (IV д 12), Слепченском евангелии Югославянской Академии (III д 3), евангелиях Сербской Академии, №№ 1 и 277, Дечанском евангелии, № 1, Райковом евангелии Югославянской Академии и др. Эти данные не могут быть обособлены от данных, вошедших в южнославянские Прологи, где они являются в XIII в. вместе с данными о русском князе Мстиславе, а затем княгине Ольге и куда в то же время вносятся данные о южнославянских святых св. Параскеве (Петка), преподобном Иоанне Рыльском, Петре царе Болгарском, св. Симеоне и Савве сербских и др. Одновременное появление особых житий Бориса и Глеба и Феодосия в южнославянских списках, так же как и их служб в минеях и других литургических текстах, не позволяет предполагать возможности случайного и несознательного внесения этих праздников в болгарские и сербские месяцесловы и заставляет предполагать какой-то канонический акт в начале XIII в., которым на Балканах была проведена редакция южнославянских календарей, вероятно в связи с восстановлением болгарской патриархии и созданием автокефальной сербской церкви.

В одном важном памятнике такой церковноканонической акции в Болгарии в начале XIII в. наталкиваемся на применение датирования официального акта хронологической системой с мартовским началом года. Это Борилов собор против богомилов, в Синодике которого стоит дата 6718 г., 14 индикта, круг месяца 11, круг солнца 15, февраля 11 дня, пятница сыропустной недели. Тодоров, подтвердивший элементы этой даты на базе мартовской системы начала года, объясняет этот факт как результат западного влияния, оставшегося в Болгарии после Калояновой унии с Римом¹⁶¹. В связи с приведенными данными о других аналогичных явлениях русского влияния в разных областях культурной жизни южного славянства в данный период, а также принимая во внимание вероятность, что при создании Борилова Синодика в неделю православия мог быть использован какой-нибудь русский список первоначального болгарского Синодика старославянской эпохи¹⁶², можно считать вероятным, что в датировке Борилова Синодика применена русская система датировки с началом года в марте. Вполне

¹⁶¹ Янко Тодоров. Таблицы за определяне и провераване на дати от българската и византийска история. София, 1945, стр. 12—13 и 32—34.

¹⁶² См.: В. Мошин. Сербская редакция Синодика в неделю православия. — Византийский временник, т. XVI. М., 1959, стр. 317—394.

естественно, что при непрерывных дипломатических сношениях с соседней Византией в Болгарии должна была привиться и практика датировки по византийской сентябрьской системе (так же как это имело место и на Руси), но отдельные случаи мартовской датировки в Болгарии находим и позднее, например в болгарском евангелии 1359 г.¹⁶³ Это могло иметь место только при сознании, что мартовское начало года имеет свое каноническое основание и, следовательно, может употребляться параллельно с византийской сентябрьской системой, как это применяется в богослужебном обиходе в параллелизме двух годовых кругов, пасхального и индикта.

Это сознание основывалось на богословской и астрономической аргументации византийских компутистов. Научно-теоретически оно излагалось в пасхалистических трактатах, как, например, в сербском переводе Синтагмы Матфея Властаря (середина XIV в.). Хронография (в частности, Амартол в сербском списке 1386 г.) указывала, что «первый месяц, иже от Евреи глаголемый Ниса, от нас же глаголеми Март, яко же рече господь: месяц сей начаток месецем вам... Тожде и нам по божии светеи цркви начело лета буди всегда, якоже и светую Пасху обретающе» и т. д. Пролог под 1 марта приводит особую статью с аргументацией о мартовском начале года. Учительная литература содержит списки древних поучений с хронологическими выкладками по мартовской системе, как, например, в Слове Максима Исповедника на Благовещение (в сербском Грачанинском Прологе последней четверти XIV в.). Ту же традицию встречаем в народной апокрифической литературе «о зодиях», о двенадцати пятках, в лунниках, громовниках и т. д.¹⁶⁴ Неизмеримо важнее, что эта же система и монументально увековечена королем Милутином в росписи его церкви в Старом Нагоричине, построенной в 1317—1318 гг. Здесь фрески целого цикла праздников распределены по мартовской системе — композиции начинаются мартом и кончаются февралем¹⁶⁵. Обращая внимание на этот пример применения мартовской датировки, Станоевич охарактеризовал его как курьез, который мог бы быть объяснен венецианским влиянием¹⁶⁶. Естественнее это явление может быть истолковано по своей органической связи со славянской пасхалистической традицией, применяемой в богослужебном обиходе и живущей в литературе от Библии до апокрифов и фольклора. На Руси, как уже упомянуто, мартовский стиль в хронологии применялся с древнейшего времени в документах и в хронографии и, как нам кажется, пришел сюда с Запада в X—XI вв. Несомненные случаи такого применения мартовской датировки находим и у южных славян в XIII и XIV вв.

Нужно подчеркнуть, что и для сербов датировка актов с началом года в марте не должна была представляться совсем странной, потому что эта система была в употреблении в разных городах Далмации, с которыми сербские государи были в регулярных дипломатических сношениях, так же как и в Венеции. И сами сербские государи пользовались иногда этой системой с давнего времени. Так,

¹⁶³ А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография, 2-е изд. СПб., 1908, стр. 104—105.

¹⁶⁴ См.: В. Мошин. Мартовско датирање. — Историски Гласник, бр. 1—2. Београд, 1951, стр. 47—54. Приводимые здесь цитаты даны в несколько исправленном и упрощенном правописании.

¹⁶⁵ См.: В. Петковић. Календар у старом живопису српском. — Старинар, Трећа серија, I. Београд, 1922, стр. 4—5.

¹⁶⁶ Ст. Станоевић. Студије о српској дипломатици. XVII. Датирање. — Глас Српске академије, CXXII. Београд, 1928, стр. 47.

первые сохранившиеся договоры Немани и Мирослава с Дубровником 1186 и 1190 гг. датированы «anno Incarnationis», как и договор Дуклянского короля Джорджа Вукановича с Венецией 1208 г. Что касается даты с годом по эре от сотворения мира, то в большинстве случаев трудно определить, по какому «стилю» этот год приведен, так как сентябрьский год своей второй половиной входит в первую половину мартовского года (март — август) по венецианскому и флорентийскому стилям, а первой половиной (сентябрь — февраль) — во вторую половину мартовского года по пизанской системе. (Как известно, оба стиля иногда встречаются в рамках одного и того же произведения, а иногда встречаются в одном периоде в одной и той же канцелярии, в частности в папской.) Поэтому даже и для договора Радослава с Дубровником от 4 февраля 6742 г. с неточным IV индиктом при всей вероятности сентябрьского датирования можно допустить возможность применения мартовско-пизанской системы с тем же переводом даты на февраль 1234 г. Поэтому необходимы противоречия между отдельными элементами даты или противоречие даты с внутренними данными акта, которые бы требовали выхода из рамок сентябрьского года в ту или иную сторону, дабы можно было искать возможности применения мартовской датировки. Такой случай имеем, например, в дате Доментиановой записи на его житии св. Саввы Сербского: 6762 г., XI индикт, при царе Иоанне Ватаци (умер 3 ноября 1254 г.)¹⁶⁷. Сентябрьский 6762 г. (сентябрь 1253 г. — август 1254 г.) не сходится с XI индиктом (сентябрь 1252 г. — август 1253 г.); но данный индикт своей первой половиной (зимние месяцы) входит в мартовский 6762 г. по пизанскому стилю (март — август 1253 г.). Ввиду того что именно для Доментиана установлено пользование русскими литературными произведениями (в частности, Иларионовым Словом о законе и благодати), вполне допустимо предположение, что он в приведенной дате пользовался русской системой с мартовским началом года.

Совершенно несомненные факты применения мартовской системы в датировке находим в нескольких сербских памятниках первой трети XIV в. Это прежде всего дата смерти короля Милютина, которая имеется в ряде летописей и записей, — 29 октября 6829 г.¹⁶⁸ (6825 вместо 6829 г., который встречается в нескольких младших летописях, вероятно, появился вследствие неясно написанной или стершейся в оригинале буквы Θ, которая выглядела как ε). При сентябрьском счете октябрь 6829 г. относится к 1320 г. н. э., что опровергается рядом византийских грамот, свидетельствующих, что Милютин был жив еще летом 1321 г. Очевидно, 6829 г. написан по венецианской или флорентийской системе, по которой приведенная дата дает 29 октября 1321 г.

Подобный случай встречаем в грамоте Стефана Дечанского 1330 г. Дечанскому монастырю. Здесь сам король говорит о своем короновании вместе с сыном Душаном 6829 г., 6 января, индикта V¹⁶⁹. Сентябрьский счет натывается здесь на два противоречия: 1) 6829 сентябрьский год (сентябрь 1320 г. — август 1321 г.) не сходится с V индиктом (сентябрь 1321 г. — август 1322 г.); 2) именно V индик-

¹⁶⁷ По рукописи ГПБ: Л. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књ. III. Београд, 1905, стр. 36, № 4932.

¹⁶⁸ Л. Стојановић. 1) Стари српски записи и натписи, књ. III, стр. 83, № 5138; 2) Стари српски родослови и летописи. Сремски Карловци, 1927, стр. 78, 79, 103, 110, 112; год 6825 на стр. 121, 174, 180, 189, 196 и 198.

¹⁶⁹ Fr. Mikosich. Monumenta serbica. Viennae, 1858, № 83, стр. 90; Ст. Новаковић. Законски споменици српских држава сред њег века. Београд, 1912, стр. 646.

ту отвечает год смерти Милютина в октябре 1321 г. и коронавания Стефана Дечанского в январе 1322 г., тогда как январь 6829 г. по сентябрьскому счету шел бы в 1321 г., т. е. еще при жизни короля Милютина. Напротив, по мартовскому счету по флорентийской и венецианской системам январь 6829 г. согласуется с V индиктом и с исторической обстановкой: коронавание Стефана Дечанского имело место через два с лишним месяца после смерти короля Милютина.

Вполне очевидный случай мартовской датировки встречаем в двух грамотах короля Стефана Дечанского Хиландарю от 9 июля 6835 г. и от 8 февраля 6835 г. В обеих грамотах среди королевских дарений приводится село Добродоляни, половина которого ранее принадлежала монастырю Студенице. В июльской грамоте король сообщает, что к нему пришел хиландарский игумен ГERVасий с просьбой об обмене со Студеницей, дабы все село целиком перешло в руки Хиландаря. Король согласился и дал Студенице за ее половину Добродолян село Ярине на р. Ибре, а бывшую студеническую половину Добродолян подарил Хиландарю. Затем описывается и размежевание границ нового хиландарского имения. Во второй грамоте (от февраля) описывается размежевание границ другого хиландарского имения — Хотачской метохии у Призрена — и при этом перечисляются другие хиландарские имения, в том числе обе половины Добродолян — новое дарение и та часть, которая ранее принадлежала Хиландарю. Приведенное содержание с полной очевидностью показывает, что июльская грамота 6835 г. выдана ранее февральской т. е. что в 6835 г. для писавшего грамоты июль предшествовал февралю, что могло иметь место только при пользовании мартовской системой. По венецианскому или по флорентийскому стилю (каковой имел место в двух приведенных случаях данного периода) первая грамота должна быть датирована 9 июля 1327 г., а вторая — 7 февраля 1328 г.¹⁷⁰

Если к этим несомненным свидетельствам об употреблении в Сербии в первой трети XIV в. мартовской системы прибавим упомянутые композиции праздников в росписи Старого Нагоричина этого же периода, создается твердое убеждение, что для данного периода эта хронологическая система была обычной. Не может быть случайностью и то, что единственная датированная грамота Стефана Дечанского Дубровнику имеет дату «марта 25 день, на Благовещение, а от воплощения Христова 1326 года»¹⁷¹. Хотя в западных актах Воплощение Христово отождествляется иногда с Рождеством — 25 декабря, но в данном случае оно, конечно, относится к Благовещению, как это поется и в стихирах в службе на этот праздник — «Бог бо истощевается, и воплощается, и зиждется».

Совершенно очевидно, что в первой четверти XIV в. эта система начала года мартом не могла прийти из Византии и, конечно, должна была восходить к более древней традиции, которую мы в начале XIII в. обнаружили в Синодике царя Борила. В своей работе о мартовском стиле в южнославянской хронологии (десять лет назад) я повторил воззрение русских палеографов, якобы эта система пришла к славянам из Греции через пасхалию. Сейчас для меня ясно, что она была принята балканскими славянами из России в конце XII и в начале XIII в. и

¹⁷⁰ В издании Б. Кораблева (*Actes de Chilandar. Deuxième partie. Actes slaves.* — Византийский временник, т. XIX, 1915, Приложение, №№ 21 и 22) и в издании Ст. Новаковића. (Законски споменици српских држава средњег века. Београд, 1912, стр. 396 и 398) обе грамоты с датами, переведенными по сентябрьскому году.

¹⁷¹ Љ. Стојановић. Старо српске пове и писма, I. Београд — Сремски Карловци, 1929, № 47; *Fr. Mikosich. Monumenta serb.* № 81, стр. 85.

что это заимствование стоит в естественной связи с аналогичными фактами в ряде других областей культуры. Как я указывал в статье о мартовском стиле, практика датировки официальных актов системой с мартовским началом года в Сербии уступила место сентябрьской системе в середине XIV в., в эпоху создания Душановой империи сербов и греков, но и после этого мартовская датировка встречается иногда в записях и в некоторых официальных актах.

Возвращаясь к литературным памятникам, которые перешли из древней Руси на Балканы, напомним и несколько дополним список М. Н. Сперанского. Наряду с рукописями св. Писания и литургическими, которые, очевидно, были самыми многочисленными благодаря потребностям возрождавшихся южнославянских национальных церквей, здесь находим: каноническую литературу — Кормчую, русский текст которой был редактирован и пополнен в согласии с новой византийской канонической литературой; Синодик в неделю православия, вероятно, в русской переделке первоначального болгарского Синодика эпохи пресвитера Козмы, которая должна была послужить созданию новых редакций, сербской и болгарской; «Книги Законные»; русские переводы греческих монастырских типиков; «Канонические ответы» русского митрополита Иоанна II (1080—1089); русский список первого болгарского перевода «апостольских уставов, како подобает жити христианину»; памятники церковного ораторского искусства, как Иларионово Слово о законе и благодати с похвалой кагану Владимиру; полемические творения, как Слово о вере варяжской инока Феодосия; поучительно-аскетическую литературу — Иларионово «Наказание к отрекшимся от мира или послание к брату столпнику», «Притчи» Кирилла Туровского и, вероятно, различные сборники проповедей, некогда перешедшие на Русь через болгарские и македонские переводы; житийные произведения — Несторово житие св. Феодосия, сказания о св. Николе, Пролог с русскими житиями, связанные с ним службы, как служба свв. Борису и Глебу, составленная русским митрополитом Иоанном I; дидактические сборники, как «Пчела»; историческую литературу — Историческую Палею; светские литературные произведения, как Повесть об Акире Премудром, «Моностихи» Менаандра и, вероятно, еще многое из того, что некогда древняя Русь приняла из литературных сокровищ эпохи Симеона Великого. До сих пор еще не обнаружены следы знакомства славянских Балкан с русскими летописями, Поучением Владимира Мономаха и Словом о полку Игореве. Аналогичный факт из области светских жанров мы подчеркнули в главе о переходе древнеболгарских и македонских памятников в русскую письменность XI столетия. Видимо, выбор оригиналов для переписывания диктовался практическими потребностями болгарской и сербской церкви в годы организации их самостоятельной канонической жизни. Но не исключено, что когда-нибудь найдется след знакомства с этими произведениями в болгарской и сербской литературе. В этих вопросах всегда встает пример Слова о полку Игореве, которое дошло от древности в единственной старой рукописи, погибшей в Москве в 1812 г. Нужно думать, что, в отличие от церковных книг, которые хранились в монастырях, светские произведения преимущественно попадали в библиотеки государей и феодалов, где погибали вместе со средневековыми дворцами и замками. Во всяком случае те русские литературные сокровища, которые попали в южнославянские литературы в XIII и XIV вв., дают право думать, что в данный период Россия вернула славянским Балканам почти все, что приняла от них во время создания своей письменности, и прибавила многое из того, что сама соз-

дала в XI и XII вв. Другими словами, мне кажется, что в первой половине XIII в. южнославянские литературы должны были обладать большей частью литературных богатств, которые в то время составляли общую православно-славянскую литературную сокровищницу.

Как и при рождении русской литературы в первой половине XI в., процесс восстановления южнославянских литератур после 200-летней византийской ромеизации и инквизиционного искоренения славянской письменности осуществлялся в течение очень короткого промежутка времени — в первые десятилетия XIII в. И в первом, и во втором случаях, мне кажется, это явление нужно объяснить общим психологическим фактором — мощным духовным брожением пробудившихся творческих сил на пороге новой эпохи при рождении новых условий государственной и общественной жизни. На Руси в первые годы XI в. этот толчок дали христианизация и связанные с ней переустройство общественных отношений и новая государственная идеология; у южных славян — пробуждение национального и государственного самосознания после освобождения от политического и культурного двухсотлетнего ига. В качестве аналогии можно привести и спонтанное рождение болгарской письменности в годы великодержавной политики Симеона Великого в соответствии с его византийско-имперской государственной идеологией, а позднее и рождение нового литературного движения на Руси, связанного со вторым южнославянским влиянием в годы могучего пробуждения национального духа после победы над татарами в 1380 г.

Литературное движение у сербов и болгар в XIII и XIV вв.

Как эпоха создания южнославянской письменности при Симеоне Великом, так и возрождение южнославянских литератур в XIII в. были связаны с активной деятельностью по переводу греческих произведений. Это видно уже в трудах св. Саввы сербского. Если библиотека русского монастыря на Афоне за 25 лет, протекавших от упомянутой описи 1169 г. до прихода Саввы на Афон, не разрослась в большой степени, то в течение первых месяцев своего пребывания на Святой Горе Савва мог овладеть Патериком, Ефремом Сирином и житием Панкратия Тавроменийского, которые имелись в этой библиотеке вместе с богослужебными книгами и Номоканоном. Можно думать, что его скорый уход из русского монастыря в греческий Ватопед был вызван не столько желанием греческого монашества переманить в свою среду сына сербского государя, сколько потребностью, которую сам св. Савва мог осознать на Афоне: вполне овладеть греческим языком и в богатой ватопедской библиотеке оказаться у источника православного просвещения и греческой культуры. Возможно, что и его исключительная щедрость дарений в отношении к Ватопеду, где он выстроил три храма и покрыл оловом главную церковь, являлась выражением признательности за те культурные сокровища, которые Савва мог почерпнуть из ватопедской библиотеки. Его первые труды — типики и Служба с похвалой св. Симеону — связаны с греческими образцами. Архиерейский служебник и руководство для чтения Псалтири — переводы. При создании сербской Кормчей, кроме использования древней болгарской редакции в русском списке, выполнен и перевод новой греческой редакции с толкованиями Аристина и Зонары. Когда сербское монашество на Святой Горе обосновалось в собственном монастыре Хиландаре, там труд

по переписыванию книг должен был развиваться параллельно с переводческим, оттуда перешел в Сербию, куда св. Савва стремился перенести «всякий образ Святой Горы».

Небольшое число сохранившихся сербских рукописей XIII в. с еще меньшим количеством датированных записей в них не дает нам возможности определить, какое количество сербских переводов византийских произведений литературы было выполнено в течение этого столетия, но не может быть сомнений, что последующие труды архиепископов Никодима и Даниила в этом направлении представляли лишь продолжение и развитие ранее начатой культурной деятельности по созданию сербского просвещения на базе греческой культуры. В 1319 г. архиепископ Никодим, следуя примеру св. Саввы, который «породи, кже ѡбнови, не тѣчию себе, нъ и всоу срѣпскоу землю... ѡко нѣкай чьстѣнаѡ пчела от всѣхъ красныхъ цвѣтъцъ събравъ», послал в Константинополь за Иерусалимским типиком и «прѣложи и въ нашъ ѡязыкъ от писменъ грѣчьскаго ѡзыка»¹⁷². Его наследник на престоле Данило, построив в Печской патриархии церковь в честь Богородицы, «оуставъ же постави въ нѣе и прѣдрѣжати ю доброразумнымъ чрѣньцемъ ѡзыка грѣчьска, ѡже вса съдѣвати законъна въ црѣкви той, по оуставоу ихъ творити слоужьбоу божьствьноу и вса прочаѡ»¹⁷³, к этому «всему остальному», очевидно, относилось участие в переводческих трудах. Но главный центр сербской переводческой деятельности находился на самой Святой Горе: в Хиландаре, в Карейской келии св. Саввы, позднее в русском Пантелеймоновом монастыре, когда этот монастырь при царе Душане перешел в руки сербов, и в монастыре св. Павла. На Афоне старец Иоанникий в 1347 г. «переложил» для Душановой супруги, царицы Елены, греческое Феофилактово толкование Евангелия, а в 1371 г. старец Исаия «от многопремудраго и художнаго, зело скупаго еллинскаго ѡзыка ва нашъ ѡзыкъ» переводил творения Дионисия Ареопагита.

В высшей степени характерно суждение этого старца Исаии об отношении простого и безыскусственного славянского ѡзыка к логически изощренному и художественно совершенному греческому и о связанных с этим трудностях перевода: «Греческы бо ѡзыкъ ово убо от Бога исперва художень и пространъ бысть, ово же и от различныхъ по временехъ ѡбумудрець ухыщренъ бысть; нашъ же словенъкъ ѡзыкъ от бога добрѣ сътворень бысть, понеже вся елика створи бог зѣло добра, нъ улишениемъ ѡбумученіѡ ѡбумочствивыхъ слова мужей хытрости ѡкоже онъ не удостоися. И убо колико ѡбо аще от оногѡ навыхѡхъ, не хотѣхъ конснутися сущихъ паче мене, рекъше прелогати от греческаго ѡзыка въ нашъ, по реченному: высочайшихъ тебе не ищи и глоубочайшихъ тебе не испитуй, боѡся и оногѡ еже пострадаша в ветхомъ и новѣмъ писаша, иже прѣбидѡюще дерзостнѣ смѣаше божьствыхъ прикоснутися»¹⁷⁴. Изложенные здесь мысли вполне отвечают позднейшим рассуждениям Константина Костенечского о совершенстве греческого ѡзыка, о трудностях при переводе греческихъ текстовъ на славянскій ѡзыкъ

¹⁷² Ъ. Стоѡановић. Стари српски записи и натписи, књ. I. Београд, 1902, № 52, стр. 22—24.

¹⁷³ Животи краљева и архиепископа српскихъ, написао архиепископъ Данило и други. Издаоѡ. Даничић. У Загребу, 1866, стр. 369.

¹⁷⁴ Ъ. Стоѡановић. Стари српски записи и натписи, књ. III, № 4944; ср.: В. Мошин. Житие старца Исаии, игумена Русскаго монастыря на Афоне. — Сборникъ Русскаго археологическаго общества в королевстве Югославии, т. III. Белград, 1940, стр. 154—158.

и опасности еретических заблуждений вследствие неточной передачи богословских понятий.

В записях на сербских рукописях святогорского происхождения часто встречается имя Карейской келии св. Саввы как места, для которого или где выполнена работа по переписыванию или самостоятельный литературный труд. Эту келию основал св. Савва для подвижников-пустынников, «исихастов», как их называет уже типик святогорской лавры, составленный преп. Афанасием в X в. Устроив это «место безмолвия» сначала лично для своих аскетических подвигов и размышления, а позднее «в жилище двум или трем» опытным («искусным») подвижникам, Савва юридически оградил эту келью от какого бы то ни было вмешательства святогорского прота и хиландарского игумена и определил постоянный доход как от сербской архиепископии, так и от Хиландаря для материального обеспечения «исихастирии», дабы тамошний «старец» был освобожден от всех материальных забот и мог беспрепятственно выполнять предписанные уставом правила богослужения и аскетизма. В рамках этих обязанностей в связи со всеми предписанными церковными богослужениями (полунощница, утреня, часы, вечерня и т. д.) безусловно требовалось, чтобы ежедневно, в продолжение дня и ночи, была «препета» вся псалтирь. Карейский типик св. Саввы не говорит об обязанностях старца (настоятеля) в келье по переписыванию или переводу, но хиландарские рукописи свидетельствуют, что именно в этой исихастирии более всего процветала литературная деятельность. Имена настоятелей этой келии — сам св. Савва, Доментиан, Даниил, Никодим, Теодул — наиболее известны в истории сербской письменности. История спана (евнуха) Теодора, который в другой подобной хиландарской келии Вознесения писал под руководством Доментиана в 1262—1263 гг. хиландарский Шестоднев, свидетельствует, что «старцы» этих келий заботились о подборе молодых искусных писцов, среди которых оказался и такой замечательный каллиграф, как упомянутый Теодор¹⁷⁵. Условия жизни в этих «молчальницах», где труд по переписыванию книг и литературное творчество прерывались только церковными службами и безусловным регулярным ежедневным «прочтанием» целой псалтири, во многом объясняют нам как идейную базу, так и характерные черты тогдашнего сербского литературного стиля, в особенности у «святого книголюбца» Доментиана, архиепископа Никодима и Даниила, которые сами в своих записях подчеркивали факт своих постнических подвигов в Карее. Чрезвычайно показательна статистика, которую провел Станоевич в отношении цитат из Св. Писания, встречающихся в древних сербских памятниках: самыми многочисленными являются цитаты из Псалтири — 739 на 569 цитат из Евангелия, тогда как из других книг только Соломоновы Притчи превышают числом 50; при этом самые многочисленные цитаты из Псалтири имеются у Доментиана (215), у Даниила (226) и у Теодосия (73), а у других писателей не превышают 30. Эти числа при ряде очевидных доказательств, что данные тексты цитировались «на память», говорят о точности констатации Станоевича, что эти писатели «почти постоянно цитируют те части Св. Писания, которые употребляются ежедневно в церкви, на службе, вечерне, часах и т. д. К этим местам из Св. Писания они привыкли и должны были их знать на память, так как их ежедневно произносили, пели или слушали и в церкви и вне ее. Вследствие постоянного употребления эти части Св. Писания были нашим

¹⁷⁵ См.: *Љ. Стојановић*. Стари српски записи и натписи, кн. I, № 20, стр. 8—11

древним писателям настолько знакомы, что они ими чрезвычайно легко пользовались и могли их при каждой потребности цитировать наизусть»¹⁷⁶.

То, что среди этих цитат особое место занимают цитаты из Псалтири, привлекает внимание к вопросу о роли этого гениального произведения мировой поэзии при формировании сербского литературного стиля XIII—XIV вв. При ежедневном «прочтении» всей Псалтири это произведение нельзя было не выучить «на память»: и сейчас на Афоне можно встретить много монахов, которые знают всю Псалтирь наизусть. Грандиозность космогонических и религиозных образов, глубина интроспективного психологического анализа и художественная выразительность литературного языка должны были всецело заполнять как философско-религиозное, так и художественное сознание карейских подвижников. Они не только в своих литературных трудах пользовались образами и художественно-стилистическими фигурами Псалтири, но и в своем житейском обиходе вращались в кругу этих представлений и выражениями Псалтири формулировали свои мысли в разговорной речи. Человек, обособившийся от группы, напоминал образ одинокого «врана на нырищи» или «птицы, особающейся на zde»; прозаический факт присутствия блох и клопов на ночлеге вызывал шутливую ассоциацию с псаломными «животными малыми и великими». Псалтирные эпитеты — «сердце чисто», «сердце сокрушенное», «пламень огненный», «овча погибшее» — принимают характер постоянности эпитетов народной поэзии. Синонимы — «усну и почию», «возвеселятся — возрадуются», «что добро или что красно», «кого убоюся — кого устрасюся», «ополчится полк — восстанет брань» — связываются в постоянные комплексы. Язык и по лексике, и по фразеологии становится «псалтирным».

Из Псалтири писатель впитывал в себя все богатство стилистических фигур и разнообразных средств усиления эмфатичности литературного языка, которыми характеризуется торжественно-панегирический стиль южнославянской агиографии XIII—XIV вв. Вся Псалтирь представляет непрерывный буйный поток поэтических перифраз и сравнений, сильных и импрессивных. Здесь представление гордого нечестивца: «превозносеца се и высеце се яко кедр ливаньски»; картина враждебных полчищ, которые «объшьдыше обыдоше ме яко пчелы сьт и разгореше се яко огонь в трънии»; побежденных противников, которые «бише яко гнои земельнии» или «развеяни бише яко прах пред лицем ветру»; ассоциация освобождения от врагов со спасением из охотничьей западни — «сеть сокруши се и ми избавлени бихом»; уподобление праведника «древу плодовитому, всаженному при исходящих вод, иже плод свои обрете в време свое»; «надеющей се на Господа — яко гора Сион»; психологическое состояние духовной подавленности выражается сравнением души с «землей безводной», сердца с «травой усохшей»; абстрактное понятие переходящего олицетворяется в днях, которые «исчезоше ако и дим»; напротив, юность обновляется «яко орли»; истина выходит «яко свет»; отстранение от себя греховных настроений вызывает пространственное представление — «якоже далече отстоят вьстоци от запада». Сравнение часто идет в художественной градации, как в описании «блаженного мужа» в 1-м псалме; в перечислении разных средств божественной помощи в борьбе с врагами — от оружия и щита до ангельских войск (Псалом 34); градация состояний

¹⁷⁶ *См. Станојевућ и Д. Глумац. Св. Писмо у нашим старим споменницама. Београд, 1932, стр. XXIII и таблица статистического обзора.*

покоя в отрывке о поисках места Господеви (Пс. 131). Сравнения перемежаются с картинными контрастами: грозным врагам с оружием, конями и боевыми колесницами противопоставляется надежда на бога; грешник скрежещет зубами на праведника, но над ним бог посмеется; остатки нечестивых уничтожаются — праведника спасает бог. В сжатой форме антитезы яркость противопоставленных образов иногда дает мысли характер формул пословицы: «не даст господь жьзла грешних на жребии праведнаго». Тот же характер имеют и многочисленные метафоры, как «сеющей слезами радостию пожнут», «труды плодов твоих снеси», «изведи из тьмнице душу мою», «положи устом моим хранило» и т. п. Особую картинность дают постоянные персонификации: как земля, которая должна поклониться и петь; вопль сердца, идущий до бога, сердце, которое возвеселится или смятется и т. п.; метонимии, как, например, изображение понятия боевой силы конской силой или мужескими лыстами; синекдохи, как «сильно на земли будет семя их» или «зубы грешника сокруши»; гиперболы, как «положу на море руку его и на реках десницу его» и т. п.

Псалтирь содержит и бесконечные примеры употребления технических средств для концентрации внимания на отдельных мыслях и для усиления эфатичности и экспрессивности, которые мы находим и в южнославянской агиографии. В отношении содержания усиление внимания к определенному представлению или мысли чаще всего достигается нанизыванием синонимов или близких понятий и образов, как, например, «да постидет се и посрамет се»; «что добро или что красно еже жити братии вкупе»; «видех нечестиваго превъзнеса се и висеца се»; «на те утврдих се от утробы, от чрева матере моеѣ ти еси мои покровитель»; «Господь просвещение и спаситель мои, от кого се убою — Господь защититель животу моему, от кого се утрашу?»; «не даст сына своима очима ни бръвама своима дремания»; «суди, господи, обидецим ме и възбрани борующим се с мною» и т. д.; «мъни бѣх в братии моѣи и юнеи в дому отца моего»; «свезати царе их пути и славниѣ их ручными окови железными»; «съкруши врата медная и вереѣ железниѣ съломи»; «въскликнете богу вса земля, пойте же имени ѣго, дадите слову хвале ѣго»; «блажени имже отпуштена суть безакония и им же прикрыше се греси их»; «не яростию твоею обличи нас, ни гневом твоим покажи нас»; «милость и истина сретоста се, правда и мир облобызаста се» и т. д. Обычно употребление внешних акустических средств — тавтологии, слов одного корня, аллитерации и консонанса, как например: «Господи в помощь мою вънми, господи на помощь мою потъщи се»; «убоѣше се страха, идеже не бе страха»; «невидением неправедным възненавидеше ме»; «объшедше обидоше ме»; «предзрех господа пред мною»; «что въздам господеви за вса яже въздаст ми»; «хвалите господа вси ѣзици, похвалите ѣго вси людие»; «похоти им принесе и не лишише се от похотей своих» и т. д. В Псалтири имеются и такие специфически поэтические средства экспрессивности, как анафора: Хвалите... в Псалмах 148 и 150 или «от страже утренняя до нощи, от стражи утренняя да уповает Израил на господя»; рефрен: «яко во век милость его» в Псалме 135. Тут встречаем и примеры риторического вопроса: «како воспою песнь господню на земли чужден?»; внутренний монолог, «векую прискрбна еси душе моя и векую смущаеши ме?».

Я позволю себе привести эти многочисленные примеры стилистических фигур из Псалтири, поскольку все они взяты из цитат у Доментиана и вместе с тем представляют его литературный стиль. По тому же типу псаломных фигур он строит свои перифразы и сравнения, контрасты и антитезы: «помощь безпомощ-

ным, надежда ненадеющимся»; «о земльных пеки се, небесная предзреяше»; на- низывает синонимы, понятия и образы близкого значения: «духом смирением, срцем скрушением»; «прошения подавая, нагие одевая, алчние питая»; вставляет длинные автомонологи и риторические вопросы: «Кои ли плач начневе о разлучении?»; «кою похвалу возможем принести ти, о богоносе?»; пользуется тавтологиями и ассонансом: «ненудимое милосрдие понудивши»; «радостью радуе се»; «боголюбива Ана... роди по воли божии сына от благаго корене, отрасль богопрозебну, о нем же богосветлую радость приемша ... благодариста благодетеля своего»; охотно пользуется эпитетами из сложных древних и новых неологизмов с «благо» и «бог»: «богопосланный совет», «богоумный брат», «боголюбивая душа», «богохвальные песни», «богомудрый», «боголепный»; любит сложные эпитеты: «небопарный орел», «злославные еретики», «многосльзние источники», многие из которых, вероятно, и сам создает по примеру греческих. Подражание стилю Св. Писания яснее всего проявляется в полисиндетах: «в мире и в светини, и в великом въздржании, и в превеликом съмерении и страсе божии» и т. п.

Все эти особенности литературного языка и технические средства для усиления эмоциональности и экспрессии у Доментиана вполне укладываются в ту общую концепцию характера агиографического стиля XIV—XV вв., которую построил Д. С. Лихачев¹⁷⁷. Он ставит появление этого стиля в органическую связь с воззрениями патриарха Евфимия на метод переводов с греческого и с его реформой литературного языка, правописания и графики — требованиями максимальной связи с греческим языком и через него с греческой культурой, единым непогрешимым хранителем вечной истины. В литературе, как и в остальных областях культурной жизни того времени (в изобразительных искусствах, церковной жизни и идейных течениях), отражается общее мистическо-философское воззрение эпохи: «в веществе телеси носити невестественное», как это сформулировано в житии основателя исихазма Григория Синаита. Слово должно представлять сущность явления, быть адекватным содержанию понятия. Слова, которыми изображается «святое», должны быть сами святы, «подобны» описываемому, дабы они вызывали благоговение перед святостью. Житие должно в перипетиях земной жизни святого представить его небесную сущность; повесть должна стать иконой, абстрагирующей святость подвижника. В отличие от современного понимания задач искусства, которое, по Карлейлю, служит удовлетворению «жажды конкретности», искусство средневековья «в своих церковных жанрах стремится разрушить конкретность явлений, характеризуется стремлением к отвлеченному изложению, к художественной абстракции»¹⁷⁸. Из этого воззрения на цель агиографического произведения проистекают постоянные сомнения автора, сможет ли он выполнить принятое на себя огромное задание, жалобы на ограниченную выразительность слова и недостаточную силу средств речи; обилие цитат из Св. Писания и трафаретные комплексы выражений, образов и стилистических фигур, заимствованных из литургического словаря, чтобы вызвать ассоциации с привычными религиозными представлениями и богословскими понятиями; в описании бытовой стороны — намеренное устранение конкретных данных, которые могут отвлечь внимание от главного — деталей быта, политики, военной и хозяйственной терминологии, географических данных и

¹⁷⁷ Лихачев, стр. 1—67.

¹⁷⁸ Там же, стр. 30.

обстановки исторических событий. В русской агиографии XV столетия литературный талант Елифания Премудрого сливает абстрагирование богословской мысли с абстрагированием религиозного чувства, которое проявляется в напряжении эмоциональности до состояния экзальтации¹⁷⁹.

Эта общая характеристика главных особенностей стиля житийной литературы эпохи «второго южнославянского влияния» может быть в полной мере применена и к литературному стилю Доментиана. Кроме приведенных данных о его литературном языке, базирующемся на лексике, фразеологии и стилистических фигурах Псалтири, следует подчеркнуть и общее воззрение этого писателя на задачи его литературного труда, вполне соответствующее воззрениям русской агиографии XIV—XV вв. И он представляет биографический труд о св. Симеоне (Немани) как «дело великое и преславное»; дивится и недоумевает, «откуда начать первее глаголати»; чувствует слабость своих мыслей и речи, как «неключими раб св. Троице» молит, дабы ему «отврзе уста разумна», да «даст слово» на «отвержение устом нашим и разум добр», дабы мог «глаголати, яко довлит тайна, смотрение св. Духа». Доментиан искренне верит в святость своих героев и стремится передать читателю это убеждение всеми возможными средствами интеллектуального и эмоционального внушения. Описывает подвиги святого, которые превосходят воображение обычных людей и доводят до того, что тело святого чернеет и органы пищеварения перестают функционировать — псаломный образ «колена моя изнемогоста от поста и плоть моя изменися елея ради». Приводит многочисленные случаи чудесных явлений, которыми провидение непрерывно сопровождает каждый важный шаг в жизни святого. Динамически представляет психологические состояния подвижника — «жалостан плач, пролевание многослезных источника», молитвенный экстаз и длинные автомонологи в стилистических фигурах Псалтири, которые так растягивают повествование. Пользуется историческими и психологическими параллелями из Библии и Новозаветных книг, которые выводят героя из конкретной исторической и географической обстановки и служат цели абстрагирования его образа в определенной категории агиографических представлений. Как ученик св. Саввы и как продолжатель историографических трудов своего учителя и его брата короля Стефана Первовенчанного, Доментиан вполне знаком с географией и историей своего времени. Когда он чувствует потребность в качестве свидетеля сообщить точные данные (например, в описании путешествия св. Саввы по святым местам), то делает это, но обычно и по отношению к хорошо известным фактам поступает как с неизвестными: «на реке рекомой Студеници», «граду рекому Звечану»; иногда пользуется и географическими данными для библейских параллелей — «они убо на Ендоре а си на Паньтине». Но когда Доментиан не чувствует определенной нужды в сообщении конкретных данных, то стремится избежать их, дабы не отвлекать внимания от личности героя. Святогорский старец посылает «брата одного богоумного», бог шлет к Савве «некоего чернеца знающего Свету Гору», государь отправляет посланниками «нескольких от священных»; даже в описании конкретного исторического военного события не приводит имени противника — «неки воста царь лют и кровопролитель»; в рассказе об уходе св. Саввы на Афон намеренно замалчивает название области, вверенной ему отцом, — Савва просит родителей «повелита ми ити на ону страну земле, име нарек еи».

¹⁷⁹ Там же, стр. 55—58.

Особое внимание привлекает к себе психологизм, дающий специфическую внутреннюю ноту агиографической литературе данной эпохи в сравнении с историко-повествовательным характером древних славянских житий. Д. С. Лихачев подчеркивает значение данного элемента в русской агиографии XIV—XV вв., ставя его в связь со святогорским исихазмом XIV в. и находя в нем отражение «своеобразного мистического индивидуализма», который составляет общую сущность всех интеллектуальных и религиозных движений той эпохи. Интерес к психологии человека к «внутреннему человеку» (выражение Григория Синаита), к его индивидуальным переживаниям, к проблеме возможности личной связи с божеством, искание интимного в религии являются общими и для агиографической литературы, и для тематики «Палеологовского стиля» в живописи. Вместо обычного термина «Палеологовский Ренессанс» Д. С. Лихачев предлагает для этого движения название «Восточноевропейское предвозрождение», ибо это движение в значительной мере еще носит религиозный характер, связанный с позднеготическим мистицизмом, с позднеготической эмоциональностью и экспрессивностью. «Оно еще не противостоит средневековью. Религиозное начало не оттесняется на второй план, как это было в западноевропейском Возрождении. Напротив, оно развивается в пределах религиозной мысли и религиозной культуры»¹⁸⁰.

Эта связь идейного содержания восточнославянской агиографии с живописью предвозрождения направляет внимание к факту синхронизма литературных трудов Домениана с возникновением нового стиля в сербской живописи XIII в., начиная с Милешева (вторая четверть XIII в.), и вообще во всем сербском искусстве. Здесь, по словам Н. А. Окунева, в то время из романских, византийских и восточнохристианских элементов формируется свой оригинальный стиль, аналогии которому можно найти только в стиле итальянского искусства преддзоттово-ского периода¹⁸¹. Тогда, а не во второй половине XIV в. создается и новый литературный стиль на славянских Балканах. Этот стиль рождается в условиях общего духовного брожения в эпоху возрождения политической и культурной независимости южных славян после двухсотлетнего византийского ига, в естественной связи с рождением новых условий в общественной, экономической, политической и церковной жизни, формируется на базе восстановленной православно-славянской письменности Кирилло-Мефодиевского, Преславско-Охридского и Киевского периодов, под сильным воздействием переводной византийской аскетической литературы и под рядом других влияний, которые ввела на Балканы международная политика Неманичей и Асеней.

¹⁸⁰ Там же, стр. 51. — Мне кажется, что предлагаемая Р. Пиккио характеристика общего культурного движения Восточной Европы XIV—XV вв. как «обновление славянского православия» вряд ли может быть признана более удачной, чем термин «предвозрождение» (см.: *R. Picchio. Ricerche slavistiche*, t. VI. Roma, 1958, стр. 103—119). С одной стороны, «обновление» предполагает предшествующий период «замирания», что вряд ли может быть применимо к православию предшествующей эпохи. С другой стороны, религиозная сторона движения при всем огромном значении данного вопроса для понимания культуры данной эпохи не обнимает проблемы в целом, в частности в ее отношении к проблеме западноевропейского Возрождения.

¹⁸¹ Н. А. Окунев. 1) Милешево, памятник сербского искусства XIII в. — *Byzantinoslavica*, t. VII. Prague, 1937—1938, стр. 69; 2) Некоторые черты восточных влияний в средневековом искусстве южных славян. — Сборник в чест на Васил Н. Златарски. София, 1925, стр. 229—251.

Эти новые влияния принесли и новый дух, который в XII столетии пробуждался и на Западе, и на Востоке в условиях стихийных миграций эпохи крестовых походов, тот дух мистического индивидуализма, который с особой силой проявился в афонском исихазме. Житие Григория Синаита подчеркивает, что до этого подвижника никто на Афоне не был знаком с его методом «умного делания»; однако сам же св. Григорий говорит, что и до его прибытия святогорские монахи стояли на высоте практического осуществления аскетического идеала. Вся аскетическая и мистическая литература начиная от св. Василия Великого, Дионисия Ареопагита, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Илариона Великого, Иоанна Лествичника, Максима Исповедника, инока Филиппа, автора Диоптры и до Симеона Нового Богослова, которая как основу духовного самовоспитания выдвигает метод психологической интроспекции, из которой родилась и система Григория Синаита, была вполне знакома Афону до его появления на Горе, и только этим может быть объяснен успех его движения. Независимо от специфического аскетическо-экстатического метода св. Григория Синаита, явившегося поводом к Варлаамо-Паламитской борьбе, в обстановке которой в середине XIV в. была сформулирована и догматически зафиксирована философская база исихастской мистики, само воззрение на возможность непосредственной связи души с божеством жило во всей православной аскетической литературе, и лишь оно давало смысл монашескому пустынножителству вообще и святогорскому в частности. Если нужно искать внутреннюю связь философской базы исихазма с философским «реализмом» платоновских идей, то можно было бы задать вопрос: не явился ли вообще интерес к данной проблеме на Афоне в связи с идеями западного «реализма» в первой трети XIII в., когда Святая Гора находилась в границах Латинской империи и попала под непосредственную власть папы Иннокентия III? Но и вне этой связи конец XII и начало XIII в. были эпохой наиболее мощного расцвета мистицизма, и сербская житийная литература данного периода свидетельствует, что Святая Гора действительно жила в то время в обстановке напряженной духовной атмосферы, которая определила и идейное содержание южнославянской агиографии.

Следуя общепринятым в славистике представлениям, главным образом сформулированным в исследованиях К. Радченко и П. Сырку, которые при изучении южнославянской литературы XIV—XV вв. исходили из литературной и филологическо-реформаторской деятельности патриарха Евфимия, Д. С. Лихачев относит факт рождения нового южнославянского агиографического стиля к Болгарии и ко времени этого патриарха. «Болгария в XIV в. в целом была тем огромным центром, через который проходило византийское влияние в Сербию и Россию, центром, в котором это византийское влияние получало свою славянскую окраску, закреплялось в многочисленных переводах, освященных реформой письменности патриарха Евфимия»¹⁸².

Нам это представление кажется в значительной мере односторонним. Прежде всего потому, что именно для XIII и XIV вв. наиболее характерной чертой в области южнославянской письменности является чрезвычайно близкая связь между сербской и болгарской культурной жизнью. Об этом говорит прежде всего большое число болгарских рукописей с сербизмами, так же как и сербских с болгаризмами, что свидетельствует о непрерывном обмене рукописями для переписи

¹⁸² Лихачев, стр. 15—16.

сывания. В отдельных памятниках, как, например, в Хиландарском Шестодневе 1263 г., сербские отделы чередуются с болгарскими, что указывает на совместный труд сербских переписчиков с болгарскими. В такой обстановке трудно определить, что первоначально принадлежало сербам, а что болгарам, если дело не идет о явном национальном предмете, как в житиях государей и церковных подвижников. Сами основатели болгарской филологическо-реформаторской школы — патриарх Евфимий и его учитель Феодосий Тырновский — были по своему воспитанию святогорцы, т. е. жили и трудились в кругу тех же философских и религиозных идей, а конечно, и литературных концепций, как и остальное святогорское монашество, в частности как хиландарская литературная школа той эпохи, деятельность которой нам неизмеримо более известна, нежели литературные труды в стенах болгарского Зографа.

Не находит подтверждения в источниках посредническая роль Болгарии в отношении Сербии и России в процессе перехода византийской литературы в XIV в. Что касается Руси — если по своему географическому положению Болгария могла играть эту роль, — до конца XIV в. южнославянское влияние в данной области еще не настолько ощутимо, чтобы в нем можно было разграничить болгарское и сербское влияния; а с конца XIV в., после падения Болгарии в 1393 г., не менее сильно, чем русско-болгарские, чувствуются русско-сербские связи. В XV столетии рядом с Киприаном и Григорием Цамблаком, вопрос о болгарском или сербском происхождении которых до сих пор нельзя считать единодушно решенным, трудятся на Руси Пахомий Серб и его соплеменники, число которых было так велико, что в XVI в. имя Сербя прилагается ко всем южным славянам (в частности, и к Киприану). Если болгарские беженцы были особенно многочисленными в Валахии (где непосредственное болгарское влияние определило характер редакции влашских рукописей), то параллельная широкая волна сербской эмиграции шла через Венгрию в Молдавию (рукописи которой характеризуются смесью сербских и украинских элементов), а отсюда на Украину, где в XVIII в. их потомки вместе с новыми пришельцами из Венгрии образовали население военных округов Новой Сербии и Славяно-Сербии.

Что касается Сербии, то в течение всего XIV в. посредническая роль Болгарии в процессе культурных связей с Византией была ей не нужна. Сербь в XIII—XIV вв. были политически и династически более связаны с Византией, чем болгары, а в смысле культуры были связаны с греками не меньше болгар, так как сами имели свои монастыри в Царьграде и Солуни, а в отношении к Святой Горе в XIV в. были более близкими соседями, чем болгары. В условиях упомянутой живой культурной связи всех славянских Балкан в данный период естественно, что и Парорийский исихастский монастырь в определенное время мог оказать известное влияние на религиозную жизнь сербского народа, но неизмеримо большее значение в этой области принадлежало Святой Горе. Когда Афон в середине XIV в. вошел в политические границы Душанова «царства сербов и греков», сербско-греческие культурные связи стали еще более близкими. Иллюстрацией силы сербско-греческих и болгарско-греческих связей на Афоне может послужить статистика числа опубликованных греческих грамот, имеющих в Зографе и в Хиландаре: 49 грамотам болгарского монастыря соответствует 155 грамот в Хиландаре.

По-видимому, статистика болгарских и сербских рукописей, хранящихся в больших собраниях на Балканах и в других странах, могла бы дать важные све-

дения для заключения об интенсивности деятельности по переписыванию рукописей и о литературном труде у болгар и сербов. Я взял только два самых больших собрания на Балканском полуострове: бывшей Народной библиотеки в Белграде, сгоревшей в 1941 г. (по каталогу Љ. Стојановића), и Софийской народной библиотеки по каталогам Б. Понева. Отделив данные о младших рукописях XVIII—XX вв. и о рукописях русской и влашско-молдавской редакций, получаем следующие числа: в Белградской библиотеке на 542 сербские рукописи приходится 55 болгарских; в Софии на 379 сербских — 137 болгарских (при 30 смешанной редакции).

Между тем, что особенно важно для истории сербской литературы XIII и XIV вв., мы имеем большое число данных о сербских писателях этой эпохи, которые позволяют по их произведениям изучать последовательность в развитии литературы и эволюции тогдашнего сербского литературного языка и стиля. От св. Саввы и Стефана Первовенчанного эта линия через Доментиана идет, с одной стороны, к изящному, невычурному стилю («сладки приповедачки стил», по характеристике П. Поповића) Феодосия и далее к реалистически-живописному стилю продолжателей архиепископа Даниила, с другой — к Даниилу, который воспринимает и развивает аскетическо-панегирический стиль Карейской келии. Эпоха Даниила — период Хиландарского литературного кружка, где выделяется своей переводческой деятельностью архиепископ Никодим, изысканный стиль которого прекрасно представлен его длинной записью на сгоревшем в 1941 г. автографе Иерусалимского типика. К этому же периоду относится особый литературный жанр, который до сих пор не принимался во внимание, — аренги государевых грамот. Акты короля Милутина конца XIII и начала XIV в. дают примеры оригинального творчества, в котором глубина религиозного чувства соединяется с умелостью композиции и утонченным литературным языком, где по примеру бесконечных периодов византийских царских грамот все чаще входят в употребление длинные сложные предложения, в которых иногда чувствуется и «плетение словес».

В следующем периоде сербского царства, в третьей четверти XIV в., сербская литература выступает с рядом анонимных авторов летописей, отдельных «похвал» и с несколькими именами талантливых писателей и отличных стилистов. Между ними встречаем попа Иоанна с Синая, автора «Словес душеполезных» — «сербское утешение, цветник благодати»; хиландарца Иакова, переводчика Олимпиодоровых толкований на Книгу Иова; Давида, автора сочинения о патриархах земли сербской; епископа Марка, автора биографии патриарха Ефрема, и других, которые записали свои имена на рукописях. В число мастеров стиля необходимо внести старца Исаию, прославившегося переводом творений Дионисия Ареопагита со знаменитой записью о битве на Марице 1371 г. Согласно данным, которые А. Х. Востоков привел о рукописи Румянцевского музея с болгарским правописанием, и данным, которые известны о болгарском правописании в Берлинской рукописи, считалось, что этот писатель был болгарин. Между тем, как я уже и ранее обратил на это внимание, его запись не содержит ни одного болгаризма, а кишит русизмами, которые вполне понятны ввиду его двадцатилетнего управления Русским монастырем на Афоне. Что же касается самого текста перевода, то древнейший список его, хранящийся в собрании Гильфердинга (ГПБ), представляет чистую сербскую редакцию. Эта рукопись принесена из Колашина (в Черногории) и, согласно водяным знакам, относится ко времени

около 1370 г., т. е. могла бы представлять и автограф самого Исаии. Язык его записи, потрясающий по силе описания страданий Сербской земли после Маричской катастрофы, представляет замечательный пример изысканного агиографического стиля со всеми особенностями, которые характерны для литературы «второго южнославянского влияния». Он говорит о своей слабости и неподготовленности; пользуется цитатами из Св. Писания и трафаретными выражениями, стилистическими фигурами псалтирного типа, синонимами, сравнениями, контрастами, метонимией и т. д.; употребляет составные эпитеты и кальки греческих выражений; прекрасно справляется с нюансами в звуковых оттенках слов, в этимологии и семантике, которыми характеризуется стиль «плетения словес». Подобную изысканность стиля находим мы в записи о Коссовской битве¹⁸³ и в некоторых других, особенно же в похвале князю Лазарю, написанной монахиней Евфимией. Болгарская стилистика, выработанная в школе патриарха Евфимия, а по всей вероятности в переводческих и оригинальных трудах его предшественников, в частности в области житийной и исторической литературы, как в переводе Хроники Манассии около 1340 г.¹⁸⁴, по своему характеру представляла совершенно однородное явление с тогдашним сербским «торжественным» стилем — результат аналогичного развития литературного стиля в соседних областях, которые в тот период жили одними и теми же культурными интересами.

Наконец, и реформа правописания, выполненная патриархом Евфимием, не представляла полного новшества и не может быть относима только к Болгарии. За четверть века до его возвращения из Греции в Болгарию и до начала его деятельности по исправлению церковных книг и в болгарских, и в сербских рукописях выявляется стремление к реформе правописания в направлении приближения к греческому. Появляются ударения и придыхания, вырабатывается новая система знаков препинания с запятой, появляются греческие буквы (альфа и др.); в болгарских рукописях уже с конца XIII в. постепенно устанавливается последовательное употребление твердого и мягкого знаков — ѣ и ѿ — в связи с их функцией в произношении и т. д. Графика сербских и болгарских рукописей в течение всего XIV в. настолько однородна, что только присутствие или отсутствие носовых и ѿ позволяет отнести текст к болгарской или сербской редакции. И идеологическая база этой эволюции правописания в Болгарии и в Сербии была одна и та же: потребность приближения к греческому языку, единому хранителю чистоты веры, во избежание ошибок, могущих повлечь к ереси. «Первии преводителе — или за еже Еллинскаго языка же и учения не в конец ведети, или и своего языка дебелости служити — яже издаша книги не сложны в речех явишася и разумению греческих писанин не согласны, дебелством же связаны и негладкии к течению глагольному, и тъкмо от еже именоватися благочестивых книги верное имеху. Мног же вред в них крыяшеся истинным догматом сопротивление; темъ же и многы ереси от сих произыдоша», — объясняет Григорий Цамблак побуждение патриарха Евфимия к исправлению книг. Но то же побуждение руководило и архиепископом Даниилом, когда он в монастыре Дечанах поселил греческих монахов с требованием точного исполнения греческого типопи-

¹⁸³ Л. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књ. III, № 4946.

¹⁸⁴ См.: М. Weingart. Byzantiniskē kronikŭ v literaturē cirkevňeslovanskē. Bratislava, 1922, стр. 191—215.

ка, и его предшественником Никодимом, выполнившим новый перевод Иерусалимского типика. Потребность исправления церковных книг была вполне осознана на славянских Балканах уже в конце XIII в. — в эпоху поворота культурной ориентации к Византии, и результатом ее явилась редакция Св. Писания, по-видимому выполненная на границе XIII—XIV вв.

Лингвистический талант патриарха Евфимия дал ему возможность систематически оформить те основы правописания, которые уже вошли в обиход южнославянской письменности, так же как и новый литературный стиль. Личный литературный талант позволил ему успешно применить свои теоретические воззрения в литературном, в частности агиографическом, труде. Обаяние сильной личности в связи с авторитетом главы болгарской церкви содействовало введению его реформ в жизнь церкви и распространению в обществе. Этой популярности и успеху особенно помогла деятельность его ученика Константина Костенечского, которого политическая катастрофа Болгарии привела ко двору сербского деспота Стефана Лазаревича, «Срблем и околним землям цара, паче же и риторя». Именно эта катастрофа, заставившая просвещенных и талантливых учеников патриарха Евфимия после 1393 г. бежать от турок в соседнюю Сербскую землю, была непосредственным поводом создания новой школы сербского правописания на основе системы патриарха Евфимия, с болгаризмами, которые характеризуют литературные труды первого периода этой «ресавской школы».

Русско-южнославянские связи в XIII и XIV вв.

Русское влияние, вошедшее в южнославянские литературы в начале XIII в., в эпоху восстановления славянской письменности у болгар и сербов в связи с возрождением государственной и церковной независимости, послужило одним из культурно-исторических факторов, способствующих формированию нового южнославянского литературного стиля. Историческая обстановка, особенно татарское нашествие 1240 г. и наступивший после этого период 200-летнего монгольского ига в Восточной Европе, должна была прервать процесс живых политических и культурных связей между Русью и балканскими славянами. Вскоре после этого восстановление Византийской империи (1261 г.) снова заставило сербов и болгар повернуть свою культурную ориентацию в сторону Афона и Константинополя. Яркой иллюстрацией этих перемен в ориентации могут послужить архивы Зографа и Хиландаря. От периода Латинской империи оба монастыря не имеют ни одной греческой грамоты (кроме договора св. Саввы со святогорским Протатом о покупке виноградника в 1228 г.); начиная с 1265 г. и в Зографе, и в Хиландаре появляются многочисленные греческие акты как частноправового характера о покупке имений, так и императорские хрисовулы о дарении земель и подтверждении иммунитетов. Несколько позже, около 1300 г., византийское влияние становится чрезвычайно сильным: проявляется в государственно-правовых концепциях, в устройстве двора с греческими чинами и титулами, в системе местных властей, в организации суда, в финансовом устройстве с рядом нововведенных византийских денежных податей и натуральных повинностей, в делопроизводстве, в формулярах государевой канцелярии и т. д.¹⁸⁵

¹⁸⁵ См.: В. Мошин. Византиски утицај у Србији у XIV веку. — Југословенски историски часопис, III. Београд, 1937, стр. 147—160.

Наряду с новыми условиями международной обстановки и новой культурной ориентации связи южных славян с Восточной Европой в течение XIII и XIV вв. совсем не прервались. М. Н. Тихомиров в упомянутой работе об исторических связях русского народа с южными славянами указывает на те условия, при которых могли и далее существовать эти связи, и приводит ряд исторических фактов, подтверждающих такие связи в XIII и XIV вв. Татарское нашествие вызвало перемещение части русского населения к Западу — к Венгрии, откуда король Бела IV пишет об этом папе, и к Дунаю, где в XIII в. возникает новая политическая владарско-русская формация. Молдавское воеводство под верховной властью Венгрии. Сын киевского и черниговского князя Михаила Ростислав, женатый на дочери Бела IV, становится баном Мачвы в непосредственном соседстве Сербского и Болгарского государств (в бассейне нижней Дрины при ее впадении в реку Саву). Выдав свою дочь замуж за болгарского царя Михаила Асеня, Ростислав получил возможность оказывать влияние на политическую жизнь Болгарии. В 1252 г. он выступает посредником при заключении мира между болгарами и Михаилом Палеологом, после смерти Михаила Асеня вмешивается в начавшуюся смуту, занимает Тырново и провозглашает себя царем Болгарии, но в дальнейшей борьбе принужден уступить престол Константину Тиху. После Ростислава венгерский король помещает в Видине на Дунае другого русского князя, вероятно из той же черниговской линии, Иакова Святослава, который в 1263 г. с помощью венгров воюет против императора Михаила Палеолога; позднее поднимает восстание против Константина Тиха и в 1271 г. провозглашает себя болгарским царем; зовет на помощь татар, но в 1272 г. погибает. К нему в 1262 г. обращался киевский митрополит Кирилл с просьбой выслать ему список новой (Святославской) редакции Кормчей. Присланный «великим господином Иаковом Святославом, деспотом Болгарии» список, полученный им от болгарского патриарха, был в 1284 г. переписан в Киеве для рязанского епископа (хранится в ГПБ). В сопроводительном послании митрополиту Кириллу Иаков Святослав сам говорит о себе: «вся руския земли благодержавнаго роду моего, их же отрасли корень аз бых святых отец моих».

Как раз от этого периода сохранилось и свидетельство о сербско-русских связях. Житие короля Драгутина (который получил по наследству от родственника Ростислава его Мачванскую бановину) в связи с повествованием о дипломатических сношениях этого государя с другими странами говорит: «въ русьскую бо землю множицею посылаше сълы своѣ съ многочъстными дари къ божествѣнымъ црквамъ и монастыремъ, и Кликъ милостынѣ къ нищимъ и маломощнымъ; въ той бо земли русьсѣи имѣ зѣло любовнааго си прицѣтеля кнеза Василя, и тому по достоѣнию дльжную чсть въздавааше глаголы сладькѣивсь великолѣпными дари царьскими вьсилае юму»¹⁸⁶. Это князь Василий Ярославич Костромской, бывший великим князем с 1271 до января 1277 г., известный своими дружественными отношениями с татарами, с помощью которых он воевал против непокорных князей и Великого Новгорода. Возможно, что и причина дружественных отношений Драгутина с Василием стояла в связи с татарами, которые как раз в те годы опустошали соседние области на северных Балканах и заняли Видин. Но независимо от конкретного повода к сношениям, важно,

¹⁸⁶ Животи краљева и архиепископа српских. Изд. Ђ. Даничић. Загреб — Београд, 1866, стр. 39—40.

что через 20—30 лет после полного разорения Киева и опустошения всей Руси Батыем могли существовать дипломатические и культурные связи между Русью и балканскими славянами, в частности и связи такого культурного значения, как факт отправки на Русь Святосавской редакции Номоканона.

Тот факт, что на Руси и в период татарского ига жило сознание канонического единства со славянскими православными землями на Балканах, может помочь осветить одно странное историческое событие, которое имело место через 90 лет после сношений по поводу Номоканона. В декабре 1352 г. московский митрополит Феогност в ожидании кончины назначил своим наследником Алексея, которого тогда и поставил епископом во Владимире; сразу в Царьград были отправлены послы князя и митрополита с просьбой о согласии на посвящение Алексея. 1 марта следующего года Феогност умер, и из Константинополя пришло согласие на поставление Алексея и приглашение прибыть в Царьград, что затем и было выполнено. Однако еще до этого, при жизни Феогноста, тырновский патриарх назначил русским митрополитом некоего монаха Феодорита, который с тырновской грамотой прибыл в Киев. Здесь его не приняли, и дальнейшая его судьба неизвестна. Между тем приведенный факт приобретает особый интерес ввиду того, что именно в те годы произошел раскол между Царьградом и болгарской и сербской церквями в связи с основанием сербской патриархии. Болгарский патриарх, который в 1346 г. играл главную роль при поставлении первого сербского патриарха Иоанникия, по-видимому, пытался распространить свою юрисдикцию на Русь, используя начавшийся в Константинополе раскол и предвидя скорую смерть митрополита Феогноста. Совершенно ясно, что болгарский патриарх не мог предпринять таких шагов без всякого повода и без надежды, что его кандидат будет принят на Руси. Русские источники не говорят о тогдашних дипломатических сношениях со славянскими Балканами, где в то время происходило создание Душанова «царства сербов и греков», но нужно думать, что Русь не могла не знать об этих событиях мировой международной политики и не могла к ним относиться безучастно. Вполне вероятно, что и сам царь Душан после провозглашения царства и установления сербской патриархии считал необходимым оповестить об этих фактах наряду с другими государствами и Московского великого князя, и русскую церковь. Точно так же и при возникновении церковного раскола с Византией вследствие провозглашения сербской патриархии нельзя предположить, чтобы Душан не пытался найти моральную поддержку в данном вопросе у русской церкви. Возможно, что в рамках этих сношений ставился вопрос солидарности русской церкви с сербской и болгарской, а может быть, и желательности выхода русской церкви из византийской юрисдикции. Назначение упомянутого Феодорита русским митрополитом по посвящению болгарского патриарха имело место как раз в том самом году, когда произошел окончательный разрыв церковных связей между Сербией и Царьградом¹⁸⁷. Можно предполагать, что это назначение связано с какими-нибудь предположениями, исходившими из Руси, но, вероятно, не из Москвы, чем и объясняется неудача с назначением Феодорита митрополитом.

Нельзя не отметить, что именно в это время появляются в русских источниках известия о приходе на Русь с Балкан разных мастеров и художников, среди ко-

¹⁸⁷ См.: В. Мошин. Св. патријарх Калист и Српска црква. — Гласник Српске православне цркве. Београд, 1946, № 9, стр. 198—202.

торых, конечно, были и южные славяне. Около 1338 г. грек Исаия со своей артелью расписывал новгородскую церковь Входа Господня в Иерусалим. В 1344 г. греческие живописцы расписали в Москве Архангельский и Успенский соборы. В 1346 г. отливал церковные колокола мастер «римлянин» Борис, имя которого внушает мысль о его славянском, видимо южнославянском, происхождении. В последней четверти XIV и в начале XV в. Феофан Грек украшал своими дивными композициями новгородские и московские храмы. Балканские художники принесли на Русь новый живописный стиль «возрождения» эпохи Палеологов, который в русских памятниках появляется уже в самом начале XIV в.: во фресках Новгородского Снетногорского монастыря 1313 г. и затем в Михайло-Сковородском монастыре в середине XIV в. Для отдельных памятников характерно чрезвычайно большое сходство с сербской живописью XIV в., в частности во фресках новгородской церкви Спаса в Ковалево 1380 г. и в Раванице 1381 г. можно предполагать работу одних и тех же художников¹⁸⁸. Сербом был тот мастер-часовщик, который в 1404 г. удивил Москву «часомерьем» с человеческой фигурой, которая «самозвонно и преухитренно» каждый час ударяла молотом в колокол, «размеряя и расчитая часы ночные и дневные»: «Мастер же и художник сему беаше некоторый чернец, иже от Святыя Горы пришедый, родом Сербин, именем Лазарь». Новый художественный стиль, который, с одной стороны, с большой экспрессивностью, эмоциональностью и драматизмом умеет изображать сильное душевное волнение, экстатический порыв и живые движения и творить сложные многофигурные композиции, а с другой — полон мистицизма и средневековой абстракции, как прекрасно показал Д. С. Лихачев, проникнут тем же духом «абстрактного психологизма», как и литература эпохи второго южнославянского влияния. Проявление того же духа находит Д. С. Лихачев и в характере переводной литературы данного периода, так же как и в мистицизме еретических движений, в частности в ереси стригольников, которая появилась в Новгороде в связи с балканским богомилством.

Д. С. Лихачев при этом считает нужным оговориться, что указанная связь русской живописи с русской литературой в XIV в. может быть отмечена только в самой общей форме, «там, где литература и живопись соприкасаются между собой в сфере художественного видения мира и идеологии. Но есть и отличия: новые веяния в русской живописи, вследствие интернациональности языка изобразительного искусства, сказываются очень рано — уже в начале и середине XIV в. ...тогда как в литературе черты новой, южнославянской манеры появляются не ранее конца XIV в.»¹⁸⁹. Мне кажется, что значение приведенной оговорки следовало бы в значительной степени ослабить. Специфические южнославянские особенности нового литературного стиля вместе с новой графикой и новым правописанием проявляются в русской письменности в последней четверти XIV в.; но дух, пронизывающий содержание этой литературы, чувствуется ранее: вероятнее всего, он появился в то же время, что и в изобразительном искусстве, а в религиозной жизни — в новом типе монашеского пустынножительства. Личность преп. Сергия (1314—1392) дала повод наиболее характерному и ярко-

¹⁸⁸ См.: Лихачев, стр. 8—11 и 40—45 (здесь подобрана литература до 1958 г.); ср.: Д. В. Айналов. Византийская живопись XIV столетия. Пгр., 1917; В. Н. Лазарев. О связях новгородской живописи с сербской. — Ежегодник Института истории искусств АН СССР, т. 1. М.—Л., 1947.

¹⁸⁹ Лихачев, стр. 43.

му проявлению нового агиографическо-панегирического стиля в творениях ученика преп. Сергия Епифания Премудрого (умер около 1419 г.). Современник патриарха Евфимия и митрополита Киприана, Епифаний не мог на их творениях выработать свой художественный вкус и сформировать свой литературный стиль. И Д. С. Лихачев констатирует, что стиль Епифания не может быть выведен из стиля болгарской агиографии XIV в., в частности из жития преп. Ромила, и что он имеет значительно больше общности с панегирическим стилем Григория Цамблака. Мне кажется, что следовало бы и один, и другой внимательнее и глубже сравнить со стилем сербской агиографии XIII—XIV вв. в той ветви, к которой принадлежат Доментин и Даниил.

Приведенные данные о сознании канонического единства русской церкви с православными славянскими церквями на Балканах в эпоху татарского ига наводят на предположение, что в данный период не только русский месяцеслов с относящейся к нему житийной литературой влиял на содержание южнославянского церковного календаря, но что должно было происходить и обратное движение южнославянских культов святых в Восточную, Европу. Мы, правда, не находим житий святых Иоанна Рыльского, Иоакима Осоговского, св. Петки и других в русских рукописях до XV в. и можем предполагать, что эти специфически болгарские культы могли быть перенесены на Русь в эпоху второго южнославянского влияния, может быть, именно при митрополите Киприане в конце XIV в. Однако нужно иметь в виду, что память о св. Иоанне Рыльском имеется уже в Галицком евангелии 1143 г. И традиция культа святого Саввы, которая одновременно с появлением его жития находит отражение в памятниках сербской дипломатики и в записях, должна была перейти на Русь значительно раньше. Русский святогорский монастырь по своей близкой связи с воспоминаниями о св. Савве должен был принять его культ тогда же, когда он был введен в Хиландаре. Из «Руссика» этот культ должен был перейти в Россию, где и отразился в минеях и значительном числе рукописей житий св. Саввы. Эти жития несли с собой тогдашнюю святогорскую концепцию пустынножительного монашества и исихастирии, к которой тяготел и преп. Сергий, — «божественные сладости безмолвия». Эти жития несли и сербский агиографическо-панегирический стиль, который, как мне кажется, особенно сильно повлиял на формирование литературного стиля второго южнославянского влияния.

Наряду со Святой Горой, где в рамках постоянных культовых и деловых сношений между Руссиком, Хиландарем и Зографом в XIII и XIV вв. осуществлялись и взаимные русско-южнославянские литературные влияния, значительная роль в данной области в XIV в. могла принадлежать и Царьграду. Там в начале XIV в. король Милутин основал сербский госпиталь-странноприимницу, имевший, по-видимому, и более широкие функции, в частности как центр сербского дипломатического представительства в византийской столице, поскольку там останавливались сербские дипломаты, о частых поездках которых в Константинополь имеется много свидетельств¹⁹⁰. При этой больнице существовала библиотека, в ней среди других книг находились знаменитая иллюстрированная рукопись греческого ботаника Диоскорида (теперь в Вене) и литургическая рукопись

¹⁹⁰ См.: В. Мошин и М. Пурковић. Хиландарски игумани средњег века. Скопје 1940; В. Мошин. Хиландарац Калинин српски дипломата XIV века. — Историско-правни Зборник, 1. Сарајево, 1949, стр. 117—132.

Триоди с недавно опубликованными интересными историческими записями, перенесенная в Охрид после падения Царьграда¹⁹¹. Эта сербская больница находилась вблизи монастыря Продрома, там же, где ранее существовала русская царьградская колония со своей «Русской улицей». Здесь останавливались русские княжеские и церковные послы, прибывавшие с дипломатическими поручениями, и паломники вроде новгородского архиепископа Антония, оставившего описание Царьграда в годы его завоевания латинянами, и русские митрополиты, прибывавшие для поставления к патриарху. В 1389 г. путешествовал в Царьград русский митрополит Пимин со свитой, один из членов которой оставил чрезвычайно интересные записки об этом путешествии. По прибытии в Царьград, говорит он, «поидохом в монастырь святого Иоанна, иже глаголется греческим языком Продром, русским же глаголется Предтеча, и ту поклонихомся и целовахом, и упокоиша нас добре тамо живущая русь»¹⁹². Между прочим, во время путешествия ветер отогнал их корабль к берегам Малой Азии. Здесь они слышали и записали новые вести о Коссовской битве, подвиге Милеша Обилича, смерти султана Мурата и смерти князя Лазаря. Из этого русского центра в Царьграде дошло несколько рукописей с записями писцов, среди которых особенно выделяется русский Ефрем, позднее ушедший на Афон. Непосредственное соседство русских и сербов около царьградского Продрома в XIV в. не могло не отразиться на русско-сербских литературных связях.

Весьма вероятно, что именно в константинопольском русско-сербском центре возникло «Сказание о построении храма Софии цариградской», извлеченное из русской редакции Еллинского летописца. Первоначальная греческая редакция этого произведения, вероятно IX в., была несколько раз переделана, и на базе переделки времени Алексея Комнина в первой половине XIII в. составлена русская редакция, которая дополнила «Сказание о построении и обновлении св. Софии» данными о разграблении храма крестоносцами в 1204 г., заимствованными из Повести о взятии Царьграда латинянами, которая внесена в Новгородскую летопись. Как показал М. Н. Сперанский, южнославянский список этого произведения целиком взят из Еллинского летописца. Имя императора Андроника (II) в записи с хронологическими данными о продолжительности существования Латинской империи внушает предположение, что указанный факт выборки Сказания из Еллинского летописца выполнен при этом императоре, который как тесть короля Милутина был популярен у сербов: Андроника II цитируют многие сербские записи и другие памятники первой четверти XIV в. Указывая на отдельные данные, позволяющие предполагать первоначальный болгарский оригинал сохранившегося сербского текста, М. Н. Сперанский допускал возможность перехода Сказания в Сербию через Болгарию. Имея в виду возможность появления болгаризмов лишь в ресавском списке произведения и упомянутый факт живых культурных связей между Болгарией и Сербией в XIII и XIV вв., можем с полным правом отстаивать вероятность сербского происхождения Сказания, может быть именно в рамках русско-сербских царьградских связей¹⁹³.

¹⁹¹ V. Mošin. Les manuscrits du Musée National d'Ochrida. — Сборник на трудови. Народен музеј во Охрид, 1961, стр. 211.

¹⁹² ПСРА, т. XI. СПб., 1897, стр. 99.

¹⁹³ М. Н. Сперанский. 1) Югославянские и русские тексты «Сказания о построении храма Софии цариградской». Сборник в чест на В. Н. Златарски. София, 1925, стр. 413—422; 2) Из исто-

Приведенный факт из области русско-южнославянских литературных связей, который, по-видимому, относится к XIV в., вероятно к первой его четверти, свидетельствует, что культурные сношения Руси с балканскими славянами продолжали развиваться и в самое тяжелое время татарского ига. В списке произведений переводной литературы, перешедших на Русь через посредство южных славян, приведенном в труде А. И. Соболевского о южнославянском влиянии на русскую письменность в XIV—XV вв.¹⁹⁴, перечислено большое число сочинений, встречающихся в русских списках XIV в., очевидно пришедших на Русь до Киприана. Характерно, что среди них самое видное место занимают произведения аскетической литературы. Нужно подчеркнуть, что на ряде этих переводов имеются записи переводчиков-сербов; ряд других находит свои параллели в древнейших сербских списках, не носящих следов болгарского влияния. К таким, например, относится Стишной пролог, известный в сербских списках середины XIV в., очевидно представляющий плод сербской переводческой работы.

Литературные связи того времени выявляются именно в плане взаимовлияний в обстановке общих религиозно-философских воззрений и однородных художественных интересов на почве всего православного славянского мира. Это вполне совпадает с мыслью Д. С. Лихачева, что «эти влияния и взаимовлияния осуществлялись широким фронтом в самых различных областях культуры» и что это — «явление единого умственного движения, достаточно мощного, чтобы охватить разные страны, и достаточно глубокого, чтобы сказаться одновременно в литературе, письменности в целом, живописи и религии»¹⁹⁵. Только общее культурное единство могло создать почву, на которой в сравнительно короткий промежуток времени могло вырасти и развиваться культурное движение столь важного значения, как «второе южнославянское влияние» в литературе. Нам представляется, что этот новый литературный стиль родился на славянском Афоне в XIII—XIV вв. на основе мистико-аскетической литературы, особенно в агиографии; XIV столетие внесло в содержание этой литературы некоторые новые элементы из круга религиозных и философских идей, которые проявились и выкристаллизовались в исихастском движении; во второй половине XIV в. новую внешнюю форму дали славянским текстам новое, архаизированное правописание и новая графика полуустава. В этой заключительной форме этот афонско-славянский литературный стиль перешел на Русь в последней четверти XIV в. с волной южнославянских текстов, послуживших образцами для русской письменности XV в.

рии русско-славянских литературных связей, стр. 64—67; в этой ценной работе рассматриваются и другие памятники, перешедшие из Руси на Балканы в данный период: Толкования Никиты Ираклийского на сочинения Григория Богослова, апокрифическое житие Моисея, Историческая Палея, группа эсхатологических легенд, житие Андрея Юродивого и некоторые чудеса св. Николы.

¹⁹⁴ А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. — В кн.: Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. — ОРЯС, т. 74, № 1. СПб., 1903. стр. 1—37; ср.: Б. Ангелов. 1) Из историята на руското културно влияние в България, XV—XVIII в. — Известия на Институт за Българска история, т. VI. София, 1956, стр. 291—325; 2) Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958 (здесь приведены новые данные из области русско-южнославянских литературных связей); И. Снегаров. Духовно-културни връзки между България и Русия през средните векове (X—XV в.). София, 1950.

¹⁹⁵ Лихачев, стр. 16.

А. И. Соболевский, установив очевидный факт, «что между половиною XIV и половиною XV веков русская письменность подпала под очень сильное влияние южнославянской письменности и в конце концов подчинилась этому влиянию»¹⁹⁶, указал на его «революционный характер», отразившийся без переходных моментов в целом ряде явлений. Это проявилось в содержании текстов, дающих или ряд дотоле неизвестных на Руси переводов, или новые редакции Евангелия, Апостола, Псалтири, богослужебных миней и других сборников церковных песнопений; в письме, где «младший» полуустав южнославянского типа сменил «старший» русский полуустав, который в XIV в. органически развился из русского уставного письма; в иллюстрировании рукописей, где русский тератологический орнамент уступил место балканскому геометрическо-растительному стилю; в правописании, где проявляются тогдашняя болгарская и сербская тенденции к обособлению литературного языка от народного разговорного, архаизация орфографии и стремление приблизить ее к «материнскому» греческому языку. «Революционность» явления естественно ставит вопрос о конкретных причинах происшедших перемен, т. е. о тех предпосылках в русской письменности, которые дали возможность указанным южнославянским особенностям быстро привиться на Руси, и о тех особых условиях исторической обстановки, которые способствовали проникновению на Русь большого числа южнославянских рукописей. Ответ на первый вопрос дан предшествующим обзором данных о литературных взаимовлияниях между Русью и славянскими Балканами в течение XIII и XIV вв. и о наличии общего интеллектуального движения «предвозрождения» в рамках православного мира, которое в XIV в. проявилось в целом ряде областей культуры. Ответ на второй вопрос, кажется, еще недостаточно уточнен.

Обычно появление второго южнославянского влияния в русской письменности связывается с южнославянской эмиграцией в Восточную Европу в эпоху завоевания Балкан турками. В известной мере это мнение справедливо, поскольку быстрое завоевание сербских и болгарских земель после Косовской битвы 1389 г. заставило многих южных славян уйти с родины на север. В первой половине XV в. в России появляются наиболее выдающиеся представители нового литературного движения: Григорий Цамблак в 1409 г. в Москве и Пахомий Логофет в 1438 г. в Новгороде. Но начало этого культурного движения не могло стоять в причинной связи с южнославянской эмиграцией. Друг патриарха Евфимия Киприана, который на положении русского митрополита явился инициатором по введению нового правописания и нового литературного стиля в русской письменности, был в первый раз послан в Киев в 1373 г., а назначен киевским митрополитом в 1375 г., когда на Балканах (хотя и после катастрофы на Марице 1371 г.) никто еще не мог думать о возможности грядущей гибели Сербии и Болгарии. Гениальный Феофан Грек, живопись которого сыграла столь важную роль для формирования нового иконописного стиля, работал в новгородских церквях в 70-х годах XIV в. Эти годы — третья четверть XIV в. — были эпохой апогея политического могущества Сербии и Болгарии. Душаново «царство сербов и греков» (в границах которого находился в то время и главный центр культуры тогдашнего православного мира — Святая Гора) предполагало в перспективе завоевание Константинополя и переход к Сербии политической и культурной

¹⁹⁶ А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках, стр. 6.

роли Византийской империи. Болгария при Иоанне Александре, шурине царя Душана, «царя всех болгар и греков» (1331—1371), особенно после смерти Душана, проявляла те же миродержавные претензии и мечты о Тырнове как о столице «Третьего Рима». Для Руси, которая в те годы находилась еще в процессе государственного объединения с двумя центрами концентрации (в Литве и в Москве) и только еще готовилась к свержению татарского ига, представления о славянских царствах на Балканах должны были быть окружены ореолом политического могущества и блестящей культуры. С другой стороны, сами балканские царства, ослабленные развивавшимся феодализмом, в сознании своих достаточно ограниченных военных сил и финансовых возможностей (как в отношении друг к другу, так и в отношении внешних врагов, в частности к стихийному завоевательному движению турок) должны были учитывать реальные возможности, которые стояли перед быстро крепшей Русью, и ее экономическую базу, в частности экономические ресурсы Москвы, которые в то время составляли довольно важную графу в бюджете константинопольского патриарха. Южнославянское влияние в России должно было явиться как результат культурной экспансии гордых своим политическим возвышением и культурным авторитетом славянских царств на Балканах. Эта экспансия встретила братский прием на Руси, которая в эту эпоху развития своих военных и материальных сил сама тяготела к подъему культуры и искала учителей и примеры подражания в Царьграде, Болгарии и Сербии со Святой Горой.

Существенную роль в данном вопросе должен был сыграть и личный фактор — деятельность митрополита Киприана. Назначенный на русскую митрополию патриархом Филофеем в 1375 г., но окончательно утвердившийся на митрополичьем столе в Москве в 1390 г. (умер в 1406 г.), Киприан во время своей жизни в России поддерживал связи с константинопольской патриархией и с болгарским патриархом Евфимием. Наряду с посланиями по разным церковным вопросам (в частности, в связи с вопросом церковных имений) и прощальным письмом, написанным за 4 дня перед смертью, Киприану принадлежит житие св. Петра митрополита Московского, в котором с полной ясностью проявился абстрагирующий панегирический стиль южнославянской агиографии со всеми особенностями этого направления. Многочисленные сербские и болгарские рукописи, принесенные на Русь при Киприане (почему и получили название «киприановских»), распространяли в России новый литературный стиль вместе с новым правописанием и новой графикой¹⁹⁷.

Мне кажется, что можно поставить вопрос и о возможной связи литературных трудов Киприана на Руси с проблемой реформы правописания, проведенной в Болгарии его другом патриархом Евфимием. Это правописание, так же как и характерный абстрактно-панегирический стиль Евфимия, не могло выработаться в школе преп. Феодосия Тырновского, язык и стиль которого принадлежат письменности предшествующего периода и которые самому Евфимию кажутся грубыми и неискусными. Агиографический литературный стиль Евфимия сформир-

¹⁹⁷ О митрополите Киприане: *Йорд. Иванов*. Българското книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан (1375—1406). — Известия на Институт за Българска история, т. VI. София, 1958, стр. 25—79; *И. Снегаров*. К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV — начале XV в. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, стр. 257—277. Иную точку зрения на роль и значение митрополита Киприана в развитии русской литературы см. в статье Л. А. Дмитриева в настоящем сборнике, стр. 215—254.

ровался несомненно во время его жизни в Греции (около 1363—1373 гг.), между «богомудрыми мужами» — исихастами в Царьграде и на Афоне. Что касается реформы правописания, то она, конечно, должна была быть продумана и оформлена в связи с широким планом исправления церковных книг, который проводился в болгарской церкви при патриархе Евфимии, т. е. после 1375 г., когда Евфимий стал патриархом. Если о литературном стиле самого патриарха Евфимия можем судить по его собственным литературным произведениям, то о его реформе правописания знаем только по свидетельству Константина Костенечского, якобы патриарх Евфимий дал «нека изъявления» в связи с вопросом упорядочения предшествующей анархии правописания и якобы, «научивши и положивши основ учению», патриарх «злобу искоренил». Вполне вероятно, что основная идея этой реформы — архаизация правописания и языка в смысле возвращения к первоначальной «общеславянской» системе Кирилла и Мефодия — принадлежала самому Евфимию. Она находит свое полное оправдание в факте тогдашней болгаро-сербско-русской литературной взаимности, осуществлявшейся на Святой Горе. Между тем то особое внимание к русскому языку, являющемуся, по определению Константина Костенечского, «тончайшим и прекраснейшим», благодаря чему «добрые и древние мужи», переводчики старых книг, избрали русский язык в качестве основы литературного языка, на которую затем легли добавления из болгарского, сербского, босанского, словенского, хорватского и чешского языков, рождает предположение об особых причинах такой роли русского языка в системе патриарха Евфимия. С одной стороны, это могло быть отражением того общего интереса к Руси, который должен был существовать в Сербии и Болгарии в середине XIV в. в связи с расширением культурного влияния на восточное славянство; с другой стороны, практическая потребность создания правописания, наиболее доступного для распространения в России, могла быть внушена патриарху Евфимию его другом Киприаном, который стал русским митрополитом на следующий год после вступления Евфимия на болгарский патриарший престол и который свою миссию в России справедливо понял в первую очередь как церковно-просветительную.

Через год после первого приезда Киприана в Москву, в 1382 г., татарский хан Тохтамыш варварски отомстил России за Куликовскую битву 1380 г. Проникнув обманом в Московский Кремль, татары перебили или угнали в плен все население, сожгли и разорили все, что могли. В частности, сгорели и церкви, до стропил наполненные книгами, которые при приближении татар были со всей округи принесены в Москву. Поэтому московские рукописи до конца XIV в. представляют чрезвычайную редкость. Подобные зверства совершали татары всюду, где проходили; много содействовали уничтожению культурных памятников и постоянные междоусобные столкновения удельных князей. Не радужнее была обстановка и в Южной Руси, которая также терпела и от татар, и от княжеских усобиц. Но московское разорение было для истории русской книги наиболее трагическим: по своим последствиям оно напрашивается на сопоставление с уничтожением старославянской письменности в эпоху византийской эллинизации и антибогомильской инквизиции и последовавшей затем волной русского влияния на Балканах в связи с восстановлением письменности по русским рукописям. Сразу после ухода татар началось обновление Москвы и постройка новых соборных храмов, для украшения которых были приглашены наиболее талантливые русские и балканские художники, как Андрей Рублев и Феофан Грек. Как

раз в это время появляются и многочисленные южнославянские «киприановские» рукописи, которые, по всей вероятности, по инициативе и просьбе Киприана переписывались для Москвы в Болгарии, Сербии и на Афоне. Вполне возможно, что в связи с этим широким заданием, которое Киприан должен был внушить южнославянским церквам, могла созреть и мысль о реформе правописания. Во всяком случае слова Константина Костенечского о русском языке основаны не на легендарной традиции или на отвлеченных теоретических предположениях, а на действительном хорошем знакомстве с русским языком, как это ясно видно из приводимых им примеров.

Как известно, правописание патриарха Евфимия не получило полного признания и одобрения ни на Руси, ни в Сербии, ни в самой Болгарии. В частности, на Руси южнославянское правописание вместе с графикой южнославянского полуустава распространилось более всего в Москве, но параллельно с ним держалась и древняя традиция русского «старшего» полуустава. Литературный стиль «плетения словес» (возникновение которого, вероятно, значительно предшествовало патриарху Евфимию) не возобладал целиком в русской литературе¹⁹⁸. Параллельно с этим «высоким стилем» агиографии развивался и «средний стиль» в летописях, исторических повестях, описаниях путешествий и в других литературных жанрах, близких к деловой письменности, а рядом с ним жил и «низкий стиль» с разговорным языком в произведениях народной словесности и позднее в сатирической письменности¹⁹⁹. Да и в области литературы «высокого стиля» — как это было с волной русского влияния в южнославянских литературах в XIII в. — второе южнославянское влияние в России послужило мощным импульсом для пробуждения местных творческих сил. Уже в первых агиобиографических трудах нового стиля у Епифания Премудрого появляются особенности в стиле, частью опирающиеся на древнюю литературную традицию Илариона и Кирилла Туровского, а частью представляющие оригинальный, самобытный способ художественного оформления южнославянского или греческого литературного трафарета. Значительно сильнее выявилась эта самобытная струя в последующей эволюции других родов литературы в XVI и XVII вв., когда новые условия государственного и общественного развития и новый комплекс культурных проблем, философских и религиозных идей поставили перед литературой новые задачи как в отношении содержания, так и в области стиля. Эта эпоха открывает и новую страницу в истории русско-южнославянских литературных связей.

¹⁹⁸ Ср. вопрос о сложных словах в панегирической литературе XV—XVI вв. в статье М. Н. Сперанского «Из наблюдений над сложными словами (composita) в стиле литературной русской школы XV—XVI вв.» в его книге «Из истории русско-славянских литературных связей» (стр. 160—197).

¹⁹⁹ См.: Лихачев, стр. 26—27.

А. И. Соболевский

ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА РУССКУЮ ПИСЬМЕННОСТЬ В XIV—XV вв.*

Если мы возьмем два ряда русских рукописей, один — около половины XIV века, другой — около половины XV века, и взглянем в их особенности и содержание — нам бросится в глаза значительная разница между ними во всех отношениях.

Начнем с письма. Рукописи половины XIV века написаны или уставом, или образовавшимся из него и с ним тесно связанным старшим полууставом¹. Рукописи половины XV века написаны почти исключительно младшим полууставом, совершенно отличным от полуустава старшего и не находящимся от него в зависимости. Устав и старший полуустав имеют йотированное *е* или заменяющее его большое *е*, наклоненное к началу строки². Младший полуустав не знает йотированного *е* и пользуется его заменителем большим *е* или прямым, или наклоненным к концу строки³. Устав и старший полуустав нередко имеют букву *у* после согласных без *о* (т. е. в виде *у*) и совсем не знают буквы ижицы. Младший полуустав постоянно пользуется буквой *у* с *о* (т. е. *оу*), или так называемым уком, и имеет особую букву ижицу (*ѣ*), отличающуюся от второй части *оу* и формой, и величиной⁴. Устав и старший полуустав обыкновенно имеют первую часть буквы *ѣ*, в виде *ѣ*. В младшем полууставе в состав *ѣ* всегда входит *ѣ*. Устав и старший полуустав употребляют букву *ѣ* очень редко, почти исключительно в ее цифровом значении, причем она имеет форму перечеркнутого обыкновенного *о*. Младший полуустав пользуется *ѣ* сравнительно часто, и форма этой буквы в нем совсем иная⁵. Устав и старший полуустав совсем не знают буквы зело и имеют лишь цифру зело в форме нашего скорописного *з*⁶. Младший полуустав более или менее часто пользуется этой буквой, и его зело и в буквенном, и в цифровом значении имеет ту форму, какая ему придается в нынешних наших церковных кни-

* Печатается по изд.: Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV—XV ввкахъ: Рѣчь, читанная на годичном актѣ Археологическаго Института 8 мая 1894 года проф. А. И. Соболевским. СПб., 1894.

¹ Этот старший, чисто русский полуустав мы имеем в Лаврентьевском списке летописей 1377 г., в Тактиконе 1397 г. (снимок у Срезневского, в приложении к «Древним памятникам русского письма и языка»), в Паисиевом Сборнике и в целом ряде других не датированных рукописей.

² См. это *е* в Лаврентьевском списке летописей и в Тактиконе 1397 г.

³ См. у архиеп. Саввы («Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Моск. Синодальной Библ.») снимки с рукописей 1436, 1438, 1452 и 1477 гг.

⁴ См. там же, снимки с рукописей 1436 и 1477 гг.

⁵ См. там же, снимок с рукописи 1436 г.

⁶ См. там же, снимки с рукописей 1357, 1358, 1369 гг.

гах⁷. Далее, в уставе и старшем полууставе форма остальных, не названных выше букв (особенно *в, ж, з, к, т, ч, ъ, ѣ*) более или менее значительно отличается от формы тех же букв в младшем полууставе.

Взглянем на начало и конец статей. Устав и старший полуустав не сопровождаются в заглавиях статей вязью, в конце статей — воронкой; при младшем полууставе вязь и воронка⁸ — явления вполне обычные.

Обратимся к орнаменту. Устав и старший полуустав нередко имеют при себе заставки и большие буквы, исполненные в так называемом чудовищном стиле киноварью или красками⁹. Младший полуустав обыкновенно сопровождается геометрическим¹⁰ или (реже) растительным¹¹ орнаментом, в котором, рядом с киноварью и красками, являются золото и (реже) серебро.

Кинем беглый взгляд на орфографию. Тексты, писанные уставом и старшим полууставом, отличаются простотой орфографии и сравнительной близостью ее к русскому произношению. Напротив того, в текстах, писанных младшим полууставом, мы встречаемся и с юсом большим, и с *а* вместо *я* (*с в о а, д о б р а а, с п а - с е н и а*), и с *ѡ* вместо *ѡ* в конце слов (при *ѡ* вместо *ѡ* или *ѡ* в середине слов), и с написаниями вроде *в р ѡ х ѡ, т р ѡ г ѡ* (верх, торг), а сверх того, находим в словах греческого происхождения более или менее правильное употребление *ѡ, ѡ* и двух *ѡ* вместо *нг*: *а г г е л ѡ, а* иногда *ѡ* вместо *т* после *н*, согласно позднейшему греческому произношению: *А н д о н и ѡ*.

Рассмотрим язык. Церковнославянский язык рукописей половины XIV века богат общерусскими и местными русскими особенностями. Мы имеем в нем более или менее часто *ж* вместо *жд*, *ч* вместо *щ*, полногласие; мы имеем в нем новгородское *ц* вместо *ч* и наоборот, галицко-волынское *ѣ* вместо *е* в известных случаях и т. п. Напротив того, церковнославянский язык многих рукописей половины XV века как бы избегает русизмов (кроме главных: *у* вместо большого юса и т. п.), но зато не свободен от древних и поздних болгаризмов: *ѣ* вместо *я*, *я* вместо *ю* и наоборот (юса малого вместо юса большого и наоборот), форм вроде *сыновомѡ, сыновѡхѡ* (от сынѡ), *трѡехѡ, пятихѡ, десятихѡ* (от три, пять, десять), слов *цѡѣту* (цвѣту), *прѡзѡ* (чрезѡ), *еговѡ* (его), *тоговѡ* (того) и т. п.

Наконец, перед нами сами тексты. И здесь разница между рукописями половины XIV века и рукописями половины XV века значительна. Евангелие половины XIV века, апракосное, имеет одну редакцию церковнославянского перевода, а Евангелие половины XV века, тетр, — другую; то же можно сказать об Апостоле и Псалтыри. Богослужебные Миней половины XIV века по своему составу существенно отличаются от Миней половины XV века; то же, кажется, должно сказать о большей части остальных сборников богослужебных гимнов. Слова Григория Богослова, Лествица Иоанна Лествичника, Паңдекты Никона Черногорца, Вопросы-ответы псевдо-Афанасия к князю Антиоху, Житие Антония Ве-

⁷ См. там же, снимки с рукописей 1436, 1438, 1452 гг.

⁸ Вязь см. у Саввы в снимках с рукописей 1436, 1477, 1499 гг. Вместо воронки в конце статей встречаются крест и круг.

⁹ См. у Буслаева («Материалы для истории письмен») снимок с рукописи 1355 г. и у Саввы снимки с рукописей 1357 и 1358 гг.

¹⁰ Так мы называем орнамент из пересекающихся кругов или фигур, сходных с кругами. Образец см. у Саввы в снимке с рукописи 1504 г.

¹¹ См. у Буслаева и Саввы снимок с рукописи 1499 г.

ликого¹², Житие Варлаама и Иоасафа¹³, Синайский Патерик, Слово Мефодия Патарского и многие другие произведения в списках половины XIV века, с одной стороны, и половины XV века (или позднее) с другой — или представляют разные церковнославянские переводы, или имеют более или менее крупные отличия в тексте. Далее, рукописи половины XIV века не знают целого ряда литературных произведений, почти исключительно переведенных с греческого, которые обычны в рукописях половины XV века. К этим произведениям принадлежат аскетические сочинения свв. Василия Великого, Исаака Сирина, аввы Дорофея, Григория Синаита, Симеона Нового Богослова и других, полемические сочинения против латинян Григория Паламы, Нила Кавасила, Германа, патриарха Константинопольского (а также Прение Панагиота с Азимитом), Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского, два Учительных Евангелия: Иоанна Златоустого и патриарха Каллиста, три (или больше) Патерика (Азбучный, Иерусалимский и один из Скитских), житие Григория Омиретского, Маргарит Иоанна Златоустого, Тактикон Никона Черногорца, Диоптра инока Филиппа, Похвала твари Богу Георгия Писидийца, Стефанит и Ихнилат, христианизованная Александрия¹⁴.

Само собою разумеется, между рукописями половины XIV века и рукописями половины XV века находится ряд рукописей более или менее смешанного характера. Устав и старший полуустав еще господствуют в конце XIV и начале XV века, но некоторые их буквы могут иметь ту форму, с которой они являются в младшем полууставе¹⁵; или сопровождающий их орнамент может быть орнаментом младшего полуустава; или в орфографии и языке встречаются, то чаще, то реже, обычные особенности младшего полуустава¹⁶. Наоборот, младший полуустав второй четверти XV века нередко имеет две, три, несколько букв в той форме, которая им свойственна в старшем полууставе¹⁷. Наконец, старшие списки некоторых из тех текстов, которые не были у нас известными в половине XIV века, списки, относящиеся к концу XIV и началу XV века, написаны уставом или старшим полууставом.

Если мы сопоставим наши рукописи половины XV века с южнославянскими XIV—XV веков, то заметим между ними поразительное сходство. Наш младший полуустав в разных своих видах сходен с южнославянским полууставом до мельчайших особенностей. Орнамент, его сопровождающий, — тот самый, который является при южнославянском полууставе. Орфография наших рукописей половины XV века представляет отражение орфографии южнославянских (точнее:

¹² О церковнославянских текстах первых трех произведений см. у Горского и Невоструева «Описание рукописей Московской Синодальной Библиотеки», II, 2, а о текстах последних двух — у Архангельского («Творения отцов церкви в древнерусской письменности»).

¹³ Старшая редакция — в Макарьевских Четых Минеях и в рукописях Публ. Библ. Погод. № 765, Румянц. Муз. Унд. № 241, Троицк. Л. № 690, а отдельные повести в Златой Цепи XIV века и (в сокращении) в Прологе; младшая — в рукописях Троицк. Л. № 687, 1444 г. и Публ. Б. Толст. I № 255, XV века.

¹⁴ См. приложение I.

¹⁵ Например, зело (цифра) имеет нынешнюю форму в писанной уставом Киевской Псалтыри 1397 г. (см. у Срезневского). В той же рукописи *ы* с *ѣ* в первой части, изредка *ѣ* в конце слов и *я* вместо *ю*.

¹⁶ Например, в Тактиконе 1397 г. вязь в заглавии является уже в Стихираре 1381 г., писанном едва ли не знаменитым Епифанием Премудрым (см. у Срезневского).

¹⁷ Например, зело (цифра) имеет форму нашего *з* в писанной младшим полууставом рукописи 1438 г. (см. у Саввы).

среднеболгарских) рукописей, а особенности их языка — отражение особенностей среднеболгарского языка. Наконец, наши тексты половины XV века, те, которые были неизвестны у нас в половине XIV века, — не что иное, как копии южнославянских текстов XIV—XV веков.

Ясно, что между половиной XIV и половиной XV века русская письменность попала под очень сильное влияние южнославянской письменности и в конце концов подчинилась этому влиянию. Это произошло благодаря усилившимся сношениям России с Константинополем и Афоном.

Как известно, русская литература получила начало от литературы южнославянской (древнеболгарской) и первые ее памятники, за немногими исключениями, — не более как списки с памятников южнославянских. Но живые сношения русских с южными славянами после покорения Болгарии греками сначала ослабли, а потом почти прекратились¹⁸. Таким образом, эти две родственные литературы начали жить независимо одна от другой. Те переводы с греческого, которые были сделаны в России в XI—XIII веках, и оригинальные сочинения русских писателей того же времени остались почти совсем неизвестны¹⁹ южным славянам; в свою очередь, то немногое, переводное и оригинальное, что появилось у южных славян в XII—XIII веках²⁰, не перешло своевременно в Россию. Словом, к началу XIV века, с одной стороны, у русских накопилось некоторое количество литературных произведений, неизвестных южным славянам, с другой — у этих последних оказалось кое-что неизвестное русским. Конец XIII и первая половина XIV в. были неблагоприятны для русской литературы. То, что в ней было раньше (в том числе тексты Священного Писания и богослужебные), к этому времени, благодаря частому переписыванию и отсутствию какого-нибудь наблюдения за исправностью переписки, в ряде случаев более или менее исказилось и начали представлять в той или другой степени трудности для понимания. Новые переводы греческих литературных произведений перестали появляться. Деятельность русских писателей сократилась. Напротив того, для южнославянской литературы конец XIII века и почти весь XIV век, благодаря счастливым политическим обстоятельствам, были временем большого оживления. Старые переводы с греческого один за другим были подвергнуты пересмотру и исправлению на основании сличения с оригиналами; между ними были тексты и Священного Писания, и святоотеческих творений, и житий святых, и хронографов. Вместе с тем явился ряд новых переводов всевозможных произведений греческой литературы: и богослужебных песнопений, и сочинений свв. отцов, и светских повестей. Наконец, появились кое-какие, впрочем сравнительно очень немногие, оригинальные труды южнославянских авторов (почти исключительно жития). Наши сведения о деятелях южнославянской литературы конца XIII века и XIV века совсем ни-

¹⁸ Между русскими текстами XII—XIII вв. мы почти совсем не имеем списков с южнославянских оригиналов того же времени с сохранением особенностей среднеболгарской орфографии (мены юсов и т. п.).

¹⁹ Исключений очень мало: кое-что из сочинений Кирилла Туровского, найденное М. И. Соколовым в сербском сборнике XIII в., Пролог с житиями русских святых: Бориса и Глеба, Мстислава (сына Мономахова), Феодосия Печерского, Ольги (старший список с годом 1340 г., болгаро-сербский, описан Ламанским, «О некоторых славянских рукописях»).

²⁰ К литературным произведениям, переведенным у южных славян в это время, должно относить труды греческих писателей XI века Феофилакта Болгарского (Толковое Евангелие) и Филиппа (Диоптра).

чтожны. Мы можем назвать лишь несколько имен²¹. Но мы имеем основания догадываться, что главные из этих деятелей жили и трудились не в южнославянских землях, а в Константинополе²² и на Афоне²³, монастыри которых владели богатыми библиотеками и представляли все удобства для литературной деятельности.

Около половины XIV века Россия (по преимуществу северо-восточная) начала более деятельные сношения с Константинополем и Афоном, чем были прежде. Число русских паломников значительно увеличилось²⁴.

Скоро в монастырях Константинополя²⁵ завелась небольшая колония русских монахов. Одним из них был преп. Афанасий Высоцкий, любимый ученик преп. Сергия, первый настоятель Высоцкого монастыря под Серпуховом, ростовец родом, который, по свидетельству Епифания (в житии преп. Сергия), был «в божественных писаниях зело разумен» и любил книжное дело. Поселившись в Константинополе в 1383 году, «яко един отъ убогихъ», он, по-видимому, занимался здесь лишь перепискою книг²⁶. Другим из них был кир-Зиновий, едва ли не тот Зиновий, который потом, с 1432 по 1443 г., был игуменом Троицкой Лавры и много потрудился над увеличением лаврской библиотеки. Русская колония в Константинополе завела деятельные сношения с колонией южнославянской (болгарской). Интересуясь книжным делом, она, с одной стороны, добывала от южных славян их книги, изготовляла с них списки, отправляла их на родину, с другой — доставляла южным славянам неизвестные им русские тексты²⁷ и хлопотала о сверке по-

²¹ Евфимий Терновский (переводчик и плодovitый автор); наш митрополит Киприан (переводчик богослужебных канонов и молитв); Исаия, афонский монах, переведший в 1371 г. творения Дионисия Ареопагита; Димитрий Зограф, переведший в 1385 г., будто бы в Ростове, «Похвалу твари Богу» Георгия Писидийца; аввы Патрикий и Авраамий, переведшие слова Исаака Сирина; афонский иеромонах Евфимий, переведший «Воспоминание» Петра Дамаскина; первопресвитер Феодор, переведший ряд канонов и молитв (патр. Филофея и др.). Сербские агиографы для нас не представляют интереса.

²² Они могли жить, между прочим, в Студийском монастыре, в котором жил Киприан и в котором в 1387 г. он сделал список Лествицы.

²³ Из известной заметки хиландарского монаха Григория об исправлении им так наз. Паралипоменона Зонары видно, что даже простая переписка книг для Сербии в начале XV века производилась монахами этого монастыря.

²⁴ Следствиями усиления сношений московской Руси с Грецией были, между прочим, сперва выход замуж за сына императора Мануила дочери великого князя Василия Дмитриевича Анны (в 1414 г.), а потом женитьба Ивана III на Софье Палеолог.

²⁵ В монастырях Студийском (иначе Иоанна Предтечи) и соседнем с ним Перивлепте, а может быть, и в других. Игнатий Смольнянин, бывший в Константинополе в 1389 г., уже упоминает о русских в монастыре Студийском (Предтечи): «и упокоиша ны добръ ту живущи русь» (по изданию Палест. Общ., стр. 7). Но Стефан Новгородец, посетивший Константинополь около 1350 года и осматривавший Студийский монастырь, о жительстве в нем русских не говорит; то место «Путешествия», где говорится о встрече его с новгородцами Иваном и Добролюю и которое находится в издании Сахарова, но отсутствует во всех известных нам списках, по нашему мнению, — сочинение новейшего времени.

²⁶ Голубинский, Преп. Сергей Радонежский, стр. 99. Во времена Епифания в Сергиевом монастыре были «добросписания многа руки его». Вероятно, они сохраняются и до наших дней. Их не трудно разыскать при помощи сличения их письма с письмом собственноручной приписки Афанасия в Пандектах Никона Черногорца 1381 года Синод. Библ. (Срезневский, Древние пам., стр. 245).

²⁷ Русские Константинополя имели, например, у себя неизвестные южным славянам Пандекты Никона Черногорца и Историю Иосифа Флавия. Русский текст Пандект был дважды исправлен и дополнен южными славянами, в первый раз слегка. Список Пандект с текстом

следних с греческими оригиналами. Сверх того, некоторые члены русской колонии, более или менее знакомые с греческим языком, сами предпринимали исправление своих текстов. Одному из них принадлежит исправленный по греческому оригиналу текст Евангелия, дошедший в константинопольском списке 1383 года²⁸. Другому — также исправленный (и сильно исправленный) текст всего Нового Завета, сохранившийся в том чудовском списке половины XIV века, который обыкновенно считается принадлежащим перу св. митрополита Алексия и который написан также в Константинополе²⁹.

Вероятно, одновременно с поселением русских монахов в Константинополе усилилась³⁰ русская монашеская колония на Афоне. Но афонская колония менее, чем константинопольская, интересовалась книжным делом и не оставила заметных следов своей деятельности на литературном поприще. Нами может быть назван лишь один член этой колонии — иеромонах Афанасий Русин, покупавший и списывавший на Афоне книги в 1430—1432 годах. Другие русские, вывезшие с Афона какие-нибудь тексты, были, по всей вероятности, не более как паломниками³¹. Русские Афона также завели сношения с южными славянами (того же Афона), но не со всеми, а лишь с одними болгарами; вследствие этого одна часть переводов и оригинальных сочинений, бывших у сербов Афона в XIV и начале XV века, русским осталась совсем или почти совсем неизвестна³²; с другою мы познакомились через посредство болгар³³. Отсюда понятно, почему русские спи-

первого исправления, русский со среднеболгаризмами, относится к 1381 г. (Синод. № 193) и сделан в Высоцком монастыре под Серпуховом, по благословению игумена его преп. Афанасия Высоцкого. Об этом списке см. у Горского и Невоструева, II, 3, № 218. Русский текст Иосифа Флавия был переписываем у южных славян, и мы знаем сделанный с него сербский список 1585 г. (на Афоне; *Дмитриев-Петкович*, Обзор афонских древностей, 57). Сверх того, у русских Константинополя были 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского (ср. окончание одного из слов в списке XV в., у Тихонравова, «Летописи», т. IV, смесь, стр. 99). Русский текст Слов Григория и толкований Никиты также был исправлен южными славянами и в исправленном виде известен и в южнославянских, и в русских списках XV и XVI веков. *Андрей Попов*, «Библиографические Материалы», II—VII, стр. 266 и сл.

²⁸ Список книг, написанных русскими в Константинополе, и копий с них см. в приложении II.

²⁹ О нем см. приложение III.

³⁰ Русские монахи были здесь и до XIV века.

³¹ См. приложение IV.

³² Таковы: перевод Церковного Устава Иерусалимского старшей редакции (о которой см. у Мансвотова, «Типик», стр. 271), дошедший до нас в хиландарском списке 1331 г. (описанном в «Starine», V) и других сербских XIV века (Публ. Библ., Новый Иерусал.); перевод Синтагмы Матвея Властаря, дошедший до нас в ряде сербских списков XIV—XV веков (о них см. у Флоринского, «Памятники законодательной деятельности Душана», стр. 307); перевод толкования Олимпиодора на книгу Иова, сделанный хиландарским монахом Гавриилом в 1412 г. (Синод. Библ.); большая часть житий сербских государей.

³³ Так, исправление перевода или, пожалуй, новый перевод Лествицы сделан хиландарскими монахами около 1370 года. Но мы получили исправленный текст от болгар (старший русский список — константинопольский 1421 г.). Старший список этого текста, из южнославянских, до нас дошедший, руки митрополита Киприана, — 1387 г. (Горский и Невоструев, II, 2, стр. 216—217). Несколько житий сербских государей перешло к нам также через посредство болгар: старшие наши списки их несвободны от болгаризмов (см., например, список жития деспота Стефана Лазаревича Тр. Л. № 686, XV в., изданный Андреем Поповым («Изборник», стр. 92)).

ски, сделанные прямо с сербских оригиналов и потому более или менее изобилующие сербизмами, так редки³⁴.

Сверх того, в самой России появились южнославянские выходцы. Мы знаем из них троих. Один — митрополит Киприан, болгарин, живший до приезда в Россию в монастырях Константинополя и Афона³⁵, любивший книжное дело, занимавшийся и переводами с греческого, и (будучи даже митрополитом) переписыванием книг и прославившийся (в России) как автор. Другой — его родственник, митрополит Григорий Цамблак, полуболгарин—полусерб, живший до приезда в Россию и на Афоне, и в Сербии, и в Молдавии, большой любитель книжного дела, оставивший по себе память рядом литературных трудов. Третий — «Иеромонах Святой Горы» Пахомий Логофет, полуоболгарившийся серб, сначала простой писец в приютившей его Троицкой Лавре, потом одна из литературных знаменитостей северо-восточной Руси половины XV века.

Но об их деятельности по перенесению южнославянских текстов на Русь мы знаем очень мало. Мы можем сказать с уверенностью, что они явились в Россию не с пустыми руками³⁶, но не имеем права приписывать принесенным ими южнославянским текстам сколько-нибудь большое значение. Кажется, эти выходцы сделали для России лишь одно: они своей властью или влиянием много поспособствовали замене у нас более или менее неисправных богослужебных книг, бывших до них в общем употреблении, — исправными, только что перенесенными в Россию от южных славян. Во всяком случае, современники охотно делали списки с принадлежавших Киприану богослужебных текстов и хвалили его за его заботы об «исправлении книжном»³⁷.

В 1453 году турки овладели Константинополем. Русская колония этого города была невольной свидетельницей их торжества, и двое из ее уцелевших членов, возвратясь на родину, составили трогательные повествования о горестном событии³⁸. Понятно, после него русским незачем было приезжать на жительство в Константинополь; да и Афон, к которому нужно было ехать через подвластный иноверным Константинополь, не мог привлекать их к себе столько, сколько прежде. Поэтому установившиеся было деятельные литературные сношения русских с южными славянами во второй половине XV века почти совсем прекратились.

³⁴ Сербские рукописи, привезенные в Россию, очень затрудняли наших переписчиков. См. об этом интересное послесловие в списке Слов Григория Богослова 1479 г. (Публ. Б. Погод. № 989), сделанном с сербского оригинала. Последний был вынесен «из сербской земли» иноком Кассианом Румянцевым в первой половине XV века.

³⁵ Мы считаем вполне вероятным, что афонский монах Киприан, к которому адресовано послание Евфимия Терновского, — наш Киприан.

³⁶ До нас дошла Лествица Киприана, написанная им самим в Студийском монастыре в 1387 г., до окончательного переселения в Россию.

³⁷ Запись рукописи Успенского собора № 7, 1403 г.: «В лето 6000-ное 911, индикта 11, а солнечнаго круга 7, при благовѣрномъ и христолюбивѣмъ великомъ князи Василии Дмитриевичи всяя Руси, 15 лѣта княженіа его, при святѣйшемъ и пресвященнѣмъ Кипріанѣ митрополитѣ киевскомъ и всяя Руси, его благословеніемъ и повелѣніемъ, написана бысть книга сіа, его же благословеніемъ земля русьскаа миръ глубокий приемлетъ, церкви же божиа православіа одежею свыше истканною одѣся, и исправленіемъ книжнымъ и ученіемъ его свѣтлѣется паче солнечныхъ зарей и напааетъ яко отъ источника приснотекуща».

³⁸ Одно находится в общеизвестной повести о Царьграде; другое — в толстовском Хронографе (издано Андреем Поповым в «Изборнике»). Сверх того, плач о падении Константинополя в Хронографе I-й редакции также как будто принадлежит очевидцу события.

Значение южнославянского влияния на русскую письменность в XIV—XV веках очень важно. Благодаря ему русская письменность обновилась во всех отношениях. Конечно, замена одних начертаний букв другими и одной орфографии другой не имеет ценности; но этого уже никак нельзя сказать о замене исправных текстов богослужебных и других книг исправными и о перенесении в Россию значительного количества неизвестных в ней ранее почти исключительно переводных сочинений. Необходимо признать, что по окончании³⁹ южнославянского влияния русская литература оказалась увеличившейся почти вдвое и что вновь полученные ей литературные богатства, отличаясь разнообразием, удовлетворяли всевозможным потребностям и вкусам и давали обильный материал русским авторам. Едва ли можно сомневаться, что без этих богатств мы не имели бы ни сочинений Нила Сорского, ни своего Хронографа, первого русского⁴⁰ труда по всеобщей истории, ни Азбуковника с его статьями по грамматике и орфографии.

Приложение I

Предлагаем небольшой и отнюдь не претендующий на полноту список литературных произведений, появившихся в нашей литературе после половины XIV века, с указанием тех старших списков их, XIV—XV веков, которые нам сколько-нибудь известны⁴¹.

*Аскетические сочинения*⁴²

Василия Великого «Постничество». Старшие русские списки: 1) пергаменный Чудова мон. № 10, 1388 г.; 2) пергаменный Публ. Библ. Ф. I. 40, XIV в.; 3) Троицкой Лавры № 129, XIV—XV в.; 4) Тр. Л. № 168, 1433 г. (отрывок). Среднеболгарский (молдавский ?) список Хлудова, приб. № 8, 1444 г. Сербский список, афонский (*Леонид*, «Славяно-сербские книгохранилища на святой Афонской горе», 46), XV—XVI вв.

Германа, патриарха константинопольского, «Стихи добръйши къ винѣ слезнѣй». Старшие русские списки: 1) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 3, XIV—XV вв.; 2) Троицк. Л. № 407, 1437 г.

Григория Синаита Слова. Старшие русские списки: 1) пергаменный Тр. Л. № 13, конца XIV в.; 2) пергаменный Моск. Дух Ак. № 3, XIV—XV в. (отры-

³⁹ Кое-что было к нам приносимо от южных славян и в XVI веке (даже списки с сербских и молдавских хрисовулов XV и начала XVI века; см. Иосиф. № 154, 1563 г.), но единичные факты лишены значения.

⁴⁰ О южнославянском происхождении Хронографа первой редакции, по нашему мнению, не может быть речи.

⁴¹ Ср. данные у Голубинского, «Краткий очерк истории слав. церквей» (болгарские и сербские переводы), у Шафарика, «Geschichte der serbischen Schriftthum», у Майкова, «История сербского языка», у Ягича «История сербо-хорватской литературы», у Петрова «Исторический взгляд на взаимные отношения между сербами и русскими» (сербские переводы) — Произведения, которые изданы и сколько-нибудь исследованы («Похвала» Георгия Писидийца, христианизованная Александрия), нами опущены.

⁴² Номера рукописей Синодальной Библиотеки — по «Указателю» Саввы; номера рукописей Толстовских, Троицкой Лавры, Московской Дух. Ак., Иосифо-Волоколамских, Уваровских и Виленской Публ. Библ. — по их печатным описаниям.

вок); 3) Тр. Л. № 186, XV в.; 4) Тр. Л. № 753, XV в.; 5) Тр. Л. № 756, XV в.; 6) Синод. № 923, XV в.

Диадокха Фотийского:

І. «Словеса постническія». Старший русский список — Тр. Л. № 756, XV в.;

ІІ. «Главизны дѣятельны». Старший русский список — Тр. Л. № 753, XV в.

Аввы Дорофея Слова. Старшие русские списки: 1) пергаменный Публ. Б. Толст. І № 118, XIV в.; 2) пергаменный Чудова монастыря № 14, XIV в.; 3) Тр. Л. № 163, XIV—XV в.; 4) Публ. Б. Погод. № 872, XIV—XV в.; 5) Тр. Л. № 165, 1414 г.; 6) Тр. Л. № 167, 1423 г.; 7) Тр. Л. № 185, 1425 г.; 8) Тр. Л. № 175, 1431 г.; 9) Моск. Дух. Ак. № 34, XV в.; 10) Виленск. Публ. Б. № 61, XV в. — Митрополит Киприан указывал русским на это сочинение. Старшие сербские списки: 1) Тверск. Муз. № 110, XIV—XV вв.; 2) пергаменный Увар. № 203, XV в.; 3) Румянц. М. Севаст. № 37, XV в.

Епиктита Философа «Главизны», с толкованиями Максима Исповедника. Старшие русские списки: 1) пергаменный Синод. № 644, XIV—XV вв.; 2) Хлуд. приб. № 10, XV в.

Зосимы «Бесѣды душеполезны», записанные Каллистом. Старшие русские списки — Кирилло-Белозерского мон. № 15, XV в. (Чтения Общ. ист. и др. 1860 г. № 2), и Тр. Л. №№ 753, 757, 763, XV в.

Исаака Сирина Слова. Старшие русские списки: 1) пергаменный Синод. № 193, XIV в. (при Пандектах Никона Черногорца 1381 г., отрывок); 2) Увар. № 210, XIV—XV вв.; 3) Тр. Л., 1412 г.; 4) Тр. Л. № 185, 1425 г.; 5) Тр. Л. № 175, 1431 г.; 6) Румянц. М. Пискар. № 59, 1471 г.; 7) Моск. Дух. Ак. № 32, XV в.; 8) Виленск. Публ. Б. № 64, XV в. Старшие сербские списки: Тр. Л. № 172, 1381 г., и Моск. Дух. Ак. XIV в.; старший отчасти болгарский, отчасти русский⁴³ — Публ. Б. Толст. ІІ № 174, 1416 г.

Исихия «Словеса душеполезна к Θεодулу». Старшие русские списки: 1) пергаменный Тр. Л. № 13, XIV—XV в.; 2) Тр. Л. № 753 XV в. 3) Тр. Л. № 756, XV в. Старшие сербские списки: 1) деспота Стефана Лазаревича 1421 г. (Р. Филологич. Вестн. 1881 г. № 2); Румянц. М. Севастьян., № 38, XV в.

Кассиана Римлянина:

І. О осми помыслах. Старшие русские списки: 1) Тр. Л. № 756, XV в.; 2) Синод. № 367, XV—XVI вв.

ІІ. О рассуждении. Старший русский список — Тр. Л., № 760, XV в.

Каллиста Ксанфопула «Исповедание к творцу». Старший русский список — Тр. Л. № 753, XV в.

Максима Исповедника «Главы». Старшие русские списки: 1) пергаменный Синод. № 644, XIV—XV вв.; 2) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 3, XIV—XV вв. (отрывок); 3) Публ. Б. Толст. ІІІ № 46, XIV—XV вв. (отрывок); 4) Румянц. М. Пискар. № 59. 1472 г. (одно слово); 5) Тр. Л. № 756 XV в.

Никиты Стифата Слова. Старшие русские списки: 1) Румянц. М. Унд. № 1280, XIV—XV в.; 2) Тр. Л. № 756, XV в.

Николы, патриарха Константинопольского, послание к проту Святой Горы. Старший русский список — Тр. Л. № 756 XV в.

Нила Философа разные сочинения. Старшие русские списки:

⁴³ Написанный, судя по всему, не в России.

1) пергаменный Синод. № 644, XIV—XV вв.; 2) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 3, XIV—XV вв.; 3) Публ. Б. Толст. III № 46, XIV—XV вв. (отрывок); 4) Тр. Л. № 165, 1414 г.; 5) Публ. Библи. Толст. II № 4, 1419 г.; 6) Тр. Л. № 167, 1423 г.; 7) Тр. Л. № 756, XV в.; 8) Тр. Л. № 760, XV в.; 9) Тр. Л. № 763, XV в.; 10) Тр. Л. № 765, XV в. Старший южнославянский список — в среднеболгарском Сборнике Публ. Б. 1348 г. (о осми помышлениях).

Петра Дамаскина «Воспоминание к своей душе». Старшие русские списки: 1) Публ. Библи. Толст. III № 46, XIV—XV вв. (отрывок); 2) Тр. Л. № 185, 1425 г.; 3) Тр. Л. № 760, XV в.; 4) Увар. № 197, XV в.; 5) Синод. № 650, XV в.; 6) Чудова мон. № 247, XV в. Старший сербский список — Тр. Л. № 179, XIV в.

Симеона Нового Богослова творения. Старшие русские списки: 1) пергаменный Синод. № 193, XIV в. (при Пандектах Никона Черногорца 1381 г., отрывок); 2) пергаменный Румянц. М. № 1548, XIV в. (отрывок); 3) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 3, XIV—XV вв.; 4) пергаменный Тр. Л. № 13, XIV—XV вв. (отрывок); 5) Тр. Л. № 185, 1425 г.; 6) Тр. Л. № 407, 1437 г.; 7) Тр. Л. № 180, 1443 г. (руки Пахомия Сербского); 8) Тр. Л. № 760, XV в.; 9) Тр. Л. № 763, XV в.; 10) Румянц. М. № 2460, XV в.; 11) Румянц. М. Унд. № 559, XV в.; 12) Синод. № 650, XV в.; 13) Увар. № 197, XV в.; 14) Моск. Дух. Акад. № 33, XV в.; 15) Виленск. Публ. Б. № 72, XV в. Старший сербский список — в сборнике деспота Стефана Лазаревича 1421 г. (Р. Филологический Вестн. 1881 г. № 2).

Филофея Синаита «Главы трезвительные». Старшие русские списки: 1) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 3, XIV—XV вв. (отрывок); 2) Тр. Л. № 756, XV в.

Филофея, патриарха Константинопольского, «Предание к ученику». Старшие русские списки: 1) Увар. № 205, XV в.; 2) Тр. Л., № 756, XV в.

Фаласия Главы, к Павлу пресвитеру. Старший русский список — Тр. Л. № 753, XV в.

Феодора Едесского Главы. Старшие русские списки: 1) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 7, XIV в.; 2) пергаменный Синод. № 644, XIV—XV вв.; 3) Публ. Библи. Толст. III, № 46, XIV—XV вв. (отрывок); 4) Тр. Л. № 756, XV в.; 5) Румянц. М. Унд. № 1081, XV в.; 6) Румянц. М. Унд. № 1280, XV в.; 7) Хлуд. прибав. № 64, XV в.

Феодора Студита Слова. Старшие русские списки: 1) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 4, XIV в.; 2) Увар. № 338, 1473—1477 гг.; 3) Хлуд. № 64, XV в.

Толкование на Лествицу. Старший список — Синод. № 367, XV в.

Жития

Григория Омиритского. Старшие русские списки: 1) Синод. № 419, 1453 г.; 2) Синод. № 750, XV в.; 3) Софийск. № 1210, XV в.

Григория Синаита (сочинение Каллиста). Старший русский список — Синод. № 923, XV в.

Евфимия Великого. Старший русский список — Румянц. М. Унд. № 250, XV в.

Феодора Едесского. Старшие русские списки: 1) пергаменный Моск. Дух. Ак. № 7, XIV в.; 2) пергаменный Тр. Л. № 36, конца XIV в.; 3) Увар. № 210, XIV—XV вв.; 4) Тр. Л. № 687, 1444 г.; 5) Румянц. М. Унд. № 1280, XV в.⁴⁴

⁴⁴ Было два перевода. Второй, древнейший, Ундольский указывает в своей рукописи № 1081, XV в.

Разные сочинения

Василия, царя греческого, «Главы наказательные к сыну его, царю Льву». Старшие русские списки: 1) Тр. Л. № 758, XV в.; 2) Синод. № 367, XV в.

Дионисия Ареопажита сочинения с толкованиями Максима Исповедника⁴⁵. Старшие русские списки: 1) Увар. № 162, XV в.; 2) Антониева-Сийского монастыря XV в. (Викторов. С. 74). Старшие южнославянские списки: 1) болгарский, Моск. Дух. Ак. № 122, XIV в., руки митрополита Киприана; 2) сербский, Нов. Иерусал. № 78, XIV в.; 3) болгарский, Румянц. М. № 93, XV в.

Иоанна Златоустого Маргарит⁴⁶. Старшие русские списки: 1) Румянц. М. Унд. № 181, XV в.; 2) Синод. № 103 (1499 года ?). Старший болгарский список — Публ. Б. Толст. I № 59, XIV в.; старший сербский список — Нов. Иерусал. № 73, XV—XVI в.

Каллиста, патриарха Константинопольского⁴⁷, Учительное Евангелие. Старшие русские списки: 1) Увар. № 297, XV в.; 2) Тр. Л. № 99, XV в.; 3) Общ. Люб. Др. Прием. № 90, 1464 г.

Никона Черногорца Тактикон. Старшие русские списки: 1) пергаменный Публ. Б. 1397 г., F. I. 41; 2) Синод. № 189, XIV—XV вв.; 3) Увар. 1478 г. Старший болгарский список — афонский, XV в. (Леонид, 47).

Севериана Гевальского Шестоднев. Старший русский список — Синод. № 367, XV в. Старший южнославянский список — Синод. № 38, 1345 г. (отрывок).

Сильвестра и *Антония* вопросы и ответы. Старшие русские списки — Моск. Дух. Ак. №№ 2, 3, XV в.

Филиппа инока Диоптра. Старшие русские списки: 1) полупергаменный Чудова мон. № 15, 1388 г.; 2) пергаменный Публ. Б. F. I. 43. XIV в.; 3) Тр. Л. № 190, 1418 г.; 4) Увар. № 383, 1426 г.; 5) Тр. Л. № 191, 1471 г.; 6) Синод. № 930. XV в.; 7) Румянц. М. № 59, XV в.; 8) Моск. Дух. Ак. № 23, XV в.

Феофилакта, патриарха Болгарского, Толковое Евангелие⁴⁸. Старшие русские списки: 1) пергаменный Архива Мин. Ин. Дел, XIV в.; 2) пергаменный Чудова мон. № 9, XIV в.; 3) пергаменный Виленск. Публ. Б. № 13, XIV в. (отрывок); 4) Синод. № 73, начала XV в.; 5) Моск. Дух. Ак. 1456 г. Митрополит Киприан рекомендовал русским читать это произведение. Старший сербский список — 1473 г. (Леонид, 44).

Никодимово Евангелие («Дѣяніе Святые Троицы»), состоящее из рассказов: 1) о страдании и воскресении и 2) о сошествии в ад⁴⁹. Старший русский список: Тр. Л. № 145, нач. XV в. Отрывок сербского пергаменного списка XIV в. указан в Русск. Филолог. Вестн. 1882 г. № 1. С. 7—8.

Стефанит и *Ихниллат*⁵⁰. Старшие русские списки: 1) Синод. № 367, 1479 г.; 2) Тр. Л. № 765, XV в. Старший сербский список — Румянц. Муз. Севаст. № 1472, XV в. Другой сербский список — Рум. Муз. Григоров. № 1736, XIII—XIV вв., — имеет текст более древнего перевода.

⁴⁵ Изданы в Макарьевских Минях, октябрь, вып. I.

⁴⁶ Издан там же, вып. III.

⁴⁷ По греческим рукописям — Филофея, патриарха Константинопольского. Было два славянских перевода?

⁴⁸ Часть издана в Макарьевских Чет. Минях, октябрь, вып. 2-й.

⁴⁹ По сербскому списку XVI в. издано в «Гласнике» Сербского Учен. Общ., кн. 63. С. 89 сл.

⁵⁰ Издан Обществом Древней Письменности, XXVII, 1878 г.

*Громник*⁵¹. Старший русский список — Тр. Л. XV в. Старший сербский список — Рум. Муз. Севаст. XV в.

Приложение II

Предлагаем список русских рукописей, написанных в Константинополе.

1) Четвероевангелие, писанное в 1383 году в Константинополе (Синодальная Библиотека). Имени писца нет.

2) Диоптра инока Филиппа, писанная в 1388 году в Константинополе, «в глаголемѣй царьстѣй обители Иперивлепте» (Чудов монастырь). Писец — «священный слуга» кир-Зиновий⁵².

3) Сборник житий и поучений, который дошел в позднем списке, с сохранением записи оригинала, писанного в 1392 году в Константинополе, «въ царстѣй обители святѣйшаго... Крестителя Ивана», по благословению «честнѣйшаго во иноцѣхъ кир-Аѳанасія, бывшаго прежде стадохранителемъ общему житію... въ монастыри, иже именуется на Высокомъ»⁵³.

4) История Иосифа Флавия, которая внесена в Макарьевские Четьи Миней (январь) с сохранением записи оригинала, писанного в 1399 году в Константинополе. Писец — Иоанн «грешный старичищъ». Он трудился для неизвестного духовного лица⁵⁴.

5) «Око церковное» (Церковный Устав Иерусалимский), которое дошло в списке 1428 года (Румянцевский Музей), с сохранением записи оригинала, писанного в 1401 году в Константинополе, в «обители царьской всесвятые Богородица Иперивлепто». Писец — «грѣшный Аѳанасій»⁵⁵.

6) Лествица Иоанна Лествичника, которая переписана с сохранением записи оригинала, писанного в 1421 году в Константинополе, «в царьстѣй обители пресвятые владычица наша Богородица Иперивлепто». Писец — «убогый Евсевіе-непотребный Ефрем» (списки в библиотеках Иосифова монастыря, ярославского Спасо-Преображенского монастыря, Нового Иерусалима)⁵⁶.

Трудно сомневаться, что между рукописями второй половины XIV и первой XV века, хранящимися в наших библиотеках, должны быть еще рукописи, вышедшие из-под пера членов русской колонии в Константинополе⁵⁷. Они должны

⁵¹ Издан Тихонравовым, «Памятники р. отреч. литерат.», II.

⁵² Список Диоптры конца XIV века Публичной Библиотеки (F. I. 43), пергаменный, принадлежавший некогда Кириллову Белозерскому монастырю, имеет интересное послесловие. Писец обращается в нем «къ наченшему и свершившему сию божествъную книгу, глаголемую еллинскою речью Диоптру, нашею же, рекше ростовскою рѣчию Зерцало», «брату» кир-Зиновію. Он не называет себя по имени, но показывает кое-какие сведения в греческом языке, приписывая: Христе мой, воифи ме.

⁵³ *Срезневский*, Древние памятники русск. языка и письма, 2-е изд. С. 271. *Востоков*, Описание Румянц. Музея, № 360.

⁵⁴ Строев, Библиологический словарь. С. 400.

⁵⁵ Старший список этого устава (Толст. I № 11) — 1409 г. О других списках см. Мансветова, Типик, 275.

⁵⁶ Строев. С. 28.

⁵⁷ Диоптра Публ. Б., о которой мы упомянули выше, с обращением писца к «брату» кир-Зиновію и с упоминанием о «нашей ростовской рѣчи», написана едва ли не в Константинополе, может быть, Афанасием Высоцким.

быть писаны на греческом материале: или на тонком пергамене, отличном от обычного грубого пергамена собственно русских рукописей XIV—XV веков, или на той толстой бумаге, которую обыкновенно называют бомбициною и на которой несомненно в России писанных рукописей очень немного. Наибольшее их число должно находиться в библиотеке Троицкой Лавры, бывшей, по-видимому, в особенно частых сношениях с константинопольскими русскими. Они могут быть легко открыты посредством сличения их письма с письмом несомненных константинопольских рукописей.

Приложение III

Чудовской список представляет книгу в четвертку, писанную на тонком пергамене, в два столбца, самым мелким уставным почерком. Особенности его письма — обычные особенности русского устава XIV века: *у* после согласных вместо более древнего *оу*, но рядом с *оу* и с *уком*; йотированное *е* с высоко поднятою чертою между *і* и *е*, рядом с большим опрокинутым к началу строки *е*; *ч* почти или совсем без ножки, потерявшее всякое сходство с чашею. Но рядом с этими особенностями мы имеем другие, русскому уставу XIV века несвойственные: *γ* в виде греческого ипсилона, *омегу* не только в ее обычном виде, а также в виде двойного *о*, необыкновенно частое употребление *і*, а особенно — огромное количество вязей. Лицо, писавшее чудовской список, пользовалось всяким удобным случаем, чтобы соединить две, а иногда и три буквы в одно начертание и при этом зачастую ставило буквы греческия, т. е. употребляло вязи, обычные в греческой скорописи. Полная свобода в пользовании греческими вязями не оставляет ни малейшего сомнения в том, что это лицо было столько же привычно к греческому скорописному письму, сколько к русскому уставному. Сверх того, писец расставил ударения: то острое, то тупое, то обличенное, чего (за самыми незначительными исключениями) нет в русских уставных текстах, но что обычно в греческих скорописных.

Исправность чудовского списка замечательна. Мы в нем имеем одну из наиболее тщательно написанных рукописей, писец которой вполне понимал, что он писал; он знал (сколько нужно, чтобы не смешивать разные формы) грамматику и заботился (сколько можно было в XIV веке) об однообразии орфографии. Он не соблазнился ни среднеболгарскими формами, ни орфографическими особенностями болгарских рукописей его времени (с которыми был несомненно знаком) и не употребил ни разу ни юса большого, ни *рѣ* вместо *ор* или *ер* (*в р ѣ х ѣ*), ни *а* после гласных вместо *я* в славянских словах (*мо а, до б р ы а*; у него только *Ха н а н е а, М а т ѳ е а* и т. п.).

Таким образом, мы находим у него лишь те грамматические и орфографические черты, которые в той или другой степени свойственны русским, в частности московским, текстам его времени и из которых не все были одинаково древними. Так, он писал рядом *приведѣте* и *идете*, в *вретище* и в *корабли*, *делатели* (вин. мн.) и *стояща* (вин. мн. муж.); так, он писал постоянно *ки* вместо древнего *кы* и т. п. Достойно замечания, что он очень редко ставил *ѣ* между согласными: *болши*, *колми*, *болна*, *горко* и т. п., что он любил опускать *ѣ* и *ѣ* в конце слов: *дожд*, *мытар*, что он предпочитал сочетания *ѣя*, *ѣю*, *ѣе* и т. д. (*братѣя*, *братѣю*, *спасенѣе*) сочетаниям *ия*, *ию*, *ие* (*братия* и т. д.). Эти особенности его орфографии — особенности редкие и во всяком случае не находящиеся вместе и не проведенные

сколько-нибудь последовательно ни у одного из других нам известных писцов XIV века.

Известный Копитар в брошюре: «Hesychii glossographi discipulus... russus in ipsa Constantinopoli», Vindobonae, 1839, сообщил сведения о греческой рукописи Венской Придворной Библиотеки XI—XII вв., имеющей между строками греческого письма русские глоссы более позднего кирилловского письма. Он издал из нее часть греческого текста и все глоссы, а также снимок с одной из ее страниц.

Письмо русских глосс XIV века, то самое, какое мы имеем в чудовском списке, со всеми его характерными особенностями: то же у после согласных, но рядом с *ou* и *уком*; то же *ч*; то же частое *i*; то же пристрастие к вязям; наконец, то же опущение *ъ* между согласными (колце и т. п.), опущение *ъ* и *ь* в конце слов (красен, светлост, ров), предпочтение *ья* и проч. (почестье, неразумье и т. п.).

Венская греческая рукопись принадлежит к числу тех, которые были приобретены австрийским послом при Порте Бусбеком между 1554 и 1562 годами в Константинополе. Итак, наш писец жил и работал в Константинополе.

Чудовская рукопись заключает в себе весь Новый Завет. Ею уже воспользовались архим. Амфилохий и проф. Воскресенский. Сделанное ими сличение евангельского и апостольского текста этой рукописи с текстами в других рукописях русских и южнославянских разного времени показало, что ее текст стоит особняком и не имеет близкого сходства ни с одним из других. И действительно, евангельский текст чудовской рукописи есть нечто самостоятельное. В основании его лежит обычный евангельский текст русских рукописей XIV века; ряд вариантов взят из текста Толкового Евангелия Феофиakta Болгарского, переведенного в Болгарии, вероятно, в XI—XII вв. и оставшегося для русских неизвестным до второй половины XIV в.; но весь текст у него сверен с греческим и местами приближен к нему (напр., Матф. VIII, 3: злѣ и мущая) с заменой кое-где церковно-славянских слов русскими (верста вместо поприще, грады вся и погосты, села и погосты).

Покойный митрополит Леонтий, издавший чудовскую рукопись, считает достоверным предание о том, что она написана рукою московского святителя, и в доказательство, с приложением фототипического снимка, ссылается на «собственноручное» духовное завещание св. Алексия, хранящееся в Чудовом монастыре. Но беглого взгляда на это завещание, писанное обычным московским канцелярским полууставом XIV века, приближающимся к скорописи, достаточно, чтобы видеть всю разницу между ним и чудовскою рукописью; да сверх того, нет никаких оснований подозревать в духовном завещании письмо самого св. Алексия. Таким образом, остается лишь предание. Мы имеем несколько преданий о рукописях свв. Варлаама Хутынского, Антония Римлянина, митрополита Киприана, преданий, которые при проверке оказываются лишенными всякой достоверности. Кажется, и предание о чудовской рукописи должно быть отнесено также к числу недостоверных. Правда, эта рукопись по письму современна московскому святителю, тогда как Служебник Антония Римлянина по письму моложе этого святого столетия на три. Но современность письма не есть доказательство. Напротив, несколько данных препятствуют видеть в чудовской рукописи труд самого св. Алексия. Эта рукопись писана мастером своего дела, человеком, привыкшим к писанию книг и превосходно владевшим не только русским уставом, но и греческою скорописью; между тем о св. Алексии мы не имеем никаких

древних свидетельств, которые бы указывали на писание им книг. Далее, эта рукопись — нечто в своем роде единственное. Мы имеем всего лишь один список с находящегося в ней евангельского текста⁵⁸; мы знаем лишь один текст, в котором есть кое-какие следы знакомства с нею⁵⁹. А между тем это — отличный по исправности текст, лучший из дошедших до нас текстов XIV века. Если бы чудовская рукопись действительно была трудом святого митрополита, конечно, и при жизни его, и особенно по смерти, она нашла бы ценителей, и мы имели бы с нее больший или меньший ряд списков. Наконец, чудовская рукопись, если б она принадлежала св. Алексию, должна бы была после смерти его поступить в митрополичью казну и или сгореть в один из больших московских пожаров, как сгорела большая часть книг митрополичьей библиотеки и весь митрополичий архив⁶⁰, или сохраниться там, где сохранилось всего больше книг митрополичьей библиотеки⁶¹, — в Троицкой Лавре. Чудов монастырь не имеет, кажется, в своей библиотеке ничего такого, что бы указывало на поступление в нее книг из митрополичьей библиотеки.

Сверх того, предание о принадлежности чудовской рукописи св. Алексия (в виде известия о знакомстве св. Алексия с греческим языком и о переводе им Нового Завета) является записанным впервые лишь в конце XVII века, в позднейшей редакции жития Алексия, принадлежащей, по-видимому, известному справщику Евфимию⁶². Его нет ни в одной более ранней редакции того же жития, даже в редакции макарьевского времени⁶³, даже в том ее списке, который, с дополнениями конца XVI века, был переписан в половине XVII века и издан в 1877—1878 годах Обществом Древней Письменности.

Приложение IV

Предлагаем список русских монахов на Афоне XIV—XV веков, сделавших что-нибудь по перенесению в Россию южнославянских текстов.

Афанасий Русин, иеромонах: в 1430 году купил на Афоне, в обители Пантократора, Четвероевангелие (Нов. Иерус.), принес его в Россию и в 1436 г. отдал «святѣй Богородицѣ на Перемѣру»; в 1431 году переписал на Афоне, в лавре св. Афанасия, житие св. Афанасия Афонского (копия с его списка сделана в Троицкой Лавре по повелению игумена Зиновия, 1432—1443 гг.); в 1432 году переписал на Афоне, в той же лавре, житие Григория Омиритского (копия с его списка сделана в Кирилловом Белозерском монастыре⁶⁴).

⁵⁸ И то не точный. Это Евангелие св. Никона Радонежского, XIV в. (в ризнице Троицкой Лавры). О нем см. статью проф. Воскресенского в Богословском Вестнике 1893 г. № 7.

⁵⁹ Особенности ее текста (и то очень редко) совпадают с особенностями текста константинопольского Евангелия 1383 года. Таким образом, писец последнего был с нею знаком.

⁶⁰ Древнейшая часть архива сгорела еще при митрополите Фотии.

⁶¹ Между прочим, собственноручные книги митрополита Киприана. Несколько бывших митрополитов кончили жизнь в Сергиевом монастыре (Зосима, Даниил, Иоасаф); они могли взять туда с собою части митрополичьей библиотеки. Из них Иоасаф пожертвовал монастырю порядочное количество книг.

⁶² *Ключевский*, Древнерусские жития святых. С. 356.

⁶³ По Ключевскому, четвертой с(тр. 245).

⁶⁴ Эти данные см. у Строева, под «Афанасий Русин».

Убогий Евсевий — непотребный Ефрем Русин 1425 г. получил на Афоне от Иакова доброписца перевод постнического слова Максима Исповедника⁶⁵.

Иларион, игумен одного из новгородских монастырей, вынес из Святой Горы оригинал Тактикона Никона Черногорца 1397 г.⁶⁶

Савва, основатель Вишерского монастыря под Тверью (основан в 1397 г.), вынес из Святой Горы «правила», которыми воспользовался для составления своей Кормчей Вассиан Патрикеев (Публ. Библия. Толст. I № 169).

Феодосий (?), архимандрит Печерский, вынес «правило Святыя Горы»⁶⁷.

Приложение V

Достойно замечания, что сделанные в XIV—XV веках переводы с греческого, безразлично, кем бы они ни были сделаны и каков бы ни был их текст (наполнен болгаризмами или нет), обыкновенно называются в русских списках переводами на русский язык. Так, Дмитрий Зограф перевел «Похвалу твари Богу» «съ греческаго на русскій языкъ»; книга Учительного Евангелия «преложена съ греческаго языка на руския книги» (Увар. 1457 г., Публ. Библия. 1471 г. и др.); канон патр. Филофея на Успение Богородицы «преведенъ бысть на рускый языкъ Ѳеодоромъ пръвопрозвितеромъ» (Кир.-Белозерск. № 6—1083, 1478—1482 гг., 171 об., с множеством болгаризмов); служебник митр. Киприана «преписанъ отъ грецкихъ книгъ на рускый языкъ» (список XIV в. Горский и Невоструев, III, 11); Стефанит и Ихнилат переведен «з греческихъ книгъ на руския языкъ» (Синод. № 367).

Ср.: житие царевича Петра XIV в. упоминает, что в его время в Ростове один клирос пел по-гречески, а другой — по-русски; Федор Жидовин, переводчик еврейских молитв в XV в., говорит, что он перевел псалтырь с еврейского на русский язык; Максим Грек, оправдываясь, пишет: «преведохъ отъ греческаго языка на русскій» (предисловие к Грамматике 1648 г.); в царской грамоте 1616 г. читается: «при прежнихъ великихъ государѣхъ переводницы отъ всѣхъ языкъ много святыхъ книгъ на русскій языкъ преложиша» (Акты Археограф. Эксп., III, № 329).

⁶⁵ Строев. С. 122. В Кирилло-Белозерском Сборнике 1476—1482 гг. № 6—1083, после приписки Евсевия-Ефрема отмечено: «писано въ Семенѣ Богословѣ горѣломъ» (л. 350 об.).

⁶⁶ Священник Иларион перевел канон молебный к Иисусу Христу. Строев. С. 114.

⁶⁷ Ундольский, Библиографические разыскания. С. 41; Строев, под «Досифей».

Г. И. Вздорнов

**РОЛЬ СЛАВЯНСКИХ МОНАСТЫРСКИХ МАСТЕРСКИХ
ПИСЬМА КОНСТАНТИНОПОЛЯ И АФОНА
В РАЗВИТИИ КНИГОПИСАНИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ОФОРМЛЕНИЯ РУССКИХ РУКОПИСЕЙ НА РУБЕЖЕ XIV—XV вв.***

Усиленное развитие русского книгописания, осуществлявшееся с 80—90-х годов XIV в., совпало с событиями более общего, международного значения. В это время Москва, Новгород и некоторые другие русские города стали оживленными центрами греко-русского и русско-южнославянского сотрудничества. Сюда приехало и обосновалось на постоянное местожительство много замечательных деятелей культуры и искусства из Византии, Сербии, Болгарии, с Афона. Причины этого, казалось бы, неожиданного возвышения русских городов как общеславянских художественных и культурных центров были разными. Отчасти они были вызваны изнутри, но главным образом носили внешний характер, ибо в их основе лежали те социально-экономические и политические кризисы, которые, с одной стороны, развились в Византии, а с другой — катастрофически подорвали могущество Сербии и Болгарии.

Проникновение на Русь южнославянского, преимущественно сербского, искусства началось с конца 70-х — начала 80-х годов XIV в. Вначале оно, как справедливо указал недавно В. Мошин¹, развивалось у нас не в качестве искусства эмигрантов, бежавших на чужбину от насилия турок, а как искусство славянских царств, гордившихся своими достижениями и стремившихся к соперничеству с Византией.

В 90-х годах XIV в. южнославянское влияние на Руси продолжалось, чему способствовали разыгравшиеся на Балканах политические события. В 1389 г. произошло решающее столкновение турок и сербов, а в 1393 г. — турок и болгар. Битва на Косовом поле, завершившаяся поражением сербов, и взятие Тырнова открыли туркам дорогу, и они воспользовались победой. Сербия и Болгария, которые буквально накануне своей гибели находились в зените могущества, в короткое время были поглощены захватчиками и как самостоятельные государственные объединения перестали существовать. Именно с этого времени началась массовая эмиграция южных славян, причем в первую очередь бежали, конечно, люди умственного и вообще творческого труда, ибо в условиях турецкой оккупации их деятельность на родине становилась немыслима. Одна волна эмигрантов

---

* Печатается по изд.: ТОДРА. Т. XXIII. 1968. С. 171—198.

¹ В. Мошин. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963. С. 104.

хлынула на запад, но две другие волны, более мощные и оказавшиеся, как показала история, более плодотворными, двинулись в других направлениях, одна — на Афон и в Константинополь, а другая — в Россию. Афоно-византийская и русская дороги были хорошо известны южным славянам и раньше, поэтому, выбирая пути бегства, они отдавали предпочтение им. К тому же существенное значение имела и родственная славянская среда, на которую они могли рассчитывать как в многочисленных сербских и болгарских монастырях Афона и Константинополя, так и в городах России.

Особенно интенсивным было сотрудничество русских и южнославянских деятелей культуры в области книгописания. Оно развивалось параллельно с чисто литературным сотрудничеством, а литературный обмен между южными и восточными славянами на рубеже XIV—XV вв. достиг необычайного размаха. Его масштабы росли тем быстрее, чем сильнее становился турецкий гнет на Балканах. В это время литература стала подлинным прибежищем творческой энергии болгар и сербов.

Основными центрами русско-южнославянского общения, кроме городов северо-западной и северо-восточной Руси, были Афон и Константинополь. В конце XIV в. поток южнославянских беженцев в Россию шел едва ли не целиком именно через промежуточные пункты, роль которых играли славянские монастыри Афона и Царьграда². Здесь образовалось интернациональное монашеское общество, и оно-то в немалой степени и определило ту силу художественного и литературного влияния, объектом которого сделались Москва и другие русские города³.

Как известно, следствием широкого проникновения южнославянских рукописей на Русь была полная перемена общего облика русской рукописной книги: в письме — это смена устава и старшего полуустава младшим полуустановом, в заглавиях — начало употребления вязи, в заключительных разделах составных частей рукописей или книг в целом — расположение текста в виде какой-нибудь фигуры, например клином, и, наконец, в орнаменте — это смена тератологического и старовизантийского стиля балканским геометрическим или неовизантийским⁴.

² См.: В. Мошин. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. С. 101 (о сербской и русской колониях в Царьграде); И. Дуйчев. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. — ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963. С. 114—119 и 121—126.

³ О славяно-русских, преимущественно афоно-русских, связях см.: А. В. Горский. О сношениях русской церкви со святогорскими обитателями до XVIII столетия. — Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе, год 6. М., 1848. С. 137—139; В. Иконников. 1) Исследование о главных направлениях в науке русской истории. — Университетские известия, Киев, 1869, февраль, № 2. С. 8—15; 2) Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. С. 59—60; А. Soloviev. Histoire du monastère russe au Mont-Athos. — Byzantion, t. VIII, fasc. 1, 1933. С. 227; М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами, с древнейших времен до половины XVII в. — Славянский сборник. М., 1947. С. 170—171; Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958; М. Н. Сперанский. Русские памятники письменности в южнославянских литературах XIV—XVI вв. — В кн.: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 56—57; И. Снегаров. К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV — начале XVI в. — В кн.: Международные связи России до конца XVII в. М., 1961. С. 259; И. Дуйчев. 1) Центры византийско-славянского общения и сотрудничества, с. 121—126; 2) Le Mont Athos et les slaves au Moyen Age. — Le Millénaire du Mont Athos, 963—1963. II. Ed. de Chevetogne, 1964. С. 121—143.

⁴ См.: А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. СПб., 1894. С. 3—8.

Характерными образцами балканского орнамента⁵ были красочные заставки из пересекающихся кругов и два типа инициалов: киноварные инициалы простого рисунка, состоящие обычно из тонких стержней с утолщениями, и красочные инициалы с двойными контурами, которые как бы повторяли плетеные решетчатые конструкции заставок. Историческое значение балканского орнамента для истории русского книжного искусства было чрезвычайно велико, потому что подавляющая масса рукописных книг XV и даже XVI в. оформлялась с помощью декоративных элементов именно балканского происхождения. Поэтому вопросы возникновения и эволюции балканского орнамента в русских рукописях — вопросы не праздные. Они связаны с существом дела и требуют постановки и соответствующего решения.

Как следует себе представить конкретные источники второго южнославянского влияния применительно к орнаменту и графике русских рукописей? Бесспорно, здесь очень большую роль сыграли те южнославянские писцы и рисовальщики, которые эмигрировали в Россию и осели на постоянное местожительство в русских городах и монастырях. В этом отношении едва ли не самой показательной является личность митрополита Киприана. Болгарин по происхождению, Киприан долгое время жил в Константинополе и особенно на Афоне, где в общей сложности он прожил около десяти лет (1363—1373)⁶. После длительных и безуспешных попыток занять московскую митрополичью кафедру он в 1381 г. наконец добился этого, но через полтора года был изгнан из Москвы Дмитрием Донским и окончательно обосновался здесь только в 1390 г. С этого года в течение 16 лет Киприан стоял во главе русской церкви. На столе митрополита он всячески развивал местное книгописание, причем не без его личной инициативы библиотеки московских монастырей стали усиленно пополняться текстами южнославянского происхождения, а главное, и подлинными южнославянскими рукописями. Их графика и особенно орнамент, который был необычен для русских рукописей, оказали сильное впечатление на русских писцов, и вместе с текстами они стали осваивать и чисто внешние признаки южнославянских книг.

До нас дошли три собственноручные рукописи Киприана⁷. Это Лествица 1387 г., написанная им в Константинополе в монастыре Иоанна Предтечи (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 152)⁸, и недатированные Творения Дионисия Ареопагита (ГБЛ,

⁵ В. Мошин. Орнаментика неовизантийского и «балканского» стиля. — *Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine. Godišnjak*, kn. I. Balkanološki institut, kn. I. Sarajevo, 1957. С. 315, рис. 19 и сл.

⁶ См.: А. А. Дмитриев. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.). — *ТОДРЛ*, т. XIX, М.—Л., 1963. С. 216. О Киприане см. также: И. Мансветов. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882; Филарет (Гумилевский), архиепископ черниговский. Обзор русской духовной литературы, 862—1863, кн. 1—2. Изд. 3-е, СПб., 1884. С. 86—93; Н. Глубоковский. Св. Киприан, митрополит всея России (1374—1406 гг.), как писатель. — *ЧОИДР*. М., 1892, кн. I, январь. С. 358—424; Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина. М., 1900. С. 297—356; Й. Иванов. Българското книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан (1375—1406). — *Известия на Института за българска литература*, кн. VI, София, 1958. С. 31—37; И. Снегаров. К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV — начале XVI в. С. 260—269.

⁷ Новейшее описание этих рукописей см.: А. А. Дмитриев. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы. С. 223—225.

⁸ См.: Приложение, № 3.

ф. 173, Фунд., № 144)⁹ и Псалтырь с воследованием (ГБЛ, ф. 1173, Фунд., № 142)¹⁰. Кроме того, по списку конца XIV — начала XV в. известен Служебник, написанный Киприаном в 1397 г.¹¹ Обе недатированные рукописи, вероятнее всего, написаны Киприаном уже в Москве, хотя и константинопольское их происхождение за отсутствием данных исключать совсем тоже нельзя. Не сохранившийся Служебник 1397 г. написан Киприаном несомненно в Москве. Все книги Киприана написаны мелким полууставом, не особенно красивым, но и не слишком заурядным, а главное, они украшены типичными для южнославянских рукописей второй половины XIV в. киноварными инициалами и линейными заставками. Киприан был опытным писцом, поэтому инициалы нарисованы им изобретательно. Так как авторитет Киприана по части книжного учения на Руси был очень высок, то русские писцы в своей книгописной практике охотно пользовались его собственными рукописями как образцами. Об этом с очевидностью свидетельствует московский список конца XIV — начала XV в. с его Служебника, а также тверской список 1402 г. с его Лествицы (БАН, собр. Н. В. Тимофеева, № 9). Последняя рукопись особенно интересна. В послесловии к ней сказано, что она списана с оригинала, принадлежавшего Киприану, и что с этой целью оригинал специально доставляли из Москвы в Тверь. Хотя полного совпадения декоративных элементов тверского списка с украшениями рукописи Киприана нет, характер орнамента здесь один и тот же. Рисунок заставки тверского списка

⁹ Об этой рукописи см.: *Амфилохий*, архим. Что внес святой Киприан, митрополит киевский и всея России, а потом московский и всея России, из своего родного наречия и из переводов его времени в наши богослужебные книги? — Труды II Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года, т. II. Киев, 1878. С. 246—247; *П. М. Строев*. Библиографический словарь. СПб., 1882. С. 168; *Леонид*, архим. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году, вып. II. М., 1887, № 1 (14); *Й. Иванов*. Българското книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан. С. 51—52; *А. А. Дмитриев*. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы. С. 223—224.

¹⁰ Об этой рукописи см.: *Амфилохий*, архим. Что внес святой Киприан, митрополит киевский и всея России. С. 238—241; *П. М. Строев*. Библиографический словарь. С. 168; *И. Мансветов*. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. С. 66—100 (древнейший образец полной следованной Псалтыри); *Леонид*, архим. Сведение о славянских рукописях, вып. I, № 5 (142); *Я. И. Яцимирский*. Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина, вып. 2. М., 1897. С. 137 (к № 402, под этим номером описан старообрядческий сборник XVIII в., одна из статей которого содержит ссылку на Псалтырь письма митрополита Киприана, где написано о двукратном повторении «аллилуйи»); Новый сборник палеографических снимков с русских рукописей XI—XVIII вв. Под редакцией А. И. Соболевского. СПб., 1906, табл. 20 (с датой Лествицы 1387 г.); *Й. Иванов*. Българско книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан. С. 37—47; *Т. Б. Ухова*. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии. — Записки Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 22, М., 1960. С. 188; *А. А. Дмитриев*. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы. С. 224—225.

¹¹ ГИМ, Син. 601. Об этой рукописи см.: *А. Горский* и *К. Невоструев*. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, т. V. М., 1869. № 344 (601); *Амфилохий*, архим. Что внес св. Киприан, митрополит киевский и всея России. С. 233; *И. Мансветов*. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. С. 9—45; ЖМНП, 1883, отдел «Критика и библиография». С. 72—73 (рецензия А. И. Соболевского на 2-е издание книги И. И. Срезневского «Древние памятники русского письма и языка»); *А. И. Соболевский*. Славянорусская палеография. Изд. 2-е, СПб., 1908. С. 32; *Й. Иванов*. Българското книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан. С. 52 и сл.

представляет собой вариацию мотива, употреблявшегося обычно в рисунках инициалов, — это киноварный стержень с отходящими от него веточками и ритмично повторяющимися утолщениями и поперечными черточками и перекрестиями (рис. 1).

Кроме рукописей Киприана, в мастерских письма московских и подмосковных монастырей бытовали, конечно, и другие южнославянские книги. В нынешних рукописных собраниях их имеется очень много. Сказать о каждой такой рукописи, когда она попала в тот или иной монастырь, трудно, но можно все-таки думать, что некоторые сербские и болгарские рукописи, хранившиеся, к примеру, в библиотеке Троице-Сергиевой лавры, поступили сюда рано, в конце XIV — начале XV в., так как отдельные рукописи имеют владельческие записи Троицкого монастыря XV в. Не исключено даже, что частично эта коллекция лаврских славянских рукописей составила в самой лавре, т. е. они были написаны ее монахами — южными славянами. Такова сербская (?) рукопись Поучений Исаака Сирина 1381 г. с превосходными киноварными инициалами и заставками балканского и неовизантийского стиля (ГБЛ, ф. 304, № 172), болгарская рукопись Слов постнических Василия Великого 80—90-х годов XIV в., тоже с изящными заставками (ГБЛ, ф. 304, № 129), болгарская же рукопись второй половины XIV в. Толкований на псалмы блаженного Никиты, митрополита ираклийского (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 18), и Беседы Григория, папы римского, начала XV в. (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 34). Образцы орнамента в этих и других, подобных им, рукописях внимательно изучались, и от начала XV в. начинается уже последовательная цепь рукописей русского происхождения, в которых мы видим точно такие же заставки и такие же инициалы¹².

Но как бы много ни подвизалось в русских городах и монастырях сербских и болгарских писцов-монахов, все же не они одни внедряли в книгописную практику своих русских собратьев новые принципы художественного оформления рукописной книги. Параллельно с их деятельностью развивалась широкая по масштабам книгописная деятельность русских и южнославянских писцов, живших и работавших не на Руси, а в славянских монастырских колониях Константинополя и Афона. С внешней стороны рукописи, написанные в Константинополе и на Афоне русскими писцами, не имели никаких отличий от рукописей, написанных там же сербами или болгарскими, потому что одинаковые условия, в которых протекала деятельность русских и южнославянских писцов на греческом и греко-славянском Востоке, и постоянные контакты между ними способствовали сближению их искусства. Поэтому в русских рукописях, написанных в Царьграде и на Афоне, новые орнаментальные композиции утвердились намного раньше, чем в русских рукописях того же времени северного происхождения, а их посылка в московские, подмосковные, тверские или новгородские монастыри имела такое же значение, как и посылка подлинных южнославянских рукописей или точных копий с последних.

¹² Приведу примеры из рукописного собрания Троице-Сергиевой лавры: Лествица 1412 г. (ГБЛ, ф. 304, № 156), Поучения аввы Дорофея 1414 г. (ГБЛ, ф. 304, № 165), Диоптра инока Филиппа 1418 г. (ГБЛ, ф. 304, № 190), второе Евангелие Никона Радонежского 10—20-х годов XV в. (ГБЛ, ф. 173, Фунд., 138), Книги Иоанна Лествичника и аввы Дорофея с прибавлениями 1423 г. (ГБЛ, ф. 304, № 167), Сборник 1425 г. (ГБЛ, ф. 304, № 185), две половины Пролога 1429 г. (ГБЛ, ф. 304, №№ 715 и 717) и множество недатированных рукописей.

Рис. 1. Лествица Иоанна Лествичника. 1402 г. Тверь.
Заглавный лист (БАН, собр. Н. В. Тимофеева, № 9, л. 3).

Особенностью большинства русских и отчасти славянских мастерских письма в Царьграде и на Афоне была их заметная ориентация на русского читателя, притом на такого, который жил не на Востоке, а непосредственно в России. Существовали даже такие писцы, которые на протяжении многих лет списывали книги или собирали их и, не задерживая их у себя, посылали на Русь. В наших рукописных собраниях имеется много подобных рукописей константинопольского и афонского происхождения, и в целом они рисуют весьма яркую картину взаимных связей южных и восточных славян на почве их общения в монастырских мастерских письма Царьграда и Святой Горы.

Укажем на группу русских памятников, связанных с Константинополем¹³. Во главе их стоят, между прочим, несколько особняком, две рукописи, написанные неизвестными русскими книжниками еще в 50-х и в начале 80-х годов XIV в., когда связи Руси с греками и южными славянами по-настоящему даже не развернулись. Это Новый Завет, считающийся по традиции автографом митрополита Алексия 1355 г.¹⁴, и Евангелие 1383 г. (ГИМ, Син. 742)¹⁵. Обе рукописи несомненно уже в конце XIV в. были в России, но большого отклика они, кажется, не получили, хотя и установлено, что первое Евангелие Никона Радонежского начала 80-х годов XIV в. (ГБЛ, ф. 304, М. 8652) списано едва ли не с Евангелия, текст которого содержит в себе рукопись Нового Завета¹⁶, и что, наверное, к этой же рукописи восходят Евангелие второй половины XIV в., принадлежавшее Ф. А. Толстому (ГПБ, Q п. I. 2), и Апостол конца XIV в., принадлежавший М. П. Погодину (ГПБ, Погод. 27)¹⁷. Что же касается Евангелия 1383 г., то сходство с ним обнаруживает только один памятник — второе Евангелие Никона Радонежского (ГПБ, ф. 173, Фунд., № 138)¹⁸.

Более плодотворным было влияние константинопольских списков конца XIV — начала XV в. Такова прежде всего Диоптра инока Филиппа 1388 г., написанная в монастыре богородицы Перивлелты русским писцом по имени Зиновий (ГИМ, Чуд. 15)¹⁹. Списки с нее, сохраняющие послесловие оригинала, начинаются с известного троицкого списка 1418 г. (ГБЛ, ф. 304, № 190) и встречаются потом на протяжении всего XV и даже XVI вв.

Интересен Сборник поучений и житий 1392 г., переписанный русским писцом Сергием в монастыре Иоанна Предтечи, там, где в 1387 г. жил и написал свою Лествицу митрополит Киприан²⁰. Оригинал, автограф Сергия, до нас не дошел,

¹³ Здесь и далее речь идет только о таких рукописях или списках с утраченных оригиналов, о которых достоверно известно, что они уже в конце XIV или в начале XV в. были в России. Русские, сербские и болгарские рукописи, попавшие в Россию в середине XV в. и позднее (например, вывезенные с Афона Арсением Сухановым в 1654 г.), в расчет не принимались.

¹⁴ См.: Приложение, № 1.

¹⁵ См.: Приложение, № 2.

¹⁶ См.: Г. Воскресенский. Алексиевский список Нового Завета и Четвероевангелие преп. Никона, радонежского чудотворца. — Богословский вестник, 1893, июль. С. 170—173.

¹⁷ См.: Г. Воскресенский. Погодинский № 27 Апостол и чудовская, усвояемая св. Алексием, рукопись Нового Завета. — В сб.: Статьи по славяноведению, вып. 1, под ред. В. И. Ламанского. СПб., 1904. С. 1—29.

¹⁸ См.: Г. Воскресенский. Алексиевский список Нового Завета. С. 170.

¹⁹ См.: Приложение, № 4.

²⁰ Монастырь Иоанна Предтечи был основным центром русской монашеской колонии в Царьграде. Здесь в 1389 г. останавливался со своей свитой митрополит Пимен. Один из его

но так как все константинопольские и афонские рукописи пользовались на Руси большим авторитетом и послесловия, сообщавшие историю их создания, обычно переписывались вместе с текстом в последующих списках, то и с рукописи 1392 г. мы, таким образом, тоже имеем два списка, сохранивших послесловие оригинала. Оно гласило, что писец Сергей писал сборник по совету и благословению Афанасия Высоцкого, или, как он витиевато выразился, «бывшего прежде стадохранителя общему житию и в нем братии в монастыри иже именуется на Высоком», и что рукопись 1392 г. по ее завершении Сергей отослал в серпуховской Высоцкий монастырь²¹. Можно поэтому думать, что Сергей сам был из Высоцкого монастыря и ушел оттуда в Константинополь вместе со своим бывшим игуменом и наставником Афанасием Высоцким²².

Следующий точно датированный памятник русской письменности из Константинополя — Устав церковный 1401 г., переписанный в монастыре Богородицы Перивлелпты писцом, который называет себя «грешный Афанасий, малеший въ единообразных». Иногда считают, что этот Афанасий — Афанасий Высоцкий²³, но такое сближение основано исключительно на сходстве имени и доказать его невозможно. Так как Афанасий Высоцкий жил в монастыре Иоанна Предтечи, а Устав церковный 1401 г. написан в монастыре Богородицы Перивлелпты, то, надо полагать, и писец его был другой Афанасий, не Высоцкий. Оригинал Устава 1401 г. опять не сохранился, но, как и в предыдущем случае, с него уже в первой трети XV в. было сделано две копии, которые и донесли до нас послесловие Афанасия²⁴. Характерно, что оба списка с этой рукописи снова связаны с подмосковными монастырями: список 1428 г. был сделан в Саввине-Сторожевском монастыре, а список 1429 г. — в Троице-Сергиевом.

Русские в Константинополе жили не только в монастырях Иоанна Предтечи и Богородицы Перивлелпты. По списку 1428 г. нам известно о рукописи Слов Исаака Сирина, написанных в 1420 г. писцом Тимофеем в монастыре Богородицы Паммакаристы по заказу приезжавшего в Царьград владимир-волинского епископа Герасима²⁵.

В историческом отношении едва ли не самыми интересными константинопольскими рукописями являются рукописи, написанные неким Евсевием-Ефремом. Он имел обыкновение подписываться двойным именем: вероятно, одно имя у него было мирское, а другое — монашеское. Жил Евсевий-Ефрем в монастыре Богородицы Перивлелпты, в колонии русских. Здесь в 1420 г. он написал Минею четью на месяцы с ноября и дальше²⁶, о которой мы знаем по списку

спутников записал в дневнике: «...и упокоиша нас добре тамо живущая русь» (ПСРА, т. XI. СПб., 1897. С. 99).

²¹ См.: Приложение, № 5.

²² Псылка рукописи в Высоцкий монастырь в 1392 г., наверное, была приурочена к отосланию известного Высоцкого чина (см.: В. Н. Лазарев. Новые памятники византийской живописи XIV века. I. Высоцкий чин. — Византийский временник. т. IV. М.—Л., 1951. С. 122—131). Если это так, то иконы Высоцкого чина можно датировать временем около 1392 г.

²³ См.: Д. К. Трелев. Серпуховской Высоцкий монастырь. Его иконы и достопамятности. М., 1902. С. 29—30; В. Н. Лазарев. Новые памятники византийской живописи XIV века. С. 124, прим. 1; И. Дуйчев. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. С. 115.

²⁴ См.: Приложение, № 6.

²⁵ См.: Приложение, № 7.

²⁶ См.: Приложение, № 8.

с нее, сделанному в Троице-Сергиевой лавре между 1432—1443 гг. В том же 1420 г. 7 декабря Евсевий начал другую книгу, Лествицу, и завершил ее переписку 18 марта 1421 г. Эта Лествица сохранилась (ГБЛ, ф. 113, Волок., № 462)²⁷. Она украшена типичными инициалами балканского типа: киноварными, с утолщениями на стержнях. Несомненно Евсеем-Ефремом 10 декабря 1422 или 1423 г. была начата переписка третьей рукописи — тоже Лествицы (ГИМ, Усп. 18-бум)²⁸. Но закончить ее он не успел. Его почерком написаны только первые 64 листа. Остальная часть рукописи написана другим почерком. На конце рукою Евсевия-Ефрема сделана приписка, из которой мы узнаем, что рукопись была завершена неким старцем Митрофаном 15 марта 1424 г., но не в Константинополе, а на Афоне, в монастыре Ватопед. Следовательно, между 1422—1423 и 1424 гг. Евсевий перебрался на Афон, и здесь к своей работе ему удалось подключить старца Митрофана. Ниже мы увидим, что литературная деятельность Евсевия-Ефрема продолжалась на Афоне столь же интенсивно, как и в Царьграде.

Серия афонских рукописей и копий с них, как и следовало ожидать, начинается памятниками 90-х годов XIV в. Самая ранняя афонская рукопись, попавшая на Русь в это время, — Тактикон Никона Черногорца. С Афона ее вынес игумен новгородского Лисицкого монастыря Ларион. В 1397 г. рукопись уже была в Новгороде, и два монаха, состоявшие в штате архиепископа новгородского Иоанна, Иаков и Пимен, списали с нее список, изготовленный, как явствует из послесловия, специально для Лисицкого монастыря²⁹, — следовательно, афонский оригинал, как особо драгоценный, остался в архиепископском собрании рукописей Софийского собора. Так как оригинал не разыскан, то судить о том, был ли он болгарским или сербским, не приходится.

Сохранившиеся оригиналы афонских рукописей и списки с них раскрывают иной раз весьма сложные пути, по которым развивались афоно-русские связи. Особенно интересна в этом плане история одного небольшого сочинения под названием «Слово постническо Максима Исповедника по вопросу и ответу». До начала XV в. оно обращалось в монастырской среде православного Востока исключительно на греческом языке. Но трудолюбивые и заинтересованные в подобных образцах литературы славянские иноки Святой Горы задумали его перевести. В 1425 г. сербский монах монастыря св. Павла Иаков Доброписец перевел «Слово». Он сделал это по просьбе уже знакомого нам Евсевия-Ефрема, «русина», который в 1420—1421 гг. жил в Константинополе в монастыре Богородицы Перивлешты и написал там Минею и Лествицу, а между 1422 и 1424 гг. перебрался из Константинополя на Афон. Сначала он жил некоторое время в Ватопеде, но к моменту перевода «Слова» несомненно жил в монастыре св. Павла³⁰. В отдель-

²⁷ См.: Приложение, № 9.

²⁸ См.: Приложение, № 10.

²⁹ См.: Приложение, № 11.

³⁰ Хотя место перевода «Слова» ни в одном из его списков не указывается, Иаков Доброписец и Евсевий-Ефрем несомненно жили в монастыре св. Павла. Известна рукопись слов Григория Богослова, переписанная неким Иаковом в монастыре св. Павла в 1418 г. (Стари српски записи и натписи, књ. I. Скупио их и средно Љ. Стојановић. Београд. 1902, № 223. С. 70—71). Это, конечно, Иаков Доброписец. Он жил в Павловском монастыре постоянно. Сохранилась еще одна рукопись его руки — первый том Бесед Иоанна Златоуста, переведенных с греческого на сербский в 1426 г. В послесловии к нему Иаков подписался полным именем, с добавлением «Добро-

ном виде «Слово» в наших рукописях не встречается. Оно всегда входит в состав сборников, сохраняя, однако, во всех списках свое особое послесловие, т. е. о переводе именно этого «Слова», а не сборника. Форма послесловия такова, что оно явно было приписано к полученному уже готовому переводу Евсевием-Ефремом, ибо переводчика Иакова Евсевий уважительно называет «киром», а себя, наоборот, уничижительно, «убогим» и «непотребным». Можно предполагать, что перевод «Слова» Евсевий-Ефрем включил в какой-то переписанный им лично сборник сочинений святых отцов и уже в составе сборника отослал его на Русь. Первооригинал сборника не сохранился или пока еще не разыскан. Но в библиотеке Троице-Сергиевой лавры есть список с него, весьма близкий по времени к дате написания оригинала (ГБЛ, ф. 304, № 756)³¹. Любопытно, что следующий по времени список «Слова» с послесловием Евсевия-Ефрема мы встречаем в сборнике 1431 г., переписанном в новгородском Лисицком монастыре. Состав лисицкого сборника отличается от состава троицкого, значит, оригиналом лисицкому писцу послужила не троицкая рукопись. Остается думать, что оригинал перевода Иакова Доброписца Евсевий-Ефрем держал при себе и давал его другим русским писцам, жившим на Афоне, для новых списков. Между Афоном и лисицким монастырем связи были установлены еще в конце XIV в.: как уже упоминалось, еще до 1397 г. лисицкий игумен Ларион вынес отсюда список Тактикона Никона Черногорца. По этим-то афано-новгородским каналам список перевода Иакова Доброписца с послесловием Евсевия-Ефрема и попал в Лисицкий монастырь³².

Несколько афонских рукописей связано с Тверью, куда в отличие от Новгорода они попали, однако, почти все в 30-х годах XV в. Первая из них — Устав церковный начала XV в. на пергамене (ГИМ, Усп. 5-п.)³³. Он происходит из пригородного тверского Сретенского монастыря, основанного в 1397 г.³⁴ Основателем и первым игуменом Сретенского монастыря был представитель видного рода тверских (кашинских) бояр Бороздиных Савва. После Саввы игуменами были Варсонофий и еще один Савва (примерно с 1417 г.). В рукописи Устава есть запись, относящаяся к первой половине XVII в., из которой видно, что в монастыре держалось предание, будто Устав принесен «из грек» Саввой и Варсонофием. По словам Иосифа Волоцкого, жившего в молодости в Сретенском монастыре,

писец». Над беседами он работал в сотрудничестве с другим писцом, Венедиктом, которому принадлежит перевод 2-го тома (ГИМ, Син. 36 и 37). В рукописи 1426 г. место, где жили Иаков Доброписец и Венедикт, не указано. Но оба тома Бесед до 1655 г., когда они поступили в московскую Патриаршую библиотеку, хранились в Павловском монастыре. Поэтому есть основания утверждать, что Иаков Доброписец жил в Павловском монастыре и что перевод «Слова» для Евсевия-Ефрема был сделан именно здесь.

³¹ См.: Приложение, № 12. Иларий и Арсений (Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. III. М., 1879, № 756) датировали рукопись XV веком. В последнее время ее стали датировать первой четвертью XV в. (Т. Б. Ухова. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии. С. 145). Но поскольку «Слово» переведено в 1425 г., то и весь Сборник написан не раньше 1425 г.

³² О роли Лисицкого монастыря в истории культуры Новгорода см.: А. И. Семенов. Лисицкий монастырь — пригородный центр новгородского книгописания. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961. С. 369—373.

³³ См.: Приложение, № 13.

³⁴ См. о нем: В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. III. Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1897, № 1999.

на Афон ходил первый Савва (Бороздин)³⁵. Поэтому напрашивается вывод, что он и принес оттуда рукопись. Но в рукописи на конце помещена пасхалия, которая начинается с 1424 г.³⁶, а к этому времени Саввы Бороздина в живых уже не было. Зато второй Савва еще жил и даже был игуменом Сретенского монастыря. Разобраться в этой темной истории невозможно, тем более что источники по истории тверских монастырей вообще небогаты. Но так или иначе в 1432 г. рукопись уже была в Сретенском монастыре, потому что в ней есть заметка, относящаяся к истории монастыря и датированная 1432 г. Эта рукопись не принадлежит к роскошным, но все же в ней есть несколько заставок, составленных по обычному приему балканских рисовальщиков из пересекающихся кругов.

Лучшая из афонских рукописей, доставленных в Тверь, — это Евангелие начала XV в., на бумаге, болгарского извода (ГИМ, Воскр. 1-бум.)³⁷. В конце рукописи сохранилась обширная приписка, сделанная на Руси и сообщающая, что книга в 1430 г. была куплена в афонском монастыре Пантократора иеромонахом Афанасием Русиним и затем вынесена им или кем-то из его комиссионеров на Русь, в Тверь, и в 1436 г. дана «святей Богородице на Перемеру», т. е. в один из пригородных тверских монастырей³⁸. Евангелие украшено заставками балканского стиля в красках, сложными инициалами, писанными золотом заголовками.

Упомянутый Афанасий Русин, купивший Евангелие в монастыре Пантократора, постоянно жил не в этом афонском монастыре, куда он приходил, наверное, только для покупки рукописи, а в Лавре св. Афанасия. Здесь в 1431 г. он написал неизвестную нам по названию рукопись, вероятно какой-то сборник, в состав которого входило, между прочим, Житие преподобного Афанасия Афонского³⁹. Оригинал этой рукописи руки Афанасия русина пока не обнаружен, но в собрании Троице-Сергиевой лавры сохранился Сборник, написанный в Троицком монастыре в 1436—1445 гг., в котором есть Житие Афанасия Афонского и перед которым скорописью XV в. написана заметка, сообщающая время и место написания первооригинала. Автор заметки троницкого экземпляра, переписавший послесловие Афанасия Русина из его автографа или из какого-то промежуточного списка, добавил: «После же повелением господина Зиновия игумена Сергеева монастыря съписан грешным Ионою, игуменом угрешским» (ГБЛ, ф. 304, № 746). Возможно, заметка сделана самим Ионой.

Другая переписанная Афанасием Русиним в Лавре св. Афанасия рукопись — обширное Житие св. Григория Омиритского⁴⁰. Первооригинал опять неизвестен. Но списков с него сохранилось несколько. Как обычно, все они сохранили послесловие Афанасия. Из них-то мы и узнаем о времени, о месте написания и о писце первоначальной афонской рукописи Жития св. Григория. В начале после-

³⁵ См.: ВМЧ, сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868, стлб. 554 (Духовная преподобного Иосифа Волоцкого).

³⁶ По наблюдению М. Н. Сперанского (*Г. И. Истомин и М. Г. Сперанский. Описание рукописей Успенского кремлевского собора.* — В сб.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963, С. 94, под № 5).

³⁷ См.: Приложение, № 14.

³⁸ Монастырь Благовещения св. Богородицы на Перемере находился в 4 верстах от города (см.: В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, III, № 1401).

³⁹ См.: Приложение, № 15.

⁴⁰ См.: Приложение, № 16.

словия Афанасий сообщал, что Житие св. Григория Омиритского было переведено с греческого языка неким Андронием, который к моменту написания книги Афанасием уже умер: «Отцоу же моему коурь Андронию, — говорит Афанасий, вечнаа память, иже преведе сию книгоу от гречьскаго извода» (ГПБ, Кир.-Бел. 45/1284).

Судя по тому, что Евангелие, купленное Афанасием Русином на Афоне, попало от него в тверской монастырь, он был родом тверич. Замечательно, что именно в Тверь в 1437 г. была принесена еще одна афонская рукопись — Сборник житий, переписанный в 1432 г. в той же Лавре св. Афанасия, где жил Афанасий Русин, неким Авраамием русином (ГБЛ, ф. 98, Егор., № 543)⁴¹. Видимо, в Лавре св. Афанасия была небольшая колония тверских книжников. Сборник Авраамия русина попал, как и упоминавшийся выше Устав церковный, в Саввин-Сретенский монастырь. Вложил сюда рукопись сам Авраамий, так как запись о ее написании и о вкладе сделана общей и одной рукою, почерком, совпадающим с почерком всей книги. В художественном отношении Сборник малоинтересен.

Этот беглый, но конкретный обзор южнославянских и русских рукописей, приносившихся или посылавшихся на Русь из Константинополя и с Афона, вскрывает неожиданным образом любопытную закономерность: тогда как почти все константинопольские рукописи шли в Москву или подмосковные монастыри, подавляющее большинство афонских рукописей, минуя Москву, поступало в монастыри новгородские и тверские. Понять причины, которые обусловили подобное разделение потока славяно-русских рукописей, — это значит понять нечто большее, чем простую склонность московских книжников к Царьграду, а новгородских и тверских — к Афону. Видимо, ориентация Москвы на Константинополь получилась естественно, поскольку великие московские князья, стремившиеся взять на себя руководящую роль в политической и культурной жизни всей северо-восточной Руси, в международных отношениях логикой вещей вынуждены были искать и поддерживать контакты с аналогичными, главными, политическими и культурными центрами. Да иначе и быть не могло, потому что как средоточие церковной жизни «всая Руси» Москва должна была поддерживать постоянные отношения именно с Константинополем: здесь жил патриарх, которому подчинялись московские митрополиты, и здесь русская церковь по инициативе тех же митрополитов старалась завести свои колонии, которые бы в случае нужды служили своего рода дипломатическими представительствами. Так оно в действительности и было. Новгороду же и Твери, все более отодвигавшимся на второй план, приходилось поэтому направлять своих послов, ходатаев и даже просто паломников на территории, куда московская церковная и княжеская власть либо еще не успела проникнуть, либо где по меньшей мере она еще не успела укрепиться. Не случайно посылка и привоз рукописей с Афона в Новгород и Тверь начинается несколько позже, чем посылка рукописей из Царьграда в Москву.

Но эта закономерность, имеющая исторический интерес, теряет всякое значение, как только мы обращаемся к художественной стороне памятников. Ни константинопольские рукописи, поступавшие в Москву, ни афонские рукописи, поступавшие в Новгород и Тверь, не имеют никаких отличий, которые бы свидетельствовали, что Москва получила преимущество перед Новгородом и Тверью либо, наоборот, Новгород и Тверь выиграли в полученных результатах сравни-

⁴¹ См.: Приложение, № 17.

тельно с Москвой. Те и другие рукописи в общем одинаковы, поскольку они создавались в одинаковой монастырской среде, а нередко одними и теми же писцами, жившими попеременно то в Константинополе, то на Афоне, как Евсевий-Ефрем. Поэтому все поступавшие на Русь с Востока славяно-русские рукописи конца XIV — начала XV в. мы имеем право рассматривать как явление общее, целостное, не расчленяя эту массу памятников на областные группы.

Несмотря на то, что влияние южнославянского книжного искусства осуществлялось параллельно с помощью сербских и болгарских памятников и русских списков с них, роль сербских была определяющей. Это несомненно зависело от более высокого уровня сербской культуры. Когда в афонских монастырях сосредоточились кадры сербских и болгарских книжников, то сербские переводчики и писцы сразу взяли инициативу в свои руки. В конечном счете подавляющая масса рукописных книг, направлявшихся отсюда на Русь в оригиналах и списках, оказалась по происхождению сербской⁴². Средоточием сербской письменности на Афоне был Хиландар — главный сербский монастырь, основанный в конце XII в. «В Хиландарском монастыре всего более было написано древнесербских книг: лучшие и драгоценнейшие древнесербские литературные памятники были здесь составлены или переведены, написаны или списаны и отсюда распространены по всей Европе»⁴³. Здесь именно, в Хиландаре, и открылся тот стиль орнамента, который мы называем сейчас балканским (хиландарское Евангелие 1377 г., хиландарский список Хроники Георгия Амартола 1386 г. и множество более поздних рукописей). Под влиянием сербских рукописей он быстро и окончательно утвердился в практике писцов других афонских монастырей, а также славянских писцов, живших в Константинополе. Во всяком случае, художественные элементы рукописей Киприана (его Лествицы 1387 г., написанной в Константинополе, и других) сформировались под воздействием писцов Афона, где, как уже говорилось выше, он длительное время жил.

Интересные данные о перевесе рукописей сербских над болгарскими можно извлечь из такого, казалось бы, невыразительного, источника, как формулы приписок в рукописях. Известно, что многие русские рукописи начала XV в. заканчиваются словами «Иисус Христос зачало и конец вскому делу благу» или различными вариантами этой формулы. Подобные слова типичны для послесловий именно сербских рукописей. Они встречаются в сербских памятниках с 80-х годов XIV в. и повторяются на протяжении последующих десятилетий множество раз⁴⁴. Точно так же под влиянием приписок в сербских рукописях русские писцы (сначала писцы, жившие в Константинополе и на Афоне, а потом и на севере) стали называть монастыри, в которых они работали, «лавра-

⁴² Следует, однако, иметь в виду, что рукописи сербского происхождения по изводу и правописанию часто оказываются болгарскими. О причинах этого явления см.: М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и югославянской литературы (русские памятники письменности на юге славянства). — В кн.: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. С. 13.

⁴³ В. Ягич. История сербско-хорватской литературы. Казань, 1871. С. 182. См. также: Г. Ильинский. Значение Афона в истории славянской письменности. — ЖМНП, 1908, ноябрь. С. 21—25, 31.

⁴⁴ См.: Стари српски записи и натписи. Скупно их и средно Љ. Стојановић, књ. I, №№ 157, 162, 163, 185, 213, 248 и др.

ми» или, что еще более показательно, «царскими лаврами». «Обителью царстей» называет, например, Троице-Сергиев монастырь монах Антоний, переписавший здесь в 1414 г. Поучения Саввы Дорофея (ГБЛ, ф. 304, № 165), хотя очевидно, что исторически это беспочвенное название, ибо великие московские князья не имели титула царей. Зато царями называли себя сербские короли, и в славянских (сербских) монастырях Сербии и Афона, находившихся под их покровительством, как знаменитый Хиландарский монастырь, такое название было уместно, ибо оно отвечало их статусу. И действительно, существует несколько сербских рукописей, написанных в Хиландаре, писцы которых называют свою обитель «царской и честной лаврой». Такова Хроника Георгия Амартола 1386 г. и Толкование на Книгу Иова Олимпиодора, дьякона александрийского, 1412 г.⁴⁵

Итак, на протяжении 90-х годов XIV в. и первых двух-трех десятилетий XV в. между константинопольскими и афонскими славянскими монастырями, с одной стороны, и Москвою, Новгородом и Тверью, с другой стороны, установилась тесная связь. Она выразилась преимущественно в литературном, и притом одностороннем, обмене: русские монахи, жившие на Востоке, собирали и списывали богослужебные книги и сочинения отцов церкви, а также заказывали иногда новые переводы с некоторых литературных произведений нужного им направления и все это посылали на родину. Мы привели только несколько конкретных примеров, связанных с их деятельностью. Но вообще литературный обмен носил, конечно, далеко не столь узкий характер. По неполным подсчетам А. И. Соболевского, в русской литературе после середины XIV в., главным образом на рубеже XIV—XV вв., появилось вновь не менее 20 сочинений, которых она дотоле не знала, а если и знала, то в отрывках или извлечениях в сочинениях других авторов⁴⁶. Как правило, это все аскетическая литература, связанная с монастырской традицией⁴⁷. Совершенно очевидно, что на Руси интерес к ней поддерживался в аналогичной среде. Здесь он был порожден ростом пустынных и общежительных монастырей, члены которых нуждались в таких сочинениях больше, чем в каких-либо иных. Не случайно наиболее интенсивный литературный обмен Востока с Россией происходил по каналам, которые связывали Царьград и Афон с Тверью и Москвой, ибо как раз в центральной части северо-восточной Руси общежительных монастырей было особенно много⁴⁸.

Вопросы художественного творчества как для славянских иноков православных монастырей Востока, так и для их корреспондентов, живших на Руси, стояли на втором плане и выражались преимущественно в графике и орнаменте. Совершенство графики всегда ставилось в заслугу каллиграфам. Ибо оно способствовало освоению текста читателем и придавало рукописи красоту, достойную ее

⁴⁵ Там же. №№ 136 и 219.

⁴⁶ См.: А. И. Соболевский. 1) Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. С. 17—22; 2) Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 17—23.

⁴⁷ О характере переводной литературы этого времени см.: В. И. Иконников. Исследование о главных направлениях в науке русской истории. С. 10—14.

⁴⁸ Зато Псков, где монастырская жизнь в XIV—XV и даже XVI вв. все еще строилась по «особожитному» принципу и где восточное аскетическое начало и пустынночество было очень слабым, остался от этого движения в стороне (см.: Н. Серебрянский. Очерки из истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 238—239).

содержания. Необходимой принадлежностью большинства рукописей равным образом был и орнамент, так как традиция орнаментальных украшений рукописных книг составляла неотъемлемую составную часть мировой письменной традиции. Что же касается влияния на русское книжное искусство монашеских славянских мастерских письма Константинополя и Афона в области лицевой миниатюры, то оно, сравнительно с орнаментом и графикой, отразилось очень незначительно. Греческие и афонские монастыри держались в изобразительном искусстве крайне аскетических взглядов. Сохранившиеся константинопольские и афонские монастырские лицевые рукописи даже в их наилучших образцах — это вещи чрезвычайно догматического характера. Таковы миниатюры теологических сочинений императора Иоанна VI Кантакузина, исполненные (вероятно) на Афоне в Лавре св. Афанасия между 1371 и 1375 гг. (Париж, Национальная библиотека, cod. gr. 1242)⁴⁹, и Типика, написанного и украшенного лицевыми изображениями около 1400 г. в одном из константинопольских монастырей (Оксфорд, Bodl. Libr. cod. gr. 35)⁵⁰. Столь же характерна миниатюра в сербской рукописи «Слов постнических Исаака Сирина», написанной в Лавре св. Афанасия в 1389 г. (ГБЛ, ф. 214, Опт. пуст., № 462)⁵¹. Миниатюра изображает автора сочинения. Она отличается изумительным техническим совершенством. Обращают на себя внимание тончайшие белые линии, которыми обрисован контур фигуры святого и обозначены пряди его бороды. Но в конечном счете все эти каллиграфические ухищрения оказались на первом плане, а свежесть непосредственного мировосприятия утратилась. Вообще творчество греческих и славянских монастырских миниатюристов на Востоке явилось своего рода классическим выражением иконографического понимания искусства. В русской лицевой миниатюре XIV—XV вв. этот стиль нашел очень слабое и, по всей вероятности, весьма косвенное отражение. Из большого числа московских иллюстрированных рукописей этого времени нам известна только одна, относительно миниатюр которой мы можем предполагать их зависимость от южнославянского образа в его афонском варианте. Это Лествица первой четверти XV в., принадлежавшая ранее В. А. Десницкому, а ныне в составе его собрания хранящаяся в ГБЛ. Ее рисунки сильно русифицированы, но по несколько измельченным формам и неяркому, приглушенному колориту можно думать, что их источник был нерусского происхождения. Но миниатюры Лествицы из собрания В. А. Десницкого не исчерпывают его художественного значения. Эту рукопись можно назвать выдающейся по красоте почерка и орнамента. Письмо и заставки этой рукописи лишний раз подтверждают, насколько больших успехов достигло в процессе второго южнославянского влияния русское книгописание в области графики и орнамента.

⁴⁹ О месте и времени написания рукописи см.: Д. В. Айналов. Византийская живопись XIV столетия. — Записки Классического отделения Русского археологического общества, т. IX. Прг., 1917. С. 142—146. Лучшие воспроизведения: J. Ebersolt. La miniature byzantine. Paris et Bruxelles, 1926, табл. LIX—LXI; The Art of Byzantium. Text and notes D. Talbot-Rice. Photographs by M. Hirmer. London, 1959, табл. XXXIX и 190.

⁵⁰ The Art of Byzantium, табл. XL, 191 и 192.

⁵¹ Эта рукопись происходит из Оптиной пустыни, куда она попала от Леониды Кавелина, члена Иерусалимской русской духовной миссии, в 1858 г. Леонид, в свою очередь, получил ее в качестве благословения от архимандрита лавры Св. Саввы Освященного Иоасафа. Место и время написания рукописи указаны в записи ее писца инок Гавриила (л. 474 об.). См.: Леонид, архим. Обзорные рукописи и старопечатные книги в книгохранилищах монастырей, городских и сельских церквей Калужской епархии. М., 1865 (оттиск из ЧОИДР, 1865, кн. 4, отд. IV). С. 67—69.

В целом второе южнославянское влияние в области русского книжного искусства сыграло несомненно очень большую роль. Оно быстро вытеснило со страниц русских рукописей национальный тератологический орнамент и утвердило новый, рисунок которого тоже отличался многими техническими и художественными достоинствами. Областные особенности орнамента, которые, правда, и в тератологическом стиле были выражены слабо, при вторжении в рукописи балканского орнамента исчезли совсем, и с начала XV в. на страницах русских рукописей, независимо от их происхождения, утверждается изящный, легкий стиль, хорошо гармонирующий с новым полууставным почерком и новыми материалами письма.

Приложение

Описание русских и южнославянских рукописей XIV — начала XV в., написанных в Константинополе и на Афоне и посланных на Русь

Это описание составлено с целью дать представление о конкретных памятниках письменности и книжного искусства, попавших на Русь в конце XIV — начале XV в. из славянских или греко-славянских монастырей Царьграда и Афона и послуживших образцами для русских писцов и художников в процессе осуществления в русской письменной культуре «второго южнославянского влияния». Поэтому сюда вошли исключительно такие рукописи, о которых мы точно знаем, что в свое время они были посланы или принесены с Востока в русские города и монастыри и положили начало письменной и художественной традиции.

Рукописи расположены по топографическому принципу: сначала описаны рукописи, идущие из Константинополя, затем рукописи, написанные в Константинополе и на Афоне, и, наконец, памятники афонского происхождения. Этот порядок соответствует не только историческому значению двух названных центров, но и хронологической последовательности изучаемых памятников, так как сохранившиеся константинопольские рукописи старше афонских и предшествуют последним.

Описание каждой рукописи состоит из следующих пунктов: 1) порядковый номер, место хранения и шифр, 2) название, 3) дата, 4) материал, 5) формат и размер листов в сантиметрах, 6) тип письма, количество столбцов, количество листов, 7) переплет, 8) украшения, 9) пометы и приписки¹, 10) библиография, 11) сведения о списках.

Многие подлинные рукописи не сохранились. В таких случаях мы даем о них сведения, почерпнутые в списках, т. е. тексты переписанных позднейшими писцами послесловий оригиналов, предания и другие известия. Описания списков, привлекаемых для характеристики сохранившихся и несохранившихся оригиналов, сделаны кратко: указаны места их хранения и шифры, название, дата, материал, формат, тип письма, количество листов, записи, списанные с утраченных подлинников, и библиография. Поскольку все позднейшие рукописи (от середи-

¹ Приписки, сделанные до XVII в., воспроизводятся все (кроме цифровых помет и проб пера, не имеющих важного содержания и смысла). Из приписок и записей XVIII—XX вв. воспроизводятся лишь имеющие научный смысл.

ны XV в. и далее) привлекаются нами только для характеристики не сохранившихся подлинных памятников и не имеют самостоятельного значения в рамках данной темы, их количество ограничено: это, как правило, списки старейшие, т. е. близкие по времени возникновения к утраченным оригиналам.

При воспроизведении текстов помет, записей и приписок применяются следующие правила: 1) сплошные тексты разбиваются на отдельные слова, 2) указывается разделение текстов на строки — с помощью одной вертикальной черточки (за исключением особо оговариваемых), 3) все выносные буквы вписываются в строку, 4) титла раскрываются, и недостающие буквы заключаются в круглые скобки, 5) буквы, пропущенные или восстанавливаемые по смыслу, заключаются в прямые скобки, 6) буквы љ, ѣ, ѿ, ѡ, Ѣ, Ѥ и Ѧ заменяются соответствующими буквами *e, u, o, ja, jo* и *φ*, 7) греческие буквы ξ и ψ передаются буквосочетаниями *кс* и *пс*, 8) знаки препинания расставляются по смыслу, но с максимальным приближением к подлиннику, 9) знаки придыхания и ударения опускаются.

Даты в приписках и записях, сообщаемые по летосчислению от сотворения мира и в буквенном обозначении, даются нами в арабском цифровом обозначении, переводятся на летосчисление от рождества Христова и заключаются при этом в прямые скобки. Равным образом в прямые скобки заключаются все наши собственные замечания, необходимые для понимания тех или иных выражений, для характеристики описываемого памятника или дополняющие сведения о каком-либо издании в библиографических разделах. В прямые скобки заключены также названия рукописи, ее дата, место написания и имя писца, если эти сведения сообщаются не по оригиналу, а по списку. При воспроизведении подлинных текстов записей и приписок выскобленные слова, части слов и фразы обозначаются многоточием, причем количество точек соответствует примерному количеству утраченных букв, которые восстанавливаются по смыслу или по следам в оригинале, но для прочтения которых у нас нет достаточно твердых данных.

Список сокращений (помимо принятых в ТОДРА)

АС — Археологический съезд

Волков. Статистические сведения — *Н. В. Волков*. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель. Изд. ОЛДП, СХХIII, СПб., 1897.

Иларий и Арсений, I—III — *Иларий и Арсений*, иеромонахи. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. I. М., 1878; ч. II. М., 1878; ч. III. М., 1879.

Истомин. Опись книг Успенского собора — *Г. И. Истомин*. Опись книг библиотеки московского Успенского собора. — ЧОИДР, 1895, кн. 3.

Истомин и Сперанский — *Г. И. Истомин и М. Н. Сперанский*. Описание рукописей Успенского кремлевского собора (ГИМ, инв. № 80370). Вводная заметка, примечания и подготовка к печати В. Д. Кузьминой. — В сб.: Исследования по лингвистическому источниковедению. Изд. АН СССР, М., 1963.

Карский. Палеография — *Е. Ф. Карский*. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.

Леонид. Сведения о славянских рукописях — *Леонид*, архим. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой

лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящиеся в библиотеке Московской духовной академии), вып. 1—2. М., 1887.

МДА — Московская духовная академия.

Никольский, Материалы для словаря — *Н. К. Никольский*. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.). Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей, вып. I (А—Б). Изд. ОЛДП, СХХХII. Б. м., б. г.

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности имп. Академии наук.

Соболевский. Южнославянское влияние, 1894 и 1903 — *А. И. Соболевский*. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. СПб., 1894; то же в его книге: Переводная литература Московской Руси XIV—XVI веков. Библиографические материалы. СПб., 1903.

Срезневский. Древние памятники, 1 и 2 — *И. И. Срезневский*. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). Изд. 1-е. СПб., 1863; то же. Изд. 2-е. СПб., 1882.

Строев. Библиологический словарь — *П. М. Строев*. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. Приведены в порядок и изданы под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882 (Сборник ОРЯС имп. Академии наук, т. XIX, № 4).

Ухова. Каталог — *Т. Б. Ухова*. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии. — В кн.: Записки Отдела рукописей, вып. 22, М., 1960 (Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Щепкина и др. Описание пергаментных рукописей ГИМ, ч. 1. — *М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. К. Костюхина, В. С. Гольишенко*. Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея, ч. 1. Русские рукописи. — Археологический ежегодник за 1964 год. М., 1965.

Константинополь

1. Местонахождение рукописи неизвестно. До 1917 г. хранилась в ризнице Чудова монастыря в московском Кремле.

Новый Завет.

Середина XIV в. [Константинополь?].

По традиции считается автографом митрополита Алексия 1355 г. Правписание русское.

Пергамен, 8°.

Мелкий полуустав, в 2 стлб., 170 лл.

Переплет с обеих сторон украшен сплошной жемчужной обнизью и драгоценными камнями (изумрудами, яхонтами и алмазами). Изготовлен в 1798 г. по инициативе Платона, митрополита московского.

25 линейных заставок и 26 заставок и концовок более крупного размера — строчных (высотой в строку). Стиль преимущественно старовизантийский. Несколько мелких инициалов того же стиля. Заглавия и заглавные буквы киноварные.

На л. 1 (бумажном), нум. Рукою Платона: «Τοῦτο εὐαγγέλιον, ὡς | τινὰ θυσιαρὸν, δεῖ φεῖ | λάττειν. | Ταπεινὸς Πλάτων, ἀρχιεπί|σκοπος Μόσκβας καὶ Καλοῦ|γας ἐπέγραψα, ἰδίᾳ χειρὶ | 1781 ἔτους». На л. 1 об. его же рукою: «Вышпи-

санный Архи|епископъ, ныне же недостойный | митрополить Московский | Платонъ, и паки завеще|ваю хранить сие Евангелие, | яко собственною рукою святи|теля Алексия писанное: | вкупе же со своеручною его духовною | на конце сея книги прило|женною. | 1798 года подписано сие в | Троицкой Сергиевой лавре». На л. 2 его же рукою: «Украшено Евангелие | жемчуги и камением | 1798 года тцанием | того же митрополита и | архимандрита Троицкия | Сергиевы лавры». На л. 2 об. почерком XVII в.: «Тетроев(ан)г(е)лие чудотвор|ца Алексея Чюдова м(о)н(а)стыря, | совет даю: в сем ев(ан)г(е)лии | чести за здравие над болящими». На внутренней стороне нижней крышки переплета укреплены духовная митрополита Алексия и копия с нее конца XVIII в. На обороте копии две записи: 1) «Духовная Алексея митрополита»; 2) «Сию святителя Алексия духов|ную и съ спискомъ хранить | въ монастырской ризнице въ сребро | окованномъ ковчеге. | Смиранный Платон, архиепископъ | московский. 1777 июля 2 дня».

В предисловии к рукописи Евангелия 1674 г. в переводе Епифания Славинецкого, хранящейся в ГБЛ, сказано: «Первая славенская книга бе упреведеися сего преводу и рукописания Алексия митрополита всея России чудотворца, писаная в лето 6863 [1355] до смерти его за 23 лета, яже и до днесь обретается въ обители его в Чудове м(о)н(а)ст(ы)ре, в книгоположнице блюдома и прочитаема бывает над болящими» (ГБЛ, Унд. № 1291, л. 7. См. также: *Евгений*, митрополит. Словарь исторический о писателях духовного чина, I. Изд. 2-е. СПб., 1827. С. 182).

Библиография: Достопамятности Москвы. Изд. К. Тромонина, М., 1843—1845. С. 7—8 + таблица; *И. Снегирев*. Памятники московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы. М., 1842. С. 142—143; св. *Алексий*, митрополит киевский и всея России. — Прибавление к изданию творений святых отцев в русском переводе, год 6. М., 1848. С. 95, прим. Ж; *Филарет*, епископ харьковский. Обзор русской духовной литературы, 862—1720. Харьков, 1859. С. 102—105; *Срезневский*. Древние памятники, I. С. 100, 262; *Г. Воскресенский*. Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в. Опыт исследования языка и текста славянского перевода Апостола по рукописям XII—XV вв. М., 1879. С. 34—37, 181—186; *Филарет*, архиеп. черниговский. Русские святые, т. I (январь—апрель). СПб., 1882. С. 248; *Срезневский*. Древние памятники, 2, столб. 212; *Амфилохий*, архим. Святый Алексей митрополит, как исправитель Нового завета по греческому подлиннику. — Московские церковные ведомости. 1885, № 4. С. 49—54; *Г. А. Воскресенский*. Характеристические черты главных редакций славянского перевода Евангелия, по рукописям XI—XV вв. — Труды VI АС в Одессе (1884 г.), т. I. Одесса, 1886. С. 283; *С. Шевырев*. История русской словесности, часть III. Изд. 2-е, СПб., 1887. С. 66—72 + таблица между С. 66 и 67 (образец почерка); Новый Завет господ нашего Иисуса Христа, писанный рукою святителя Алексия митрополита, сфотографированный в 8 дней в начале августа 1887 г. фотографом Александром Андреевичем Багнеровским под непосредственным наблюдением даниловского архимандрита Амфилохия (фотографическое издание рукописи); *Г. А. Воскресенский*. Новый завет в рукописи святителя Алексия. — Церковные ведомости, издаваемые при святаейшем Синоде, 1889, № 6; *Г. Воскресенский*. Древнеславянский апостол. Послание святого апостола Павла по основным спискам четырех редакций рукописного славянского апостольского текста с разночтениями из пятидесяти одной рукописи Апостола XII—XVI вв., вып. 1, Послание к Римлянам. Сергиев Посад, 1892. С. 36—40 (полное палеографическое описание); Новый Завет господ нашего Иисуса Хри-

ста. Труд святителя Алексия, митрополита московского и всея Руси. Фототипическое издание Леонтия, митрополита московского. М., 1892; *М. Хитров*. Рец.: Новый Завет господ нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита московского и всея Руси. Фототипическое издание Леонтия, митрополита московского. М., 1892. — ЧОЛДП, 1893, январь. С. 1—10; *Г. Воскресенский*. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей евангелия XI—XVI вв. Сергиев Посад, 1894. С. 61—66, библиография; *Соболевский*. Южнославянское влияние, 1894. С. 12 и 24—28 и 1903. С. 26—31; *Г. Воскресенский*. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по сто двенадцати рукописям Евангелия XI—XVI вв. М., 1896. С. 48—54, 258—291; *Волков*. Статистические сведения, с. 42, по указателю № 1; *М. Муретов*. Церковно-практическое и научно-богословское значение славянского перевода Нового Завета в труде святителя Алексия, митрополита киево-московского и всероссийского. — Богословский вестник, 1897, ноябрь, С. 177—199 и декабрь, С. 375—414; *М. Сперанский*. Рецензия на труды Г. А. Воскресенского. СПб., 1899 (Отчет о тридцать девятом присуждении наград графа Уварова). С. 104—107; Отчет профессора Димитрия Абрамовича о научных занятиях по предмету русского языка со славяно-русской палеографией и по истории русской литературы. — Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1897—1898 учебный год. СПб., 1899. С. 314—315 (кратк. опис., библиография); *Е. Голубинский*. История русской церкви, т. II, первая половина. М., 1900. С. 218—223; *Г. Воскресенский*. Погодинский № 27 Апостол и Чудовская, усвояемая св. Алексию, рукопись Нового Завета. — В сб.: Статьи по славяноведению, вып. 1. Под редакцией В. И. Ламанского. СПб., 1904. С. 1—29; *А. И. Соболевский*. Славяно-русская палеография. Изд. 2-е, СПб., 1908. С. 37; *Никольский*. Материалы для словаря. С. 33—34; *Карский*. Палеография. С. 49, 229; *М. Корнеева-Петрулан*. К истории русского языка. Особенности письма и языка писцов московских владык XIV в. — *Slavia*, год. XV, seš. 1. Praha, 1937. С. 1—23, с двумя снимками (лл. 52 об. и 18).

2. ГИМ, Син. 742.

Евангелие.

1383 г. Константинополь.

Правописание русское.

Пергамен, 4° (20.4 × 14).

Полуустав, 1 + 282 + IV лл.

Переплет — доски в тисненой коже. XVII в. На верхней доске устроен поиконному ковчег, наклеен кусок кожи с тисненной золотом рамкой и написано распятие с предстоящими. Уцелела одна сыромятная застежка с медным наколочником.

Заголовки, заглавные буквы и инициалы киноварные. Рукопись художественного значения не имеет.

По боковым полям листов по всей книге скрепа: «Иван Арбенев диак». На л. 282 об. его же рукою: «Сиа кн(и)га еуанг(е)лиа великого г(о)с(у)д(а)ря казенная Приказ(а) книг печатного дела кн(и)гохранительные полаты, подписана в н(ы)нешнем во 187 [1679]-м году июля въ 25 де(нь)». На лл. 281—282 послесловие писца: «Г(о)с(под)и И(и)с(у)се Х(ри)с(т)е, с(ы)не б(ож)ии, помилуй мя гре||шн(а)г(о) неизреченнымъ сим [м](и)л(о)с(е)рдъ|емъ и мною бл(а)г(о)стию,

м(о)л(и)тва|ми и молениемъ пр(е)ч(и)стыя ти | м(а)т(е)ри пребл(а)г(о)с(т)ныя
вл(а)д(ы)ч(и)ца на|шея б(о)городица приснодевья М(а)рия, | силоу и поможени-
емъ ч(е)стна|го и животворящаго кр(е)ста, | заступилилениемъ [sic!] ч(е)стны|хъ
н(е)б(е)сных силъ Михаила и Гаврии|ла, м(о)л(и)твами ч(е)стнаго и славнаго |
пр(о)р(о)ка и Пр(е)дт(е)чи кр(е)ст(ите)ля твоего Иоанна, | м(о)л(и)твами
с(вя)т(ы)хъ прехвалныхъ верхо|вных ап(о)с(то)лъ Петра и Павла и 12 и | про-
чихъ и сихъ 4-хъ еуа(н)г(е)листъ | Иоанна, Луккы, Матфея, Марка, | просветив-
шихъ четверьконе|чныи миръ лоучами пропроведа|ния [sic!] бл(а)говествования
ихъ и всех с(вя)т(ы)хъ м(о)л(и)твами от века оугожьши|х ти, просвети и мне очи
д(у)шевне|и помраченныя тмою тяжьскихъ | грехъ моихъ, и да не оусну въ
см(е)ртъ д(у)шевную, и сподоби мя одесною | тебе стати съ избранными си ов-
ца|ми судии праведным. Написа|хъ с(вя)тое бл(а)говестие в лет(о) 6000-е 891
[1383] м(е)с(я)ца маиа въ б(о)госп(а)саемемъ и славнемъ гра|де ц(е)с(а)р(с)темъ
Костянтинополи».

Как видно из приписки дьяка Ив. Арбенева, рукопись поступила в Типограф-скую библиотеку 25 мая 1679 г. Место, откуда она поступила, остается неизвестным. В 1788 г. рукопись передана в Синодальную библиотеку.

Библиография: К. Калайдович. Иоанн, ексарх Болгарский. М., 1824. С. 109, прим. 65; А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, т. I. М., 1855, № 26; Савва, архим. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. Изд. 3-е, М., 1858, отд. II. С. 171 (под № 742); Савва, еп. можайский. Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки XI—XVII веков. М., 1863. С. 28, табл. 32 (и); Срезневский. Древние памятники, 1. С. 115—116; Ундольский. Описание славянских рукописей Московской Патриаршей библиотеки. — ЧОИДР, 1867, кн. 2, отд. II. С. 9—10 (под № 25); Амфилохий, архим. Общие замечания о влиянии греческой письменности на славянскую. — Труды I АС в Москве, 1869, т. I. М., 1871. С. 872 и атлас, табл. LI; Срезневский. Древние памятники, 2, стлб. 249—250; Г. А. Воскресенский. 1) характеристические черты главных редакций славянского перевода Евангелия, по рукописям XI—XV вв. — Труды VI АС в Одессе (1884 г.), т. I. Одесса, 1886. С. 283 (кратко); 2) Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей евангелия XI—XVI вв. Сергиев Посад, 1894. С. 68—69; Соболевский. Южнославянское влияние. 1894. С. 12, 23; 1903. С. 10, 24; Г. А. Воскресенский. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка, по сто двенадцати рукописям евангелия XI—XVI вв. М., 1896. С. 56, 292—297; Волков. Статистические сведения, С. 41, по указателю № 61; А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916 (отд. оттиск из «Трудов XV АС в Новгороде, 1911 г.», т. II. М., 1915). С. 139 (под № 45) и 186—187; Карский. Палеография. С. 50 и 274; Щепкина и др. Описание пергаменных рукописей ГИМ, ч. 1. С. 174—175.

3. ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 152.

Лествица Иоанна Лествичника.

1387 г. Константинополь, монастырь св. Иоанна Предтечи (Студийский).

Писец — митрополит Киприан. Правописание болгарское.

Бумага. 4° (21,8 × 14).

Полуустав, III + 279 + IV лл.

Переплет — доски в тисненой коже, на верхней доске сохранились два медных жука. На внутренней стороне верхней крышки переплета рукописная этикетка XIX в. с кратким описанием внешнего вида и содержания рукописи.

На лл. 3 нenum. и 1 линейные киноварные заставки. На л. 9 об. киноварное изображение Лествицы. Заголовки, заглавные буквы и инициалы балканского стиля, киноварные.

На л. 2 нenum. скорописью XVIII в.: «№ 3. Лествица Иоанна Лествичника игумена Горы Синайския». Здесь же почерком XVIII—XIX вв.: «Писана Киприаном митрополитом и его собственной рукою на конце подписана». Здесь же почерком XIX в.: «Сия рукопись есть древнейшая из тех, которые писаны на бумаге». На лл. 1 об.—2 скорописью XVII в. киноварью: «Сия книга С(вя)тыя Живоначалныя | Тро(и)цы Сергиева монастыря». На л. 279 об. почерком писца: «В лет(о) 6895 [1387] априлиа 24 | съврѣшишас(я) сия книги в Сту|дииской обители Киприаном, | смиреннымъ митрополитом | киевскимъ и всея Россия».

Библиография: Св. Киприан, митрополит киевский и всея России. — Прибавления к изданию Творений святых отцев в русском переводе, год 6. М., 1848. С. 312; *А. Леонид*/ъ. Киприан до восшествия на московскую митрополию. — ЧОИДР, 1867, кн. 2, отд. I. С. 31; *Амфилохий*, архим. Что внес святой Киприан, митрополит киевский и всея России, а потом московский и всея России, из своего родного наречия и из переводов его времени в наши богослужебные книги? — Труды III АС в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года, т. II. Киев, 1878. С. 241—246; *Строев*. Библиологический словарь. С. 167—168; *Срезневский*. Древние памятники, 2, стлб. 254; *Леонид*. 1) Сведение о славянских рукописях, вып. 2, № 29 (152); 2) Рукописи сербского письма XIII—XVIII веков, находящиеся в библиотеках Московской губернии. — ЧОИДР, 1891, кн. 2, отд. II. С. 4 (под № 30); *Соболевский*. Южнославянское влияние, 1894. С. 14, прим.; 1903. С. 11, прим. 4 и С. 12, прим. 2; *Волков*. Статистические сведения, С. 37, по указателю № 524; *Карский*. Палеография. С. 41, 174 (прим. 2) и 298; *Й. Иванов*. Българското книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан (1375—1406). — Известия на Института за българска литература [на Българската Академия на науките], кн. VI. София, 1958. С. 48—51; *А. А. Дмитриев*. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.) ТОДРА, т. XIX. М.—Л., 1963. С. 223.

4. ГИМ. Чуд. 15.

Диоптра инока Филиппа.

1388 год. Константинополь, монастырь Богородицы Перивлепты.

Писец — Зиновий. Правописание русское.

Пергамен и бумага, 1° (29,4 × 22).

Устав, в 2 стлб., 93 лл.

Переплет — доски в коже, XIX в.

Заголовки, заглавные буквы и мелкие инициалы киноварные. На л. 89 об. чернилами и киноварью нарисована узкая заставка (жгутовая).

На л. 1 пергам. скорописью XV в.: «+ Се писахъ азъ, последни въ ино|цехъ и грешни Евъсевие, родомъ | сръбинъ от племена по о(т)цу Ни|колилина [sic!], по

матери же Расги|хала, о(т)цу име Борша, а ма|тери Елена, вьнукъ юна|ка сева-
стократора, вь юно|сти же бихъ слуга ц(а)ра ту|рьскога Ильдимъ Баази|та, бе-
жави же от ц(а)ра того | вь Светою Гору постригохъ|се». Здесь же почерком
XVII в.: «Книга зерцало чюдовское». Здесь же полууставом XV в.: «От Антония
от диякона, что был оу Николы с(вя)т(а)го оу Мокрог(о)». На лл. 2—3 почерком
XVII в.: «Книга г(лаго)лемая Зерцало | Чюдова монастыря». На л. 26 внизу по-
черком писца: «Х(ри)с(т)е мои, помози ми, грешному»; на л. 30: «г(оспод)и, по-
мо[зи]»; на л. 32 киноварью: «Х(ри)с(т)е мои, помози ми, грешному». На л. 54 об.
в левом верхнем углу почерком XV (?) в.: «Г(о)с(под)и, помилуй». На л. 89 в кон-
це текста киноварью: «Словеса оубо писанная прии|доша в конце, оуму же да |
не боудеть когда прияти ко|нець, в любитехъ д(у)шеписа|тильных словесъ,
кое оубо, когда | будеть бл(а)гыхъ насыщенье». На л. 89 об. над заставкой:
«Х(ри)с(т)е мой, воифи ме». На лл. 90 об.—91 приписка писца: «В лет(о) 6896
[1388] списана быс(ть) книга си|я, рекомая по еллинох Диоптра, | по нас же
зерцало, вь б(о)гсп(а)сеном Ко|стянтинополи вь державное лето ц(еса)рства
Иоанна Палелогга при |архиеп(и)с(ко)пе Ниле м(е)с(я)ца генвария | вь
гл(агол)еми ц(еса)рствеи обители || Иперивлепто рукою с(вя)щ(е)ннаго слугъ
кирь Зиновия». На л. 90 об. киноварью рукою писца в фигурной рамке тайно-
пись. На л. 91 скорописью XV в.: «Г(оспод)и, помози рабу сво|ему Окулу писа-
ти». На л. 91 об. многочисленные пробы пера XV—XVI вв., в частности, скоро-
писью XV в.: «Г(о)с(поди)ну князю великому» и внизу справа плохо читаемая
шестистрочная приписка, начинающаяся словами «Оу Иванъка брус да...».

Библиография: И. Снегирев. Памятники московской древности с присовокуп-
лением очерка монументальной истории Москвы. М., 1842. С. 146 (воспроизв.
приписки); П. Н. Петров. Книгохранилище Чудова монастыря. — ПДП,
вып. IV, [V]. СПб., 1879. С. 144; Срезневский. Древние памятники, 2, стлб. 255;
Волков. Статистические сведения, С. 37, по указателю № 559; Отчет ординарно-
го профессора Евфимия Карского о научных занятиях в библиотеках Москвы,
Троице-Сергиевой лавры и Слуцка в течение летних месяцев 1898 года. —
Варшавские университетские известия, 1898, IX. С. 7; Соболевский. Южносла-
вянское влияние, 1894. С. 23 (кратко); 1903. С. 24, 25 (прим. 3); А. И. Соболев-
ский. Палеографические снимки с русских рукописей XII—XVII вв. СПб., 1901,
табл. XI; Карский. Палеография. С. 51, 278, 299, 95; М. В. Щепкина и Т. Н. Про-
тасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. Обзор рукописей
русских, славянских, греческих, а также книг старой печати Государственного
Исторического музея. М., 1958. С. 23; М. Н. Тихомиров. Записи XIV—XVII ве-
ков на рукописях Чудова монастыря. — Археографической ежегодник за
1958 год. М., 1960. С. 13—14 (о записи 1388 г., под № 3), 16 (о записи Евсевия.
Под № 14) и 27 (о записи XVI в., под № 93); Щепкина и др. Описание перга-
ментных рукописей ГИМ, ч. 1. С. 176.

Списки:

— 1418 г. (ГБЛ, ф. 304, № 190). Бумага. 4°. Полуустав, 1+390 лл. На л. 207 об.
послесловие писца: «В лет(о) 6926 [1418] списана быс(ть) книга сиа, | рекомая по
елинехъ Диоптра, по | нас же Зерцало, с(вя)теи Тро(и)ци вь Серги|евъ мана-
стырь замышлениемъ | игоумена Никона, а роукою раба | б(о)жиа Иосифа, а
кончаны быша м(е)с(я)ца [оставлена пустая строка для точной даты], вькоупе и
вьпроси и ответы великаго Афанасиа Александрийскаго. | Вы же, о(т)ци и бра-
тия, аще ся боудоу | описаль ли оуныниемъ обдръжимъ, | или съ другомъ

глаголю или въ забытии | оума, исправливая чтите, не по|мня моее грубости, яко да и азъ | оуповаю ваших ради с(вя)тыхъ м(о)л(и)твъ приа|ти отпоус многих ми съгрешении | и ц(еса)рства н(е)б(е)снаго полоучити о Х(ри)с(т)е | И(и)с(у)се г(о)с(по)де нашемъ, с ним же о(т)цу сла|ва коупно съ с(вя)т(ы)мъ д(у)хомъ, ч(е)сть и | покланяние н(ы)не и присно в веки ве|комъ, аминь». *Библиография списка*: Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное... А. В. Горским в 1841 году. Изд. ОИДР, М., 1879. С. 168—169; *Иларию и Арсений*, I, № 190; *Ухова*. Каталог. С. 107.

— **1426 г.** (ГИМ, Увар. 369). Бумага, 4°. Полуустав, 1+321 лл. На листе 242 черком писца: «В ле(то) 6934 [1426]-е ко краю дости|же хартиею и чернилом службы | сея рачительство | грехослужимую | десницею и последняго в гре|шних именем Олешка м(е)с(я)ца марта въ 30. Х(ри)с(т)а ради помяните въ своихъ | м(о)л(и)твах, аминь». *Библиография списка*: Леонид, арихм. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. I. М., 1893, № 383.

Имеются и другие списки.

5. Сведений о местонахождении оригинала нет. Сохранилось два списка.

[Сборник поучений и житий.

1392 г. Константинополь, монастырь Иоанна Предтечи (Студийский).

Писец — инок Сергей].

Списки:

— **1518 г.** (ГБЛ, ф. 247, Рогожск., № 562). Бумага, 1°. Полуустав, 826 лл. На лл. 644—645 об. послесловие, скопированное с оригинала 1392 года: «Въ лет(о) 6900 [1392] июня м(е)с(я)ца 19 в ц(еса)рствующем во граде Константине ц(еса)ря Мануила Палеолога. При патриарсе Антонии, напр(е)ст(о)льствующе в велицей и вселенны м(а)т(е)ре ц(е)рквам церкви с(вя)теи Софеи, в ц(еса)рьстеи обители с(вя)теишаго и б(о)гопроводника превысоцаишаго, иже и в рожденных женами, великаго Пр(е)дт(е)чи Спасителя и кр(е)ст(ите)ля Иоанна, иже именуется б(о)гом богатыи, и воистину богат, иже и дон(ы)не чюдеса творить по морю и по суху, при игумене Антонии. *Сию* же книгу писах по бл(а)гословению и по совету старца моего с(вя)щ(е)нноиchestнейшаго во иноцехъ киръ Афанасия, бывшаго прежде стадохранителя опщему житию и в нем братии в ма[на]стири иже именуется на Высоком. И въсмотри въ прорассудительным своим разумом, остави монастырь и яже в нем, и любезнейшая плоти, и честная, и сродникъ, и отиде в Константинь град, и пребываше яко един от оубогих, оставив внешняя мудрования, но будущих желая поздания. Много моляшетъ его митрополит Киприян, дабы пошелъ на Русь восприяти чества, и не восхоте и рече: “Келия се ми лучше || онех честных”. О прорассудительныи разуме, бодрствующее око, яко горкое се и прескорбное возлюбилъ еси, но обаче горко мне и иже не вкушающим то, а иже вкушающим то. Яко же пишет пр(о)рокъ: сладчайши паче меда оустом моим и иныде многи скорби праведным и от всех их избавит г(оспод)ь. О произящныи в качествах и тонкостех рассудительныи, дивлюся твоему воздержательному житию. Многожды мя учаше — аз ж(е) не внимах, и пластыря прикладая к моим язвам — азъ же отметах. И что сотворю н(ы)не, како сежу, что приобретох пользующее ми, но обаче аще порнее [sic!] отметнухъ пластыря, второе и третье, притеку к моему наставнику, дондеж обрящу требующее ми исцеление. Еже о Х(рист)е от Сергия, последняго во иноцех, челобитие игумену и братиям во

с(вя)теи Б(огороди)ци на Высоком. Послалъ есми к вам книгу сию в дом с(вя)теи Б(огоро)д(и)ци, да почитаете на заутренях на трепезах, бл(а)годаря б(о)га, по-неж(е) писах сию книгу въ Ц(еса)реграде во обители с(вя)т(а)го Иоанна Пр(е)дт(е)чи. А во том чтобы не отсвоил ни един игумен книги сея, аще кто отсвоить || и понесет из монастыря да будет проклят в сии векъ и в будущи. Еще молю ваше господство, припадая со слезами: сотворите м(и)л(о)сть со мною, что естя память твори октября в 7 на коеждо понафида, м(и)л(о)сть б(о)жия да будет со всеми вами, аминь». Далее киноварью приписано: «Сия ж книга не суть та, о неи ж(е) писахом, но пи|сана с нее лет(а) 6026 [1518] при Василие б(о)жиею | м(и)л(о)стию ц(а)ре и г(о)с(у)д(а)ре всеа Руси, с(ы)не великого | Ивана, с(вя)т(ите)льски(и) ж(е) пр(е)ст(о)лъ тогда правяще | всея руския земля Варламу митрополиту». На лл. 6—13 по соскобленной записи скорописью XVII в. сделана другая запись: «Сия кн(и)га | г(лаго)лемая | соборникъ | ярославца | посадцкаго | человека | Стефана Васил(ь)ева | с(ы)на Таратаева». На л. 825 об. скорописью XVII в., но другой рукою: «На сеи кн(и)ге ..... была подпись, а подпи|сана была, что та кн(и)га ярославца посац|каго ч(е)л(ове)ка Стефана Вас[иль]ва с(ы)на Тарата|ева, куплена въ Ярославле у Ивана Спиридо|нова сы|на Карсакова овощного ряду, | а купил я, Г[аври]ло Васильев ..... ку взял |.....». *Библиография списка: Н. Никольский*. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректурное издание. СПб., 1906. С. 152 (прим. 1).

— **XVI в.** (ГБЛ, ф. 256, Рум., № 360). Бумага, 1°. Полуустав, IV+422 лл. На лл. 422—422 об. то же послесловие 1392 г., что и в предыдущем списке, но обрывающееся на словах: «...прикладая к моимъ язвямъ, аз же отметах, и что сотворю н(ы)не как...» (далее листы утрачены). На лл. 418 об., 419 об., 420 об. и 421 об. скорописью XVII в.: «Сия книга Приказу Болшого дворца | под(ъ)ячего Михаи-ла Конанова, | и я сию книгу продал | Андрею Кипреянову, а подписалъ своею рукою». *Библиография списка: А. Востоков*. Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842, № CCCLX (С. 515—517); Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского. — Сборник статей, читанных в ОРЯС, т. V, вып. II. СПб., 1873. С. 165—166, 198—199 (история покупки рукописи для графа Румянцева Калайдовичем в 1824 г.), 203—204 и 437 (примечание И. Срезневского № 100); *Срезневский*. Древние памятники, 2, стлб. 271—272; *Филарет*, епископ черниговский. Русские святые, т. III (сентябрь—декабрь). СПб., 1882. С. 52—53; *Н. Барсуков*. Источники русской агиографии. Изд. ОЛДП, LXXXI, СПб., 1882, стлб. 65—67; *Д. К. Теренев*. Серпуховской Высоцкий монастырь. Его иконы и достопамятности. М., 1902. С. 28—29; *Никольский*. Материалы для словаря. С. 89.

6. Местонахождение оригинала неизвестно. Сохранились списки.

[Устав перковный.

1401 г. Константинополь, монастырь Богородицы Перивлепты.

Писец — Афанасий].

Списки:

— **1428 г.** Саввин-Сторожевский монастырь в Звенигороде (ГБЛ, ф. 256, Рум., № 445). Пергамен, 4°. Полуустав, 1 бум. + 2 перг. + 314 + 2 перг. + 1 бум. На лл. 312 об.-313 об. два послесловия, из которых первое относится к рукописи, послужившей оригиналом для данного списка, а второе — непосредственно к сохранившемуся списку. Первое послесловие: «О о(т)ци и с(ы)не и д(у)се с(вя)темъ

| оупование по вере имея, косоухся | трудолюбие книги сея, иже ес(ть) око цер|к(о)вное, бес тоя бо оудостоивати мня|ся ц(е)рк(о)вное исполнение в неведении, | яко въ тме шатается. Нас же рачите|льство желаниемъ распали к тако-ве|и коупле троуда, аще же и не хоудо|жне сию снискахом, но обаче трудоде | края достигохомъ, летоу соущоу | 6909 [1401] мана 1. Въ ц(е)с(а)рствоующомъ гра|де, при державе ц(е)с(а)рьскои Иоанна Андро|никова с(ы)на, при архиеп(и)с(ко)пе вселеньстем патриарсе Матфеи, въ преч(е)стней оби|тели ц(е)с(а)рьскои всес(вя)тыя б(огороди)ца Иперивленто | в час 3 дне, грешный Афанасии, мале|иши въ единообразных. О(т)ци с(вя)тии и брат|[и]я о Х(ри)с(т)е проходяще книгоу сию, не поре|цете б(ог)а ради тягости на д(у)шоу мою, а|ще и не оудобрение зрите или погреше|ние обрящете, г(о)с(под)ь со всеми вами и м(и)л(о)сть | его и съ д(у)х(о)мъ вашимъ, аминь». Второе послесловие: «В лет(о) 6936 [1428] августа 25 бл(а)г(о)с(ло)в(е)ниемъ | господина моего игомена Федора напи|санию конецъ приять книга сия роуко|ю перваго въ грешницех Давыда чернь|чища въ обители с(вя)тыя б(огороди)ца гл(агол)имеи| Стражь, ц(е)с(а)рствоующу Василию Василе|вич(у), въ пределе князя великаго Юрья | Дмитриевич(а). О(т)ци с(вя)тии и братиа о Х(ри)с(т)е проходяще книгоу сию и зряще не оудо|брение хоужества или погрешение о|бретающе, не порецете тягости на || мою д(у)шоу, довет бо грешникоу моука, | яже оуготовася от г(о)с(под)а, но помянете | мя въ м(о)л(и)твахъ вашихъ к б(ог)оу, понеже | б(ог)ъ любы естъ, емоу же слава в ве|кы, ами|нь». *Библиография списка: А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842, № CCCXLV; а[рхим.] Леоид]ъ. О славянских переводах церковного богослужебного устава. — ЧОИДР, 1867, кн. 2, отд. I. С. 8—10; Соболевский. Южнославянское влияние, 1894. С. 23 (кратко) и 1903. С. 24; Никольский. Материалы для словаря. С. 89; Государственный Румянцовский музей. Путеводитель, I, Библиотека. М., 1923. С. 202 (упом.); Карский. Палеография. С. 289, 293.*

— 1429 г. Троице-Сергиев монастырь (Казань, Гос. университет им. В. И. Ульянова-Ленина, Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского, 4634). Бумага, 1°. Полуустав, 272 лл. На л. 6: «Из собрания Петра Фролова, 1817 года». На л. 271 об. послесловие, списанное с оригинала 1401 г. На л. 272 послесловие писца списка 1429 г.: «Лет(а) 6937 [1429] написана быс(ть) книга сия въ обител(и) с(вя)тыя Тро(и)ци Сергеева монастыря при бл(а)говернем великом кн(я)зи Василии Василиевич(е), при архиеп(и)с(ко)пе киевском и всея Рус(и) Фотеи [п]овелением раба б(о)жиа игумена Савы рукою смерена[го] инока Ионы». *Библиография списка: а[рхим.] Леоид]ъ. О славянских переводах церковного богослужебного устава. С. 8—10; Филарет, архиеп. черниговский. Русские святые, т. III (сентябрь—декабрь). СПб., 1882. С. 53; А. И. Артемьев. Описание рукописей, хранящихся в Библиотеке имп. Казанского университета. — ЛЗАК, 1876—1877, вып. 7. СПб., 1884. С. 161—169 (под № LXXXVIII); Никольский. Материалы для словаря. С. 89; Н. Трубников. Список рукописей и редких книг, хранящихся при библиотеке имп. Казанского университета в особом помещении. Казань, 1904. С. 17 (упом.).*

7. Местонахождение оригинала неизвестно. Сохранился список.

[Слова Исаака Сирина.

1420 г. Константинополь, монастырь Богородицы Паммакаристы.

Писец — Тимофей].

Список:

— **1428 г.** Смоленск (ГПБ, Ф. I 476). На лл. 153—153 об. воспроизведена запись оригинала 1420 г.: «Слава сврьшителю б(ог)оу, всякому делуу начало и конецъ, еже о нем начинаемому. Писана быс(ть) книга си въ ц(еса)рствующем граде Константинополи въ ц(еса)рстве с(вя)т(а)го ц(а)ря киръ Мануина [sic!], престол же тогда вселенский оукрашая с(вя)т(и)и патриархъ киръ Иосиф, въ обители пречистыя Б(огороди)ца ч(е)стнаго ея оуспения, в монастыре Панъмакаристе, повелениемъ смиреннаго еп(и)с(ко)па киръ Герасима владимерскаго волынския земля, родом же москвитина, Титова сына, а Болванова внука, его ж(е) быс(ть) и книга си, г(лаго)лема Исаак Сирьанинъ, рукою раба б(о)жиа Тимофея. Почата быс(ть) писати в лет(о) 6928 [1420] м(е)с(я)ца маиа 25, кончана того же лета м(е)с(я)ца июня 22. Б(ог)оу нашему слава».

Далее идет обширное послесловие, относящееся уже к собственно списку 1428 г. Оно начинается похвалой великому литовскому князю Александру Витовту, во владениях которого находился тогда Смоленск, а кончается известием о заказчике списка 1428 г. — о том же епископе Герасиме, который в 1420 г. был в Царьграде и заказывал там писцу Тимофею список 1420 г.: «Съ сее же книги [т. е. с оригинала 1420 г.] преписана бысть книга сия на вторую книгу. .... [похвала Александру Витовту] ..... В лет(о) 6936 [1428] м(е)с(я)ца августа 14 списа|на быс(ть) книга сия въ б(о)гохранимомъ гра|де Смоленскоу повелениемъ смире|наго еп(и)с(ко)па киръ Герасима, преже бывъ|шаго Владимерскаго Волынския зе|мли, родом же москвитина, Титова | сына, а Болванова вноука. Потомъ же | б(о)жиею бл(а)г(о)д(а)тию и великаго князя Але|ксандра, зовома Витовта, волею и хо|тениемъ и бл(а)г(о)с(ло)в(е)ниемъ пр(ео)с(вя)щеннаго а|рхиеп(и)с(ко)па Фотиа митрополита киевъ|скаго и всея Роуси тотъ же смиреннии | еп(и)с(ко)пъ киръ Герасимъ владимерьский | преведень быс(ть) со владимерьской епи...» [здесь рукопись обрывается]. *Библиография списка:* А. Соболевский. 1) Запись начала XV в. — Чтения в Историческом обществе Нестора летописца, кн. IX. Киев, 1895, отд. II. С. 219—222; 2) Палеографические снимки с русских рукописей XII—XVII веков. СПб., 1901, табл. XIV; С. И. Маслов. «Слова постнические» Исаака Сирина по рукописи, принадлежавшей библиотеке Университета Св. Владимира. — Университетские известия, Киев, 1912, № 3, Прибавления. С. X, XIV, XV.

8. Местонахождение оригинала неизвестно. Сохранился список.

[Минея четья на месяцы ноябрь — май, или Житие Симеона Дивногорца.

1420 г. (Константинополь, монастырь Богородицы Перивлепты).

Писец — инок Евсевий — (Ефрем)].

Список:

— **XV в.** (1432—1443). Троице-Сергиев монастырь (ГБЛ, ф. 304, № 669). Бумага, 1°. Полуустав, два почерка, 354 + II лл. На л. 124 внизу после Жития Симеона Дивногорца почерком одного из писцов списана приписка, бывшая в оригинале: «О оубогый Еусевие, последовахъ сие в лет(о) 6928 [1420] марта въ вторый». На л. 354 внизу почерком второго писца: «Г(о)с(поди)ну игумен(у) Зиновию, г(о)с(поди)ну игумену Зиновию Сергиева монастыр[я]» (он был игуменом в 1432—1443 годах). На л. II ненум. об. приписка: «По фабричному знаку бумаги рукопись сия относится к 1450 году. Смотри[и] 278, указа[тель] Тромонин[а]». *Библиография списка:* Иларион и Арсений, иером. Описание славян-

ских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. III М., 1879, № 669; *А. И. Соболевский*. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы СПб., 1910. С. 25 (под № 8); *Н. П. Лихачев*. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. II. СПб., 1899 (ОЛДП, СХVI). С. 58, 267 (1420 год Н. П. Лихачев принимает за дату написания рукописи).

9. ГБЛ, ф. 113, Волокол., № 462.

Творения Иоанна Лествичника.

7 декабря 1420 г. — 18 марта 1421 г. Константинополь, монастырь Богородицы Перивлелпты.

Писец — Евсевий-Ефрем.

Полуустав, III + 342 лл.

Переплет — доски в тисненой коже. На верхней доске пять медных жучков, на нижней сохранились два из пяти. Одна сыромятная застежка, другая утрачена.

Заголовки, заглавные буквы и инициалы (балканского стиля) киноварные.

На бумажном листе, подклеенном к внутренней стороне верхней крышки переплета, скорописью XVI в.: «кн(и)га Осифаво манасти|ря». На л. I нenum. по черком XVII в.: «Лествица старая греческая». На л. II нenum. полууставом XV в. приписка по-гречески. На л. 2 внизу рукою писца киноварью: «О Х(ри)с(т)е начяхом дек(аб)ря 7 въ Иперивлелпте». На л. 324 киноварью же рукою писца: «Х(ристо)с ес(ть) зачяло и конецъ, томоу слава въ веки. Въ лето 6929 [1421]». На л. 324 об. киноварью послесловие (рис. 2): «ИС ХС. НИКА. ФХ. ФП. Б(о)жиею помощию съврѣшися б(о)ж(е)ствнаа сия книга въ Конста|нтине граде въ ц(еса)рьстей о|бители пр(е)с(вя)тыя бл(а)д(ы)чиця на|ша Б(огороди)ця Иперивлелпто. Ея| же м(о)л(и)твами да помилуетъ | нас Х(ристо)с истиннии б(ог)ъ нашъ, е|му же слава съ безначалным его о(т)цемъ и въсес(вя)тымъ | д(у)хомъ въ беско- нечныя ве|ки, амин(ь). О | оубогыи | Еусевие. В лето 6929 [1421] марта 18. | Непотребныи Ефрем».

Библиография: *Строев*. Библиологический словарь. С. 28 (кратко; ошибочно указано, что это список); *Иосиф*, иеромонах. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. — ЧОИДР, 1881, кн. 3, № 122 (462); государственный Румянцевский музей. Путеводитель, I, Библиотека. М., 1923. С. 201 (упом.).

Списки:

— **Первой половины XV в.** (ГИМ, Воскр. 83). Бумага, 4°. Полуустав, 420 лл. С прибавлениями. На лл. 420—420 об. киноварью точно такое же послесловие, как и в предыдущей рукописи (даже с рисунком креста и проч.). *Библиография списка:* *Строев*. Библиологический словарь. С. 28 (сообщено послесловие); *Леонид*, архим. Описание славяно-русских рукописей книгохранилища ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря и заметки о старопечатных церковно-славянских книгах того же книгохранилища. — ЧОИДР, 1871, кн. I. С. 48 (№ 79); *Амфилохий*, архим. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1876, отд. II, Рукописи на бумаге, С. 131—132 (№ 83; дата рукописи указана неверно — 1427 г.).

— **Первой половины XV в.** (ГПБ, Кир.-Бел. 35/160). На л. 5 копия приписки о начале переписки рукописи 7 декабря в Перивлелпте, на л. 182 об. киноварью копия послесловия (с крестом). *Библиография списка:* ГПБ. Опись рукописей биб-

лиотеки Кирилло-Белозерского монастыря. Л., 1962. Машинопись, № 35/160 — с ошибочной датой: 1421 год.

— **Второй половины XV в.** (Ярославский музей, по описанию В. В. Лукьянова № 9/559). На л. 180 — копия приписки 1421 г. *Библиография списка*: [А. Ф. Бычков. Сообщение о рукописях Ярославского Спасского монастыря]. — Записки имп. АН, т. XII, кн. 1. СПб., 1867. С. 82; В. В. Лукьянов. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. — Краеведческие записки [Ярославского областного краеведческого музея], вып. III. Ярославль, 1958, № 9 (559). С. 15—16.

— **Начала XVII в.** (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 38). С копией послесловия рукописи 1421 г. *Библиография списка*: Леонид. Сведение о славянских рукописях, вып. II, № 30(38).

Имеются и другие списки.

Константинополь и Афон

10. ГИМ, Усп. 18-бум.

Творения Иоанна Лествичника.

10 декабря 1422 или 1423 г. — 15 марта 1424 г. Константинополь, монастырь Перивлепты и Афон, монастырь Ватопед.

Писцы — Евсевий-Ефрем и Митрофан.

Бумага, 4° (20 × 13).

Полуустав, V + 338 + VI—IX лл.

Переплет — доски в тисненой коже.

Заголовки, заглавные буквы и инициалы (балканского стиля) киноварные.

На л. III скорописью XVIII в.: «Лествичник 258». На л. I внизу киноварью почерком первого писца такая же запись, как и в предыдущей рукописи, но только с другой датой: «О Х(ри)с(т)е нач(а)ло сътворих дек(аб)ря 10 въ Ц(е)с(а)ри граде въ Иперивлепте». С л. 65 начинается другой почерк. На л. 304 киноварью рукою второго писца: «Х(ристо)с ес(ть) зач(а)ло + и конецъ». На л. 329 киноварью рукою первого (?) писца: «г(о)с(поди)ну ми и старцу Митрофану | о г(оспод)и съврѣшихом въ лет(о) 6932 [1424] марта 15 въ С(вя)теи Горе ц(еса)рстен обители Ватопеди», и сбоку: «О | лени|выи Е|всеие | непотре|бныи Е|ф|р|е|м|ъ» На лл. 331—338 добавление третьим почерком XV в. На л. IX полууставом XV в.: «г(осподи)ну великому князю». На л. X об. почерком XV в.: «нашь ес(ть) г(о)с(у)д(а)рь княз(ь) велики всея Руси».

Так как лл. 1—64 об. написаны почерком, сходным с почерком предыдущей рукописи, то и здесь тоже надо видеть автограф Евсевия-Ефрема. Приписка на л. I о начале работы над рукописью в монастыре Богородицы Перивлепты, аналогичная по форме приписке предыдущей рукописи, подтверждает, что и рукопись Усп. 18-бум. тоже начата была Евсеем-Ефремом. По-видимому, эту рукопись Евсевий начал писать после завершения предыдущей рукописи, следовательно, либо в 1422, либо в 1423 г. Но он не успел закончить вторую Лествицу, так как вынужден был перебраться из Константинополя на Афон. На Афоне уже незаконченную рукопись ему удалось вручить для завершения некоему старцу Митрофану, написавшему лл. 65—329. Это произошло в монастыре Ватопед 15 марта 1424 г., и об этом Евсевий сделал соответствующую запись. Из этой записи вытекает также, что на Афоне Евсевий обосновался сна-

чала в Ватопедском монастыре, потом, как мы увидим дальше, он жил в Павловском монастыре.

Библиография: Истомин. Опись книг библиотеки Московского Успенского собора, № 18; Новый сборник палеографических снимков с русских рукописей XI—XVIII вв. Под ред. А. И. Соболевского. СПб., 1906, табл. 22 и 23; А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. С 20 палеографическими снимками. Изд. 2-е, СПб., 1908, табл. 8; Сборник снимков с русского письма XI—XVIII вв., т. I, под ред. И. Ф. Колесникова, изд. 2-е, М., 1913, табл. 15; Истомин и Сперанский. С. 101—102, № 18/1113.

Афон

11. Местонахождение рукописи не установлено. Известна по списку 1397 г.

[Тактикон Никона Черногорца.

До 1397 г. Афон (?)].

Список:

— **1397 г.** Новгород (ГПБ, Фп. I 41, собр. Ф. А. Толстого). Пергамен, 1°. Полуустав, в 2 ст., 222 лл. На л. 222 послесловие писца: «В лет(о) 7905 [1397] при княз(е) великомъ Васильи Дмитриевич(е) всея Руси, при мотрополите Киприяне всея Руси, при архиеп(и)с(ко)пе новгородскомъ Иоане списана быс(ть) книга сия с(вя)тыи Никонъ въ Великомъ в Новгороде къ с(вя)теи б(огороди)це ч(е)стному ея Р(о)ж(е)ству на Лисичью Горку повелениемъ того же архиеп(и)с(ко)па новгородского Иоана. Вынесль бо бяше сия книги с(вя)тыи Никонъ изъ С(вя)тое Горы игумень Ларионъ того же монастыря, а тогда игуменьствующю Варламу оученику его. А писали сия книги два калугера, Яков да Пуминъ, 20 днии и 4 днии въ славу б(ог)у и преч(и)стей его м(а)т(е)ри вл(а)д(ы)ч(и)це нашеи б(огороди)ци ч(е)стному ея р(о)ж(е)ству, аминь». *Библиография списка:* К. Калайдович и П. Строев. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей... графа Ф. А. Толстого. М., 1825. Дополнение к отд. I, № 312 (С. 707); Срезневский. Древние памятники, 1. С. 129—130; 2. Стлб. 283; Волков. Статистические сведения, по указателю № 549; И. Д. Мансветов. Церковный устав. СПб., 1885. С. 278; Карский. Палеография. С. 51, 296 и 421; Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей [Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина]. Л., 1953. С. 36; А. И. Семенов. Лисицкий монастырь — пригородный центр новгородского книгописания. — ТОДРА, XVII. М.-Л., 1961. С. 369.

12. Местонахождение оригинала неизвестно. Сохранились списки.

[Сборник, в состав которого входило «Слово постническо Максима Исповедника по вопросу и ответу».

1425 г. Афон, монастырь св. Павла.

Переводчик «Слова» — сербский монах Иаков Доброписец, заказчик перевода и составитель Сборника — писец Евсевий-Ефрем].

Списки:

— **Второй четверти XV в.** (ГБЛ, ф. 304, № 756). Бумага, 4°. Полуустав, 485 лл. На лл. 344—362 об. «Иже въ святых отца нашего Максима Исповедника слово постническо по въпросу и ответу». В конце «Слова» на лл. 362 об.—363 копия послесловия оригинала: «Х(ристо)с зач(ало) и конецъ. По въпросу и ответу по»

стичьскомуу Слово с(вя)т(а)го Максима. Преводено от гречьска на роусийский въ С(вя)теи Горе Афонстей || в лет(о) 6933 [1425] киръ Иаковом Доброписцем оубогому Евсевию, непотребномуу Ефремоу русиноу». *Библиография списка: Иларий и Арсений*. II, № 756 (дата — XV в.); *Ухова*. Каталог. С. 145 (Датирует по филиграням первой четвертью XV в., но это невозможно, так как в составе Сборника находится «Слово», переведенное в 1425 г.). Почерк Сборника ф. 304, № 756 отличается от подлинных рукописей Евсевия-Ефрема, следовательно, это не автограф.

— **1431 г.** Лисицкий монастырь близ Новгорода (ГБЛ, ф. 304, № 175). Бумага, 1°. Полуустав, III + 470 + II лл. На лл. 402—420 об. «Иже въ святыхъ отца нашего Максима Исповедника Слово постническо по въпросу и ответу». В конце на л. 420 об. копия послесловия оригинала: «Х(ристо)с зач(ало) и конецъ. По въпросу и ответу постническому слову с(вя)т(а)го Максима. Преведено от гречьска языка на русииски въ С(вя)той Горе Афонстей в лет(о) 6933 [1425] кир Иаковомъ Доброписцемъ оубогому Евсевию иноку». На л. 470 приписка, относящаяся к списку: «В лет(о) 6939 [1431] индик(та) 9 м(е)с(я)ца иул(я) 2 | конца достиже кни|га с(вя)т(а)го Исака Сурина въ оби|тели Пр(е)ч(и)стыя Б(о)гом(а)т(е)ре ч(е)стнаго ея Рожьд(е)ства | на Лисичей горке въ пределех Великаго Новагоград(а). Иеромонах Серпионъ Маза». *Библиография списка: Строев*. Библиологический словарь. С. 141; *Иларий и Арсений*, I, 175; *Ухова*. Каталог. С. 104—105.

Имеются и другие списки.

13. ГИМ, Усп. 5-п.

Устав церковный.

Начало XV в. (до 1416 г. или около 1424 г.). Афон (?).

Правописание русское (?).

Пергамен, 1° (27,7 × 20,5).

Полуустав, II + 304 лл.

Переplet — доски в тисненой коже, XVII в.

На лл. 2, 210 об. и 213 об. линейные заставки киноварью. На лл. 5, 49 и 89 большие заставки балканского стиля киноварью, коричневыми чернилами и охрой. На л. 46 узкая заставка. Заголовки, заглавные буквы и инициалы киноварные.

На л. I нenum. скорописью XVII в.: «лета 7138 [1630] сия книга гл(а)г(о)-л(е)мыи оуставъ тверскаго | оуезда Савина м(о)н(а)ст(ы)ря взят к Москве при игумене | Тихоне сентебря в 24 д(е)нь». Здесь же другою рукою: «По о[т]писке Тверскаго и Кашинскаго архиеп(и)ск(о)па | Еуфимья принесли де тот уставъ того ж Са|вина м(о)н(а)ст(ы)ря начальники Сава и Варсунофеи | с собою из грекъ». На л. II нenum., почерком XVII в.: «Изо Твери Савина м(о)н(а)стыря». На л. 295 об. полууставом XV в. почерком, отличающимся от почерка рукописи: «В лет(о) 6940 [1432] въ Петрово говение | монастырю с(вя)т(а)го Савы миноу|ло 35 лет, а смерти князя вели|кого Михаила 34 лет на Пими|новъ д(е)нь». На л. 296 начинается изложение пасхалии «седмыя тысяща» с 6932 [1424] г. На л. 304 в конце пасхалии киноварью почерком писца: «Конецъ седми тысящамъ. Тро(и)це с(вя)таа, слава | тебе. Докса си о те[о]с, слава ти б(о)же с(вя)тыи, слав(а) | ти б(о)же, амин(ъ)».

Библиография: Филарет, архиеп. черниговский. Русские святые, т. I (январь—февраль). СПб., 1882. С. 297—298; *Истомин*. Опись книг библиотеки Московского Успенского собора. С. 4—5 (под № 5 в отделе пергаменных рукописей);

Успенского собора. С. 4—5 (под № 5 в отделе пергаменных рукописей); В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908. С. 996; Тверской патерик. Краткие сведения о тверских местно чтимых святых. Казань, 1908. С. 144; *Истомин и Сперанский*, С. 94, под № 5/1086; *Щепкина* и др. Описание пергаментных рукописей ГИМ, ч. 1. С. 226, библ.

14. ГИМ, Воскр. 1-бум.

Евангелие.

Начало XV в. Афон (?).

Правописание болгарское.

Бумага, 1° (24,3 × 18,4).

Полуустав, в 2 ст., 231 лл.

Переплет — доски в лиловом, сильно выцветшем и пообтершемся бархате.

На лл. 1, 65 и 66 узкие заставки балканского стиля в красках. На лл. 7, 68, 107 и 173 большие заставки в красках и большие рисованные инициалы с двойными контурами. Заголовки в начале Евангелий золотые. Обычные заголовки и инициалы, а также заглавные буквы киноварные.

По лл. 2—46 известная вкладная патриарха Никона в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. На л. 226 об. полууставом: «В лет(о) 6938 [1430] перекупле|на| быс(ть) книга сиа ермо|нахом Афанасием ру|сином въ с(вя)тои горе Афо|нстей въ обители ц(еса)рьстей въ Пандократо|роу, въ нарицаеми лавре, въ ц(еса)рство гречьскаго ц(еса)ря|кир Калоуана Палеоло|га и при с(вя)теишем патриа|рсе Константинополь|кир Иосифа и прене|сена быс(ть) от греческаго ц(е)с(а)рства | на Роусь б(о)госпа(с)аемого | и б(о)гомь възлюбленнаго | града Тфери при бл(а)гочь|стивом и при б(о)голюби|вом и многом(и)л(о)стивом | и мнихолубивом великом | кн(я)зи Борисе Александро|виче и дана быс(ть) книга | сиа с(вя)теи Б(огороди)ци на Переме|ру въ лет(о) 6944 [1436] при и|гумене Ионе».

Библиография: *Строев*. Библиологический словарь. С. 27 (сообщена запись); *Леонид*, архим. Описание славяно-русских рукописей книгохранилища Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1871. С. 16; *Амфилохий*, архим. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1876, отд. II, Рукописи на бумаге, № 1. С. 60—62; *Никольский*. Материалы для словаря. С. 89; *Покровский*. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. С. 114, прим. 1 (под № 2. Путает с евангелием «тверским», которое было в библиотеке Волоколамского монастыря и в середине XIX в. поступило в МДА, но, заметим, кстати, из МДА не поступило в ГБЛ); *В. Н. Щепкин*. Учебник русской палеографии. М., 1918 (на обложке: 1920). С. 35.

15. Местонахождение рукописи не установлено. Известна по спискам.

[Сборник, в состав которого входило Житие преподобного Афанасия Афонского.

1431 г. Афон, Лавра св. Афанасия.

Писец — Афанасий Русин].

Список (сравнительно с составом оригинала дополненный):

— **XV в. (1436—1445)**. Троице-Сергиев монастырь (ГБЛ, ф. 304, № 746). На лл. 337—416 «Житие и подвизи и отчасти чюдесь съповедание преподобнаго отца нашего Афанасия, иже въ Афоне». На л. 336 об. скорописью XV в. (не рукою

писца?): «В лет(о) 6939 [1431] списас(я) книг(а) сиа въ с(вя)тои горе Афонсе [и] въ обител(и) ц(еса)рсте(и) в лавре вел(икаго) Афан(а)сия под крилием с(вя)т(а)го Григ(о)риа Паламы и пр(е)п(о)д(о)бн(а)го о(т)ц(а) н(а)ш(его) Петра Афонскаго в кущи с(вя)т(а)го и славнаго пр(о)р(о)ка Илия. Преписася [рукою] мн(о)г(о)греш(наго) и смир(е)н(наго) инок(а) Афанасия русина». Вслед за этим добавление, относящееся к истории списка: «Послед(и) же повел(е)нием г(осподи)на Зинов(и)а | игумен(а) Сергеев(а) монастыря [был игуменом в 1432—1445 гг. При нем в Троицкий монастырь с Афона пришел Пахомий Серб. Не он ли принес оригинал Афанасия русина?] съпи|сася грешным Ионою, игум(е)ном угрешским». *Библиография списка: Строев*. Библиологический словарь. С. 5, прим. (сообщена приписка); [А. В. Горский]. Историческое описание Святотроицкия Сергиевы лавры. М., 1842. С. 138—139; *Филарет*, архиеп. черниговский. Русские святые, т. III (сентябрь—декабрь). СПб., 1882. С. 126 (прим.), 231; *Н. И. Кедров*. Просветительная деятельность Троице-Сергиевой лавры за первые три века ее существования. 1892, октябрь. С. 491—492; *Никольский*. Материалы для словаря. С. 89.

16. Местонахождение оригинала неизвестно. Сохранились списки.

[Житие св. Григория Омиритского, или Сборник, в состав которого входило Житие св. Григория Омиритского.

1432 г. Афон, Лавра св. Афанасия.

Переводчик Жития — инок Афонской Горы Андроник, писец — Афанасий русин].

Списки:

— **XV в.** (ГПБ, Кир.-бел. 45/1284).

На л. 255 об. киноварью рукою писца написано послесловие, бывшее в оригинале: «Х(ристо)с зачало и конецъ. О(т)цоу же моему коур Андронию вечнаа память, иже преведе сию книгоу от гречьскаго извода. [Дальше чернилами:] Въ лет(о) 6940 [1432] съписася книга сиа въ С(вя)тои Горе Афонсеи во обители ц(еса)рьстеи пр(е)ч(и)стыя вл(а)д(ы)ч(и)ца нашеа Б(огороди)ца приснод(е)вы Мариамъ [sic!], въ нарицаеми лавре пр(е)п(одо)бнаго и б(о)гоноснаго о(т)ца нашего Афонасия, под крилиемъ с(вя)т(а)го Григория Паламы и пр(е)п(о)д(о)бнаго о(т)ца нашего Петра Атонскаго в коуши с(вя)т(а)го и славнаго пр(о)р(о)ка Илии. Переписася [рукою] многогрешнаго и смиренаго инока Афанасия русина». На л. 256 рукою писца дьякона Емельяна сделана еще одна приписка о том, что рукопись написана «на Белоозеро в Кириловъ монастырь». *Библиография списка: Строев*. Библиологический словарь. С. 18—19 (сообщены приписки); *Никольский*. Материалы для словаря. С. 89; *Н. Н. Розов*. Из истории Кириллово-Белозерской библиотеки. — Труды [Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина], т. IX (12). Л., 1961. С. 181.

17. ГБЛ, ф. 98, Егор., № 543.

Сборник житий (преимущественно Житие св. Григория Акрагантского).

1432 г. Афон, Лавра св. Афанасия.

Писец — Авраамий Русин.

Бумага, 4° (21, 5 × 14, 7).

Размашистый полуустав, III + 104 лл.

Переплет новый, 1962 г. (от старого вместе с рукописью хранятся отдельно снятые доски в коже).

К рукописи Егор. № 543 приложена еще одна, хранившаяся до 1962 г. в Калининском областном архиве под № 28 (см.: *М. Н. Сперанский*. Описание рукописей Тверского музея, вып. I. М., 1891, № 28—4406). Это часть рукописи Егор. № 543, в ней всего 14 лл.

На л. I беглая строчная заставка чернилами и киноварью. Инициалы балканского стиля киноварные. Заголовки киноварные.

На л. II нenum. пробы пера XV в. На л. 104—104 об. рукою писца: «Въ лет(о) 6940 [1432] съписася книга сия | въ с(вя)тей горе Афоньстии въ о|бители ц(еса)рьстей пречисты|я вл(а)д(ы)ч(и)ца наша Б(огороди)ца пр(и)снод(е)вы | Мариа въ нарицаеми лавре пре(по)д(о)|бнааго и б(о)гоноснааго о(т)ца наш|его Афанасиа Атоньскааго под|крилиемъ с(вя)т(а)го Григориа Пала|мы и пр(е)п(о)д(о)бнааго о(т)ца нашего Пе|тра въ куш[и] с(вя)т(а)го и славна-го|прор(о)ка Илья. Написася рукою | многогрешнааго и съмеренна[го] инока || Авраамиа роусина въ ц(еса)рство грече|скааго ц(еса)ра кур Калуана Поле|олога и при вселеньском патри|арсе Коньстянтинополь кур | Иосифа помощью б(о)жиею и прене|сена быс(ть) от греческааго ц(еса)рства на Русь при б(о)голюбивом и бл(а)гочъстивом | и самодержавном великом князе | Борисе Александровиче въ сла|ву живоначальныя и еди[но]сущны|я Троица и въ чьсть пр(е)п(о)д(о)бному | и б(о)гоносномоу о(т)цю нашему Саве | Ос(вя)щенному и н(ы)не и пр(и)сно и въ ве|кы веком аминь. При господи|не о(т)ци нашемъ оучи-тели, и на|ставници, и многомилости|вом, и братолюбивом, и кнн|голюбивом Саве игоумени | въдана быс(ть) книга сия въ | лет(о) 6945 [1437]».

М. Ф. Мурьянов

«ЗВОНЯТ КОЛОКОЛЫ ВЕЧНЫЯ В ВЕЛИКОМ НОВЕГОРОДЕ» (СЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)*

Посвящается Николаю Игнатьевичу Никитину

Слова «Задонщины» *Звонят колоколы вечныя в Великом Новегороде*¹, указ 1478 года о доставке новгородского вечевых колокола в Москву в ознаменование ликвидации новгородской боярской республики², взволнованный рассказ летописца о прощании псковитян со своим вечевым колоколом в 1510 году³ — эти факты говорят о том, что в древней Руси колокольный звон был символом, существенным церемониальным моментом в работе веча.

Расцвет веча как политического института Киевской Руси приходится на вторую половину XI века и на XII век⁴. Из этого периода есть всего два летописных свидетельства о вечевом звоне, фигурирующие в Ипатьевской летописи (списке, датированном примерно 1425 годом):

1. В статье 1097 года рассказ об осажденном городе Владимире Волынском содержит выражение «созваша вече», позднейшей рукой исправленное на «созвониша».

2. В статье 1148 года сообщается о Новгороде: «пославъ Изяславъ на Ярославль дворъ, и повеле звонити, и тако новгородци и плесковичи снидошася на вече»⁵.

Кроме того, новгородские летописи сообщают о трех случаях, относящихся к XIII веку:

1. В 1214 году князь Мстислав «созвони вече на Ярославле дворе и поча звати новгородци къ Киеву на Всеволода на Чермьнаго».

2. В 1270 году «бысть мятежь в Новегороде: начата изгонит князя Ярослава из города, и съзвониша вече на Ярославли дворе».

3. В 1299 году по случаю хиротонии архиепископа Феоктиста «съзвонивши вече у святой Софьи, князь Борисъ Андреевич со всеми новгородци въведоша его с поклономъ»⁶.

---

* Печатается по изд.: Славянские страны и русская литература. М., 1973.

¹ Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 10.

² Полное собрание русских летописей, т. 11/12. М., 1965, с. 189.

³ Псковские летописи, т. 1. М.—Л., 1941, с. 94—95.

⁴ В. Т. Пашуто. Черты политического строя древней Руси. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 24—34.

⁵ Полное собрание русских летописей, т. 2. М., 1962, с. 242, 370.

⁶ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 88, 90, 251.

Очевидно, по этим сведениям нельзя сказать ничего определенного ни о времени возникновения обычая созывать вече колокольным звоном, хотя по археологическим данным колокола имелись на Руси с конца X века⁷, ни о смысле этого обычая.

М. Н. Тихомиров подметил интересный факт — в колокол ударяли на вечевых собраниях не только в Новгороде, но и на противоположном конце славянского мира, в далматинском порту Которе⁸; однако маститый историк воздержался от комментариев. Ранее этого С. Станоевич указал на существование такого обычая не только в Которе, где он известен с 1186 года, но и в другом далматинском порту, Дубровнике, о чем имеется документальное свидетельство 1190 года⁹; при этом югославский исследователь делает принципиальное разграничение между вечевой практикой этих портовых, в значительной степени романизованных, городов, и собственно славянскими обычаями: показательно в этой связи, что первое упоминание колокольного вечевого звона обнаружено в сербском документе от 15 июня 1253 года, в союзном договоре Дубровника с царем Михаилом Асеном против короля Уроша, причем в нем этот звон отмечается как ритуал Дубровника¹⁰.

Круг этих фактов можно существенно расширить — мы обнаружили в Библиотеке АН СССР в Ленинграде пергаменный латинский миссал XIII века, происходящий из Котора, как это явствует из многочисленных записей на полях и свободных от основного текста страницах¹¹, причем эти записи представляют собой текст грамот, и в них колокольный звон фигурирует в качестве реквизита начиная с 1124 года. Часть этих грамот опубликована по другим спискам; в процессе сличения рукописи с изданным материалом обнаружилось, что есть документальное подтверждение этого же обычая в общине острова Раб, у далматинского побережья Адриатического моря, причем в грамоте 1213 года реквизит сопровождается оговоркой о его традиционности¹².

Расшифровка этого ритуала не может быть осуществлена средствами славянской филологии или византистики — знаменитый канонист Феодор Вальсамон (умер в 1199 году) называет употребление колоколов чуждым грекам обычаем¹³. Это подтверждает новгородский архиепископ Антоний (Добрыня Ядрейкович), описывая увиденные им в 1200 году святыни Константинополя: «Колокола не держать во святей Софеи, но билцо мало в руке держа, клепють на заутрени, а в колокола Латыни звонять»¹⁴. Необходимые нам сравнительные данные находятся на противоположном берегу Адриатического моря — ведь по церковной субординации епископ Котора с 1069 года подчинялся архиепископу итальянского

⁷ В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). М., 1966.

⁸ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, с. 225.

⁹ С. Станоевич. Била, клепала и звона код нас. — «Глас Српско академије», т. 153, други разред, 77. Београд, 1933, с. 81—90.

¹⁰ Там же, с. 85.

¹¹ Рукопись F200, поступившая в составе библиотеки Петербургской римско-католической духовной академии — единственный в СССР кодекс беневентанского письма.

¹² Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, ed. T. Smičiklas, vol. 3. Zagreb, 1905, № 91. Ср.: И. Станишич. Колокол Чарноевича. — «Звезда», 1973, № 4, с. 36.

¹³ Patrologia graeca, ed. J.-P. Migne, t. 138, Paris, 1865, col. 1074—1075.

¹⁴ Православный палестинский сборник, т. 17, вып. 3. СПб., 1899, с. 18.

порта Бари¹⁵, где в 1087 году возник важный центр притяжения паломников — мощи св. Николая Мирликийского. Русская церковь, единственная во всей византийской сфере, наперекор Константинополю признала в 1091 году установленный по этому поводу латинский праздник 9 мая, день Николы вешнего¹⁶. Одним из мостов, соединявших романский мир с Балканами, был договор 1231 года между Дубровником и итальянским городом Фермо, и в его тексте сообщается, что заключение договора, происходившее в Фермо, сопровождалось традиционным звоном колокола¹⁷. С другой стороны, были соединительные звенья между Далмацией и Новгородом, наряду с безликими паломниками можно назвать новгородского князя Ярослава Владимировича, правившего до 1199 года и состоявшего в родстве с которскими князьями из рода великого жупана Неманьи через посредство венгерского бана Белуша, приходившегося Ярославу Владимировичу дедом¹⁸.

Какой же смысл вкладывался в вечевой колокольный звон? Западноевропейская средневековая практика показывает, что колокола представляли собой предмет особых забот в церемониальном оформлении наиболее ответственных событий. Уже само искусство литья колоколов было священной профессией (ср. «Песнь о колоколе» Шиллера), имелся церковный регламент крещения колоколов и наречения их личными именами, чего не наблюдается ни в каких других случаях. Как юридически полноправный член церкви и живое, мыслящее существо колокол наделен в народных поверьях функцией попечителя справедливости, наказывающего все злоупотребления. Колокол применялся при присягах, так как верили, что скрепленная колокольным звоном присяга нерушима и преступившего такую клятву ждет самая ужасная участь. Колокольная клятва применялась чаще и ценилась выше, чем клятва на Библии¹⁹. В некоторых городах существовало правило, запрещавшее судопроизводство без колокольного звона по всем уголовным делам, связанным с кровопролитием²⁰. «Ходить под колоколами», — говорили в России о так называемой очистительной, или васильевской, присяге, к которой приводился ответчик; если не было улик или средств оправдания, эта присяга проходила в церкви при колокольном звоне, публично²¹. Из

¹⁵ Lexikon für Theologie und Kirche, hg. von J. Höfer und K. Rahner, I. Bd. Freiburg i. Br., 1957, Sp. 1245.

¹⁶ M. Murjanoff. Zur Geschichte der Verehrung des hl. Nikolaus. — «Archiv für Liturgiewissenschaft», Bd. 10. Regensburg, 1967, S. 171—175.

¹⁷ Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, ed. T. Smičiklas, vol. 3. Zagreb, 1905, № 298.

¹⁸ М. Ф. Мурьянов. К культурным взаимосвязям Руси и Запада в XII в. — Ricerche slavistiche, t. 14. Roma, 1968, p. 29—41. — Во 2-й половине XII в. церемониальное назначение колокольного звона засвидетельствовано и в скандинавском регламенте проведения народных собраний: Norwegisches Recht. Das Rechtsbuch des Frostothings. Weimar, 1939, S. 15.

¹⁹ Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, hg. von H. Bächtold-Stäubli, 3. Bd. Berlin—Leipzig, 1930, Sp. 875; C. de Almeida. Character magico do toque dos campainhas. — «Revista de etnografia», t. 6. Porto, 1966, p. 339—370; R. Comandini. Impiego delle campane a fini sacri e profani in Val Rubicone. La religiosità popolare nella Valle Padana, Atti del II Convegno. Firenze, 1966, p. 141—178.

²⁰ P. Bova. Il suono delle campane nella storia e nella legge penale. — «Rivista di diritto ecclesiastico», Roma, 1934, p. 60—65; Deutsches Rechtswörterbuch, hg. von der Preußischen Akademie der Wissenschaften. 4. Bd. Weimar, 1942, Sp. 948; Novissimo digesto italiano, t. 2. Torino, 1964, p. 810—812.

²¹ Словарь русского языка, составленный II отделением Академии наук, т. 4, вып. 5. СПб., 1911, с. 1539.

совокупности этих фактов можно понять значение вечного колокольного звона как символа законности.

История языка подтверждает археологические данные, что связи с южными славянами были не единственным путем проникновения колоколов на Русь. Наряду с архаизированным выражением Типикона «клепать в кампан»²² (в церковном Уставе XV века — «камбан»²³) и украинским «дзвін», имеющим южное происхождение (ср. лат. «сампапа»²⁴, болг. «камбан», сербо-хорв. «звоно»), в русском языке утвердился колокол, первоначально «клакол», имеющий кельтскую этимологию (ср. ирл. «closs», нем. «Glocke», франц. «cloche», сканд. «klocka»), что обусловлено бенедиктинской миссией ирландской культуры на континент в VII веке²⁵. На Руси импорт колоколов вскоре дополнился, а затем и сменился собственным производством, первое летописное упоминание которого относится к 1259 году, когда князь галицкий Даниил Романович часть колоколов для своего города Холма привез из Киева, а «другия ту соль»²⁶.

Русское производство колоколов достигло высокого совершенства — главный колокол Иоркского собора весит 600 пудов, собора Парижской Богоматери — 800, собора св. Петра в Риме — 830, венского собора св. Стефана — 980, Кельнского собора — 1600, Троице-Сергиевой лавры — 4000, царь-колокол Московского Кремля — 12 400 пудов²⁷. Эстетический интерес к колокольному звону был характерен для всех слоев русского общества — известно, например, что Иван Грозный имел обыкновение подниматься на колокольную с царевичами и Малютой Скуратовым и благовестить к заутрене²⁸; это было нелегким трудом, звонари крупных колоколен быстро глохли, хотя при работе затыкали уши и раскрывали рты, как это делают при стрельбе из пушки. О степени совершенства русской колокольной музыки можно судить по отзыву ученого библиотекаря Петербургской придворной певческой капеллы: «Западноевропейский звон не удовлетворяет русского слуха потому, что не дает ровного постоянного звука, нарушаясь переборами и неправильностью, сбивчивостью движения звуковых волн»²⁹. Это относится к церковному употреблению колоколов; с упразднением новгородской

²² К. Т. Никольский. Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. СПб., 1907.

²³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1, СПб., 1893, с. 1184.

²⁴ *Mittellateinisches Wörterbuch, bis zum ausgehenden 13. Jahrhundert*. 2. Bd. Berlin, 1968, Sp. 124—126. — Слово сатрапа — от названия южноитальянской провинции Кампании, где впервые вошло в обычай церковное употребление колоколов. По позднему преданию, епископ Павлин Ноланский (410—431) однажды заслушался шелестом полевых колокольчиков и его осенила идея сделать по их подобию церковные колокола (*Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*, т. 3. Paris, 1914, col. 1962). В действительности колокола стали применяться несколько раньше, в IV веке, и первенство принадлежало Кампании благодаря ее отменного качества руде для выплавки бронзы (см.: G. Müller, *Th. Frings. Germania romana*, 2. Bd. Halle, 1968, S. 190—192).

²⁵ J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, 7. Lfg. Bern, 1953, S. 599—600.

²⁶ Полное собрание русских летописей, т. 2. М., 1962, с. 844.

²⁷ *Klokken en klokkengieters. Bijdragen tot de campanologie, door de Historische Commissie van de Nederlandse Klokkenspel-Vereeniging*. Culemborg, 1963. — Лучший материал для колоколов — колокольная бронза (78% меди, 22% олова), но для харьковского Успенского собора в 1889 году был отлит 18-пудовый колокол из серебра: Н. Оловягинишников. История колоколов и колоколотыльное искусство. М., 1912, с. 249.

²⁸ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. 9. СПб., 1834, с. 85.

²⁹ Богословская энциклопедия, т. 12. СПб., 1911, с. 351.

«вольности» вечевой ритуал звона отошел в прошлое, и единственным гражданским назначением колоколов был обязательный для сельских церквей метельный звон как ориентир для путников, заблудившихся в пургу, и пожарный набат. Указами 1769 и 1771 годов Синод распорядился, чтобы российские священнослужители в случае драк к набатным тревогам никого не допускали, для чего «наикрепчайшее иметь смотрение, чтобы у колоколен двери были крепкие и у оных замки твердые и надежные»³⁰. И все же абсолютизм не убил историческую память о высоком гражданском значении вечевого колокола — декабристам верховный орган власти будущего славянского государства мыслился как Народное вече, заседающее в Нижнем Новгороде, переименованном в Славянск³¹, а Герцен взял для своих органов вольной печати названия «Колокол» и «Общее вече», причем подзаголовок «Колокола» — VIVOS • VOCO — является началом обычной надписи на колоколах западноевропейских соборов: Vivos voco, mortuos plango, fulgura frango (я созываю живых, оплакиваю мертвых, ломаю молнии)³².

Тема колокольной музыки нашла единственное в своем роде отражение в русской литературе³³, в стихотворении И. И. Козлова «Вечерний звон» (1827), которое, по отзыву анонимного современника, «дышит тихою горестью слепца ясно-видящего»³⁴. Вот это замечательное произведение поэта с трагической судьбой, которого Гоголь назвал «частью необъятного Пушкина»³⁵:

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон,
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет,
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!³⁶

³⁰ С. В. Калашников. Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений святейшего правительствующего Синода. СПб., 1902, с. 135—136.

³¹ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. 1. М., 1955, с. 381—422; т. 2, с. 62—73.

³² A. Rohr. Glockeninschriften als Zeugnisse der Volksfrömmigkeit ihrer Zeit. — «Württembergisches Jahrbuch für Volkskunde», Stuttgart, 1965.

³³ Об этой теме в зарубежных литературах см.: E. Schick. Die Glocken in der Dichtung. Reformierte Schweiz, Bd. 4. Zürich, 1947, S. 258—263.

³⁴ «Телескоп», 1831, № 8, с. 567—570.

³⁵ Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч. М.—Л., т. 8, 1952, с. 155.

³⁶ И. И. Козлов. Полное собрание стихотворений. Л., 1960, с. 125.

Пятнадцать русских композиторов, начиная с Алябьева, положили этот текст на музыку³⁷, к ним присоединился Станислав Монюшко³⁸, но долговечной оказалась народная мелодия — только ее и знают сейчас как песню, звучащую в исполнении Государственного академического русского хора СССР под управлением А. В. Свешникова³⁹, так ее поют и на Украине. Известно, что текст Козлова является переводом стихотворения национального поэта Ирландии Томаса Мура «The evening bells» (1818)⁴⁰, давно забытого на родине Мура⁴¹; возникшая в 1885 году версия о древнегрузинском источнике стихотворения Козлова, находившая поддержку долгое время⁴², должна быть оставлена после выступления К. С. Кекелидзе, категорически отвергшего саму возможность существования якобы утраченного стихотворения Георгия Мтацмидели, к которому пытались возводить «Вечерний звон»⁴³.

Поскольку отклик К. С. Кекелидзе не аргументирован и М. П. Алексеев проявил предельную осторожность в конечном выводе: «...приходится признать — в ожидании дальнейших находок и разъяснений, — что “Вечерний звон” Козлова является вольным переводом стихотворения Т. Мура»⁴⁴, позволим себе обосновать наше убеждение, что дальнейших находок не будет и А. Калиновский, увидевший в стихотворении Козлова «буквальный» перевод церковной песни Георгия Мтацмидели⁴⁵, ошибся.

Лиризм «Вечернего звона» находится на своем месте только в литературе нового времени, средневекового монастырского духа в нем нет. Из-под пера ученого афонского игумена, заботливого воспитателя монастырской молодежи, не могло выйти произведение, вся «церковность» которого заключается в доносящихся извне звуках колокола, к тому же чуждых для обитателей Афона, где, по достоверным археологическим данным, относящимся к годам жизни Георгия, использовался не колокол, а византийское било⁴⁶. Если монаху не подобает пре-

³⁷ Г. К. Иванов. Русская поэзия в отечественной музыке, вып. 1. М., 1966, с. 142. Б. С. Штейнпресс. Алябьев в изгнании. М., 1959, с. 43.

³⁸ Słownik muzyków polskich, t. 2. Kraków, 1967, p. 54. (Wieczorny dzwon, 1852, перевод текста — С. А. Ляхович).

³⁹ «Вечерний звон» имел ни с чем не сравнимую популярность в Великую Отечественную войну среди фронтовиков.

⁴⁰ М. П. Алексеев. Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты. — В кн.: Международные связи русской литературы. М.—Л., 1963, с. 272—278.

⁴¹ Единственная поющая сегодня песня Мура — «Row, brothers, row»: Ch. Cudworth. Thomas Moore. — In: Die Musik in Geschichte und Gegenwart, Bd. 9. Kassel—Basel—London—New York, 1961, Sp. 547—549.

⁴² М. П. Алексеев. Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты, с. 276—278.

⁴³ К. С. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. 1. Тбилиси, 1960, с. 234 (на грузинском языке). — За консультацию по этому вопросу выражаем благодарность заведующей Кавказским кабинетом Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР Р. Р. Орбели.

⁴⁴ М. П. Алексеев. Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты, с. 278.

⁴⁵ Там же, с. 276.

⁴⁶ G. Millet, J. Pargoire. Recueil des inscriptions chrétiennes de l'Athos. Paris, 1904, № 333. — Это не исключает существования колоколов на родине Георгия — грузинская церковь, отстаивая свой суверенитет, оспаривавшийся константинопольским и антиохийским патриархами, играла на противоречиях между Константинополем и Римом, именно поэтому в «Житии и деяниях Георгия Мтацмидели» (XI век) утверждается, что только в Грузии и в римской церкви никогда не попиралось учение Христа.

даваться горестным воспоминаниям о «веселых, молодых» сверстниках юности, то витание его дум в «краю родном, где я любил», было бы чудовищно. Человеческое не чуждо и средневековым аскетам, но высокое положение Георгия Мтацмидели, с мнениями которого по церковным вопросам очень считались и грузинский царь, и византийский император⁴⁷, обязывало его такие чувства скрывать — «церковная» песня, буквально соответствующая «Вечернему звону», вне всяких сомнений, была бы его последним литературным произведением.

Своеобразным реквиемом колокольной культуре старой России стала рахманиновская поэма для хора, солистов и оркестра «Колокола» (ор. 35, 1913 год) — одна из самых совершенных партитур Рахманинова, созданная на текст Бальмонта⁴⁸, опубликованный в 1900 году как вольное переложение поэмы Эдгара По («The Bells», 1849). Через все четыре части рахманиновского произведения проходит эмоционально инструментованное звучание колоколов — серебряный звон (юность), золотой звон (любовь), медный звон (пожарный набат), железный звон (похороны):

Он для правых и неправых
Грозно вторит об одном:
Что на сердце будет камень,
Что глаза сомкнутся сном.

Подведем итог. Славянская традиция колокольного звона уходит в глубь веков, еще до крещения Польши и Руси араб ал-Масуди записал в своем сочинении «Промывальни золота и рудники самоцветов с подарками благородным царям и людям знания» (середина X века): «Славяне разделяются на многие народы; некоторые из них суть христиане... Они имеют многие города, а также церкви, где навешивают колокола, в которые ударяют молотком, подобно тому как у нас христиане ударяют деревянной колотушкой по доске»⁴⁹.

Непризнание колоколов византийской церковью не стало препятствием для развития колокольной культуры в славянских странах, колокольная музыка стала украшением литургии и государственных церемониалов. Величавая красота и мощь звучания колокола сделали звон символом освящения событий, скрепляющим юридический акт подобно подписи и печати. Столь значительные общественные функции колокольного звона выдвинули его в ряд образных средств славянских литератур.

⁴⁷ Дж. Анциаури. Георгий Мцире. «Житие и деяния Георгия Мтацмидели» (историко-филологический анализ). Автореферат кандидатской диссертации. Тбилисский университет, 1968.

⁴⁸ К. Д. Бальмонт. Стихотворения. Л., 1969, с. 506—508.

⁴⁹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 125.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Том II

Киевская и Московская Русь

Издатель А. Кошелев

Корректор Л. Бондарева
Оригинал-макет выполнил Г. Покатович

Подписано в печать 1.03.2002. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Школьная.
Уч. изд. л. 76,11. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: Lrc @comtv.ru

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография “Наука”».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).